

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ**

**Настоящее и будущее России в меняющемся Мире:
общественно-географический анализ и прогноз**

Материалы
международной научной конференции
(XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО)

Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.

Ижевск
2021

UDC 911.3(470+571)(063)
LBC 65.049(2Рос)у431
N 342

The paper is printed on recommendation of the conference organizing committee with financial support from the Udmurt State University.

Editor-in-chief:

Druzhinin A.G., Doc. of Geogr., prof.
Sidorov V.P., Cand. of Geogr., Ass. Prof.

Редакционная коллегия:

Druzhinin A.G., Doc. of Geogr., prof.;
Sidorov V.P., Cand. of Geogr., Ass. Prof.;
Kibardin M.M., Cand. of Geogr., Ass. Prof.;
Kudryavtsev A.F., Cand. of Geogr., Ass. Prof.;
Kashin A.A., Cand. of Geogr., Ass. Prof.;
Rublyova E.A., Cand. of Geogr., Ass. Prof.;
Lobygin A.N., Cand. of Ped., Ass. Prof.;
Grigoriev I.I., Cand. of Geogr., Ass. Prof.

N 342 **The present and future of Russia in a changing world: socio-geographical analysis and forecast** / edited by A.G. Druzhinin and V.P. Sidorov. Proceedings of the international scientific conference (Izhevsk, September 13–18, 2021). Izhevsk: Publishing Center "Udmurt University", 2021. – 937 p.

ISBN

The collection includes abstracts of the international scientific conference "**The Present and Future of Russia in a Changing World: Socio-Geographical Analysis and Forecast**", held in Izhevsk on September 13–18, 2021 within the framework of the XII Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Social Geographers (ARSG).

ISBN

UDC 911.3(470+571)(063)
LBC 65.049(2Рос)я431
N342

© Authors, 2021
© Udmurt State University, 2021
© Association of Russian Social Geographers (ARSG), 2021

УДК 911.3(470+571)(063)
ББК 65.049(2Рос)я431
Н 342

Печатается по рекомендации оргкомитета конференции при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Ответственные редакторы:

Дружинин А. Г., д.г.н., проф.
Сидоров В.П., к.г.н., доц.

Редакционная коллегия:

Дружинин А. Г., д.г.н., профессор; Сидоров В.П., к.г.н., доцент,
Кибардин М.М., к.г.н., доцент, Кудрявцев А.Ф., к.г.н., доцент,
Кашин А.А., к.г.н., доцент, Рублева Е.А., к.г.н., доцент,
Лобыгин А.Н., к.п.н., доцент, Григорьев И.И., к.г.н., доцент

Н 342 **Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз** / под общей ред. А. Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. – 937 с.

ISBN

В сборник включены тезисы докладов международной научной конференции «**Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз**», состоявшейся в г. Ижевск 13-18 сентября 2021 г. в рамках XII Ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО).

ISBN

УДК 911.3(470+571)(063)
ББК 65.049(2Рос)я431
Н342

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2021
© Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО), 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Колосов В.А. ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ.....	15
Чистобаев А.И. ЕВРАЗИЙСТВО И НЕОЕВРАЗИЙСТВО В ГЕОПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	23
Шупер В.А. ЗАДАЧИ ГЕОГРАФОВ В СВЕТЕ ТЕКТОНИЧЕСКИХ СДВИГОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	29
Кузнецов А.В. ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИИ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВОРОТА ЭКСПОРТА НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ.....	33
Дружинин А.Г. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРАЗИИ И МОРСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	38
Водичев Е.Г. ДИХОТОМИЯ АМБИЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ: РОССИИ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА.....	44
Ибрагимов А.И.О., Чальшкан В. ТУРЦИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ПОЛИТИКА РЕАЛЬНОСТЕЙ ИЛИ ИМПЕРСКИЙ ИНТЕРЕС?	49
Стрыякевич Т. ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК В ПОЛЬШЕ.....	51
Бабурин В.Л. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – ИННОВАЦИОННЫЙ СЛЕД.....	57
Кузнецова О.В. ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	69
Безруков Л.А., Размахнина Ю.С. ДИНАМИКА «РУССКИХ» И «НЕРУССКИХ» РАЙОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ.....	74
Сафиуллин Р.Г. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИИ ЗА 1990-2020 ГОДЫ: ИТОГИ, ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ.....	79
Цезары Мадры. КАК БЫЛА СОХРАНЕНА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПОЛЬШЕ?.....	86
Каледин Н.В. КОНФЛИКТОГЕННЫЕ РЕГИОНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ.....	94
Бурла М.П. ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕГОСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ВНЕШНИХ РЕСТРИКЦИЙ.....	100

Катровский А.П. РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ЧАСТЬ МЕЖСТОЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	105
Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. КРУПНЫЕ И КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ УРАЛА.....	111
Федоров Г.М. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКСКЛАВНОСТИ.....	116
Кудрявцев А.Ф. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: НАУКА ИЛИ ИСКУССТВО.....	122
Зырянов А.И., Зырянова И.С. ОЦЕНКА ГОРОДОВ И СЕЛ ПО СОЗДАНИЮ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СРЕДЫ.....	130
Калуцков В.Н., Морозова М.М. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ В XX-XXI ВЕКАХ.....	135
Зангеева Н.Р., Багомункуев В.С., Гомбоев Б.О., Аюшеева В.Г. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ.....	140
Заборцева Т.И. ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ С ПОЗИЦИЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	146
Ридевский Г.В. СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ КОНТИНУУМЫ БЕЛАРУСИ КАК ОБЪЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	150
Сидоров В.П. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПОТОКОВ В РАЙОНАХ МАССОВОЙ ЗАСТРОЙКИ.....	156
Дириш Д.А. РОЛЬ ТУРИЗМА В ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ.....	161
Михайлов А.С., Хвалей Д.В., Максименко Д.Д. МЕСТО КРУПНОГО БИЗНЕСА В ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	166

Секция 1. «Геополитические и геоэкономические изменения в мире и их воздействие на пространственные структуры, процессы, отношения: универсальные тенденции и российская специфика»

Васильев А.П. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ КАНТОНОВ ФРАНЦИИ.....	174
Райко Гнято, Тяня Мишлицки-Томич. СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН С ОСОБЫМ УПОРОМ НА ВЛИЯНИЕ НЕООСМАНИЗМА.....	179
Гуров С.А. СТРАНЫ-ЭКСТРАВЕРТЫ И СТРАНЫ-ИНТРОВЕРТЫ.....	196
Демидова Е.Е., Козополянская М.В. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ).....	200
Елманова Д.С. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ	

ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ИТАЛИИ.....	206
Заяц Д.В. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНСТИТУАЛИЗИРОВАННЫХ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ.....	212
Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. МЕСТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В ЛИТВЕ.....	217
Медар-Таньга И., Делич Д., Гарич Б. НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФУНКЦИИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРАХ РЕСПУБЛИК БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ.....	224
Михеева Н.М., Диденко Д.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ПОГРАНИЧНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОГО ИНДЕКСА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ УКРАИНЫ.....	236
Нагиев С.К. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ.....	242
Потоцкая Т.И. МОРСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАСПИЯ).....	250
Аль-Инизи Мохаммед Садек Каттуф, Рублева Е.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ДЗЗ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ИРАКА КАК ЗНАЧИМОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	257
Терешук О.А. ГЕОГРАФИЯ КАТОЛИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	264
Федорюк В.Н. ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	270

Секция 2. «Пространственная социально-экономическая динамика и приоритеты развития общественной географии. Прогнозирование в общественной географии: подходы, методы, возможности»

Андреев М.В., Галустов К.А. К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА.....	278
Асадуллина Н.Р., Павлов К.В. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	282
Ачкасова Т.А. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЕЕМКИХ ОТРАСЛЕЙ УСЛУГ В СТРАНАХ И РЕГИОНАХ МИРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	288
Бабкин Р.А. ИЗУЧЕНИЕ ПУЛЬСАЦИЙ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДАННЫМ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ.....	293

Бадина С.В. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УЩЕРБОВ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА ОТ ТАЯНИЯ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	298
Волкова И.Н., Крылов П.М. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И РАЗНООБРАЗИЯ ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН).....	304
Гайсин И.Т., Кубышкина Е.Н., Гайсин Р.И. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА ПРЕДВОЛЖСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	309
Григорьев И.И. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (БПЛА) В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	314
Закиров И.В. ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАК ОТРАСЛЕВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ (ОБЩЕСТВЕННОЕ) ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.....	322
Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В США, ФРГ И РОССИИ.....	327
Колдобская Н.А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕНОСА СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ.....	332
Лазивили Г.М. МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЭФИОПИЯ.....	339
Лобьгин А.Н. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ.....	344
Любичанковский А.В. МОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И. КАНТА КАК НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ МЕНТАЛЬНОСТИ.....	348
Мальганова И.Г. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	353
Перовошиков А.А. ИСТОКИ РЕК УДМУРТИИ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	361
Самигулина Г.С. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ.....	366
Столбов В.А. ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ МЕТАГЕОГРАФИИ.....	371
Субботина Т.В. СУЩНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	377

Усов И.М. МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ-УЧАСТНИКОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КЛУБА.....	382
Харыбина А.С., Юмашева А.К. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА.....	385
Шаймарданова В.В. ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АРЕАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ АГЛОМЕРАЦИИ.....	390
Яськова Т.И. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....	394

Секция 3. «Общественно-географические последствия глобальных социокультурных и технологических инноваций. Устойчивость и изменчивость территориальной организации общества: аналитика и прогнозирование в интересах регионального социально-экономического развития»

Агафощин М.М., Горохов С.А., Захаров И.А. ШВЕЦИЯ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МИГРАЦИИ.....	399
Батракова М.Я., Меркушев С.А., Попов А.В. К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ.....	404
Богатуров Д.С. МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНТАКТНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ: НА ПРИМЕРЕ РАССЕЛЕНИЯ РУССКОГО И АДЫГЕЙСКОГО НАРОДОВ.....	411
Герасимович С.А. ТИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛЕКСОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	415
Гладнев Н.С. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЕТИ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРУПНОГО ГОРОДА.....	420
Грушенко Э.Б. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОГО СЕВЕРА.....	425
Девятов А.Н. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ.....	430
Дмитриев Р.В. О СВЯЗИ МЕЖДУ ПАРАМЕТРОМ К И ДОЛЕЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ.....	435
Житин Д.В. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	440

Кашин А.А. ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМПУСА «ФЕРТИКИ» УДМУРТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА.....	450
Копанева И.М., Копанев Н.И. НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ МАССОВОГО ПЕРЕВОДА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЗЕМЛИ ПОСЕЛЕНИЙ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА.....	456
Осоргин К.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ).....	463
Пермяков М.А., Романова Е.П. ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ В РАЗНЫХ ТИПАХ ЛАНДШАФТОВ.....	467
Федоров В.Н. ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	473
Хуснутдинова С.Р. ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ).....	480
Чугунова Н.В., Кухарук Н.С., Морковская Д.Н. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА.....	485
Яковлев С.В. ВЛИЯНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СООРУЖЕНИЙ ВОЛГО-ДОНСКОГО ВОДНОГО ПУТИ НА ДИНАМИКУ РЫБНЫХ РЕСУРСОВ РЕКИ ДОН.....	491

Секция 4. «Геодемографические процессы и их влияние на социально-экономическое развитие России, её регионов и сопредельных стран»

Балина Т.А., Чекменева Л.Ю., Цзян Д. ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ.....	497
Булатова Г.Н., Биктимиров Н.М. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА МИГРАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	503
Борисенко М.А., Быков Н.И. ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ).....	509
Габдрахманов Н.К. ОЦЕНКА ВКЛАДА ВУЗОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ.....	515
Гусаков Т.Ю. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА.....	520

Жук С.И. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА.....	525
Кукушкина Н.А., Фесенко В.В. АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАК УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	531
Куница М.Н. ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ.....	538
Лекомцев А.Л., Литвинов А.А. СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ, ФОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ).....	545
Лялина А.В. МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ГРАДИЕНТЫ.....	550
Маляренко А.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.....	558
Мустафин М.Р. ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН.....	564
Подосян А.А. К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЧИСЛЕННОСТИ, РАЗМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ И РАВНОМЕРНОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ.....	568
Полякова Т.А., Митряйкина А.М., Романов И.В. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	573
Преображенский Ю.В. МЕЖГОРОДСКОЙ ИНТЕРВАЛ В РАССЕЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА НЕКОТОРЫХ РЕКАХ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.....	576
Пудовик Е.М. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ США.....	581
Сафиуллин М.Р. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ДИАГНОСТИКА ИЗМЕНЕНИЙ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ БАШКИРИИ.....	587
Сафонова И.В., Яковенко Н.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	592
Ситников П.Ю. АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ.....	604
Удовенко В.С. ГРУППЫ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ.....	610
Чернышев К.А. МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И УДМУРТИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД.....	615
Уставщикова С.В. МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ САРАТОВА.....	619

Швец А.Б., Сикач К.Ю. ДИНАМИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА: ОПЫТ РАЙОНИРОВАНИЯ.....	624
--	-----

Секция 5. «Пространственные метаморфозы российской экономики: сопряжённость новых и унаследованных структур, специализаций, факторов и особенностей локализации»

Акимова В.В. ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ В РОССИИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	631
Бочарников В.Н. «ЗЕЛЕНый ФАКТОР» В ПРИМОРСКОМ КРАЕ, ТИГР, ИНВЕСТИЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА.....	637
Вольхин Д.А. МОРЕХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА.....	645
Гонтарь Н.В. «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ.....	650
Горочная В.В. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ КОМПЛЕКСООБРАЗОВАНИЯ И КЛАСТЕРИЗАЦИИ ПРИМОРСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.....	656
Гуменюк И.С., Гуменюк Л.Г. ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	661
Даньшин А.И. ОЦЕНКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.....	666
Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ ПЕРСПЕКТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ.....	670
Еремеева Н.В. ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКИХ ПОРТОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УЗЛОВ.....	674
Керимов Р. Н. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА В РОССИЮ.....	679
Комов И.В., Диденко О.В., Тен Р.В. ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ЗАДАЧА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	687
Корчагина Ю.С. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ.....	698
Куричев Н.К. ДИФФЕРЕНЦИАЛ ЭФФЕКТИВНЫХ ДОХОДОВ И МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДОВ РОССИИ.....	707
Лавров Н.А. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАНОИНДУСТРИИ И ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЕЕ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ.....	712

Макар С.В. ПОДХОДЫ К РЕОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ: КЛАСТЕРНЫЙ АКЦЕНТ.....	719
Мартынов И.С. РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ В ХОДЕ ВЫБОРОВ МЭРА ГОРОДА МОСКВЫ (1995-2018).....	722
Михайлова А.А. О ФАКТОРАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	731
Мошков А.В. МОРЕХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ.....	737
Панасюк М.В. АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНА.....	743
Панкратов А.А. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ.....	749
Пилипенко И.В. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО БАНКА РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 1990-2010 ГОДАХ.....	754
Рябов В.А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ.....	759
Сазонова Н.В., Сазонова О.А., Марциневская Л.В. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	765
Сухинин С.А. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ ПО УРОВНЮ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	772
Филобок А.А., Сидорова Д.В. РЕЙТИНГ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА КАК ИНДИКАТОР ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ).....	777
Чаплыгина О.А., Чаплыгина Т.А. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ.....	782

Секция 6. «Актуальные тенденции и долгосрочные перспективы в развитии туризма»

Адашова Т.А., Крейденко Т.Ф. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ.....	788
Акимов О.С., Волкова А.К., Дунец А.Н. МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА БОЛЬШАЯ БЕЛОКУРИХА.....	792

Байраков И.А. ТУРИСТКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРНЫХ ОЗЕР ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	798
Баутиста Х, Джу А.В. АНАЛИЗ БЛОКЧЕЙНА И КРИПТОВАЛЮТ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	804
Брель О.А., Кайзер Ф.Ю. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРИСТСКОГО СЕВЕРА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАРИИНСКО-ТЯЖИНСКОГО ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО РАЙОНА).....	812
Валеева Г.В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	817
Деточенко Л.В. АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА РОССИЯН В 2020 г.....	822
Евдокимов М.Ю., Евдокимова Е.В. РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕГИОНАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	827
Забураева Х.Ш. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОГО РЫНКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	831
Зиновьева А.А. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СФЕРУ ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	836
Ивлиева О.В. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА НА ДОНУ.....	841
Каледин В.Н. РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА МЕЖДУ РОССИЕЙ, РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И КНДР.....	846
Коньшев Е.В. МАРШРУТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	852
Логвина Е.В. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ - ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ТУРИЗМА В КРЫМУ.....	857
Макарцева Л.В. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ В ТУРИЗМЕ.....	862
Максимов Д.В. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КРАСНОДАРА В ПЕТЕРБУРГ (ЧЕРЕЗ МИНСК): ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ.....	866
Миненкова В.В. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.....	871
Мышлявцева С.Э. ТУРИСТСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ.....	877
Рубцов В.А., Рожко М.В. ТУРИСТСКИЙ БАНК ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА.....	883
Руденко А.В., Хамзина Д.А. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ.....	888
Рысаева М.А., Рысаева И.А. ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ.....	894
Толстых О.Н. РЕКРЕАЦИОННАЯ СИСТЕМА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ТУРИСТСКАЯ ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ КАНАДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НУНАВУТ).....	899

Цулая И.В. ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ.....	909
Шабалина С.А. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ КОМПРОМИССНЫХ РЕШЕНИЙ.....	916
Щучкина Т.Ф., Коновалова А.В. ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ.....	924
Яковенко И.М., Страчкова Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	930

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 911.3

В.А.Колосов
V. A. Kolosov

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

FRAGMENTATION OF SPACE AND POLITICAL GEOGRAPHY AFTER THE PANDEMIC

Кратко рассмотрены геополитические и политико-географические последствия пандемии коронавируса COVID-19. Обоснованы основные направления политико-географического изучения пандемии.

The geopolitical and political-geographical consequences of the COVID-19 coronavirus pandemic are briefly reviewed. The main directions of the political-geographical study of the pandemic have been substantiated.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, политическая география последствия, географические исследования

Key words: pandemic, COVID-19, political geography, impact, geographical studies

Пандемия COVID-19 вызвала глубокий кризис отношений как между природой и обществом, так и многих общественных систем, которые претерпевают процесс реструктуризации. Ее основные направления были заложены до пандемии, но ход этого процесса был резко ускорен распространением инфекции и ее последствиями. Толчок перестройке международного геополитического порядка и мирохозяйственным сдвигам, усиленный пандемией, дала утеря коллективным Западом многовекового господства и кардинальное изменение соотношения сил в мире.

Природные и социально-экономические особенности территории играют определяющую роль в распространении пандемии. К ним относятся закономерная диффузия заболеваемости в соответствии с иерархией населенных мест и их вовлеченностью в международные и общегосударственные взаимодействия, стадийность эпидемических процессов. Их анализ и зонирование территории необходимы для правильного маневрирования

ресурсами в борьбе с пандемией и адаптации системы здравоохранения к эпидемическим рискам с учетом региональной специфики. Необходимость скорейшего восстановления экономики после кризиса, вызванного борьбой с инфекцией, требуют учета уникального географического и культурного разнообразия России при разработке прогнозов развития ситуации в разных регионах и обосновании политических решений.

Цель настоящей работы – кратко охарактеризовать политико-географические последствия пандемии коронавирусной инфекции и сформулировать направления их изучения.

Пандемия привела к крупнейшим геополитическим потрясениям, которые будет иметь долгосрочные последствия. Во-первых, государство вернуло и укрепило свою роль как главного актора мировой политики. Тем самым была, как минимум, частично опровергнута концепция ослабления государства в результате процессов глобализации и укрепления таких мощных акторов, как транснациональные корпорации, интеграционные объединения над- и субнационального уровня, трансграничные негосударственные организации и общественные движения. Известный американский географ Джон Эгню призывал не ограничиваться исследованием пространственных политических систем только в границах государства. В мировой политической географии получила широкое распространение выражение «территориальная ловушка» (*territorial trap*) (Agnew 1994, 2015; Wang, Zou and Liu, 2020). Действительно, крупные транснациональные корпорации превосходят по финансовой мощи и влиянию на мировые процессы едва ли не большинство отдельно взятых государств. Однако практически только государствам пришлось реально бороться с распространением инфекции. Именно государства взяли на себя тяжелую ношу социальной защиты наиболее уязвимых групп населения и субсидии экономике, пострадавшей от локдаунов.

Во-вторых, многие эксперты заговорили о деглобализации. Одновременно возник дискурс о распаде либерального экономического порядка, связанного с дерегулированием различных сфер деятельности, свободным перемещением людей, товаров и капиталов, дальнейшим усилением транснациональных компаний, расширением интеграционных процессов. С новой силой вспыхнула борьба за репатриацию

иностранных инвестиций и производств (Колосов, Себенцов, Туров, 2021).

Действительно, еще до пандемии исследователями были отмечены попытки ведущих государств отгородиться от негативных и непредвиденных последствий глобализации, в том числе путем возведения тысячекилометровых физических барьеров вдоль границ и жестких ограничений международных миграций, усиления протекционизма, установления новых таможенных барьеров и квот. Участились грубые нарушения принципов ВТО, санкции и контрсанкции, ограничения инвестиций в определенные отрасли, прочие проявления «экономического патриотизма». Происходящие изменения отразились также во фрагментации мирового политического пространства – оборотной стороны интеграционных процессов: многие регионы мира стали ареной религиозного фундаментализма, сепаратистских, националистических движений, культурного изоляционизма. На политической карте появились новые территории, не контролируемые легитимными правительствами.

Международные организации разного уровня оказались неспособны принимать срочные меры. Деятельность международных организаций не соответствовала острой потребности в координации предпринимаемых усилий, их глобальном охвате и солидарности – оказании помощи странам и регионам, находящимся в наиболее сложном положении. Пандемия ясно высветила возвращение в международных отношениях принципов, казалось бы, ушедшей в прошлое основ *Realpolitik* – острой конкуренции, никак не смягченной надгосударственными политико-правовыми институтами, национального эгоизма, господства сильнейших, навязывающих свои интересы более слабым партнерам, все шире используя «мягкую силу». Международная гуманитарная помощь в виде услуг квалифицированных специалистов, поставок вакцины, оборудования, лекарственных средств стала новым мощным источником геополитического влияния, в том числе Китая и России. Первенство в создании вакцин и опережение других стран в ходе вакцинации превратилось в повод для национальной гордости и демонстрации преимуществ перед политическими оппонентами.

Так, в Сербии намного улучшился образ Китая, хотя и традиционно дружественная Россия помогала Белграду в наиболее трудные моменты. В то же время заметно пострадал авторитет США

- самой мощной в военно-политическом и экономическом отношении страны, в которой система здравоохранения не справилась с нагрузкой (Šantić and Antić, 2020). Привычная геополитическая картина мира с разделением стран на развитые и развивающиеся, богатые и бедные, авторитарные и демократические, восточные и западные, сильно пошатнулась (Ливен, 2020). Авторитарные государства противостояли пандемии нередко лучше, чем демократические, а относительно бедные – лучше, чем более богатые. В демократических странах с постиндустриальной экономикой и ориентированной на рыночные принципы системой здравоохранения обнаружился дефицит коек, аппаратов искусственной вентиляции легких, защитных костюмов и даже масок. При этом в авторитарных странах с дисциплинированным и послушным населением – в первую очередь, в Китае - удалось принять быстрые и эффективные меры по сдерживанию инфекции.

Однако окончательного вывода о преимуществах демократических или авторитарных режимов в борьбе с пандемией сделать не удалось, так как оказалось, что большое значение имеют территориально дифференцированные культурные факторы – такие как образ жизни, формы досуга, культура повседневности и управления, доверие институтам власти. Например, в Швейцарии на эпидемической карте обнаруживается совершенно разное течение пандемии в немецких, французских и итальянских кантонах, хотя речь идет об одной стране, которая самоизолировалась по внешним границам (Баунов, 2020).

Беспрецедентные карантинные меры, которые были вынуждены ввести многие страны, в том числе связанные с использованием искусственного интеллекта и других современных методов контроля за поведением и передвижением людей, вызвали массовые опасения, что государства будут использовать эти методы и по окончании пандемии для слежки за гражданами, что усилит авторитарные тенденции в политической жизни, как это произошло в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Известный итальянский философ Джорджо Агамбен, автор концепции «биополитики», писал, что поскольку враг (вирус) внутри нас, то борьба с ним неизбежно стимулирует рост авторитарных тенденций в политической жизни. Их признаком стало принятие жестких мер без формального введения чрезвычайного положения, требующего одобрения представительной властью. Характерно, что жители

демократических и авторитарных государств оказались в равной мере готовы ограничить личные свободы во имя безопасности (Ливен, 2020).

В-третьих, пандемия вызвала во многих странах и регионах *внутриполитические потрясения*, изменила характер отношений между центральными правительствами и региональными властями, центром и периферией. Вне зависимости от характера режима в одних случаях пандемия привела к укреплению популярности общенациональных политических лидеров и руководителей региональных органов власти, в других, наоборот, обрушила их рейтинги. Неравномерный ход пандемии вызвал необходимость учета его региональных и местных особенностей и децентрализации политических решений, а следовательно, повысил значимость региональных и местных властей, которые могли смикшировать распространение инфекции, опираясь на помощь волонтеров и общественных организаций. Децентрализация решений по борьбе с пандемией обеспечила гибкость реагирования на быстро меняющуюся эпидемическую обстановку, позволила не вводить автоматически ограничений там, где в них не было острой необходимости, и уменьшить их экономические последствия. Однако возникали остро конфликтные ситуации, когда региональные и местные власти не соглашались с центральным правительством, – например, во Франции и Испании.

Наиболее очевидное геополитическое следствие пандемии – дальнейшая фрагментация политического и социально-экономического пространства, инструментом которой стали не только государственные, но и внутренние административные границы, многие из которых превратились в почти непреодолимые для людей, а иногда и товарных потоков барьеры. Ограничение территориальной мобильности населения на всех уровнях рассматривается как главный способ снизить распространение инфекции и сократить нагрузку на систему здравоохранения. Парадоксальным образом оказалось, что в двадцать пятую годовщину Шенгенского соглашения об отмене внутренних границ почти все передвижения в пределах зоны действия были запрещены. Тенденция к возведению преград для передвижения физических лиц, наметившаяся несколькими годами ранее для ограничения захлестнувших страны ЕС миграционных потоков, достигла своего апогея (Филиппов, 2020). Закрытие границ происходило в обстановке крайней тревоги и спешке, асинхронно и асимметрично,

не было согласовано даже между странами ЕС. В результате возникали ситуации, когда граница между соседними странами была закрыта для граждан одной из них и оставалась открытой для другой. Они повторились во время начала «второй волны» пандемии осенью 2020 г. По мере спада заболеваемости на территории стран ЕС образовывались так называемые пузыри – территории нескольких стран с более благоприятной эпидемической обстановкой, которые открыли границы между собой – например, границы Финляндии были открыты для граждан Норвегии, трех стран Балтии, а также Дании и Исландии (Wieckowski, 2021).

Закрывание границ затронуло мобильность и повседневные интересы более чем 90% населения мира (Gössling et al., 2020). Большой проблемой стало возвращение миллионов трудовых мигрантов, потерявших работу, и туристов в страны постоянного проживания. Так, вспышка пандемии застала за рубежом более 600 тыс. граждан ЕС. Заблокированные в принимающих странах мигранты стали одной из самых социально уязвимых групп во время пандемии.

Актуализация “Realpolitik” и обострение конкурентной борьбы между государствами вызвали усиление противостояния между Россией и Китаем, с одной стороны, и коллективным Западом – с другой. Попытки сдержать пандемию с помощью установления и закрытия границ усилили негативный образ соседей, породили поиск «козлов отпущения», виновных в гипотетическом создании вируса COVID-19 (многократные высказывания президента Трампа в адрес Китая) или распространении инфекции («безответственные» соседи, не принявшие своевременных мер) (Kam Wing Chan et al., 2020). В результате пандемия способствовала дальнейшему делению мира на «своих» и «чужих». Эта тенденция ярко проявилась в непризнанных (частично признанных) государствах на постсоветском пространстве – Абхазии, ДНР и ЛНР, Нагорном Карабахе, Приднестровье и Южной Осетии. Их руководство никогда по своей инициативе не закрывало границы с государствами-«патронами» (Россией и Арменией) и, наоборот, воспользовались пандемией, чтобы надолго заблокировать рубежи с «материнскими» государствами (Грузией, Азербайджаном, Украиной), что вызвало сильное недовольство определенных групп населения (Golunov, 2021; Kolosov and Zotova, 2021).

На внутригосударственном уровне во многих странах появились «красные», «оранжевые», «желтые», «зеленые» районы с

разным уровнем заболеваемости и степенью барьерности границ. Многие города и целые области были почти наглухо изолированы от окружающего мира.

Необходимость изучения *режима и функций внутригосударственных границ в новых условиях* определяется тем, что появление многих, если не почти всех из них, далеко не случайно, и их анализ дает новое представление о делении пространства и его возможной дальнейшей фрагментации и реструктуризации. Контроль за передвижением и шлагбаумы внезапно опять появились там, где пропускные пункты уже давно были заколочены. Невидимые границы регионов с разным уровнем заболеваемости разделили территории с различным уровнем урбанизации, разной возрастной структурой и доходами и соответственно подвижностью населения, наконец, разными культурными особенностями и образом жизни. Эти границы совсем не обязательно совпадают с административными, но часто выявляют разного рода исторические рубежи (реликтовые или фантомные).

Один из примеров таких рубежей на макроуровне (межгосударственном) - между Западной Европой и Центральной (бывшими социалистическими странами). В более развитых западных странах удельное число инфицированных и смертность были больше. Этот рубеж объясняли всеобщей вакцинацией от туберкулеза во времена социализма, оказывающим влияние на иммунитет, механизм которого пока не выяснен, и особенностями социалистической системы здравоохранения – несмотря на несколько волн «оптимизации», все еще более высоким числом больничных коек на 1000 жителей и обычаем госпитализировать больных по поводам, которые в других странах считаются недостаточными, меньшей социальной мобильностью. Великобритания, Испания и Италия значительно отстают от стран Центральной Европы по относительному числу коек, что сильно сказалось на наиболее острых этапах пандемии.

Пандемия значительно углубила и ускорила сдвиги в геополитической обстановке, отчетливо наметившиеся к середине прошлого десятилетия и связанные с изменением соотношения сил в мире, кризисом нелиберальной модели развития общества, усилением поляризации доходов и территориального неравенства на всех уровнях и другими фундаментальными причинами. Политической географии еще предстоит оценить масштабы этих сдвигов и взаимосвязь с другими общественными процессами.

Литература

1. Баунов А. Ревизия границ. Какими будут международные отношения после пандемии. 7 мая 2020. <https://carnegie.ru/commentary/81714>?
2. Ливен А. Коронавирус как зеркало: что мы видим? // Global Affairs, 2020, N 3, май-июнь. <https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/>
3. Филиппов А. Эпидемия: первые социологические последствия и перспективы // Global Affairs. 2020. N 3, май-июнь. <https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/>
4. Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // Review of International Political Economy. 1994. Vol.1 (1). P. 53–80.
5. Agnew J. Revisiting the Territorial Trap // Nordia Geographical Publications. 2015. Vol. 44 (4). P. 43–48.
6. Kam Wing Chan, Gentile M., Kinossian N., Oakes T. and Young C. "More-than-viral" Eurasian geographies of the covid-19 pandemic: interconnections, inequalities, and geopolitics // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61 (4-5). P. 343-361.
7. Golunov S. Pandemic Borders of Post-Soviet De Facto States // Journal of Borderland Studies. 2021 (forthcoming).
8. Gössling S., Scott D.T., Hall C.M. Pandemics, tourism and global change: A rapid assessment of COVID-19 // Journal of Sustainable Tourism. 2020. P. 1-20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>
9. Kolosov V. and Zotova M. "De-Facto Borders" as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States // Historical Social Research, 2021 (forthcoming).
10. Krzysztofik R., Kantor-Pietraga I. and Spórna T. Spatial and functional dimensions of the COVID-19 epidemic in Poland // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61 (4-5). P. 573-586.
11. Šantić D. and Antić M. Serbia in the time of COVID-19: between "corona diplomacy", tough measures and migration management // Eurasian Geography and Economics, 2020, vol. 61 (4-5), pp. 546-558.
12. Wang F., Zou S. and Liu Y. Territorial Traps in Controlling the COVID-19 Pandemic // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10 (2). P. 154–157.
13. Więckowski M. Can a pandemic stop or slow the Anthropocene? // Geographia Polonica 2020, 93, 4, pp. 473-492.

Сведения об авторе:

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заместитель директора Института

географии РАН, Вице-президент РГО, Паст-президент Международного географического союза (Москва).

Vladimir A. Kolosov, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Geography RAS, Vice-President of the Russian Geographical Society, Past-President of the International Geographical Union (Moscow).

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

УДК 911.3:32

А.И. Чистобаев

A. I. Chistobaev

ЕВРАЗИЙСТВО И НЕОЕВРАЗИЙСТВО В ГЕОПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

EURASISM AND NEO-EURASISM IN THE GEOPOLITICS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются истоки и современное содержание концепции евразийства и ее составляющей – неоевразийства. Отражен вклад петербургских ученых в возрождение запрещенной в СССР геополитики. Сформулированы объект, предмет и функции геополитики. Охарактеризована связь геополитики с геоэкономикой. Обозначены стратегические направления евразийской интеграции.

The article examines the origins and modern content of the concept of Eurasianism and its component - neo-Eurasianism. The contribution of St. Petersburg scientists to the revival of the geopolitics banned in the USSR is reflected. The object, subject and functions of geopolitics are formulated. The relationship between geopolitics and geoeconomics is characterized. The strategic directions of the Eurasian integration are outlined.

Ключевые слова: географическое пространство, евразийская интеграция, геоэкономика, геостратегирование, региональная политика.

Key words: geographic space, Eurasian integration, geoeconomics, geostrategy, regional policy.

Постановка проблемы. Проявившийся в ходе Великих географических открытий интерес европейцев к аннексии территорий и господству на море обусловил возникновение геополитики как научного направления и руководства к действию. На передний край в этом отношении вышли геополитики Германии, а затем – Франции, Англии, Италии, России и США. В каждой из

этих стран сформировалась своя геополитическая школа, в России – Русская, или Евразийская. Основные ее идеи базировались на трудах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, Г. В. Вернадского. Следуя воззваниям славянофилов и опираясь на труды петербургских географов (Е. Ф. Зябловский, К. И. Арсеньев, В. Э. Ден и др.), русские евразийцы противопоставляли интересы России и Запада, рассматривали свою страну как срединный материк между Азией и Европой, как особый тип культуры. Свои взгляды на будущее Российского государства молодые философы и публицисты, находящиеся в эмиграции после Октябрьского переворота 1917 г., изложили в сборнике «Исход к Востоку» (София, 1921). Разумеется, они не могли влиять на продвижение идей в практику управления страной, и теория евразийства переросла в обоснование закономерности русской революции и оправдание большевизма, а на стыке 1920-х – 30-х годов оказалась под запретом. Научная школа В. Э. Дена в 1929 г. была «ниспровергнута» (так писал Н. Н. Баранский) московскими экономико-географами, а в 1935 г. ученики В. Э. Дена (Н. В. Ден, О. А. Константинов, М. Б. Вольф, В. С. Клупт и др.) оказались под следствием НКВД Ленинградской области. Геополитика при советской власти представлялась, как «политическая доктрина, оправдывающая различные формы империалистической экспансии ссылками на данные экономической и политической географии» [1, с.95]. В этих условиях говорить о геополитике как науке не представлялось возможным, и евразийские идеи вплоть до развала СССР оставались на уровне 1920-х годов.

Возрождение в России учения о геополитике и евразийстве. В 1991-м году в г. Алма-Ата была опубликована брошюра Л. Н. Гумилева [2], в которой было заявлено о том, что его называют последним евразийцем. Спустя два года появилась статья С. Б. Лаврова по геополитике [3], в которой актуализировалась и евразийская проблематика. Содержание учения Гумилева о евразийстве раскрывалось автором этих строк [4]. Подтверждением значимости учения «последнего евразийца» стал Международный конгресс в Санкт-Петербурге, посвященный 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. К этому событию был приурочен специальный выпуск журнала «Вестник СПбГУ» [5], опубликованы сборники статей и докладов. На пленарных заседаниях конгресса в Таврическом дворце выступили государственные и общественные деятели России, а на научных чтениях в СПбГУ – известные ученые-

геополитики (А. Г. Дугин, Л. Г. Ивашов и др.) и наши коллеги – географы-обществоведы из Санкт-Петербурга, Москвы, Оренбурга, Ростова-на-Дону. Аналогичный конгресс был проведен и в столице Казахстана на базе Национального университета имени Л. Н. Гумилева; там, также как и в Санкт-Петербурге, приняли участие геополитики из многих европейских и азиатских стран.

Объектно-предметная и функциональная сущность геополитики. В научной литературе насчитывается не менее сотни определений геополитики. Формат данной публикации не позволяет обратиться к анализу хотя бы некоторых из них, поэтому приведу далее только собственные трактовки.

Итак, геополитика – междисциплинарная наука, которая устанавливает общие закономерности хода исторических процессов в планетарном, а в будущем – и космическом пространствах, вырабатывает механизм обеспечения эффективной жизнедеятельности населения стран в сообществе народов Мира. По-моему, в этом определении удачно сочетаются фундаментальные и прикладные аспекты геополитики.

Объектом исследования геополитики являются сообщества людей как составляющих элементов природно-общественной системы разного иерархического уровня – от поселенческого до глобального. Предмет исследования геополитики – деятельностные процессы государства в географическом пространстве.

Целевые функции геополитики состоят в выработке теории, методологии и методики политического геостратегирования, а также в обосновании предложений для власти о выборе геостратегического курса внешней политики.

На геополитику воздействуют как географические и геофизические факторы (географическое положение, рельеф, очертания территории, климат и др.), так и социально-демографические, психологические, этно-конфессиональные, идеологические, экономические, туристические, а также виртуальные факторы – эфир, компьютерная сеть «Интернет», печатные издания. Каждый из них дополняет представления о содержании геополитических концепций, созданных в прошлом веке.

От евразийства – к неоевразийству. Евразийской школой геополитики первой четверти прошлого века, по существу, была лишь провозглашена идея об особом географическом пространстве (по Л. Н. Гумилеву, – об этническом поле) Восточной Европы и

Северной Евразии, а о том, как управлять этим пространством речь не шла. В начале 1990-х годов стала крылатой фраза Гумилева: если Россия выживет, то, исключительно как евразийская держава. Вслед за этим появились многочисленные суждения по поводу границ Евразийского пространства – от территории современной Российской Федерации до южных и юго-восточных морей. Тем временем новые государства на постсоветском пространстве определяли свои векторы геополитики: одни из них выбрали путь интеграции с Европейским союзом, другие – с Турцией, третьи – многовекторность. Действенность созданных содружеств (Союз Белоруссии и России, СНГ, Таможенный союз, ЕврАзЭС, ОДКБ) оставляет желать лучшего, то же самое можно сказать и относительно участия России в других межгосударственных образованиях (АТР, БРИКС, ШОС и др.). Само понятие «евразийство» оказалось размытым, оно не несёт в себе чётких пространственных и конструктивных положений.

Неопределенность «исхода» к «Востоку» вобрал в себя термин «неоевразийство», который выдвинули политические круги, противостоящие либеральным реформам 1990-х годов, а также радикальному этническому национализму. Вопреки атлантической геостратегии о «зонах жизненных интересов» стран Запада, концепция неоевразийства основывается на традиционном характере взаимоотношений русско-православной и исламской цивилизаций, проверенном временем. Весьма показательно, что возникшие на постсоветском пространстве новые государства, титульное население которых исповедует ислам, не спешили отойти от России по примеру титульных христианских народов стран Балтии. Убедившись в отсутствии конструктивной политики в рамках СНГ, и восточные страны (по крайне неудачному определению А. И. Солженицына – Российское подбрюшье) стали выстраивать многовекторную геополитику.

В сложившихся реалиях необходим поиск ответов на следующие вопросы: евразийское единение – это историческая и географическая закономерность или насаждения народам политики; в чем именно должно состоять духовное притяжение России; может ли русский язык и русская литература способствовать процветанию национальных культур; в чем состоит гуманистическая миссия России; необходимо ли совместно моделировать развитие национальных экономик на постсоветском пространстве? Пока внушительных ответов на эти вопросы нет. Тем временем бывшие

союзные республики переводят свою письменность на латиницу, все чаще раздаются призывы отказаться от русского языка как второго государственного. Звучавшие из уст российских политиков заявления о том, как много сделала Россия для приобретения государственности бывших «отсталых» народов вызывает у них раздражение и не идет на пользу обеим сторонам.

Связь геополитики с геоэкономикой. Можно много раз повторять слова о том, что красота спасет мир, но геоэкономика, однако, не уйдет при этом на второй план. Более того, геоэкономике следует рассматривать как современную геополитику, ибо именно она определяет мирохозяйственную интеграцию государств и создание конкурентоспособных региональных условий хозяйствования под воздействием факторов глобализации и регионализации [6]. Управляя геоэкономическими процессами, можно как способствовать, так и препятствовать интеграции стран на постсоветском пространстве. Так, прекрати Россия в 1990-е годы направлять свои грузовые потоки через порты стран Балтии, другой бы стала их политика в отношении русскоязычного населения. Такой же вывод можно сделать и относительно «незалежной» Украины и отвернувшейся от России Грузии. А в отношении других постсоветских государств геоэкономике можно использовать как рычаг всесторонней интеграции.

Геополитический аспект региональной политики. Любой субъект Федерации имеет право устанавливать социально-экономические связи с другими государствами, однако в российских реалиях они выражаются в односторонних поставках сырья за рубеж. Без участия государства иначе и быть не может, поскольку подавляющая часть регионов не самодостаточна, говорить о их конкурентоспособности, увы, не приходится. Кооперированные связи (по типу, скажем, бывшего производства автобусов «Икарус» в Венгрии) без участия Центра тоже не могут быть созданы, а Центр самоустранился от решения этих вопросов. Следовательно, сырьевая экспортно-ориентированная модель развития евразийских стран сохранится, и категория евразийства останется всего лишь призывом, лозунгом.

Наши задачи. За последнюю четверть века по вопросам евразийства и неоевразийства опубликованы труды политиков и философов [7, 8], географов-обществоведов [9]. В них проливается свет на решение проблем евразийства, но этого мало – нужны дополнительные поиски философов, психологов, историков,

политологов, социологов, лингвистов, экономистов. На географов-обществоведов возлагается особая функция – обеспечить синтез результатов исследований применительно к конкретным условиям географического пространства. Говорю об этом, опираясь на собственный опыт экспертизы крупных народнохозяйственных проектов и документов геостратегирования и пространственного планирования в регионах России и за рубежом.

Литература

1. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М.: Изд-во политич. лит-ры. 1963. 544 с.
2. Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем... (интервью Андрея Писарева с Л.Н. Гумилевым). Алма-Ата: Жалын. 1991. 32 с.
3. Лавров С. Б. Геополитика: возрождение запрещенного направления // Известия РГО. 1993 Т. 125. Вып. 4. С. 36–40.
4. Чистобаев А. И. Л. Н. Гумилев и евразийская школа геополитики // Гумилевы и Бежецкий край. По материалам научной конференции, 8-9 ноября 1995 г. Бежецк – М.: Экопрос. 1996. С. 53–60.
5. Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Спец. выпуск к 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева / Ред. -- А.И. Чистобаев и др. 2012, октябрь. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2012. 200 с.
6. Дергачев В. А. Геоэкономика (современная геополитика). Киев: ВИРА-Р. 2002. 213 с.
7. Акаев А. А. Евразийские перспективы возрождения России. СПб.: Информ. агенство «Северная звезда». 2012. 408 с.
8. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехнического университета. 2017. 278 с.
9. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа) Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ . 2020. – 268 с.

Сведения об авторе:

Анатолий Иванович Чистобаев, заслуженный деятель науки России, Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле СПбГУ; профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ

Anatoly I. Chistobaev, Honored Scientist of Russia, Honorary Professor of St. Petersburg State University (SPbSU), Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Regional Policy and Political Geography of the Institute of Earth Sciences of SPbSU;

Professor of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: chistobaev40@mail.ru; Контактный телефон: +79219126637.

УДК 327.2; 911.3

В.А. Шупер
V.A. Shuper

ЗАДАЧИ ГЕОГРАФОВ В СВЕТЕ ТЕКТОНИЧЕСКИХ СДВИГОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

TASKS OF GEOGRAPHERS IN THE LIGHT OF TECTONIC SHIFTS IN THE MODERN WORLD

Рассыпается привычная картина мира. России сейчас необходимо перейти к неоизоляционизму. Географам следует сосредоточиться на разработке новых методов освоения Сибири, Арктики, Дальнего Востока, а также на борьбе за интеллектуальный суверенитет.

The usual picture of the world is crumbling. Russia now needs to move to neo-isolationism. Geographers should focus on developing new methods for exploring Siberia, the Arctic, and the Far East, as well as on fighting for intellectual sovereignty.

Ключевые слова: освоение Сибири, неоизоляционизм, интеллектуальный суверенитет.

Key words: development of Siberia, neo-isolationism, intellectual sovereignty.

Привычная картина мира расплзается на глазах. Во-первых, происходит переход от однополярного мира к многополярному, контуры которого совершенно неясны и начнут вырисовываться лишь через несколько лет. Во-вторых, это глобальный переход от высоких темпов экономического роста к низким, тесно связанный с предстоящей стабилизацией численности человечества. А.Г. Вишневский считает три столетия очень быстрого демографического роста с конца XVIII в. до конца XXI в. кратким переходным периодом от очень медленного роста в течение тысячелетий к столь же медленному снижению, т.е. от одного равновесного состояния к другому [1]. Между тем весь бурный

прогресс, начало которому положила первая промышленная революция, укладывается в этот переходный период [9].

Третья тенденция связана с чередованием интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства [6]. Первая глобализация – с середины XIX в., когда сформировалось мировое хозяйство в современном его понимании до 1914 г. – это *Pax Britannica*. Первый глобальный дезинтеграционный цикл – это две мировые войны и промежуток между ними. В 1945 г. началась вторая глобализация, лидером которой стали США. Она вошла в историю как *Pax Americana* и завершилась в 2008 г. Можно ожидать, что через 15-20 лет начнётся третий глобальный интеграционный цикл, однако едва ли стоит путём простой экстраполяции предрекать *Pax Sinensis* – Китай будет укреплять свои позиции в мире в условиях крайне жёсткого соперничества с США, а при неблагоприятном для нас развитии событий – и с Индией. В условиях дезинтеграции происходит распад международных производственных цепочек, превращающихся из важного конкурентного преимущества в серьёзные уязвимости [5]. Этому способствует и развитие технологий (робототехника, трёхмерная печать).

Четвёртая тенденция – завершение пятисотлетнего доминирования Запада. Здесь важно отметить, что существенное сокращение его возможностей пользоваться неэквивалентным обменом неизбежно способствует закату общества всеобщего благоденствия (*affluent society*). Исключительная роль СССР, а сейчас – России в демократизации международных отношений, обеспечении возможности выбора для незападных стран неоднократно подчёркивалась С.А. Карагановым [2,3].

Для России это совпало, вряд ли случайно, с окончанием трёхсотлетних попыток интегрироваться в Европу в том или ином качестве, кульминацией которых стали первые два постсоветских десятилетия. Именно осознав окончательный провал, казалось бы, самого прекрасного и перспективного из всех интеграционных проектов, страна начала «вставать с колен», всё чаще оппонируя Западу по всё более широкому кругу вопросов. Ф.А. Лукьянов удачно назвал это новое качество ревизионизмом поневоле. Однако ревизионизм поневоле сродни сопротивлению поневоле. Вряд ли последнее сулит победу в долгой и тяжёлой борьбе. Для победы нужны системность и последовательность, полное напряжение сил и мобилизация всех ресурсов, в первую очередь – интеллектуальных.

Запад победил в холодной войне не только в силу большей эффективности своей экономики, но и потому, что создал значительно более эффективную машину насилия, ибо экономическое принуждение много действенней административного. Это стало особенно зримо в ходе нынешних реформ науки и высшего образования, когда применение библиометрии для оценки труда учёных грубо исказило их ценностную ориентацию и привело к быстрой деградации института репутаций – зачем долгие годы нелёгким трудом создавать себе имя, если можно просто накрутить Хирша [10]?

Двоемыслие было спасительным в СССР: люди на собраниях говорили одно, а в кругу тех, кому доверяли, совсем другое. Именно благодаря двоемыслию сосуществовали официальная и неофициальная иерархии. Одним воздавали почести по должности, другим – по заслугам. Учёный мог не иметь чинов, испытывать огромные трудности с публикацией своих статей, тем более книг, но доклады его вызывали необычное стечение народа, знакомство с ним и чиновный люд считал честью. Благодаря этому гамбургскому счёту процветали полуофициальные и домашние семинары. Сейчас от гамбургского счёта почти ничего не осталось, ведь экономический интерес проникает глубоко в душу и, увы, деформирует её. В отличие от административного принуждения, он не оставляет человеку уважительных причин для самооправдания. Почти ничего не осталось и от семинаров, причём не только домашних, в коих более нет нужды, но и вполне официальных. «Беда в том, что указы президента являются элементами плановой экономики (цель — поднять престиж ученого, работающего на государство), а исполнять их в Министерстве науки и высшего образования РФ хотят сугубо рыночными методами» – пишет директор ИНИОН РАН А.В. Кузнецов [4].

С.А. Карагановым также ставится задача перехода к неизоляционизму, поскольку в условиях мирового шторма внешние связи во многих случаях становятся источниками уязвимости, а международные обязательства затрудняют внешнеполитическое маневрирование [3]. Неизоляционизм способствует возрождению освоенческого направления в географии. Россия в равной мере осваивала Сибирь, и сама была сформирована ею. Это освоение имеет малое отношение к колониализму или железнодорожному империализму, как именовали на Западе в начале XX в. российскую экспансию на восток и на юг. Для СССР Сибирь была не колонией,

а тылом, в ней создавались наиболее современные производства ценой полного напряжения сил всей страны. Строительство Урало-Кузнецкого комбината стало беспримерным достижением в отечественной экономической истории – впервые в мире по железной дороге стали перемещать такие массы грузов, которые ранее перевозились только морем. В невероятно короткие по историческим меркам сроки был создан Академгородок, ставший третьей научной столицей СССР, вполне сопоставимой по своему потенциалу с Ленинградом, у которого выигрывал и благодаря существенно меньшему идеологическому давлению [8]. Сейчас главная задача – разработать принципиально новые методы освоения взамен советских, подходивших для своего времени.

Другая задача – участие во всемирной борьбе за власть, что для географов непривычно. Интеллектуальный суверенитет – условие победы в ней. Отказ от западных критериев оценки труда учёных и вузовских преподавателей должен стать первым шагом. Научная картина мира тоже инструмент геополитического соперничества. Следует решительно критиковать сомнительные научные основы Монреальского и Киотского протоколов, Парижского соглашения по климату, концепцию устойчивого развития, невозможного даже теоретически. Надо поднять на щит отечественные концепции, прежде всего учение о ноосфере В.И. Вернадского. «В мировом порядке, постулирующем неравенство государств и естественность экспансии, глобальных проблем не существует. Переход к подобному «не-ялтинскому» порядку будет означать и ликвидацию самого понятия «глобальные проблемы» [7].

Литература

1. Вишневский А.Г. Демографический переход и проблемы демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019 Т. 25, № 4. С. 93–104.
2. Караганов С. Предсказуемое будущее? Как самообман подменил серьёзный анализ // Россия в глобальной политике, №2 2019 март/апрель 15.05.2019 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/> – Дата обращения: 04.11.2020
3. Караганов С. Мировой шторм и русский кураж. Колонка издателя // Россия в глобальной политике 28.10.2020 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh/> – Дата обращения: 29.10.2020
4. Кузнецов А. Каким задумывался ИНИОН, что будет с ним дальше и кто делает науку? [интервью] // Российский совет по международным

делам. 19 июля 2019 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kakim-zadumyvalsya-inion-chto-budet-s-nim-dalshe-i-kto-delaet-nauku/> – Дата обращения: 13.11.2020

5. Лисоволик Я. О расстояниях и синхронности «нового мира» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 29.10.2020 URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-rasstoyaniyakh-i-sinkhronnosti-novogo-mira/> – Дата обращения: 04.11.2020

6. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 56–64

7. Фененко А. «Черные лебеди» глобализации // Российский совет по международным делам. 13 апреля 2020 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/> – Дата обращения: 09.12.2020

8. Шупер В. Будущее России в Большой Евразии // Российский совет по международным делам. 19 июля 2018 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-rossii-v-bolshoy-evrazii/> – Дата обращения: 06.11.2020

9. Шупер В. Переход к интенсивному развитию: проект для России на XXI в. // Российский совет по международным делам. 6 мая 2019 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perekhod-k-intensivnomu-razvitiyu-proekt-dlya-rossii-na-xxi-v/> – Дата обращения: 29.10.2020

10. Шупер В.А. Севший голос науки. Взгляд из Отечества // Управление наукой: теория и практика. Т. 2. №1. 2020 URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> – Дата обращения: 29.10.2020

Сведения об авторе:

Вячеслав Александрович Шупер, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

Vyacheslav A. Shuper, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: vshuper@yandex.ru; тел. 915 198 99 89

УДК 339.564; 332.13

А.В. Кузнецов
A.V. Kuznetsov

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИИ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВОРОТА ЭКСПОРТА НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ

THE CHANGE IN THE GEOGRAPHY OF PRODUCTION IN RUSSIA UNDER THE INFLUENCE OF THE TURN OF EXPORTS TO THE GLOBAL SOUTH

За 6 лет «санкционных войн» России с Западом на фоне заявлений руководства РФ о «повороте на Восток» выросла доля незападных торговых партнеров. Однако корректнее говорить об увеличении роли товарного экспорта в страны глобального Юга, причем часто за счет производителей, не работавших с ЕС. Иначе говоря, смена географии экспорта России сопряжена с ускоренным развитием отдельных компаний и регионов. В итоге можно видеть сдвиги в географии российского производства (например, зерна и автомобилей).

By the Russian leaders' statements about the "turn to the East", the share of non-Western trade partners has increased during 6 years of "sanctions wars" between Russia and the West. Indeed, increase in the role of commodity exports to the countries of the Global South takes place, often at the expense of producers who did not work with the EU. In other words, the change in the geography of Russian exports is associated with the accelerated development of individual companies and regions. As a result, we can see shifts in the geography of Russian production (for example, grain and cars).

Ключевые слова: *российский экспорт, торговля с глобальным Югом, экспорт зерна, экспорт автомобилей, роль регионов РФ в производстве различных товаров.*

Key words: *Russian exports, trade with the Global South, grain exports, cars exports, role of Russian regions in production of various commodities.*

Начало «санкционных войн» России с Западом в 2014 г. обострило вопрос географической диверсификации российской внешней торговли, которая наполовину была связана с ЕС. За 6 лет доля западных партнеров (к которым надо относить также Украину и Японию) ощутимо сократилась. При этом не просто произошел поворот на Восток, о стремлении к которому неоднократно заявляли в высших эшелонах российской власти (и на практике это в основном является сближением с Китаем), но усилилась роль всего глобального Юга (а точнее не-Запада) в географии экспорта товаров из России. Так, в 2013 г. на шесть ведущих незападных реципиентов российского экспорта приходилось меньше 23% объема поставок из России, а на шесть ведущих западных реципиентов – почти 40%

(причем в первой двадцатке не-Запад представляли лишь 6 стран). В 2020 г. пропорция почти перевернулась – 33,6% против 28,8%, а в топ-20 было уже 8 стран не-Запада (см. табл. 1).

В научной литературе рассматривается специфика укрепления позиций российских компаний на рынках глобального Юга, но в основном в геополитическом либо интеграционном контексте [1]. Вместе с тем отмеченный разворот в географии экспорта лишь в малой степени связан с изменением предпочтений одних и тех же компаний. В действительности смена географии экспорта России сопряжена с ускоренным развитием компаний и регионов другой специализации, нежели те, что обеспечивали интенсивные связи с ЕС.

Таблица 1. Ключевые страны-реципиенты российского товарного экспорта

Экспорт в 2013 г.			Экспорт в 2019 г.			Экспорт в 1-3 кв. 2020 г.		
Страна	Млрд долл.	Доля, %	Страна	Млрд долл.	Доля, %	Страна	Млрд долл.	Доля, %
Всего	526,4	100,0		422,8	100,0		240,8	100,0
Нидерланды	70,1	13,3	<i>Китай</i>	56,8	13,4	<i>Китай</i>	35,3	14,7
Италия	39,3	7,5	Нидерланды	44,8	10,6	Нидерланды	18,3	7,6
Германия	37,0	7,0	Германия	28,0	6,6	Великобритания	15,9	6,6
<i>Китай</i>	35,6	6,8	<i>Турция</i>	21,1	5,0	Германия	12,9	5,4
<i>Турция</i>	25,5	4,8	<i>Белоруссия</i>	20,5	4,8	<i>Турция</i>	11,4	4,7
Украина	23,8	4,5	<i>Р. Корея</i>	16,4	3,9	<i>Белоруссия</i>	11,1	4,6
<i>Белоруссия</i>	20,0	3,8	Италия	14,3	3,4	<i>Казахстан</i>	10,1	4,2
Япония	19,6	3,7	<i>Казахстан</i>	14,0	3,3	<i>Р. Корея</i>	9,2	3,8
Польша	19,6	3,7	Великобритания	13,3	3,1	США	8,1	3,4
<i>Казахстан</i>	17,5	3,3	США	13,0	3,1	Италия	7,2	3,0
Великобритания	16,4	3,1	Польша	12,4	2,9	Япония	7,0	2,9
<i>Р. Корея</i>	14,9	2,8	Япония	11,4	2,7	Польша	6,7	2,8
Финляндия	13,3	2,5	Финляндия	10,1	2,4	Финляндия	5,2	2,2
США	11,2	2,1	<i>Индия</i>	7,3	1,7	Украина	4,6	1,9
Латвия	10,3	2,0	Бельгия	6,8	1,6	Бельгия	4,4	1,8
Франция	9,2	1,7	Украина	6,6	1,6	<i>Индия</i>	3,9	1,6
Швейцария	8,9	1,7	Франция	6,4	1,5	Франция	3,5	1,5
Бельгия	7,7	1,5	<i>Египет</i>	5,8	1,4	<i>Узбекистан</i>	3,4	1,4
<i>Индия</i>	6,9	1,3	Латвия	5,1	1,2	Латвия	2,5	1,0
Венгрия	6,2	1,2	Чехия	4,9	1,2	<i>Тайвань</i>	2,3	1,0
Топ-3 Запада	146,4	27,8		87,1	20,6		47,1	19,6
<i>Топ-3 не-Запада</i>	<i>81,1</i>	<i>15,4</i>		<i>98,4</i>	<i>23,3</i>		<i>57,8</i>	<i>24,0</i>
Топ-6 Запада	209,4	39,9		125,8	29,8		69,4	28,8
<i>Топ-6 не-Запада</i>	<i>120,4</i>	<i>22,9</i>		<i>136,1</i>	<i>32,2</i>		<i>81,0</i>	<i>33,6</i>

Составлено на основе данных ФТС России (<http://www.customs.ru>).

При этом можно говорить о том, что ориентация экспорта на страны глобального Юга позволит ускорить экономический рост определенных отраслей и регионов. В последнем случае, как показали эконометрические расчеты [2], экспорт за рубеж как драйвер роста экономики регионов в России уступает по значению только интенсификации торговых поставок в другие субъекты Федерации.

Среди товарных групп, российский экспорт в рамках которых наиболее привязан к странам не-Запада, особо выделяются зерновые и автомобильная техника (см. табл. 2). Так, в 2019 г. экспорт пшеницы и меслина вырос по сравнению с 2013 г. более чем в 1,8 раза, прежде всего за счет Турции (которая наряду с Китаем, Республикой Корея, Беларуссией и Казахстаном входит в число важнейших незападных торговых партнеров России), но также Египта, Бангладеш, других стран Азии и Африки.

Хорошо известно, что без всяких «санкционных войн» рынки Запада были закрыты для российской сельскохозяйственной продукции высокими протекционистскими барьерами. Важно подчеркнуть, что по экспорту пшеницы потенциал России далек от исчерпания при адекватной политике стимулирования производства зерна [3].

Таблица 2.

География российского экспорта отдельных товарных групп

Пшеница и меслин (группа 1001)				Тракторы, автобусы, легковые и грузовые автомобили и их части (группы 8701-8708)			
2013		2019		2013		2019	
Страна	Млн. долл.	Страна	Млн. долл.	Страна	Млн. долл.	Страна	Млн. долл.
Всего	3483	Всего	6403	Всего	2930	Всего	3099
Турция	611	Турция	1376	Казахстан	1408	Белоруссия	922
Египет	550	Египет	1274	Белоруссия	416	Казахстан	871
Йемен	208	Бангладеш	525	Украина	409	Узбекистан	220
Иран	176	Азербайджан	257	Азербайджан	124	Украина	87
Азербайджан	148	Судан	204	Египет	115	Алжир	66
Грузия	126	Йемен	189	Узбекистан	60	Армения	56
ЮАР	124	Нигерия	181	Туркменистан	35	Азербайджан	55
Кения	120	ОАЭ	150	Куба	35	Замбия	48
Ливия	102	Латвия	108	Венесуэла	32	Германия	36
Израиль	101	Вьетнам	107	Киргизия	31	Румыния	35
Судан	91	Танзания	104	Сирия	28	Туркменистан	34
Перу	85	Кения	101	Литва	23	Египет	31

Составлено на основе данных ФТС России (<http://www.customs.ru>).

В случае поставок высокотехнологичной российской продукции традиционно выше роль рынков СНГ, но среди партнеров

дальнего зарубежья все чаще стали выделяться африканские страны (хотя поставки год от года обычно нестабильны по объемам [4]). Уже появились попытки научного анализа возможностей интенсификации регионального экономического роста благодаря наращиванию такого экспорта [5, 6]. При этом именно в странах глобального Юга возможно занятие ниш, представленных товарами с высокой добавленной стоимостью, т.к. по сравнению с высокоразвитыми странами у российских компаний здесь появляются дополнительные конкурентные преимущества (включая неэкономические).

Как известно, российская статистика не всегда позволяет выявить, какие именно регионы наращивают экспорт тех или иных товаров (из-за регистрации сделок по месту локализации портов, например, Ростовской области и Краснодарского края для зерновых терминалов, или вообще штаб-квартир агрохолдингов в Москве). Косвенно оценить ситуацию можно только по общему приросту сбора зерна в регионах. И все же, по данным Росстата, лидеры по валовому сбору зерна – как раз Краснодарский край и Ростовская область, причем в 2019 г. по сравнению с 2013 г. показатель вырос соответственно на 15,5% и 82%. Среди других регионов-лидеров показатели варьировались от спада в Алтайском крае и роста на 20% в Ставропольском крае до увеличения сбора зерна на 36% в Воронежской области и 38% в Курской области.

В случае промышленной продукции анализ проводить проще, т.к. ясна локализация заводов соответствующих компаний. Например, по сообщениям СМИ, основные марки автомобилей, поставляемых на рынок Казахстана из России – Lada (головной завод в Самарской обл.), Hyundai (завод южнокорейской фирмы в Санкт-Петербурге) и Toyota (японский завод там же). В Белоруссии популярны наряду с продукцией «АвтоВАЗа» бренды российских заводов европейских ТНК – Renault (Москва) и Volkswagen (Калужская обл.). Узбекистан выделяется покупками автомашин Lada.

Ситуация год от года меняется. Так, в начале 2021 г. свернуты длившиеся 4 года поставки сваренных и окрашенных кузовов, которые Renault изготовлял на мощностях «АвтоВАЗа» в Тольятти, для алжирского завода французской ТНК.

Резюмируя, подчеркнем, что выявленные в докладе сдвиги в географии производства в России под воздействием изменений в географии экспорта – лишь заявка на крупное исследование на

основе анализа корпоративной отчетности, в том числе иностранных ТНК в России, налаживающих экспорт в третьи страны (обычно СНГ).

Литература

1. Спартак А.Н. Текущие и среднесрочные задачи позиционирования России в международной торгово-экономической системе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. №2. С. 140-162.
2. Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. №4. С. 92-114.
3. Svanidze M., Götz L., Schierhorn F. How to Mobilize Grain Production Potential in Russia? // Russian Analytical Digest. 2019. No. 244. P. 2-6.
4. Кузнецов А.В. Торговля России с Африкой: новые явления в условиях «войны санкций» // Международные процессы. 2018. Т. 16. №4. С. 6-19.
5. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. 2017. №3. С. 62-77.
6. Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. №3. С. 57-70.

Сведения об авторе:

Алексей Владимирович Кузнецов, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН)

Alexey V. Kuznetsov, Prof., Dr. Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: Kuznetsov_alexei@mail.ru

УДК 911.3 (26)

А.Г. Дружинин
A.G. Druzhinin

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРАЗИИ
И МОРСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

MODERN METAMORPHOSES OF EURASIA AND MARINE

PRIORITIES OF RUSSIA: SOCIETY AND GEOGRAPHICAL ASPECT

Охарактеризовано влияние геополитических и геоэкономических процессов в современной Евразии на развитие морской активности в Российской Федерации. Обоснована необходимость дальнейшего развития России как ведущей «морской державы».

The influence of geopolitical and geo-economic processes in modern Eurasia on the development of marine activity in the Russian Federation is characterized. The necessity of further development of Russia as a leading "sea power" is proved.

Ключевые слова: общественная география, морское хозяйство, приморские зоны, приморские города, Россия, Евразия

Key words: socio-economic geography, World Ocean, coastal areas, coastal cities, maritime economy, Russia, Eurasia.

Введение. Россия де-факто практически с начала XVIII столетия является одной из ведущих мировых «морских» держав, однако лишь в 1970-е годы в отечественном научном дискурсе стало укореняться (благодаря трудам С.Г. Горшкова, С.Б. Слевича, С.С. Сальникова, С.Б. Лаврова, В.А. Дергачёва, А.П. Алхименко и др.) системное понимание морских, океанических приоритетов страны [1], начали реализовываться многоаспектные практические шаги по существенному укреплению её военно-стратегических, транспортно-логистических, рыбохозяйственных и иного рода позиций в акваториях Мирового океана. Современные (присущие уже непосредственно Российской Федерации) тренды морской активности, при этом, характеризуются двойственностью, демонстрируют свою противоречивость и всё в возрастающей мере предопределяются масштабными (неоднозначно влияющими на позиции и возможности России [2, 3]) геополитическими и геоэкономическими изменениями в постсоветской Евразии.

«Морские» возможности и приоритеты в пространственной организации Российской Федерации.

Российская Федерация оконтурена акваториями трёх океанов и 13 морей, общая длина её морских границ (в зависимости от методов исчисления) варьирует в диапазоне от 35,3 до 46 тыс. км.; подавляющая часть побережий, при этом, дистанцирована от ведущих центров страны (в том числе и приморских) и характеризуется «точечным» хозяйственным и селитебным освоением (в муниципалитетах российской Арктики плотность

населения колеблется в пределах от 0,04 до 0,32 чел / км², в то время как в Республике Крым аналогичный показатель достигает 80 чел., в Калининградской области — 109, Краснодарском крае — 127 чел / км²). Будучи органичной частью чрезвычайно ассиметричной (по осям «запад-восток», «север-юг» и «центр-периферия») современной пространственной организации российского общества, морские порубежные территории лишь на отдельных компактных участках являют её обустроенные «фасады», в подавляющей же части представляя собой лишь внешний «окаинный» контур (именно на северной и восточной периферии российского морского порубежья локализованы, при этом, важнейшие рыбохозяйственные и перспективные «нефтегазовые» акватории). Акваториальные структуры выступают не только геостратегически значимой и перспективной в ресурсно-хозяйственном отношении пространственной составляющей страны, но важнейшим субстратом (коммуникационной средой) для повышения её связанности, необходимого «разворота на Восток», равно как эффективного участия в интеграционных процессах в масштабе всей Евразии.

С начала 2000-х годов Россия стремительно наращивает морскую активность (наиболее динамично прирастали портовый грузооборот, добыча энергоресурсов на морском шельфе, интенсивно развивалась морская газотранспортная инфраструктура, позитивные тенденции наметились в судостроении [4]). Однако, в глобальных сопоставлениях, ни один российский порт не входит в двадцатку портов-лидеров по грузообороту, а почти 65 % из трёх тысяч находящихся под юрисдикцией Российской Федерации коммерческих судов (что эквивалентно лишь 1,2% тоннажа мирового торгового флота) построены 25 лет назад и ранее. Генерируя не менее 5,5% ВВП страны, отрасли «морской экономики» в своём функционировании демонстрируют выраженные структурные дисбалансы, диспропорции (между морскими грузопотоками и возможностью их осуществления собственно российским фрахтом; военным и гражданским судостроением, спросом на технологические морские инновации и его обеспечением отечественными разработками и др. [5]), существенно лимитирующие реализацию геополитических и геоэкономических интересов России. Разумную достаточность военно-морских сил страны и её конкурентоспособность на глобальном рынке вооружений в данном контексте необходимо, как

видится, сочетать с реальным «прорывом» в области морских технологий, с практическим решением задачи обеспечения Российской Федерации всеми видами современной морской техники.

Евразийские факторы, векторы и форматы морской активности современной России. Морская активность Российской Федерации носит преимущественно циркумевразийский (оконтуривающий материк, приуроченный к его окраинным морям) характер, а её сопряжённость с евразийским позиционированием постсоветской России — существенна и полиаспектна.

Итогом последовавшей за разрушением СССР дезинтеграции ранее единого экономического пространства явился, в частности, пролонгированный *«разворот»* (и «сдвиг») *России к морю*, сопровождаемый перебалансировкой взаимодействия её приморских и внутренних территорий (в том числе в процессе формирования обширных портовых хинтерландов). Последующая логика евразийских процессов инициировала *«морехозяйственное импортозамещение»* в Российской Федерации, первоначально (к середине 2000-х гг.) зримо проявившееся в портово-логистической сфере, а далее — стратегически обращённое на морские перевозки, судостроение, добычу морских биоресурсов и др. Параллельно наблюдалась *интернационализация* базовых отраслей морского хозяйства (с существенной его опорой на зарубежные инвестиции, технологии, сервис, сбыт), дополняемая эффектами *аквальной трансграничной регионализации* практически по всему периметру российских морских границ (от Баренц-региона и Балтики до Японского и Охотского морей). Причём если в 2000-е гг. евразийская геоэкономическая архитектура инициировала преимущественно европейский (западный) вектор морехозяйственной активности Российской Федерации, то последние 6-7 лет в ней прирастают дальневосточная, причерноморская и арктическая составляющие, благоприятствуя формированию *геоэкономической многовекторности* морского хозяйства. На этом фоне повышается значимость «морской компоненты» инкорпорирования России в процессы формирования «Большой Евразии», равно как и выстраивания на постсоветском пространстве собственно «россиецентрированных» интеграционных форматов. Одновременно, в российской морской активности повышается *геополитическая мотивация*, актуализируется проблематика экономической (и в целом социально-экономической, селитебной,

экологической) *устойчивости и эффективности морехозяйственных структур и практик* (с акцентом не только на «приморский» кластерогенез, но и необходимые элементы локализуемого в пределах Российской Федерации комплексообразования).

Перспективы дальнейшего «разворота» России к Морю в новой глобальной и евразийской реальности. Итогом разразившейся с начала 2020 г. «коронавирусной» пандемии (катализирующей и высвечивающей негатив глобальных социальных трендов) станет, полагаю, не только очередной временный спад мирохозяйственной активности, но и некоторое сокращение (наряду с переформатированием) трансграничных (в том числе и трансакваториальных, обеспечиваемых «морским фактором») потоков и связей. Кризисные процессы (подкрепляемые эскалацией экономического изоляционизма на уровне стран и их группировок [6]) неминуемо напрямую повлияют на морскую деятельность и, в отличие от ситуации 2014-15 гг., окажутся глубже и продолжительнее. Их проявления затронут портовое хозяйство (и в 2008, и в 2014 г. снижение цен на базовые российские сырьевые товары сопровождалось ростом их экспорта в натуральном выражении; сейчас ситуация — иная: впервые с 1999 г. грузоперевалка в российских портах начала сокращаться, снизившись в январе - октябре 2020 г. на 3 % по сравнению с тем же периодом прошлого года), а также нефтегазовые проекты в шельфовых зонах и, конечно же, из-за неизбежного общего свёртывания инвестиционного спроса корпораций и госзаказа — судостроение.

В морехозяйственной активности ещё чётче проявится геополитическое целеполагание, акцент на общий имидж страны (способный превалировать над геоэкономическими резонами, «перевешивать» собственно экономические доводы). Это, в свою очередь, увеличит «геополитическую нагрузку» федерального бюджета, чьи возможности в условиях экономического спада весьма существенно сократились (если исходить из данных Минфина РФ, запланированные на 2020 год расходы в долларовом эквиваленте — окажутся на 15-17 % меньше фактических бюджетных расходов 2019 года). На этом фоне повысится мотивация к интернационализации крупных морехозяйственных проектов (в первую очередь — в энергетической сфере). Транснациональные характеристики начнёт обретать и Северный морской путь

(справедливо рассматриваемый как транспортно-геополитический мегапроект, «встроенный» прежде всего в трансграничное пространство Востока Евразии [7]). Возрастёт роль макрорегиональных партнёрств и альянсов (что, вне сомнения, способно привести к дальнейшему укреплению в Тихоокеанской России позиций Китая, а также усилить значимость взаимодействия с Турцией в Причерноморье и с Ираном — на Каспии).

В новой геостратегической реальности проявится, таким образом, выраженный диссонанс между кратко-среднесрочным ослаблением факторов и проявлений «мореориентированности» Российской Федерации и сохраняющимися долгосрочными интересами наращивания страной присутствия в Мировом океане.

Заключение. В 1921 году П.Н. Савицкий (выдающийся экономист-географ, один из лидеров интеллектуально-политического движения, получившего широкую известность как «евразийство»), осмысливая сущность и судьбу России, акцентировал её чётко выраженную «внутриконтинентальность» и, соответственно, «обездоленность» в океанических обменах [8]. Он же, впрочем, всего десятилетие спустя (1931 г.), озвучил ещё один, принципиально важный для пространственного «поведения» нашей страны тезис: «русская действительность созрела для... выхода «континента-океана» на океаны» [9, с. 100]. Ныне, уже в начале третьего десятилетия XXI в., можно однозначно констатировать, что судьбоносный «разворот» Российской Федерации к морю по многим аспектам — фактически состоялся. И это предполагает дальнейшее опережающее развитие «морских» общественно-географических исследований, в свою очередь тесно сопряжённых с не менее актуализированным анализом геоэкономических и геополитических структур и процессов в современной Евразии.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции», а также по теме государственного задания ИГ РАН 0148-2019-0008 («Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности»).

Литература

1. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. С. 10-19
2. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-

обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

3. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.

4. Дружинин А.Г., Лачининский С.С. Россия в Мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1-19

5. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020, № 2 (53). С. 24-37

6. Шупер В.А. Самоорганизация на переломе траектории социально-экономического развития: вызовы для России // Известия РАН. Серия географическая. 2020. № 1, С. 147-155

7. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 4. С. 74–8

8. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы. 1921. 135 с.

9. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.

Сведения об авторе:

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Б. Садовая 105, Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер. 29, Москва, Россия

Alexander G. Druzhinin, Prof., Dr. Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, B. Sadovaya 105, Rostov on Don; Leading researcher at the Institute of geography of the Russian Academy of Sciences, 29 Staromonetny lane, Moscow, Russia

E-mail: alexdru9@mail.ru

УДК 913; 325.3; 930

Е.Г. Водичев
E.G. Vodichev

ДИХОТОМИЯ АМБИЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ: РОССИИ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА

DICHOTOMY OF AMBITIONS AND CAPABILITIES: RUSSIA IN THE POST-MODERN WORLD

Статья посвящена анализу положения России в глобальной динамике. С привлечением метода ретроспекций показана неэффективность и невозможность дальнейшего развития страны по алгоритмам имперской парадигмы. Делается вывод о необходимости переноса акцентов на внутреннюю институциональную трансформацию, что создаст фундаментальную основу для использования инструментов «мягкой силы» на геополитической и геоэкономической арене.

The paper is devoted to the analysis of the current status of Russia in the global dynamics. Using the retrospective approach, the author shows the inefficiency and impossibility of further development of the country according to the algorithms of the imperial paradigm. It is concluded that it is necessary to shift the focus to the internal institutional transformation that will create a fundamental basis for the use of "soft power" on the geopolitical and geo-economic arena.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, Российская Федерация, азиатская часть России, Евразия.

Key words: geopolitics, geo-economics, Russian Federation, the Asian part of Russia, Eurasia.

Введение. Один из острейших вопросов сегодня – проблема статуса и перспектив страны в глобальной динамике. Цель данного текста – включиться в дискурс и сформулировать авторское видение баланса российских геополитических амбиций и реальных возможностей. Концептуальной основой статьи являются представления о тенденциях глобализации и «глокализации», а также о ключевых трендах развития колониальных империй.

Результаты. Учет фактора глобализации стал необходимым условием анализа геополитических стратегий как критерия релевантности современным тенденциям развития. Однако абсолютизация этого принципа не коррелирует с событиями последнего времени. Во-первых, еще в конце XX в. обозначилось доминирование постмодернизма в политике, связанное с нарастанием хаоса и отказом от сложившихся «правил игры» в угоду прагматическим интересам. Во-вторых, процессы глобализации стимулировали регионализацию и локализацию, что вызвало рост национальной и региональной идентичности. В-третьих, стратегии,

основанные на имперской парадигме, все более входят в конфликт с общими трендами геодинамики [1].

Мир давно уже глобален и взаимозависим. Но ныне очевидно стремление многих акторов к концентрации усилий на внутренних (внутри стран и сложившихся «групп интересов») процессах с целью обеспечения их устойчивости. Пандемия COVID-19 сделала эту картину рельефной, однако и до нее политика США при Д. Трампе, ЕС, Великобритании, а также Китая и Турции говорили об этом. Повсеместно залогом укрепления потенциала стала внутренняя стабилизация.

На этом фоне геополитический выбор РФ выглядит весьма противоречиво. Ключ к его пониманию – историческое прошлое. В течение долгого времени развитие России и СССР осуществлялось в рамках имперской парадигмы и было связано с расширением пространства, в котором значимую роль играло как европейское, так и азиатское направление. Позиционируя себя как мировую и европейскую державу, аргументы для легитимации этого государство искало в Азии: именно там обретались не только ресурсы, но и геополитические аргументы для утверждения глобального статуса.

Страна искала для себя новые ресурсы на востоке. Но кроме Сибири под востоком подразумевались еще и территории «ближнего пояса» Центральной Азии (ЦА). Исторически и Российская империя, и СССР пытались навязать колонизируемым регионам собственные экономические матрицы, приспособивая их к условиям хартленда и продвигая свои шаблоны. К тому же азиатские территории позволяли апробировать инновации, поскольку периферийные регионы были свободны от традиционных форм российской экономики и социума. При этом инновации Россия, как правило, заимствовала на Западе, в Европе и позже в США. Империя расширяла пространство, согласовывая его с привычной для метрополии средой.

Однако к концу XX-го столетия век империи закончился, едва не разрушив ее историческую основу. Распад СССР и утрата стран-сателлитов вызвали необходимость акцентов на внутреннюю стабилизацию. Но влияние двух ключевых аргументов – наличия ядерного оружия и огромных ресурсов и территории, пусть и сократившейся с $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{8}$ части Земного шара, обеспечили сохранение амбиций.

Преодолев экстремальную турбулентность, РФ вернулась к продвижению своих претензий на статус великой державы. После неудач на европейской платформе, которые некоторые эксперты считают фатальными [2], в том числе и в рамках идеи «Большой Европы», основные усилия связывались с утверждением концепта «Большой Евразии» [3]. Но и здесь не удалось переосмыслить прежние подходы. Попытка России на фоне глобального кризиса переставить акценты с внутренних проблем на международную повестку обернулась большими издержками из-за введенных санкций, что, с учетом технологической и инвестиционной зависимости от Запада, вызвало новые осложнения.

В итоге амбиции страны все более расходятся с ее реальными возможностями. На текущий момент ВВП РФ составляет около 8,5% от ВВП США и 12,2% от ВВП Китая, а доля России в глобальном ВВП находится на уровне менее 2%, что ставит страну на 11 место в мире. Пересчет данных с учетом ППС фиксирует за РФ 6 место, сокращая разрыв с США лишь до пяти с лишним раз, а с КНР – до 6 раз. По интегральному показателю общего качества жизни РФ в 2020 г. оказалась на 67 месте в мире. Военный бюджет РФ в 16 раз меньше чем в США [4].

В таких условиях продолжение имперского по своей природе курса неизбежно вызывает дальнейшее повышение конфликтности, перенапряжение экономики и понижение геоэкономического статуса России. Последние годы показали неэффективность силовых попыток восстановить влияние в границах бывшей империи. Их следствием стало то, что Украина, ранее важнейшая часть имперского хартленда, вряд ли вернется к партнерским отношениям с Россией даже в отдаленной перспективе, как и Молдова, Балтия и бывшие европейские сателлиты. Крайне напряженной выглядит и ситуация в Беларуси. Кавказ также превратился в зону турбулентности при растущем влиянии Турции.

В ЦА РФ сталкивается с интересами Китая, но ничего не может противопоставить его экономической мощи. Российские социально-экономические шаблоны здесь теперь не выглядят привлекательными. В целом, по справедливому мнению, если сохранятся текущие тренды в экономической динамике, это «существенно усилит «китаецентрированные» не только экономические (и геополитические), но и культурные векторы, создавая, в том числе и реальную социально-экономическую мотивацию для повсеместного «разворота» нашей страны на

восток» [5]. Однако, на наш взгляд, ныне такой разворот для РФ возможен лишь в качестве «младшего партнера» на весьма непривлекательных условиях. Несмотря на то, что власти стран ЦА явно опасаются усиления КНР в регионе, Китай уже зафиксировал там свои экономические приоритеты: только в банковский и добывающий секторы Казахстана КНР инвестировала от \$55 до 80 млрд [6].

На отношениях РФ и стран ЦА не всегда положительно сказывается и историческая память. Высказывания некоторых российских политиков по поводу территорий Северного Казахстана вызвали в РК дискурс об истории и будущем страны [7] в ситуации, когда эффективность ЕАЭС вызывает много вопросов. В ШОС ныне противоречий больше, чем оснований для интеграции, а претензии РФ на роль лидера в этой организации явно не находят подтверждения.

Заключение. Представляется, что РФ необходимо признать две вещи. Во-первых, что время имперских стратегий окончательно завершилась, и попытки возвращения к прежней политике обречены на неудачу из-за отсутствия экономических, демографических, социальных, технологических и моральных предпосылок. Это касается и «внутренней колонии» – Сибири и Дальнего Востока, где изменение концепта развития актуально уже не первое десятилетие.

Во-вторых, что совокупность ограничений не позволяет РФ претендовать на глобальное лидерство. При этом наметившаяся тенденция «поворота на восток» противоречит историческому опыту развития России как части европейской цивилизации, лишая страну привычного социокультурного тезауруса и источника инноваций.

В-третьих, что общая ситуация давно актуализировала перенос акцентов на внутреннюю трансформацию – структурные изменения в экономике, оптимизацию институтов и сбалансированное региональное развитие. В долгосрочной перспективе использование фактора «мягкой силы» выглядит гораздо более привлекательным, хоть и не быстрым, инструментом достижения геополитических целей.

Литература

1. См.: Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. – М., Новое изд-во, 2004; Inozemtsev V. Russia, the Last Colonial Empire // The American Interest. 2017. June 29.

2. Шупер В.А. Парадоксы пространственного развития России // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы междунар. науч. конф. в рамках X ежегод. науч. Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 35.

3. Водичев Е.Г. Концепт «Большой Евразии»: идеологема или основа для прагматической стратегии? // Общественная география в меняющемся мире.... С. 14-16.

4. [Электронный ресурс]. Режим доступа 18.01.2021: http://fincan.ru/articles/55_dolya-stran-v-mirovom-vvp/; <https://svspb.net/danmark/vvp-dolja.php>; <https://immi-i.com/rejting-stran-mirapo-urovnyu-zhizni-2020/>; <https://www.gazeta.ru/army/2019/12/25/12883340.shtml>

5. Дружинин А.Г. Россия в меняющемся мире евразийском контексте: общественно-географический прогноз // Общественная география в меняющемся мире.... С. 18.

6. [Электронный ресурс] Режим доступа 18.01.2021: https://forbes.kz/process/expertise/chto_znachit_kitay_dlya_kazahstana

7. См., например, [Электронный ресурс] Режим доступа 18.01.2021: <https://orda.kz/rossijskij-deputat-territoriya-kazahstana-jeto-podarok-rossii/>;

8. Мажитов С.Ф. На защите национальных интересов // Казахстанская правда, 8 января 2021, № 5 (29382).

Сведения об авторе:

Евгений Григорьевич Водичев, д.и.н., профессор Новосибирского государственного технического университета и Томского государственного национального исследовательского университета

Evgeniy G. Vodichev, Prof., Dr. Novosibirsk State Technical University, National Research Tomsk State University
E-mail: vodichev@mail.ru; +7-952-905-6789.

УДК 913

Ибрагимов А.И.О., Чалышкан В.
Ibragimov A.I.O., Chalyshkan V.

ТУРЦИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ПОЛИТИКА РЕАЛЬНОСТЕЙ ИЛИ ИМПЕРСКИЙ ИНТЕРЕС?

TURKEY AND THE TURKIC WORLD: POLITICS OF REALITY OR IMPERIAL INTEREST?

Статья содержит общую характеристику изменений геополитического поведения Турции.

The article contains a general description of the changes in Turkey's geopolitical behavior.

Ключевые слова: *Турция, Тюркский Мир, идеология, геополитическое поведение*

Key words: *Turkey, Turkic World, ideology, geopolitical behavior*

Следует отметить, что современная Турция, отличается от своих традиций внешнеполитического поведения до процесса распада СССР. Данный катаклизм внес значительные изменения в характер и особенности странового положения Турции на Евразийском пространстве.

Вспоминая фразу Карла Маркса о том, что «политика - это есть концентрированное выражение экономики», то можно заключать, что Турция служит конкретным примером данного положения. С ростом экономического потенциала и технологического совершенствования менялись геоэкономические и геополитические тренды поведения государства.

Тюркский мир, всегда был в центре идеологии турецкого общества. Особенно он усилился в послеоктябрьский период (1917), когда тюркская политическая эмиграция *расквартировалась* в Турции. Именно она стала катализатором развития идей туранизма в стране.

Формирование геополитического поведения Турции в Евразии обусловлено, прежде всего, геоэкономическими факторами. Тюркский элемент, безусловно, здесь в наличии, но носит, в большинстве своем, пацифистский и гуманитарный характер. Это обусловлено целым рядом факторов, в т.ч. национальными интересами тюркоязычных государств с одной стороны и поведением глобальных игроков на тюркском пространстве Евразии.

В целом процесс формирования некоего общетюркского пространства довольно сложный и длительный. Возможность его перманентности мало реальна. И главная сложность в вопросе создания общетюркской идентичности и взгляда на это Анкары находится в долгосрочной перспективе.

Сведения об авторах:

Ибрагимов Айдын Исмаил оглы, доктор географических наук, профессор департамента международных отношений,

факультет экономических и политических наук, Эгейский университет (Измир, Турция);
E-mail: aibrahimov@bk.ru

Чалышкан Ведат, доктор наук, профессор, факультет прикладных наук, кафедра музейного дела и культурного наследия, Чанаккалинский Университет 18 Марта (Чанаккале, Турция)

УДК 911.3

Т. Стрыякевич
T. Strujakiewicz

ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК В ПОЛЬШЕ

EMERGENCE OF SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY AND SPATIAL MANAGEMENT AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE IN THE NEW CLASSIFICATION OF SCIENCE IN POLAND

Цель статьи - представить хронологию деятельности, которая привела к появлению в новой (действующей с 2018 года) классификации наук в Польше самостоятельной дисциплины „Социально-экономическая география и пространственное управление”. Статья вмещает также анализ положительных и отрицательных последствий введения этой классификации.

The aim of the article is to present the chronology of activities that led to the emergence of the discipline "socio-economic geography and spatial management" in the new classification of science in Poland which is in force since 2018. It also presents positive and negative consequences of implementing this classification.

Ключевые слова: социально-экономическая география, пространственное управление, классификация наук, Польша.

Key words: socio-economic geography, spatial management, classification of science, Poland.

1. Введение. 2018 год, провозглашённый «Годом польской географии», оживил дискуссию о месте географии в системе наук и ее роли в обществе. Кроме исторического фактора (связанного со 100-летием восстановления польской независимости и

формирования институциональных структур географии в независимом государстве), непосредственным импульсом этой дискуссии стали предложения Министерства науки и высшего образования по новой классификации наук в Польше. Данная классификация (далее - новая классификация) была сформулирована в виде Распоряжения министра науки и высшего образования от 20 сентября 2018 года об областях науки а также научных и художественных дисциплинах. Это постановление было издано в связи с реализацией так называемой «Конституции науки», а точнее Закона от 20 июля 2018 года о высшем образовании и науке. Новая классификация заменила ранее обязательную классификацию, указанную в Распоряжении министра науки и высшего образования от 8 августа 2011 года по областям знаний, областям науки и искусства, а также научным и художественным дисциплинам (далее - «старая классификация»). Это ознаменовало значительные изменения в географии, с одной стороны став предметом критики, а с другой - решив некоторые проблемы, ранее нараставшие годами.

Поиск места нашей дисциплины в новой классификации наук был непростым процессом. Повествования, сопровождающие этот процесс, не всегда отражали (и отражают) его реальный ход. Поэтому целью статьи является попытка представить путь формирования дисциплины „Социально-экономическая география и пространственное управление” с точки зрения одного из участников проводимых в этом направлении мероприятий.

2. Социально-экономическая география в старой и новой классификации наук в Польше

В старой классификации наук в Польше география (как физическая, так и социально-экономическая) была одной из четырех дисциплин Наук о Земле, относящихся к области Естественных наук (наряду с геофизикой, геологией и океанологией). Такое расположение и обособленность социально-экономической географии повлекли за собой ряд практических трудностей и необходимость поиска неформальных решений (хороший пример - получение ученых степеней и званий). Кроме того, аспиранты специализирующиеся, например, на социальной географии, часто выражали свое недовольство тем, что в рамках аспирантуры им приходилось посещать уроки геологии или гляциологии, которые были мало пригодны для их будущей научной карьеры (подобное недовольство было также выражено и с другой стороны). По этой причине необходимость поиска новых решений становилась все

более и более ясной. Однако в течение многих лет не было внешних условий для внесения каких-либо изменений. Подобная возможность появилась, когда Министерство науки и высшего образования провело реформу системы науки в Польше в 2017-2018 годах. Независимо от оценки предположений и последствий этой реформы (которая очень разнообразна в научном сообществе), следует признать, что она создала возможность нового «закрепления» географии (особенно социально-экономической географии) в этой системе.

Согласно идее Министерства науки и высшего образования, одной из целей новой классификации наук в Польше было её приближение к доминирующим в мире классификациям. Конечно, существует множество таких классификаций, и их точность можно обсуждать, но очевидно, что классификация, предложенная Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР/OECD) была принята как модель, открыла «окно возможностей» для социально-экономической географии. Эта классификация (среди 40 научных дисциплин) вычленяет социальную и экономическую географию как самостоятельную науку, относя её в область общественных наук, в то время как физическая география остаётся одной из субдисциплин Наук о Земле и окружающей среде (Earth and related environmental sciences), принадлежащих к области точных и естественных наук.

3. Путь к новой дисциплине

Путь к тому, чтобы общественная география заняла достойное место в польской классификации наук, оказался нелегким по двум основным причинам:

а) позиция и, следовательно, переговорная сила (bargaining power) социально-экономической географии в структуре науки и самой географии в Польше не очень высока;

б) сообщество польских географов (в том числе географов-обществоведов) не было уверено - по крайней мере на начальном этапе - в каком направлении должны идти предлагаемые изменения (А. Лисовский [1] назвал этих географов „ситуационистами”).

Органом сыгравшим важную роль в формулировании и предоставлении заключений по первой версии новой классификации наук в Польше была Центральная комиссия по ученым степеням и званиям (CKdsSiT), позиция которой включала слова: „есть аргументы в пользу дистанцирования дисциплины «Социально-экономическая география и пространственное управление». Данное

предложение было поддержано Комитетом географических наук Польской академии наук и Польским географическим обществом. Несмотря на многочисленные сомнения, эта позиция также была благосклонно встречена участниками ежегодной конференции руководителей географических вузовских и научных структур, которая прошла в Варшавском университете в ноябре 2017 года.

4. Последствия обособления „Социально-экономической географии и пространственного управления” в новой классификации наук. Последствия выделения „Социально-экономической географии и пространственного управления” как научной дисциплины в области общественных наук (с одновременным отнесением физической географии к дисциплине „Науки о Земле и окружающей среде” в области точных и естественных наук) можно рассматривать как в категориях новых возможностей, так и угроз. Наибольшие возможности связаны с перспективой более равной позиции социально-экономической географии по отношению к широко понимаемой физической географии в структуре науки в Польше. Речь идет о возвращении к модели географии, которую я называю «сбалансированной», продвигаемой, среди прочего, С. Лещицким [2], в которой пропорции между физической географией и социально-экономической географией более или менее одинаковы. Несмотря на растущее значение междисциплинарности исследований и появление множества современных классификаций географии, сама идея уравнивания пропорций и важности двух основных компонентов географии (один из которых более тесно связан с естественными науками, а другой - с общественными науками) кажется правильной.

В одной из предыдущих статей [3] я указывал, что институциональная структура географии в Польше до сих пор характеризовалась преобладанием в ней одной из дисциплин физической географии (чаще всего - геоморфологии), а ее суть заключалась в „большей заботе о сохранении позиции доминирующей субдисциплины, чем в заботе о развитии географии в целом (и тем более социально-экономической географии)” и в том, что „эта модель отклоняется от мировых стандартов” (с. 71-72). Отход от представленной выше „модели сбалансированных пропорций” привел к двум неблагоприятным тенденциям в развитии географии:

а) постепенному отказу от использования названия «география», вытеснении его из общественного дискурса при одновременной подмене его синонимичными (но не идентичными) наименованиями, такими как «Науки о Земле», «Геоэкология», «Пространственное управление», «Региональные исследования» и т.п.;

б) конкуренции между субдисциплинами географии за доминирующее положение за счет географии в целом (понимаемой как наука о взаимодействии между природной средой и деятельностью человека).

Как это ни парадоксально, но введение новой классификации наук способствовало возрождению дискуссии о единстве географии и, на мой взгляд, может помочь подавить описанные выше неблагоприятные тенденции. В дополнение к поиску междисциплинарности, в укреплении отношений с другими науками стоит усилить «междисциплинарность» (теперь санкционированную новой классификацией наук) внутри самой географии. Этот подход согласуется с точкой зрения А. Лисовского, выраженной в его заявлении: „Единство географии можно сохранить, реинтегрируя дисциплину вокруг двух ее основных сегментов. Модель «два в одном» кажется более эффективной чем поиск «духа единства» в традиционно понимаемом единстве географии” [4, с. 191]. Точно так же Й. Бански считает, что „Дуализм является силой географии” [5, с. 294].

Еще одно положительное следствие новой классификации наук, и в то же время шанс на будущее, это благоприятное формальное и правовое расширение возможностей социально-экономической географии в системе организации, управления и оценки науки в Польше. В настоящее время эта дисциплина имеет трех представителей в Совете по научному мастерству (RDN), то есть столько же, сколько экономика и финансы, социологические науки или юридические науки; также оценка научных достижений (и связанная с этим категоризация организационных единиц) будет происходить в рамках достаточно однородной дисциплины, что должно повысить ей объективность. Можно сказать: так хорошо в этом плане еще никогда не было. Наибольшие угрозы таятся в организационной дезинтеграции дисциплины «география», т. е. научного сообщества и связанных с ним организационных единиц. Однако первый опыт показывает, что может быть и по-другому. Есть основания полагать, что трансформация организационных единиц

происходит более плавно в тех средах, где текущая институциональная модель географии больше похожа на ранее представленную сбалансированную модель, а проблемы чаще всего возникают в центрах, значительно отклоняющихся от этой модели.

5. Резюме. Статья презентует, разумеется, авторскую, т. е., субъективную позицию, стороннему читателю способную показаться спорной. Точка зрения и оценка изменений в классификации польской науки (и не только в этом вопросе), как всегда, зависит от «позиции наблюдателя». Верифицировать корректность, целесообразность принятого в 2018 году решения способно лишь время, последующий тренд польской географической науки. Нет, однако, никаких сомнений в том, что в развитии социально-экономической географии в Польше мы находимся на значимом, поворотном моменте. Концепция зависимости от пути (*path dependence*) тесно связывает такой поворотный момент с событиями и процессами, которые ему предшествуют. Новое место географии в классификации наук является результатом многолетних усилий, резюмированных А. Лисовским следующим образом: „современная география достигла стадии требующей реинтеграции, в которой усиление суверенитета социально-экономической географии является обязательным элементом” [4, с. 189].

Литература

1. Lisowski A., 2007. Przedmiot badań, funkcje i tożsamość geografii na początku XXI w., *Geografia a przemiany współczesnego świata. Podstawowe idee i koncepcje w geografii*, t. 3, Wyższa Szkoła Gospodarki, Bydgoszcz, 39-54.
2. Leszczycki S., 1962. *Rozwój myśli geograficznej*, Geografia Powszechna, t. I, Ziemia – środowisko naturalne człowieka, PWN, Warszawa, 20-56.
3. Stryjakiewicz T., 2016. Stan, perspektywy i strategia rozwoju geografii społeczno-ekonomicznej w najbliższych latach (do 2030 r.), A. Suliborski (ed.), *Stan, perspektywy i strategia rozwoju geografii społeczno-ekonomicznej w najbliższych latach (do 2030 r.) – dyskusja międzypokoleniowa*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, 69-75.
4. Lisowski A., 2012. O miejscu geografii społeczno-ekonomicznej w geografii i systemie nauki, *Przegląd Geograficzny*, 84(2), 171-198.
5. Bański J., 2013. Jaka география? – uwarunkowania i spojrzenie w przyszłość, *Przegląd Geograficzny*, 85(2), 301-317.

Сведения об авторе:

Тадеуш Стрыякевич, профессор, доктор географических наук, член Совета университета, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша), Факультет социально-экономической географии и пространственного управления

Tadeusz Strzykiewicz, Prof., Dr. member of the Council of the University, University of Adam Mickiewicz in Poznań (Poland), Faculty of Socio-Economic Geography and Spatial Management

E-mail: tadek@amu.edu.pl

УДК 911.3

В.Л. Бабурин
V.L. Baburin

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – ИННОВАЦИОННЫЙ СЛЕД

GEOGRAPHICAL SPACE – AN INNOVATIVE FOOTPRINT

Рассмотрено воздействие инноваций на географическое пространство.

The impact of innovations on the geographical space is considered.

Ключевые слова: географическое пространство, инновации, Россия

Key words: geographical space, innovation, Russia

Введение. Новая индустриализация (неоиндустриализация) [4; 9; 10 и др.] требует осмысления предшествующих технологических этапов развития общества. Проблему неоиндустриализации У. Ростоу и Р. Арон рассматривали еще в 1950–1960-е гг. [1; 19]. Позже отдельные проблемы реиндустриализации анализировались в работах А. Etzioni и G. Dosi [16; 17]. Технократический взгляд на индустриализацию наиболее полно излагал в своих работах Дж. Гэлбрейт [4]. Разумеется, не может оставаться в стороне и теория «третьей волны» Э. Тоффлера [20].

Концепция «новой индустриализации» особенно актуальна для России, так как негативные результаты реализации либерально-рыночной модели развития привели к деиндустриализации обширных регионов страны и фактически стиранию отпечатков

прошлого. Т.к. согласно С. Глазьеву каждый кондратьевский цикл формирует новый технологический уклад на базе технологий созданных на завершающей фазе предшествующего цикла, то анализируя последовательность пространственного распространения технологий, мы можем получить косвенное представление о диффузии индустриальных инноваций в Российской Империи, СССР и РФ.

В конце 1990-х гг. нами была выдвинута гипотеза о том, что смещение центров власти и концентрации демо-производственного потенциала является косвенным отражением миграции инновационных центров [2], производными от импульсов которых являлись возникновение, динамика развития и реструктуризация индустриальных ареалов. Значительная часть исследователей связывают неоиндустриализацию с региональным «реннесансом», что вытекает из территориальности, как обязательной составляющей любого общественного процесса. Для огромных масштабов России важно оценить, в каких регионах необходимо учитывать «эффект колеи», а где неоиндустриализацию можно начинать с «чистого листа». Здесь мы концентрируем внимание на соотношении унаследованности и привнесенности территориальных структур в территориальной организации промышленности за период индустриального развития России.

Наиболее актуальны для заявленной темы теории индустриального общества и долгосрочного технико-экономического развития, в которых акцентируется внимание на долговременном характере индустриализации, последовательном замещении технологий третьей и четвертой промышленных революций, пятого и шестого технологических укладов. В рамках данной тематики особо следует отметить исследования не только зарубежных, но и отечественных ученых (Ю.В. Яременко, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов, С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец, С.Д. Бодрунов и др.).

Следует также обратить внимание на современную концепцию третьей промышленной революции, как способа нового энергообеспечения во взаимосвязи с информационно-коммуникационными технологиями [12]. В частности М. Йенике и К. Якоб делают акцент на неразрывность возобновляемой энергетики и ресурсосбережения, так называемой «экологической промышленности», которые вместе выступают локомотивами модернизации индустрии в целом [18].

Но на пути модернизации всегда стоит «эффект колеи». В географическом сообществе этой проблематикой занимаются А.С. Фетисов, Г.М. Федоров, Ю.М. Зверев, А.Л. Кузнецова [8; 20 и др.]. Пространственно-временной эффект колеи образно обозначил А.И. Тревиш, говоря о том, что «география «вяжет» историю» [19].

Инновационный след доиндустриального периода. Выбор начала пути можно проследить по динамике возникновения городов: от Новгорода, Смоленска и Киева на пути «из варяг в греки» к Ростово-Суздальским землям в Волго-Окском междуречье (ВОМ). Высокая мозаичность природных ландшафтов, сближенность главных речных бассейнов (Балтийского, Черноморского и Каспийского), периферийность, как снижающий вероятность нашествий фактор и несколько лучшая защищенность способствовали притоку населения с его инновационным потенциалом и навыками, а значит, и общему возвышению ВОМ. Этим был задан исходный вектор для последующего лидерства ВОМ на протяжении 700 лет, что отмечали Н.Н. Баранский, С.В. Воронкова, В.А. Кириллин, В.И. Ленин, Р.С. Лившиц, С.Г. Струмилин и др. Здесь издавна была повышена плотность городов, рано закладывались рыночные отношения, проникали агротехнологические и технические инновации [7]. Отсюда многослойность прединдустриального каркаса: на фундаменте ремесел выростала крестьянская (часто старообрядческая) промышленность, государственные (казенные) производства дополняла посессионная мануфактура [9; 23]. Внутренняя полиграничность, максимальное для Восточно-Европейской равнины ландшафтное разнообразие, центральность географического положения были значимыми факторами феномена неизменности инновационной функции места – «всегда вперые».

В результате со временем выстраивается специфическая российская территориальная модель: инновационное ядро – Москва; инновационная субъядро – ВОМ; инновационная субпериферия (очаги и ареалы промышленности в пределах Европейской части империи); азиатская аграрно-доаграрная периферия.

Инновационный след Прединдустриального периода. В результате западных реформ Петра I центр инноваций, а точнее, их ретрансляции переносится из «косной Москвы» в новую столицу – Санкт-Петербург. Именно она затем на протяжении более двух столетий выполняла функцию «инновационных ворот» в Россию. Но большую часть этого времени ВОМ сохраняло роль ведущего ареала

концентрации производительных сил, хотя стоящий в «экономической пустыне» столичный Петербург часто опережал Москву.

Геополитический прорыв на «запад» в сочетании с внутренней реформацией обеспечил резкое ускорение диффузии западных нововведений в России. За первые 25 лет XVIII в. были созданы основы для развертывания в стране преиндустриального цикла [23]: текстильная промышленность, черная металлургия и металлообработка. Поток стимулируемых государством инноваций устремился к востоку от Москвы и в первую очередь в Урало-Камскую землю (УКЗ), к ресурсам руды и топлива, что на 300 лет определило ее специализацию. Началось формирование в границах УКЗ нового индустриального региона. Уже к 1710 г. он давал около 40% общероссийского производства металла, а к 1750 г. – до 90%. Ареалом концентрации основной части вновь создаваемых мануфактурных и кустарных производств оставалось ВОМ с его традициями, кадрами и близостью к Москве. В целом в его пределах располагалось более половины всех мануфактур (без железоделательных), причем самых передовых [10].

Начинает четко проявляться специализация регионов: ВОМ – ведущий центр по обработке волокнистых веществ (несколько сотен мануфактур), пищевкусовых отраслей, обработки животных продуктов; Прикамье и Урал – металлургии и солеварения (более сотни предприятий обеих отраслей). За пределами этих регионов развивается ряд новых крупных очагов: универсальные Санкт-Петербургский и Средневолжский; центры пищевкусовой промышленности в Харькове и Воронеже; первые индустриальные очаги в Сибири, Забайкалье и на Алтае. Основным центром гражданского и военного машиностроения становится Санкт-Петербург, в значительной мере сохранивший такую специализацию и сегодня. На этом фоне все заметнее, особенно с середины XIX в., нарастала депрессивность Урала, при сохранении заданной специализации (в том числе и оборонной) и отдаленности от основных центров потребления металла в Европе и нарастающей конкуренции динамично развивающейся новой металлургии Донбасса. Отметим, что даже к середине XIX в. специализация крупнейших индустриальных районов была теснейшим образом связана с природно-ресурсной составляющей.

Инновационный след Первой промышленной революции. Реформы 1861–1874 гг. обычно считаются точкой

отсчета вступления России на капиталистический путь развития, спустя 250 лет после Англии. За 25 лет (1865–1890 гг.) длина железных дорог возросла в 7,6 раз (до 29 тыс. км), преимущественно в Центре, на Западе и Юге империи – основных районах первой промышленной революции.

Технологические уклады проникали в Россию с их финансовым носителем – иностранными инвестициями, чьи территориальные приоритеты резко изменили географию экономического роста. В 1867 г. доля Центра составляла около 50% (по сумме производства), Петербургско-Прибалтийского ареала – около 25%, Польши – около 10%, Урала и Юга – каждого менее 5%. В 1890 г. картина была уже иной: доля Центра снизилась до 30%, Урала – до 3,5%, у Северо-Запада и Польши она осталась без изменения. Зато резко вырос вклад Юга (12%), Поволжья (около 5%) и Кавказа (около 2%). Наблюдается классическая пространственная модель диффузии инноваций с постепенным снижением удельного веса ядра и ростом субпериферии

В отраслевой структуре на первое место по стоимости продукции вышла пищевая промышленность (48%). Текстильная переместилась на второе (30%), а машиностроение – на третье место (около 9%). По численности занятых лидерство сохранилось за текстильной промышленностью (28%), опережавшей металлургию и металлообработку (20%), пищевую (13%) и горнодобывающую отрасли (около 8%). Однако в специализации основных индустриальных ареалов принципиальных изменений не произошло. Только на Юге при высокой общей диверсифицированности структуры доля занятых возросла до 14% от общероссийской, в том числе в пищевой промышленности – 36%, металлургии и металлообработке – 15%, горнодобывающей – 13%.

В заключительном десятилетии XIX в. продолжалась диффузия индустриальных нововведений. Протяженность железных дорог возросла до 52 тыс. км, охватив первичной сетью большую часть обжитой территории страны. Транспортные инновации потянули за собой цепочку промышленных, в первую очередь в машиностроении и черной металлургии. При этом наблюдалась все та же тенденция: возникновение машиностроения в Петербурге; затем диффузия в Центр и на Запад; далее на Урал и Юг, к основным металлургическим базам. Иными словами, инновации изначально ориентируются почти всегда на «столичность», территориальную близость к генерирующим центрам, трудовые ресурсы и

«староосвоенность» (наличие колеи) и лишь затем перемещаются в районы, оптимальные для их размещения по совокупности факторов. Общие особенности инновационной модели отражает и территориальная динамика угольной отрасли: переток инноваций с Запада на Юг и Восток через ВОМ. Схожая картина складывалась и в черной металлургии.

К концу XIX века стремительно возник еще один ареал индустриального роста – Кавказ (вначале на базе нефтедобычи, а затем производств нефтеэнергохимического цикла). В границах бывших Империи–СССР он и сегодня сохраняет данную специализацию.

После затяжного кризиса начала 20 в. начался новый экономический подъем, пришедшийся на пик восходящей фазы второго кондратьевского цикла и сопровождавшийся территориальной перестройкой. Доля Урала продолжала падать, Юга, Кавказа и Поволжья – расти, при сохранении долей ВОМ, Запада и Польши. К началу Первой мировой войны сложилась территориальная структура промышленности, основные особенности которой сохраняются до наших дней, если не считать районов нового освоения. В Европейской части её пространственные пропорции и базовые специализации не смогла полностью переварить даже советская индустриализация и кризис конца столетия (см. табл. 1).

Инновационный след второй промышленной революции. Революции 1917 г. являются классическим примером инновационного «взрыва». Было построено новое государство, в рамках которого полностью осуществлен индустриальный цикл и построено индустриальное общество. Массированные инвестиции в этот период являются основным условием роста производственных мощностей в промышленности.

В 1923 г. на долю Московского промышленного района приходилось 38% занятых в промышленности СССР (50% в РСФСР), он давал соответственно 42% и 56% продукции. Вновь, как и ранее, на каждом очередном этапе развития именно в ВОМ накапливается потенциал для очередного инновационного толчка через модернизацию с сохранением исторического базиса накопленных технологических укладов.

Итогом значительных усилий по развитию восточных районов явилось удвоение их удельного веса в экономике страны к середине прошлого века. Доля районов к западу от Волги

уменьшилась до 40%. В Урало-Поволжье сформировался крупнейший в мире внутриконтинентальный индустриальный ареал, на который приходилось около 2/5 занятых и продукции промышленности страны. С учетом юга Западной Сибири и Северного Казахстана здесь оказалось сосредоточено до 50% промышленного и 1/3 аграрного потенциала страны (см. табл. 1). Еще примерно 1/6 промышленного потенциала приходилась на остальные район Азиатской части (против менее 1/20 до 1917 г.).

Подобная территориальная структура стала следствием совокупного влияния факторов формирования собственного инновационного центра и закрытости экономики страны в условиях инновационной и общеэкономической блокады со стороны Запада. Геополитические угрозы и, прежде всего Великая отечественная война, являлись важнейшим фактором, сдвигающим экономику в наиболее удаленные от внешних границ части территории.

Таблица 1.

Занятые в промышленности по макрорегионам СССР (в %)

Макрорегионы	1913	1940	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
СССР*	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
РСФСР	62	69	72	69	68	66	64	63	62	61	61
Центр**	36	40	25	17	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	15	12	11
Урало-Поволжье**	12	13	40	30	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	19	18	16
Восточные районы РСФСР*	4,5	6,4	12,4	13,7	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	15	17	18
Украина	18	20	16	17	18	18	19	19	20	20	20
Белоруссия	1	3	2,2	2,3	2,5	2,9	3,2	3,5	3,8	3,9	4
Прибалтика	4	1,8	2,4	2,6	2,9	3,2	3,3	3,2	3,1	3,1	3,1
Закавказье	3,5	2,4	2,8	2,8	2,8	3,0	3	3,1	3,4	3,7	3,8
Казахстан и Средняя Азия	0,7	3,6	4,6	6,3	5,8	6,1	6,5	6,9	7,3	7,8	8,1
Европейская часть	94,8	90	83	80	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	77,7	75,2	74
Азиатская часть**	5,2	10	17	20	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	22,3	24,8	26

*В 1913 г. доля в 100% для СССР равна 88% от производства Российской империи в сопоставимых границах.

**Данные даются по расчетам автора на основе данных статистических сборников.

Таблица составлена на основе данных: [14].

Подводя итог макроиндустриальной волне, отметим, что за период с 1918 по 1975 г. (завершение второй промышленной революции) в промышленность было направлено 36% всех инвестиций в народное хозяйство, что демонстрирует приоритет его

индустриального сектора. Эти ресурсы позволили за срок менее 60 лет завершить вторую, пройти третью и войти в четвертую кондратьевскую волну.

В структуре самой промышленности также произошли значительные изменения. Лидирующей отраслью по всем показателям стало машиностроение. Значительно возросла доля химической и топливной отраслей. Подобная структура в общих чертах вполне соответствует представлению об индустриально развитом государстве.

Советская модернизация сопровождалась и кардинальным сдвигом в размещении производительных сил (табл. 1). Основным итогом послевоенного развития стало существенно более равномерное распределение промышленного потенциала. Впервые в истории доля Центрального района оказалась ниже 1/4 индустриального потенциала страны. Если в 1930 г. на два пристоличных региона приходилось 2/3 промышленного потенциала СССР (в 20-е гг. только Московский район концентрировал до 50% всего промышленного потенциала), то к 1980-м гг. их доля снизилась до 1/6.

Вместе с тем внутри Европейской части вплоть до 1990-х гг. (в Прибалтике до 1980-х гг.) шел процесс увеличения доли периферийных территорий (в соответствии с диффузионной моделью), дополнявший тенденцию сдвига на Восток. В масштабах СССР к 1990 г. общие пропорции экономики выглядели следующим образом: доля промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства составила около 70%. На первичную сферу приходилось около 15% ВВП, вторичную – свыше 1/3, на третичную – около 2/5, на транспорт и связь – около 15%.

Инновационный след Третьей промышленной (НТР) революции. Еще в середине 1980-х гг. начался поиск социальных изобретений, которые могли бы дать ответ на очередные вызовы времени. Эти поиски получили широко известное название «перестройка». Вне всяких сомнений это были реформы, ориентированные на западные инновации.

Эффективность реформ определяется структурно-отраслевыми и территориальными сдвигами, достигаемыми уровнями социальной и территориальной дифференциации. Ухудшение отраслевой структуры (см. табл. 3, 4, 5), усиление периферийности большинства районов, возрастание различий означает их неэффективность. Если при этом происходит

абсолютное снижение ВВП, то это «неэффективность в квадрате». В этом смысле неудача избранной модели реформирования, которую пытались реализовать в 1990-е гг. страны СНГ, включая Российскую Федерацию, привела к тому, что сегодня они – слабое звено в «цепочке индустриальных государств».

Другим индикатором служит изменение территориальных пропорций в уровнях экономического развития регионов, измеряемых в ВРП 2018 г. в сравнении с 1998 г. и 1991 г. Доля двух столичных регионов (Московского и Петербургско-Ленинградского) возросла сначала с 26,4% до 31%, а к 2018 г. до 32,5%. Удельный вес трех восточных районов почти не изменился – соответственно 27,9%, 27,5% и 28,7% – исключительно за счет увеличения доли Западной Сибири с 13,8% до 14,9%. Доля Урало-Поволжья, напротив, снизилась с 25,2% до 22,8% – в основном за счет Урала. При этом доля Московского столичного региона в Центре возросла с 64% до 75%, а Петербургско-Ленинградского региона в Северо-Западном районе – с 66% до 71%. Таким образом, следует говорить о нескольких разнонаправленных процессах в кардинально изменившейся динамике индустриальных ареалов и их сочетаний под воздействием двух «дирижеров» – внутрисистемного кризиса на пространстве СССР и сильнейших внешних инновационных воздействий со стороны Запада и, в меньшей степени, Востока и Юга.

Если считать без Сибири, то доля Волжско-Окского междуречья в Европейской части составила в 2018 г. 31% в стоимостном выражении и 19,5% по занятым, против соответственно 29% и 16,5% в 1912 г., то есть практически не изменилась. На «Зауралье» в 2018 г. приходилось соответственно 39,6 и 19%. У Трейвиша на Азиатскую Россию в 2000 г. 28 и 20% [19]. Сравнение показывает, что при высокой согласованности оценок по занятым, стоимостное выражение существенно иное, в силу большой неустойчивости цен на ресурсы.

Таблица 2.

Размещение российской промышленности в 1912 и 2018 гг.

Промышленные ареалы	Продукция, млн. руб., 1912 г.	%		Занятые, млн чел., 2012 г./ 2018 г.	%	
		1912 г.	2018 г.		1912 г.	2018 г.
Северный	34	0,6	4,2	0,022/0,4	1,3	2,9
СПб-Прибалтийский	816	15	4,8	0,29/0,9	17,2	6,5

ВОМ (ЦЭР+Нижний Новгород)	1587	28	18,6	0,8/2,95	46,9	15,6
УКЗ	215	4	12,6	0,17/1,95	10,2	13,9
Кавказский	596	11	3,6	0,16/1,25	9,6	9,0
Сибирский	110	2	39,6	0,1/2,650	5,6	19,0
Прочие	2244	39,4	16,6	0,15/4,62	9,1	33,1
Итого	5602	100	100	1,7/13,95	100	100

Таблица составлена на основе данных источников [5; 9; 10], а также данных Росстата.

Изменения в размещении промышленности в постсоветский период сопровождались перестройками как общехозяйственной специализации, так и структуры отраслей промышленности. При этом, процессы изменения специализации экономических районов сопровождались уменьшением диверсифицированности региональных экономик и нарастанием монопрофильности, что в определяющей степени диктовалось внешней конъюнктурой.

Наиболее моноспециализированными оказались Западно-Сибирский (60% продукции промышленности приходится на ТЭК) и Восточно-Сибирский (52% – цветная металлургия) районы. Данное структурное соотношение во многом отражает предшествующий десятилетний процесс «сжимания» других отраслей промышленности при экспортной ориентации отраслей ТЭК в условиях невозврата амортизационных отчислений.

Машиностроительная специализация Волго-Вятского района (на нее приходится 42% промышленной продукции) связана, прежде всего, с обвальным спадом в химической, легкой и лесной отраслях в сочетании с относительно высокой долей слабо затронутых кризисом некоторых секторов самого машиностроения (автомобильная промышленность).

К районам, сохранившим наиболее диверсифицированную структуру промышленности (в РФ 5 отраслей дают более 10% промышленной продукции каждая) можно отнести Уральский (5 отраслей), Поволжский, Центрально-Черноземный и Дальневосточный (по 4 отрасли в каждом) районы. Подобная ситуация объясняется для первых двух районов их срединным положением в стране и спецификой многократного прохождения инновационных волн; в Центрально-Черноземном районе – с наведенным значением аграрной специализации. Дальневосточный регион, традиционно изолированный от основного экономического пространства страны, в условиях резкого роста транспортных тарифов стал еще более оторванным от Европейской части страны и

вынужден сохранять значительную диверсифицированность экономики при одновременной специализации на экспортно-ориентированной рыбной промышленности.

В целом можно согласиться с Трейвишем, который указывает на сдерживание волн модернизации сопротивлением пространства.

Выводы. Проведенное исследование позволяет о возможности использования трансформации территориально-отраслевой структуры промышленности для ретроспективного анализа локализации технологических инноваций. С одной стороны, многослойность волн инноваций составляет очевидное конкурентное преимущество старопромышленных и вообще староосвоенных районов. С другой стороны, закреплённость (консервативность) являлась препятствием для ускоренной модернизации, например Урала.

Новая металлургия в Российской империи формировалась с «чистого листа» в Южном районе и Царстве Польском. Первая пятилетка целиком опиралась на потенциал ВОМ и являлась модернизацией этого старопромышленного района. А вот вторая пятилетка – это неоиндустриализация, когда начался сдвиг промышленности в Урало-Поволжье, хотя для некоторых регионов Урала это была скорее модернизация. Великая Отечественная война многократно усилила этот тренд и сдвинула производство еще восточнее – на юг Сибири. Одновременно формировался изолированный неоиндустриальный ареал на Дальнем Востоке. И вместе с тем модернизировалась промышленность Южного экономического района, унаследованного от Империи.

После войны неоиндустриализация охватила ЦЧР и западные районы Центральной России, север Западной Сибири и в ограниченных масштабах Северный Кавказ.

Последние тридцать лет в России фактически не было ни модернизационного, ни неоиндустриализационного процессов, и сегодня принципиально важно определиться с выбором районов как для одного, так и для другого вариантов восстановления и развития промышленного потенциала страны.

Благодарности. Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-45-670001 и № 20-05-00695

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Пер. с фр. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. 608 с.
2. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 120 с.
3. Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М.: Мосгорархив, 1996. 244 с.
4. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.
5. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. М.: Наука, 1989. 494 с.
6. Кузнецова А.Л. Эффект колеи и новый путь развития Калининградской области // Российская Балтика и Балтийский регион. Монография / под научной ред. В.М. Разумовского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 200–226.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1971. 792 с.
8. Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 296 с.
9. Новикова Н.В. Потенциал новой индустриальной модернизации: подходы к определению и региональному экономическому измерению // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5(73). С. 128–140.
10. Осипов Ю.М. Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // Философия хозяйства. 2013. № 3. С. 283–288.
11. Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 198 с.
12. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
13. Трейвиш А.И. Время и пространство российской модернизации: некоторые уроки истории и географии. Регионалистика, 2015, том 2, № 1 стр 23-40
14. Фетисов А.С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 83–94.
15. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.
16. Dosi G, Nelson R.R. Technical change and industrial dynamics as evolutionary processes // Handbook of the Economics of Innovation. 2010. No. 1 P. 51–127.
17. Etzioni A. Reindustrialization of America // Review of Policy Research. 1983. Vol. 2. No. 4. P. 677–694.
18. Jenike M., Jakob K. Dritte industrielle revolution // Internationale Politik. 2008. No. 5. P. 38–39.

19. Rostow W.W. The Economic History Review // New Series. Vol. 12. No. 1 (1959), pp. 1–16.
20. Toffler A. The third Wave. N.Y., 1980. 544 p.

Сведения об авторе:

Вячеслав Леонидович Бабурин, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

Vyacheslav L. Baburin, Prof., Dr., Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

E-mail: vbaburin@yandex.ru

УДК 911.9; 332.1

О.В. Кузнецова

O.V. Kuznetsova

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

INDUSTRIAL PRODUCTION DYNAMICS IN RUSSIAN REGIONS DURING THE PANDEMIC

Рассматривается дифференциация федеральных округов и регионов по индексу производства в 2020 г. по отношению к 2019 г. Показывается, что значимый вклад в формирование межрегиональных различий внесли отраслевая специализация, ситуация на отдельных предприятиях, емкость потребительского рынка. Приводятся данные по ситуации в регионах с производством лекарственных средств и медицинских материалов.

The differentiation of federal districts and regions by the production index in 2020 in relation to 2019 is considered. It is shown that a significant contribution to the formation of interregional differences was made by industry specialization, the situation at individual enterprises, and the capacity of the consumer market. Data on the situation in the regions with the production of medicines and medical materials are provided.

Ключевые слова: *регионы, индекс производства, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства*

Key words: *regions, production index, mining, manufacturing industries*

Пандемия коронавируса стала причиной нового ухудшения экономической ситуации в России, при этом неизбежно по-разному

сказавшись на социально-экономическом развитии отдельных регионов. О краткосрочных последствиях коронавируса, прежде всего, о влиянии на экономику регионов ограничений на ведение деятельности, эксперты уже не раз говорили [1-3]. Но важно также проанализировать, как новый кризис отразился на промышленности регионов (которой ограничения коснулись в минимальной степени), какие у нового кризиса типичные или новые особенности региональных проявлений (что важно для оценки перспектив развития ситуации), дал ли кризис толчок каким-то позитивным изменениям.

По данным Росстата, индекс промышленного производства (под которым имеются в виду разделы В, С, D и E в ОКВЭД 2) в целом по России в 2020 г. по отношению к 2019 г. составил 97,1%, близкими были показатели по электроэнергетике (разделу D) – 97,5% и водоснабжению (разделу E) – 96,2%. В обрабатывающих производствах был небольшой рост, а вот основной вклад в промышленный спад внесла добыча полезных ископаемых (таблица 1). Точнее, значимое сокращение добычи произошло по топливным ресурсам (индекс по добыче угля – 93,7%, нефти и природного газа – 91,9%), тогда как добыча металлических руд увеличилась (индекс 102,1%). Таким образом, экономический кризис в России в очередной раз был сопряжен с ухудшением ситуации на мировых рынках нефти, в сокращение спроса на которую коронавирус внес свой вклад, однако падение цен на нефть произошло задолго до пандемии.

Дифференциация регионов по динамике добычи полезных ископаемых в значительной степени определяется их специализацией, явным лидером по росту стала металлургическая Челябинская область (индекс 131,7%). Напротив, среди регионов с заметным спадом добычи (индексы 88-90%) были нефтегазодобывающие Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тюменская область (без АО), Татарстан и Башкирия, Красноярский край; несколько лучше ситуация была в регионах, где продолжилась реализация новых проектов, особенно на Ямале (98,8%).

Таблица 1.

Индексы производства по федеральным округам, 2020 г.
в % к 2019 г.

Федеральные округа	Промышленность всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство пищевых продуктов
--------------------	----------------------	----------------------------	-----------------------------	--------------------------------

Среднее по РФ	97,1	93,0	100,3	103,5
Центральный	105,2	101,2	106,2	109,1
Северо-Западный	97,0	91,4	99,3	99,5
Южный	99,0	94,4	100,5	97,5
Северо-Кавказский	106,5	89,6	104,4	107,3
Приволжский	96,6	92,8	98,6	106,2
Уральский	97,7	94,2	105,6	101,5
Сибирский	95,6	91,0	98,2	103,9
Дальневосточный	95,9	96,4	91,7	98,2

Источник: данные ЕМИС

В обрабатывающей промышленности также были значительные различия в динамике по разным ее отраслям. Типичной для всех кризисов стала дифференциация между производством товаров повседневного спроса и длительного пользования. По первым (в т.ч. продуктам питания) был рост, а максимальный спад отличал производство автотранспортных средств (индекс 87,3%), что объясняет неблагоприятную ситуацию в регионах со специализацией на автопроме.

Особенностью же текущей ситуации стало лидерство по темпам роста производства лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов, что очевидно связано с резко возросшим в условиях пандемии спросом и на лекарственные препараты, и на средства защиты.

Специализация на разных видах обрабатывающих производств внесла свой вклад в дифференциацию регионов по индексам производства (одним из лидеров оказался аграрный Северо-Кавказский округ), но была не единственным фактором такой дифференциации. Важное значение имела также ситуация на отдельных предприятиях в регионах; высокие темпы роста производства характерны для субъектов РФ, где вводились новые масштабные производственные мощности. Самый яркий пример – Тюменская область (без АО) с индексом обрабатывающих производств в 151,7% (1-е место среди субъектов РФ). В лидерах и те регионы, где это объясняется очень низкой базой: Магаданская область (139,7%) и Республика Алтай (138,3%).

По отдельным видам обрабатывающих производств минимальная дифференциация регионов по индексам производства была характерна для производства пищевых продуктов, т.е. по нему влияние на межрегиональные различия отдельных предприятий минимально. При этом прослеживается значимое влияние такого фактора, как емкость потребительских рынков. Так, максимальный

индекс зафиксирован в Центральном федеральном округе (таблица 1), в Москве показатель составил 139,1%. На третьем месте (после Северо-Кавказского) – Приволжский округ, где расположено сразу несколько городов-миллионников. Единственный федеральный округ, где было сокращение объемов производства пищевых продуктов, – наименее заселенный Дальневосточный, но и в его границах прослеживается значимость потребительского фактора. Максимальные темпы роста в Еврейской АО (168,4%), ориентированной во многом на Хабаровский край, в самом Хабаровском крае (109,8%) и в Сахалинской области (106,8%).

Дальний Восток заметно выделяется в худшую сторону на фоне других федеральных округов и по индексу обрабатывающих производств в целом (таблица 1), здесь развитие обеспечивается пока преимущественно сырьевыми отраслями или сферой услуг. Активная федеральная политика по поддержке этого макрорегиона пока не позволяет добиться кардинальной перестройки структуры его экономики.

Влияние на динамику производства разных факторов в итоге привело к формированию довольно «пестрой» картины по дифференциации регионов по индексу производства в целом (таблица 2). Тем не менее в лидерах доминируют регионы Центра и Юга России. Попадание в аутсайдеры Костромской области связано с резким спадом производства в электроэнергетике региона.

Таблица 2.

Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по индексу производства, 2020 г. в % к 2019 г.

№ п/п	Регионы-лидеры	Индекс	Регионы-аутсайдеры	Индекс
1	Респ. Северная Осетия-Алания	124,7	Республика Тыва	63,1
2	Тюменская область (без АО)	121,5	Приморский край	79,4
3	Республика Алтай	121,4	Карачаево-Черкесская Респ.	88,4
4	Владимирская область	119,3	Ненецкий АО	88,8
5	Тульская область	112,4	Костромская область	88,9
6	Чеченская Республика	111,4	Красноярский край	90,6
7	Кабардино-Балкарская Респ.	111,0	Томская область	90,7
8	Московская область	109,2	Ханты-Мансийский АО	91,6
9	Республика Бурятия	107,4	Республика Калмыкия	92,1
10	Пензенская область	107,3	Архангельская область	92,2

11	Рязанская область	106,3	Удмуртская Республика	92,7
12	Магаданская область	105,6	Республика Коми	93,0
13	Орловская область	105,3	Нижегородская область	93,4
14	г. Москва	105,1	Калининградская область	93,5
15	Республика Адыгея	105,1	Республика Марий Эл	93,6

Источник: данные ЕМИСС

В связи с пандемией коронавируса особый интерес представляет ситуация с производством лекарственных средств и медицинских материалов, отличающимся значительной территориальной концентрацией (таблица 3).

Таблица 3.

Регионы-лидеры в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях

№ п/п	Субъекты РФ	Доля в общероссийском производстве, 2019 г., %	Доля в обрабатывающих производствах субъектах РФ, 2019 г., %	Индекс производства, 2020 г. в % к 2019 г.
	Российская Федерация	100,0	1,3	123,0
1	Московская область	26,3	5,5	132,3
2	г. Санкт-Петербург	9,5	2,3	113,9
3	г. Москва	7,7	0,6	138,8
4	Владимирская область	6,0	7,0	74,7
5	Калужская область	5,9	4,0	102,3
6	Республика Башкортостан	4,5	1,7	117,8
7	Курская область	3,9	12,1	124,9
8	Самарская область	3,3	1,7	118,2
9	Нижегородская область	2,9	1,1	97,9
10	Иркутская область	2,8	3,5	250,6
11	Белгородская область	2,7	2,6	90,8
12	Ярославская область	2,5	3,8	94,4
13	Новосибирская область	2,3	2,4	140,5
14	Рязанская область	2,1	3,8	158,3
15	Кировская область	2,1	4,9	110,9
16	Курганская область	1,7	7,8	141,4

Источник: данные ЕМИСС и расчеты авторов на их основе

Различия между регионами по динамике производства в отрасли еще раз подтверждают значимость такого фактора, как ситуация на отдельных предприятиях, включая ввод новых мощностей. Мы продолжаем изучение ситуации в фармацевтической промышленности, предварительные результаты показывают также немаловажную роль мер поддержки бизнеса со

стороны как федеральных, так и региональных властей (один из примеров последнего – Москва).

Литература

1. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 2-17.
2. Кузнецова О.В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 20-38.
3. Kolomak E. Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity // R-Economy. 2020. Vol. 6. No. 3 Pp. 154-161.

Сведения об авторе:

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, зав. лаб. «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы» РЭУ имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Olga V. Kuznetsova, Prof., Dr., Head of the Laboratory "Regional Policy and Regional Investment Processes", Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

УДК 911.3 (571.5)

Л.А. Безруков, Ю.С. Размахнина
L.A. Bezrukov, Yu.S. Razmakhnina

ДИНАМИКА «РУССКИХ» И «НЕРУССКИХ» РАЙОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ

DYNAMICS OF "RUSSIAN" AND "NON-RUSSIAN" AREAS OF EASTERN SIBERIA AT THE POST-SOVIET STAGE

Дан анализ постсоветской трансформации этнического состава населения Восточной Сибири на трех территориальных уровнях: макрорегиона в целом, регионов (субъектов РФ), муниципальных образований. Установлена тенденция поляризации этнического

пространства на «русские» и «нерусские» («этнические») регионы и муниципальные образования.

The article analyzes the post-Soviet transformation of the ethnic composition of the population of Eastern Siberia at three territorial levels: the macroregion as a whole, regions (subjects of the Russian Federation), and municipalities. The tendency of the ethnic space polarization into "Russian" and "non-Russian" ("ethnic") regions and municipalities is established.

Ключевые слова: *этнический состав населения, этническое пространство, «русские» и «нерусские» районы, коренные народы.*

Key words: *ethnic composition of the population, ethnic space, "Russian" and "non-Russian" areas, indigenous peoples.*

Важной особенностью расселенческой структуры Восточной Сибири, рассматриваемой в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области, является разница «русских» и «нерусских» районов. В научной литературе для постсоветского этапа она почти не раскрыта. Между тем разница «русских» и «нерусских» районов, отражая этническую структуру населения, осязаемо проявляется в различиях элементов его демографического и миграционного поведения, специфике личного подсобного хозяйства и традиционной культуры, элитогенеза и электоральных процессов [1].

Уникальная особенность Восточной Сибири заключается в том, что подавляющую часть ее территории – почти 3/4 – занимают республики и муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае), выделенные на основе этнического принципа. С учетом официального перечня «мест традиционного проживания коренных малочисленных народов РФ» площадь этнических территорий еще более возрастает. Все эти национальные единицы государственного и муниципального устройства и другие этнические территории имеют принципиально различный статус, что оказывает заметное влияние не только на элитогенез и электоральные процессы, но и на образование на родном языке, сохранение национальной идентичности, межнациональные отношения и риски возникновения этнополитических конфликтов. Необходимо особо подчеркнуть, что существование столь сложной иерархии разностатусных

национальных единиц характерно прежде всего для Восточной Сибири.

Анализ постсоветской трансформации этнического состава населения Восточной Сибири осуществлен за период между переписями 1989 г. и 2010 г. Оценка произведена от числа лиц, указавших свою национальность: по последней переписи из 9,13 млн жителей макрорегиона 8,88 млн указали свою национальность.

По итогам переписи 2010 г. в число десяти наиболее многочисленных народов вошли (по убыванию) следующие: русские, якуты, буряты, тувинцы, украинцы, татары, хакасы, немцы, эвенки, белорусы. Характерно, что пять из них принадлежат к сибирским коренным народам, увеличившим на постсоветском этапе свои численность и долю при уменьшении соответствующих показателей других народов. Так, украинцы уступили 4-е место тувинцам, белорусы с 7-го места «откатились» на 10-е, пропустив вперед хакасов, немцев и эвенков, причем последние заместили в первой десятке выбывших чувашей.

Несмотря на значительное (более 1,1 млн чел.) сокращение численности за 1989–2010 гг., русские, как и прежде, составляли подавляющее большинство, а их доля в общем населении – 79,7 % – ненамного ниже среднего показателя по России (80,9 %). Негативное значение в динамике имели факторы естественной убыли и миграционного оттока, позитивное – фактор ассимиляции ряда народов в пользу русской этнической идентичности.

Коренные крупные народы Восточной Сибири, к которым принадлежат якуты, буряты, тувинцы и хакасы, продемонстрировали в целом рост своей демографической массы в 1,2 раза, а их доля увеличилась с 10,2 до 14 %. Это произошло преимущественно за счет относительно более высокого естественного прироста. Вместе с тем при росте численности якутов (на 26,8 %), тувинцев (на 26,5 %) и бурятов (на 11,3 %), численность хакасов немного уменьшилась (на 4,8 %).

Главным образом по причине усиления процесса этнической идентификации численность коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в целом увеличилась в 1,4 раза, доля – с 0,5 до 0,7 %. Прирост численности наблюдался у эвенков, эвенов, долган, ненцев, сойотов, юкагиров, чукчей, тофаларов, энцов и чулымцев; уменьшение – у шорцев, кетов, нганасан, селькупов. КМНС проживают во всех восточносибирских субъектах РФ (кроме Тувы), но основная их часть приходилась на Якутию (59 %) и Красноярский

край (24 %). Удельный вес КМНС в общей численности населения относительно высок лишь в Якутии – 4,3 %.

подавляющее большинство в населении Восточной Сибири принадлежало в 2010 г. русским и коренным народам – в сумме 94,4 %. За 1989–2010 гг. доля всех «прочих» (нерусских и некоренных) сократилась с 9,2 до 5,6 %, что отражает тенденцию заметного снижения этнического разнообразия. Следовательно, ведущие особенности этнической ситуации в регионах Восточной Сибири определяет главным образом соотношение русских и коренных крупных народов. С некоторой условностью можно выделить «русские» регионы (Красноярский и Забайкальский края, Иркутская область) и «нерусские» регионы (республики Бурятия, Саха, Тыва и Хакасия).

В «русских» регионах и Хакасии доля русских за 1989–2010 гг. повысилась на 1,9–3,7 %, достигнув 91,4 % в Иркутской области, 91,3 – Красноярском крае, 89,9 – Забайкальском крае и 81,6 % – Хакасии. Между тем в трех республиках Восточной Сибири эта доля понизилась, причем особенно сильно в Тыве и Якутии. Из 21 республики страны в 2010 г. доля русского населения ниже, чем в Тыве (16,3 %), была лишь в трех северокавказских – Ингушетии, Чечне и Дагестане.

В то же время во всех республиках Восточной Сибири наблюдался рост удельного веса титульных народов: тувинцев (с 64,3 до 82,0 %), якутов (с 33,4 до 49,9 %), бурят (с 23,8 до 30 %), хакасов (с 11,1 до 12,2 %). Отсюда следует, что в Тыве и Якутии шел активный процесс образования мононациональных регионов.

Для оценки динамики этнического состава населения на максимально дробном уровне (по 226 муниципальным образованиям – МО) осуществлено районирование Восточной Сибири на основе немного измененной методики А.Г. Манакова [2] с выделением четырех составляющих этнического пространства: 1) русского этнического ядра русского мегаядра (доля русских свыше 90 %); 2) контактной зоны русского мегаядра (75–90 %); 3) внутренней полиэтничной периферии русского мегаядра (50–75 %); 4) внешней полиэтничной периферии русского мегаядра (ниже 50 %).

Русское мегаядро, включающее русское этническое ядро и его контактную зону, протягивалось в макрорегионе широкой непрерывной полосой от западной границы Красноярского края (за исключением северных Таймыра и Эвенкии) и Республики Хакасия (кроме двух южных районов) до юго-восточной границы Республики

Саха и восточной – Забайкальского края. Мегаядро занимало треть территории Восточной Сибири, но концентрировало 77 % ее населения и основную часть экономического потенциала. К русскому мегаядру в 2010 г. относилось большинство МО – 147 (65,0 %).

В течение 1989–2010 гг. ключевая компонента русского мегаядра – русское этническое ядро – показала исключительную позитивную динамику: количество МО выросло с 71 до 118, т. е. на 47. Подавляющая их часть приходилась на Красноярский край (26) и Иркутскую область (17). В то же время количество МО контактной зоны, наоборот, сократилось на близкую величину – с 70 до 29, т. е. на 41. Следовательно, этническое ядро росло за счет контактной зоны, а процесс «русификации» был обусловлен как ассимиляцией ряда нерусских и некоренных народов, так и их повышенным миграционным оттоком.

Полиэтническая периферия русского мегаядра занимала 2/3 всей площади, но ее доля в населении была намного меньше – 23 %. Периферия разорвана мегаядром на две большие сплошные части – северную и южную. В огромной северной части располагались Таймыр и Эвенкия Красноярского края, все районы Якутии (кроме трех окраинных); южная часть охватывала юг Хакасии, всю Туву, ряд районов Бурятии с Улан-Удэ. К полиэтничной периферии в 2010 г. относилось 79 МО (35,0 %).

В течение 1989–2010 гг. внутренняя периферия сжалась с 31 до 15 МО, тогда как за ее счет внешняя периферия расширилась с 54 до 64 МО. Рост внешней периферии произошел главным образом в «этнических» регионах. Это связано как с более высоким естественным приростом коренного населения, так и с массовым оттоком в 1990-е гг. русских и других некоренных народов, особенно из Тувы и Якутии.

Таким образом, динамика территориальной структуры этнического пространства Восточной Сибири говорит о росте его двух противоположных компонентов – русского этнического ядра и внешней полиэтничной периферии. Увеличение количества МО как с очень высокой, так и с очень низкой долей русских (и соответственно с повышенной долей коренных народов) рельефно отражает тенденцию поляризации районов и городов на «русские» и «нерусские» («этнические»).

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90048.

Литература

1. Размахнина Ю.С. Этнический фактор в электорально-географических процессах (на примере Иркутской области) // Географический вестник = Geographical bulletin. – 2020. – № 2. – С. 48–62.
2. Манаков А.Г. Трансформация этнического пространства России в XVIII–XIX вв.: историко-географический анализ // Изв. РГО. – 2019. – Т. 151, вып. 1. – С. 17–28.

Сведения об авторах:

Безруков Леонид Алексеевич, доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,

E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru, тел. 89149144420

Размахнина Юлия Сергеевна, младший научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,

E-mail: yulya.razmakhnina@bk.ru, тел. 89248208001

УДК 910.3

Р.Г. Сафиуллин

R.G. Safiullin

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИИ ЗА 1990-2020 ГОДЫ: ИТОГИ, ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ

SPATIAL METAMORPHOSES OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPHERE OF RUSSIA FOR 1990-2020: RESULTS, TRENDS AND CHALLENGES

В статье дан краткий обобщающий анализ и оценка итогов, трендов и вызовов трансформации научно-образовательной сферы России за период рыночной эволюции страны. В развитых странах мира объемы инвестиций в научную сферу постоянно увеличиваются. Для России характерно быстрое отставание от мировых лидеров по абсолютным объемам финансирования научно-образовательной сферы. Большинство субъектов страны имеют недостаточное финансирование по объемам капитальных затрат на научные исследования и разработки. С 2010 года сформировался устойчивый тренд на снижение численности подготовки научных кадров в целом по стране и регионам.

The article provides a brief summary analysis and assessment of the results, trends and challenges of the transformation of the scientific and

educational sphere of Russia during the period of the country's market evolution. In the developed countries of the world, the volume of investment in the scientific sphere is constantly increasing. Russia is characterized by a rapid lag behind the world leaders in terms of absolute funding of the scientific and educational sphere. Most of the country's subjects have insufficient funding in terms of capital expenditures for research and development. Since 2010, a steady trend has been formed to reduce the number of scientific personnel training in the whole country and regions.

Ключевые слова: научно-образовательная сфера, трансформация, территориальный анализ, проблемы, тенденции.

Keywords: scientific and educational sphere, transformation, territorial analysis, problems, trends.

Имеются различные взгляды и мнения по особенностям территориальной организации и управления научно-образовательной сферой страны. Исследование происходящих изменений в территориально-структурной организации научно-образовательной сферы России в рыночных условиях имеет научно-практическое значение [1, 2].

На этапе рыночных преобразований в экономике страны обострилась проблема эффективности подготовки научных кадров. Отсутствие государственного регулирования подготовки научных кадров в разрезе субъектов страны, изолированность научно-образовательной сферы от практических запросов экономики и недостаточный объем инвестиций на исследования и разработки, сформировали негативные тренды инновационного развития регионов страны [3].

В развитии научно-образовательной сферы России сформировались разнонаправленные территориально-структурные тренды. Передовые страны мира (США, КНР, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, и др.) устойчивое развитие обеспечивают за счет формирования инновационной экономики. За 1970-2017 годы в США произошел почти шестикратный рост персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в Китае за 1995-2017 годы - в 5,2 раза, в Японии за 1975-2017 годы - в 1,8 раза. В России с 1970 по 1990 годы численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, увеличилась на 3,2 раза, а за 1990-2017 годы уменьшилась в три раза. По численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, Россия сегодня отброшена на уровень 1970 года [4].

За период с 1991 по 2017 годы численность исследователей с учеными степенями в России сократилась на 30,9 тыс. человек (23,0%), в т.ч. численность кандидатов наук – на 40,7 тыс. человек или 34,5%. В территориальном отношении к тренду сокращения численности исследователей с учеными степенями добавляется тенденция регионализации. В Центральном (52,6%), Северо-Западном (11,5%) и Сибирском ФО (10,6%) сконцентрирована основная часть интеллектуального капитала страны – 74,7%. Однако за 2005-2018 годы наметилась тенденция постепенного перемещения интеллектуального капитала в другие регионы страны. Это связано с переходом регионов к подготовке исследователей с учеными степенями через систему бюджетной и коммерческой подготовки аспирантов в государственных и частных вузах. Это особенно характерно для таких регионов как Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский края, Республики Татарстан и Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Саратовская, Тюменская, Томская области. В итоге доля Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного ФО в территориальной концентрации интеллектуального капитала за 2005-2018 годы возросла с 18,5% до 25,3%.

На фонд оплаты труда научных работников приходится основная часть объемов внутренних текущих затрат на исследования и разработки (60%). На обеспечение функционирования и содержания имущества научных организаций и центров расходуется 38% всего объема внутренних текущих затрат на исследования и разработки. На приобретение нового оборудования расходы достигали всего 2,0%. В территориальном распределении внутренних текущих затрат на исследования и разработки характерна высокая поляризация, обусловленная уровнем развития научно-образовательной сферы по регионам страны. На города Москва, С.-Петербург, Московскую и Нижегородскую области приходится до 65,3% внутренних текущих затрат на исследования и разработки страны. Суммарная доля субъектов Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного ФО составляет 5,1% от общих объемов внутренних текущих затрат на исследования и разработки страны. В большинстве субъектов Центральной России, Северо-Кавказского, Южного, Приволжского, Уральского, Сибирского ФО оплата труда исследователей ниже среднего российского уровня. Дополнительные инвестиции на научные исследования и разработки, выделяемые по грантам Российского Фонда

Фундаментальных Исследований (РФФИ), существенной роли не играют. Бюджет РФФИ в 2018 году был 22 млрд. рублей, что составляет всего 2,1% от общих объемов внутренних инвестиций в научную сферу России [5].

В территориальном отношении почти 82% капитальных затрат на научные исследования и разработки концентрируются в пяти субъектах страны: гг. Москва, С.-Петербург, Нижегородская, Московская и Челябинская области. На субъекты Южного, Северо-Кавказского, Дальневосточного ФО приходится 1,95% капитальных затрат на научные исследования и разработки. Доля инвестиций на научные исследования и разработки в валовом внутреннем продукте страны за 2010-2018 годы уменьшилась с 1,13% до 0,98%. В структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки главной статьёй расходов является оплата труда исследователей. Сравним данные по финансированию науки в России с другими странами (табл. 1).

Таблица 1.

Внутренние затраты на исследования и разработки по странам
(миллиард долларов США; в расчете по паритету
покупательной способности национальных валют)*

Страны	1991	2000	2016	Увеличение затрат за 1991-2016 гг.:	
				млрд. долларов	в %
Бразилия	...	15,8	41,1	25,3	160,1
Великобритания	18,6	25,2	47,3	28,7	154,3
Германия	40,2	53,7	118,2	78,0	194,0
Индия	...	16,0	50,1	34,1	213,2
Италия	12,7	15,5	29,9	17,2	135,4
Канада	8,7	16,8	26,2	17,5	201,2
Китай	9,2	33,1	451,2	442,0	4804,4
Республика Корея	7,0	18,5	79,4	72,4	1034,3
Россия	20,0	10,7	39,9	19,9	99,5
США	161,4	269,5	511,1	349,7	216,7
Франция	24,4	33,3	62,2	37,8	154,9
Япония	68,9	98,9	168,7	99,8	144,9

*Составлена автором по: [6, с.274-276].

- финансирование научной сферы во всех приведенных странах постоянно увеличивается за исключением России. В России самые низкие темпы роста финансирования научной сферы среди рассматриваемых стран (111,5%);

- экономическая, социальная и экологическая конкурентоспособность мировых лидеров усиливается за счет стабильно возрастающего инвестирования в инновации и технологии будущего. США стабильно занимает первое место в мире по объемам финансирования научной сферы: в 1991 году затраты на науку составляли 161,4 млрд. долларов, а к 2016 году увеличились до 511,1 млрд. долларов (рост на 216,7%). Китай, существенно уступавший в 1991 году по затратам на научные исследования и разработки мировым экономическим лидерам (США, Япония, Германия, Франция, Россия, Великобритания), феноменально нарастил к 2016 году финансирование научной сферы на 4804%. В результате финансирование науки в Китае выросло за 28 лет с 9,2 млрд. долларов до 451 млрд. долларов;

- отставание России от мировых лидеров по абсолютным объемам финансирования научной сферы увеличивается нарастающими темпами. Если в 1991 году разница в финансировании научной сферы в России и США составляла 141,4 млрд. долларов, в 2000 году составила 258,2 млрд. долларов, а к 2016 году достигла 471 млрд. долларов. Объем финансирования научной сферы в России в 2016 году был меньше, чем в США в 12,8 раза.

Абсолютное большинство субъектов страны (свыше 70) имеют недостаточное финансирование, либо вовсе не имеют капитальных инвестиций на научные исследования и разработки [5].

К 2020 году в России подготовка кандидатов наук «вернулась» на уровень 1995 года. Эффективность работы аспирантуры с 1992 по 2005 год выросла с 21,5% до 31,9%, а к 2017-2020 годам уменьшилась до 12,7%. В связи с этим Росстат с 2017 года перестал публиковать данные по основным количественным параметрам аспирантуры и докторантуры в разрезе субъектов и федеральных округов, кроме общей численности аспирантов и докторантов.

Региональный анализ эффективности аспирантуры субъектов России за 1993-2016 году позволяет выделить следующие тенденции [7]:

- 1) сокращение приема в аспирантуру с 2011 года сопровождается падением эффективности работы аспирантуры;
- 2) регионализация подготовки аспирантов с защитой диссертации;

3) темпы сокращения выпуска аспирантов с защитой диссертации в абсолютных величинах по субъектам страны характеризуются высокой территориальной дифференциацией.

В Приморском крае выпуск аспирантов с защитой диссертации за 2005-2016 годы сократился в 15,4 раза (со 123 человек до 8), Хабаровском крае – в 6 раз, Московской области - в 4,6 раза, Тюменской области – в 4 раза, Республике Северная Осетия-Алания – в 3,9 раза, Ростовской области – в 3,5 раза, Республике Татарстан – в 3,4 раза, Республике Дагестан – в 3,1 раза, Республике Башкортостан – в 2,3 раза. В Республике Калмыкия, Саха (Якутия), Хакасия, Сахалинской области и Камчатском крае в 2016 году не было защищено ни одной кандидатской диссертации. В 2016 году в 24 субъектах страны не было подготовлено ни одного докторанта с защитой диссертации. В 2018 году прекратилась подготовка докторантов в 18 субъектах страны (Амурской, Вологодской, Кировской, Костромской, Смоленской областях, Республиках Адыгея, Дагестан, Карелия, Коми, Удмуртская, Чувашская, Забайкальском, крае и др.). Доля отчисляемых аспирантов и докторантов в период учебного цикла к 2017 году достигла соответственно 33% и 15%, от численности принятых на учебу. Недостаточные объемы финансирования научно-образовательной сферы страны, низкие размеры заработной платы кандидатов и докторов наук определяют падение престижа системы подготовки научных кадров. Подготовка докторов наук в стране превратилась «в штучный товар». При сохранении сложившихся трендов и без принятия экстренных мер по возрождению подготовки докторов наук на правительственном уровне, к 2024 году докторантура может само ликвидироваться в виду ее не эффективности. Необходимо принятие мер по увеличению материального стимулирования бюджетного обучения аспирантов и докторантов, научных руководителей и консультантов.

К актуальным научно-прикладным задачам экономико-географического исследования проблем трансформации научно-образовательной сферы России относятся:

- анализ и оценка территориальной трансформации распределения инвестиций на научные исследования и разработки по регионам России в целях обеспечения эффективности функционирования хозяйства и населения;

- изучение отечественного и зарубежного опыта по территориальной трансформации научно-образовательной сферы;
- географические факторы, условия, предпосылки и механизмы функционирования и трансформации научно-образовательной сферы регионов;
- исследования эффективности и конкурентоспособности, динамичности и устойчивости, инерционности и цикличности территориальной трансформации научно-образовательной сферы регионов России;
- современные проблемы подготовки научных кадров в стране в условиях новых вызовов относятся к числу слабо исследованных в региональном аспекте;
- обеспечение постоянного мониторинга территориально-структурной трансформации научно-образовательной сферы России.

Литература

1. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России.- М.: «КДУ», «Университетская книга». 2017. -358 с.
2. Катровский А.П., Губа В.П. Высшее образование в России – процесс трансформации и интеграции // Вестник Полесского госуниверситета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 32-40.
3. Катровский А.П. Высшая школа как фактор инновационного регионального развития России // В сб.: Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С.248-254.
4. Сафиуллин Р.Г. Эволюция научно-образовательной сферы России: территориально-структурные особенности и тенденции // Успехи современного естествознания. 2020. № 9. С. 94-99. DOI: 10.17513/use.37477.
5. Сафиуллин Р.Г. Инвестиции в научную сферу России: территориальные особенности, проблемы и тренды // Успехи современного естествознания. 2020. № 12. С. 157-162.
6. Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 328с.
7. Сафиуллин Р.Г. Региональный аспект подготовки научных кадров в России // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 203-208.

«Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 г.».

Сведения об авторе:

Сафиуллин Радик Газизович, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: SafiullinRG@yandex.ru

УДК 911.3

Цезары Мадры
Cezary Mądry

КАК БЫЛА СОХРАНЕНА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПОЛЬШЕ?

HOW THE SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY WAS PRESERVED IN POLAND?

Цель статьи - представить современное положение социально-экономической географии Польши. Чтобы правильно осветить проблему, необходимо было выделить наиболее важные этапы от становления дисциплины до современного состояния. Также представлены модели взаимосвязи социально-экономической и физической географии. Основное внимание уделено институциональным и дидактическим изменениям и их взаимосвязям.

The aim of the article is to present the current position of socio-economic geography in Poland. To properly highlight the problem, it was necessary to distinguish the most important stages from the formation of the discipline to the present state. Models of the relationship between socio-economic and physical geography are also presented. The focus was on institutional and didactic changes and their interrelationships.

Ключевые слова: *единство географии, социально-экономическая география, территориальное управление, институциональные факторы развития географии, классификация научных дисциплин, Польша.*

Key words: *unity of geography, socio-economic geography, spatial management, institutional factors of geography development, classification of scientific disciplines, Poland.*

Если понимать географию как описание мира, то развитие этой дисциплины в Польше имеет многовековые традиции. Однако, как современная научная дисциплина, она сложилась в 19 веке, то есть в то время, когда Польша не существовала в политическом смысле. В этот период многие польские исследователи практиковали географию (без её разделения на физическую и социально-экономическую, часто включая геологию, биологию, этнографию и т. д.) в государствах раздела (включавших с конца XVIII - начала XIX этнические польские территории), что способствовало ее интенсивному развитию. В Российской империи частым мотивом для географических исследований была замена смертной казни за участие в восстаниях или заговорах против Царя на несколько лет пребывания в Сибири. Следует отметить работы А. Чекановского, Я. Черского, Б. Дыбовского, В. Годлевского, Б. Пилсудского и многих других [1]. Работы ряда из них получили признание географических обществ мира, в том числе Русского географического общества в Санкт-Петербурге.

Формирование географической субдисциплины в форме социально-экономической географии совпало с восстановлением независимости Польши в 1918 году. Разделение Речи Посполитой между тремя странами со значительно разным уровнем экономического развития и различной политикой в отношении разграбленных территорий, имел роковые последствия. Территории характеризовались не только разным уровнем экономического развития, но и разным этническим составом, сетью расселения и уровнем развития инфраструктуры. Прямого автомобильного и железнодорожного сообщения между Варшавой и Познанью, а также другими крупными городами возрождающейся страны не существовало. Исторические условия определили характер социально-экономической географии, которая с самого начала независимой Польши **характеризовалась сильным утилитаризмом**. Она превратилась в прикладную науку, подсказывающую направления пространственного развития страны.

Процессы консолидации земель были жестоко прерваны началом Второй мировой войны. В результате решений Ялты границы Польши резко изменились: восточные территории вошли в состав СССР, а на западе и севере Польша приобрела территории, которые принадлежали Польше в первые века польской государственности. Это диаметрально изменение повлияло на социально-экономическую географию, усилив ее утилитарный

характер. Большая часть географов, переживших войну и не эмигрировавших, присоединилась к работе государственных учреждений, занимающихся восстановлением и развитием Польши [2]

В этот период очень интенсивно развивались субдисциплины социально-экономической географии. После первой волны описательных работ возникла острая необходимость в методологических обсуждениях и разработке дидактических стандартов. Оглядываясь назад, можно сказать, что конференция в Осечне (1955 г.) была самой судьбоносной. Были выделены дисциплины социально-экономической географии (в том числе география промышленности, сельского хозяйства, транспорта, населения, расселения и др.), а также разработаны вопросы исследований и образовательные программы. Уже в следующем году в университетах были произведены соответствующие организационные и дидактические изменения [3].

С 1970-х годов в социально-экономической географии интенсивно развиваются **количественные методы**. Это вывело дисциплину на новый уровень и укрепило всю географию. Большая часть этого развития в 1980-х годах привела к институциональным изменениям, связанным с обособлением географических факультетов от естественных наук. В университете А. Мицкевича в Познани Факультет биологии и наук о Земле разделился на Факультет биологии и Факультет географических и геологических наук (ФГиГН). В рамках последнего по инициативе проф. З. Хойницкого, создан был Институт социально-экономической географии и территориального управления¹.

Политические изменения 1990-х годов привели к интенсивному развитию научных контактов с Западом и (о чем я с сожалением говорю) сокращению взаимодействия с Востоком. В то же время велся поиск новых областей исследования социально-экономической географии. Этому способствовали экзогенные факторы (изменения на политической карте мира, усиление глобализации, процессы урбанизации, демографический кризис, большие миграционные потоки, усиление национальных и этнических конфликтов, возрастающее значение регионов и т. д. [4]).

¹ В Польше, в отличие от России, институты не являются подразделениями с более высоким организационным, юридическим и исследовательским статусом, чем факультеты. Институты на факультетах лишены финансовой независимости и подчиняются деканам в принятии решений.

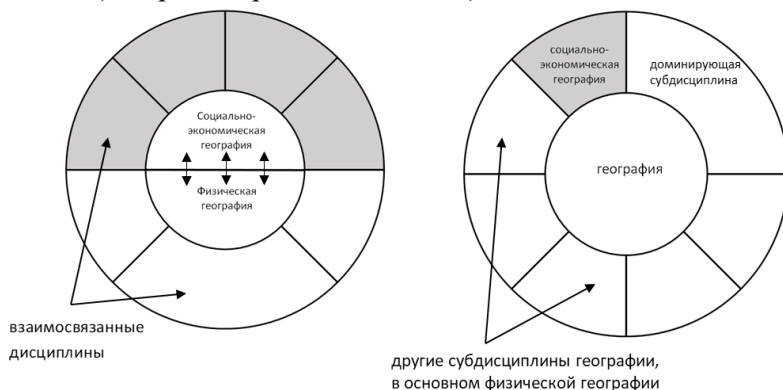
Сильные прикладные традиции благоприятствовали многочисленным исследованиям пространственного развития городов и сельской местности. Было отмечено, что вопрос пространственного планирования слишком узок по отношению к потребностям устойчивого развития. Это нашло отражение в **кристаллизации новой области обучения на географических факультетах: территориального управления.**

Решение об открытии такого направления обучения многократно увеличивало трудоустройство в вузах разного профиля: политехнических, сельскохозяйственных и экономических академиях и университетах. В зависимости от специфики вуза обучение «территориальному управлению» отличается разным расстановкой акцентов. Однако только в университетах этот курс имеет наиболее полный и широкий охват, подготавливая гибкий профиль выпускника, что увеличивает его возможности на рынке труда. В то же время университетский профиль образования наиболее близок к социально-экономической географии.

Дидактические и научные изменения сопровождались институциональными преобразованиями. На факультетах развивались кафедры, а в некоторых случаях и институты, которые включали не только социально-экономическую географию, но и территориальное управление. В этом смысле ситуация в Познани характерна и для многих других польских университетов.

В XXI столетии разгорелись жаркие споры о месте социально-экономической географии в системе наук и ее взаимосвязи с другими дисциплинами. Предмет исследования и методы приближали его к общественным наукам, соответствующим образом удаляя от естественных наук. Следует отметить, что при этом вся география, в том числе физическая, развивалась очень интенсивно. Это отразилось на организационной структуре и занятости. Создается впечатление, что чем больше физическая и социально-экономическая география отдалялись друг от друга, тем чаще (особенно со стороны физико-географов) звучали призывы к географическому единству. Профессор Т. Стрыкевич [5] выделяет **две модели взаимосвязи физической и социально-экономической географии** (рис. 1). Модель «А» была основана на относительном балансе между ними с многочисленными субдисциплинами внутри каждой. В Модели «В» социально-экономическая география была лишь одной из многих дисциплин географии.

Динамика развития дисциплин физической географии, усиленная институциональными изменениями (возникновение институтов, кафедр и т. д., представляющих физическую географию), привела к более сильной маргинализации социально-экономической географии, как с точки зрения кадры (занятия) и преподавания (за счет увеличения доли предметов по физической географии). Ярким индикатором ситуации стали публикации социально-экономических географов, которые ценились ниже (получали более низкий балл, особенно по отношению к геологам). Следовательно можно сказать, что в большинстве университетов модель (который я предлагаю назвать) баланса сил

А. Модель сбалансированных пропорций между физической географией (с ее дисциплинами) и социально-экономической географией (с ее дисциплинами).

В. Модель, в которой социально-экономическая география является одной из многих дисциплин географии.
Источник: [5] , стр. 27.

Рисунок 1. Место социально-экономической географии в двух различных моделях структуры географической науки

трансформировалась в полядерную. Такое видение единства географии не отвечало потребностям и амбициям социально-экономических географов. Призывы к единству географии возымели определенный эффект - возврат к модели баланса сил, но в форме раздельного характера обеих дисциплин.

Обсуждение новой классификации и параметризации наук породило возможность для разделения. Это укрепило идентичность социально-экономических географов и их стремление к

самодисциплине. К настоящему времени систематика наук выделила 8 видов знаний, 22 области науки и искусства и 102 дисциплины. Классификация была изменена 1 октября 2018 г. Новое подразделение относится к классификации ОЭСР. Были выделены восемь областей наук (гуманитарные, инженерные и технические науки, медицина и здравоохранение, сельскохозяйственные, социальные, точные и естественные науки, теология, область искусства), а внутри них - новые дисциплины. **Разделились географические науки.** Итак, в области точных и естественных наук были разделены науки о Земле и окружающей среде, а в области социальных наук возникла **самостоятельная научная дисциплина - социально-экономическая география и территориальное управление** [6]. Соответственно, новые ученые степени и звания присуждаются научными советами отдельных дисциплин по физической географии и отдельных дисциплин по социально-экономической географии.

В соответствии с новой классификацией реорганизованы академические структуры. В институциональной сфере были приняты три различных решения:

1) Оставшаяся социально-экономическая география в структурах географических или естественнонаучных факультетов (междисциплинарных факультетов) вместе с физической географией (и, что довольно распространено в Польше, с геологией). Такое решение было принято в университетах следующих городов: Торунь, Гданьск, Люблин, Варшава, Щецин, Вроцлав, Лодзь, Кельце, Быдгощ, в Ягеллонском университете в Кракове и в Силезии;

2) Включение социально-экономической географии в структуру факультетов социальных наук (Педагогический университет в Кракове);

3) Институциональная независимость (УАМ в Познани, Поморская Академия в Слупске). Только такое решение гарантирует финансовую независимость и институциональную и экономическую сплоченность новой дисциплины.

В Познани преобразование Института социально-экономической географии и территориального управления в Факультет (ФСЭГиТУ) в 2019 году стало возможным в основном благодаря научному и дидактическому потенциалу. Университеты в Польше играют как минимум двойную роль: научную (исследовательскую) и дидактическую (обучение студентов). И хотя оценка сотрудника основана на академических достижениях,

количество рабочих мест тесно связано с преподавательской нагрузкой, которая обусловлена количеством студентов. Таким образом, основой существования ФСЭГиТУ является такое предложение области обучения, которое будет отвечать рыночному спросу и привлекать соответствующее количество студентов. В настоящее время подобным направлением является в первую очередь **территориальное управление**.

На начало 2021 года на ФСЭГиТУ работает 96 научных сотрудников. Факультет предлагает обучение в следующих областях: территориальное управление (6-семестровый бакалавриат и 7-семестровые инженерные исследования и 4 или 3-семестровая дополнительная магистратура) и интегрированное планирование развития (направление обучения началось в 2018 году, поэтому имеется только бакалавриат). Всего только на ФСЭГиТУ на дневной и заочной формах обучаются около 700 студентов. Дополнительно совместно с ФГиГН проводятся географические исследования общего профиля и специализации, в том числе география - социально-экономический геоанализ. Оба курса предлагаются в рамках первого и второго цикла обучения.

Следовательно, потенциал польской социально-экономической географии предопределяется:

1) Исторически сложившимися прикладными (практикоориентированными) традициями дисциплины, то есть способностью реагировать на вызовы, создаваемые условиями, внешними по отношению к самой дисциплине;

2) Активным использованием количественных методов, что повысило проверяемость и объективность исследования;

3) Использованием административных изменений в стране для дальнейшего развития дисциплины. В 1999 г. была завершена административная реформа, заключающаяся не только в трехэтапном территориальном делении страны, но прежде всего в децентрализации (подробнее: [7, 8, 9]). В результате перед органами местного самоуправления был поставлен ряд пространственных (географических) задач, особенно на самом низком уровне — муниципалитетов. Географы отреагировали на эти изменения, создав ряд экспертных услуг и предложение по обучению (см. следующий пункт);

4) Расширением (с большим успехом) предложений образовательных услуг, а также исследований с включением территориального управления, что обеспечило существенное

количество рабочих мест в университетах и предопределило еще большее усиление практикоориентированного характера дисциплины.

Особый вопрос — угроза маргинализации социально-экономической географии во взаимодействии с её детищем – территориальным управлением. Это, впрочем, одна из многих угроз социально-экономической географии, чья инвентаризация, вне сомнения, требует особой, самостоятельной статьи.

Литература

1. Kuczyński A., 1993, Syberia, Cztery lata polskiej diaspory, Ossolineum, Wrocław.
2. Liszewski S., 2014, Refleksje nad geografią ludności w kontekście dorobku naukowego Profesora Jerzego Dzieciuchowicza [w:] Klima E. (red.), Ludność, Mieszkalnictwo, Usługi – w 70. rocznicę urodzin Profesora Jerzego Dzieciuchowicza. Population, Housing, Services – 70th Anniversary of Professor Jerzy Dzieciuchowicz, „Space–Society–Economy” 13, Department of Population and Services Studies, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, s. 21–42.
3. Zdrojewski E.Z., 1994, Zarys geografii osadnictwa: przewodnik do ćwiczeń, WSP, Słupsk.
4. Stryjakiewicz T., 2016. Stan, perspektywy i strategia rozwoju geografii społeczno-ekonomicznej w najbliższych latach (do 2030 r.) [W:] A. Suliborski (red.) Stan, perspektywy i strategia rozwoju geografii społeczno-ekonomicznej w najbliższych latach (do 2030 r.) – dyskusja międzypokoleniowa. Wyd. UŁ, Łódź.
5. Stryjakiewicz, T., 2020. Kształtowanie się geografii społeczno-ekonomicznej i gospodarki przestrzennej jako dyscypliny naukowej w nowej klasyfikacji nauki w Polsce. Prace i Studia Geograficzne, 65(2), s. 21-32.
6. Rozporządzenie Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego z dnia 20 września 2018 r. w sprawie dziedzin nauki i dyscyplin naukowych oraz dyscyplin artystycznych, <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20180001818> [18.02.2021]
7. Swianiewicz P., 2011, Finanse samorządowe. Koncepcje, realizacja, polityki lokalne, Municipium, Warszawa.
8. Regulski J., 1997. Samorząd w budowie [w:] P. Swianiewicz (red.) Wartości podstawowe samorządu terytorialnego i demokracji lokalnej, Municipium i Brytyjski Fundusz Know How, Warszawa.
9. Regulski J., 2000. Samorząd III Rzeczypospolitej: koncepcje i realizacja, PWN, Warszawa.

Сведения об авторе:

Цезары Мадры, доктор географии, доцент, Факультет социально-экономической географии и территориального управления, Университет Адама Мицкевича в Познани (Польша)

Cezary Madry, Doctor of Geography, Associate Professor, Faculty of Socio-Economic Geography and Territorial Administration, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

E-mail: cezary@amu.edu.pl

УДК 911.3:32

Н.В. Каледин
N.V. Kaledin

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ РЕГИОНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

CONFLICT-PRONE REGIONS OF THE POST-SOVIET SPACE: THE EXPERIENCE OF POLITICAL-GEOGRAPHICAL TYPOLOGY

С позиций политико-географической теоретической концепции геополитической самоорганизации общества рассматриваются «конфликтогенные регионы», сложившиеся в постсоветском пространстве на основе регионообразующих конфликтных геополитических отношений. Они подразделены на «конфронтационные», «миротворческие» и «санкционно-геополитические» регионы с тенденцией эволюции первого типа во второй.

From the standpoint of the political-geographical theoretical concept of the geopolitical self-organization of society, the author considers "conflict-generating regions" that have developed in the post-Soviet space on the basis of region-forming conflict geopolitical relations. They are subdivided into "confrontational", "peacekeeping" and "sanctions-geopolitical" regions with a tendency of evolution of the first type into the second.

Ключевые слова: политическая география, геополитическая самоорганизация общества, постсоветское пространство, конфликтогенные регионы.

Key words: political geography, geopolitical self-organization of society, post-Soviet space, conflict-prone regions.

В соответствии с деятельностно-геопространственной теоретической концепцией политической географии, она изучает один из типов геопространственной самоорганизации общества – политико-геопространственную или *геополитическую самоорганизацию общества*: многообразные по содержанию и формам *геополитические отношения*, в том числе *геополитические системы* различного геопространственного масштаба, в частности *региональные*, обеспечивающие теми или иными средствами контроль определенной части геопространства [1, с. 78-88].

Как было показано нами ранее в исследовании геополитической регионализации общества, содержания и типологии геополитических регионов каждый из таких регионов представляет собой региональную геополитическую систему, региональную общность субъектов-акторов политической деятельности, контролирующих «де-факто» или «де-юре» определённую часть геопространства или его отдельные свойства (природные, экономические, социальные и др.). Эта общность и контроль обеспечиваются *регионообразующими геополитическими отношениями*, различными по форме, функциональному типу и юридическому статусу («де-факто» и «де-юре») [2, с. 154-155].

С обозначенных позиций представляется возможным утверждать, что внутрисоветские и межгосударственные конфликтные ситуации в постсоветском пространстве и усилия по их урегулированию стимулировали формирование с начала 1990-х гг. региональных геополитических общностей *нового типа* на основе *конфликтных геополитических отношений*. Они интегрируют разнообразных акторов (государства, их группы, международные структуры и др.) в «*конфликтногенные регионы*» «де-факто» и «де-юре» различного геопространственного масштаба и структуры, в том числе дисперсные, выходящие далеко за пределы постсоветского пространства. По особенностям регионообразующих геополитических отношений их можно подразделить на три подтипа: *конфронтационные*, *миротворческие* и *санкционные* с тенденцией эволюции первого типа во второй. Рассмотрим эти новые региональные общности подробнее.

1) *Конфронтационные регионы* – геополитические регионы с неустойчивым, конфронтационным типом геополитических отношений между акторами, с сохранением противостояния между ними в том числе военно-политического, несмотря на международные усилия.

Одним из наиболее ранних примеров является *Южно-Кавказский регион*, в который конфронтационные отношения надолго связали Армению, Азербайджан, самопровозглашённую Нагорно-Карабахскую республику и территорию Азербайджана, оккупированную в конце 1980-х годов (по начало 2021 г.) сопредельной Арменией для обеспечения связей с Нагорным Карабахом. После прекращения огня в 1994 г. миротворческую миссию в урегулировании конфликта взяла на себя Минская группа ОБСЕ (сопредседатели Россия, США, Франция, при участии Белоруссии, Германии, Италии, Турции, Финляндии, Швеции, а также Азербайджана и Армении), работа которой не привела к взаимоприемлемому компромиссу, но на долгие годы (до 2020 г.) позволило «заморозить» ситуацию. С конца 2020 г. трансформируется в миротворческий регион.

Грузино-Абхазский – сложился в результате грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, завершившейся в 1994 г. соглашением о прекращении огня и разъединении сил, выработанным в рамках Женевских переговоров по урегулированию конфликта под эгидой ООН и решения Совета глав государств СНГ. В соответствии с ним в зоне конфликта с июня 1994 года были размещены Коллективные силы СНГ по поддержанию мира (российский контингент). Для наблюдения за осуществлением Соглашения и деятельностью миротворческих сил СНГ на территории Абхазии была развёрнута Миссия ООН по наблюдению в Грузии. Он прекратил существование в 2008 г. после завершения Южноосетинского конфликта между Россией и Грузией, трансформировавшись в миротворческий регион.

Грузино-Южноосетинский – его основой стали геополитические отношения, сложившиеся на базе Сочинского соглашения о прекращении этнополитического конфликта 1991–1992 годов и деятельности Совместной контрольной комиссии по разрешению грузино-осетинского конфликта и миротворческого контингента в составе российских, грузинских и осетинских войск. После Южноосетинского конфликта, трансформировался в миротворческий регион.

Грузино-Российский – сложился на основе конфронтационных геополитических отношений после завершения Южноосетинского конфликта 2008 г., приведшего к утрате Грузией Южной Осетии и Абхазии, разрыву дипломатических отношений с Россией, выходу из СНГ и к евро-атлантическому вектору внешней политики.

Украино-Российско-Европейский – сформировался как система геополитических отношений между Украиной, Россией и европейскими структурами и непризнанными государствами в результате украинского кризиса 2014 г. и потери Украиной Крыма (вошедшего в состав России), а также контроля над частью территории Донецкой и Луганской областей, где были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики, ставшие объектом военной операции со стороны Украины и поддержанные Россией. Правовой основой этих регионообразующих отношений являются Минские соглашения – комплекс документов, нацеленных на деэскалацию вооружённого конфликта на востоке Украины. В 2014-2015 годах они были согласованы в формате «нормандской четвёрки» (руководители Германии, Франции, России, Украины) и подписаны трёхсторонней Минской Контактной группой по мирному урегулированию на востоке Украины, состоящей из представителей Украины, России, ОБСЕ, с участием в её работе также непризнанных ДНР и ЛНР.

2) *Миротворческие регионы* – геополитические регионы с устойчивым типом геополитических отношений, опирающихся на документы миротворческой деятельности международных организаций (ООН, ЕС, СНГ, ОБСЕ и др.) или отдельных государств, прежде всего России, их групп, одобренные и принятые к исполнению сторонами конфликта. К таким регионам можно отнести следующие (в порядке их возникновения):

Приднестровский, сложившийся на основе соглашения между Молдавией и Россией в 1992 г. и переговорного процесса в формате «5+2» (Россия, Молдавия, Приднестровье, Украина, ОБСЕ и как наблюдатели ЕС и США).

Российско-Абхазский и Российско-Южноосетинский регионы – их новые регионообразующие геополитические отношения базируются на Договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и молодыми государствами (2008 г.), а также опирающихся на них соглашениях и договорах. Гарантами военной безопасности являются подразделения российского воинского контингента.

Южно-Кавказский – формирующийся в результате завершения азербайджано-армянской войны 2020 г. за возвращение Нагорного Карабаха и освобождение оккупированных Арменией территорий. Новые регионообразующие геополитические отношения базируются на трёхстороннем межгосударственном

соглашении Армении, Азербайджана, России и заявлении о прекращении огня 09.11.2020 г., в которых зафиксированы главные принципы урегулирования: возвращение оккупированных территорий Азербайджану; сохранение Лачинского коридора, связывающего Армению и Нагорно-Карабахскую республику через территорию Азербайджана, сохраняющую свой статус; возвращение беженцев; введение российского миротворческого контингента для разделения участников конфликта и обеспечения безопасности транспортного коридора. С участием Турции действует совместный Мониторинговый центр по Нагорному Карабаху для контроля выполнения трёхстороннего соглашения.

Новым геополитическим явлением, специфическим типом конфликтогенных регионов в постсоветском пространстве, как и фактором активизации международно-интеграционных процессов, стало появление с 2014 г. *«санкционных регионов»* - международных геополитических систем «де-факто» различного функционального содержания и геопространственного масштаба. Каждый из них представляет собой систему конфликтных геополитических отношений, связывающих объект разнообразных санкций (государство или иной субъект общественной деятельности) и государство или их объединение, группу, выступающих инициатором санкций с целью воздействия на нежелательную деятельность объекта в той или иной сфере (экономической, политической, социальной, духовной, спортивной и др.). Как правило санкционная политика сопровождается ответными антисанкционными мерами. Складывается сложная система конфликтных геополитических отношений с биполярной или мультиполярной структурой, связывающих инициаторов и объекты санкций (государства или иных общественных субъектов, например, спортивных организаций). Исторический опыт таких международных регионов хорошо известен, хотя бы на примерах (по нацеленности, адресности санкций) «кубиноцентричного», «советскоцентричного», «ираноцентричного», «северо-корейскоцентричного», «венесуэлоцентричного», а также антидопинговых, олимпийских и иных геополитических регионов.

Яркими примерами таких регионов в разной мере охватывающими постсоветскую макро-геополитическую систему и обычно уходящими за её пределы, демонстрируя их дисперсную геополитическую структуру, являются «россиецентричный», «белорусоцентричный» и «украиноцентричный» регионы,

инициированные с 2014 г. санкционной политикой США, НАТО, ЕС и их союзников, в частности, Украины, в отношении России, а с 2020 г. и Белоруссии.

Одними из наиболее пострадавших на постсоветском пространстве от «санкционной геополитики» являются ранее сложившиеся приграничные и трансграничные регионы двухстороннего и многостороннего сотрудничества в бассейне Балтийского моря (прежде всего «еврорегионы»), а также приграничные территории Украины и России. Очевиден и эффект «санкционного бумеранга»: санкции и контрсанкции привели к заметному сокращению экономической активности, взаимной торговли и других форм взаимодействия в сопредельных с Россией странах Евросоюза и Украины – инициаторов санкций.

В заключение можно резюмировать, что комплекс внешних и внутренних геополитических факторов развития постсоветского пространства и событий трёх последних десятилетий – конфликтогенные регионы, «цветные» революции (Украина, Киргизия, Грузия, Молдавия, Армения), как и их неудачные попытки (Таджикистан, Белоруссия), военно-политическое и экономическое противостояние «коллективного Запада» (США-НАТО-ЕС) и России в сочетании с постоянной внутривнутриполитической нестабильностью большинства постсоветских государств, с процессами сепаратизма, сепаратизма и угрозами международного терроризма – всё это позволяет говорить о формировании в глобальной геополитической системе *«евразийско-постсоветской дуги нестабильности»* как нового макро-геополитического конфликтогенного региона «де-факто», включающего разнотипные региональные геополитические системы «де-юре» и «де-факто».

Литература

1. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., Изд-во СПбГУ, 1996.
2. Каледин Н.В., Каледин В.Н., Гресь Р.А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества //Современные тенденции развития и приоритеты общественной географии/ Материалы междунаучной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Т.2.Отв. ред. Н.И. Быков. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.2018. с.152-155.

Сведения об авторе

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru; 8 921 9456213

УДК 332.142 (478.9)

М. П. Бурла

M.P. Burla

ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕГОСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ВНЕШНИХ РЕСТРИКЦИЙ

PROBLEMS AND INSTRUMENTS FOR ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF PRIDNESTROVIE UNDER CONDITIONS OF A COMPLEX GEOPOLITICAL SITUATION AND EXTERNAL RESTRICTIONS

В статье отражены основные факторы, реальные и потенциальные угрозы устойчивого развития самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровья). Основное внимание уделено анализу политико-правового статуса, геополитического положения и стратегическим ориентирам социально-экономического развития региона.

The article reflects the main factors, real and potential threats to the sustainable development of the self-proclaimed Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika (Pridnestrovie). The main attention is paid to the analysis of the political and legal status, geopolitical position and strategic guidelines for the socio-economic development of the region.

Ключевые слова: аутсорсинг, геополитическое положение, прямые инвестиции, самопровозглашенная республика, структура хозяйства, устойчивое развитие.

Key words: outsourcing, geopolitical position, direct investments, self-proclaimed republic, economic structure, sustainable development.

Впервые Приднестровье создано как целостное территориальное образование 2 июня 1990 г. на I съезде депутатов всех уровней в форме «Приднестровской экономической зоны» в рамках провозглашенной в СССР модели регионального хозрасчета. На II съезде (2 сентября

1990 г.) Приднестровье провозглашено как самостоятельное политико-территориальное образование в рамках СССР, а после его распада – как суверенное государство [1; 2].

Экономика Приднестровья относится к малым хозяйственным системам с небольшой емкостью внутреннего рынка, высокой степенью открытости и максимальной зависимостью от внешних связей. Наибольшее влияние на устойчивость экономической системы и внешнеэкономический обмен оказывают политико-правовой статус, геополитическое положение и стратегическая ориентация республики.

Отсутствие у региона окончательного международно-признанного политико-правового статуса имеет ряд отрицательных последствий, среди которых можно выделить: усложнение экспорта приднестровских товаров, невозможность заключения межгосударственных соглашений и взаимодействия с международными организациями, введение внешних рестрикций, нарушение оптимальной логистики внешнеэкономического обмена, рост экономических рисков и ухудшение инвестиционной привлекательности, отсутствие возможности защиты интересов резидентов через соответствующие международные институты, постоянное возникновение очагов напряженности и мобилизационный характер управления, эмиграционную склонность населения.

Перспективный международный политико-правовой статус Приднестровья является предметом переговоров, проводимых в формате «5+2» [1-3].

Приднестровье расположено на стыке двух великих культур – германо-романской и славянской, являясь фокусом геополитических интересов разных стран. Эволюция геополитического положения региона характеризуется негативным трендом - от чрезвычайно благоприятного до весьма неблагоприятного.

Наиболее благоприятное геополитическое положение было в 1945 г. по 1990 г., когда Приднестровье входило в СССР и граничило со странами СЭВ и ОВД. Распад СЭВ, ОВД, СССР, усложнение взаимоотношений с Молдовой, вступление стран Восточной Европы в ЕС и НАТО существенно ухудшили геополитическое положение региона.

Совместными соглашениями между Молдовой, Украиной и Европейским Союзом вдоль приднестровско-украинской границы

создана наблюдательная миссия (EUBAM), которая осуществляет мониторинг внешних связей Приднестровья. На Украине вдоль границы с республикой созданы дополнительные таможенные посты Молдовы. Политические процессы на Украине, начавшиеся в 2014 г., обусловили рост транзакционных издержек и нарушение оптимальной логистики перемещения людей и товаров.

К геополитическим факторам, усложняющим взаимодействие республики с внешним миром, следует отнести отсутствие непосредственных границ с Россией и выхода к морю. Это обуславливает ее полную зависимость от внешнеэкономической политики, пограничных и таможенных режимов Украины и Молдовы. Положение усложняется разновекторностью стратегий Приднестровья, стремящегося к интеграции с Россией, Молдовы и Украины, ориентирующихся на европейские экономические и военно-политические структуры.

Стратегический вектор на интеграцию с Россией зафиксирован не только во многих нормативных документах [4], но и подтвержден на республиканском референдуме от 17 сентября 2006 г. На референдуме было принято два кардинальных решения – о суверенитете Приднестровья и о дальнейшем присоединении республики к России, за которые проголосовало 97% участников [1-3].

Связи России и Приднестровья охватывают практически все сферы жизнедеятельности республики. Россия сыграла решающую роль в прекращении вооруженной агрессии Молдовы против Приднестровья в 1992 г., а также в миротворческой операции на Днестре (с июля 1992 г. по настоящее время). Российская Федерация является страной-гарантом на переговорах, проводимых в формате «5+2».

Около 40% населения ПМР являются гражданами России, более 90% - приверженцы РПЦ. Образовательные учреждения Приднестровья осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными актами России. Россия реализует в Приднестровье множество гуманитарных проектов. Например, граждане России, достигшие пенсионного возраста и постоянно проживающие в регионе, получают российскую пенсию. Республика заключила множество прямых договоров о сотрудничестве с городами и субъектами федерации России.

Россия - основной внешнеторговый партнер Приднестровья. Многие приднестровские предприятия являются собственностью российского капитала или входят в состав крупных российских

корпораций. На российском рынке труда занято значительное количество трудовых ресурсов республики.

Приднестровье представляет значительный стратегический интерес для России, выполняя функции российского аванпоста в Юго-Восточной Европе.

В качестве основных современных и потенциальных угроз устойчивому развитию Приднестровья можно выделить: депопуляцию, неустойчивую динамику основных макроэкономических параметров (табл.1), дефицит бюджетов всех уровней, отрицательное сальдо внешней торговли, значительный размер внешнего долга, низкую степень диверсификации производства, наличие тенденций редуционизма и симплификации, малую долю высокотехнологичных отраслей в структуре индустриального сектора, недостаточность инвестиционных ресурсов, постоянный рост коэффициента демографической нагрузки.

Таблица 1.
Динамика ВВП и внешнеторгового оборота (ВТО)
Приднестровья, млн. долл.*

Год	ВВП	ВТО	Год	ВВП	ВТО	Год	ВВП	ВТО
1996	327,6	...	2004	417,6	1293,4	2012	976,3	2496,8
1997	447,6	1006,0	2005	517,5	1435,3	2013	1048,8	2248,1
1998	331,6	926,4	2006	585,6	1160,5	2014	1116,8	2350,6
1999	281,0	674,5	2007	808,4	1858,6	2015	869,7	1749,4
2000	199,2	817,3	2008	1000,2	2569,6	2016	1018,3	1388,2
2001	254,1	919,4	2009	960,9	1690,7	2017	919,2	1616,0
2002	252,2	697,8	2010	992,5	1879,5	2018	859,3	1840,2
2003	317,9	1031,8	2011	1005,2	2420,8	2019	909,0	1806,7

*По данным Государственной службы статистики ПМР (без учета ППС)

Обеспечение устойчивого развития Приднестровья в обозримой перспективе предполагает интенсивное развитие перерабатывающей промышленности и трудоемких отраслей сельского хозяйства в соответствие с региональными преимуществами, диверсификацию выпускаемой и экспортируемой продукции, расширение налогооблагаемой базы, импортозамещение, сокращение энергоемкости и ресурсоемкости, минимизацию отрицательного воздействия на окружающую среду.

Особо следует стимулировать агроиндустриальный кластер, для развития которого Приднестровье обладает плодородными

черноземными почвами, высоким агроклиматическим потенциалом, научной базой, квалифицированными трудовыми ресурсами. Между тем, аграрный потенциал используется неэффективно, о чем свидетельствует статус республики как нетто-импортера продовольствия.

Развитию АПК Приднестровья могли бы способствовать российские прямые инвестиции, для привлечения которых в республике созданы максимально привлекательные правовые механизмы. Важнейшим фактором привлечения инвестиций является также наличие квалифицированной и недорогой рабочей силы.

Это существенно усилило бы роль российского капитала в регионе и стимулировало бы поставки высококачественных конечных продуктов АПК в субъекты Российской Федерации.

В условиях наличия разнообразных ограничений на осуществление традиционных экспортно-импортных связей, перспективным представляется развитие туризма (гастрономического, конфессионального, экологического, спортивного, культурно-познавательного и лечебно-оздоровительного) и аутсорсинга.

Большой экономический эффект можно достичь также при осуществлении импортозамещения в выпуске машин и оборудования, в производстве изделий легкой промышленности и различных видов тары, в освоении выпуска несложных фармацевтических продуктов, в производстве современных строительных материалов.

Литература

1. Государственность Приднестровья: История и современность / Н.В.Бабилунга, Б.Г.Бомешко, П.М.Шорников. –Тирасполь: Полиграфист, 2007. -344 с.
2. Кузнецов М.Н. Приднестровская Молдавская Республика как полноправный субъект современного международного права: юридический императив ее признания // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В.Игнатьева. –Тирасполь, 2018. С. 72-89.
3. Красносельский В.Н. Приднестровье – составная часть русского мира: текущая ситуация и перспективы развития // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской

Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В.Игнатъева. –Тирасполь, 2018. С. 9-16.

4. Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики: 2019-2026 гг. –Бендеры: ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист», 2019. –98 с.

Сведения об авторе:

Михаил Порфи́рович Бу́рла, Кандидат географических наук, доцент, заведующий НИИ «Региональные исследования», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300, Тирасполь, Приднестровье

Mikhail P. Burla, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Research Institute "Regional Studies", T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, 128, 25 Oktyabrya str., 3300, Tiraspol, Pridnestrovie

E-mail: burla57@list.ru

УДК 911,3:338.001.36

А. П. Катровский
A.P. Katrovskiy

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ЧАСТЬ МЕЖСТОЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

RUSSIAN – BELARUSIAN BORDERLANDS AS PART OF THE INTERCAPITAL SPACE

На развитие российско-белорусского приграничья большое воздействие оказывают столичные регионы, значительно превосходящие его по уровню экономического развития и качеству жизни. Москва, Минск являются своеобразными «тотальными столицами» и глобальными городами. Большое влияние на развитие Псковской и Витебской областей оказывает Санкт-Петербург. Положение российско-белорусского приграничья в треугольнике Москва, Минск, Санкт-Петербург превратилось в важнейший фактор периферизации, стало вызовом для его развития.

The development of the Russian-Belarusian border area is greatly influenced by the capitals regions, which significantly surpass it in terms of economic development and quality of life. Moscow, Minsk are a kind of "total capitals" and global cities. St. Petersburg has a great influence on the development of the Pskov and Vitebsk regions. The position of the Russian-

Belarusian border area in the triangle Moscow, Minsk, St. Petersburg has turned into a major factor of periphery and has become a challenge for its development.

Ключевые слова. *Российско-белорусское приграничье, межстоличное географическое положение, столичные регионы*

Key words: *Russian-Belarusian border areas, capitals, inter-capital location, capital regions.*

Введение и постановка проблемы. Придание приграничным регионам России геостратегического статуса способствовало активизации их исследования. Рост интереса к проблемам приграничных регионов в связан и с переосмыслением, сложившейся в первые десятилетия XXI века новой приграничной ситуации. Наиболее фундаментальным трудом по изучению приграничных регионов стала монография, подготовленная коллективом авторов в Институте географии РАН [1]. В условиях повышения геополитической турбулентности и неопределённости появилась потребность комплексного изучения вопросов экономической безопасности [2,3]. Вместе с тем, абсолютно большая часть исследователей в оценке факторов и ситуации в приграничных регионах, в том числе в российско-белорусском приграничье, основное внимание обращают на функцию границ, особый статус и проблемы, обусловленные приграничным географическим положением [4,5,6].

Данная статья принципиально иная. Основной акцент делается не на эффект пограничности, порожденный государственной границей, не на соседство с зарубежными странами, а на пространственную близость и соседство со столичными регионами. Применительно к современной территории российско-белорусского приграничья в качестве столичных ядер в разное время выступали Киев, Вильно, Краков, Варшава, Москва, Санкт-Петербург, Рига. В настоящее время наибольшее влияние на социально-экономическую ситуацию в российско-белорусском приграничье оказывают Москва, Минск и Санкт-Петербург, которые являются не только глобальными городами, но и «тотальными столицами».

Что касается пространства между Москвой и Минском, то сделаны только первые шаги в его географическом изучении[7,8]

Результаты исследования. Межстоличное положение региона – это система пространственных отношений между регионом и столицами (столичными регионами). Являясь одной из

разновидностей географического положения, межстоличное положение подвержено изменениям. Межстоличное положение это частный случай положения между ядрами. А.И. Трейвиш, с одной подчеркивает особую роль столиц в организации территории, а с другой отмечает, что отношения столиц является частью проблемы отношений между городами [9].

После заключения ряда межгосударственных договоров между Россией и Беларуссией, несмотря на снижение барьерной функции границы и снятие большинства ограничений в экономическом взаимодействии, российско-белорусское приграничье так и не превратилось в динамично-развивающийся регион Союзного государства. По большинству макроэкономических показателей регионы российско-белорусского приграничья уступают средним показателям своих стран. Здесь ниже душевой ВРП, душевой доход населения, более быстрыми темпами происходит ухудшение демографической ситуации. В связи с усиливающимися процессами поляризации в постсоветское время, выросла экономическая и социальная периферийность всех субъектов российско-белорусского приграничья. Была высказана гипотеза, что одной из причин усиливающегося отставания в экономическом и социальном развитии, роста периферийности является некий «токсичный эффект», связанный с межстоличным географическим положением. Оказавшись в треугольнике Москва-Минск-Санкт-Петербург российско-белорусское приграничье стало испытывать негативный эффект со стороны как своих тотальных столиц, а Псковская область еще и со стороны и Санкт-Петербурга. Москва, Минск и Санкт-Петербург и их столичные регионы значительно превосходят области российско-белорусского приграничья по потенциалу развития.

Московско-минское межстоличье включает в себя не только производственно-территориальную зону вдоль полимагистрали Москва-Брест, но и территории всех шести приграничных российско-белорусских регионов и двух столичных областей. Важнейшими «скрепами» межстоличья выступают полимагистрали и магистрали: Москва – Брянск – Гомель – Минск; Москва – Рославль – Бобруйск – Минск; Москва – Великие Луки – Витебск – Минск. Внутренней связности способствуют дороги в меридиональном направлении Е95, связывающая Санкт-Петербург восточную Белоруссию и А120 проходящая по Смоленской и

Брянской областям через Рудню – Смоленск – Рославль – Брянск на Орёл.

Неравенства в развитии столиц и столичных регионов с одной стороны, регионов российско-белорусского приграничья с другой, связаны с разными функциями территорий. Столицы выполняют иную работу, у них более высокий душевой показатель ВРП. Жители столиц имеют иные доходы и зарплаты. Табл. 1

Таблица 1

Душевой показатель ВРП (2018) и номинальная среднемесячная заработная плата в столицах, столичных и регионах российско-белорусского приграничья (2019)

Субъект	Показатель	ВРП на душу населения	Номинальная среднемесячная заработная плата
Брянская область		272742,5	29853,0
Смоленская область		330766,0	31269,0
Псковская область		259404,1	29441,0
Московская область		556413,9	55555,0
Ленинградская область		603239,7	46387,0
г. Москва		1423588,6	94294,0
г. Санкт-Петербург		781214,3	65 872,0
Витебская область		251272,4	26519,3
Гомельская область		283594,4	27786,0
Могилевская область		260881,7	26115,5
Минская область		411869,8	31156,3
г. Минск		540259,2	43295,8

Примечание: Составлено по Регионы России, 2020; Регионы Республики Беларусь, 2020.

В современных условиях столичные регионы это не столько «пылесосы», сколько «жернова» социально-экономического развития «перемалывающие» веру в социально-экономическую модернизацию регионов приграничья. Данная таблица хорошо иллюстрирует неравенства в развитии столичных городов и регионов приграничья.

Москва превосходит Санкт-Петербург по средней начисленной заработной плате в 1,43 раза, Минск в 2,18 раза и Смоленскую область в 3.02 раза. Она притягивает к себе наиболее квалифицированную и мобильную часть населения. Масштабы трудовой миграции значительны

Разрыв по величине доходов и средней заработной плате между успешными столичными регионами и межстоличной периферией увеличивается. Уникальность ситуации состоит в том, что развитие, как позитивный процесс изменения структуры экономики в столичных регионах сочетается с экономической деградацией межстоличных территорий, в которых уменьшается доля высокотехнологичных производств.

Исключительная централизация человеческого капитала, «креативных» видов деятельности, культурного и научного потенциала, высшей школы в Москве, Санкт-Петербурге и Минске, оказывает «токсичный эффект» на развитие периферийных частей межстоличного пространства, способствует «лакунизации» отдельных территорий российско-белорусского приграничья.

На отдельные аспекты негативного влияния близости Москвы на прилегающие к столичному региону области в свое время обратила внимание Т.И. Яськова[10]. Районы приграничья в условиях усиливающегося неравенства стремительно теряют население. Только в 2020 году Смоленская область потеряла 13,8 тыс. чел. или 1,47%, Брянская – 9,8 тыс. чел. или 0,82%, Псковская – 5,9 тыс. чел. или 0,94%. Депопуляция охватила и областные центры приграничных с Белоруссией регионов России.

Ситуация в белорусской части приграничья также внушает опасения. В 2020 г. население Витебской области сократилось на 13,3 тыс. чел. или на 1,17%, в Могилёвской на 8,7 тыс. чел. или 0,84%. Даже в Гомельской области наиболее отдалённой от Москвы, Санкт-Петербурга и Минска население уменьшилось на 11,5 тыс. чел. или 0,83%.

Выводы. Союзное государство России и Белоруссии было образовано в 1999 году, но до настоящего времени не создано единое экономическое пространство. Интеграционный эффект оказался незначительным для приграничных регионов, которые должны были первыми извлечь эффект от снятия барьеров трансграничного взаимодействия. Регионы российско-белорусского приграничья, включая наиболее интегрированные между собой Смоленскую, Витебскую и Могилёвскую области, образующие Днепро-Двинский, показали меньший экономический рост по сравнению со средними показателями своих стран. Виды деятельности, связанные с новыми технологическими укладами, которые являются «драйверами» экономического развития в эпоху неоиндустриального развития не получили в них приоритетного развития. Наиболее

инновационными в России и Белоруссии оставались столичные города и регионы. Данное положение соответствует теоретическим представлениям о законах пространственной диффузии инноваций, поскольку именно столичные регионы и, в первую очередь, сами столицы, располагают интеллектуальным потенциалом, способствующим развитию в них высокотехнологичных видов деятельности. Постепенное превращение столичных регионов в регионы «белых воротничков», а соседних с ними и иных периферийных и полупериферийных в регионы «синих воротничков» могут породить новую проблему отношений со столичными регионами, активизировать отток наиболее квалифицированных и образованных кадров в столичные регионы.

Важнейшей чертой трансформации социально-экономического ландшафта российско-белорусского приграничья в постсоветское время стала усиливающаяся периферизация, одним из главных факторов которой стало превосходство столиц и столичных регионов в развитии наиболее креативных и высокотехнологичных видов деятельности. В условиях незначительного государственного регулирования в сфере региональной политики Минск и Москва и Санкт-Петербург являются «тотальными» столицами, «выкачивающими» интеллектуальный потенциал из регионов приграничья. Значительное воздействие на приграничье, Витебскую, Псковскую и отчасти Смоленскую область оказывает и Санкт-Петербург, который существенно по потенциалу развития уступает Москве, но превосходит Минск. Структурную деградацию регионов российско-белорусского приграничья может остановить только качественно новая региональная политика, направленная на сопряженное развитие в них высшей школы, интеллектуальных сфер деятельности, высокотехнологичных отраслей промышленности, транспорта или сельского хозяйства. Поскольку большинство центров экономической деятельности не располагает необходимым интеллектуальным и инновационным потенциалом, то одним из вариантов пространственного развития является «встраивание» предприятий области в цепочки добавленной стоимости.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-55-00002 «Межстоличье как фактор социально-экономического развития российско-белорусского приграничья»)

Литература

1. Российское пограничье: вызовы соседства/под ред. В.А. Колосова-Москва: ИП Матушкина, 2018,- 562 с.
2. Федоров Г.М., Катровский А.П., Лачининский С.С., Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России. Монография. -Калининград, 2021
3. Федоров Г.М., Дружинин А.Г и др. Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности. Монография / Под ред проф. Г.М. Федорова. Калининград, 2020- 319 с.
4. Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен.- Смоленск, 2012. 288 с.
5. Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья.- Смоленск.: Универсум, (2-е изд.), 2017. 364 с.
6. Модернизация и структурные трансформации российско-белорусского приграничья - Смоленск.: Универсум. 2018. 376 с.
7. Катровский А.П., Нижникова А.К. Российско-белорусское приграничье как межстоличный регион // Наука. Инновации. Технологии. 2020. № 2. С. 73-90..
8. Щербакова С.А. Влияние эффекта межстоличья на территориальную организацию туристско-рекреационной деятельности в российско-белорусском приграничье//Наука. Инновации. Технологии. 2020. № 2. С. 73-90.
9. Трейвиш А.И. Столицы и границы: географические отношения и мобильность// Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. 2016. С. 10-31.
10. Яськова Т.И. Пристоличный регион как реципиент кризисных явлений: взгляд на проблему сквозь призму географической теории // Региональные исследования. 2010. № 1 (27). С. 29-38.

Сведения об авторе:

Катровский Александр Петрович, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

УДК 332.1

Е.Г. Анимитца, Н.Ю. Власова
E.G. Animitsa, N.Y. Vlasova

КРУПНЫЕ И КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ УРАЛА

BIG AND LARGEST CITIES IN THE URALS SPATIAL DEVELOPMENT

В статье анализируются процессы пространственного развития Уральского макрорегиона с учетом урбанистической структуры. Авторы фокусируются на развитии крупных и крупнейших городов как ядер экономического роста. Выявлено, что для большинства регионов Урала характерны центристемительные тенденции развития и усиление роли крупных и крупнейших городов как в соответствующем регионе, так и для Урала в целом. Рассматриваются стратегии социально-экономического развития регионов Урала с точки зрения учета агломерационных процессов.

The paper analyzes the processes of spatial development of the Ural macro-region, taking into account the urban structure. The authors focus on the development of large and big cities as the cores of economic growth. It is revealed that most Urals regions are characterized by centripetal development trends and the strengthening of the role of big and largest cities in the regional and macro-regional levels. Strategies of socio-economic development of the Ural regions are considered focusing on the agglomeration processes.

Ключевые слова: *пространственное развитие, крупные города, крупнейшие города, агломерации, регион, макрорегион, Урал, стратегия*

Key words: *spatial development, big cities, largest cities, agglomerations, region, macro-region, Urals, strategy*

Внимание исследователей традиционно занимают вопросы неравномерности пространственного развития, причины этого процесса и возможные пути его преодоления. Среди блока исследований последних двух десятилетий можно отметить работы, направленные на выявление межрегионального и межгородского неравенства. О.Ю. Голубчиков и А.Г. Махрова отмечают, что разрывы между городами значительно превышают степень дифференциации между субъектами РФ [1]. Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш выявили факторы дифференциации российских городов [2].

О концентрации экономического и социального потенциала в крупнейших городах свидетельствуют многие исследования [3-7]. В российских условиях значимым фактором концентрации и поляризации остается административный фактор, «столичность» или по высказыванию А.Г. Дружинина «метрополизация» [8].

Объектом данного исследования являются крупные и крупнейшие города семи субъектов РФ, входящих в состав Уральского экономического района. Таких городов на Урале насчитывается 6, из них четыре крупнейших города с численностью населения свыше 1 млн. чел – Уфа, Пермь, Челябинск и Екатеринбург; и два крупных города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн. чел. – Ижевск и Оренбург. Подчеркнем, что критерий выбора объекта исследования – размер города, а не его административный статус. Именно поэтому в перечень городов не попадает Курган, численность населения которого на 01.01.2020 составляла 312 тыс. чел.

Проанализируем изменение урбанистической структуры Уральского экономического района (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес крупнейшего города в численности населения соответствующего субъекта РФ, %²

	1979	1989	2000	2010	2015	2020	2020 к 1979
Екатеринбург	27,2	27,6	27,3	27,0	33,0	34,7	127,5
Ижевск	36,8	39,6	41,1	41,2	42,3	43,2	117,5
Оренбург	22,0	25,2	23,6	26,9	28,1	29,2	133,0
Пермь	33,2	33,6	34,2	37,6	39,3	40,6	122,3
Уфа	25,4	27,3	26,5	26,1	27,2	28,0	109,9
Челябинск	30,0	30,6	29,5	32,5	33,8	34,5	115,0
Доля данной группы городов в численности населения УЭР, %	26,9	28,2	27,8	28,6	29,0	31,5	32,6

Из табл. 1 видно, что удельный вес данной группы городов за 40 лет увеличился почти на 6 % в совокупной численности населения Уральского экономического района. Для всех городов данной группы были характерны центростремительные тенденции. Причем наибольшими темпами увеличивался удельный вес Оренбурга (на 33% за 40 лет) и Екатеринбурга (27,5%), в то время как удельный вес Уфы увеличился только на 10%.

Об направлениях и факторах долгосрочных демографических трендов говорит Л.В. Никитин, анализируя роль

²Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210>

экономических, миграционных и административных факторов в различные исторические периоды [9].

Крупные и крупнейшие города традиционно занимают лидирующее положение в социальном и экономическом пространстве Уральского макрорегиона (табл 2).

Таблица 2

Удельный вес крупнейших и крупных городов в основных социально-экономических показателях соответствующих регионов в 2019 г. (в процентах)³

Город	Численность населения (оценка на 1 января 2020 г.)	Инвестиции и в основной капитал	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в обрабатывающих производствах	Ввод в действие общей площади жилых домов	Оборот розничной торговли
Екатеринбург	35,4	58,4	22,8	46,3	58,7
Ижевск	43,2	68,6	58,0	54,9	64,1
Оренбург	30,0	42,8	12,5	48,9	54,4
Пермь	40,6	52,3	60,6	46,3	59,8
Уфа	28,0	49,3	55,9	30,2	53,7
Челябинск	34,5	34,3	36,1	40,6	55,4

Видно, что города данной группы продолжают оставаться инвестиционными и промышленными центрами, хотя ряд городов теряют статус лидера в промышленном производстве региона, что особенно видно на примере Екатеринбурга и Оренбурга. При этом сама промышленность также претерпевает серьезные структурные изменения [10]. Промышленные функции замещаются финансовыми, сервисными, торговыми, что прописано и в стратегиях социально-экономического развития данных городов [11].

Продолжает трансформироваться и пространственная структура крупных и крупнейших городов – все они являются центрами формирующихся или уже сформировавшихся городских агломераций. В стратегиях социально-экономического развития соответствующих субъектов РФ имеются разделы, посвященные формированию и развитию городских агломераций. В ряде случаев в стратегиях социально-экономического развития данных городов

³ Составлено по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

также содержатся разделы, посвященные перспективам формирования городских агломераций.

Таким образом, крупные и крупнейшие города продолжают оставаться ядрами экономического роста Уральского экономического района, формируют его современный каркас расселения, однако экономические, социальные процессы, процессы пространственного развития зачастую показывают противоречивые тенденции, что в перспективе может привести к формированию новых точек экономического роста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования»

Литература

1. Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. № 2. С.54-60.
2. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. «Сильные» и «слабые» города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 135-143.
3. Лексин В. " Региональные столицы" в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. – №. 7. С. 84-93.
4. Лексин В. Н., Карачаровский В. В. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. №. 1-2. – С. 26-46.
5. Зубаревич Н. В. Крупнейшие города России как «агенты» глобализации // Россия и современный мир. 2002. №. 4. С. 98-101.
6. Анимиа Е.Г. Апикальная мерсистема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. Коллективная монография. Екатеринбург, 2017. С. 66-77.
7. Анимиа Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars Administrandi. Искусство управления. 2018. № 1. С. 82.
8. Дружинин А. Г. Пространственные возможности и барьеры постиндустриального развития региональной метрополии (на примере Ростова-на-Дону) // Региональные исследования. 2013. №. 2. С. 25-32.
9. Никитин Л.В. Крупнейшие города Урала в 1960-2000-е годы: полувековые демографические тренды и современные конкурентные

позиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 21-31.

10. Анимица Е.Г., Ивлева И.В. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 23. С. 2-9.

11. Тургель И. Д., Маковкина С. А. Сравнительный анализ практики стратегического планирования социально-экономического развития в крупнейших городах России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. №. 6. С.22-30.

Сведения об авторах:

Анимица Евгений Георгиевич: заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, главный советник при ректорате, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Evgeny G. Animitsa, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Geographical Science, Professor, Chief Advisor of the Rector, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State University of Economics.

E-mail: animieg@usue.ru ; +7(343)221-27-20

Власова Наталья Юрьевна: Доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета.

Natalia Yu. Vlasova, Dr. of science (economics), Professor of the State and Municipal Governance Department of the Ural State University of Economics

E-mail: nat-vlasova@yandex.ru ; +79126336950

УДК 911.3:339 (476)

Г.М. Федоров
G.M.Fedorov

**КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ
ЭКСКЛАВНОСТИ**

KALININGRAD REGION: OVERCOMING EXCLAVITY

На развитие Калининградской области влияет соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов. Главный неблагоприятный фактор – эксклавность региона. Благодаря благоприятным факторам – приморскому положению, мягкому климату, хорошей освоенности территории, а также действию закона об Особой экономической зоне и федеральной финансовой поддержке регион успешно развивается. Но в развитии экономики постоянно приходится учитывать изменения внешних геоэкономических и геополитических факторов.

The development of the Kaliningrad region is influenced by the ratio of favorable and unfavorable factors. The main unfavorable factor is the exclavity of the region. Thanks to favorable factors - the coastal position, mild climate, good development level of the territory, as well as the operation of the law on the Special Economic Zone and federal financial support, the region is developing successfully. But in the development of the economy, it is constantly necessary to take into account changes in external geoeconomic and geopolitical factors.

Ключевые слова: Калининградская область, эксклавность, экономическая безопасность, стратегия развития

Key words: Kaliningrad region, exclavity, economic security, development strategy

Специфика развития Калининградской области, относящейся, согласно Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г., к приоритетным геостратегическим территориям, определяется сочетанием географических факторов-катализаторов (ускоряющих развитие) и факторов-ингибиторов (замедляющих его)⁴. К первым относится наличие незамерзающего морского побережья, сравнительно мягкий климат, хорошая освоенность территории, соседство с возможными партнерами по внешнеэкономическим связям. Ко вторым – прежде всего, эксклавное географическое положение региона. Оценка совокупного действия факторов зависит от геоэкономической и геополитической ситуации в мире и связана с особенностями развития отношений России с зарубежными странами.

В 1990-е годы большие надежды многими возлагались на развитие многосторонних отношений со странами Запада, и Калининградской области отводилось место «пилотного региона

⁴ Названия терминам «факторы-катализаторы» и «факторы-ингибиторы» – в 1970-е годы дали Н.Т. Агафонов, А.Н. Голубев [1]. К сожалению, эти названия, в отличие от аналогичных, используемых в так называемом SWOT-анализе «сил» и «слабостей» (strengths and weaknesses) не получили распространения, а их анализ не был достаточно формализован.

сотрудничества» России и ЕС. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (вступившее в силу в 1997 г.) давало к этому необходимые основания. В 2005 году были приняты так называемые «дорожные карты четырех общих пространств», намечавшие направление развития взаимных связей. Однако уже по истечении 10-летнего срока Соглашения, когда предполагалось обновить его содержание, действие его положений, по сути, прекратилось. Вместо этого происходило продвижение НАТО на восток, в его состав вошли многие восточноевропейские страны, включая бывшие республики Прибалтики (в 2004 г.), продвинулись к российским границам его военные базы. Вслед за вступлением в НАТО страны Прибалтики в 2004 г. вошли в ЕС. Усложнились коммуникации области с основной территорией страны, условия ее энергоснабжения.

Еще более сложными стали внешние условия развития региональной экономики после введение странами Запада в 2014 году антироссийских экономических рестрикций и принятие Россией ответных мер (сказавшихся на импорте из стран ЕС сельскохозяйственной продукции, включая сырье для развитой мясоперерабатывающей промышленности области). В сложившихся условиях экономике региона пришлось резко менять географию внешнеэкономических связей и принимать меры по повышению экономической безопасности региона.

Зависимость от внешних условий определяет неустойчивость темпов развития экономики, нашедшей отражение в неоднократной реструктуризации ее отраслевой структуры. Первый послевоенный период (вторая половина 1940-х гг.) характеризовался лишь частичным восстановлением прежних отраслей хозяйства, они приобретали новые, социалистические формы хозяйствования, менялась номенклатура выпускаемой продукции. А в 1950-е – 1970-е гг. возникли новые отрасли специализации: крупный рыбохозяйственный комплекс; приборостроение; звероводство, морской транспорт, связанный с Мировым океаном научно-образовательный комплекс.

В 1990-е гг. промышленность и сельское хозяйство региона в результате разрыва внутрисоюзных экономических связей и непродуманной приватизации утратили основной производственный потенциал.

С конца 1990-х гг. началось создание новой импортозамещающей промышленности с использованием

зарубежного сырья и полуфабрикатов и поставками готовой продукции на общероссийский рынок. Главным фактором развития стал механизм Особой экономической зоны с таможенными льготами. На их основе возникло крупное автосборочное производство, производство электроники и бытовой техники, мебели.

В 2006 г. таможенные льготы сменились налоговыми (с переходным десятилетним периодом, когда резидентами ОЭЗ прежний режим мог использоваться и использовался). Но стали возникать и новые хозяйствующие субъекты, в том числе экспортной ориентации (хотя и на привозном сырье – как крупное производство по переработке сои).

После вступления Польши и Литвы сначала в НАТО, а потом в ЕС, экономические связи с этими странами, которые прежде играли главную роль во внешней торговле области, стали сокращаться. Стало в большей мере использоваться приморское положение области. Главный сдвиг произошел еще до 2014 г., но он продолжился и в 2014 – 2019 гг. (см. таблицу). На передний план стала выдвигаться торговля с государствами Восточной Азии (Китай, Республика Корея) и Латинской Америки (Бразилия), да и среди стран ЕС большее значение, чем Польша и Литва, стали играть Словакия и Чехия. Если в 1997 г. на Германию, Польшу и Литву приходилось 56,7% внешнеторгового оборота области, то в 2014 г. их удельный вес снизился до 17,3%, а в 2019 г. – до 14,3%.

Таблица 1
Изменение географии внешней торговли Калининградской области, 1997 – 2019 гг.

Доля первых 10 стран по объему товарооборота с Калининградской областью РФ		
1997 г.	2014 г.	2019 г.
Германия 21,7%	Китай 19,4%	Респ. Корея 21,9%
Польша 20,2%	Респ. Корея 10,4%	Китай 10,1%
Литва 14,8%	Германия 10,3%	Германия 8,4%
Великобритания 3,6%	Великобритания 7,5%	Словакия 7,8%
Нидерланды 3,5%	Словакия 6,9%	Бразилия 5,3%
Бельгия 3,0%	США 4,8%	США 4,4%
США 2,8%	Польша 4,6%	Белоруссия 4,2%
Респ. Корея 2,8%	Бразилия 4,3%	Чехия 4,1%
Италия 2,3%	Парагвай 3,6%	Польша 3,9%
Белоруссия 2,1%	Эстония 3,5%	Норвегия 2,4%

Условные обозначения:

Чехия - страны, не входившие в число первых десяти в 1997 г.

Примечание: Рядом с названием страны указан ее удельный вес в товарообороте Калининградской области.

Составлено автором на основе данных: Федеральная таможенная служба.

URL:

http://koblt.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=19367:-2014-&catid=124:-2014-&Itemid=153 (дата обращения 30 января 2020).

Происходившие изменения в отношениях России и стран Запада снижали уровень экономической безопасности области. Российским правительством стали предприниматься меры по обеспечению транспортной и энергетической безопасности региона. Было налажено паромное сообщение Балтийск – Усть-Луга. Для обеспечения альтернативного маршрута поставки природного газа построен терминал для приемки сжиженного газа и плавучая регазификационная установка. В дополнение к Калининградской ТЭЦ-2, полностью обеспечивающей потребности региона в электроэнергии, построены четыре небольшие резервные тепловые электростанции. Благодаря развитию на промышленной основе аграрного сектора стал повышаться уровень продовольственного самообеспечения региона □2□.

Темпы развития области превышают средние по РФ, причем в благоприятные для российской экономики годы они выше среднероссийских, а в неблагоприятные – ниже. В 2010 – 2014 гг. прирост физического объема валового регионального продукта в области составил 24,5%, а в среднем по РФ 17,2%, за 2015 – 2019 гг. соответственно 6,1% и 4,9%⁵. А в условиях пандемии COVID-19 спад производства в регионе более значителен по сравнению со средним по стране. Обрабатывающая промышленность области сократила производство на 6,2%, тогда как в целом по РФ увеличила на 0,3%⁶.

Современная геополитическая и геоэкономическая турбулентность обуславливает необходимость совершенствования специализации экономики региона по следующим направлениям:

⁵ Рассчитано на основе цепных индексов, см.: Индексы физического объема валового регионального продукта в 1998 — 2018гг. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27963> (дата обращения 25 декабря 2020).

⁶ Индекс производства // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57806> (дата обращения 30 января 2021).

- более полное использование природного потенциала: развитие экологически чистого сельского хозяйства и оздоровительного туризма;
- становление инновационной экономики, в том числе благодаря созданию Инновационного научно-технологического центра «Балтийская долина – Хьюмантек»⁷;
- возможное включение в реализацию проекта Большой Евразии и развитие области как «международного коридора развития» □3□;
- дальнейшая диверсификация внешних связей с использованием рынков Восточной и Южной Азии, Латинской Америки и Африки: развитие экспортных и импортозамещающих производств с морскими поставками сырья, полуфабрикатов и готовой продукции;
- развитие функций по повышению обороноспособности страны.

Материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ №20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации»

Литература

1. Агафонов Н.Т., Голубев А.Н. Категории и факторы демографической обстановки (ситуации) // Прикладная демография. М., 1973. С. 29—36.
2. Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.
3. Анохин А.А., Федоров Г.М. О формировании регионов – международных коридоров развития в западном порубежье России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Т. 64, №4, 2019. С. 545 — 558. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.403>

Сведения об авторе:

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта.

⁷ Алиханов рассказал о специализации научного центра «Балтийская долина» // РБК, 5 марта 2020.

URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/05/03/2020/5e60b3679a794722aa004b80> (дата обращения 30 января 2021).

Gennady M. Fedorov, Prof., Dr., Director of the Center for Geopolitical Studies of the Baltic Region. Institute of Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: gennady_fedorov@mail.ru

УДК 911.3 (470) (07)

А.Ф. Кудрявцев
A.F.Kudryavtsev

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: НАУКА ИЛИ ИСКУССТВО

HISTORICAL GEOGRAPHY: SCIENCE OR ART

Приведена попытка уточнения дефиниции понятий исторической общественной географии и палеогеографии. Приводятся некоторые методы работы в архивах. Показан дуализм исторической географии и как науки, и как искусства.

An attempt is made to clarify the definition of the concepts of historical social geography and paleogeography. Some methods of working in the archives are given. The dualism of historical geography as both a science and an art is shown.

Ключевые слова: историческая география, историческая общественная география, исторические архивы, факты-интерпретации, генерализация географических данных.

Key words: historical geography, historical public geography, historical archives, facts-interpretations, generalization of geographical data.

Введение. Историческая география (ИГ) – это междисциплинарное направление исследований, поле перекрывающих друг друга научных интересов истории и географии. О ней, как о науке написали почти одновременно Э. Кларк [6] и В.К. Яцунский [9]. Среди многих работ можно упомянуть труд В.П. Максаковского [7], работы Л.Н. Гумилева [5], трехтомник Ф.Броделя, и прежде всего 3-й том, известную «Материальную цивилизацию, экономику и капитализм» [1] и, конечно, классику – «Историю» Геродота [3] и «Географию» Страбона [8], само время, сделавшее эти труды историко-географическими.

Ю.Н. Гладкий, отечественный географ современности, утверждает, что к настоящему времени в литературе даны десятки

определений ИГ. Это, в частности, "область знания на стыке истории и географии", "география какой-либо территории на определенном этапе ее развития", "последняя глава палеогеографии", "палеогеография голоцена" и т.д. Тем не менее, считает Гладкий, все эти и другие определения не проливают достаточно света на предмет и объект ИГ. И такие, например, дисциплины как "историческая геология" или "историческая педагогика" имеют больше оснований и обоснований для своего существования, нежели "историческая география" [4].

Неопределенность и размытый характер ИГ, ее неконкретность, очевидно, кроется в двойственности ее сущности, ее дуализме.

Географы по большому счету всегда в своих исследованиях используют исторический подход, чтобы проследить процесс возникновения и развития объекта исследования. Также говорят о генетическом подходе, о временном подходе. Это нужно для того, чтобы проследить тренд в развитии явления, процесса, объекта, его тенденцию. Считается, что чтобы понять настоящее и прогнозировать будущее, необходимо знать прошлое. Вот собственно и все доводы, для чего географы интересуются прошлым (историческим). Иногда в географических работах истории посвящается одна глава, а то и лишь параграф, и на этом "роман" с историей заканчивается. Есть примеры и целых, настоящих историко-географических введений, например в экономическую географию [2]. Но именно как введение.

Таким образом, историко-географическое введение служит сугубо утилитарным целям в географическом научном исследовании. Заниматься собственно исторической географией среди географов (по умолчанию) считается роскошью, неразумной тратой времени, "бесцельной прогулкой в тенистых рощах чистой науки" и т.п. С прагматической точки зрения историческая география в чистом виде не помогает решать прикладные задачи, не приносит денег, не дает заработать на кусок хлеба с маслом, не представляет интереса для коммерческих и государственных структур, то есть нежизнеспособна. К сожалению, такие критерии как поиск истины, приращение знания, понимание происхождения и нахождения себя во времени и пространстве, память о своем (человека и этноса, например) происхождении и т.п. некоммерческие «мелочи» ныне не в чести. А именно это и могут дать исследования по исторической

географии. Польза, скорее, нематериальная, но польза от нее немалая.

Считаем необходимым высказать собственную точку зрения по дефиниции исторической географии.

Историческая география (ИГ) – это география прошлого. Историческая география территории любого таксономического ранга – это география данной территории на определенном этапе исторического развития.

Неизбежно возникает вопрос: "Насколько мысленно нужно вернуться назад в прошлое, чтобы ваша работа являлась исторической?".

Ответ: "Настолько, пока присутствуют письменные источники (документы) – "свидетели прошлого". То есть, историко-географу интересен исторический, а не доисторический период времени. С другой стороны, спрашивается, а когда заканчивается прошлое (история) и начинается современность? Принято считать, что современность, "наше время" начинается 15 лет назад от текущего дня.

Еще один момент по письменным источникам о прошлом. Задают вопрос: "А эти письменные источники (наскальные рисунки и письмена, глиняные таблички, папирусные свитки, письмена на металле, пергаменте, бересте, бумаге и т.п.) о данной территории – их должны оставить сами жители территории, ее аборигены или же допустимо рассматривать письменные свидетельства иноземных путешественников об этой территории?".

По мнению автора, источники обоих происхождений правомочны и интересны для историко-географа. А иначе получается, что народ, населяющий некую территорию и не имевший длительное время своей письменности, выпадает из истории, становится "неисторическим народом", без своей истории, а также географии. Это неверно.

Во-первых, любой "бесписьменный" народ имел и имеет устную традицию передачи информации своим потомкам. Он владеет искусством рассказа. Вся эта информация бывает часто переведена и записана представителями пишущих народов. А позже, при создании своей письменности, воспроизводится в обратном переводе аборигенами. Так что устное народное творчество (рассказ) весьма важный фактор. Можно напомнить, кстати, что греческое слово "historia" и переводится как "рассказ (устный) о прошлых событиях". Безусловно, нужно иметь ввиду, что при устной передаче

информации (предания, сказки, мифы, легенды) она неизбежно искажается и мы, в наши дни можем услышать совсем другую версию того, что было когда-то. Вот поэтому, чтобы не забыть (!) была изобретена письменность. И в первую голову были записаны священные тексты (Святые Писания) – нельзя было допустить их искажения. Надо сказать, что историко-географ, как, наверное, и историк, всегда волнует этот вопрос – вопрос о достоверности исторических фактов. Географ, по крайней мере, может вернуться на место и перепроверить собранный фактический материал. Историк лишен этой возможности, т.к. путешествие во времени назад в прошлое невозможно. Поэтому остается довольствоваться тем, что есть.

Во-вторых, возможности археологической реконструкции прошлого какой-то территории также раздвигает временные рамки в исследованиях по исторической географии. Археологи, а это тоже историки, пользуются в основном неписьменными источниками информации. Так что история есть и у "неисторических народов". И тем не менее, считаем, что наличие письменных источников краеугольным камнем в методологии исторической географии так, как она понимается нами.

На наш взгляд, ИГ относится к общественно-географическому крылу географии. А природные, или физико-географические вопросы, связанные с прошлым исследуются п а л е о г е о г р а ф и е й. У этой науки свой предмет и методы изучения природы Земли в прошлые, в том числе геологические эпохи. Палеогеография более масштабна, объективна, фундаментальна и даже научна, нежели историческая география, ибо она естественная наука. В этой связи, на наш взгляд, название "историческая геология", "историческая геоморфология", "историческая климатология" и т.д. не вполне корректны. Так как определение "исторический"(-ая) означает, что исследование не только пытается восстановить картину прошлого, но использует при этом исторические документы, и прежде, всего письменные. А их оставляют люди. Это культурное наследие. В этом смысле, например, выражение «каменная летопись» не более чем метафора. Если же таких письменных источников нет, то перед нами "доисторическая география".

Дошедшие до нас письменные источники являются только описательными материалами. К сожалению, они часто несистематические, использующие не количественные, а

качественные характеристики. Таковы, например, "геогностические описания" (в России это не ранее второй половины XVIII столетия). То же касается климатологии: чем дальше вглубь истории, тем фантастичнее, неправдоподобнее данные о климате прошлого. На естественнонаучное исследование это не тянет.

Историческая же география пользуется данными (историческими документами) созданными людьми, т.е. данными субъективными в определенной степени, неточными, не всегда корректными. ИГ использует часто не факты, а интерпретации фактов. В этом смысле она, возможно, более искусство, нежели наука. Можно задаться вопросом: "А правду ли писали наши предки? Можно ли верить письменным документам? А это точно научный метод сбора информации?". Имеется известное высказывание о том, что историю пишут победители [революции, войны, точки зрения в дискуссии и т.п.]. Другими словами, есть вероятность того, что выводы ИГ могут выглядеть не вполне корректными с точки зрения естествоиспытателей, в том числе физико-географов. Но то же самое можно сказать и в отношении результатов палеогеографических исследований. Обывателю, да и экономико-географу, очень сложно бывает понять, каким образом, например, получают данные из недр Земли, на глубине сотен километров. Насколько достоверны данные о палеоклиматических условиях, например Сибири? А палеогеография речной сети Русской равнины? Эти и другие вопросы постоянно будоражат ищущие истину умы.

Необходимо уяснить в данном случае, что и историческая география, и палеогеография пользуются своим методологическим инструментарием, инструментарием общественнознания и естествознания соответственно. Эти инструменты, эти методы различны. Потому что объекты изучения ИГ и палеогеографии (а в целом общественной и физической географии) различаются. Например, различен "объем" объектов изучения. Палеогеография, как и положено физико-географической науке, занимается изучением географической оболочки [в прошлом], а историческая география интересуется, скорее, географической средой, точнее, историей освоения человеком части географической оболочки. Еще древние греки назвали эту часть ойкуменой.

Историко-географ-обществовед, как правило, в качестве первоисточника использует архивные материалы. В этом смысле его работа, методы работы присущие историкам-архивистам. Работа в архивах – это целое искусство, требующее умения интерпретировать

данные. При этом придерживаясь строго научных этических требований, а именно, точная, объективная передача полученной информации, скрупулезная работа с фактами-интерпретациями, категорическая недопустимость внесения изменений («заполнение лакун») или игнорирование неудобной информации. В этом смысле ИГ наука.

Географу, взявшемуся работать в области исторической географии нужно быть готовым к определенным особенностям представленной в архивах информации. Автору знакомы эти особенности и некоторый опыт исследований в ЦГА Удмуртской Республики (дела фонда Ижевского оружейного завода первой половины XIX в.) позволяет сказать несколько слов.

Во-первых, все зависит от интересующего ученого исторического периода. Чем дальше вглубь веков, тем более необходим навык чтения текстов с непривычной орфографией (с «ятями, фитами, ерями»). Достаточно хорошо распознаются рукописные тексты уже первой половины позапрошлого столетия. Действительно, нижние чины (писари) Ижевского завода были хорошо обучены чистописанию и грамотности. Некоторые дела архивов написаны буквально каллиграфическим почерком. Чего не скажешь о некоторых офицерах завода, точнее, об их бумагах (распоряжения, пояснения, приказы). Заводские писари писали различные документы (прошения, разъяснения) и за мастеровых, и за непременных работников (крестьян), которые в конце «расписывались», ставя крест.

Нашему современнику, берущемуся работать в архиве дел, относящихся до 1917г. нужно быть готовым к неметрическим системам мер длин, весов, объемов, площадей, а также к старому (юлианскому) календарю. Кроме того, в каждом регионе России той эпохи существовали свои варианты метрик. В частности, на горнозаводском Урале были оригинальные меры дров и древесного угля. Многие, что сейчас измеряется как масса, тогда измерялось как объем и т.п.

Для первой половины XIX века, для архивных материалов того периода характерна скудость карт, что для географа более чем болезненно. Хотя если они присутствуют, то достаточно высокого качества (характерна карта округа Ижевского оружейного завода (1864г.), выполненная военными топографами). Очень мало рисунков, схем, планов. Естественно, отсутствуют фотографии. Даже дагерротипия дойдет сюда лишь к концу 70-х гг. XIX века.

Архивные дела – это зеркало конкретной эпохи и конкретной ситуации. И многого, что на слуху сейчас в прошлые исторические периоды просто не существовало. Не было экологии и комфортной городской среды, урбанизации и городских агломераций, транспортных магистралей и электростанций. К слову, об экологии. Были отдельные экологические сюжеты, разбросанные по разным страницам различных архивных дел, то есть несистематизированные. Зато они касались вполне утилитарных вещей. В частности, заболеваемость мастеровых и членов их семей объяснялось потреблением воды низкого качества, проживанием в заболоченной местности. Но никаких спецотчетов («нацдокладов») по экологии, конечно не было. Вся эта информация буквально вычленилась из текстов архивных материалов. Необходимо бывает перелопатить огромный объем руды, чтобы получить крупицу чистого металла.

Работа в архиве по сбору фактического материала для конкретной темы предполагает рассматривать его в контексте эпохи. Необходимо ориентироваться в особенностях государства той поры, экономики, внутренней и внешней политики, техники и технологий, жизни и быта населения, и многое другое. Все это во многом уже искусство, нежели наука, понимаемая как набор парадигм и конкретных методик. Можно ли подходить к исследованию исторической эпохи с методами, которыми пользуются при исследовании эпохи современной? Даже тексты историко-географические могут выглядеть как публицистические, что сближает их, скорее, к искусству, чем к научным текстам с жестким правилами построения.

ИГ, чтобы заработала как наука, должна искусно использовать критерии отбора материала их огромного массива данных. Должна уметь за деревьями увидеть лес. Как писал Э.Кларк, ценность географических работ часто определяется тем мастерством, с каким в них были отобраны критерии, позволяющие осуществить плодотворную генерализацию". [6]. Речь идет о мастерстве, навыке, искусстве, которые приобретаются с течением времени. Часто здесь наряду с логикой, задействована интуиция. И в этом смысле ИГ является искусством.

Заключение. Историко-географическая работа (в нашем понимании) – это характеристика территориальной организации общества в конкретную историческую эпоху. Характеристика отдельных территориальных структур – экономики, населения,

природопользования – в эту эпоху. Попытка объяснить современное положение дел историческим прошлым, но тут надо подходить весьма осторожно. Никто не отменял важный завет – все познавать в географическом (территориальном) сравнении. Еще один историко-географический вопрос-сюжет – "работали" ли раньше те факторы и закономерности в размещении населения, хозяйства, в природопользовании, которые действуют ныне? И наоборот, насколько применимы современные подходы к историческому прошлому? Придерживаясь этих и других географических подходов можно, оставаясь в "географической лодке, плавать в историческом море".

Литература

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – М.: Прогресс, 1992. – 679с.
2. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. – М.: Географгиз, 1963. – 365с.
3. Геродот. История. В 9 кн. / Геродот; Пер. Г.А. Стратановского. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002. – 752с.
4. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация / Ю.Н. Гладкий. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 664с.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544с.
6. Кларк Э. Историческая география // Американская география: современное состояние и перспективы/ Пер. Н.Н. Баранского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – с. 83-112.
7. Максаковский В.П. Историческая география мира: Учебное пособие для вузов. – М.: Экопрос, 1997. – 584с.
8. Страбон. География. В 17 кн. / Страбон; Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. – 943с.
9. Яцунский В.К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV-XVIII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 319с.

Сведения об авторе:

Андрей Федорович Кудрявцев, кандидат географических наук, директор института естественных наук ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики. Ул. Университетская, 1, Ижевск, Россия.

Andrey F. Kudryavtsev, Candidate of Geographical Sciences, Director of the Institute of Natural Sciences of the Udmurt State

University, Associate Professor of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics. 1 Universitetskaya Street, Izhevsk, Russia.

E-mail: kudr2005@mail.ru

УДК 910.2

А.И. Зырянов, И.С. Зырянова
A.I. Zyrianov, I.S. Zyrianova

ОЦЕНКА ГОРОДОВ И СЕЛ ПО СОЗДАНИЮ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СРЕДЫ

GRAPHIC SCIENCE AND IN INDEPENDENT TOURISM

Туристско-рекреационная среда городов и сел России в настоящее время быстро улучшается. Путешествия авторов по Уралу и Предуралью дают представление о разнообразных положительных изменениях комфортности среды населенных пунктов, повышению их туристкой привлекательности. Одним из комплексных критериев сравнительной оценки этой деятельности поселений может быть показатель длины популярных прогулочных маршрутов в населенном пункте. Следует учитывать важные для развития туризма направления, такие, как предложение местной продукции и кухни, активность местного сообщества в реализации социальных проектов и в организации и проведения туристских событий.

The tourist and recreational environment of cities and villages in Russia is currently improving rapidly. The travels of the authors in the Urals and the Preduralie give an idea of a variety of positive changes in the comfort of the environment of settlements, increasing their tourist attractiveness. One of the complex criteria for the comparative assessment of this activity of settlements may be the indicator of the length of popular walking routes in the settlement. It is necessary to take into account areas that are important for the development of tourism, such as the offer of local products and gastronomy, the activity of the local community in the implementation of social projects and in the organization and conduct of tourism events.

Ключевые слова: туризм, рекреация, среда города, Урал, Предуралье

Key words: tourism, recreation, cities environment, Ural, Preduralie

Туристско-рекреационная среда становится своеобразным индикатором благополучия населенного пункта, свидетельствует о

его привлекательности, правильном, т.е. рациональном и творческом развитии. Задача пространственного развития в аспекте туризма и рекреации стала особенно актуальна в нашей стране. Города и районные центры, поселки и села России благоустраивают среду населенного пункта, преобразуют ее в сторону привлекательности для местных жителей и гостей. Попробуем описать происходящие изменения. Предлагаемый материал подготовлен на основе впечатлений от путешествий авторов в 2020 году, когда удалось посетить около 60 городов и 100 райцентров в России.

Описываемая тенденция хорошо проявляется на Урале и в Предуралье. Если еще пять лет назад такой деятельностью отличались в основном только главные города регионов, то теперь это характерно для многих малых и средних городов, центров муниципалитетов, поселков и сел. Центральные улицы Кудымкара, Губахи, Чердыни, Звездного, Заречного, Камышлова, Невьянска, Шадринска, Коряжмы, главные площади Ирбита, Сарапула, рекреационные зоны Соликамска, Туринска, Сатки, Частоозерья, набережные Котласа, Воткинска, Глазова, Осы, Кунгура, территории вокруг выдающихся архитектурных объектов Сольвычегодска, Далматово, Ныроба, Ленского, исторические места Юга, Калинин, Ашапа, новые дамбы поселковых и сельских прудов Кажима, Нердвы, Уинского, музейные и познавательные туристские территории Котельнича, Шаркана, Очера, Нижней Синячихи, скульптурные композиции Игры, Кеза, обустроенные места природных экскурсий Кулиг, Дебёс и многое другое появилось или улучшилось в самое последнее время в отношении создания туристско-рекреационной среды населенных пунктов.

Как оценивать работу городов и сел по пространственному туристско-рекреационному развитию? Скорее всего сравнивать следует населенные пункты группируя их по административному значению и численности населения. Так в одну категорию должны попадать города – центры субъектов Федерации, а в другую – центры муниципалитетов. Во-вторых, населенные пункты различны по численности населения и следует выделять несколько категорий и проводить оценку по этим группам. По-видимому, целесообразно разделить населенные пункты по шкале: до 1 тыс. чел.; 1 тыс. – 10 тыс. чел.; 10 тыс. – 100 тыс. чел.; более 100 тыс. чел. Однако это деление надо применять при оценке условно и установленные пороги для какого-либо региона не следует выполнять строго. Например, Березники – единственный нецентральный город

Пермского края с населением более 100 тыс. чел., поэтому при оценке его можно рассматривать в группе средних городов края. Иначе сравнения не получится. Если оценку городов проводить для группы регионов, например, для Урала в целом, то Березники можно рассматривать в группе больших городов, поскольку их не мало.

Развитие туристско-рекреационной среды города или села предполагает создание разнообразных конкретных объектов туризма и туристского сервиса: гостиниц, кафе, ресторанов, магазинов, арт-объектов, скульптур, музеев, скверов и парков, требует благоустройства улиц, дамб прудов и набережных акваторий, ремонт фасадов зданий. Результатом этих действий предполагается более интенсивное рекреационное использование пространства населенного пункта местными жителями и гостями. Должен увеличиться реальный туристский поток в населенный пункт, а его объекты и среда начнут выполнять роль туристских ресурсов.

Как оценивать результативность города или села в отношении туристско-рекреационного благоустройства? Оценивать следует именно то, как городское пространство используется местными жителями и туристами для рекреационных целей. Через подсчет конкретных объектов это сделать сложно. Наиболее применима и наглядна, на наш взгляд, оценка популярных прогулочных маршрутов в пределах населенного пункта и его самого ближайшего окружения. Через длину популярных прогулочных маршрутов можно судить о развитии туристско-рекреационной среды населенного пункта. Таким образом можно избежать использование составного показателя в баллах и обойтись сравнимыми числами.

Довольно просто нанести на карту популярные прогулочные маршруты горожан и гостей, т.е. те пути, которые постоянно используются людьми для прогулок и отдыха. Это пути по набережным, паркам и скверам, по улицам с интересными магазинами и кафе, с красивыми зданиями, это пространства с арт-объектами. Это и маршруты популярных прогулок рядом с населенным пунктом, если они действительно востребованы, например, тропы к чистым родникам, к особым красивым местам. Общая длина таких маршрутов и будет показателем работы по туристско-рекреационному благоустройству города. Администрация населенного пункта сама нанесет такие маршруты на карту и будет стараться их сеть развивать. Эту работу легко проверить, посмотреть на месте, реально ли тот или иной маршрут

популярен, или он обозначен только как планируемый, желаемый, а созданного обустройства недостаточно для туристского отклика.

Собирать отдельные сведения (длина пешеходных улиц, благоустроенных набережных, площади парков и скверов, число кафе и ресторанов, номерной фонд гостиниц и т.д.), затем сводить эти многочисленные и разнородные данные в общий показатель – путь сложный и спорный. Если говорить о каких-то особенно важных видах деятельности для туристско-рекреационного развития населенного пункта, то следует обратить внимание на три из них: 1) на местное производство, прежде всего продуктов питания, и местную гастрономию, 2) на активность жителей в выдвижении и реализации собственных социальных проектов, 3) туристско-значимый событийный ряд.

Необходим анализ «живой» кухни в населенных пунктах. Под данным понятием подразумевается национальная кухня, которая до сих пор остается востребованной местным населением, а значит интересна для туриста. Современная тенденция поиска и возрождения традиционных блюд редко становится основой для развития гастрономического туризма. При отсутствии постоянного употребления аутентичных продуктов местными, конечно, возможно создание организованных туров, где демонстрируется процесс приготовления и происходит дегустация, но внутренний самостоятельный турист, который активно путешествует по родному региону и соседним территориям будет ориентироваться в выборе национальной кухни, только при наличии ее на территории. Наиболее яркий пример «живой кухни» Пермского края – это город Кудымкар с пистиками, белыми грибами и суром.

Это направление развивается не просто. Так, в Игре и Дебесах работают известные молочные и мясные предприятия и популярны местные продукты в магазинах, но нет соответствующих предложений в сфере общественного питания. Знаменитые пряники в Балезино стали выпускаться редко и уже не продаются в бойких местах (на ж. д. вокзале или торговых территориях). Однако, в мероприятиях событийного туризма республики лидирует этническая и гастрономическая направленность, а география его распространяется на все города и одиннадцать из двадцати пяти административных районов [2].

Для туристов важно местное производство как продовольственных товаров, так и промышленных. Например, швейная фабрика в Шарканах ориентируется и на местное

население, и на гостей, посещающих Вотчину Тол Бабая и лыжные соревнования. Каждый населенный пункт стремится продвигать местное производство в туристскую сферу. Хороший пример - магазин сувениров и местных продуктов в Кунгуре при турфирме «Кумир», где жителям и туристам предлагается большой выбор продовольственных продуктов из Кунгура и сел Кунгурского района, а также производственных изделий, особенно народных промыслов и сувениров.

Важным условием рассматриваемой деятельности является активность администраций и населения, участие в различных программах поддержки и социальных грантах. Участие в программе «Формирования комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда», конкурсе «Малые города и исторические поселения». Необходимо постоянное стимулирование активного участия жителей в местных инициативах, таких как «Управляем вместе» в Пермском крае, проектные семинары Центра территориального развития Удмуртии.

На туристско-рекреационную привлекательность территории влияет активность местного населения в проводимых городом или селом праздниках. Так, в 2021 году Пельменfest в Ижевске собрал 40000 посетителей, этно-ландшафтный фестиваль «Зов Пармы» в и «Медовый спас» в Уинском собирает ежегодно более 10 000 гостей.

Таким образом, характеристика качества туристско-рекреационной среды населенного пункта может основываться как на числовых показателях важнейших сторон туризма, которые может дать статистика, так и на экспертной оценке градостроителей и представителей туристского сообщества.

Литература:

1. Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 98-104
2. Сидоров В.П., Парфенов С.В. Структура и география событийного туризма в Республике Удмуртия. В сборнике: Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 167-169.

Сведения об авторах:

Александр Иванович Зырянов, д.г.н., заведующий кафедрой туризма Пермского государственного национального государственного университета

Alexander I. Zyryanov, Prof., Dr., Head of the Department of Tourism, Perm State National Research University (PSU).

E-mail: aizyrianov@gmail.com

Зырянова Инна Станиславовна, ст.преподаватель кафедры туризма Пермского государственного национального государственного университета

Inna S. Zyryanova, Senior Lecturer, Department of Tourism, Perm State National Research University (PSU)

E-mail: innaziryanova@mail.ru

УДК 911.3

В. Н. Калущков, М. М. Морозова

V. N. Kalutskov, M. M. Morozova

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ В XX-XXI ВЕКАХ⁸

RUSSIAN LITERARY GEOGRAPHY IN THE XX-XXI CENTURIES

В статье анализируется процесс становления и развития отечественной литературной географии в XX – XXI веках. На основе ряда критериев выделяется четыре этапа истории литературной географии. На первом этапе происходит формирование теоретических подходов и методов, на втором этапе литературно-географические исследования носят локально-инерционный характер, на третьем этапе восстанавливается массовость литературно-краеведческого движения и на четвёртом этапе происходит оформление литературной географии в качестве научной дисциплины.

The article examines the process of the establishment and development of Russian literary geography in the XX – XXI centuries. Four stages of literary geography formation can be distinguished on the basis of a number of criteria. The first stage is the formation of theoretical approaches and methods, the

⁸ Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

second stage is the crisis period in literary geography development, the third stage is the period of an active development of practical approaches in literary geography and the fourth stage is the period of the establishment of literary geography as an area of scientific research.

Ключевые слова: *литературная география, культурная география, Анциферов, Пиксанов, литературоведение, краеведение*

Key words: *literary geography, cultural geography, Antsiferov, Piksarov, literary studies, area studies*

В истории развития литературно-географических исследований в России может быть выделено четыре этапа. При этом использовались следующие критерии: соотношение теоретических и прикладных работ, включая краеведческие работы, соотнесение географических и литературоведческих методов, пространственный охват и уровень массовости исследований.

На первом этапе, который охватывает 1910 – 1920 годы, формируются теоретические подходы и методы литературно-географических исследований; на этой основе происходит массовое развитие литературного краеведения.

Особая роль в почине литературно-географических исследований в России принадлежит литературоведу С.А. Золотареву, который в 1916 году публикует первую литературную карту страны [1]. Под влиянием антропогеографических идей (свои разработки автор называл «антропогеографией даровитости») он расширяет источниковую базу и временной охват исследования. Анализируя серию авторских литературно-географических карт, С.А. Золотарёв выявляет структуру литературно-географического пространства России (важнейшие литературные центры, регионы большой литературной активности, периферийные зоны) и его пространственно-временную динамику за последние 300 лет [2]. При этом источниковая база включает 896 литераторов (!).

С.А. Золотарев на основе количественных показателей продуктивности литературных талантов выполнил первое литературно-географическое районирование России. При объяснении полученных результатов автор использует целый спектр географических показателей (связь с природными ландшафтами, географическое разнообразие местности, интенсивность хозяйственной активности и т.д.). В итоге, он предлагает формулу, увязывающую особенности пространства с развитием литературного процесса: «Где больше жизни, там звучнее поэзия» [3].

Среди других теоретических инноваций для развития литературной географии важную роль сыграли представления Н.К. Пиксанова о «литературных гнездах» [4], градоведческие разработки Н.П. Анциферова [5], прорывная идея П.Н. Савицкого о «поэтической колонизации» и его представление о «местодействии в литературе» [6].

Важно, что в 1920-е годы исследователи активно занимаются продвижением своих идей в сферу краеведения, что способствует массовости прикладных литературно-географических работ.

Второй этап развития литературно-географических исследований приходится на 1930 – 1940 годы. Без преувеличения его можно назвать кризисным. Во многом данный кризис связан со вмешательством государства в общественную деятельность: культурно- и литературно-ориентированное краеведение запрещается, а ряд его лидеров были репрессированы.

Вместе с тем теоретические и методические работы по литературной географии продолжают за границей (П.Н. Савицкий) и в Москве (Н.К. Пиксанов), а в ряде регионов проводятся конференции по литературному краеведению.

На третьем этапе (1950 – 1980 годы) происходит восстановление массовости литературно-краеведческого движения. Представители литературного краеведения на местах акцентируют свое внимание на исследованиях регионального и локального литературного наследия. При этом в методологическом плане на данном этапе литературоведческие методы преобладают над географическими: это связано со слабым развитием картографических методов. Среди теоретических разработок выделяются исследования В.Н. Топорова (идея регионального текста) и М.М. Бахтина (теория хронотопа) [7, 8].

На четвертом этапе (1990 – 2020 годы) развития литературно-географических исследований в России происходит оформление литературной географии в качестве научной дисциплины. Это проявляется в формировании круга теоретических понятий (литературное место, литературно-географическое пространство, литературный ландшафт, литературный регион), защите первых диссертаций по теории и методике литературно-географических исследований, формировании профессионального сообщества. Сам термин «литературная география» регулярно используется в названии статей, монографий, учебных курсов в университетах.

Особую роль в этом движении сыграл Ю.А. Веденин. Он разработал классификацию литературных ландшафтов, выделяя ассоциативные, мемориальные и комплексные ландшафты [9]. В монографии «География наследия» он различает четыре типа ассоциативных ландшафтов, включая ландшафты, связанные с жизнью и творчеством литераторов, и ландшафты, отразившиеся в их творчестве [10]. В развитии идей Ю.А. Веденина В.Н. Калуцков предложил в исследованиях литературных ландшафтов обратить внимание на их – «вертикальное» развитие (усложнение структуры ландшафта за счет формирования новых слоев) и их пространственное развитие (создание в ландшафте новых литературных и нелитературных мест); идея была реализована при изучении литературного ландшафта Пушкиногорья [11].

На четвертом этапе развития литературной географии особое внимание уделяется вопросам художественного и мемориального освоения литературного пространства. Понятие «литературный регион», процессы формирования и развития литературных регионов разрабатываются в публикациях М.М. Морозовой и В.Н. Калуцкова [12].

О.А. Лавренова исследует эволюцию художественных пространств русских поэтов с XVIII до начала XX века [13]. Исследование опирается на контент-анализ упоминаемых в текстах названий географических объектов. При этом автор использует как географические, так и литературоведческие методы, включая картографирование литературных образов и герменевтический анализ смысловых особенностей географических объектов. Одним из важнейших результатов исследования явился пакет литературно-географических карт-анаморфоз творчества ведущих русских поэтов.

Новый методический подход в исследовании региональных и городских литературных образов предложил Д.Н. Замятин [14]. Одним из его результатов является репрезентация в виде образно-географической карты региона или города, отражающей его характеристики.

Большую роль в развитии литературной географии играют литературно-географические хрестоматии, в которых прозаические и поэтические тексты подобраны по региональному признаку [15].

Быстрыми темпами развивается литературное картографирование, включая как традиционные направления, так и новые, связанные с ментальными картами, картами-анаморфозами;

разрабатываются типологии литературных карт [16].

Литература

1. Золотарёв С.А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России: (1661–1904). Петроград: Кн-во б. М.В. Попова, 1916.
2. Золотарёв С.А. Литература в цифрах и схемах. М., Л.: Госиздат, 1929.
3. Калуцков В.Н., Морозова М.М. Первая литературная карта России или антропогеография даровитости // Географический вестник, 2020. № 2 (53). С. 91 – 99.
4. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М. - Л., 1928. 5. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М.: Канон, 1991.
5. Савицкий П.Н. Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца) // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 2011. № 1 – 2. С. 17 – 57.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259 – 367.
7. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. Лит., 1975.
8. Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе, 2006. № 8. С. 15 – 21.
9. Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия / Ю.А. Веденин. М.: Новый Хронограф, 2018.
10. Калуцков, В.Н., Матасов В.М. Пушкиногорье как литературный ландшафт // Псковский региональный журнал, 2016. № 4 (28). С. 112 – 121
11. Калуцков В.Н., Морозова М.М. Литературно-географический регион и процессы мемориализации пространства (на примере Орловской области) // Наследие и современность, 2019. № 1. С. 79 – 93.
12. Лавренова, О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (Геокультурный аспект). Научный редактор Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1998.
13. Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
14. Максаковский, В. П. Литературная география: геогр. Образы в рус. Худож. Лит.: кн. для учителя / В.П. Максаковский. М.: Просвещение, 2006.
15. Морозова М.М. О литературных картах США. Псковский регионологический журнал. №2 (34) / 2018. Псков. Псковский государственный университет. 2018.

Сведения об авторах:

Милена Максимовна Морозова, аспирант, Московский

Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Кафедра региональных исследований, Москва, Россия

Milena M. Morozova, postgraduate student, Moscow State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Area Studies, Moscow, Russia

E-mail: ms.morozova@gmail.com

Владимир Николаевич Калущков, докт. геогр. наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir N. Kalutskov, Doctor of Geographical Sciences, Professor

Moscow State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Area Studies, Moscow, Russia

E-mail: v.kalutskov@yandex.ru

УДК 332.15:314.17

Н.Р. Зангеева, В.С. Батомункуев, Б.О. Гомбоев, В.Г. Аюшеева
N.R. Zangeeva, V.S. Batomunkuev, B.O. Gomboev, V.G. Ayusheeva

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS OF THE PROCESSES OF URBANIZATION OF THE REGIONS OF THE ASIAN PART OF RUSSIA

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с процессом урбанизации в азиатской части России. Основным методом исследования является обобщение полученных результатов: оценки уровня урбанизации и индекса человеческого развития. На основе проведенного исследования выявлены основные факторы трансформации современного пространственного развития в регионе.

The article deals with current problems associated with the process of urbanization in the Asian part of Russia. The main method of research is the generalization of the results obtained: the assessment of the level of urbanization

and the human development index. On the basis of the study the main factors in the transformation of modern spatial development in the region are identified.

Ключевые слова: уровень урбанизации, индекс человеческого развития, азиатская часть России.

Key words: level of urbanization, human development index, Asian part of Russia.

В современных условиях развитие городов происходит на фоне социально-экономических, политических и экологических проблем. В этой связи особую важность имеет комплексный подход к анализу динамики современного пространственного развития. В работе проведены оценки уровня урбанизации и индекса человеческого развития по регионам азиатской части России. На основе обобщения полученных результатов выявлены основные факторы пространственной трансформации в регионе.

Оценка уровня урбанизации основывается на индексном подходе Е.А. Ефимовой [1].

Полученный индекс урбанизации классифицирован по субъектам Азиатской России на пять групп (рис. 1). Оценка проведена на основе данных Федеральной службы государственной статистики за период с 2008 по 2018 г [2, 3].

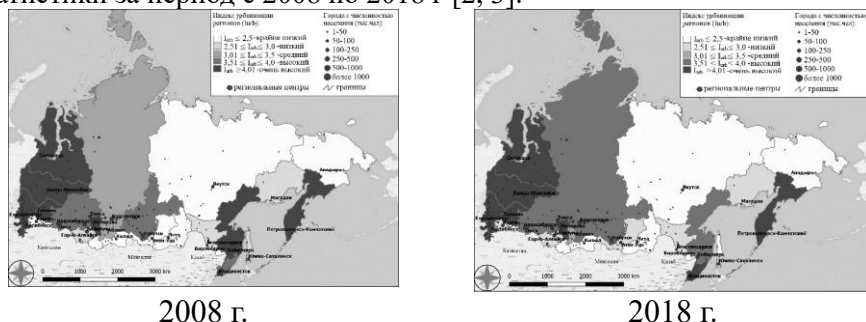

Рис. 1. Уровень урбанизации Азиатской России за 2008 – 2018 гг.

В целом по уровню урбанизации азиатская часть России относится к слабоурбанизированной территории. В процентном отношении на группы с крайне низким и низким уровнем урбанизации приходится 45.9 %. Это преимущественно сельскохозяйственные и крайне отдаленные в транспортной доступности регионы. Следует отметить, что эти группы продолжают терять свое население в результате естественной убыли населения и миграции.

За данный период группа с высоким уровнем урбанизации на фоне других групп является относительно стабильной. В процентном отношении на ее долю приходится 24.8 %. В основной состав входят Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская области. Данные регионы имеют высокую долю городского населения, региональные центры данных регионов представляют собой крупные агломерации Азиатской России. Однако в некоторых регионах отмечается снижение индекса, например, в Иркутской области вследствие оттока в западные регионы страны и депопуляции произошло резкое сокращение численности населения в ряде городов: Черемхово, Усть-Илимск, Усолье-Сибирское.

Группа с очень высоким индексом урбанизации самая многочисленная. За рассматриваемый период 2008 – 2018 гг. произошло увеличение доли группы на 1.3 % что подтверждает динамику в развитии урбанизационных процессов. По оценке на 2018 г. в нее вошло 8 регионов: Свердловская, Тюменская, Челябинская, Кемеровская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Приморский и Камчатский края. Данная группа характеризуется высокой долей городского населения 77.7 %. Значительную часть данной группы представляют регионы Уральского Федерального округа, в которых в отличие от других регионов имеется более выгодный «унаследованный фактор специализации» [4].

Как показали результаты исследования, на межрегиональные различия пространственного развития регионов азиатской части России оказывает влияние ряд факторов.

Во-первых, геодемографический. В результате политических и экономических трансформаций конца XX в. Произошли резкие сдвиги в социально-экономическом развитии региона. За последние десять лет процесс стягивания пространства в сторону региональных центров все более усиливается. Отток населения происходит преимущественно в западном направлении, восточные и северные территории с преобладающей долей сельского населения напротив его теряют.

Во-вторых, инфраструктурный и экономический фактор развития. Пространственный каркас городского расселения Азиатской части России имеет четкую линейную структуру преимущественно вдоль железнодорожных магистралей и водных путей [5]. Следует отметить, два параллельных процесса: первый – поляризация демоэкономического потенциала преимущественно в

крупных региональных центрах, которые занимают выгодное транспортно-географическое положение и имеют диверсифицированную экономическую базу развития, и второй – обезлюдивание территорий, находящихся вне зоны транспортной доступности.

В-третьих, проведенный социально-экономический анализ на основе индекса человеческого развития (ИЧР) также подтверждает дисбаланс пространственного развития (рис. 2).

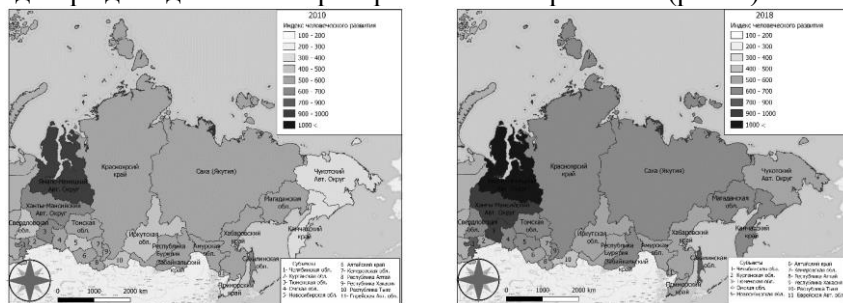

Рис. 2. Индекс человеческого развития по регионам азиатской части России за 2010, 2018 гг.

По результатам интегральной оценки за последнее десятилетие лидерами рейтинга, являются Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Тюменская область, во многом это обусловлено высоким уровнем дохода на душу населения, высокой продолжительностью жизни. К регионам с средним ИЧР относятся Красноярский край, Новосибирская, Томская, Омская области, республики Саха-Якутия, Бурятия, Алтайский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края. К регионам с низким ИЧР относятся республики Хакасия, Алтай, Тыва, Амурская, Магаданская области, Чукотский автономный округ и Еврейская АО.

В-четвертых, разработанные концепции и стратегии субъектов РФ и городов указывают на отсутствие комплексного подхода в вопросах макрорегионального пространственного развития [6]. На наш взгляд, в ближайшей перспективе существенных трансформаций в макрорегиональной системе расселения не произойдет, в силу того, что отсутствует целостность макрорегионального развития страны, а также межрегиональных взаимодействий между регионами и их центрами. Основные стратегические приоритеты и инвестиции направлены на дальнейшую разработку природных ресурсов, что еще в большей

степени будет усиливать конкуренцию и социально-экономические диспропорции в пространственном развитии.

Таким образом, в условиях сложившего социально-экономического развития, крайне актуальным остается вопрос сбалансированного пространственного развития. Как показывают результаты и проведенные исследования политика нелиберализма не дает ожидаемого положительного эффекта в экономическом развитии, а наоборот еще более усиливает и без того существовавшие диспропорции в социально-экономическом развитии между западными и восточными регионами России.

На наш взгляд, стратегический вектор развития Азиатской России должен основываться на комплексном подходе направленный на создание новых и усилении существующих инновационных центров, тесно интегрирующих между собой. Решение демографических проблем должно быть направлено не только на стабилизацию численности населения, но и на формирование качественного человеческого потенциала, что невозможно без целенаправленной политики государства ориентированной на повышение уровня образования, науки и культуры.

С точки зрения устойчивого развития пространственный потенциал Азиатской России в отличие от европейской ее части до сих пор качественно не освоен, и это в новых условиях дает своего рода положительные предпосылки для создания нового урбанизированного каркаса, отвечающего современным принципам сбалансированного пространственного развития.

Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН № АААА-А19-119060390027-8.

Литература

1. Ефимова Е.А. Региональные аспекты урбанизации в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 43 (370). С. 2 – 12.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Регионы России. Основные социально-экономические показатели. – Электрон. дан. – Стат. сб. 2009. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14t/Main.htm, свободный.
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Регионы России. Основные социально-экономические показатели; ред. Егоренко С.Н. – Электрон. дан. – М. Стат. сб, 2018. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-gor18.pdf, свободный.

4. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2013. № 2. С. 54 – 60.

5. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / Л.А. Безруков и [др.]. Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии им. В.Б. Сочавы. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео». – 2011. – 213 с.

6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс] static.government.ru/media/files/...pdf (дата обращения: 15.02.2019).

Сведения об авторах:

Наталья Робертовна Зангеева, кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН

Natalia R. Zangieva, Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Laboratory of Geostrategic Research and Spatial Development, Baikal Institute of Nature Management.

E-mail: zangeeva@binm.ru

Валентин Сергеевич Батомункуев, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, лаборатория геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН

Valentin S. Batomunkuyev, Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Laboratory of Geostrategic Research and Spatial Development, Baikal Institute of Nature Management.

E-mail: bvalentins@binm.ru

Баир Октябьевич Гомбоев, доктор географических наук, главный научный сотрудник, лаборатория геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН

Bair O. Gomboev, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Laboratory of Geostrategic Research and Spatial Development, Baikal Institute of Nature Management.

E-mail: bgom@binm.ru

Валентина Гармаевна Аюшеева, младший научный сотрудник, лаборатория геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН

Valentina G. Ayushieva, Junior Researcher, Laboratory of Geostrategic Research and Spatial Development, Baikal Institute of Nature Management.
E-mail: valentina@binm.ru

УДК: 911.3

Т.И. Заборцева
T.I. Zabortceva

**ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В
СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ С ПОЗИЦИЙ БЕЗОПАСНОСТИ И
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**SOCIAL AND GEOGRAPHICAL PROCESSES OF SOCIAL AND
ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE SIBERIAN
REGIONS FROM THE POSITION OF SECURITY AND
SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

В изменяющихся социально-экономических и политических условиях выявление формирующейся хозяйственной среды крупного ресурсоэкспортного макрорегиона – тема весьма актуальная. Базовые посылы: безопасность связываем с таким состоянием эколого-социально-экономической системы страны, ее регионов, которое будет способствовать устойчивому воспроизводству (устойчивому развитию) основных элементов территориальной социально-экономической системы; учтен главный фактор развития макрорегиона – ресурсоориентированная модель на видимую перспективу. Сохраняется тенденция уменьшения социально-демографического потенциала из-за суженного естественного воспроизводства и отрицательной миграции населения. Выполненное систематизированное представление о социально-экономических процессах и научно-обоснованных проблемах в сибирских регионах поможет корректировке региональной политики.

In the changing socio-economic and political conditions of the state, identifying the emerging economic environment of a large resource-export macroregion is a very urgent topic. Basic assumptions: we associate security with such a state of the ecological-socio-economic system of the country, its regions, which will contribute to sustainable reproduction (sustainable development) of the main elements of the territorial socio-economic system. The main factor in the development of the macroregion is taken into account - the preservation of the resource-based model for the visible future. The tendency of

decreasing socio-demographic potential continues due to narrowed natural reproduction and negative migration of the population. The systematized understanding of socio-economic processes and scientifically grounded problems in the Siberian regions will help to correct regional policy.

Ключевые слова: *ресурсоориентированная модель, Сибирь, трансформация отраслей специализации и сферы услуг, мега-проекты*

Key words: *resource-oriented model, Siberia, transformation of industries of specialization and services, mega-projects*

Активное «встраивание» сибирского макрорегиона в систему международного разделения труда, в последние годы в формате различных мега-проектов ресурсно-сырьевого, энергетического, транспортного, рекреационного направления (Евразийский экономический коридор на базе Транссиба, «Сила Сибири», «Байкал – Великое озеро Великой страны» и др.), разворота вектора развития и сотрудничества России в восточном направлении, заметно изменяют социально-экономическое пространство территории азиатской ее части, в том числе отдельных субъектов [1]. Рассматриваем территорию Сибири в классических границах (Западная и Восточная Сибирь, республика Саха (Якутия), с учетом историко-географического фактора и особенностей освоения) [2]. Исследование общественно-географических ключевых факторов социально-экономических преобразований в сибирских регионах, основные векторы развития социально-демографического потенциала макрорегиона с позиций устойчивого развития, последующие изменения социально-экономического пространства – одна из базовых тем последнего десятилетия географов-обществоведов ИГ СО РАН (Иркутск) [3-5 и др.].

Во-первых, подтверждается тенденция двойственного характера влияния крупных инвестиционных проектов на развитие регионов: усиление экономического потенциала освоенных территорий и рассредоточение его по периферии через горнодобывающие производства. Структурная трансформация хозяйственного комплекса макрорегиона многоаспектна. И в целом, результаты анализа: а) выполненных базовых тематических карт, характеризующих социально-экономическое состояние и выявленные тенденции развития макрорегиона, б) развития стройиндустрии в разрезе как субъектов сибирского макрорегиона, так и муниципальных образований модельного региона, в) общий уровень развития розничной торговли и общественного питания сибирских регионов, г) деятельность в сфере обращения с отходами

производства и потребления с учетом динамики ввода объектов средозащитной инфраструктуры и планируемых мероприятий; д) экономических индикаторов, характеризующих деятельность социального страхования и рисков и др. позволяют оценить позицию макрорегиона как консервативный сценарий (сохранение современной ситуации), с элементами вероятного – незначительные улучшения, но при оттоке населения [4-10].

Во-вторых, важные результаты получены в исследовании социально-демографического потенциала с позиций устойчивого развития. Выделены семь групп миграционных проблем для сибирских регионов на основании анализа миграционных потоков, объединенных по признакам географического положения, транспортной освоенности, центрально-периферийных отношений. Общей миграционной проблемой, которой подвержены все сибирские регионы, является «западный дрейф» как магистральное направление межрегиональной миграции. Вследствие высокой инерционности системы расселения в ближайшие десятилетия должен сохраниться существующий опорный каркас расселения, при усилении тренда к стягиванию населения вокруг важнейших центров и вдоль магистралей. Выполненное систематизированное представление о миграционных процессах и демографических проблемах в сибирских регионах поможет корректировке региональной политики [5, 6, 11, 12].

В-третьих, определена специфика пространственной и структурной организации туристско-рекреационного пространства Сибири и выполнен сравнительный рекреационно-географический анализ регионов Сибири в контексте их интегрированности в международную систему туризма. Применение технологий ландшафтного планирования позволило сформулировать новые подходы к формированию туристского пространства с учетом экологических требований и социально-экономического развития территории. Функциональное туристско-рекреационное зонирование с учетом институционально-правовой среды определяет пространственную и структурную организацию туристско-рекреационной деятельности посредством бинарной классификации туристско-рекреационных зон (поселенческие и природные территории). Предложена оригинальная схема туристско-рекреационного зонирования на основе ландшафтного подхода, анализа: а) основных факторов эколого-социально-экономического состояния региона и б) сочетания проектного

подхода как инструмента развития территорий и деятельной реакции социума на деструкцию хозяйственного уклада (процесса нерегулируемого развития туристкой деятельности) с выделением туристско-рекреационных зон различного иерархического статуса для целей устойчивого развития [2, 6, 13].

Полученные результаты проведенных масштабных исследований дают возможность получить доказательное представление о направлениях потенциала встраивания Сибири в систему меняющихся и сложных мирохозяйственных пространственных связей, с учетом приоритетов устойчивого развития глобально-глокального трансформирующегося пространства. Кроме того, ряд из них нашли практическую реализацию в органах государственного и муниципального управления при разработке стратегических документов (программ, концепций, схем) развития Сибири и ее регионов. К важнейшим практическим результатам работы относятся обоснование и выделение территорий для приоритетного туристского развития, разработка правил организации туризма и отдыха в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (Иркутская область и Республика Бурятия).

Литература

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://economy.gov.ru/>.
2. География Сибири в XXI веке: В 6 т. – Т.3. Хозяйство и население. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. 251 с.
3. Оценка современных факторов развития городов и урбанизированных изменений в Сибири. Новосибирск: Академ. изд. «ГЕО», 2011. 213 с.
4. Экологический атлас Байкальского региона /Редкол.: В.М. Плюснин (пред.), А.Р. Батуев и др. Иркутск: ИГ СО РАН, ИДСТУ СО РАН. 2017. – [Электронный ресурс геопортала]. – Режим доступа: <http://atlas.isc.irk.ru>, свободный
5. Воробьев Н.В., Валеева О.В., Дмитриева Ю.Н., Рыков П.В. Имплементация социально-демографического потенциала Сибири // География и природные ресурсы. 2020. – № 5. С. 33-39.
6. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Сибирь. Москва: Паулсен, 2020. 512 с.
7. Дец И.А. Проектный подход в территориальном развитии: Байкальский регион. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. 139 с.

8. Суменкова Л.А. Территориальная организация страховых услуг в Сибири. Иркутск: ИГ СО РАН, 2016. 173 с.

9. Рогов П.В. Трансформация строительной индустрии Сибири: теория и практика (на примере сибирских регионов) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Биология. Науки о Земле. Т.27. Вып. 4. 2017. С.538-546.

10. Zabortseva T.I. Scientific and retrieval economic and geographical research in market conditions: regional experience // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2019 – Vol. 381– Pp. 012101.

11. Воробьев Н.В. Миграционные тенденции и проблемы регионов Сибири // География и природные ресурсы. 2020. – № 5. С.178-184.

12. Дмитриева Ю.Н./ Социально-географические факторы формирования образа жизни молодежи (на примере Иркутской области). Иркутск: ИГ СО РАН, 2017. 185с.

13. Евстропьева О.В. Рекреационно-географические исследования для планирования развития туризма на уникальных природных территориях // Современные проблемы сервиса и туризма, 2018. Т. 12. – № 3. С. 7-21.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Заборцева, д.г.н., зав. лабораторией, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; профессор кафедры географии, картографии и геосистемных технологий ФГБОУ ИГУ

Tatyana I. Zabortseva, Prof., Dr., Head of the laboratory, V. B. Sochava Institute of Geography, SB RAS; Professor of the Department of Geography, Cartography and Geosystem Technologies, ISU

E-mail: zabti@irigs.irk.ru

УДК 911.37:332.12 (476)

Г.В. Ридевский
H.V. Rydzeuski

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ КОНТИНУУМЫ БЕЛАРУСИ КАК ОБЪЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

RURAL-URBAN AND RURAL CONTINUUMS OF BELARUS AS OBJECTS OF GEOGRAPHICAL STUDY AND PUBLIC ADMINISTRATION

Городские и сельские поселения формируют целостные системы расселения: сельско-городские и сельские континуумы. В Беларуси, с учётом

переписи населения 2009 г., выделено 206 сельско-городских и 410 сельских континуумов. Более высокий уровень пространственной интеграции формируют городские и сельские агломерации. Сельско-городские и сельские континуумы, городские и сельские агломерации следует рассматривать не только как объекты географического изучения, но и объекты государственного управления.

Urban and rural settlements form integral settlement systems: rural-urban and rural continuums. Using data of the 2009 population census, there are 206 rural-urban and 410 rural continuums identified in Belarus. Urban and rural agglomerations form a higher level of spatial integration. Rural-urban and rural continuums, urban and rural agglomerations should be considered not only as objects of geographical study, but also as objects of public administration.

Ключевые слова: сельско-городские континуумы, сельские континуумы, городские агломерации, сельские агломерации, Республика Беларусь, объекты, изучение, государственное управление.

Key words: rural-urban continuums, rural continuums, urban agglomerations, rural agglomerations, Republic of Belarus, object, study, public administration.

Городские и сельские поселения любой территории, как правило, не существуют изолированно, а находятся в состоянии сложного взаимодействия с ближайшими к ним поселениями, т.е. формируют системы расселения (групповые системы поселений). В подобных системах расселения тесно интегрированы друг с другом поселения разного иерархического типа, но сами системы расселения дискретны в окружающем их пространстве. Одно из поселений при этом выступает как центр групповой системы расселения, а остальные имеют подчинённое положение, т.е. образование групповых систем расселения и разная функционально роль разных поселений в таких системах обусловлена центр-периферийным характером этого взаимодействия. Если центром такой системы расселения является городское поселение, то подобную интегрированную систему поселений можно назвать сельско-городским континуумом (СГК), а если центр системы – значимый сельский населённый пункт, можно говорить о сельском континууме (СК). При этом из-за активно протекающей урбанизации и высокой плотности городских поселений в СГК оказываются вовлеченными большая часть сельских поселений, а самостоятельные СК возникают только вне зон непосредственного влияния городских центров. СГК и СК с таких позиций могут рассматриваться как элементарные структуры организации

пространства.

Понятие «континуум» (от лат. *continuum* «непрерывное, сплошное») по отношению к интегрированным системам поселений достаточно точно отражает их целостный характер. Поскольку СГК и СК – объективная реальность, их необходимо рассматривать не только как объекты научного изучения, но и объекты управления. К сожалению, СГК и СК до сих пор не стали ни объектами географических исследований, ни объектами государственного управления. Мы по-прежнему продолжаем мыслить и управлять одиночными поселениями, а не их целостными системами. Среди известных географов на постсоветском пространстве о СГК в последние годы говорит только А.И. Трейвиш [1].

Географические исследования СГК и СК должны начинаться с их выявления (локации) в пространстве и делимитации их границ. В основе первого и второго может быть положен центр-периферийный подход. На первом этапе все городские поселения могут рассматриваться как центры СГК. Зоны их непосредственного тяготения могут быть определены на основе оценки связи между центрами и иными поселениями (например, на основе учёта челночных ежедневных поездок на работу и учёбу лиц, проживающих в разных поселениях одного континуума), или с учётом расстояния между поселениями. Первое требует слишком много затрат на сбор информации, второе – «энергетически» менее затратно, но даёт более приближённые результаты, однако вполне применимо для рекогносцировочных исследований. На территориях, где отсутствуют городские центры, узловым методом могут быть выделены СК.

Для выявления СГК и СК Беларуси рассматривались расстояния между поселениями и численности их населения на момент переписи населения 2009 г. (данные переписи 2019 г. о численности населения всех поселений страны пока недоступны). В зависимости от численности населения города (городского поселка) в зону его непосредственного тяготения следует включать все сельские поселения, входящие в состав сельских советов (административно-территориальная единица Республики Беларусь первичного уровня), центры которых находятся на расстоянии: до 15 км (если в городском поселении проживает менее 50 тыс. чел.), до 20 км (для городов с населением от 50 до 100 тыс. чел.), до 25 км (для городов с населением от 100 до 300 тыс. чел.), до 35 км (для городов с населением от 300 до 1000 тыс. чел.), до 50 км (для городов

с населением более 1 млн. чел.).

В состав СК включались все сельские советы, центры которых расположены на больших расстояниях от городских поселений, чем вышеуказанные.

В качестве дополнительных факторов отнесения тех или иных поселений к СГК или СК учитывались особенности их географического положения, в том числе: наличие рек при отсутствии мостов через них в соответствующей местности, лесных массивов, болот, дорожной сети, класса дорог.

Всего в Республике Беларусь с учётом переписи населения 2009 г. было выделено 206 СКГ (по числу городских поселений на то время, теперь городских поселений в стране 200) и 410 СК.

В силу высокого уровня урбанизации и широкой сети городских поселений (на 1 городское поселение в Беларуси приходится около 1 тыс. кв. км территории) СГК существенно опережают СК по своей значимости в территориальной структуре страны. В 2009 г. 206 СКГ сосредотачивали 7064,5 тыс. чел. (100,0 %) городского и 1878,0 тыс. чел. (77,0 %) сельского населения Беларуси. Всего в 206 СГК было сосредоточено 94,1 % всего населения Беларуси.

СГК в 2009 г. объединяли 1007 единиц АТД страны первичного уровня из 1569 (64,2 %) и 16183 сельских населённых пункта из 22154 (73,0 %). Очевидно, что к настоящему времени под влиянием центр-периферийных процессов все вышеназванные показатели СГК Беларуси существенно возросли, и их значимость в социально-экономическом развитии страны увеличилась.

СГК Беларуси существенно различаются по численности населения. В Минском СГК в 2009 г. проживало 1975,5 тыс. чел., в том числе 138,2 тыс. сельских жителей, а в Езерщинском СГК Городокского района Витебской области – 2,3 тыс. чел., в том числе 0,7 тыс. чел. сельских жителей.

СК Беларуси достаточно многочисленны, но не велики. Средняя численность населения СК в 2009 г. составляла менее 1,4 тыс. чел. и колебалась от нескольких сот до 4,1 тыс. чел. (Вульковский СК в Лунинецком районе Брестской области).

Некоторые СГК и СК Беларуси формируют более сложные целостные пространственные структуры расселения – городские (ГА) и сельские (СА) агломерации. ГА и СА включают в себя два и более СГК (для ГА) или СК (для СА). СА могут входить также в состав СГК и ГА, располагаясь на периферии последних. Для

выделения городских и сельских агломераций использовались вышеприведенные численные значения расстояний, которые применялись для выделения СГК. При выделении городских агломераций учитывалось расстояние между центрами СГК (между городскими поселениями – спутниками и ядрами городских агломераций в зависимости от численности населения последних). При выделении сельских агломераций расстояние между центрами сельских советов принималось не более 15 км, поскольку население их невелико.

В Беларуси было выделено 21 городская агломерация (ГА), что свидетельствует о значительном развитии в стране процессов агломерирования. В состав ГА Беларуси в 2009 г. входило 67 городских поселений, т.е. почти 1/3 всех городских поселений страны.

После 2009 г. некоторые ГА Беларуси «исчезли». Например, Витебская ГА. В 2009 г. в её состав входили г. Витебск и городской посёлок Руба. После присоединения последнего к Витебску формально говорить о существовании Витебской ГА невозможно. Отсутствует главный признак ГА – наличие двух и более взаимосвязанных городских поселений. Витебской ГА сегодня нет, но Витебский СГК как система взаимосвязанных с Витебском поселений как был, так и существует. Представляется, что подобный пример – наглядное свидетельство необходимости широкого применения в социально-экономической географии и региональной экономике понятия «сельско-городской континуум».

Самая большая и сложная Минская ГА включала в 2009 г. 12 городских поселений (СГК) и две СА. В состав Минской ГА входило 57 единиц административно-территориального деления и 1193 сельских населённых пункта. Агломерация занимала всю центральную часть Минской области и полностью или частично располагалась на территории 9 административных районов (Минского, Пуховичского, Дзержинского, Червенского, Смолевичского, Логойского, Воложинского, Узденского и Молодечненского). Общая численность населения Минской ГА составила в 2009 г. 2170 тыс. чел., вкл. 230 тыс. сельских жителей.

Многие из ГА современной Беларуси относятся к малым и имеют население 20-50 тыс. чел. (Ивацевичская, Несвижская, Столинско-Речицкая, Крупская, Осиповичская, Дятловская), и они никогда в подобном ракурсе не изучались, поскольку для выделения ГА в советской географии часто применялся завышенный «ценз» по

численности населения (иногда 250 тыс. чел. и больше). Именно поэтому большинство профессиональных регионалистов в Беларуси по-прежнему убеждены, что в стране существует только одна Минская или несколько больших ГА.

Почти половина СК Беларуси также могут быть включены в состав СА в составе ГА, СГК или образуют самостоятельные СА. Многие СА достаточно сложные и разветвлённые локальные системы расселения, например Раковская СА, входящая в состав Минской ГА, имела население в 2009 г. около 6 тыс. чел. и частично охватывала территории Дзержинского, Воложинского и Минского районов. Довская СА Рогачевского района Гомельской области имела в 2009 г. 9,1 тыс. жителей, Могольская СА Ивановского района Брестской области – 10,3, Чистенская СА Молодечненского района Минской области – более 12,0 тыс. чел. и была самой большой по численности населения СА Беларуси.

СГК, СК, ГА и СА могут рассматриваться как новые (или относительно новые по отношению к крупнейшим ГА) объекты географического изучения и государственного управления.

В частности СГК и самостоятельные СА могут быть положены в основу реформирования административно-территориального деления Беларуси на первичном уровне [2]. Не выявляя и не изучая вышеназванные пространственные структуры, мы обедняем наши представления о реальной организации пространства, тормозим развитие местного самоуправления, выводим из-под контроля органов госуправления многие жизненно важные процессы, протекающие в сельско-городских и сельских континуумах, больших и малых городских и сельских агломерациях.

Литература

1. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью / А.И. Трейвиш // Демографическое обозрение, 2016. – Т. 3, №1. – С. 52-70.

2. Ридевский Г.В. Сельско-городские и сельские континуумы как основа реформирования административно-территориального деления Беларуси на первичном уровне / Г.В. Ридевский // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXI Международной научной конференции (Минск, 22-23. 10. 2019 г.). В 3 т. Т. 3. – Минск, 2020. – С. 137-138.

Сведения об авторе:

Геннадий Владимирович Ридевский, кандидат

географических наук, доцент, заведующий отделом социально-трудовых исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, (Республика Беларусь, г. Минск).

Gennady V. Ridevsky, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research of the Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus, (Republic of Belarus, Minsk)

E-mail: ridgeo@yandex.ru

УДК 911+656.05

В.П. Сидоров
V.P. Sidorov

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПОТОКОВ В РАЙОНАХ МАССОВОЙ ЗАСТРОЙКИ

THE FORECASTING TRANSPORT FLOWS IN THE AREAS OF MASS BUILDING

Активное и массовое жилищное строительство в последние 10–15 лет существенным образом изменило географию расселения населения в крупных российских городах. Сохранился и рост уровня автомобилизации населения. Соответственно, изменились география и интенсивность транспортных потоков. Причем эти изменения происходили быстрее изменений конфигурации улично-дорожной сети. В результате традиционные методы прогнозирования транспортных потоков потребовали определенной модернизации с учетом реалий времени. В статье предлагается уже апробированный алгоритм прогнозирования транспортных потоков в новостройках.

The active and mass housing construction in the last 10-15 years the geography of population settlement in large Russian cities has significantly changed. The growth of the level of motorization of the population has also been preserved. These changes took place faster than the changes in the configuration of the road network moreover. Traditional methods of forecasting traffic flows required some modernization taking into account the realities of the time as a result. The article proposes an already tested algorithm for predicting traffic flows in new buildings.

Ключевые слова: жилищное строительство, транспортные потоки, методика прогнозирования.

Key words: housing construction, traffic flows, methods of the forecasting.

Начало и развитие массового жилищного строительства в Российской Федерации в последние 10–15 лет существенным образом изменило географию расселения населения в крупных российских городах. Сохранился и рост уровня автомобилизации населения. Соответственно, изменились география и интенсивность транспортных потоков. Причем эти изменения происходили быстрее изменений конфигурации улично-дорожной сети. Многие крупные города не прибавили в площади территории. Изменилась география дорожных заторов. В результате традиционные методы прогнозирования транспортных потоков не всегда удовлетворяют требованиям разработчиков прогнозов и требуют определенной модернизации с учетом реалий времени. В статье предлагается уже апробированный [1] модифицированный алгоритм прогнозирования транспортных потоков в новостройках крупных городов.

Алгоритм прогнозирования транспортных потоков включает несколько этапов:

1. Выбор технических методов измерения существующих транспортных потоков: видеосъемка на местности, видеосъемка с воздуха, полевые измерения непосредственно на местности.

2. Выбор точек наблюдения и измерения существующих транспортных потоков, который осуществлялся исходя из: наличия сложной перекрестной циркуляции потоков автотранспортных средств с высокой интенсивностью, практического отсутствия перпендикулярного к некоторым отрезкам улично-дорожной сети движения, что позволяет измерять потоки на этих отрезках на значительном ее расстоянии, особенностей застройки, невысокой растительности в сочетании со слабоинтенсивным движением, позволяющих проводить измерения сразу в нескольких направлениях.

3. Измерения проводятся отдельно в утренний и вечерний часы «пик» (7^{30} – 8^{30} и 16^{30} – 17^{30} соответственно). Кроме того, определяется среднее значение автотранспортных потоков. Оцениваются как интенсивность движения в физических единицах, так и интенсивность в единицах транспортных средств, приведенных к легковым автомобилям, для чего могут быть использованы коэффициенты приведения различных разновидностей автотранспортных средств к легковым автомобилям, которые, в свою очередь, имеются в нормативных документах [2, 3]. Измеренные существующие автотранспортные

потоки, в дальнейшем пересчитанные в приведенные к легковым автомобилям единицы автотранспорта, сопоставляются с максимальной практической пропускной способностью отрезков улично-дорожной сети на основании данных специальных таблиц [2].

4. Потенциальный поток автомобилей, производимый жителями новостроек, рассчитывался по нижеследующей формуле (1):

$$P_{potCit} = \frac{N_{res}}{100} L_{mot} F_{cor} \quad (1),$$

где: P_{potCit} – потенциальный поток приведенных автомобилей, производимый жителями новых жилых комплексов;

N_{res} – количество жителей;

L_{mot} – уровень автомобилизации: количество приведенных автомобилей на 1000 жителей (в конкретном случае – 430 приведенных единиц);

F_{cor} – поправочный коэффициент, учитывающий неличный (служебный) автотранспорт предприятий торговли и общественного питания, медицинских и оздоровительных учреждений, объектов инженерной инфраструктуры (в конкретном случае – 1,13 – за образец было взято среднероссийское сочетание автотранспортных средств).

Коэффициент перспективной загрузки улично-дорожной сети на и около территории новостройки – Z – определяется отношением фактической интенсивности движения к практической пропускной способности участка дороги – с помощью определенным образом модифицированной формулы (2):

$$Z = \frac{N}{P} 100\% \quad (2),$$

где: Z – коэффициент загрузки улично-дорожной сети на и около территории новостройки;

N – интенсивность движения, приведенных автомобилей в час;

P – практическая приведенная пропускная способность участка дороги, автомобилей в час.

Как косвенный показатель можно использовать коэффициент скорости движения, который представляет собой отношение средней скорости движения транспортного потока при рассматриваемом уровне обслуживания к средней скорости свободного движения и рассчитывается, соответственно по формуле (3):

$$C = \frac{V_z}{V_o} \quad (3),$$

где: C – коэффициент скорости движения;
 V_c – средняя скорость движения при существующих условиях, км/ч;

V_o – скорость движения в свободных условиях, км/ч.

Коэффициент загрузки улично-дорожной сети – Z – определяется с учетом структуры транспортных потоков на каждом конкретном участке (например, имеет место или нет движение троллейбусов, разрешено ли движение грузового автотранспорта и т.п.).

Расчеты вели для каждой очереди строительства.

Следует заметить, что рассчитывался именно *максимальный* поток. Реальный поток легкового автотранспорта будет меньше.

Перспективные транспортные потоки распределяются по направлениям движения в соответствии с пропорциями распределения автотранспортных средств по направлениям движения, существующим в настоящее время.

Для оценки потенциального автотранспортного потока, производимого посетителями и работниками офисов, предприятий торговли, бытового обслуживания и общественного питания, медицинских, культурно-просветительных и оздоровительных учреждений необходимо знать соотношение «местных» посетителей и работников с посетителями и работниками, «приходящими и приезжающими» из других районов города, что сделать – до полной застройки микрорайона – практически невозможно. Поэтому следует использовать расчетные значения, базирующиеся на запланированном в проектной документации микрорайона количестве гостевых машино/мест. Если нет возможности определить точные сроки ввода тех или иных объектов из данной категории, то количество гостевых машино/мест делилось на три (по количеству очередей застройки).

Косвенно оцениваются автотранспортные потоки в образовательные комплексы. В соответствии с возрастной структурой населения в новых жилых комплексах определяется количество детей детсадовского (неясельного) возраста и детей в начальном школьном возрасте. Вышеуказанные образовательные учреждения находятся в пешеходной доступности практически от всех жилых комплексов. Но можно допустить, что всех детей отвозят родители. Определить соотношение в семьях детей детсадовского (неясельного) возраста и детей в начальном школьном возрасте в настоящий момент невозможно. Для разрешения этой проблемы количество детей детсадовского (неясельного) возраста и детей в

начальном школьном возрасте делится на среднее количество детей в ижевской семье с достатком выше среднего (такой контингент новоселов следует ожидать во всех жилищных комплексах микрорайона) – т.е., около 1,6. Подразумевалось, что при двух детях (сочетания: детсадовец + школьник, детсадовец + детсадовец, школьник + школьник) родитель (ли) отвозили/привозили их за одну езду.

5. Прогнозные значения автотранспортных потоков сопоставляются с вариантом прилегающей существующей улично-дорожной сетью, а также с вариантом улично-дорожной сети в случае ее реконструкции в соответствии с Генеральным планом развития города.

Новизна предлагаемой методики заключается в разработке новых формул расчета транспортных потоков, в оригинальном сочетании разных формул, в «привязке» потенциальных транспортных потоков к изменению географии расселения населения микрорайона с учетом строительства каждого отдельного жилого здания или сооружения социальной или производственной инфраструктуры. Предлагаемый алгоритм прогнозирования транспортных потоков в новостройках был успешно использован при измерении и прогнозировании транспортных потоков в нескольких кварталах новостроек в городе Ижевск.

Литература

1. Сидоров В.П., Ситников П.Ю., Рубцов В.А. Оценка и прогноз величины транспортных потоков в новостройках крупных городов (на примере города Ижевск) // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Биология. Науки о Земле», 2019 г., Т. 29, Выпуск 2. Ижевск: УдГУ, 2019. С.300–309.

2. СНиП 2.07.01-89* «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Актуализированная редакция. М.: ОАО «ЦПП». 110 с.

3. Свод правил 34.13330.2012 Автомобильные дороги. Актуализированная редакция СНиП 2.05.02-85* (с Изменением N 1) Дата введения 2013-07-01.

Сведения об авторе:

Валерий Петрович Сидоров, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Valerii P. Sidorov, Candidate of geographical sciences, Associate professor, Head of Department Geography, Cartography and Geoinformatics of the Udmurt University.

E-mail: sidorov@udm.ru

УДК 911.53; 379.85

Д.А. Дирин
D. A. Dirin

РОЛЬ ТУРИЗМА В ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ⁹

THE ROLE OF TOURISM IN THE TRADITIONAL CULTURAL LANDSCAPES TRANSFORMATION

В статье анализируется роль туризма в трансформации традиционных культурных ландшафтов (ТКЛ). На основе применения опросных методов в районах рекреационного освоения горных республик Южной Сибири (Алтай, Бурятия, Хакасия, Тыва) делаются выводы о преимущественно разрушающем воздействии туризма на ТКЛ. Основные аспекты влияния туризма на ТКЛ – сокращение площади традиционных культурных ландшафтов в результате «территориальной экспансии туризма»; повышение культурной гетерогенности районов туристского освоения за счет значительного числа переселенцев; изменение образа жизни местного населения как отклик на развитие инфраструктуры и появления новой сферы приложения труда; изменение социально-культурных стереотипов общественного сознания под влиянием стиля жизни в туристских дестинациях.

The article analyzes the role of tourism in the transformation of traditional cultural landscapes (TCL). Based on the use of survey methods in the areas of recreational development in the mountain republics of Southern Siberia (Altai, Buryatia, Khakassia, Tyva), conclusions are drawn about the predominantly destructive impact of tourism on the TCL. The main aspects of the impact of tourism on the TCL are the reduction of the area of traditional cultural landscapes as a result of the "territorial expansion of tourism"; the increase in the cultural heterogeneity of tourist development areas due to a significant number of immigrants; changing the way of life of the local population as a response to the development of infrastructure and the emergence of a new sphere

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-45-720014.

of employment; changing socio-cultural stereotypes of public consciousness under the influence of the lifestyle in tourist destinations.

Ключевые слова: туризм, традиционные культурные ландшафты, трансформация, республики Южной Сибири

Key words: tourism, traditional cultural landscapes, transformation, republics of Southern Siberia

Высокие темпы развития туризма являются одним из выраженных общемировых трендов. Однако, отдельные регионы испытывают настоящий туристический бум. В России к таковым следует отнести республики Южной Сибири – Алтай, Хакасию, Бурятию, и, потенциально, Тыву. За последние 20 лет в этих субъектах РФ сформировались крупные туристско-рекреационные центры и кластеры, функционируют 3 из 7 российских особых экономических зоны туристско-рекреационного типа («Бирюзовая Катунь», «Долина Алтая», «Байкальская гавань»), сформировался устойчивый турпоток, который совокупно уже достигает 6 млн. человек в год.

Основу туристско-рекреационного потенциала этих регионов составляют уникальные по своему разнообразию и эстетической привлекательности природные ландшафты, а также сохранившиеся традиционные культурные ландшафты.

Традиционные культурные ландшафты (ТКЛ) представляют собой природно-общественные территориальные системы, в которых длительное взаимодействие природы и местного сообщества людей, привело к взаимопроникновению культуры в ландшафт, а ландшафта в культуру; при этом формы и способы этого взаимодействия длительное время воспроизводятся в виде культурных традиций. К характеристикам традиционных культурных ландшафтов относятся ландшафтноадаптивные особенности природопользования, формы расселения, характерные черты поселений и традиционных жилищ, материальные атрибуты быта (орудия труда, хозяйственная утварь, одежда и пр.), семантика и символика пространства (наделение пространства и географических объектов различными смыслами и символическим значением), значительная часть фольклора и многое другое.

Сами по себе сохранившиеся традиционные культурные ландшафты в условиях глобализации становятся всё более редким явлением, что делает их ценным туристским ресурсом. Однако, соприкасаясь с ТКЛ, а, зачастую, используя их в собственных целях,

туристская индустрия оказывает на них существенное воздействие. При изучении этого влияния, как правило, используется статистический анализ и делается вывод о мультипликативном эффекте туризма и его исключительно положительной роли в экономической и социальной сферах. Однако многие аспекты воздействия сферы туризма на общество не отражаются формальными показателями и требуют использования других исследовательских подходов, прежде всего социологических [1].

Целью данного исследования является анализ трансформирующего воздействия туризма на традиционные культурные ландшафты. Исследование проводится на примере территорий республик Южной Сибири – Алтай, Хакасия, Бурятия и Тыва.

Для анализа использовались материалы глубинных интервью (всего 38) и анкетирования населения указанных регионов (всего 711 респондентов), проведенных в 2003, 2012-2015 и 2018 гг. в 33 населенных пунктах. Также осуществлялось наблюдение динамики традиционных культурных ландшафтов на 17 ключевых участках, заключавшееся в фиксации изменений во внешнем облике данных территориальных систем, их функциональной структуре и способах хозяйственной деятельности населения.

В результате проведенного анализа были выявлены некоторые ключевые тенденции трансформации традиционных культурных ландшафтов под воздействием туризма.

1. *Сокращение площади традиционных культурных ландшафтов.* Высокоприбыльные туристские предприятия (прежде всего, коллективные средства размещения, горнолыжные комплексы и другие объекты инфраструктуры массового туризма), обеспечивающие привлечение существенных инвестиций, вытесняют традиционные виды хозяйственной деятельности с территорий, обладающих туристской привлекательностью. Экстенсивное животноводство, охота, рыбная ловля, сбор дикоросов оказываются неконкурентоспособными перед коммерческим туризмом, который постепенно занимает территории, обладающие наилучшей транспортной доступностью, прилегающие к крупным рекам и озёрам, объектам инженерной инфраструктуры. Таким образом, для традиционных культурных ландшафтов, фундаментом которых является традиционное хозяйство, в буквальном смысле остаётся всё меньше места. Так, в Майминском, Чемальском, Турочакском, Шебалинском, Усть-

Коксинском районах республики Алтай; Тункинском, Прибайкальском районах республики Бурятия количество земель рекреационного назначения с 2003 по 2021 г. увеличилось в 2,5 – 6 раз. Де факто же, для целей туризма активно используются и земли сельскохозяйственного назначения, земли поселений, земли лесного фонда. При этом также следует учитывать, что туризм не просто оттесняет традиционные виды природопользования дальше в горы, а приводит к их фактическому упразднению в районах собственного развития. Например, строительство туркомплексов вдоль водоемов резко ограничивает возможности осуществления водопоя в животноводстве; занимая немногочисленные пологие участки в горных долинах, они изымают из оборота традиционные сенокосные угодья; свободные пастбища оказываются все дальше от населенных пунктов, что также делает их использование менее рентабельным. В некоторых случаях традиционные виды хозяйственной деятельности смогли интегрироваться в структуру рекреационных территорий, обеспечивая туристов продуктами питания, сувенирной продукцией (предметы традиционного быта, изделия традиционных ремесел) и различными видами активности (охота, рыбная ловля, конные прогулки и пр.). Но это скорее исключение, чем правило.

2. *Переселенцы.* Локации развития туризма с их возможностями быстрого заработка привлекают множество переселенцев из других регионов. Они привносят с собой новые образцы культуры, иные традиции и образ жизни. Это постепенно может приводить к «размыванию» аутентичного традиционного культурного ландшафта при достижении критической массы переселенцев в структуре населения территории.

3. *Изменение образа жизни.* Туризм существенно видоизменяет среду, в которой он функционирует. Прежде всего, меняется инфраструктурная освоенность территории: появляются новые дороги, мосты, улучшая доступность многих районов; гостиницы, рестораны, спортивные сооружения, магазины и пр. С улучшением транспортной доступности отдаленных районов, значительная часть молодежи стала уезжать в город на учебу, зачастую не возвращаясь уже обратно. Также лучшая транспортная обеспеченность детерминирует проникновение в отдаленные районы разного рода инноваций, вступающих в конфликт с атрибутами ТКЛ, но делающими жизнь людей более комфортной (например, новые материалы строительства, новая техника и

технологии хозяйствования и пр.). Спутниковые тарелки, солнечные батареи, электропастухи, бензокосилки, металлочерепица и многое другое сделали ненужными многие типичные составляющие традиционного быта, существенно изменив образ жизни населения.

Высокая доходность туризма привела к «переквалификации» значительной доли местного населения – переориентации их с традиционных видов хозяйственной деятельности на обслуживание туристов. Это также приводит к постепенной потере многих традиционных промыслов и связанных с ними элементов культурного ландшафта.

4. *Изменение социально-культурных стереотипов общественного сознания.* Сам туризм, формирует определенные образцы бытовой культуры и культурных ценностей, в основе которых беззаботное времяпрепровождение, богатство, постоянный праздник. Для многих представителей местного населения такой, не имеющий ничего общего с традиционным, образ жизни становится непреодолимым соблазном. Приезжающие в небогатые горные республики обеспеченные жители больших городов привносят иные образцы культуры мышления и поведения, жизненных ценностей [2]. 24 % всех респондентов считают, что туризм в регионе формирует такую общественную среду, которая способствует развитию материализма, эгоизма, жадности и формированию потребительского мышления у местного населения.

Литература

1. Дирин Д. А., Гончарова Н. П. Роль социологии в изучении этнокультурных ландшафтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014. – С. 74-79.

2. Кибич А.Д., Кибич И.В. Влияние туризма на процессы аккумуляции на Гуцульщине // Туризм и гостеприимство. 2016. № 1. – С. 78-84.

Сведения об авторе:

Дирин Денис Александрович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии и экологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Телефон: раб. (3452) 597-400; моб. +79132175724

E-mail: d.a.dirin@utmn.ru

**МЕСТО КРУПНОГО БИЗНЕСА В ИННОВАЦИОННОЙ
СИСТЕМЕ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****BIG BUSINESS IN THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM OF
RUSSIA: HUMAN GEOGRAPHY PERSPECTIVE**

Социально-экономические потрясения, вызванные пандемией коронавируса, усилили потребность России в переходе от сырьевой к инновационной модели экономики, поставив задачу модернизации сложившихся бизнес- и производственных процессов перед ее крупнейшими инновационными предприятиями. Корпоративный сектор, стремясь повысить свою конкурентоспособность на мировых рынках, все активнее вовлекается в процесс исследований и разработок, лежащий в основе корпоративных инноваций. В статье проанализирована география крупных бизнес-сетей России, сформировавшихся вокруг 110 компаний с наибольшим объемом выручки и вовлеченных в производство, диффузию и коммерциализацию практико-ориентированного знания. Геоинформационный анализ на региональном уровне позволил типологизировать субъекты РФ по степени локализации в них компаний генераторов и потребителей инноваций с выделением 5 типов: смешанные, преимущественно генераторы и/или потребители, только потребители, периферийные.

The socio-economic upheavals caused by the coronavirus pandemic have increased Russia's need for the transition from a raw material to an innovative model of the economy, setting the task of modernizing existing business and production processes for its largest innovative enterprises. The corporate sector, striving to improve its competitiveness in world markets, is increasingly involved in the research and development process that underlies corporate innovation. The article analyzes the geography of big business networks in Russia, formed around 110 companies with the largest volume of revenue and involved in the production, diffusion and commercialization of practice-oriented knowledge. Geographic information analysis at the regional level made it possible to typologize the regions of Russia by the degree of localization of companies generating or consuming innovations with the allocation of five types: mixed, mainly generators and/or consumers, only consumers, peripheral.

Ключевые слова: инновационное развитие, география инноваций, диффузия научного знания, корпоративные инновации, национальная инновационная система

Keywords: *innovative development, geography of innovation, knowledge diffusion, corporation innovation, national innovation system*

Актуальность и постановка проблемы. Инновационный процесс представляет собой сложное многоуровневое взаимодействие между всеми участниками рынка. Ключевую роль в инновационной системе принято отводить волновой структуре взаимосвязей между институтами предпринимательства, науки и власти, в которых условная линейность процесса генерации-коммерциализации инноваций (продуктовых или процессных) предполагает смену лидера в силу свойственных ему компетенций и полномочий. Так, традиционное понимание «тройной спирали» взаимодействий Ицковица-Лейдесдорфа середины 1990х [1] предполагало явное лидерство академической среды в сфере генерации нового знания, роль бизнеса заключалась в его коммерциализации, тогда как органы власти обеспечивали благоприятную среду на законодательном и исполнительном уровнях, учитывая при этом интересы граждан (четвертая спираль [2]) и окружающей среды (пятая спираль [3]).

Расширение корпуса научной литературы, подкрепленной эмпирическими данными инновационного процесса, раскрыло понимание открытости данного процесса и «сложный треугольник» [4] взаимосвязей между его элементами. Университеты все чаще стали перенимать на себя функции коммерциализации своих разработок и ориентироваться на прямую вовлеченность в предпринимательскую активность в качестве результата трансфера технологий через создание малых инновационных предприятий [5]. Органы власти все больше вовлечены в регулирование рынка, устанавливая международные стандарты, ограничительные меры и санкции, субсидирование и финансирование «приоритетных» технологий в рамках государственного заказа [6]. Бизнес, в свою очередь, усиливает автономность собственных подразделений НИОКР в силу ускоряющихся бизнес-процессов и усиливающейся конкуренции за знания [7].

Например, по данным реферативной базы Scopus по состоянию на 2021 год у исследовательского подразделения IBM Research, расположенного в г. Нью-Йорк (США) проиндексировано более 79 тыс. публикаций, что выше, чем у Университета ИТМО, Московского физико-технического института (МФТИ) и Московского инженерно-физического института (МИФИ) в

совокупности. У корпораций также существуют разветвленная сеть компаний, выступающих не только бенефициарами новых технологий, но и выполняющих научно-исследовательскую работу в партнерстве с сильными игроками на локальном уровне. Например, корпорация Alphabet (Google, Waymo) в г. Маунтин-Вью (Калифорния, США) имеет подразделения в Сан-Франциско, Лондоне, Дубае, Сингапуре, Дублине, Буэнос-Айрес и Тронхейм (расположены по вкладу в НИОКР).

Цель исследования – выявить территориальные закономерности процесса диффузии инноваций, генерируемых крупным бизнесом в России. Гипотеза исследования состоит в том, что корпоративная сеть крупных компаний, будучи территориально распределенной, является значимым механизмом перетока практико-ориентированных знаний и инноваций между регионами.

Методика исследования. На первом этапе исследования решалась задача по определению компаний, оказывающих наибольшее влияние на экономику России. Источником данных для формирования первичной выборки выбран национальный рейтинг из 600 компаний по объему реализации продукции RAEX-600 за 2020 год, составляемый агентством «Эксперт» ежегодно. Источники количественных данных для рейтинга – финансовая отчетность компаний, статистические публикации Росстат, информационная база СПАРК, хорошо верифицируемы, что позволяет использовать его в аналитических целях как объективный инструмент детерминации наиболее значимых для национальной экономики бизнесов.

На втором этапе первичная выборка уточнена в соответствии с целью исследования выявить компании – генераторы знаний и инноваций. Маркером осуществления такой деятельности выбрано наличие научных статей, опубликованных сотрудниками компаний самостоятельно и в соавторстве в ведущих международных журналах за период 2016-2020 гг. Источник наукометрических данных – международная реферативная база Scopus. Используя встроенные поисковые инструменты, для каждой компании формировался запрос, включавший различные формы написания названия на английском языке, с выгрузкой данных о количестве публикаций, цитат, области знания. Компании с нулевыми наукометрическими показателями исключены из дальнейшего исследования, а первичная выборка сократилась до 110.

На третьем этапе для 110 крупнейших компаний России произведено выявление и геокодирование корпоративной сети предприятий и организаций, связанных с ними производственными и/или научно-исследовательскими связями. Источниками информации выступили официальные сайты компаний и российская научная электронная библиотека eLibrary.ru. Итоговая выборка включила 219 компаний, имеющих научные публикации в иностранных и/или российских журналах, а также 358 связанных с ними предприятий и организаций, занимающихся производством товаров, выполнением работ и/или оказанием услуг, однако не ведущих научно-исследовательскую деятельность. Первые определены в статье как генераторы корпоративных инноваций, а вторые – потребители.

Результаты исследования. География компаний – генераторов инноваций охватывает наиболее крупные города России, признанные в качестве значимых научных центров (рис. 1).

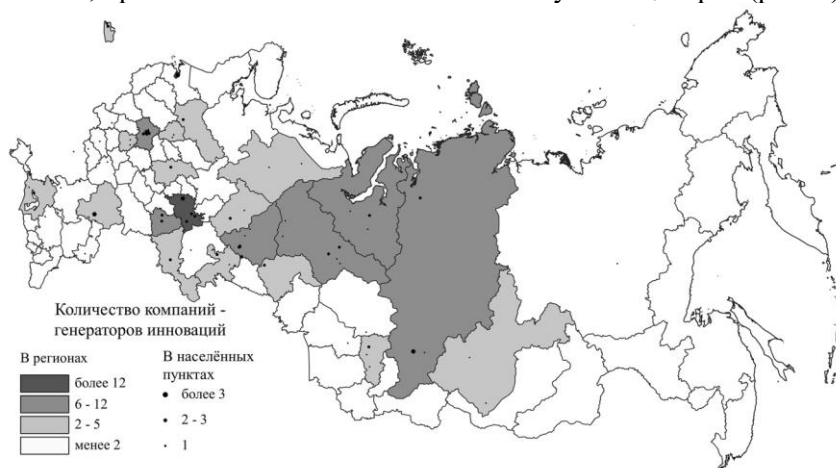

Рис. 1 – Территориальное распределение компаний, ведущих научно-исследовательскую деятельность

Источник: разработано авторами

В первую очередь это Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург. Основными причинами высокой концентрации корпоративных исследований и разработок в высокоурбанизированных, часто столичных районах являются близость к рынкам кадровых, интеллектуальных и финансовых ресурсов,

исследовательской и инновационной инфраструктуре, институтам управления.

География компаний, потребляющих корпоративные инновации, более обширна и, в первую очередь, определяется производственными или сбытовыми факторами – рис. 2. Лидирующие позиции занимают значимые промышленные регионы: Московская, Свердловская, Самарская, Иркутская, Саратовская области, Республика Башкортостан, Красноярский край, Ханты-Мансийский автономный округ. Нередко компании генераторы и потребители инноваций в рамках одной корпоративной сети территориально отдалены, что позволяет говорить о естественной диффузии знаний, технологий и инноваций между регионами.

Рис. 2 – Территориальное распределение компаний, потребляющих корпоративные инновации

Источник: разработано авторами

В рамках исследования предложена типология регионов РФ по локализации компаний – генераторов и потребителей инноваций (рис. 3).

В рамках 5 выделенных типов 12 регионов отнесено к смешанным, у которых сопоставимое число компаний генераторов и потребителей инноваций (т.е. максимальный разрыв между их количеством – 2); 3 региона определены как преимущественно генераторы и 21 – как преимущественно потребители инноваций (типы определялись на основе превосходства одной из групп компаний над другой на 3 и более ед.); 31 регион – только

потребители (полностью отсутствуют генераторы инноваций) и 18 периферийные.

Рис. 3 – Типология регионов России по локализации корпоративного сектора инноваций

Источник: разработано авторами

Выводы. Крупные компании – являются значимым элементом национальной инновационной системы России. Их исследовательские подразделения, нередко обособлены в юридически независимые организации, как правило располагаются в городах-административных центрах с высокой концентрацией интеллектуальных, денежных и инфраструктурных ресурсов. Всего в России могут быть выделены три наиболее значимых города по количеству крупнейших компаний – генераторов инноваций, это Москва, Санкт-Петербург и Казань. Территориальное расположение потребителей инноваций несколько иное, и обусловлено, в первую очередь, производственным фактором. Лидирующими регионами выступают Красноярский край, Ханты-Мансийский АО, Свердловская область и Пермский край.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

Литература

1. Leydesdorff, L., Etzkowitz, H. (1996). Emergence of a Triple Helix of university-industry-government relations. *Science and public policy*, 23(5), pp. 279-286.
2. Carayannis, E. G., Campbell, D. F. (2009). 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International journal of technology management*, 46(3-4), pp. 201-234.
3. Carayannis, E. G., Barth, T. D., Campbell, D. F. (2012). The Quintuple Helix innovation model: global warming as a challenge and driver for innovation. *Journal of innovation and entrepreneurship*, 1(1), pp. 1-12.
4. Polenske K. (2004) Competition, Collaboration and Cooperation: An Uneasy Triangle in Networks of Firms and Regions, *Regional Studies*, 38(9), pp. 1029-1043.
5. Audretsch, D. B. (2014). From the entrepreneurial university to the university for the entrepreneurial society. *The Journal of Technology Transfer*, 39(3), pp. 313-321.
6. Wang, J. (2018). Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong. *Research Policy*, 47(2), pp. 399-412.
7. Higón, D. A. (2016). In-house versus external basic research and first-to-market innovations. *Research Policy*, 45(4), pp. 816-829.

Сведения об авторах:

Михайлов Андрей Сергеевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; старший научный сотрудник Института Географии Российской Академии Наук, Москва, Россия.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

Хвале́й Дми́трий Вита́льевич, магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: hvaley_gusev@mail.ru

Максименко Даниил Дмитриевич, аспирант, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия.

E-mail: dmaksimenko@hse.ru

Mikhailov Andrey Sergeevich, Candidate of Sciences in Geography, Lead Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal

University, Kaliningrad, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Hvalej Dmitry Vitalievich, Master's student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Maksimenko Daniil Dmitrievich, PhD student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Секция 1. «Геополитические и геоэкономические изменения в Мире и их воздействие на пространственные структуры, процессы, отношения: универсальные тенденции и российская специфика»

УДК 913(43):35.071.51

А. П. Васильев
A.P.Vasilyev

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ КАНТОНОВ ФРАНЦИИ

TRANSFORMATION OF SYSTEM OF FRENCH CANTONS

Изучена эволюция системы кантоны Франции с конца XVIII в. по начало XXI в. Выявлено, что кантоны Франции претерпели две крупных укрупнительных реформы, между которыми они постепенно разукрупнялись. Эти реформы связаны с социально-политическими причинами: постепенным превращением кантонов в избирательные округа и со стремлением властей приспособить систему единиц под изменяющиеся демографические параметры регионов страны.

This article shows evolution of system of French cantons in 18-21 centuries. It is revealed that there were two major enlargement reforms of French cantons, between which they were gradually broken down. These reforms are associated with socio-political reasons: the gradual transformation of the cantons into electoral districts and the desire of the authorities to adapt the system of units to the changing demographic parameters of the country's regions.

Ключевые слова: кантоны Франции, укрупнительные реформы, социально-политические причины.

Key words: French cantons, enlargement reforms, social and political factors.

Структуры административно-территориального деления (АТД) стран мира представляют очень сложную в пространственном отношении и динамично развивающуюся систему, требующую детального научного изучения. В работах В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, С.А. Тархова и др. административно-территориальное деление понимается как разделение территории государства (страны, региона) на административно-территориальные единицы с целью территориальной организации региональной и локальной власти [1, 2, 3].

В этой статье анализируются закономерности трансформации системы кантонов Франции. Здесь рассматривается только европейская Франция и не учитываются ее колонии, заморские департаменты и территории.

Кантон (*canton*) — одна из единиц нижних уровней территориального деления Франции. Кантоны покрывают всю территорию страны и являются избирательными округами, в рамках которых выбирают членов генеральных советов департаментов [4, 5].

Система равновеликих кантонов, выделенных на основе системы расселения и транспортных связей, была создана в 1790 г. во время революционных преобразований АТД Франции. Кантоны стали промежуточной единицей между округами и коммунами, их власти контролировали преобразование церковных приходов в коммуны, помогали местным администрациям приступить к выполнению новых задач, включавших помимо прочего, проведение низовых административных границ и разграничение зон действий муниципальных служб [4].

С тех пор система кантонов претерпела два кардинальных укрупнения в 1800 и в 2014 гг., слабое укрупнение в 1815-1835 гг. и постепенное разукрупнение в 1850-2010 гг. В 1790-1855 гг. число кантонов сократилось на 40%, затем в 1856-2010 гг. увеличилось на 30%, а в 2010-х гг. вновь сократилось на 50%. Почти так же, с обратным знаком, колебалась средняя площадь кантонов – росла, убывала и опять росла (см. Таб. 1 и Рис. 1). Таким образом, на этом уровне АТД происходили глубокие пространственные трансформации, имевшие вид пульсации – попеременного увеличения и уменьшения числа единиц. Рассмотрим подробнее причины наблюдающихся изменений.

Первая **кардинальная реформа** кантонов была осуществлена в 1800 г.: их число было сокращено на 40%. Она была связана с восстановлением округов и прямо направлена на снижение роли администраций кантонов. Власти этих административно-территориальных единиц, ранее контролировавшие организацию местной жизни, были лишены многих полномочий, которые были переданы администрациям округов и коммун. Потерявшие статус муниципалитетов кантоны остались только удобной группировкой коммун, в рамках которой действовали некоторые социальные службы. Другими мотивами реформы были экономия бюджетных средств и упрощение системы управления локальными единицами [4].

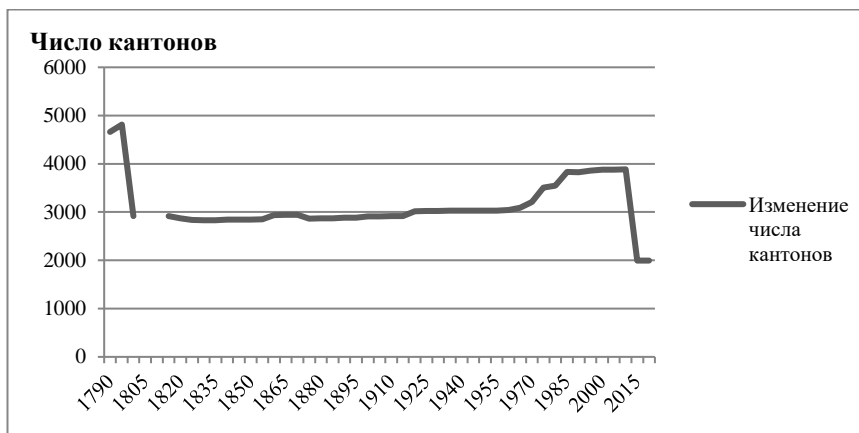

Рисунок 1. Изменение числа кантонов Франции в 1790-2020 гг.

Таблица 1.

Изменение числа и средней площади кантонов Франции

Год (дата)	Число кантонов	Средняя площадь, км ²
1790	4660	113,5
1815	2916	182,2
1.01.1857	2850	186,4
1.01.1872	2865	184,9
1.01.1922	3019	180,2
1.01.1968	3208	169,8
1.01.1975	3509	155,2
1.01.2012	3863	141,0
1.01.2020	1996	279,2

Составлено по [6, 7]

Новое укрупнение в 1815-1835 гг. мало сказалось на системе кантонов, так как их число сократили всего на 2,5%. Основным фактором теперь стало сокращение сельского населения из-за слабого естественного прироста и миграции в города [4, 6].

С 1833 г. кантон стал избирательным округом, в рамках которого выбирали членов генерального совета департамента. Эта новая функция потребовала, чтобы размер кантона соответствовал плотности населения, поскольку число членов совета департамента от всех кантонов должно было представлять равную долю населения. Это обстоятельство привело к обратному процессу: в 1850-2010 гг. происходило постепенное разукрупнение кантонов и

увеличение их числа. Оно затронуло главным образом урбанизированные ареалы (Иль-де-Франс, агломерации Лиона, Тулузы и др.) и промышленные районы с быстрым ростом населения (Лотарингия), где средняя площадь создаваемых кантонов варьировала в пределах 70-80 км², вдвое уступая средней площади этих единиц (150-185 км²) по стране в целом. Новые кантоны создавались для соответствия их сетки изменившимся демографическим параметрам этих территорий. При этом из-за убыли населения сельских коммун в территорию кантонов стали включать кварталы крупных городов, и городские коммуны оказались разделенными между несколькими кантонами, что нарушало четкую иерархию АД округ – кантон – коммуна. Разукрупнение кантонов только в городских агломерациях не могло полностью решить возникшей проблемы из-за сохранения прежней сетки кантонов в сельской местности [4, 6].

К 2013 г. сложилась парадоксальная ситуация, когда на 60% территории Франции сетка кантонов существовала без каких-либо изменений с 1800 г., несмотря на кардинальные сдвиги в плотности и структуре населения за 210 лет. Наиболее устойчивые кантоны располагались в малонаселенной сельской местности всех регионов страны, хотя она депопулировала из-за миграций в города и промышленные регионы. Устойчивость сетки кантонов, скорее всего, связана с устоявшейся политической системой, интересами политиков и партий, которые не желали менять организацию власти и опасались изменений результатов выборов из-за перенарезки кантонов, снижения числа сельских представителей и их роли в генеральных советах департаментов. Однако демографические сдвиги привели к тому, что сетка кантонов совершенно не соответствовала географии населения и различные по численности группы граждан были представлены одинаковым числом депутатов в законодательных органах департаментов. Это создавало серьезные проблемы, нарушая принцип равенства граждан при выборах советников [5].

В итоге в 2013-2014 гг. была проведена **кардинальная укрупнительная реформа** кантонов, сократившая их число в 2 раза в каждом департаменте. Старые кантоны были не просто объединены, но и реформированы с целью сокращения их демографического неравенства. Нарезка новых кантонов была проведена так, чтобы население каждого не отличалось более чем на 20% от среднего населения кантона по департаменту. При этом

коммуны с населением менее 3500 человек должны были находиться в рамках только одного кантона, а коммуны с населением более 3500 человек могли быть разделены между несколькими кантонами. Если в агломерациях создавались кантоны небольшого размера из-за высокой плотности населения, то в сельской местности были образованы крупные кантоны. Таким образом, проблема соответствия сетки кантонов распределению населения по территории была решена [5].

С 2014 г. кантоны являются сугубо технической единицей, избирательным округом, и фактически не вписываются в иерархию системы АТД. У них нет руководящих органов, а их границы разделяют городские коммуны и не соответствуют границам округов. Из-за разобщения городских коммун и отсутствия администрации понятие «главный город кантона» потеряло смысл. Условность этих единиц подтверждают их технические названия: Роанн-1, Роанн-2, Дижон-1, Дижон-2 и т.д.

В итоге, трансформация системы кантонов Франции характеризуется наличием двух укрупнительных реформ и плавным разукрупнением между ними. Ключевыми причинами реформ являлись социально-политические. Если первая реформа была вызвана желанием властей ликвидировать самостоятельность кантонов и сузить полномочия их администраций, то вторая и третья – стремлением властей приспособить систему кантонов, ставших избирательными округами, под изменяющиеся демографические параметры регионов страны.

Литература

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Туровский Р.Ф. Политическая география. Учеб. пособие. Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
3. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
4. Ozouf-Marignier M.V., Verdier N. Le canton d'hier á aujourd'hui : étude cartographique d'un maillage // Le canton, un territoire du quotidien / Sous la dir. d'Y. Lagadec et al. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2009. P. 281-295.
5. Rapport d'information par la commission des lois constitutionnelles, de la législation et de l'administration générale de la république: № 2129 rectifié – 2014 / Présenté par P. Popelin et G. Larrivé // Asssemblée Nationale.

[Электронный ресурс] URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/pdf/rap-info/i2129.pdf>

6. Lang G. Le Code officiel géographique (COG) avant, pendant et autour. 2016. [Электронный ресурс] URL: http://projetbabel.org/gl/cog_2016.pdf

7. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции (INSEE). [Электронный ресурс] URL: <http://www.insee.fr>.

Сведения об авторе:

Васильев Алексей Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Институт географии РАН

Vasiliev P. Alexey, PhD in Geography, Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences

E-mail: alvasilev7@yandex.ru

УДК 913

Райко Гнято, Тая Мишлицки-Томич
Raiko Gnyato, Tanya Mishlitski-Tomic

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН С ОСОБЫМ УПОРОМ НА ВЛИЯНИЕ НЕООСМАНИЗМА

MODERN GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE WESTERN BALKANS WITH A SPECIAL FOCUS ON THE IMPACTS OF NEO-OTTOMANISM

В третьем десятилетии двадцать первого века, как и в нескольких предшествующих веках, Западные Балканы являются пространством открытых и скрытых конфликтов различных интересов Востока и Запада. На этом пространстве преломляются интересы американского глобализма и европейских регионализмов, с одной стороны, и России, Китая и Турции, с другой. Каждый из данных интересов специфичен и чаще всего противопоставлен остальным. Все же, можно сказать, что турецкие интересы стоят особняком – они зачастую выступают в коллизии с другими интересами, часто совместимы с ними, но они всегда подчеркнута турецкие, т. е. неоосманские.

It is in 2020s that the Western Balkans remain a region of both open and latent clashes between opposing interests of the East and the West just as it has been the instance over the last few centuries. The region witnesses the confrontation between the American globalism and European regionalism on one side and Russia, China and Turkey on the other side. Each of these interests is distinct and usually opposed to interests of other parties. We may infer that Turkish interests are specific, they often either collide with or are compatible with the interests of others, but the nature of these interests continues to be exclusively Turkish, i.e. neo-Ottoman.

Ключевые слова: *Западные Балканы, Запад, Россия, Китай, Турция, глобализация, делогобализация, регионализм, неоосманизм, ислам.*

Key words: *Western Balkans, the West, Russia, China, Turkey, globalization, de-globalization, regionalism, neo-Ottomanism, Islam.*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН

В научном и широком интеллектуальном дискурсе понятие *Западные Балканы* относится к пространству бывшей СФР Югославии без Словении, в которое включена и Албания. Это понятие все еще подразумевает экономическую и социальную неразвитость, культурологическую отсталость, межнациональную нетерпимость, политическую нестабильность и непредсказуемость [2].

В культурологическом отношении Западные Балканы символизируют «старую Европу», колыбель эллинской цивилизации, византийской империи и православной религии, в отличие от «новой Европы», которая зиждется на культурном наследии Римской империи, католической церкви и культурно-исторической эпохи Возрождения [5].

После распада СФР Югославии и обособления новых государств как субъектов международного права на бывшем югославском пространстве Западные Балканы целиком остались в сфере влияния глобальных и региональных геополитических факторов. В этой связи под влиянием Запада большинство новых стран на бывшем югославском пространстве вошло в НАТО (Хорватия, Черногория и Северная Македония). В этот альянс вошла и Албания как страна западно-балканского пространства, а ранее всех - Республика Словения (2004 год), которая не принадлежит западно-балканскому культурному кругу. В отличие от «масштабного» вхождения в НАТО, присоединение к ЕС было и осталось селективным. До сих пор только два государства постюгославского пространства – Словения и Хорватия – получили

полноправное членство в ЕС, важнейшем европейском региональном союзе.

Учитывая целый ряд объективно существующих проблем в функционировании ЕС, как и ее официальную политику относительно стран западно-балканского пространства как кандидатов на полноправное членство в ЕС, совершенно известно, что этого присоединения в обозримом будущем и не будет. Стоит вопрос, будет ли оно вообще?!!

В противоположность пустым рассказам о приеме западно-балканских государств в ЕС актуальна попытка реализации **модели** экономической интеграции Сербии, Северной Македонии, Албании, Боснии и Герцеговины, Черногории, а также отсоединившегося «Косово» в т.ч. называемого «мини-Шенген». В этом смысле президент Сербии, премьер-министр Правительства и премьер-министр Северной Македонии подписали 10 октября 2019 года в Нови-Саде *Декларацию об установлении свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала на Западных Балканах*. «...подписавшие этот договор страны обязались работать над продвижением регионального сотрудничества, в целях роста экономического развития, привлечения инвестиций и повышения качества жизни граждан».

Приглашение присоединиться к этому союзу получили Босния и Герцеговина и Черногория, в то время как односторонне отсоединившийся Автономный край Косово и Метохия, т. е. самопровозглашенное лже-государство «Косово», после подписанных соглашений о нормализации экономических отношений с Сербией, в Вашингтоне 4 сентября 2020 года, автоматически стал членом ассоциации «мини-Шенген». Со вступлением непризнанного государства «Косово» в эту ассоциацию стало известно, что речь идет не лишь об экономической, но и политической модели, с потенциально негативными последствиями для Сербии и сербских национальных интересов в целом.

В региональном и глобальном планах «мини-Шенген» может удовлетворять только интересам Запада, и нисколько интересам ключевых геополитических факторов Востока – России, Китая и Турции. В общем и целом, в функциональном, и даже в геополитическом смысле, совокупное пространство «мини-Шенгена», если оно приобретет окончательную форму, стало бы составной частью Римленда, а это значит – воплощением стратегической доктрины **окружения** России.

Интересам Запада, а также России и Китая, на пространстве Западных Балкан противостоят интересы современной Турции. В геополитическом смысле, как это отмечает А. Дружинин, Турция позиционировалась как влиятельная региональная держава, не только на Балканах, но и на южном Кавказе и в причерноморском регионе (Дружинин et al, 2020, стр. 82). Процитированный автор констатирует: «Исчезновение СССР создало предпосылки для возвращения Турции в евразийскую геополитику в качестве значимого её фактора» [6].

Очевидно, Турецкая Республика после распада СССР, в изменившейся геополитической обстановке, породившей концепцию **евразийства**, преследует далеко идущие геополитические, культурно-цивилизационные и экономические цели, объединенные в геополитической доктрине **неосманизма**. Лучшее подтверждение этому – активное участие Турции в разрешении кризиса в Нагорном Карабахе, где она, на данном этапе, хотела навязаться России в качестве равноправного партнера. Такие стремления Турция пытается осуществить в Сирии, но и в более широком региональном окружении: в Северной Африке, на Балканах... Итак, Турция в изменившейся геополитической обстановке явно не довольствуется позицией регионального актора. Наоборот, она пытается зарекомендовать себя в качестве влиятельного актора глобальной геополитической сцены, в которой за ней будет лидирующая роль в исламском мире, особенно на пространстве бывшей Османской империи. Такие стремления могут привести к неопределимым, чреватых катастрофическими последствиями конфликтам, в первую очередь не только с Россией, но и с сильнейшими странами Запада.

Российские интересы на пространстве Западных Балкан находятся в корреляции с ее ведущей ролью в процессе деглобализации и формирования многополюсного мира, сама же Россия – защитник международного права и Устава ООН. Поэтому очевидно, что российские интересы прямо противоположны всем интересам Запада, не только на Западных Балканах, но и глобально. По этой причине Запад недоброжелательно называет их злокачественными.

Интересы Китая на пространстве Западных Балкан, преимущественно геополитические, большей частью сочетаются с вышеприведенными интересами России и ее активной ролью в урегулировании различных проблем во всем мире. По этой причине

и те и другие интересы часто находятся в коллизии с интересами Турции, что лучшим образом подтверждает их несхожую позицию относительно лже-государства «Косово».

Во внутреннем плане «мини-Шенген», если он заработает в полном формате, в короткие сроки мог бы поставить под вопрос жизненно важные национальные интересы Сербии, Республики Сербской и всего сербского народа. В частности, такая модель существенным образом позиционировала бы отсоединившееся «Косово» как независимое государство, а общий экономический рынок «мини-Шенгена» настуже открыл бы дверь переселениям албанского и босняцкого населения из Северной Македонии, Косово и Метохии, Албании, Черногории и Боснии и Герцеговины в Республику Сербию. Поэтому, оправданно, ставится вопрос, почему Республика Сербия опережает все другие западно-балканские народы в стремлении сделать эту модель реальностью? Ответ на этот вопрос очень сложный и многоуровневый, он требовал бы более объемного исследования. Мы же задержимся на некоторых основных констатациях. Совершенно понятно, что через модель «мини-Шенген» «сегодняшняя» Сербия хочет решить несколько проблем, а ключевая касается отсоединившегося «Косово». В смысле статуса (*de jure*) «Косово» осталось бы неотъемлемой частью Республики Сербии, а по сути (*de facto*) оно позиционировалось бы как геополитический субъект, равный другим членам «мини-Шенгена», значит, как относительно независимое государство. В связи с таким статусом напрашивается несколько вопросов: соответствовал бы такой статус «Косово» Конституции Республики Сербии и сербскими национальными интересами? Является ли статус «Косово», самого большого вопроса во всей сербской истории, только внутренним вопросом Сербии или это вопрос всего сербского народа?!

В связи со всеми этими и подобными вопросами можно дать только один ответ, который базируется на Конституции Республики Сербии и Уставе ООН. Итак, будущий статус АК Косово и Метохия (самопровозглашенного «Косово») нельзя решать посредством каких-либо моделей, нарушающих территориальную целостность Сербии, ее международно признанные границы и ее суверенитет на всей территории страны. Наоборот, его надо решать как раз исходя из предшествующих предпосылок.

В формальном смысле, определенную поддержку модели «мини-Шенген», в рамках которого «актуальная» власть Республики

Сербии пытается решить проблему «Косово», обеспечило упомянутое выше **Вашингтонское соглашение**. Тем не менее, ставится вопрос, будет ли это соглашение поддержано «новой» администрацией в Вашингтоне. Предположительно, не будет, и в силе опять будет радикальный подход к проблемам Западных Балкан, среди которых проблема «Косово» будет приоритетом. Эта «новая», а по сути «старая» политика США касательно Западных Балкан, снова могла бы совпасть с интересами Германии и Франции, а также Великобритании, и требованиям, чтобы Сербия признала «Косово» как независимое государство. В то же время, согласованные усилия Запада были бы направлены и на усиление унитарной БиГ, и даже на ревизию **Дейтонских мирных соглашений**, во вред национальным интересам сербского народа.

В раскладе внутренних политических отношений и ожидаемого влияния Запада, «мини-Шенген» или любая другая форма объединения всех или большинства бывших югославских республик существенно поставили бы под угрозу геополитическое положение Сербии на Западных Балканах, а ее присоединение к НАТО стало бы объективно возможным. В таких потенциальных обстоятельствах Россия потеряла бы Сербию в качестве своей главной геополитической опоры на Западных Балканах. С другой стороны, Сербия и весь сербский народ были бы подвергнуты опасности утратить поддержку и помощь России, единственного истинного защитника сербских национальных интересов. Поэтому Сербия никогда и в каких обстоятельствах не должна признать независимость «Косово» и вступить в НАТО.

О неразрывности сербских интересов от России, ее могущества и влияния свидетельствуют переломные моменты в относительно недавней истории, включая и современные события: Балканские войны, Первая и Вторая мировые войны, Дейтонские мирные соглашения, иск против Сербии о предполагаемом геноциде хорватов и боснийцев в Республике Хорватии и БиГ (1991-1995) и т. д. В каждом из них Россия оказала величайшее влияние на конечное решение. По таким соображениям на сегодняшнюю и будущую роль России на Западных Балканах надо смотреть как на ее естественное право в защите основных культурно-исторических и цивилизационных ценностей православных народов, в том числе сербского.

Во внутреннем плане потенциальная модель «мини-Шенген» de facto привела бы к созданию «Великой Албании». Это

неформальное государство «Великая Албания», в культурологическом и функциональном смысле, охватывало бы Республику Албанию, отсоединившееся «Косово», почти половину территории бывшей югославской Республики Македонии, юго-восточную часть Черногории, а также часть южной Сербии с муниципалитетами Прешево, Буяновац и Медведжя. В общем-то, интересы Сербии и Республики Сербской, с одной стороны, и, с другой, интересы остальных членов «мини-Шенгена», в частности, албанцев, босняков, мусульман и этнических черногорцев и македонцев были бы противоположными. Такое состояние, стимулированное положительным опытом «Косово», открыло бы дверь новому сепаратизму в рамках Сербии, сначала в области **Рашка**, т. е. в «Санджаке», в котором уже десятилетиями проявляются сепаратистские стремления. В этом смысле старания экстремистских «босняцких» политических партий в «Санджаке», основывающиеся на исламском фундаментализме и поощряются интересами **неоосманизма**, т. е. Турции, находя свою почву в исторической принадлежности «Санджака» «Боснийскому вилайету» и Оттоманской империи. Босняцкие требования автономии ссылаются на полагаемое **пренебрежение** «Санджаком» и его **отставание** в экономическом и других направлениях развития. По этой причине в Парламенте Республики Сербии в 2018 году СДА (*Партия демократической акции. – прим. пер.*) изложила четкую позицию относительно автономии «Санджака»: «Мы уже годами требуем от Сербии формирования автономного края Санджак...». Несомненно, таких требований с заранее неизвестным результатом в потенциальной модели «мини-Шенген» окажется еще больше. Однако, они будут, даже если эта модель окажется нереализованной.

Далее, во внутреннем плане «мини-Шенген» якобы открывает возможность интеграции Республики Сербской с Республикой Сербией. Недостаточно сведущим в этой проблематике модель экономических взаимоотношений западно-балканских государств, т. наз. «мини-Шенген», могла бы быть представлена как **средство** реализации концепции «Великой Сербии», что не имеет никаких оснований. Проект «Великая Сербия» формально относится к 19 столетию и связан с идеей создания единого сербского государства и освобождения от Османской империи. Идея возникла во время сербской революции 1804-1815 г.г. и была предметом постоянных нападок противников сербского

объединения. Поэтому, без аргументов, она предается анафеме как «великосербская» политика [6].

Вне Республики Сербии и Республики Сербской «мини-Шенген» по-разному «видят» остальные западно-балканские политико-территориальные субъекты международного права. Федерация БиГ, в качестве одного из двух политико-территориальных субъектов международно признанной Боснии и Герцеговины, относится к «мини-Шенгену» с подозрением и видит в нем «малую Югославию», интегрированную с Албанией. В связи с этим, мусульмане и босняки, как выразители интересов Федерации БиГ, к этой модели относятся как к средству реализации проекта «Великая Сербия», которого на самом деле не существует. По этим соображениям оппортунистические позиции «босняцкой политики» относительно «мини-Шенгена» совершенно безрассудны и иррациональны. Собственно говоря, в рамках стран «мини-Шенгена» доминировали бы политические и другие интересы албанцев, босняков, этно-национальных черногорцев и этнических македонцев. Их интересам были бы подчинены национальные интересы сербов, как это уже имело место в течение всего социалистического периода и жизни в бывшем общем государстве.

Независимо от будущего «мини-Шенгена», который все государства Западных Балкан видят по-своему, некоторые авторы высказывают мнение о возможной реинтеграции **совокупного** или **большей части** пространства бывшей Югославии, а Боснию и Герцеговину они видят в качестве ядра, которое, благодаря своему центральному положению, «соберет» остальные народы и республики бывшей Югославии и таким образом снова создаст некую новую форму «общего государства»!!! В этом смысле, ключевая роль им видится в **процессе**, ведущем все бывшие югославские республики к полноправному членству в ЕС. Они также подчеркивают значение пробуждения «проюгославских чувств» к прежнему единству и общему государству [7]. Эти авторы ссылаются и на мнение В. Б. Кириллова и И. С. Путинцева и констатируют: «Следует отметить, что подобное развитие событий представляется очень вероятным, исходя из происходящих на протяжении длительного времени процессов «гомогенизации» пост-Югославии под воздействием Евросоюза, который основной своей задачей, как можно предположить, видит «успокоение» региона перед тем, как начать процесс его интеграции в ЕС. Роль России в

этих процессах крайне невелика, и как-либо влиять на них РФ не в состоянии» [7].

Мы отмечаем, что приведенные выше и подобные суждения не имеют опоры в реальной жизни Боснии и Герцеговины и остальных бывших югославских республик. Практика нескольких десятилетий показала, что это общее «мультиэтническое» и многонациональное государство не было в интересах хорватских геополитических целей, а также словенских. В самом деле, она была лишь **этапом**, необходимым для достижения конечной цели – создания **собственных** национальных государств. Дальнейший кровавый распад некогда общего государства сопровождался независимостью и остальных бывших югославских республик. Ныне ни одна из них официально, несмотря на многочисленные и разнообразные внутренние проблемы, особенно **этнические**, не желает возврата в прошлое. Наоборот, все они работают над усилением **собственной** государственности, которая их приведет к «конечным» решениям их «внутренних» проблем и нужному уровню межгосударственных взаимоотношений и сотрудничества, главным образом в экономическом плане.

О необоснованности суждений о роли БиГ в реинтеграции пространства бывшей Югославии свидетельствуют те факты, что и через двадцать пять лет после окончания кровавого конфликта (1995-2020), БиГ не смогла построить внутреннее доверие и единство. Наоборот, БиГ является государством все еще находящимся под международным надзором, глубоко разделенным по поводу всех вопросов важных для ее трех титульных народов. Также, в этом разделенном государстве все нарастает степень взаимного недоверия и недоверия к политическим программам ведущих партий трех народов. Все эти партии предпочитают разные модели государства, в рамках которых отдельные этносы занимали бы разное положение. В этом смысле босняцкие партии – сторонники проведения полной ревизии Дейтонских соглашений и поддерживают модель **унитарной** БиГ, сербские же – сторонники сохранения существующей модели и конституционного строя БиГ, а хорватские – создания новой формы территориальной организации посредством формирования **третьего субъекта**, который в этническом отношении был бы преимущественно хорватским. Альтернатива этой модели, если смотреть с точки

зрения хорватских партий и хорватских национальных интересов вообще – модель, подразумевающая **кантонизацию** совокупного пространства БиГ на **этнической основе**. Напрашивается однозначный вывод, что ревизия Дейтонских мирных соглашений настуже открыла бы дверь всяческим противоречиям, а наверное и открытому конфликту на пространстве Западных Балкан. Такой сценарий не в интересах сербского народа, и он его ни в коем случае не должен допустить. Учитывая факт, что Дейтонские мирные соглашения имеют международное подтверждение (США, Россия, Великобритания, Германия и Франция), можно ожидать, что страны-гаранты будут поддерживать его сохранение [1,2,3,4].

По этим и другим важным причинам можно сказать, что БиГ однозначно **не может** быть инициатором какого бы то ни было проекта или процесса, который привел бы к какой-либо **новой** форме интеграции бывших югославских республик или большей части бывшего югославского пространства. Также, не подлежит сомнению, что ревизия Дейтонских соглашений не будет проведена по доброй воле и благодаря согласованным интересам трех народов в БиГ и что существующая модель территориальной организации и конституционного строя этого государства останется платформой, на которой более или менее успешно будут согласовываться интересы сербов, хорватов и босняков. Наконец, совершенно **неприемлема** позиция Мартынова, что невелико будущее влияние России на процессы, ведущие к взаимной интеграции государств на постюгославском пространстве в некую новую форму **объединения**, которое, в свою очередь, способствовало бы их членству в ЕС, и что Россия не может значимо повлиять на эти процессы. Эта позиция не отражает ни объективное могущество России, ни ее влияние на Западных Балканах, ни политику, которую она продвигает. Об этих вопросах уже была речь, дополнительное обсуждение совершенно ненужно. Тем не менее, кстати говоря, Россия разными путями может повлиять на эту возможную будущую модель общности. Прежде всего – на то, осуществится ли она вообще, а если да – то как она будет выглядеть, тем более что стержнем этого объединения были бы Сербия и весь сербский народ. Однако, лучшее доказательство реального влияния России на Западных Балканах – это военный нейтралитет Сербии. Хотя такой статус – «внутреннее дело» Сербии, совершенно ясно, что речь идет о заранее согласованных интересах этих государств.

В потенциальной модели «мини-Шенген» интересы этнических македонцев касаются внутренней политической стабильности и межэтнических взаимоотношений в Северной Македонии. Активное участие Северной Македонии в этой потенциальной модели уменьшило бы радикальные требования албанских политических кругов, а центр тяжести действия был бы перенесен в Сербию, Черногорию и Боснию и Герцеговину.

Интересы Черногории в рамках модели «мини-Шенген» можно рассматривать в нескольких аспектах. С одной стороны, присоединение к этой модели повысило бы степень политической и экономической интеграции Черногории с остальными членами модели. С точки зрения интересов сербского этноса в Черногории это было бы приемлемым. С другой стороны, если смотреть с позиции черногорской независимости и приверженцев черногорской этно-национальной **особенности**, присоединение к «мини-Шенгену» было бы абсолютно **нецелесообразным**.

И наконец, геополитические последствия потенциальной модели «мини-Шенген» сказались бы и в самом значении понятия **Западные Балканы**, как в пространственном, так и в геополитическом и культурно-цивилизационном смысле. Потенциальная модель «экономической» интеграции, в которой нет Хорватии, сильнее всего способствовала бы ее **понятийному** отмежеванию от Западных Балкан. Тем не менее, историческое прошлое, как и современные геополитические, экономические, социальные и другие интересы всего хорватского народа и в будущем будут крепко связывать Республику Хорватию с Западными Балканами и их судьбой, несмотря на ее формальное членство в ЕС и НАТО.

НЕООСМАНИЗМ И ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ

После окончания холодной войны и распада СССР положение и роль Турции в региональном и глобальном геополитическом планах существенно изменились. В новой, для Турции благоприятной геополитической обстановке это государство «в мгновение ока» обновило претензии на бывшие оттоманские владения. В этом смысле, приоритетами турецкой внешней политики стали южный Кавказ, причерноморский регион, Западные Балканы, и, в несколько меньшей степени, – Ближний Восток и Северная Африка.

Основной признак турецкой внешней политики заключается в понятии **неоосманизм**. Хотя у этого понятия нет точного определения, содержание понятия главным образом ясно. Под **неоосманизмом** чаще всего подразумевается сложная макроидеологическая платформа, согласно которой сегодняшняя Турция, как законная цивилизационная преемница Османской империи, должна подтвердить и продвинуть совокупное духовное, культурное и политическое наследие Османской империи, чтобы в перераспределении сил и влияния в мире, которое идет в данный момент, обеспечить и эффективно играть роль одного из важных международных факторов [9]. Также о неоосманизме можно сказать, что он больше самой идеологии. «Он – философия истории, цивилизационная парадигма и взгляд на мир, характерный для большинства представителей современной турецкой нации, а особенно для ее интеллектуальной элиты [9]. Если говорить о культурологических предпосылках неоосманизма на евразийском пространстве, можно сказать, что они одной своей частью основываются на концепции единой турецкой нации, т. е. единого турецкого языка с несколькими говорами. Однако, такой подход не имеет своей опоры на Западных Балканах. Как раз наоборот, почву для неоосманизма на Западных Балканах представляет совокупное культурно-историческое и цивилизационное наследие (духовное и материальное) времен Оттоманской империи, глубокая эмоциональная связь всех представителей ислама Западных Балкан и их «естественная» ориентация на Турцию. В этом смысле, самую сильную связь с Турцией и ощущение принадлежности к **турецкому миру** чувствуют мусульмане и босняки – исламизированное сербское население. Всестороннюю ориентацию данных этносов на Турцию лучшим образом подтверждают переселения в относительно недавней истории. В частности, после австро-венгерской оккупации БиГ, из-за непринятия новой системы власти, тогдашние представители ислама (официально **мухамеданцы**) масштабно переселяются в различные части Турции. Согласно административным данным, с 1883 по 1905 год из Боснии выселилось 32 625 человек, а вернулось обратно 4 042, а с 1906 по 1916 г. выселилось около 24 000 человек. Люди, выселившиеся незаконно и покинувшие страну в первые четыре года австро-венгерского управления, не вошли в счет. По опосредованно полученным данным некоторых источников, получается, что сегодня в Турции живет как минимум 660 000, а возможно и целых

800 000 потомков выселенного из БиГ мусульманского населения [11]. Согласно тому же источнику: «Переселения были в первую очередь мотивированы желанием продолжить жить в соответствии с традиционным опытом, внутри исламско-теократического государства, каковым была Османская империя. О масштабах выселения нагляднее всего свидетельствует факт, что согласно переписи 1879 года в БиГ жило почти 39% мусульман, а согласно переписи 1921 года – лишь 31% [11].

Политическая практика показывает, что интересы неоосманизма, т. е. современной Турции вполне совместимы с интересами всех представителей ислама Западных Балкан, особенно мусульман, босняков и албанцев. Эту констатацию недвусмысленно подтверждает активная роль Турции в процессах, приведших к сецессии Косово и Метохии (2008), а еще до этого к референдуму в Боснии и Герцеговине (29 февраля и 1 марта 1992 года), в котором участвовали два титульных народа, мусульмане и хорваты, и вопреки воле сербского народа, который в референдуме не принял участие, проголосовали за отделение БиГ от Югославии. В связи с этим, Турция уже 6 февраля 1992 года, то есть, до официального провозглашения независимости БиГ, признала Боснию и Герцеговину как независимое государство, что недвусмысленно говорит о ее неоосманских стремлениях. Это подтверждается, между прочим, и активным участием тогдашнего турецкого президента Сюлеймана Демиреля в принятии *Сплитской декларации*, 22 июля 1995 года. Декларация официально позволила Хорватии использование пространства БиГ и совместную с т. наз. Армией БиГ борьбу против вооруженных сил Республики Сербской. Подписанное соглашение было лишь узаконением прежде уже имевшего место участия Хорватии в вооруженных конфликтах в БиГ, как и формальным узаконением ее будущего возможного участия, а также и угрожающим коммуникациям представителей сербского народа в БиГ. Декларацию (соглашение) подписали от имени Хорватии ее президент Франьо Туджман, от имени т. наз. «Республики БиГ» ее президент Алия Изетбегович и Харис Силайджич, а от имени хорватского народа в БиГ Крешимир Зубак.

Кроме геополитического, турецкое влияние и присутствие на Западных Балканах, особенно в Сербии и БиГ, осуществляется через разнообразные формы сотрудничества в экономическом и культурном планах.

Таблица 1

Оборот внешней торговли между Сербией и Турцией
(в миллионах евро)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Вывоз	164,7	173,2	223,9	243,4	273,2	251,6
Ввоз	399,4	444,9	510,5	593,7	724,8	832,7
Сальдо	-234,1	-271,7	-286,6	-350,3	-451,6	-581,1
Общий торговый оборот	564,1	618,1	734,4	837,1	998,0	1.084,3
Коэффициент покрытия импорта экспортом (%)	41,2	38,9	43,9	41,0	37,7	30,2

Источник: Статистическое бюро Республики Сербии

Сравнительные показатели внешнеторгового оборота товарами Сербии с Турцией в указанный период иллюстрируют непрерывный и быстрый рост объема оборота. Однако, в этом обороте постоянно увеличивается объем и стоимость ввоза из Турции, в то время как доля объема экспорта из Сербии сокращается.

Особый аспект экономического сотрудничества Сербии и Турции касается турецких вложений в «Санджак», особенно в обновление культурно-исторического наследия османского происхождения. Турецкие инвестиции направлены тоже на реконструкцию и постройку инфраструктурных систем, образовательных учреждений, учреждений муниципальной власти и т. п. В этих целях Турция в последние несколько лет вложила около 20 миллионов долларов. В знак благодарности за «инвестиции в развитие инфраструктуры Нови-Пазара президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в апреле 2018 года получил титул почетного горожанина этого самого крупного города области Санджак. За шесть месяцев до этого, Эрдоган прибыл с визитом в Нови-Пазар, где его на центральной площади перед местной мэрией встретило несколько тысяч жителей».

Скромные вложения в указанные проекты свидетельствуют в пользу утверждения, что турецкое присутствие на Западных Балканах мотивировано прежде всего геополитическими соображениями и что Турция все еще не готова к более значительным финансовым инвестициям. Причина такого подхода – в экономических и политических факторах: фрагментированности и раздробленности рынка, ненадежности рентабельности инвестиций, бедности, нестабильной, непредсказуемой политической обстановке и т. п. Эти утверждения весьма убедительно подтверждаются и

внешнеторговым оборотом БиГ с Турцией. В частности, объем товарооборота между Турцией и БиГ (2016-2019) больше чем в два раза ниже по отношению к объему товарооборота между Сербией и Турцией (2013-2018). Коэффициент покрытия импорта экспортом в 2016 году составлял 58,35%, а в 2019 – всего лишь 30,33%.

Если речь заходит о прямых турецких инвестициях, то они значительно больше в БиГ, чем в Сербии, и это совершенно понятно. Тем не менее, в этом месте надо отметить «чувство» босняцкого этноса к Турции и ее вложениям в обновление БиГ. «И в то время как на одной стороне в БиГ Турция воспринимается как дружеская и самая родная, в другой части БиГ ощущается сильное сопротивление Турции и ее инвестициям. До сих пор в БиГ вложено около 150 миллионов евро посредством 700 проектов обновления, в то время как сумма инвестиций превысила 100 миллионов евро. Одновременно, аналитики считают, что БиГ могла бы развиваться намного интенсивнее, если бы климат для инвесторов был благоприятнее, если бы шла работа над конкретными проектами, вместо того чтобы просить деньги, чем создается не внушающая уважение картина. Вкратце, эта «другая» часть БиГ воспринимает турецкие инвестиции как составной элемент неоосманизма и радикальных целей турецкой внешней политики.

Выводы

После сильного «землетрясения», постигшего в начале 90-х годов прошлого века Западные Балканы и разорившего бывшую СФР Югославию, это пространство приобрело новое геополитическое измерение, куда сложнее, чем оно было до «землетрясения» (1991). Кроме Словении, которая и не относится к Западным Балканам, все остальные государства на бывшем югославском пространстве, включая и Албанию, на сегодняшний день являются геополитическими субъектами с многочисленными внутренними проблемами, равно как и проблемами во взаимоотношениях. Среди них доминируют: 1) статус «Косово»; 2) территориальная организация БиГ, ее функциональность и членство в НАТО; 3) статус сербского этноса в Черногории и внутренние взаимоотношения в этой стране вообще; 4) албанский радикализм в Македонии и различные вопросы, касающиеся положения отдельных этносов, особенно сербского, противоречия с соседними странами относительно границ, македонского языка, статуса македонской православной церкви и т. п.; 5) сепаратистские стремления босняков в «Санджаке» и Албанцев в южной Сербии; 6)

неразрешенные вопросы в связи с статусом сербов и их прав в Хорватии, особенно на территории бывшей Республики Сербской Краины; б) спорные части границ между бывшими югославскими государствами и т. п.

Любое решение вышеуказанных проблем, особенно проблем статуса «Косово» и – возможно – новой территориальной организации БиГ, должно иметь опору в конституции Сербии и БиГ соответственно, а также в международно подтвержденных правовых документах, обязывающих международных соглашениях, как, например, в Резолюции Совета Безопасности ООН 1244 о Косово и Метохии и т. п. С другой стороны, эти большие геополитические вопросы и различные попытки нахождения их решения должны отражать компромисс интересов «Востока» и «Запада». В противном случае Западные Балканы останутся плацдармом для «игры силами» самых влиятельных геополитических акторов в глобальном и региональном масштабах, с крайне нежелательными для всех народов Западных Балкан последствиями. Наконец, идея о возможной реинтеграции географического пространства бывшей Югославии или большей ее части, в смысле создания какого-то нового объединения, которое имело бы атрибуты государственности, представляется более чем иллюзорной. С позиции реальных интересов всех бывших социалистических республик, а теперь независимых государств, такого интереса нет. Вопреки всем государственно-созидательным идеям о югославской общности, без реальной опоры во внутренних факторах, возможны – и уже существуют – приемлемые формы экономического и других направлений сотрудничества на межгосударственном уровне. Однако, эта возможная новая форма «государственности» на бывшем югославском пространстве могла бы быть в интересах некоторых иностранных геополитических факторов. Эту проблематику обсудим, может быть, в другом месте.

Литература

1. Ѓњато Р. Српске земље у савременим регионалним и глобалним процесима. // Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима. Географски факултет Универзитета у Београду, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци. Београд–Бања Лука. 2007. Стр. 7-11
2. Ѓњато Р. Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије // Зборник радова Трећег конгреса српских географа. Бања Лука: Географско друштво

Републике Српске, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци. 2011. Стр. 17–29

3. Гњато Р., Станоевич М. Современные геополитические процессы на пространстве Западных Балкан в контексте переопределения классической теории «центр–периферия». Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов обществоведов, 2015. № 4. С. 137–149

4. Гњато Р. Западни Балкан - изазови и поерспективе. // Зборник радова. Међународна научна конференција „Геополитички процеси у савременом евроазијском простору. Бања лука. 2017. Стр. 415-431

5. Грчић М. Проблеми културног идеентитета Балкана // Гласник. Географско друштво Републике Српске. Бањалука. 2013. Стр. 39-67

6. Дружинин, А, Ибрагимов, А, МутлуЭр, М. Взаимодействие России и Турции в меняющейся Евразии: тенденции, возможности, барьеры, приоритеты // I.Международный симпозиум Турецко-Российские Отношения в Пост-Советскую Эпоху. Сборник Материалов. Эгейский университет, Измир. 2020. Стр. 81-90

7. Мартынов В.Л., Дегусарова В.С., Сазанова И.Е. Географическое положение как ключевой фактор развития Боснии и Герцеговины, Известия Русского географического общества, Санкт-Петербург, Россия. 2020. № 6.

8. Попов Ч. Велика Србија. Стварност и мит. Шесто издање. Издавачка књижарница Зорана Стојановића. Сремски Карловци-Нови Сад. Стр. 1-347

9. Танасковић, Д. Неосманизам, повратак Турске на Балкан. Службени гласник Републике Српске. Бања Лука. 2010.

10. Gnjato R., Gajić M., Gnjato O. Muslims/bosniacs - a factor of turkish (neo-ottoman) influence in the Western balkans region // I.Международный симпозиум Турецко-Российские Отношения в Пост-Советскую Эпоху. Сборник Материалов. Эгейский университет, Измир. 2020. Стр. 217-229

11. Mrduljaš. S. Broj bošnjaka iz Bosne i Hercegovine u Turskoj. Mostariensia, 22 (2018.) 2, str. 149–162.

Сведения об авторах:

Райко Гњато, проф. д-р, Университет в Баня-Луке, Естественнно-математический факультет, РС, БиГ

E-mail: gnjator@pmfbl.org

Таня Мишлицки-Томич, доц. д-р, Университет в Баня-Луке, Естественнно-математический факультет, РС, БиГ

Rajko Gnjato, full professor, University of Banja Luka, Faculty of Natural Sciences and Mathematics, RS, B&H

Tanja Mišlicki Tomić, docent, University of Banja Luka, Faculty of Natural Sciences and Mathematics, RS, B&H

СТРАНЫ-ЭКСТРАВЕРТЫ И СТРАНЫ-ИНТРОВЕРТЫ**COUNTRIES-EXTROVERTS AND COUNTRIES-INTROVERTS**

Автор проводит аналогию между странами и людьми с их поведением и ценностями. Приводятся критерии, в соответствии с которыми страны можно относить к экстравертному или интровертному типу. Учитывается место на геополитической карте, площадь территории, направление движения туристских потоков, степень открытости экономики страны.

The author draws an analogy between countries and people with their behavior and values. The criteria according to which countries can be classified as extroverted or introverted are given. It takes into account the place on the geopolitical map, the area of the territory, the direction of tourist flows, the degree of openness of the country's economy.

Ключевые слова: страны, типы стран, геополитика, экстраверты, интроверты, открытость экономики.

Key words: countries, types of countries, geopolitics, extroverts, introverts, openness of the economy.

Любая страна является не просто территорией, имеющей конкретные границы, но и субъектом, имеющим свои ценности и даже поведение. Поэтому страны можно сравнивать с людьми, в чём и заключается основная идея данной статьи. Одним странам, как и людям, свойственно экстравертное поведение, другим – интровертное в разных ситуациях. По преимущественной ориентации можно выделять страны-экстраверты и страны-интроверты. Понимание вертности страны даёт возможность объяснить многие процессы, которые происходят как внутри конкретной страны, так и за её пределами, строить геополитическую стратегию взаимодействия с этой страной, использовать эту информацию в создании имиджа и брендов территории [1].

Понятия «интроверсия» и «экстраверсия» впервые были введены К.Г. Юнгом, который определял интроверсию как «поведенческий тип, характеризующий направленностью жизни на субъективное содержание» и экстраверсию как «поведенческий тип, характеризующий концентрацией интересов на внешних объектах»

[2]. Попытка переложить теорию К.Г. Юнга на конкретные территории была осуществлена А.В. Букаловым [3], однако, им не были выделены критерии базовых признаков К.Г. Юнга относительно стран, в частности вертности, что делает наше исследование актуальным. Из определения К.Г. Юнга логически вытекает то, что экстраверт больше фокусируется на внешнем мире, а интроверт – на внутреннем. Страны также имеют разную преимущественную ориентацию.

Место на геополитической карте. Подобно тому, как люди ориентируются на мир вне себя или на свой внутренний мир, страны уделяют преимущественное внимание внешней и внутренней политике. Одни страны являются субъектами геополитики (США, РФ, КНР, Германия, Великобритания), другие – объектами геополитики (Украина, Польша, Египет, Афганистан). Субъектами геополитики являются страны, осуществляющие деятельность, направленную на изменение геополитического пространства для обретения власти на различных территориях. Объекты геополитики и являются этими территориями. Они ведомы субъектами, подобно тому, как люди-интроверты ведомы более активными и инициативными – экстравертами.

Площадь территории. Если рассматривать развитие стран в ретроспективе, то заметно, у стран-экстравертов была постоянная необходимость в расширении территории, что повлияло на их размер. Например, площадь Российской Империи в 1914 году достигала 21,8 млн км². Страны гиганты (площадью более 3 млн км²), уже исходя из их размеров, можно отнести к экстравертам. Это Россия, Канада, Китай, США, Бразилия, Австралия, Индия. К странам-экстравертам можно также отнести большие страны (от 1 млн до 3 млн км²), отдельные значительные (от 500 тыс. до 1 млн км²) и средние страны (от 100 тыс. до 500 тыс. км²). К странам-интровертам – малые страны (от 10 тыс. до 100 тыс. км²), небольшие страны (от 1 до 10 тыс. км²), микросоударства (менее 1 тыс. км²), также отдельные значительные и средние страны, вертность которых можно определить в соответствии с другими перечисленными критериями.

Направление движения туристских потоков. Страны-генераторы туристских потоков имеют преимущественную ориентацию на другие страны, то есть показатели выезда из этих стран превышают показатели въезда в них (Германия, Япония, США, КНР, РФ, Великобритания). Мы можем считать это одним из

признаков экстраверсии страны. Страны, принимающие туристов, ориентированы больше на себя, то есть на внутренний туризм, въезд в них превышает выезд из них (Франция, Италия, Тайланд, Австрия, Греция, большинство островных государств). Их мы относим в соответствии с данным критерием к странам-интровертам.

Степень открытости экономики. Открытость экономики характеризуется рядом экономических показателей. В частности, Ю.Е. Шарпатова для определения типа страны по степени открытости экономики использует такие показатели как доля импорта в ВВП страны, доля экспорта в ВВП страны, индекс развития человеческого потенциала, доля объема иностранных инвестиций в ВВП [4]. К странам с наименьшими показателями открытости экономики, в соответствии с исследованием, Ю.Е. Шарпатовой, относится большинство стран Африки, Южной Азии, некоторые страны Америки (Колумбия, Куба, Гаити и др.), КНДР. Эти страны на мировой арене можно назвать интровертами. И, наоборот, Китай, США, РФ, Австралия, Великобритания, Япония отличаются высокими показателями открытости экономики, следовательно, мы относим их к странам-экстравертам.

Таможенная открытость страны. Ориентация страны во внешний мир определяется также юридическими возможностями беспрепятственного выезда из неё. Для определения этих возможностей целесообразно рассчитывать Индекс паспортов (Henley Passport Index, HPI), который учитывает ограничения в отношении действительных паспортов, выданных взрослому гражданину страны в стране гражданства, при условии поездки продолжительностью как минимум три дня. В 2020 году максимальный индекс был у Японии, которую можно назвать страной-экстравертом, а минимальный – у Афганистана [5]. Кроме HPI, нужно учитывать и юридическую открытость страны для иностранцев. У одних стран имеются минимальные визовые ограничения, а статистика отказов при получении виз минимальна (к примеру, Испания). У других – много визовых ограничений и отказов для других стран в получении виз (к примеру, Норвегия). Таким образом, можно выделить ряд ярко выраженных стран-экстравертов, являющихся субъектами геополитики, имеющими значительную территорию, высокую степень экономической и таможенной открытости, являющиеся генераторами туристских потоков. Это Китай, США, РФ, Австралия, Великобритания, Япония, Германия. К странам-интровертам относится не только

большинство стран Африки, островных государств, но и многие страны экономически развитых регионов. Критерии вертности стран, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Основные отличия стран-экстравертов от стран-интровертов

Критерии	Страны-экстраверты	Страны-интроверты
Место на геополитической карте	Субъекты геополитики	Объекты геополитики
Площадь территория	Страны-гиганты, большие страны, отдельные значительные и средние страны.	Малые страны, небольшие страны, микросоударства, отдельные значительные и средние страны.
Направление движения туристских потоков	Страны, генерирующие туристские потоки в другие страны.	Страны, принимающие туристов.
Степень открытости экономики	Высокая степень открытости, отдельные страны со средней открытостью	Низкая степень открытости, отдельные страны со средней открытостью
Таможенный фактор	Большинство стран мира не требуют подачи заявления на визу для граждан страны. Минимальные визовые ограничения, статистика отказов при получении виз минимальна.	Большинство стран мира требуют подачи заявления на визу для граждан страны. Много визовых ограничений и отказов для других стран в получении виз.

Они могут быть дополнены и оптимизированы. После выявления признака вертности, можно анализировать и другие дихотомии, информационные ценности стран, выявляя в итоге их психотипы.

Литература

1. Гуров С.А. Восприятие, образ, имидж, стереотип и бренд территории: сопоставление категорий / С.А. Гуров, В.А. Корцыгина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология, 2016. Т.2 (68). №2. С. 3-22.
2. Jung C.G. Memories, Dreams, Reflections // London: Fontana Press, 1995 pp. 414—415.
3. Букалов А.В. Интегральная соционика. Типы коллективов, наций, государств. Этносоционика // Соционика, ментология и психология личности, 1998. № 5. С.13-17.
4. Шарпатов Ю.Е. Классификация стран мира по степени открытости экономики // Современные научные исследования и

инновации. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/30452>.

5. Рейтинг паспортов мира 2020, индекс Henley Passport [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://basetop.ru/rejting-pasportov-mira-2020-indeks-henley-passport>.

Сведения об авторе:

Гуров Сергей Александрович, к.г.н. доцент, КФУ имени В.И. Вернадского,

E-mail: gurrov@mail.ru

УДК 911.3

Е.Е. Демидова, М.В. Козополянская
E.E. Demidova, M.V. Kozopolianskaia

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ)

GEOGRAPHICAL APPROACHES TO SOCIAL AND ECONOMIC WELL-BEING STUDYING (CASE STUDY OF SWEDEN)

Социально-экономическое благополучие рассматривается как сочетание субъективного благополучия (состояния удовлетворенности жизнью) с материальным благосостоянием. В статье представлен социо-географический подход к изучению общественного благополучия. Рассмотрены результаты исследований данного феномена в странах Скандинавского региона. На основе авторской методики выявлена территориальная дифференциация социально-экономического благополучия в Швеции.

Well-being is seen as a combination of subjective and material well-being. The article presents a socio-geographical approach to the study of public well-being. The results of studies of the phenomenon of well-being in the Nordic countries are considered. Based on the author's methodology, the territorial differentiation of socio-economic well-being in Sweden is revealed.

Ключевые слова: география благополучия, общественная география, социальное благополучие, Северные страны, Швеция.

Key words: geography of well-being, human geography, social well-being, Nordic countries, Sweden.

Социальное благополучие – объект исследования широкого ряда наук: от философии как формы познания мира, до психологии, социологии, экономики, политологии и многих других смежных дисциплин. Отдельное место в этом ряду занимает общественная география, позволяющая через исследования особенностей территориальной дифференциации благополучия глубже проникнуть в суть самого явления.

В научном сообществе нет единого подхода к определению термина «благополучие». Выделяются две наиболее распространённые концепции: 1) благополучие как неосозаемое явление, внутреннее состояние человека, *нематериальная ценность* [1]; 2) благополучие как *материальная состоятельность*, наличие и доступность материальных благ, синоним понятия «благосостояние». Для целей социально-географического исследования благополучия целесообразно использовать *комплексный подход, сочетающий как субъективное восприятие благополучия социумом, так и объективные данные уровня экономического развития страны и доступности благ внутри неё*. В рамках подобного комплексного подхода проводятся многие международные и национальные исследования (World Happiness Report[2], Better Life Index [3], Progress Index[4] и др.)

Среди стран-пионеров, где на государственном уровне поднята проблема социального благополучия, особое положение занимают Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия и Исландия. Достигнув безусловных экономических успехов, эти страны столкнулись с парадоксом развития: высокий уровень экономического благосостояния не сделал людей более счастливыми. Данный факт стал предпосылкой для крупного регионального исследования «In the shadow of happiness» [5] в странах Скандинавского региона, основанного на масштабных социологических опросах. По его результатам было выявлено, что более 12% населения региона оценивают уровень субъективного благополучия крайне низко, а сам уровень счастья распределяется крайне неравномерно. Наименее благополучными категориями стала молодежь (18 – 23 лет) и пожилые люди (старше 80 лет). Выявлена тесная взаимосвязь между уровнем субъективного благополучия и здоровья: физического и, особенно, ментального. При этом в наибольшей степени от проблем в психологической сфере страдает молодое поколение. Значительно меньшую роль в оценке субъективного благополучия играют материальные факторы

(уровень дохода и занятость). Однако среди группы населения с высоким доходом доля счастливых и удовлетворенных жизнью людей выше. Один из важнейших факторов, определяющих качество жизни – социализация: отсутствие социальных контактов крайне негативно сказывается на оценку субъективного благополучия. В целом, результаты исследования подтвердили предположение о неравенстве в уровне счастья даже внутри однородных социальных групп.

Case study Швеции. Парадокс сочетания материального «счастья» и нематериального неблагополучия наиболее остро проявляет себя в такой скандинавской стране как Швеция. По данным большинства международных исследований [например, 2-4] с конца XX в. по уровню удовлетворенности жизнью эта страна традиционно занимает лидирующие позиции. Однако при проведении таргетированных социологических исследований, обращается на себя внимания тот факт, что значимая часть общества Швеции (15%) оценивает уровень удовлетворения собственной жизнью как низкий и крайне низкий. Данные шведской статистики в сфере здравоохранения, свидетельствующие о высоком уровне употребления антидепрессантов, широком распространении социальных аддикций (алкоголизма, табакокурения и др.) только подтверждают неутешительные выводы соцопросов. Для ответа на вопрос о сложном «шведском счастье» принципиальное значение имеет анализ детерминант, определяющих социально-экономическое благополучие. Основываясь на международном опыте проведения тематически схожих исследований был определен ряд факторов (см. Табл. 1).

Таблица 1

Факторы и компоненты социально-экономического благополучия населения Швеции*

Факторы благополучия	Показатели
Уровень развития экономики, материальные блага	<ul style="list-style-type: none"> • ВРП на душу населения (долл. США) • Количество легковых автомобилей на 100 тыс. чел • Количество условного жилья (число объектов) на 100 тыс. чел, построенного за год
Уровень заработной платы и пенсионных выплат, трудовая занятость	<ul style="list-style-type: none"> • Валовая заработная плата за год (долл. США) • Валовый размер пенсионных отчислений за год (долл. США) • Доля безработных граждан (%)

Уровень образования	<ul style="list-style-type: none"> • Число граждан с высшим образованием на 100 тыс чел.
Ментальное здоровье	<ul style="list-style-type: none"> • Число пациентов с нервными расстройствами на 100 тыс. чел • Количество суицидов на 100 тыс. чел • Количество отравлений наркотическими средствами на 100 тыс. чел
Личная безопасность и долголетие	<ul style="list-style-type: none"> • Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) • Доля (%) населения, ощущающая угрозу собственной безопасности
Политическая активность	<ul style="list-style-type: none"> • Доля граждан, явившихся на выборы (%)
Состояние окружающей среды	<ul style="list-style-type: none"> • Выбросы CO₂ (тыс. т)

* Выбор показателей благополучия, иллюстрирующих вклад каждого из факторов, основывался на наличие статистических данных за базовый 2018 год и нужного уровня АТД (по административным районам Швеции - ленам). Из выборки исключались показатели, территориальная дифференциация которых была незначительна (например, уровень преднамеренных убийств).

Составлено по данным [7]

Для которых, в свою очередь, были выбраны показатели, отражающие уровень и/или качество соответствующего процесса или явления. Таким образом на основе предложенной схемы была разработана система, описывающая социально-экономическое благополучие население Швеции.

Применяя балльно-рейтинговый подход, был составлен комплексный индекс социально-экономического благополучия, ставший основой для составления географической картины благополучия регионов Швеции (см. Рис. 1).

Территориальная структура социального благополучия Швеции носит сложный мозаичный характер, далекий от предполагаемой дихотомии «благополучный юг – неблагополучный север». По уровню социально-экономического благополучия выделяются следующие районы Швеции:

1. «Благополучный центр» и «Благополучный юг». Высокие значения, приуроченные к крупнейшим агломерациям: Стокгольм (восточный анклав), Гётеборг (юго-запад) и Мальмё (юг). Высокоурбанизированные районы - инновационные центры, территории, обладающие выгодным ЭГП.

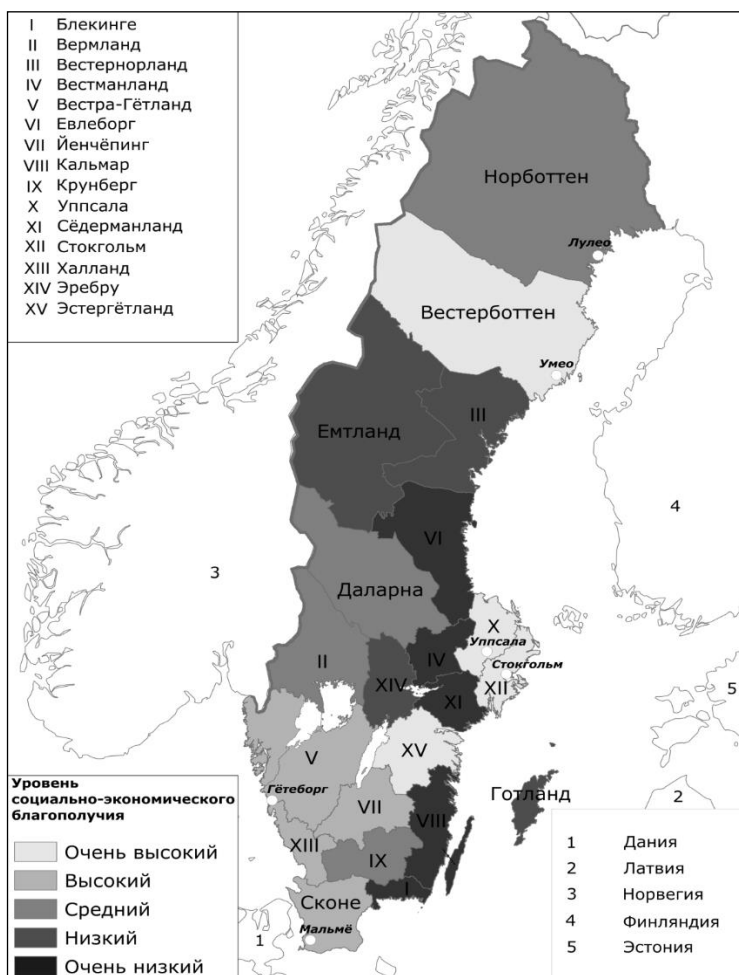

Рис.1. Территориальная дифференциация социально-экономического благополучия населения Швеции (Автор М.В. Козополянская)

2. «Умеренный центр». Лены со средним уровнем социально экономического благополучия. Индустриальный запад Центральной и Северной Швеции.
3. «Неблагополучный восток». Экстремально низкие значения — восточное побережье Южной, Центральной и Северной Швеции.

4. «Неблагополучный север». Северные лены со значением социально-экономического благополучия ниже среднего.

5. «Благополучий север». Северная Швеция — Норрботтен и Вестерботтен, на территории которых расположены крупные инновационные центры.

В число наиболее благополучных регионов Швеции ожидаемо вошли высокоурбанизированные территории (Столичный регион, ареалы агломераций Гётеборга и Мальмё (см. Рис 1). Это традиционные «места силы» страны, ее административные, культурные, научно-образовательные, торгово-финансовые и логистические центры. Показательно, что у данного процесса есть и негативный эффект. Благополучные территории «оттягивают» на себя потенциал развития с окружающих регионов, усугубляя и без того сложное положение последних (к которым относятся, преимущественно, старопромышленные районы, находящиеся в состоянии упадка или стагнации и ищущие новые векторы развития). Анализ полученных данных позволяет выделить фактор инновационности как один из важнейших, определяющих уровень социального благополучия. В случае наложения данного фактора на уже имеющиеся благоприятные социально-экономические условия, (что можно наблюдать в Столичном регионе, Южной и Западной Швеции), происходит системное усиление социально-экономического благополучия. При этом даже соло-воздействие фактора инновационности через проведение государственной политики, направленной на развитие сферы НИОКР (особенно на базе университетов), способно вывести отстающие регионы в лидеры. Подобная ситуация сложилась в северных ленах Швеции (Вестерботтен и Норрботтен), где менее, чем за 10 лет проведения программ развития университетской и научной среды (в частности, в г. Умео и г.Лулео) «отсталый» север превратился в «северную жемчужину».

Безусловно, эпидемия вируса Covid-19 внесла серьезные коррективы в картину социально-экономического благополучия Швеции. В наибольшей степени пострадали именно регионы-лидеры, характеризующиеся наибольшей плотностью населения. Таким образом, продолжение исследования и актуализация данных за 2020-2021 гг. позволит отследить направленность и динамику произошедших сдвигов в вопросе географии благополучия в Швеции – стране, которая выбрала свой особый путь в борьбе с пандемией.

Литература

1. Толковый словарь русского языка. / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. — Москва: ИТИ Технологии, 2003 — 944 с.
2. World Happiness Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://worldhappiness.report/ed/2020/>
3. Better Life Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.oecdbetterlifeindex.org
4. Social Progress Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.socialprogress.org/>
5. In the shadow of happiness — 2018 — P. 35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1236906/FULLTEXT02.pdf>
6. Organisation for Economic Co-operation and Development — How's Life in Sweden? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.oecd.org/statistics/Better-Life-Initiative-country-note-Sweden.pdf>

Сведения об авторах:

Демидова Елена Евгеньевна, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Географический факультет, моб. +7(916)341-69-09

E-mail: edemidova@geogr.msu.ru

Козополянская Маргарита Вадимовна, студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Географический факультет, +7(917) 587-57-08

E-mail: mkozopoljanskaya@mail.ru,

УДК 911.37:314.74 (450)

Д. С. Елманова
D. S. Elmanova

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ИТАЛИИ

GEOGRAPHIC ASPECTS OF MODERN CHANGES OF ETHNIC STRUCTURE IN FRANCE

Италия — страна с диверсифицированной структурой иностранного населения и со сверхвысокой миграционной мозаичностью, оказавшаяся в последнее время в центре миграционного кризиса. Сейчас в Италии происходит постепенное сглаживание миграционных контрастов, которые были свойственны ей в начале 2000-х гг.

Миграционная структура Италии в последние десятилетия подверглась значительной трансформации, связанной с постепенным вытеснением остальных иностранцев мигрантами из Румынии.

Italy is a country with a diversified structure of the foreign population and with very high migration diversity, experiencing migration crisis. Nowadays there is a gradual smoothing out of the migration contrasts in Italy that were common in the early 2000s. Migration structure of Italy has undergone a significant transformation in recent decades, associated with the gradual displacement of the remaining foreigners by migrants from Romania.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, Западная Европа, Италия.

Key words: migration, immigration, Western Europe, Italy.

В современном мире важность миграционных процессов и необходимость их изучения не подвергается сомнению. Европа всегда оставалась одним из основных «магнитов» для иммиграции. Миграционный кризис последних годов лишь усугубил и до этого существовавшие проблемы, обнажив множество различных изъянов недостаточной интеграции, ассимиляции и т. д.

Чтобы понять, какова структура иммиграционного населения на региональном уровне, выберем для более детального анализа одну из крупных европейских стран — Италию. Она относится к странам-псевдо-реципиентам и средне вовлечена в международный миграционный обмен. При этом Италия — государство с диверсифицированной структурой иностранного населения, со сверхвысокой миграционной мозаичностью, принимающее иммигрантов преимущественно из несоседних государств Европы и других регионов мира.

Источниками данных для исследования послужила статистическая служба Италии — Национальный институт статистики (L'Istituto nazionale di statistica [3]). Для формирования общего представления о неравномерности этнической структуры Италии рассмотрим расселение мигрантов по АТЕ третьего уровня (по номенклатуре территориальных единиц для целей статистики Европейского союза [4]) в абсолютных (численность мигрантов) и относительных значениях (доля мигрантов в общей численности населения).

Итальянская статистика одна из самых хороших в Европе, однако существует ряд особенностей, накладывающих ограничения на данное исследование. Во-первых, это выбор временных рамок для анализа. Самая ранняя дата для населения с подробной

разбивкой по странам происхождения — 1 января 2003 г., самая поздняя — 1 января 2020 г. Поэтому для исследования изменений выберем именно эти временные рамки. Во-вторых, за этот период (преимущественно в середине 2000-х гг.) произошла небольшая трансформация АД на уровне провинций, что повлияло на сбор статистических данных и их агрегацию.

Провинции в Италии достаточно сильно отличаются по численности населения: отношение по этому показателю между наиболее и наименее населёнными ячейками составило в 2002 г. 41 раз, а в 2019 г. — 52 раза. При этом аналогичный показатель для миграционного населения достиг 268 раз в 2002 г. и 170 раз в 2019 г. Таким образом, неравномерность размещения всего населения страны несколько возросла, тогда как миграционного населения — наоборот, сократилась за выбранный период.

Среди лидеров по абсолютной численности иностранцев в 2002 г. были такие провинции как Милан (170 тыс.), Рим (142 тыс.), Брешиа (63 тыс.), Турин, Виченца, Флоренция, Верона, Тревизо, Болонья и Бергамо. К 2019 г. они немного меняются местами, кто-то выходит на пределы десятки лидеров, однако тенденция остаётся неизменной — наиболее привлекательными регионами для мигрантов остаются крупнейшие агломерационные территории Италии, расположенные в северной части страны. Безусловно, это происходит при заметном росте числа мигрантов в абсолютных значениях: в Риме сейчас проживает 555 тыс. иммигрантов, в Милане — 488 тыс., в Турине — 222 тыс. Единственная южная провинция, которая значительно передвинулась вперёд, с 16 места в 2002 г. на пятое место в 2019 г., это Неаполь. Его миграционное население выросло с 23 тыс. до 136 тыс., т. е. почти в шесть раз.

Если рассматривать долю иностранного населения в общей численности населения АТЕ, то здесь в числе лидеров оказываются как те же провинции, что и для абсолютных значений: Милан (5,8 % в 2002 г. и 14,8 % в 2019 г.) и Брешиа (5,6 % и 12,5 %), так и те, которые не входили в десятку: Прато (5,5 % и 19,1 %), Модена (5,2 % и 15,6 %), Мантуя (5,0 % и 12,0 %). В 2002 г. провинции с максимальной долей иммигрантов были расположены во внутренней части северной Италии. Единственным исключением стала провинция Асколи-Пичено (5,4 % иммигрантов), выходящая к побережью Адриатического моря. В 2019 г. тенденция повышенной доли иммигрантов во внутренних частях северного региона в целом сохранилась. Однако произошёл небольшой сдвиг на юго-запад. К

ним также добавилась столичная провинция Рим (12,8 %) и провинция Империя (12,6 %). Немного неожиданным выглядит то, что опережающими темпами доля иммигрантов росла не в тех провинциях, где расположены крупнейшие города, а в средних городах, находящихся в зоне влияния крупнейших агломераций, особенно Миланской.

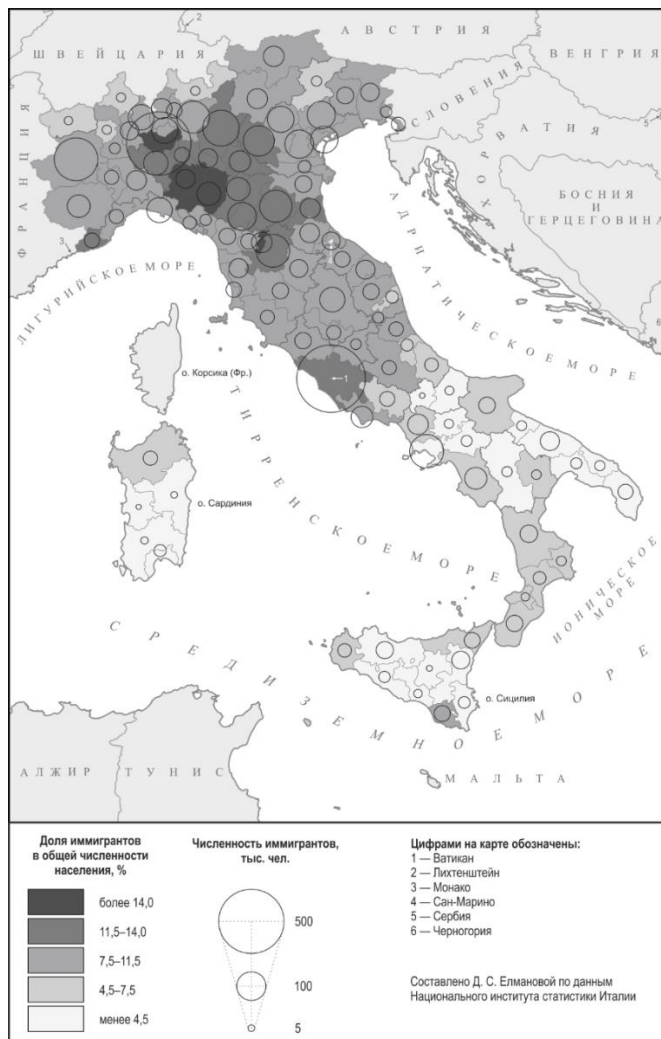

Рисунок 1. Расселение иммигрантов по провинциям Италии, 2019 г. Составлено автором по данным [3].

В 2002 г. Италию можно было назвать страной с небольшой долей иммигрантов в целом по стране (2,7 %) и со средними территориальными контрастами по провинциям: от минимума в Потенца (0,4 %), Энна (0,4 %), Ористано (0,4 %) до максимума в Милане (5,8 %). В 2019 г. рассматриваемый показатель на уровне всей страны достиг 8,8 %. При этом разница между максимальной и минимальной долей мигрантов немного сократилась. Наименьшая доля мигрантов наблюдается по-прежнему в южных провинциях и, особенно, на островах (минимум — 1,8 % в Южной Сардинии). Тогда как максимум — 19,1 % — в одной из самых маленьких по площади итальянских провинций — в Прато [2, 5].

С 2002 по 2019 гг. страны происхождения иммигрантов изменились не сильно. В лидерах по-прежнему остались такие государства как Албания, Индия, Китай, Марокко, Румыния, Филиппины, правда, поменявшись позициями в рейтинге. По доле среди всех иммигрантов стало заметно меньше албанцев (вместо первого места с 14,0 % они перешли на второе с 8,3 %) и марокканцев (с 13,9 % до 8,2 %), при значительном росте доли выходцев из Румынии (с 6,1 % до 22,8 %). Из десятки лидеров вышли такие государства как Перу, Сенегал, Сербия и Черногория, Тунис. Их места заняли Бангладеш, Египет, Пакистан и Украина.

Для подведения итогов в характеристике миграционной структуры итальянских провинций воспользуемся также индексом мозаичности национального состава Эккеля. Несмотря на то что изначально индекс был разработан для измерения национального состава республик, краёв и областей СССР [1], он наилучшим образом отражает мозаичность миграционного состава. В целом, для АТЕ Италии свойственны очень высокие значения данного коэффициента. Минимальные значения в 2002 г. приходились на провинции Трапани (0,42), Бриндизи (0,62), Рагуза (0,65), Катанзаро (0,74), Пистойя (0,77) и Матера (0,77). Практически все провинции, в которых в 2002 г. были такие низкие показатели, выровняли их со средним значением по Италии или даже превзошли его. Их место в 2019 г. заняли Прато (0,65), Агридженто (0,75), Кальтаниссетта (0,76), Турин (0,78) и Барлетта-Андрия-Трани (0,79).

Проведённое исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Наиболее привлекательными регионами Италии для иммигрантов остаются крупнейшие агломерационные территории, расположенные преимущественно в северной части страны. При

этом выше доля иностранцев во внутренних частях северного региона. Опережающими темпами доля иммигрантов росла не в тех провинциях, где расположены крупнейшие города, а в средних городах, находящихся в зоне влияния крупнейших агломераций, особенно Миланской.

2. В Италии происходит постепенное сглаживание миграционных контрастов, как за счёт рассредоточения по территории мигрантов, приехавших в страну некоторое время назад, так и за счёт более интенсивных миграционных процессов на юге, особенно в автономной области Сицилия.

3. Миграционная структура Италии подверглась значительной трансформации. Это связано с постепенным вытеснением, как в абсолютных, так и в относительных значениях остальных иммигрантов румынами. В результате большинство провинций потеряло свою «миграционную индивидуальность» и лишь немногим удалось её сохранить, например, провинции Прато, где преобладают китайцы.

Литература

1. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. — 1976. — № 2. — С. 33–39.

2. Ceccagno A. The hidden crisis: the Prato industrial district and the once thriving Chinese garment industry // Revue européenne des migrations internationales. — 2012. — Vol. 28. — № 4. — P. 43–65.

3. L'Istituto nazionale di statistica [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.istat.it/it/> (дата обращения: 15.11.2020).

4. NUTS — nomenclature of territorial units for statistics // Eurostat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/nuts/background> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Smyth G. J. R., French R. (ed.). Living outside the walls: the Chinese in Prato. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. — 308 p.

Сведения об авторах:

Елманова Дарья Сергеевна, к. г. н., с. н. с. кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, телефон: +79032155238

E-mail: elmanova@gmail.com

**ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ИНСТИТУАЛИЗИРОВАННЫХ НЕПРИЗНАННЫХ
ГОСУДАРСТВ****GEOGRAPHICAL POSITION OF INSTITUTIONALIZED
UNRECOGNIZED STATES**

Непризнанные государства – значимая часть современной территориально-политической структуры мира. Автором собрана информация о таких зонах ограниченной международной правосубъектности. Выявлены институализированные непризнанные государства, которые обладают рядом общих черт геополитического положения. Определен совокупный демографический потенциал непризнанных государств де-факто.

Unrecognized states are a significant component of the modern world territorial and political structure. The author has collected information about the zones of limited international recognition. The author identifies institutionalized unrecognized states that share several common features of their geopolitical position. The demographic potential of de facto unrecognized states is determined.

Ключевые слова: *непризнанное государство, политика, международные отношения, контроль над территорией, цивилизационный регион.*

Key words: *unrecognized state, polity, international relations, territorial control, civilization (as a region).*

На политической карте мира в настоящее время отображено несколько более 190 независимых государств. Число политий, фактически контролирующей территорию и обладающих многими признаками самостоятельного государства, но не признанных значительным большинством стран мира, ныне доходит до полутора десятков. Эти ареалы фактически выступают «серыми зонами» на современной политической карте. Они не имеют возможности легитимно и полноправно участвовать в международных отношениях, торговле, финансовой деятельности, выданные в них документы не имеют признания и широкого хождения, их резиденты

зачастую ущемлены в правах свободного перемещения по странам мира и владения имуществом в зарубежных странах.

В исследовании российского политолога и экономиста А.И. Неклессы такие политии получили название «зон транзитной государственности» [1], а в работе В.А. Колосова и Дж. О'Локлина – «институализированных псевдогосударств» [2]. Этапными трудами, в которых проводятся дефиниция и разграничение понятий, связанных с контролем государств над территорией и различными формами утраты такого контроля, стали работы Ф.А. Попова [3] и [4]. В известной работе А.Б. Себенцова и В.А. Колосова, посвященной неконтролируемым территориям, под государством де-факто понимается территория, над которой властями установлен полный контроль [5]. Эти власти выполняют все государственные функции по созданию и распределению благ, но суверенитет их политического образования не признан большинством государств мира.

В рамках данной исследовательской работы под непризнанным государством де-факто, или *институализированным непризнанным государством* (ИНГ), понимается (псевдо)государственное образование, отвечающее следующим критериям:

- 1) осуществляет фактический контроль над значительной частью декларируемой территории;
- 2) имеет собственные органы государственной власти (исполнительной, законодательной и судебной), избираемые населением или специальными комиссиями;
- 3) сформировало систему конституционных и правовых документов и актов, регламентирующих юридические отношения на собственной территории;
- 4) имеет собственные государственные символы (флаг, герб, гимн) и сформировавшуюся (или формирующуюся) идентичность, которой лояльно большинство населения;
- 5) безопасность и правопорядок полностью или частично контролируются собственными силовыми структурами – армией, полицией, ополчением или иными военизированными формированиями;
- 6) не имеет полноправного членства в ООН, а также дипломатического признания со стороны как минимум 1/4 государств – членов ООН, включая хотя бы одного члена Совета безопасности ООН.

Под эти критерии в начале 2021 г. подходят, по крайней мере, 13 политических образований (см. табл.1). Они расположены в Северном полушарии в поясе от 8° до 49° с.ш., из них 4 находятся в Европе, 3 – на Южном Кавказе, 4 – в остальной Азии и 2 – в Африке. Общая площадь ИНГ составляет около 330 тыс. км² (сопоставима с Вьетнамом или Малайзией), совокупный демографический потенциал – более 43,5 млн чел. (сравнимо с Алжиром, больше Польши, Канады; при этом 54% населения приходится на Тайвань). Интересно, что за последние несколько лет общая численность населения ИНГ почти не меняется, это следствие разнонаправленных демографических тенденций – роста населения в политиях одной группы (Палестина, Сомалиленд, Тайвань, Азад Кашмир) и сокращения в других (ДНР, ЛНР, ПМР и др.). Большинство ИНГ локализируются в геополитическом пограничье, на стыке культурно-цивилизационных пространств. О конфликтогенном потенциале этих зон красноречиво повествовал известный американский политолог С. Хантингтон [6]. Так, Нагорный Карабах, Косово, Северный Кипр расположены на стыке христианской и исламской цивилизаций, Сомалиленд – исламской и африканской, Азад Кашмир – исламской и индуистской. Непризнанные республики востока Украины, Приднестровье и в какой-то степени Абхазия с Южной Осетией лежат в европейско-евроазиатском «междумирье» [7, с. 27], в пределах контура наиболее явных геополитических интересов России. Единство цивилизационно-культурного фундамента, связывающего ИНГ и «материнское» государство (то есть государство, в состав которого «должно» входить это ИНГ, согласно международному праву) усматривается лишь в случаях Западной Сахары и Тайваня.

Таблица 1

Краткие сведения по институализированным непризнанным государствам

Название	Фактическая столица (население* в тыс. чел. в 2020 г.)	Контролируемая территория в начале 2021 г., тыс. км ²	Население*, тыс. чел. (оценка 2020 г.)
Республика Абхазия	Сухум (64)	8,7	245
Азад Кашмир (Азад Джамму и Кашмир)	Музаффарабад (150)	13,3	4 045
Донецкая Народная Республика (ДНР)	Донецк (928)	7,9	2 238

Китайская Республика (Тайвань)	Тайбэй (2646)	36,2	23 568
Республика Косово	Приштина (205)	9,7	1 743
Луганская Народная Республика (ЛНР)	Луганск (428)	8,4	1 426
Нагорно-Карабахская Республика (НКР) (Республика Арцах)	Степанакерт (57**)	3,2	147**
Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)	Тирасполь (127)	3,6	465
Государство Палестина	Рамалла (Рамаллах) (39)	2,7	5 039
Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР)	Тифарити (3)	50,0	40
Республика Сомалиленд	Харгейса (1200)	176,1	4 200
Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК)	Лефкоша (северная часть Никосии) (61)	3,4	372
Республика Южная Осетия (РЮО)	Цхинвал (32)	3,9	56
ИТОГО:		327,1	43 584

* Согласно официальным данным непризнанных государств.

** На 2018 г.

Перспективы ИНГ, как характерной черты геополитической структуры современного мира, сложно определить однозначно. С одной стороны, в текущий период заметно стремление к пересмотру принципов мироустройства, заложенных решениями Ялтинской и Потсдамской конференций. Кризис международных отношений, дестабилизация глобальной геополитической обстановки, радикализация повестки, дипломатические и торговые войны, отказ от прежних договоренностей, казавшихся ранее незыблемыми, дают шансы сторонникам пересмотра политической карты мира.

С другой стороны, влиятельные геополитические акторы в полной мере осознают опасность стратегии «отпускания вожжей» в деле легитимизации ИНГ из-за создания очередных прецедентов фрагментации государств. В последние годы хорошо заметна тенденция «усталости» от дипломатической поддержки политий, образовавшихся в результате сецессии. Например, еще в 2017 г. независимость Республики Косово признавали 111 членов ООН, в 2018 г. – уже 104, а в конце 2020 г. – только 98.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФ (грант №19-17-00232 «Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России»).

Литература

1. Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1997. – № 2. – С. 35–50.
2. Kolossov V., O’Loughlin J. Pseudo-states as harbingers of a post-modern geopolitics: The example of the Transdniestrian Moldovan Republic (TMR) // Geopolitics. – 1998. – № 3. – P. 151–176.
3. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 672 с.
4. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. – 2015. – № 2. – С. 64–73.
5. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. – 2012. – № 2. – С. 31–46.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва : Изд-во АСТ, 2017. – 640 с.
7. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географо-обществоведа). – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 268 с.

Сведения об авторе:

Дмитрий Викторович Заяц, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, г. Москва.

Dmitry Viktorovich Zayats, PhD candidate in geography, researcher of department of Geography of the World Economy in Lomonosov Moscow State University, associate professor of department of Economic and Social Geography named after V.P. Maksakovskiy in Moscow State Pedagogical University, researcher of Laboratory of Geopolitical Studies in Institute of Geography, Russian Academy of Sciences.

E-mail: dv.zayac@mpgu.su

МЕСТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В ЛИТВЕ

LOCAL POLITICAL MOVEMENTS AT THE MUNICIPAL ELECTIONS IN LITHUANIA

Одним из локальных ответов на современную стадию развития глобализации стала активизация местных политических движений. Авторы рассматривают этот процесс на примере общественных избирательных комитетов (ОИК) на муниципальных выборах в Литве в 2015 и 2019 гг. За две избирательные кампании ОИК приняли участие в выборах в 49 муниципалитетах из 60, а доля голосов за них выросла с 10,7% до 27,8%. Ключевыми факторами, определившими успешность ОИК стали центр-периферийный, степень фрагментации электорального пространства и роль лидера.

One of the local responses to the modern stage of capitalism development was the activation of local political movements. The authors examine this process using the example of Public Election Committees (PEC) in the municipal elections in Lithuania in 2015 and 2019. For four years, 49 out of 60 municipalities used this form of participation in the elections, and the share of votes for PEC increased from 10.7% to 27.8%. The key factors that determined the success of the PEC were the core-periphery, the degree of the electoral space fragmentation and the role of the leader.

Ключевые слова: *локализм, регионализм, местные политические движения, муниципальные выборы, постсоциалистические страны, Литва*

Key words: *localism, regionalism, local political movements, municipal elections, post-socialist countries, Lithuania*

Множество современных исследований в социальных науках посвящено последствиям глобализационной стадии развития мировой экономики: отмечаются тенденции к усилению контроля со стороны государств и крупных корпоративных структур (ТНК), растет значимость международных и наднациональных институтов (таких как ЕС, НАФТА, ВТО и др.) [1-4]. Эти процессы привели к повсеместной бюрократизации под контролем ограниченного круга организаций и элитарных групп, усилению несправедливого неравенства доходов и возможностей. Многие авторы сходятся, что

одним из важнейших ответов на растущую экономическую унификацию и политическую гомогенизацию стал рост социальной активности и сопротивления на региональном и местном уровне [5-8]. Несмотря на то, что для потоков людей, услуг, товаров и финансов расстояния сократились, значимость дифференциации формальных и неформальных культурных практик на местах приобрело большое значение. Таким образом, социально-экономические и политические процессы, протекающие на глобальном уровне, оказывают значимое влияние на избирательное поведение граждан на локальном уровне. Другими словами, электоральная география может выступать как анализ видимых проявлений политического выбора и стратегии в динамике мировой экономики [9].

Наблюдаемая по всему миру политическая неудовлетворенность многолетним статус-кво традиционных партий выражается на местном уровне в поддержке локальных электоральных альтернатив, не представленных на национальных выборах. Кроме того, неограниченные идеологией общенациональных политических партий местные политические силы могут лучше представлять особые потребности локального сообщества. Таким образом, они мобилизуют избирателей на противопоставлении между локальными и национальным интересами, развивая идеологию локализма, понимаемую как поддержку интересов своего сообщества и увеличение степени автономии на муниципальном уровне [10].

При изучении муниципальной электоральной география даже в большей степени, чем на национальном или региональном уровнях, необходимо учитывать культурный и институциональный контекст. Причины, по которым избиратели голосуют за местные электоральные альтернативы в одной стране, не могут быть однозначно перенесены в другую страну [11]. В данном исследовании авторы обращаются к недавнему опыту одной из постсоциалистических стран (Литвы), где в отличие от устоявшихся демократий Западной Европы партийно-политическая система и институциональные процедуры избирательного процесса нестабильны.

В 2014 г. Сеймом Литовской республики были внесены поправки в закон о выборах в муниципальные советы. Начиная с избирательной кампании 2015 г. в муниципальных выборах могут принимать участие *общественные избирательные комитеты* (ОИК). В соответствии с законодательством учредителями ОИК

могут стать только жители того муниципального образования, в котором он регистрируется. Количество членов ОИК должно минимум вдвое превышать количество мест в муниципальном совете. Прием документов на регистрацию ОИК Центральной избирательной комиссией начинается с объявления даты выборов в муниципальные советы и заканчивается за 85 дней до выборов. ОИК прекращает свое существование с окончанием избирательной кампании. Таким образом, важная особенность феномена ОИК – короткий жизненный цикл, что принципиально отличает их от постоянно действующих политических партий.

Уже на первых муниципальных выборах по обновленным правилам в 2015 г. приняли участие 51 ОИК в 29 муниципалитетах из 60, им удалось совокупно набрать 10,7% голосов избирателей и получить 114 мандатов из 1416. Через четыре года на выборах 2019 г. уже было представлено 87 ОИК в 47 муниципалитетах из 60, которые совокупно получили 27,8% голосов избирателей и 305 мандатов из 1442.

Авторами были проанализированы ключевые позиции, декларируемые в предвыборных программах 113 ОИК на муниципальных выборах в 2015 и 2019 гг. Несмотря на общую “локальность” и тематическую близость, их программы серьезно диверсифицированы – ОИК могут находиться на разных полюсах политического спектра. Однако, большинство ОИК стараются подчеркнуть свое внепартийное происхождение (отсутствие идеологической аффилиации с общенациональными партиями), делают акцент на развитии местных сообществ и вовлечении граждан в местное самоуправление.

Наиболее часто упоминаемые в предвыборных программах ОИК проблемы, которые они обязуются решить в случае прихода к власти коррелируют с общелитовской повесткой: развитие систем образования и здравоохранения, сохранение рабочих мест, создание условий для возвращения литовских эмигрантов и поддержка уязвимых слоев населения. Однако в программах есть и специфические особенности для подобных политических движений. Большой акцент сделан на вопросах оптимизации муниципального управления, среди которых преобладают требования увеличения прозрачности управления и полномочий органов местного самоуправления. Повышенное внимание уделяется и поддержке малого и среднего бизнеса как основных налогоплательщиков в муниципальный бюджет. Представители малого бизнеса зачастую

сами стремятся войти в местную власть, и таким образом иметь возможность регулировать ставки местных налогов [12]. Большое внимание уделяется и вопросам благоустройства территории, в том числе упор делается на сугубо локальных инфраструктурных проектах.

Круг выносимых в предвыборные программы вопросов с 2015 по 2019 гг. значительно расширился. Популярность набирают как общеевропейские тренды («зеленая» повестка, толерантность), так и тренды, характерные для локальных движений (повышенное внимание к вопросам развития городской среды, сохранению культурного своеобразия, формированию духа местного сообщества).

В 2015 г. наибольшую поддержку (30% и более) ОИК получили в крупных городах (Алитус, Каунас, Паневежис, Шяуляй) и преимущественно русскоязычном городе-атомщике Висагинасе, который в силу специфичности человеческого капитала по многим социально-демографическим характеристикам схож с крупными городами [13]. Среди других муниципалитетов значимый результат (более 10%) ОИК показали в Зарасайском, Мажекяйском, Плуңгеском, Пренайском, Расеняйском, Скуодаском, Шилальском, Шилутском, Юрбаркском районах, а также в городах Друскининкай и Клайпеда (рис.1А).

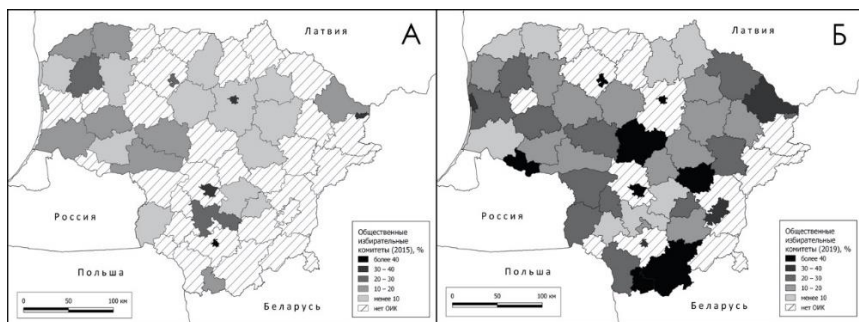

Рис 1. Уровень поддержки общественных избирательных комитетов на муниципальных выборах в Литве в 2015 г. (А) и в 2019 г. (Б), % (составлено авторами по [14])

В 2019 г. география участия и поддержки ОИК на муниципальных выборах значительно расширилась (рис. 1Б). В ряде муниципалитетов ОИК набрали больше половины голосов

(Друскининкай, Каунас, Шяуляй и Ширвинтский район), еще в восьми муниципалитетах ОИК набрали более 30% голосов (Алитус, Вильнюс, Клайпеда, Паневежис, Варенский, Зарасайский, Кедайнский, Пагегский районы). Таким образом, за две избирательные кампании лишь в 11 муниципалитетах местные жители не воспользовались возможностью создать ОИК. Это два периферийных, резко депопулирующих района с высокой долей пожилого населения, расположенных на севере и северо-востоке страны (Акмянский и Игналинский районы), где по причинам, требующим дальнейшего изучения, по-видимому, не сформировалось активное политическое поле. Далеко не все ведущие общенациональные партии, представленные в Сейме, выставляли здесь свои списки (только 4-5 партий). В депрессивном Швянченском муниципалитете фактор отсутствия на выборах ОИК – проживание польского национального меньшинства, которое по традиции голосует за свою этнопартию «Избирательная акция поляков Литвы» (ИАПЛ). Этнический фактор значим и в Шальчининкайском и Вильнюсском муниципалитетах, в ядре компактного расселения поляков, где ИАПЛ традиционно контролирует местную власть, стабильно получая более 50% голосов избирателей. Еще три муниципалитета, где не представлены ОИК — пригороды крупных городов (Алитусский, Каунасский, Шяуляйский), в которых активно протекают процессы субурбанизации, не способствующие консолидации местного сообщества (отчасти эта причина играет роль и в Вильнюсском районе). Особняком стоит Ретавский муниципалитет, расположенный на западе Литвы в Жемайтии, выделенный в 1999 г. из состава Плунгеского района. Причина отсутствия ОИК в данном кейсе, по-видимому, связана со значительной поддержкой местным электоратом партии «Либеральное движение» (около 50% голосов).

Наибольшего успеха ОИК добиваются в тех муниципалитетах, где они представлены сильным кандидатом на пост мэра, зачастую эти ОИК имеют в названии его имя (например, «Повилас Урбашис за список ВМЕСТЕ», «Беспартийный список Артураса Высоцкаса и т.д. и т.п.). В 2015 г. 4 представителя ОИК стали мэрами (один из них в 1 туре), а еще двое кандидатов уступили во 2 туре. В 2019 г. уже 12 кандидатов от ОИК стали мэрами (из них 4 в 1 туре), во 2 туре проиграли конкурентам еще 10 кандидатов.

Мэры-инкубенты, избранные ранее от общенациональных политических партий, и впоследствии разорвавшие с ними связь,

становясь беспартийными, создавали ОИК. А затем приводили его к успеху на выборах в муниципальный совет и переизбирались сами (например, Р. Шимашюс в Вильнюсе, В. Грубилаускас в Клайпеде, Ж. Пинскувене в Ширвинтском районе). Есть и другие примеры кандидатов, возглавившие списки ОИК и ставшие мэрами без партийного бэкграунда – городские активисты, бизнесмены (например, А. Висоцкас в Шяуляе и В. Матийошайтис в Каунасе).

ОИК как инновационный институт в избирательном процессе на муниципальном уровне в Литве постепенно обретает популярность. Безусловно, каждый случай участия ОИК имеет свою уникальную предысторию, связанную с локальным контекстом. Однако, мы можем отметить ряд закономерностей. Так крупные города, обладающие более молодым, активным и диверсифицированным социумом, быстрее адаптируются к этому нововведению, здесь на выборах одновременно принимают участие сразу несколько ОИК. Важное значение также имеет степень фрагментации электорального пространства, в тех случаях, где имеет место доминирование 1-2 политических сил, ОИК либо вовсе отсутствуют, либо их результаты остаются на уровне статистической погрешности. Фактор сильного лидера определяет степень успешности ОИК на выборах. Лучшие результаты демонстрируют те ОИК, чей лидер претендует на победу на выборах мэра.

Последующие муниципальные выборы в Литве способствуют более детальному изучению географических особенностей феномена местных политических движений в постсоциалистических странах и позволяют ответить на вопрос что они собой представляют: новый современный политический институт или лишь временную реакцию на кризис мировой политической системы в условиях корпоративной фазы развития глобализации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32284.

Литература

1. Agnew, J. (2018) *Globalization and Sovereignty: Beyond the Territorial Trap*, 2nd edition, Lanham MD: Rowman & Littlefield
2. Nugent, P. (1991) *The Government and Politics of the European Community*. Durham, NC: Duke University Press

3. Streeck, W. (2017) *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*, 2nd edition, London: Verso
4. Taylor, P.J. (2017) *The New Political Geography of Corporate Globalization*. *L'Espace politique* 32: 2017-2, 14 September, <http://espacepolitique.revues.org/4330> (дата обращения: 15.02.2021)
5. Cox, K.R. (1997) Spaces of dependence, spaces of engagement and the politics of scale, or: looking for local politics, *Political Geography* 17: 1-23
6. De Winter, L., Gomez-Reino, M. and Lynch, P. (Eds.) (2006) *Autonomist Parties in Europe: Identity Politics and the Revival of the Territorial Cleavage*, ICPS, Barcelona, Spain
7. Harvie, C., 1994. *The Rise of Regional Europe*. London: Routledge.
8. Keating, M. (1988), *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*, Edward Elgar, Aldershot, UK.
9. Flint, C. (2001) A TimeSpace for electoral geography: economic restructuring, political agency and the rise of the Nazi party. *Political Geography*. 20(3): 301-329
10. Otjes, S. (2018) Pushed by national politics or pulled by localism? Voting for independent local parties in the Netherlands, *Local Government Studies*, 44(3): 305-328
11. Reiser, M., Holtmann, E. (Eds.) (2008) *Farewell to the party model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften
12. Панов П. Локальная политика в разных измерениях // *Политическая наука*. 2008. № 3. с. 9-31
13. Baubinas R., Burneika D. (2001) Social consequences of closing the Ignalina NPP. *Geografija*. 37(1): 69-75
14. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Литвы. URL: <http://www.vrk.lt/> (дата обращения: 15.02.2021)

Сведения об авторах:

Зиновьев Андрей Станиславович – старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Туров Никита Леонидович – научный сотрудник отдела глобальных проблем, Институт научной информации по общественным наукам РАН

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

Чернецкий Федор Михайлович – студент 4 курса кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: fedor.chern@yandex.ru

Andrey S. Zinovyev – Senior Lecturer at the Department of Economic and Social Geography, St. Petersburg State University

Nikita L. Turov – Scientific Researcher at the Department of Global Problems, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS

Fedor M. Chernetskii – 4th year student at the Department of Socio-Economic Geography of Foreign Countries, Lomonosov Moscow State University

УДК 913

Медар-Таньга И., Делич Д., Гарич Б.
Medar-Tanjga I., Delić D., Garić B.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФУНКЦИИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРАХ РЕСПУБЛИК БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE FUNCTION OF PRESERVING CULTURAL IDENTITY ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLICS OF THE FORMER YUGOSLAVIA

В документе представлены различные подходы к организации защиты нематериального культурного наследия в республиках бывшей Югославии. Учитывая тот факт, что в этой области переплетаются народы, традиции и культуры, охрана культурного наследия чрезвычайно сложна и может привести к политическим импликациям. Есть отдельные элементы которые находятся под защитой одного государства, а местные общины соседних государств признают их тоже «своими». В документе даны рекомендации по многонациональным номинациям, которые охватывают всю географическую область, в которой встречается определенный элемент, что дает возможность для сотрудничества. Подчеркивается важность формирования национальных списков, в соответствии с которыми включение элемента в список ЮНЕСКО было бы лишь обновлением системных действий государства по защите своей культурной самобытности.

The paper presents different approaches in organizing the protection of intangible cultural heritage in the republics of the former Yugoslavia. Given the fact that peoples, traditions and cultures intertwine in this area, protection of cultural heritage is extremely sensitive and can lead to political implications. Separate elements are protected by one of the states, which local communities of

neighboring states recognize as "their own". In the paper recommendations are given for multinational nominations that would cover the entire geographical area in which a certain element occurs, which opens the possibility for cooperation. The importance of national lists was emphasized, whereby the entry of an element on the UNESCO list would only be an upgrade of the systemic action of the state on the protection of its own cultural identity.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, культурная идентичность, сохранение, ЮНЕСКО, республики бывшей Югославии.

Key words: intangible cultural heritage, cultural identity, preservation, UNESCO, republics of the former Yugoslavia.

Введение. Культурная идентичность подразумевает уникальность и аутентичность культуры, а также чувство принадлежности человека или социальной группы к этой культуре. Это набор характеристик идентичности (язык, традиция, религия, обычаи, история, право, мифология, фольклор, искусство), по которым один народ или социальная группа отличается от других [1]. Историческая память и правильное отношение к культурному наследию, в самом широком смысле, существенно влияют на формирование личности и идентичности человека [2]. Само понятие культурного наследия в последнее время приобрело дополнительные коннотации по сравнению с его прежним использованием. Он больше не ограничивается только элементами материальной культуры, но также относится к нематериальным элементам, что приводит к радикальному сдвигу парадигмы от объективной природы материальной культуры к субъективному опыту человеческого сообщества [3]. Именно в системе нематериального культурного наследия происходит наиболее значимое пересечение терминов идентичности и культурного наследия, поскольку нематериальное культурное наследие содержит ключевые данные об идентичности сообщества [4]. Эти термины приобрели явный политический характер с принятием 17 октября 2003 г. в Париже Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. Принцип культурного разнообразия и право на свободное выражение культурной самобытности являются основными ценностными критериями, продвигаемыми Конвенцией, и в этом смысле «защита нематериального культурного наследия находится на одном уровне с защитой прав человека» [5] и «можно считать крупнейшим проектом мирного времени с культурным знаком в новейшей истории» [6].

Под давлением глобализации и интенсивной мобильности населения, но также как следствие развития Интернет-коммуникации исчезают культурные и языковые различия [5, 7]. Это особенно касается небольших сообществ, которые основывают свою идентичность на этих особенностях. Народы, выживанию которых угрожают войны, стихийные бедствия и, как следствие, изгнание, основывают осознание идентичности своего сообщества именно на элементах нематериального культурного наследия. С другой стороны, народы, которые пользуются экономическим и социальным процветанием, сохраняют нематериальное культурное наследие как часть культуры, которая безвозвратно исчезает и, тем не менее, является важным компонентом их идентичности. Помимо глобализации и гомогенизации форм культурного самовыражения, т. е. идентичности, нематериальное культурное наследие угрожает тому, что существенно отличает его от его материального аналога – постоянным изменениям и эволюций [5]. Конвенция ЮНЕСКО была создана в ответ на эти процессы, а усилия по защите нематериального культурного наследия признаны в политике и стратегиях ЮНЕСКО в области культуры [8].

На сегодняшний день Конвенцию ратифицировали 180 держав, включая всех держав этой организации из Юго-Западной Европы [9]. Ратификация Конвенции в странах, подписавших ее, создала политическую и правовую основу для выявления, инвентаризации, сохранения и популяризации нематериального наследия, что включает в себя введение правовых, технических, административных и финансовых мер, которые могут улучшить и поддерживать эту защиту. На территориях, которые включают страны, возникшие в результате распада бывшей Югославии, эта задача является чрезвычайно сложной, поскольку в ней переплетаются народы, традиции и культуры, но осознание важности защиты не у всех на том же уровне. Чрезвычайно сложное, часто противоречивое, отношение к культурному наследию предполагает компромиссы, и не всегда возможно согласовать научные и административные требования, а также согласовать ожидания всех участников, участвующих в процессе его сохранения и защиты.

Методология. Исследование основано на количественном и качественном анализе подходов к нематериальному культурному наследию в странах, возникших в результате распада бывшей Югославии. В дополнение к тому факту, что он рассматривается в

Конвенции ЮНЕСКО, была проанализирована сложная система институциональной компетенции в отдельных государствах. Анализ законодательства указывает на тот факт, что различия, связанные с институтами, были перенесены в правовую базу, и это неравенство проявилось в количестве элементов в национальных списках и элементов, находящихся под защитой ЮНЕСКО. Конкретные примеры показывают нелогичность системы защиты ЮНЕСКО, вызванную понятием культурного наследия в концепции, которая устанавливает административные границы выше ареальных границ. Элементы, обнаруженные в нескольких странах, были выделены и охраняются только одним государством. Даются рекомендации по преодолению нелогичности через многонациональные номинации, которые охватывают всю географическую область, в которой встречается определенный элемент. Кроме того, была подчеркнута важность формирования национальных списков и организации защиты на государственном уровне, при этом включение элемента в список ЮНЕСКО было бы лишь обновлением системных действий каждой отдельной общины по защите своей культурной самобытности.

Оценка состояния и проблем. Правовая охрана нематериального культурного наследия в странах бывшей Югославии организована в различных институциональных и правовых рамках. Распад бывшего государства повлиял на формирование независимой политики, что повлекло за собой разное количество институтов и правовых актов на уровне отдельных государств, но также привело к разному количеству охраняемых элементов либо в национальных списках, либо в списке ЮНЕСКО. Общим для всех проанализированных стран является ратификация Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. Первой страной, подписавшей Конвенцию, стала Хорватия в 2005 году. Год спустя Северная Македония ратифицировала Конвенцию. Словения и Босния и Герцеговина подписали Конвенцию одновременно, в 2008 году. Среди последних стран, подписавших Конвенцию, были Черногория (2009 г.) и Сербия (2010 г.). Одним из основных направлений деятельности по охране нематериального культурного наследия, требуемого Конвенцией, является формирование правовой основы для защиты, которая находит свое отражение в создании институтов, которые будут заниматься защитой и определять законы, которые будут регулировать процесс защиты.

Зонтичные учреждения, отвечающие за защиту нематериального культурного наследия во всех странах, кроме Боснии и Герцеговины, являются министерствами культуры. Компетенция министерств проистекает из определенных секторов и служб по координации процесса исследования, регистрации и защиты, а компетенция иерархически сводится к учреждениям более низкого ранга (в основном музеи). Количество и тип учреждений более низкого уровня варьируется от страны к стране. В Словении, помимо Министерства культуры вовлечены и Координаторы по охране нематериального культурного наследия, Институт защиты нематериального культурного наследия, а также государственные и уполномоченные музеи. В Хорватии в области охраны действуют Хорватская комиссия по сотрудничеству с ЮНЕСКО, Комиссия по нематериальному культурному наследию и Служба движимого, этнографического и нематериального культурного наследия. В Сербии создана Национальная сеть по сохранению нематериального культурного наследия. Эта сеть состоит из нескольких учреждений: Национального комитета нематериального культурного наследия, Центра нематериального культурного наследия Сербии, Сети региональных координаторов по охране нематериального культурного наследия Сербии и Комиссии по регистрации в Национальном реестре нематериального наследия. В Черногории учреждениями более низкого ранга являются Управление по защите культурного наследия и Сектор по установлению защиты культурного наследия, а в Северной Македонии Управление по охране культурного наследия, в составе которого находится Департамент нематериального культурного наследия. Здесь важно подчеркнуть комплексный подход Боснии и Герцеговины к организации институциональной защиты нематериального культурного наследия, обусловленный сложной государственной системой (две политико-территориальные единицы – энтитеты). Зонтичное учреждение в Министерстве по гражданским делам представлено Государственной комиссией по сотрудничеству с ЮНЕСКО, роль которой заключается в связывании ЮНЕСКО с учреждениями энтитетов. На уровне энтитетов в качестве учреждений более низкого уровня действуют компетентные министерства: в Республике Сербской – Министерство образования и культуры через Комиссию по нематериальному культурному наследию, а в Федерации Боснии и Герцеговины – Федеральное министерство культуры и спорта. Полномочия в Республике

Сербской переводятся на другой более низкий институциональный уровень, в частности, в Департамент нематериальной культуры в Музее Республики Сербской. В Федерации Боснии и Герцеговины компетентные министерства на кантональном уровне имеют более низкий уровень полномочий (всего их десять). Разделение компетенций на уровни энтитетов (и кантонов) замедляет процесс формирования национального списка Боснии и Герцеговины, который состоит из списков энтитетов. Чередующееся ежегодное выдвижение элементов в список ЮНЕСКО организациями еще больше замедляет и усложняет защиту нематериального культурного наследия.

Основа правовых норм, определяющих процесс защиты нематериального культурного наследия в большинстве проанализированных стран, основана на законах об охране культурных ценностей и более подробно определяет правила, правила процедуры и решения. Нет данных о том, как охрана нематериального культурного наследия встроена в законодательство отдельных стран. Ситуация специфична в Боснии и Герцеговине, где правовой основой являются правовые акты энтитетов и кантонов. Из-за сложной государственной системы, согласно которой культура находится в юрисдикции энтитетов, не существует единого закона, регулирующего защиту нематериального культурного наследия на уровне всей Боснии и Герцеговины. Наихудшее регулирование, когда речь идет о правовой базе, в Сербии, где готовится новый Закон о культурном наследии, а действующее законодательство – это Закон о ратификации Конвенции и ряд нормативных актов.

Различные подходы к организации защиты нематериального культурного наследия нашли отражение в количестве охраняемых элементов в национальных списках, а также в списке ЮНЕСКО (Табл. 1).

Анализ количества охраняемых элементов нематериального наследия в национальных списках и в списке ЮНЕСКО приводит к выводу, что Хорватия придерживается наиболее серьезного подхода к охране с наибольшим количеством элементов (национальный список – 182, ЮНЕСКО – 17).

Эффективность системы защиты заметна и в Словении, которая по результатам исследования уступает Хорватии (национальный список – 87, ЮНЕСКО – 4). Северная Македония также серьезно подошла к защите нематериального культурного

наследия с точки зрения года ратификации Конвенции (2006 г.) и количества элементов в списке ЮНЕСКО (5).

Таблица 1

Количество элементов нематериального культурного наследия, включенных в национальные списки и списки ЮНЕСКО

Страна	Количество элементов в национальных списках	Элементы включены в список ЮНЕСКО
Босния и Герцеговина	35 (Республика Сербская – 22 Федерация Боснии и Герцеговины – 13)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Техника вышивки «Змияње» (2014 г.) 2. Резьба по дереву в г. Коњице (2017 г.) 3. Сбор дубровникана (трава Ива) на горе Озрен (2018 г.) 4. Обычай соревнований по покосу травы в Купресе (2020 г.) [10]
Словения	87	<ol style="list-style-type: none"> 1. Представление Страстей Христовых в Шкофья-Лока (2016 г.) 2. Традиция курентованья – шествие карнавальных масок (курентов) от дома к дому (2017 г.) 3. Кружевоплетение на коклошках в Словении (2018 г.) 4. Искусство сухой каменной кладки, знания и техники (2018 г.) [11]
Хорватия	182	<ol style="list-style-type: none"> 1. Двухголосное пение и игра в истрийской гамме (2009 г.) 2. Традиционное производство детских деревянных игрушек в Хрватско Загорье (2009 г.) 3. Весеннее шествие Льелье/Кралице (королев) из Горяна (2009 г.) 4. Шествие «За Крижен» (за крестом) на острове Хвар (2009 г.) 5. Кружевоплетение в Хорватии (2009 г.) 6. Праздник Святого Власия, покровителя г. Дубровник (2009 г.) 7. Ежегодный карнавальный праздник звонарей из Каставской области (2009 г.) 8. Синьская алка – рыцарский турнир в г. Сине (2010 г.) 9. Пряники из Северной Хорватии (2010 г.) 10. Пение Ойканье – пение на два голоса в внутренней Далматии (2010 г.) 11. Немое коло – «молчаливый» хороводный танец материковой Далмации (2011 г.) 12. Бечарац – инструментально-вокальный жанр (2011 г.) 13. Полифоническое пение «клапа» в Далмации (2012 г.) 14. Средиземноморская диета (2013 г.) 15. Эко-музей «Дом Батана» – проект местного сообщества по охране живой культуры г. Ровинь (2016 г.) 16. Меджимурска попевка – народные напевы Меджимурья (2018 г.) 17. Искусство сухой кладки, техника и знания (2018 г.) [12]
Сербия	51	<ol style="list-style-type: none"> 1. Слава – праздник святого покровителя семьи (2014 г.) 2. Коло – традиционный народный танец (2017 г.) 3. Пение под аккомпанемент гуслей (2018 г.) 4. Производство глиняной посуды в деревне Злакусе (2020 г.) [13]

Черногория	17	-
Северная Македония	-	<ol style="list-style-type: none"> 1. Праздник сорока святых мучеников в г. Штипе (2013 г.) 2. Копачката – традиционный народный танец из региона Пиянец (2014 г.) 3. Гласочко – мужское двухголосное пение в области Долни Полог (2015 г.) 4. Хидрелез – весенний праздник (2017 г.) 5. Мартинка – культурные традиции, связанные с 1 марта (2017 г.) [14]

Количество охраняемых элементов в национальном списке в настоящее время неизвестно и не подлежит анализу. Сербия была последней, кто подписал Конвенцию (2010 г.), но она компенсировала задержку эффективными действиями, так что 51 элемент включен в национальный список, находящийся под защитой, а 4 под защитой ЮНЕСКО. Босния и Герцеговина с ее сложной государственной системой, а значит, и институционально-правовая база отстают от окружающих стран. Количество охраняемых элементов в списке ЮНЕСКО удовлетворительное (4), однако количество элементов в национальном списке является одним из самых низких (35). Наихудший статус защиты имеет Черногория, национальный список которой содержит всего 17 элементов, и все еще нет элементов, находящихся под защитой ЮНЕСКО.

Защита нематериального культурного наследия в странах бывшей Югославии вызывает крайне острые споры, связанные с созданием и поддержанием идентичности. В процессе принятия и реализации этой Конвенции, не было ни одного серьезного обсуждения на понимании культурного наследия в концепции, которая устанавливает административные границы над ареальными границами, которые являются несомненной категорией научных дисциплин, основанных на явлениях традиции и народной культуры. Самый деликатный вопрос, который возникает в таком контексте, это вопрос о политических последствиях, вызванных выдвиганием тех элементов наследия, которые мы находим в нескольких государствах и которые охраняются только одной страной. Мы находим такие случаи среди охраняемых ЮНЕСКО элементов в странах бывшей Югославии, существование которых не ограничивается определенной, четко определенной географической зоной. Так, например, элементы «Пение Ойканье» и «Немое коло», охраняемые Хорватией, безусловно, присутствуют в Боснии и Герцеговине, а «Бечарац» в Сербии. Из четырех элементов, которые

Сербия поставила под защиту, три находятся на территориях других стран. Сербское население Боснии и Герцеговины, которое является одним из трех составляющих народов, празднует «Слава» как один из важнейших элементов своей культурной и этнической идентичности. «Пение под аккомпанемент гуслей» широко представлено в Черногории и Боснии и Герцеговине, а элемент «Коло» в том виде, в котором он защищен Сербией, можно найти во всех странах бывшей Югославии. Таких ситуаций можно избежать с помощью многонациональных номинаций, когда все страны, на территории которых появляется элемент, будут в равной степени участвовать в файлах номинаций. Хотя и есть такие элементы, которые до сих пор находились под защитой, они защищены не всеми странами, в которых они встречаются. Таким образом, Словения и Хорватия защитили от стран бывшей Югославии (наряду с Францией, Грецией, Италией, Испанией и Швейцарией) как общий элемент «Искусство сухой каменной кладки, знания и техники», который связан с карстовыми зонами, поэтому он практикуется и в Боснии и Герцеговины и Черногории. «Средиземноморская диета» как номинация нескольких стран (Кипр, Испания, Греция, Италия, Марокко, Португалия), среди которых Хорватия не включает Словению и Черногорию, которые также могут быть частью этого файла номинации. Элемент «Хидрелез» имеет особую историю, обычай, который изобилует действиями для защиты, здоровья и плодородия, узнаваемыми во всем регионе. С самого начала идеи, Турция, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Хорватия, Северная Македония, Румыния, Молдова и Болгария участвовали в первоначальном процессе номинации, но Босния и Герцеговина, Черногория и Болгария, а затем Сербия, Румыния и Молдова, поэтому элемент «Хидрелез» в 2017 году охраняли только Северная Македония и Турция. Во всех вышеупомянутых случаях существуют ситуации, в которых обсуждается «присвоение» чужой культуры и, следовательно, элементов чужой культурной идентичности. Необходимо подойти к этой проблеме по-другому, учитывая тот факт, что различные проявления нематериального культурного наследия можно найти по всем сторонам государственных границ, что открывает возможности для сотрудничества. Многонациональные номинации, в которых будут участвовать все страны, в которых присутствуют элементы наследия, окажут положительное влияние на культурное сотрудничество. Распознать точное географическое пространство, в

котором один элемент появляется, означает признание самой природы культуры, ее подвижность и способности адаптироваться к различным контекстам. Увидевший проблему, которая возникла с номинациями, в которых участвуют не все носители того или иного элемента культуры, ЮНЕСКО решила инициировать механизмы поощрения многонациональных номинаций. Такой подход понятен, если принять во внимание тот факт, что культура не знает границ, что люди перемещаются и перемещаясь со собой несут и некоторые элементы своего нематериального наследия.

Заключение. В профессиональной и правовой сфере защиты нематериального культурного наследия во всех государствах, созданных распадом Югославии, правовая защита и статус нематериального культурного наследия становятся сложной проблемой, когда профессия и законодательство иногда вступают в конфликт. В дополнение к недостаткам институтов, законодательства, культурной политики и стратегий, а зачастую и человеческих ресурсов, новообразованные государства сталкиваются с чрезвычайно сложной задачей: как в целях реализации Конвенции, определить свое нематериальное культурное наследие из-за его бурной истории, миграций, этнических и конфессиональных расслоений и сплетений признаются «своими» и локальными общинами соседних государств. Принято считать, что целью всего этого процесса является включение ЮНЕСКО в Репрезентативный список всемирного нематериального наследия. Это может быть конечным результатом, но надо иметь в виду, что из-за большого числа подписавших стран количество номинаций ограничено. Включение элементов, которые являются неотъемлемой частью культурной самобытности сообщества, в национальные списки нематериального культурного наследия должно быть основной целью каждой страны участниц Конвенции. Охрана определенных областей нематериального культурного наследия подразумевает привлечение экспертов различного профиля, и в этом смысле научные учреждения действуют как неизбежные партнеры. Только исследования и документирование, а особенно написание и публикация научных и профессиональных статей, могут считаться передовой практикой сохранения наследия с целью признания и обоснования его репрезентативных ценностей. Этот процесс, безусловно, должен сопровождаться конкретными мерами защиты с точки зрения заботы государства о действующем представительстве и обеспечения условий для его сохранения и передачи. Кроме того,

необходимо подчеркнуть хорошие возможности нематериального культурного наследия для устойчивого социального и экономического развития, когда социальный аспект достигается за счет укрепления чувства общей культурной самобытности и солидарности с другими членами сообщества, а экономический аспект развития может реализовываться в виде туристических программ. В этом отношении выполнение Конвенции следует рассматривать как возможность организовать заботу о культуре и традициях как систематический и долгосрочный процесс, постоянно повышая осведомленность о важности такой работы.

Благодарность. Этот документ является результатом исследовательского проекта "Культурная идентичность – реальность через научное видение" (19.032/961-73/19), его носителем является Естественно-математический факультет Университета Баня-Луки. Координатор: доктор наук Ирена Медар-Таньга. Проект финансируется Министерством развития науки и технологий, высшего образования и информационным обществом правительства Республики Сербской

Литература

1. Трифуновић В. Културни идентитет и проевропске вредности: разлози за дијалог // Школа као чинилац развоја националног и културног идентитета и проевропских вредности: образовање и васпитање – традиција и савременост, 2012, с. 19–30.
2. Kowalska S. Legal Protection of the Intangible Cultural Heritage// SOCIETAS ET IURISPRUDENTIA, vol. II, 2014, pp. 79–95.
3. Срећковић С. Идентитет у контексту разумевања културног наслеђа// Гласник етнографског музеја, књ. 76, 2012, с. 175–182.
4. Kasapoğlu Akyol P. (2018). Convention For The Safeguarding of The Intangible Cultural Heritage: Experience of Turkey, In R. Dorczak, R. Lenart-Gansiniec, C. Ruggiero, & M. Ali Icbay (Eds.), Research and Development on Social Sciences (pp. 451–458) Jagiellonian University Institute of Public Affairs.
5. Живковић, Д. Имплементација Конвенције о очувању нематеријалног културног наслеђа у Републици Србији // Нематеријално културно наслеђе Србије, бр. 1, 2011, с. 22–25.
6. Миленковић М. Повратак наслеђу. Оглед из примењене хуманистике. Београд: Универзитет у Београду – Филозофски факултет, Одељење за етнологију и антропологију, 2016, 157 с.
7. Драча Мунтеан А. Потврђивање и имплементација Унескове конвенције о нематеријалном културном наслеђу у Републици Србији // Нематеријално културно наслеђе Србије, бр. 1, 2011, 26–27.

8. Медар-Танџа И., Пандуревић Ј., Панић-Кашански, Д. Нематеријално културно наслеђе. Бања Лука: Филолошки факултет, Универзитета у Бањој Луци, 2017, 348 с

9. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. The States Parties to the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2003), [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/states-parties-00024> (дата обращения: 25.01.2021).

10. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Bosnia and Herzegovina and the 2003 Convention, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/state/bosnia-and-herzegovina-BA> (дата обращения: 25.01.2021).

11. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Slovenia and the 2003 Convention, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/state/slovenia-SI> (дата обращения: 25.01.2021).

12. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Croatia and the 2003 Convention, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/state/croatia-HR> (дата обращения: 25.01.2021).

13. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Serbia and the 2003 Convention, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/state/serbia-RS> (дата обращения: 25.01.2021).

14. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. North Macedonia and the 2003 Convention, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/state/north-macedonia-MK> (дата обращения: 25.01.2021).

Сведения об авторах:

Ирена Медар-Танџа, доктор географических наук, доцент, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина),

E-mail: irena.medar-tanjga@pmf.unibl.org

Драгица Делич, магистр географии, ассистент, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина),

E-mail: dragica.delic@pmf.unibl.org

Бојан Гарич, диплом бакалавра географии, преподавателя географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина),

E-mail: bojan.garic@student.pmf.unibl.org

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ПОГРАНИЧНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОГО ИНДЕКСА В
ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ
УКРАИНЫ**

**USE OF COEFFICIENT OF BORDERLINE DIFFERENTIATION
AND REGIONAL INDEX IN RESEARCH OF ELECTORAL
GEOGRAPHY OF UKRAINE**

В статье рассматривается применение коэффициента пограничной дифференциации и регионального индекса для анализа территориальной электоральной структуры Украины на основе результатов выборов в Верховную раду Украины в 2014 и 2019 гг. Представлены методы расчёта показателей, их достоинства и недостатки и результаты их комплексного использования.

The article considers the application of coefficient of borderline differentiation and regional index to analyze the territorial electoral structure of Ukraine based on the election results of Verkhovna Rada in 2014 and 2019. Methods for calculating indicators are presented. The results of the integrated use of both indicators are shown.

Ключевые слова: электоральная география, Украина, математические методы, территориальная электоральная структура.

Key words: electoral geography, Ukraine, mathematic methods, territorial electoral structure.

Среди географов-обществоведов сохраняется интерес к электоральной географии Украины. Традиционно основное внимание уделяется так называемому электоральному расколу – четкому выделению двух электоральных регионов – Юго-Востока и Запада. Юго-Восток в рамках данного подхода – это регионы, где на президентских и парламентских выборах население традиционно поддерживало сначала условно пророссийскую Партию регионов, позже – партии, ориентированные на сохранение и развитие отношений с Российской Федерацией (входящие в так называемый бело-синий лагерь). Запад представлен регионами, где условно проевропейские партии (оранжевый лагерь) пользовались серьёзной

поддержкой. По мнению большинства экспертов, регионы окончательно сложились после президентских выборов 2004 г., прошедших в «несколько» туров и сопровождавшихся серьёзной политической поляризацией. Именно с того времени результаты украинских выборов интерпретируются в контексте борьбы двух «Украин» друг с другом. В пределах Запада и Юго-Востока также выделялись субрегионы, такие как Галичина и Донбасс. После событий 2013-2014 года территориальная электоральная структура трансформировалась вместе с партийной системой. Победа в марте-апреле 2019 года на президентских выборах Владимира Зеленского, а в июле 2019 – пропрезидентской центристской «Слуги народа» дали основания полагать, что биполярная территориальная электоральная структура ушла в прошлое.

Задачей нашего исследования было подтверждение этой тенденции или ее опровержение. В данной статье представлены результаты анализа электоральной ситуации на выборах в Верховную раду Украины в 2014 и 2019 годах. Для анализа территориальной электоральной структуры мы использовали коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс, разработанные А.Ю. Зимохой для сравнительных исследований [2]. Мы считаем, что их использование оправдано и на страновом уровне, особенно если речь идёт о так называемых «расколотых» странах, имеющих устойчивые и территориально выраженные электоральные расколы (Украина, Бельгия, Румыния, Польша, Португалия, Аргентина и др.).

Начнём с коэффициента пограничной дифференциации (КПД). Его смысл состоит в демонстрации того, насколько отличаются результаты голосования по всем партиям в двух соседних территориальных ячейках. Ниже приведена формула 1 для его расчёта:

$$\text{КПД} = \frac{\sum |P[i, m] - P[j, m]|}{2} \quad (1)$$

Где $P[i, m]$ – доля голосов, полученных партией m в территориальной ячейке i , $P[j, m]$ – доля голосов, набранных ей же в соседней ячейке j . Его значение меняется от 0 (результаты выборов абсолютно идентичны) до 1 (результаты выборов полностью отличаются). Значения коэффициента не будут достигать серьёзных значений при высоком уровне национализации партийной системы, но ситуация меняется, если речь идёт о региональных движениях [2, с. 40]. Коэффициент удобен, поскольку, его расчёт не зависит от

числа партий, регионов и характера границ. Это отмечает сам автор, разработавший его – А.Ю. Зимоха [2, с. 39]. КПД позволяет выявить границы между политически обособленными регионами, но не даёт полного представления о территориальной электоральной структуре.

Региональный индекс (РИ) выполняет другую задачу. Он отражает то, насколько результаты выборов в территориальной ячейке отличаются не от соседней ячейки, а от результатов в целом по стране. Формула 2 для его расчёта приведена ниже:

$$РИ = \frac{\sum \left| \frac{P[m, i]}{P[m]} - 1 \right|}{n} \quad (2)$$

Где $P[m, i]$ – доля голосов, набранных партией m в территориальной ячейке i , $P[m]$ – доля голосов, полученных ей по стране в целом, n – число партий, по которым ведётся подсчёт. РИ меняется от 0 до бесконечности. В отличие от КПД, региональный индекс позволяет выявить политически обособленные регионы, но его одинаковые значения в двух соседствующих территориальных ячейках не означают, что результаты выборов в них идентичны. Также, в отличие от КПД, интерпретация регионального индекса затруднена отсутствием верхнего порогового значения. Одним из решений является сравнение РИ как между электоральными циклами, так и в межрегиональном контексте.

Логично предположить, что они должны использоваться комплексно, чтобы избежать ошибок в толковании значений обоих показателей, и Ю.А. Зимоха также замечает, что КПД и РИ должны взаимно дополнять друг друга [2, с. 43]. Однако в приводимых им в работе картах-схемах не найдено примеров их совместного использования. Также автор ограничивается лишь первым уровнем административно-территориального деления, что объясняется взятым им масштабом и детализацией исследований, не позволяющими в полной мере учесть особенности партийной системы. В нашей работе мы приведём пример совместного использования КПД и РИ в исследовании результатов выборов в Верховную раду Украины в 2014 и 2019 гг. на уровне избирательных округов (рисунки 1 и 2).

В данном исследовании учитывались только результаты выборов по партийным спискам. Для анализа были взяты те партии, что набрали более 1% голосов, список партий и полученный ими результат приведены в таблице 1.

Таблица 1

Политические партии и набранный ими процент голосов на внеочередных выборах в Верховную раду Украины 2014 и 2019 гг. (составлено по [1]).

2014 г.		2019 г.	
Партия	%	Партия	%
Народный фронт	22,14	Слуга народа	43,16
Блок Петра Порошенко	21,82	Оппозиционная платформа – за жизнь	13,05
Самопомощь	10,97	Батькивщина	8,18
Оппозиционный блок	9,43	Европейская солидарность	8,10
Радикальная партия Олега Ляшко	7,44	Голос	5,82
Батькивщина	5,68	Радикальная партия Олега Ляшко	4,01
Свобода	4,71	Сила и честь	3,82
Коммунистическая партия Украины	3,88	Оппозиционный блок	3,03
Сильная Украина	3,11	Украинская стратегия Гройсмана	2,41
Гражданская позиция	3,10	Партия Шария	2,23
ЗАСТУП	2,65	Свобода	2,15
Правый сектор	1,80	Гражданская позиция	1,04
Σ	96,73	Σ	97,68

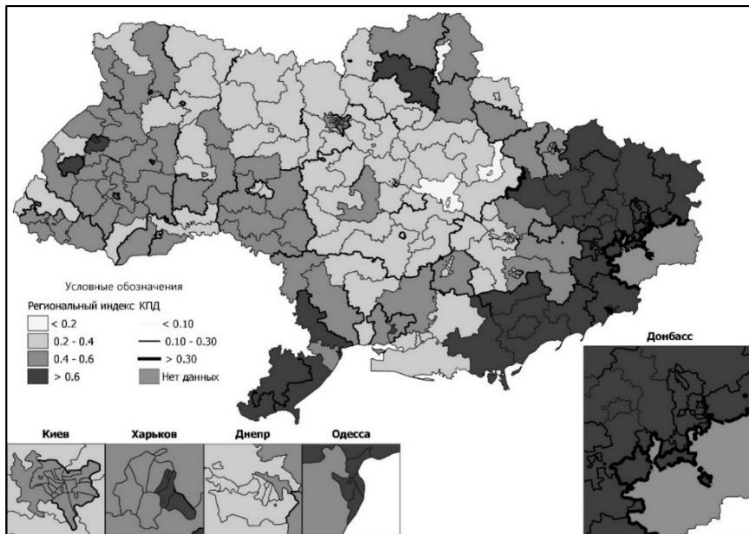

Рисунок 1. Карта-схема коэффициента пограничной дифференциации и регионального индекса на внеочередных выборах в Верховную раду Украины 2014 года (расчёты по материалам [1])

В сумме всеми партиями на выборах 2014 года было получено 96,73%, а в 2019 – 97,68% голосов, таким образом, территориальная электоральная структура исследуется нами в полной мере. Из анализа таблицы можно убедиться, что партийная система за пять лет пережила серьёзную перестройку, что, благодаря взятым нами показателям, не мешает сравнивать результаты за весь электоральный цикл.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении результатов за 2014 и 2019 гг. друг с другом, это чётко выраженная электоральная «дерегionalизация» в 2014 году. Она проявляется себя как в трансформации классических электоральных регионов, так и в проявлении множества более мелких расколов на уровне отдельных областей.

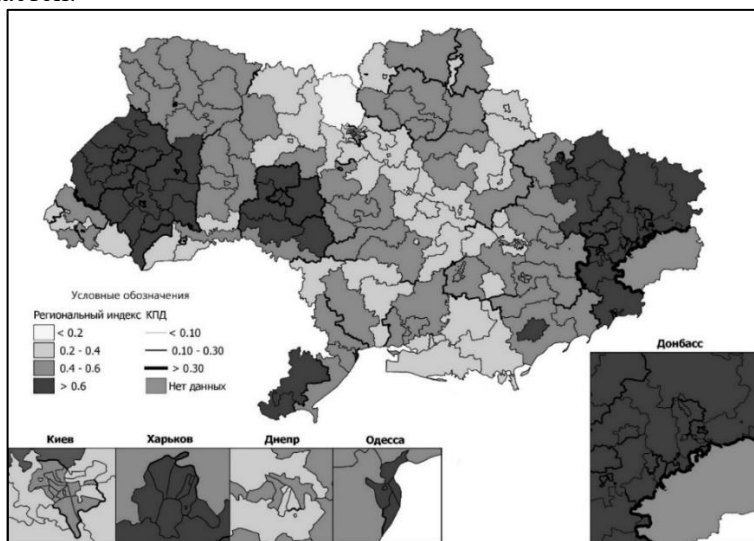

Рисунок 2. Карта-схема коэффициента пограничной дифференциации и регионального индекса на внеочередных выборах в Верховную раду Украины 2019 года (расчёты по материалам [1])

Так, можно видеть, что в 2014 году результаты в галичанских округах меньше отличались от результатов по всей стране (что видно по меньшим значениям РИ, чем в 2019 году). В то же время электоральная специфика региона проявляется в избирательных округах, находящихся в пределах Львова и Дрогобыча, где РИ,

напротив, так же высок, как и в 2019-м. Различия в поддержке партий в пределах Галичины, видимые в 2019 году, в 2014 году стали менее выраженными, но территориальная электоральная структура в пределах Галичины, Ровенской и Волынской областей в целом стала менее упорядоченной и более мозаичной. Также, в обоих случаях юго-западные округа Закарпатской области, где голосует венгерская община, ничем не выделяются на фоне других округов области. Показатели РИ в Центральной Украине в 2014 году в целом довольно низки, чего мы хоть и ожидаем, но не наблюдаем в 2019 году, когда именно в центральных областях Слуга народа набрала наибольший результат. В пределах Донбасса и Буджака никаких значимых изменений между двумя выборами не наблюдается. Это объясняется тем, что партии оранжевого лагеря были более успешны на национальном уровне, потому и различия между ними и результатами в западных областях стали менее контрастными. При этом по значениям КПД видно, что в 2014 году граница между Западом и Юго-Востоком была выражена чётче, чем в 2019 году. Мы видим тенденцию на электоральное обособление Винницкой области, имеющей, как Львовская область, различия между результатами в сельских округах и округах в электоральное обособление Винницкой области, имеющей, как Львовская область, различия между результатами в сельских округах и округах в собственно административном центре, объясняющееся различиями в электоральных предпочтениях между городским и сельским электоратом. В 2014 году различия на уровне «село-город» становятся более весомыми в случае городских округов на Западе. В случае Винницы это объясняется вкладом «Украинской стратегии Гройсмана», лидер которой Владимир Гройсман, на тот момент премьер-министр Украины, является уроженцем Винницы и был её городской головой в 2006-2014 гг. Один из примеров преимущества совместного использования КПД и РИ мы можем видеть на второй карте-схеме (рис. 2) на примере востока Харьковской области и Донбасса: хоть оба региона и имеют высокие значения регионального индекса, что указывает на их политическую обособленность, граница между ними чётко выражена в виде коэффициента пограничной дифференциации, в то время как между Луганской и Донецкой областями его значения не значимы. То же самое можно сказать о приведённых нами выше примерах Львовской и Винницкой областей.

В заключении отметим, что на основе исследования результатов выборов за один электоральный цикл мы не можем делать выводов о стабильности территориальной электоральной структуры. Пример Украины может быть нерелевантен потому, что в том же 2019 году в стране прошла реформа избирательной системы, а в 2020 году была завершена масштабная административно-территориальная реформа, не затронувшая лишь первый уровень АД. Справедливо утверждение, что трактовка полученных картографических данных зависит от уровня генерализации. Однако мы продемонстрировали, что углублённое применение математических методов в электоральной географии продуктивно при моделировании территориальной электоральной структуры и выявлении электоральных расколов, что доказывает необходимость продолжения исследований в этом направлении.

Литература

1. Выборы народных депутатов Украины // Центральная избирательная комиссия Украины [электронный ресурс]. – URL: https://www.cvk.gov.ua/vibory_category/vibori-narodnih-deputativ-ukraini.html (дата обращения: 11.01.2021).
2. Зимоха А.Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа: дис. канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2006. 177 с.

Сведения об авторах:

Михеева Наталия Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: n.mikheeva@spbu.ru.

Диденко Дмитрий Юрьевич, магистрант, факультет политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге

E-mail: geowork9818@gmail.com.

УДК 913

С. К. Нагиев
S. K. Nagiyev

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ**

RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CAUCASUS

RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CAUCASUS

С целью создания этносоциальной базы для своего политического господства Российская империя проводила переселенческую политику, направленную на колонизацию региона и насаждение в нем христианства. Это привело к серьезным демографическим изменениям в регионе, где появились новые иноэтноты (немцы и русские), увеличился удельный вес численности христианского элемента в составе жителей и др. В итоге вышеуказанных социально-политических процессов образовался так называемый «кавказский узел» – составная часть глобальной геополитической системы.

In order to create an ethno-social base for its political domination, the Russian Empire pursued a resettlement policy aimed at colonizing the region and planting Christianity in it. This led to serious demographic changes in the region, where new ethnic groups (Germans and Russians) appeared, the proportion of the Christian element in the population increased, etc. As a result of the above socio-political collisions, the so-called "Caucasian knot" was formed – a systems.

Ключевые слова: переселенческая политика, Российская империя, Кавказ, Северный Азербайджан, немцы, российская колонизация.

Key words: resettlement policy, Russian Empire, Caucasus, Northern Azerbaijan, Germans, Russian colonization.

Введение. Кавказ – одна из колыбелей человеческой цивилизации. Его географическое положение издавна привлекало внимание иноземных государств, которые стремились завоевать регион или расширить здесь сферу своего влияния. Новый исторический период принес человечеству несколько геополитических проблем, среди которых особое место занимает кавказский вопрос, или кавказский узел – дефиниция, принятая в отечественной историографии.

XVIII-XIX века в истории Кавказа стали переломными. Многовековая борьба ведущих государств мира за регион завершилась победой Российской империи. В результате установления ее власти возникли новые политико-географические реалии —«Северный Кавказ» и «Закавказье», что не отражало историко-географической специфики региона. Российское государство исходило из того, что ареал,

охватывающий земли южнее Большого Кавказского хребта и подпадающий под дефиницию «Закавказье», располагается вне Кавказа. Тем самым, вводя в угодку своим имперским амбициям градацию на северную и южную части Кавказа, Россия разделяла народы региона. Следовательно, как считают отдельные политологи постсоветского периода, категория «Закавказье» представляла собой средство достижения политической цели царской России [8].

Южные земли Азербайджана (Юго-Восточный Кавказ), бывшие составной частью региона, в результате раздела Азербайджана (1828 г.), вошли в состав Персидского государства и оставались вне поля зрения российской, а затем и советской историографии [9].

Учитывая исторически сложившуюся специфику Кавказа и принимая во внимание геополитическую реальность в регионе, современные азербайджанские политологи, отказавшись от российской системы его градации, проводят следующее структурирование Кавказа: Центр, Север, Юг. При этом они считают целесообразным «наметить принципиально новые пути развития интеграционных процессов на Кавказе» [1].

На основании вышеизложенного считаем целесообразным опираться на указанную градацию региона, уделяя при этом особое внимание его северной и центральной частям.

История завоевания Азербайджана. В середине XVI века Иван Грозный, завоевав Казань и Астрахань, смог вплотную соприкоснуться с Кавказом. С геополитических позиций последний был составной частью «восточного вопроса». Его суть заключалась в соперничестве великих держав за дугу, в которую входили территории от Балкан до Кавказа. Кроме того, Кавказ был центром пересечения торгово-экономических интересов ведущих европейских государств, которые, овладев регионом, пытались расширить сферу своего влияния на Восток и доминировать на пути к Индии.

Начало XVIII века для России — период радикальных социально-политических преобразований. Отказываясь от Старой Руси с целью укрепить позиции России на международной арене, Петр I стремился превратить страну в морскую державу. Успешно завершив Северную войну (1700-1721 гг.) и овладев выходом в Балтийское море, он смог

открыть «окно» в Европу. При этом и южные моря были жизненно необходимы для укрепления мощи империи в международной системе. Однако в начале XVIII века вопрос о выходе к Черному морю для России был закрыт. Неудачный Прутский поход (1711 г.) лишил Петра I завоеванных ранее преимуществ: Азов пришлось вернуть Османской империи, а построенные здесь порты — разобрать. К тому же после окончания военно-политической борьбы за испанское наследство ведущие европейские страны (Англия, Франция и Австрия) — открыто дали понять России, что не потерпят дальнейшего ее продвижения на этом направлении. Таким образом, в результате сложившейся военно-политической обстановки Петр I обратил внимание на Кавказ.[14]

В результате Каспийского похода Петра I (1722 г.) западный берег Каспийского моря был завоеван, а Истамбульский договор (1724г.) закрепил эти российские завоевания в международной системе. Однако после смерти императора установившийся в России режим «бироновщины», не заинтересованный в кавказском вопросе, заключил Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) договоры и отказался от петровских завоеваний. Но все же императрица Елизавета Петровна целенаправленно продолжала дело своего родителя. В годы ее правления черноморская проблема и кавказский вопрос стали первоочередными задачами внешней политики России. Со временем, уже при Екатерине II, после русско-османской войны 1768-1774 гг. Кючук-Кайнарджийский договор (1774 г.) укрепил позиции России в Крыму и на Азовском побережье, окончательно включив Кабарду в состав Российской империи, чем расширил сферу ее влияния в регионе.

Особенности русской колонизации региона. Издревле для упрочения своей политической власти государства-завоеватели, например Сасаниды, позже - Арабский халифат, проводили в захваченных странах переселенческую политику. Первыми христианскими переселенцами стали немцы-сепаратисты, выходцы из Вюртембергского королевства. Российское правительство предоставило им льготы и субсидии. Однако затем правящие круги разочаровались в немецких переселенцах и посчитали нецелесообразным их дальнейшее пребывание на Центральном Кавказе, где им отводили роль культуртрегеров и христианских миссионеров. Но фактические

материалы доказывают обратное, подчеркивают трудолюбие, аккуратность и трезвость этих переселенцев. Впоследствии переселение немцев приостановили. Но колонисты, прибывшие на Центральный Кавказ, в частности в Северный Азербайджан, оставили о себе добрую память, став объектом изучения отдельных исследователей отечественной историографии.

В первой трети XIX века Российская империя заселяла регион и русскими. В тот исторический период социальную базу русской колонизации составляли сектанты и раскольники, но в целом эта колонизация не имела целенаправленной последовательности. Темпы количественного роста русских на Центральном Кавказе не отвечали требованиям колонизационных планов империи, а доминирование армянской колонизации подтверждало реальность перекосов в переселенческой политике империи. Обращая внимание на ошибки в переселенческой политике на Центральном Кавказе, один из апологетов дореволюционной России Н.Н. Шавров указывал: «Нашу колонизационную деятельность мы начали не с водворения в Закавказье русских людей, а с водворения инородцев». Поддерживая эту позицию, другой российский автор Г.А. Евреинов отмечал: «Закавказье представляет обширное поприще для русской колонизации». Ф. Гершельман также считал, что «армяне не представляют собою гарантий политической благонадежности». Уже в конце XIX века империя планомерно переселяла православных русских крестьян в регион из центральных губерний, придерживаясь известного тезиса великорусской идеологии: «русская государственная власть на Кавказе была для того, чтобы действительно быть русской», которая могла упрочить могущество и благосостояние России [5]. В результате новой волны русской колонизации Центрального Кавказа только в Мильской и Муганской степях Северного Азербайджана в начале XX века образовались 89 переселенческих поселков, а численность русских только на Центральном Кавказе превысила 350 050 чел. [4]. В целом же действия руководства России на Кавказе носили целенаправленный и планомерный характер, преследуя единую цель - колонизировать, христианизировать, русифицировать земли, обретенные силой оружия, постепенно по всем параметрам сливая их с империей.

Результаты переселенческой политики Российской

империи в регионе. Как мы уже отмечали, в ходе завоевания Кавказа Российская империя последовательно и целенаправленно проводила переселение иноэтноссов: немцев, русских, армян. При колонизации региона приоритет был отдан христианизации и русификации, в итоге произошли количественно-качественные изменения в этноконфессиональной структуре его населения. Так, в исследуемый период в этнической номенклатуре появились немцы и русские. Первые сумели приспособиться к непривычным климатическим условиям и субъективно несправедливому отношению правительственных кругов империи, в результате чего их численность на Кавказе в начале XX века превысила 90 тыс. чел. По некоторым данным, с 1816 по 1818 год из Вюртемберга на Центральный Кавказ выехали 1400 семейств (6-7 тыс. чел.). Однако в результате больших потерь в пути к осени 1818 года лишь около 500 из них прибыло в Тифлис. Первоначально на территории Грузии было основано шесть немецких колоний. Но для всех переселенцев удобных казенных земель близ Тифлиса не хватало, поэтому власти решили направить их в Елизаветпольский уезд. В предписании генерала Ермолова отмечалось: «В Елизаветпольском уезде есть немало земель казенных и там по многим отношениям выгодно поселить колонистов». Таким образом, весной 1819 года некоторые семьи были направлены в Азербайджан, в Елизаветпольский округ (ныне окрестности Гянджи), где основали два своих поселения. Одно из них (Еленендорф) было построено на территории разрушенной азербайджанской деревни Ханлыклар (современный Ханлар), в семи верстах от г. Елизаветполя, второе (Анненфельд) — на месте расположения древнего азербайджанского города Шамкир. Ссылаясь на некоторые исследования, можно отметить, что в Еленендорфе обосновались 127 семей (приблизительно 600 чел.), в Анненфельде — 67 (300-400 чел.). А к началу XX века в Азербайджане было уже 8 немецких поселений: Еленендорф, Анненфельд, Георгсфельд, Алексеевка, Грюнфельд, Эйгенфельд, Траубенфельд, Елизаветинка. Они были построены в Ханларском, Шамкирском, Казахском, Товузском, Акстафинском районах (в основном на территории старых азербайджанских селений) [3,7].

Русские, поселявшиеся на Кавказе с XVIII века, также были новым элементом в этноконфессиональной структуре населения региона. Усиленная и целенаправленная колонизация дала определенный эффект. Так, в начале XX века на Северном и Центральном Кавказе численность русских составляла свыше 3760000 чел., из которых большая часть - 3492912 чел. – на Северном Кавказе, что подтверждает тезис о его тотальной русской колонизации [8].

Планомерное и последовательное переселение армян резко увеличило удельный вес их численности в этническом составе населения Кавказа. В начале XX века их количество превысило 1400000 чел., при этом основная часть обосновалась (в том числе) на исторических землях Азербайджана: в Бакинской, Елизаветпольской, Иреванской губерниях.

Заключение. Таким образом, в результате переселенческой политики Российской империи на Кавказе в истории региона произошли социально-политические коллизии, которые и сегодня придают «кавказскому узлу» особое значение в системе международных отношений. Таковы, в частности, «карабахский», «осетинский», «абхазский», «аджарский», «мехетинский» вопросы, которые являются составной частью этого узла и используются в геополитических играх ведущих государств мира, стремящихся расширить сферы своего влияния в регионе.

Литература

1. Исмаилов Э., Кенгерли З. Кавказ в глобализирующемся мире: новая модель интеграции // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 2 (26). С. 162.
2. АКАК. Т. VIII. С. 320, док. 232; Шелухин С. Немецкая колонизация. Одесса, 1915. С. 44.
3. Басихин П. Немецкие колонии на Кавказе // Кавказский вестник, Тифлис, 1900, № 1. С. 22.
4. Шавров Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам.
5. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. С.-Петербург, 1908. С. 103.
6. Гершельман Д. Причины неурядиц на Кавказе. С.-Петербург, 1908. С. 70.
7. Липранди А., Вольнец А. Кавказ и Россия. Харьков, 1911. С. 9.
8. Шавров Н. Русский путь в Закавказье. С.-Петербург, 1883. С. 3.
9. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане в XIX – начале XX веков.

Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 2005. С.37.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С.-Петербург, 1905. Вып. LXVI. С. 272-273; С.-Петербург, 1905. Вып. LXIX; КК на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 178, 182, 194, 218-219.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С.-Петербург, 1905. Вып. LXIX, б/с.

12. КК на 1917 г. С. 224-235.

13. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. Автореферат. С. 226.

14. КК на 1916 год.С.30-39; КК на 1917 год.С.198-201, 214-217, 224-235.

15. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане в XIX - начале XX веков. Автореферат. С.40.

16. КК на 1917 год. С. 224-235.

17. КК на 1917 год. С. 198-201, 214-237, 224-235.

18. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. С. 234.

19. Исмаилов Э., Кенгерли З. О категории Кавказ // Доклады Национальной академии наук Азербайджана. Т. LVIII, № 5-6. Б.: Элм, 2002. С. 290-294.

20. Смирнов С. Немецкие сектанты за Кавказом // Русский вестник. Т. 57. М., 1865. С. 230-233.

21. Басихин П. Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский вестник, 1900, № 1. С. 14.

22. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVI, 1830. С. 313-316.

Сведения об авторе:

Салех Касум оглу Нагиев, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой «География Азербайджана и методика преподавание географии», Бакинский государственный Университет.

Salekh K. Nagiyev, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department "Geography of Azerbaijan and Methods of Teaching Geography", Baku State University.

E-mail: naqiyevsaleh@mail.ru

**МОРСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ (НА
ПРИМЕРЕ КАСПИЯ)**

**MARINE STATE BOUNDARIES IN THE POST-SOVIET SPACE:
GEOGRAPHICAL ASPECTS OF CREATING (FOR THE
EXAMPLE OF THE CASPIAN SEA)**

Статья содержит географический анализ Концепции о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.). В качестве основных географических факторов, влияющих на определение правового статуса, автор рассматривает: природные свойства Каспийского моря, как географического объекта; его природные ресурсы; географическое положение прикаспийских стран; географическое положение Каспия (транзитность - расположение на стыке Центральноазиатского региона, богатого углеводородным сырьем и Европой, Китаем, выступающими ведущими его потребителями).

The article contains a geographical analysis of the Concept on the legal status of the Caspian Sea (2018). As the main geographical factors, the author considers: the natural properties of the Caspian Sea, as a geographical object (sea or lake); its natural resources; the geographical location of the Caspian countries; geographic location of the Caspian Sea (transit - the location at the junction of the Central Asian region, rich in hydrocarbon raw materials and Europe, China, its leading consumers).

Ключевые слова: политическая география, геополитика, государственная граница, Каспийское море, Россия

Key words: political geography, geopolitics, Caspian Sea, state border, Russia

Введение. Рассматривая характер отношений между странами постсоветского пространства, необходимо отметить, что, несмотря на подписанную в 1994 г. «Декларацию о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств - участников Содружества Независимых Государств», процесс делимитации их государственных границ не завершен. Это, в первую очередь, касается границ, проводимых по

водным рубежам. Особое место среди них занимают границы прикаспийских стран, которыми после распада СССР стали: Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Россия. Отношения между ними в вопросах использования Каспия, а также между каждым из них и Ираном (в отличие от них, не изменившим своих границ в рассматриваемый период времени, но получившим новых соседей) являются предметом многих международных соглашений. Оставляя за рамками данной статьи их перечень и анализ (что уже неоднократно было сделано многими исследователями Каспия в своих работах), выделим наиболее важное из них – «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря» (2018 г.). За прошедшие годы суверенности новых независимых государств она впервые зафиксировала международный статус этого водоема, позволяющий судить о пределе суверенности каждого прикаспийского государства в нем. Цель исследования – понять, какие экономико-географические факторы повлияли на принятые решения.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели потребовалось проанализировать как официальные документы, регламентирующие международное право в области проведения водных государственных границ: Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982), Конвенция Организации Объединенных Наций о континентальном шельфе (1958), Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (1992), так и собственно саму «Конвенцию...».

Внимание к этим источникам информации связано с отсутствием в целом опыта проведения государственных границ в Каспийском море. Несмотря на богатую историю формирования государств в данном регионе и, соответствующих им государственных границ, стоит отметить, что все они являлись сухопутными. Договоры между Россией и Ираном (Санкт-Петербургский, Рештский, Гюлистанский, Туркманчийский), а затем между СССР и Ираном, на которые постоянно ссылаются исследователи, фиксируют распределение между странами прикаспийских земель, в то время как о разграничении акватории речь не шла, поскольку первоначально она была только под юрисдикцией России, а затем в совместном пользования России и Ирана (без юридического определения границ). Вместе с тем при описании сухопутных границ указывались крайние пункты западных и восточных (закаспийских) территорий – Астару и Гасан-

Кули [1]. Линия, соединяющая эти населенные пункты (рис.1) рассматривалась как линия раздела зон влияния России и Ирана на Каспии. Она была положена в основу советско-иранского Договора 1940 г, который наряду с декларированием права свободного судоходства и рыболовства для судов и граждан СССР и Ирана по всей акватории, впервые зафиксировал наличие отдельных элементов водной границы (10-мильной прибрежной полосы, где рыбный промысел мог осуществляться только судами прибрежного государства).

Результаты и обсуждение. Уже стало общепринятым мнением, что многократные неудачные попытки прикаспийских стран определить правовой статус Каспийского моря в постсоветский период связаны с проблемой определения его природного статуса (море или озеро). Современная «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» уходит от этого, называя Каспийское море «окруженным сухопутными территориями стран водоемом», что позволяет применять к нему международные правовые нормы и моря, и озера:

- выделение «внутренних вод» (как море - аналог внутренних морских вод);
- выделение «территориальных вод» (как море - аналог территориального моря) – 15 миль;
- выделение «рыболовных зон» (как море – относительный аналог исключительной экономической зоны) – 10 миль;
- выделение «общего водного пространства» (как озеро);
- выделение «секторов» дна (как озеро).

И если использование «морских» норм для определения правового статуса Каспия (внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны), придает ему метрическую и юридическую четкость, то использование «озерных» норм, оставляет много вопросов. Так, например, выделение национальных секторов дна, осуществляемое на основе договоренностей сопредельных и противолежащих государств, уже по своей формулировке показывает наличие проблем в осуществлении данного процесса.

В свою очередь, выделение общего водного пространства, используемого только прикаспийскими странами, хотя и решает вопросы национальной безопасности прикаспийских стран, не допуская военного присутствия внерегиональных государств, но не устраняет военного присутствия США в портах Азербайджана и

Казахстана, через которые осуществляется поставка невоенных грузов для американского контингента в Афганистан [2].

Проведенное исследование позволило выявить два основных экономико-географических фактора, влияющих на определение правового статуса Каспийского моря: особенности территориального распределения природных ресурсов; ЭГП прикаспийских стран и ЭГП Каспия. Рассмотрим их более подробно.

Первый фактор. В силу значительного природно-ресурсного потенциала, обозначим только наиболее важные природные ресурсы, влияющие на характер отношений между странами и, как следствие, на перечень прав, которыми государства могут пользоваться при их добыче. В первую очередь, это запасы углеводородного сырья (нефти и газа). Основная часть запасов нефти концентрируется в национальном секторе дна Казахстана и Азербайджана, а газа – Туркменистана и Казахстана. Наименьшая ресурсная база у России и Ирана. Поскольку добыча углеводородного сырья связана с эксплуатацией определенных площадей дна водоема, то очевидно, что интересы прикаспийских стран связаны со стремлением получить сектор, богатый нефтью и газом. «Конвенция...» не регламентирует границы национальных секторов дна, предполагая, что прикаспийские страны смогут сделать это самостоятельно путем переговоров. Такие договоренности уже действуют между Россией и Казахстаном (1998), Азербайджаном (2001); Казахстаном и Азербайджаном (2001); Казахстаном и Туркменистаном (2014); отсутствуют между Азербайджаном и Туркменистаном; Азербайджаном и Ираном; Ираном и Туркменистаном. Именно поэтому можно говорить о наличии четких границ национальных секторов дна только у России и Казахстана. При этом было оговорено совместное использование месторождений, оказавшихся пограничными (рис.1).

Вместе с тем, границы национальных секторов дна Азербайджана, Туркменистана, Ирана спорны, что связано с разным видением странами методики проведения границ своих секторов по принципу срединной линии. Азербайджан выступает за ее проведение, отталкиваясь от равноудаленных точек от противоположных берегов. Туркменистан предлагает проведение линии по середине широтных линий без учета изгиба береговой линии. Иран настаивает на разделении дна равными долями [1]. Нерешенность этого вопроса приводит к спорам о принадлежности,

а значит возможности эксплуатации пограничных нефтяных месторождений (рис. 1).

Второй фактор - географическое положение Каспия и прикаспийских стран. Во-первых, это континентальность Казахстана, Туркменистана и Азербайджана, которые не имеют выхода к Мировому океану и вынуждены использовать территорию соседних стран (России, Ирана) для решения данной проблемы, приводит к зависимости их внешнеэкономической деятельности от соседей.

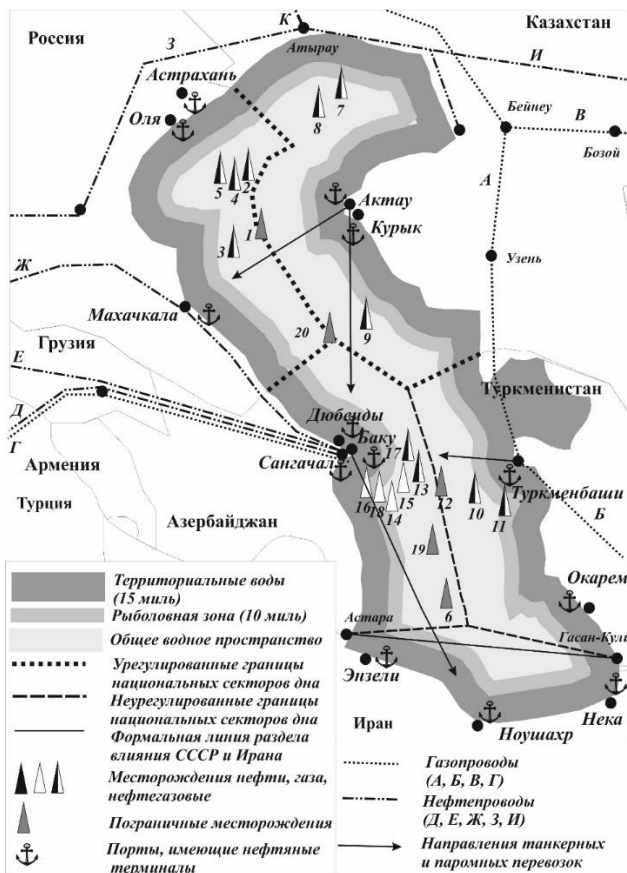

Рис.1 Географические аспекты формирования правового статуса Каспийского моря, 2019 [5].

Основные месторождения нефти и газа: 1 – Хвальынское, 2 – Ракушечное, 3 – Сарматское, 4 - Им. Юрия Корчагина, 5 - Им. Владимира Филановского, 6 - Сардар Джангал, 7 - Каламакс-море, 9 - Блок Н, 10 - Блок-1, 11 - Блок Челлекен, 12 - Сердар

Кязаз, 13 - Азери-Шираг-Гюнешли, 14 - Шах-Дениз, 15 – Апшерон, 16 – Умид, 17 - Мелководный Гюнешли, 18 - Булла-Дениз, 19 - Араз - Алов – Шарг, 20 – Центральное. **Основные магистральные газопроводы:** А – Прикаспийский, Б - Восток – Запад, В - Бэйнеу - Бозой – Шымкент, Г – Южнокавказский. **Основные магистральные нефтепроводы:** Д - Баку - Тбилиси – Джейхан, Е - Баку - Тбилиси – Супса, Ж - Баку - Махачкала – Новороссийск, З - нефтепровод КТК, И – Трансказахстанский, К - Атырау – Самара.

Во-вторых, это транзитность самого Каспийского моря, расположенного на стыке Центральноазиатского региона, богатого углеводородным сырьем, Европой (выступающей одним из основных потребителей энергоресурсов в мире) и Ближним Востоком (военно-политические проблемы которого влияют на реализацию многих транспортных проектов в прикаспийских странах и, как следствие, на характер отношений между ними). Перечисленные аспекты ЭГП прикаспийских стран влияют и на правовые аспекты использования Каспия при прокладке транспортных путей.

Сегодня основные транспортные направления, которые осуществляются через Каспий – это маршруты транспортировки углеводородного сырья на основе использования танкеров [4]:

- маршруты, связанные с Россией: поступление энергоресурсов из Актау, Туркменбаши, Баку в порт Махачкала с последующей транспортировкой по нефтепроводу до Новороссийска (Черное море) или по Волго-Донскому каналу до портов Азовского моря, или по Волго-Балтийскому каналу до портов Балтийского моря;
- маршруты, связанные с Ираном определяются, во-первых, деятельностью паромов, перемещающегося между Актау, Баку и Ноушахр и, обеспечивающего все судовые операции с энергоносителями для Армении; во-вторых, функционированием нефтепровода от иранских месторождений на Каспии до порта Нека;
- маршруты, связанные с Грузией, Турцией базируются на включении нефти Казахстана и газа Туркменистана в транспортировку энергоносителей Азербайджана по нефтепроводам: Баку – Тбилиси – Супса и Баку – Тбилиси – Джейхан и газа по Южнокавказскому газопроводу.

В тоже время, есть маршруты, которые не пересекают Каспийское море, но ориентированы на транспортировку, в том числе и каспийских энергоносителей [5]. Среди них стоит отметить

связанные с интересами Китая: нефтепровод Атырау – Алашанькоу; газопроводы Центральная Азия – Китай и Восток – Запад; с интересами России: Прикаспийский газопровод (рассматривают в качестве конкурента проекту Транскаспийского газопровода, поддерживаемого ЕС).

Данный аспект был учтен при определении современного правового статуса Каспия, утверждением, что прокладывание трубопроводов, кабелей, строительство добывающих платформ, создание искусственных островов в своем секторе – дело исключительно сопредельных и противолежащих стран. Только они могут определять маршруты прокладываемых через их сектора трубопроводов. Однако для этого требуется экологическое одобрение всех прикаспийских стран.

Рассматривая транзитную функцию Каспия, нельзя не отметить наличие сухопутной транспортной инфраструктуры (железных и автомобильных дорог, подходящих к морским портам). Это обстоятельство легло в основу проекта создания международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» [6], который способствуя взаимодействию России со странами Прикаспийского региона, может стать основой маршрута межгосударственных контейнерных перевозок из Индии через Иран, Азербайджан, Россию в Европу.

В заключение можно констатировать наличие прямой связи между каждым выделенным географическим фактором и правовой нормой, содержащейся в «Конвенции...». Более того, в сочетании с отсутствием единой интеграционной региональной структуры они формируют интерес к Каспийскому морю не только у прибрежных, но и у стран других регионов, таких как Европа (Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды и др.), Америка (США, Канада, Аргентина), Восточная Азия (Китай Япония, Республика Корея), Ближний Восток (Турция, Саудовская Аравия и др.), что еще больше подталкивает прикаспийские государства к четкому определению правовых норм использования водоема.

Литература

1. Рубан Л.С. Проблема разграничения каспийского моря. Историко-правовой аспект // Бурение и нефть. 2017. № 5. С. 50-57.
2. Дубнов А. Дораспад СССР: Что изменит раздел Каспия // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. 15.08.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77042/> - Дата обращения 13.01.2019.

3. Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра (вопросы теории и практики) // Центральная Азия и Кавказ: Общественно-аналитический журнал. 2000. № 2(8).

4. Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-08112017-n-2469-r/strategiia-razvitiia-rossiiskikh-morskikh-portov/> (Дата обращения 14.02.2019).

5. Потоцкая Т.И. Географические факторы определения правового статуса Каспийского моря // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 22-35.

6. Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Российские железные дороги (РЖД) URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9789?redirected/> (Дата обращения 17.10.2020).

Сведения об авторе:

Потоцкая Татьяна Ивановна, Доктор географических наук, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, +7 (915) 637 16 75;

T.I. Pototskaya, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Geography Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

e-mail: ptismolensk@yandex.ru

УДК 528.8

Аль-Инизи Мохаммед Садек Каттуф, Е.А. Рублева
Al-Inizi Mohammed Sadeq Kattuf, E. A. Rubleva

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ДЗЗ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ИРАКА КАК ЗНАЧИМОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

**USING REMOTE SENSING DATA TO STUDY THE DYNAMICS
OF WATER RESOURCES IN IRAQ AS A SIGNIFICANT
FACTOR IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
THE REGION**

В последнее время международные эксперты все чаще отмечают угрозу надвигающегося на Ирак кризиса водных ресурсов на фоне климатических катаклизмов и многолетней засухи. По оценкам ООН, после стабилизации военно-политической обстановки и медленного улучшения гуманитарной ситуации в стране, угроза дефицита водных ресурсов может стать новым сложнейшим вызовом в гуманитарной сфере и привести к целой волне массовых переселений гражданского населения из неблагоприятных районов [2]. Для решения этой непростой задачи по выходу из сложившейся кризисной ситуации с использованием водных ресурсов страны, необходимо использовать современные цифровые методы и технологии.

Recently, international experts have increasingly noted the threat of an impending water crisis in Iraq against the background of climate disasters and years of drought. According to UN estimates, after the stabilization of the military-political situation and the slow improvement of the humanitarian situation in the country, the threat of water scarcity can become a new and most difficult challenge in the humanitarian sphere and lead to a whole wave of mass displacement of civilians from disadvantaged areas [2]. To solve this difficult task of overcoming the current crisis situation with the use of the country's water resources, it is necessary to use modern digital methods and technologies.

Ключевые слова: *Водные ресурсы, экологическая проблема, Ирак, данные дистанционного зондирования, многозональные снимки, геоинформационные системы.*

Key words: *Water resources, environmental problem, Iraq, remote sensing data, multi-zone satellite images, geoinformation systems.*

За последние два десятилетия череда войн и политической нестабильности привели к тому, что на территории Ирака сложилась крайне острая экологическая ситуация, в отдельных районах страны близкая экологической катастрофе. Максимальной остроты экологические проблемы достигли в области использования водных ресурсов [1].

По оценкам ООН, после стабилизации военно-политической обстановки и медленного улучшения гуманитарной ситуации в стране, угроза дефицита водных ресурсов может стать новым сложнейшим вызовом в гуманитарной сфере и привести к целой волне массовых переселений гражданского населения из неблагоприятных районов. В частности, по данным Экологической программы ООН (ЮНЕП), ежегодные потери орошаемых земельных ресурсов в Ираке в результате засухи и дефицита воды составляют 250 кв. км, преимущественно в южных регионах страны. Опустынивание идет очень высокими темпами и кризис водных

ресурсов набирает обороты. Что касается его первопричин – то здесь эксперты отмечают сочетание сразу нескольких факторов, считая главным из них сокращение уровня воды в Тигре и Евфрате в результате человеческого фактора, а именно сооружения в соседних странах новых дамб выше по течению этих двух водных артерий. Кроме человеческого фактора, на неуклонное сокращение водных ресурсов двух крупнейших иракских артерий воздействует фактор климатических изменений [2].

Эта проблема заключается в том, что количество воды в Ираке снижается, потому как некоторые русла рек полностью высохли. Причин нехватки воды много: растущее население в странах Тигро-Евфратского бассейна, изменение климата, глобальное потепление и, наконец, строительство плотин на реках государствами, находящимися выше по течению, для хранения и использования воды за счет Ирака, который находится ниже по течению [4]. В результате, ситуация неуклонно ведет к росту бедности и расслоению общества. Некогда крупные производители продовольствия и фермерские хозяйства среднего и малого бизнесы вынуждены бросать свои земли и переквалифицироваться – они в основном мигрируют на окраины крупных городов, где отсутствуют качественные социальные услуги (медицина и образование). Таким образом, они переквалифицируются фактически из производителей в потребители, а также создают дополнительную социальную и финансовую нагрузку для государства [2].

Несомненно, для решения этой непростой задачи по выходу из сложившейся кризисной ситуации с водными ресурсами страны, необходимо использовать современные цифровые методы и технологии.

Одним из важных методов являются методы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и географических информационных систем – ГИС, связанные со сбором и анализом пространственных данных. С момента запуска первых гражданских спутников, данные дистанционного зондирования стали несравнимо более доступными. В методах дистанционного зондирования заложен огромный потенциал источника информации об окружающей среде, который позволяет охватить очень большие площади по сравнению с традиционными методами наблюдений. Первые же исследования позволили установить, что спутники с оптическими датчиками являются очень эффективным средством мониторинга растительного покрова [5].

В настоящее время созданы разнообразные технические средства получения, передачи, хранения, обработки и отображения данных дистанционных съемок. Широко распространены мультиспектральные сканерные, радиолокационные, лазерные и другие съемочные системы. Все большее применение находят цифровые системы обработки изображений, которые дают возможность улучшать изображения, анализировать их и получать количественные характеристики изображенных объектов, в частности, строить тематические карты по данным ДЗЗ, которые является одним из наиболее востребованных источников информации о текущем состоянии объектов земной поверхности.

На околоземных орбитах находятся несколько десятков космических летательных аппаратов с различными съемочными системами на борту. Наиболее известные и используемые в мире данные получают с космических аппаратов MODIS (Moderate Imaging Spectrometer), Landsat, AVHRR (Advanced Very High Resolution Radiometer) NOAA, Landsat, SPOT (Satellite Pour l'Observation de la Terre), IRS, RADARSAT, ERS ряда других. Наиболее распространенной является программа Landsat, осуществляемая США. В рамках программы выполняется многозональная периодически повторяемая долговременная съемка с помощью сканирующих устройств (радиометров) для решения природно-ресурсных, природоохранных, мониторинговых и картографических задач [3]. В данной работе были использованы снимки, полученные с космических аппаратов Landsat-7 и Landsat-8.

Установленная на спутнике съемочная аппаратура – сканирующий радиометр Enhanced Thematic Mapper Plus (ETM+), обеспечивает съемку земной поверхности в шести каналах с разрешением 30 м, в одном ИК канале с разрешением 60 м, а также панхроматическую съемку с разрешением 15 м при ширине полосы обзора для всех каналов около 185 км.

Характеристики 8 спектральных каналов радиометра ETM+ Landsat-8 представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Спектральные диапазоны (каналы) спутника Landsat-8

Номер канала	Пространственное разрешение, м/пиксел	Спектральное/радиометрическое разрешение	
		Начало спектра, нм	Конец спектра, нм
1. Побережья и аэрозоли	30	433	453

2. Синий	30	450	515
3. Зеленый	30	525	600
4. Красный	30	630	680
5. Ближний инфракрасный	30	845	885
6. Ближний инфракрасный	60	1560	1660
7. Ближний инфракрасный	30	2100	2300
8. Панхроматический	15	500	680
9. Перистые облака	30	1360	1390

В настоящее время большая часть ДДЗ поступает сразу в цифровом виде, что позволяет непосредственно использовать для их обработки современные компьютерные технологии.

Различные комбинации каналов видимого и ближнего инфракрасного излучения используются для решения большого числа тематических задач: классификация и анализ состояния явлений и объектов, водно-болотных угодий и т.д.. Комбинации различных каналов спутника Landsat зависят и от условий конкретной сцены (район, сезон съёмки и т. д.).

Для изучения динамики водных объектов Ирака были получены 5 многозональных снимков Landsat, охватывающих центральную часть страны. При обработке снимка Landsat-8 с помощью комбинации каналов 5-6-4 можно выделить объекты гидрографии – реки, озера и водохранилища, которые выделяются на снимке более темным цветом по сравнению с другими объектами.

После обработки и анализа многозональных снимков, необходима дальнейшая векторизация результатов обработки. Это позволит более точно и масштабно визуализировать водные объекты и провести дополнительный анализ количественных характеристик. Для создания цифровых моделей можно использовать различные ГИС (геоинформационные системы), например, одну из самых распространённых - ГИС MapInfo.

Началом работы по созданию цифровой модели является привязка растра, которая производится в окне регистрации растра в MapInfo. В качестве опорных точек используются точки с известными координатами, прописанные в текстовом файле, который был получен параллельно с растровыми многозональными снимками. Как правило, это координаты углов снимка, а не сцены (она представляет из себя черные поля, окружающие снимок). При

этом ориентация снимка не связана с точным направлением на север, т.к. зависит от траектории полета спутника. Проекция снимка – UTM (Универсальная проекция Меркатора), единицы измерения – градусы, хотя при желании, можно использовать привязку в метрах.

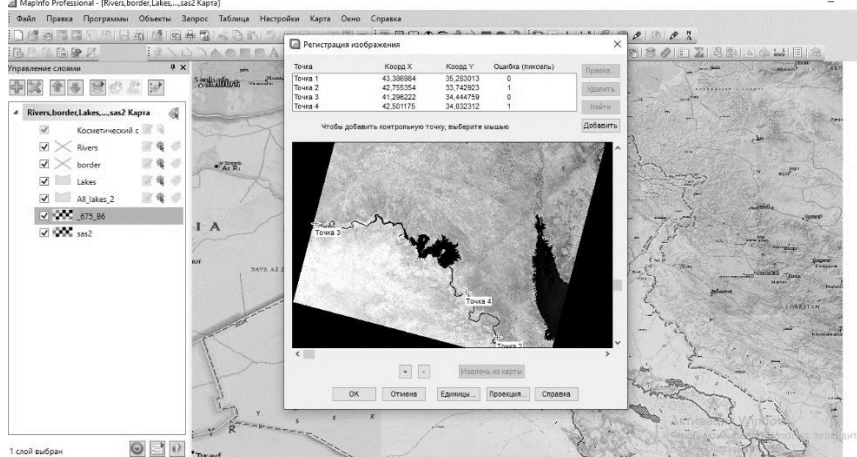

Рис.1 Регистрация растра

Для апробирования методики, было создано две векторных модели гидрографии: первая – по тематической карте, вторая – по обработанным снимкам. Т.к. источники имели разновременной характер, соответственно, форма и размеры объектов гидрографии претерпели изменения. Наложение друг на друга двух векторных моделей позволили выявить динамику, которая отражена в Таблице 2. При этом рассматривались только площадные объекты, т.к. они подверглись наибольшему изменению.

Таблица 2

Динамика водных объектов Ирака

Название (Name)	Площадь на карте, sq km	Периметр на карте, m	Площадь на снимке, sq km	Периметр на снимке, m	Динамика площади (снимок - карта)	Динамика периметра (снимок - карта)
Озеро Дукан (Dukan Lake)	95,07 sq km	143,3 km	224,9 sq km	218,3 km	129,83	75
Озеро Муслъ Дам (Mosul Dam Lake)	238,7 sq km	195,2 km	290,3 sq km	299,6 km	51,6	104,4
Озеро Хадифа Дам (Haditha Dam lake)	442,9 sq km	227,3 km	464,8 sq km	398,1 km	21,9	170,8
Озеро Тартар (Tharthar Lake)	1775 sq km	319,3 km	2160 sq km	576,0 km	385	256,7

Озеро Эль-Хаббания (Lake Habbaniyah)	214,5 sq km	74,72 km	363,7 sq km	143,5 km	149,2	68,78
Озеро Разаза (Lake Razazza)	1397 sq km	278,7 km	442,9 sq km	234,1 km	- 954,1	- 44,6
Болото Эль-Дальмаж (Dalmaaj Swamp)	122,9 sq km	63,56 km	462,3 sq km	151,7 km	339,4	88,14
Болото Шуэча (Shuweija Swamp)	143,5 sq km	98,75 km	245,0 sq km	88,82 km	101,5	- 9,93

В заключение можно сказать, что использование данных дистанционного зондирования совместно с геоинформационными технологиями, позволяют выполнить оценку динамики водных ресурсов с высокой степенью достоверности. При этом для изучения динамики водных объектов лучше всего использовать разновременные и разносезонные снимки за несколько лет, что позволит делать более точные и достоверные выводы.

Литература

1. Аль-Дулайми Хамид Дахил Айяд Рациональное использование водных ресурсов Ирака: проблемы и пути их решения // Геология и полезные ископаемые четвертичных отложений: материалы VIII Университетских геол. чтений, 3–4 апр. 2014 г., Минск, Беларусь / редкол. А.Ф. Санько (отв. ред.) [и др.]. в 2-х частях – Минск: «Цифровая печать» 2014. – Ч. 2. 86 с.
2. Вартанян А.М. Проблема водных ресурсов Ирака [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=49039>
3. Королев Ю.К. Как подойти к обработке снимков, электронные текстовые данные/ArcReview, современные геоинформационные технологии, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loi.sccc.ru/gis/dataplus/arcrev/Number_11/2_Snimok.html, доступ свободный.
4. Хамид Аль-Кафай Нехватка воды: иракская проблема или глобальный кризис? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180707/242682345.html>
5. Sommer S. Et al. Application of indicator systems for monitoring and assessment of desertification from national to global scales// Land Degradation & Development.- 2011.- Vol. 22.- pp. 184–197.

Сведения об авторах:

Аль-Инизи Мохаммед Садек Каттуф, студент магистратуры, УдГУ

Рублева Елена Алексеевна, кандидат географических наук,
доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики УдГУ
E-mail: real197@mail.ru

УДК 913

О.А. Терещук
O.A. Tereshchuk

ГЕОГРАФИЯ КАТОЛИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

GEOGRAPHY OF CATHOLICISM IN MODERN RUSSIA

В статье рассматривается география католицизма в современной России и даётся характеристика территориальной организации Католической Церкви в исторической ретроспективе. Особое внимание уделяется анализу результатов социологических опросов и данных конфессиональной статистики.

The article examines the geography of Catholicism in modern Russia and describes the territorial organization of the Catholic Church in retrospect. Special attention is paid to the analysis of the data of the All-Russian survey on religions.

Ключевые слова: *география религий, католицизм.*

Key words: *geography of religions, Catholicism.*

В начале XX века в Российской Империи проживало около 5 млн католиков, принадлежащих к различным этносам.

После установления советской власти начались гонения на религию, которым подверглась им и католическая церковь. С середины 30-х гг. прошлого века на всей территории РСФСР официально действовали лишь храм святого Людовика в Москве и храм Лурдской Божией Матери в Ленинграде [1].

Только в 1990-е гг. католическая церковь получила право нормального и полноценного функционирования на территории России.

В 1991 г. было положено основание новой иерархической структуры католической церкви в России, которая не имеет никакого исторического преемства от дореволюционной Могилевской архиепархии, апостольским администратором для католиков европейской части России был назначен архиепископ Тадеуш Кондрусевич, резиденция которого находилась в Москве. В

азиатской части России апостольским администратором был назначен епископ Йозеф Верт, постоянно пребывавший в Иркутске. Таким образом, на территории России было сформировано две апостольские администрации, созданные по территориальному принципу.

Рис. 1. Территориальная организация Римско-католической Церкви в России на 2021 год. Составлено автором по [2, 3].

В 1998 г. каждая из этих администраций была поделена надвое: вновь выделяемую администрацию Юга европейской части России с центром в Саратове возглавил епископ Клеменс Пиккель, а администрацию Восточной Сибири в Новосибирске – епископ Ежи Мазур, в 2000 г. он же возглавил и восстановленную де-факто апостольскую префектуру Карафуту.

11 февраля 2002 г. апостольские администрации получили статус полноправных епархий и, в результате сформировалась современная территориальная организация Католической церкви в России. На территории страны были официально образованы архиепархия Божией Матери, епархия Святого Климента, Преображенская епархия и епархия Святого Иосифа, на южном Сахалине сохранялась апостольская префектура Карафуту.

Важно отметить, что во избежание путаницы и возможных конфликтов с Русской Православной Церковью, католическим епархиям на территории России намеренно дано было название, в котором никак не фигурирует территориальная привязка [2]. Архиепархия Божией Матери имеет кафедру в Москве, епархия

Святого Климента – в Саратове, Преображенская епархия – в Новосибирске, а епархия Святого Иосифа – в Иркутске [3].

МИД России воспринял сохранение префектуры с японским названием на своей территории как недружественный акт со стороны Святого Престола, за что ординарий епархии святого Иосифа и администратор Карафутто Ежи Мазур был объявлен персоной *non grata*, 19 апреля 2002 г. ему было отказано во въезде на территорию России. В связи с этим Папой Иоанном Павлом II апостольская префектура Карафутто была переименована в Южно-Сахалинскую апостольскую префектуру.

В 2014 г., после присоединения Крыма к Российской Федерации, на территории страны оказалась часть украинской Одесско-Симферопольской епархии. Это не привело к каким-либо каноническим последствиям, так как Ватикан не признаёт присоединение Крыма к России. Ныне Крымский викариат продолжает являться частью Одесско-Симферопольской епархии, продолжающий управлять им вспомогательный епископ Яцек Пыль служит в Крыму с 2012 г.

На сегодняшний день в России действует 235 католических приходов. Из них, 62 прихода находятся в Архиепархии Божией Матери, 52 – в Епархии Святого Климента, 70 – в Преображенской епархии, 42 – в Епархии Святого Иосифа (включая единственный приход Южно-Сахалинской префектуры – приход Святого Иакова в Южно-Сахалинске) и 9 приходов – в Крымском викариате Одесско-Симферопольской епархии [4].

Таблица 1.

Количество приходов Римско-католической Церкви в России по епархиям.

Епархия	1999 г.	2005 г.	2010 г.	2020 г.
Божией Матери	61	63	62	62
Святого Климента	52	57	52	52
Преображенская	178	216	199	70
Святого Иосифа	36	46	39	41
Южно-Сахалинская префектура	1	7	2	1
Крымский викариат (с 2014 г.)				9

Составлено автором по [4].

По результатам анализа количества приходов можно выделить два периода: с начала девяностых до середины нулевых годов наблюдался период бурного роста количества католических

приходов. Это было связано со снятием препятствий для религиозной и миссионерской деятельности, каждая малочисленная группа верующих регистрировала свой приход, в большинстве случаев не имея собственного храма и священника. С середины нулевых годов продолжается период оптимизации: со строительством или восстановлением храмов, приходы объединяются в более крупные, а несколько приходов, обслуживаемых одним священником, формально объединяются в один.

Сложность представляет и оценка общего количества католиков: по разным оценкам на территории России проживает от 300 тыс. до 1,5 млн католиков [2]. Официальные представители архиепархии Божией Матери заявляют примерно об 1 млн католиков в России [5]. По оценкам, приводимым в статистическом ежегоднике католической церкви *Annuario Pontificio*, в России на сегодняшний день проживает около 660 тыс. католиков.

Таблица 2.

Количество прихожан Римско-католической Церкви в России по епархиям, тыс.

Епархия	1999 г.	2005 г.	2010 г.	2017 г.
Божией Матери	200	200	200	70
Святого Климента	35	35	20	19
Преображенская	1 000	500	500	518
Святого Иосифа	50	52	52,56	52,6
Южно-Сахалинская префектура	2	2,1	1	1
Крымский викариат (с 2014 г.)				нет данных

Составлено автором по [4].

К этим данным стоит подходить весьма осторожно, так как все они являются довольно грубыми примерными оценками [6]. Столь большой разброс в численности адептов католицизма в России связан в том числе и с тем, кого именно считать католиком. Одни оценки учитывают крещённых в католической церкви, другие – количество практикующих прихожан, третьи же учитывают общее количество представителей народов, традиционно исповедующих католицизм [7].

Наиболее масштабным исследованием на данный момент, поднимающим вопросы вероисповедания в России, является всероссийский репрезентативный опрос, проведённый в 2012 г.

исследовательской службой «Среда» совместно с фондом «Общественное мнение». Выборка опроса составила 56 900 респондентов в 79 регионах России.

Согласно данным этого опроса, католицизм исповедует 0,13% россиян [8]. Ни в одном регионе России католики не составляют сколь-либо значимой по численности общности. Наибольшая доля адептов католицизма в населении наблюдается в Калининградской области, но даже здесь католики составляют всего около 1% жителей.

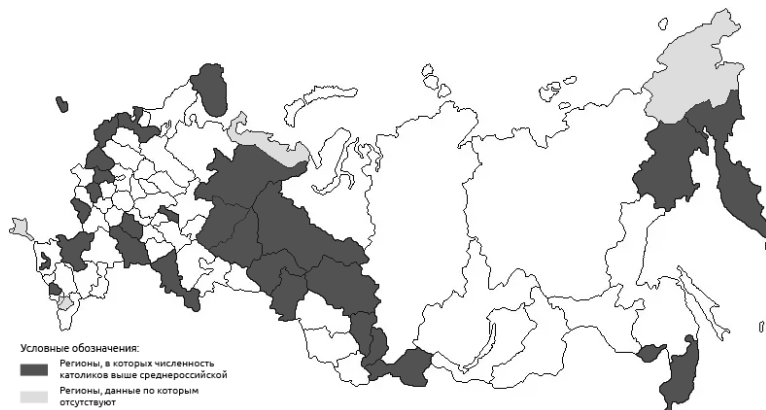

Рисунок 2. Регионы России, в которых численность католиков выше среднего общероссийского уровня.

Составлено автором по [8]

В 31 субъекте России доля католиков выше средней по стране. Помимо вышеупомянутой Калининградской области, это Белгородская, Смоленская, Омская, Магаданская, Свердловская, Калужская, Кемеровская, Томская, Омская, Магаданская, Мурманская, Пензенская, Орловская, Ростовская, Саратовская, Ленинградская, Тюменская, Оренбургская, Сахалинская и Псковская области; Камчатский, Пермский и Приморский края; республики Коми, Марий Эл, Хакасия, Адыгея, Тыва и Кабардино-Балкария; Еврейская автономная область; Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В этих же регионах, согласно данным опроса, доля украинцев, поляков, белорусов, немцев и других народов, традиционно исповедующих католицизм, выше средней по стране. Большинство российских католиков являются представителями этих

народов и так или иначе воспитывались в католических религиозных традициях.

Католическая церковь в современной России, несмотря на небольшое количество священников и прихожан, принимает активное участие в общественной, культурной и благотворительной жизни страны [9]. Свободное исповедание религий, в том числе и католицизма, их изучение, взаимное уважение между представителями разных конфессий, являются залогом процветания нашего многонационального государства.

Литература

1. Задворный В.Л., Юдин А.В. История Католической Церкви в России. Краткий очерк. М.: Издание колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995. 36 с.

2. Козлов-Струтинский С.Г., Парфентьев П.А. История Католической Церкви в России. СПб.: Белый камень, 2014. 740 с.

3. Горохов С.А. Конфессиональное геопространство России в постсекулярную эпоху: между традицией и современностью // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. С. 266-288.

4. *Annuario Pontificio/ Segreteria di Stato Vaticano, Ufficio Centrale di Statistica della Chiesa Cattolica – Rome: LEV Libreria Editrice Vaticana, 2020*

5. Католики в России – это не группы гастролеров и не гетто/ М. Фаустова // Независимая газета – 2020 – № 175.

6. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна / Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 85–90.

7. Горохов С.А., Агафшин М.М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64.

8. Арена: атлас религий и национальностей Российской Федерации / Исследовательская служба «Среда». М.: 2012. 240 с.

9. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства: монография. М.: Юнити-Дана. 2020. 235 с.

Сведения об авторе:

Терещук Олег Александрович, аспирант кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского МПГУ.

Tereshchuk Oleg Aleksandrovich, graduate student Department of Economic and Social Geography of Russia named after Academician of the Russian Academy of Education V. P. Maksakovsky Moscow State Pedagogical University,

E-mail: oa_tereshchuk2@student.mpgu.edu

УДК 911.3 : 913

В.Н. Федорко
V.N. Fedorko

ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

DYNAMICS AND GEOGRAPHY OF THE RUSSIAN POPULATION OF UZBEKISTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

Статья посвящена краткому анализу изменений численности и территориальной структуры расселения русских в Узбекистане, произошедших в период 1989-2019 годов. С учётом того, что перепись населения в Узбекистане в постсоветские годы не проводилась, сравнительный анализ выполнен на базе материалов Всесоюзной переписи населения 1989 г. и официальных материалов Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. Показано изменение в постсоветский период численности русских в Узбекистане, их места в этнической структуре населения страны и распределения по регионам республики.

The article is devoted to a brief analysis of changes in the number and territorial structure of the settlement of Russians in Uzbekistan that occurred in the period 1989-2019. Taking into account the fact that the population census in Uzbekistan in the post-Soviet years was not carried out, the comparative analysis was carried out on the basis of the materials of the All-Union Population Census of 1989 and official materials of the State Committee on Statistics of the Republic of Uzbekistan. The change in the post-Soviet period in the number of Russians in Uzbekistan, their place in the ethnic structure of the country's population and distribution by regions of the republic are shown.

Ключевые слова: *Узбекистан, население, этнический состав, русские, перепись населения, текущий статистический учёт, численность, удельный вес, расселение, региональная структура.*

Key words: *Uzbekistan, population, ethnic composition, Russians, population census, current statistical records, number, share, resettlement, regional structure.*

Этнический состав населения Узбекистана испытал весьма ощутимую трансформацию в постсоветский период под воздействием, прежде всего, масштабных миграционных процессов 1990-ых годов, охвативших всю территорию бывшего СССР (таблица 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Республики Узбекистан
в 1989 и 2019 гг.

Этносы	Начало 1989 г. (данные Всесоюзной переписи населения [1])		1.01.2019 г. (данные Госкомстата РУз)		Прирост численности (% 1989-2019 гг.)	Рост доли в этническом составе населения (1989-2019 гг.)
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		
Узбеки	14142,5	71,39	27989,1	84,16	97,9	1,18
Каракалпаки	411,9	2,08	730,3	2,20	77,3	1,06
Русские	1653,5	8,35	731,5	2,20	-55,8	0,26
Таджики	933,6	4,71	1596,1	4,80	71,0	1,02
Казахи	808,2	4,08	808,7	2,43	0,1	0,60
Киргизы	174,9	0,88	282,1	0,85	61,3	0,96
Туркмены	121,6	0,61	198,8	0,60	63,5	0,97
Татары	467,8	2,36	190,1	0,57	-59,4	0,24
Корейцы	183,1	0,92	175,4	0,53	-4,2	0,57
Украинцы	153,2	0,77	69,1	0,21	-54,9	0,27
Другие	759,8	3,84	484,3	1,46	-36,3	0,38

Таблица составлена автором

В течение рассматриваемого временного периода в высокой (хотя и в меньшей по сравнению с узбеками) степени выросла абсолютная численность и не намного, но увеличилась доля в национальной структуре населения республики каракалпаков и таджиков. Примечательно, что удельные показатели всех прочих основных этносов республики в этническом составе её населения в постсоветские годы снизились.

В постсоветскую эпоху отмечается значительный прирост абсолютной численности (в пределах 60-65 % по сравнению с 1989 г.) киргизов и туркмен в Узбекистане. Однако, их долевые показатели в национальной структуре населения республики при этом незначительно снизились, составив 96-97 % от базового показателя,

зафиксированного в ходе последней Всесоюзной переписи населения.

У казахов и корейцев в течение характеризуемого периода отмечается незначительное изменение (минимальный прирост или снижение) абсолютной численности при весьма ощутимом уменьшении удельного веса в этническом составе населения страны (57-60 % от уровня 1989 г.). В случае с казахами такой расклад, очевидно, свидетельствует о взаимном уравнивании достаточно высокого естественного прироста (наблюдаемого в целом у всех коренных этносов региона) и весьма интенсивного миграционного оттока этнических казахов из Узбекистана в Казахстан. Это, в частности, подтверждается тем, что до середины 2000-ых годов абсолютная численность казахов в Узбекистане поступательным образом росла, а затем весьма резко стала снижаться, практически сровнявшись к 2019 году с показателем 1989 года. Динамика же абсолютной и относительной численности корейцев в Узбекистане определяется, скорее, гораздо более скромными масштабами их эмиграции из республики в сопоставлении с другими этническими группами русскоговорящего населения (родным языком абсолютного большинства корейцев Узбекистана является русский язык) при естественном движении населения, в целом обеспечивающем простое воспроизводство на протяжении последних десятилетий [2].

В то же время, в Узбекистане в период 1989-2019 гг. резко сократилась, как абсолютная, так и относительная численность русских, а также украинцев и татар, составляющих большую часть русскоговорящего (или, как принято говорить в Узбекистане, европейского) населения республики. Примечательно, что темпы сокращения численности и удельного веса этих трёх этносов за постсоветский период практически одинаковы. Это свидетельствует о примерно одинаковой интенсивности миграционного оттока представителей этих этносов и сопоставимости параметров их возрастной структуры и демографического майла в рассматриваемый исторический период.

В 1989 г., по данным последней Всесоюзной переписи населения, в Узбекской ССР проживало 1 653,5 тысяч этнических русских. Русские тогда составляли вторую по численности национальность в национальном составе населения республики, на их долю приходилось 8,3 % её жителей [1,3]. Численность русского населения стремительно уменьшалась в первые постсоветские годы

в связи с интенсивной внешней миграцией, что в целом соответствовало общим для всего пространства бывшего СССР тенденциям [2,4]. В результате, по данным текущего статистического учёта постоянного населения на 2000 г., в республике проживало 1 199 тыс. русских, составлявших на тот период 4,9% ее населения. К 2005 г. численность русских сократилась на 215 тыс. чел. и составляла уже 983,6 тыс. чел. (3,8 % населения республики). В 2013 г. число русских составило 809,5 тыс. чел., что соответствовало 3,3 % общей численности жителей страны [3]. По данным Госкомстата РУз на 1.01.2019 г., в Узбекистане проживало около 731,5 тыс. русских, на долю которых приходилось 2,2 % населения республики.

Таблица 2

Динамика абсолютной и относительной численности русского населения Республики Узбекистан (1989-2019 гг.)

Год	Численность русского населения в Узбекистане , тыс. чел.	Изменение численности населения русских за весь период, тыс. чел.	Среднее годовое изменение, тыс. чел.	Удельный вес русских в этнической структуре населения, %	Изменение доли русских в населении республики за весь период, %	Среднее годовое изменение, %
1989	1653,5	-	-	8,3	-	-
2000	1199,0	-454,5	-41,3	4,9	-3,4	-0,3
2005	983,6	-215,4	-43,1	3,8	-0,9	-0,18
2009	895,3	-88,3	-22,1	3,3	-0,5	-0,12
2013	809,5	-85,8	-21,4	2,7	-0,6	-0,15
2019	731,5	-78,0	-13,0	2,2	-0,5	-0,08

Таблица составлена автором по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и материалам Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан

Из приведённых в таблице 2 данных следует, что за 1989-2019 гг. численность русского населения Узбекистана сократилась в 2,26 раза, а его доля в общей численности жителей республики – в 3,8 раза. При этом заметно некоторое уменьшение темпов отрицательной динамики численности и доли русского населения Узбекистана, что объясняется, очевидно, постепенным снижением его миграционного потенциала.

Следует отметить, что прослеживаемые по данным таблицы 2 тренды связаны не только с миграционным фактором, но и с возрастной структурой русского населения страны и резкими различиями в репродуктивных установках русских семей и представителей коренных национальностей Среднеазиатского

региона, приводящими к очень заметной дифференциации уровня рождаемости среди представителей различных этносов Узбекистана.

Наблюдается резкая неравномерность в распределении русского населения по территории Узбекистана – в основном большинство соотечественников проживает в столице, столичной области и крупных региональных центрах. Большая концентрация русских в городах связана, прежде всего, с их традиционно сложившейся преимущественной занятостью в промышленном производстве, образовании, здравоохранении, науке и культуре.

Данные таблицы 3 отражают распределение русского населения по регионам страны – Республике Каракалпакстан, областям и городу Ташкенту по состоянию на 1989 и 2019 гг. Очевидно, что ещё в советский период большинство русских жителей Узбекистана (более 40 %) концентрировалось в столице республики – Ташкенте. В последующие годы поляризованность географии русского населения выразилась ещё рельефнее, хотя говорить о резком росте удельного веса столицы в пространственной структуре русской диаспоры Узбекистана за последнюю четверть века всё-таки не приходится (45,8 % в 2019 г. против 42,4 % в 1989 г.). Второй показатель удельной доли русского населения на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялся за Ташкентской областью (около 19 % общей численности русской диаспоры республики). Третью и четвертую позиции удерживают Самаркандская и Ферганская области (по данным на 2019 г., 6,5 % и 5,7 %, соответственно).

Таблица 3

Территориальная структура русского населения Узбекистана в период 1989-2019 гг.

Регионы	1989	2019
Республика Каракалпакстан	1,2	1,4
Андижанская область	2,7	2,6
Бухарская область	8,1	3,4
Джизакская область	1,9	2,0
Кашкадарьинская область	2,3	2,8
Навоийская область	-	2,3
Наманганская область	1,6	1,6
Самаркандская область	6,9	6,5
Сурхандарьинская область	2,3	2,9
Сырдарьинская область	3,4	3,1

Ташкентская область	19,0	18,9
Ферганская область	7,5	5,7
Хорезмская область	0,7	0,8
Город Ташкент	42,4	45,8

Таблица составлена автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и материалам Государственного комитета по статистике Республики Узбекистана на 1.01.2019 г.

Резкое сокращение доли Бухарской области (с 8,1 % до 3,5 %) можно объяснить тем, что в 1989 г. в её состав входила отличающаяся индустриальной специализацией экономики и относительно высоким удельным весом некоренных национальностей, в т.ч. русских, Навоийская область, которая в 1992 г. была восстановлена в прежнем статусе, и показатели этого региона стали фигурировать в статистической отчётности республики отдельной строкой. Вместе с тем, анализ таблицы 3 показывает относительно не высокую долю Навоийской области по состоянию на 2019 г. (2,3 %). Это связано с резким ростом миграционного оттока русских из данного региона страны в последние годы.

На уровне 3 % установлен удельный показатель Сырдарьинской области – одного из немногих регионов республики, где исторически сложился заметный ареал сельского расселения русских, который, впрочем, к настоящему времени сильно сократился в масштабах. Близкие показатели имеют Сурхандарьинская, Кашкадарьинская, Андижанская и Джизакская области (2-2,9 %). Наименьшие значения рассматриваемого показателя отмечаются в Наманганской (1,6 %) и, особенно, в Хорезмской области (0,8 %), имеющих в основном аграрную специализацию, а также в Республике Каракалпакстан (1,4 %), отличающейся тяжёлой геозкологической ситуацией, вызванной деградацией природно-хозяйственных систем Приаралья.

Таблица 4

Доля русских в национальном составе населения регионов Узбекистана (1989-2019 гг.)

Регион	Доля русских в национальном составе населения			
	1989 г.	2005 г.	2013 г.	2019 г.
Республика Каракалпакстан	1,6	0,8	0,6	0,6
<i>Области:</i> Андижанская	2,6	0,9	0,7	0,6
Бухарская	8,2*	2,0	1,6	1,3
Джизакская	4,4	1,7	1,3	1,1

Кашкадарьинская	2,4	1,0	0,7	0,6
Навоийская	-	4,5	2,5	1,7
Наманганская	1,9	0,7	0,5	0,4
Самаркандская	5	2,2	1,5	1,2
Сурхандарьинская	3	1,3	1,0	0,8
Сырдарьинская	10	4,4	3,3	2,8
Ташкентская	14,6	7,4	5,6	4,8
Ферганская	5,8	2,0	1,4	1,1
Хорезмская	1,2	0,5	0,4	0,3
г.Ташкент	34	21,6	16,2	13,3

* вместе с Навоийской областью, упразднённой в 1988 г. и восстановленной в 1992 г.

Таблица составлена автором по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и материалам Госкомстата РУз [10,12].

В таблице 4 показано изменение доли русских в населении регионов Узбекистана в 1989-2019 гг. При общем сокращении удельного веса русского населения во всех регионах страны в постсоветский период самые высокие показатели сохраняются за городом Ташкентом (русские составляли 34 % населения города в 1989 г. и 13,3 % в 2019 г.), Ташкентской областью (14,6 % в 1989 г. и 4,8 % в 2019 г.) и Сырдарьинской областью (10 % в 1989 г. и 2,8 % в 2019 г.). Наименьший удельный вес русских в этническом составе отмечается в Наманганской (1,9 % в 1989г. и 0,4% в 2019 г.) и Хорезмской (1,2 % в 1989 г. и 0,3 % в 2019 г.) областях.

Можно выделить компактные ареалы проживания русских в Узбекистане: г.Ташкент и Ташкентская обл. (г.Чирчик, г.Алмалык, г. Бекабад, г.Ангрен, г.Ахангаран), Навоийская обл. (г.Навои, г.Зарафшан, г.Учкудук), г.Фергана, г.Кувасай, г.Самарканд, г. Каттакурган, Бухарская обл. (г.Каган), а также некоторые сельские районы Ташкентской и Сырдарьинской областей, железнодорожные пристанционные посёлки, возникшие в 19 в. вдоль Закаспийской железной дороги.

Эти этнотерриториальные структуры сложились исторически, главным образом, в связи со специализацией хозяйства, развитием индустриализации и урбанизацией отдельных территорий, в целом сохранившись в постсоветский период на фоне общего сокращения численности русских в стране. Таким образом,

очевидно сохранение в постсоветский период исторически сложившегося расселения русского населения Узбекистана.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 25.01.2021).
2. Максакова Л.П. Миграция населения Республики Узбекистан. – Ташкент: Издательский дом «Эльдинур», 2000. – 116 с.
3. Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии (экспертные мнения, аналитика, концепты): монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного Федер. ун-та, 2014. – С. 398-432.
4. Тожиева З., Федорко В. Динамика и география внешних миграций населения Узбекистана // Современные миграционные процессы: состояние и основные формы. Мат-лы межд. науч. конф. - Кишинев, 2016. – С. 65-75.

Сведения об авторе:

Федорко Виктор Николаевич, учитель географии высшей категории школы общего среднего образования №233 города Ташкента, доктор философии (PhD) по географическим наукам

Viktor Fedorko, geography teacher of the highest category of secondary school No.233 of the city of Tashkent, Doctor of Philosophy (PhD) in geographical sciences.

E-mail: viktor-f-89@mail.ru

Секция 2. «Пространственная социально-экономическая динамика и приоритеты развития общественной географии. Прогнозирование в общественной географии: подходы, методы, возможности»

УДК 911.5

М.В. Андреев, К.А. Галустов
M. V. Andreev, K.A. Galustov

**К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА**

**TO THE PROBLEM OF THE MODERN REPRESENTATION OF
THE PUBLIC SPACE**

В последние десятилетия общественное пространство, выступая одновременно научно-практическим концептом и реальным явлением городской среды, всё чаще становится объектом повышенного внимания со стороны представителей академического сообщества. По мнению специалистов в области городского развития, общественные пространства, сталкиваясь с современными вызовами социального и природного характера, трансформируются функционально или «размываются» в пределах городского пространства. В рамках доклада авторы, используя теоретические положения деятельностно-геопространственной парадигмы, предлагают альтернативный взгляд на сущность общественного пространства как динамичного и гибкого явления городской жизни.

In recent decades, public space is increasingly becoming an object of serious attention of the academic community. It is simultaneously a scientific and practical concept, and it is also phenomenon of the urban space. Some specialists in urbanistics think that this phenomenon is forced to transform or disappears, because of different social and natural factors. The authors offer an alternative view of the sense of public space as a dynamic and flexible phenomenon of the urban life based on the theoretical conception of so-called activity-geospatial paradigm.

Ключевые слова: общественное пространство, общественная география, деятельностно-геопространственный подход.

Key words: public space, human geography, activity-geospatial paradigm.

В современной науке и практике активно используется концепт «общественное пространство», ключевыми признаками

которого выступает **доступность места для всех граждан без исключения**¹⁰ [1,2]. Часть зарубежных авторов, изучающих феномен общественного пространства, признает, что на данный момент происходит определенного рода упадок или «конец общественного пространства» (англ. *the end of public space*) [3], который проявляется в трансформации функций общественного пространства и представлений о них, а также в виде повышения конфликтогенности публичных мест [4,5].

Обобщая подходы к «общественному пространству, следует определить некоторые критерии для его выявления: *принцип контроля, доступа и использования* [6]. С другой стороны, распространен подход, в котором общественные пространства трактуются как *общественные центры, материально-пространственная организация общественных форм потребления, административно-общественные зоны, зоны отдыха, зеленый пояс, лесопарковая зона, зоны общественного обслуживания* и т.п. [7]. Кроме того, в нормативно-правовых актах «общественное пространство» могут интерпретироваться как общественное место [8].

Следовательно, в традиционном смысле «классическое» общественное пространство рассматривается как **физическое пространство-место, в котором свободно возникают различного рода социальные, социокультурные отношения, реализуются общественно значимые функции.**

Обращая внимание на текущие проблемы развития общественных пространств, включая, например, применение карантинных мер во многих странах мира в связи с массовым распространением COVID-19, предлагается сменить угол зрения на саму сущность общественного пространства через осмысление пространственности данного явления городского жизни, что обеспечивается за счёт синтеза общественно-научных и географических представлений относительно социальных процессов, находящих своё отражение в современной общественно-географической картине мира.

По нашему мнению, актуальным фундаментальным подходом к определению общественного пространства выступает деятельностно-геопространственная парадигма, которая позволяет рассмотреть общественное пространство в

¹⁰ См. сайт ЮНЕСКО, <https://en.unesco.org/>

качестве спектра геообщественных отношений в городских условиях.

Российский географ Н. В. Каледин упорядочивает подходы к определению сущности географического пространства, выделяя в качестве основных *классический (геттнерианство)* и *современный подходы* [9]. При этом учёный акцентирует внимание именно на преимуществах *реляционного (отношенческого) подхода* в трактовке пространства.

Географическое пространство, согласно Н. В. Каледину, определяется как совокупность отношений разнокачественных географических объектов¹¹[10]. В этом смысле географическое пространство (или геопространство) абстрактно предстаёт в виде совокупности геосфер (*физико-географических и общественно-географических подпространств*), сформированных отношениями между различными географическими объектами [11].

Сталкиваясь с множеством общественных или социальных отношений как их интегрированной суммой (политических, экономических, межэтнических и других отношений), выделяются соответствующие социальные подпространства (политическое, экономическое, этническое и т.д.), имманентно включающие географическую стороны отношений, образуя тем самым совокупность геообщественные отношения.

Данный взгляд на социальные отношения предполагает, что физическое трехмерное пространство не тождественно социальному геообщественному пространству, а вмещает в себя все остальные социальные подпространства (политическое, экономическое, культурное и т.д.), возникающие как вследствие отношений между людьми [12]. При этом за изменениями пространственной стороны общественных отношений происходит трансформация содержания отношений.

Следовательно, на наш взгляд, общественное пространство не предполагает строгую пространственную привязку этих функций. В особенности, это имеет значение на тех территориях, где «усиливаются» природные, социальные и интегральные ингибиторы геоадаптации общества, в результате чего общественное пространство в привычной нам форме невозможно. Так, свободное, доступное для всех граждан общественное пространство (с позиции физического места) перестаёт выполнять свою функцию, а значит, и

¹¹ Под отношением понимается неразрывно сопринадлежащий признак для двух объектов.

существовать, поскольку возникают объективные и субъективные препятствия, разнообразные факторы в отношении деятельности общества.

На основе деятельностно-геопространственной парадигмы, общественное пространство как набор социальных и экономических функций может менять свой географический рисунок вслед за перемещением субъектов-элементов социального пространства.

При невозможности формирования общественных пространств в узком смысле возникает вопрос относительного поддержания такого уровня коммуникации общества, который позволяет функционально решать проблемы местного сообщества в тех или иных условиях. Другим же вариантом выступает пересмотр концепта общественного пространства. На наш взгляд, ключ к обеспечению общественных пространств в различных природных, социальных и интегральных условиях лежит в переосмыслении категории «общественного пространства», его классической интерпретации и закрепления за ним нового семантического постоянства на основе понимания сущности пространства как совокупности отношений.

Литература

1. Banerjee T. The future of public space: beyond invented streets and reinvented places //Journal of the American planning association. – 2001. – Т. 67. – №. 1. – С. 9-24.
2. Mehta V. Evaluating public space //Journal of Urban design. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – С. 53-88.
3. Carmona M. Contemporary public space: Critique and classification, part one: Critique //Journal of urban design. – 2010. – Т. 15. – №. 1. – С. 123-148.
4. Mitchell, D. 1995. “The End of Public Space? People’s Park, Definitions of the Public, and Democracy.” Annals of the Association of American Geographers 85: 108 – 133.
5. Banerjee T. The future of public space: beyond invented streets and reinvented places //Journal of the American planning association. – 2001. – Т. 67. – №. 1. – С. 9-24
6. Mehta V. Evaluating public space //Journal of Urban design. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – С. 53-88.
7. Кадыров, Т. Э. Общественные пространства: феномены, тенденции и процессы / Т. Э. Кадыров // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2014. – № 4. – С. 115–120.
8. Бредихин, И. Д. К дискуссии о понятии и признаках дефиниции «Общественное место» в административном законодательстве / И. Д.

Бредихин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 19. – С. 85–89.

9. Каледин Н. В. Геопространство: новые возможности теоретизации в географии // Социально-экономическая география-2011: теория и практика. – 2011. – С. 23-29.

10. Елацков А. Б. Отношение, связь и обособленность: философские категории в современном дискурсе // Философия и общество. 2016. №. 2 (79). С. 64–82.

11. Каледин Н. В. Деятельностно-геопространственная парадигма географии // География в системе наук о Земле: современные проблемы науки и образования. Материалы междунар. конф., посв. 165-летию создания Рус. геогр. о-ва и 85-летию организации геогр. ф-та в Санкт-Петербургского (Ленинградского) гос. ун-те / Под общ. ред. Т.А. Алиева, В.В. Дмитриева, Н.В. Каледина, К.В. Чистякова. – Издательство «ВВМ», 2011. – С. 385 стр., 39-45.

12. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 251 с.

Сведения об авторах:

Андреев Максим Владимирович. Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: maxander1308@gmail.com.

Галустов Кирилл Артёмович. Директор проекта Центра городских технологий и пространственного развития Северо-Западного института управления РАНХиГС. Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: k.galustov@yahoo.com

УДК 330.336

Н.Р. Асадуллина, К.В. Павлов
N. R. Asadullina, K. V. Pavlov

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

MODELING OF FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

В данной статье раскрываются теоретические аспекты осуществления процесса моделирования социально-экономических аспектов жизни общества с учетом разработанной стратегии развития

Республики Узбекистан в обозримой перспективе. Осуществлен множественный корреляционно-регрессионный анализ развития национальной экономики.

This article reveals the theoretical aspects of the process of modeling the socio-economic aspects of society, taking into account the developed development strategy of the Republic of Uzbekistan in the foreseeable future. Multiple correlation and regression analysis of the national economy development was performed.

Ключевые слова: *моделирование социально-экономических процессов, множественный корреляционно-регрессионный анализ, регрессионная модель, стратегия развития, уровень жизни населения.*

Keywords: *modeling of socio-economic processes, multiple correlation and regression analysis, regression model, development strategy, standard of living of the population.*

Отличительной чертой современного общества является его постоянная модернизация и диверсификация, причём происходящие изменения носят амбивалентный характер: совершенствуются одни, приходят в упадок другие. Поэтому возникает потребность в анализе социально-экономических аспектов жизни общества, одним из инструментов которого является моделирование различных сторон общественного развития, таких, как экологическая, демографическая, производственная и пр.

Акцент на развитие социально-экономических аспектов жизни общества сделан в Программе реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах, где поставлена задача «сокращения роли государства в регулировании социально-экономического развития страны, децентрализация и демократизация системы государственного управления» [1].

Актуальность моделирования социально-экономических аспектов жизни населения связана с переходными процессами трансформации экономики в условиях глобализации, когда неправильно выбранное стратегическое решение угрожает развитию общества, недопущение которого предполагает использование инструмента эконометрического моделирования. Особенно важно осуществлять моделирование процессов общественного развития в условиях кризиса, когда возрастает уровень неопределенности социально-экономической среды, усиливается степень ее изменчивости, а также возрастает значение различных патэкономических факторов [2].

Эконометрическое моделирование социально-экономических систем является неоднозначным процессом. Однако его рациональное применение является одним из факторов повышения конкурентоспособности экономических систем, с учетом возможностей современных информационных технологий для принятия решений на перспективу.

Использование моделей в исследовании социально-экономических аспектов жизни направлено на выполнение ряда функций: углубить познания в отношении действующих систем; выявить путь их совершенствования; сделать сравнительный анализ реального объекта и его математической модели, что позволит определить качественные характеристики. Эвристические функции моделирования заключаются в определении негативных тенденций и позитивных путей решения проблем.

Моделирование имеет свои цели: выяснить состояние проблемы на данный момент; определить «критические» моменты противоречий; определить тенденции развития и факторы, корректирующие нежелательное развитие; для поиска оптимальных вариантов разрешения проблем активизировать деятельность государственных и общественных организаций.

То, что модель не может отразить всю картину процесса, а отображает лишь отдельные его стороны, является неотъемлемым свойством модели. С одной стороны, это свойство метода затрудняет анализ процесса в целом, с учетом всех разнообразных взаимосвязей факторов. При этом эффективность модели зависит не только от того, насколько хорошо изучен данный процесс теоретически, но и от того, насколько успешно можно применить методики моделирования в каждом конкретном случае.

С другой стороны, рассматриваемое свойство дает ценную возможность выделить и имитировать в модели наиболее существенные факторы и на этой основе изучить их действие и взаимосвязи с другими существенными факторами и процессом в целом. Здесь кроются возможности для использования метода моделирования в прогностических целях: опираясь на знание о функционировании важнейших факторов, определяющих динамику процесса, можно дать прогноз его дальнейшего развития. Использование сильных сторон метода моделирования и знание его слабостей, сочетание этого метода с другими, количественного анализа с качественным дает основания получить достоверные результаты.

При моделировании социальных процессов ставятся самые различные цели и решаются разнообразные задачи. С помощью моделирования определяются оптимальные размеры, предсказывается поведение системы, анализируются факторы, в результате которых обосновывается разный уровень жизни [3].

Уровень жизни населения – один из важнейших показателей экономического развития любой страны. Для комплексного анализа уровня жизни населения используются следующие показатели: уровень среднедушевых доходов населения, степень дифференциации населения по доходам и потреблению, величина прожиточного минимума, уровень бедности населения, а также жизненный стандарт, то есть минимальный объем потребительских благ, который гарантирован государством.

Уровни жизни характеризуются показателями, и возможности их осуществления рассчитываются при моделировании, одним из которых является показатель ВВП на душу населения, динамика и тренд которого представлен на рис. 1.

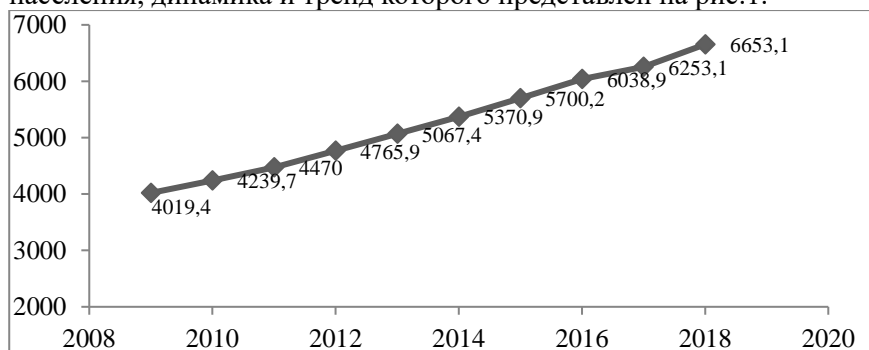

Рис. 1. Динамика показателя ВВП на душу населения Узбекистана за период 2009-2018 г.г.[4]

Показатели уровня жизни населения, в свою очередь, исследуются с помощью целой системы приемов и методов, в частности, методов статистического и эконометрического моделирования.

Вопросы регулирования и управления социально-экономическими процессами, в том числе уровня жизни населения, предполагают построение и разработку эконометрических моделей. Особая сложность моделирования социально-экономических процессов в том, что оно требует теоретического осмысления в соответствии с существующей социальной действительностью.

Актуальность моделирования социально-экономических процессов в условиях рыночной экономики обусловлено, прежде всего, тем, что оно является неотъемлемой частью прогнозирования, которое определяет эффективность управления социально-экономической сферой.

При анализе социально-экономических процессов, в том числе благосостояния населения, на основе экономико-математических методов особое место занимают эконометрические модели, которые позволяют выявить и измерить количественные связи между изучаемыми показателями и влияющими на них факторами.

Эконометрические модели в исследовании уровня жизни населения применяются в зависимости от целей и направлений анализа, а также от наличия информации. В этой связи построена и интерпретирована модель зависимости ВВП на душу населения Узбекистана от темпов инфляции и безработицы за период 2009-2018 гг.

На основе анализа матрицы коэффициентов парной корреляции выявлено отсутствие явления мультиколлинеарности факторов, в связи с чем все вышеперечисленные факторы были включены в модель. В результате множественного корреляционно-регрессионного анализа получена следующая регрессионная модель с полным набором факторов:

$$Y = 25180,8 - 2456,83X_1 - 103,01X_2$$

где Y- ВВП на душу населения, млн. сум.

X_1 -уровень безработицы, %

X_2 - уровень инфляции, %

При математическом моделировании необходимо оценить адекватность построенной модели, т. е. соответствия модели реальному процессу, при имеется в виду не просто адекватность, а соответствие ее тем свойствам, которые считаются существенными для исследования. Проверка адекватности эконометрических моделей является серьезной проблемой, так как без такой проверки применение результатов моделирования в управленческих решениях может оказаться невозможным.

Анализ построенной модели выявил следующее: факторы, включенные в модель, способствуют снижению уровня жизни. В частности, возрастание уровня безработицы на 1% приводит к снижению ВВП на душу населения на 2456,83 млн.сум,

соответственно возрастание уровня инфляции на 1% снижает на 103,01 млн.сум, т.е. между отношением ВВП на душу населения к уровню безработицы и уровню инфляции существует обратная связь. При этом сравнительный анализ влияния факторов на объем ВВП на душу населения отмечает более сильное влияние на него уровня безработицы, чем уровня инфляции, что может быть ориентиром для управления социально-экономическим развитием общества на перспективу.

Множественный коэффициент корреляции, равный 0,8587, показывает, что связь между уровнем ВВП на душу населения и факторами, включенными в модель, сильная и это подтверждает правильность гипотезы о взаимосвязи между включенными в модель показателями. Множественный коэффициент детерминации, равный 0,7377 показывает, что вариация уровня ВВП на душу населения на 73,77% зависит от вариации факторов, включенных в модель, что указывает на адекватность модели.

Оценка значимости уравнения регрессии в целом производилась с помощью F-критерия Фишера и так как выполняется условие $F_{расч} > F_{табл}$, то с вероятностью 95% принимается гипотеза о статистической значимости эконометрической модели и ее использования для целей принятия решений или прогнозирования на перспективу.

Таким образом, подход построения эконометрических моделей социально-экономических аспектов жизни общества на современном уровне исследований имеет право на существование.

Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах». от 7 февраля 2017 года № УП-4947
2. Павлов, К.В. Патологические процессы в экономике / К.В. Павлов // - М.: Магистр, 2009. – 461 с.
3. https://spravochnik.ru/sociologiya/suschnost_i_principy_socialnyh_processov/modelirovanie_socialnyh_processov/
4. Официальный сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. Режим доступа: <http://www.stat.uz>

Сведения об авторах:

Асадуллина Наиля Рамильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика труда и управления»

Ташкентского филиала Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова Республики Узбекистан.

E-mail: gasadullina@mail.ru

Павлов Константин Викторович, доктор экономических
наук, профессор, профессор кафедры экономики Полоцкого
государственного университета Республики Беларусь.

E-mail: kvp_ruk@mail.ru

УДК 911.3:338.46(100)

Т. А. Ачкасова

T. A. Achkasova

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЕЕМКИХ ОТРАСЛЕЙ УСЛУГ В СТРАНАХ И РЕГИОНАХ МИРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

KEY TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE- INTENSIVE SERVICES INDUSTRIES IN COUNTRIES AND WORD REGIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

*В статье рассмотрена динамика развития знаниеемких отраслей
услуг (образования, здравоохранения, финансовых, деловых и
информационных услуг) с 2001 по 2016 г. Особое внимание уделено вкладу
и специализации отдельных стран и регионов мира. Выявлена ведущая роль
США и все более возрастающее влияние Китая.*

*The article examines the dynamics of the development of knowledge-
intensive service industries (education, healthcare, financial, business and
information services) from 2001 to 2016. Special attention is paid to the
contribution and specialization of specific countries and world regions. The
leading role of the United States and the increasing influence of China are
revealed.*

Ключевые слова: *третичный сектор, знаниеемкие отрасли услуг,
образование, здравоохранение, финансовые услуги, деловые услуги,
информационные услуги.*

Key words: *tertiary sector, knowledge-intensive services industries,
education, healthcare, financial services, business services, information
services.*

Третичный сектор в большей степени разнороден, чем другие сектора экономики. К нему относятся как простейшие виды деятельности, обеспечивающие потребности отдельных индивидуумов (парикмахерские услуги, услуги по пошиву одежды), так и в высшей степени сложные (создание программного обеспечения, финансовые услуги) [1].

Уже давно была осознана необходимость классификации отраслей сферы услуг по степени их сложности (например, [2]).

В 2000-х гг. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) было предложено выделять наукоемкие отрасли (основной критерий – доля расходов на НИОКР), в т.ч. знаниеемкие (knowledge-intensive) отрасли услуг. Подходы к выделению состава данных отраслей время от времени претерпевали некоторые изменения. Так, на 2018 г. был актуален подход, согласно которому к знаниеемким относились следующие 5 отраслей: образовательные, медицинские, финансовые, деловые и информационные услуги.

На основе методики ОЭСР Национальным научным фондом США на протяжении ряда лет проводился сбор статистики по всем ключевым странам мира. В последнем опубликованном отчете «Science and Engineering Indicators 2018» [3] доступны данные за 2001–2016 гг. (добавленная стоимость в текущих ценах, экспорт, импорт).

В 2016 г. добавленная стоимость, произведенная в знаниеемких отраслях услуг в целом по миру, составила 18,6 трлн долл. США (в текущих ценах). На протяжении предыдущих 15 лет для данного показателя был характерен постоянный рост значений, за исключением посткризисного 2009 г. и 2015 г., не изменивших, однако, общей тенденции.

Треть произведенной в мире добавленной стоимости приходится на США (32,2% в 2016 %), на следующий за ними Китай – доля в два с лишним раза меньшая (14,1%), на Японию – 7,3%.

Доля знаниеемких отраслей услуг в ВВП мира в течение всего рассматриваемого периода оставалась практически неизменной и составляла 23–25% (2016 г. – 25%).

В 2016 г. для мира в целом была характерна следующая структура сектора наукоемких услуг (по распределению добавленной стоимости): информационные услуги – 16%; образование – 17%; здравоохранение – 20,6%; бизнес-услуги – 21,2%, финансовые услуги – 24%. Отметим, что подобная структура выглядит довольно сбалансированной.

Сравнив с помощью коэффициента подобия структуры сектора знаниеемких услуг отдельных стран с общемировой структурой, находим, что наиболее сходное с общемировой картиной соотношение отраслей у США (информационные услуги – 15,9%; образование – 16,3%; бизнес-услуги – 21,9%, здравоохранение – 22,8%; финансовые услуги – 23%). Очень близки к ней структуры Марокко, России, Италии, Великобритании, ЕС в целом, Бангладеш и др. Несмотря на то, что в этом списке встречаются слаборазвитые страны, в общем можно сделать вывод, что наиболее подобным среднемировому соотношением отраслей обладают страны с достаточно высоким уровнем развития хозяйства.

В Китае ниже доля здравоохранения (10%) и выше доля финансовых услуг (38%).

В наибольшей степени от общемировой отличаются структуры таких стран, как Тунис, Нигерия, Малайзия, Кения, Гана, Бахрейн. В первых трех странах очень слабо развиты здравоохранение и образование. Этим, прежде всего, и определяется своеобразие структуры их сектора знаниеемких услуг. В других трех странах понижены доли бизнес-услуг и здравоохранения, при этом, на финансовые услуги приходится около половины добавленной стоимости, произведенной в секторе.

Абсолютный объем добавленной стоимости, произведенной в отраслях *медицинских услуг*, в 2016 г. составил око 4 трлн долл. (5% от мирового ВВП). Более трети этого объема (36%) приходилось на США. Сравнима с долей США доля всех стран Европейского Союза – 27%. США и ЕС на протяжении всего рассматриваемого периода занимали две верхние строчки в данном рейтинге, периодически меняясь местами. Так, с 2004 г. по 2012 г. США были вторыми. Максимальный вклад США был равен 39% (в 2001–2020 гг.), а ЕС – 37% (2007 г.).

Если не брать в расчет ЕС, представляющий собой группу стран, то второе место после США занимает Япония. Причем, ее доля в 3 раза меньше – 11%. Несмотря на то, что Япония все еще остается на втором месте, ее вклад постепенно сокращается: в 2001 г. он был равен 16%. А вот доля и место в рейтинге Китая планомерно идут вверх: в 2001 г. на Китай приходилось 2% добавленной стоимости, производимой в мире в сфере здравоохранения, и он занимал 8 место по этому показателю, а в 2016 г. с 7% он находился уже на 3 месте. Следом за Китаем идут

такие развитые европейские страны, как Германия (6%), Франция (5%), Великобритания (4%). Их доли достаточно стабильны, увеличиваясь или сокращаясь периодически на 1–2 п.п.

Как уже было упомянуто выше, доля медицинских услуг в ВВП мира составляет около 5%. Причем, этот показатель практически не изменялся в течение анализируемых 15 лет. Перечислим страны, для которых характерны максимальные значения доли здравоохранения в ВВП (на 2016 г.): Дания (10%), Норвегия (10%), Швеция (9%), Нидерланды (8%), Япония (8%), Финляндия (8%), Франция (8%), Швейцария (8%), США (7%). Практически для той же группы стран характерны самые высокие значения доли медицинских услуг в секторе знаниеемких услуг: Норвегия (36%), Финляндия (33%), Дания (32%), Швеция (30%), Япония (30%) и т.д. Напомним, что в среднем по миру данный показатель составляет 20,6%.

Структура вклада отдельных стран в добавленную стоимость, производимую в мире в *образовательных услугах*, подобна структуре вклада стран в здравоохранение, которую мы анализировали выше. Треть (31%) приходится на США. Сразу за ними следует Евросоюз (24%), с которым в конце 2010-х гг. они менялись местами. На втором месте, в данном случае уже обойдя Японию, находится Китай (13%): он нарастил свой вклад более, чем в 4 раза (3% в 2001 г.), и поднялся с 7 места. Вклад Японии, наоборот, сократился: 14% в 2001 г., 6% в 2016 г. В итоге она сместилась со 2-ой на 3-ю строчку в рейтинге. За Японией (как и в подобном рейтинге для здравоохранения) идут Великобритания (4%), Германия (4%), Франция (4%).

Однако, при анализе доли добавленной стоимости образовательных услуг в ВВП стран вскрывается картина, совершенно отличная от той, что мы видели в случае с медицинскими услугами. Самые высокие места в рейтинге здесь занимают не скандинавские, а латиноамериканские страны. Причем, из 11 первых строчек им принадлежат 7: Чили (1 м., 7%), Коста-Рика (2 м., 7%), Венесуэла (3 м., 7%), Гондурас (4 м., 7%), Бразилия (6 м., 6%), Колумбия (10 м., 6%), Аргентина (11 м., 6%). Оставшиеся 4 позиции занимают европейские Бельгия (5 м., 6%), Греция (8 м., 6%), Португалия (9 м., 6%) и азиатский Оман (7 м., 6%). Обратим внимание, что значения показателей этих стран очень близки, отличаясь на десятые и сотые доли процента. Они в 1,5 – почти в 2 раза выше общемирового показателя – 4% ВВП.

Анализируя долю образования в секторе знаниеемких услуг, также приходим к выводу, что здесь выделяются латиноамериканские страны, но встречаются и африканские. Если в целом по миру данная доля составляет 17%, то в странах-лидерах она заметно выше: Камерун (37%), Гондурас (33%), Кения (32%), Венесуэла (30%), Эквадор (30%), Греция (29%), Колумбия (29%), Мексика (29%), Чили (27%), Аргентина (27%).

Несомненно, большую роль на показатели сферы образования оказывают особенности ее организации, объемы и форма финансирования, однако, в слаборазвитых странах ее большой вес может быть обусловлен недостаточным уровнем развития, а может быть связан с отсутствием налаженной системы учета, других, прежде всего, коммерческих, видов услуг.

Проведя анализ показателей, характеризующих как отдельные подотрасли *коммерческих услуг* (бизнес-услуги, финансовые, информационные), так и общую их совокупность, мы пришли к выводу, что для них характерны практически одни и те же пропорции и закономерности развития (как во времени, так и в пространстве). Поэтому мы не будем отдельно описывать каждую из подотраслей, а дадим общую характеристику, сделав акцент на особых случаях.

Во всех отраслях коммерческих услуг лидером по объему добавленной стоимости являются США. Их вклад в общемировой объем составляет около 30%. Однако, в 2001 г. эта доля была еще выше – почти 40% (а в финансовых услугах – 44%). Несмотря на общее сокращение, в середине 2010-х гг. наблюдался даже ее небольшой рост после минимума, достигнутого в начале десятилетия.

Второе место с долей чуть больше 20% занимает Европейский Союз. За анализируемые 15 лет доля ЕС также несколько сократилась, но динамика ее имела обратный характер (если сравнивать с США): до начала 2010-х гг. – подъем, после – сокращение. В результате этого в отдельные годы ЕС опережал США.

ЕС находится на третьем месте по вкладу в мировую добавленную стоимость только в случае с финансовыми услугами (17%). Здесь его уже обогнал Китай, доля которого за 15 лет увеличилась более, чем в 5 раз (с 3% до 22%). В других отраслях коммерческих услуг Китай демонстрирует подобную же динамику. Однако, в данных случаях ему удалось опередить только Японию.

Япония во всех подотраслях сократила свой вклад вдвое (с 12–15% до 5–8%).

Далее в разном порядке (иногда спускаясь чуть ниже), идут Великобритания, Германия, Франция (ок. 4–5% добавленной стоимости, произведенной в мире).

Следующая группа стран: Индия, Италия, Бразилия, Канада, Австралия, Южная Корея (ок. 2–3%).

Таким образом, в наибольшей степени от других подотраслей по вкладу отдельных стран отличаются финансовые услуги.

По доле коммерческих услуг в ВВП выделяются Бахрейн (25%), Израиль (23%), Новая Зеландия (22%), Швейцария (22%), Ирландия (21%), Великобритания (21%), США (20%). Доля Китая совпадает со среднемировым показателем – 17%.

Перечислим страны-лидеры по доле в ВВП отдельных подотраслей: бизнес-услуги – Новая Зеландия (13%, средн. по миру – 5%); финансовые услуги – Бахрейн (54%, средн. по миру – 24%); информационные услуги – Ирландия (8%, средн. по миру – 4%).

Литература

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.

2. Сивицкий А.В. Терминологические проблемы географии сектора услуг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1998. № 2. С. 18–22.

3. Science and Engineering Indicators 2018 (National Science Foundation): www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181 (дата последнего обращения 15.12.2020).

Сведения об авторе:

Ачкасова Татьяна Анатольевна – к.г.н., старший преподаватель Кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: atchkassova_ta@mail.ru

УДК 911.37

Р.А. Бабкин
R.A. Babkin

ИЗУЧЕНИЕ ПУЛЬСАЦИЙ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДАННЫМ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ

STUDY OF PULSATIONS IN THE SETTLEMENT SYSTEM OF THE MOSCOW METROPOLITAN REGION: RESEARCH EXPERIENCE BASED ON DATA FROM MOBILE PHONE DATA

Сопряженность пространственно-временных ритмов двух регионов – Москвы и Московской области формирует единую совместно функционирующую систему расселения. Внутренняя центр-периферийная поляризация ее пространства приводит к масштабным перемещениям населения в рамках различных временных ритмов. В работе при помощи данных сотовых операторов о локализации абонентов мобильной связи показаны изменения в численности и распределении населения в суточном, недельном и сезонном циклах. Появление таких данных позволяет провести «ревизию» существующей системы расселения, которая традиционно исследуется на основе данных Росстата, которые подвержены сильным искажениям. В настоящей работе показана картина разновременных пульсаций численности населения в Московском регионе, а также искажения официальной статистики при учете людности различных частей столичной системы расселения.

The conjugacy of the space-time rhythms of the two regions-Moscow and the Moscow Region-forms a single jointly functioning settlement system. The internal center-peripheral polarization of its space leads to large-scale population movements within different time rhythms. The paper uses data from mobile operators on the localization of mobile subscribers to show changes in the number and distribution of the population in the daily, weekly and seasonal cycles. The appearance of such data makes it possible to conduct a "revision" of the existing settlement system, which is traditionally studied on the basis of Rosstat data, which are subject to strong distortions. This paper shows a picture of the population fluctuations in the Moscow region at different times, as well as the distortion of official statistics when taking into account the population of different parts of the metropolitan settlement system.

Ключевые слова: *Московская агломерация, маятниковые миграции, пульсации населения, система расселения, данные сотовых операторов.*

Key words: *Moscow metropolitan area, commuting, fluctuations of population, resettlement system, mobile phone data.*

Имеющиеся различия между местами проживания людей и центрами их занятости и досуга обуславливают постоянные перемещения населения в разновременных циклах.

Анализируя изменения численности населения в Московском регионе, стоит отметить существенные отличия показателей от тех данных, которые предоставляет Росстат. Информация сотовых операторов показывает, что значительные искажения наличного населения среднестатистической будней ночи зимнего сезона (как временного среза, когда большая часть людей находится в местах своего постоянного проживания) от сведений Росстата о постоянном населении. Было выявлено завышение численности населения Москвы и недоучет многих граждан, проживающих в Московской области. Так, в течение всего теплого сезона года численность населения Москвы меньше людности Московской области. Более того, даже в холодное время года, когда большая часть населения проживает в основном жилье значения людности двух этих административных единиц сопоставимы (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения в различные временные срезы 2019 г.

Временной срез	Численность населения, млн. чел.		
	Москва	Московская область	Всего столичный регион
Зима будняя ночь	10,2	11,3	21,5
Зима будний день	11,6	10,7	22,3
Зима выходная ночь	9,5	11,7	21,2
Лето выходная ночь	7,6	11,3	18,9
Росстат (на конец 2019 г.)	12,6	7,6	20,2

Источник: составлено автором по данным сотовых операторов

Полученные данные позволяют пересмотреть, сложившиеся представления о двух регионах столичной агломерации. Необходимо констатировать, что людность Московской области недоучитывается в среднем наполовину в течение года, что приводит к негативным социально-экономическим последствиям.

На примере нескольких городских центров Московской области рассмотрим три основных типа пульсаций людности: суточные, недельные и сезонные (табл. 2).

Масштабы суточных перетоков населения отражает соотношение между зимней будней ночью (1) и днем (2). Полуотходнический режим характеризует соотношение зимней будней (1) и выходных (3) ночей. Наконец, сезонные соотношения лучше всего показывают временные срезы зимней будней (1) и летней выходной (4) ночей.

Анализ суточных пульсаций показывает, что ближние к столице городские центры (Балашиха, Мытищи) в дневные часы теряют до 15-20% населения. Однако более самодостаточный город-спутник 1-го порядка Химки, почти не теряет в людности, поскольку в нем происходит почти полное замещение комьютеров отправляющихся в столицу жителями более дальних частей области [2,3]. Города, расположенные на некотором расстоянии от Москвы либо почти не теряют население в рамках суточного цикла (Егорьевск, Бронницы) или даже наращивают его, становясь деловыми аттракторами для окружающих территорий (Коломна, Дубна или Можайск).

Таблица 2.

Численность населения некоторых городов Московской области по данным сотовых операторов, 2019 г.

Город	Зима будняя ночь	Зима будний день	Зима выходная ночь	Лето выходная ночь
	(1)	(2)	(3)	(4)
Балашиха	600,8	496,2	582,6	495,7
Бронницы	18,1	18,9	17,6	17,1
Мытищи	460,7	430,8	461,6	407,3
Можайск	49,5	54,9	50,3	45,2
Дубна	83,0	94,8	85,2	79,2
Егорьевск	101,7	101,9	109,0	116,5
Коломна	106,8	109,4	104,2	94,2
Химки	382,4	365,0	366,9	310,0
Клин	154,6	164,3	163,0	165,8
Электросталь	116,4	118,6	111,0	94,2

Источник: составлено автором по данным сотовых операторов

Рассмотрение недельных пульсаций выделяет центры подверженные полуотходническим миграциям – это удаленные от столицы города области: Егорьевск, Дубна, Клин. Другие города слабее втянуты в полуотходнический цикл.

Если говорить о сезонных пульсациях, то можно сказать, что все городские центры летом теряют свое население. Исключения составляют города, в состав которых были включены обширные сельские территории, привлекающих дачников.

Еще одним результатом работы стало обнаружение несоответствия между численностью населения, определяемого муниципальной статистикой и данными сотовых операторов о распределении граждан по территории Московского региона. Ранее исследователи не раз отмечали, что данные переписи и текущего учета населения серьезно искажают реальное распределение населения, однако масштабы этих искажений были малопонятны [1]. Незначительные различия между двумя типами данных имеют место только в центральных районах Москвы, в то время как для практически всех районов вне центра столицы наблюдается завышение численности населения муниципальной статистикой. Одновременно с этим для районов Московской области свойственно занижение показателей, и для ряда муниципалитетов расхождения между двумя типами источников информации могут достигать величин в 300% и более. Как следствие, можно говорить о существенной недооценке реальной численности населения Московской области при некоторой переоценке данных о постоянной численности населения Москвы, что ярко демонстрирует нерелевантность официальной статистики в вопросах анализа современной структуры расселения столичного региона и пространственной динамики, происходящей в ней. Это требует внесения поправок в ряд статистических показателей, характеризующих распределение населения и мест приложения труда.

Выводы:

Столичная система расселения отличается высокой динамичностью, измерить которую позволяют данные сотовых операторов. При помощи этих сведений мы выявляем, что ближайшие к столице города-спутники в дневные часы теряют 15-20% своего населения. При этом более удаленные городские центры взаимодействуют со столицей преимущественно в рамках недельных циклов, а суточные изменения людности для них менее характерны. Сезонные изменения численности населения свойственны всем городам, которые теряют население в пользу дачно-сельских периферийных районов. По результатам исследования стоит констатировать, что реальное распределение

населения по территории столичного региона сильно отличается от картины, демонстрируемой Росстатом. Особенно недоучитывается население ряда центров Московской области. Росстат недоучитывает более 3,5 млн. жителей области, часть из которых приписаны к Москве, а часть – вовсе невидима официальной статистикой. Кроме того, сильные сезонные изменения в численности населения кардинально видоизменяют систему расселения в летний период.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда №19-17-00174 Института Географии РАН «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России».

Литература

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. №11. С. 21-35.
2. Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71-82.
3. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Вопросы географии. Сб. 131. – М.: 1988. С. 56-63.

Сведения об авторе:

Бабкин Роман Александрович, кандидат географических наук, младший научный сотрудник РЭУ им. Г.В. Плеханова, Младший научный сотрудник Института географии РАН
E-mail: babkin_ra@mail.ru

УДК 911.3:33

С.В. Бадина
S.V. Badina

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УЩЕРБОВ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО
ФОНДА ОТ ТАЯНИЯ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ В
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

DAMAGES FORECASTING FOR THE HOUSING STOCK FROM PERMAFROST THAWING IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье предложена методика оценки предельных вероятных ущербов для жилищного фонда от таяния многолетней мерзлоты вследствие прогнозируемых климатических изменений в муниципальных образованиях Российской Арктики. Оценочная стоимость жилищного фонда в ареале максимальных геокриологических рисков к середине XXI века составляет порядка 600 млрд. рублей в ценах 2020 года.

The article proposes a method for assessing the maximum probable damage to the housing stock from permafrost thawing due to predicted climatic changes in the municipalities of the Russian Arctic. The estimated cost of the housing stock in the maximum geocryological risks area is about 600 billion rubles by the middle of the XXI century (in 2020 prices).

Ключевые слова: *Российская Арктика, многолетняя мерзлота, потепление климата, природные риски, социально-экономические ущербы, жилищный фонд.*

Key words. *Russian Arctic, permafrost, climate warming, natural risks, socio-economic damages, housing stock.*

Экономическая деятельность и жизнь людей в Арктике сопряжена с повышенными издержками и рисками, в том числе, связанными с климатическими изменениями, ожидаемые последствия которых, согласно существующим научным прогнозам, будут иметь наибольший масштаб именно в приполярных регионах [1]. Один из наиболее существенных рисков связан с деградацией многолетней мерзлоты. По различным сценариям к концу XXI века площадь приповерхностных многолетнемерзлых грунтов в северном полушарии может уменьшиться от 40 до более чем 70% [2]. Основные риски от таяния многолетней мерзлоты связаны с деформацией и разрушением зданий и сооружений, построенных с использованием свайного типа фундаментов. В российской криолитозоне более 75% зданий построено с использованием данного принципа строительства. Изменение оптимального диапазона температур, заложенного при проектировании, вследствие естественных или антропогенных причин неизбежно приводит к разрушительным последствиям. Единовременный и массовый вывод из эксплуатации значительной доли жилых домов и основных фондов экономики приведет к быстрому ухудшению

социально-экономической ситуации в арктических регионах, поскольку восстановление фондов представляет собой длительный и капиталоемкий процесс, особенно в экстремальных арктических условиях [3].

В настоящее время система мониторинга мерзлотных условий, сформировавшаяся в советский период, значительно сузилась. Мониторинг свайных фундаментов жилищного фонда, необходимые проверки соблюдения эксплуатационных норм в арктических городах также перестали носить системный и регулярный характер. Понимание исключительной важности данной проблемы, необходимости возобновления мониторинга многолетней мерзлоты, в том числе в урбанизированных ареалах, нашла отражение в новейших документах стратегического планирования, таких как Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Целью данной работы является прогнозирование потенциальных ущербов со стороны жилищного фонда, находящегося в криолитозоне Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Информационной базой исследования послужили следующие открытые ресурсы:

Была создана база данных в территориальном разрезе муниципальных образований регионов АЗРФ¹², включающая следующие показатели: адрес жилого дома, год ввода в эксплуатацию, площадь. Всего в базу данных вошли 33,8 тыс. жилых домов общей площадью порядка 61,1 млн квадратных метров. Для оценки потенциальных ущербов от таяния многолетней мерзлоты требуется рассчитать рыночную стоимость жилищного фонда, расположенного в ареалах потенциального риска. Важным уточняющей переменной при этом является год ввода жилого дома в эксплуатацию, поскольку более новый фонд в целом более приближен к современным эксплуатационным условиям, параметры которых (допустимые предельные значения температур и пр.) закладывались при проектировании, и в целом новый фонд

¹² В границах, установленных Указом Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции указов Президента Российской Федерации от 27.06.2017 № 287, от 13.05.2019 № 220, от 05.03.2020 № 164)

отличается меньшей степенью изношенности (меньше влияние других факторов, влияющих на деформации).

Данные о площади многоквартирных домов на официальном сайте Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (основном информационном ресурсе исследования) даны по муниципальным образованиям с различной степенью полноты: средний процент раскрытия информации от менее чем 60% до 80% и выше. Это потребовало проведение процедуры дооценки недостающих параметров при расчете стоимости. Средняя рыночная стоимость 1 кв. метра общей площади жилья была получена на основании нормативно-правовых документов региональных и муниципальных органов власти «Об утверждении размера средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья», с официальных сайтов администраций муниципальных образований, а также при отсутствии данных – посредством анализа сайтов рынка недвижимости. Внутрирегиональная дифференциация данного параметра весьма высока, особенно в регионах, полностью не включенных в состав АЗРФ, в связи с этим, насколько позволяли открытые данные, информация о стоимости брались в максимально возможном для данного исследования крупном масштабе – на уровне сельских и городских поселений. Также в некоторых случаях использовались «Понижающие коэффициенты для расчета рыночной стоимости жилья вне областных центров и крупных городов», утвержденные Приказом Росстата от 22.08.2012 N 459 «Об утверждении Методологических указаний по расчету текущей рыночной стоимости жилых зданий в соответствии с требованиями Системы национальных счетов».

Дооценка стоимости жилых домов, для которых отсутствует информация о площади (x) проводилась по формуле (1). По генеральной совокупности данных для каждого муниципального образования была рассчитана доля жилых домов, для которых отсутствует информация о площади, если эта доля превышала 10% (в данном исследовании выбранный уровень обобщения позволяет считать меньшую долю не превышающей статистическую погрешность), то недостающий процент оценивался посредством вычисления простой пропорции:

$$x = \frac{K * n}{100 - n} \quad (1),$$

где K – рассчитанная стоимость жилого фонда, по которому есть данные о площади, в муниципальном образовании, млн рублей;

n – доля жилых домов в муниципальном образовании, по которым данные о площади отсутствуют, %.

В наименее статистически обеспеченных муниципальных образованиях (например, в некоторых арктических районах Якутии) полностью отсутствует информация о площади существующего перечня жилых домов, либо их доля превышает 50%. В таком случае оценка их стоимости проводилась по следующему упрощенному алгоритму: показатель общей площади жилых помещений из базы данных показателей муниципальных образований Росстата перемножался со средней рыночной стоимостью 1 кв. м жилья в соответствующем муниципалитете.

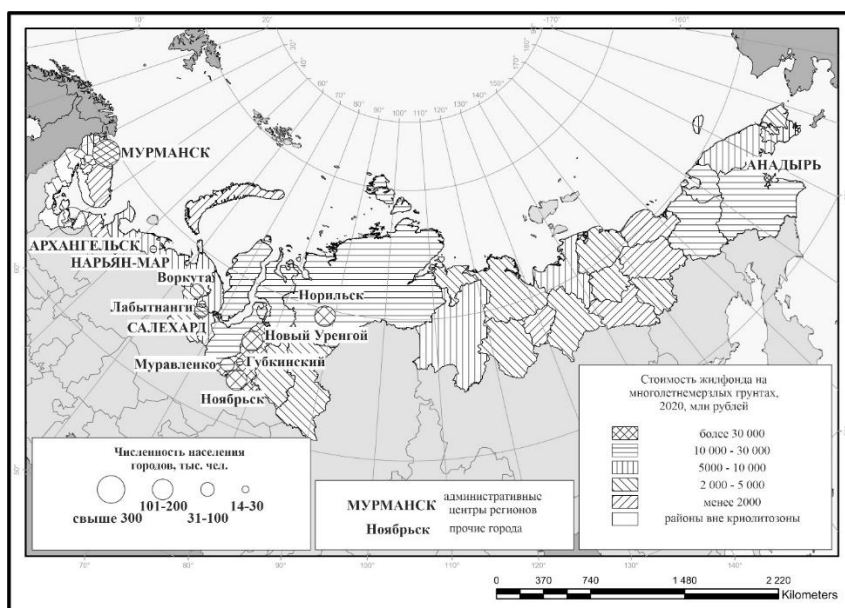

Рис. 1. Стоимость жилищного фонда в муниципальных образованиях АЗРФ, расположенных в пределах криолитозоны

На рис. 1 представлена карта с результатами расчетов стоимости жилищного фонда, показана только стоимость тех зданий и сооружений, которая находится в криолитозоне, то есть зоне потенциального риска. Для этого была взята информация о распространении мерзлоты по территории России с карты «Вечная мерзлота» Национального атласа России [4]. Показатель «Распространение мерзлоты, в % от общей площади» варьируется

следующим образом: сплошное распространение – более 95%, прерывистое – 50–95%, островное – менее 50%. Соответственно, стоимость зданий и сооружений в каждом исследуемом муниципалитете была умножена на соответствующий понижающий коэффициент – 0,95; 0,7; 0,5; 0 (либо на среднее значение коэффициентов, если в границах одного муниципалитета попадают разные зоны распространения).

Согласно проведенным расчетам, в криолитозоне АЗРФ оценочная совокупная стоимость жилищного фонда в ценах 2020 года составила порядка 1 трлн рублей, в том числе: в Ямало-Ненецком автономном округе (АО) – 406,7 млрд руб., Мурманской области – 273,7 млрд руб., арктических территориях Красноярского края – 126,7 млрд руб., Чукотском АО – 101,1 млрд руб., Ненецком АО – 38,9 млрд руб., арктических территориях Якутии – 37,5 млрд руб., арктических территориях Архангельской области – 3,3 млрд руб., арктических территориях Республики Коми – 2,7 млрд руб. Если сопоставить полученные результаты с прогнозами геокриологических изменений (например, [5], то в ареалах максимальной вероятной деградации многолетнемерзлых пород в АЗРФ окажется жилищный фонд общей стоимостью порядка 600 млрд. рублей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-55-71003 и 18-05-60005.

Литература

1. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP). (2017). Snow, water, ice and permafrost in the Arctic (SWIPA): Climate change and the cryosphere. Oslo, Norway. 269 p.
2. МПБЭУ (2018): Резюме для директивных органов доклада о тематической оценке деградации и восстановлении земель Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам // Скоулз Р., Монтанарелла Л., Брайнич А. и др. Бонн, Германия, 45 с.
3. Бадина С.В. Прогнозирование социально-экономических рисков в криолитозоне российской Арктики в контексте перспективных климатических изменений // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4. – С. 55–65.
4. Национальный атлас Арктики / А.И. Алтынов, И.О. Алябина, А.Н. Аракчеев и др. – АО Роскартография, Москва, 2017. – 496 с.
5. Streletskiy, D.A., Anisimov, O.A., Vasiliev, A.A. 2014. Permafrost degradation, in Snow and ice- related hazards, risks, and disasters. Haeberli, W., Whiteman, C. (Eds.). Elsevier, pp. 303–344.

Сведения об авторе:

Бадина Светлана Вадимовна, кандидат географических наук, PhD in Geographic science, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»; научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук.

E-mail: bad412@yandex.ru

УДК 332.14

И.Н. Волкова, П.М. Крылов
I.N. Volkova, P.M. Krylov

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И РАЗНООБРАЗИЯ ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

STRATEGIC TERRITORIAL PLANNING OF THE REGION UNDER CONDITIONS OF EXTREMELY UNEQUAL DEVELOPMENT AND DIVERSITY OF ITS SEPARATE PARTS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Ключевыми проблемами пространственного развития Республики Дагестан можно считать крайнюю неравномерность развития её отдельных частей, высокий уровень безработицы в сочетании с низкой эффективностью использования природных и социально-экономических ресурсов территории. На перспективу получают развитие все территориальные зоны, в том числе за счёт новых видов деятельности. Важным в условиях Дагестана является предпринимательский потенциал населения.

The key problems of spatial development of the Republic of Dagestan can be considered the extreme unevenness of the development of its individual parts, the high level of unemployment, combined with the low efficiency of using the natural and socio-economic resources of the territory. For the future, all territorial zones are developed, including due to new types of activities. The entrepreneurial potential of the population is important in the conditions of Dagestan.

Ключевые слова: Республика Дагестан, территориальное планирование, экономическая зона, пространственное развитие.

Key words: Republic of Dagestan, territorial planning, economic zone, spatial development.

Республика Дагестан (РД) – один из крупнейших по числу жителей регионов России, крупнейшая по площади и населению республика Северного Кавказа. Развитие региона в территориальном аспекте значимо при формировании основных положений Схемы территориального планирования республики¹³.

Ключевыми проблемами Дагестана пространственного развития региона можно считать несбалансированность развития её отдельных частей, высокий уровень безработицы в сочетании с низкой эффективностью использования природных и социально-экономических ресурсов территории.

«Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.» включает РД в число геостратегических территорий РФ, определяет перечень специализаций экономики, включает Махачкалинскую агломерацию в территории экономического роста федерального значения [1, 2, 3, 4]. Ориентирует республику на преодоление межрегиональных и внутрирегиональных диспропорций, на агломерационное развитие и совершенствование форм транспортной связности территории.

Стратегии социально-экономического развития РД на период 2025 и 2035г (проект) предлагают варианты территориального и экономического зонирования РД, с целью ранжирования территории по условиям и предпосылкам развития, учитывая индивидуальный поход к разным типам этих территорий [2, 3]. Принципиально важной предпосылкой является переход экономики РД на другие траектории развития, – развитие на принципиально другой технологической основе, с поиском инноваций, с применением цифровых платформ, как в сфере услуг, так и в сфере производства; в транспорте – развитие малой и беспилотной авиации, скоростных видов транспорта, в связи – внедрение скоростных систем передачи данных (Данная позиция поддерживается Национальным проектом «Цифровая экономика»)¹⁴.

¹³ Выполняется одним из авторов настоящей статьи (Крыловым П.М.) в составе коллектива ОАО «Гипрогор».

¹⁴ При написании раздела использованы материалы ОАО «Гипрогор».

В рамках новой редакции разрабатываемых ООО «Волгагражданпроект» региональных нормативов градостроительного проектирования и в соответствии с Постановлением Правительства Республики Дагестан от 11.03.2019 №48 (п.1) на территории Республики выделено пять зон (см. рис. 1) [7].

Также принципиально важным и рациональным для условий Дагестана является развитие горизонтально связанных экономических структур – кластеров регионального и местного уровней и разного масштаба, а также инновационных структур – высокотехнологичных форм организации территории: ОЭЗ разного типа, индустриальных парков, технопарков, ТЛЦ.

В целях ускоренного развития экономики, улучшения жизни населения, диверсификации экономики моногородов постановлениями Правительства Российской Федерации от 24 марта 2017 года № 334 и от 11 декабря 2018 года № 1508 созданы ТОСЭР «Каспийск» и «Дагестанские Огни», которые должны получить своё реальное наполнение и развитие.

В сфере АПК с крайне высоким уровнем производства продукции в ЛПХ, весьма актуально создание сельскохозяйственных производственных кооперативов. Как в макроэкономических условиях, так и в условиях Дагестана важным стратегическим фактором развития выступает *предпринимательский потенциал населения* (данная позиция поддерживается Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»). Главной концептуальной идеей является сохранение, в целом, базовой, исторически сложившейся отраслевой и территориальной структуры экономики как основы устойчивости экономики Республики, с инновационно-технологической модернизацией экономической базы территории [5, 6]. При этом предусматривается также создание новых инновационных производств, прежде всего, в составе инновационных структур, в составе высоко технологичных форм организации территории – научно-технологических центров, индустриальных парков, технопарков, кластеров различной специализации и разного уровня.

Территориальное деление Республики Дагестан

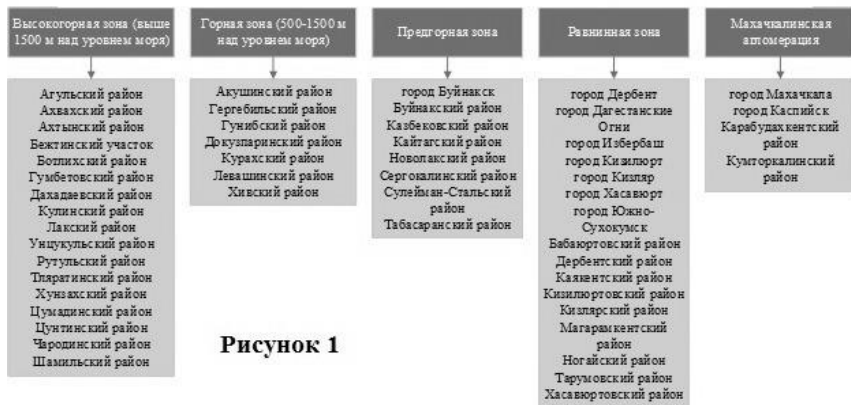

Рисунок 1

Оценка возможных перспектив территориальной организации экономики дана в разрезе 10 экономических зон в рамках традиционно принятых и широко используемых в научно-практической деятельности территориальных частей Республики: Северного, Центрального, Горного и Южного Дагестана¹⁵.

На перспективу в республике получают приоритетное развитие отдельные территории проектируемых экономических зон:

1) территории развивающейся Махачкалинско-Каспийской агломерации, территории групповых систем расселения, формирующиеся как агломерационные территории: Дербентская и Хасавюртовская;

2) территории городских округов – Махачкала и Каспийск, Дербент и Дагестанские Огни, Хасавюрт и Кизилюрт, Буйнакс и Избербаш, Южно-Сухокумск – на базе исторически сложившихся специализаций и функций, с восстановлением значимости и приоритетным развитием промышленных функций (включая объекты ОПК), с усилением научно-образовательных функций и подготовки кадров, а также туристско-рекреационных функций, с научно-технологической, цифровой модернизацией производств, предприятий и организаций;

3) территории проектируемого Приморского туристского кластера;

¹⁵ На 2020 год существует несколько вариантов мезоэкономического районирования Республики Дагестан, используемых в научной литературе, а также органами государственной власти Дагестана.

4) отдельные территории сельских муниципальных районов, как на плоскости, так и горные территории: территории развития виноградарства, садоводства, овощеводства, зерноводства (в т.ч. рисоводства), скотоводства и овцеводства, на базе технологической модернизации сельскохозяйственного производства, создания производственных сельскохозяйственных кооперативов и замещения главной роли ЛПХ как основных производителей сельскохозяйственной продукции.

5) территории прибрежного рыболовства и рыбоводства;

6) территория Бабаюртовской экономической зоны на базе оптимизации ЗОЖ, развития собственной экономической базы и упорядочения местной системы расселения;

7) территория Буйнакской экономической зоны как «ворот» в Горный Дагестан, как срединной, сопряжённой территории между Махачкалинской, Хасавюртовско-Кизилюртовской, Бабаюртовской экономическими зонами, на базе использования преимуществ ЭГП;

8) территории развития народных художественных промыслов и ремёсел;

9) отдельные исторически ценные территории (исторического наследия, сохранения древних этносов, культуры, быта);

10) территории добычи полезных ископаемых (энергоносителей и общераспространённых полезных ископаемых);

11) геостратегически важная территория размещения военной базы Каспийской флотилии ВМФ МО РФ;

12) геостратегически важные пограничные территории Дагестана, в первую очередь, территории Дербентской и Самурской экономических зон.

Статья подготовлена в рамках госзадания Института географии РАН № 0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (НИОКТР №АААА-А19-119022190170-1).

Литература

1. Крылов П.М. Махачкалинская агломерация на южных рубежах России (геополитические и транспортно-географические аспекты) //

Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды. М., ИГ РАН, 2017. С. 228-235.

2. Крылов П.М. К вопросу о требованиях и нормативах градостроительного проектирования в области транспортной инфраструктуры // Социально-экономические проблемы развития транспортных систем городов и зон их влияния. Материалы XXIV Международной (XXVII Екатеринбургской, II Минской) научно-практической конференции. 2018. С. 27-33.

3. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 г.

4. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.

5. Исакова Г.К., Исмаилова А.Г., Якубова З.С. Приоритеты развития социально-экономического развития Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12 (110). С. 218-224.

6. Исмаилова Ф.Н. Развитие малого и среднего предпринимательства как одно из приоритетных направлений развития Республики Дагестан // Вестник науки. 2019. Т. 1. № 2 (11). С. 110-114.

7. Постановление Правительства Республики Дагестан от 11.03.2019 №48 «Об утверждении зональной классификации муниципальных районов и городских округов Республики Дагестан».

Сведения об авторах:

Волкова Ирина Николаевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.

E-mail: volin511@yandex.ru

Крылов Петр Михайлович – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, заместитель декана по научной работе географо-экологического факультета Московского государственного областного университета; главный специалист по транспорту ОАО Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор».

E-mail: pmkrylov@yandex.ru

УДК 913

И.Т. Гайсин, Е.Н. Кубышкина, Р.И. Гайсин
I.T. Gaisin, E.N. Kubyshkina, R.I. Gaisin R.I.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА ПРЕДВОЛЖСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

GEOGRAPHICAL FEATURES OF URBAN-TYPE SETTLEMENTS IN THE PRE-VOLGA ECONOMIC DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

В статье рассматриваются экономико-географические особенности и факторы влияющие на размещения поселков городского типа Предволжского экономического района Республики Татарстан: Апастово, Камское Устье, Куйбышевский Затон, Тенишево. В отношении транспорта из четырёх поселков городского типа три расположены вдоль реки Волга: Камское Устье, Куйбышевский Затон, Тенишево и их также соединяют автомобильные дороги, Апастово связан только с автомобильными дорогами. Все эти посёлки отличаются по численности населения и по хозяйству, два посёлка одновременно являются центрами одноименных муниципальных районов: Апастово, Камское-Устье. Промышленность района в основном ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья и добычу местных строительных материалов. Здесь развиты разнообразные отрасли пищевой промышленности, добыча строительных материалов - гипса, известняка и других. В статье дается краткая экономико-географическая характеристика поселкам городского типа: Апастово, Камское Устье, Куйбышевский Затон, Тенишево.

The article deals with the economic and geographical features and factors affecting the location of urban-type settlements of the Pre-Volga Economic District of the Republic of Tatarstan: Apastovo, Kama Estuary, Kuibyshev Zaton, Tennishevo. In terms of transport, three urban-type settlements are located along the Volga River: Kama Estuary, Kuibyshev Zaton, Tennishevo and they are also connected by highways, Apastovo is connected only by highways. All these settlements differ in population and economy, two villages are simultaneously the centers of the municipal districts of the same name: Apastovo, Kamskoye-Ustye. The industry of the district is mainly focused on the processing of agricultural raw materials and the extraction of local construction materials. Various branches of the food industry are developed here, as well as the extraction of building materials - gypsum, limestone and others. The article gives a brief economic and geographical description of the urban-type settlements: Apastovo, Kama Estuary, Kuibyshev Zaton, Tennishevo.

Ключевые слова: география, Республика Татарстан, поселок городского типа, экономика, размещение, предприятия, река Волга.

Key words: geography, the Republic of Tatarstan, urban-type settlement, economy, location, enterprises, Volga River.

Анализ литературных источников показывает, что с давних времен расселению населения Республики Татарстан (РТ) способствовали множество различных факторов, как исторических, географических, так и экономических. В республике выделены шесть экономико-географических районов, характеризующийся определенной специализацией хозяйства и специфическим его размещением: Столичный, Нижнекамский, Юго-Восточный, Предкамский, Предволжский, Закамский. По состоянию на 1 января 2021 года в Татарстане насчитывается всего 24 города и 17 поселков городского типа и в них проживают около 77% населения республики[1,2].

Предволжский (Предволжье) экономический район охватывает юго-западные территории Республики Татарстан в правобережье реки Волги. В состав экономического района входят 6 муниципальных районов: Апастовский, Буинский, Дрожжановский, Кайбицкий, Камско-Устинский и Тетюшский. Площадь территории Предволжского экономического района составляет 7,5 тыс. кв. км. Численность населения данного района составляет 149,0 тыс., а плотность населения самая низкая в республике всего 8,9 чел. на кв.км. [1,3]. В последние годы, наблюдается незначительное сокращение численности населения экономического района из за неблагоприятной демографической ситуации и оттока населения, особенно молодежи в поиске работ в крупные города республики и сопредельных территорий.

Городские поселения Предволжья представлены 2 городами – Буинск, Тетюши и 4 посёлками городского типа: Апастово, Камское-Устье, Куйбышевский Затон, Тенишево. Все посёлки отличаются по численности населения и хозяйственным комплексом. Из четырёх посёлков городского типа два являются центрами одноименных муниципальных районов: Апастово, Камское-Устье. Хозяйства экономического района в основном ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья, имеются небольшие предприятия пищевой промышленности и судоремонтные предприятия. Ведется добыча местных строительных материалов – гипса, известняка и др.[2,3]. Рассмотрим краткую экономико-географическую характеристику поселков городского типа:

- *Апастово* – в 2004 году получил статус поселка городского типа и является центром Апастовского муниципального района РТ. Расположен в долине реки Свияга на небольшой речке Табарка

западной части республики не далеко от автомобильной дороги «Казань – Буинск – Ульяновск» и в 11 км. к юго-востоку от железнодорожной станции Каратун Казанского отделения Горьковской железной дороги (ГЖД) на линии «Казань-Свияжск-Буинск-Ульяновск». Расстояние до Казани составляет 109 км. Население в 2020 году составил всего 5414 человек [1]. В посёлке действуют хлебокомбинат и ряд других предприятий торговли и общественного питания. В Апастово работают: аграрный колледж, средняя школа, ледовый дворец спорта «Алтын Алка», плавательный бассейн «Дулкын», центры детского творчество, краеведческий музей и др. Апастово с автомобильными дорогами соединён с городами Казань, Буинск, Тетюши и пгт Камское Устье.

- *Камское Устье* – посёлок городского типа с 1939 года и является центром Камско-Устинского муниципального района РТ. Население составляет 5410 человек (2020г) однако, население по сравнению с 2010 годом сократилась на 62 тысячи человек, из - за выделения из состава самостоятельного посёлка городского типа Тенишево. Камское Устье расположен на правом берегу р. Волга напротив в место впадения реки Кама в западной части Республики Татарстан. Камское Устье связано автобусными сообщениями с городами: Казань, Буинск, Тетюши, Ульяновск и посёлком Апастово. Ближайшая железнодорожная станция Каратун на линии «Казань-Свияжск-Буинск-Ульяновск» Казанского отделения ГЖД. Расстояние до столицы города Казани 117 км. В Камскоом Устье имеется пристань на реке Волга, где останавливаются пассажирские суда. В пгт Камское Устье работает маслодельный завод и предприятия торговли и общественного питания. Вблизи поселка работает крупный Камско-Устьинский гипсовый рудник.

- *Куйбышевский Затон* – посёлок городского типа с 1929 года в Камско-Устинском муниципальном районе РТ. До 1935 года назывался как Спасский Затон, после строительства Куйбышевского водохранилища и поднятия уровня воды был переведен на территорию Камско-Устинского района. Расположен на правом берегу реки Волга (Куйбышевское водохранилище) в семи километрах к юго-западу от районного центра Камское Устье. Население в 2020 году составило 2432 человек и по сравнению с 2010 годом население сократилось на 245 человек [1]. Посёлок располагает пристанью на реке Волга, где останавливаются пассажирские суда. В поселке работает судоремонтный завод ЗАО

«Ремонтная база флота имени В.В. Куйбышева» и находится представительство ОАО «Волготанкер» в Республике Татарстан.

- *Тенишево* было образовано в 2005 году из части пгт Камское Устье. Расположен на правом берегу Волги (Куйбышевское водохранилище) на территории Камско-Устьинского муниципального района РТ в 7 км к северо-западу от Камского Устья на склоне Богородских гор и рядом находится памятник природы Юрьевская пещера. Население – 688 человек (2020г.) [4]. Имеются пристань и переправа через Волгу «Тенишево-Атабаево». Работают предприятия торговли и общественного питания и в гипсовом руднике АО «Камско-Устиньский гипсовый рудник» ведется добыча гипса.

Таким образом, все поселки городского типа находящихся на территории Предволжского экономического района отличаются по численности населения и хозяйством. Три поселка из четырех расположены вдоль Волги: Камское Устье, Куйбышевский Затон, Тенишево на территории Камско-Устьинского муниципального района. Приоритетными направлениями развития поселков данного экономического района являются развитие предприятий пищевой промышленности по переработке продукции сельского хозяйства и развитие сферы услуг и туризма, особенно придорожного сервиса, совершенствование транспортной инфраструктуры и развитие среднего и малого бизнеса. Вместе с этим необходимо выделить поселки городского типа и исторические поселения в особую категорию и сформировать комплексную концепцию их развития.

Литература

1. Галимов Ш.Ш., Галимова Л.И. Экономическая география Татарстана. Население и хозяйство. 9 кл.: учеб. пособие для общеобразоват. организации. - Казань: Татар. дет. изд-во, 2020. -96с.
2. Экономическая и социальная география Республики Татарстан: Учеб. пособие для студ. вузов / Е.Е. Иванова, И.Т. Гайсин, М.Р. Мустафин, Ш.Ш.Галимов, З.А. Хусаинов / Под ред. И.Т. Гайсина. -Казань: Изд-во ТГГПУ, 2010.-212с.
3. Республика Татарстан: краткий географический справочник = Татарстан республикасы: кыскача географик белешмәлек = The Republic of Tatarstan: A Brief Geographical Guide / [авт.-сост.: И.Т. Гайсин. Р.Р. Денмухаметов, О.В. Зяблова; пер. на англ. Гари Гуадагноло]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. -134с.

4. Татарская энциклопедия. В 5т./Гл. ред. М.Х. Хасанов. Ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. - Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т.5: Р-Т. 736с.

Сведения об авторах:

Гайсин Ильгизар Тимергалиевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов К(П)ФУ.

E-mail: gaisinilgizar@yandex.ru

Кубышкина Елена Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов К(П)ФУ.

E-mail: Kartaglobus@mail.ru

Гайсин Ренат Ильгизарович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов К(П)ФУ.

E-mail: gaisinrenat@bk.ru

УДК 911.9

И.И. Григорьев
I.I. Grigorev

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (БПЛА) В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

FEATURES OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES (UAVS) IN GEOGRAPHICAL RESEARCH

В статье рассматриваются возможности использования беспилотного летательного аппарата (БПЛА) на примере квадрокоптера DJI Phantom 4 для проведения различных географических исследований. На основе исследований различных методик проведения залетов и фотограмметрической обработки аэрофотоснимков получены результаты, свидетельствующие о применимости использования данных, полученных с помощью БПЛА для крупномасштабного тематического картографирования.

The article discusses the possibility of using an unmanned aerial vehicle (UAV) on the example of a DJI Phantom 4 quadcopter for various geographical studies. Based on the research of various methods of conducting flights and photogrammetric processing of aerial photos, the results are obtained that indicate the applicability of using remote sensing data obtained by UAVs for large-scale thematic mapping.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат (БПЛА), фотограмметрия, цифровая модель местности (ЦММ).

Key words: unmanned aerial vehicle (UAV), photogrammetry, digital terrain model (DTM).

Использование геоинформационных технологий для получения планового и высотного положения различных объектов, как природного, так и антропогенного происхождения, позволяет получить точность, соизмеримую с наземными методами. Снимки, полученные с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), в отличие от космических, имеют сверхвысокое пространственное разрешение и высокую оперативность, однако при этом покрывают съемкой относительно малые площади. При этом необходимо отметить, что доступность БПЛА и возросшее качество цифровых камер привели к резкой активизации их использования для проведения различных географических исследований. Гражданские беспилотные летательные аппараты (БПЛА) начали лавинообразно набирать популярность в начале 2010-х годов.

Анализ применения данных с БПЛА в отраслевой структуре географической науки по публикациям выявил, что наиболее часто БПЛА используется при исследованиях биогеографической направленности. Они нашли широкое применение в изучении почвенно-растительного покрова, особенно при проведении работ по преципитатному (точному) земледелию. Квадрокоптеры бюджетного типа использовались для изучения карстовых процессов в Германии, для изучения почвенной эрозии в России, Марокко и Бельгии [1]. Кроме того, среди множества направлений использования БПЛА можно отметить кадастровые и картографо-геодезические работы, лесопаталогические и лесотаксационные исследования, гидрологические изыскания [2]. Проведенные исследования показывают, что результаты аэрофотосъемки, полученные с использованием недорогих БПЛА, если не лучше, то не хуже или сопоставимы по качеству с данными традиционных пилотируемых бортовых камер. Точное позиционирование результатов фотограмметрической обработки аэрофотоснимков

позволяет выполнять работы по мониторингу объемных и пространственных изменений изучаемых объектов, включая рельеф местности, экологическое состояние территории или их некоторые социально-экономические показатели.

Кроме плановой аэрофотосъемки может осуществляться и перспективная аэрофотосъемка с углами больше 3° . Применение для картографических целей перспективных снимков не допускается из-за существенных искажений в геометрии сцены. Тем не менее, и перспективные снимки имеют географическую ценность. Позволяя рассматривать объекты под определенным углом, по ним довольно легко можно визуально распознать и идентифицировать объекты [3].

В Удмуртском государственном университете (УдГУ) БПЛА (DJI Phantom 4) появился сравнительно недавно, но, тем не менее, уже активно используется в ряде исследований. В частности, это создание картографической основы для проведения кадастровых и геодезических работ, исследование размыва береговой линии Воткинского водохранилища, изучение овражной эрозии и русловых размывов, оползневых процессов, использование в природоохранной деятельности, проведение контрольно-статистических работ при изучении транспортной инфраструктуры городов и т.д. По умолчанию квадрокоптер фиксирует местоположение каждого снимка в системе координат WGS-84 с точностью 2-3 метра. Понятно, что подобная точность недостаточна. Наилучшим способом на данный момент является привязка по наземным маркерам, хорошо читающимся со снимков, координаты которых получены путем использования ГНСС-приемников. В этом случае точность достигает 0,5-1,0 см. Нами были определены оптимальные условия выполнения съемочных работ с помощью квадрокоптера DJI Phantom 4: высота залета 50-100 м, продольное перекрытие снимков - не менее 80%, поперечное – не менее 70%.

Результатом обработки в программе Agisoft Photoscan Professional 1.4 являются цифровая карт высот, текстурированная полигональная 3d-модель местности (рис.1) и ортофотоплан с возможностью их дальнейшего экспорта в различные форматы ГИС и САПР (MapInfo, ArcGis, AutoCad, Credo и др.).

Рис. 1. Текстурированная цифровая модель местности

Рис. 2. Выявление неточностей тахеометрической съемки.

В настоящее время нами уже проведено и проводится несколько видов географических исследований. В частности, в

течение 2019-2020 г. проведено исследование возможностей данной технологии на р. Сива для определения скоростей русловых размывов. В итоге наглядно выявляются нюансы фиксирования береговой линии при проведении тахеометрической съемки – спрямление, приводящее в итоге к неточностям в подсчете линейного и площадного размывов в сторону их уменьшения на 10-20% (рис.2).

Проведение разновременных залетов позволяет с высокой точностью отслеживать динамику различных геолого-геоморфологических и гидрологических явлений без утомительных и трудозатратных наземных геодезических съемок. Использование БПЛА позволило получить фотоснимки и цифровые модели нескольких абразионных и оползневых участков на Воткинском водохранилище и р. Вятка (рис.3). Данные модели позволяют производить полноценные измерения с высокой точностью, вплоть до расчета объема оползневой массы (рис.4). Для изучения растительности предпочтительна съемка в видимом и ближнем инфракрасном диапазонах [5]. При этом часто возникают проблемы, связанные с наличием яркостного шума, затрудняющего дешифрирование. Движущиеся листья и ветки также ограничивают функции сопоставления и порождают позиционные ошибки, что сказывается на качестве итогового изображения. Данные трудности возникли перед нами при проведении съемки территории Ботанического Сада Удмуртского университета, часть территории которого занята смешанными высокоствольными лесами. Подобные проблемы решаются подбором другого оптимального разрешения исходя из соотношения «Разрешение мозаики=(разрешение изображения X высота)/фокусное расстояние». Оптимальная высота залета в данном случае составила 100 м. Дешифрирование растительного покрова на снимках видимого диапазона производится визуальным методом, по тем же дешифровочным признакам, что и при космической съемке [4]. Для достоверного дешифрирования и верификации удобно использовать исходные одиночные снимки (рис.5,6).

Рис.3. Участок абразионного берега Воткинского водохранилища

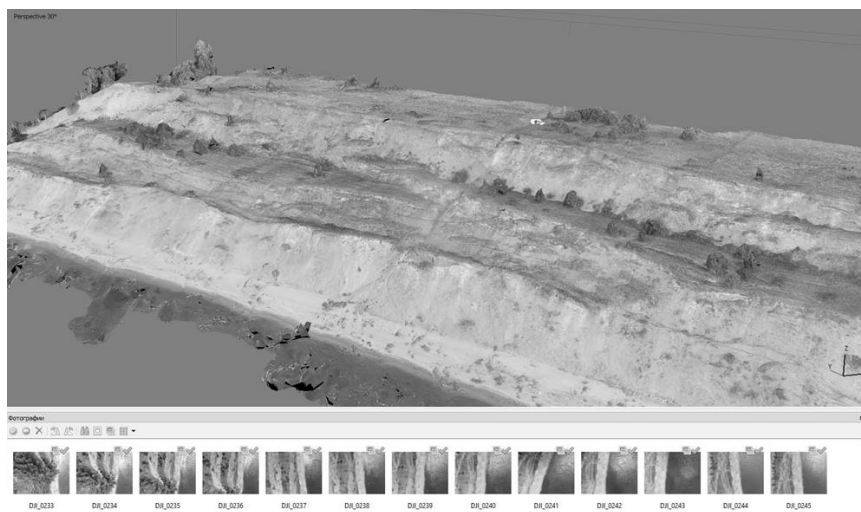

Рис.4. Цифровая 3d-модель оползневого участка на р. Вятка

Рис.5. Фрагмент ортофотоплана

Рис.6. Перспективный снимок

Еще одной важной сферой применения БПЛА является проведение контрольно-статистических работ при изучении транспортной инфраструктуры городов. В частности, нами был произведен подсчет количества автотранспортных средств в «часы пик» на перекрестках и автомагистралях г. Ижевска для оценки их загруженности и подготовки предложений по перенаправлению транспортных потоков (рис.7).

Рис.7. Перекресток ул. К. Маркса и Кирова в г.Ижевске

Проведение подобных фото- и видеосъемок позволяет получить общее видение перекрестка в конкретный момент времени и максимально точно произвести подсчет транспортных средств.

Возможности использования БПЛА в географических исследованиях достаточно велики. Наилучшего результата следует ожидать при совместном использовании БПЛА с ГНСС-приемниками, электронными тахеометрами, эхолотами и т.д. Теоретический и практический опыт использования данных с БПЛА позволяет предположить целесообразность использования высокодетальных данных дистанционного зондирования, полученных с помощью БПЛА, для целей крупномасштабного тематического картографирования, а также получения данных для труднодоступных территорий (по проходимости, высоте и пр.). Перспективы использования БПЛА в географических исследованиях не вызывают сомнений. Особенно следует отметить перспективность разработок методик съемок и использование многозональных камер, тепловизоров, LIDAR-ов и гиперспектральных камер.

Литература

1. Гафуров А.М. Возможности использования беспилотного летательного аппарата для оценки почвенной и овражной эрозии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 654–667.
2. Батоцыренов Э.А., Бешенцев А.Н. Использование БПЛА в географических исследованиях // Применение беспилотных летательных аппаратов в географических исследованиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 22–23 мая 2018 г.). – Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2018. – С. 20-23.
3. Михайлов А.П., Чибуничев А.Г. Фотограмметрия. М: МИИГАиК, 2016. 294 с.
4. Лабутина И.А. Дешифрирование аэрокосмических снимков. Москва: Аспект Пресс, 2004. 184 с.
5. Медведев А.А., Алексеенко Н.А., Курамагомедов Б.М. Возможности и ограничения использования БПЛА в географических исследованиях // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. — 2016. — № 5. - С. 117–122.

Сведения об авторе:

Григорьев Иван Иванович, кандидат географических наук,
доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ
ВО «Удмуртский государственный университет», 426034, Россия, г.
Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп.1)
E-mail: ivanrig@yandex.ru

УДК 901

И.В. Закиров
I.V. Zakirov

**ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАК
ОТРАСЛЕВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
(ОБЩЕСТВЕННОЕ) ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ**

**GEOGRAPHY OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS AS A
SECTORAL SOCIO-ECONOMIC (PUBLIC) GEOGRAPHICAL
DIRECTION**

Рассмотрены теоретико-методологические основы географии внешнеэкономических связей как отраслевой социально-экономической (общественной) географической науки. Сделан обзор публикаций данного направления общественной географии. Обозначены научные задачи прикладного и фундаментального характера.

The theoretical and methodological foundations of the geography of foreign economic relations as a sectoral socio-economic (public) geographical science are considered. A review of publications in this direction of social geography is made. Scientific tasks of applied and fundamental character are outlined.

Ключевые слова: география внешнеэкономических связей, отраслевое социально-экономическое (общественное) географическое направление, географическое разделение труда, пандемия.

Key words: geography of foreign economic relations, sectoral socio-economic (public) geographical direction, geographical division of labor, pandemic.

Многочисленные вызовы времени и коренные изменения в мире обусловили высокие требования к теоретико-методологическим основам научных исследований. Это касается как междисциплинарных исследований, так и изысканий отдельных естественных и гуманитарных наук. Преобразования претерпевает и

социально-экономическая (общественная) география: до сих пор идут споры о названии нашей науки, трансформируется объект и предмет изучения, модернизируется методология, пересматривается ее структура и т.п. В многочисленных публикациях, посвященных данной проблематике, отмечены и положительные, и отрицательные последствия таких изменений, обозначены спорные и нерешенные проблемы эволюции фундаментальных основ социально-экономической (общественной) географии [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В данной работе мы остановимся на структуризации социально-экономической (общественной) географии, а точнее на одной из отраслевых социально-экономических (общественных) географических направлений - географии внешнеэкономических связей.

Актуальность обозначенной проблематики обусловлена кардинальными изменениями, происходящими в мире. Коренная трансформация мирового хозяйства и мирохозяйственных экономических связей, смена технологического уклада, крайнее обострение геополитических реалий, повторяющиеся экономические кризисы, усиление социальной напряженности фактически разрушили сложившиеся устои международного географического разделения труда и требуют новых подходов к его исследованию. Необходимы анализ и переосмысление меняющихся мировых трендов и современных проблем развития внешнеэкономических связей территорий на разных уровнях. Все это, в той или иной степени, относится к предмету исследования географии внешнеэкономических связей.

Отдельный и весьма значительный вклад в революционные трансформации мирохозяйственных связей внесла пандемия коронавируса. Пандемия сильно повлияла, в том числе, на внешнеэкономические связи отдельных территорий. По мнению В.А. Колосова, «можно ожидать долговременного уменьшения территориальной мобильности населения, в том числе из-за сокращения доходов и мирового экономического кризиса. Значительные изменения претерпят геополитическая обстановка, понимание национальной и региональной безопасности, что приведет к барьерности государственных границ» [7, с. 142]. Как утверждает А.Г. Дружинин, «неизбежен и практически повсеместный рост проявлений бедности, и сопутствующие риски политической (в том числе политико-территориальной) нестабильности, дополняемые эскалацией попыток решения

внутристрановых противоречий за счет дальнейшей геополитической и геоэкономической экспансии» [8, с. 130]. Несомненно, трансформация основ международного географического разделения труда уже идет и перемены в мировой торговле продолжатся.

По географии внешнеэкономических связей имеется большое количество работ и теоретического, и практического характера. Теоретические основы географического разделения труда были обоснованы в работах Н.Н. Баранского [9], Ю.Г. Саушкина [10], В.А. Анучина [11], Э.Б. Алаева [12] и многих других. Внешнеэкономические связи стран как следствие международного географического разделения труда рассматривались в трудах А.И. Витвера [13], Н.С. Мироненко [14], Б.А. Хейфеца [15], Н.В. Алисова [16] и др. В словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» [17] география внешнеэкономических связей определяется как ветвь социально-экономической географии, одно из направлений географии мирового хозяйства. В.П. Максаковский относил географию внешнеэкономических связей к формирующимся отраслевым наукам общественной (социально-экономической) географии и писал: «... Еще меньше развитие пока получили география строительства, география внешнеэкономических связей» [18, с. 37]. С ним согласен В.Т. Богучарков, который пишет о том, что во второй половине XX в. «в самостоятельное направление в отечественной экономической географии выделилась география мирохозяйственных связей [19, с. 473].

Теоретико-методологические аспекты географического исследования внешней торговли рассмотрены в работе белорусских коллег [20]. По географии внешнеэкономических связей отдельных регионов России (Приволжского федерального округа, Воронежской, Кировской, Омской, Пермской (1999) и Самарской областей, Республики Башкортостан и др.) защищен целый ряд диссертаций на соискание ученой степени кандидата географических наук.

Актуальными научными задачами прикладного характера на ближайшую перспективу перед данной отраслью социально-экономической (общественной) географии являются:

– выявление влияния пандемии коронавируса в мире на географию внешнеэкономических связей территорий на разных уровнях;

– изучение воздействия современных геополитических факторов на территориальную организацию внешнеэкономических связей стран и регионов;

– оценка последствий научно-технической революции: внедрения новейших технологий четвертой промышленной революции, кардинально меняющих международную торговлю стран мира - мобильный интернет, мобильные платежные системы, цифровая трансформация мира, искусственный интеллект, Интернет вещей, 3Д-печать, блокчейн и др.

Подобные научные изыскания должны способствовать решению задач фундаментального характера:

– обновление и корректировка понятийно-терминологического аппарата географии внешнеэкономических связей как отраслевой социально-экономической географической науки;

– дальнейшее развитие теоретико-методологических основ географии внешнеэкономических связей с учетом современных теорий, концепций, учений;

– выявление современных экономико-географических факторов и условий формирования и развития внешнеэкономических связей территорий с учетом тенденций и особенностей развития мирового хозяйства в настоящее время;

– применение принципа полимасштабности для исследования территориальной проекции международных экономических связей различного масштаба [21].

Консолидация предшествующего опыта исследований отраслевых социально-экономических географических наук (в том числе географии внешнеэкономических связей) с новыми результатами научного поиска может иметь существенное значение для дальнейшего устойчивого развития общественной географии.

Литература

1. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: мат. междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г.) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. - Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с.

2. Тревиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2012. - № 1. – С. 5-19.

3. Войнов Д.А., Шувалов В.Е. Проблема структуризации современной социально-экономической географии // Региональные исследования. – 2013. - № 4. – С. 4-11.
4. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. - 2015. - № 2 (24). - С. 127-140.
5. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства (к 25-летию кафедры географии мирового хозяйства) // Изв. РАН. Сер. геогр. - 2016. - № 1. - С. 3-10.
6. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. – 2017. - № 2 (41). – С. 17-25.
7. Колосов В.А. Новое поле исследований общественной географии: торопиться без спешки // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2020. - № 1 (9). – С. 140-142.
8. Дружинин А.Г. Общественно-географические метаморфозы в «зеркале» пандемии covid-19 // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2020. - № 1 (9). – С. 129-131.
9. Баранский Н.Н. Научные принципы географии: Избранные труды. - М.: Мысль, 1980. - 239 с.
10. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию: учеб. пособ. – 2-е изд., доп. и испр. - М.: Изд. МГУ, 1970. - 338 с.
11. Анучин В.А. Теоретические основы географии. – М.: Мысль, 1972. – 430 с.
12. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понят.-термин. слов. - М.: Мысль, 1983. – 350 с.
13. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. - М.: Географгиз, 1963. - 366 с.
14. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 239 с.
15. Хейфец Б.А. Территория как ресурс развития внешнеэкономических связей // Экономико-географические проблемы формирования регионов интенсивной внешнеэкономической деятельности. - Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1990. - С. 31-37.
16. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). – М.: Гардарики, 2003. – 704 с.
17. Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
18. Максаковский В.П. Географическая культура: учеб. пособ. – М.: Владос, 1998. – 416 с.

19. Богучарсков В.Т. История географии: учеб. – М.: Академический проект, 2006. – 560 с.

20. Озем Г.З., Шавель А.Н. Теоретико-методологические аспекты географического исследования внешней торговли // Эволюция общественно-географической мысли: матер. междунар. науч.-практ. конф. (СПб., 29-30 сент. 2012 г.) / под ред. А.Г. Дружинина и А.И. Чистобаева. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. – С. 207-216.

21. Закиров И.В. Территориальный подход в исследованиях внешнеэкономических связей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2018. - № 2. – С. 27-36.

Сведения об авторе:

Закиров Ильнур Вагизович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, георбанистики и экономической географии.

E-mail: ziv7702@yandex.ru

УДК. 910

Ю.Ю. Ковалев, А.В. Степанов
Y.Y. Kovalev, A.V. Stepanov

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В США, ФРГ И РОССИИ

SOCIAL GEOGRAPHY AND GLOBAL CLIMATE CHANGE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIO-GEOGRAPHICAL SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE USA, GERMANY AND RUSSIA

В статье проведен сравнительный анализ публикаций общественных географов в ведущих географических журналах США, ФРГ и России в период 2016-2020 гг. Определена представленность общественно-географических исследований по глобальному изменению климата в американских, немецких и российских географических изданиях и тематика основных направлений. Сделан вывод, что общественно-географический дискурс стран соотносится с позицией стран в международной климатической политике и их усилиями по экологической трансформации национальных экономик.

The article provides a comparative analysis of publications by public geographers in the leading geographical journals of the USA, Germany and Russia in the period 2016-2020. The representation of socio-geographical research on global climate change in the American, German and Russian leading geographical publications and the main scientific directions in this topic are determined. It is concluded that the socio-geographical discourse of countries correlates with the position of countries in international climate policy and their efforts for the environmental transformation of national economies.

Ключевые слова: *глобальное изменение климата, общественно-географический дискурс, климатическая политика, географические журналы*

Key words: *global climate change, socio-geographical discourse, climate policy, geographical journals*

Глобальное изменение климата – ключевая экологическая проблема XXI в. По данным Всемирной Метеорологической организации (ВМО) температура воздуха нашей планеты выросла за период 1870-2020 гг. в среднем по миру на 1,2° С [9]. 2020 год был один из трех самых теплых за весь период метеорологических наблюдений. Глобальное потепление оказывает непосредственное влияние на количественный рост и интенсивность стихийных бедствий. Их число увеличилось за последнее десятилетие на 9% сравнению с предыдущей декадой. Ущерб, нанесенный стихией национальным хозяйствам в этот период, составил более 1,3 трлн. долл. Нагревание атмосферы приводит к колоссальным сдвигам во всей глобальной геосистеме и грозит самому существованию человечества.

Цель нашего исследования – рассмотреть освещение проблемы глобального изменения климата в дискурсе общественной географии в период 2016-2020 гг. в США, ФРГ и России и выявить наличие соотношений между актуализированием данной темы в географических исследованиях и международной активностью данных государства в области защиты климата. Для оценки уровня освещения и динамики темы глобального изменения климата в общественной географии нами использовался метод контент-анализа.

В нашем исследовании мы ограничились анализом численности и содержания научных публикаций в ведущих географических журналах США, ФРГ и России, в которых глобальное изменение климата, его влияние на состояние и развитие геосистем рассматриваются в ракурсе общественной, т.е. социально-

экономической, политической и культурной географии. Для анализа мы выбрали три наиболее значимых в США, ФРГ и РФ географических журналов. Среди многочисленных американских периодических изданий нами были рассмотрены: «Annals of the American Association of Geographers», «Applied Geography», а также журнал по экономической географии – «Economic Geography». Из немецких журналов мы выбрали «Geographische Zeitschrift», «Die Erde» и «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie». Российские географические журналы, использованные в нашем исследовании, включали «Известия РАН, Серия географическая», «Вестник МГУ. Серия 5. География» и «Региональные исследования» [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10].

Анализ публикаций девяти журналов из этих стран показал, что «климатическая» является одной из доминирующих тем в общественно-географических исследованиях. Однако среди изученных стран имеются существенные различия. Суммарно, в период 2016-2020 гг. в исследуемых журналах было опубликовано 154 статьи, затрагивающие данную проблему. Тематический спектр публикаций оказался довольно обширным: климатическая политика государств, новые угрозы и риски, адаптация и трансформация обществ под воздействием климатических изменений, климатическая справедливость, «зеленая экономика», декарбонизация, смарт-сити, альтернативные пути социально-экономического развития. При этом американские журналы оказались на лидирующих позициях по количеству опубликованных материалов. На них приходилось более половины (54%) всех публикаций трех стран. Наибольшее число публикаций было отмечено в журнале ассоциации американских географов – «Annals of the American Association of Geographers» (47 статей в течение 5 лет), наименьшее – в журнале по экономической географии («Economic Geography» - 6). Географические журналы ФРГ занимали вторую позицию по числу публикаций – 42 статьи или 27% публикаций трех стран. Журнал «Die Erde» имел в изучаемый период наиболее высокий показатель количества опубликованных статей (24). «Geographische Zeitschrift» и «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie» опубликовали каждый по 9 статей в данной теме. В немецких журналах приоритетными направлениями исследованиями стали: климатическая адаптация и защита территорий, климатическая справедливость, «климатическая миграция», «зеленое» хозяйство, реализация концепции «смарт

сити» и внедрение ВИЭ, «постразвитие» и «построст». В трех ведущих географических журналах России в исследованный период было опубликовано 29 статей, которые можно отнести к социально-экономической географии глобального изменения климата. Доля РФ составляла 19% среди трех стран. «Вестник МГУ. Серия географическая» опубликовал 13 статей, «Известия РАН...» – 11 статей, «Региональные исследования» - 5 статей. Среди приоритетных тем: изменение климата и здоровье человека, социальные последствия стихийных бедствий, зеленая экономика и ВИЭ, география эмиссий CO₂.

Более объективную оценку значимости проблемы глобального изменения климата в общественной географии демонстрирует показатель доли научных публикаций по этой теме в общем числе статей, опубликованных в названных журналах. Данная перспектива показывает другое соотношение. Доля, например, климатических публикаций общественных географов в журнале ассоциации американских географов (AAG) составляла порядка 9%. Следует сразу отметить, что американские журналы имеют широкий разброс географических тем, среднее число публикаций в номере составляет 20 статей. По сравнению с ними, немецкие журналы занимают более скромное место. Объем журналов не превосходит 100 страниц, число исследовательских публикаций в номере составляет 5-6. В результате доля статей по изменению климата в ракурсе общественной географии в них возрастает. Так, в ведущем журнале географов ФРГ – «Die Erde» доля статей по социально-экономической тематике климатических изменений доходит до 34%, в «Geographische Zeitschrift» до 10%. Наименьшей долей публикаций общественных географов по глобальному изменению климата характеризуются российские журналы. В «Вестнике МГУ, серия географическая» данный показатель составлял 4,1%¹⁶, в «Известиях РАН...» - 3,2% (еще раз подчеркнем, что мы не учитывали статьи по физической географии, касающиеся феноменов глобального изменения климата), что коррелирует с довольно низкой степенью представленности темы глобального изменения климата в средствах массовой информации России, а также «вялой» внутренней и международной климатической политикой страны.

¹⁶ В момент написания статьи на сайте журнала «Вестник МГУ, серия географическая» были размещены только два первых выпуска журнала за 2020 г.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что тема глобального изменения климата наиболее представлена в общественно-географическом дискурсе Германии, по сравнению с США и Россией. Это коррелирует с ролью ФРГ в международной климатической политике. США отмечаются высокими абсолютными показателями публикационной активности общественных географов. Однако международная климатическая политика США непоследовательна и зависит от находящейся у власти администрации президента. При Б. Обаме США подписали Парижское соглашение и представили в ООН в 2016 г. национальную доктрину по борьбе с глобальным изменением климата. Во время президентства Д. Трампа США вышли из Парижского соглашения (ноябрь 2020). В России в общественно-географическом дискурсе тема глобального изменения климата представлена слабо. И это несмотря на то, что темпы роста температур на ее территории в 2,5 раза превышают общемировые показатели. Последствия от глобального изменения климата будут колоссальны по масштабам материального ущерба. Подписав Парижское соглашение, Россия ратифицировала его по истечении четырех лет (сентябрь 2019 г.) и стала одной из последних среди 188 стран мира, представивших в ООН свою национальную доктрину (ноябрь 2020). Акцент в ее климатической политике на развитие «поглотителей», а не на экологическом перевооружении народного хозяйства и развитии «чистых» технологий, как это делается в большинстве других стран мира, может оказать медвежью услугу всему экономическому комплексу страны. Век угля, нефти и газа подходит к концу. Без новых экологических решений, технологий и инновации невозможен дальнейший экономический рост и устойчивое развитие.

Литература

1. Вестник МГУ. Серия 5. География // URL: <http://www.geogr.msu.ru/structure/vestnik/> (дата обращения: 26.12.2020)
2. Известия Российской Академии Наук. Серия географическая// URL: <https://izvestia.igras.ru/jour> (дата обращения: 29.12.2020)
3. Региональные исследования// http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 30.01.2020)
4. Annals of the American Association of Geographers // URL: <https://www.tandfonline.com/toc/raag21/current> (accessed: 15.01.21)
5. Applied Geography // URL <https://www.journals.elsevier.com/applied-geography> (accessed: 13.01.21)

6. Economic Geography//URL: <https://www.tandfonline.com/toc/recg20/current> (accessed: 20.01.21)
7. Geographische Zeitschrift//URL:<https://elibrary.steiner-verlag.de/journal/gz> (accessed: 11.01.21)
8. Die Erde // URL: <https://www.die-erde.org/index.php/die-erde> (accessed: 19.01.21)
9. State of Climate Services Report//WMO. URL: <https://public.wmo.int/en/our-mandate/climate/state-of-climate-services-report> (accessed: 11.01.21)
10. Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie // URL: <https://www.degruyter.com/view/journals/zfw/zfw-overview.xml> (accessed: 21.01.21)

Сведения об авторах:

Юрий Юрьевич Ковалев, доцент кафедры теории и истории международных отношений, департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат географических наук.

Yuri Y. Kovalev, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, Candidate of Geographical Sciences. E-mail: yukowaljow@gmail.com

E-mail: yukowaljow@gmail.com

Анатолий Владиславович Степанов, зав. кафедрой экономики и права ИППК, Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доцент кафедры востоковедения департамента международных отношений УГИ УрФУ, кандидат географических наук.

Anatoly V. Stepanov, Head Department of Economics and Law, IPPK, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Department of International Relations, UGI, Ural Federal University, Candidate of Geographical Sciences

E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

УДК 911.3:711.432

Н.А. Колдобская
N.A. Koldobskaya

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕНОСА СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

ENVIRONMENTAL IMPLICATIONS OF CAPITAL CITY RELOCATION

Актуальность изучения экологических последствий изменения экологической ситуации столичных городов обусловлена тем, что столицы отличаются наиболее быстрым темпом изменения качества городской среды. Численность населения в г.Нур-Султан после принятия столичного статуса с 1997г. по 2020г. увеличилась на 295% (1997г.-100%), а в г. Алматы данный показатель увеличился 64%, что косвенно или прямо увеличивает антропогенную нагрузку. Для выявления и анализа последствий была произведена оценка произошедших трансформаций в характере и структуре антропогенного воздействия на атмосферу, литосферу и гидросферу. Помимо анализа ключевых факторов, была произведена комплексная оценка трансформации экологической ситуации.

The relevance of studying the environmental consequences of changes in the environmental situation of capital cities is due to the fact that the capitals are characterized by the fastest rate of change in the quality of the urban environment. The population in Nur-Sultan after the adoption of the capital status from 1997 to 2020 increased by 295% (1997 -100%), and in Almaty this indicator increased by 64%, which indirectly or directly increases the anthropogenic load. To identify and analyze the consequences, an assessment was made of the transformations that occurred in the nature and structure of the anthropogenic impact on the atmosphere, lithosphere and hydrosphere. In addition to the analysis of key factors, a comprehensive assessment of the transformation of the environmental situation was made.

Ключевые слова: экологическая ситуация, экология города, перенос столицы, загрязнение

Key words: ecological situation, ecology of the city, transfer of the capital, pollution

Экологические последствия переноса столичных функций выражаются в трансформации экологической ситуации. Трансформация экологической ситуации – это комплексный и разнонаправленный процесс, имеющий как положительные, так и отрицательные тенденции изменения. Она представляет собой изменение параметров и последствий воздействия (факторов), как антропогенных, так и природных [1].

Для расчета комплексного индекса были выбраны абсолютные и относительные показатели антропогенного воздействия на атмосферу, водные источники, населения города,

которое является как источником негативного воздействия так и его реципиентом.

Перенос столичного статуса произошел в 1997 г., поэтому для отображения изменения экологической ситуации в двух городах был выбран временной период

- с 1988г по 2018г.

Данный период можно разделить на 3 условных временных отрезка:

1. До переноса столицы - с 1888г. по 1998г.
2. После переноса - с 1998г. по 2008г
3. И современная ситуация городов с 2008г. по 2018г.

На основе имеющихся данных статей и исследований в области экологии города [1,2,3,], а также официальных статистических данных [4,5], в том числе сборник СССР за 1988г., в котором содержатся только некоторые показатели загрязнения атмосферного воздуха, была построена сравнительная таблица по следующим показателям (табл.1):

Таблица 1.

Сравнительная таблица по различным показателям
с 1988г. по 2018г.

	Показатель	Год	г. Алматы	г. Нур-Султан
A1.	Объемы выбросов от стационарных источников, (тыс. тонн)	1988 г.	46,5	87,9
		1998 г.	16,2	41,5
		2008 г.	13,9	43,7
		2018 г.	43,0	56,4
A2.	ИЗА5	1988 г.	9	1
		1998 г.	9,8	1,3
		2008 г.	12,6	8,1
		2018 г.	7	7
A3.	Численность автопарка (авто/1000 жителей)	1988 г.	230	88
		1998 г.	188	134
		2008 г.	315	235
		2018 г.	242	234
C1.	Численность населения, тыс. человек	1988 г.	1031	250
		1998 г.	1117	300,5

		2008 г.	1324,7	602,6
		2018 г.	1802	1032
Д1	Площадь зеленых насаждений в пределах городской черты, га	1988 г.	4637	3976
		1998 г.	4414	2903
		2008 г.	6140	3956
		2018 г.	2612	4186

Для нормирования разных по размерности показателей была применена формула линейного масштабирования. Расчёты проводились для каждого показателя для исследуемых городов в период с 1988 г. по 2018г. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Баллы отдельных показателей суммируются, в связи с тем, что необходимо учесть комплексное воздействие всех групп индикаторов.

Различия более точно учитываются по отдельным показателям при суммировании, отслеживается динамика реального роста (снижения) комплексного индекса изменения ЭС и каждого показателя в границах стабильных (референтных) точек.

Таблица 2.

Нормирование показателей по формуле линейного масштабирования для г. Алматы и г. Нур-Султан за временной промежуток с 1988г. по 2018г.

	Показатель	Год	Алматы	Нур-Султан
А1.	Объемы выбросов от стационарных источников, (тыс. тонн)	1988 г.	0,4405405	1
		1998 г.	0,0310811	0,372972973
		2008 г.	0,0	0,402702703
		2018 г.	0,4	0,6
А2.	ИЗА5	1988 г.	0,6896552	0
		1998 г.	0,7586207	0,025862069
		2008 г.	1	0,612068966
		2018 г.	0,5172414	0,517241379
А3.	Численность автопарка (авто/1000)	1988 г.	0,6255507	0
		1998 г.	0,4405286	0,202643172
		2008 г.	1	0,647577093

	жителей)	2018 г.	0,6784141	0,643171806
С1.	Численность населения, тыс. человек	1988 г.	0,5032216	0
		1998 г.	0,558634	0,03253866
		2008 г.	0,2271907	0,227190722
		2018 г.	1	0,503865979
Д1	Площадь зеленых насаждений в пределах городской черты, га	1988 г.	0,4260204	0,613378685
		1998 г.	0,489229	0,917517007
		2008 г.	0	0,608560091
		2018 г.	1	0,553854875

Таблица 3.

Суммирование значений по разным показателям

	Алматы	Нур-Султан
1988 г.	2,258968	1
1998 г.	1,7888644	0,634016874
2008 г.	2,2271907	1,889539482
2018 г.	2,6	2,238603489

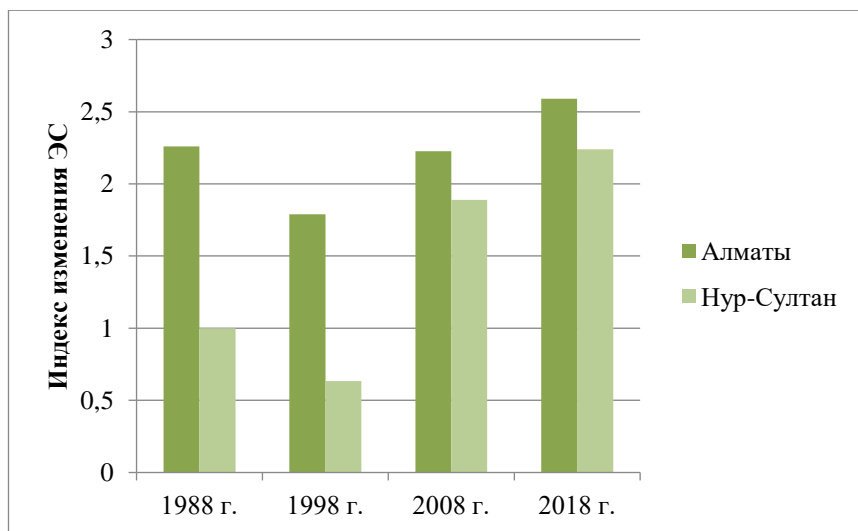

Рисунок 1. Индекс трансформации экологической ситуации за 3 временных промежутка: с 1988 по 1998 гг., с 1998 по 2008 гг. и с 2008г. по 2018г. Источник: по данным [4]

На данном графике можно выявить некоторые сходства и различия в изменении ЭС г. Алматы и Нур-Султан.:

После распада СССР в период *с 1988г по 1998г.* в двух городах происходит уменьшение воздействия. Это обусловлено реструктуризацией хозяйства и закрытием некоторых промышленных предприятий.

Индекс трансформации бывшей столицы в 2,2 раза больше, чем в Нур-Султане.

Это связано с тем, что в годы советской власти г. Алматы был одним из крупных промышленных центров Казахстана. Наличие рабочих мест увеличивало численность населения и соответственно уровень автомобилизации.

1. Последствия передачи столичных функций четко выделяются на графике в период *с 1998г. по 2008г.* Для новой столицы характерно резкое ухудшение ЭС в три раза, причиной тому является увеличение воздействия по всем 4 показателям, в частности ИЗА (с 0,02 до 0,6).

2. В г. Алматы также заметен рост индекса, но более умеренными темпами, в отличие от Нур-Султана, что связано с низким эффектом базы новой столицы.

3. Рост показателя в обоих городах обусловлен развитием экономики Казахстана, увеличением инвестиционных потоков и соответственно ростом численности населения.

За последние 10 лет (*с 2008г. по 2018г.*), ЭС умеренно ухудшается в обоих городах. Значения индекса трансформации в Алма-Ате и Нур-Султане связаны с ухудшившейся экологической ситуацией по всем параметрам. В г. Алматы наибольший вклад в ухудшение вносит увеличение численности населения, а в Нур-Султане из-за увеличения уровня автомобилизации и объема выброса от стационарных источников загрязнения. Для новой столицы характерно стабилизация уровня воздействия. Это связано с уменьшением воздействия по блоку *Б* – показатели воздействия на водные источники и *В*-обращение с отходами. Происходит снижение образования сточных вод, и одновременно увеличивается площадь города, оборудованная канализационной сетью. По блоку *В*: происходит снижения образования ТКО. Однако по блоку показателей воздействия на атмосферу, значения увеличиваются. С переносом столицы в Нур-Султане стала активно развиваться инфраструктура левобережья, где был создан новый административный центр столицы. Это дало толчок к увеличению

строительной индустрии и росту транспортной путей, соответственно увеличивается количество автотранспорта.

Для г. Алматы- ЭС ухудшается, это обусловлено увеличением показателей по каждому из блоков, в частности растет численность населения, и увеличиваются значения по показателям воздействия на атмосферу: уровень автомобилизации, ИЗА.

С 2008г. по 2018г. индекс трансформации ЭС в двух городах изменяется.

Для г. Нур-Султана происходит увеличение воздействия на атмосферу, растут объемы выбросов загрязняющих веществ. Численность населения в 2017г. достигла 1 млн числа жителей, соответственно увеличился объем образования ТКО. По показателю численности автомобилей на человека, новая столица сравнялась с г.Алматы. При этом воздействие на водные источники уменьшается, что связано с уменьшением водопотребления, из-за введения в работу приборов учета воды, а также увеличивается площадь территории, которая оборудована канализационной сетью.

Литература.

1. Колдобская Н.А. Трансформация экологической ситуации в столичных городах постсоветских стран : автореферат дис. ... кандидата географических наук : 25.00.24 / Колдобская Наталья Андреевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2016. - 27 с.

2. Баймаганбетова Г.А., Голубева Е.И., Якубов Х.Г. Формирование зеленого каркаса г. Астана: история и современное состояние / Г.А. Баймаганбетова, Е.И. Голубева, Х.Г. Якубов // Сборник «Проблемы озеленения крупных городов». М., 2016. С.18-21.

3. Дидовская А.Е., Махрова А.Г., Король Т.О. "Эколого-градостроительные аспекты трансформации постсоветских городов")

4. Комитет по статистике РК, архив бюллетеней с 1997-2018 гг. URL: <http://old.stat.gov.kz/>

5. Сайт акимата г. Нур-Султан, Изменение границ города Астана URL: http://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-izmenenii-granic-goroda-astany

Сведения об авторе

Наталья Андреевна Колдобская, кандидат географических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, младший научный сотрудник

Natalia A. Koldobskaya, Candidate of Geographical Sciences, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography,

Department of Economic and Social Geography of Russia, Junior
Researcher

E-mail: koldobskaya@gmail.com

УДК 316.483:502/504(63)

Г.М. Лазишвили

G.M. Lazishvili

**МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ
ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЭФИОПИЯ**

**THE METHODS OF QUALITATIVE ASSESSMENT OF
ENVIRONMENTAL CONFLICTS ON THE EXAMPLE OF
FEDERATIVE DEMOCATIC REPUBLIC OF ETHIOPIA**

В статье рассматриваются факторы необходимые для создания количественной оценки экологических конфликтов с политико-географических позиций. Целью работы является количественная оценка факторов экологических конфликтов Республики Эфиопия и ее экологической конфликтогенности. В ходе исследования были применены методы географического зонирования, статистический, деятельностно-геопространственный, сравнительно-географический, математический метод. В результате исследования сделан вывод, что экологические конфликты Эфиопии, являются очагом геополитической и экологической напряженности в регионе. Данная методика, может стать успешным инструментом в выявлении потенциальных и категоризации существующих экологических конфликтов.

This article is dedicated to the problem of creation of the qualitative assessment methods in environmental conflicts measure. The aim of this article is to assess Ethiopian environmental conflict potential. Methods used include activity geospacial approach, geographical zoning, geographical comparison and statistical method. As a result, Ethiopia tends to be a conflict prone region in terms of geopolitical and environmental situations both internally and internationally. Moreover, new this methodic may be used further by scholars in order to predict new environmental conflicts in Africa region.

Ключевые слова: Эфиопия, экологические конфликты, политическая география, конфликтогенность

Key words: Ethiopia, environmental conflicts, political geography, conflictogenity

Экологические конфликты определяются Проектом по окружающей среде и конфликтным ситуациям (ENCOP) следующим образом: «Экологические конфликты проявляются как политические, социальные, экономические, этнические, религиозные, территориальные конфликты, или конфликты из-за ресурсов или национальных интересов, вызванные ухудшением состояния окружающей среды» [1].

Согласно авторской позиции, экологические конфликты – это такие политические конфликты, которые возникают в связи с неудовлетворенностью в соблюдении более широких национальных или более частных геополитических интересов государств и их отдельных регионов, с другими государствами, общинами, этносами, наднациональными организациями в геосоциальных, геокультурных, геополитических и экологических аспектах взаимодействия человека с окружающей средой, что обусловлено дефицитом, избытком или неравномерным перераспределением ресурсов в геопространстве. Это определение, во-первых, дает уровневую пространственную характеристику экологическим конфликтам, во-вторых, дает возможность оценить количество политических акторов и их различные национальные интересы в борьбе за сохранение или преувеличение своего ресурсного потенциала. В-третьих, указывает на неравномерное распределение полезных ископаемых и свойств географической оболочки, при котором, некоторым политическим акторам достается непропорционально большее количество благоприятных факторов окружающей среды, нежели чем другим.

Также необходимо отметить, что деятельность общества в многообразных условиях геопространства, порождает особый вид отношений-общественно-геопространственные (общ.-географические), среди которых наряду с экономико-, социально-, духовно-, политико-геопространственными можно выделить интегральный тип- эколого-геопространственные отношения, которые могут быть конфликтными [2].

В ходе исследования потенциала конфликтогенности Республики Эфиопия, автор пришел к выводу, что необходимо привести несколько примеров существующих экологических конфликтов, категоризировать их по географическим факторам, влияющим на их развитие, дать им географическую локализацию и математическую оценку их интенсивности.

Ниже представлены выделенные автором основные факторы геопространства (окружающей среды), а также антропогенные факторы, влияющие на развитие экологических конфликтов. Каждому из них дается балльная оценка, в зависимости от его интенсивности/наличия в генезисе того или иного экологического конфликта:

a. Этническая мозаичность

Для вычисления этнической мозаичности (P) используется формула (рис. 1), предложенная М. Эккелем, где m – число этнических групп, а n_i – доля представителей этнической группы в общем населении территории. Более неоднородный состав населения будет тяготеть к единице, однородный к нулю [3].

$$P = 1 - \sum_{i=1}^m n_i^2$$

Рис. 1. Формула этнической мозаичности

b. Религиозная мозаичность

Религиозную мозаичность рассчитывается также как и этническая, подставляя вместо m – число религиозных групп, а n_i – доля представителей религиозной группы в общем населении территории;

c. Продовольственная безопасность

Существующий и активно применяемый в экономико-социальных исследованиях глобальный индекс продовольственной безопасности (GFSI), выявляющий основные факторы доступности, качества и безопасности продовольствия в 113 странах мира. Индекс представляет собой динамическую модель количественного сравнения, построенную на основе 28 показателей, которые измеряют движущие силы продовольственной безопасности как в развивающихся, так и в развитых странах. Индекс GFSI также включает подразделы, оценивающие подверженность стран воздействию изменению климата; подверженность рискам, связанным с наличием природных ресурсов, и то, как страны адаптируются к этим рискам [4].

Для суммирования с остальными баллами сводного индекса экологических конфликтов, оценка продовольственной безопасности приводится в значениях от 0 до 1, где 1 — это наименьшая безопасность, а 0 наибольшая.

d. Обеспеченность пресной водой

Под возобновляемыми ресурсами пресной воды понимаются запасы поверхностных и подземных ресурсов пресной воды в стране. Возобновляемые внутренние ресурсы пресной воды на душу населения рассчитываются с использованием оценок Всемирного банка [5].

Обеспеченность ресурсами пресной воды приводится в промежутке от 0 до 1, где 1 – это страны подверженные максимальному риску отсутствия ресурсов пресной воды, 0 – минимальному. 0-999 м³ на душу населения (1 балл), 1000-1999 м³ на душу населения (0.75 балла), 2000-5000 м³ на душу населения (0.5 балла), 5000-9999 м³ на душу населения (0.25 балла), >10000 м³ на душу населения (0 баллов).

e. Вооруженные конфликты и сепаратизм

Для выявления конфликтогенного потенциала определенной территории необходимо разделить вооруженные конфликты на три категории: замороженные, активные, разрешенные. Под конфликтом, в данном конкретном случае, принимается количество жертв от насильственных действий в количестве большем чем 25 человек за год.

Интенсивность конфликта определяется количеством жертв и перемещенных лиц за определенный год. Низкая интенсивность конфликта характеризуется кол-вом жертв за год небольшим чем 50 (от 25 до 50) и количеством перемещенных лиц до 1000 человек, средняя интенсивность определяется количеством жертв (от 50 до 100) и от 1000 до 2000 беженцев, высокая (от 100 жертв и выше) и от 2000 беженцев и больше. Статистика по летальности вооруженных конфликтов берется из Uppsala Data Conflict Program (UDCP) [6].

f. Плотность населения

Плотность населения – это ключевой фактор перенаселения на определенной территории. Он играет ключевую роль в эффективности природопользования, т.к. перевыпас скота, интенсивное с/х, приводящее к эрозии почвы и потере им плодородия является прямым следствием перенаселения [7].

Низкая плотность населения (от 0.1 до 25 человек на км²) - 0.25 балл, средняя (от 25 до 99 человек на км²) – 0.5 балл, высокая (от 100 человек на км²) – 1 балл.

g. Санитарно-эпидемиологическая готовность

Данный показатель в нашей работе оценивается с помощью Индекса глобальной безопасности в области здравоохранения (GHS)

от 0 до 1, где 0 – это благоприятная ситуация, а 1 – наименее благоприятная [8].

Для применения методологии количественной оценки экологических конфликтов рассмотрены следующие экологические конфликты: Экологические конфликты в Огадене; Тыграй; Ябелло; Мегапроект Хидасэ (ГЭС) («Плотина великого возрождения Эфиопии»). Итоги проведенной автором количественной оценки экологических конфликтов представлены в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1.

Типология и количественная оценка экоконфликтов Эфиопии

<i>Экоконфликты</i>	<i>Типология конфликта</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>	<i>g</i>	<i>Σ балл</i>
<i>Огаден</i>	Земельный	0.05	0.03	0.49	0.75	1	0.25	0.4	2.97
<i>Тыграй</i>	Земельный	0.08	0.09			1	1		3.80
<i>Ябелло</i>	Земельный	0.66	0.65			0.25	1		4.2
<i>Хидасэ (ГЭС)</i>	Водный	0.85	0.7			0.25	0.25		3.65

Таким образом, количественная методика исследования экологических конфликтов может была успешно применена при категоризации частных экологических конфликтов Эфиопии на локальном и региональном уровнях.

Исследованные регионы Эфиопии являются очагами экологической напряженности, что играет важнейшую роль в региональной безопасности и национальной безопасности самой Эфиопии.

Литература

1. Simon A. Mason, Kurt R. Spillmann. Environmental conflicts and regional conflict management / Centre for Security Studies and Conflict Research, Swiss Federal Institute of Technology (ETH) Zurich.
2. Каледин Н.В. Географическая научная картина мира: деятельностно-геопространственный контекст // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2003. №1.
3. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
4. Индекс продовольственной безопасности (GFSI) URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/index>
5. Renewable internal freshwater resources per capita (cubic meters) Food and Agriculture Organization, AQUASTAT data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC>

6. Uppsala Data Conflict Program (UDCP) URL:
<https://ucdp.uu.se/country/530>
7. Population and Housing Census of Ethiopia 2007
8. The Global Health Security (GHS) URL:
[Indexhttps://www.ghsindex.org/country/ethiopia/](https://www.ghsindex.org/country/ethiopia/)

Сведения об авторе:

Лазишвили Георгий Мамукавич, аспирант СПбГУ
Georgy M. Lazishvili, graduate student, Saint Petersburg State
University
E-mail: malazi140@gmail.com

УДК 372.891

А.Н. Лобыгин
A. N. Lobygin

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

ORGANIZATION OF STUDENTS ' ACTIVITIES IN GEOGRAPHY LESSONS IN ORDER TO FORM FUNCTIONAL LITERACY

В статье рассматриваются особенности формирования функциональной грамотности. Рассмотрены вопросы общей структуры понятия «функциональная грамотность». Представлены варианты подходов формирования функциональной грамотности обучающихся на уроках географии в школе.

The article discusses the features of the formation of functional literacy. The questions of the general structure of the concept of "functional literacy" are considered. The variants of approaches to the formation of functional literacy of students in geography lessons at school are presented.

Ключевые слова: функциональная грамотность, уроки географии в школе, подходы в организации обучающихся.

Key words: functional literacy, geography lessons at school, approaches in the organization of students.

Понятие «функциональная грамотность» достаточно давно вошла в обиход педагогического сообщества. Но до конца 90-х

годов этот термин не носил основополагающий характер. Больше у этого термина реализовывалась второстепенная роль как дополнение к основным учебным целям образовательного процесса. Реализация идей интеграции содержания образования нашей страны и мирового образования, прежде всего европейского, изменило позицию роли функциональной грамотности выпускников образовательных учреждений. Появление стандартов образования четко определило важность обязательного формирования у обучающихся функциональной грамотности при осуществлении учебного процесса.

В последние десятилетия возрастает охват образовательных учреждений, участвующих в международных исследованиях по оценке образовательных результатов. Наиболее популярны исследования по программе PISA, где в качестве объекта оценивания выступает функциональная грамотность.

В отечественной педагогической науке определение понятия «функциональная грамотность» было дано академиком РАО А. А. Леонтьевым: «личность, которая способна использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [1].

В исследовании, проведенном под руководством профессора Н. Ф. Виноградовой [2], показано и обосновано, что функциональная грамотность как планируемый результат обучения включает четыре главных аспекта:

- готовность взаимодействовать с окружающим миром;
- готовность решать учебные и житейские задачи;
- способность строить отношения;
- владение рефлексивными умениями.

Согласно концепции исследования PISA компетентностная область оценки функциональной грамотности определяет следующие характеристики личности обучающегося:

- целостный социально ориентированный взгляд на мир, основу которого составляет научная картина мира и система нравственных ориентиров;
- учебная самостоятельность, умение творчески подходить к решению проблем;
- умение свободно работать с различной информацией;

- коммуникативные умения и навыки работы в сотрудничестве;
- критическое мышление при решении проблем [3].

Школьная география обладает значительным потенциалом, обеспечивающим формирование функциональной грамотности в области естественно-научных компетенций, глобальной грамотности, в формировании коммуникативных умений и навыков [4]. Это связано как с содержанием школьного курса географии, с традиционными практическими работами, так и с различными подходами в организации учебного процесса.

Нами были разработаны уроки, в основные цели которых вошли элементы формирования функциональной грамотности. Они апробированы в разных ученических коллективах и предложены учителям географии для реализации в учебном процессе. Часть таких разработанных уроков анализируется в представляемых материалах.

При изучении раздела «Население России» важным элементом, характеризующим различные структуры населения является анализ статистических таблиц. Непосредственно при объяснении базовых теоретических основ вопросов географии населения используются имеющиеся таблицы в учебнике, специально подготовленные таблицы для демонстрации на экране. Но такая работа не концентрирует всеобщее внимание обучающихся и является достаточно пассивной.

Был сформирован учебный модуль, включающий три урока освоения основных элементов характеристики населения, его структуры, один урок – групповой практикум по работе со статистическими таблицами, на пятом уроке индивидуальная работа по выявлению сформированных представлений об особенностях населения страны, его структуре, изменениях, социальных проблемах. В групповом практикуме класс был разделен на восемь групп. Каждая группа работала с одной таблицей в течение пяти минут, выявляя и вписывая в специально подготовленные формы лидеров по различным показателям. За урок каждая группа поработала с восемью таблицами, характеризующими различные аспекты населения страны в целом и по регионам. Такой подход позволял максимально погрузиться в активную совместную деятельность по выявлению и правильному оформлению полученной информации. А уже на следующем уроке каждый

ученик в своем варианте работы должен был осуществить анализ полученных результатов, выявить причинно-следственные связи.

В девятом классе при знакомстве с Волго-Вятским районом с использованием учебника под редакцией А. И. Алексеева [5] была организована работа по самостоятельному изучению района в группах. Класс был разделен на пять групп с распределением субъектов района для каждой группы. Учащиеся должны были с использованием текста учебника и карт атласа сформировать представление о своём субъекте. После выделенного времени на изучение субъектов был устроен розыгрыш карточек с описанием особенностей территорий Волго-Вятского района. Группы должны были аргументировать, на основании чего они определили данную карточку как описание их субъекта. Описания включали как простой фактологический материал, представленный непосредственно в учебнике или на карте, так и материал, требующий анализа и обсуждений.

Помещенная на карточке информация, что в данном субъекте наиболее высокая доля детей в Волго-Вятском районе позволяла определить Чувашскую Республику по представленной в учебнике характеристике высокой доли коренного населения в Республике. А экологические проблемы проседания грунта из-за чрезмерного использования подземных вод можно было выявить при анализе карты, показывающей отсутствие крупных рек на территории Мордовии и затруднения в использовании поверхностных вод.

Сочетание коллективной и индивидуальной работы, носящей активный деятельностный характер, позволяет системно и поэтапно формировать элементы функциональной грамотности. При разработке рабочей программы на учебный год продумывается сочетание различных подходов в организации учебного процесса, чтобы постоянно и в системе решались цели формирования функциональной грамотности.

Литература

1. Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла: сб. материалов / под науч. Ред. А. А. Леонтьева. М.: Баласс, Изд. Дом РАО, 2003. С. 105.
2. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя/ Н. Ф. Виноградова, Е. Э. Кочурова и др.; под ред. Н. Ф. Виноградовой. М.: Российский учебник, Вентана-Граф, 2018. 288 с.

3. Басюк В. С., Ковалева Г. С. Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности обучающихся»: основные направления и первые результаты // Отечественная и зарубежная педагогика, 2019. Т. 1. № 4 (61). С. 13-33.

4. Беловолова Е. А. Развитие функциональной грамотности обучающихся – направление расширения деятельностного потенциала школьной географии. / География в школе, № 4, 2020. С. 44-52.

5. География: География России: Хозяйство и географические районы. 9 класс: учебник / А. И. Алексеев, В. А. Низовцев и др.; под ред. А. И. Алексеева. – 7-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2019. – 332с.

Сведения об авторе:

Лобыгин Алексей Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

E-mail: alpgeo@udm.ru

УДК 911.3:39 740

А.В. Любичанковский
A.V. Lubichankovskiy

МОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И. КАНТА КАК НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

MORAL GEOGRAPHY OF I. KANT AS A SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL BASIS OF THE MODERN GEOGRAPHY OF MENTALITY

В работе анализируется вклад творческого наследия Иммануила Канта в современную географию ментальности. Моральная география, выделенная И. Кантом в самостоятельное географическое направление, рассматривается как предтеча и философское основание современной географии ментальности. Научное рассмотрение И. Кантом географического пространства привело к выявлению строгой системы методологических действий, смыкающихся на современном этапе развития научной географии с методическим инструментарием общественной географии, обладающим колоссальным эвристическим потенциалом для аналитико-описательной части географии ментальности.

The paper analyzes the contribution to the modern geography of the mentality of the creative heritage of Immanuel Kant. Moral geography, identified

by I. Kant as an independent geographical direction, is considered as the forerunner and philosophical foundation of the modern geography of mentality. I. Kant's scientific consideration of the geographic space led to the identification of a rigorous system of methodological actions that at the present stage of development of scientific geography with the methodological tools of social geography, which carries a colossal heuristic potential for the analytical and descriptive part of the geography of mentality.

Ключевые слова: моральная география И. Канта, география ментальности

Key words: moral geography of I. Kant, geography of mentality

Творческое наследие Иммануила Канта входит в сокровищницу мировой культуры. Он был новатором как в области философии, так и в сфере науки. И хотя многое из того, о чем говорил и писал И. Кант, составляет историю философской и научной мысли, сам способ его философствования, его философский язык, а также его совершенно неповторимый образ философствующего человека оказались непревзойденными.

До настоящего времени вклад в развитие научной географии И. Канта остается малоизученным вопросом. Более того, считая эту часть его творческого наследия периферийной и отдаленной от его философии, многие исследователи рассматривают ее лишь как обзор опытного знания внешнего мира. И даже хорошо известный факт о чтении И. Кантом с 1756 по 1796 годы (40 лет!) лекций по физической географии (*Collegium de geographia physica*) воспринимается чуть ли не как причуда великого мыслителя.

Первичными и важнейшими источниками по этому роду деятельности И. Канта можно считать 18 рукописей студентов и анонимных составителей, доступных в электронной форме в Потсдамском отделении Берлинско-Бранденбургской академии наук [1, с. 206], а также 2-х томное издание «Кантовской физической географии» Фридриха Теодора Ринка [2]. Правда, последнюю - видный немецкий исследователь Эрих Адикес считал текстологически не кантовской [3]. Известно также свидетельство Барона фон Гольштейн о том, что существуют «Лекции профессора Канта по физической географии, которые он прочёл мне в 1772/73 гг., в память об этом великом муже, исправленные им самим. Корректуры в этой рукописи сделаны его собственной рукой (Барон фон Гольштейн)» [4]. Сама рукопись упоминается в литературе уже в первой трети XIX века и по сегодняшний день находится в частном владении [1].

Статус текстов решен в исследовании Эриха Адикеса «Исследования по физической географии Канта» (1911) [3]. В целом речь идёт об одном тексте с оригинальной структурой, который полностью составлен из выписок из имеющихся учебников, описаний путешествий и других научных работ того времени [1, с. 208]. Текст ранней версии структурирован: введение (посвященное космографическим измерениям сферической формы Земли), две части и заключение. В первой части представлена физическая география, давшая названия всему курсу (рассматриваются четыре основных элемента – вода, земля, огонь и воздух). Вторая часть посвящена царствам природы. В соответствии со средневековой традицией, это животные, растения и минералы. В заключении содержится «Суммарный обзор имеющихся природных достопримечательностей всех стран в географическом порядке» (обзор дается в следующей последовательности: Восточная Азия, Африка, Европа, Южная и Северная Америки и необитаемые полярные территории). Как утверждает крупный специалист по исследованию физической географии И. Канта из Марбургского университета им. Филиппапо В. Штарк, только первая часть является самостоятельно написанной работой (она может быть прочитана в едином ключе как переработанная редакция опубликованных программ курсов летнего семестра 1757 года, за исключением разве что небольших, но поучительных модификаций) [1, с. 209]. По сути лекции по физической географии И. Канта представляют собой фундаментальный обзор естествознания в его чувственно познаваемых репрезентациях (в противовес математической физике Исаака Ньютона с её законами гравитации, действующими в отдельных корпускулах). Это описательное и сравнительное исследование природы в начале Нового времени.

В XVIII веке сфера физической географии оставалась ещё неопределенной и не дифференцированной. Только в конце XVIII в. от неё начинают отделяться геология, география растений и животных. С одной стороны, программа И. Канта соответствует ещё не дифференцированному естествознанию, но с другой – содержит методологическую основу для разнородного конгломерата вопросов, исторически рассматриваемых географией, что явилось научным пропедевтическим основанием хронологической концепции, окончательно оформившейся через К. Риттера уже А. Геттнером и Р. Хартшорном.

И. Кант классифицировал науки на систематические (в предмете исследования которых материальные объекты), хронологические (цементирующиеся на исследовании явлений и процессов во времени, прежде всего, это история) и хорологические (здесь предметом исследования выступает пространство, а к таким наукам И. Кант относит астрономию и географию).

География выделяется в самостоятельную отрасль знания по пространственному критерию. Пространственность является универсальным свойством большинства процессов и явлений, поэтому география выступает и как некий универсальный подход научного познания.

Именно И. Кант подразделяет географию на физическую, математическую, политическую, литературную, «меркантильную» географии [5, с. 11]. Заметим, что некоторые из этих отраслей могут представляться исследователям как отрасли географии Новейшего времени.

И. Кант выделил моральную географию, исследующую различия моральных норм (поведение, нравы, обычаи) между различными народами и странами, которые И. Кант уловил, изучая литературные источники. Эта находящаяся в процессе формирования дисциплина, по его мнению, призвана изучать особого рода системы – территориальные общности людей-носителей совокупности специфических моральных норм [6, с.25].

Отметим, что уже в начале XIX века в России рассматривалась «нравственная география» Е. Ф. Зябловского, в которой можно найти сравнительный анализ отношения к отцеубийству в Лапландии и Японии [7, с. 57].

У И. Канта географические понятия органически сливаются с философскими. К таким понятиям следует отнести «поле», «территория» и «область» событий. [8].

С.В. Федулов рассматривает целостное географическое мышление через три основные дихотомии: «образ» - «логическая схема»; «уникальное» - «общее»; «деятельность»-«пространство» [9]. Первая дихотомия представлена художественно-страноведческой тенденцией, прослеживающейся от Геродота и Страбона и формирующая географический образ и идущая от Эратосфена и Птолемея статистико-картографической направленностью, ориентированной на точнейший показ места. Вторая дихотомия («уникальное» - «общее») отражает разные подходы в географии: идеографический (поиск своеобразия,

уникальности территории с преимущественным использованием качественных методов исследования) и номотетический (поиск закономерностей размещения и пространственной организации с преимущественным использованием формализованных подходов и количественных методов). Третья дихотомия - «деятельность» - «пространство» - то есть ориентация либо на деятельность в ее проявлениях на территории, либо на территорию с учетом деятельности людей. Безусловно, географическое мышление «пульсирует между тремя парами полюсов указанных дихотомий» [9]. География ментальности, в частности поведенческая география, ориентирована на триаду «образ» - «уникальное» - «деятельность».

Современная география, соединившая в себе взаимодополняющее творческое наследие Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера, является продолжением научно-философских оснований И. Канта, особенно ярко нашедших свое отражение в положении К. Риттера «человек - зеркало территории» [10, с. 18], интенционально направленное на созидание географической мысли.

Единое географическое пространство Земли может быть представлено только как наложение множества географических пространств, выраженных как множество пространственных отношений [11, с. 271-272].

Таким образом, важнейшим методологическим основанием современной географии ментальности (в нашей терминологии этологической географии [12]) можно считать представления И. Канта о множественности миров. Пространство и время выступают как априорные свойства чувственной сферы сознания, через которые воспринимается действительность. Культурные паттерны, господствующие в том или ином регионе, создают определенно окрашенный фильтр восприятия информации и могут выразить себя в наличии множественности пространств. Противоречие между субъектом и объектом у И. Канта снимается представлениями о зависимости наблюдаемого от наблюдателя.

Литература.

1. В. Штарк. Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант // Кант и Кенигсберг : [сборник] / [сост. и гл. ред. В. П. Лебедев-Шапранов]. - Калининград : Кладезь, 2005 - 169 с. – С.203-220.

2. Kant I. *Physische Geographie*. 2 Bde. Hrsg. von Friedrich Theodor Rink. Königsberg: Gftbbels & Unzer, 1802.
3. Adickes E. *Untersuchungen zu Kants physischer Geographie*. Tübingen, 1911.
4. Kant I. *Kant's gesammelte Schriften*. Berlin, 1900 ff.
5. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. – М., «Академия». – 400 с.
6. Новые направления в общественно-географических науках / С. Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 107 с.
7. Зябловский Е. Ф. Курс всеобщей географии. СПб. 1818-1819.
8. Дергачев В.А. Иммануил Кант. Путешественник, открывший Великий океан, берега которого еще не удалось достигнуть никому // Институт геополитики профессора Дергачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dergachev.ru/geop_events/230416-03.html#_YAрwhv0zaM8
9. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ./Авт. предисл. С. В. Федулов. - М.: Прогресс, 1990.-304 с.
10. Европа: лекции, читанные в Берлинском ун-те и изданные Г. А. Даниелем / К. Риттер; Пер. с нем. Я. Вейнберга. - М. : А. И. Глазунов, 1864. - 346 с.
11. Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 3 / Сост., отв.ред. Д.Н. Замятин. – М. : Институт Наследия, 2006. – 568 с.
12. Любичанковский А.В. // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. - № 1 (9). - С. 37-49.

Сведения об авторе:

Алексей Валентинович Любичанковский, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета, 460018, г. Оренбург, ул. Степана Разина, 198, кв. 15

Alexey V. Lyubichankovsky, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography and Regional Studies of the Orenburg State University, 460018, Orenburg, Stepan Razin str., 198, sq. 15

E-mail: av-lubichan@yandex.ru, 89225386573

УДК 914/919

И. Г. Мальганова
I. G. Malganova

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

SPATIAL METAMORPHOSIS OF REGIONAL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF TATARSTAN REPUBLIC)

В статье представлены вопросы пространственных и социально-экономических трансформаций регионального развития. Согласно концепции географического детерминизма, в Республике Татарстан, существенное влияние на процесс социально-экономической трансформации и пространственных метаморфоз на наш взгляд, оказывают три ключевых фактора: исторический (историко-культурное наследие), географический, а также фактор национальной идентичности/ мультикультурализма.

The issues of spatial and socio-economic transformations of regional development are presented in the paper. According to the concept of geographical determinism, in the Republic of Tatarstan, in our opinion, three key factors have a significant impact on the process of socio-economic transformation and spatial metamorphosis: historical (historical and cultural heritage), geographical, and also the factor of national identity / multiculturalism.

Ключевые слова: *пространственные метаморфозы, трансформация, регион, Республика Татарстан, институциональные изменения, национальная идентичность, мультикультурализм.*

Key words: *spatial metamorphosis, transformation, region, Republic of Tatarstan, institutional changes, national identity, multiculturalism.*

Метаморфозы (лат. Metamorphoses, «превращения»). Изменения. Трансформации. Для отечественной научной мысли данные понятия приобрели особое значение в конце XX в. в связи со сменой социального и пространственного векторов развития всего постсоветского пространства. Дискутируются причины трансформации, среди них называются и экономические, и политические, и социокультурные. Появились трактовки реформирования как революционного, однако в целом происходящее в обществе большим числом исследователей определяется как социальная трансформация. Этот термин признан как наиболее адекватный для реалий России, лишенный векторной нагрузки более, чем, например, «модернизация» (В. А. Ядов) [1]. Лавинообразно растет количество работ по проблематике

трансформаций по всем сферам общественной жизни. При этом продолжают активно обсуждаться вопросы о сути трансформации в контексте пространственных метаморфоз, их направленности, масштабах, формах проявления и пр.

Ведущими отечественными учеными социальная трансформация понимается как: 1) радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества (Т. И. Заславская) [2]; 2) преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием (В. А. Ядов) [3]; 3) быстрое, внешнее, поверхностное изменение социальности посредством внедрения в нее чужеродных элементов, выдаваемых за необходимые основания, и сопровождаемое нарастанием негативных явлений (Н. И. Иконникова) [4]; 4) комплексное, преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы — социокультурная трансформация (Н. И. Лапин) и пр [5].

Понимая, что преобразования испытывает весь мир, большинство авторов сходятся во мнении о том, что пространственные трансформации (метаморфозы) постсоветского пространства, России — в частности, также обусловлены и экзогенными факторами, но при этом имеют свои особенности. Главным отличием российских трансформаций от западных считается то, что здесь они не стабильны, близки к состоянию «динамического хаоса» (по И. Пригожину) [6].

И хотя трансформации охватывают различные сферы жизни региона, до сих пор нет однозначного понимания и глубокого анализа тех оснований и механизмов, порождающих социальные трансформации, которые могут выделить общие закономерности этого процесса.

Согласно концепции географического детерминизма, в Республике Татарстан, существенное влияние на процесс социально-экономической трансформации и пространственных метаморфоз на наш взгляд, оказывают три ключевых фактора: исторический (историко-культурное наследие), географический, фактор национальной идентичности/ мультикультурализма.

В целом, в данной работе мы опирались на концепцию трансформационного цикла.

Историческое наследие формирует не только культурный, но и социально-экономический потенциал регионального развития, выражается в уникальных трудовых навыках, территориальном

разделения труда и сложившимися видами экономической деятельности Татарстана.

Его влияние можно проследить при анализе всех основных аспектов регионального развития и во многих отношениях обеспечивает параметры его стабильности, прежде всего экономической.

Уникальность исторического наследия региона Республики Татарстан во многом определяются особенностями его геополитического и географического положения [3]. К ним относятся благоприятное геополитическое положение - почти в центр экономически развитого Поволжья, между промышленными регионами Центрального и Уральского федеральных округов.

Республика выгодно расположена в отношении важных сырьевых и сельскохозяйственных регионов России, находящихся на пересечении авиалиний, железнодорожных, автомобильных и речных стратегических транспортных маршрутов. Геополитическая ситуация в регионе была связана с пограничным положением РТ между регионами европейской и азиатской культур и цивилизаций. Республика Татарстан всегда была своего рода центром взаимодействия, мостом между восточной и западной культурами.

Территория Республики Татарстан включает значительное количество объектов культурной собственности, более 7 тысячи памятников истории и культуры, а 1635 из которых защищены государством.

В 2018 г. Успенский собор в городе Свияжске (Татарстан) включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Люди проживают в республике с различными историческими и культурными традициями. Действие феномена территориальной исторической памяти, налагающее свой след на формирование структуры регионального развития (ядром которого является его система крупных поселений), привело к появлению комбинации уникальных социально-экономических особенностей территорий с качественными характеристиками их потенциала и направлений развития.

Анализ влияния исторических факторов на социально-экономическую трансформацию в муниципальных районах Татарстана показывает, что дифференциация во многом определяется составом этнических и культурных групп районов.

Исторические и современные миграции оказали заметное влияние на этнический состав населения республики. Интенсивный

приток русских во второй половине XVI–XVIII вв. сделал их самым многочисленным этносом, татары были оттеснены из Приволжско-прикамских районов вглубь водоразделов и мигрировали на восток, в Закамье, где окончательно сформировался второй ареал их расселения. Медленное увеличение доли татар началось во второй половине XVIII в., на первом этапе — в результате ассимиляции чувашей, стремившихся избежать принудительной христианизации и переходивших в мусульманство, а затем — благодаря более высокому уровню естественного воспроизводства.

С середины XIX в. после смены направлений переселенческих миграций начала снижаться доля русских в населении. Этот процесс продолжился и в XX в.: к моменту образования Татарской АССР в 1920 г. татары составляли 44,3% населения, в 2002 г. — уже 52,9%. Рост доли титульного этноса приостанавливался лишь несколько раз в связи с массовыми трудовыми миграциями на восток, в составе которых было немало татар, и в периоды реализации крупных индустриальных проектов в самой республике — освоения поволжских нефтегазовых месторождений в послевоенный период и создания нижекамского промышленного комплекса в 1960–1970 гг., сопровождавшихся миграциями русских в республику.

В 1989–2002 гг. рост титульного этноса происходил как за счет сохранявшегося небольшого естественного прироста, так и миграции. Большая часть татар, въехавших в Россию из стран ближнего зарубежья, осела на территории республики. Внутрироссийские миграции также привели к концентрации этноса в республике: доля российских татар, проживающих в Татарстане, выросла за межпереписной период с 32 до 36%.

Татары численно преобладают в большинстве районов и городов, а их доля увеличилась почти на всей территории республики. В периферийных районах юго-запада традиционно проживают чуваш и мордва, на северо-востоке — удмурты и марийцы. Русское население незначительно преобладает в районах, расположенных по обоим берегам Волги и вблизи широкого устья Камы, подтопленного водохранилищем, а также в городах Зеленодольск, Чистополь (более 60% населения), Бугульма и Елабуга (более половины). Крупные общины украинцев и башкир сформировались в результате трудовых миграций 1960–1970-х годов, они концентрируются в Набережных Челнах и Нижнекамске (более 40% украинцев и 55% башкир республики).

Более 53 % населения региона составляют татары (в том числе крымчане, астраханские и сибирские татары) и почти 40 процентов - русский. Более того, с 2002 года доля обоих увеличилась примерно одинаково. В-третьих, в номер - Чуваши, четвертый - удмуртский, пятый - мордовцы, шестой - мари. Седьмое и восьмое места у украинцев и башкир.

Большинство населенных пунктов Республики Татарстан отличаются полиэтничностью населения.

Используя этот параметр, можно выбрать следующие основные группы поселений: татарские, русские поселения, поселения с этнически смешанным населением, где преобладают чувашская, удмуртская, марийская и мордовская этнические группы. В Республике Татарстан доминирует в татарских поселениях - 1670 поселений (54% от общего числа поселений) с населением 579 812 человек. Русские поселения в 2,5 раза меньше (606 населенных пунктов), и в них проживает 108 016 человек. Более половины населения (79,9%) сосредоточено в поселениях с этнически смешанным населением. Кроме того, в стране чувашские поселения - 180 (5,9%), с населением 57 422 человек, удмуртские деревни - 53 (1,7%) поселения, население составляет 11 734 человека, поселения Марий Эл - 25 (0,8%), в которых проживает 6 178 жителей Мордовии, а поселения Марий Эл - 23 (0,7%), с населением 5031 человек. Поселение чувашской, удмуртской, марийской, мордовской границы Республики Татарстан. Значительная часть татарских поселений расположена в северных районах республики, в Предволжском и Предкамском регионах. Что касается российских поселений, то нет никаких особенностей локализации, но следует отметить, что они ближе к городам. Расчеты с этнически смешанным населением расположенных по всему Татарстану.

Учитывая этнический состав населения муниципальных районов, следует отметить, что девять из них (21% от общей суммы) имеют более высокую долю русского населения. Примерно одинаково татары и русские живут в двух муниципалитетах. Татарское население преобладает в других муниципалитетах (54% от общего количества). В 10 муниципалитетах (23% от общего числа) численность татар превышает 80-90% от общей численности населения.

Народы республики сильно различаются по уровню урбанизированности. Выше средней по республике доля горожан среди украинцев, башкир и русских. Татары заметно отстают от этих

этносов, однако разрыв постепенно сокращается: в 1970 г. среди татар было 39% городских жителей, в начале 1980-х г. - около 50%, в 2002 г. — уже 66,5%. Их доля в городском населении растет быстрее, чем в сельском, под воздействием внутриреспубликанской миграции татар из села в город и внешней миграции, направленной в основном в города.

Третий фактор - мультикультурализм, в известной мере можно определить, как попытку преодоления предыдущих, некий третий путь решения культурного и национального вопроса.

Следует различать две основных формы современного мультикультурализма. Возникновение одной из них связано со странами, население которых формируется за счет миграции: Канада, США, Австралия.

Исторически одна из наиболее ранних попыток введения мультикультурализма в РТ как государственной политики. Уже тогда было высказано мнение, что билингвизм (политика двуязычия), может способствовать достижению национального согласия, устранению острых противоречий между русскими и татарами в Татарстане.

Другой – с европейскими национальными государствами, в которых мультикультурализм является политикой заимствованной, своеобразно понимаемой и в известной мере чужеродной. Здесь, в странах с переходной экономикой, мультикультурализм обусловлен, во-первых, миграцией и комплексом проблем, ею вызванных, во – вторых, - активизацией региональных этнокультурных и этнополитических движений, стимулируемых как процессами глобализации, так и общероссийской интеграции.

Отличительной особенностью современного мультикультурализма является то, что он имеет дело не только с этническими или культурными меньшинствами, но и со всеми видами меньшинств (например, феминизмом и т.д.). В различных странах и регионах он понимается то как идеология, то как политика, а то как и социальная технология. При этом, все чаще в средствах массовой информации говорят о провале политики мультикультурализма.

В заключении хотелось бы отметить, что главными современными трансформационными тенденциями в региональном экономическом пространстве Татарстана являются:

1) продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации (неоднородности пространства,

что свидетельствует о несовершенстве формирующегося социально-экономического пространства и слабости механизмов его целевого регулирования);

2) переплетение дезинтеграционных и интеграционных процессов;

3) переход от некоторого экономического спада к экономическому росту со значительными региональными особенностями трансформаций.

Литература

1. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. - 2008. - № 4. - С. 8-22.
2. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. - М.: Дело, 2002. - С. 152-170.
3. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Официальный сайт ИС РАН, 2010. - URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1736>.
4. Иконникова Н.К. Еще раз об искусственности, латентности и социальности культуры // Личность. Культура. Общество. - 2009. - Т. 11. Вып. 1 (46-47). - С. 121.
5. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2000. - Т. III. - № 3. - С. 32-39.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени. - М.: Прогресс, 1994. - 272 с.
7. Ламажаа Ч.К. Социальная трансформация // Знание. ЗПнимание. Умение. - 2011. - № 1. - URL: <https://psibook.com/sociology/sotsialnaya-transformatsiya.html>
8. Panasyuk M., Pudovik E., Malganova I., Butov G. Historical Heritage Factor in Evaluating Development Prospects of the Regional Multicultural Community // Procedia - Social and Behavioral Sciences. - 2015. - Vol. 188(14 May 2015). - P. 193-196.
9. Panasyuk M., Pudovik E., Malganova I., Butov G. Regional Multicultural Community: Problems of Life Quality Estimation // Mediterranean Journal of Social Science. - Vol. 5. - № 18. - P. 323-327.
10. Степанова С.В., Толстогузов О.В. Трансформация региональной социальноэкономической системы: концептуальная модель // Труды Карельского научного центра РАН. - 2013. - № 5. - С. 12-21.

Сведения об авторе:

Мальганова Ирина Григорьевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и

картографии Казанского (Приволжского) федерального
университета, г.Казань, Россия.
E-mail: IGMalganova@kpfu.ru

УДК 908 (556.52)

А.А. Перовщиков
А. А. Perevoschikov

ИСТОКИ РЕК УДМУРТИИ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

THE HEADSPRING OF THE RIVERS OF UDMURTIA. IDENTIFICATION PROBLEMS

Истоки рек Удмуртии как туристическая достопримечательность. Степень достоверности данных, представленных в сети Интернет. Анализ причин выявленных несоответствий.

The headspring of the rivers of Udmurtia as a tourist attraction. The degree of reliability of the data presented on the Internet. Analysis of the reasons for the identified inconsistencies.

Ключевые слова: Удмуртия, исток реки, достопримечательности

Key words: Udmurtia, river headspring, attractions

Территория Удмуртии дает начало двум крупнейшим рекам востока Восточно-Европейской равнины Каме и Вятке. Их истоки расположены на севере республики, в пределах Верхнекамской возвышенности. Но также есть множество малых и средних рек, играющих для жителей Удмуртии весьма важную территориальную и сакральную роль в формировании понятия «малая родина».

Несомненно, истоки рек - это символические природные объекты, несущие связь с местностью для жителей нашей республики и соседних регионов, чья экономика и жизнь завязана на этих водных артериях, и наверняка будут интересны в учебной работе, планировании экскурсионной и туристической деятельности, организации краеведческих походов и прочее.

При необходимости изучения и описания рек, планировании походов, экскурсий и др. часто машинально указывают координаты истока, ссылаясь на уже опубликованные данные, как правило, не

задумываясь об их достоверности, и здесь кроется загвоздка проблемы. Поскольку, основная масса крупных рек не имеет четко обозначенных истоков, по ряду причин:

1. Исторически сложившаяся неточность в привязке истоков из-за отсутствия детальных карт.

2. Спорность выбора при наличии двух и более возможных претендентов на звание «истока».

3. Привлечение «административного ресурса» в «назначении» истока, легко объясняемый противоречиями между желанием привлечь туристов и необходимостью минимизировать финансовые затраты на обустройство территории.

Имеется целый ряд нормативных документов, регламентирующих решение этих вопросов. Согласно ГОСТ 19179-73 Гидрология суши. Термины и определения: «исток реки – начало реки, соответствующее месту, с которого появляется постоянное течение воды в русле. Истоком реки часто является родник, болото, озеро или ледник» [1]. Очень близкое по содержанию приводится определение и в гидрологическом словаре [2]. Это говорит о том, что понятие истока реки имеет вполне конкретное определение, и не имеет двоякого трактования.

В «Руководстве по определению гидрографических характеристик ...» [3] истокам рек и установлению их местоположения посвящен целый раздел (6.4), где изначально указывается, что «...вопрос установления местоположения истоков рек при картографировании часто очень сложен и нередко носит условный характер...»(с. 42-43).

Анализируя расположение истоков наиболее значимых рек Удмуртии, можно привести следующие факты.

Исток р.Кама. В Википедии, как наиболее доступном источнике Рунета «Кама берёт начало в центральной части Верхнекамской возвышенности на высоте 335 м из четырёх ключей у бывшей деревни Карпушата, ныне вошедшей в состав села Кулига, Кезский район Удмуртской Республики» [4].

В действительности, если придерживаться описанных руководством [3] рекомендаций исток р.Камы фактически находится у бывшей деревни Сизево в 4 км севернее с.Кулига на отметке чуть более 300 м – явное несоответствие с привлечением административного ресурса. Притом, что объект внесен в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Исток р.Вятка расположен на востоке Верхнекамской возвышенности, на севере Ярского района, в 1 км от железнодорожного разъезда Перелом в пределах одноименного торфяного верхового болота. Высота истока— 240 м над уровнем моря. От переезда до истока проложена тропа.

Точность координат истока в Сети весьма противоречива, несмотря на популярность объекта в соседней Кировской области, где Вятка – главный символ края.

В последние годы, вокруг истока разгорается нешуточная интрига между депутатским корпусом, РПЦ и энтузиастами, «облагородившими» территорию языческими идолами [5].

Исток р.Чепца. Чепца — священная река для северных удмуртов, бесермян и старообрядцев, давно укоренившихся на ее берегах. Для Удмуртии река транзитная. Ее истоки расположены недалеко от границы в пределах Очерского района Пермского края. Местоположение самого истока исторически претерпело существенные дислокации, после сооружения в 1813-1814 полутора километрового канала, получившего название Копань и осуществившего искусственный перехват стока р.Чепца в р.Очер. Первоначально, исток Чепцы переместился в истоки безымянной речки, формирующейся выше бывшей д.Игнатьево. После строительства в 70-е годы 20 века большого Новосёловского пруда, уровень дамбы оказался выше уровня канала, вода из пруда снова пошла в Копань. Следовательно, современные истоки р.Чепца будут располагаться сразу за плотиной пруда, на отметках чуть более 200 м. Объект пользуется большой популярностью у жителей Удмуртии и Кировской области.

Из других небольших, но значимых для Удмуртии рек, расположенных в водосборе р.Чепцы в относительной пешей доступности справа находятся истоки рек: Лып, у бывшей деревни Ярки; р.Пызеп у д.Рахмал (Кезский р-н); р.Пызеп у бывшей деревни Селифонята (рядом с д.Базаны Балезинский р-н). Труднодоступны истоки рек Пышкец и Люм (Глазовский и Ярский р-ны соответственно). По левому берегу Чепцы хорошей доступностью характеризуются истоки рек: р.Ита, правый приток р.Лоза у с.Зюзино (Шарканский р-он); р.Сепыч у д. Убытьдур, р.Убыть у д. Старое Кычино, р.Лекма в 3.5 км юго-восточнее с.Васильевское (все Красногорский р-он).

Р.Лоза – крупнейший левый приток р.Чепца. Ее исток расположен в 206 квартале ГЛФ Якшур-Бодьинского лесничества. Река

формируется в пределах мощного лесного болота на отметках 240 м. Географически здесь расположен важнейший для Удмуртии водораздельный узел водосбора рек Лоза (р.Чепца), Нылга, Ува (р.Вала) и р.Чур (р.Иж). Все они формируют свои долины примерно в одинаковых условиях – это труднодоступные, значительно заболоченные и лесистые места. Причины посещения этих мест скорее спорадические, при лесозаготовке, охоте, сборе грибов и ягод.

Исток р.Иж. Река начинается от слияния р. Бол. Иж и р. Мал. Иж, истоки которых находятся у деревни Иж-Забегалово в Якшур–Бодьинском районе Удмуртии. Абсолютная отметка 123 м.

По запросам в Сети, как правило, исток указывается правильно [6], но фотографии места официального обустройства локализованы одним из родников в истоках р.Бол. Иж, у северных окраин д. Мал. Ошворцы. Этот объект внесен в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Исток р.Вотка. Река начинается с родника в глубоком лесистом логу в урочище Куаверка, что расположена в 1.5 км северо-западнее бывшей д. Киенгоп в Якшур–Бодьинском районе Удмуртии. Абсолютная отметка 210 м. Внесен в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Исток р.Кильмезь расположен в логах на окраине Верх-Шамовского болота, в 99-100 кварталах Красногорского лесничества УР. Абсолютные отметки предположительно 195 м. К истоку имеется лесная дорога. Ближайший п. Пионерский, находится приблизительно в 3 км юго-восточнее. Объект широкого интереса для посещения не представляет по причине удаленности и труднодоступности. Однако в туристических отчетах упоминается о наличии в истоке 6-метрового языческого идола. Болото внесено в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Исток р.Вала. Река Вала, левый приток р. Кильмезь, берёт начало в Можгинском районе Удмуртии на южных склонах Можгинской возвышенности в 2,3 км юго-восточнее села Поршур, на отметке 210 м. Оборудован один из родников в верховьях реки, но не самый верхний. Внесен в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Исток р.Тойма. Тойма в пределах Удмуртии весьма скромная река, набирающая силы в соседнем Татарстане. Берет начало на землях ГЛФ Можгинского лесничества в квартале 237,

между деревнями Александрово и Стар. Березняк Можгинского р-на. Абсолютная отметка 210 м. Внесен в список памятников природы регионального значения Удмуртской республики.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В российском сегменте Интернета, как правило, представлены противоречивые данные о координатах речных истоков.
2. Истоки рек, значимых и не очень, достаточно популярны для посещения любителями экстремального туризма.
3. Языческие идолы у истоков весьма неоднозначно воспринимаются православной церковью.
4. Внесение речных истоков в состав ООПТ не гарантирует их обустройство и сохранение.

Литература

1. ГОСТ 19179-73 Гидрология суши. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1988, 34 с.
2. Чеботарев А. И. Гидрологический словарь. — Л., Гидрометеиздат, 1978. 223 с.
3. Р.52.08.874-2018. Руководство по определению гидрографических характеристик картометрическим способом. Росгидромет, 2018, 179 с.
4. Кама:// Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кама>. (Дата обращения 28.02.2021).
5. Слесарев В. А. Исток реки Вятки:// Энциклопедия «Вики-Поляны» [Электронный ресурс]. Вятские Поляны, 2020. URL: https://kraeved.vp43.ru/wiki/Исток_реки_Вятки. (Дата обращения 28.02.2021).
6. Повалишникова Е.С. Иж://. Научно-популярная энциклопедия «Вода России» [Электронный ресурс]. URL: https://water-f.ru/Водные_объекты/3461/Иж. (Дата обращения 28.02.2021).

Сведения об авторе:

Перевощиков Александр Анатольевич, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики ИЕН ФГБОУ «Удмуртский государственный университет». 426034, Россия, г.Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп.1)

Perevoshchikov Alexander Anatolyevich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics of the Institute of Natural

Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution "Udmurt State University". 426034, Russia, Izhevsk, st.Universitetskaya, 1 (building 1)

E-mail: 45paa@mail.ru

УДК 910.1

Г.С. Самигуллина
G.S. Samigullina

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

EDUCATIONAL POTENTIAL OF SOCIAL GEOGRAPHY

В статье рассматривается образовательный потенциал экономической и социальной географии. Использован метод теоретического анализа. Длительный опыт работы в системе общего, высшего образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки позволяет обобщить аспекты образовательный потенциал экономической и социальной географии.

The article examines the educational potential of economic and social geography. The method of theoretical analysis was used. Long-term work experience in the system of general, higher education, advanced training and professional retraining allows us to generalize aspects of the educational potential of economic and social geography.

Ключевые слова: потенциал, образование, экономическая и социальная география.

Key words: potential, education, economic and social geography

Образовательный потенциал географии, в том числе экономической и социальной географии огромен.

К сожалению, сложившаяся санитарно-эпидемиологическая ситуация не позволила решить стратегические задачи в системе географического образования. Принятая Концепция развития географического образования в 2019 году, предусматривающая включение в кодификатор экономической деятельности и географическую деятельность, до сих пор не реализована. Продвижение географии в школьном образовании и её востребованность в системе высшего образования не изменились. Но этот факт не умаляет достоинств нашего предмета.

Так в федеральных государственных стандартах (ФГОС), принятых в основной и полной средней общеобразовательных школах, образовательный потенциал географии не имеет себе равных. Результаты освоения школьных предметов включают три группы: предметные, личностные, метапредметные.

Опустим предметные результаты освоения географии. Личностные результаты освоения программы удивительным образом вторят предметным (географическим) результатам: социализация, «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [1].

Социализация как привитие норм, правил, привычек поведения наглядно представлено в отношении к природе; передаче опыта поколений через изучение экономики, культуры народов России. Практически на уроках географии в общеобразовательных учреждениях речь идёт о четырёх ролях: Я - гражданин, Я - житель, Я – работник, Я – гражданин мира.

Преодоление экономической заземлённости общественной географии А.Г. Исаченко связывает с исследованием перспективных культурологических, этнокультурных, политических, рекреационных ответвлений географии [2, с.11].

В системе высшего образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки учителей географии курс экономической и социальной географии дополняется курсами, где приводятся индекс развития человеческого потенциала, индекс Хюфстеде.

В условиях этнических и религиозных разногласий актуализируется проблема толерантности. Проблема толерантности Хартия Земли в разделе IV «Демократия, ненасилие и мир» пункт 16: «Создавать Культуру Толерантности, Ненасилия и Мира» [3].

Люцернская Декларация формирования **взглядов и ценностей** по настойчивому поиску решений проблем местного, регионального, национального и межнационального масштаба рекомендует рассматривать на примере «Всемирной декларации прав человека» [4, с. 35].

В 2010, 2014 годах по предложению Межрегиональной Ассоциации учителей географии в Казани проведены две научно-

практические конференции «География в поликультурном мире», явившимися формами имплементации поликультурной парадигмы.

Данная форма была воспринята не только как часть творческих педагогических усилий учителей и преподавателей географии, обеспечивающих культурно-социальную идентификацию личности, открытую иным культурам, национальностям, расам, верованиям.

Но и как возможность разорвать профессиональную изоляцию, поделиться творческими исследованиями и практическим опытом работы преподавателей средней и высшей школы в открытом общественно-профессиональном пространстве.

В работе конференций приняли участие учёные, учителя Москвы, Санкт-Петербурга, Амурской области, Благовещенска, Барнаула, Башкортостана, Кабардино-Балкарии, Мари Эл, Саха Якутии, Ставропольского края, Ульяновской области, Хабаровска, Белоруссии, Германии, Казахстана, Туркменистана, Турции, Украины, Чехии, Эстонии и т.д.

При формировании установок толерантного поведения необходимо руководствоваться историческим, ценностно-изменчивым, личностно-ориентированным, социокультурным подходами; методами: сравнительно-сопоставительного, «критических инцидентов», «культурных капсул», ролевых игр, «аудиомотора» и т.д.

Распад СССР ознаменовал в России переход от монокультурной среды к поликультурной. Это связано с притоком мигрантов из стран СНГ, в то время как опыт позитивного взаимодействия с представителями разных культур почти отсутствовал.

Эта сторона вопроса связана с экономико-географическим аспектом. Возникает проблема создания нормативных документов по разработке методологии и анализу историографии проблематики рынка труда, уточнение предпосылок, условий, эффективности формирования общего рынка труда; сопоставление экономических интересов стран-участников СНГ по совместному использованию трудового потенциала, свободного привлечения и использования рабочей силы во всех регионах государств-партнеров СНГ [5, с. 277].

В образовательную программу ПК учителей географии и смежных дисциплин был включён блок интеграции естественнонаучных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Содержание ПК учителей географии и смежных дисциплин включает теоретический материал, межпредметные качественные и количественные задачи, практические и лабораторные работы, практикумы на межпредметной основе, творческие задания.

В практикумы по содержанию предмета включены задания на определение межпредметных понятий: территория, фрактальная линия, коэффициент эрозионной надёжности, высотная поясность, пространственная диффузия, квоты стран по ограничению или сокращению выбросов и т.д.

Незабываемым был спелеологический практикум для учителей географии и биологии в Сюкеевские пещеры. О Сюкеевских пещерах оставил свидетельства известный ученый Н.А. Головинский, один из основоположников казанской геоморфологической школы. Они отмечены в «Географическом статистическом словаре Российской империи» и в многотомном издании «Россия», вышедшем под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского. Упомянуты Сюкеевские пещеры в «Материалах для географии и статистики России», собранных М. Лаптевым и в других изданиях.

В ходе практикума выявлена деградация природной среды в районе Матюшинского карьера: а). загрязнение атмосферного воздуха (запыление атмосферы при открытой добыче); б). загрязнение природных поверхностных и подземных вод; в). обеднение флористического разнообразия; г). образование техногенных ландшафтов, характеризующихся почти полным отсутствием почвенного покрова, растительности, микроорганизмов (искусственное плато из отвалов); д). снижение численности многих промысловых зверей и птиц, амфибий и т.д.

Роль образования для устойчивого развития (ОУР), образовательный потенциал экономической и социальной географии определены Нагойской конференцией, признавшей концепцию устойчивого развития единственной парадигмой мироустройства современной цивилизации [6, с. 4].

ОУР – это триединая деятельность, включающая обучение, просвещение и воспитание, в этом состоит специфика ОУР как востребованной в современном обществе образовательной парадигмы [6, с. 4].

Экологическую парадигму мы рассматриваем в контексте обучения, просвещения и воспитания.

Размышляя о географическом аспекте ОУР, Ю.Л. Мазуров

отмечает «без конкретной привязки к географическому пространству наше видение важнейших явлений и процессов в сфере образования становится явно не полным и даже неадекватным. Вовлечённых в данную сферу профессиональных географов гораздо больше, чем биологов, экономистов, философов» [6, с. 14].

Практически все глобальные проблемы имеют ярко выраженный географический аспект: экологические проблемы и природных катастроф, вопросы освоения и использования естественных ресурсов, общепланетарные социально-экономические явления [7, с. 40].

Потенциал географии, занимающей пограничное положение между естественными и общественными науками, позволяет решить многие задачи, стоящие перед образованием.

Литература.

1. URL:https://артресурс.рф/images/3._Законопроект_редакция_Ф3-273_о_воспитании.pdf (Дата обращения 12.01.2021).
2. Исаченко А.Г. Исследование взаимодействия природных и общественных территориальных систем как интегральная задача географической науки / А.Г. Исаченко // География в школе. – 2005. – №8. – С.11–16.
3. Хартия Земли в Татарстане. 2-е изд., дополн. – Казань: Издательство «Заман», 2007.–240с.
4. Хаубрих Х., Рейнфред С., Шлейцер И. Люцернская декларация: географическое образование для устойчивого развития / Х. Хаубрих, С. Рейнфред, И. Шлейцер// География и экология в школе 21 века. – 2008. – №1. – С.35-41.
5. Кичеджи В.Н. Межрегиональная интеграция как необходимое условие реализации стратегии эффективного развития российской экономики дисс. на соискание д.э.н. / В.Н. Кичеджи – М., 2003. – 284 с.
6. Мазуров Ю.Л. Образование в контексте развития: постнагойский дискурс /Ю.Л. Мазуров // География в школе. – 2016. –№1. –С.4-15.
7. Сухоруков В.Д. Глобальные проблемы человечества /В.Д. Сухоруков // География в школе. – 2016. –№1. –С.37-45.

Сведения об авторе:

Галина Савельевна Самигуллина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Galina S. Samigullina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Federal State Autonomous

Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University»

E-mail: galinaterra@yandex.ru

УДК: 911.5/9

В. А. Столбов

V. A. Stolbov

ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ МЕТАГЕОГРАФИИ

GEOGRAPHY AND MODERN PROBLEMS: A VIEW FROM THE PERSPECTIVE OF METAGEOGRAPHY

Обсуждается философский подход к выделению особой географической формы материи как специфического объекта познания географии. Рассмотрена эволюция взглядов философии как науки на структуру материального мира, его развитие и дифференциацию. Сделана попытка в рамках метагеографии определить место и роль науки в этой системе. Выдвинутая гипотеза позволяет по-новому взглянуть на географические объекты и их атрибуты: движение, пространство, время.

The philosophical approach to the identification of a special geographical form of matter as a specific object of knowledge of geography is discussed. The evolution of the views of philosophy as a science on the structure of the material world, its development and differentiation is considered. An attempt is made to determine the place and role of science in this system within the framework of metageography. The proposed hypothesis allows us to take a new look at geographical objects and their attributes: movement, space, and time.

Ключевые слова: *метагеография, географическая форма материи, геосистема, географическое пространство, географические законы.*

Key words: *metageography, geographical form of matter, geosystem, geographical space, geographical laws.*

Для любой науки определяющим фактором является поиск своего места в системе научных знаний, выбор конкретного объекта исследований в многообразии явлений материального мира. Расширение фронта научных исследований возвышает роль экстенсивной концепции материи, определяющей ее как бесконечную совокупность предметов. Актуализируются проблемы

классификации этого многообразия, выделения общих, частных и конкретных групп, определения их генезиса, связей, иерархии, пространственно-временного положения и пр. Ни одна наука не может занять достойное место в общественной жизни без понимания своего положения в этой схеме материального мира.

Трудно отрицать возрастающее конструктивное значение современной географии. Результаты географических исследований востребованы и находят свое применение в самых разных сферах практической деятельности, при этом остается нерешенным целый ряд теоретических вопросов, что резко снижает ее потенциал в научном, организационном, институциональном и образовательном аспектах.

До настоящего времени не определено место общей географии в системе наук, сохраняются противники единой географии, ведутся дискуссии о предмете и объекте науки, сохраняется многозначность основных категорий науки – «географическое пространство», «географическое время», «географические законы», «регион» и т. д.

Решение этих вопросов невозможно без предварительных теоретических разработок в области метагеографии. Именно этот раздел географических знаний призван обосновать место и роль географии в философской системе категорий, раскрыть ее онтологическую и гносеологическую функции [1].

Опираясь на диалектическую формулу познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [2] можно констатировать относительно детальную проработку географического отражения объективного мира лишь на уровне первого этапа. Начиная с времен М. В. Ломоносова, одним из первых отметившего характерный для географии комплексный взгляд на мир, мировоззрение науки характеризуется как «географическая картина мира».

Географический мир, его картина – это скорее именно чувственное, живое, мировоззренческое восприятие, хотя ряд исследователей и считают его миром, «окультуренным теорией» или «теоретизированным миром» [3].

Уровень теоретизации «географической картины мира» не соответствует современным требованиям метагеографии. Она не определяет реальный объект географических исследований, не фиксирует место географии в системе научных знаний, не обосновывает гносеологическую и онтологическую ценность науки.

Подобная ситуация до последнего времени, во многом, определялась положением, сложившимся в самой философской науке. Трудно было найти каждой конкретной науке место в мире, где все многообразие форм существования материи сводилось к пяти основным формам движения, предложенным еще Ф. Энгельсом. Свой генетический ряд форм движения материи он разработал на основе совокупного материала науки XIX века.

Спустя более чем полвека, новые данные, полученные естествознанием, позволили существенно расширить эту классификацию академику Б. М. Кедрову [4]. Причем особое внимание философ уделяет соотношению высших и низших ступеней развития материи при возникновении высшего. Низшее, вошедшее в состав высшего, не уничтожается, а сохраняется внутри, теряя свою самостоятельность и подчиняясь более сложному образованию и образуя частную форму материи. В таком случае возникает ряд форм, выражающий их соотношение как в структурном, так и в генетическом разрезах. Кстати, география в этом ряду занимала место перед биологией, т. е. даже не сводилась к физической географии в современном понимании.

Одним из выдающихся достижений философской мысли следует считать обособление Б. М. Кедровым сложных, т.н. «комплексных» форм материи. Такие формы играют роль условий и предпосылок обеспечения общего, поступательного развития природы. К подобным образованиям академик отнес геологическую форму материи, обеспечивающую необходимые условия возникновения и существования живого. Она играет вспомогательную, «подчиненную» роль по отношению к магистральной линии, что «...не только не исключает ее трактовки как необходимого условия для возникновения жизни, а прямо предполагает это...» [5].

Это направление развития философской мысли дает возможность выйти из теоретического тупика, в котором оказалась метагеография. Наличие особой географической формы материи не раз высказывалась корифеями географии. Например, академик А. А. Григорьев еще в 1932 году определил ее как физико-географическую оболочку земного шара [6]. И эта трактовка была более близка к предмету географии, чем точка зрения, высказанная позднее В. С. Лямым [7]. К сожалению в рамках подобных концепций не содержится ответа на вопрос о единстве науки, объекте

исследования общей географии, характере взаимодействия природы и общества, место ее в системе наук и пр.

Представляется, что основная причина неудач в поисках и определении географической форма материи кроется в стремлении «вписать» ее генетический ряд, предложенный Ф. Энгельсом. Достижения современной философии позволяют по-новому взглянуть на эту проблему. Продолжая идеи Б. М. Кедрова, представитель пермской философской школы В. В. Орлов предложил дополнить ряд основных форм материи генетическим рядом «комплексных» ее форм. Выделение этого ряда обосновывается необходимостью предварительного формирования и поддержания условий развития основных форм материи. Он объединяет т. н. «невключенное» низшее, т. е. формы материи немагистральной линии развития.

По В. В. Орлову этот ряд выглядит следующим образом: астрономическая – геологическая – географическая [8]. В таком случае астрономическая материя включает свободные, немагистральные формы развития физической, выступает в роли необходимого условия возникновения и развития основной химической формы материи и предпосылкой возникновения геологической ее формы. Последняя, в свою очередь, – немагистральный путь развития химической, следствие развития астрономической и предпосылка возникновения биологической формы материи.

Географической форме материи в этом ряду присущи следующие черты:

- Комплексность, проявляемая двояко. Она возникает путем «наложения» «немагистральной» линии развития биологической формы на геологическую и сама служит основой развития социальной формы материи, т. е. включается в нее;

- Антропное целеполагание¹⁷. Целевая направленность на создание комплекса условий, необходимых для успешной жизнедеятельности, гармоничного и всестороннего развития людей;

- Базисность, фундаментальность. Географическая материя зарождается как обязательное условие, фундамент («общественное тело») социальной материи;

¹⁷ Терминологическое сочетание «антропный принцип» широко используется в естественных науках для объяснения невероятного сочетания качеств земной среды, обеспечивающих условия формирования и эволюции человека.

- Предварительность. Как и всякая предпосылка качественного перехода «комплексная» географическая форма материи складывается раньше, нежели возникает основная форма, условием появления которой она является;

- Потенциальное богатство. В качестве предпосылки возникновения и условия дальнейшего развития социальной материи географическая ее форма должна обладать неисчерпаемым потенциальным богатством, позволяющим удовлетворять потребности общества в процессе его эволюции.

Географическая материя, сформировавшись как необходимая и обязательная предпосылка появления человека с его возникновением становится основой, базой («теневой системой» по В. В. Орлову) организации общества. Нет сомнений в том, что обязательной и необходимой предпосылкой зарождения человека следует считать целостный комплекс естественных условий и ресурсов, сложившийся на планете во всех его формах и проявлениях. Субстратом существования подобного комплекса служит территория. Изучение природы как целого и разного рода ее целостных частей (районов, ландшафтов и т. д.) составляет содержание физической географии вообще и ландшафтоведения в особенности.

Развитие социальной формы материи идет путем преобразования, подчинения условий своего существования, создания территориальных «ячеек» общества (на основе существующих физико-географических комплексов или районов). Последние преобразуются, в следствие природных, экономических и социальных различий в формы территориальной организации общества – разного рода социально-экономические районы, территориальные социально-экономические системы (ТСЭС), территориальные общественные системы (ТОС), служащие объектом исследования социально-экономической и общественной географии [9]. ТОС объединяют «...весь природный, экономический, социальный и духовный потенциал территории, все стороны жизни общества и ...в качестве основной цели развития имеют достижение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» [10].

Представление о районе как комплексной форме существования природы в ее единстве, целостности и организованности соответствует объекту исследования физической географии. Восприятие района как географическую среду,

преобразованную в конкретно историческую форму организации жизни людей характерно для общественной географии. В любом случае геосистема, как обобщающее понятие географической формы материи, является неразделимым территориальным комплексом, отражающим современную фазу развития материального мира (эпоха становления ноосферы) [11]. Целенаправленно создаваемый и эффективно используемый социально-экономический район – неотъемлемый атрибут гуманистического общества.

Литература.

1. Саушкин Ю. Г. От метагеографии к теоретической географии // География в системе наук. Л.: Наука, 1987. – 212 с. С. 11-20.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 152-153.
3. Мересте У. И., Ныммик С. Я. Современная география: вопросы теории. М., Мысль, 1984. 296 с. С. 15.
4. Кедров Б. М. Классификация наук. Книга 2. От Ленина до наших дней М.: Мысль, 1965. 544 с.
5. Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М: Наука, 1967. - 436. С. 281.
6. Григорьев А. А. Предмет и задачи физической географии: (общие принципы изучения структуры физико-географического процесса) // На методологическом фронте географии и экономической географии. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 45–59.
7. Лямин В. С. География и общество. М.: Мысль, 1978. – 309 с.
8. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь., 1974. 202 с.
9. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., Мысль, 1973., 559 с.
10. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 494 с. С. 394.
11. Сочава В. Б. Учение о геосистемах. Новосибирск, Наука. 1975. – 40 с.

Сведения об авторе:

Вячеслав Алексеевич Столбов, к. г. н., доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, 614060. г. Пермь, ул. Уральская, 113, кв. 75.

Vyacheslav A. Stolbov, Ph. D. Associate Professor Department of social and economic geography, Perm state national research University. Perm, RUSSIA, 614060. Perm, the Ural St., 113, apt 75.

E-mail: Stolbov210857@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

THE ESSENCE AND TRANSFORMATION OF THE SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIO-ECOLOGICAL SYSTEMS

Статья посвящена актуальным вопросам пространственной организации общественного развития. Обосновывается необходимость понятия природно-общественной системы и эволюция взглядов на нее. Дается понятие территориальной общественно-экологической системы, указывается ее отличие и преимущества от предыдущих концепций. Обосновывается роль современных информационных подходов в оптимизации пространственной организации общественного развития.

The article is devoted to topical issues of spatial organization of social development. The necessity of the concept of the natural-social system and the evolution of views on it are substantiated. The concept of the territorial socio-ecological system is given, its difference and advantages from the previous concepts are indicated. The article substantiates the role of modern information approaches in optimizing the spatial organization of social development.

Ключевые слова: *территориальные общественно-экологические системы, информационные системы, сети, пространственная организация.*

Key words: *territorial socio-ecological systems, information systems, networks, spatial organization.*

Развитие человечества, как эволюции природы и общества происходит в пространстве и меняется во времени, проецируется на конкретной территории. С географической точки зрения их единство можно проследить на примере природно-общественных систем, в которых в разное время акцент делается на природной или общественной составляющей.

В связи с этим территориальные системы со временем меняют свою значимость, целеполагание и эволюционируют от природно-общественных (ТПОС) до территориальной общественной системы (ТОС) [1, 2]. Однако, в настоящее время на

основе процесса коэволюции имеет смысл говорить об общественно-экологических системах, т.к. в них общественная и природная составляющие трансформируются и приобретают новый смысл. Со временем меняется подход к познанию данных систем и особенностей их функционирования. В эпоху индустриализации в основу функционирования природно-общественных систем (ТПОС) были положены принципы экономической эффективности, комплексности, выявление причинно-следственных связей (фактор – результат). Помимо общих мест проживания (населенных пунктов) здесь формировались пути сообщения, транспортные и экономические центры и как следствие – опорный каркас территории. Рисунок общественной жизни имел двухмерный горизонтальный рисунок.

Вся жизнь в системах вписывалась в рамки территориально-административного деления, сдерживающего свободу населения в выборе мест приложения труда и сферы обслуживания.

Наследство индустриализации породило «концентрацию жизни» в конкретных точках пространства и как следствие этого – агломерирование, комплексобразование, «отраслевое» управление и территориальную несправедливость.

В настоящее время неоиндустриализация диктует свои условия на функционирование и территориальную организацию территориальных систем.

Каждая ТОЭС представляет собой единство всех элементов общества, тесно взаимодействующих с измененной им окружающей – экологической средой. В ТОЭС выделяют материальную и духовную сферы жизнедеятельности людей, функциональные блоки и инфраструктурное обеспечение.

ТОЭЛ имеет «ядро» и окружение. «Ядром» ТОЭС является человек, территориальная общность людей (ТОЛ), объединенных общими интересами и отношениями к месту их проживания. Причем если ТОЛ изменяется качественно и количественно, то окружение расширяется, можно выделить такие виды окружения как экономическую, так и общественную среды с выделением таких составляющих как духовной, социальной, политической, экологической, информационной и т.д. [3].

В этой системе приоритеты меняются. Повышается роль информации, инноваций, духовности, политической активности, приводящие к свободе перемещения, выбора услуг и места пребывания. Это обуславливается новыми видами деятельности:

оказанием различных услуг, в том числе многогранных он-лайн услуг. Здесь приоритеты нацелены на качество жизни населения. Со временем данный уровень развития природно-общественной системы со временем должен перейти к ноосферному – сформируется планетарная система: формирование гуманного общества.

На стадии неоиндустриализации и постиндустриализации общественно-экологические системы так же меняют свой рисунок, он становится объемным, трехмерным и от территориальной привязки переходит к пространственной. В данной системе повышается роль услуг (относительно занятости населения, их доле в ВВП) и информации. Общество превращается в информационное. Неоиндустриализация, как новая форма общественного развития предусматривает введение инноваций во все сферы жизни людей: в производство, сервис, управление.

В настоящее время происходит трансформация содержания и формы общественного развития. Проникновение инфокоммуникаций во все сферы жизни свидетельствует о становлении цифровой цивилизации:

- в производственную деятельность (отношения потребителей и бизнеса, денежно-финансовые отношения, планирование и управление инвестиционной деятельностью, электронная торговля, электронные деньги, банковские услуги;
- в транспорт и логистику;
- в социальную сферу (отношения человека и сферы медицины, образования, торговли, культуры, отдыха, жилищно-коммунального хозяйства, туризма);
- в сферу общественных отношений социальные сети, прямое общение между людьми;
- отношения населения, бизнеса и государства, предоставление различного рода услуг и информации со стороны государства и его органов;
- в политические отношения и административирование, в международные и межгосударственные отношения.

Эти технологии придают общественному развитию новые черты: открытость коммуникаций и формирование «нервной системы» общественного развития. Все это повышает комфортность окружающей среды и качество жизни людей. Для развития личности общедоступность информации, значительно расширяющая свободу ценностного и профессионального выбора людей, которые с

помощью Интернета находят места учебы, работы, отдыха, повышают уровень культуры, создают семьи.

Любая территориальная система, в том числе ТОЭС – пространственно-временная форма организации общества, в которой взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются все формы жизни людей, включенные в процессы общественного развития и воспроизводства – имеет вертикальное (состав отраслевых блоков) и горизонтальное (размещение этих блоков в пространстве – их территориальная организация) измерение. Это ведёт за собой изменение рисунка и форм организации общественной жизни. Повышается мобильность населения, свобода выбора «оператора услуг». Этот процесс должен сопровождаться деконцентрацией объектов жизни населения, субурбанизацией, повышением роли пригорода и полупериферии. Для этого необходимо оптимизировать информационные телекоммуникационные и транспортные системы. Большая часть услуг становится для населения доступной. Однако, помимо транспортной и временной встаёт вопрос стоимостной доступности услуг. Все это обуславливает необходимость поиска новых форм территориальной организации, приведение к единству содержания и формы ТОЭС.

Трансформация территориальной организации ТОЭС вызывает необходимость новых подходов исследования, выходящих за рамки классических географических инструментариев [4, 5, 6, 7] и др., примером которых является *концепция сетевых структур* – представление о линейно-узловых формах организации хозяйства, услуг и населения [8, 9, 10].

По нашему мнению сетевые структуры могут быть приемлемы для всех видов деятельности людей, и представлены интегральными территориальными сетями. В данном случае общественное развитие можно представить пространственными формами общественной организации – «сетями жизни».

С развитием транспорта и связи, в том числе спутниковой конструктивность концепции возрастает по мере возрастания социальных услуг и доставки их до «потребителя» как в центральные, так и удаленные районы. Она увязывается с охраной окружающей среды и идеей экологического каркаса.

Современные формы объединения общественной жизни в сетевые структуры связаны с достаточно чётким распределением труда в пространстве. Оптимизация пространственного развития предусматривает совершенствование размещения населения и

объектов его хозяйственной деятельности; трансформацию экономики при переводе ее на высокотехнологическое производство, на углубление переработки сырья при снижении ресурсоемкости, формирование «банка» операторов услуг и повышение их доступности, развитие транспорта, в том числе скоростного и логистики. Результатом этого будет создание гармоничных ячеек жизни населения, где все нацелено на полное использование потенциала, саморазвитие, производство и потребление всей продукции и благ, развитие творческой активности и обеспечение самодостаточности.

Литература.

1. Шарьгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни управления). Избранные труды. – Пермь: Изд.-во ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2003. 260 с.

2. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении / А.А.Ткаченко. Тверь, 1995.

3. Субботина Т.В. Гносеологический и онтологический аспекты территориальных природно-общественных систем // Географический вестник. 2017. 2 (41). С. 31 – 42.

4. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Тихоокеанский институт географии. М.: Наука, 2007. 237 с.

5. Бунге В. Теоретическая география. / В.Бунге; пер. с англ. М., 1967. Вебер А. Теория размещения промышленности / А.Вебер; пер. с нем. Л.; М., 1926

6. Christaller W. Di zentralen Orte in Suddeutschland / W. Christaller. – Jena, 1933.

7. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002.

8. Блануца В.И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природные ресурсы. № 1 2012. С.

9. Большев О.Н. Сеть как объект географического исследования // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20–25 сентября 2016 г.) / под общей ред. А. Г. Дружинина. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 66 – 69.

10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУВШ. 2000.

Сведения об авторе:

Субботина Татьяна Васильевна, кандидат географических наук, исполняющая обязанности заведующего

кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Tatyana V. Subbotina, Candidate of Geographical Sciences, Department of Socio-Economic Geography of the Perm State National Research University.

E-mail: ada@psu.ru

УДК 378.147

И.М. Усов

I.M. Usov

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ-УЧАСТНИКОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КЛУБА

METHODOLOGY OF FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS AMONG STUDENTS-PARTICIPANTS OF THE GEOGRAPHICAL CLUB

Статья описывает роль клубной деятельности в формировании ценностных ориентаций у студентов на примере интеллектуального клуба «Планета» Удмуртского государственного университета.

The article describes the role of club activities in the formation of value orientations among students on the example of the intellectual club "Planet" of the Udmurt State University.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, клубная деятельность, социальное становление.*

Key words: *value orientations, club activity, social formation.*

В рамках социальной психологии всегда актуально исследование проблем развития личности с позиций ценностных, смысловых и жизненных ее ориентаций и их изменения в процессе социализации личности.

Кардинальные изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества влекут за собой радикальные изменения в психологии, ценностных ориентациях и поступках людей. Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодежи (студенчества). Неизбежная в условиях ломки сложившихся устоев переоценка

ценностей, их кризис более всего проявляются в сознании этой социально-профессиональной группы. Общество нуждается в молодёжи, ориентированной на духовные ценности, альтруистические смыслы, созидательные творческие планы. В то же самое время учебный процесс в ВУЗе сегодня преимущественно направлен на развитие интеллекта студентов, расширение теоретических знаний, так называемых профессиональных компетенций, в то время как мотивационная и смысловая сферы личности нуждаются в развитии. В связи с этим, изучение смысложизненных и ценностных ориентаций студентов становится актуальным, обуславливая причину обращения к данной теме.

Одним из перспективных и продуктивных путей вывода из кризиса системы общественного воспитания в вузе является развитие сферы клубной деятельности студентов.

Специально организованная клубная деятельность, может повлиять на формирование и стать эффективным средством развития ценностных и смысложизненных ориентаций студентов – участников Географического клуба «Планета». Воспитательная среда клуба, как особо организованного пространства, будет предоставлять студенту идеальные формы ценностей, интериоризация которых обеспечит формирование личности в соответствии с требованиями к качеству профессиональной подготовки студентов:

- содержание клубной деятельности будет способствовать установлению многообразных социальных связей студентов с окружающей социокультурной средой;

- у участников клуба появится возможность для проявления себя в качестве субъектов за счет актуализации творческих способностей, а также для переноса приобретенных или получивших свое развитие способностей в другие сферы жизнедеятельности;

- в основе педагогического процесса будет лежать воспитательная работа, направленная на осознание студентами личностного смысла их деятельности.

География, вопреки распространенному мнению об узкопрофильности науки - это целый комплекс, включающий в себя естественно-научные и общественно-гуманитарные дисциплины такие как: биология, история, физическая география, геология, экономика, лингвистика, политология и другие, тесно взаимодействующие между собой, направления. Широкий кругозор

в деле знаний и представлений о Планете, понимание причинно-следственных связей - так называемая «географическая картина мира» - является неотъемлемой частью сознания настоящего гражданина, способного грамотно ориентироваться в любых ситуациях современной жизни.

Цель программы клуба «Планета»:

- формирование в сознании студента полноценной «географической картины мира»;
- целостного восприятия геополитических и социально-экономических процессов и явлений в мире;
- расширение круга знаний студента о своей стране и мире в целом;
- популяризация интеллектуальных игр в студенческой среде.
- определение своих возможностей и своего вклада в общий результат .

Для достижения поставленной цели, необходимо решить ряд задач:

- способствовать формированию научного мышления студентов, развитию свободно и творчески мыслящей личности;
- формировать представление о взаимосвязи явлений окружающей среды, о проблемах, встающих перед человечеством:

Данная программа предусматривает следующие результаты и знания в ходе изучения курса:

- повышенный уровень фактологических и аналитических знаний студентов;
- подготовленная команда студентов для организации и проведения общеуниверситетского мероприятия.
- определение собственного отношения к явлениям современной жизни, отстаивание своей гражданской позиции, формулирование своих мировоззренческих взглядов.

В рамках реализации программы рассматриваются следующие темы:

1. Политическая система общества.
2. История развития геополитики
3. Формирование геополитического пространства мира.
4. Геополитическое положение современной России.
5. Организация власти в государстве.
6. Избирательные системы.
7. Джерримендеринг. Геополитика XX века

Определяя задачи, формы и методы работы клуба, педагогу необходимо владеть информацией об интересах, потребностях, проблемах молодых людей, благоприятности климата в группе.

Определение сущностных характеристик клуба, как социального института, позиционирование его в общей социальной системе, выявление специфических функций социального института позволят разработать концепцию социального становления молодежи в клубах на основе индивидуализированного подхода.

Особым фактором социального становления молодого человека в клубе - это включение индивида в клубное пространство. Задачей в становлении интеллектуальной сферы молодого человека является развитие внепредметных и предметных знаний и умений, что реализуется через пространство дополнительного образования в клубе.

Таким образом, развитие ценностных и смысложизненных ориентаций происходит посредством влияния различных социальных институтов, в данном случае ВУЗом и непосредственно за счет участия в деятельности «Географического клуба».

Сведения об авторе:

Игорь Михайлович Усов, ассистент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета

Igor Mikhailovich Usov, Assistant of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University
E-mail: Usovigo@yandex.ru

УДК 911.9

А.С. Харыбина, А.К. Юмашева
A.S. Kharybina, A.K. Yumasheva

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING THE SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

В данной работе представлен стратегический анализ Ямало-Ненецкого автономного округа, произведены SWOT- и PEST-анализы.

Сформулированы региональные проблемы, влияющие на социально-экономическое развитие региона. На основе полученной в ходе исследования информации подготовлен комплекс мероприятий по развитию экономического, энергетического, сельскохозяйственного потенциалов, рационального природопользования, а также разработана дорожная карта устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа.

This article presents a strategic analysis of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, SWOT- and PEST-analyzes. During the project, the regional problems on the path to realize the goals of sustainable development were formulated. On the base of information obtained during the study, a set of measures was created to develop economic, energy, agricultural potentials, rational nature management. Finally, the roadmap for the sustainable development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug was developed.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, Ямало-Ненецкий автономный округ, дорожная карта, энергетический потенциал.

Key words: sustainable development, socio-economic development, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, roadmap, energy potential

Территория Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) расположена в арктической зоне на севере Западно-Сибирской равнины. Северная граница округа, омываемая водами Карского моря, имеет протяженность 5100 километров.

Ямало-Ненецкий автономный округ является территорией проживания малочисленных народов Севера: ненцев, ханты, манси, селькупов, эвенков и других.

Особенностью экономики ЯНАО является преобладание добычи углеводородного сырья. На территории округа находится примерно 78% запасов российского газа и около 18% запасов нефти.

Учитывая природные и ресурсные особенности Ямало-Ненецкого автономного округа, необходимо тщательное изучение экономических, социальных и политических характеристик данного региона.

SWOT-анализ (табл. 1) был составлен согласно данным отчета по социально-экономическому развитию ЯНАО за 2018 год [1], представленному департаментом экономики Ямало-Ненецкого автономного округа.

Таблица 1.

SWOT-анализ Ямало-Ненецкого автономного округа

Сильные стороны		Слабые стороны	
• Высокая обеспеченность,	бюджетная определяющая	• Слабо развитая инфраструктура	

<p>возможность активного участия региона в инвестиционных процессах</p> <ul style="list-style-type: none"> • Значительный ресурсный потенциал углеводородов и твердых полезных ископаемых 	<ul style="list-style-type: none"> • Суровые климатические условия • Высокая стоимость электроэнергии • Моноотраслевая структура экономики (упор на добычу углеводородов) • Невысокий процент высокотехнологичного сектора в экономике
<p>Возможности внешней среды</p>	<p>Угрозы внешней среды</p>
<ul style="list-style-type: none"> • Открытие новых месторождений твердых полезных ископаемых • Увеличение потребления природного газа на европейском рынке • Близость к Северному морскому пути • Развитие взаимовыгодного сотрудничества со странами Азиатского региона • Формирование эффективной туристической индустрии 	<ul style="list-style-type: none"> • Транспортная удаленность от крупных центров производства и рынков сбыта • Ввод ограничений на ввоз импортного нефтесервисного оборудования • Снижение социальной привлекательности региона • Накопленный экологический ущерб при наличии сложностей в проведении рекультивационных работ

На сегодняшний день все более актуальной становится проблема выработанности месторождений [2]. Одним из ее решений стала разработка Ачимовской толщи, которой занимается компания «Газпром нефть», предложившая создать на базе одного из ее лицензионных участков в ЯНАО полигон для наработки технологии «умных месторождений». Данный проект позволит объединить усилия участников отрасли и научного сообщества в разработке и тестировании комплекса отечественных технологий эффективного освоения продуктивных толщ.

Развитие нефтегазовой отрасли является не только сильной стороной региона, но и причиной возникновения проблемы моноотраслевой экономики [3]. Возможное снижение объемов добычи вследствие выработанности месторождений неизбежно повлечет уменьшение налоговых поступлений в бюджет, что скажется на уровне жизни населения. В связи с возможным отсутствием занятости возникает риск оттока трудоспособного населения из региона.

Территория ЯНАО является местностью наименее устойчивой к техногенному воздействию на окружающую среду. В

итоге деградация естественных экосистем в результате воздействия человека при разработке месторождений поставила под угрозу исчезновения объекты растительного и животного мира. Активная хозяйственная, военная и научная деятельность в Арктике в советский период резко изменилась в 90-е годы, оставив после себя постройки, значительные запасы ГСМ, угля, техники, оборудования и многочисленные разнообразные отходы, накопившиеся и не вывозившиеся в течение длительного времени.

Также к проблемам ЯНАО можно отнести следующие:

- проблема здравоохранения. Сюда входят: недостаточное развитие специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи, дефицит опытных кадров, дефицит площадей в медицинских организациях, недостаточная доступность медицинской помощи тундровому и кочующему населению, недостаточная профилактическая активность и медицинская грамотность населения, недостаточный уровень диагностики и профилактики инфекционных заболеваний и паразитарных болезней;

- проблема образования. Здесь очевидны такие проблемы как неполнота обеспечения доступности дошкольного образования на территории автономного округа, отсутствие системы выявления и поддержки одаренных детей на основе межведомственного взаимодействия, недостаточное развитие и соответствие системы повышения квалификации педагогических и руководящих работников задачам инновационной модели образования.

- проблема деятельности в зонах вечной мерзлоты. Вечная мерзлота создает сложности в освоении земли и ее богатств. Общих стратегий и программ по решению данной проблемы в регионе нет, однако эта проблема подробно рассматривается в программе развития Арктики в целом. В рамках этой программы Минстрой России стал ответственным исполнителем по обеспечению хозяйствования в условиях вечномерзлых грунтов. Министерство будет в том числе разрабатывать рекомендации по организации сети геотехнического мониторинга крупных городов Ямало-Ненецкого автономного округа.

В результате реализации мероприятий социально-экономического сектора будет происходить совершенствование территориальной организации, повышение социальной привлекательности региона увеличение конкурентоспособности региона. Проблема моноотраслевого развития региона будет

сбалансирована за счет внедрения центров нефтегазохимии, которые обеспечат как новые технологии добычи и переработки нефти и газа, так и увеличение количества рабочих мест.

При реализации мероприятий рационального природопользования будет частично решена проблема утилизации отходов с максимальным выходом вторичного сырья. Помимо этого будет обеспечен достаточный экологический мониторинг за состоянием компонентов природной среды.

В результате реализации мероприятий энергетического сектора решится проблема неразвитой дорожной инфраструктуры, будет обеспечена логистика между населенными пунктами, уменьшится вероятность возникновения аварийных ситуаций.

Ямало-Ненецкий автономный округ можно назвать опытным полигоном для дальнейшего развития всего Арктического региона.

Литература

1. Прогноз социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2019-2021 годы (одобренный Правительством ЯНАО) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://de.yanao.ru/documents/active/14107/> (дата обращения: 03.12.2018)
2. Буторин А.В., Р.Р. Зиннурова, М.Ю. Митяев, А.В. Онегов, И.Ф. Шарифуллин, Научно-Технический Центр «Газпром нефти» (ООО «Газпромнефть НТЦ»), М.А. Виноходов (Филиал «Газпромнефть-Муравленко» ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз»). Оценка потенциала тюменской свиты в пределах Ноябрьского региона Западной Сибири // Нефтяное хозяйство, 2015, декабрь. С. 41-43.
3. Зайнутдинов Р.Р. Моноотраслевые регионы России: определение, типологизация и перспективы развития // Экономика региона, 2015. Вып. 4. С. 106-122.
4. Вижина И.А., Ю.Б. Золотовская. Анализ проектов и социальных эффектов стратегии развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки, 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 64-72.
5. Дерягина С.Е., О.В. Астафьева. Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа: производственные особенности района, основные экологические проблемы и пути их решения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика, 2017. Вып. 2. С. 152-163.

Сведения об авторах:

Харыбина Анфиса Сергеевна, инженер кафедры геоэкологии, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

E-mail: anfisa.haribina@yandex.ru

Юмашева Анастасия Константиновна, студент, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

E-mail: anastasiayumasheva@yandex.ru

УДК 911.37

В.В. Шаймарданова

V.V. Shaimardanova

ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АРЕАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ АГЛОМЕРАЦИИ

IDENTIFICATION OF FUNCTIONAL AREAS AS A TOOL FOR ANALYZING THE SPATIAL STRUCTURE OF AGGLOMERATION

Статья посвящена такому инструменту изучения пространственной структуры, как выделение функциональных ареалов территории. Данный подход позволяет обособить территории городской агломерации, требующие повышенного внимания со стороны градостроителей. Ввиду сочетания и концентрации нескольких функциональных зон функциональные ареалы становятся плацдармом к мероприятиям городского развития и внедрения различных территориальных трансформаций. При этом, территории за пределами таких ареалов также становятся перспективными. Благодаря инструменту функциональных ареалов достигается значительная точность в выявлении границ территорий, требующих повышенного внимания властей.

The article is devoted to such a tool for studying the spatial structure as the allocation of functional areas of the territory. This approach makes it possible to isolate the territories of the urban agglomeration that require increased attention from urban planners. Due to the combination and concentration of several functional zones, functional areas become a springboard for urban development activities and the introduction of various territorial transformations. At the same time, territories outside of such areas are also becoming promising. Thanks to the tool of functional areas, significant accuracy is achieved in identifying the boundaries of territories that require increased attention of the authorities.

Ключевые слова: функциональный ареал, городская агломерация, город, территориальное планирование, функциональное зонирование.

Key words: functional area, urban agglomeration, city, territorial planning, functional zoning.

Пространственная структура города является сложным комплексом территорий, в процессе взаимодействия с прилегающей территорией, городами различной конфигурации и численности, сформировавшая единство городской агломерации. Одним из качественных инструментов изучения способов организации внутреннего пространства города является функциональное зонирование [1-4]. При этом изучения агломерационных процессов недостаточно при анализе ее структуры. Функциональные зоны затрагивают центральные функции города или поселения, однако не учитывают взаимное размещение и влияние отдельных зон друг на друга и на пространственную структуру города в целом. Ввиду этого, целесообразно рассмотреть функциональную структуру города через призму функциональных ареалов, выявлению которых и посвящена данная работа. Подобный подход позволит выделить на территории участки, требующие повышенного внимания муниципальных властей, территории перспективного использования, а также способствует формированию полицентричности города.

Выявление функциональных ареалов проводилось на базе Казанской агломерации. Функциональный ареал – это тот ареал, где сосредоточено несколько функциональных зон в пределах ограничения одной-двумя крупными зонами. В данном случае на основе проведенного автором функционального зонирования Казанской агломерации была проведена генерализация и при анализе ареалов учитывались следующие зоны:

- селитебная;
- общественно-деловая;
- хозяйственно-производственная;
- коммунальная;
- транспортная;
- сельскохозяйственная;
- рекреационная (объединяет зону сезонной рекреации и общественно-рекреационную);
- зеленая;
- специальная;

- перспективная.

В результате формируются обособленные территории, имеющие многогранную функциональную структуру. Эти ареалы являются как индикаторами эволюционных проблем развития городской территории, например, излишняя концентрация населения или производств, так и областями формирования перспективных направлений развития и трансформации существующей городской структуры. Функциональные ареалы, выявленные для Казанской агломерации представлены на карте (рис. 1).

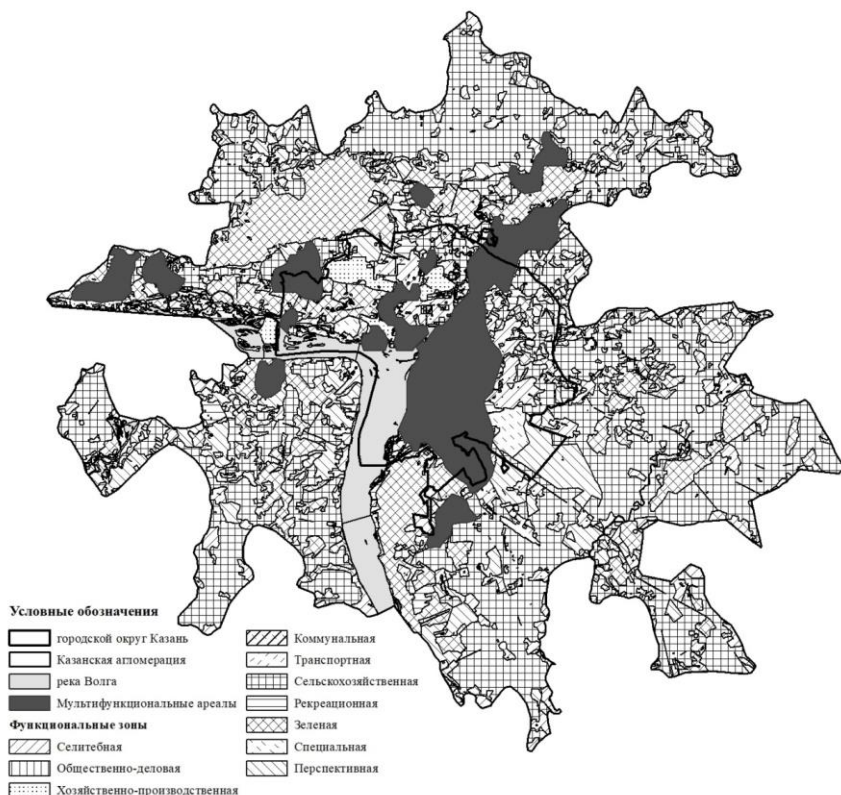

Рис.1. Мультифункциональные ареалы Казанской агломерации.

Рассмотрение агломерации как единой и комплексной системы создает предпосылки для пространственного размещения отдельных функций не только на территории главного города, но и в зоне агломерации. Благодаря выявлению функциональных ареалов территории формируются не только мультифункциональные ареалы –

те ареалы, которые сочетают более 5 различных функционалах зон. Помимо этого, обособляются территории сплошного распространения той или иной функциональной зоны, например, селитебной в Казанской агломерации, а также зоны перспективного использования. Именно эти территории могут рассматриваться как потенциальные точки роста агломерации, формирующие ее полицентричность.

В исторической перспективе города растут, увеличивая свою зону агломерации. При этом все более устаревают модель моноцентричных городов, и большую перспективу получают города с несколькими внутренними центрами. Это касается и формирования агломераций, когда с функциональной точки зрения достигается на концентрация функциональных зон в пределах одной территории, а рассредоточение и равномерное покрытие всего пространства агломерации. Территориальное развитие агломерации не может не учитывать данные территории, выявить которые можно с помощью подобных функциональных ареалов.

Литература

1. Толстихин Д. О., Соколова В. И. Функциональное зонирование городской территории. Геоэкологическое обоснование // Геоэкология урбанизированных территорий. URL: <http://ecoguild.narod.ru/trudycpg/oglav.htm> (дата обращения 20.05.2020).
2. Грачёва И.В., Староверова М.В. Функциональное и экологическое районирование территории промышленного центра (на примере г. Коврова) / И.В. Грачёва // Безопасность в техносфере. 2009. №6. С. 23-30.
3. Матюшкина Л.А., Калманова В.Б. Картографическое обеспечение экологического планирования территории среднего промышленного города / Л.А. Матюшкина // ИнтерКарто/ИнтерГИС. 2016. Т. 22. № 2. С. 286-300.
4. Колбовский, Е.Ю. Ландшафтное планирование. М.: Академия, 2008. 336 с.

Сведения об авторе:

Шаймарданова Валерия Валерьевна – ассистент б/с кафедры географии и картографии Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: valeriyashaim@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ¹⁸

THE IMPACT OF DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION

Рассмотрены современные тенденции в развитии высшей школы – цифровизация и глобализация высшего образования. Делается вывод о противоречивости последствий названных тенденций для развития высшей школы и создании предпосылок для нарастания регионального социально-экономического неравенства.

The article considers the current trends in the development of higher education – digitalization and globalization. It is concluded that these trends have contradictory consequences for the development of higher education and the creation of prerequisites for the growth of regional socio-economic inequality.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, высшая школа, высшее образование.

Key words: digitalization, globalization, higher education.

Пандемия коронавируса и связанные с ее сдерживанием карантинные меры оказали значительное шоковое воздействие на все сферы общественной жизни. Масштабные трансформационные процессы, которым подверглась сфера высшего образования, так же, с одной стороны, можно отнести к следствиям политики сдерживания распространения вируса. Однако, с другой стороны, очевидно, что пандемия только форсировала и приблизила реализацию наметившихся реформ высшей школы. Временные антикризисные сценарии становятся институтами будущего.

Практика оценки последствий пандемии для развития общественных сфер зачастую содержат упоминание о высокой

¹⁸ Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-05-00231 «Пространственная организация высшей школы и региональное развитие: из прошлого в будущее».

неопределенности. В то же время структурной политике в сфере образования, и не только высшего, всегда были присущи флуктуации [1, с. 102]. П. Сорокин, оценивая тенденции социального развития, писал: «Все хорошо известные тенденции фиксированы только для ограниченного периода времени. В течение длительных периодов они могут действовать в обратном направлении» [2, с. 309]. Тем не менее, тенденции, четко обозначившие себя в этот период, уже сейчас носят проблемный характер и вызывают ряд противоречий, не позволяющих судить об их эффективности однозначно.

Одна из таких тенденций – *глобализация образования*. Наиболее четко ее суть, на наш взгляд, определил ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов в рамках IX Гайдаровского форума [3]. По его мнению, в основе глобализации образования лежит цифровая революция, опирающаяся на использование технологий искусственного интеллекта. Электронные ресурсы, библиотеки, лекции преподавателей ведущих вузов мира благодаря системе автоматического перевода текстов и речи станут доступны для широкого круга лиц. Это приведёт не только к полному перестроению образовательного процесса, но и к переосмыслению роли преподавателя в нем. Технологическая доступность образования в ведущих вузовских центрах – важный шаг к интеграции в международное образовательное пространство, способствующий продвижению университетов на международной арене и предоставляющий, кроме того, возможность широкому кругу обучающихся самостоятельно строить и реализовывать собственную образовательную траекторию. Доступ к материалам ведущих исследователей и преподавателей способен повысить качество образования, особенно на периферии, зачастую опирающееся на достижения и разработки прошлых лет.

Одновременно очевидным «плюсам» такой тенденции противоречит связь между цифровизацией и бедностью. На начальных этапах внедрения в образовательный процесс дистанционные форматы воспринимались как прорывные, прогрессивные и доступные только избранным – тем, кто высокотехнологичен, развит, материально обеспечен и готов к восприятию передовых практик и технологий. Когда же они стали входить в регулярную практику, было отмечено, что наиболее материально благополучные студенты предпочитают остаться в формате офлайн. Цифровизация и глобализация высшего образования предполагает рост масштабов заочного образования,

хотя и обретающего новые возможности, но остающегося менее привлекательным, чем очное. При этом расширение сферы онлайн-образования сделает очное образование менее доступным [4].

В универсальном внедрении элементов онлайн-образования во все обучающие практики исследователи видят более опасные последствия – нарастание одной из острейших проблем – социально-экономического неравенства регионов. Суть проблемы кроется в том, что, помимо образовательной, научной, инновационной функции, вузы являются носителями социокультурной миссии – призваны быть центром культуры в регионе, создавая определенную духовную и нравственную атмосферу. Переход в онлайн нанесет удар по провинциальной интеллигенции, которая имеет свойство концентрироваться в вузах. Особенно тяжелым этот переход окажется для преподавателей, которые считали интернет, мессенджеры и сетевые коммуникации необязательными атрибутами образования. Активное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс способно ограничить участие таких преподавателей в образовательном процессе. Длительный период использования дистанционных образовательных технологий показал, что онлайн-формат не содержит социального компонента образования. Для социализации и становления личности крайне важно находится физически в вузовской среде и общаться с теми, у кого есть интеллектуальные интересы. Такое общение зачастую становится предпосылкой для «социального лифта», формирующего региональные интеллектуальные, политические и экономические элиты. Регионы, вузы которых не смогут адаптироваться к новым условиям в транзитный период, потеряют важный источник формирования человеческого капитала.

Следствием глобализации было принято считать всемирное увеличение потоков студентов, принимающих участие в программах академической мобильности [5]. Однако нарастающие масштабы цифровизации высшего образования, скорее, говорят об обратном. Результатом глобализации образования в той форме, в какой мы его представили, станет *снижение академической мобильности* – тенденция, четко проявившая себя в период карантинных мер. В докладе «Влияние коронавируса на высшее образование во всем мире», в частности, отмечается, что 89% вузов, принявших участие в обследовании, испытали в той или иной степени снижение академической мобильности иностранных студентов [6]. Широкая

доступность онлайн-курсов при более низкой их стоимости по сравнению с традиционной офлайн-формой обучения избавит от необходимости перемещаться для получения образования. Это нанесет определенный экономический удар, особенно, по региональным образовательным центрам. Как отмечает Р.Флорида, креативный класс, к которому мы можем отнести активное студенчество, создает открытую динамичную среду, которая привлекает капитал и способствует развитию бизнеса. Человеческий климат важнее для городов, чем бизнес-климат. Успех в развитии ждет только те города, которые с самого начала позаботятся о привлечении и удержании молодежи [7, с. 286-287]. С другой стороны, снижение академической мобильности способно негативно отразиться на создании наукоемких продуктов, для которого так же важна концентрация интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, при всех достоинствах внедрения информационных технологий, глобализация высшего образования и цифровизация общества усугубит социальное неравенство и, как это ни парадоксально, усилит процессы регионализации в сфере образования. Плоды цифровизации не могут быть доступны всем в одинаковой мере. Существующая диспропорция в распределении возможностей, которыми обладают страны и регионы для создания цифрового пространства, обуславливает растущее цифровое расслоение населения. Процессы глобализации не могут не оказывать влияние на пространственную организацию высшей школы, что приведет к усилению роли существующих центров высшего образования и ослаблению региональных игроков, которые для сохранения своей ниши на рынке образовательных услуг вынуждены будут интегрироваться между собой и предлагать уникальные образовательные продукты. В противовес этому, по замечанию А.А. Томских, транснациональные компании в области образования приведут к размыванию региональной идентичности, формированию стандартизированных во всем мире наборов услуг в сфере высшего образования [8].

Литература

1. География высшей школы регионов России : монография / Под ред. А.П. Катровского и Т.И. Яськовой. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2020. 322 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

3. Главный тренд российского образования – цифровизация. [Электронный ресурс]. URL: <http://notrusproduct.ru/articles/tsifrovizatsiya/glavnyy-trend-rossiyskogo-obrazovaniya-tsifrovizatsiya/> (дата обращения 25.01.2021).
4. Екатерина Шульман — РБК: «Переход в онлайн вреден региональным педагогам». [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f75ec499a79479881268482> (дата обращения 26.01.2021).
5. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. Выпуск №7 (июль 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/409671995.pdf>. (Дата обращения 25.01.2021).
6. THE IMPACT OF COVID-19 ON HIGHER EDUCATION AROUND THE WORLD. IAU Global Survey Report. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (Дата обращения 25.01.2021).
7. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее ; пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
8. Томских А.А. Симметрия и асимметрия высшего образования в условиях глобализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 1. С. 124-132.

Сведения об авторе:

Яськова Татьяна Ивановна, кандидат географических наук, Доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Смоленский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова.

E-mail: yaskova_t@mail.ru

Секция 3. «Общественно-географические последствия глобальных социокультурных и технологических инноваций. Устойчивость и изменчивость территориальной организации общества: аналитика и прогнозирование в интересах регионального социально-экономического развития»

УДК [911.3+314.74](485)

М.М. Агафшин, С.А. Горохов, И.А. Захаров
M. M. Agafoshin, S. A. Gorokhov, I. A. Zakharov

ШВЕЦИЯ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МИГРАЦИИ¹⁹

SWEDEN: SPATIAL FEATURES OF MUSLIM MIGRATION

В результате нескольких волн миграции из мусульманских стран Швеция из моноэтнической и моноконфессиональной страны превратилась в государство с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Трудности адаптации инокультурных мигрантов в стране приводят к их социальной, культурной и географической изоляции, в результате которой значительная их часть концентрируется в уязвимых районах – наиболее неблагоприятных с точки зрения социального развития территориях Швеции.

As a result of several waves of migration from Muslim countries Sweden has turned from a mono-ethnic and mono-confessional country into a state with a multi-ethnic and multi-confessional population. Immigrants are exposed to adaptation difficulties causing their social, cultural and geographical isolation as a result of which a significant part of them are concentrated in vulnerable areas – the most unfavorable territories in terms of social development in Sweden.

Ключевые слова: Швеция, миграция, конфессиональная структура населения, ислам, беженцы, уязвимые районы.

Key words: Sweden, migration, confessional structure of the population, Islam, refugees, vulnerable area

Внешние миграции издавна играли большую роль в демографическом развитии Швеции, однако на протяжении столетий большинство переселенцев в стране исповедовало христианство и без особого труда вливалось в состав шведского

¹⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00054).

этноса. С XVI в. лютеранство стало государственной религией Швеции. Постепенно законодательство Швеции в области религиозной свободы становилось более либеральным, в 1880 г. был разрешен переход из лютеранства в другую конфессию [1], а в 2000 г. лютеранская Церковь Швеции потеряла государственный статус. Тем не менее либерализация религиозной жизни в стране долгое время не приводила к увеличению мусульманской иммиграции. В среднем более 70% мигрантов в период после 1945 г. прибывали из соседних скандинавских стран – культурно, исторически и конфессионально близких Швеции [2].

Постепенно иммиграция в Швецию становилась более разнообразной, в ней увеличилась доля мусульман – прежде всего переселенцев из Азии, Африки [3], а также балканских стран Европы. Большинство мигрантов из Турции и Ирана придерживались ислама, мусульмане также составляли значительную долю уроженцев Югославии, Эфиопии, Эритреи [4]. Иммиграционная политика страны отличалась гуманностью, большое значение уделялось защите прав человека – в этой связи прием беженцев, спасавшихся от политических преследований, войн, бедности и голода, получал широкую поддержку в шведском обществе. Таким образом, прежде всего в результате миграции, с 1950 по 1980 гг. число мусульман в Швеции выросло почти в 100 раз (с 1 до 96 тыс.) [5].

Началом эпохи массовой миграции беженцев из мусульманских стран в Швецию стали 1990-е годы. Первую волну (состоящую, прежде всего, из боснийцев и косоваров) можно условно назвать югославской, так как ее формирование было обусловлено началом гражданской войны в Югославии. Только в 1992 г. – пиковом по количеству беженцев – Швеция предоставила убежище 84 тыс. мигрантов, в основном мусульман из бывшей Югославии. Продолжился также прием беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога (прежде всего из Сомали) [6] (табл. 1).

Таблица 1

Структура иммиграции из мусульманских стран в Швецию в
1990-2018 гг.

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Годы								
	1990		2000		2010		2018		
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	

Югославия	43,3*	5,5*	72,0	7,2	70,8	5,1	65,1	3,3
Босния и Герцеговина	51,5	5,1	62,1	4,5	59,4	3,0
Турция	25,2	3,2	31,9	3,2	42,5	3,1	50,0	2,6
Сирия	5,9	0,7	14,2	1,4	20,8	1,5	186,0	9,5
Ирак	9,8	1,2	49,4	4,9	121,8	8,8	144,0	7,4
Иран	40,1	5,1	51,1	5,1	62,1	4,5	77,4	4,0
Афганистан	0,5	0,1	4,3	0,4	14,4	1,0	52,0	2,7
Сомали	1,4	0,2	13,1	1,3	37,9	2,7	68,7	3,5
Эритрея	3,1	0,3	10,3	0,7	42,3	2,2
Всего	126,2	16,0	290,6	28,9	442,7	31,9	744,9	38,2

Составлено и рассчитано авторами по: [7].

В 2000-е годы объем миграции из этих регионов даже возрос. Этому способствовало, во-первых, шведское законодательство, обеспечивавшее право семей на воссоединение. Около половины всех мигрантов, приехавших в страну, начиная с 1990-х годов, прибыли именно по линии воссоединения семей. Во-вторых, политическая и экономическая ситуация в странах, поставлявших беженцев в Швецию только ухудшилась [8].

Причиной второй волны мусульманской миграции в Швецию – сирийско-иракской – стали американское вторжение в Ирак в 2003 г., «арабская весна» 2011 г. и последовавшие за ней гражданские войны в Сирии и Ираке [9]. В результате за 2000-2018 гг. численность мигрантов из Ирака в Швеции выросла почти в три, а из Сирии – в тринадцать раз.

В 2014 г. в Швецию прибыла 81 тыс. беженцев, а в 2015 г. – уже в два раза больше [10]. В 2014 г. каждый пятый иммигрант в Швеции был уроженцем Сирии, в 2015 г. – каждый четвертый. С 2017 г. сирийцы стали самой многочисленной группой мигрантов в стране, отеснив на второе место финнов; на третьем месте оказались иракцы, а пятое, шестое, восьмое и девятое, соответственно – иранцы, сомалийцы, босняки и афганцы [11]. По нашим оценкам, около 80% мигрантов, прибывших в Швецию, начиная с 2010 г., были беженцами из мусульманских стран. Таким образом, в результате масштабной мусульманской иммиграции доля мусульман в населении Швеции выросла до 9,5% (или около 15% верующего населения страны), а численность адептов ислама в 2018 г. составила 950 тыс. человек [12].

Значительная часть мусульманских мигрантов Швеции концентрируется в так называемых уязвимых районах – анклавах, которые не полностью контролируются государством, где сильно влияние этнических криминальных групп и исламского экстремизма. В 2017 г. в стране насчитывался 61 уязвимый район, где проживало 560 тыс. человек, или более 5% населения страны; по данным шведской полиции, в них действуют 5 тыс. преступников [13]. При этом 23 таких района с общей численностью населения 200 тыс. человек отнесены к категории особо уязвимых, контроль за которыми со стороны шведских властей фактически потерян. Доля мусульманских мигрантов, проживающих в уязвимых районах крупнейших городских агломераций особенно велика. В них проживают более 78% сомалийцев Стокгольма, 56% иракцев Гётеборга, 45% ливанцев Мальмё [14]. Это приводит к возникновению антимигрантских движений в Швеции, начавшемуся гораздо позднее, чем в большинстве стран ЕС [15].

Европейский миграционный кризис 2014-2016 гг. чрезвычайно обострил в ЕС проблемы социальной и культурной адаптации мигрантов в принимающих их странах. Увеличение степени конфессиональной, культурной и этнической неоднородности населения европейских стран приводит к формированию параллельных конфессиональных сообществ, для членов которых характерны концентрация в анклавах, отказ от интеграции в принимающее общество, криминализация, создание параллельных органов власти. Наиболее остро проблемы адаптации инокультурных мигрантов стоят в странах, принявших больше всего переселенцев из мусульманских стран – к их числу можно отнести и Швецию.

Литература

1. Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. М.: Наука, 1988. 174 с.
2. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Опыт географической типологии процессов секуляризации в современном мире // География и природные ресурсы. 2016. № 2. С. 5-11.
3. Агафшин М.М. Региональные особенности внешних миграций в арабских странах Ближнего Востока // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. "Первые Максаковские чтения". М.: МПГУ, 2016. С. 186-192.
4. Агафшин М.М., Горохов С.А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 1. С. 8-20.

5. Горохов С.А. Ислам в современном мире // География в школе. 2009. № 7. С. 12-14.

6. Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 3. С. 359-368.

7. Folkmängd efter födelseland 1900-2018. Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 19.11.2020).

8. Агафшин М.М. Влияние демографических особенностей на процессы регионального развития арабских стран Ближнего Востока // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: мат-лы междунар. науч. конф. / Под общ. ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 16-20.

9. Агафшин М.М., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе. 2017. № 1. С. 24-29.

10. Migration Policy Debates. No. 13. January 2017. OECD. URL: www.oecd.org/migration (дата обращения: 18.11.2020).

11. Utrikes födda samt födda i Sverige med en eller två utrikes födda föräldrar efter födelseland/ursprungsland, 31 december 2018, totalt. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2020).

12. Агафшин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 84-99.

13. Här är fakta om de 556.000 som lever i utsatta områden. Dagens Nyheter. URL: <https://www.dn.se> (дата обращения: 19.11.2020).

14. Fakta för Förändring 2019. URL: www.theglobalvillage.se (дата обращения: 19.11.2020).

15. Агафшин М. М. Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 116–125.

Сведения об авторах:

Максим Михайлович Агафшин – старший преподаватель, кафедра экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского, МПГУ.

Maxim M. Agafoshin – Senior Lecturer, Department of Economic and Social Geography named after Academician V. P. Maksakovsky, MPSU.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Станислав Анатольевич Горохов – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Stanislav A. Gorokhov – doctor of geographical Sciences, leading scientific researcher, Institute of geography, Russian Academy of Sciences, Leningrad state University. A. S. Pushkin

E-mail: stgorohov@yandex.ru

Иван Андреевич Захаров – кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт Африки РАН, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Ivan A. Zakharov – candidate of geographical Sciences, scientific fellow, Institute of African studies, Leningrad state University. A. S. Pushkin.

E-mail: vanszax@yandex.ru

УДК 910.9

М.Я. Батракова, С.А. Меркушев, А.В. Попов
M.Ya. Batrakova, S.A. Merkushev, A.V. Popov

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

TO THE QUESTION ABOUT TENDENCIES OF PUBLIC TRANSPORT TRANSFORMATION IN RUSSIAN CITIES

В статье с помощью ряда показателей анализируется функционирование общественного транспорта в г. Перми после его преобразования.

The paper analyzes several indexes of Perm public transit functioning after it's transformation.

Ключевые слова: *городской общественный транспорт, преобразование общественного транспорта г. Перми, муниципальный контракт, пассажиропоток, надёжность транспорта, комфорт.*

Key words: *public transit, transformation of public transit in Perm, passenger flow, comfort of trip.*

В последние годы в сфере общественного транспорта российских городов всё активнее разворачиваются процессы преобразования. Мы считаем, их надо именовать именно так,

поскольку выражения «реформа общественного транспорта», «обновление подвижного состава», «улучшение улично-дорожной сети» и т.п. по отдельности не дают исчерпывающего представления обо всём многообразии процессов, развернувшихся в упомянутой сфере деятельности. В то же время предварительные наблюдения за происходящим с географических позиций позволяют говорить о формирующихся различиях между российскими городами в подходах к преобразованию транспортной сферы. В будущем эти различия усилят дифференциацию городов по качеству среды, поэтому их надо активно исследовать.

По особенностям проведения преобразований, на наш взгляд, можно выделить два подхода: интенсивный и экстенсивный.

Под интенсивным подходом к преобразованию общественного транспорта понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий, предполагающих максимально эффективное использование имеющегося потенциала и новых технологий, позволяющее заметно улучшать основные показатели работы городского транспорта. К таковым, соглашаясь с мнением М.Р. Якимова [1], мы, прежде всего, относим время реализации транспортных корреспонденций. Далее необходимо назвать надёжность транспорта, и только затем – комфорт (комфортабельный транспорт должен хорошо выполнять свою работу: не медленнее, чем индивидуальный, а лучше быстрее, доставлять пассажира к месту назначения).

Экстенсивный подход отличается, прежде всего, значительным увеличением разного рода затрат на проведение преобразований (от материальных до управленческих); не предполагает комплексного подхода, не нацелен на использование имеющегося потенциала (иногда последний просто игнорируется или частично уничтожается). Как следствие, время реализации транспортных корреспонденций не уменьшается, не возрастает надёжность, а более комфортабельный транспорт, хуже выполняя свои функции, начинает все больше проигрывать индивидуальному, становясь менее эффективным и с точки зрения использования бюджетных средств. Часто данный подход сопровождается серьёзными конфликтами в местном сообществе.

Следует отметить, что в чистом виде два перечисленных подхода встретить нельзя. В реальности имеет место интенсивный подход с элементами экстенсивного, представленными в разной степени. По нашему мнению, он характерен для Чебоксар,

Екатеринбурга, Красноярска, Магнитогорска, Ижевска, всё больше признаков такого подхода наблюдается в Омске, Краснодаре и Белгороде.

Ещё чаще встречается экстенсивный подход с элементами интенсивного. По такому пути развиваются Волгоград, Казань, Липецк, Новокузнецк, Пермь, Ростов-на-Дону, Саратов, Тамбов и др.

Остановимся более подробно на аспектах преобразования городского транспорта Перми. Основными элементами, вовлечёнными в функционирование системы общественного транспорта города Перми, являются:

1. управленческие структуры: департамент транспорта (выполняет функцию разработки нормативных документов, в том числе маршрутной сети), МКУ «Городское управление транспорта» (выполняет функции организатора пассажирских перевозок и контроля работы перевозчиков);

2. перевозчики, осуществляющие перевозку пассажиров по городским маршрутам общественного транспорта;

3. пассажиры, использующие общественный транспорт для совершения транспортных корреспонденций, дают обратную связь о степени удовлетворения совершёнными поездками.

Проводимые городской администрацией преобразования затрагивают каждый из элементов системы. В июле 2020 года завершился переход на муниципальные контракты на обслуживание маршрутов (за исключением маршрутных такси) [2]. Муниципальный контракт предполагает другую форму взаимодействия перевозчиков с администрацией города. Теперь вся выручка от проданных билетов поступает в бюджет города, а перевозчик получает из городского бюджета денежные средства за выполненную транспортную работу, выраженную в километрах. Кроме этого, контракт предполагает ужесточение требований к подвижному составу перевозчика, учёту транспортной работы, пассажиропотока, а также обширную систему штрафных санкций [3].

По прошествии первых 6 месяцев действия муниципальных контрактов можно подвести первые итоги преобразований. Для этого мы будем использовать ряд показателей: динамику пассажиропотока, надёжность общественного транспорта (степень соответствия выполненных рейсов утверждённому расписанию), технические характеристики подвижного состава, обращения жителей города, поступившие в МКУ «Городское управление транспорта».

Динамика пассажиропотока. Говоря о пассажиропотоке, следует отметить, что в связи с ограничениями из-за карантинных мер против вирусного заболевания SARS-CoV-2 (COVID-19) общее месячное количество поездок на городском общественном транспорте (трамвай и автобус) изменяется неравномерно по сравнению с устоявшимися тенденциями, поэтому сравнивать изучаемый период с аналогичным, 2019 г., некорректно.

Важным показателем является структура оплаты проезда. С вступлением в силу указанных выше преобразований, пассажиры смогли пользоваться бесплатными пересадками, их доля медленно продолжает расти (рис. 1). С августа по декабрь она увеличилась с 15 до 17%. Наиболее динамично изменяющимися показателями являются наличная и безналичная оплата проезда (банковские карты). Доля первой снизилась за рассматриваемый период на 6% до 28%, доля же оплаты банковскими картами, наоборот, увеличилась на те же 6% до 41%.

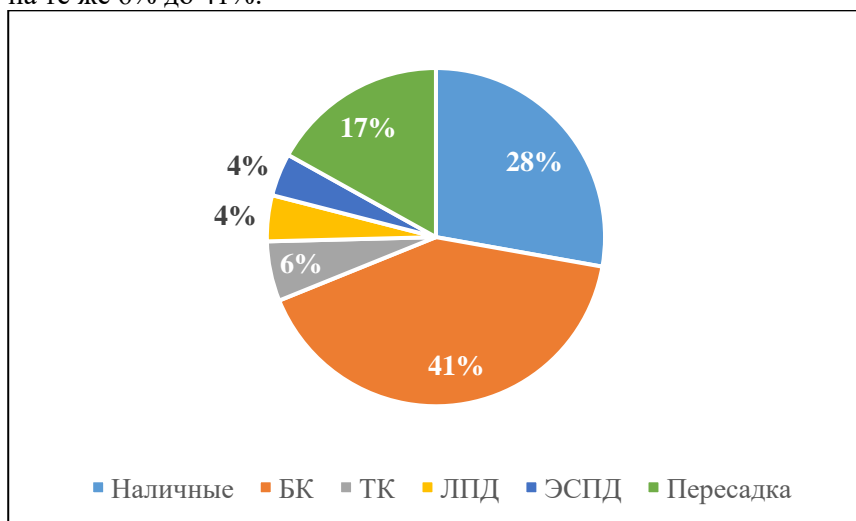

Рис. 1. Распределение структуры оплаты проезда за декабрь 2020 года

Технические характеристики транспортных средств. На начало 2021 года средний возраст автобусов, используемых на муниципальных контрактах, составляет 1,53 года, 100% из них являются низкочольными и 95% имеют специальное оборудование для перевозки маломобильных групп населения. Большинство

транспортных средств относятся к большому классу и используются на маршрутах с высоким пассажиропотоком. На других маршрутах используются автобусы среднего (13%) и малого класса (7%). Половина автобусов использует в качестве топлива природный газ, а 75% оборудованы кондиционерами.

Надёжность общественного транспорта (степень соответствия расписанию). Для анализа были использованы показатели за декабрь 2020 года: плановое количество рейсов по расписанию, фактическое количество выполненных рейсов, количество регулярных рейсов с учётом транспортных заторов, количество регулярных рейсов без учёта транспортных заторов. Регулярным считается выполненный рейс, если при его выполнении отклонение от утверждённого расписания движения по начальному и конечному остановочным пунктам, а также более, чем по 50% контрольных пунктов, не превышает ± 5 минут [4]. При возникновении транспортных заторов для учёта рейсов вводится режим «бездорожье». В таком случае рейс, выполненный с большим опозданием, будет учитываться как регулярный.

По итогам проведённого анализа мы получили, что фактическое количество выполненных рейсов автобусами составило 98,9%, количество регулярных рейсов с учётом транспортных заторов – 98,6%, а количество регулярных рейсов без учёта транспортных заторов – 92,0%. Данные показатели значительно улучшились после перехода на муниципальный контракт. Перевозчики заинтересованы в выполнении рейсов, так как за них происходит оплата.

Обратная связь жителей города. Нами были проанализированы 326 обращений жителей, поступившие в МКУ «Гортранс» в декабре 2020 года. В структуре обращений (рис. 2) лидирующей темой по количеству обращений является «оплата проезда» (40,18%). Это объясняется проблемами функционирования системы оплаты проезда. Частыми проблемами, с которыми сталкиваются пассажиры, являются: невозможность оплатить проезд вследствие попадания банковской или транспортной карты в стоп-лист; длительный обмен данными между валидаторами в салонах автобусов и системой оплаты проезда, из-за чего у пассажиров возникает ложное представление о «двойном списании».

Несоблюдение расписания является второй темой по количеству поступивших обращений. Несоблюдение расписания

может быть вызвано следующими причинами: ДТП, вызовом спецслужб, техническими причинами, отсутствием водителя или кондуктора, а также транспортными заторами. Кроме этого, необходимо учесть особенности учёта выполненных рейсов. Нормативно-правовыми документами допускается отклонение от расписания в пределах от -5 до +5 минут.

Третьей по значимости темой является проезд остановочного пункта. В последнее время случаи, когда водитель не останавливается на том или ином остановочном пункте, участились. На наш взгляд, это связано с изменением взаимодействия администрации с перевозчиками. Теперь перевозчику неважно, сколько было продано билетов. Однако за проезд остановочного пункта муниципальным контрактом также предусмотрены штрафные санкции.

Рис. 2. Структура обращений по теме обращений

В целом промежуточные результаты после 6 месяцев функционирования системы общественного транспорта города Перми можно оценить как неоднозначные. Среди положительных изменений можно отметить следующее: почти полностью обновился автобусный парк, введена новая система тарифов (включая бесплатные пересадки), появилась возможность оплаты проезда безналичным способом. Но вместе с тем проявились и негативные

аспекты: несовершенство системы оплаты проезда, недостаточная проработанность новой маршрутной сети, предпосылки монополизации рынка перевозок и др. Тема данной статьи, безусловно, требует дальнейшего более детального изучения, что позволит подтвердить или опровергнуть выдвинутые нами положения.

Литература

1. Якимов М.Р. Оценочные показатели экономической эффективности функционирования транспортных систем городов // Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики. 2017. Т. 1. С 293–299.

2. А. Власова. Транспортные итоги-2020 в Перми: почти 500 новых автобусов на линии, доля низкопольного транспорта выросла до 92% (<https://www.gorodperm.ru/news/2855-rubric/2020/12/10%2010:49:00+05/54226-id>).

3. Единая информационная система в сфере закупок (<https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>).

4. Регламент навигационного контроля за работой муниципальных маршрутов регулярных перевозок города Перми.

Сведения об авторах:

Мария Ярославовна Батракова – магистрант 2 года обучения, кафедра социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Ведущий инженер отдела навигационного контроля и учёта транспортной работы МКУ «Городское управление транспорта»

Maria Ya.Batrkova – 2-year Master's student, Department of Socio-Economic Geography. Perm State National Research University. Leading Engineer of the Department of navigation control and accounting of transport work of the MCU " City Department of Transport»

E-mail: mari.batrkova.1997@mail.ru

Сергей Александрович Меркушев – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет

Sergey A. Merkushev – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Economic Geography. Perm State National Research University

E-mail: seg@psu.ru

Александр Вадимович Попов – аспирант 2 года обучения, кафедра социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Начальник отдела анализа и учёта пассажиропотока МКУ «Городское управление транспорта»

Alexander V. Popov – 2-year post-graduate student, Department of Socio-Economic Geography. Perm State National Research University. Head of the Department of analysis and accounting of passenger traffic of the MCU " City Department of Transport»

E-mail: alexispopov15@gmail.com

УДК 314.9

Д.С. Богатуров
D.S. Bogaturov

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНТАКТНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ: НА ПРИМЕРЕ РАССЕЛЕНИЯ РУССКОГО И АДЫГЕЙСКОГО НАРОДОВ

INTERETHNIC CONTACT IN THE REPUBLIC OF ADYGEA: THE SETTLEMENT OF THE RUSSIAN AND ADYGHE PEOPLES

В статье представлены выводы об особенностях современного этнического расселения в Республике Адыгея. Два крупнейших народа Адыгеи – адыгейцы и русские – совместно проживают в равнинной части республики.

The article presents conclusions about the features of modern ethnic settlement in the Republic of Adygea. The two largest peoples of Adygea – the Adygeans and the Russians – live together in the flat part of the republic.

Ключевые слова: городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения городов и административных районов

Key words: urban and rural settlement of peoples, compact settlement, ethnic structure of the population of cities and administrative areas

Введение. Адыгейская автономная область приобрела статус самостоятельной республики в 1992 году. Данное национально-территориальное образование (НТО) РФ является одним из самых маленьких по площади и отличается интересной конфигурацией

своей территории. Во многом данная конфигурация определяется характером расселения титульного народа – адыгейцев.

При создании данной работы использовался хронологический подход. Суть его заключается в исследовании взаимного местоположения географических объектов, их совместимости и иерархии в пространстве, выявлении центра и периферии, исследовании локального географического положения. В рамках представленной работы в качестве географических объектов выступают – территориальные этнические группы.

Современные особенности этнического расселения в Адыгее. Современная мозаика этнического расселения сформировалась с учетом политико-административных и экономических действий властей на разных этапах истории. В отличие от других республик Северного Кавказа (СК), в Адыгее долгие годы отсутствует естественный прирост населения. С учетом данного обстоятельства на изменения в параметрах размещения населения заметное влияние оказывают только лишь миграционные процессы [1].

Центром притяжения для всей жителей Республики Адыгея является город Краснодар: по сути, все население НТО находится в его орбите влияния. Велика и маятниковая миграция из Адыгеи в столицу Кубани. На 2010 год в Краснодаре только постоянно проживало более 6 тыс. адыгейцев.

Абсолютное большинство адыгейцев проживает на равнинных территориях. Сельское адыгейское население преимущественно проживает в 42 аулах. При этом многие аулы отличаются достаточно высокой людностью и плотностью размещения на местности [2]. Интересно отметить, что удельная доля адыгейцев в республике остается достаточно стабильной на протяжении последних десятилетий. Так, в 1979 году их доля в населении НТО составляла 21%, по переписи же населения 2010 года доля титульного этноса увеличилась лишь до 25%.

Специфика территориальной локализации адыгейцев проявляется в отсутствии четко выраженного ядра расселения. Невысока и концентрация представителей народа в основном ареале расселения. В пределах своего ареала адыгейцы также не составляют абсолютного большинства в этнической структуре. Следует отметить, что сам ареал расселения титульного этноса разделен на две части. Между данными частями находятся поселения с преобладанием русских.

На территории основного ареала расселения титульного этноса находится городской округ Адыгейск, в котором по данным переписи 2010 года проживало 11,5 тыс. адыгейцев (80% от всего населения города). Это поселение является важным центром для титульного народа Адыгеи. В экономике Адыгейска преобладает пищевая промышленность, что является характерным явлением для большинства городских поселений в республиках Северного Кавказа.

Теоретически столица республики – город Майкоп – должна была стать центром консолидации территориально разобщенного и малочисленного титульного этноса. На деле же, в Майкопе на 2010 год проживала только четверть от всех адыгейцев республики. Незначительной является и удельная доля представителей титульного народа в этнической структуре столицы НТО.

Таблица 1

Параметры расселения двух доминирующих по численности этносов (результаты переписи населения 2010 г.)

Этносы	Административные единицы с <u>наибольшей долей</u> представителей этноса, %	Административные единицы с <u>наименьшей долей</u> представителей этноса, %	Проживающие в столице, %	Проживающие в своем ареале расселения, %
Адыгейцы	Теучежский – 66 Шовгеновский – 63	Майкопский - 2 Гиагинский – 3 г. Майкоп - 18	25	48
Русские	Гиагинский – 87 Майкопский -82 г. Майкоп - 72	Теучежский – 28 Шовгеновский – 33	41	49

Этноконтактная зона между русским и адыгейским населением достаточно размыта. Это обстоятельство проявляется в пределах административных районов в целом и на уровне отдельных населенных пунктов. Так, в пределах одного сельского поселения имеются аулы адыгейцев и русские хутора. Высока доля русского населения и в районах традиционного расселения адыгейцев. Интересно отметить, что исторически многие современные населенные пункты Адыгеи, с преобладанием русского населения, были населены украинцами. На протяжении 20-го века большая часть украинского населения стала указывать себя русскими (перепись населения).

Адыгея является самой русскоязычной республикой Северного Кавказа. На 2010 год доля русских в республике составляла 64%. Площадь основного ареала расселения русских превосходит адыгейский ареал приблизительно в 3 раза. Доминируют по численности русское население и в столице республики (см. таб. 1).

В свою очередь 2/3 территории русского ареала занимает Майкопский район. Этот горный район – единственный из всех существующих в республиках Северного Кавказа, где русские доминируют по численности (значительная доля русского населения в горной части республики наблюдается и в соседней Карачаево-Черкесии). Для Майкопского района характерным типом поселения являются поселки несельскохозяйственного назначения, основными функциями которых являются лесопромышленная и рекреационная [3].

Среди других субъектов РФ Адыгея отличается высокой плотностью населения. Кроме того, республика является слабо урбанизированным регионом [4]. Адыгея действительно обладает неразвитой сетью городских поселений. Данное обстоятельство является следствием ее многолетнего нахождения в составе Краснодарского края (в статусе автономной области). Кроме того, не стоит забывать и о незначительной площади территории республики. В целом доля сельского населения у русских достигает 46% от общей численности в НТО. Благоприятные условия для развития сельского хозяйства во многом определяет данный факт. У адыгейцев же доля представителей этноса в сельской местности достигает 60%.

Заключение. С момента распада СССР численность населения Адыгеи сохраняется практически неизменной. Таким образом, демографическая нагрузка на территорию республики остается стабильной десятилетиями. Высокий уровень контактности на местности между русскими и адыгейцами во многом свидетельствует об отсутствии каких-либо серьезных проблем в отношениях двух крупнейших народов. Адыгея остается одной из самых спокойных республик России, которой удалось избежать серьезных межнациональных конфликтов.

Литература.

1. Тарасова Т.Т. Миграция населения Адыгеи как фактор трансформации социально-демографического равновесия // Вестник

Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2020. Вып. 3. – С. 208-214

2. Численность постоянного населения по муниципальным образованиям и населенным пунктам Республики Адыгея по состоянию на 1 января 2019 года. Официальный сайт ФСГС по Краснодарскому краю и Республике Адыгея Госкомстат РФ URL: https://krsdstat.gks.ru/population_ga (дата обращения 11.03.2021)

3. Богатуров Д.С., Музалев А.А. Типы хозяйственного освоения ландшафтных районов горных территорий Северо-Западного Кавказа (на примере Майкопского муниципального района Республики Адыгея) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 7. 2009. Вып. 4. - С. 110-124

4. Делова Л.А. Миграция и демография (Республика Адыгея) // Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Изд: БГУ (Уфа). 2016. – С. 78-79

Сведения об авторе

Дмитрий Сергеевич Богатуров, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, 10-я линия В.О., д. 33, Санкт-Петербург, Россия

Dmitry S. Bogaturov, Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer, Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, 10-ya liniya V.O., 33, Saint Petersburg, Russia

E-mail: bogaturov@mail.ru

УДК 911.3

С.А. Герасимович
S. A. Herasimovich

ТИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛЕКСОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

TYPES OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF COMPLEXES OF TRADITIONAL CULTURE OF BELARUS AND ADJACENT TERRITORIES

Комплексы традиционной культуры – это природные пространства, ценность которых определяется отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Это могут быть холмы, источники, камни и т. д. При анализе комплексов традиционной культуры Беларуси и сопредельных территорий выделено 4 типа территориальной локальных сообществ с комплексами традиционной культуры. Замечено, что на юге Псковской области практически повсеместно преобладает дисперсный тип, что связано с трансформацией там сельских локальных сообществ в сельско-городские.

Complexes of traditional culture are natural spaces, the value of which is determined by the attitude of collective folklore memory. It can be hills, springs, stones, etc. 4 types of territorial local communities with complexes of traditional culture were identified after analyzing the complexes of the traditional culture of Belarus and adjacent territories. It is noticed that in the south of the Pskov region, the dispersed type prevails almost everywhere, which is associated with the transformation of rural local communities there into rural-urban ones.

Ключевые слова: *Социокультурное пространство, комплексы традиционной культуры, интерпретация объектов, локальная идентичность, фольклорная память, монотипический, моноцентрический, полицентрический, дисперсный типы территориальной организации локальных сообществ.*

Key words: *Sociocultural space, complexes of traditional culture, interpretation of objects, local identity, folklore memory, monotypic, monocentric, polycentric, dispersed types of territorial organization of local communities.*

Особое место среди объектов нематериального наследия занимают урочища и прочие пространства, ценность которых обусловлена не их природной составляющей как таковой, а отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Иногда такие объекты называют объектами сакральной топографии, однако более удачно назвать их комплексами народной традиционной культуры, ведь некоторые из них не несут определённого сакрального смысла (шведские, французские, татарские горы и т.п.). Комплексный или даже дуалистический характер данных объектов объясняется наличием двух составляющих: природной или антропогенной основы – урочища, материального объекта, а также ассоциируемой с ним легенды – фольклорной привязки, объясняющей его важность для местного сообщества, а иногда – и обрядовой системы, связанной с посещением данного объекта представителями местного сообщества. При этом комплексами народной

традиционной культуры могут быть локусы как природного, так и антропогенного происхождения (поклонные, придорожные и каменные кресты, часовни, кладбища, башни). Чаще всего такие объекты представляют собой комплексы из нескольких объектов, так культовые родники кроме гидрологического объекта могут включать кресты, срубы и часовни. Комплексы традиционной культуры называют также деревенскими или сельскими святынями, что объясняется их концентрацией в сельской местности. На территории Беларуси и сопредельных регионов России к ним относятся: отдельные холмы (святые и лысые горы, красные горки и др.), озёра (святые, бездонные и с храмами, которые провалились), реки, родники (лечебные и места явления икон), болота, камни (следовики, портные, с ямками), каменные кресты, валуны, отдельные деревья (дубы, сосны, липы и др.), курганы (татарские, шведские, французские могилы), городища и селища, старые кладбища, пещеры, валы, дороги и мосты, прощы.

Если часть из этих объектов уже охраняются как уникальные памятники природы, то многие в этом плане никакой уникальности не представляют. Кроме того, в последние десятилетия происходит разрушение традиционной культуры: деревни и сёла пустеют, нарушается преемственность поколений в сфере нематериального наследия, а с уходом носителей этих знаний утрачивается и значение самого комплекса традиционной культуры, который превращается в рядовой элемент культурного ландшафта. Поэтому актуальность проблемы фиксации и сохранения комплексов традиционной культуры доказывать не нужно, она очевидна. Данные объекты имеют не только социокультурное значение, но и значительный туристический потенциал, могут способствовать созданию рабочих мест в сельской местности. На территории Беларуси это особенно актуально для восточных регионов, где памятников архитектурного наследия, культовых объектов осталось не так много в результате определённых исторических процессов.

Комплексы традиционной культуры являются узловыми объектами социокультурного пространства на различных уровнях и важным компонентом при конструировании идентичности.

Включение новых объектов в социокультурное пространство происходит по мере его освоения в процессе интерпретации этих объектов человеком либо общностью людей. Абстрактный лес, источник, парк, другой объект не является частью социокультурного пространства до тех пор, пока не возникает устойчивой

информационной привязки к нему, которая делает данный объект значимым для человека либо общности людей. Обладание данной информацией об объекте становится маркером принадлежности человека к общности.

Именно поэтому на локальном уровне, для формирования местной идентичности особенно важны комплексы традиционной культуры, так как обладание информацией о них (легендой объекта) относит индивида к данной локальной общности, является особым маркером, индикатором в системе «свой-чужие».

Изучая процесс передачи данной информации внутри сообществ и во вне, пространственные рамки данного процесса, возможно получить уникальную информацию о структуре местных сообществ, информационных потоках и прочих видах взаимодействия между ними, об их открытости, об миграционных потоках и т.д. Учитывая скорость распада локальных сообществ в настоящее время, временной люфт для подобных исследований не так велик, а изучив данный процесс, необходимо предложить комплекс мер, которые остановят утрату памятников традиционной культуры и сопряжённое с ней дальнейшее разрушение локальных сообществ.

При изучении комплексов традиционной культуры в Беларуси и сопредельных районах было замечено, что локальные сообщества имеют разную организацию в зависимости от типа комплекса и его значения.

Ареалы влияния комплексов традиционной культуры, представляющие собой своеобразные вернакулярные районы, неоднородны. В зависимости от типа, вида и значения комплекса традиционной культуры, от исторического развития локального сообщества и масштабов его трансформации в настоящее время, локальные сообщества с комплексами традиционной культуры могут иметь различные типы территориальной организации.

Существуют монотипические, моноцентрические, полицентрические и дисперсные локальные сообщества с комплексами традиционной культуры.

Монотипический тип характерен для большинства литологических, некоторых ботанических и антропогенных комплексов традиционной культуры.

Для этого типа характерно наличие одного населённого пункта в зоне влияния комплекса традиционной культуры.

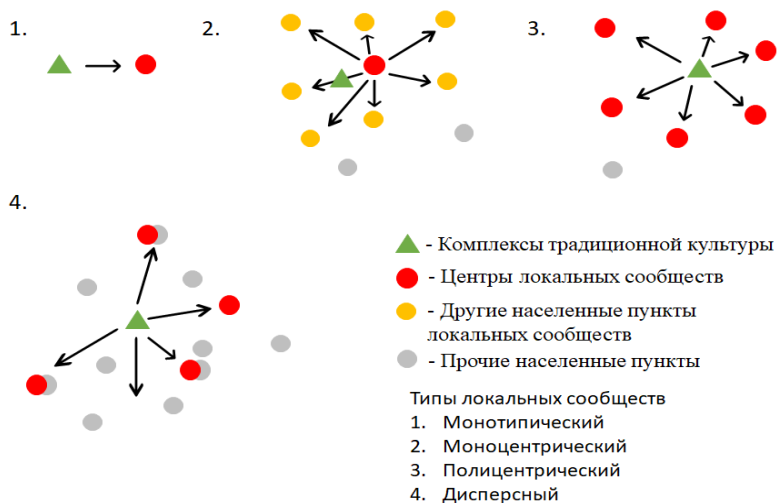

Рис.1 (составлен автором). Типы территориальной организации локальных сообществ с комплексами традиционной культуры.

Моноцентрический тип характерен для большинства гидрологических, некоторых ботанических и, частично, антропогенных и литологических комплексов традиционной культуры. Среди ландшафтных комплексов такой тип характерен для курганов-палимпсестов.

Для этого типа характерно наличие одного основного, центрального населённого пункта в окрестностях которого расположен комплекс традиционной культуры, вокруг которого существует несколько подчинённых населённых пунктов, также исторически относящихся к зоне влияния данного комплекса традиционной культуры, входящих в единое локальное сообщество.

Полицентрический тип характерен для наиболее крупных и известных комплексов традиционной культуры. Среди ландшафтных комплексов к такому типу принадлежат крупнейшие прощи. К нему же относится знаменитый Синий колодец в Славгородском районе.

Для этого типа характерно наличие нескольких основных равнозначных населённых пунктов, между которыми расположен комплекс традиционной культур. Все данные населённые пункты образуют единое локальное сообщество либо региональную общность.

Для всех этих типов локальных сообществ характерна компактность территории.

Дисперсный тип абсолютно преобладает на юге Псковской области, в зоне отселения, а также в сельско-городских сообществах.

Для этого типа характерно наличие нескольких населённых пунктов, которые могут находиться на значительном расстоянии друг от друга, возле одного из которых расположен комплекс традиционной культуры. Не всё население данных населённых пунктов входит в единое локальное сообщество либо региональную общность, члены локального сообщества, на формирование идентичности которых повлиял комплекс традиционной культуры, дисперсно расселены среди прочего населения.

Литература

1. Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия / Ю.А. Веденин. – М.: Новый Хронограф, 2018.
2. Дучыц, Л. У. Прощы ў гісторыка-культурным ландшафце Беларусі / Л. У. Дучыц, І. Я. Клімковіч // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў. Ч.5: Праблемы захавання і папулярызацыі культурнай спадчыны. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі. г. Мінск, 25–26 красавіка 2013 года. Мінск: Права і эканоміка, 2013. – С. 56–65.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Сведения об авторе:

Сергей Анатольевич Герасимович, выпускник аспирантуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий инженер лаборатории ОСЛ-датирования ОПЧП ИГРАН/ географического факультета МГУ

Sergey A. Gerasimovich, graduate of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leading Engineer of the Laboratory of OSL-dating of the IGRAN / Faculty of Geography, Moscow State University.

E-mail: 777sir@gmail.com

УДК 911.9

Н.С. Гладнев
N.S. Gladnev

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЕТИ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРУПНОГО ГОРОДА

PERSPECTIVES FOR SPATIAL DEVELOPMENT OF THE NETWORK OF SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF A LARGE CITY

В современное время пространственная ориентация учреждений среднего образования имеет высокое значение в жизни людей. В данном исследовании показано использование методов геоинформационных технологий для определения местоположения перспективных мест расположения средних школ крупных городов Республики Татарстан.

In modern times, the spatial orientation of secondary education institutions is of great importance in people's lives. This study shows the use of methods of geoinformation technologies to determine the location of promising locations for secondary schools in large cities of the Republic of Tatarstan.

Ключевые слова: геоинформационные технологии, геомаркетинг, пространственное развитие

Key words: geoinformation technologies, geomarketing, spatial development

Введение. В двадцать первом веке экспоненциальный рост населения, глобализация и привели к ускорению многих из социально-экономических процессов с последствиями, которые мы еще не можем распознать во всей их полноте. Изучение процессов развития региональных социально-экономических систем с точки зрения городского пространства как ключевой категории пространственной экономики связано с концепцией городской системы. Это связано с механизмами городского взаимодействия, определяющими пути экономического и социального развития региона как системы высшего порядка, так и как отдельного городского поселения.

Городское пространство – основная организационная форма поселений. Изучение города позволяет изучить происхождение, сущность, а также единые закономерности формирования и функционирования социокультурной концепции и ее компонентов. Динамические изменения стратегического характера, разнонаправлено и объективно возникающие в процессе функционирования социально-экономических систем,

обуславливают необходимость внесения корректировок в стратегию развития локальных территориальных образований.

В Республике Татарстан имеется 24 города, в том числе 1 город-миллионер (Казань), 1 крупнейший (Набережные Челны), 2 больших (Нижнекамск и Альметьевск), 12 средних и 8 малых. Первые города на территории современной Республики Татарстан были основаны в конце первого тысячелетия.

На сегодняшний день население Республики Татарстан (далее – РТ), как и любого другого региона, нуждается в обеспеченности услугами третичного сектора. Цель исследования заключается в определении перспективных мест расположения учреждений среднего общего образования в крупных городах Республики Татарстан.

В решении проблемы помогает СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений [1], который утверждает, что радиус обслуживания населения учреждениями и предприятиями, размещаемыми в жилой застройке, следует принимать не более 750 метров для средних и старших классов и не более 500 метров для начальных классов.

Исходя из этого необходимо вычислить зоны обслуживания существующих учреждений среднего образования. В данной работе был использован инструмент сетевого анализа «Зона обслуживания» [2] в ПО ArcMap [3]. Для проведения геоинформационного анализа размещения учреждений были использованы данные министерства жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на территорию города, данные аэрофотосъемки и спутниковой съемки, а также открытые данные OpenStreetMap.

Результатом работы получается векторный слой.

Проанализировав полученные результаты, хочется отметить, что наибольшей площадью покрытия среди всех городов является город Альметьевск с 85,05% площадью покрытия средних общеобразовательных школ относительно площади города. В городе Казань площадь покрытия составляет 35,02% от общей площади города, а в Нижнекамске 24,01% (рис. 1).

Таким образом, выявлены проблемные зоны, где не хватает учреждений. Для того чтобы решить проблему обеспечения учреждениями был выбран инструмент сетевого анализа «Размещения-распределения», Метод размещение-распределение помогает найти наилучшие места для обслуживания точек спроса. Эти местоположения могут покрывать большую часть спроса,

минимизировать стоимость удовлетворения спроса или способствовать максимальному повышению доли на рынке.

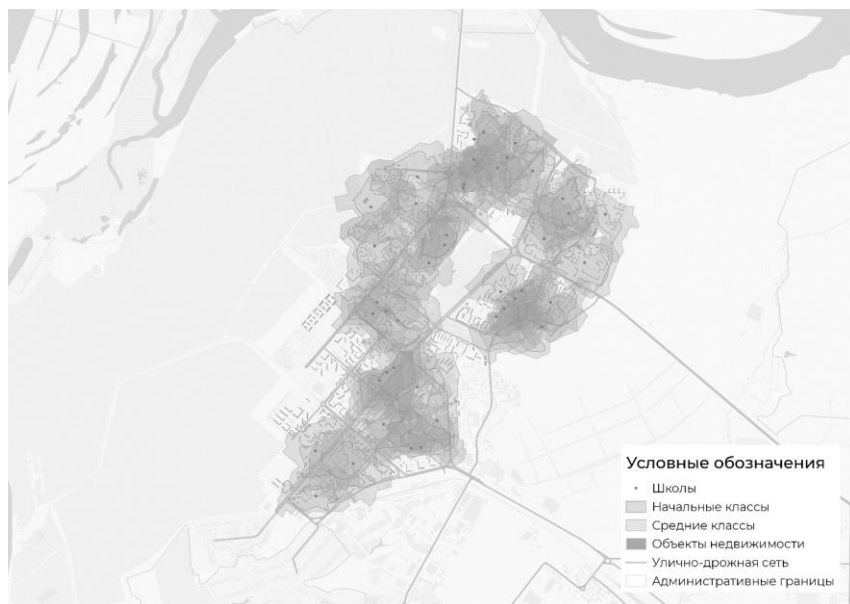

Рис. 1. Карта пространственной организации средних общеобразовательных учреждений города Нижнекамск

В данном исследовании необходимо выбрать точки для покрытия для покрытия спроса в радиусах 500 м и 750 м. В качестве точек спроса выступают объекты жилой недвижимости городов. Результатом такого анализа являются прямые линии отображающие расстояние между выбранными пунктами обслуживания или обязательными пунктами обслуживания и точками спроса.

Анализируя полученные результаты работы следует отметить, что в городе Казань изменение площади обслуживания составит 53 410 Га, в городе Нижнекамск 4 768 Га, а в городе Альметьевск 3 491 Га.

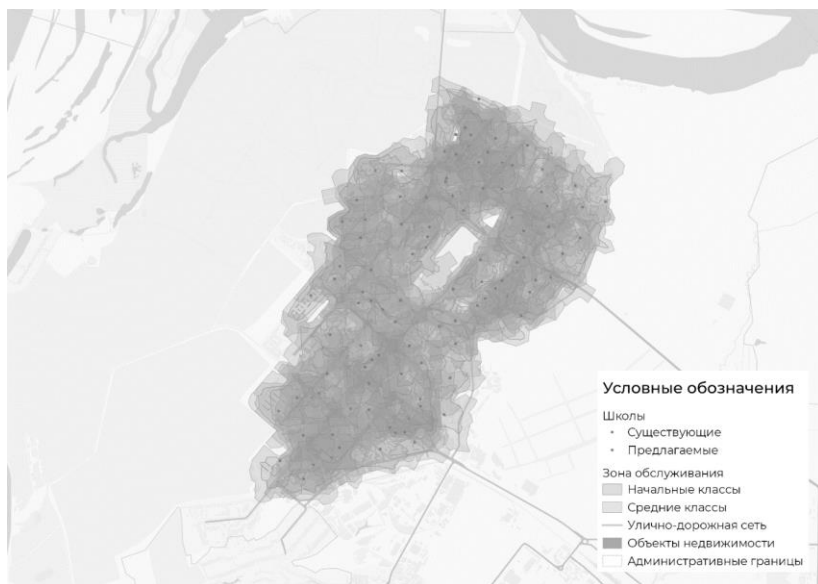

Рис. 2. Карта перспективной пространственной организации средних общеобразовательных учреждений города Нижнекамск

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показывает недостаточность обеспечения населения услугами, но затраты на модернизацию текущей ситуации велики, поэтому необходима поэтапная реализация проекта и внесение корректив в стратегию развития городского пространства, так как показатель обеспеченности населения средними общеобразовательными учреждениями напрямую влияет на качество жизни.

Литература

1. СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (с Изменениями N 1, 2). – М.:Стандартинформ, 2016. – 101 с.
2. Глебова, Н. ГИС для управления городами и территориями / Н. Глебова // ArcReview, 2006. - № 3(38).
3. Гладнев Н.С. Обзор современных геоинформационных систем. Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в России в условиях глобализации: Материалы XV межвузовской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием) / Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой, Р.Ф. Степаненко. – Казань: НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», 2015. – 384с.

Сведения об авторе:

Никита Сергеевич Гладнев, аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Казанский (Приволжский) федеральный университет"

Nikita S. Gladnev, graduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University"

E-mail: nikgladnev@gmail.com

УДК 338.48

Э.Б. Грушенко

E.B. Grushenko

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

PROBLEMS OF PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN NORTH

В статье рассматриваются проблемы сохранения историко-культурного наследия в исторических поселениях Русского Севера как фактора устойчивого развития туризма.

The article deals with the problems of preserving the historical and cultural heritage in the historical settlements of the Russian North as a factor in the sustainable development of tourism.

Ключевые слова: *Русский Север, культурное наследие, туризм, деревянное зодчество*

Key words: *Russian North, cultural heritage, tourism, wooden architecture*

В настоящее время в России остро стоит проблема сохранения историко-культурного наследия, которое часто воспринимается властями, профессиональным сообществом градостроителей и архитекторов серьёзным препятствием для развития городов. Тяжёлым бременем считаются исторические поселения и их границы, ставшие предметом жарких дискуссий. Руководство ряда исторических поселений пытается любыми путями избавиться от этого статуса или заменить федеральный статус поселения региональным. Такое стремление обусловлено

возможностью решать все вопросы «развития» поселения на региональном уровне без вмешательства федеральных органов. Под «развитием», как правило, подразумевается новое строительство в историческом центре, игнорирующее федеральное законодательство в области сохранения наследия [1].

Настоящим брендом Русского Севера является народное деревянное зодчество. На Европейском Севере преобладают два типа традиционных деревянных жилых построек на Руси: русский и угро-финский. Как правило, в отдаленных деревнях сохранились наиболее аутентичные постройки. В отличие от памятников церковного зодчества, исторические сельские деревянные постройки в большинстве своем не имеют статуса объектов культурного наследия (ОКН). Также необходимо отметить недостаток информации об архитектурно-историческом наследии сельских поселений. В традиционных путеводителях по регионам Русского Севера широко представлены в основном лишь самые известные памятники церковного зодчества и исторические города.

Для сохранения наиболее ценных средовых зданий как в сельских поселениях, так и в городах, необходимо пересмотреть региональные реестры ОКН и включить их в список вновь выявленных охраняемых объектов культурного наследия. В Республике Карелия и Мурманской области практически все исторические здания ввиду их малочисленности имеют статус ОКН. Если здание не имеет статуса ОКН, внешний облик дома зачастую зависит от вкусов частных владельцев объекта, которые могут полностью изменить исторический облик здания. Если же дом признан ОКН и находится под защитой государства, то владелец его не имеет права на любые перестройки без согласования с соответствующими органами власти.

В крупных исторических городах России отмечается деградация городской среды, снос рядовой исторической застройки. Наши города теряют локальную идентичность и самобытность, уничтожается память места, связь поколений. На месте снесенных и сожженных зданий появляются многоэтажные монстры, новоделы и ТРЦ в стиле капрома и евроремонта. Происходит разрыв целостной исторической ткани. Ценность и привлекательность представляют не отдельные сохранившиеся дома-памятники, а целостная историческая среда, непрерывный архитектурный контекст места. Сохранение архитектурного наследия – это поддержка уникального облика городского ландшафта, его самобытности и идентичности.

Сейчас в России отсутствует культура сохранения и восстановления исторического наследия. В погоне за сиюминутным комфортом или прибылью вставляются металлические двери, пластиковые окна в исторических зданиях, сбивается лепнина и резной декор, фасады обшиваются дешевым сайдингом.

В любом старом европейском городе улицы с деревянными историческими зданиями были бы центром активной городской жизни, местом притяжения для туристов, малого бизнеса, привлекая деньги в городской бюджет. Между тем потенциал русских исторических городов явно недооценен. Таких красивых резных кружевных наличников, как в России, больше нет нигде в мире. В западных городах деревянный резной декор намного скромнее чем в России. Деревянное народное зодчество – исконно русский стиль в архитектуре.

Отличительной особенностью русских исторических городов является целостная городская среда, сформированная деревянной застройкой второй половины XIX – начала XX столетий, которая демонстрирует национальную архитектуру, исчезающую в современной России. Деревянную архитектуру российских городов этого периода специалисты считают уникальным явлением мировой культуры и национальным достоянием России. Среди городов Русского Севера относительно целостная историческая среда сохранилась во всех пяти малых исторических городах, имеющих официальный статус исторического поселения федерального значения, а также в таких городах, как Устюжна, Вельск, Шенкурск, Сортавала. В крупных городах наиболее ценная деревянная застройка сохранилась фрагментарно в Вологде и в Архангельске.

Важнейший принцип сохранения культурно-исторического наследия – без подлинности нет истории. Копии – новоделы, лишь имитирующие утраченные памятники, например, как в Вологде, не обладают ценностью. Вологда входит в число трех городов России, где сохранилось уникальное деревянное зодчество во все своем стилевом разнообразии. Важно сохранить то небольшое, что сохранилось в городе, используя положительный опыт реставрации и воссоздания таких зданий в Иркутске и Томске.

Чтобы спасти деревянную Вологду, градозащитники предлагают создать в Вологде кластеры, где сохранилась деревянная застройка и обозначить особый статус у этих территорий, который позволил бы застройщикам понимать, что здесь можно строить, привлекать малый бизнес, создавать условия для развития

инфраструктуры туризма. Также необходимо не разрешать строить на месте сожженных и снесенных подлинников новоделы – муляжи, потому что тогда памятники будут сносить и поджигать до бесконечности. По мнению специалистов, необходима федеральная целевая программа, которая объединит исторические центры. Сегодня признано, что сохранение архитектурного наследия имеет ценность не только для культуры, но и для экономики регионов, повышая их инвестиционную и туристскую привлекательность [2].

В Архангельске, в котором также происходит утрата рядовой деревянной застройки, спасает то, что в городе есть заповедная пешеходная улица, куда своевременно были перенесены образцы народного деревянного зодчества, ставшие популярным объектом показа для туристов.

Чтобы сохранить оставшиеся дома-памятники и дать им новую жизнь, в старинных городах России проводится фестиваль «Том Сойер Фест» — общественный инициативный проект восстановления исторической городской среды силами волонтеров и спонсоров. «Том Сойер Фест» — это фестиваль для тех, кто хочет сделать город лучше, перейти от слов к делу, выбрать и привести в порядок внешний вид города, обратить внимание на ценность исторической среды и объединить городских активистов в деятельное сообщество. Особое внимание уделяется восстановлению деревянных домов. Большинство объектов фестиваля — здания, не имеющие особого охранного статуса архитектурного памятника или исторического наследия. Фестиваль был основан Андреем Кочетковым в Самаре несколько лет назад и с тех пор получил развитие по всей России. В 2019 г. «Том Сойер Фест» дошел и до Русского Севера, - в Архангельске, Вологде и Тотьме были выбраны интересные деревянные здания для обновления и реставрации их фасадов. Например, в Архангельске, для реставрации был выбран известный памятник архитектуры – Марфин дом на пешеходной улице [3].

Для целей восстановления архитектурного наследия создан также фонд Ильи Варламова и Максима Каца «Внимание» — благотворительный фонд сохранения исторического наследия в России. Фонд оказывает помощь в сборе финансовых средств, консультирует и помогает спасти от разрушения объекты культурного наследия нашей страны. Фонд создает модельную структуру, способную быстро и эффективно собирать средства и способствовать сохранению и восстановлению объектов. На

Европейском Севере России фондом «Внимание» начат народный сбор средств на реставрацию деревянной ратуши в Сортавале, клуба в пос. Усть-Поча (Кенозерский национальный парк), деревянного храма Иоанна Богослова в деревне Анисимово, Вологодской области [4].

Для сохранения ценного культурно-исторического наследия исторических городов и поселений Русского Севера, необходимо расширение федерального списка исторических городов, включив в него старинные города и поселения, в которых сохранилась ценная и целостная историческая застройка. Исторические сельские поселения Русского Севера с нетронутым культурным ландшафтом и уникальными памятниками архитектуры могут получить статус историко-культурного заповедника или достопримечательного места.

Сохранение национальной идентичности, истории и культуры, материализованных в архитектуре исторических поселений Русского Севера будет способствовать росту национального самосознания и любви к месту своего обитания, преемственности в формировании комфортной среды обитания, развитию внутреннего и въездного туризма

Литература

1. Историко-культурное наследие и развитие исторического поселения город Томск. Л.С.Романова, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnoe-nasledie-i-razvitie-istoricheskogo-poseleniya-gorod-tomsk/viewer>
2. В Вологде на грани исчезновения знаменитые памятники архитектуры деревянного зодчества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/4735/
3. Том Сойер Фест. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tsfest.ru/>
4. Фонд сохранения исторического наследия Ильи Варламова «Внимание». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fondvnimanie.ru/about>

Сведения об авторе:

Эдуард Борисович Грушенко, научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН.

Eduard B. Grushenko, Research Associate, Luzin Institute of Economic Problems of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: grushenko.eduard@mail.ru

**СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ****COMPONENTS OF THE SOCIO-ECONOMIC VALUE OF AN
URBANIZED TERRITORY**

Статья посвящена рассмотрению элементов социально-экономической ценности стоимости урбанизированной территории, отводимой под строительство, включая удобства территории для различных видов ее функционального использования, затраты времени на трудовые и культурно-бытовые поездки, общественно необходимыми затратами на сохранение и улучшение природной среды, а также архитектурно-художественную и эстетическую ценность территории.

The article is devoted to consideration of the socio-economic value of the cost of the urbanized area designated for the construction of facilities including areas for different types of its functional use, the time cost for labor and domestic travel, the socially necessary costs of maintaining and improving the natural environment, as well as architectural and artistic and aesthetic values of the area.

Ключевые слова: *Социально-экономическая ценность территорий, удобства функционального использования, временные затраты на поездки, архитектурно-художественная и эстетическая ценность территории.*

Key words: *The socio-economic value of the territories, the convenience of functional use, the time spent on travel, the architectural, artistic and aesthetic value of the territory.*

Социально-экономическая ценность территорий, отводимых под строительство, отражает их потребительскую стоимость (полезность) и включает:

1. Удобства территории для различных видов ее функционального использования. Под функциональным удобством проживания понимается возможность получения максимального комплекса общественного обслуживания с минимальными затратами сил, времени, средств, а также наличие удобных транспортных связей с районами трудового тяготения, с культурными и общественными центрами в структуре отдельного города или

групповой системы населенных мест (микро- и мезоуровни). На микро региональном уровне удобства проживания обеспечивают: развитие торговой сети вблизи мест проживания или хорошая транспортная доступность торговых точек; сеть бытового обслуживания; культурные и зрелищные предприятия; близость к станциям пригородных железных дорог, метрополитена и других видов скоростного транспорта; сокращение транспортной доступности, экономия времени в сферах транспорта и бытового обслуживания.

2. Экологические условия урбанизируемой среды, уникальность природно-климатических условий территорий рекреационного значения.
3. Архитектурно-художественную и эстетическую выразительность застройки и окружающей среды.

Для социально-экономической оценки урбанизированных территорий затраты времени на трудовые и культурно-бытовые поездки (пункт 1) определяются обследованием с установлением средневзвешенных величин, учитывающих традиционные маршруты, отдаленность районов проживания от объектов целевого притяжения, скорость различных видов транспорта, коэффициент пересадочности, интервалы в движении транспорта и т.д. Стоимостная оценка затрат времени на транспортные поездки определяется выражением:

$$S_{TP} = R \gamma P (t_1 N_1 + t_2 N_2 \varphi) \cdot \frac{1}{E_H} \cdot \frac{1}{F} \quad (1)$$

где S_{TP} – стоимостная оценка затрат времени, тыс.руб./га;

R – средняя стоимостная оценка 1 человеко-часа рабочего времени, руб./чел.час;

γ – понижающий коэффициент для определения стоимостной оценки 1 чел.час. свободного времени ($\gamma = 0,3 - 0,35$);

t_1 – средние затраты времени на одну трудовую поездку в двух направлениях, час;

N_1 – численность самодеятельного населения, выезжающего за пределы районов проживания к местам приложения труда, чел;

t_2 – средние затраты времени на 1 поездку культурно-бытового назначения в двух направлениях, час;

N_2 – самодеятельное население района, чел.;

φ – доля культурно-бытовых поездок относительно трудовых;

P – число рабочих дней в году;

E_H – нормативный коэффициент эффективности;

F – территория рассматриваемого района, га.

Затраты средств на поездки рассчитываются с учетом числа пересадок на основе действующих тарифов для соответствующих видов транспорта:

$$W_{TP} = b \cdot P \cdot (N_1 + N_2 \varphi) \cdot \frac{1}{E_H} \frac{1}{F} \quad (2)$$

где W_{TP} – затраты средств на поездки, руб./га;

b – средневзвешенные затраты средств на оплату одной поездки в двух направлениях, руб.

Условия расселения населения и транспортная доступность мест приложения труда характеризуется еще одним фактором – транспортной усталостью, снижающей эффективность производства.

$$Y_{TP} = R t_3 N_1 P \frac{1}{E_H} \frac{1}{F} \quad (3)$$

где Y_{TP} – оценка транспортной усталости, тыс.руб./га;

R – стоимостная оценка человека-часа рабочего времени, руб./чел.час;

t_3 – условные потери рабочего времени в результате воздействия транспортной усталости, час;

N_1 – численность самодеятельного населения, выезжающего за пределы района проживания к местам приложения труда, чел.;

P – число рабочих дней в году.

Для размещения промышленных производств функциональные удобства территории в значительной степени определяются условиями транспортных связей в городе, которые проявляются как через уровень производительности труда работающих, так и через затраты времени и средств на перевозку производственных грузов (сырья, топлива, оборудования, готовой продукции и т.д.).

Для административных учреждений и организаций функциональные удобства территории определяются рациональным взаимодействием при выполнении задач управления с учетом "тяготения" к ним подведомственных предприятий.

Функциональные удобства территории для размещения объектов торговли и зрелищных предприятий характеризуют определенные социальные условия проживания населения и эффективности работы этих предприятий. Важными показателями социально-экономической ценности территории в региональном разрезе являются степень обжитости территории и уровень ее урбанизации, влияющие на социально-культурный потенциал района. Критерием социально-культурного потенциала урбанизируемых территорий, условно принимается концентрация населения с высшим и средним специальным образованием в общей численности населения, занятого в хозяйственной деятельности.

По пункту 2 социальная ценность территории определяется общественно необходимыми затратами на сохранение и улучшение природной среды, на мероприятия по ликвидации негативных антропогенных последствий и восстановлению исходных параметров экологической среды.

Естественное природное окружение в районах застройки наиболее показательно характеризуется наличием зеленых насаждений и водоемов, обуславливающих состояние микроклимата (очистка воздушного бассейна от вредных химических элементов, защита от пыли и ветра, противозумовые барьеры, охранные зоны от промышленных объектов, отдых населения и т.д.). Размеры зеленых насаждений и водоемов в районах крупных городов не всегда соответствуют нормам СНиП. В этом случае оценка санитарно-гигиенических условий включает затраты на восполнение недостающих размеров зеленых насаждений и водоемов:

$$Q_{\text{пр}} = \left[\left(K_1 + \frac{U_1}{E_H} \right) \cdot f_1 + \left(K_2 + \frac{U_2}{E_H} \right) \cdot f_2 \right] \cdot N \cdot \frac{1}{F} \quad (4)$$

где $Q_{\text{пр}}$ – оценка природного благоустройства, руб/га;

K_1 и K_2 – капитальные вложения на дополнительное озеленение и обводнение территории, руб/га;

U_1 и U_2 – эксплуатационные издержки по содержанию зеленых насаждений и водоемов, руб/га в год;

E_n – нормативный коэффициент эффективности;

f_1 и f_2 – размеры соответственно недостающих площадей зеленых насаждений и водных акваторий относительно норм СНиП, га/тыс.чел;

N – число жителей в районе, тыс.чел.;

F – размер территории района, га.

Загрязнение воздушного бассейна в городах создается вредными выбросами промышленные предприятия котельных установок электростанций, выхлопными газами автомобилей, пылью, некачественной уборки территории города и т.д. Ликвидация явлений дискомфорта требует проведения ряда мероприятий, таких как оборудование промышленных предприятий специальным оборудованием по улавливанию и утилизации выбросов, поглощению шумов и других вредных воздействий (электромагнитных, радиационных и т.д.), замены твердого и жидкого топлива на газообразное. При этом тоже проводится оценка территории с точки зрения необходимых затрат.

Кроме этого при оценке экологических условий учитываются затраты на:

- создание санитарно-защитных зон, часто сопровождаемое необходимостью переселения граждан из жилых домов, расположенных в указанной зоне;
- изменение производственного профиля предприятия или его вывод за пределы территории;
- мероприятия по ликвидации экологических последствий урбанизационных нагрузок на окружающую природную среду.

Для оценки архитектурно-художественной и эстетической ценности территории (пункт 3), ввиду исключительной сложности экономической оценки факторов материальной культуры, а также мест с уникальной ландшафтной архитектурой, ценность которых бесконечно велика, а также отсутствия каких-либо научных результатов по выявлению количественной меры воздействия "мира прекрасного" на человека, предлагается лишь экономическая оценка объектов туризма, которые кроме удовлетворения духовных, физических и познавательных потребностей населения, приносят прибыль.

Ценность территории, используемой в целях туризма, определяется по формуле:

$$\mathcal{E} = \frac{P_{\text{тур}}}{F} \cdot E_n \quad (5)$$

где \mathcal{E} – экономический эффект от использования территории для туризма и отдыха, тыс.руб/год;

$P_{\text{тур}}$ – прибыль предприятий туризма, расположенных в рассматриваемом районе, тыс.руб/год;

F – размер территории, относимой к зоне туризма, га;

E_n – нормативный коэффициент эффективности капиталовложений.

Сведения об авторе:

Александр Николаевич Девятков, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления социально-экономическими системами ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 426034, Россия, г.Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4).

Alexander N. Devyatov, candidate of economic Sciences, associate Professor of the faculty of Economics. management of socio-economic systems. Udmurt state University, 1 Universitetskaya str. (building 4), 426034, Izhevsk, Russia.

E-mail: and9@udm.ru

УДК 911.8

Р.В. Дмитриев
R.V. Dmitriev

О СВЯЗИ МЕЖДУ ПАРАМЕТРОМ K И ДОЛЕЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN K -PARAMETER AND THE SHARE OF URBAN POPULATION IN THE CENTRAL PLACE SYSTEMS

При рассмотрении в аспекте теории центральных мест особенностей развития систем расселения установлено, что, вопреки преобладающей точке зрения, в общем случае не существует выраженной зависимости между числом подчиненных одному центральному месту зон

следующего иерархического уровня (параметр K) и долей городского населения.

Considering the features of the development of central places' systems, we establish that, contrary to the prevailing point of view, in the general case there is no pronounced relationship between the number of zones of the next hierarchical level subordinated to one central place (K -parameter) and the share of urban population.

Ключевые слова: теория центральных мест, пространство, самоорганизация, доля городского населения, эволюция, уровень иерархии, K -параметр.

Key words: central place theory, space, self-organization, share of urban population, evolution, level of hierarchy, K -parameter.

Аксиомы теории центральных мест (ТЦМ) формулируются следующим образом (хотя В.А. Шупер предложил шестую аксиому [1], мы склонны относить ее скорее к категории теорем, поэтому здесь не упоминаем):

- 1) пространство однородно и изотропно во всех отношениях, за исключением распределения городского населения;
- 2) пространство бесконечно;
- 3) «части» системы центральных мест расположены максимально компактно;
- 4) системы центральных мест полиморфны;
- 5) поведение потребителя «рационально».

В контексте настоящего исследования нас будет интересовать лишь первая из них. В классической (кристаллеровской) ТЦМ численность населения зоны уровня n характеризуется [2] следующим уравнением (1):

$$P_n = p_n + K \times P_{n+1} - P_{n+1}, \quad (1)$$

где P_n – численность населения зоны уровня иерархии n ;

p_n – численность населения одного центрального места (ЦМ) уровня иерархии n ;

K – вариант кристаллеровской иерархии, обозначающий число подчиненных одному центральному месту иерархических уровней (в классической ТЦМ $K = 3, 4$ или 7).

Представим, что ВСЕ поселения некой системы центральных мест иерархичны по крайней мере в отношении численности их населения – на самом деле, в большинстве реальных случаев так оно и есть, поскольку иерархия свойственна не только городским, но и сельским поселениям, входящим в единую систему

[3]. Возьмем для дальнейшего рассмотрения все иерархичные (то есть проранжированные в порядке убыви численности их населения; нумерация уровней производится сверху) поселения с номерами от 1 до некоего n -го и выпишем систему уравнений (2), описывающих численность населения каждой зоны соответствующего уровня, за исключением первой и последней:

$$\left\{ \begin{array}{l} P_2 = p_2 + K \times P_3 - p_3 \\ P_3 = p_3 + K \times P_4 - p_4 \\ \dots \\ P_{n-1} = p_{n-1} + K \times P_n - p_n. \end{array} \right. \quad (2)$$

Вставим последовательно все уравнения системы (2), начиная с верхнего, в уравнение (1), оставляя в левой его части P_1 . Произведя некоторые преобразования, получим уравнение (3), отражающее численность населения всей системы:

$$P_1 = \left[p_1 + (K - 1) \times \sum_{i=2}^{n-1} (p_i \times K^{i-2}) \right] + K^{n-1} \times P_n - K^{n-2} \times p_n. \quad (3)$$

При этом сумма слагаемых в квадратных скобках представляет собой численность населения зон всех уровней иерархии с 1-го до $(n-1)$ -го. Два последних слагаемых вне скобок образуют численность населения зон уровня n (последнего, взятого нами для рассмотрения) и всех нижележащих иерархических уровней. «Очистим» последние от уровня n . Тогда (3) примет вид (4):

$$P_1 = \left[p_1 + (K - 1) \times \sum_{i=2}^{n-1} (p_i \times K^{i-2}) \right] + K^{n-1} \times P_n - K^{n-2} \times p_n - (K - 1) \times K^{n-2} \times p_n, \quad (4)$$

где сумма слагаемых в квадратных скобках представляет собой численность населения зон всех рассматриваемых уровней с 1-го до n -го;

сумма слагаемых вне квадратных скобок – численность населения зон всех нижележащих уровней.

Произведя преобразования «внескобочного» участка правой части (4), получаем, что суммарная численность населения всех зон уровней иерархии ниже n равна $K^{n-1} \times (P_n - p_n)$. Тогда, используя уравнение Бекманна-Парра [2] и произведя некоторые преобразования, находим, что доля численности населения всех ЦМ уровней иерархии ниже n -го (v) в населении всей рассматриваемой системы расселения выражается уравнением (5):

$$\nu = \frac{K^{n-1} \times (P_n - p_n)}{P_1} = \frac{K^{n-1} \times (P_n - k \times P_n)}{P_1} = \frac{K^{n-1} \times P_1 \times (1-k) \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^{n-1}}{P_1} = \quad (5)$$

$$= (1-k) \times \left(\frac{K \times (1-k)}{K-k}\right)^{n-1}.$$

Тогда суммарная доля всех ЦМ с 1-го до n-го (φ) в населении всей рассматриваемой системы расселения выражается уравнением (6):

$$\varphi = 1 - \nu = 1 - (1-k) \times \left(\frac{K \times (1-k)}{K-k}\right)^{n-1}. \quad (6)$$

В данном случае k представляет собой долю центрального места в населении обслуживаемой им зоны. Как было показано В.А. Шупером [1], значение k постоянно для всех уровней иерархии. Нам в [4] удалось установить существование нестрогого инварианта k в виде его максимального значения, равного $K - \sqrt{K^2 - K}$. Учитывая это, для любого n и при одном и том же значении K , равно как и для любого K при одном и том же значении n график зависимости доли центральных мест всех уровней с 1-го до n-го в населении системы расселения (φ) от доли центрального места в населении обслуживаемой им зоны (k) носит характер непрерывной монотонно возрастающей функции, определенной на всем интервале значений k . Иными словами, доля численности населения центральных мест всех уровней с 1-го до n-го в населении всей системы расселения может быть любой – фактически от 0 до максимума при максимуме же k .

Среди всего многообразия случаев того, что мы считаем ЦМ уровней с 1-го до n-го, есть один очень важный – когда в качестве них мы будем рассматривать все городские населенные пункты. В этом случае, очевидно, φ представляет собой долю городского населения. В работах А.А. Важенина по ТЦМ была установлена зависимость типа кристаллеровской иерархии от уровня урбанизации. На ограниченном эмпирическом материале им было установлено, что система ЦМ эволюционирует по следующей схеме (табл.).

Учитывая уравнение (6), мы приходим к выводу, что выявленная А.А. Важениным закономерность – лишь частный случай из всего фактически неограниченного их числа. На самом деле не существует выраженной зависимости между эволюцией системы ЦМ от $K = 2$ к $K = 7$ и изменением уровня урбанизации.

Схема эволюции системы центральных мест в зависимости от доли городского населения, по А.А. Важенину

Условные характеристики системы	$K = 2$	$K = 3$	$K = 4$	$K = 5$	$K = 6$	$K = 7$
Доля городского населения, %	10	30	50	70	90	100

Составлено автором по: [5].

Может показаться, что предложенные нами расчеты справедливы лишь в том случае, если $n \neq n_{\max}$, т.е. присутствует хотя бы один уровень иерархии ниже n . Действительно, ведь k , то есть доля ЦМ в населении обслуживаемой им зоны, постоянно для всех уровней иерархии. На самом деле в доказательстве постоянства k в классической ТЦМ при «выходе» на уравнение Бекманна-Парра говорится о соотношении уровней (смежных или не-смежных), но ничего не говорится о постоянстве k именно для последнего уровня. Если представить, что за ним нет других уровней, то значение k для него отличается от соответствующего значения для всех остальных уровней и равно 1, а численность населения одной зоны данного уровня равна численности населения его ЦМ [6].

Иными словами, если мы говорим о фактической иерархии всех уровней в системе ЦМ (с разделением на городское и сельское или любое другое население, а также без одного), то без какого-либо ущерба для самой теории ТЦМ ее первая аксиома может быть изменена и формулироваться следующим образом: «*Пространство однородно и изотропно во всех отношениях, за исключением распределения всего населения или его части*». В этом смысле, несмотря на высказанные ранее замечания коллег [7], можно утверждать, что существование систем ЦМ со 100%-ым уровнем урбанизации ни в коей мере не противоречит самой теории в ее классическом варианте.

Литература

1. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. М.: Российский открытый университет, 1995. 166 с.
2. Parr J.B. City Hierarchies and the Distribution of City Size: a Reconsideration of Beckmann's Contribution // Journal of Regional Science. 1969. Vol. 9, No. 2. P. 239-253.
3. Дмитриев Р.В. Использование гравитационных моделей для пространственного анализа систем расселения // Народонаселение. 2012. № 2 (56). С. 41-47.

4. Дмитриев Р.В. К вопросу о постоянстве значения доли центрального места в населении обслуживаемой им зоны для всех уровней кристаллеровской иерархии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 1. С. 128-135.

5. Важенин А.А. Влияние смены закономерностей расселенческих процессов на характеристики систем расселения // Региональные исследования. 2006. № 3. С. 43-65.

6. Дмитриев Р.В. Метрика пространства в теории центральных мест: старые проблемы, новые решения // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 24-34.

7. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Парадоксы урбанизации современной Индии // География в школе. 2009. № 2. С. 17-23.

Сведения об авторе:

Руслан Васильевич Дмитриев, кандидат географических наук, докторант Института географии РАН, Старомонетный пер. 29, Москва, Россия; старший научный сотрудник Института Африки РАН, ул. Спиридоновка 30/1, Москва, Россия

Ruslan V. Dmitriev, PhD, DSc Student at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 29 Staromonetny lane, Moscow, Russia; Senior Research Fellow of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka st., Moscow, Russia

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

УДК 911.37

Д.В. Житин
D.V. Zhitin

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

SOCIAL DIFFERENTIATION IN THE SUBURBAN AREA SAINT PETERSBURG

Территориальный рост Санкт-Петербургской агломерации привёл к формированию обширной пригородной зоны, характеризующейся социально-экономической неоднородностью, имеющей ряд пространственных закономерностей. Выявлению и географической характеристике этих закономерностей посвящено данное исследование.

Его результатом является расчёт «индекса социального благополучия» муниципальных образований пригородной зоны Санкт-Петербурга и картирование данного показателя.

The territorial growth of the St. Petersburg agglomeration has led to the formation of a vast suburban area characterized by socio-economic heterogeneity, which has a number of spatial patterns. This study is devoted to the identification and geographical characteristics of these patterns. Its result is the calculation of the "social well-being index" of municipalities in the suburban area of St. Petersburg and mapping of this indicator.

Ключевые слова: *пригородная зона, социальное благополучие, муниципалитет, территориальная неоднородность, пространственное развитие.*

Key words: *suburban area, social well-being, municipality, territorial heterogeneity, spatial development.*

Санкт-Петербургская городская агломерация расположена на территории двух регионов России - Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Агломерация состоит из трех зон: 1) исторического центра, сформировавшегося в XVIII – начале XX вв.; 2) «спальных районов» советского периода; 3) пояса городов и поселков, расположенных в часовой доступности от границ второй зоны [1]. Именно эта территория, составляет пригородную зону Санкт-Петербурга и является географическим объектом проведенного исследования. В пригородной зоне расположено 111 муниципалитетов первого уровня с общей численностью населения 1549 тыс. человек.

Демографические тенденции. За последние десятилетия численность населения пригородной зоны Санкт-Петербурга росла намного быстрее, чем в городском «ядре». Распределение территорий пригородной зоны по темпам прироста населения имеет центр-периферийный характер (рис. 1). Наибольший прирост населения наблюдался в муниципалитетах, примыкающих к городскому ядру. Благодаря массовой жилищной застройке в последнее десятилетие вокруг Санкт-Петербурга возникли новые города-спутники, такие как *Кудрово* и *Мурино*. Численность их населения за 2010-2019 гг. выросла более чем в 8 раз. Ограниченное количество участков для строительства жилья в городском ядре и более низкая стоимость земли в пригородной зоне приводит к формированию вокруг Санкт-Петербурга нового пояса спальных районов, представленных, в основном, многоэтажными жилыми домами «эконом-класса».

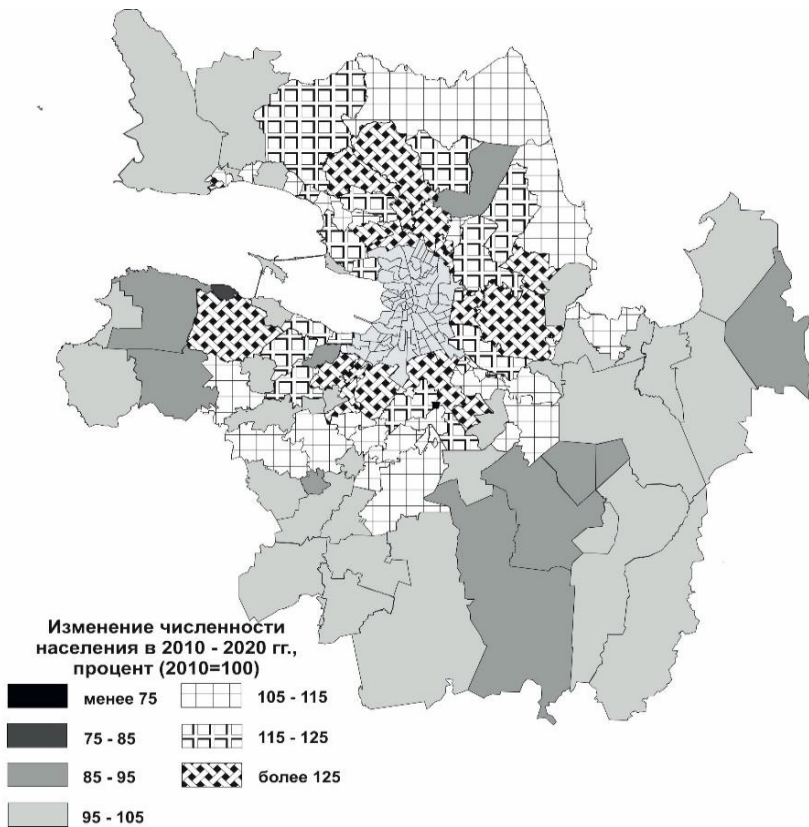

Рис. 1. Динамика численности населения в муниципалитетах пригородной зоны Санкт-Петербурга в 2010-2020 гг.

В наибольшей степени изменения численности населения в пригородной зоне Санкт-Петербурга были обусловлены миграцией.

Инвестиционная привлекательность. Привлекательность муниципалитетов пригородной зоны Санкт-Петербурга, как площадок для различных видов экономической деятельности, может быть рассмотрена через анализ двух показателей: 1) инвестиции, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципалитета; 2) количество предприятий малого и среднего бизнеса.

Объем инвестиций в пригородной зоне зависит от места нахождения муниципалитета— по мере удаления от городского ядра инвестиционная активность снижается (рис. 2).

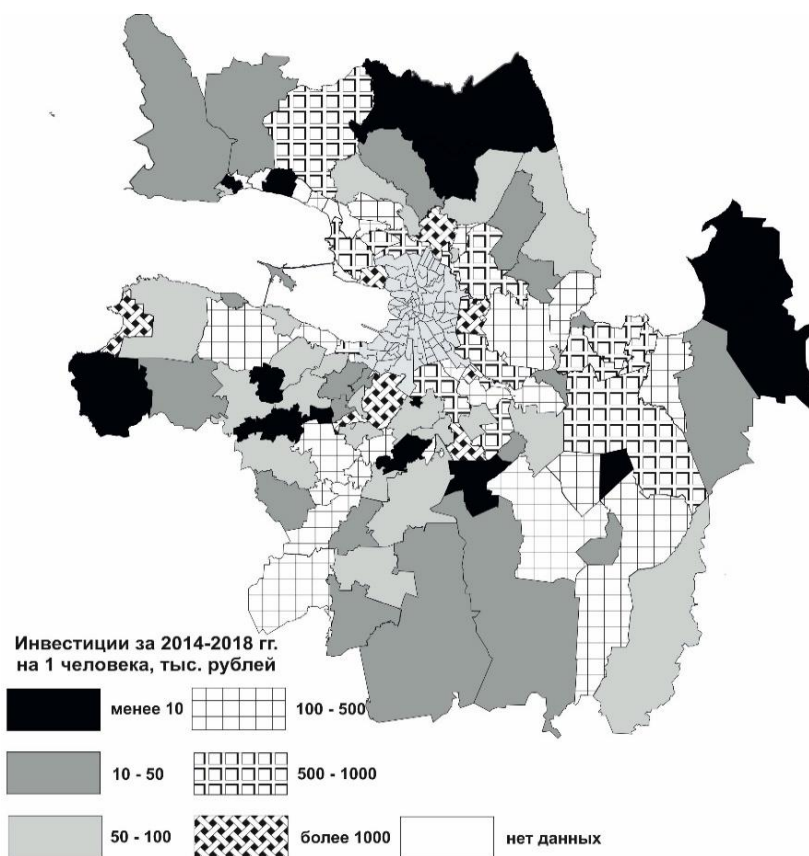

Рис. 2. Инвестиции, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципалитета в 2014-2018 на 1 жителя, тыс. рублей

Обращает внимание более высокое значение инвестиционной активности в муниципалитетах, расположенных вдоль основных транспортных коридоров, протянувшихся от Санкт-Петербурга в направлении Москвы, Выборга, Пскова, Волхова.

Территориально концентрация предприятий *малого и среднего бизнеса (МСБ)* в пригородной зоне в значительной степени совпадает с уровнем инвестиций (рис. 3). Данный сегмент предпринимательской деятельности представлен, прежде всего, предприятиями розничной торговли и сферы услуг, и их плотность значительно уступает показателям муниципалитетов городского ядра Санкт-Петербурга.

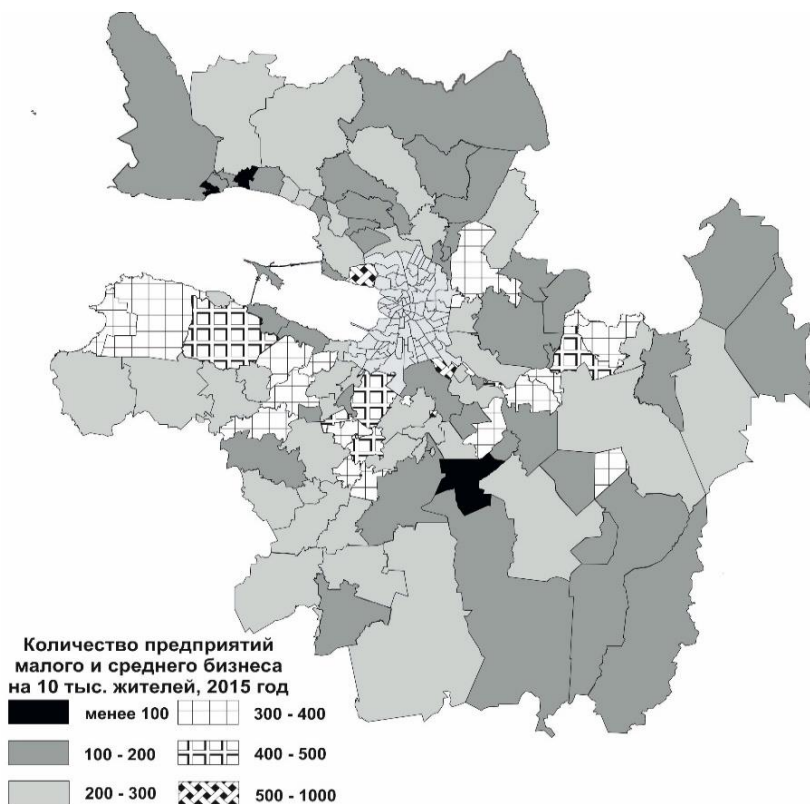

Рис. 3. Количество предприятий малого и среднего бизнеса на 10 тыс. населения

Цены на недвижимость. Стоимость жилья является одним из показателей уровня социального благополучия населения [2]. Для пригородной зоны Санкт-Петербурга используются два показателя: 1) стоимость жилья, выставленного на продажу через агентства недвижимости; 2) размер налога на недвижимое имущество, уплаченного владельцами жилья в бюджет муниципалитета.

Ожидаемо, стоимость жилья достигала наибольших значений в самых престижных городах и поселках пригородной зоны (рис. 4). Стоимость квадратного метра жилья в начале 2020 г. достигала здесь 1300-1500 €, что соответствовало средней стоимости жилья в городском ядре Санкт-Петербурга, и в 1,5-2,0 раза ниже цен на недвижимость в историческом центре города [3]. По мере удаления от границ городского ядра стоимость жилых

помещений постепенно снижается: от 1000-1100 €/м² в «старых» престижных пригородах и в новостройках, до 300-400 €/м², в сельских муниципалитетах, расположенных на удалении 60-80 км от Санкт-Петербурга.

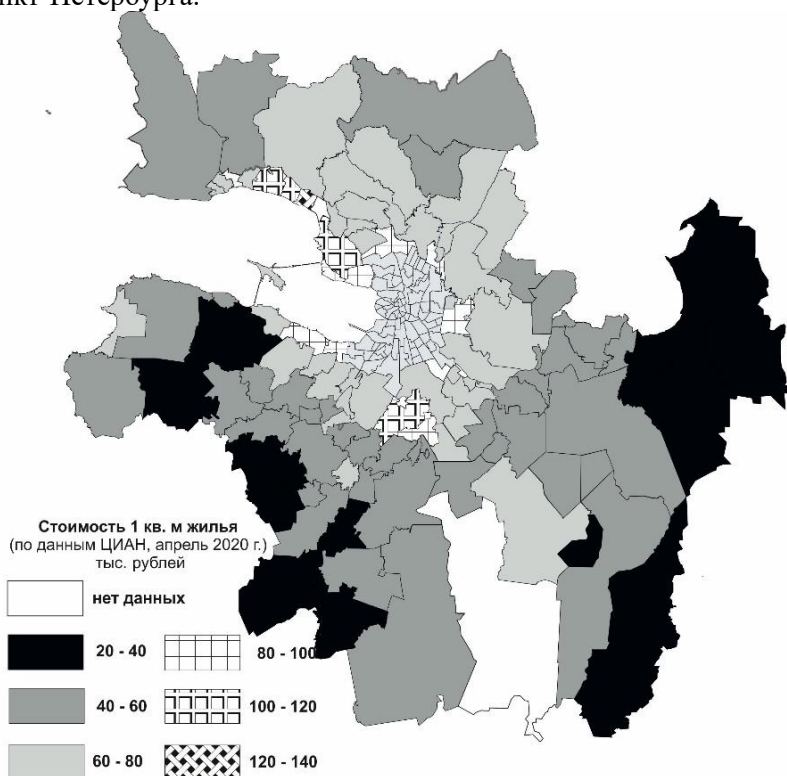

Рис. 4. Стоимость 1 кв. м жилья (по данным ЦИАН) на начало 2020 г., тыс. рублей.

Налог на недвижимое имущество, уплачиваемый в муниципальный бюджет, позволяет оценить кадастровую стоимость жилья, являющегося в России для большинства граждан основным и единственным активом. Пространственные различия данного показателя позволяют выделить в пригородной зоне Санкт-Петербурга несколько территорий с высокой и низкой стоимостью жилья в расчете на 1 жителя (рис. 5). Большинство муниципалитетов, с высоким значением налога на имущество, расположены к северу от городского ядра, на Карельском перешейке – территории с наиболее привлекательными природными

ландшафтами и, соответственно, дорогой загородной недвижимостью. Наибольший размер налога на имущество выплачивается в самых «дачных» муниципалитетах пригородной зоны, где численность местного населения невелика и среди владельцев недвижимости преобладают жители Санкт-Петербурга.

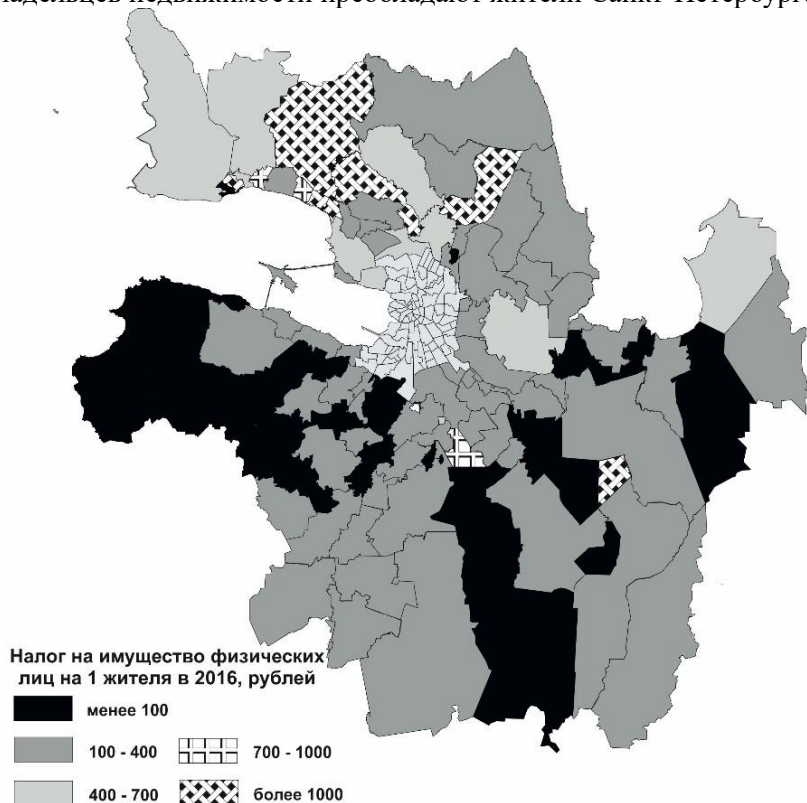

Рис. 5. Размер налога на недвижимое имущество, уплаченного владельцами жилья в бюджет муниципалитета, рублей на 1 жителя.

Уровень благосостояния. К сожалению, российская статистика не позволяет получить объективные данные о благосостоянии населения в отдельных муниципалитетах, исходя из уровня их доходов. В этих условиях могут использоваться показатели доходов и расходов муниципальных бюджетов в расчёте на 1 жителя. При этом, необходимо учитывать, что значительная часть доходной части бюджетов муниципалитетов низшего уровня обеспечивается за счёт трансфертов и субсидий из вышестоящих

бюджетов. Порядок определения объема этих трансфертов является непрозрачным, и их размер очень сильно изменяется год от года. В этой связи, в качестве показателя финансовой обеспеченности рассматривается объем *собственных доходов* местного бюджета, т.е. налоговых платежей и сборов собираемых непосредственно на территории муниципалитета. В 2019 году наиболее «богатые» муниципалитеты пригородной зоны располагались в непосредственной близости от границ городского «ядра» и в курортно-рекреационной зоне Санкт-Петербурга (рис. 6). Обращает внимание то, что муниципалитеты с самыми высокими и с самыми низкими доходами часто расположены рядом друг с другом.

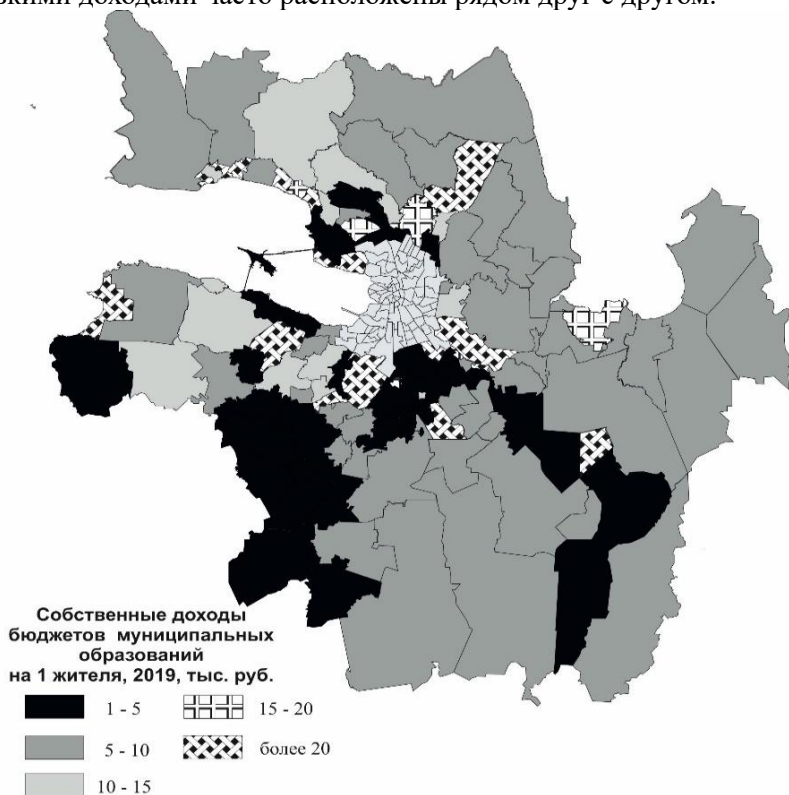

Рис. 6. Собственные доходы бюджетов муниципальных образований на 1 жителя, тыс. рублей.

Индекс социального благополучия. Для лучшего понимания процесса пространственно-социальной дифференциации пригородной зоны Санкт-Петербурга был

рассчитан *индекс социального благополучия (ИСБ)* для каждого из рассматриваемых муниципалитетов. Для этого было проведено ранжирование муниципалитетов по пяти показателям, отражающим уровень социально-экономического развития территории: 1) стоимость жилья; 2) динамика численности населения; 3) количество малых и средних предприятий; 4) налог на имущество; 5) объём инвестиций. По каждому из показателей муниципалитетам были расставлены ранги в порядке убывания их значения. Чем хуже ситуация в муниципалитете по тому или иному показателю, тем больший ранг он имеет. Полученные ранги были суммированы и вычислено их среднее значение – *индекс социального благополучия (ИСБ)*. Минимальное значение *ИСБ* присуще самым социально благополучным муниципалитетам пригородной зоны.

Анализируя пространственное распределение муниципалитетов с высоким и низким значением *ИСБ* (рис. 7), следует отметить, что оно имеет выраженный центр-периферийный характер.

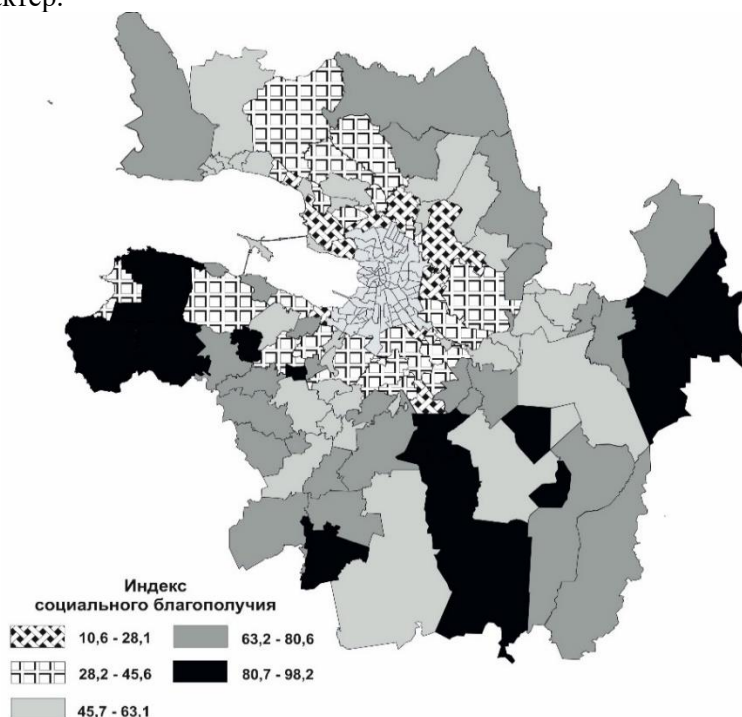

Рис. 7. Индекс социального благополучия муниципалитетов пригородной зоны Санкт-Петербурга.

Почти все наиболее благополучные муниципалитеты пригородной зоны примыкают к городскому ядру Санкт-Петербурга. И, наоборот, по мере удаления муниципалитетов от города значение ИСБ растёт. Наблюдается определённая пространственная асимметрия – северные и западные пригороды Санкт-Петербурга являются наиболее благополучными в социально-экономическом отношении и значение ИСБ изменяется здесь постепенно. В то же время, в западном и южном направлении от ядра города, при сохранении, в целом, того же тренда изменения ИСБ, «благополучные» и «неблагополучные» муниципалитеты часто перемешаны между собой и социальный контраст между ними очень заметен.

Литература

1. Zhitin D.V., Lachininskii S.S., Mikhaylov A.A., Shendrik A.V. (2020) Urban Transformation Of A Post-Soviet Coastal City: The Case Of Saint-Petersburg. *Geography, Environment, Sustainability*. Vol.13. No. 1, p. 145-158. DOI-10.24057/2071-9388-2019-77

2. Житин Д.В. Пространственная изменчивость социально-демографической структуры населения Санкт-Петербурга // сб.: Балтийский регион – регион сотрудничества – 2019. Материалы III международной научно-практической конференции: в 2 частях. Под редакцией Г.М. Фёдорова, Л.А. Жиндарёва, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. 2020. с. 137-152.

3. Zhitin D.V., Sechi G., Krisjane Z., Berzins M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga. *Baltic Region*, Vol.12, No. 1, p. 85-114. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-6

Сведения об авторе:

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета

Dmitry V. Zhitin, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University

E-mail: zhitin_dv@mail.ru

**ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМПУСА
«ФЕРТИКИ» УДМУРТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА**

**EXPERIENCE OF REPRESENTATION OF THE CULTURAL
LANDSCAPE THE DESIGN OF THE RECONSTRUCTION OF
THE CAMPUS "FERTIKI" UDMURT STATE UNIVERSITY**

В статье отражены некоторые подходы в проектировании реконструкции базы практик Удмуртского госуниверситета. В основе работы лежит концепция отражения ландшафтных особенностей территории Удмуртии в дизайн-проекте. Кампус должен являться органичной частью вмещающего природного и культурного ландшафта и характеризовать его основные черты.

The article reflects some approaches in the design of the reconstruction of the base of practices of the Udmurt State University. The work is based on the concept of reflecting the landscape features of the territory of Udmurtia in the design project. The campus should be an organic part of the surrounding natural and cultural landscape and characterize its main features.

Ключевые слова: кампус «Фертики», Удмуртская Республика, репрезентация культурного ландшафта.

Key words: Fertiki campus, Udmurt Republic, representation of the cultural landscape.

В настоящее время в Удмуртском университете реализуется программа реконструкции стационара «Фертики» биогеоэкологической станции. База существует с 1992 года, однако с инфраструктурной и содержательной точек зрения она несколько «закостенела» в своём развитии. Традиционные практики студентов географических направлений подготовки, проводимые почти три десятилетия, хоть и являются основным видом деятельности базы, не исчерпывают её потенциала. На наш взгляд, требования времени заключаются в расширении функционала и превращении её в комплексную образовательную, научную и творческую площадку университета. Это касается и инфраструктурного, и содержательного наполнения. При этом учебно-научная

составляющая должна оставаться первостепенной, а рекреационная и коммерческая – дополнением к основным функциям.

В реконструкции кампуса реализуется междисциплинарный подход. Наиболее продуктивным стало взаимодействие с дизайнерами института искусств и дизайна УдГУ. В данный момент разработан и реализуется дизайн-проект реконструкции, имеющий ландшафтную основу. Так, с одной стороны, кампус должен органично вписываться в природный, культурный и исторический ландшафт вмещающей территории, а с другой – отражать важнейшие особенности обширной территории (Удмуртской Республики, особенно – Прикамья). Это должно иметь в первую очередь учебную и познавательную функцию. Другими словами, в разных элементах (функциональные зоны, отдельные объекты, общие дизайнерские подходы и т.д.) должна проявляться территориальная специфика, чтобы даже не выходя за пределы кампуса, можно было демонстрировать и объяснять целый ряд пространственных закономерностей.

Кампус «Фертики» располагается на окраине одноимённой деревни в Воткинском районе Удмуртии в 85 км к востоку от Ижевска и в 11 км к юго-востоку от Воткинска.

Говоря о важнейших особенностях вмещающего ландшафта, наиболее уместным будет эпитет «мозаичность». Для Удмуртии в целом, в том числе для окрестностей кампуса, характерно существование двух типов пространств с точки зрения природной специфики, определяющей характер природопользования и формирование основных черт хозяйства и расселения. Во-первых, это массивы эоловых песков – наследие плейстоцена, в пределах которых сплошное аграрное освоение отсутствует, а высокая залесённость способствует формированию лесопромышленного типа природопользования [1]. Во-вторых – не покрытые песками возвышенности, с расчленённым рельефом и мозаичным почвенным покровом, что в условиях избыточного увлажнения и неблагоприятных агроклиматических условий способствует сплошному освоению и высокой плотности населения. При этом территория Удмуртии находится в переходной зоне от тайги к смешанным и широколиственным лесам, а также вблизи Урала – границы Европы и Азии. Все указанные факторы формируют повышенное для равнинных территорий разнообразие и растительности, и почвенного покрова, и, как следствие, фоновых типов природопользования.

С точки зрения репрезентации культурного ландшафта В.Н. Калуцков [2] выделяет несколько форм в соответствии с человеческими органами чувств: тактильные, запаховые, вкусовые, речевые, слуховые и зрительные. Они являются важными с точки зрения развития кампуса. В ходе развития базы сложилось так, что значительную часть работ по созданию и развитию инфраструктуры, производили преподаватели и студенты факультета. На наш взгляд, это является своеобразным ресурсом для развития, т.к. воспринимается людьми как то, во что вложены собственные силы, время, а зачастую и средства. Можно сказать, что почти за три десятилетия работы станции вокруг неё сформировался целый информационный слой. Рассказы студентов и преподавателей, переходящие в разряд «баек» и «легенд», свои традиции, знаковые для факультета события, связанные с базой, да и сам период учебной практики, вспоминаемый многими как лучшие дни студенчества – всё это важно для тех, кто связан с географическим факультетом УдГУ. Именно поэтому начало работ по реконструкции летом 2020 г. получило огромную поддержку и отклик – в первую очередь, у выпускников факультета. Территория кампуса и окрестностей воспринимается как нечто «своё», «родное и милое сердцу». Поэтому репрезентация культурного ландшафта, центром которого является кампус «Фертики», поставлена во главу угла при его развитии и проектировании реконструкции.

Вкратце охарактеризуем отдельные формы репрезентации.

Тактильные. На территории кампуса запроектирован экспозиционный зал. В нём планируется экспозиция гербария из растений, характерных для Удмуртии, с акцентом на наиболее типичные для окрестностей кампуса, а также коллекции горных пород и минералов, которые также можно изучать в ходе практики и в процессе экскурсий. Большая роль отводится местному природному материалу: спилы деревьев разных пород, кора, ивовая лоза и т.д.

Оборудование камеральной комнаты предполагает создание атмосферы полевых ландшафтных, геологических и т.п. партий с экспозицией приборов, инструментов и оборудования, соответствующего тематике полевых работ.

Все указанные артефакты будут в свободном доступе, с возможностью взять в руки, а в ряде случаев – применить в действии.

В качестве своеобразного проявления тактильной репрезентации можно рассматривать сувенирную продукцию: кружки, папки для бумаги, холщовые мешочки с травяным чаем и т.д. С одной стороны, это не является типичными для местности артефактами, но в сочетании с изображениями и подписями (элементами зрительной репрезентации) также способствуют восприятию ландшафта, причём находясь в отрыве от него.

Слуховые формы. В соответствии с [2], они подразделяются на звуковые и музыкальные. Из звуковых типичными являются как природные звуки, имеющие выраженный сезонный характер (зимние вьюги, птичье многоголосие в конце весны – начале лета, журчание воды ручьёв и т.д.), так и антропогенные (звуки работающих плотничных инструментов, сельскохозяйственной техники и т.д.). Воспроизведение типичных природных звуков также планируется реализовать в экспозиционном пространстве.

К музыкальным следует отнести в первую очередь студенческое самодетельное творчество (песни у костра под гитару) – одно из важнейших проявлений молодёжной и географической (полевой и экспедиционной) субкультуры.

Запаховые формы связаны с естественными природными запахами. Свежескошенное сено, луговые и лесные цветы, запах хвои, осенней листвы и т.п. – для многих посетителей кампуса являются прочно связанными с Фертиками. Особенно это касается тех, для кого выезды за город очень редки и кампус – одно из немногих мест, где человек непосредственно соприкасается с природой. Своеобразной передачей этой формы репрезентации являются травы, собранные в окрестностях кампуса и заготовленные на зиму. Это травяные сборы и в качестве сувенирной продукции, и для личного потребления.

Вкусовые формы в большей степени привнесённые, искусственные, связанные с полевым бытом и кухней. Они не имеют этнической основы, местных «корней», но стали неотъемлемым компонентом культурного ландшафта, центром которого является кампус «Фертики». Главные особенности блюд – относительная простота приготовления, питательность, использование открытого огня. Типичные компоненты – молоко, мясо, овощи, дикоросы (грибы, ягоды, съедобные травы).

Речевые формы подразделяются на текстовые и ономастические. Ономастические связаны с местной топонимикой – официальной и неофициальной. Территория Воткинского района,

особенно его прикамской части, населена преимущественно русскими (отсюда и характерные названия русского происхождения). Населённые пункты Фертики, Березники, Беркуты, Галёво, Метляки связаны с историей хозяйственного освоения Воткинского Прикамья и развития Воткинского завода – одного из старых и крупнейших прикамских заводов. С точки зрения неофициальной топонимики примерами ключевых объектов, выполняющих в том числе роль ориентиров, являются «Дикий овраг», «Гнилой угол», «Нивальный цирк» (в данном случае нарицательное название стало собственным). Особняком стоит «железка» или «насыпь» – просека в лесу, по которой проходит автодорога, а раньше проходила первая в Удмуртии железная дорога, построенная для связи Воткинского завода с камской пристанью Галёво.

Текстовые формы достаточно своеобразны. С одной стороны, это большое количество научных и учебных текстов: журнальных статей, монографий, курсовых и дипломных работ, отчётов по учебным практикам и т.д. Часть из них в виде фрагментов попала в учебники для школ и вузов. С другой стороны – это студенческий «фольклор»: стихи и песни, посвящённые практике, с отражением отдельных особенностей территории, образа пространства, отношений между людьми и т.д.

Наиболее распространёнными и «осязаемыми» являются *зрительные* репрезентации.

Среди них выделяются визуальные, направленные на научно-объективную передачу внешних свойств культурного ландшафта, и изобразительные [2]. Учитывая специфику деятельности, артефактов и примеров визуальных форм существует множество. Это общегеографические и тематические карты, а в последние годы появляется серия снимков с беспилотных летательных аппаратов, создаваемых и с научными целями, и для демонстрации и иллюстрации, в том числе – в популярных изданиях, фотоальбомах и т.д. Разумеется, содержательное и информационное наполнение экспозиционного пространства предполагает общие и тематические карты и аэрофотоснимки.

Изобразительные формы занимают особое место. Не являясь строго научными, они очень важны с презентационной точки зрения. В течение ряда лет вместе с географами проходили практику студенты института искусств и дизайна. В процессе работы была создана целая коллекция рисунков, выполненных в разной технике,

посвящённых и самому кампусу, и его окрестностям. Часть из них была использована в научно-популярной монографии [3], а также использована при создании сувенирной продукции.

Завершая обзор, отметим, что понятия «культурный ландшафт», «культурно-информационный слой» и т.п. – не вполне применимы к территории кампуса и его ближайшим окрестностям из-за небольшого территориального охвата и недавней истории. Но с другой стороны, для территории характерна очень высокая сезонная концентрация людей и событий, единое смысловое и содержательное начало, а также более глубокий исторический контекст, чем три десятилетия существования базы. Мы полагаем, что использование методов и приёмов культурного ландшафтоведения способно сыграть положительную роль в реконструкции кампуса, придании новых смыслов и развитии новых видов деятельности. В более широком контексте – способствовать узнаваемости этого места, его материальному и духовному наполнению.

Литература

1. Стурман В.И. Типология природопользования // Природопользование и геоэкология Удмуртии: монография / под ред. В.И. Стурмана. – Ижевск: Изд.-во «Удмуртский университет», 2013. – 384 с. С. 73-81.

2. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

3. Кашин А.А., Пермяков М.А., Тимерханова Н.Н. Удмуртия в ландшафтном измерении: природа, культура, этносы: науч.-попул. монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2019. – 2 ГБ. – Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/18228>

Сведения об авторе:

Алексей Александрович Кашин, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

Alexey A. Kashin, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University. Udmurt Republic, Izhevsk, Universitetskaya str., 1.

E-mail: kashin.alexey@mail.ru

**НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ МАССОВОГО ПЕРЕВОДА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЗЕМЛИ
ПОСЕЛЕНИЙ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА**

**THE INEXPEDIENCY OF MASS TRANSFER OF
AGRICULTURAL LAND TO THE LAND OF SETTLEMENTS
FOR CONSTRUCTION**

Цель исследования – определение площадей при массовом переводе сельскохозяйственных земель в земли поселений для последующей индивидуальной жилой застройки (ИЖС), в земли некоммерческого дачного строительства (ДНТ) и т. д., востребованность вновь образованных участков на современном уровне. В область интересов так же входит вопрос динамики перевода земель за предыдущие годы (с 2011 г. по 2019 г.).

The purpose of the study is to determine the areas in the mass transfer of agricultural land to the lands of settlements for subsequent individual residential development (IHS), to the lands of non-commercial dacha construction (DNT), etc., the demand for newly formed plots at the current level. The area of interest also includes the issue of the dynamics of land transfers in previous years (from 2011 to 2019).

Ключевые слова: перевод земель, обход законодательства, соотношение цен, снижение спроса, уменьшение земель поселений, нецелесообразность расширения земель поселений.

Key words: transfer of land, circumvention of legislation, price ratio, reduction of demand, reduction of settlement land, non-purposefulness of expansion of settlement land.

В нашей стране сельскохозяйственные земли, как отдельная категория, занимают второе место по площади после земель лесного фонда. Их площадь почти в 20 раз больше площади всех населенных пунктов.

А главная особенность и ценность этих земель в том, что они не только являются средством производства в сельском хозяйстве, но и обеспечивают нашу продовольственную безопасность.

Кроме того, сельскохозяйственные земли считаются по праву не только донором для развития населенных пунктов, но на этих

землях ведется деятельность, не связанная с сельским хозяйством, - строятся дороги, добываются полезные ископаемые и т. д.

Начиная с 1991 года начался бум увеличения садоогородных массивов с площадью участков до 10 соток, а с 2000-тысячных годов начался настоящий бум по строительству коттеджных поселений, как правило, вокруг крупных городов, постепенно вовлекая все земли в радиусе до 50 км и более.

В Удмуртии ажиотаж спроса пришелся на 2010 -2015 года не только вокруг городов, но и сельских поселений, стали как грибы появляться коттеджные, дачные поселения и активное расширение площадей земель поселений для индивидуального жилищного строительства. После 2015 г. спрос на земельные участки начал снижаться, но увеличение количества новых массивов земельных участков набирало обороты [1].

Исследования показали, что не только садоогородные массивы, в последующем преобразованные в садовые некоммерческие товарищества (СНТ), в большом количестве деградировали, но и земли под коттеджную застройку, ИЖС, ДНТ в настоящее время не востребованы в полном объеме.

Большинство, выставленных на рынок массивов с 2015 г., выглядят как на рисунке 1.

Рис. 1. Публичная кадастровая карта rkk5. Направление по Нылгинскому тракту. Восток д. Лудорвай – левая центральная часть. С 2015 года застроено менее половины (слева земли поселений). Справа сверху – «нарезка» садовых участков с 2020 г.

На рисунке 1 наблюдается использование земли сельскохозяйственного назначения за пределами населенных пунктов, не относящиеся к спецкатегориям, это земельные участки, которые разрешено использовать по сельскохозяйственному назначению и участки фермерского хозяйства.

Именно эти земли стали очень привлекательными объектами, потому что их можно гораздо быстрее включить в оборот, чем получать землю на первичном рынке под определенные задачи. Этот земельный сегмент стал очень активно и массово интересоваться девелоперские компании (это предпринимательская деятельность, связанная с созданием объекта недвижимости, реконструкцией или изменением существующего здания или земельного участка, приводящая к увеличению их стоимости), банки и собственников земельных участков, так как расширяется число промышленно значимых объектов (кемпинги, ресторанный бизнес, автозаправки и др.) и строятся новые предприятия за пределами населенных пунктов, в непосредственной близости от федеральных трасс.

Рис. 2. Публичная кадастровая карта ркк5. д. Шабердино размежевано: для ДНТ – меньшие участки, более крупные вдоль дороги для промышленности, энергетики, транспорта, связи т.д.

Бум массового загородного строительства наблюдается как следствие того, что земли, на которых можно осуществлять строительство, становится все меньше и меньше, в связи с этим объектом пристального внимания становятся земли сельскохозяйственного назначения, которые по цене дешевле, чем земли населенных пунктов.

Соотношение цены квадратного метра сельскохозяйственных земель и земель поселений выполнено по двум земельным участкам рядом находящихся земель, примерно одной площади (данные взяты из rkk5) и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение стоимости 1 кв. м двух участков, располагающихся рядом в районе д. Докша УР.

№	Название населённого пункта Докша 2	Кадастровый номер	Площадь зем. участка в кв. м	Кадастровая стоимость в руб.	
				всего участка	1 кв. м
1	Земли ИЖС	18:8:39001:1051	319116	14395322,76	45,11
2	Сельхозземли	18:8:39001:65	318790	891049,93	2,795097
1 кв. м земель поселений стоит в 17 раз больше сельхозземель					

При переводе сельскохозяйственных земель в земли поселений законодательство напрямую не нарушается, т. е. имеется возможность обхода законодательства, что привлекло к себе максимальное внимание правительства РФ за последние 5 - 6 лет.

Президент РФ с декабря 2015 ужесточил санкции за нарушение использования сельхоз земель не по назначению, и утвердил составление нового законопроекта об изъятии таких участков у недобросовестных хозяев и перепродаже их на аукционах, т. к. многие предприниматели используют земли сельскохозяйственного назначения, нарушая законодательство. Естественно, что эти переводы происходят в связи с ИЖС. Переводы земель осуществляются не во всех регионах [2].

В течение 2018 года вследствие отказа собственниками от права на земельные участки общей долевой собственности произошла смена собственников долей в праве собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения (земельной доли) в пользу муниципальных образований. Собственниками земельных долей также продавались земельные

участки юридическим лицам (сельскохозяйственным предприятиям), гражданам под индивидуальное жилищное строительство и промышленным предприятиям, что признается как мошеннические схемы перевода с/х земель в земли поселений [3].

С 2021 года будут разработаны и внедрены новые понятия по сельхозземлям, и ужесточены санкции по переводу сельхозземель в земли поселений.

Проведен анализ докладов Росреестра в таблице 2 [3].

Таблица 2

Площади земель в УР с 2011 г. по 2019 г.

№	Земли сельхоз назначения в тыс. га	Изменения лесного фонда в земли поселений в тыс. га	Общая площадь земель УР в тыс. га	Земли застроенные в тыс. га	Динамика распределения земель		
					Сельхозземли в тыс. га	Земли поселений тыс. га	Иные земли тыс. га
2011	1867,2		4206,1	200,7			
2012	1866,2		4206,1	200,9	- 1,0	+0,2	+0,8
2013	1865,4		4206,1	202	- 0,8	+0,9	-0,3
2014	1864,8	-0,077	4206,1	203,1	-0,6	+1,1	-0,5
2015	1863,2		4206,1	203,3	- 0,6	+0,2	+1,4
2016	1862,5		4206,1	203,9	-0,7	+0,6	+0,1
2017	1862,5		4206,1	204,1	0	+0,2	-0,2
2018	1862,1		4206,1	204,3	-0,4	+0,2	+0,2
2019	1861,7		4206,1	204,3	-0,4	+0,4	0

Графическое отображение таблицы 2 представлено на рисунке 3 тремя диаграммами.

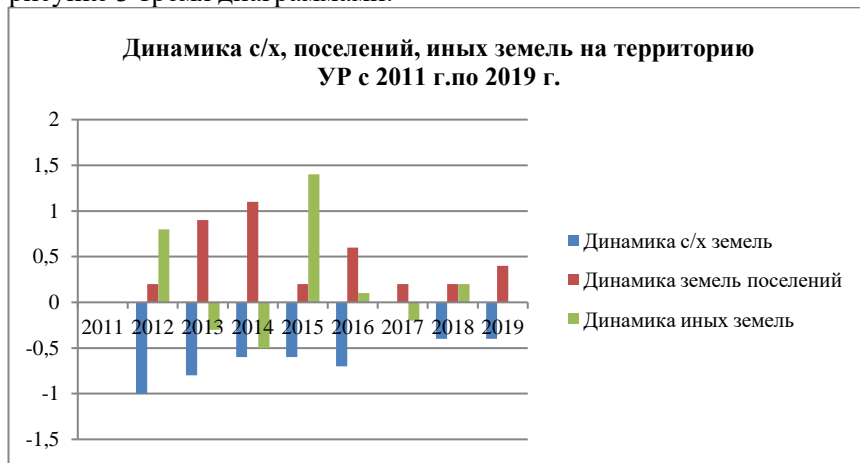

Диаграмма 1

Диаграмма 2

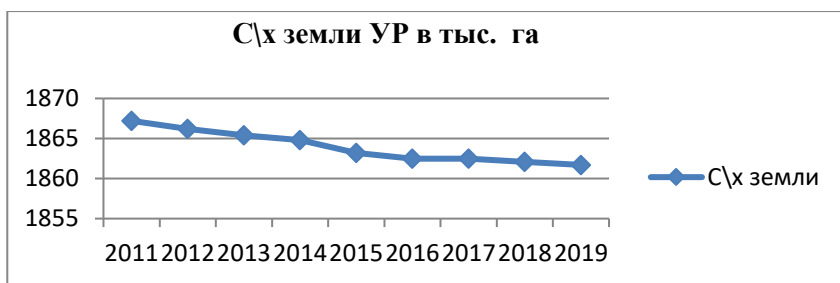

Диаграмма 3

Рис. 3. Графическое отображение земель на территорию УР

Анализируя данные, представленные в статье, можно сказать, что рост земель поселений происходит в основном за счет сельхозземель, как и в предыдущие годы (практически все рассмотренные земельные массивы располагаются на бывших пашнях и пастбищах), но за последние 3 года стали активно использовать лесные массивы, находящиеся в черте города или на землях поселений, для города Ижевска это особенно актуально, т. к. лес в черте города является легкими города. Вновь образованные земельные участки используются ещё более не эффективно, чем ранее. Не освоенными могут быть как половина участков, так и целые массивы участков.

На публичной кадастровой карте видны размежеванные массивы на участки по 10 и более соток с планировкой улиц, но при этом эти массивы числятся как сельхозземли или отсутствует информация. Ранее возникшая проблема нецелевого использования земель усугубилась ещё больше. Не целесообразность массового перевода очевидна, при этом ответственность в первую очередь

ложится на тех, кто активно продвигает схему перевода сельскохозяйственных земель в земли поселений.

Литература

1. Копанева И. М., Рублева Е. А. Нерациональное использование земель сельскохозяйственного назначения и земель поселений в Удмуртской Республике//Землеустройство, кадастр недвижимости и мониторинг земельных ресурсов: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 15-летию юбилею кафедры землепользования и земельного кадастра Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, 13– 15 сентября 2018 г.) / под общей ред. В. Н. Хертуева, Л. О. Григорьевой. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. — С. 195-203 (Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru)

2. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. N 245-ФЗ "О внесении изменения в Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения".

3. Доклады о состоянии и использовании земель в Удмуртской Республике по состоянию на 1 января с 2011 г. по 2019 г. ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ, КАДАСТРА И КАРТОГРАФИИ (РОСРЕЕСТР). Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Удмуртской Республике, г. Ижевск с 2011 г. по 2020 г. г.

Сведения об авторах:

Ирина Михайловна Копанева, ст. преподаватель кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета

Николай Иванович Копанев, ст. преподаватель кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета

Irina. M. Kopaneva, Senior Lecturer, Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, of the Institute of Natural Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution "Udmurt State University"

E-mail: pravilno2008@yandex.ru

Nikolay. I. Kopanev, Senior Lecturer, Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, of the Institute of Natural Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution "Udmurt State University"

E-mail: kni335@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
САМООРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ
МУНИЦИПАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

**TRANSFORMATION OF TERRITORIAL SELF-
ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF THE REFORM OF
MUNICIPAL DEVICES (ON THE EXAMPLE OF PERM
REGION)**

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты самоорганизации как основы функционирования территории. Раскрывается структура местных сообществ на теоретическом и практическом уровнях. Предложена авторская концептуальная модель идеального местного сообщества, в которой задействованы различного рода существенные атрибуты и функции. В рамках работы проведен анализ изменений, характерных для местных сообществ Пермского края в период реформы муниципального устройства, идущей с 2005 г.

The article examines the theoretical and applied aspects of self-organization as the basis for the functioning of the territory. The structure of local communities is revealed at the theoretical and practical levels. The author's conceptual model of an ideal local community is proposed, in which various kinds of essential attributes and functions are involved. As part of the work, an analysis of the changes characteristic of local communities of the Perm Territory during the period of the municipal reform, which has been going on since 2005, has been carried out.

Ключевые слова: Пермский край, территориальная организация общества, местное сообщество, местное самоуправление, территориальная общественная система (ТОС), трансформация, территориальная самоорганизация.

Key words: Perm Territory, territorial organization of society, local community, local government, territorial social system (TPS), transformation, territorial self-organization.

Введение. Исследования территориальной самоорганизации, по словам В.А. Шупера, «именно из таких... требующих коренной ломки глубоко укоренившихся представлений» [1]. С нашей точки зрения, территориальная

самоорганизация происходит во многом благодаря деятельности местных сообществ.

Местное сообщество обычно размещается на конкретной территории, отличающейся от соседних территорий индивидуальными чертами: компактное проживание населения, обеспеченность территориальной общности ресурсами, идентификация и самоидентификация жителей, осознание своей принадлежности к местному сообществу.

Исследования местных сообществ. Местные сообщества, прямо или косвенно, упоминаются в исследованиях многих авторов [2, 3, 4, 5]. Местные сообщества должны выступать движущей силой в развитии территории, определять сценарий её развития, базирующийся на интересы и потребности «территориального коллектива».

Однако на практике картина совершенно противоположная: при разработке изменений в муниципальном устройстве территории не учитывается консолидированное мнение населения. Региональные и муниципальные власти принимают решение, направленное на укрупнение муниципальных образований, и оно преподносится едва ли не как единственно правильное решение, поскольку оно позволяет обеспечить значительную экономическую и отчасти демографическую выгоду. О том, что местные сообщества теряют свою самодостаточность и уникальность вспоминают далеко не в первую очередь. Экономический приоритет над социальным – весьма характерный, на наш взгляд, тренд в современной политической сфере. По словам О.Б. Глезер, «местное сообщество размывается и утрачивает идентичность и силу... альтернативный путь состоит в создании правовых условий для развития прямого межмуниципального экономического взаимодействия и сотрудничества, которые сейчас практически невозможны» [6].

С одной стороны, местное сообщество является идеально-направляемым и реально-существующим образованием. Как идеальная сфера, оно представлено совокупностью идей, представлений, традиций, норм и ценностей, символически опосредующих взаимодействие общества внутри себя и с окружающей средой. В качестве же реального феномена оно выступает в виде внешне выраженной структуры, некоего населённого пункта, развивающегося на основании определённого формализованного алгоритма, имеющего территориально-

административные и институциональные рамки и мнение сообществ, здесь сводится к минимуму.

Муниципальная реформа в Пермском крае. Проходящая сегодня в Пермском крае муниципальная реформа направлена, в первую очередь, на укрупнение муниципальных образований и проведение различного рода объединительных процессов. Основной её посыл – создание городских округов, представляющих собой один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями. Первые такие объединения были запланированы ещё в 2012 г. Результатом тех начинаний стало получение статуса округов для Губахи и Лысьвы.

Укрупнение территорий осуществляется путем объединения всех поселений района во вновь образованное городское поселение и наделение его статусом городского округа в один этап. На территориях до конца 2019 года действовал переходный период, в рамках которого будет принят устав и бюджет территории.

С апреля 2019 г. идут процессы обсуждения по возможности создания муниципальных районов на территории Коми-округа. Сложность здесь возникает в особом статусе Коми-округа, закреплённом в уставе Пермского края ещё при объединении Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области в 2005 г.

Таблица 1.
Городские округа Пермского края, созданные в 2018-2019 гг.

2018		2019	
Новый городской округ	Число населённых пунктов, вошедших в состав городского округа	Новый городской округ	Число населённых пунктов, вошедших в состав городского округа
Гремячинский	7	Верещагинский	160
Город Кизел	7	Нытвенский	116
Чайковский	51	Осинский	74
Краснокамский	73	Чернушинский	74
Оханский	61	Суксунский	62
Горнозаводской	18	Ильинский	173
Соликамский	58	Красновишерский	45
Город Березники (включая Усольский)	74+4	Добрянский	111
		Октябрьский	84
		Очёрский	75
		Чердынский	98
		Чусовской	73

С апреля 2019 г. идут процессы обсуждения по возможности создания муниципальных районов на территории Коми-округа. Сложность здесь возникает в особом статусе Коми-округа, закреплённом в уставе Пермского края ещё при объединении Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области в 2005 г.

Реорганизация, осуществляемая сегодня в Пермском крае, вызывает ощутимые опасения у представителей местных сообществ. По сути, происходит попытка ограничить их права и возможности, ведь создание и формирование локальных органов управления и самоуправления сведено на нет. Жители, наиболее близкие к своим соседям, проживающие с ними на одной территории и понимающие местные проблемы, лишены права на самостоятельность [7].

В уже созданных городских округах сельские жители зачастую не получают своего представительства в составе вновь образованных органов местного самоуправления городских округов. Например, в гордуме Горнозаводского городского округа по итогам 2018 г. из 17 депутатов 11 представляют Горнозаводск, в Гремячинском округе – 13 из 15 депутатов представляют Кизел, в Березниковской городской думе – 19 из 25 депутатов представляют Березники. Не стоит забывать и о людях, лишившихся своих рабочих мест: сотрудниках местных администраций, советов сельских поселений. По данным властей, сокращение численности штатов составляет более 24%.

Заключение. Подобные трансформационные процессы могут привести к падению уровня квалификации и снижению заинтересованности местных элит в развитии своих сообществ. Силовой прессинг, местечковые столкновения, частые бюрократические проверки, требования по повышению результативности, сведённое к исключительно формальным признакам и «языку цифр» – вот лишь небольшой перечень незавидных ожиданий от идущей сегодня реформы. Результатом станет не централизация полномочий в райцентрах, а усиления господства региональных центров над муниципальными территориями.

Литература

1. Шупер В.А. Территориальная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина // Региональные исследования, 2014, №4. С. 40-48

2. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д., Балина Т.А. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социэкономике // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. С. 12–23.

3. Нефедова Т.Г. Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два «разреза»-профиля // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 18–38.

4. Сидоров В.П., Лекомцев А.Л. Правовые проблемы управления развитием трансграничных городских агломераций // Перспективные направления развития региональной экономики: сб. материалов VII Респ. науч.-практ. конф., Брест, 18 мая 2018 г. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина; редкол.: Д. А. Петрукович [и др.]. – Брест: БрГУ, 2018. С. 217–219.

5. Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // Вестник Московского университета. Сер. 5: Геогр. 2012. №2. С. 13–18.

6. Глезер О.Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения современной России // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 224–244.

7. Борисова Н.В., Сулимов К.А. Реформа местного самоуправления в Пермском крае: бездействие в замкнутом круге // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 1. 2014. С. 40–54.

Сведения об авторе:

Константин Сергеевич Осоргин, ассистент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Konstantin S. Osorgin, Assistant, Perm State University, Perm, Bukireva, 15

E-mail: kosorgin@bk.ru

УДК 911.52 (470.51) (045)

М.А. Пермяков, Е.П. Романова
M.A. Permyakov, E.P. Romanova

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ В РАЗНЫХ ТИПАХ ЛАНДШАФТОВ

HYDROGRAPHIC CONDITIONALITY OF THE UDMURT REPUBLIC RURAL SETTLEMENT IN DIFFERENT LANDSCAPES TYPES

В статье рассматривается размещение сельского населения Удмуртской Республики относительно рек разных порядков в пределах различных типов ландшафтов. Выделены особенности влияния характера речной сети на размещение населения республики.

The article deals with the situation of the Udmurt Republic rural settlements in relation to rivers of different orders within different landscapes types. The features of the influence of the river network nature on the placement of the republic population are highlighted.

Ключевые слова: *речная сеть, сельское расселение, ландшафт, порядки рек, Удмуртская Республика.*

Key words: *river network, rural settlement, landscape, river orders, Udmurt Republic.*

Система расселения населения определяется как социально-экономическими, так и природными факторами. Влияние последних сильно трансформировалось, но сохраняется, причём во многом опосредованно. Среди них одним из наиболее активных факторов в нашей климато-ландшафтной зоне является речная сеть.

Поскольку большая часть территории России расположена в пределах лесной зоны, для которых характерно повышенное увлажнение, то освоение территории тесным образом связано с речными долинами, вдоль которых концентрировались многочисленные стоянки разных эпох. При этом они были вынуждены чутко реагировать на изменение увлажненности и связанные с ними колебания водности рек [1]. В.С. Жекулин, основываясь на взаимосвязях геокомплексов с сельским расселением на примере Новгородской области, выделил различные ландшафтные типы сельского расселения и освоения территорий, в которых в том числе учитывал размещение населённых пунктов относительно рек. Например, на хорошо и умеренно дренированных равнинах, сложенных глинами и суглинками, он выделял приречные, водораздельные, приозёрные населенные пункты [2].

Характер и строение речной сети дифференцированы в пространстве и во многом определяют ландшафтную специфику. Следовательно, данная дифференциация может оказывать влияние на размещение населения. В настоящей работе для подтверждения этого тезиса рассматривается характер расселения сельского

расселения по отношению к рекам разного порядка на примере Удмуртской Республики.

В качестве основы была использована схема физико-географического районирования В.И. Стурмана [3]. Она включает 12 физико-географических районов и 46 ландшафтов. При их рассмотрении можно обнаружить, что они обладают схожими количественными характеристиками, поэтому появилась возможность сгруппировать ландшафты с учётом различных природных и расселенческих показателей. На основании ранее проведённой работы [4] было выделено 6 типов ландшафтов:

- 1) долинные ландшафты (1 тип);
- 2) возвышенные аккумулятивные ландшафты на песках, лесистые с низким аграрным освоением (2 тип);
- 3) низменные аккумулятивные ландшафты на песках, лесистые с низким аграрным освоением (3 тип);
- 4) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные ландшафты на суглинках и глинах, лесистые с низким аграрным освоением (4 тип);
- 5) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные ландшафты на суглинках, среднезалеесённые и со средним уровнем аграрного освоения (5 тип);
- 6) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные ландшафты на суглинках, слабозалеесённые с высоким уровнем аграрного освоения (6 тип).

Вся речная система Удмуртии представлена реками I-VI порядка с главной рекой Камой – крупнейшим притоком Волги [5]. VI порядок имеют реки Чепца, Лоза, Кильмезь, Сива, Иж и Вала (после слияния с р. Нылгой). V порядок имеют, такие реки как Кырыкмас, Лумпун, Умяк, Вала (до слияния с р. Нылгой), Нылга, Ита, Уть, Вотка и др. Остальные наиболее малые реки имеют I-IV порядки.

С учётом данной классификации были проведены вычисления по приуроченности поселений к рекам разных порядков в пределах упомянутых выше типов ландшафтов. Населённый пункт считался приуроченным к реке при условии, что расстояние до водного объекта не превышает 1 км. В случае если рядом с поселением имеются две реки, привязка осуществлялась к реке более высокого ранга.

В качестве источника списка населённых пунктов в разрезе ландшафтов использовалась сводная база данных ландшафтов

Удмуртской Республики, составленная А.А. Кашиным и М.А. Пермяковым [6]. Численность населения приведена на 2020 год [7]. В расчётах не учитывались города и районные центры республики, так как их численность населения обусловлена, в первую очередь, социально-экономическими факторами: само их размещение могло быть предопределено ландшафтными условиями, но появление новых функций (административных, промышленных, транспортных) отодвинуло природные предпосылки на второй план. К населённым пунктам, не приуроченным к речной сети, относятся поселения, возникшие как станции на магистральных железных дорогах. Водораздельное расположение означает, что ближайшая река находится за пределами километрового радиуса от поселения. Всего было проанализировано расположение 1811 населённых пунктов. Полученные данные, представленные в таблице 1, позволили сделать вывод об особенностях расселения населения относительно рек разного порядка в разных типах ландшафтов Удмуртии.

Долинные ландшафты приурочены к днищам долин крупных рек (Кама, Чепца, Иж). Здесь значительная часть населения размещена вдоль побережья Камы. Эти территории благоприятны для заселения, к тому же здесь сыграл свою роль стратегический характер Камы, поскольку это был важный для России транспортный путь. Долины Чепцы и Ижа заселены на так густо, так как местами они заболочены и малоблагоприятны для заселения.

Таблица 1

Приуроченность сельского населения Удмуртии к рекам разных порядков

Порядок реки	Доля сельского населения, приуроченного к рекам разного порядка в типах ландшафтов, %						
	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	Удмуртия в целом
I	9,5	15,3	14,4	9,9	26,6	20,4	20,4
II	1,4	12,5	17,0	23,2	29,3	28,4	24,3
III	11,1	10,8	14,9	4,5	20,4	23,4	18,5
IV	5,7	31,1	12,6	12,9	10,1	14,2	13,3
V	6,2	7,7	0,6	16,9	8,1	2,5	5,5
VI	18,0	5,7	7,9	0,9	4,2	0,5	4,3
более VI (реки Кама и Вятка)	44,1	0,0	4,7	0,0	0,1	9,0	5,1
Водораздел	2,8	0,6	12,1	2,8	0,9	0,4	2,8
Населенные пункты, не приуроченные к речной сети	1,2	16,3	15,8	29,0	0,4	1,1	5,9

При рассмотрении лесистых ландшафтов с низким аграрным освоением (2, 3 и 4 типы), можно наблюдать высокую концентрацию населённых пунктов, не приуроченных к речной сети. Это, прежде всего, поселения с транспортными функциями (железнодорожные станции). Значительная доля сельского населения на водораздельных участках объясняется высокой заболоченностью долин средних и крупных рек, которая препятствует освоению территории.

В ландшафтах с возвышенным и расчленённым рельефом (5 и 6 типы) протекают в основном реки низких порядков, поэтому и значительная доля населения приурочена к ним. На территории Удмуртии преобладающим было расселение вдоль мелких речек, более удобных для строительства мельниц, что имело значение при почти исключительно земледельческом хозяйстве населения [8]. Кроме того, увеличение населения и недостаток пахотных земель принуждали изыскивать новые площади под посевы, создавать населенные пункты на водораздельных участках между крупными реками. Также можно отметить, что в северных ландшафтах размещение населения на возвышенных местах было связано и с климатическими условиями (в низинах менее благоприятный микроклимат, связанный с застаиванием холодного воздуха).

Однако при рассмотрении всего населения Удмуртии можно заметить, что населённые пункты в большинстве случаев расположены на реках I-III порядков, но их людность мала, а плотность – высока. Это объясняется маловодностью рек низких порядков, не способных обеспечить водными ресурсами большое количество населения. Более подробно особенности размещения населённых пунктов Удмуртии относительно рек разного порядка были рассмотрены в комплексной проектно-ориентированной выпускной квалификационной работе «Расселенческие и культурно-географические аспекты ландшафтной организации территории Удмуртии» [3].

Таким образом, реки сыграли исключительную роль в формировании системы расселения, прежде всего, благодаря их транспортной и водохозяйственной функциям. Они имели важное значение при размещении населённых пунктов, поэтому большинство сельских поселений Удмуртии, сформировавшихся в доиндустриальную эпоху, тем или иным образом приурочены к речной сети. Однако характер этой приуроченности в разных типах

ландшафтов различен. Долинные ландшафты соответствуют днищам долин крупных рек, поэтому здесь преобладают реки высоких порядков, вдоль которых и формируется сеть расселения. Во 2,3 и 4 типах ландшафтов преобладающим было промышленное освоение уже в более позднее время, поэтому здесь высока доля поселений, не связанных с речной сетью и расположенных на водоразделах. В ландшафтах 5 и 6-го типов, расположенных на возвышенностях, наиболее благоприятных для ведения сельского хозяйства на территории Удмуртии, населённые пункты приурочены к рекам низких порядков, дренирующих возвышенности.

Литература

1. Колбовский Е.Ю. Ландшафтоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 480 с.
2. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. – Л.: Наука. 1982. – 224с.
3. Стурман В.И. Природопользование и геоэкология Удмуртии: монография / под ред. В.И. Стурмана. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 384 с.
4. Расселенческие и культурно-географические аспекты ландшафтной организации территории Удмуртии (проектно-ориентированная работа) / Бикузин Т.Ю., Закирова Л.Р., Ичетовкин И.А. и др.: выпускная квалификационная работа на получение квалификации «География». Удмуртский государственный университет, Ижевск, 2020.
5. Перевошиков А.А. Закономерности формирования антропогенно-обусловленного аллювия в долинах малых рек Удмуртии. Автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата географических наук. Казань – 1997.
6. Кашин А.А. Удмуртия в ландшафтном измерении: природа, культура, этносы: науч.-попул. монография / А.А. Кашин, М.А. Пермяков, Н.Н. Тимерханова, М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО "Удмуртский государственный университет", Ин-т естеств. наук, Ин-т удмурт. филологии, финно-угроведения и журналистики; рецензент: В.Н. Калущков, О.М. Мельникова, Н.В. Кондратьева. – Ижевск: Удмуртский университет, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/18228>. (дата обращения: 01.03.2021).
7. Каталог населенных пунктов Удмуртской Республики (на 1 января 2020 г.). Росстат: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Удмуртской Республике. Ижевск, 2020.
8. Кашин А.А. Исследование ландшафтной организации территории Удмуртии как фактора хозяйственного освоения и расселения населения:

автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – Пермь: 2015. – 28 с.

Сведения об авторах:

Максим Александрович Пермяков, специалист по УМР кафедры географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», ул. Университетская 1, г. Ижевск, Россия.

Maxim A. Permyakov, Specialist in educational and methodological work of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University, 1 Universitetskaya str., Izhevsk, Russia.

E-mail: maximpermiakov@yandex.ru

Елизавета Петровна Романова, учитель географии МБОУ «СОШ №5» г. Можги, ул. Дзержинского 1, г. Можга, Удмуртская Республика, Россия.

Elizaveta P. Romanova, Geography teacher, MBEI "Secondary School No. 5", Mozhga, Dzerzhinskiy str. 1, Mozhga, Udmurt Republic, Russia.

E-mail: romanova_2103@mail.ru

УДК 910.3

В.Н. Федоров
V.N. Fedorov

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

INFRASTRUCTURAL POTENTIAL OF A POLY CULTURAL REGION: THEORY, METHODOLOGY AND PRACTICE OF GEOGRAPHICAL RESEARCH

В статье рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к изучению инфраструктуры, предложен методологический подход к оценке эффективности ее деятельности.

The article examines the main theoretical and methodological approaches to the study of infrastructure, offers a methodological approach to assessing the effectiveness of its activities.

Ключевые слова: инфраструктура, регион, эффективность, потенциал развития.

Key words: infrastructure, region, efficiency, development potential.

В научной литературе сложилось представление о регионе как об относительно самостоятельной социально-экономической подсистеме, способной в собственных границах осуществлять общественное воспроизводство. Комплексное и эффективное использование имеющегося ресурсного потенциала региона, в т.ч. инфраструктурного оказывает непосредственное влияние на процессы его функционирования. В условиях трансформации общественных отношений весьма актуальным становится ретроспективный анализ концептуальных подходов, позволяющих раскрыть характер влияния инфраструктуры на региональное развитие и оценить потенциальные ее возможности в удовлетворении насущных потребностей производства и населения.

Практика исследований показывает, что инфраструктурный конструкт способен трансформировать сложившуюся систему отношений между социальными субъектами и создавать новую архитектуру пространственно-временной ее организации. В географическом исследовании инфраструктуры как «организатора» пространства просматривается тенденция не только усложнения, но и усиления ее функций, позволяющих радикально изменить свойство среды, существенно расширить границы ее адаптационно-репродуктивных возможностей.

В содержательном плане в системе организации «природа-население-хозяйство» инфраструктуру региона можно представить в виде интегрированных структурных единиц (Рис. 1).

Следовательно, выработка критериев оценки деятельности инфраструктуры основывается на анализе общих закономерностей становления и развития региональных систем, весьма разнообразных по виду и форме организации – социальных, экономических (производственных), туристско-рекреационных, этнокультурных и пр. [1].

В поликультурной среде особое место отводится инфраструктуре в накоплении нематериальных активов (человеческих, организационных, управленческих), которые, значительно дополняя инвестиции в материальный капитал, играют роль стратегического ресурса в сохранении традиционных

ценностей - историко-культурного наследия, уклада, быта, образа жизни, языка и верований этнических сообществ.

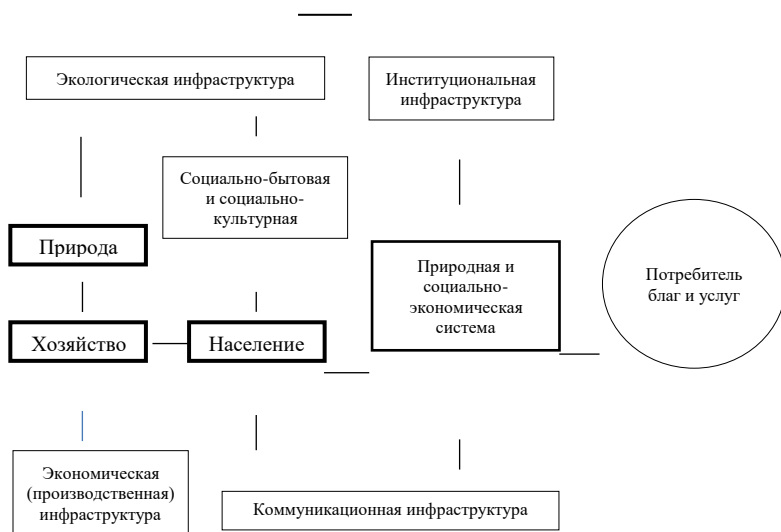

Рис.1. Схема инфраструктурных связей в природной и социально-экономической системе региона

Инфраструктура создает «колорит места», его безопасность и безбарьерность, эргономику и комфортность, способна радикально изменить свойства среды, расширить ее адаптационные возможности. В противном случае, инфраструктура, утратившая ресурсный потенциал, теряет свою средообразующую функцию. Не подлежит сомнению, что лишь при наличии широко развитой инфраструктуры возможно формирование самодостаточной производственной, социально-бытовой и культурно-творческой деятельности населения. Схема организация исследования инфраструктурного потенциала поликультурного региона может быть представлена следующим образом (Рис.2).

На каждом этапе анализа инфраструктуры и ее ресурсного потенциала используется свой набор репрезентативных показателей. Так, в практике экономико-географических исследований широко применяются математико-статистические методы сбора и обработки исходных данных, позволяющие охарактеризовать соотношение полученного эффекта к

производственным затратам, что в дальнейшем дает возможность провести оперативный мониторинг состояния рассматриваемой нами системы. Об инфраструктурном потенциале судят по совокупности показателей, выступающих в качестве индикатора оценки его состояния, поскольку отклонения от их предельно пороговых (min / max) значений могут привести к социально-экономическому дискомфорту, экологической напряженности в обществе и т.д. Представляется, что анализ сдвига (смещения) динамичных показателей, как правило, от скользящего среднего или оптимального значения позволяет выделить из рыночного «шума» наиболее вероятный тренд развития событий, оценить его силу и направление потоков (восходящих или нисходящих).

Рис.2. Схема организации исследования инфраструктурного потенциала региона

В целях достижения сбалансированного и устойчивого роста, как правило, используется набор или «дерево» индикаторов, которые в совокупности дают возможность установить «предельные» значения функционирования социально-экономической системы, как в целом, так и отдельных ее целеполагающих элементов. Это позволяет выявить потенциально слабые и уязвимые звенья в анализируемой системе, установить наиболее эффективные способы их устранения и минимизировать риски их повторного возникновения. Исходя из этого, можно констатировать, что выделение ключевых индикаторов в оценке деятельности инфраструктуры оправданно. Они являются частью системы показателей, в которой не только фиксируются ресурсные возможности объектов инфраструктуры, но и устанавливаются причинно-следственные связи между поставленными целями и достигнутыми результатами.

Систему многоуровневых индикаторов в значительной степени дополняют отраслевые статистические показатели, позволяющие провести более детальный анализ состояния рассматриваемого процесса, дать оценку происходящих в нем изменений. При этом весьма широко используются как абсолютные, так и относительные величины, характеризующие в той или иной степени количественные и качественные стороны функционирования инфраструктурных объектов. Например, в условиях сельской местности наиболее репрезентативными являются показатели, характеризующие, в частности, степень благоустройства учреждений образования, их техническое и эксплуатационное состояние (ветхость, аварийность), транспортную доступность, включая организацию подвоза детей и обеспечение их горячим питанием, наполняемость классов и сменность обучения, уровень квалификации работников и обслуживающего персонала и пр. [2]. Несомненно, подобный подход позволяют выявить узловые проблемы в сфере предоставления образовательных услуг, выработать наиболее эффективные пути и способы их решения.

Введение расчетных индексов позволяет в той или иной степени нивелировать разнородные группы показателей, приведя их к более корректному сопоставлению и, что немаловажно, путем сравнения выявить пространственно-временные различия между ними. Индексы служат важным аналитическим средством проведения комплексных исследований социально-экономических явлений и процессов, и, в частности, используются в качестве оценки уровня удовлетворенности населения теми или видами услуг с учетом динамики и ресурсных возможностей их предоставления. Ряд индексных показателей с высоким «политическим статусом», например, *«индекс развития человеческого капитала»*, *«индекс общественного здоровья»*, *«индекс гражданской активности»*, *«индекс профессиональной грамотности»*, *«индекс интегральной устойчивости»* становятся предметом социального мониторинга.

Наиболее приемлемым для оценки инфраструктурного потенциала территории является метод ранжирования, в результате которого составляется рейтинг, который может быть локальными (частными, по отдельным показателям) или сводными (комплексными) - по совокупности показателей. Общеизвестно, что рейтинговые показатели выполняют управленческую, информационную, контрольную и стимулирующую функции.

Вместе с тем, рейтинговый балл в силу воздействия «возмущающих» факторов нуждается не только в постоянной актуализации, но и в существенной корректировке.

Широко используемый метод иерархической классификации позволяет выявить «лидеров» и «аутсайдеров», понять масштаб территориальных различий - дифференциации регионов по совокупности выбранных показателей. При этом выбор метрики (меры близости) во многом зависит от «физической и статистической природы вектора наблюдений», «полноты априорных сведений о характере вероятностного распределения, определяемой особенностями пространственной локализации объекта». Подобный подход весьма важен для типологии объектов, «однородных по физическому смыслу». Это дает возможность обозначить базисные (основные) и вариативные (дополнительные, сервисные) компоненты инфраструктуры и на основе сходных признаков сгруппировать их в классы (кластеры) [3]. При этом кластеризация выступает в качестве важного инструмента сопоставления регионов со схожими контекстными показателями конкурентоспособности, в т.ч. по уровню и качеству жизни населения. Это актуализирует проблему поиска механизма наращивания ресурсного потенциала инфраструктуры, как в рамках отдельно взятой отрасли хозяйства, так и в границах отдельного территориального образования.

Следует отметить, что наращивание ресурсного потенциала территории многими авторами видится в «диффузии нововведений», способствующей появлению новых импульсов развития и «опорных ядер» обслуживания. Речь идет о креативных (инновационных) формах пространственной организации хозяйства – индустриальных парках, бизнес-инкубаторах, наноцентрах и т.д., тяготеющих к высокоурбанизированным ареалам. Подобные высокотехнологичные центры или площадки призваны актуализовать статус периферийного пространства, выводя его тем самым из глубокой депрессии или стагнации.

Использование имитационных компьютерных моделей 3 D - визуализации социально-экономических процессов позволяет «проигрывать» (с помощью изменения параметров или геометрических соотношений) различные конструктивные схемы пространственно-временной организации инфраструктуры. Подобные модели призваны выявить характер изменений в

анализируемой системе в зависимости от динамики заданных переменных [4].

Таким образом, географическое исследование инфраструктуры отличается спецификой подхода, анализа и диагностики ее состояния. В зависимости от уровня выбранных параметров алгоритм конструирования оценки ее потенциала принимает следующий вид: «**Тема - модуль - индикатор - индекс - расчетный показатель**». Предложенная многоуровневая схема выстраивания ключевых показателей может быть расширена за счет выделения эмпирических данных (опрос, анкетирование), характеризующих степень восприятия индивидуумом культивируемых в обществе материальных и духовных ценностей. Речь также идет о географическом образе территории, положительный имидж которой во многом формируется благодаря наличию и эффективности функционирования объектов социальной инфраструктуры [5].

Представляется, что инфраструктура - это не только компонент территориальной системы, но и ключевой фактор пространственного развития, который необходимо учесть в ходе реализации стратегической программы социально-экономического развития региона.

Литература

1. Федоров В.Н., Федорова А.В. К вопросу оценки эффективности функционирования региональной инфраструктуры // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «МАКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» с международным участием, Москва, 2020. - С. 429- 434.
2. Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В. Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». - №7. - 2015 .С. 127.- 135.
3. Тимофеев Р.А. Кластерный подход как фактор повышения эффективности региональной экономической системы // Вестник Самар.гос.экон.ун-та. Сер. Экономика.-2010.-№12.- С.80-83.
4. Федоров В.Н, Голубков А.В., Мухаметшин А.А. Компьютерные модели 3D-визуализации социально-экономических процессов в курсе школьной географии // Всероссийская научно-практическая конференция «Управление качеством образования: проблемы и перспективы», Ульяновск, 2020. - С.255-260.
5. Замятин Д.М. Географические образы регионов в структуре политической культуры общества // Регионоведение.- №4 / 1999.- №1 / 2000.- С. 323-331.

Сведения об авторе:

Федоров Владимир Николаевич, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры экономической и социальной географии ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова»
E-mail: fedorovw_nik@mail.ru

УДК 901

С.Р. Хуснутдинова
S.R. Khusnutdinova

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

MAIN TRENDS OF AGGLOMERATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC AND THE DIGITAL ECONOMY (CASE-STUDY OF THE KAZAN CITY AGGLOMERATION)

Выделены тренды агломерационных процессов в условиях пандемии и цифровой экономики. В условиях пандемии усилились явления, свойственные крупным городам и агломерациям - цифровизация жизнедеятельности людей, формирование образа жизни «на два дома», значимость медицинских услуг при выборе места жительства, развитие рекреационной и туристской функции агломерации. Агломерация усилила свою роль для обеспечения комфортного уровня жизни за счет природных составляющих и близости к крупному городу.

The article is devoted to the study of the main trends in agglomeration processes in the context of a pandemic and the digital economy. It was revealed that the conditions of the pandemic intensified such phenomena as the digitalization of people's life activity, the formation of a "two-house" lifestyle, the importance of medical services in choosing a place of residence, the active development of the recreational and tourist functions of the agglomeration. The agglomeration has strengthened its role in ensuring a comfortable standard of living due to natural components and proximity to city.

Ключевые слова: город, городская агломерация, цифровая экономика, пандемия

Key words: city, urban (city) agglomeration, digital economy, pandemic

2020 год добавил к списку глобальных проблем человечества новую – пандемию коронавируса. Как и другие глобальные проблемы пандемия не признает границ, при этом весьма успешно

их «закрывает». Оставаясь глобальной, по иронии, останавливает глобальные процессы, которые очень успешно проходили в последней трети XX и начале XXI века. Прежде всего речь идет о туризме, еще точнее о международном, имевшем высокие темпы роста и создававшим каждое десятое место в экономике по данным Всемирной туристской организации.

Остановившийся или, по крайней мере, резко сократившиеся транспортные перемещения прежде всего людей очень заметно повлияли на экологическую ситуацию в городах, в первую очередь крупнейших, и тоже представили весьма нетривиальный ответ на глобальную экологическую проблему. Пандемия затронула еще один глобальный процесс, на фоне которого произошла, - процесс урбанизации и рост численности населения крупнейших городов и городских агломераций мира. Пандемия изменила образ жизни горожан драматичным образом и вывела на передний план и значительно ускорила такие уже существовавшие, но в более медленном темпе разворачивающиеся явления:

1) цифровизация жизнедеятельности – от удаленного рабочего процесса до доставки продуктов и товаров и получения разрешения на выход из дома;

2) спрос на загородное жилье и формирования образа жизни «на два дома» – квартира в городе и дом (дача) за городом;

3) значимость доступных, в т.ч. по времени и удаленности от места проживания медицинских услуг;

4) активное развитие рекреационной и туристской сферы агломерации в условиях ослабления барьеров для внутренних перемещений.

Все указанные явления сделали еще более актуальным вопросы изучения агломерационных процессов.

Высокая плотность населения крупнейших городов, огромное количество контактов в повседневной жизни горожан способствует быстрому распространению вируса и, как известно, силы нацеленные на остановку или замедление распространения вируса были направлены на снижение количества контактов в городе. Несмотря на короткий промежуток – чуть более года с момента объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии - уже проведены пилотные исследования того, как города столкнулись и реагировали на новые вызовы времени [1-3].

Очевидно, что важнейшим вопросом на повестке мирового сообщества, отдельных населенных пунктов, регионов и стран стал

вопрос здоровья людей. Органам принимающим решения по поводу принятия мер по борьбе с пандемией приходилось балансировать между здоровьем и экономическими последствиями, которые в конечном итоге также сказываются на благополучии и здоровье людей. Выбор очень не простой и неоднозначный для разных городов и стран.

В 2020 году в дополнение к экологическим задачам и вопросам комфортной городской среды резко и остро встал вопрос обеспечения условий для обеспечения здоровья как самой насущной проблемы. Причем не только за счет условий городской среды, но и за счет обеспечения адекватного проблеме уровня развития медицинской помощи и медицинских учреждений.

В условиях пандемии наличие рекреационных пространств в непосредственной близости к месту проживания человека стало не просто дополнительным приятным моментом, а фактором позволяющим вести более здоровый образ жизни. Близость природного парка, набережной дало возможность горожанам не просто дышать свежим воздухом, но и снять стресс в условиях высокого уровня неопределенности и страха за здоровье.

Концепция «Умного города» совершенно необычным образом, но также довольно быстро, была реализована в той ее части, которая ориентирована на более широкое использования ресурсов Интернет – от заказа продуктов и товаров до проведения рабочих мероприятий и обучения в онлайн. В неожиданно короткие сроки большая часть населения освоила цифровые технологии в самых разных областях – от получения пропуска для прогулки до работы в удаленном доступе. Одним из ярких примеров служит система среднего и высшего образования, буквально в считанные дни перешедшая на онлайн режим. Переход образования в цифровые условия снизил один из самых значимых потоков перемещений в крупнейших городах – перемещений с образовательными целями студентов и школьников (и сопровождающих их родителей). На примере Казанского федерального университета, учебные корпуса которого находятся в центре города, и где обучаются 47000 студентов (вместе с филиалами в Набережных Челнах и Елабуге) видно насколько значимые последствия от принятия такого решения.

Пандемия послужила катализатором многих процессов постепенно проявляющихся в крупных городах: стремления жителей к здоровому образу жизни, рост значимости рекреационных пространств, внедрение в повседневность все большего количества

людей, не зависимо от возраста, образования и статуса, цифровых технологий.

Еще одним процессом, который стал более ярким и отчетливым, - «жизнь на два дома». Известная триада успешной жизни советского человека – «квартира, дача, машина», постепенно трансформировалась в части использования дач, которые становились вторым жильем и увеличивался период использования от летнего до всесезонного. Пандемия ускорила этот процесс и привела к «выплескиванию» горожан в агломерации.

Для Казанской агломерации фиксируется заметный рост пригородного (агломерационного) строительства, заметны тенденции перевода дач во второе жилье не только в сельской местности во второе жилье, но и в СНТ – традиционно имеющих сезонных характер проживания. Такой «перевод» осуществляется за счет использования личных скважин, строительства личных канализационных систем, увеличения периода использования электричества, реконструкции садовых аллей и превращение их в дороги, усиления маятниковых миграций на личном автомобиле, рост количества магазинов и доставки продуктов и товаров. Кроме того, возрос спрос на неиспользуемые участки и они были реализованы, т.е. увеличилась плотность используемых и застроенных капитальными, как правило, всесезонными домами участков СНТ, сельских поселений. Увеличился спрос на аренду дач около Казани.

Агломерация, как это она делает всегда, выполнила свою функцию спасения города – приняла проблемы города на себя. В случае с пандемией, агломерация позволила горожанам, имеющим дачи или вторые дома, избежать психологической нагрузки, связанной с изоляцией в условиях квартиры в острый период роста заболеваний и вести более комфортный образ жизни за счет близости природы и с возможностью прогулок и физической активности на свежем воздухе на своем участке даже в условиях жестких ограничений на перемещения. Природа обеспечивает человеку возможности для жизнедеятельности – обеспечение ресурсами, ассимиляция загрязнений и условия для рекреации, т.е. позволяет человеку духовно и физически восстановить свои силы. Пандемия продемонстрировала стратегическую значимость последней функции. Помимо самого заболевания, тяжело сказывалась психологическая нагрузка от изменения образа жизни и не случайно в Татарстане, выезд на дачу или загородный дом был

обозначен как один из девяти случаев разрешенных перемещений по пропуску [4].

Еще одна важная функция агломерации, которая была востребована уже летом после снятия жестких мер карантина, – внутренний туризм и путешествия горожан. Усталость от однообразия и привычка к путешествиям, которая сформировалась за последние 20 лет активного развития туризма, стимулировала людей провести выходные или отпуск в ином месте. Фиксировался высокий спрос и практически 100% загрузка загородных отелей в летний период 2020 года в Казанской агломерации.

Таким образом, в условиях пандемии на фоне цифровизации экономики агломерация усилила свою роль для обеспечения комфортного уровня жизни за счет природных составляющих пригородной зоны агломерации и близости к экономическому ядру – крупному городу.

Литература.

1. Тургель И.Д., Широкова Е.А., Ахметзянова О.О. Пандемия коронавируса в крупных городах России: первая волна. Влияние на экономику и социальные настроения [Электронное издание] - https://gsem.urfu.ru/ru/news/36340/?fbclid=IwAR3RTBROTY_f25eIpEX3QJ6PPJBs0UKg8WXOxCgqdwAfYPNO0aO232Wf4hQ (дата доступа 29.04.2020)
2. Зырянов А.И. Географические особенности распространения коронавируса // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. №9. С. 135-138
3. Кочуров Б.И., Ивашкина И.В., Фомина Н.В., Ермакова Ю.И. Пандемия – испытание городов на устойчивость и безопасность // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. №9. С.142-144
4. Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 31 марта 2020 года № 240 "О мерах по реализации постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.03.2020 № 208 "О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции" [Электронное издание] - <https://rg.ru/2020/04/01/tatarstan-post240-reg-dok.html> (дата доступа 29.04.2020)

Сведения об авторе:

Светлана Рустемовна Хуснутдинова, к.г.н., доцент, доцент кафедры теории и методики географического и экологического

образования института управления, экономики и финансов
Казанского федерального университета

Svetlana R. Khusnutdinova, PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of
Geographical and Environmental Education, Institute of Management,
Economics and Finance, Kazan Federal University

E-mail: hsvr@yandex.ru

УДК 991

Н.В. Чугунова, Н.С. Кухарук, Д.Н. Морковская
N.V. Chugunova, N.S. Kuharuk, D.N. Morkovskaya

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА

SOCIAL MOBILITY OF THE POPULATION IN THE SPACE OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

В статье исследована динамика мобильности населения областей Центрально-Черноземного района с использованием статистических инструментов. Показаны изменения миграционной привлекательности Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской областей в постсоветский период, определены тенденции изменения состава населения и структуры расселения.

The article investigates the dynamics of population mobility in the regions of the Central Black earth region using statistical tools. Changes in the migration attractiveness of Belgorod, Voronezh, Kursk, Lipetsk, Tambov regions in the post-Soviet period are shown, trends in the composition of the population and the structure of settlement are determined.

Ключевые слова: население, мобильность, коэффициент миграционной привлекательности, расселение, Центрально-Черноземный район.

Key words: population, mobility, coefficient of migration attractiveness, Central Black earth region

Введение. Неравномерное развитие давно обжитых и освоенных территорий привели к поляризации пространства, нарастанию контрастов градиента «центр-периферия», росту миграционных потоков из менее в более развитые районы с лучшими социально-экономическими условиями жизни. На

мобильность населения России, ее регионов воздействуют притягательность больших городов, проникновение в глубинные районы страны новых стандартов жизни приводит в движение миграционные процессы, преобразующие состав населения и расселение. К традиционным факторам миграций добавился новый – пандемия коронавируса-19 (COVID-19), подтолкнувший часть населения к изменению места жительства, к переезду в загородные дома, благоустроенные дачи.

Центрально-Черноземный район (ЦЧР), занимая один процент территории Российской Федерации, насчитывает 7,2 млн. чел. - 4,8% ее населения [1] и его численность населения в значительной степени зависит от миграционных процессов. В данной статье поставлена основная *задача оценки* трансформации миграционной привлекательности Центрально-Черноземного района в постсоветский период.

Полученные результаты и обсуждение

Миграции – сложные социально-экономические процессы, один из лучших индикаторов благосостояния и благополучия общества, «способ голосования населения ногами», методы исследования которых многообразны [2, 3]. Для получения объективной картины миграционной привлекательности территории были использованы две разные методики.

Индекс определения миграционной привлекательности территории

Для определения дифференциации привлекательности областей для мигрантов Центрально-Черноземного района рассчитан индекс миграционной привлекательности территории (Импр) по [4] с использованием данных официальной статистики [5]:

$$Импр = \frac{N(\sum ВРП_{рос})}{N(P_{рос})} \quad (1)$$

где $N(\sum ВРП_{рос})$ - доля валового регионального продукта области в ВВП России; $N(P_{рос})$ - доля населения области в населении России.

При значении показателя $Импр > 1$ – территорию можно считать условно привлекательной для мигрантов, меньше < 1 – непривлекательной (табл. 1).

Таблица 1.

Индекс миграционной привлекательности ЦЧР. 2010, 2019 г.

Область	Доля ВРП области в ВВП РФ, %		Доля населения области в РФ, %		Индекс миграционной привлекательности	
	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.
Белгородская	1,06	1,01	1,07	1,05	0,99	0,96
Воронежская	0,87	1,11	1,63	1,58	0,53	0,70
Курская	0,43	0,50	0,78	0,75	0,55	0,66
Липецкая	0,68,	0,68	0,82	0,77	0,73	0,88
Тамбовская	0,37	0,39	0,76	0,68	0,48	0,57

Составлено по [5]

Данная методика не учитывает показатели числа прибывших и выбывших мигрантов, направления потоков (внутренние или зарубежные) и как бы «размывает» реальную картину процесса. Поэтому данные таблицы 1 свидетельствуют о незначительном росте индекса с 2010 по 2019 г. (за исключением Белгородской области), но стабильном сохранении статуса «непривлекательности» для мигрантов областей Центрально-Черноземного района: худшие результаты у Тамбовской и Курской областей, лучшие у Белгородской области.

Отметим, что в составе ЦЧР Белгородская, Воронежская, Курская области граничат с Украиной, на миграционной ситуации которых отразились военные события в Донецкой и Луганской областях Украины. Все три области предоставляли временное убежище жителям пограничных областей особенно в сложные 2014-2016 гг.: ежегодно по 10 тыс. человек в Белгородской, 9 тыс. чел. в Курской, 8 тыс. чел. Воронежской области [5] и лишь к 2019 г. их численность значительно сократилась. Статистика, к сожалению, не отражает численность оставшихся в областях, переехавших в другие регионы России или вернувшихся домой.

Гравитационная модель миграционной привлекательности территорий (усовершенствованная авторами по [6]) предполагает использование показателей, позволяющих сопоставлять территории, отражающие взаимодействие пространственных объектов при анализе населения и хозяйства и опирается на утверждение: величина миграционного потока пропорциональна мере значимости места вселения перед местом выбытия и обратно пропорциональна расстоянию между ними.

Коэффициент миграционной привлекательности территории определяется отношением доли населения области в населении страны к доле прибывших в область всех направлений мигрантов в численности прибывших мигрантов страны.

$$k = \frac{\frac{P_r}{P_t}}{\frac{M_r}{M_t}}$$

где P_t – численность населения страны, P_r – численность населения области, M_t - численность всех прибывших в страну за период времени, M_r – численность прибывших за период времени в область.

Поскольку на любую территорию не только прибывают мигранты, но и выбывают, отражая непривлекательность для них территории, то правомерно введение показателей отношения доли населения области в общем населении страны к доле выбывших из области мигрантов к количеству выбывших из страны мигрантов (среднее значение). Полученный коэффициент (k) миграционной привлекательности территории, как и в предыдущей методике, может быть выше и ниже единицы, т.е. свидетельствовать о привлекательности или непривлекательности территории. Полученные коэффициенты миграционной привлекательности территорий Центрально-Черноземного района на 2019 г. дополнены данными источника [6] за 1993- 2012 гг. (табл. 2).

Таблица 2.

Коэффициент миграционной привлекательности областей
Центрально-Черноземного района.

Область	Среднее значение k: 1993-2012 гг.*		Среднее значение k прибывших и выбывших по зарубежной и внутриросийской миграции. 2019 г.**
	k по зарубежной миграции	k по внутриросийской миграции	
Белгородская	2.28	1.25	0.85
Воронежская	1.18	0.88	0.87
Курская	1.13	0.74	0.35
Липецкая	1.28	0.81	0.88
Тамбовская	1.04	0.76	0.05

*Составлено по [6]

**Рассчитано по [7]

Результаты гравитационной модели отражают взаимодействие демографических пространственных объектов и

свидетельствуют о значительных изменениях миграционной привлекательности областей ЦЧР. В течение первого постсоветского десятилетия все области района были притягательны для русскоязычных переселенцев. Во внутрироссийских миграциях доминировала лишь Белгородская область. К 2019 г. Белгородская, Воронежская, Липецкая области по интегральному коэффициенту внешней и внутрироссийской привлекательности миграций перешли в класс «непривлекательных», Курская область стала для россиян в два раза «непривлекательнее», в Тамбовской области населения выехало больше, чем въехало, сальдо миграции отрицательное и коэффициент снизился 0,05.

Сопоставление двух методик определения миграционной привлекательности территорий свидетельствует о преимуществах второй, с использованием гравитационной модели и миграционных показателей.

Внешняя миграция 90-х гг. XX столетия смягчила процессы депопуляции в ЦЧР, увеличила людность значительной части сельских населенных пунктов, городов и пригородов областных столиц, пополнила трудовые ресурсы, повысила образовательную и профессионально-квалификационную структуру населения. Основную часть мигрантов составляли переселенцы из республик бывшего Советского Союза, позже - «северяне» (жители Сибири и Дальнего Востока), селившиеся уже в основном в областных центрах. Одновременно, миграция той эпохи оказывала существенное воздействие на напряженность рынков труда, увеличивала стоимость жилья, нагрузку на социальную сферу. В настоящее время эпоха «западного дрейфа» осталась позади, как и привлекательность для мигрантов территории ЦЧР. Устойчивое сокращение внешней миграции свидетельствует о тенденциях дальнейшего сокращения численности населения в ближайшей перспективе, изменениях системы расселения, особенно сельского.

Краткие выводы

Определено, что в течение первого постсоветского десятилетия все области Центрально-Черноземного района были притягательны для русскоязычного населения при доминировании Белгородской области с коэффициентом привлекательности зарубежной миграции 2,28.

Установлено, что в 2019 г. статус «привлекательности» Центрально-Черноземного района сменился на класс «непривлекательности» Белгородской, Воронежской, Липецкой

областями; Курская область в миграционных процессах России стала в два раза «непривлекательнее»; Тамбовская область вошла в категорию областей с отрицательным сальдо миграции. В условиях стойкой естественной убыли населения уменьшение социальной мобильности будет способствовать усилению сокращения численности населения, изменению системы расселения, особенно сельского.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-05-00074.

Литература.

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения 2020-10-27).
2. Тикунов В.С., О.Ю. Чуклова. Оценка миграционных процессов в российско-украинском приграничье с применением ГИС-технологий // Материалы международной конференции «Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. Белокураха. Денпасар. - 2011. - С 165-170.
3. Чуклова О.Ю. Геоинформационная система анализа социально-экономических связей России и Украины (на примере миграционных потоков в приграничье). Автореферат на соискание ст. к.г.н. - 2011. - 22 с.
4. Мелихова Н.В. Использование метода имитационного моделирования для анализа демографических процессов // Вестник экономических наук.-2005.-№3. - С. 19-27. Регионы России <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. (дата обращения: 02.01.2021 г.).
5. Регионы России <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. (дата обращения: 12.01.2021 г.).
6. Василенко П.В. Методика оценки миграционной привлекательности территории // Географический вестник. - 2014. №3 (30). - С. 38-46.
7. Регионы России <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. (дата обращения: 13.01.2021 г.).

Сведения об авторах:

Надежда Васильевна Чугунова, доцент, к.г.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета – НИУ «БелГУ».

Nadezhda V. Chugunova, Associate Professor, PhD, Associate Professor of the Department of Nature Management and Land Cadastre

of the Institute of Earth Sciences of the Belgorod State National Research University – NRU "BelSU".

E-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

Наталья Степановна Кухарук – доцент, к.б.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета – НИУ «БелГУ».

Natalia S. Kuharuk – Associate Professor, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Nature Management and Land Cadastre of the Institute of Earth Sciences of the Belgorod State National Research University-NRU "BelSU".

E-mail: kuharuk@bsu.edu.ru

Дарья Николаевна Морковская – студентка кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета – НИУ «БелГУ».

Daria N. Morkovskaya is a student of the Department of Nature Management and Land Cadastre of the Institute of Earth Sciences of the Belgorod State National Research University-NRU "BelSU".

УДК 574.52; 631.9; 639.2

С.В. Яковлев
S. V. Yakovlev

ВЛИЯНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СООРУЖЕНИЙ ВОЛГО- ДОНСКОГО ВОДНОГО ПУТИ НА ДИНАМИКУ РЫБНЫХ РЕСУРСОВ РЕКИ ДОН

INFLUENCE OF THE CONSTRUCTION OF THE VOLGA-DON WATERWAY STRUCTURES ON THE DYNAMICS OF THE DON RIVER FISH RESOURCES

Статья рассматривает проблемы качественной и количественной трансформации структуры ихтиофауны Донского бассейна в связи с гидростроительством на нижнем участке реки Дон. Рассматриваются проблемы изменения гидрологического режима, снижения благоприятных паводков и уменьшение площади пойменных нерестилиц.

The article considers the problems of qualitative and quantitative transformation of the structure of the ichthyofauna of the Don basin in

connection with hydrostructure on the lower part of the Don River. The problems of changing the hydrological regime, reducing favorable floods and reducing the area of floodplain spawning grounds are considered.

Ключевые слова: *ихтиофауна, река Дон, Цимлянское водохранилище, гидростроительство, плотины, наводок, нерестилища, проходные рыбы.*

Key words: *ichthyofauna, Don river, Tsimlyansk reservoir, hydro-engineering, dams, flood, spawning grounds, passing fish.*

Многолетние исследования показали, что уловы проходных и полупроходных рыб в основном определяются численностью их стад. В свою очередь, величина промыслового стада зависит от количества приплода молоди, которая определяется условиями размножения [1,2,3].

Рыбохозяйственный водный фонд Нижнего Дона представлен речной системой ниже плотины Цимлянского водохранилища, Цимлянским и Маньчскими водохранилищами, дельтой Дона, протоками, ериками и озерами на донской пойме, а также прудами рыбзаводов, НВХ и товарных хозяйств.

Наибольшее рыбохозяйственное значение имела речная система р. Дон, где обеспечивалось воспроизводство более 60% запасов проходных и полупроходных рыб Азовского моря, а также около 70% донских туводных рыб.

Ихтиофауна Нижнего Дона насчитывает около 70 видов рыб, относящихся к 19 семействам [4,5]. Среди них следует выделить особо ценные виды: русский осетр, севрюга и белуга. Представлена здесь и группа ценных видов: черноморско-азовская проходная сельдь, рыбец, шемая, лещ, тарань, сазан, судак. По наличию этих видов рыб, в соответствии с ГОСТом 17.1.2.04-17 «Показатели состояния и правила таксации рыбохозяйственных водных объектов» [6,7], рассматриваемый участок реки относится к водным объектам высшей (особой) категории рыбохозяйственного использования.

По условиям существования и типам миграций представители ихтиофауны Нижнего Дона делятся на четыре экологические группы: проходные, полупроходные, пресноводные (туводные) и морские виды.

Проходные виды рыб нагуливаются в море до наступления половой зрелости, а в реку заходят только на нерест. Период размножения в реках обычно не превышает 1 - 2 месяцев. После нереста производители и молодь скатываются в море. Среди донских

проходных рыб следует отметить такие ценнейшие промысловые виды, как русский осетр, севрюга, белуга, черноморско-азовская проходная сельдь, рыбец, шемая.

Полупроходные виды также для размножения заходят из моря в реки. Но в реках они могут задерживаться на более продолжительное время, чем проходные (до года). Что касается молоди, то она скатывается с нерестилищ очень медленно и часто остается в реке на зимовку. К полупроходным рыбам относятся такие виды, как лещ, тарань, судак, чехонь, сазан, азовский пузанок и некоторые другие.

Пресноводные виды живут в пресной воде и не совершают продолжительных нерестовых миграций. Это такие виды, как стерлядь, серебряный карась, густера, красноперка, голавль, линь, язь, сом, щука, окунь, берш, налим, укляя, горчак, пескарь и др.

Следует отметить, что в современный период донская ихтиофауна испытывает большое негативное антропогенное влияние, связанное с гидростроительством и судоходством, большим отбором воды для нужд промышленности, сельского и коммунального хозяйства, а также с загрязнением водной среды. В этих условиях популяции многих ценных видов рыб резко сократились.

А такие виды рыб, как украинская минога, азовская белуга, стерлядь, вырезуб, черноморско-азовская шемая сильно сократили свою численность и занесены в Красную книгу России.

Увеличение безвозвратного изъятия стока р.Дон и, главное, его перераспределение во времени, нарушение путей естественных нерестовых миграций в результате строительства перегораживающих сооружений (Цимлянская плотина, каскад низконапорных плотин на рр.Дон и Северский Донец, плотины Манычских водохранилищ), массовая гибель молоди на водозаборных сооружениях, загрязнение реки промышленными стоками в сочетании с увеличением солености Азовского моря, интенсивное хозяйственное использование пойменных земель служивших нерестилищами ценных промысловых видов рыб, неурегулированность вопросов воспроизводства и охраны биоресурсов Азовского моря с Украиной привели к снижению запасов и уловов в Азово-Донском районе против максимума 1936 г., в десятки раз (рис.1).

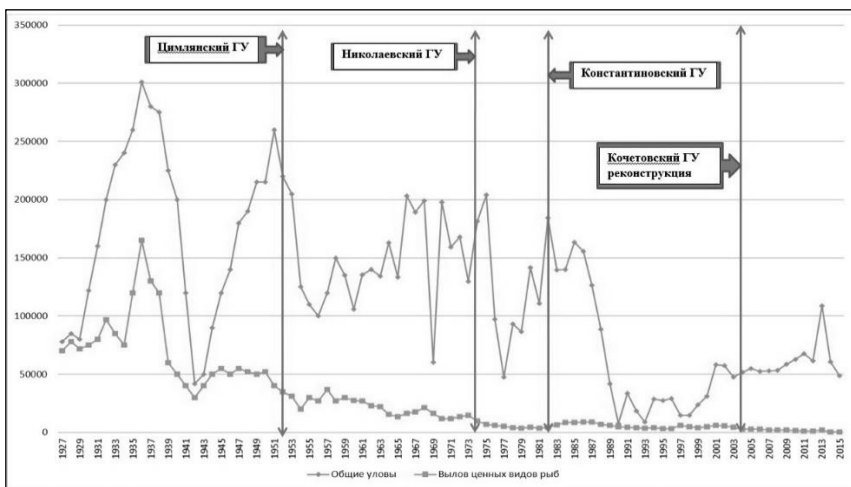

Рисунок 1. Динамика общих уловов и уловов ценных промысловых видов рыб в бассейне Азовского моря в период 1927 – 2015 гг.

Из перечисленных факторов по заключению ученых сегодня основным, лимитирующим возможность увеличения уловов ценных видов рыб, являются условия естественного воспроизводства.

Нижнедонская пойма от Цимлянского гидроузла и до Таганрогского залива протяженностью 240 км и общей площадью 306 тыс. га с ее займищами, по данным АзНИИРХа, и сейчас сохраняет высокий репродуктивный потенциал оставшихся естественных нерестилищ. При создании режима их обводнения, соответствующего требованиям рыбного хозяйства, возможно получать урожайные поколения ценных рыб, обеспечивающих в промвозврате тысячи тонн уловов, как это было в 1963, 1979, 1994 гг.

В бассейне Дона наибольшее отрицательное влияние на условия размножения проходных и полупроходных рыб оказало строительство Цимлянского гидроузла. Его плотина отрезала полностью все нерестилища белуги, около 80 процентов нерестилищ осетра и половину нерестилищ севрюги. Белуга и осетр теперь вынуждены нереститься непосредственно под плотиной, но нерест их при меньших расходах воды малоэффективен. Помимо сокращения площади нерестилищ, Цимлянская плотина отрицательно сказалась на воспроизводстве осетровых и в другом отношении: понизилась температура воды в районе плотины, что привело к удлинению сроков развития икры и личинок, а это

увеличило их отход (вымывание, выедание икры рыбами), не все личинки успевают перейти к придонному образу жизни и окрепнуть на пути ската в море.

Плотина оказалась отрицательно и на условиях размножения рыбца и сельди, сократив площадь их нерестилищ. Нерест рыбца ниже плотины не эффективен, а для сельди значительно ухудшился.

Цимлянский, гидроузел поставил в тяжелое положение и полупроходных рыб. При естественном режиме реки обширная донская пойма от устья Сев. Донца до дельты Дона представляла собой прекрасное место для размножения судака, леща и других рыб. На этой пойме с хорошо развитым растительным покровом, изобилием ериков, хорошо прогреваемым мелководьем с медленным течением проходил нерест, развивалась икра, кормилась и подрастала молодь.

До зарегулирования речного стока Цимлянской плотиной [8] весенние паводки почти ежегодно заливали пойму Дона. При максимальных расходах воды в Дону обводняемая площадь поймы ниже места, где теперь стоит плотина, достигала 300 тыс. гектаров. Продолжительность и глубина затопления определялись объемом весеннего половодья. Зарегулирование стока Дона резко изменило гидрологический режим его в нижнем течении. За 17 лет после сооружения Цимлянского гидроузла только в пяти случаях водный режим обеспечивал заливание займищ. Но из этих лет лишь в 1963 году наблюдалось эффективное размножение почти всех ценных видов рыб.

Для сохранения и поддержания естественного воспроизводства рыбных запасов, восстановления оптимального биогидрологического режима Азовского моря, необходим средний многолетний приток речной воды в Азовское море в объеме около 35,5 км³, в т.ч. по р.Дон около 24 км³ в год, включая рыбохозяйственные, навигационные и санитарные попуски.

В настоящее время, при полном обеспечении потребностей в воде рыбоводных предприятий и прудов товарного рыборазведения Правилами использования водных ресурсов Цимлянского водохранилища специальные рыбохозяйственные попуски на Нижнем Дону не предусмотрены.

Литература

1. Дубинина В.Г. Требования рыбного хозяйства при управлении режимами водохранилищ // Экосистемы: экология и динамика, 2019, т. 3, №

1, с. 67-97.

3. Дубинина В.Г., Косолапов А.Е., Жукова С.В. Проблемы восстановления водных биологических ресурсов поймы Нижнего Дона // Сб. научных трудов. 2015. Т. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. С. 277-287.

3. Жукова С.В. Обеспеченность водными ресурсами рыбного хозяйства Нижнего Дона // Водные биоресурсы и среда обитания 2020, Т. 3, № 1. С. 7–19.

4. Мирзоян А.В., Жукова С.В., Подмарева Т.И., Лутынская Л.А., Фоменко И.Ф., Бурлачко Д.С., Карманов В.Г., Шишкин В.М., Куропаткин А.П. Современное состояние и пути реконструкции поймы Нижнего Дона // Сб. научных трудов. 2015. Т. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. С. 327-335.

5. Троицкий С.К., Е.П.Цуникова. Рыбы бассейнов Нижнего Дона и Кубани: Руководство по определению видов. Ростов-на-Дону: кн. Изд-во, 1988 -112 с.

6. Жукова СВ., и др. Дельта Дона: эволюция в условиях антропогенной трансформации стока//ФГУП "АзНИИРХ", Ростов-на-Дону, 2009 - 305 с.

7. Исаев А.И., Карпова Е.И. Рыбное хозяйство водохранилищ. – М.: Пищевая промышленность, 1980. – 304 с.

8. Яковлев С.В. Предварительный анализ влияния различных вариантов реконструкции Волго-Донского судоходного канала на водные биологические ресурсы. Сб. Изучение, сохранение и восстановление естественных ландшафтов: сборник статей VII всероссийской с международным участием научно-практической конференции (6 – 10 октября 2017 г., г. Волгоград). С.399-427.

Сведения об авторе:

Сергей Валентинович Яковлев, доцент кафедры «Водные биоресурсы и аквакультура», Волгоградский государственный аграрный университет

Sergey V. Yakovlev, associate Professor of the Department "Water bioresources and aquaculture", Volgograd state agrarian University

E-mail: Jack_sv@mail.ru

Секция 4. «Геодемографические процессы и их влияние на социально-экономическое развитие России, её регионов и сопредельных стран»

УДК 910.1

Т.А. Балина, Л.Ю. Чекменева, Д. Цзян
T. A. Balina, L. Y. Chekmeneva, Z. Jiang

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ

GEODEMOGRAPHIC FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND CHINA

Раскрываются проблемы геодемографического развития России и Китая в условиях глобализации мировых процессов. Выявляются черты сходства социально-демографических процессов обеих стран в контексте современного демографического перехода. Подчеркивается роль внутренних миграций и их векторов в территориальной организации населения приграничных регионов соседних стран.

The problems of geodemographic development of Russia and China in the context of globalization of world processes are revealed. The features of similarity of the socio-demographic processes of both countries in the context of the modern demographic transition are considered. The role of internal migrations and their vectors in the territorial organization of the population of border regions of neighboring countries is emphasized.

Ключевые слова: демографические процессы, демографический переход, внутренние миграции, Россия, Китай

Key words: globalization, demographic processes, demographic transition, internal migration, Russia, China

Глобализация и ускорение развития мирового хозяйства усилили конкуренцию между его центрами: стремятся сохранить позиции развитые страны «Запада» и стремительно активизируются новые центры мировой экономики «Востока».

Являясь «страной полупериферии» современный Китай заявил о себе как о новом центре мирового хозяйства. «Китайское экономическое чудо» стремительно набирало обороты в 1990-е годы благодаря богатым природным ресурсам и огромному трудовому потенциалу. В новом тысячелетии Китай уверенно конкурирует со

странами Западной Европы, США, Японией, сформировав высокотехнологическую многоотраслевую экономику с высокими темпами роста производительности труда. Но вектор социально-экономического развития в стране меняется: начиная с 2010-х годов фактор дешевых трудовых ресурсов как двигатель экономического развития «уходит». По данным Китайского Экономического Мониторинга (КРЕМГ), с 2010 по 2014 г. прямые иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность Китая сократились на 20% [1]. За этот период значительно выросла и средняя заработная плата китайских рабочих. Это вынудило крупные транснациональные корпорации искать другие страны с более низкими затратами на рабочую силу.

Россия находится в прямом (территориальном) и переносном (геополитическом) смысле в центре этих процессов, пытается «держать равновесие», играя особую роль страны с гигантской территорией и колоссальным природно-ресурсным потенциалом, но относительно небольшой численностью населения. Это дает основание для различных прогнозов, часто негативных, например, опасения о заселении Дальнего Востока китайцами. За последние 30 лет Восточный макрорегион теряет население за счет естественной убыли населения и отрицательной миграции. В приграничных с Китаем регионах (Амурская область, Хабаровский и Приморский края) проживает около 4 млн. человек. А с другой стороны границы на северо-востоке Китая только в провинции Хэйлуцзян проживает почти 40 млн. человек. Применение геодемографического подхода позволяет проанализировать ситуацию и предположить сценарии социально-экономического развития соседствующих странах.

Рассмотрим некоторые аспекты современной демографической ситуации Китая и России.

Китай вступает в период дефицита трудовых ресурсов, необходимых для дальнейшего индустриального роста. После внедрения системы планирования семьи естественный прирост населения резко упал с 25,83 ‰ в 1970 г. до 3,34 ‰ в 2019 г. [2]. Жесткая ограничительная демографическая политика привела к непредвиденным последствиям, которые оказывают огромное влияние на все социально-экономические процессы, демографическое поведение и менталитет населения.

Несмотря на послабления в демографической политике относительно рождаемости, принятые в 2015 г., общий коэффициент

рождаемости к 2019 г. достиг минимальных значений – 10,48 ‰. Это обусловило диспропорции в половозрастной структуре населения и чрезмерно быстрый процесс «старения населения».

Значительно меняется образ, уровень и качество жизни населения Китая. Так, всего за 10 лет доля населения с высшим образованием выросла в два с лишним раза: с 9,83% в 2001 г. до 24,33% в 2011 г. [2]. Доля городского населения увеличилась с 17,4% в 1970 г. до 60,3% в 2019 г. [3]. В результате меняется структура занятости. Сокращается доля занятых в сельском хозяйстве, возрастает доля занятых в промышленности и сфере услуг, особенно в высокооплачиваемых и престижных сферах. Уже не количество, а качество (квалификация и образование) занятых играет ключевую роль.

Поскольку менталитет людей изменился, демографическое поведение населения претерпело необратимые изменения [4], то и уровень рождаемости в Китае в ближайшей перспективе не повысится, поэтому страна не только столкнется с нехваткой трудовых ресурсов, но и с необходимостью менять политику в области пенсионного обеспечения. Половозрастные пирамиды наглядно демонстрируют этот демографический переход (Рис.1).

В России прогноз численности населения также не оптимистичен (Рис.2). Общий коэффициент рождаемости в России к 2019 г. снизился до 10,1‰ [6], естественный прирост населения составил 1,82 ‰, что еще ниже, чем в Китае. Кроме того, социально-демографическая ситуация имеет очень яркие территориальные различия, а в восточных регионах страны остается неблагоприятной [7].

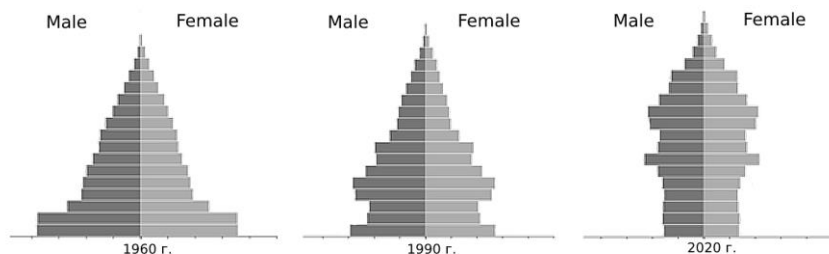

Рис. 1. Половозрастная структура населения Китая в 1960, 1990 и 2020 гг. [5].

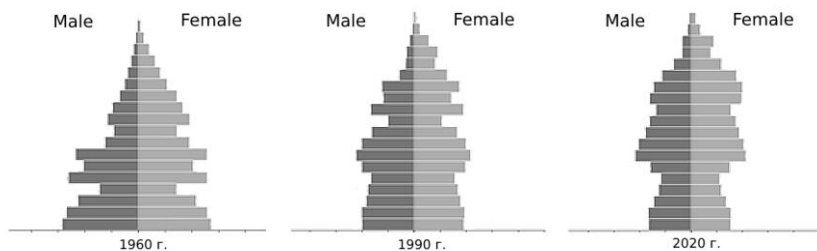

Рис. 2. Половозрастная структура населения России в 1960, 1990 и 2020 гг. [5].

Интересно, что демографические процессы России и Китая имеют много общего, обе страны сталкиваются с проблемами низкого уровня рождаемости и несбалансированной структуры населения. Что касается возрастной структуры, то, средний возраст в России в 2020 году составил 39,6 года, [8], в то время как в Китае он несколько ниже (38–39 лет). Согласно прогнозу ООН, средний возраст китайского населения будет продолжать расти, к середине XXI века может увеличиться на 8-10 лет, а России – на 2 года. Возрастные структуры населения России и Китая похожи: доля детей в возрасте 0-15 лет в обеих странах составляет 18%, доля населения в возрасте 65 лет и старше в России – 16%, а в Китае – 12% [6].

Несмотря на сходство естественного движения населения наших стран, их влияние на социально-экономическое развитие проявляется по-разному за счет миграционных процессов.

Открывшиеся возможности для ведения бизнеса в России в конце XX века привлекали китайских предпринимателей в российские города. Большое количество бизнесменов перебралось к российской границе для участия в приграничной торговле. Китайский бизнес активизировался не только на северо-востоке страны, где возникли крупные новые города, но и стал проникать вглубь России, что вызвало некоторую обеспокоенность.

Как известно, потоки мигрантов направляются вслед «за бизнесом и деньгами». В современном Китае внутренние миграции становятся все более масштабными и значимыми, они тесно связаны с процессами урбанизации. Урбанизация в Китае носит плановый, управляемый характер. Усилия государства направлены на развитие приморских городов с высоким экспортным потенциалом. В

настоящее время в стране формируются три крупных мегалополиса, которые становятся полюсами развития в основном за счет привлечения рабочих-мигрантов из сельской местности. Мегалополисы формируются на востоке и юге страны: «Дельта реки Янцзы» (82,7 млн чел.), «Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй» (48 млн чел.) и «Дельта реки Чжунцзян» (47 млн чел.) [9]. Таким образом, центры притяжения внутренних мигрантов формируются далеко от границ России.

Кроме того, изменились и приоритеты китайской молодежи относительно эмиграции из страны. Социологические опросы, проведенные среди студенчества Циндао, показали, что большинство молодых людей с высшим образованием предпочитают селиться в экономически развитых городах, расположенных на юго-восточном побережье, только 14% решили вернуться в родной город. Волна эмиграции из Китая в 1990-х годах снизилась, большинство молодых людей теперь предпочитают оставаться в своей стране, не желая зарабатывать за границей и считая, что могут добиться большего в жизни дома.

В приграничных с Китаем районах России нет таких мощных экономических центров притяжения, на что указывает отток собственного российского населения из этих регионов.

В качестве примера отметим, что по данным МВД РФ, в первом полугодии 2019 года 863 тысячи китайцев зарегистрировались как иммигранты. Львиную долю (72%) составили туристы, приехавшие на срок до 30 дней. Из 204,2 тыс. китайцев, прибывших с другими намерениями, треть указали в качестве цели приезда работу, 36 тыс. — учебу, 11,7 тыс. — «частную» цель и 8,2 тыс. — «иное» [10].

Северо-восточный регион у китайско-российской границы (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) является основным источником так называемых русских иммигрантов китайской национальности. Однако в течение 7 лет, с 2013 года, наблюдается отрицательное сальдо миграции постоянных жителей с северо-востока Китая, при этом общий отток составляет 1,64 миллиона человек [11].

Таким образом, хотя китайская экономика многоукладна, но стремление перехода к постиндустриальному обществу и связанная с этим урбанизация «рисует» векторы миграционных потоков не в направлении к нашим границам и восточным регионам, а гораздо южнее, к крупным городам и мегалополисам.

Литература

1. KPMG China, China Economic Monitor: Q3 2020, <https://home.kpmg/cn/en/home/insights/2020/08/china-economic-monitor-q3-2020.html> (Дата обращения 12 января 2021)
2. National Bureau of Statistics, <https://www.ceicdata.com/zh-hans/china/population-birth-death-and-natural-growth-rate-life-expectancy/population-natural-growth-rate> (Дата обращения 12 января 2021 г.)
3. United Nations Population Division. World Urbanization Prospects: 2018 Revision. CC BY-4.0 (Дата обращения 10 декабря 2021)
4. Цзян, Д. Влияние планирования семьи на демографическое поведение населения Китая / Д. Цзян // Молодые исследователи - регионам. материалы Международной научной конференции. Вологда, 2020. С. 144-146.
5. Population Pyramids of the World from 1950 to 2100. PopulationPyramid.net. URL: <https://www.populationpyramid.net> (Дата обращения 12 января 2021).
6. Щербакова Е.М. Население России и соседних стран // ДемоскопWeekly. 2020. № 873-874. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0873/barom01.php>
7. Балина, Т.А. Территориальные особенности демографических процессов в регионах России: анализ и типология / Т.А. Балина, З.В. Пономарева, Л.Ю. Чекменева // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические исследования. – 2019. – Вып.4. – С. 31–43.
8. Эгглстон, К., Фукс, В. Новый демографический переход: наибольший прирост продолжительности жизни в настоящее время происходит за счет старших возрастов. Демографическое обозрение. – 2019. 6(4), 128-182. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10430>.
9. Самбунова, Е.Н. Урбанизация в Китае и Индии: сравнительный анализ / Е.Н. Самбунова, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев // География мирового развития. Вып. 2. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 400-253.
10. Лаптева А. Насколько велика китайская миграция в Россию. URL: <https://russian.eurasianet.org/насколько-велика-китайская-миграция-в-россию> (Дата обращения 10 декабря 2020)
11. Xinrong, Liu. Analysis on the Loss of Northeast Population, 2012 NewLong March (Дата обращения 10 декабря 2020)

Сведения об авторах:

Балина Татьяна Анатольевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 8(342)2396496.

E-mail: seg@psu.ru

Чекменева Лариса Юрьевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 8(342)2396496.

E-mail: seg@psu.ru

Цзян Джей – магистрант кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 8(342)2396496.

E-mail: seg@psu.ru

УДК 314.72

Г.Н. Булатова, Н.М. Биктимиров
G.N. Bulatova, N.M. Biktimirov

**ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА
МИГРАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

**INFLUENCE OF NATURAL AND CLIMATIC CONDITIONS ON
MIGRATION POPULATION
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

В статье показана роль и особенности протекания миграционных процессов в Республике Татарстан, проанализированы данные по смене места жительства и гражданства, по причине «несоответствие природно-климатическим условиям» их проживания.

The article shows the role and features of migration processes in the Republic of Tatarstan, analyzes data on the change of residence and citizenship, due to the "discrepancy between the natural and climatic conditions" of their residence.

Ключевые слова: миграции, миграционные процессы, Республика Татарстан, смена места жительства, климатическая миграция, экологическое неблагополучие, несоответствие природно-климатическим условиям

Key words: migration, migration processes, the Republic of Tatarstan, change of residence, climate migration, environmental problems, non-compliance with natural and climatic conditions

Миграционные процессы в течение уже многих лет продолжают оказывать существенное влияние на экономическую, социальную и политическую обстановку в России и её регионах. Миграция является одним из существенных факторов, влияющих на изменение численности и территориального размещения населения – это один из самых сложных демографических процессов. На миграционное поведение населения воздействует комплекс межнациональных, политических, экономических и социальных явлений [1].

Современные миграции приобрели существенные отличия от тех, которые происходили в предшествующие периоды развития человечества. На сегодняшний день расширяется география миграции, все большее число стран мира испытывают в той или иной степени зависимость своего социально-экономического развития от международной миграции.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [2] в 2019 г. количество всех видов прибытий по республике составило 90960 чел., из которых 54970 чел. (60,4%) приходится на перемещения внутри республики, 28570 чел. (31,4%) – на другие регионы России, 6942 чел. (7,6%) – на страны СНГ и 478 чел. (0,5%) чел. – на другие зарубежные страны.

Из всех прибытий, на г. Казань приходится 25698 чел. (28,3%), на г. Набережные Челны 7224 чел. (7,9%). Всего выбыло из республики 86520 чел., в том числе внутри республики – 54 970 чел. (63,5%), в другие регионы России – 26351 чел. (30,5%), в страны СНГ – 4727 чел. (5,5%), в другие зарубежные страны – 472 чел. (0,5%). По абсолютным показателям больше всего выбытий так же как прибытий приходится на два крупнейших города республики: Казань – 23876 чел. (27,6%) и Набережные Челны – 8912 чел. (10,3%) [3].

В результате изучения миграционного обмена Республики Татарстан с другими регионами России за 2015-2019 гг. миграционный прирост, оставаясь положительным, имеет все-таки тенденцию к снижению и за соответствующие годы снизился в 2 раза.

Традиционными центрами миграционного притяжения для мигрантов из Татарстана остаются г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край. Так, например, по данным 2019 г. из 85 субъектов страны, с 59

регионами Татарстан имеет миграционный прирост, при обмене – с 26 регионами образуется миграционная убыль населения [4].

Особенно можно отметить, что миграционный обмен Татарстана с Крымом и Севастополем за последние годы ежегодно увеличивается в пользу этих регионов, что связано с трудовыми миграциями и особенностями природно-климатических условий этих территорий.

Если отрицательное сальдо в результате миграционного обмена с другими регионами России в возрасте 15-19 лет можно объяснить желанием молодежи получить образование [5] и трудовой миграцией, то для определенных лиц старшего поколения это объясняется возможностью жить в районах с более благоприятными социально-экономическими и природно-климатическими условиями.

Среди причин смены места жительства первое место с большим отрывом как среди прибывших 26826 чел. (36,6%), так и выбывших 21612 чел. (30,7%), занимает причина «личного, семейного характера», причем по показателям среди прибывших она превалирует. Довольно большое количество мигрантов отмечает «иные причины», что свидетельствует о том, что причины смены места жительства могут быть самого разного характера. Как среди прибывших, так и среди выбывших за 2015-2019 г. более чем в 2 раза снизилось число участвующих в миграциях в связи с учебой и почти в два раза – в связи с работой [6].

Среди выбывших из Татарстана, по сравнению с прибывшими, намного меньше лиц за 2015-2019 гг. мигрировало по причинам «обострения криминогенной обстановки» и «обострения межнациональных отношений».

Кроме того, на современную миграцию населения оказывают влияние различные природно-климатические факторы: изменение климата (необычайное потепление, устойчивая жара или обильный снегопад), повышение уровня потребления ресурсов, деградация земель, техногенные катастрофы, и т.д.

В работах по миграции населения в России выделяют две особые группы мигрантов, которые мотивируют свой переезд природно-экологическими условиями. В первой группе переселение связано с неудовлетворенностью природно-климатическими условиями. Во второй группе миграция вызвана экологическим неблагополучием, связанным с сильным промышленным загрязнением окружающей среды.

Современный прогресс делает жизнь комфортной, однако вследствие природных и техногенных катастроф мир подвергается новым опасностям и угрозам. В мире по некоторым оценкам ученых (экспертов), к 2050 году число людей, переместившихся по экологическим причинам, может достичь 200 миллионов человек [7]. Республика Татарстан является не исключением.

Республика Татарстан – индустриально и экономически развитый регион и проблема экологической безопасности находится в поле зрения как государственного управления, так и экологов и общественности. Однако, несмотря на усилия по обеспечению экологической безопасности республики, проблемы в этой области остаются довольно серьезные, а имеющиеся очистные сооружения работают не всегда эффективно. При вполне привлекательных природно-климатических условиях Татарстан является зоной со сложной экологической обстановкой [8].

И как следствие этого, в республике наблюдается высокий уровень заболеваемости и смертности населения. Статистику смертности в Татарстане осложнила и эпидемиологическая ситуация по коронавирусу.

В таблице 1 представлены данные переселения мигрантов в Республике Татарстан по причине изменений природно-климатических факторов.

Полученные цифры показывают, что миграция населения по причине несоответствия природно-климатическим условиям занимает незначительную долю от общего числа мигрантов среди указанных выше причин и пока неспособна оказать заметное воздействие на социально-демографическую ситуацию в регионе. В тоже время по статистическим данным Республики Татарстан за 2015-2019 годы наблюдается рост показателя числа прибывших в группе мигрантов, в которой основной причиной смены места жительства является «несоответствие природно-климатическим условиям».

Таблица 1
Распределение мигрантов Республики Татарстан в возрасте 14 лет и старше по причине влияния природно-климатических факторов на смену места жительства и гражданства за 2015-2019 годы [3].

№	причины смены места жительства	Число прибывших					Число выбывших				
		2015	2016	2017	2018	2019	2015	2016	2017	2018	2019
1	Всего мигрантов	82720	81784	79890	78823	73362	79660	76893	76186	76969	70439

2	экологическое неблагополучие	20	6	44	79	86	69	73	66	118	81
3	несоответствие природно-климатическим условиям	9	29	65	70	93	62	56	58	67	77
4	несоответствие природно-климатическим условиям (в %) от общей миграции	0,01	0,04	0,08	0,09	0,13	0,08	0,07	0,08	0,09	0,1

Если рассматривать перемещение мигрантов по причинам изменения природно-климатических факторов и экологического неблагополучия, то можем сказать, что прибывших по природно-климатическим причинам больше, чем выбывших.

По данным 2019 г. миграционный прирост по причине несоответствия природно-климатическим условиям среди регионов Приволжского федерального округа сложился только лишь в трёх регионах, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, Татарстан по этому показателю уступает только Республике Башкортостан и Самарской области (см.табл.2).

Таблица 2

Мигранты в возрасте 14 лет и старше по причине смены места жительства и гражданства из-за несоответствия природно-климатическим условиям (по регионам Приволжского федерального округа за 2019 год, человек) [3]

№	Название региона	Прибытие	Выбытие	Миграционный прирост(убыль)
1	Республика Башкортостан	501	394	107
2	Кировская область	51	62	-11
3	Республика Марий Эл	39	45	-6
4	Республика Мордовия	23	26	-3
5	Нижегородская область	63	89	-26
6	Оренбургская область	130	145	-15
7	Пензенская область	40	47	-7
8	Пермский край	169	277	-108
9	Самарская область	239	199	40
10	Саратовская область	109	133	- 24
11	Республика Татарстан	93	77	16
12	Удмуртская Республика	25	44	-19
13	Ульяновская область	32	46	-14
14	Чувашская Республика	7	25	-18
Всего		1521	1609	- 88

Таким образом, несмотря на то, что основным аспектом изучения миграционных процессов для регионального планирования остается оценка роли экономических условий, в настоящее время все большую роль в миграции населения начинают играть природные и экологические факторы. Это обусловлено тем, что современная деградация биосферы стала представлять реальную угрозу популяции человека. Не следует ориентироваться на сложившиеся стереотипы, отражающие миграционное движение. Анализ демографической статистики, проведенной на примере Республики Татарстан, показывает, что тема миграции в Татарстане и связанные с ней вопросы оценки роли природной среды на миграцию населения, являются актуальными, имеют высокий потенциал для дальнейших научных исследований и представляют большой интерес для специалистов в области миграционной политики.

Литература

1. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. Том 45. №9. С.119. DOI:10.31857/SO13216250006666-5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=7818&jn=socis (дата обращения 27.01.2021).
2. Миграционный прирост, убыль (-) населения Республики Татарстан (человек) URL: <https://tatstat.gks.ru/naselenie> (дата обращения: 29.01.2021). С.121.
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 30.01.2021).
4. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2020: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2020. 160 с.С.131-134.
5. Митин Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. №3. С. 123 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-uchebnaya-migratsiya-ponyatie-problemy-i-puti-resheniya/viewer> (дата обращения 27.01.2021).
6. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019:Статистический сборник / Татарстанстат – Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. 159 с.
7. Ionesco, D., Mokhnacheva, D. and Gemenne, F. (2017). The Atlas of Environmental Migration. Earthscan, London

8. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: https://eco.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2400411.pdf (дата обращения 27.01.2021).

Сведения об авторах:

Булатова Гульнара Нуровна, к.г.н., доцент, старший научный сотрудник АО Центральный научно-исследовательский институт геологии нерудных полезных ископаемых

Биктимиров Нияз Миннахматович, к.г.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Gulnara N. Bulatova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of JSC Central Research Institute of Geology of Non-metallic Minerals

E-mail: gulnara.bulatova@bk.ru

Niyaz M. Biktimirov, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: Niyaz825@mail.ru

УДК 911.37

М.А. Борисенко, Н.И. Быков
M.A. Borisenko, N.I. Bykov

ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

APPROACHES TO PERIODIZATION AND CHARACTERIZATION FORMATIONS STAGES OF SETTLEMENT SYSTEM POPULATION (EXAMPLE OF ALTAI KRAI)

Рассматривается подход к периодизации процесса расселения населения на основе физических характеристик. В качестве таковых использованы показатели численности населенных пунктов и тенденций ее изменения. На этом основании в эпоху русской колонизации Алтая выделены 2 периода, 4 этапа и 11 фаз расселения. Предложен подход к типизации расселенческой ситуации и с этой точки зрения рассмотрен исторический процесс расселения в Алтайском крае.

An approach to periodization of population settlement process based on physical characteristics. As such, we used indicators of the number of settlements and trends its change. On this basis, in the era of Russian colonization of Altai, 2 periods, 4 stages and 11 phases of settlement were identified. An approach to the typification of settlement situation is proposed, and from this point of view, the historical process of settlement in Altai Krai is considered.

Ключевые слова: периодизация расселения населения, расселенческая ситуация, Алтайский край

Key words: periodization of population resettlement, resettlement situation, Altai Territory

Исследования современных систем расселения неизбежно затрагивают вопрос происхождения и последовательности их развития. При этом для географического (историко-географического) изучения характерно рассмотрение исторического процесса исключительно по периодам [1]. Для их выделения используются определенные принципы: непрерывность существования и генетическая преемственность, выстраивание шкалы на предметно-содержательной основе конкретной области знания, внутренняя градация шкалы [2]. Число ступеней шкал и их название у исследователей различаются. Мы воспользуемся опытом [2], который для исторической политической географии выделяет следующие градации хроностратификационной шкалы: эпоха-период-этап-фаза-стадия.

Периодизация истории заселения территории исследования приводится во многих работах, однако, чаще всего исследователи использовали для этого или формационный, или цивилизационный подходы [3]. Используя его, мы выделяем для территории Алтайского края две эпохи: эпоха, предшествовавшая русской колонизации и эпоха российского государства. Особенности расселения в дорусскую эпоху на исследуемой территории авторами данной работы рассматривались ранее [4]. Следует только отметить, что в целом она слабо повлияла на формирование современной системы расселения.

Для выделения нижних ступеней хроностратификационной шкалы нами предлагается использовать физические характеристики системы расселения. В этом случае социально-экономические процессы будут лишь факторами, обуславливающими характер расселения. Для периодизации эпохи русской колонизации исследуемой территории мы использовали несколько физических критериев. Так для выделения периодов учитывалась **тенденция**

изменения числа населенных пунктов. В итоге таковых оказалось два: с увеличением числа населенных пунктов и сокращением их числа. Для выделения этапов расселения использованы **темпы изменения числа населенных пунктов**: с медленным увеличением числа населенных пунктов, с быстрым ростом их числа, быстрым и медленным уменьшением числа населенных пунктов. Наконец, для выделения фаз расселения использовано **значение разницы (и ее тенденция) возникших и исчезнувших населенных пунктов.** Для каждого из них характерны свои особенности размещения, причины возникновения и соотношение функциональных типов поселений.

На этом основании выделены периоды, этапы и фазы расселения. Первый период (1717–1940 гг.) состоит из двух этапов (1717–1900 и 1901–1940) и семи фаз (первая – 1717–1750, вторая – 1751–1835, третья – 1836–1855, четвертая – 1856–1900, пятая – 1901–1920, шестая – 1921–1930, седьмая – 1931–1940). Второй период (1941–2018 гг.) также имеет два этапа (1941–1990 и 1991–2018) и 4 фазы (1941–1950, 1951–1960, 1961–1990, 1991–2018).

Для характеристики динамики развития системы расселения в историческом прошлом нами использованы два показателя: прирост населения региона и прирост числа населенных пунктов. Система координат этих двух значений создает 8 типов «расселенческой ситуации» (в дальнейшем ТРС) (рис.1). Типы I и II характеризуются положительным приростом и численности населения региона, и числа населенных пунктов. Отличие первого от второго заключается в том, процент прироста населения здесь меньше чем процент роста числа населенных пунктов. Поэтому большинство населенных пунктов имеют небольшую численность. Типы III и IV, несмотря на положительный прирост населения, отличаются сокращением числа населенных пунктов, а типы V и VI уменьшением и числа населенных пунктов, и численности населения региона. Наконец, типы VII и VIII характеризуются увеличением числа населенных пунктов на фоне уменьшения численности населения. Для выделенных фаз в истории расселения населения в пределах Алтайского края были установлены первый, второй, четвертый, шестой и седьмой ТРС (рис.1).

Удаленность координаты точки от пересечения осей абсцисс и ординат также можно рассматривать как показатель характеризующий интенсивность процесса расселения (в дальнейшем ИПР) (рис. 1). Исходя из полученных значений, мы разделили ее на четыре ступени: слабая, средняя, высокая и

сверхвысокая (рис. 1). На рисунке этот критерий обозначен квадратами с пунктирными линиями.

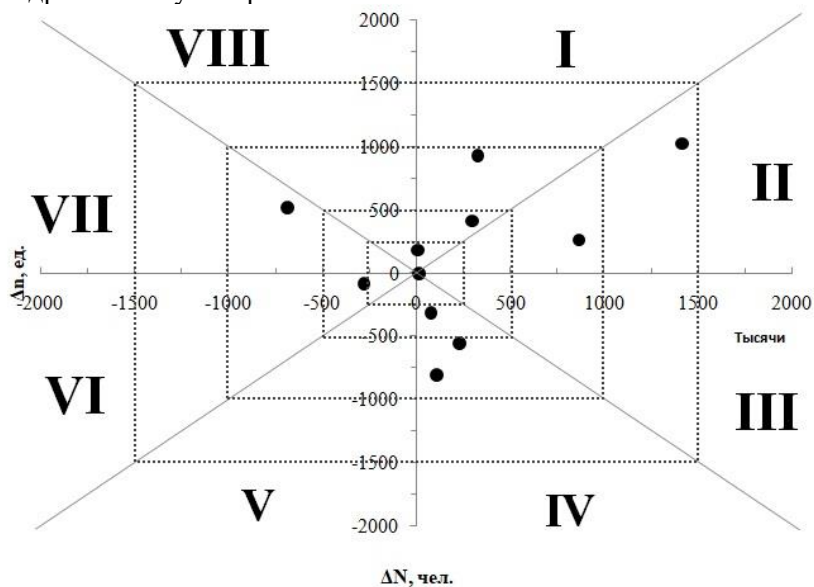

Рис.1. Типы расселенческой ситуации (TRC) и интенсивность процесса расселения (ИПР) (ΔN – прирост численности населения, человек; Δn – прирост числа населенных пунктов, единиц; I, II, III и т.д. – TRC; [] – ступени ИПР).

Первый период расселения (1717–1940 гг.) характеризовался тенденцией постоянного роста числа населенных пунктов. Для него характерны I, II и VII TRC. К его концу на исследуемой территории насчитывалось 3353 населенных пунктов. При этом за это время возникло 7259 населенных пунктов и 3906 исчезло. Численность населения составила 2,24 млн человек (1939 г.).

Внутри первого периода выделяются этапы медленного (1717–1900) и быстрого роста числа населенных пунктов (1901–1940). В первом этапе расселения выделяется 4 фазы. Первая из них (1717–1750 гг.), характеризуется тенденцией нарастания числа новых населенных пунктов и незначительным числом исчезнувших населенных пунктов. Для нее был характерен I TRC и слабая ИПР.

Вторая фаза первого этапа расселения (1751–1830) – это время плавного нарастания числа населенных пунктов и

численности населения. В целом для данной фазы также характерен I ТРС. Однако ИПР была средней.

Третья фаза первого этапа расселения (1831–1855) характеризуется резким спадом образования новых поселений и на коротком периоде даже сокращением числа населенных пунктов. Эта фаза совпадает с периодом, когда алтайские предприятия на условиях аренды были переданы в подчинение Департамента горных и соляных дел Министерства финансов (1830–1855 гг.). Для нее характерен II ТРС и слабая ИПР.

Четвертая фаза первого этапа расселения (1856–1900 гг.) характеризуется волнообразным нарастанием числа населенных пунктов. Характеризуется II ТРС и высокой ИПР.

Рубеж XIX–XX вв. на Алтае знаменуется наступлением нового этапа в расселении населения, для которого характерно стремительное увеличение общего числа населенных пунктов численности населения. Его первая фаза (1901–1920 гг.) – время столыпинских реформ, мировая и гражданская войны – связана с массовым заселением региона мигрантами, созданием значительного числа населенных пунктов на северо-западной периферии региона в сухой степи и умеренно-засушливой, зонах вертикальной поясности. В самом конце этой фазы появились железные дороги, которые прошли вдоль обской и алейской оси расселения, а также к новому северо-западному, славгородскому кусту расселения. Для фазы характерен I ТРС и высокая ИПР.

Вторая фаза второго этапа расселения (1921–1930) характеризуется массовым заселением и возникновением поселений по всей территории края особенно в лесостепной и умеренно-засушливой степи и в меньшей степени в сухой степи и области высотной поясности. Это время сверхвысокой ИПР, для которого характерен II ТРС.

Третья фаза второго этапа расселения (1931–1940 гг.) характеризуется значительным увеличением числа населенных пунктов и снижением численности населения. К началу 30-х гг. была завершена коллективизация крестьянских хозяйств, а уже к концу 30-х гг. Алтай превратился в один из крупнейших аграрно-индустриальных регионов Сибири. Этой фазе соответствует VII ТРС и высокая ИПР.

Второй период расселения (1941–2020 гг.) – это время стабильного уменьшения численности населенных пунктов. В нем мы также выделили два этапа расселения. Первый из них (1941–1990

гг.) характеризуется значительным уменьшением числа населенных пунктов (1665) и увеличением численности населения (407 тыс. человек), а второй (1991–2020 гг.) незначительным уменьшением числа населенных пунктов (-82) и значительным уменьшением численности населения (281 тыс. человек).

Первая фаза второго периода (1941–1950 гг.) – военное время и время восстановления народного хозяйства. Численность населения значительно колебалась за счет его эвакуации и последующего возвращения в места прежнего проживания. В этой фазе впервые проявилась убыль числа населенных пунктов. В итоге всю фазу следует отнести к IV ТРС со средней ИРП.

Вторая фаза (1951–1960 гг.), несмотря на поднятие целины и создание новых населенных пунктов в целом характеризовалась общим уменьшением их числа при общем росте численности населения. Таким образом, эта фаза также относится к IV ТРС, однако с высоким ИРП.

Третья фаза (1961–1990) по типу и интенсивности совпадает с предыдущей фазой. Однако в отличие от предыдущей фазы число возникших и исчезнувших населенных пунктов здесь значительно меньше.

На последнем этапе расселения (1991–2018 гг.) пока можно выделить только одну фазу. Она относится к VI ТРС и средней ИРП. Возникновение новых населенных пунктов здесь стремительно приближается к нулю, хотя и их исчезновение не такое стремительное как в некоторых предыдущих фазах последнего периода.

Литература

1. Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Ленинград, 1982. 285 с.
2. Шведов В. Г. Историческая политическая география. Обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
3. Максаковский В.П. Историческая география мира / В. П. Максаковский. - 2-е изд., испр. - Москва : ЛЕНАНД, 2016. - 622 с.
4. Быков Н.И. Природопользование и система расселения населения Алтая от палеолита до позднего Средневековья / Историческая география России: концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов: материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена 18–

19 ноября 2020 г. / Отв. ред.: Д. А. Субетто, Л. Б. Вампилова, А. А. Соколова. СПб.: Астерион, 2020. – С. 27–32.

Сведения об авторах:

Борисенко Максим Александрович, без степени, без звания, старший преподаватель кафедры физической географии и ГИС Алтайского государственного университета.

E-mail: maxi.borisenko@mail.ru

Быков Николай Иванович, к.г.н., доцент, старший научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН.

E-mail: nikolai_bykov@mail.ru

УДК 314.724

Н.К. Габдрахманов
N.K. Gabdrakhmanov

ОЦЕНКА ВКЛАДА ВУЗОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

ASSESSMENT OF THE CONTRIBUTION OF UNIVERSITIES TO THE FORMATION OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF RUSSIAN CITIES

Оценка количественными методами привлекательность вуза без учета города и наоборот остается до сих пор весьма сложной задачей. Поступая в университет, абитуриенты выбирают не только направление подготовки, но и профессиональную траекторию. Социологические исследования подтверждают, что один из мотивов переезда в другой город при поступлении в университет является возможность закрепиться в городе и найти себя на рынке труда. В данной статье мы пытаемся определить масштабы образовательной миграции и последствия для демографической ситуации в российских городах и регионах, которая непосредственным образом влияет на их демографический потенциал. Большое внимание уделяется теории пространственного развития городов и роли университетов в этом процессе.

Assessing the attractiveness of a university by quantitative methods without taking into account the city and vice versa is still a very difficult task. Entering the university, applicants choose not only the direction of training, but also the professional trajectory. Sociological studies confirm that one of the reasons for moving to another city when entering a university is the opportunity

to gain a foothold in the city and find yourself in the labor market. In this article, we try to determine the scale of educational migration and the consequences for the demographic situation in Russian cities and regions, which directly affects their demographic potential. Much attention is paid to the theory of spatial development of cities and the role of universities in this process.

Ключевые слова: образовательная миграция, молодежь, студенты, пространственное развитие, город, университет, демографический потенциал, демографический капитал.

Key words: educational migration, youth, students, spatial development, city, university, demographic potential, demographic capital.

Исторически сложилось, что университеты располагаются в городах, университеты являются центрами сосредоточения молодежи. И города, и вузы всегда оставались центром притяжения молодого населения, как на фоне межрегиональной, так и международной миграции [1]. При этом сложно отделить привлекательность вуза от привлекательности города, так как вместе с целью получить образование существует много иных мотивов переезда, связанных с городом. Столицы и региональные центры являются привлекательными и по другим причинам: обычно в этих городах располагаются главные объекты культурного наследия, театры, развлекательные заведения, в целом им свойственна более развитая инфраструктура, и одно из самых важных преимуществ – большое количество рабочих мест.

После распада СССР и кризиса 90-х гг. число университетов в России увеличилось, в том числе за счет открытия частных высших учебных заведений и филиалов. С одной стороны, это привело к повышению доступности высшего образования и, соответственно, увеличению числа людей, получивших высшее образование. Так, согласно отчету Росстата, за период с 1989 по 2018 г. произошло увеличение численности граждан России с высшим образованием более чем в два раза. Согласно данным ОЭСР, высшим образованием охвачено 58% населения в возрасте от 25 до 34 лет, 50% – в возрастной категории от 55 до 64 лет. Также этот период характеризуется увеличением образовательной миграции внутри России.

Однако увеличение количества университетов, появление частных университетов и филиалов, не способствует исключительно повышению качества высшего образования в России. Открытие новых университетов и институтов способствует процессу сегрегации высшего образования: формируются группа

высокоселективных вузов, которые отличаются более высоким качеством высшего образования по сравнению с низкоселективными вузами. Качественное высшее образование продолжает сохранять свою элитарность.

Введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в 2009 году увеличило доступность высшего образования, и таким образом повысило вероятность образовательной миграции внутри России. Миграционный поток особенно увеличился из провинциальных городов в крупные региональные центры. Особенно сильно увеличился поток образовательной миграции в Москву и Санкт-Петербург. Важно отметить, что привлекательность Москвы и Санкт-Петербурга объясняется не только более развитой системой высшего образования, но также и более высоким уровнем социально-экономических характеристик этих городов, которые играют важную роль в выборе выпускниками места своей дальнейшей учебы [2]. Важно отметить, что такие потоки образовательной миграции являются чаще всего односторонними, когда выпускник школы, переезжая в другой регион для получения высшего образования, не возвращается родной регион, а остается в городе, где получил высшее образование.

Многие рассматривают высшее образование, как инвестицию и ожидают от него высокую премию [3]. В связи с этим, существует так называемая вторая волна миграции, когда после окончания вуза молодые люди в возрасте 22-25 лет приезжают в крупные региональные центры и мегаполисы для устройства на работу. Такая тенденция позволяет предположить, что во многих регионах России отсутствует связь между рынком высшего образования и рынком труда: существуют регионы-поставщики кадров для крупных городов, где держится уровень конкурентной заработной платы, подходящей для различных уровней квалификации. Также это свидетельствует о несоответствии рынка труда ожиданиям выпускников. Однако ситуация, когда выпускники региональных университетов не востребованы не только на своем локальном рынке труда, но и на рынке труда в целом, также свидетельствует об отсутствии единой масштабной стратегии развития кадров внутри страны.

В таких регионах как Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москва и Московская область, республика Татарстан, Томская область, Новосибирская область наблюдается стабильно высокая востребованность высшего образования. Такие регионы, во-

первых, отличаются разнообразием вузов как с точки зрения специализации, так и селективности – есть как высокоселективные, так и средне- или низко-селективные. Более того, такие регионы в целом являются более привлекательными для переезда из-за развитой инфраструктуры, большого количества театров, музеев, более высокого уровня жизни, низкой безработицы и более высоких заработных плат.

Вторая волна миграции выпускников связана с переездом в другой город для поиска работы. Наименьший коэффициент послевузовской миграции характерен для Республики Ингушетия (9%), Республики Тыва (8%), Чеченской республики (4%). Наивысший коэффициент послевузовской миграции характерен для Ивановской области (36%).

В условиях асимметричности регионов, для понимания факторов студенческой мобильности, нужно рассматривать и социально-экономические показатели. Чтобы отобрать те показатели, которые могут оказаться репрезентативными, были рассмотрены различные мысли и модели исследователей студенческой мобильности. Были отобраны следующие показатели [4]:

- Смертность населения в трудоспособном возрасте;
- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников;
- Средние цены на первичном рынке жилья;
- Средние цены на вторичном рынке жилья;
- Уровень безработицы;
- Коэффициенты демографической нагрузки;
- Изменение численности населения;
- Общие коэффициенты смертности;
- Средняя заработная плата;
- Коэффициенты экологии (выбросы, площадь территории);
- Плотность населения;
- Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России;
- Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в зарубежные туры;
- Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения;
- Число театров в регионе (всего);

- Драматические театры.

Эти показатели должны отражать привлекательность региона для абитуриентов, - есть как чисто экономические показатели, так и социальные, и культурной жизни, которая так важна для молодых людей.

После отбора показателей, были построены корреляции между количеством первокурсников и отобранными идентификаторами. Это позволило определить, что из отобранных показателей наиболее сильно влияет на принятие решения первокурсниками в пользу того или иного региона. Результаты исследования показали, что значимыми факторами оказались только средние цены на жильё, как на первичном рынке жилья, так и на вторичном рынке. То, что значимы лишь два выбранных коэффициента, обозначает одну существенную проблему, - данные недостаточны и неполны. Именно поэтому не представляется возможным отследить целиком всю картину. Представлялось, что такие факторы, как “средний уровень заработной платы”, “число театров в регионе (всего)” должны положительно влиять на выбор студентами того или иного региона, а “уровень безработицы” и “число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения” - отрицательно, ведь студенты выбирают те регионы, в которых чувствуют себя комфортнее, чем в “домашнем” регионе. А если в регионе высокий уровень безработицы, то это не сулит ни стабильности, ни комфортного проживания студентам.

Для дальнейшего расширения исследования было решено анализировать не только на уровне регионов, но и спуститься на муниципальный уровень, так как в некоторых областях университеты, в которые студенты хотели бы поступать, располагаются в одном конкретном большом городе, поэтому некорректно судить о мобильности и популярности у студентов конкретного региона, рассматривая его только в общем и не обращая внимания на города внутри него.

Литература

1. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13. № 3. С. 169–203.
2. Prakhov I., Vocharova M. SocioEconomic Predictors of Student Mobility // National Research University Higher
3. Byram M., Dervin F. (ed.). Students, staff and academic mobility in higher education. – Cambridge Scholars Publishing, 2009.

4. Slepneva L. R. et al. Socio-economic development of regions of Russia: Assessment of the state and directions of improvement //International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – Т. 6. – №. 2S. – С. 179-187.

Сведения об авторе:

Габдрахманов Нияз Камилевич – кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов» Института образования НИУ «Высшая школа экономики.

E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru

УДК 314.7

Т.Ю. Гусаков
Т.У. Gusakov

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

CRIMEAN MIGRATION STUDIES

Изучение миграций населения в контексте изучения Крымского полуострова важно. Это понимали и исследователи, которые на протяжении последних трех веков провели множество исследований. Статья рассматривает накопленный пласт исследований и проводит их периодизацию.

Migration research is important in the context of the study of the Crimean Peninsula. Researchers have understood this and have done a lot of research over the past three centuries. The article examines the accumulated research and carries out their periodization.

Ключевые слова: миграции населения, социальная география, этнос

Key words: population migration, social geography, ethnos

Исследователи М. Кизилев и Д. Прохоров выделили 7 этапов русскоязычных научных изысканий Крымского полуострова, накопления этнографических, исторических и археологических знаний [1]. Изучению миграций досталось меньше внимания, поэтому периодизация их исследований Крыма менее дробна и внушительна. Миграционные исследования населения региона

можно разделить на 5 этапов согласно контексту рассмотрения движения населения.

На этапе *миграционных исследований до 1917 г.* происходило накопление информации о крымском народонаселении, его структуре, естественном и механическом движении, хозяйственных отношениях. Миграции (переселения) рассматриваются не отдельно, а в контексте динамики численности и трансформации этнического состава населения, как один из аспектов демографической ситуации на Крымском полуострове, входившем в состав Таврической губернии.

Первоначально авторами исследований выступали путешественники и чиновники, прибывающие на полуостров для обследования приобретенных Россией территорий, происходило накопление первоначального научного капитала. Но уже к 1830-м гг. любопытство к полуострову угасло, оставив на поле исследований исключительно научных работников. В зарубежной литературе крымские обзоры путешественников продолжали выходить до начала XX века.

Оживление интереса к миграциям Крыма был вызван последствиями Крымской войны 1853–1856 гг. и активизацией эмиграции крымскотатарского населения в Османскую империю. Исследователи рассуждали о масштабах движения населения (этносов) и прогнозировали его последствия для региона. Однако их оценки вызывают сомнения из-за низкой степени точности и достоверности количественных данных.

Из-за развития российской статистики параллельно появляются статистические обзоры и отчеты, которые сопровождаются аналитическими обзорами демографической ситуации Таврической губернии, а также публицистические материалы. Первым достоверным и претендующим на объективность статистическим источником по миграциям населения региона является «Камеральное описание Крыма» (1784 г.). Также источниками информации о миграциях являлись статистические обзоры российских регионов и отчеты земской статистики, публикуемые Таврическим губернским статистическим комитетом с 1867 по 1917 гг. в серии сборников «Памятная книжка Таврической губернии». Но полное рассмотрение демографических процессов было совершено в рамках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Предвоенные советские миграционные исследования характеризуются практически полным отсутствием табуированных тем. Исследователи рассматривали тему голода 1921–1922 гг., его последствия и влияние на демографические процессы, ученые-очевидцы пытались объективно представить и осмыслить процесс еврейской колонизации. Ученые обследовали тему исхода крымских татар в Турцию. В 1920-е гг. вышло несколько региональных сборников, характеризующих социально-экономическое положение Крыма, где мельком характеризуется механическое движение населения.

Основание Таврического университета на полуострове ознаменовало возникновение на его базе школы ученых-этнографов. Отдельно тема миграций прослеживается в многочисленных этнографических исследованиях, которые были актуальны во времена политики *коренизации* и национального строительства в Крымской АССР. Но уже к концу 1930-х гг., после изменения вектора внутренней политики правительства и репрессирования целой плеяды крымских ученых, этнографические исследования сошли на нет.

В *послевоенный советский период* исследований миграций практически не было из-за замалчивания депортаций и подробностей изменения этносоциального состава населения региона. Немногочисленные исследования захватывали лишь дореволюционный период, иногда переселения рассматривались в контексте характеристики общей демографической ситуации и хозяйственного использования трудовых ресурсов. Запрос на заполнение пустот появился с началом демократизации в Советском Союзе [2].

Напротив, «запретные темы» развивались в зарубежной науке, внимание ученых привлекала тема депортаций «наказанных народов», установление их масштабов и последствий для этнических сообществ. Отдельно развиваются, проводимые турецкими учеными, исследования кейса миграции крымских татар во времена Российской империи и СССР, а также адаптации мигрантов в турецком обществе.

Всплеск крымских миграционных исследований произошел уже после реабилитации «наказанных народов» в конце 1980-х гг. Начало репатриации и рост этносоциальной напряженности актуализировало тему миграционных процессов среди академического сообщества. Однако снизилась ценность и

уникальность исследований. Исследователи рассматривали спорные миграции, гиперболизируя значение и масштабы переселений, роль государства и отдельных этносов в миграционной истории Крыма.

Ученые, занимающиеся крымскими исследованиями, рассредоточены по разным научным учреждениям Украины, России и других государств. Истинные научные исследования страдают от излишней фактологии, недостаточной рефлексии и слабой аналитической базы из-за снижения уровня профессионализма академического сообщества. Современные исследования охватили различные периоды переселений, как постсоветского периода, так и советского, и дореволюционного. В исследованиях выделяются следующие походы изучения миграций:

- *географический* (рассмотрение закономерностей системы этнического расселения Крыма, влияние на нее миграций; популярны темы – изучение географии принудительных миграций, их влияние на трансформацию системы расселения и территориального устройства, масштабы и пространственные особенности послевоенного переселенческого движения, роль миграций в формировании современного крымского общества и др.);

Таблица 1

Исследования миграций на Крымском полуострове (сост. автором)

Этапы	Основные черты	Исследователи
Миграционные исследования до 1917 г. (<i>описание, аккумуляция данных</i>)	Общие исследования полуострова; чисто миграционных исследований не было, рассматривались в контексте демографической характеристики Крыма; описание исторических событий в отчетах чиновников и публицистов	П.И. Сумароков, И.Э. Тунманн, А.А. Скальковский, В.Х. Кондараки, Н.С. Державин, А.Г. Завадовский, А.И. Маркевич, Ф.Н. Андриевский и др.
Миграционные исследования зарубежной науки 1920-х – 1980-х гг.	Рассмотрение депортаций, табуированных в СССР: описание, оценка масштабов и последствий. Миграционные исследования Крыма в послевоенный период существовали лишь за рубежом	А. Некрич, D. Seydamet, R. Conquest, S.H. Kúrýmly, M. Pirson, E. Kúrýmál, E. Morrissey, E. Schütz, E. Mahmut, E.W. Fisher и др.
Довоенные миграционные исследования советского периода (<i>миграции в контекста</i>)	Переселение евреев как фактор модернизации хозяйства Крыма; миграции – в контексте этнокультурных изменений населения региона, рассмотрение исторических миграций, вызванных «варварством»	П.А. Никольский, У.А. Боданинский, В.Э. Ден, Л.М. Фрухт, С.А. Усов, А.И. Маркевич, С.Д. Ширяев, Б.П. Вологдин, А. Озенбашлы, Е.И. Чернышов и др.

Этапы	Основные черты	Исследователи
<i>этнографических исследований)</i>	правительства Российской империи	
Послевоенные миграционные исследования советского периода (<i>решение проблем хозяйственного освоения и использования ресурсов</i>)	Миграции в контексте хозяйственного использования трудовых ресурсов, миграционные процессы как феномен не рассматривались; исследование принудительных миграций было запрещено; изучение древней истории миграций (неолит, Скифия и пр.)	Ю.А. Лешуков, Ф.Ф. Шиллингер, Б.Н. Граков, Ю. Ларин, Л.В. Макарова и др.
Современные миграционные исследования (<i>решение социальных проблем</i>)	Исследование миграционных процессов отдельных периодов, в том числе принудительных; изучение формирования крымского социума и влияние на этот процесс миграций; участие в изучении западных ученых и международных организаций	Р.Д. Алиев, Р.И. Хаяли, И.М. Габриелян, В.П. Петров, В.В. Степанов, И.М. Прибыткова, Э.И. Сеитова, Н.А. Сидоренко, В.М. Кабузан, С.И. Абылкаликов, Н.Ф. Бугай, П.М. Полян и др.

- *этносоциологический* (изучение современной миграции населения – репатриации (в основном крымских татар): масштабам переселения, анализу стратегий адаптации и приживаемости репатриантов в принимающем обществе, и др.);
- *исторический* (миграционная история Крыма; реконструкция исторических событий и закрытием белых пятен на спорных участках демографической истории; иногда миграционные работы страдают от умышленных усиления эффектов и преувеличения масштабов миграций, что вынуждает сомневаться в их научности и полезности);
- *этнографический* (рассмотрение роли отдельных этносов в социально-экономическом развитии Крыма чрезвычайно актуально в свете политизации и напряженности межэтнических отношений в 1990-е – 2000-е гг.; в некоторых работах – обобщения этнических процессов и конструирования карт этнографического пространства полуострова).

Деление на подходы условно, т.к. исследования миграций часто включает несколько подходов из-за междисциплинарного характера переселений. Для решения задач авторы используют и неуказанные выше подходы (экономические, статистические, демографические), но их роль второстепенна. Главной же целью современных исследований по-прежнему является накопление информационной базы и устранение пробелов миграционной

истории Крыма в ущерб аналитической части и поиску закономерностей переселений. Мы постараемся это исправить.

Литература

1. Kizilov M., Prokhorov D. The development of Crimean studies in the Russian Empire, the Soviet Union, and Ukraine // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Vol. 64, No. 4 (December 2011), pp. 437–452.

2. Крупник И.И. Крым: прошлое и настоящее // Советская этнография. 1988. №5. С. 157–160.

Сведения об авторе:

Гусаков Тимур Юрьевич – младший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: gusakov-ty@ranepa.ru

УДК 911.34

С. И. Жук
S.I. Zhuk

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

THE IMPACT OF LABOR MIGRATION ON THE ECONOMIC SITUATION OF THE SUBJECTS OF THE URAL ECONOMIC DISTRICT

В статье, посредством анализа статистической информации, изучается влияние, оказываемое на экономическое положение региона, миграцией рабочей силы. В качестве объекта исследования были выбраны области и республики, входящие Уральский экономический район. Экономическое положение регионов оценивалось по численности рабочей силы, валовому региональному продукту на душу населения, а также по объему инвестиций в основной капитал на душу населения. Было выявлено, что миграция трудовых ресурсов, оказывает влияние на экономическое состояние регионов. Однако это воздействие не является абсолютным и зависит от специфики территории.

The article examines the impact of labor migration on the economic situation of the region through the analysis of statistical information. The regions

and republics included in the Ural Economic Region were selected as the object of the study. The economic situation of the regions was assessed by the size of the labor force, the gross regional product per capita, as well as by the volume of investment in fixed assets per capita. It was revealed that the migration of labor resources has an impact on the economic condition of the regions. However, this impact is not absolute and depends on the specifics of the territory.

Ключевые слова: миграция трудовых ресурсов, миграционные прирост, численность рабочей силы, Уральский экономический район, Валовой региональный продукт на душу населения, инвестиции на душу населения.

Key words: migration of labor resources, migration growth, labor force size, Ural Economic region, Gross regional product per capita, investment per capita.

Важнейшим фактором, обеспечивающим рост благосостояния человека, является труд. Еще А. Смит отмечал, что «Годичный труд каждого народа представляет собой первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты...» [1, С. 65]. Поэтому, чем больше людей занято производительным трудом, тем более экономически развитыми будут страна или регион.

Приток рабочих рук в регион, можно, в этом смысле, рассматривать как положительное явление, способствующее улучшению экономического положения республики или области. И наоборот, отток населения, можно характеризовать в качестве негативного фактора, снижающего уровень развития территориального образования.

В статье на статистическом материале анализируется зависимость экономического положения региона от направления миграции трудовых ресурсов. Анализируются три показателя, позволяющие дать характеристику состоянию экономики региона: численность рабочей силы, валовой региональный продукт на душу населения и инвестиции в основной капитал на душу населения. Исследование проводилось на примере субъектов Уральского экономического района (УЭР).

Поскольку занятые производительным трудом являются частью населения, то изменения в динамике трудовых ресурсов можно оценить по разнице между притоком и оттоком населения региона. Миграционный прирост населения УЭР представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Миграционный прирост населения УЭР [2]

	2011	2013	2015	2017	2019
Уральский экономический район	-11 323	-10 782	-20 236	-29 378	-7059
Республика Башкортостан	-9386	2827	-5957	-2607	-5506
Удмуртская республика	-3846	-3448	-2938	-3524	-3166
Пермский край	-807	22	-4014	-6029	-3763
Курганская область	-9952	-6824	-5536	-5113	-2527
Оренбургская область	-7047	-9358	-6681	-8479	-237
Свердловская область	13143	1884	1524	214	6335
Челябинская область	6572	4115	3366	-3840	1805

За анализируемый период в пяти субъектах УЭР из десяти наблюдался отрицательный миграционный прирост населения. Это обстоятельство повлияло на ситуацию с миграцией в целом по экономическому району. Она имела отрицательную величину. Относительно численности жителей региона наибольшая отрицательная динамика наблюдалась в Курганской области. Максимальный же прирост числа жителей продемонстрировала Свердловская область.

Миграция населения не могла не повлиять на величину рабочей силы регионов. Статистические данные по численности рабочей силы субъектов УЭР представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Численность рабочей силы субъектов УЭР (тыс. человек)

[3, С.115; 4, С.103]

	2011	2013	2015	2017	2019	Изм. %
Уральский экономический район	9992	9854	9730	9526	9179	-8,1
Республика Башкортостан	2080	1988	2017	1995	1896	-8,8
Удмуртская республика	838	828	821	790	763	-8,9
Пермский край	1391	1337	1305	1282	1225	-11,9
Курганская область	445	441	425	403	365	-17,9
Оренбургская область	1049	1064	1012	1014	930	-11,3
Свердловская область	2307	2309	2293	2179	2125	-7,9
Челябинская область	1882	1887	1857	1863	1875	-0,4

За анализируемый период в УЭР зафиксировано ежегодное снижение численности рабочей силы. В наибольшей степени она сократилась в Курганской области, за которой следуют Пермский край и Оренбургская область. В наименьшей степени численность рабочей силы уменьшилась в Челябинской области.

При прочих равных условиях снижение численности рабочей силы означает сокращение объема выпускаемой продукции в регионе. Величину создаваемых товаров и услуг характеризует такой показатель, как валовой региональный продукт (ВРП). Однако, в силу различия производственного потенциала, следует рассматривать не изменение абсолютной величины ВРП, а его доли, приходящейся на одного жителя территориального образования. В таблице 3 приводится динамика валового регионального продукта на одного жителя субъекта УЭР.

Таблица 3.

ВРП на душу населения в субъектах УЭР (рублей)*

	2011	2013	2015	2017	2018	Изм., %
Уральский экономический район	270316,0	305690,1	363851,4	405412,0	455828,4	69
Республика Башкортостан	236240,0	286131,7	323367,4	343509,4	412530,0	75
Удмуртская республика	221152,7	266992,3	341391,7	367138,2	417899,1	89
Пермский край	319149,5	334027,2	403601,6	453302,3	503818,3	58
Курганская область	151046,4	189502,7	207236,0	236364,7	253573,7	69
Оренбургская область	272897,1	356311,4	387881,4	414936,9	507847,3	86
Свердловская область	300068,8	363261,5	421100,7	495115,9	527158,5	76
Челябинская область	222664,2	252988,8	345597,1	385559,9	422950,8	90

* Составлена автором на основе данных Росстата

С 2011 по 2018 гг. наибольшая величина ВРП, отмечена в Свердловской области, за которой следуют Пермский край и Оренбургская область. Меньше всего ВРП пришлось на жителя Курганской области.

Во всех субъектах УЭР наблюдался рост данного показателя. При этом наилучшая динамика роста отмечена в Челябинской области. Меньше всего ВРП на одного жителя прирос в Пермском крае. Наблюдаемая динамика рассматриваемого показателя свидетельствует о росте производительности труда в регионах УЭР, что является позитивным фактором, способствующим экономическому развитию уральского макрорегиона. Можно утверждать, снижение численности рабочей силы не отразилось на объеме выпускаемой на Урале продукции.

Важным условием повышения уровня жизни жителей регионов принято считать объем инвестиций в основной капитал

предприятий. Вложение средств в развитие производства «...обеспечивает создание новых рабочих мест, повышение жизненного уровня населения, стабильность и безопасность общества, выравнивание экономического развития регионов страны» [5, С. 28]. При этом, как и в случае с ВРП следует анализировать не абсолютную величину инвестиций, а ее долю, приходящуюся на одного жителя. В таблице 4 представлена динамика этого показателя за исследуемый период.

Таблица 4.

Инвестиции в основной капитал на душу населения в субъектах
УЭР (рублей)*

	2011	2013	2015	2017	2019	Изм., %
Уральский экономический район	58375	69901	73465	70636	91723	57
Республика Башкортостан	46337	65529	78046	68532	79639	71
Удмуртская республика	41015	54488	53942	55254	66825	63
Пермский край	55002	83290	85826	93294	11174 5	103
Курганская область	33087	37673	32156	26889	48425	46
Оренбургская область	57535	75970	84709	93200	10802 8	88
Свердловская область	77503	81727	80847	73975	10442 3	35
Челябинская область	50777	61635	62086	56892	86156	69

* Составлена автором на основе данных Росстата

Как видно из таблицы 4 наибольшая величина инвестиций, приходящихся на одного жителя, наблюдалась в Пермском крае, за которым расположились Оренбургская и Свердловская области. Наименьший размер инвестиций на душу населения отмечен в Курганской области. По динамике изменения инвестиций на первом месте находился Пермский край, а на последнем Свердловская область.

Можно утверждать, что миграционная динамика практически не оказывает влияния на объем инвестиций, направляемых в регион. Та же Оренбургская область, несмотря на существенный отток населения, является привлекательной для инвесторов. В тоже время Челябинская область, демонстрирующая

положительную миграционную динамику, расположилась в середине списка регионов УЭР, как по объему инвестиций, так и по величине ВРП, приходящихся на душу населения.

Анализ, проведенный в статье, показал наличие влияния миграции трудовых ресурсов на социально-экономическое развитие субъектов УЭР. Однако это влияние не является определяющим. Многое зависит от отраслевой структуры региона, наличия полезных ископаемых, географического расположения и т.д.

Для региона, не имеющего в достаточном количестве факторов развития, характерен отток рабочей силы и, как следствие, экономическая деградация. И наоборот, регион, в должной мере, располагающий факторами развития, является привлекательным для поиска работы или, даже при отрицательной динамике рабочей силы, обладает потенциалом экономического роста. Не случайно в «Рейтинге регионов России по качеству жизни 2020» Курганская область заняла 79 место. Свердловская же область, лидер по экономическому развитию в УЭР располагается на 15 месте [6].

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А.Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>, свободный (дата обращения: 09.02.2021).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронные ресурсы]. 2020: Стат. сб./ Росстат. – М., 2020. – 1242 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронные ресурсы]. 2016: Стат. сб./ Росстат. – М., 2020. – 1326 с.
5. Недохлебова Е.Б., Шуракова О.И. Влияние инвестиционных процессов в регионе на занятость населения // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2019. - № 2. – С. 27-34.
6. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20210215/kachestvo-zhizni-1597462656.html>, свободный (дата обращения: 15.02.2020).

Сведения об авторе:

Жук Сергей Иванович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и гуманитарных дисциплин Набережночелнинского филиала Казанского национального исследовательского университета – КАИ

E-mail: serg-zhuk@yandex.ru

**АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАК
УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).**

**THE ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AS A
CONDITION OF THE SETTLEMENT SYSTEM IN THE
REGION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD
REGION).**

Предпринята попытка оценки демографической ситуации региона. Анализируются базовые компоненты, характеризующие демографическую ситуацию как условия развития системы расселения региона. Рассматриваются основные причины, влияющие на динамику изменений базовых компонентов. Устанавливается взаимосвязь демографических процессов и социально-экономического развития территории. Определяется основное направление достижения главной цели социально-экономического развития региона.

An attempt is made to assess the demographic situation of the region. The basic components that characterize the demographic situation as conditions for the development of the settlement system of the region are analyzed. The main reasons influencing the dynamics of changes in the basic components are considered. The interrelation of demographic processes and socio-economic development of the territory is established. The main direction of achieving the main goal of socio-economic development of the region is determined.

Ключевые слова: территория, регион, демографическая ситуация, демографические процессы, система расселения; социально-экономическое развитие.

Key words: territory, region, demographic situation, demographic processes, settlement system, socio-economic development.

Современные отечественные исследования в области социально-экономической географии свидетельствуют о том, что переход Российской Федерации к рыночной экономике привёл к коренным изменениям в территориальной структуре расселения населения. Усилились тенденции к концентрации населения в городских агломерациях и местных центрах различного уровня. Наряду с этим происходят негативные системно-структурные сдвиги

и сокращение сети сельского расселения. Земельные ресурсы и производственная база села оказались в ведении частной собственности, что привело к изменению различных связей между населёнными пунктами (производственных, трудовых, по линии социальной инфраструктуры). В результате происходит обострение целого ряда социальных проблем (безработица, ухудшение экологической ситуации, негативная трансформация сферы обслуживания) и, как следствие, увеличение оттока населения из сельской местности. Одновременно ускоряются процессы урбанизации, результатами которых является рост крупных городских агломераций, имеющих в современных условиях более благоприятные предпосылки экономической деятельности, относительно развитую инфраструктуру и, следовательно, более высокий уровень жизни и менее сложную демографическую ситуацию. В результате усиливается контрастность в размещении населения по территории региона, а процесс расселения населения приобретает более локальный характер.

Вышеуказанный исторический динамизм системы расселения региона во многом является следствием происходящих социально-экономических процессов. В то же время не вызывает сомнения огромное влияние демографических процессов на социально-экономическое развитие территории. Так, на современном этапе существующее размещение и процессы движения населения в регионах не всегда способствуют решению задач развития экономики, повышению уровня и качества жизни населения, сохранению благоприятной экологической ситуации.

В этой связи полноценный анализ взаимосвязей между демографическими процессами и иными социально-экономическими явлениями в целях эффективного территориального социально-экономического развития возможен посредством достижения общего решения целого комплекса задач. Попутно заметим, что рамки данной публикации не позволяют охватить весь спектр задач достижения выше указанной цели и ограничиваются анализом демографической ситуации региона исследования.

Известно, что анализ демографической ситуации в значительной мере необходим для раскрытия причин тенденций расселения на региональном уровне, в основе которых лежат процессы рождаемости, смертности и механического движения

населения. Одним из важнейших её показателей является численность населения.

Таблица 1.

Численность населения Волгоградской области [1, 2]

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2020 г.
Численность населения ¹ – всего, тыс. чел.	2725	2640	2614,2	2557,4	2535,2	2507,5	2491,0
в том числе:							
городское	2048	2000	1980,2	1957,2	1947,2	1933,7	1925,2
сельское	691	658	625,4	600,2	588,0	573,8	565,8
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (всё население), число лет	64,8	67,2	69,7	72,0	73,54	74,07	

¹На начало года.

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод, что в целом ситуация с численностью населения в Волгоградской области сложилась неблагоприятная. Наблюдается стабильная естественная убыль населения в муниципальных районах региона: так, за рассматриваемый период этот показатель уменьшился на 234 тыс. человек, что составляет 8,6%.

Вместе с тем, за рассматриваемый период усилились различия между городскими и сельскими поселениями, что наиболее существенно отразилось на динамике общей численности населения. При этом - наблюдается стабильное увеличение доли городского населения: так, с 75,6% в 2000 г. до 77,3% в 2020 г. при снижении доли сельского населения – с 25,4% до 22,7% за тот же период.

В качестве положительного явления отметим тенденцию увеличения средней продолжительности жизни: так, за период 2000—2019 годы продолжительность жизни населения региона возросла на 14,3% и превысила 74 года.

Показатели рождаемости и смертности на 1000 человек населения в динамике за период 2001-2019 гг. представлены на рисунке 1.

В соответствии с критериями оценки показателей естественного движения населения рождаемость в Волгоградской области последний год характеризуется как «низкая» (8,4 на 1000 человек населения), показатель общей смертности относится к области «средних значений» (13,1 на 1000 человек населения). Показатели рождаемости в Волгоградской области на протяжении последних лет стабильно ниже, чем в среднем по Российской Федерации, так же как показатели смертности – выше. За последние

7 лет исследуемого периода наблюдается снижение показателя рождаемости на 28,2% с 11,7 в 2012 году до 8,4 в 2019 году. Такая статистика позволяет говорить о естественной убыли населения, или процессе депопуляции на территории области.

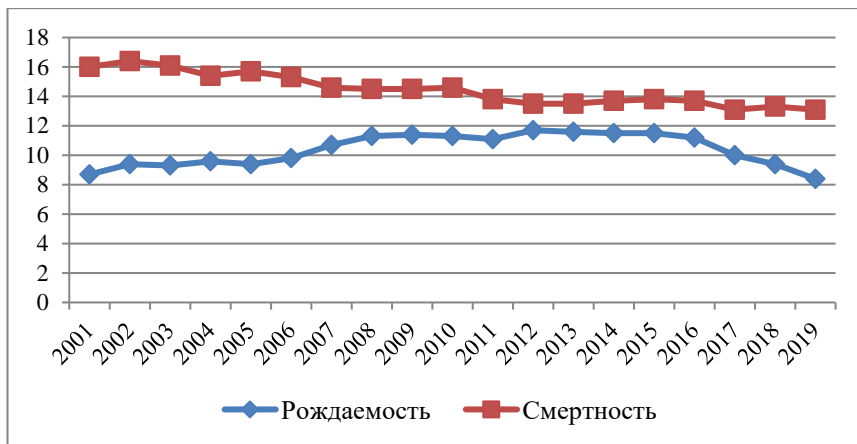

Рисунок 1. Динамика показателей рождаемости и общей смертности населения Волгоградской области (составлено авторами по [3, 4]).

Показатель естественного прироста как соотношение рождаемости и смертности по-прежнему остается отрицательным и составил в среднем по региону в 2019 году – 4,7 на 1000 человек населения. Пространственное отображение данного показателя представлено на рисунке 2.

Анализ представленной картосхемы позволил определить, что в 2019 г. самые низкие показатели рождаемости (на 1000 человек населения) были зарегистрированы в Руднянском (6,3), Киквидзенском и Нехаевском (по 6,6), Кумылженском (6,8), Камышинском (7,0), Алексеевском, Еланском и Урюпинском (по 7,2) районах. Наиболее высокие показатели рождаемости зафиксированы в Старополтавском (11,5), Палласовском (11,0), Быковском и Городищенском (по 10,7) районах. Самые высокие показатели смертности (на 1000 человек населения) в 2019 г. были зафиксированы в Даниловском (20,1), Нехаевском (18,7), Котовском (18,5) Жирновском (17,4), Алексеевском (16,8), Новоаннинском (16,6), Руднянском (16,3) районах; самые низкие – в Среднеахтубинском (10,7), Палласовском (10,9), Городищенском

(11,7) районах, г. Волжском (11,7). В 2019 г. только в 1 районе Волгоградской области – Палласовском был отмечен положительный прирост населения (в 2018 году – в 1 районе, в 2017 году – в 2 районах), который составил +0,1.

Вышеприведённый анализ позволил сделать следующие выводы:

- при достаточно больших сложившихся различиях в рождаемости и смертности Волгоградская область не способна в ближайшей перспективе перейти в режим собственного воспроизводства населения, на что указывает коэффициент депопуляции – превышение числа умерших над числом родившихся – 4,9 раза в 2019 г.

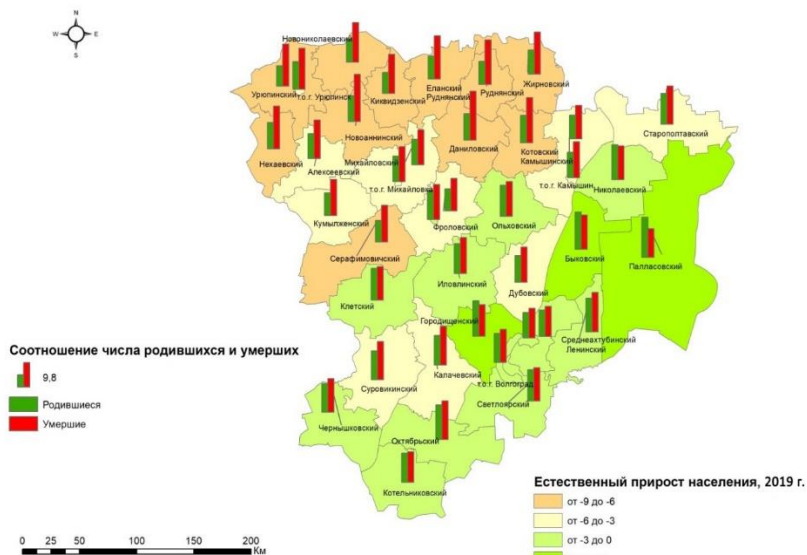

Рисунок 2. Картограмма «Естественное движение населения Волгоградской области» (составлено авторами по [5]).

- бóльшая рождаемость населения характерна для муниципальных районов с наличием городских поселений, в то время как сельские районы отличаются меньшей рождаемостью, что является следствием процессов старения населения и сложностей в обеспеченности объектами социальной инфраструктуры.

На территориальную организацию системы расселения помимо процессов естественного воспроизводства оказывает влияние миграционное движение населения.

Для рассматриваемого региона характерно резкое изменение показателя миграционной активности населения: от положительных значений в начале исследуемого периода до стабильно отрицательных значений начиная с 2007 года (пик был зафиксирован в 2013 г.: - 8759 человек, а в 2019 г. миграционная убыль составила 4684 человека). [6] При этом для внутриобластной миграции, как следствие изменения системы сельских расселений в регионе, характерен миграционный отток населения из сельских поселений в более перспективные населенные пункты, преимущественно в города Волгоград и Волжский. Волгоградская агломерация имеет положительный прирост населения, поступательное экономическое развитие и развитую маятниковую миграцию. В ней в настоящее время проживает около 55% населения области. Основная причина происходящего в том, что в городах можно получить образование, квалифицированную медицинскую помощь, наличие культурного и научного потенциала. В селе в настоящий момент таких возможностей нет. Однако при этом сегодня в городах региона практически нет реальных предпосылок для создания дополнительных рабочих мест. Это обуславливает возникновение некоторых экономических трудностей, таких как трудоустройство, приобретение жилья, что в определённом смысле сдерживает отток населения из сельской местности, а внешних мигрантов, прибывших в Волгоградскую область, вынуждает отдавать предпочтение селу.

Для внешних миграционных потоков характерен стабильный отток населения из районов области за её пределы, особенно экономически активного населения в развитые центры страны, а для внешних мигрантов область постепенно теряет свою привлекательность. Положительный миграционный прирост населения на территорию Волгоградской области наблюдается только из стран СНГ, который составил в 2019 году 2 852 человека, но по сравнению с пиковым 2015 годом он сократился на 30,7%.

В основном это малоквалифицированная рабочая сила, основными потребителями которой являются сельское хозяйство и промышленность региона. Отметим также, что за счёт миграционных потоков, в том числе и нелегальных, происходит частичная компенсация естественной убыли коренного населения области и его оттока. А поскольку наибольший приток мигрантов

наблюдался в основном из республик Кавказа и Средней Азии, это ведёт, на наш взгляд, к социальной напряжённости и другим негативным последствиям.

Таким образом, выше проведённый анализ определил в целом не совсем благоприятную картину влияния демографической ситуации в Волгоградской области на социально-экономическое развитие территории региона за последние 20 лет. Коренного перелома в существующих тенденциях в среднесрочной перспективе, на наш взгляд, не произойдёт, и, как следствие, система расселения, скорее всего, не претерпит серьёзных изменений. Вероятнее всего будет медленно увеличиваться доля городского населения, но не за счёт роста городских жителей, а за счёт сокращения сельского населения. Миграционный отток населения из Волгоградской области будет незначительно сокращаться, однако увеличатся темпы естественного старения населения ввиду низкой рождаемости и оттока трудоспособного населения в другие регионы. Имеющийся недостаток квалифицированных рабочих кадров будет тормозить развитие экономики региона, особенно её высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Увеличение численности населения в одних муниципальных образованиях и резкое сокращение в других, в том числе и за счет миграции населения, будет способствовать дальнейшему усилению внутри региональной диспропорции экономического и социального развития.

Авторская позиция исходит из того, что это достаточно реалистичная картина, и она вполне корреспондируется с большинством общероссийских тенденций. Её «смягчение» видится в проведении более эффективной региональной социально-экономической политики, базирующейся в первую очередь на имеющихся местных ресурсах и конкурентных преимуществах. Развитие такого реалистичного сценария позволит, на наш взгляд, создать более благоприятные условия социально-экономического развития, особенно в сельской местности, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению демографической ситуации, сохранению трудоресурсного потенциала региона, а также улучшит миграционную привлекательность Волгоградской области.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

2. Основные показатели социально-экономического развития Волгоградской области. Режим доступа: <http://volgastat.gks.ru>
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.
4. Основные показатели социально-экономического развития Волгоградской области. Режим доступа: <http://volgastat.gks.ru>
5. Основные показатели социально-экономического развития Волгоградской области. Режим доступа: <http://volgastat.gks.ru>
6. Основные показатели социально-экономического развития Волгоградской области. Режим доступа: <http://volgastat.gks.ru>

Сведения об авторах:

Кукушкина Наталья Александровна, ассистент кафедры географии и картографии Волгоградского государственного университета, Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, телефон (дом): 8 (8442) 46-16-39; 8-937-556-74-70;

E-mail: kukushkina@volsu.ru

Фесенко Владимир Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии Волгоградского государственного университета, проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, телефон (дом): 8 (8442) 62-21-51; 8-902-311-06-67

E-mail: fesenko@volsu.ru

УДК 911.37 (471.3)

М.Н. Куница
M.N. Kunitsa

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

GEODEMOGRAPHIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF BORDER REGION OF THE CENTRAL RUSSIA: MODERN FEATURES AND PROBLEMS

Рассмотрены особенности геодемографической структуры населения приграничного региона Центральной России. Выделены ведущие тренды ее трансформации в современный период. Отражены общие

черты демографических процессов в приграничье. Выявлена специфика ее структурной и пространственной дифференциации, ведущие демографические проблемы социально-экономического развития территории.

The features of geodemographic structure of the population of border region of the Central Russia are discussed. The leading trends of its transformation in modern period are identified. The article reflects general peculiarities of the demographic processes in the frontier region. The specificity of its structure and spatial differentiation, leading demographic problems of social and economic development of the territory are defined.

Ключевые слова: *геодемографическая структура, естественное и миграционное движение населения, тренд, процесс, трансформация, дифференциация, приграничный регион.*

Key words: *geodemographic structure, natural movement and spatial mobility of population, trend, process, transformation, differentiation, border region.*

В современный период усиливается роль геодемографической структуры (ГДС) населения как фактора и индикатора функционирования регионов. Этот процесс активно проявляется на территории восточнославянской геополитической зоны Центральной России (ЦФО). В условиях развития социально-экономических и политических отношений разных государств (России, Белоруссии, Украины), смены периодов экономических кризисов и роста, последствий Чернобыльской катастрофы (в основном на Брянщине) происходит трансформация ГДС. Ее главные направления: изменение трендов динамики численности, процессов воспроизводства и половозрастного состава населения, депопуляция, нестабильность семейных отношений, старение населения, усложнение миграционного движения, социальная поляризация [3, 4, 5, 6]. Проявление демографических волн на фоне реализации демографической политики и национального проекта «Здравоохранение» обусловили смену регрессивных и прогрессивных тенденций, нарастание – ослабление кризисных процессов. Выраженная черта ГДС приграничья – ее пространственная дифференциация (таблица 1).

Одна из главных особенностей и проблем региона – депопуляция. Ведущий тренд процесса отличается от динамики в ЦФО (рост – сокращение – рост). Он сходен с регрессивной тенденцией в Центре без «вклада» столицы, но при более высоких темпах падения людности (на 8,2% в округе и 9,4% в приграничье). Доля региона в населении ЦФО за 1990-2019 годы уменьшилась с

20,5% до 18,0%. Территориальная ситуация контрастна. Наибольшее количество жителей (17-20%) потеряли Смоленская, Брянская и Курская области, где высокая естественная убыль не компенсировалась притоком или усиливалась оттоком. В Воронежской области с менее неблагоприятной ГДС сокращение существенно ниже. Она концентрирует сейчас треть населения приграничья. Для Белгородской области характерно увеличение численности за счет замещающей миграции.

Таблица 1

Региональные особенности показателей геодемографической структуры населения приграничного региона Центральной России

Регион	Динамика численности населения за 1990-2019 гг. (%)	Современные показатели (2018-2019 гг.)					
		общий коэффициент рождаемости (%)	общий коэффициент смертности (%)	коэффициент естественного прироста, убыли (%)	условный коэффициент депопуляции*	уровень демографической старости*	сальдо миграции (%)
1	3,2	9,9 – 9,3	12,9 – 12,6	-3,0 – - 3,3	1,3–1,36	1,71–1,65	4,7
2	-9,4	9,1 – 8,3	14,8 – 14,3	-5,7 – -6,0	1,62–1,73	1,76–1,70	0,8 – 3,2
Российско-белорусское приграничье							
3	-19,6	8,3 – 7,5	15,5 – 15,1	-7,2 – -7,6	1,88–2,0	1,85–1,79	-0,2 – -0,4
Российско-белорусско-украинское приграничье							
4	-19,2	9,2 – 8,3	15,2 – 14,7	-6,0 – -6,4	1,64–1,77	1,66–1,61	-3,0 – -0,03
Российско-украинское приграничье							
5	-17,5	9,2 – 8,4	15,4 – 15,0	-6,2 – -6,6	1,67–1,79	1,74–1,68	-1,2 – 3,9
6	11,1	9,2 – 8,5	13,5 – 13,3	-4,3 – -4,8	1,47–1,56	1,67–1,61	2,7 – 5,9
7	-6,1	9,2 – 8,4	14,7 – 14,1	-5,5 – -5,7	1,60–1,68	1,85–1,78	2,9 – 4,2

Регионы: 1 – Центральная Россия (ЦФО), 2 – Приграничный регион Центральной России, 3 – Смоленская область, 4 – Брянская область, 5 – Курская область, 6 – Белгородская область, 7 – Воронежская область.

* – соотношение количества умерших и родившихся, ** – соотношение долей возрастных групп старше и моложе трудоспособной.

Составлено по: [2, 8, 9, 10, 11]

Важная особенность ГДС – кризис процессов естественного воспроизводства населения. Длительна проблема низкой рождаемости. В приграничье она сейчас более выражена, чем в целом в ЦФО. Произошла смена трендов: снижение – увеличение с начала XXI века – уменьшение как общероссийский процесс (с 2015 г.). Общий коэффициент рождаемости в 1990 году в приграничье превышал уровень Центра (12,1‰ и 11,1‰), затем регион потерял

позиции (до 8,3% и 9,3% в 2019 г.) [2, 8]. Лидерство в округе утратили Белгородская и Брянская, несколько повысили «рейтинг» Воронежская и Курская области при постоянно низком – Смоленщины. Прогнозируется сокращение рождаемости [1]. Для «смягчения» процесса важна реализация мер демографической политики по стимулированию рождений, поддержке молодых, многодетных, малообеспеченных семей [7].

Актуальна проблема высокой смертности. Тренд ее роста до максимума в начале XXI века сменился снижением на фоне подъема демографической волны и развития системы здравоохранения. Однако общий коэффициент смертности и сейчас велик. Разрыв показателей ЦФО и приграничья увеличился (с 13,2% и 13,4% в 1990 г., до 12,6% и 14,3% в 2019 г.) [2, 8]. Уровень постоянно более низок в Белгородской, повышен – в Смоленской области. Структура причин смертности сходна с ЦФО с лидерством заболеваний системы кровообращения, новообразований, внешних, органов пищеварения и дыхания. Положителен тренд падения младенческой смертности. Варианты прогноза смертности: рост, стабилизация – увеличение и сокращение, что менее реалистично [1]. Для сдерживания негативного процесса важно повышение эффективности здравоохранения.

После снижения возрастает средняя ожидаемая продолжительность жизни. В приграничье она немного ниже показателя ЦФО. Наиболее отличаются Белгородская область, уступившая Москве лидерство в округе, и Смоленская с устойчиво низким уровнем (73,67 и 71,16 лет в 2018 г.) [9].

Естественная убыль – комплексная проблема развития приграничья. Демографический переход от прироста к убыли в субъектах произошел в 1990-1991 годах. Ее увеличение сменяется с начала XXI века позитивным трендом сокращения в результате повышения рождаемости и падения смертности. С 2016 года ситуация ухудшается из-за отрицательной динамики рождаемости. Уровень убыли населения приграничья более высок, чем в ЦФО. Сейчас (-5,7 – -6,0% в 2018-2019 гг.) его можно оценить как предкризисный согласно критерию демографической безопасности [2, 9, 12]. Наименее неблагоприятна докризисная ситуация в Белгородской, предкризисная сложилась в Брянской, Курской и Воронежской, кризисная – в Смоленской области. Неясны демографические последствия пандемии. Ожидается восстановление негативных тенденций воспроизводства [1]. Его

суженный тип в ближайший период останется одним из лимитирующих факторов развития приграничья. Важное условие ослабления кризиса – реализация национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение».

Происходит трансформация половозрастной структуры. Современный положительный тренд роста когорты детей и подростков недостаточно активен. Возобновилось сокращение трудоспособного населения, «эволюционная» тенденция повышения доли пенсионеров. Проблема – старение населения. Половозрастная структура в приграничье более регрессивна, чем в ЦФО в целом. Самая разбалансированная характерна для Воронежской и Смоленской, более благоприятная – Белгородской и Брянской областей.

Динамизм миграционного движения с усложнением его структуры – особенность ГДС. Доля приграничья в миграционном обороте ЦФО несмотря на сокращение велика (24,3% в 2010 г., 20,5% в 2019 г.) [9, 10].

Трансформируется соотношение типов миграции населения. Возобновилось усиление роли международных перемещений (по 2019 г.). Вклад региона во внешний миграционный оборот Центра постоянно высок (до 28,5% в 2019 г.). Активное сальдо стало «складываться» не только за счет стран СНГ, но и дальнего зарубежья. Доминирует Евразийский вектор с длительным преобладанием Украины. Приоритеты субъектов складываются с учетом геополитического соседства и специфики трансграничного взаимодействия. В Смоленской области это – Беларусь, Брянской – Украина и Беларусь, в 3 остальных областях – Украина. Менялся «рейтинг» других стран постсоветского пространства. Значительна роль Казахстана, Армении, Средней Азии. На снижение убыли трудовых ресурсов нацелена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников. ЦФО принял максимум (43%) этих мигрантов. Среди лидеров – Воронежская область (7%), объемы в других намного ниже, а Белгородчина не участвовала в программе.

После пика вынужденных миграций конца XX века въезд из стран СНГ резко упал. Наиболее привлекала беженцев и вынужденных переселенцев Белгородская область. С 2014 года в основном вследствие военных действий на востоке Украины поток снова вырос, но с доминированием категории лиц, получивших

временное убежище. В ЦФО как лидере их приема выделяются и приграничные Воронежская и Брянская области.

Доминируют внутрироссийские перемещения. В ЦФО полюс центростремительных потоков – Москва и Подмосковье. «Фокусами» являются Белгородская, а сейчас и Воронежская области. Важным фактором интенсивного внутрирегионального движения на Брянщине были вынужденные черныбыльские переселения.

Миграционная «картина» приграничья контрастна. В Белгородской области приток постоянен, в Воронежской он доминирует. Для остальных менее социально-экономически привлекательных субъектов типична смена положительного и отрицательного сальдо. В 2020–начале 2021 года принятые меры против распространения пандемии практически остановили международные потоки и резко сократили внутренние миграции в стране.

Геодемографическая структура населения приграничья отличается значительной пространственной дифференциацией. Области входят в разные типы ГДС Центра. «Полюсами» являются: – тип с относительно неблагоприятной ситуацией с основными рисками естественной убыли, высокой миграционной зависимости от притока (Белгородская область); – тип с очень неблагоприятной ситуацией, сильными рисками депопуляции, суженного воспроизводства, активного старения населения, неустойчивости миграционного притока (Смоленская область). Направления демографической политики дифференцированы для каждого типа. Снижение остроты демографического кризиса, рационализация структуры миграций – необходимые условия эффективного социально-экономического развития приграничного региона ЦФО, повышения его человеческого капитала.

Литература

1. Демографический прогноз до 2035 года. – URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 24.01.2021)
2. Естественное движение населения Российской Федерации – 2019 г. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_106/Main.htm (дата обращения 21.01.2021)
3. Ковалев, Ю.П. Социально-демографическая составляющая формирования человеческого капитала в российско-белорусском приграничье / Ю.П. Ковалев // Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья:

монография / Под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск : Универсум, 2016. – С. 217-236.

4. Крупко, А.Э. Проблемы и особенности устойчивого развития системы населения Центрально-Черноземного района / А.Э. Крупко, Н.В. Чугунова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2015. – № 19 (216). – С. 21-28.

5. Куница, М.Н. Трансформация демографической структуры населения Центральной России / М.Н. Куница // Вестник Брянского государственного университета. Точные и естественные науки. – 2014. – № 4. – С. 106-112.

6. Куница, М.Н. Социально-демографические проблемы российско-белорусского приграничья: особенности российских регионов / М.Н. Куница // Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья: Сборник научных статей / Под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск : Универсум, 2015. – С. 94-109.

7. Правительство России. Демография. Семья и дети. – URL: <http://www.government.ru/rugovclassifier/section/2464> (дата обращения 25.01.2021)

8. Регионы России. Социально-экономические показатели 2002. – URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 21.01.2021)

9. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/d19_14p/Main.htm (дата обращения 21.01.2021)

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения 24.01.2021)

11. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (дата обращения 24.01.2021)

12. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. – Москва : Дело, 2005. – 896 с.

Сведения об авторе:

Куница Марина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, экологии и землеустройства ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», 89803320543

E-mail: geodem@mail.ru

Kunitsa Marina, Ph. D., Associated Professor of the Department of Geography, Ecology and Land Management Federal State-Funded

УДК 911.37

А.Л. Лекомцев, А.А. Литвинов
A.L. Lekomtsev, A.A. Litvinov

**СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ
ПУНКТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ,
ФОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

**REDUCTION IN THE NUMBER OF RURAL SETTLEMENTS:
MODERN TRENDS, FACTORS, FORMS
(ON THE EXAMPLE OF THE UDMURT REPUBLIC)**

Охарактеризовано сокращение числа сельских населенных пунктов в Удмуртской Республике в период с 1970 по 2020 г. Подробнее рассмотрены тенденции сокращения количества поселений в постсоветский период. Выделены формы и факторы исчезновения населенных пунктов.

It is written about the reduction in the number of rural settlements in the Udmurt Republic in the period from 1970 to 2020. The trends of reducing the number of settlements in the post-Soviet period are considered in more detail. The forms and factors of the disappearance of settlements are identified.

Ключевые слова: *расселение населения, число населенных пунктов, обезлюдение.*

Key words: *settlement system, number of settlements, depopulation.*

Удмуртская Республика расположена преимущественно в зоне среднесельного расселения. Крупнейшими можно назвать сельские поселения с населением свыше 500 жителей, крупными – 201-500, средними – 101- 200, малыми – 51-100, мелкими – менее 50 [1]. В 2020 г. численность сельского населения Удмуртской Республики составила 508,8 тыс. человек, включая 15 бывших поселков городского типа, в которых проживает 20% сельского населения. Наибольшая доля сельского населения проживает в крупных населенных пунктах. Обычно это районные центры, в которых в среднем проживает от 30 до 50% населения административного района.

За период с 1970 по 2020 год, число сельских населенных пунктов сократилось более чем на 30%. Наибольшее сокращение населения за 50 лет произошло в северных и западных районах (Кезский, Базезинский, Глазовский, Увинский, Селтинский, Ярский, Юкаменский, Игринский, Якшур-Бодьинский, Граховский). Рост наблюдался лишь в пригородных Завьяловском и Малопургинском районах.

Наиболее активное сокращение сельских населенных пунктов наблюдается в группе малых поселений (до 100 человек). Такие поселения в Удмуртской Республике составляют 42,8% от общего числа сельских населенных пунктов [2].

Рассмотрев факторы, повлиявшие на сокращение числа сельских населенных пунктов можно выявить определенную тенденцию, исчезли сельские поселения, которые были рядовыми, не имели ни каких важных функций, с отсутствием автобусного сообщения или же вовсе не имелось твердое покрытие, с численностью населения менее 100 человек, с преобладанием удмуртоязычного населения и с менее благоприятным ландшафтным и пригородным положением. Более всего «склонны к исчезновению» мельчайшие поселения людностью до 5 человек. Среди таковых населенных пунктов исчезли 97,1%. Также перестало существовать 95,3% поселений людностью 6-10 человек, 87,7% - людностью 11-25 человек, 77,0% - людностью 26-50 человек и 62,7% населенных пунктов размером от 51 до 100 человек [2].

В целом, исчезновение малых населенных пунктов происходит по нескольким причинам. В первую очередь стоит выделить социально-экономические: отсутствие объектов социальной инфраструктуры, сокращение рабочих мест, в том числе связанное с автоматизацией работы ж/д транспорта (привела к исчезновению многих обслуживающих их мелких поселений, а также наличие транспортного сообщения. Далее, важную роль играет пригородное положение и демографическая ситуация. Для небольших и отдаленных поселений характерны высокие темпы старения населения по причине механического оттока молодежи [2].

В обществе закрепилось мнение о том, что сельская местность обезлюдевает и число сельских населенных пунктов постоянно сокращается бешеными темпами. Что касается депопуляции сельского местности Удмуртии, можно с уверенностью подтвердить резкое сокращение сельского населения в периферийных районах. Однако согласиться с высокими темпами

сокращения числа населенных пунктов в последние десятилетия нельзя. В период плановой ликвидации «неперспективных деревень» численность сельских поселений в Удмуртской АССР сократилась с 3021 до 2043 только за 20 лет (1979-1989 гг.), то есть 35,5% всех населенных пунктов. В последующие же 30 лет, с 1989 по 2020 год число населенных пунктов сократилась лишь на 3,7%.

Другой момент, на который стоит обратить внимание, это наличие или отсутствие статуса населенного пункта. Многие населенные пункты фактически являются нежилыми, то есть не имеют постоянного населения, учитываемого текущей статистикой. Поэтому мы рассмотрели проблему сокращения числа населенных пунктов с точки зрения наличия постоянного населения, а не статуса. В этом ключе, с 1979 по 1989 г. в республике лишилось постоянного населения 1056 поселений, с 1989 по 2004 г. – 164, с 2004 по 2020 – 168. То есть к концу советского периода обезлюдело 76,1% сельских населенных пунктов, существовавших в 1970 г., и только 23,9% - за период с 1989 по 2020 г.

Наибольшая доля обезлюдевших населенных пунктов в постсоветское время зафиксирована в периферийных районах Удмуртии: Ярском, Кезском и Кизнерском, более 25% от общего числа сельских поселения на 1989 г. Все районы с высокими значениями этого показателя характеризуются низкой средней плотностью сельских поселений и большим их числом. Минимальные показатели – в пригородных Завьяловском, Малопургинском и Сарапульском районах (до 7%). В Киясовском районе нами не зафиксированно не одного случая обезлюденья деревень за последние 30 лет.

Также интересен для изучения процесс, когда постоянное население в обезлюдевших деревнях вновь появляется. Например, в период с 1989 по 2020 год постоянное население появилось в 109 ранее исчезнувших поселениях, что составляет 10,3% всех обезлюдевших в период с 1970 по 1989 гг. В районном разрезе большая их часть приходится на пригородные районы (Завьяловский, Воткинский, Киясовский, Якшур-Бодьинский, Сарапульский), а также на удаленные Юкаменский, Сюмсинский и Игринский. Подобные поселения имеют очень небольшой размер (до 10 человек) и потому крайне нестабильны. 26 из «вновь восстановившихся» поселений обезлюдели повторно в течение этого же периода.

Еще один момент, который стоит учитывать при анализе изменения числа населенных пунктов, что многие населенные пункты, полностью теряя постоянное население, продолжают существовать в различных формах. Чаще всего местное население продолжает использовать усадьбы в качестве дач, городов или пасек, иногда на базе бывшего населенного пункта развиваются фермерские хозяйства, туристско-рекреационные объекты или промышленные предприятия. Последние характерны для пригородных районов. При исследовании таких процессов мы применяли дистанционные методы.

Для характеристики подобных явлений мы более детально рассмотрели период с 2004 по 2020 г. Итак, в целом по республике за этот период лишилось постоянного населения 168 населенных пунктов (12,1% от официального числа в 2004 г.). Лидерами сокращения, как и в предыдущие периоды стали периферийные районы: Балезинский, Кезский, Ярский, Сюмсинский, Дебесский, Вавожский, а также Игринский и Можгинский районы (14-19%). Минимальное сокращение зафиксировано в Киясовском, Малопургинском и Каракулинском районах (менее 7%), в которых доля поселений с населением не более 50 человек минимальна.

В этот же период, в 26 из 168 обезлюдевших населенных пунктах постоянное население появилось вновь. Большая часть таких поселений расположена в районах, где наблюдалось максимальное сокращение. В частности, это Игринский и Балезинский районы (по 5 населенных пунктов). В некоторых районах доля «возрожденных» составила более 50 % от числа обезлюдевших за рассматриваемый период (Воткинский, Сюмсинский).

По данным, полученным дистанционными методами, среди потерявших постоянное население в период после 2004 г., были выделены населенные пункты, в которых сохраняется активная человеческая деятельность (например, используемые как дачные поселки). Таковым дано условное название «не заброшенные». Из 168 обезлюдевших, не заброшенными оказались 86, то есть 51,2%. Среди лидеров по доле не заброшенных (среди обезлюдевших после 2004 г.) выделяются районы южной половины Удмуртии: Алнашский, Вавожский, Камбарский, Кизнерский, Завьяловский, Шарканский, Якшур-Бодьинский, а также Дебесский, где показатель превысил 60%.

В результате, можно констатировать, что из обезлюдевших сельских поселений за последние 15 лет полностью были брошены лишь 53, что составляет 31,5% от общего числа. Максимальный процент брошенных деревень (более 40%) характерен для периферийных районов республики: Базинского, Глазовского, Кезского, Ярского, Юкаменского, Каракулинского и Селтинского, а также для Увинского и Малопургинского районов. Как правило, полностью забрасываются населенные пункты, расположенные вдали от райцентра, крупных поселений и дорог с покрытием. Большая часть из перечисленных районов характеризуются наличием крупных залесенных пространств, внутри которых «доживают» мелкие населенные пункты, не имеющие стабильного дорожного сообщения. Также значительную долю среди брошенных имеют прижелезнодорожные поселки, так называемые «Казармы» или «Дома», расположенные на определенном километре путей. Исчезновение таких поселений вносит вклад в высокие показатели (доли брошенных деревень) северных районов Удмуртии, а также Малопургинского и Можгинского районов.

Таким образом, современные тенденции сокращения числа сельских населенных пунктов не значительны по сравнению с периодом плановой ликвидации. Динамика численности постоянного населения в малых поселениях (менее 10 жителей) не стабильна. Населенный пункт может обезлюдеть, а через некоторое время жители появятся вновь. В последние десятилетия лишь третья часть обезлюдевших населенных пунктов Удмуртии были брошены полностью. Большая часть продолжает функционировать в другой форме.

Литература

1. Литвинов А.А. «Динамика сельского расселения Удмуртии за 1970 – 2003 годы» / Литвинов А.А., Вахрушева А.М. // Наука Удмуртии/ - Ижевск - 2007. - №4. - С. 104-116
2. Литвинов, А. А. Тенденции изменения числа сельских населенных пунктов в средней полосе России (на примере Удмуртской Республики) / А. А. Литвинов, А. Л. Лекомцев, Д. В. Ложкина // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (12-13 нояб. 2020 г.) / под общ. ред. Е. Г. Кошеловой. - Донецк : Изд-во ДонНУ, 2020. - С. 64-66.

Сведения об авторах:

Александр Леонидович Лекомцев, старший преподаватель кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета. ул. Университетская 1, Ижевск, Россия.

Анатолий Александрович Литвинов, к.г.н., доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета. ул. Университетская 1, Ижевск, Россия.

E-mail: alekomcev@mail.ru

Alexander L. Lekomtsev, Senior Lecturer, Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University. 1 Universitetskaya str., Izhevsk, Russia.

Anatoly A. Litvinov, PhD, Associate Professor of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University. 1 Universitetskaya str., Izhevsk, Russia.

E-mail: alekomcev@mail.ru

УДК 314.7, 911.6

А.В. Лялина
A. V. Lialina

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ГРАДИЕНТЫ

MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN COASTAL ZONE: LOCAL GRADIENTS

Миграционные процессы в приморской части России приобретают все более высокую значимость в контексте активизации развития морского хозяйства России. Оценка миграционной привлекательности российской приморской зоны выявила наличие центров притяжения мигрантов в бассейнах Черного и Балтийского морей, и ряда точечных центров в регионах оттока населения, обусловленных как спецификой развития морского хозяйства, так и агломерационными эффектами.

Migration processes in Russian coastal zone are becoming increasingly important in the context of the intensification of the development of the maritime economy of Russia. An assessment of the migration attractiveness of the Russian coastal zone revealed the presence of centers of attraction for migrants in the

basins of the Black and Baltic Seas, and a number of local centers in regions of outflow of the population, due to both the specifics of the development of the marine economy and agglomeration effects.

Ключевые слова: *приморский муниципалитет, приморская зона, морское хозяйство, миграционная привлекательность, Россия*

Keywords: *coastal municipality, coastal zone, marine economy, migration attractiveness, Russia*

Введение. Приморская зона России представляет собой достаточно обширную по протяженности и разнообразную по условиям развития (природно-климатическим, демографическим, экономическим, социальным и др.) территорию и обладает различной миграционной привлекательностью. Дружининым А.Г. и Лялиной А.В. [1] к приморским отнесены 181 муниципальное образование (97 муниципальных районов (МР), 84 городских округа (ГО)), а также два «муниципалитетоподобных» городских образования в статусе отдельных субъектов Федерации (г. Санкт-Петербург и г. Севастополь). Стягивание населения в приморскую зону становится фактором развития данных территорий и определяет в значительной степени ее трудовой потенциал, в то время как, отток ведет к его сокращению. Перспективы развития приморской зоны России с акцентом на повышение его геополитической и геостратегической значимости [2], эффективности морехозяйственного комплекса требуют четкого понимания локальной специфики миграционной обстановки и факторов ее изменяющих. Таким образом, в данной статье представлена попытка осмысления многообразия миграционной обстановки в приморской зоне России на локальном уровне.

Теоретический обзор. Несмотря на то, что концепция талассоаттрактивности приморских территорий уже достаточно хорошо разработана [1-5], миграционная составляющая данной концепции особенно в контексте отдельных локальных территорий требует уточнения.

В рамках данного исследования под *миграционной привлекательностью региона* понимается такое сочетание *притягивающих факторов, которое определяет его сравнительные преимущества перед другими регионами и формирует осязаемый миграционный прирост.* Миграционная привлекательность любой территории характеризуется выгодным соотношением притягивающих и отталкивающих факторов [6].

Наиболее важными факторами притяжения в приморской зоне выступают следующие.

1. Морехозяйственная активность. Занятость – один из ключевых мотивов миграции в приморскую зону [7]. Исследования подтверждают высокую привлекательность для мигрантов регионов с высокоразвитой отраслью морской рекреации и туризма [8], военно-морским хозяйством [9] и рыболовством [10]. Merkens J.-L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A.T. [11] подчеркивают высокую значимость для прибрежной миграции такой экономической активности в приморских регионах, как судоходство, мелкое рыболовство, туризм наравне с прибрежным менеджментом и общей талассоаттрактивностью.
2. Природно-климатические факторы, а именно благоприятные климатические условия и экологическая обстановка, рельеф местности, наличие гидроресурсов особенно важных для так называемой *lifestyle migration* и *retirement migration* [12-17].
3. Интернационализация «морского» образования как фактор образовательной и научной миграции [18-20].
4. Общие факторы среды (наличие или отсутствие культурной жизни, этнический и национальный состав, уровень культуры, внешний облик и размер, местоположение населенного пункта, уровень его благоустройства и др.).

Данные и методы. Оценка миграционной привлекательности российских приморских муниципалитетов проводилась по показателю, характеризующему результат миграционных процессов – коэффициенту сальдо миграции, что нашло широкое применение в отечественных и зарубежных исследованиях [21-24].

Выделение ядер притяжения и оттока мигрантов на локальном уровне опиралось на сопоставление значений среднегодового коэффициента сальдо миграции для конкретного муниципалитета и среднего значения по региону, в состав которого входит данный муниципалитет.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Росстата и его территориальных органов в приморских регионах России, в том числе представленные в Базе данных «Показатели муниципальных образований». Временной интервал используемых доступных данных включает 2015-2018 гг.

Результаты. Миграционная обстановка в подавляющем большинстве приморских муниципалитетов России отличается от

обстановки, сложившейся в целом по региону, в состав которого входит тот или иной муниципалитет. Так, муниципалитеты российского Черноморья (кроме Крыма) характеризуются миграционным приростом, значительно превышающим среднерегиональные значения (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика приморских регионов России по сложившейся миграционной обстановке в их приморских муниципалитетах

	Число приморских муниципалитетов		Среднегодовое значение коэффициента сальдо миграции за 2015-2018 гг.	
	С положительным сальдо миграции	С отрицательным сальдо миграции	по приморским муниципалитетам	по региону
АРКТИЧЕСКИЙ БАССЕЙН, АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ				
Красноярский край	-	1	-18,1	0,7
Республика Саха (Якутия)	1	4	-7,1	-4,5
Чукотский АО	1	6	-13,8	-7,6
Ямало-Ненецкий АО	-	5	-11,0	-9,1
АРКТИЧЕСКИЙ БАССЕЙН, ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ				
Архангельская область	1	6	-4,1	-6,4
Мурманская область	2	8	-5,5	-5,5
Ненецкий АО	-	2	-5,4	-4,8
Республика Карелия	-	3	-13,7	-2,0
БАЛТИЙСКИЙ БАССЕЙН				
Калининградская область	8	5	6,6	9,4
Ленинградская область	5	3	12,3	15,0
г. Санкт-Петербург	1	-	7,7	7,7
КАСПИЙСКИЙ БАССЕЙН				
Астраханская область	1	6	-3,6	-3,0
Республика Дагестан	2	12	-4,0	-4,0
Республика Калмыкия	-	1	-6,5	-9,4
ТИХООКЕАНСКИЙ БАССЕЙН				
Камчатский край	2	10	-8,8	-2,9
Магаданская область	-	4	-15,8	-11,3
Приморский край	6	8	-4,1	-2,1
Сахалинская область	6	11	-1,6	0,1
Хабаровский край	-	7	-16,8	-2,9
ЧЕРНОМОРСКИЙ БАССЕЙН				
г. Севастополь	1	-	28,1	28,1
Краснодарский край	11	2	10,6	8,8
Республика Адыгея	1	1	14,2	4,6
Республика Крым	12	8	2,9	5,3
Ростовская область	7	1	7,0	0,4

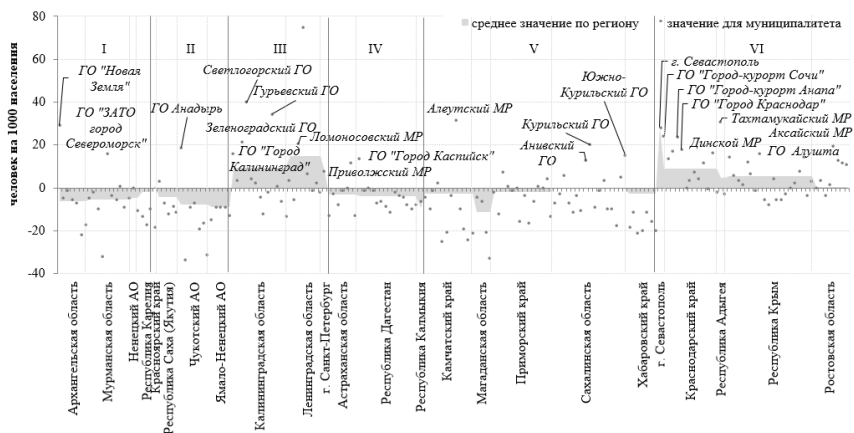
Примечание: по Мурманской области представлены расчеты без учета ГО «ЗАТО поселок Видяево» в силу отсутствия данных

Источник: составлено автором по данным Росстат

В муниципалитетах Тихоокеанского и Арктического бассейнов (кроме Архангельской и Мурманской областей) миграционный отток населения выражен еще сильнее. Миграционная привлекательность муниципалитетов Балтийского бассейна в целом соответствует среднерегиональной или несколько ниже. Приморские муниципалитеты Каспийского бассейна демонстрируют миграционную убыль сопоставимую с размерами по региону.

Анализ миграционной обстановки в приморских муниципалитетах России показал наличие существенной дифференциации (рис. 1). Лишь 37% муниципалитетов являются привлекательными для переселенцев. В традиционных миграционно привлекательных приморских регионах России (Краснодарский край, Крым, Калининградская область, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Республика Адыгея) сформировались локальные центры притяжения мигрантов, обладающие высокой талассоаттрактивностью и/или высоким уровнем и потенциалом социально-экономического развития, образующие крупные агломерации или размещающие на своей территории военно-стратегические объекты. Под влиянием тяготения к крупным агломерациям здесь растет миграционная привлекательность муниципалитетов, не имеющих выхода к морю. Например, ядер агломераций – г. Краснодар, г. Симферополь, г. Ростов-на-Дону и муниципалитетов, тяготеющих к агломерациям - Тахтамукайский МР Республики Адыгея, Аксайский МР, ГО "Город Батайск", ГО «Город Азов», Мясниковский МР Ростовской области, Динской МР Краснодарского края, Всевожский МР Ленинградской области.

Наличествуют и единичные локальные центры притяжения мигрантов в регионах оттока населения. К числу последних относятся муниципалитеты, входящие в состав крупных агломераций (ГО «Город Южно-Сахалинск», Анивский ГО Сахалинской области, Приволжский МР Астраханской области, Артемовский ГО и Надежинский МР Приморского края).

Примечание: I – Арктический бассейн, европейская часть, II – Арктический бассейн, азиатская часть, III – Балтийский бассейн, IV – Каспийский бассейн, V – Тихоокеанский бассейн, VI – Черноморский бассейн

Рисунок 1. Среднегодовые значения сальдо миграции в приморских муниципалитетах РФ в 2015-2018 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстат

Важную роль в регионах оттока играют локальные центры притяжения с возросшим военно-стратегическим значением (ГО «Новая земля» Архангельской области, ГО «ЗАТО город Североморск» Мурманской области, ГО «Город Каспийск» Республики Дагестан) или с развитой добывающей промышленностью (Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) МР Якутии, ГО Анадырь Чукотского АО, Курильский и Южно-Курильский ГО Сахалинской области, Алеутский МР Камчатского края).

Муниципалитеты с отрицательным сальдо миграции представляют в основном регионы с неблагоприятными климатическими условиями. Наиболее явные локальные центры оттока населения сложились на территории Хабаровского и Красноярского краев, Магаданской области, Чукотского АО и Ямало-Ненецкого АО.

Заключение. Миграционное многообразие приморской зоны России на локальном уровне во многом является отражением специфики развития как региона в целом, так и самого муниципалитета, опирающегося, в том числе, на особенности

экономико-географического положения. Фактор «моря», играя важную роль как в качестве фактора притяжения мигрантов, так и отталкивания (особенно в регионах Арктического и Тихоокеанского бассейнов), очевидно, далеко не всегда является определяющим. Зачастую преобладающее значение отводится агломерационным эффектам или приграничному фактору. Сложившиеся градиенты миграционной привлекательности приморской зоны России в значительной мере предопределяют перспективы развития этой территории, ограничивая или способствуя формированию трудового потенциала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Дружинин А.Г., Лялина А.В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 2-1(2). С.20-35.
2. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.
3. Kasanko M., Barredo J.I., Lavalle C. et al. Are European Cities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // Landscape and Urban Planning. 2006, Vol. 77, №1—2. P. 111—130.
4. Salvati L. Looking at the future of the mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications // Romanian journal of regional science. 2014, Vol. 8, № 2. P. 74—83.
5. Pak A., Majd F. Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011, №54. P. 129—136.
6. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966, № 3. P 47-57.
7. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971, No. 61. P. 219–249.
8. Montanari A., Staniscia B. From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis // Volltextausgaben. 2011, 3-4. Pp. 127-200. <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
9. Iden G., Richter C. Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region // Land Economics. 1971, 47(2). Pp. 189-193.
10. Fulanda B., Munga C., Ohtomi J., Osore M., Mugo R., Hossain M.Y. The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya // Ocean & Coastal Management. 2009, Volume 52 (9). P. 459-466.

<https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.

11. Merkens J.-L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A.T. Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways // *Global and Planetary Change*. 2016, Volume 145. Pp. 57-66. 10.1016/j.gloplacha.2016.08.009.

12. O'Reilly K. *The British on the Costa del Sol*. 2000. London: Routledge.

13. Janoschka M., Haas H. (Eds.) *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*. 2013. London: Routledge.

14. Huber A., O'Reilly K. The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain // *Ageing and Society*. 2004, 24 (3). P. 327–351.

15. Casado-Díaz M. Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2006, 32 (8). P. 1321–1339.

16. Benson M., O'Reill, K. *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*. 2009. Ashgate Publishing, Ltd.

17. Membrado J.K. Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca // *MÉTODOE Science Studies Journal*. 2015, 5. P. 65-73. 10.7203/metode.81.3111.

18. Laiz I., Relvas P., Plomaritis T., Garel E. Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal). *Proceedings of EDULEARN16 Conference 4th-6th July 2016, Barcelona, Spain*. 2016. P. 4649-4653. 10.21125/edulearn.2016.2119.

19. Ionov V.V., Kaledin N.V., Kakhro N.M., Kassens H., Movchan V.N., Pfeiffer E.-M., Fedorova I.V., Zubrzycki S. Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University // *Balt. reg.* 2016, Vol. 8, no. 4. P. 114—128. doi: 10.5922/2074-9848-2016-4-8.

20. Burt J., Killilea M., Ciprut S. Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university // *Regional Studies in Marine Science*. 2019, V. 26. 10.1016/j.rsma.2019.100501.

21. Василенко П.В. Методика оценки миграционной привлекательности территории // *Географический вестник*. 2014, №3 (30). С. 38-46.

22. Вдовина Э. Л. и Круглова А. В. Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2009, № 18. С. 105-110.

23. Рыбачкова А. В. Современная оценка миграционной привлекательности регионов Центральной России и Поволжья // *Современные проблемы науки и образования*. № 6. 2014. [Электронный ресурс]: URL: www.science-education.ru/120-16707.

24. Rangel C.G., Lopez E.J. Redistribution of migratory attractiveness among Mexican municipalities, 2000-2020. *Estud. demogr. urbanos* [online]. 2018, vol.33, n.2. P. 289-325. <https://doi.org/10.24201/edu.v33i2.1739>.

Сведения об авторе:

Лялина Анна Валентиновна - к.г.н., научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта»

Anna V. Lialina, Candidate of Geographical Sciences, Researcher at the Center for Socio-Economic Research of the region, Immanuel Kant Baltic Federal University

E-mail: anuta-mazova@mail.ru, тел.: +7 (911) 859-84-91.

УДК 331.556

А. В. Маляренко

A. V. Malyarenko

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

REGIONAL FEATURES OF LABOR MIGRATION IN THE CONSTRUCTION SECTOR OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS IMPACT ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

В статье рассматриваются вопросы динамики трудового потенциала строительной отрасли Республики Беларусь. С учетом региональных особенностей миграционных процессов, приводится анализ угроз и вызовов реализации трудового потенциала строительной сферы.

The article examines the dynamics of the labor potential of the construction industry in the Republic of Belarus. Taking into account the regional characteristics of migration processes, an analysis of the threats and challenges of realizing the labor potential of the construction sector is given.

Ключевые слова: *строительство, миграция, трудовой потенциал, вызовы и угрозы, региональные особенности.*

Key words: *construction, migration, labor potential, challenges and threats, regional features.*

Вопросы демографии для Республики Беларусь являются в числе наиболее важных и острых в настоящее время. За прошедшее с момента обретения независимости в 1991 году время население страны сократилось с 10,2 млн. до 9,4 млн. человек в 2020 году.

Таким образом снижение составило 8%. Это достаточно существенное изменение на фоне стран соседей выглядит менее драматично. За этот же период население Украины сократилось на 19%, Литвы на 25%, Латвии на 28%. Население Польши и России за этот период существенно не изменилось - +1% и -1% соответственно. [1,2]

Прошедшие за три десятка лет демографические тенденции во многом стали результатом трансформаций социально-экономических. Распад Советского Союза изменяет системы социальной поддержки, открывает границы, ускоряет миграционные процессы и расширяет рынок труда. Влияние этих процессов испытывают все сферы экономики, но особенно остро ощущается оно в наиболее трудозатратных отраслях, к числу которых относится строительство.

Демографические и миграционные процессы имеют как прямое, так и косвенное влияние на сферу строительства. Будучи трудонасыщенной сферой, строительство занимает заметное место в структуре занятости населения в любой стране. Благодаря широким возможностям применения труда, от низкоквалифицированного разнорабочих до высококвалифицированного инженерного труда, сфера имеет низкие барьеры входа. Это делает строительную сферу доступной не только представителям местного рынка труда, но также трудовым мигрантам. Поскольку спрос на продукцию и услуги строительной сферы коррелирует с уровнем жизни, это приводит к движениям на региональном рынке труда, поощряя миграцию от менее экономически благополучных стран в более благополучные. С учетом размера стран, влияние миграции, вызванной возможностями применения труда в строительных сферах соседних регионов и других стран, имеет заметные региональные особенности.

Для Республики Беларусь строительство играет важную роль на рынке труда и существенно влияет на миграционные процессы. В 2020 году в этой сфере было занято 276 тыс. человек или 6,4% занятого населения страны. За прошедшие с 2010 года годы этот показатель существенно снизился - десять лет назад аналогичный показатель составлял 412 тыс. человек или 8,8% соответственно. Таким образом занятость в строительной сфере за указанный период сократилась на 135 тыс. человек или на 32%. Высвобождение 2,4% занятого населения строительной отраслью существенным образом влияет на местный рынок труда. В условиях негативных тенденций

в экономике этот фактор создает напряженность на рынке труда и значимо влияет на миграционные процессы. Этому способствуют характер строительного производства и особенности присущие продукции отрасли - передвижной характер работы и территориальная закреплённость объекта недвижимости.

Несмотря на региональную гомогенность социально-экономического развития регионов Беларуси, влияние динамики развития строительной сферы характеризуется региональными особенностями преодоления последствий ниспадающей тенденции, характерной для сферы в последнее время. Так отдельно можно выделить столичный и региональный строительный сектор. Снижение объемных показателей отрасли больше влияют на регионы. В то время как столица и столичный регион, как обладающие более устойчивым и платежеспособным спросом, в меньшей степени подвержены негативным влияниям. В регионах ответом на негативную динамику строительства является отток кадров в более благополучные территории - в первую очередь в Минск. А по мере нарастания или сохранения спада в строительной отрасли - за пределы страны (Россию и страны ЕС).

Строительная сфера экономики Беларуси к 2010 году была существенным образом модернизирована. Причиной была позитивная динамика развития отрасли и ожидание ее сохранения. Строительство рассматривалось правительством в качестве локомотива развития экономики. Результатом стало большое число инвестиционных проектов, переоснастивших строительные тресты и предприятия промышленности строительных материалов. В результате череды экономических кризисов стало очевидным, что ставка на рост объемов строительства внутри страны себя не оправдывает. Закономерным решением стал выход предприятий строительной сферы на внешний рынок. Здесь менее адаптивные, чаще государственные, организации строительной сферы последовали на внешние рынки вслед за частными компаниями, которые в свою очередь обратили внимание на потенциал экспорта после роста индивидуальной трудовой миграции.

В течение последнего времени согласно официальной статистики миграция не несла угрозы для демографической безопасности. Так по официальным данным, долгое время ежегодно численность прибывших в Беларусь на постоянное место жительства превышала численность выбывших. В 2010–2019 гг. за счет положительного сальдо миграции наблюдался рост

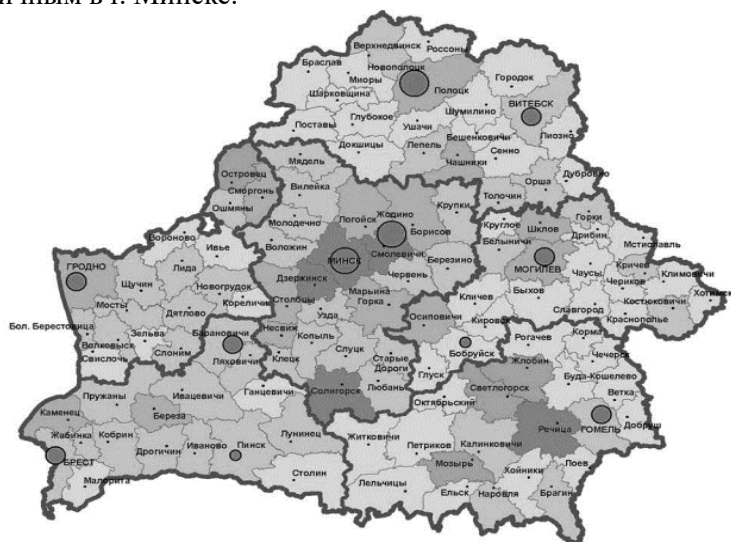
численности населения страны. Всего за данный период миграция увеличила население Беларуси на 110 тыс. человек - см. Рисунок 1. Однако следует учесть, что в структуре миграционного прироста почти каждый четвертый мигрант был старше трудоспособного возраста. В то же время как среди эмигрантов высока доля молодежи с высшим образованием. Следовательно, несмотря на прирост, миграция не способствует увеличению трудовых ресурсов и не может нивелировать последствия характерного для стран Европы старения населения [3].

Рисунок 1. Итоги миграции Республики Беларусь 2010-2019 гг. [1]

Наиболее остро вопрос миграции в Российскую Федерацию стоит в приграничных районах Республики Беларусь - восточных районах Витебской, Гомельской и Могилевской области. С экономической точки зрения это не самые благополучные территории страны - см. Рисунок 2. Отсутствие перспектив экономического роста, доступных и хорошо оплачиваемых вакансий на местном рынке труда, а также географическая близость российского рынка труда, приводит к осязаемому и плохо фиксируемому оттоку трудоспособного населения в Россию. Привлекательность российского рынка труда в данном случае оказывается даже выше перспектив столичного рынка труда в Беларуси. Здесь сказывается существенная разница в оплате труда

на Российском строительном рынке перед местным, в том числе столичным в г. Минске.

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, рублей:

Рисунок 2. Показатели номинальной начисленной заработной платы по районам Беларуси в 2019 году. [1,2]

Острота вопросов обеспечения кадрами строительной отрасли Республики Беларусь и проблемы, вызванные миграцией на зарубежные рынки труда, не раз вызывала необходимость принятия директивных мер по удержанию кадрового потенциала на достаточном уровне для обеспечения потребностей местного рынка. В первую очередь в данные меры касались повышения оплаты труда строителей и инженерного персонала до конкурентного уровня. Однако, поскольку данная проблема возникает с завидной регулярностью, окончательно решить вопрос диспропорции в оплате труда до сих пор не удастся. Изменения на рынке труда связанные с строительной сферой существенным образом влияют на демографическую ситуацию в стране. Это обуславливается

типичным портретом потенциального мигранта, который был занят в местной строительной сфере и намеревается продолжить работу в ней, но за пределами страны. Как правило, это мужчина фертильного возраста со средним или высшим образованием, что делает его востребованным и конкурентным на зарубежном строительном рынке. Выбирают работу за рубежом как представители рабочих специальностей, так и инженерные кадры. Таким образом, миграция, связанная со строительной сферой, вносит свой вклад в утечку мозгов. А поскольку уезжают на временную работу или находят постоянную занятые в строительной сфере из менее благополучных регионов, то их отток приводит к усилению демографической напряженности.

В настоящий момент экономика Республики Беларусь находится в состоянии стагнации, а по мнению ряда экономистов текущая ситуация имеет признаки стагфляции. Обе негативные оценки негативно влияют на перспективы развития, что вызывает рост миграционных процессов, которые к тому же были усилены политическим кризисом 2020 года. Трудонасыщенные отрасли, такие как строительная сфера, являются потенциально наиболее пострадавшими в такой ситуации. Отрасль теряет кадры - от квалифицированных рабочих рук до представителей наиболее перспективных научных и инженерных школ. За исключением столичного региона и областных центров, отток кадров становится особенно заметной проблемой на региональном уровне. Районы теряют человеческий потенциал за счет оттока наиболее квалифицированных кадров в трудоспособном возрасте. С учетом сложившейся ситуации, необходима выработка решений направленных на использование возможностей трудового потенциала строительной отрасли Республики Беларусь на зарубежных рынках с учетом сохранения связи с национальной экономикой через реализацию экспортно-ориентированных контрактов отечественных компаний строительной сферы. Необходимость принятия на государственном уровне мер направленных на стимулирование экспортной деятельности в строительной сфере обуславливается высоким потенциалом строительной отрасли и отсутствием возможности его реализации на национальном строительном рынке в настоящее время в полном объеме. Данные меры, кроме очевидной экономической составляющей в виде реализации и укрепления экспортного потенциала строительного комплекса, должны принимать во

внимание демографическую ситуацию и предусматривать возвращение ценных не только в экономическом, но и демографическом плане кадров отрасли за счет сохранения, поощрения и укрепления их экономических связей с отечественными предприятиями, реализующими экспортные контракты.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/> – Дата доступа: 20.02.2021.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c68/c68ec3c1ac53374bedc363044769f2c1.pdf>– Дата доступа: 20.02.2021.
3. Петракова, Ю. Куда может качнуться миграция [Электронный ресурс] / Ю. Петракова // Экономическая газета. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/kuda-mozhet-kachnutsya-migratsiya>. – Дата доступа: 20.02.2021.

Сведения об авторе:

Маляренко Александр Владимирович, магистр экономических наук, заместитель заведующего лабораторией экономических проблем в строительстве ОАО “НИИ Стройэкономика” (Минск, Беларусь).

Malyarenko Alexander, Master of Economics, Deputy Head of the Laboratory of Economic Problems in Construction, JSC “НИИ Stroyekonomika” (Minsk, Belarus).

E-mail: alex.m.minsk@gmail.com

УДК 314.3

М.Р. Мустафин
M.R. Mustafin

ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ASSESSMENT OF THE MAIN INDICATORS OF THE BIRTH RATE IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

В работе охарактеризована современная ситуация в области рождаемости населения в Республике Татарстан. Выявлены основные показатели и показано место Республики Татарстан среди других регионов России по основным показателям рождаемости.

The paper describes the current situation in the field of the birth rate of the population in the Republic of Tatarstan. The main indicators are identified and the place of the Republic of Tatarstan among other regions of Russia is shown in terms of the main indicators of fertility.

Ключевые слова: рождаемость населения, общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, регионы России, Республика Татарстан, городское и сельское население.

Key words: population birth rate, total birth rate, total birth rate, regions of Russia, Republic of Tatarstan, urban and rural population.

В Республике Татарстан, как и в России в целом за последние годы продолжает снижаться уровень рождаемости. Если в пределах страны в 2019 году снижение происходило на 7,8%, то в Республике Татарстан – на 8,3% [1]. Снижение рождаемости в 2019 г. наблюдалось в 35 муниципальных образованиях республики [2].

Прирост на сегодняшний день за счет рождаемости наблюдается только в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Елабуге, Нурлате и еще 8 муниципальных образованиях республики. По данным 2018 г. Татарстан был единственным регионом в составе Приволжского федерального округа, в котором сохранился положительный естественный прирост населения (0,5%) [3], но уже по данным 2019 г. несмотря на то, что республика сохранила лучшую позицию среди регионов Приволжского федерального округа, образовалась незначительная естественная убыль населения (-0,1%).

Следует также отметить, что несмотря на то, что в сельской местности за год был получен положительный прирост, в отличие от городов, согласно данным Татарстанстата, общий коэффициент рождаемости в городах вырос на 2,5% по сравнению с сельской местностью [3].

Анализ представленных статистических данных, позволяет сделать вывод, что в основных детородных группах 25-29 лет и 30-34 лет соотношение женщин между городским и сельским населением увеличивается в пользу городского. Многие девушки

после получения образования и соответствующей квалификации чаще находят работу в городах, отдают предпочтение городскому образу жизни и более благоустроенной среде для жизнедеятельности и карьерного роста, создают семьи с дальнейшим проживанием в городе, получают городскую прописку. Поэтому в городах наблюдается наибольшая концентрация женщин детородных возрастных групп.

За последние 19 лет отрицательный прирост рождений в республике Татарстан наблюдался только в 2005 году и 2016-2019 годах, а снижение суммарного коэффициента рождаемости (т.е. среднего числа детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода (от 15 до 50 лет), при условии, что в каждом возрасте, рождаемость будет соответствовать возрастному коэффициенту рождаемости соответствующего года [4]), приходились на 2004-2006 и 2015-2019 годы. Если в целом за 2007-2019 годы, благодаря более благоприятной ситуации, характерной для последних лет, число рождений выросло на 2,1 тыс. чел., то по суммарному коэффициенту рождаемости за эти годы наблюдался прирост всего на 0,164.

По общему коэффициенту рождаемости Татарстан за 2015-2019 годы среди регионов страны уступает только некоторым субъектам Северо-Кавказского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

В 2018 г. Республика Татарстан по общему коэффициенту рождаемости (11,9‰) среди 85 субъектов России вместе с Санкт-Петербургом делила 18 место, по данным 2019 г. Республика Татарстан с показателем 10,9‰ занимала 18 место.

По суммарному коэффициенту рождаемости республика в 2019 г. с показателем 1,543 занимала 30 место.

Рейтинг регионов России с самым высоким общим коэффициентом рождаемости возглавляют: Чеченская Республика (20,3‰), Республика Тыва (18,6‰), Республика Ингушетия (16,4‰), Республика Дагестан (14,8‰), Республика Алтай (13,6‰), Ненецкий автономный округ (13,3‰), Республика Саха (Якутия) (13,3‰), Республика Бурятия (12,7‰), Тюменская область (12,6‰), Ямало-Ненецкий автономный округ (12,6‰), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (12,4‰), Республика Северная Осетия – Алания (12,3‰). По данному показателю Татарстан на несколько промилле уступает вышеназванным регионам.

По данным 2019 г. лидерами по суммарному коэффициенту рождаемости являются: Республика Тыва (2,72), Чеченская Республика (2,58), Республика Алтай (2,11), Сахалинская область (1,95), Республика Бурятия (1,89), Ямало-Ненецкий автономный округ (1,83), Республика Саха (Якутия) (1,82), Республика Дагестан (1,80), Республика Северная Осетия – Алания (1,75), Тюменская область (1,75), Забайкальский край (1,74), Еврейская автономная область (1,73), Иркутская область (1,72) [1].

Значительная территориальная дифференциация рождаемости в нашей стране является отражением её национальных различий, причем неполным, так как население многих территорий включает в свой состав национальности с различными репродуктивными установками. Уровень рождаемости на той или иной территории определяется уровнем рождаемости представителей национальности, преобладающей на данной территории [5].

Таким образом, национально-территориальные образования со статусом республики: Чечня, Тыва, Алтай, Бурятия и Саха (Якутия) занимают самые лучшие позиции по обоим основным показателям, применяемым для характеристики рождаемости. Соответствующие высокие показатели рождаемости в них обеспечиваются за счет сельского населения, среди которого рождаемость в некоторых регионах в несколько раз выше, по сравнению с городским, особенно большая разница наблюдается в Чукотском автономном округе (4,8 раза). Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, по показателю суммарного коэффициента рождаемости всех детей среди сельского населения данное национально-территориальное образование имеет один из самых высоких показателей не только в России, но и в мире – 6,56‰ [1].

Если рассматривать показатели суммарного коэффициента рождаемости всех детей среди городского и сельского населения Республики Татарстан, то можно обнаружить небольшую разницу, причем в пользу сельского. В 2019 году суммарный коэффициент рождаемости всех детей в республике среди городского населения составил в среднем 1,53, среди сельского – 1,61.

Статистическими службами в 2016-2018 гг. зафиксировано превышение суммарного коэффициента рождаемости в городской местности, а до этого периода и в 2019 г. традиционно среди

сельского населения наблюдалась более высокая рождаемость, даже со значительным отрывом.

Таким образом, в Татарстане, как и в целом в России и большинстве ее регионов, в последние годы продолжают снижаться многие демографические параметры. Снижение общего коэффициента рождаемости, наблюдаемое в последние годы, повлияло и на другие демографические показатели.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 12.01.2021).
2. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2020: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2020. С.151.
3. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Статистический сборник / Татарстанстат - Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. 159 с.
4. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография: Учеб. пособие. М.: ИНФРА. М, 2007. С.142.
5. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР: Этнодемографический аспект. М.: Статистика, 1977. С.43.

Сведения об авторе:

Мустафин Марат Рафаэльевич, к.г.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: sdk-bink.mmr@mail.ru

УДК 911.1

А.А. Подосян

А.А. Potosyan

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЧИСЛЕННОСТИ, РАЗМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ И РАВНОМЕРНОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ON THE ISSUE OF THE RA POPULATION DYNAMICS, DISTRIBUTION AND BALANCED TERRITORIAL DEVELOPMENT

Одной из приоритетных задач социально-экономического

развития Республики Армения является равномерное развитие территории. Решение этой стратегической задачи во многом зависит от выявления существующих тенденций и изменений, происходящих в распределении и перераспределении населения Республики Армения. В статье представлены территориальные различия в размещении населения вследствие ее динамики за последние три десятилетия, обострение связанных с этим проблем неравномерного территориального развития и указаны пути их решения.

One of the priority tasks of socio-economic development of the Republic of Armenia is balanced territorial development. The solution of this strategic problem is also depended on changes taking place in the RA population distribution and redistribution, current tendencies and situation. The regional differences occurred in the RA population distribution and redistribution resulted by the dynamics over the last three decades, aggravation of balanced territorial problems due to them and solutions as well are given in the article.

Ключевые слова: *Распределение и перераспределение населения РА, динамика численности населения, равномерное территориальное развитие, проблемы*

Key words: *The RA population distribution and redistribution, population dynamics, balanced territorial development, problems*

Введение: Еще в последние десятилетия Советского Союза одним из приоритетов социально-экономического развития Республики Армения была проблема равномерного территориального развития. В 1970-1980-х годах в столице проживало более трети всего населения Армянской ССР, а на долю Араратского (Центрального) социально-экономического района приходилось 60% валовой промышленной продукции (ВПП) Армянской ССР, 58% занятого в промышленности населения, 47% валового сельскохозяйственного продукта (ВСП) и 44% орошаемых земель [1]. Здесь были сосредоточены основные научно-исследовательские и культурные учреждения республики, большинство университетов (11-ть из 13-ти), все учреждения здравоохранения республиканского значения и др.

В условиях новой социально-экономической ситуации, сложившейся в Армении после распада СССР, указанные проблемы не были решены и даже обострились. Так, в 2019 г. на марзы, входящие в Араратский социально-экономический район, сосредоточено более 49,5% ВВП РА, 75% строительных работ и 91% услуг [2].

В решении стратегически важной проблемы территориального развития Республики Армения экономические,

социальные, инфраструктурные, демографические, административно-территориальные факторы играют определенную роль. В этом отношении особенно важно выявление изменений в размещении населения, которые произошли за последние три десятилетия и указание путей решения существующих проблем.

Анализ результатов исследования. За последние тридцать лет (1990-2020 гг.) численность населения Республики Армения уменьшилась примерно на 552 тыс. человек, или на 15,7% [табл.1]. Хотя этот процесс охватил все регионы страны, между марзами и столицей в сокращении численности населения как в абсолютном, так и в относительном выражении наблюдались различия. В столице и в четырех прилегающих к ней марзах - Арагацотнском, Араратском, Армавирском и Котайком (Араратский социально-экономический район) общая численность населения уменьшилась на 10,6%, или немногим больше 226 тыс. человек, однако уменьшение абсолютной численности населения не привело к снижению их доли в общей численности населения страны. Напротив, доля населения столицы и упомянутых марзов увеличилась на 3,8 процентных пункта (с 63,2 до 67%). За период с 1990 по 2020 гг. абсолютная численность населения Ширакского и Лорийского марзов уменьшилась на 226,4 тысячи человек, или более чем на 32%. Если в 1990 г. на эти марзы в совокупности приходилось 20% населения республики, тогда в 2020 году - всего 15,8% [табл.1]. Абсолютное население Гегаркуникого, Вайоцзорского, Сюникского и Тавушского приграничных марзов, где преобладают горные и высокогорные территории, за тот же период сократилось на 59,3 тысячи человек. (табл. 1).

За исследуемый период (1990-2020 гг.) в размещении городского населения Республики Армения также произошли изменения. Абсолютная численность населения уменьшилась во всех без исключения городах страны. Несмотря на сокращение абсолютной численности населения столицы на 149,6 тыс. человек, его доля в городском населении страны увеличилась на 6,2 процентных пункта. Абсолютная численность городского населения четырех прилегающих к столице марзов уменьшилась на 101,6 тыс., или на 24,2%, однако их доля в городском населении страны существенно не изменилась. За тот же промежуток времени численность городского населения Ширакского и Лорийского марзов в совокупности сократилась на 46%, что в абсолютном выражении составило 222 тысячи жителей.

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Армения

Марзы	Годы							
	1990		2001		2011		2020	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всего	3514.9	100	3213.0	100	3018.9	100	2963.0	100
г.Ереван	1237.5	35.2	1103.5	34.3	1060.1	35.1	1087.9	36.7
Арагацотнский	139.3	4.0	138.3	5.3	132.9	4.4	134.7	4.2
Арагатский	271.7	7.7	272.0	8.5	260.4	8.6	256.8	8.7
Армавирский	278.0	7.9	276.2	8.6	265.8	8.8	264.4	8.9
Гегаркуникский	241.0	6.8	237.6	7.4	235.1	7.8	227.2	7.7
Лорийский	367.3	10.5	286.4	8.9	235.6	7.8	213.0	7.2
Котайкский	294.6	8.4	272.5	8.5	254.4	8.4	251.2	8.5
Ширакский	333.5	9.5	283.4	8.8	251.9	8.4	231.3	7.8
Сюникский	146.7	4.2	152.7	4.8	141.8	4.7	136.9	4.6
Вайоцзоркский	59.6	1.7	56.0	1.7	52.3	1.7	48.5	1.6
Тавушский	145.7	4.1	134.4	4.2	128.6	4.3	121.1	4.1

В отличие от городского, динамика численности сельского населения в марзах имеет некоторые отличительные черты. Прежде всего надо отметить, что сельское население страны сократилось в меньшей степени. Так, в 2001-2020 годах убыль городского населения по республике составила 170,4 тыс. человек, или 8,2%, тогда как сельское население уменьшилось на 79,6 тыс. человек, или на 6,9%. Если городское население сократилось во всех марзах, то в Армавирском и Гегаркуникском марзах за исследуемый период наблюдался определенный рост сельского населения.

Сохранение существующих тенденций в динамике численности населения может усугубить сложившуюся ситуацию неравномерного территориального развития и существующие различия в уровнях социально-экономического развития между регионами, марзами и населенными пунктами. Экономическое развитие регионов и марзов республики во многом обусловлено человеческим потенциалом, его составом и структурой.

Характер урбанизации и увеличение различий в размещении между городским и сельским населением являются объективной причиной неравномерного территориального развития страны и продолжающимся ростом диспропорций. Так, увеличение доли

Еревана в городском населении Армении способствовало концентрации в столице 81,7% услуг, 72,8% розничной торговли, 52,3% строительства, хотя на долю столицы приходится 36,7% населения страны и 57,4% городского населения.

Неравномерность территориального развития, размещения и динамики численности населения республики более ощутимы при сравнении марзов в распределении сельскохозяйственных территорий и пашни, динамики численности сельского населения, а также показателей доли валового сельскохозяйственного продукта. На долю Ширакского и Лорийского марзов приходится соответственно 22,6 и 27% сельскохозяйственных угодий и пашни республики, однако в 2018 и 2019 гг. марзы в сумме дали соответственно 18,6% и 19,2% ВСП.

В 2001-2020 гг. доля сельского населения Арагатского и Армавирского марзов увеличилась с 32,3 до 34,3%, т.е. на 2 процентных пункта, в доля ВСП этих марзов с 2014 по 2018 гг. увеличилась почти на 2%. В совокупности в 2018 году они дали около 34% ВСП страны, несмотря на то, что на их долю приходится всего 12,4% сельскохозяйственных и 14,8% пахотных земель.

Заключение. Обобщая результаты анализа, можно сделать следующие выводы.

1. Одной из причин неравномерного территориального развития Республики Армения являются изменения в размещении и перераспределении населения, в частности, изменения в соотношении городского и сельского населения в марзах и регионах;
2. Существующая ситуация неравномерного размещения и динамики численности населения в марзам и регионах может усугубиться в случае сохранения наметившейся тенденции, и ресурсный потенциал, в частности, сельскохозяйственные земли марзов, где наблюдается отток населения, будет использоваться не эффективно.
3. Одним из целевых направлений региональной политики Республики Армения должно стать, с одной стороны, снижение концентрации населения в столичном регионе и в самом Ереване, с другой - реализация мер, направленных на увеличение численности населения за пределами столичного региона. Это позволит более эффективно использовать

территориальные ресурсы страны и способствовать социальному и экономическому развитию республики.

Литература

1. Валесян Л.А. Экономическая и социальная география Армянской ССР, Ереван. 1988 г., 456 с. (на арм.яз.)
2. Демографический сборник Армении, Ер., 2019. armstat.am/?nid=82@year=2019 (на арм.яз.)
3. Марзы и город Ереван. РА в цифрах в 2019 году, <https://armstat.am/am/?nid=82&id=2203>: (на арм.яз.)
4. Потосян А.А., Сельское население и поселения РА, Ер. 2017, 486 стр. (на арм.яз.)
5. Результаты переписи населения Республики Армения в 2001г., Е., 2003, 542 стр. (на арм.яз.)
6. Результаты переписи населения Республики Армения в 2011 г., «Социально-экономическое положение РА в январе-июне в 2013 году », Социально-демографический раздел, с. 119-138. (на арм.яз.)
7. Численность постоянного населения Республики Армения в по состоянию на 1 июля 2020 года, armstat.am/?nid=82@id=2279 (на арм.яз.)

Сведения об авторе:

Подосян Аксель Арутюнович, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии, Ереванского государственного университета, Республика Армения, тел. +37494769669

E-mail: a.Potosyan@ysu.am, akselpotosyan@yandex.ru

УДК 911.9

Т.А.Полякова, А.М.Митряйкина, И.В.Романов
T. A. Polyakova, A. M. Mitryaikina, I. V. Romanov

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SETTLEMENT SYSTEM OF THE BELGOROD REGION

Изучением системы расселения многие века занимаются исследователи разных научных направлений, но в последние десятилетия внимание к процессам их развития стало особенно актуальным.

Ключевой целью устойчивого развития территории является достижение высоких социально-экономических показателей за счет сбалансированного развития территориально-пространственных ресурсов. К территориально-пространственным ресурсам относится совокупность населённых пунктов взаимосвязанных между собой и ограниченных границами исторически обособленных территорий.

Researchers of various scientific fields have been studying the settlement system for many centuries, but in recent decades, attention to the processes of their development has become particularly relevant. The key goal of the sustainable development of the territory is to achieve high socio-economic indicators through the balanced development of territorial and spatial resources. Territorial and spatial resources include a set of settlements that are interconnected and bounded by the borders of historically separate territories.

Ключевые слова: агломерация, расселение, устойчивое развитие.

Keywords: agglomeration, settlement, sustainable development.

Предлагаемое исследование опирается на материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат), территориальных органов Федеральной службы государственной статистики областей ЦЧР, экспедиционные обследования Белгородской области и совмещение разных источников статистической информации с материалами экспертных интервью.

Кризис развития системы расселения Белгородской области грозит полным уничтожением в регионе малых этнических сел, разрушением устойчивой системы функционирования муниципальных образований, расслоением центров социально-экономического притяжения в сторону приграничных территорий.

Анализ социально-экономико-экологических рисков развития региональной системы расселения доказывает, что в ближайшем будущем будет увеличиваться диспропорция в пространственной организации региона. Так как ключевые экономические, социальные и экологические проблемы затрагивают слаборазвитые районы, отток населения из которых будут постоянно увеличиваться.

Наиболее благоприятный инвестиционный климат складывается в Белгородском, Старооскольском, Губкинском городских округах. Указанные муниципалитеты относятся к густонаселённым районам области. Во всех остальных районных образованиях области очень низкие инвестиционные показатели.

Экологические факторы расселения оказывают воздействие на перспективное здоровье населения, от которого зависит его

численность в будущем. Высокой антропогенной нагрузкой отмечается в густо и средненаселенными районами области.

Будущее ядра опорного каркаса, такие как Алексеевский, Валуйский и Новооскольский городские округа имеют высокую степень антропогенной нагрузки и нестабильную экологическую ситуацию. В связи с чем на сегодняшний день экологические аспекты устойчивого развития региона приобретают особую актуальность.

Для решения проблем регионального расселения необходимо расширять экономическую специализацию, увеличивать поток инвестиций, совершенствовать социальные программы развития общества, минимизировать уровень антропогенной нагрузки, совершенствовать инфраструктуру.

Литература

1. Мкртчян Н. В., Л. Б. Карачурина. Региональные столицы и глубинка // Демоскоп Weekly. №575-576. 18 ноября-1 декабря 2013 г.

2. Муниципальные образования и численность населения Белгородской области на 1 января 2020 г. Инф. издание. Белгород: Белгородстат. 2020. 82 с.

3. Чугунова Н.В., Т.А. Полякова. Современные тенденции эволюционного развития сельского расселения региона / География: история, современность, перспективы // Сборник научных трудов. Под ред. Г.С. Гужина. Краснодар. Кубанский госуниверситет. 2012. С. 531–543.

4. Чугунова Н.В., Т.А. Полякова. Современное сельское расселение как зеркало центр периферийного градиента развития региона // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2015. №4. С. 114–124.

Сведения об авторах:

Полякова Татьяна Анатольевна, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: polyakova_t@bsu.edu.ru

Митрайкина Антонина Михайловна, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: mitraykina@bsu.edu.ru

Романов Илья Владимирович, ассистент кафедры природопользования и земельного кадастра, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: lromanov.ilya97@yandex.ru

УДК 911

Ю.В. Преображенский
Yu. V. Preobrazhenskiy

МЕЖГОРОДСКОЙ ИНТЕРВАЛ В РАССЕЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА НЕКОТОРЫХ РЕКАХ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

INTERCITY INTERVAL IN THE POPULATION SETTLEMENT ON SOME RIVERS OF NORTH AND SOUTH AMERICA

В настоящей статье рассматриваются пространственные особенности формирования системы расселения в пределах долин крупнейших рек Северной и Южной Америк. Основной задачей является поиск межгородского интервала на них, т.е. закономерности в удалённости городов друг от друга. Проведённый анализ свидетельствует о том, что в случае Амазонки межгородской интервал не выявлен, а для Параны и Миссисипи характерное его значение составляет 330-340 км.

This article examines the spatial features of the formation of the settlement system within the valleys of the largest rivers in the Americas. The main task is to find an intercity interval on them, i.e. patterns in the remoteness of cities from each other. The analysis shows that in the case of the Amazon, the intercity interval has not been identified, while for Parana and Mississippi its typical value is 330-340 km.

Ключевые слова: *расселение населения, межгородской интервал, экистический шаг, Парана, Миссисипи, Амазонка*

Key words: *resettlement of the population, intercity interval, ekistical step, Parana, Mississippi, Amazon*

Настоящий текст продолжает исследование поиска межгородского интервала (экистического шага) на крупнейших реках мира [1, 2]. В теории, процессы пространственной самоорганизации общества должны приводить к некоторому сбалансированному положению населённых пунктов относительно друг друга, где их можно уподобить сообщающимся сосудам. При

этом, очевидно, должна наблюдаться некоторая система взаимного положения городов разной людности. Применительно к линейному объекту (реке) возможна такая принципиальная схема (рис.1), где крупнейшие города отделены друг от друга неким относительно фиксированным промежутком (шагом).

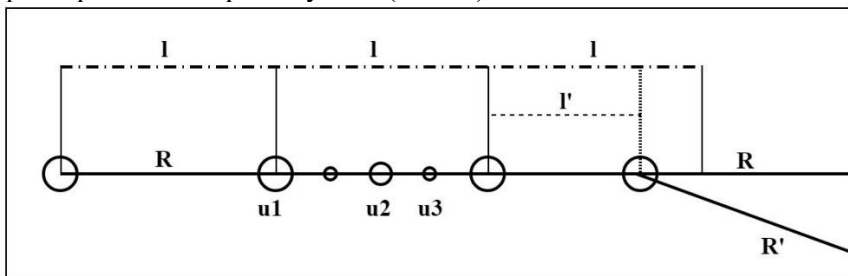

Рисунок 1. Схема (обозначения: R – основное русло реки; R' – приток реки R; u1-3 – города разного класса людности; l – расстояние между городами (шаг); l' – изменённый шаг) [2].

Безусловно, промежуток между городами может варьировать в каких-то пределах, под влиянием ряда факторов, в том числе наличия крупного притока (тогда город стремится «стать» на его впадение в основное русло), пересечения реки ж/д магистралью, ответвления речного канала, наконец, просто неподходящей по инженерно-строительным условиям местностью. Всё это влияет на конкретное положение города.

Важным факторов в общем расположении городов в долине реки является положение закрывающего города – порта в устье реки или в нижнем течении. Он определяет ряд характеристик речного транспорта, задаёт последовательность экистических шагов.

Мы фиксировали расстояние городов по отношению к нулевому километру в устье реки, однако в некоторых случаях логичнее помещать нулевой километр на побережье залива, в который впадает река и с которым она связана системой водного транспорта.

В случае с *Параной* требовалось уточнить точку отсчёта. Ею мог стать и Монтевидео, вынесенный на побережье залива Ла-Плата, но лучше на роль «замыкающего» города подходит Буэнос-Айрес. Шаг в 330 км здесь просматривается, однако через тысячу километров он несколько смещён вверх по течению (см. рисунок 2).

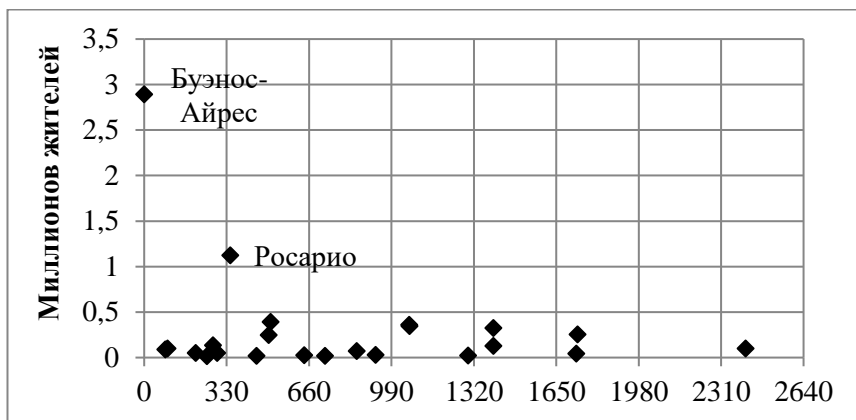

Рисунок 2. Расстояние между городами на Паране (расстояние измерено автором, данные по численности населения [3]).

Расположение городов на Амазонке показано на схеме (рис. 3).

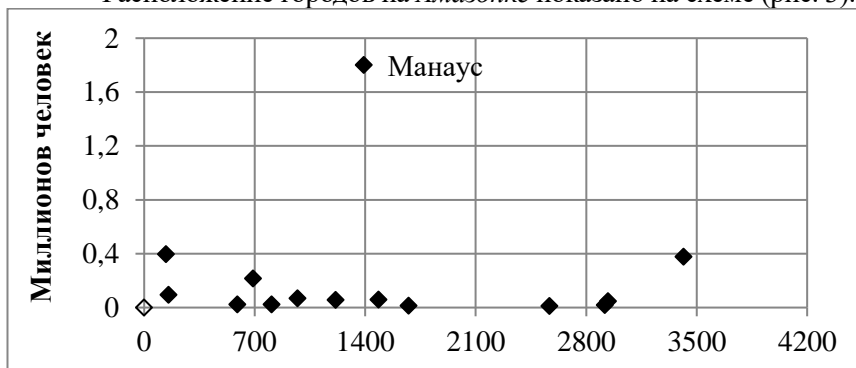

Рисунок 3. Города на Амазонке (расстояние измерено автором, данные по численности населения [3]).

Предполагаем, что система расселения вдоль Амазонки не сформировалась в связи со слабой обжитостью её побережий, и, вероятно, (в силу климатических особенностей) не будет сформирована, поэтому говорить об экзистическом шаге применительно к этой реке смысла не имеет. Тем не менее, на схеме (рис.3) можно различить 700-километровый шаг, который, вероятно, является производным (удвоенным) 350-километровым шагом, который не проявляется из-за низкой плотности населения Амазонии.

А.И. Зырянов отмечает, что в южном полушарии значительно меньше городов позиционно «привязаны к рекам», чем в северном, меньше выражена «бассейновость» стран и их экономических районов [4, С.112].

Рассмотрим теперь, наблюдается межгородской интервал на *Миссисипи*. Несмотря на то, что последняя – главная река США, на ней не так много крупных городов, в этом смысле она уступает, например, *Волге* (рис.4).

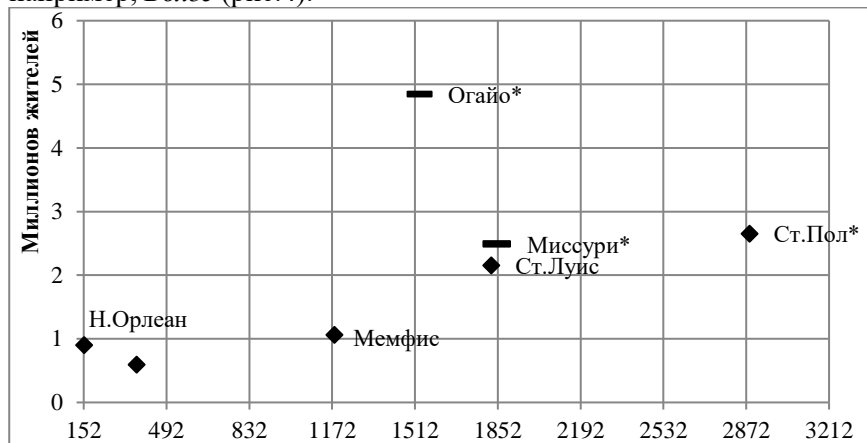

Рис. 4 – Расстояние между городами на Миссисипи, 2010 г.²⁰ (расстояние даны по [5], данные по численности населения [3]).

Для понимания рисунка расселения вдоль всей её речной системы необходимо представить себе крест, где меридиональную ось представляет сама Миссисипи, восточную широтную ось – текущая с востока *Огайо*, западную – *Миссури*. Если при впадении последней присутствует крупный город – Сент-Луис, то место впадения Огайо в Миссисипи отмечено только двухтысячным Кайро (Каиром). Нам показалось возможным представить городское население на этих двух притоках как некий цельный селитебный сгусток, так они нанесены на график (рис. 4).

В итоге схема демонстрирует хорошо выраженную симметрию, в которой ключевой осью является население вдоль

²⁰ Численность населения по Огайо получена как сумма людности следующих городов (но не ограничена ею): Эвансвилл, Луисвилл, Цинцинатти, Хантингтон, Уилинг, Питтсбург; по Миссури: Джефферсон, Канзас-сити, Ст. Джозеф, Омаха, Сиу-сити; Ст.Пол включает в себя агломерацию Ст.Пол - Миннеаполис

Огайо, на 340 км вниз и вверх по течению «отодвинуты» Мемфис и Сент-Луис соответственно, а на учетверённый шаг (340*4) в обе стороны лежат города Новый Орлеан и «города-близнецы» (агломерация Ст.Пол – Миннеаполис).

Другие притоки Миссисипи – *Теннесси*, *Иллинойс* – заселены существенно менее двух рассмотренных выше притоков.

Предложенная нами гипотезе о наличии межгородского интервала на реках подтверждается не в каждом случае. Тем не менее экистические закономерности достаточно отчётливы на крупнейших реках, при этом размер интервала между крупнейшими городами составляет 240-360 км. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Величина межгородского интервала для некоторых крупных рек, км.

(значения из ранее проведённых исследований [1],[2])

Река	Межгородской интервал
Парана	330
Миссисипи	340
Волга	360
Хуанхэ	270
Янцзы	240
Чжуцзян	270
Ганг	260

В нашем представлении, в основе этих значений лежит некоторая базовая размерность взаимного положения крупных городов на реке, равная 60-90 км. В разных условиях плотности населения и характера природопользования через несколько итераций будет появляться оптимум для формирования города.

Дальнейшее исследование перспективно в направлении выявления закономерностей размещения (и динамики людности) городов не только на линейных объектах, но в пределах определённого ареала, с применением в том числе сетевого подхода [6].

Литература

1. Преображенский Ю.В. Пространственно-временная динамика систем расселения долин Волги и Камы // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №2(41). С.25–31. doi 10.17072/2079-7877-2017-2-25-31

2. Преображенский Ю.В. Особенности размещения городов вдоль некоторых крупных рек Азии // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 101–110. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-8

3. Population. URL: <http://www.citypopulation.de> (дата обращения: 03.01.2020)

4. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», 2006. 372 с.

5. Distances between United States ports. URL: <https://nauticalcharts.noaa.gov/publications/docs/distances.pdf> (дата обращения: 05.03.2020)

6. Преображенский Ю.В. Экономико-географическое и сетевое положение крупнейших российских городов в постсоветский период // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. №1(52). С.83–94. doi 10/17072/2079-7877-2020-1-83-94.

Сведения об авторе:

Преображенский Юрий Владимирович – к.г.н., доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: topofag@yandex.ru

УДК 9111.3:33

Е.М.Пудовик
E.M.Pudovik

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ США

ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE UNITED STATES

Рассмотрена демографическая ситуация в Соединенных Штатах Америки на базе анализа основных демографических показателей, таких как динамика численности населения, рождаемость и смертность населения, внутренние и внешние миграционные процессы, половозрастная структура народонаселения, брачно-семейные отношения и связанные с ними процессы, этнические процессы, трудовые ресурсы. Для оценки демографической картины Соединенных Штатов Америки были произведены расчеты основных демографических показателей за первые

15 лет XXI века. Очерчены тренды демографического будущего государства.

The demographic situation in the United States of America is considered on the basis of the analysis of the main demographic indicators, such as population dynamics, birth rate and mortality, internal and external migration processes, gender and age structure of the population, marriage and family relations and related processes, ethnic processes, labor resources. To assess the demographic picture of the United States of America, calculations were made for the first 15 years of the 21st century. Based on the obtained data, the demographic future of the state was predicted.

Ключевые слова: демография, демографические индикаторы, демографические перспективы

Key words: demography, demographic indicators, demographic prospects

На протяжении исторического развития народонаселения США с самого появления государства и до сегодняшнего дня имела место положительная динамика численности населения: с 2.5 млн человек со всех 13 британских колоний в 1770-е годы до 333 млн человек в современном государстве. Данная ситуация характеризуется высоким уровнем механического прироста, обусловленного масштабными показателями внешней иммиграции (в XIX-XX веках жители Европы, Ближнего/Дальнего Востока составляли основной массив иммигрантов) в первой половине обозначенного периода, и высоким уровнем естественного и механического приростов в XX веке и современности (Babyboom 1946-1964 годов с общим количеством рожденных детей в 78.8 млн человек и с каждым годом увеличивающийся иммиграционный показатель) [1].

Несмотря на положительную динамику демографии государства в период низкого уровня медицины, высокого показателя смертности, периода войн и политической нестабильности, темп роста численности населения с каждым годом замедляется при развитии фармацевтики, изоляции людей от военного фактора, при постоянном совершенствовании социально-экономической политики в стране. Если еще в начале XXI века рост составлял 2.5%-3%, то к 2021 году он опустился до 1%.

В связи с ситуацией, при которой демографические показатели растут, а темпы роста численности населения падают, возникают вопросы: какие демографические аспекты влияют на замедление развития социальной структуры государства и какими способами

можно ускорить положительные изменения демографической картины США?

Для решения задачи по выявлению фактора, негативно влияющего на темпы роста численности населения США, автором проведен анализ демографической картины государства, основанный на расчетах, произведенных по каждому демографическому показателю, задействованному при анализе, и на аналитических изысканиях, построенных на базе синтеза полученных при расчетах результатов. Для проявления полной картины между данными расчетов и аналитическими изысканиями различных демографических аспектов были установлены причинно-следственные связи.

Динамика роста численности населения показала, что больший профит приносит естественный прирост, однако сильное влияние на общий показатель оказывает механический прирост: объясняется это постоянным сокращением количества рожденных и увеличением количества иммигрантов. По прогнозам американских экспертов, к 2050 году ЕП будет играть уже незначительную роль в формировании положительной динамики численности населения, будучи замещенным механическим приростом [2].

Анализ половозрастной структуры США показала, что население США постоянно стареет, сказываясь на обществе в виде повышающейся демографической нагрузки, а количество рожденных детей уменьшается, и в следствие этого пирамида стремится к регрессивному типу, при котором коэффициент молодого населения в разы меньше коэффициента старого.

При достаточно низком уровне рождаемости, который к тому же с каждым годом уменьшается, и растущей пенсионной нагрузке население США в ближайшем будущем может стать одним из самых старых регионов мира. Более того, при таком раскладе дел через несколько 10-летий численность населения продолжит расти за счет иммигрантов, но общее число людей, проживающих на территории государства, сократится [3].

Анализ смертности населения в США показал, что показатель продолжит падать в силу постоянно развивающейся медицины, однако она не станет гораздо меньше, так как излечение онкологии до сих пор остается главным вопросом человечества. Более того, уровень смертности от ССЗ достаточно велик, что также показывает нерешенность данного вопроса, однако все больше людей стараются вести правильный образ жизни, поддерживать свое здоровье, что

может в ближайшем будущем уменьшить количество смертей от ССЗ. Наряду с онкологиями еще долгое время не будет решен вопрос, связанный с заболеваниями легких, так как экологическая ситуация в США катастрофическая. Есть основания полагать, что в ближайшем будущем коэффициент смертности составит порядка 7-7.5 ‰[4].

Анализ процесса рождаемости в США выявил, что численность родившихся сокращается, однако это не критично, так как в общем количестве женщины согласны рожать хотя бы одного ребенка, то есть естественный прирост не уйдет в ноль, как минимум, ближайшие 50 лет, а его обслуживание будет равно одному, редко двум детям на одну женщину. Однако это приведет к общему снижению количества населения США, так как на каждые две смерти родителей будет приходиться только одно замещение ребенком. В государстве преобладает первый тип воспроизводства, при котором наблюдается низкий уровень рождаемости, смертности и естественного прироста.

Начало данная ситуация берет в 60-е годы прошлого столетия, когда произошел на данный момент последний демографический переход в США. Указанное время стало финальной фазой перехода. Причиной такому резкому оздоровлению общества США послужила эпидемиологическая революция или эпидемиологический переход, при котором в 10 раз возрос уровень медицины, большинство ранее опасных болезней перешло в раздел «можем вылечить», сильно выросла медицинская грамотность населения[5].

Исследование динамики этнических процессов в США показало, что государство является неким вместилищем большинства этносов мира, при этом способным содержать всех в практически равных условиях, позволяя устраиваться на высокооплачиваемую работу, работать в сфере науки и достигать там определенных высот, заниматься спортом, творчеством и т.д. Высокий уровень механического прироста демонстрирует готовность и желание людей переезжать в США на ПМЖ, а низкий уровень эмиграции из государства доказывает то, что общество в США готово принять и принимает представителей различных этносов на своей территории.

Можно отметить, что этнические процессы, протекающие в США, положительно влияют на динамику численности населения в силу того, что они позволяют народностям реализовываться в

государстве, тем самым привлекая большее количество людей переезжать в страну [6].

Миграционные процессы активно влияют на численность населения США, повышая механический прирост. Мигрантов тепло встречают в США, обеспечивают жильем, работой, защитой, денежными средствами и т.д. Главное же условие – ассимиляция в уже имеющемся американском обществе, преимущественно состоящем из представителей белокожих не латиноамериканцев. В ближайшем будущем миграционные процессы скажутся, в первую очередь, на увеличении прироста численности населения, так как более всего в данный момент динамику показывает механический прирост (МП), а не естественный; также намечается еще большее этническое разнообразие в государстве, которое будет способно вытеснить белокожих не латиноамериканцев (основу населения США) на второй план и стать стержнем американского общества.

Итогом анализа стал ответ на вопрос, обозначенный в начале статьи, «какие демографические аспекты влияют на замедление развития социальной структуры государства?» В первую очередь, это рождаемость: в связи со всё большим социально-экономическим развитием государства количество людей, готовых завести хотя бы одного ребенка, с каждым годом сокращается, что приводит к некому «дефициту» молодого нетрудоспособного населения, в будущем способного заместить умершего родителя в структуре населения, что приводит к снижению показателя ЕП. Несмотря на увеличивающийся уровень МП низкий уровень рождаемости «тянет» динамику численности населения, каждый раз замедляя темпы роста.

Во-вторых, это хоть и снижающийся, но все еще высокий уровень смертности: в современном государстве решены проблемы с различными мелкими заболеваниями, однако онкологии, ССЗ, заболевания легких продолжают уносить жизни 10%-15% населения США, что ведет к сокращению численности жителей государства, а также к замедлению темпов роста народонаселения.

Однако стоит отметить, что демографическая картина современных США имеет оптимистичный вид: это и высокий уровень иммиграции, и понижающийся уровень смертности, и стабильный уровень рождаемости, и стабильные трудовые ресурсы.

Численность населения штатов продолжит активно расти в силу постоянного большого потока иммигрантов, обеспечивающего более 65% общего роста численности населения. Однако ситуация не будет улучшаться быстро в силу низкого уровня естественного

прироста, который с каждым годом только понижается. Естественный прирост останется неким «грузом», тянущем всю ситуацию ко дну, так как в особо экстренных ситуациях, таких как мировая война, мировая рецессия МП резко пойдет на спад, а вместе с ним сильно сократится численность населения.

Половозрастная структура США отражает активно продолжающийся процесс старения населения, что приводит к экономическим проблемам, так как обслуживание «старости» обходится в большие денежные суммы государству, ведет к социальным проблемам, так как растет демографическая нагрузка. К 2050 году возможен исход событий, при котором пирамида станет достаточно узкой в силу малого количества рождений и постепенных старения и смерти тех, кто на данный момент составляет центральную (широкую) часть пирамиды.

Весьма непростой характер протекания этнических процессов, с низкой скоростью ассимиляции, осложняет демографическую ситуацию, и, безусловно, будет оказывать все нарастающее влияние в ближайшие десятилетия.

Литература

1. Население Соединенных Штатов Америки. COUNTRYMETERS [электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://countrymeters.info/ru/United_States_of_America_\(USA\)](https://countrymeters.info/ru/United_States_of_America_(USA)), свободный – (05.01.2021);
2. Демография США. TOTAL RAITING [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://total-rating.ru/982-demografiya-ssha.html>, свободный – (05.01.2021);
3. Рождаемость в США в 2018 году опустилась до самого низкого за последние 32 года уровня. ТАСС [сетевой ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6431777>, свободный доступ. – (05.01.2021);
4. Хвьяля-Олингер Н. Кризис института семьи в США. Центр научно-политической мысли и идеологии им. Сулакшина [сетевой ресурс]. – Режим доступа: <https://rusrand.ru/events/krizis-institutata-semi-v-ssha>, свободный доступ. – (05.01.2021);
5. Динамика общего коэффициента брачности. ДЕМОСКОП [сетевой ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4081.php>, свободный ресурс. – (05.01.2021);
6. Уровень рождаемости в США упал до исторического минимума: чем это объясняется? GOLDEN FRONT [сетевой ресурс]. – Режим доступа: <https://goldenfront.ru/articles/view/uroven-rozhdaemosti-v-ssha-upal-do-istoricheskogo-minimuma-chem-eto-obyasnyaetsya/>, свободный доступ. – (05.01.2021).

Сведения об авторе:

Пудовик Елена Михайловна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии, Казанский федеральный университет

E-mail: epudovic@mail.ru

УДК 910.3

М.Р. Сафиуллин

M.R. Safiullin

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ДИАГНОСТИКА ИЗМЕНЕНИЙ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ БАШКИРИИ

TERRITORIAL AND STRUCTURAL ANALYSIS AND DIAGNOSTICS OF CHANGES IN URBAN AGGLOMERATIONS OF BASHKIRIA

Пространственная трансформация экономики России характеризуются тенденцией усиления процессов концентрации демографических, миграционных, экономических и иных ресурсов в агломерациях. В статье даны выводы по территориально-структурному анализу и диагностике трансформации городских агломераций Башкирии. Определены приоритетные направления повышения конкурентоспособности социо-эколого-экономической трансформации агломераций Башкирии. Выделены актуальные научно-прикладные задачи экономико-географического исследования проблем социально-экономической трансформации агломераций в России. Результаты исследования важны при разработке стратегии территориального социально-экономического развития Башкирии и муниципалитетов.

The spatial transformation of the Russian economy is characterized by a tendency to increase the concentration of demographic, migration, economic and other resources in agglomerations. The article presents conclusions on the territorial-structural analysis and diagnostics of the transformation of urban agglomerations in Bashkiria. Priority directions of increasing the competitiveness of socio-ecological and economic transformation of the agglomerations of Bashkiria are identified. The current scientific and applied problems of economic and geographical research of the problems of socio-economic transformation of agglomerations in Russia are highlighted. The results of the study are important in the development of a strategy for the territorial socio-economic development of Bashkiria and municipalities.

Ключевые слова: агломерации, трансформация, территориально-структурный анализ, диагностика, проблемы, тенденции, Башкирия.

Key words: agglomerations, transformation, territorial and structural analysis, diagnostics, problems, trends, Bashkiria.

Проблемы развития городских агломераций России приобретают все большее значение в условиях необходимости обеспечения эффективной социально-экономической и экологической трансформации регионов. Научные экономико-географические исследования проблем городских агломераций России носят разносторонний характер и свидетельствует о довольно широкой разбросанности направлений исследований, что определяется происходящими трансформациями социально-экономических, экологических процессов и появляющимися новыми запросами жителей и бизнеса в агломерациях [1, 2, 3].

Сформировавшаяся кризисная демографическая ситуация в большинстве регионов России, в связи со стабильно сокращающимся естественным приростом населения, ростом смертности и миграционным оттоком населения, становится определяющим условием социально-экономической трансформации агломераций страны. До 2035 года социально-экономическая трансформация в регионах России в значительной мере будет определяться стабильным трендовым ухудшением демографической ситуации. В большинстве регионов центральной части европейской территории это обусловлено сокращением рождаемости, ростом смертности и естественной убыли населения. В Урало-Поволжском регионе, восточных и северных регионах азиатской и арктической части страны ухудшение демографической ситуации обостряется в связи с активным миграционным оттоком населения [4]. Особая демографическая ситуация сложилась в кризисном в социально-экономическом отношении Северо-Кавказском регионе: высокий естественный прирост населения определяет высокий уровень безработицы, результатом этого является массовая миграция населения за пределы региона (Южный ФО, гг. Москва, С.-Петербург, ХМАО, ЯНАО и др.).

В нашем исследовании систематизированы результаты проведенного территориально-структурного анализа и диагностики изменений, произошедших в городских агломерациях Башкирии за период с 2013 (предкризисный) года до 2019 года.

Территориально-структурный анализ и диагностика трансформации социо-эколого-экономических процессов, сформировавшихся городских агломераций (Уфимская, Стерлитамак-Салаватская) и зарождающихся в Башкирии (Нефтекамская, Октябрьско-Туймазинская) и на сопредельных территориях (Магнитогорская агломерация, включающая города республики Сибай и Баймак), были проведены за период с 2013 (предкризисный) года до 2019 года по следующим составляющим [5, 6, 7]:

- демографическим (численность городского населения, естественное и механическое движение населения – абсолютные и относительные показатели, динамика и тенденции их изменений);
- социальные (реальные доходы населения, занятость, безработица, жилищное строительство, обеспеченность медицинским персоналом);
- экономические (бюджеты городов, производство товаров/услуг, инновационность экономик, развитость производственной и инновационной инфраструктуры);
- экологические (образующиеся и фактические выбросы загрязняющих веществ в воздушную среду от стационарных источников и автотранспорта, объемы и структура углеводородных парниковых выбросов, водопотребление, сброс и очистка загрязненных сточных вод, объемы общих, текущих, капитальных природоохранных затрат, объемы природоохранных бизнес-услуг).

На современном этапе трансформации социально-экономического пространства Башкирии прослеживается тенденция усиления процессов концентрации демографических, экономических, социальных, природоохранных, инновационных и иных ресурсов вокруг городских агломераций. С одной стороны, городские агломерации республики являются «точками роста», обеспечивающими развитие инфраструктуры, расширение и диверсификацию рынка труда, стимулирование притока мигрантов, инвестиций, развитие научной, социальной и других сфер. С другой стороны, агломерационные процессы в республике усиливают нарастание территориальных диспропорций социально-экономического характера и изменяют демографическую и миграционную ситуацию территорий.

К числу приоритетных направлений повышения конкурентоспособности социо-эколого-экономической трансформации агломераций Башкирии относятся:

- преодоление инфраструктурных ограничений и повышение качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры с учетом мировых трендов развития зеленой энергетики, электрификации автотранспорта;
- формирование карбоновой экономики, ориентированной на сокращение углеводородных парниковых выбросов. Для Уфимской и Стерлитамак-Салаватской агломераций, специализирующихся на нефтяной, нефтехимической, химической производствах и тепловой электроэнергетике, являющихся основными источниками выбросов углеводородных парниковых газов, развитие карбоновой экономики становится неизбежностью в связи с необходимостью соблюдения Парижского соглашения по климату;
- снижение уровня территориальной дифференциации в социально-экономическом развитии муниципальных образований агломераций;
- повышение устойчивости республиканской системы расселения за счет обеспечения сбалансированного социально-экономического развития агломераций;
- формирование точек роста в инновационной сфере агломераций. Например, создание нефтехимического кластера в Стерлитамак-Салаватской агломерации;
- использование муниципального заказа для подготовки и гарантированного трудоустройства кадров молодежи для инновационной сферы агломераций.

Научно-прикладные исследования по решению проблем территориального развития агломераций России показывают, что вопросы формирования основ территориального управления агломерациями и включения их в систему территориальных социально-экономических систем не решены в полной мере [8]. К актуальным научно-прикладным задачам экономико-географического исследования проблем социально-экономической трансформации агломераций в России относятся [9, 10, 11]:

- изучение отечественного и зарубежного опыта по формированию системы территориального регулирования развитием агломераций;
- определение территориальных зон совместных интересов между муниципалитетами в агломерациях, связанных с обеспечением устойчивой трансформации производственной, социальной, природоохранной, транспортной, информационной и инновационной инфраструктур;

- разработка научных подходов по обеспечению эффективности территориального использования природных, трудовых, финансовых, инновационных ресурсов агломераций;
- обеспечение постоянного социо-эколого-экономического мониторинга территориально-структурной трансформации городских агломераций.

Литература

1. Антонов Е.В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 88-100.
2. Бабурин В.Л., Рыбкин А.В. Оценка потенциала агломерационных процессов в территориальных социально-экономических системах (на примере Иркутской городской агломерации) // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 4-19.
3. Власова Н.Ю. Факторы и тенденции развития социально-экономического пространства крупнейших городов России // В сб.: Российские регионы в фокусе перемен. Доклады XII Международной конференции.- Екатеринбург: Уральский ФУ. 2018. С.353-364.
4. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориально-структурная оценка геодемографической ситуации арктических территорий // В сб.: Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. Материалы VI Уральского демографического форума с международным участием. 2015. Екатеринбург. УРО РАН. С. 349-355.
5. Сафиуллин М.Р. Территориальные особенности социодемографического развития Уфимской агломерации // Успехи современного естествознания. 2020. № 9. С. 88-93.
6. Сафиуллин М.Р. Территориальные особенности миграционных процессов в агломерациях Башкирии: тренды и проблемы // Успехи современного естествознания. 2020. № 11. С. 114-119.
7. Дегтярев А.Н., Кузнецова А.Р., Сафиуллин М.Р. Эколого-экономические проблемы развития агломераций Башкирии // Успехи современного естествознания. 2020. № 12. С. 68-73.
8. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 18-22.
9. Алексеева Е.Н. Социологический анализ современных тенденций развития городских агломераций // Вестник МГУ. Сер.18. 2013. № 4. С.135-150.
10. Диков Я.А. Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №7. С.24-28.
11. Сафиуллин М.Р. Исследование общероссийских трендов развития городских агломераций // В сб.: Международный демографический форум:

материалы заседания / отв. ред. д.г.н., проф. Н.В. Яковенко.- Воронеж: «Цифровая полиграфия». 2020.- с.250-255.

Сведения об авторе:

Сафиуллин Марат Радикович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан.

E-mail: Marek1987@yandex.ru

УДК 314.5

И.В. Сафонова, Н.В. Яковенко
I.V. Safonova , N.V. Yakovenko

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REGIONS IN THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье показаны проблемы демографического развития субъектов Центрального Федерального округа. Дана характеристика основных параметров демографической ситуации, влияющих на демографическую безопасность. Рассчитан интегральный индекс демографической безопасности, включающий основные параметры демографической напряженности.

The article reveals the problems of demographic development of the regions in the Central Federal District of the Russian Federation. The characteristics of the main parameters of the demographic situation that affect demographic security have been done. The integral index of demographic security, including the main parameters of demographic tension, has been calculated.

Ключевые слова: демографическая безопасность, Центральный Федеральный округ, интегральный индекс, напряженность.

Key words: demographic security, Central Federal District, integral index, tension.

Введение. Задача демографии, как и любой науки, состоит в том, чтобы описать и объяснить состояние реальности, понять

возникновение различных аспектов этой части реальности, сформулировать достоверные утверждения об их дальнейшем развитии и осмыслить решение проблем, связанных с этими аспектами. Специфическая часть реальности, которая является предметом внимания демографии, это численность, состав и распределение населения, а также изменения этих характеристик во времени. Непосредственные объекты демографического исследования состоят из измеримых сущностей и жизненно важных событий, таких как рождение, смерть и перемещение.

Цель – дать оценку демографической безопасности субъектов Центрального Федерального округа на основе интегрального индекса.

Материалы и методы. В работе были использованы методы анализа, синтеза, сравнения, аналогии, экономико-статистический и картографический. Для проведения расчетов использована методика, предложенная в работе С.В. Казанцевой [1].

Результаты и обсуждение. Проблема демографической безопасности достаточно широко рассматривалась на том или ином уровне в разных аспектах многими учеными [2,5-8].

Демографическая безопасность региона - это такая демографическая ситуация, при которой происходит качественное и количественное развитие населения в целом и каждой личности в отдельности, в соответствии с приоритетами национального и регионального развития и безопасности, а также благодаря которой усиливается экономическая безопасность региона и государства, что, в свою очередь, способствует сбалансированному и безопасному демографическому развитию региона и страны в целом.

Исходя из определения демографической безопасности региона, основной ее характеристикой является развитие, под которым будем понимать положительное изменение количественных и качественных характеристик населения. То есть, демографическая безопасность будет достигаться при условии прироста населения и его качественных характеристик (продолжительность жизни, уровень старения, средний возраст, демографическая нагрузка). Проблема оценки демографической безопасности страны сводится к определению круга показателей, ее описывающих, и их нормативных, критических, допустимых значений, которые необходимо отслеживать. С помощью разрозненных показателей-индикаторов довольно трудно оценить

реальный уровень демографической безопасности и разработать меры по исправлению ситуации, поэтому возникает необходимость в обосновании перечня показателей, которые будут описывать демографическую безопасность, и позволят провести группировку и разработать методику для оценки единого, интегрального показателя.

Основными демографическими угрозами, оказывающими влияние на демографическую безопасность, выступают:

- группа угроз относительно численности и половозрастной структуры населения: увеличение доли молодежи (15-29 лет) среди населения трудоспособного возраста; быстрая урбанизация, сопровождающаяся концентрацией молодежи и зачастую безработных в городских районах; сдвиг в половозрастной структуре населения; различия в темпах роста населения, принадлежащего к различным этническим и религиозным группам; высокая смертность среди взрослого населения трудоспособного возраста; миграция, которая может повлиять на безопасность как направляющих, так и принимающих сторон; старение населения и его сокращение (депопуляция).

- группа социально-экономических угроз: рост безработицы; ухудшение состояния социальной структуры; декалфикация рабочей силы; рост бедности; криминализация общественных отношений; низкий уровень жизни в стране;

- группа социально-психологических угроз: физическая деградация населения; кризис семьи; деградация жизненных ценностей;

- группа социокультурных угроз: брачное поведение, стиль воспитания детей и т. п.

Выделим основные тенденции современной демографической ситуации в России (рис.1). Для анализа и оценки региональных демографических процессов необходимо использовать систему показателей, так как понятие «демографическая безопасность региона» – понятие многомерное. Основными индикаторами для оценки демографической безопасности были выбраны:

- естественный прирост населения;
- отношение суммарного коэффициента рождаемости к уровню рождаемости, обеспечивающему простое воспроизводство населения;

- ожидаемая продолжительность жизни;
- число прерываний беременности (абортов) на 100 родов;
- коэффициент демографической нагрузки (численность детей и населения старше трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста);
- коэффициент замещения (численность детей на 1000 человек старше трудоспособного возраста).

депопуляция населения	низкий уровень рождаемости	низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых этносов
нарушение половозрастной структуры населения за счет естественного и механического движения	сокращение численности и доли населения трудоспособного возраста	старение населения
снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект)	трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи	сокращение численности и доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса
	обезлюдение в результате депопуляции и длительного миграционного оттока	

Рис.1. Индикаторы современного воспроизводства и формирования населения

Следуя методике, предложенной в работе С.В. Казанцева [2], расчеты интегрального показателя демографической безопасности/опасности произведем по следующей формуле:

$$z_{j,t} = \left[\sum_I a_{i,j,t} \cdot (u_{ijt})^2 \right]^{0.5} \quad (1)$$

где $z_{j,t}$ – интегральный показатель демографической безопасности/опасности объекта j в отрезок времени t .

$$u_{i,j,t} = (X_{i,j} - x_{i,j,t}) / (X_{i,j} - x_{i,j}), \quad (2)$$

где: $x_{i,j,t}$ – значение показателя i у объекта j в отрезок времени t ($i = 1, 2, \dots, m; j = 1, 2, \dots, n; t = 1, 2, \dots, T$).

$x_{i,j}$ -лучшие, $x_{i,j}$ – худшие для каждого исследуемого объекта j значения показателя i по всем $t=1, 2, \dots, T$;

$a_{i,j,t}$ – взвешенные коэффициенты (веса), отражающие степень важности показателей.

В качестве объекта исследования был выбран Центральный Федеральный округ, являющийся базовым макрорегионом России. Он выступает драйвером в развитии отношений как между субъектами внутри округа, так и с другими субъектами России.

В последние годы наметилась тенденция к улучшению демографической ситуации, однако проблема демографической безопасности так и остается актуальной для субъектов ЦФО [9-10]. С 2010 по 2015 год в большинстве его субъектов отмечалась положительная динамика показателя, который характеризует естественный прирост населения, далее же отмечается его постепенное снижение (рис. 2).

Для большинства субъектов рассматриваемого региона характерно отрицательное значение естественного прироста, то есть речь идёт об убыли населения. Исключение составляет лишь городской округ город Москва, где, начиная с 2011-го года естественный прирост только положительный, при чём имеет тенденцию к возрастанию.

Наихудшее значение показателя отмечалось в Тамбовской, Тверской, Тульской областях – здесь значения колебались от -9,8 до – 6,5. Воронежская область занимает среднее положение среди субъектов ЦФО, значение естественного прироста здесь варьируется от – 6,8 до – 4,2. Наилучшее значение отмечалось в 2015 г., наихудшее – 2010 г. В 2019 г. значение показателя для Воронежской области снизилось до значения 2011 г. Значение суммарного коэффициента рождаемости к показателю, который обеспечивает простое воспроизводство населения, практически повторяет тенденции естественного прироста (убыли) населения для субъектов ЦФО (рис. 2). В то же время для всех субъектов отмечается значение данного показателя, превышающее единицу.

За анализируемый период наблюдения прослеживается уверенный рост ожидаемой продолжительности жизни – в среднем на 5 лет (рис. 3). Наилучшие показатели отмечаются в г. Москва – от

74,15 лет в 2010 г. до 78,36 в 2019 г. Данные значения превышают значения и всех рассматриваемых субъектов ЦФО, и среднего значения по России. В то же время в Тверской, например, области, даже наилучшее значение, показанное в 2019 г. – 71,24 год, не достигло наименьшего значения городского округа г. Москва в 2010 г. В Воронежской области значение показателя изменялось от 69,45 лет в 2010 г. до 73,63 лет в 2019 г.

Достаточно благоприятная тенденция отмечается в связи с постепенным сокращением числа аборт на 100 родов во всех субъектах ЦФО и России в целом.

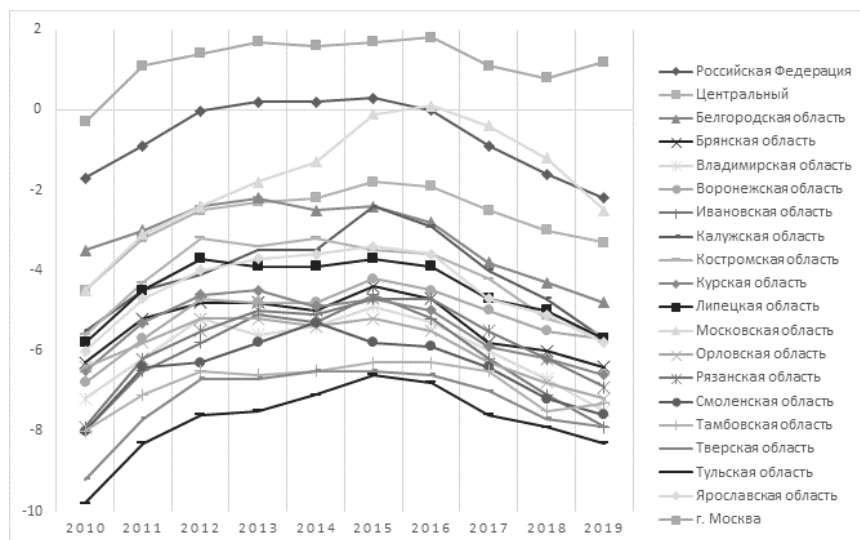

Рис.2. Динамика коэффициентов естественного прироста населения по субъектам ЦФО на 1000 чел. нас. (2010-2019).

Если в начальный период наблюдения, в 2010 г., в таких регионах, как Брянская, Ивановская, Тверская области значения приближалось к 90 прерываний на 100 родов, то уже через 9 лет данное значение снизилось практически в 2 раза (рис. 4). Подобная ситуация наблюдается и в других субъектах ЦФО.

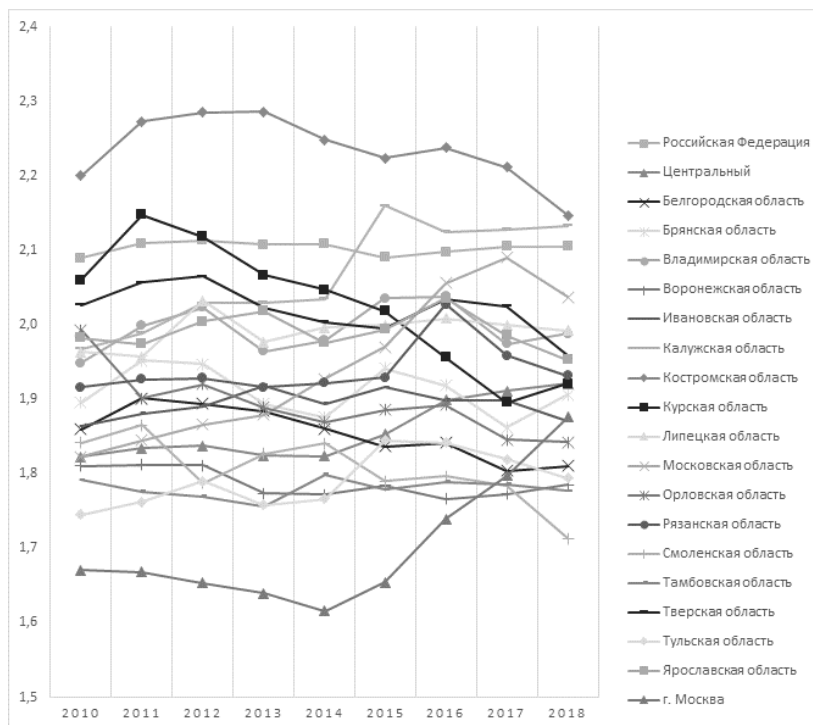

Рис.3. Динамика отношения суммарного коэффициента рождаемости к уровню рождаемости, раз (2010-2019)

Незначительное увеличение значения – буквально на несколько единиц - отмечалось в 2017 г. Важно понимать также, что анализировались данные официальной статистики, без учёта абортов, которые проводят в частных клиниках, а также фармакологических безоперационных абортов на ранних сроках. Относительно показателя демографической нагрузки следует отметить для всех субъектов ЦФО его рост до 2018 г., а затем - спад (рис. 5). Наибольшее значение коэффициента отмечается для Костромской области в 2018 г. (896 чел.), наименьшее значение в тот же год отмечалось в Московской области и г. Москва. Для данных субъектов на протяжении всего периода наблюдений отмечается наименьшее значение показателя. Коэффициент замещения очень неравномерен и варьирует от 641–666 чел. в Костромской области до 474-500 чел. в Тульской области за весь период наблюдения (рис. 6).

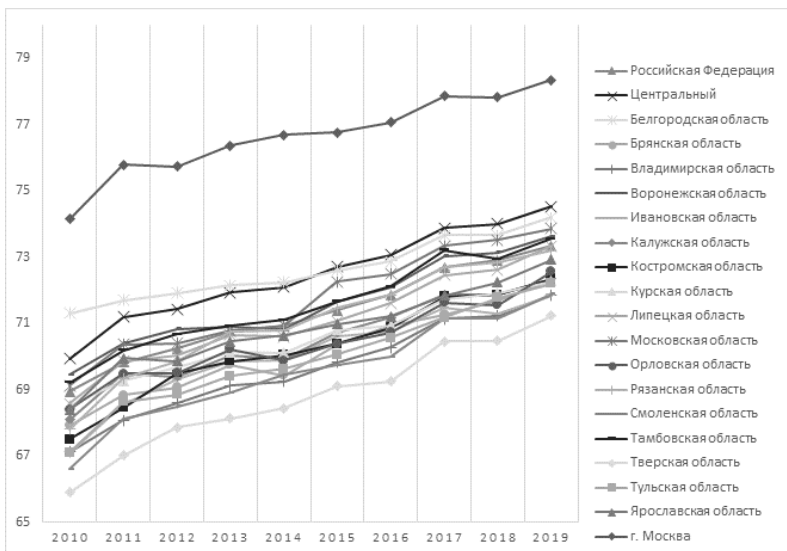

Рис.4. Динамика ожидаемой продолжительности жизни по субъектам ЦФО, лет (2010-2019)

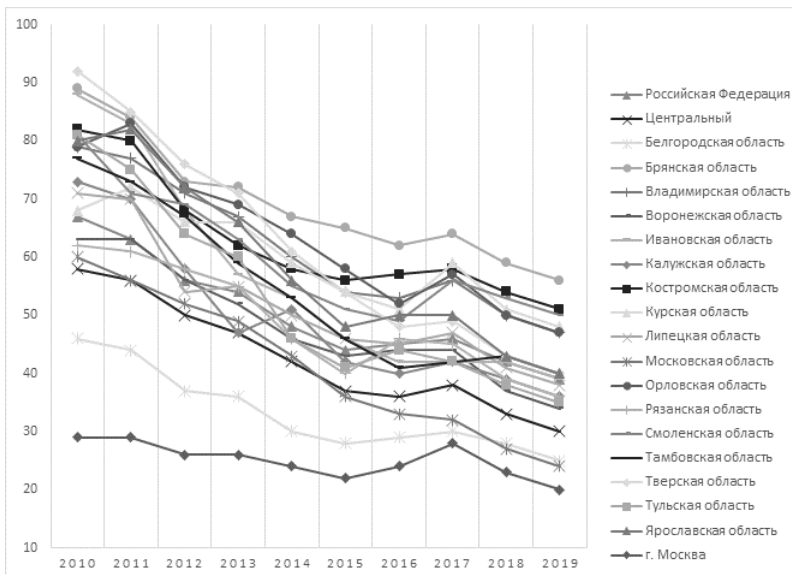

Рис.5. Динамика числа прерываний беременности (аборт) на 100 родов по субъектам ЦФО (2010-2019)

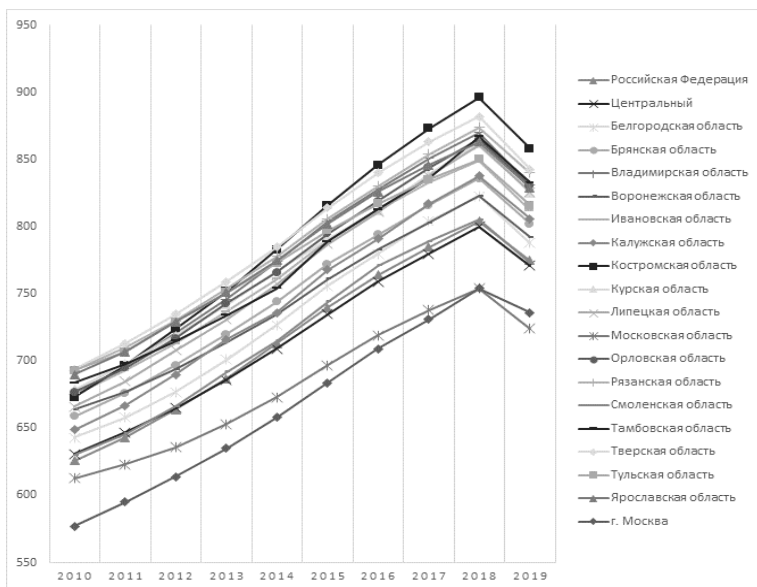

Рис.6. Динамика коэффициента демографической нагрузки в субъектах ЦФО на 1000 чел. нас. трудоспособного возраста (2010-2019)

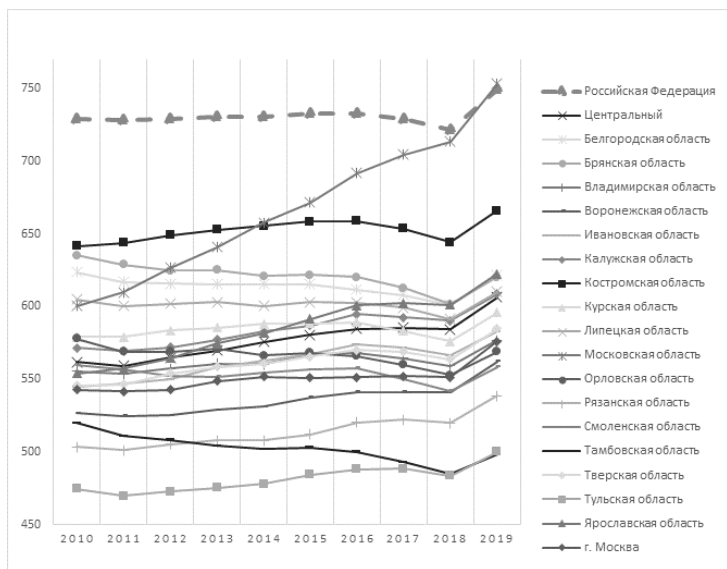

Рис.7. Динамика коэффициента замещения по субъектам ЦФО на 1000 чел. нас. старше трудоспособного возраста (2010-2019)

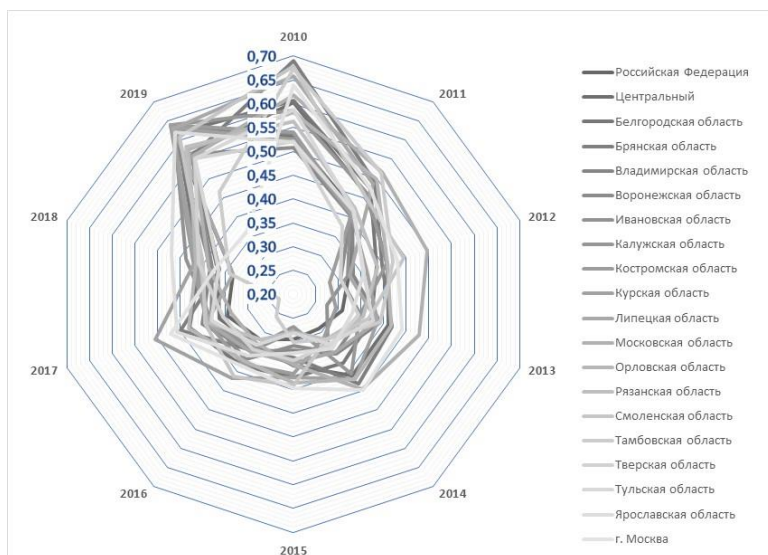

Рис.8. Динамика интегрального показателя демографической безопасности/опасности по субъектам ЦФО (2010-2019)

В общем и целом, изменения незначительны для большинства субъектов ЦФО и имеют тенденцию к росту значения показателя, исключение – Белгородская, Брянская, Липецкая области, где отмечается незначительное снижение. Наиболее существенное изменение, направленное на увеличение значения показателя, отмечалось в Московской области – от значения в 601 чел. в 2010 г. до 753 чел. в 2019 г.

Таким образом, в большинстве субъектов ЦФО за 10-летний период можно наблюдать следующие тенденции изменения интегрального показателя социально-демографической безопасности: постепенное снижение, что свидетельствует о некотором снижении уровня демографической напряжённости в начальный период, наименьшие значения отмечались в 2014 – 2015 гг., далее последовал постепенный рост, особенно после 2018 года. В более чем половине субъектов ЦФО (11 из 18) значение интегрального показателя демографической безопасности в конечный период наблюдения, в 2019 г. превысило изначальное значение показателя в 2010 г., что свидетельствует об ухудшении ситуации в целом. Наилучшее значение за десятилетний период

наблюдений отмечено в Тамбовской области в 2017 г. (0,23), наихудшее – в Брянской области в 2010 г. (0,69).

Снижение значения показателя в 2011-2012 годах сменилось в ряде регионов ростом значения показателя, затем, в 2015 году наблюдалось заметное снижение демографической напряжённости, после чего начался устойчивый рост напряжённости, ставший к 2019 г. критическим, достигнув темпов увеличения значения показателя в 89%, например, в Липецкой области. Темпы роста показателя по России в 2019 г. достигли 92% по сравнению с 2018 г.

Заключение. Таким образом, демографическая безопасность является составляющей социальной безопасности, поскольку предполагает защищенность процесса жизни людей и непрерывного их естественного воспроизводства. Проводить исследование социально-демографической безопасности необходимо на разных иерархических уровнях – государственном, региональном, муниципальном. Однако особое значение приобретает социально-демографическая безопасность сельских населенных территорий, поскольку обезлюдение отдельных сельских поселений представляет реальную демографическую угрозу для страны, а также для отдельных отраслей национального хозяйства, например, сельского хозяйства.

В ЦФО демографическая ситуация сохраняет напряженность и содержит потенциальные риски. Обеспечение демографической безопасности может быть достигнуто в условиях гарантирования всем гражданам одинаковых прав; отсутствия значительного расслоения общества по имущественному принципу; преодоление коррупционных действий; получение надлежащего образования, что возможно при условии свободного выбора образовательного учреждения и специальности; возможности доступа к труду в соответствии с квалификацией работника; повышение общего уровня благосостояния различных слоев населения; свободного доступа к квалифицированному медицинскому обслуживанию; возможности проживать на экологически чистых территориях; преодоление криминальных проявлений. Общей целью концепции демографической безопасности является предотвращение ожидаемой депопуляции по всей стране и стабилизация прироста населения за счет рационализации миграции.

Исходя из общей цели, основными задачами должны быть:

- стабилизация рождаемости до уровня экстенсивного воспроизводства населения путем стимулирования семей к рождению детей.

- снижение смертности населения, особенно матерей и младенцев, за счет повышения уровня здоровья, в том числе репродуктивного.

- снижение темпов демографического старения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

- стимулирование брака и формирование устойчивых семей.

До 2030 года политика демографической безопасности должна осуществляться следующим образом:

- 1) правовые и институциональные реформы целевых программ политики социально-демографической безопасности;
- 2) научные исследования и своевременная коррекция программ по результатам мониторинга социально-демографической безопасности;
- 3) надлежащие меры для формирования желательного демографического климата, для формирования соответствующего общественного мнения;
- 4) обновление информационной базы по мониторингу социально-демографической безопасности;
- 5) подготовка соответствующих специалистов;
- 6) совершенствование семейного, налогового и жилищного права.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта 19-29-07400 мк

Acknowledgments

The study was carried out with the support of the RFBR grant 19-29-07400 mk

Литература

1. Казанцев С.В. Оценка взаимного положения регионов // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 151–174.
2. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 4. С. 123-128.
3. Станиславский П.В. Демографическая безопасность общества в системе обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7. С. 146-150.
4. Шабанов Я. В. Демографическая ситуация и демографическая политика в постсоветской России / Я. В. Шабанов // Вестник Саратовского

государственного социально-экономического университета. – 2010. – № 2. – С. 161-164.

5. Эпштейн Н.Д., Карманов М.В., Васильева А.В. Проблемы интегральной оценки и обеспечения демографической безопасности //Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 3. С. 233-237.

6. Яковенко Н.В. "Качество жизни населения" как научная категория демографии//Экология урбанизированных территорий. 2007. № 1. С. 41-46.

7. Яковенко Н.В., Марков Д.С., Молодцева А.А., Туркина Е.П. Факторы окружающей среды в формировании здоровья населения ивановской области (атмосферный воздух)//Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 461.

8. Yakovenko N.V. Socio-Ecological Well-Being of the Population (the Regions of the Central Federal District are Example. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019, vol.22 no.3, pp.1-8. DOI: 10.1088/1755-1315/272/3/032035.

9. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Риски в формировании демографического потенциала Сибири //Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 98–115.

10. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Формирование демографического потенциала Сибири //Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири /отв. ред. В.В. Кулешов; РАН, Сиб. отделение, ИЭОПП, Ин-т археологии и этнографии, Ин-т геогр. им. В.Б. Сочавы, НИИ комплексных проблем гигиены и проф. заболеваний СО РАМН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. Гл. 11. С. 161–191.

Сведения об авторах:

Сафонова Ирина Вячеславовна, преподаватель Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова.

E-mail: www.irina_vecheslavovna@mail.ru

Яковенко Наталия Владимировна, доктор географических наук, профессор, гл.н.с., Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова.

E-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

УДК 914.705+504,75(045)

П.Ю. Ситников
P.Yu. Sitnikov

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ

ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE UDMURT REPUBLIC: STATE, DYNAMICS, TRENDS

Статья содержит характеристику основных демографических трендов Удмуртской Республики за 2010-2019 гг.

The article contains a description of the main demographic trends of the Udmurt Republic for 2010-2019.

Ключевые слова: *рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастной состав, заболеваемость населения*

Key words: *fertility, mortality, natural growth, age structure, morbidity*

Оценка благополучия населения в регионе основывается на определении показателей качества жизни населения. Качество жизни населения отражает систему сложившихся в регионе условий и предпосылок социально-экономического развития, а также его результатов, которые определяют реализацию человеческого потенциала, повышение уровня личного и общественного потребления материальных благ и услуг, всестороннего развития личности, обеспечения высокого уровня образования и культуры, поддержания благоприятной природной и социальной среды и здорового образа жизни, комфортных условий проживания и безопасности человека.

Основным показателем в определении качества жизни населения является средняя ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель выражают такие факторы, как естественное движение населения, состояние здоровья, являющиеся главными индикаторами, от которых зависят социально-экономические показатели. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении в Удмуртской Республике имела чёткую положительную тенденцию к увеличению значений. Так в период с 2010 по 2019 года средняя продолжительность жизни по республике увеличилась на 4,7 года, причем у мужчин на более чем 5 лет (с 61,6 до 67,0 года), а у женщин на 3,5 года (с 74,8 до 78,3 года). Показатели увеличиваются как в сельской местности, так и в городах [1].

Продолжительность жизни городского населения выше, чем в сельской местности на 2 года. Это связано с большей

доступностью медицинских услуг в городах и возрастной структурой населения сельской местности. В целом показатели продолжительности жизни населения Удмуртской Республики ниже, чем по России и по Приволжскому федеральному округу.

Рассматривая факторы, определяющие среднюю ожидаемую продолжительность жизни населения Удмуртии можно отметить следующее: с 2009 по 2016 год демографическая ситуация характеризовалась положительным естественным приростом, который был выше среднего по РФ, но с 2017 года наблюдается устойчивая естественная убыль, достигшая в 2019 году $-2,2\%$, что соответствует среднероссийскому показателю, но ниже чем средняя убыль по Приволжскому ФО ($-3,3\%$). Причем по прогнозу Росстата, до 2035 в Удмуртии естественная убыль продолжит увеличиваться до $-3,8\%$.

Уровень рождаемости с 2012 года стремительно снижается: так в 2012 году он составлял $15,3\%$, а в 2019 году снизился до $9,7\%$. Самый высокий уровень рождаемости (более 10%) характерен для центральных и южных районов республики, для которых также характерны относительно высокие социально-экономические показатели (средняя зарплата в сельском хозяйстве, естественный прирост) по республике. Самый низкий уровень рождаемости зафиксирован в городах Глазов и Сарапул (7 и $8,1\%$ соответственно), где помимо демографических показателей за последние годы существенно снизились и экономические показатели развития (заккрытие некоторых предприятий, снижение доходов населения), которые вызвали рост безработицы и высокий миграционный отток населения,

Важным показателем, влияющим на ожидаемую продолжительность жизни населения, является показатель младенческой смертности. В Удмуртии, как и в России, снижается младенческая смертность, т.е. число умерших детей в возрасте до 1 года. На 1000 родившихся живыми в 2013 г. умерло 8 человек (в городах 7,0, селах - 9,6). В 2019 г. соответственно 4,4; 3,9; 5,4. Основной причиной младенческой смертности в регионе являются патологии перинатального периода (с 28 недели беременности до 7 дней после родов), которые возникают в результате врождённых аномалий и некоторых инфекционных и паразитарных болезней. Выше российских показателей также смертность детей в возрасте до 1 года от несчастных случаев, отравлений и травм.

Общая численность населения Удмуртии составила на 01.01.2020 г. 1501,0 тыс. человек. Она продолжала сокращаться с 1994 г. в результате естественной убыли и миграционного оттока, достигнув в 2012 г. 1517,7 тыс. За 2013-2020 г. численность сократилась на 16,7 тыс. или на 1,1%, в городах увеличилась на 0,6%, а в сельской местности сократилась на 4,3%. Небольшой рост численности произошел в Малопургинском районе и Ижевске, а в Завьяловском районе на 18,1%. Самое большое сокращение от 10 до 15% в одиннадцати районах, а максимальное в Юкаменском - 15,8% [2].

В республике, как и в большинстве субъектов федерации, наблюдается процесс перемещения населения из сельской местности в города. Основным центром притяжения мигрантов внутри республики остается столица – г. Ижевск, для которого можно выделить 2 потока мигрантов: из сельских районов республики и отток городского населения за пределы Удмуртии. Миграционный прирост характерен для городов (за счёт Ижевска) и Завьяловского района. В сельской местности убыль составила 22,2 тыс. В расчете на 1000 населения самый большой отток населения в 2019 г. в Кизнерском и Юкаменском районах (30-35 чел.). Прирост населения отмечен в г. Воткинск и Глазов, в Воткинском, Увинском и Завьяловском. 60-65% потока мигрантов приходится на внутриреспубликанские переселения, в основном из села в город [2].

В структуре миграций по половозрастному составу преобладает молодежь, особенно в возрасте 20-24 года. Среди мигрантов женщины составляют 57,3%, причем в младшем трудоспособном возрасте (до 25 лет) их доля еще выше. Это объясняется тем, что большинство девушек покидают села для получения образования и поиска работы в городах. В трудоспособных возрастах более мобильными становятся мужчины.

Значительный отток молодежи отрицательно сказывается на социально-экономическом и демографическом положении сельской местности в периферийных частях республики. Из-за уменьшения доли лиц, способных к наибольшему воспроизводству населения, снижается рождаемость и трансформируется возрастная структура в пользу пожилых возрастов, что приводит к росту уровня смертности. За последние годы значительно сократилась доля трудоспособного возраста. Это вызвано увеличением рождаемости в самых населенных пригородных районах (Завьяловском, Малопургинском, Сарапульском) и повышением доли молодых возрастов, а также миграцией лиц трудоспособного возраста за пределы республики.

Так, республике, как и в РФ, снизилась доля лиц трудоспособного возраста и повышается доля лиц моложе и старше трудоспособного возраста, соответственно 20,6%, 54,0%, 25,4% на 01.01.2019 г. В 2013 г. - 18,8%, 59,6%, 21,8%. Высокая доля трудоспособных в городах, Завьяловском, Можгинском и Увинском районах (53,0-56,1%), низкая - 46,0-50,0 - в большинстве сельских. Доля детей от 18-20% в гг. Глазов, Сарапул, Ижевск до 24-25% в Алнашском, Вавожском и Селтинском районах.

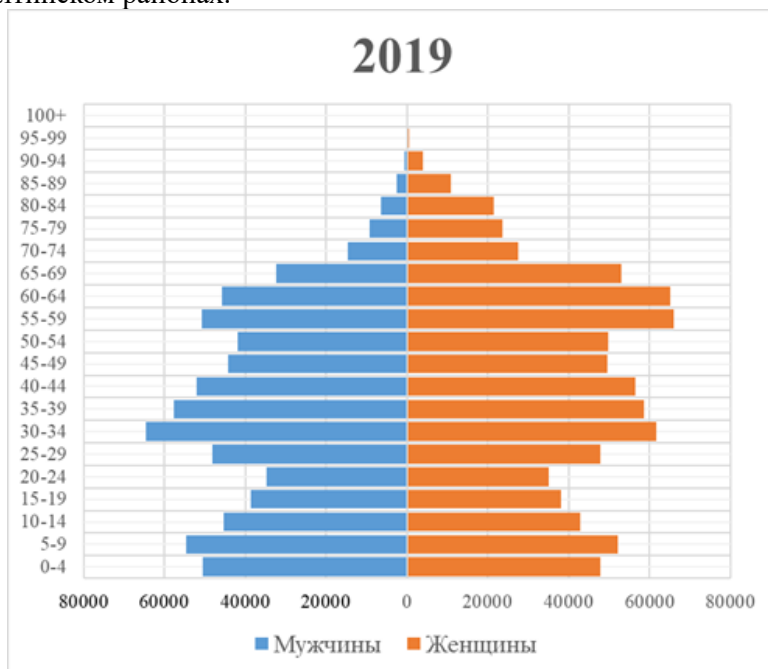

Рис. 1. Возрастно-половая структура населения Удмуртской Республики на 01.01.2019г.

Увеличение доли пожилых возрастов приводит к увеличению заболеваемости населения. В целом по республике, по сравнению с общероссийским, выше уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, болезней органов дыхания, пищеварения и нервной систем. В результате увеличения случаев смерти от несчастных случаев, отравлений и травм в молодых и трудоспособных возрастах, население, особенно мужское, в немалой своей части не доживает до пожилого возраста, когда сердечно-сосудистые патологии, онкологические заболевания и другие

хронические заболевания являются главными причинами смерти. Это подтверждается и тем, что доля лиц пожилого и старческого возраста среди мужской части населения составляет около 15 %, тогда как среди женщин она равна – 32 % от общей численности лиц, старше трудоспособного возраста, живущих на территории Удмуртии.

Структура причин смертности населения в последние годы остается практически неизменной. За последние 10 лет снизилась доля случаев смерти от сердечно-сосудистых заболеваний (с 50 до 44 %) и от несчастных случаев, отравлений и травм (с 13 до 9,6 %). В то же время возрос вклад злокачественных новообразований (с 13 до 15,4 %). Болезни системы кровообращения в качестве причины смертности характерны преимущественно для северных районов республики. Уровень смертности от неестественных причин смерти, несмотря на снижение в два раза, остается выше среднероссийских показателей. Смертность в трудоспособном возрасте среди мужчин существенно выше, чем среди женского населения.

Таким образом, главными медико-демографическими показателями, негативно влияющими на качество жизни населения Удмуртской Республики, являются высокая младенческая смертность и несбалансированная возрастная структура в сельских районах республики, которая снижает рождаемость и отражается на структуре смертности населения. В городах определяющими показателями являются половозрастная структура, заметно отличающаяся от сельских поселений, и заболеваемость населения злокачественными новообразованиями.

Литература

1. Естественное движение населения УР с 1939 года. // URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924> (дата обращения: 01.02.2021).
2. Атлас Удмуртской Республики / под общей ред. И. И. Рысина. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М.: Феория; Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2020. — С.158

Сведения об авторе:

Павел Юрьевич Ситников, ассистент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета.

Pavel Yu. Sitnikov, Assistant of the Department of Geography, Cartography and Geoinformatics, Udmurt State University.

E-mail: sitnikov-geo@yandex.ru

ГРУППЫ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

GROUPS OF RURAL SETTLEMENTS IN SOCIAL NETWORK

В условиях цифровизации общества появляются и новые методы сбора качественной социально-географической информации – прежде всего это методы анализа «цифрового следа»: данных сотовых операторов и социальных Интернет-сетей. В данной статье рассмотрен частный инструмент использования социальных сетей – анализ групп сельских населенных пунктов в социальной сети VK. Представлены возможности анализа участников таких групп, а также преимущества и недостатки применения данного метода для социально-географических исследований.

In the context of society's digitalization, new methods of collecting high-quality socio-geographical information are emerging - first of all, these are methods for analyzing the "digital footprint": data from cellular operators and social Internet networks. This article discusses a special case for using social networks - the analysis of groups of rural settlements in the VK social network. The possibilities of analyzing the participants of such groups, as well as the advantages and disadvantages of using this method for socio-geographical research are analyzed.

Ключевые слова: группы сельских населенных пунктов, социальная сеть VK

Key words: groups of rural settlements, social network VK

Впервые среди отечественных географов обществоведов к социальным Интернет-сетям обратилась Н. Ю. Замятина (2012, 2013, 2018), отмечая, что наиболее широкие возможности для поиска информации предоставляет соцсеть VK [1]. Проект «Виртуальное население России», автором идеи которого она является, использовал открытые данные пользователей социальной сети VK для отражения демографических особенностей реального населения России на основе «виртуального» [2]. Также в своих работах о социальных сетях как источнике географической информации писали А. И. Алексеев, М. С. Савоскул, И. П. Смирнов, А. А. Смирнова, Д. М. Виноградов, К. И. Дельва, М. Д. Усова, О. Е. Васильева, В. С. Удовенко и другие.

Проводимые ранее исследования уже касались изучения групп сельских населенных пунктов в социальной сети VK. В частности, методом выявления местожительства участников виртуальных сообществ соцсети исследовалась пространственная структура родственных связей п. Жарковский [3] и других населенных пунктов Тверской области [4]. На примере сел Ям-Тесово, Мельниково и Иссад Ленинградской области [2] представлена попытка посредством проведения социологических опросов для участников виртуальных групп дать качественную оценку маятниковым и сезонным миграциям населения. На основе анализа групп сельских населенных пунктов было выделено «виртуальное сообщество» как один из четырех типов современных сельско-городских сообществ [5].

В данной работе анализ участников групп сельских населенных пунктов (далее СНП) проведен на примере 6 сельских территорий: Загривское сельское поселение (далее СП) Ленинградской области, Добручинская волость Псковской области, Драгунское СП Белгородской области, Пенский сельсовет Курской области, Покровско-Урустамакское СП республики Татарстан и Старотураевский сельсовет республики Башкортостан. Численность населения муниципальных образований от 439 до 1748 человек (2020), плотность населения не превышает 17 чел./км² (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Краткая характеристика исследуемых сельских муниципальных образований

Муниципальное образование	Население (2020), чел.	Плотность населения, чел./км ²	Кол-во СНП	АЦ МО	Доля АЦ в населении МО (2010), %
Загривское СП, Ленинградская область	1065	5,9	10	д. Загривье	66
Добручинская волость, Псковская обл.	1748	5,8	74	д. Добручи	31
Пенский сельсовет, Курская обл.	759	9,4	2	с. Пены	99
Драгунский сельсовет, Белгородская обл.	439	11,9	2	с. Драгунка	77
Покровско-Урустамакское СП, Татарстан	1015	17,5	6	п. Покровский-Урустамак	69
Старотураевский сельсовет, Башкортостан	958	12,8	2	с. Старотураево	77

Составлено по данным базы Росстат [6]

Поиск групп СНП осуществлялся вручную посредством расширенного поиска соцсети VK по двум фильтрам: «сообщества» и «новости». Фильтр «сообщества» позволяет искать группы двумя способами – указанием геолокации с выбором СНП (повторный фильтр, позволяющий выявить все группы в соцсети, администраторы которых указали геолокацию сообщества), либо через поисковую строку (вписывается название СНП с разными окончаниями для нахождения большего количества вариантов). Фильтр «новости» вписывания в поисковую строку название населенного пункта с использованием хэштега (#) и без него позволяет найти новости тех групп населенных пунктов, которые не удалось найти по фильтру «сообщества», например, из-за неочевидного названия группы. Также есть возможность поиска групп СНП в списке всех групп пользователей соцсети с открытым профилем, указавших в качестве местожительства данный СНП.

Основная проблема поиска групп – необходимость найти группы небольшого СНП до 100 человек или группы СНП с распространенным названием (например, «Отрадное»). В таком случае для подтверждения групп необходимо изучить всю их выборку в поисковой выдаче.

Количество участников найденных активных (в которых выявлена хотя бы одна публикация на «стене» за последний месяц) групп всех СНП рассматриваемых СП, как видно на диаграмме (см. Рис. 1), пропорционально и во многом приближено к официальной численности населения данных СП. Количество найденных групп у административных центров (АЦ) составляет подавляющее большинство (от 6 – с. Драгунка, до 14 – д. Добручи, что пропорционально численность населения СП) среди всех найденных групп СП так же, как и количество участников в них. Заниженное количество участников в группах Пенского сельсовета по отношению к численности его населения в данном случае объясняется сложностью нахождения групп из-за распространенности названия села.

У каждого АЦ найдено от 2-4 общих групп СНП (например, группа «Покровский-Урустамак | Урсыгурт» <https://vk.com/ursyгурт>), среди которых одна, как правило, является информационным порталом для жителей села (что подтверждается на примере и других исследований [2]) и самой крупной группой СНП, администрацией которой является часто староста СП. Однако у некоторых из рассматриваемых АЦ самыми крупными группами

являются также группы сельских домов культуры (у с. Старотураево и д. Загривье) и общая группа сельского поселения (Драгунское СП).

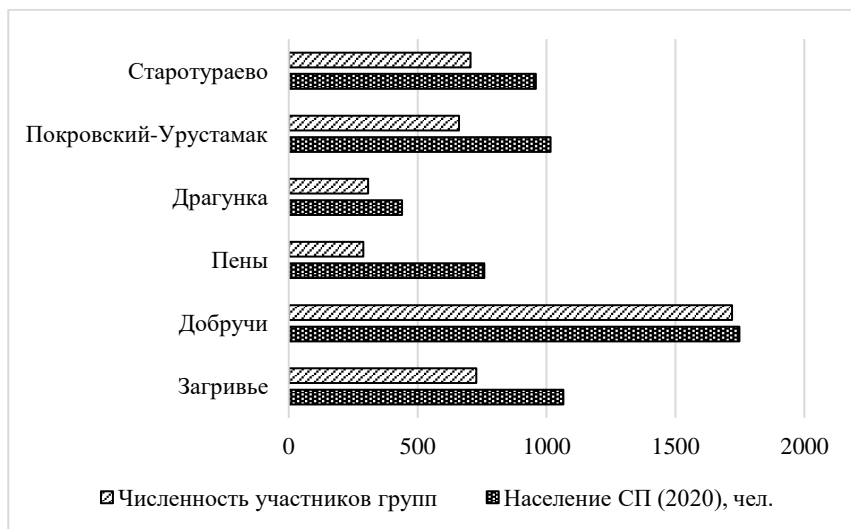

Рис. 1. Численность населения сельских поселений и количество участников найденных активных групп всех СНП данных поселений [6], [7].

Помимо главной группы, как правило, у каждого АЦ есть также группа школы, дома культуры или сельского клуба, сельской библиотеки, реже сельского футбольного клуба. Также распространены небольшие по количеству участников группы выпускников, и десятки тематических групп, большинство из которых неактивны в настоящее время. Активные же тематические группы некоторым образом характеризуют село и его жителей. Например, на основе найденных групп в д. Добручи выявлен детский танцевальный коллектив, в то время как с. Старотураево может «удивить» крупными группами любителей индийского кинематографа.

Однако, наиболее интересные данные можно получить благодаря анализу участников данных сообществ посредством платных интернет-сервисов, таких как «Segmento-target.ru» или «VK.BARKOV.NET». Благодаря последнему были получены excel таблицы с данными об участниках групп по выбранным на сервисе

показателям. Предварительно, сервис фильтрует выборку участников, исключая заблокированные и неактивные страницы.

Благодаря подобному анализу можно получить данные о пространственной структуре всех внешних связей СНП с другими населенными пунктами, что было наглядно показано в работах А. И. Алексеева [3] и О. Е. Васильевой [2] с соавторами.

Касательно исследуемых СП в данной работе интересно отметить, что самыми скрытными оказались участники групп сел Татарстана и Башкортостана – в обоих случаях около 35% участников не указали в соцсети местожителство. Значения данного показателя у Белгородской и Курской областей около 27%, в то время как значения Ленинградской и Псковской областей только 20%, что наводит на мысль зависимости данного показателя от близости к крупнейшим агломерациям (Петербургской и Московской). В первой двойке указанных населенных пунктов идут АЦ субъекта и ближайший крупный НП, как правило, районный центр. Сам СНП идет на 3-5 месте.

Наиболее распространенные фамилии д. Загривье – Иванов, Смирнов, Антонов; д. Добручи – Иванов, Васильев, Павлов; с. Пены – Колтунов, Бычков, Тищенко; с. Драгунка – Горлов, Сафонов, Лифинцев; с. Старотураево – Валиев, Яныбаев, Шаяхметов; п. Покровский-Урустамак – Безенов, Тараканов и Бахтияров. Можно предположить, что данные фамилии представляют родовую основу рассматриваемых СНП.

Наибольшее число участников, использующих брендовый смартфон марки iPhone обнаружено в Курской области – 17%, наименьшее в республике Татарстан – 8%. Также посредством групп СНП могут быть получены многие другие данные, например, процентное соотношение пар к одиночкам, общительность внутри сообществ (по количеству друзей, а также публикаций и комментариев на стене групп), основная занятость и образование участников и др.

Таким образом, численность и тематика групп СНП в социальной сети VK позволяет дать качественную характеристику данному СНП; анализ их участников позволяет выявить пространственные связи СНП с другими НП и получить некоторую характеристику его населения; проведение опросов в группах позволяет выявить качественную характеристику образа жизни, сезонных и маятниковых миграций жителей и гостей села. Однако

поиск данных групп имеет ряд сложностей, описанных в данной статье ранее.

Литература

1. Замятина Н. Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как центр производства и распределения человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети ВКонтакте) // Региональные исследования. — 2012. — № 2. — С. 15–28.
2. Васильева О. Е., Удовенко В. С. Социально-географический анализ сельских поселений с помощью инструментов социальной сети ВКонтакте // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2018. — № 6. — С. 26–33.
3. Алексеев А. И., Ефимова О. Ю., Ткаченко А. А. Пространственная структура родственных связей (на примере поселка Жарковский Тверской области) // Крестьяноведение. — 2019. — Т. 4, № 2. — С. 128–137.
4. Смирнов И. П., Виноградов Д. М., Алексеев А. И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети ВКонтакте // Известия Русского географического общества. — 2019. — Т. 151, № 6. — С. 69–80.
5. Удовенко В. С., Савоскул М. С., Алексеев А. И., Васильева О. Е. Социально-географическая типология сельско-городских сообществ // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2021. — № 2. — С. 3-12. **В печати**
6. Официальная статистика [электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 01.2021)
7. Расширенный поиск [электронный ресурс] / VK. – Режим доступа: <https://vk.com/search> (дата обращения: 01.2021)

Сведения об авторе:

Удовенко Владислав Сергеевич, аспирант географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: udovenko.v.s@ya.ru

УДК 314.72

К.А. Чернышев
K.A.Chernyshev

**МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И
УДМУРТИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД**

MIGRATION INTERCHANGE OF THE KIROV REGION AND UDMURTIA: A RETROSPECTIVE APPROACH

Рассматриваются миграции населения между Кировской областью и Удмуртской республикой за 1936–2018 гг. На основе данных текущего миграционного учёта определяются результаты миграционного взаимодействия в советский и постсоветский периоды.

The migration of the population between the Kirov region and the Udmurt Republic for 1936–2018 is considered. Based on the data of the current migration registration, the results of migration interaction in the Soviet and post-Soviet periods are determined.

Ключевые слова: миграция, Кировская область, Удмуртская республика, текущий учёт мигрантов.

Key words: migration, Kirov region, Udmurt Republic, registration of migrants.

Миграции между соседними регионами в настоящее время являются крайне распространённым видом переселений внутри страны. Это вызвано тем, что переезд в соседний регион требует меньших финансовых и организационных затрат. Кроме того, люди лучше осведомлены о ситуации в соседних территориях [1]. В данной работе рассматриваются миграционные связи Кировской области и Удмуртской республики, которые являются не только соседями. Оба субъекта РФ в прошлом составляли основную часть единой территориальной единицы, Вятской губернии, а также Кировского края. Официально разделение произошло в конце 1936 г., когда в соответствии с принятой Конституцией СССР, Кировский край был преобразован в Кировскую область, а Удмуртская АССР получила статус самостоятельной территориальной единицы в составе РСФСР [3, 5]. В 1937 и 1938 гг. происходила передача территории ряда районов в состав Удмуртской АССР из Кировской области. Указанные обстоятельства определили наличие интенсивного обмена между Кировской областью и Удмуртией. В границах образованной Кировской области механическое движение населения статистически регистрировалось с 1937 года.

Источником информации о соседских миграциях стали формы текущего учёта, которые составлялись Территориальным органом Росстата по Кировской области (в советский период именовался Статистическое управление) и содержали данные о передвижении населения региона по территориям прибытия и

выбытия. Объёмы миграции, регистрируемой текущим учётом, изменялись по годам, отражают не только реальные миграционные перемещения, но и особенности регистрации внутренних мигрантов в конкретные периоды (табл. 1).

Таблица 1

Миграционное взаимодействие Кировской области с Удмуртской Республикой в 1937–2018 гг.

Годы	Число прибытий в Кировскую область из Удмуртии, чел.	Число выбытий из Кировской области в Удмуртию, чел.	Миграционное сальдо для Кировской области, чел.
1937–1940	8007	5147	2860
1941–1945	3269	2652	617
1945–1959	14921	11996	2925
1960–1991	60903	57380	3523
1992–2018	16933	19818	-2885
1937–2018	104033	96993	7040

Максимальные значения зарегистрированного миграционного оборота между двумя регионами пришлось на предвоенные годы. В годы Великой Отечественной войны Кировская область и Удмуртская АССР стали местом прибытия значительного количества эвакуированного населения [4, 5], но миграционный баланс по-прежнему был в пользу области. Это соотношение сохранилось и в послевоенный период. Отметим, что до 1960 г. текущий учёт фиксировал миграцию только городского населения, поэтому реальные объёмы переселений в 1937–1959 гг. были ещё выше. Этим фактом объясняется и заметное увеличение регистрируемого миграционного оборота с 1960-х гг. Положительное для Кировской области сальдо миграции достигло максимального значения в 1962 г., составив 1161 человек. С середины 1960-х гг. и в 1970-е гг. встречные потоки мигрантов были примерно равными. В 1980-е годы Кировская область в результате миграционного обмена с Удмуртией вновь получала приток населения. В постсоветский период оба региона испытали более значительный, чем в среднем по стране, спад объёмов промышленного производства, воздействием других проявлений экономической депрессии, следствием которых было формирование с 2000 года отрицательного миграционного сальдо в обоих субъектах РФ [2]. С 1993 г. миграционный баланс встречных миграционных потоков изменился в пользу Удмуртской Республики (рис. 1). С 2011 г. произошло увеличение регистрируемых объёмов миграции, поскольку в текущий миграционный учёт помимо мигрантов,

зарегистрированных по месту постоянного жительства, стали включаться лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

В целом в советский период оба региона, Кировская область и Удмуртская Республика, теряли население в результате внешней миграции, однако, двусторонний миграционный баланс, за исключением отдельных лет, складывался в пользу Кировской области. В постсоветский период характер миграционного взаимодействия изменился и миграционное сальдо Удмуртской Республики за счёт обмена с Кировской областью стало положительным.

Рис. 1. Миграционные потоки между Кировской областью и Удмуртской Республикой в 1937–2018 гг.

Литература

1. Карачурина Л.Б. Миграции между регионами-соседями: специфика, объемы, тенденции // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире. Мат-лы межд. школы-семинара. Смоленск: Универсум, 2003. С. 81–91.
2. Литвинов А.А., Петропова И.Ю. Характеристика миграционных процессов в Удмуртской Республике за 1997–2002 годы // Вестник

Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2006. № 11. С. 51–54.

3. Справочник по истории административно-территориального деления Вятской губернии – Кировской области 1917–2008 гг. Киров: ГАКО, 2009. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

4. Уваров С.Н., Смирнова Л.В. Миграция населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 130–133

5. Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГУ, 2012. 203 с.

6. Чернышев К.А., Чернышева Н.В. Эволюция административно-территориального устройства Кировской области // Общество. Наука. Инновации. (НПК-2019). Сборник статей XIX науч.-практ. конф. Киров: Вятский государственный университет. 2019. С. 575–582.

Сведения об авторе:

Чернышев Константин Анатольевич, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

E-mail: kochern@rambler.ru

Телефон: 89628932114

УДК 911.3

С.В. Уставщикова
S.V. Ustavshchikova

МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ САРАТОВА

MIGRATION RISKS OF SARATOV

В статье освещены итоги миграции населения по городу Саратову. Рассматриваются текущие тенденции миграционных процессов по основным направлениям миграции. В публикации также обозначены возможные миграционные риски в ближайшей перспективе, а также основные направления миграционной политики.

The article highlights the results of population migration in Saratov. The current trends of migration processes in the main directions of migration are

considered. The publication also outlines possible migration risks in the near future, as well as the main directions of migration policy.

Ключевые слова: миграция населения; внутрирегиональная, межрегиональная и международная миграция, миграционные риски.

Key words: population migration; intraregional, interregional and international migration; migration risks

Саратов один из крупнейших городов России. Современная численность населения 838,0 тыс. человек (1.01.2020 г.) В списке городов РФ он 17, после 15 городов миллионеров и Краснодара. Географическое положение Саратова предопределяло его историческое развитие и рост численности населения. Саратов развивается как многофункциональный город.

Население – основной ресурс развития города. Численность населения Саратова максимальной была в 1987 г. – 918,0 тыс. человек, затем начала снижаться под влиянием кризисных событий распада СССР, достигнув минимума в 2012г. - 835,9 тысяч. В настоящее время город адаптировался к рыночным условиям. Саратов – центр Саратовской агломерации, где намечены серьезные экономические, планировочные и архитектурные изменения. Численность населения последние годы росла, достигнув в 2017 году – 845,3 тыс. человек. При отрицательном естественном приросте (с начала 1990 годов), численность населения изменялась только в результате миграционного прироста, который перекрывал естественную убыль.

Для анализа современных миграционных процессов в Саратове рассматривался динамический ряд, начиная с 2012 года, когда впервые в миграционный учет были включены срочные мигранты, регистрирующиеся на срок 9 месяцев и более, по 2019 год.

По 2016 год включительно регистрировался миграционный прирост населения. Хотя абсолютные числа сокращались стремительно. В 2016 году миграционный прирост снизился относительно 2012 в 3,6 раза. С 2017 года - миграционная убыль и она более -3000 человек за год[1].

Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Саратов является единственным источником увеличения численности населения. Соответственно на изменении численности населения города оказывают влияние внутрирегиональная, межрегиональная и международная миграции. Внутрирегиональная

миграция является для нашего города одной из основных «подпиток» численности населения. Приток населения осуществляется практически со всех городов и сельской местности области. Это, в основном, молодежь, которая мигрирует с целью получения образования. Люди в молодых трудоспособных возрастах приезжают в поисках работы. Миграционный прирост Саратова за счет других населенных пунктов региона составлял 2-3 тыс. человек в год. В течение 2012-2018 годов внутрирегиональные миграционные ресурсы компенсировали отток саратовцев в другие субъекты Российской Федерации. В 2019 году межрегиональный отток более чем на 400 человек превысил внутрирегиональный приток в город. Постоянный отток населения из сельской местности неизбежно ведет к его демографическому старению и снижению мобильности.

Межрегиональная миграция оттягивает население из Саратова и на протяжении уже существенного времени приводит к отрицательному миграционному балансу. За период с 2012 по 2019 год отрицательный межрегиональный баланс усилился (с положительного в 2012 году) почти в 3 раза, достигнув максимума в 2019 году: -3,1 тыс. человек.

Саратов долгое время был привлекателен для мигрантов из стран СНГ. Растет число иностранцев поступающих в ВУЗы Саратова. Динамику результата миграционного обмена с иностранными государствами за период с 2012 года нельзя назвать устойчивой. Вместе с тем, после 2016 года появилась тенденция на снижение. В 2018 году по международному направлению миграции впервые сложилось отрицательное сальдо.

Суммарная миграционная убыль в Саратове на 72 процента обусловлена мигрантами трудоспособного возраста. Следует отметить, что во всем населении города доля лиц трудоспособного возраста изменилась с 61,1 % (2012г.) до 57,8 % (2020). Таким образом, миграция оказывает негативное влияние на возрастную структуру горожан. Для Саратова актуальна проблема «утечки мозгов». Выросло число абитуриентов, желающих поступить в вузы других регионов. Но и в Саратовских вузах география абитуриентов расширилась, в том числе за счет уральских и сибирских регионов.

Очевидно, что текущая миграционная ситуация не способствует росту экономического потенциала и человеческого капитала города. Проблемы осознаются как на уровне муниципалитета, так и на уровне региона в целом. Администрацией

города Саратова разработана «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2039 года». Стратегическая цель № 1 - сохранение, воспроизводство и развитие человеческого капитала. [2].

Есть понимание активно проводить политику оказания содействия добровольному переселению в г. Саратов соотечественников, проживающих за рубежом. [3]. Область занимает лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе по темпам приема соотечественников.

Проведенный анализ миграции населения свидетельствует, что в Саратове к настоящему времени сформировались следующие миграционные риски.

1. В обозримом будущем не усматриваются очевидные предпосылки для смены миграционного тренда в городе Саратове. Миграционный отток населения сохранится, на его величину может повлиять современная эпидемиологическая ситуация в стране и регионах.

2. Сохранение миграционной убыли будет способствовать демографическому старению населения.

3. Стимулом для привлечения населения в регион может стать реализация в будущем проектных работ по развитию Саратовской агломерации.

4. Одним из направлений миграционной политики должно стать содействие закреплению в Саратове мигрантов, прибывших в город на обучение, в том числе и иностранных граждан (законодательная база оформлена в виде концепции и закона [4,5]). Поиск новых образовательных программ и направлений подготовки может сформировать конкурентоспособный кластер в сфере образования.

5. Стимулирование миграционного притока населения должно быть обеспечено рабочими местами и социальной инфраструктурой, гарантирующими экономические преимущества мигранту, выбирающему Саратов в качестве нового места жительства. Иных рычагов влияния на миграционные потоки в условиях свободного перемещения граждан не имеется. В Саратове предпринимаются шаги в данном направлении. Согласно новому генеральному плану развития города, планируется строительство объектов, как жилья, поликлиник, спортивных сооружений, так и улучшение транспортной доступности всех районов Саратова. Организация комфортного городского пространства, как в районах исторического

центра, так и в районах современной застройки.

6. Несмотря на продолжающуюся урбанизацию, муниципальные районы Саратовской области уже не являются стратегическим резервом восполнения численности населения областного центра.

7. Миграционная политика должна быть скорректирована по двум направлениям: ослабление миграционного оттока в столицу и более крупные центры ПФО и повышение миграционной привлекательности для мигрантов из стран СНГ, в том числе с Украины. Международное направление формирует свои миграционные риски. С одной стороны, это создание условий для адаптации иностранных граждан (а также лиц, принявших гражданство России) к проживанию в Российской Федерации, Саратовской области. С другой – соблюдение законодательства и обеспечение правопорядка. Резиденты могут рассматривать мигрантов как конкурентов, а также связывать с прибытием мигрантов ряд социальных, экономических и других проблем, что может привести к печальным последствиям, находящим свое выражение в проявлении ксенофобии, нетерпимости.

8. Одним из важнейших миграционных рисков является оценка фактического числа мигрантов, находящихся на территории. Так как лица, регистрирующиеся на срок менее 9 месяцев, не подлежат статистическому учету и могут продлять срок регистрации неоднократно. Решением данного вопроса могло бы стать создание регистра населения и единой межведомственной базы миграционного учета по аналогии с ФГИС ЕГР ЗАГС. Начало функционирования регистра целесообразно было бы приблизить к моменту проведения всеобщей переписи населения [6].

Литература

1. Саратовская область в цифрах – 2019: Краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2020 – 226 с.

2. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 года URL: <http://www.saratovmer.ru/strategy> (дата обращения: 2.11.2020)

3. Подпрограмма "Оказание содействия добровольному переселению в Саратовскую область соотечественников, проживающих за рубежом" URL: <http://www.mintrud.saratov.gov.ru/travel/Program/> (дата обращения: 2.11.2020)

4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 15.05.20)

5. Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240038>(дата обращения: 5.05.2020)

6. Новикова Е.Л. Миграционные вызовы в городе-миллионнике. Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов). Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 22 мая 2020 г.) /под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. Уфа: Гилем Башк.энцикл., 2020. С.171-174

Сведения об авторе:

Светлана Владимировна Уставщикова, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского.

Svetlana V. Ustavshchikova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Geography, Saratov National Research University named after N. G. Chernyshevsky.

E-mail: sveus1@yandex.ru

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]

А.Б. Швец, К.Ю. Сикач
A.B. Shvets, K.Yu. Sikach

ДИНАМИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА: ОПЫТ РАЙОНИРОВАНИЯ

THE DYNAMICS OF ETHNO-CONFESSIONAL SPACE OF THE CRIMEA: THE EXPERIENCES OF THE ZONING

Рассмотрены основные особенности этноконфессионального пространства Крыма. На основании расчетов этноконфессиональной мозаичности и особенностей структуры населения выделены типы динамики этнической и конфессиональной структуры Крыма. Приведены особенности районов и подрайонов полуострова.

The main features of the ethnoconfessional space of the Crimea are considered. On the basis of calculations of ethno-religious mosaic and peculiarities of population structure of selected types of the dynamics of ethnic and confessional structures of the Crimea. The features of the districts and subdistricts of the peninsula are given.

Ключевые слова: Крым, этноконфессиональное пространство, типы динамики этнической структуры, типы динамики конфессиональной структуры, этническая мозаичность.

Key words: Crimea, ethno-confessional space, types of dynamics of ethnic structure, types of dynamics of confessional structure, ethnic mosaic.

Современное этноконфессиональное пространство Крыма, привлекает внимание непрерывными пространственно-временными изменениями.

С развалом Советского Союза на постсоветском пространстве был запущен процесс ренессанса конфессионального пространства в бывшем атеистическом обществе. В Крыму он стимулировался возвращением депортированных народов и отличался стремительностью возрождения религиозных общин не только в христианском, но и в мусульманском секторах конфессионального пространства. Параллельно с конфессиональной мозаичностью увеличивалась этническая мозаичность Крыма. События 2014 года сформировали новые тенденции в трансформации этнической и конфессиональной структуры крымского региона [1].

До 2001 года в Крыму повсеместно нарастала этническая мозаичность населения, подогревавшаяся не только процессом возвращения депортированных народов, но и усилившимися внутренними миграциями крымских татар, которые одновременно носили характер смены ландшафтной среды обитания этого народа и его стремления к возвращению в наиболее освоенные с позиций бизнеса территории Крымского полуострова [2]. После 2001 года в этнической мозаичности крымского региона наступила стабилизация и даже сокращение этнической мозаичности, связанные с затуханием процесса репатриации. В этот период полиэтничность регионов полуострова активнее сокращается в городах и приморских территориях, заметно медленнее этот процесс происходит в его глубинных районах с более высокой долей сельского населения.

Нами было проведено районирование территории Крыма, согласно особенностям его этнической и конфессиональной

мозаичности. Оба вида мозаичности населения рассчитывалась с применением индекса Эккеля. Этот показатель позволяет наглядно продемонстрировать степень выраженности полиэтничности и поликонфессиональности в регионе.

Индекс этнической мозичности рассчитывался по данным переписей населения 1989, 2001 и 2014 годов. Конфессиональная мозаичность рассчитывалась по данным республиканских министерств и ведомств, фиксировавших показатели роста численности религиозных общин в 1997, 2001, 2014 и 2019 годах. Выбор «реперных точек отсчета» обусловлен особенностями официальной фиксации этноконфессиональных процессов в регионе и сменой политической субъектности Крыма.

На базе упомянутого индекса, а также с применением метода кластерного анализа - одного из эффективных инструментов районирования территории - проводилось выделение типов и подтипов районов, согласно особенностям их этнической и конфессиональной структуры. При обработке данных использовалась программа анализа данных Statistica.

На основании индекса этнической мозаичности, его изменения и соотношения доли основных этнических групп в муниципальных районах и городских территориях Крыма определены типы динамики этнической структуры населения:

1 тип: районы слабой этнической смешанности населения и снижающейся полиэтничности с существенным преобладанием русских в этнической структуре населения. К данному типу территорий относится город Керчь, который можно характеризовать, как моноэтничный, где украинцы и крымские татары составляют незначительную долю населения, а малые народы Крыма (греки, армяне, узбеки, корейцы, цыгане и др.) существенно ассимилировали. При этом соседний Ленинский муниципальный район отличается от городского округа Керчи большей долей этнической мозаичности (рис.1).

2 тип: районы средней этнической смешанности населения, стабильной этнической структурой и пиком проявленности полиэтничности в 2001 году за счет репатриации крымских татар. Среди этносов этих территорий отмечается доминирование славянских групп населения, а доля тюрков не превышает 10%. К описанному территориям относится большинство прибрежных районов Крыма (Севастополь, Ялта, Алушта и Феодосия).

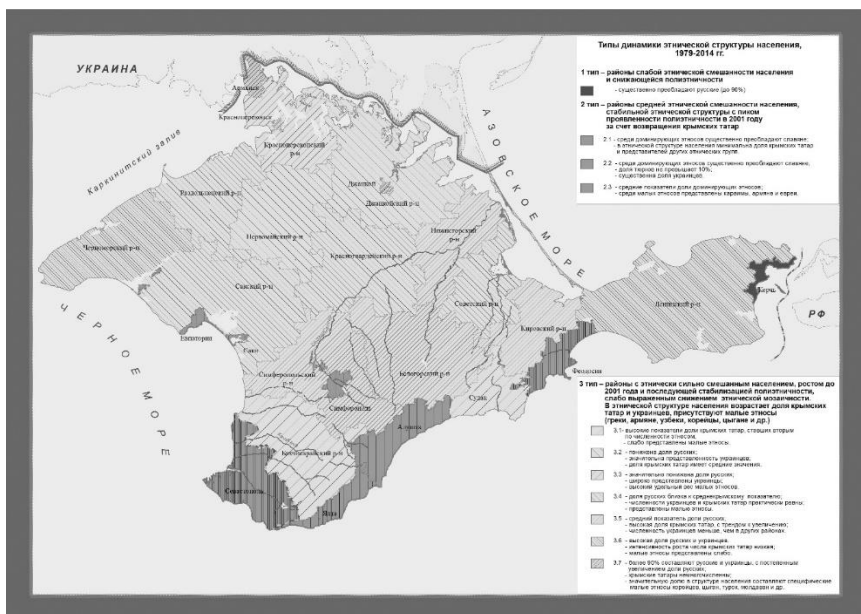

Рис.1. Типы динамики этнической структуры населения [3].

3 тип – районы с этнически сильно смешанным населением, ростом до 2001 года и последующей стабилизацией полиэтничности, слабо выраженным снижением этнической мозаичности. В этнической структуре населения этих территорий возрастает доля крымских татар и украинцев, присутствуют малые этносы. По мере приближение к границе с Украиной в районах данного типа увеличивается доля украинцев, сокращается численность крымских татар и сохраняется без особых изменений удельный вес русских. Характерной особенностью описанных территорий является присутствие в их этнической структуре населения как традиционных, так и «новых» для Крыма малых этносов: узбеков, корейцев, цыган, азербайджанцев и других.

При выявлении типов динамики конфессиональной структуры населения Крыма отмечено отсутствие корреляции между его этническим и конфессиональным составом. Мы объясняем эту особенность населения полуострова широким территориальным распространением протестантских общин, не имеющих чёткой этнической идентификации среди своих последователей.

В отличие от этнической, конфессиональная мозаичность имеет в Крыму менее выраженную динамику количественного приращения, по сравнению с её территориальным расширением. Процесс перерегистрации религиозных общин в рамках российского правового поля изменил конфессиональную структуру во многих районах полуострова. Этот процесс имеет более строгий, в сравнении с украинским законодательством, регламент, где он носил, по сути, заявительный характер. В Крыму не перерегистрированы общины Украинской православной церкви (Киевского патриархата), ушли в прошлое автономные общины мусульман, которые не подчинялись Духовному управлению мусульман Крыма, запрещены российским законодательством общины Свидетелей Иеговы.

По типу динамики конфессиональной мозаичности нами выделены три типа крымских регионов:

I тип: районы с постепенно растущей степенью конфессиональной мозаичности и резким преобладанием доли православных общин (рис.2). Этот тип мозаичности представлен только в Нижнегорском муниципальном районе, где незначительно количество мусульманских общин и практически отсутствуют протестантские. В этом районе наблюдается резкое снижение конфессиональной мозаичности, по сравнению с другими территориями.

II тип: районы с постепенно растущей степенью конфессиональной мозаичности и преобладанием доли православных и протестантских общин. Этот тип территорий характерен для северных и северо-западных районов Крыма, где широко распространены протестантские общины, количество которых, порой, сравнивается с православными.

III тип: районы с преобладанием стабильно высокой конфессиональной мозаичности и доминированием православных и мусульманских общин в широком спектре христианских религий, иудаизма, караимизма. Районы данного типа наиболее характерны для Крыма. Именно для них отмечается некоторое соответствие между этнической и конфессиональной структурами населения, когда численность православных и мусульманских общин коррелирует с показателем количества русских, украинцев и крымских татар.

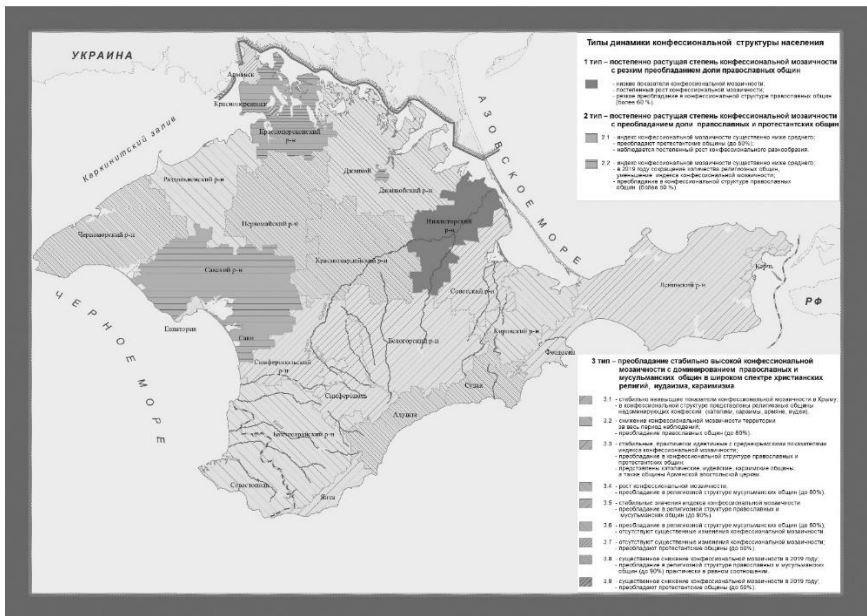

Рис. 2. Типы динамики конфессиональной структуры населения [3].

Стабилизация динамики этноконфессионального пространства Крыма - важный маркер его социокультурного развития. Она подтверждает важную характеристику крымского общества: присутствие в нем этнической и конфессиональной терпимости. Сохранение этнической и религиозной терпимости жителями Крыма - это путь для восстановления на полуострове культурной традиции доминирования региональной идентичности над иными видами самосознания.

Общим трендом перспективного изменения этнической мозаичности в Крыму следует считать её сужающийся характер практически для всех территорий полуострова. Ассимиляция малых этносов, уменьшение доли украинцев в структуре населения – основные причины подобного явления.

Сохранение расширяющегося территориального присутствия протестантских общин, их высокая религиозная активность создают одну из предпосылок устойчивого роста конфессионального многообразия Крымского полуострова. Стабилизация православного и мусульманского присутствия в Крыму подтверждает тенденцию превращения религии в

культурную традицию российского общества, её переход из общественной в личностную сферу жизни людей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

Литература

1. Швец А. Б., Сикач К. Ю. Новая реальность этнического пространства в российском Крыму [Текст] / А. Б. Швец, К. Ю. Сикач // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып.3. С. 301-313.
2. Швец А. Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии»// Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 4. С. 29–46.
3. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швец А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://atlas-crimea.ru>, свободный. Загл. с экрана.

Сведения об авторах:

Швец Александра Борисовна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».

E-mail: fusion10@mail.ru

Сикач Ксения Юрьевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».

E-mail: sikach89@gmail.com

Секция 5. «Пространственные метаморфозы российской экономики: сопряжённость новых и унаследованных структур, специализаций, факторов и особенностей локализации»

УДК 911.9:338.45:620.91(470)

В.В. Акимова
V.V. Akimova

**ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ В РОССИИ:
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

RENEWABLES IN RUSSIA: NEW REALITY

Проведен анализ современного состояния, а также основных направлений и перспектив развития возобновляемых источников энергии в России. Рассмотрены факторы, благоприятствующие и препятствующие развитию возобновляемой энергетики. Было выявлено, что существуют три ключевых направления развития отрасли: создание электростанций промышленного масштаба, подключенных к централизованной энергосети; обеспечение энергоснабжением отдаленных регионов; внедрение индивидуальных установок малой мощности как подключенных к энергосети, так и работающих в автономном режиме.

The article is dedicated to the analysis of the current state, as well as the main prospects for further development of renewables in Russia. Factors favorable and hindering the development of renewable energy are considered. It was revealed that there are three key directions for the development of the industry: the creation of industrial-scale power plants connected to centralized power grids; provision of power supply to remote regions; introduction of individual low-power installations, both connected to the power grid and operating in an autonomous mode.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, ветровая энергетика, Россия.

Key words: Renewables, solar energy, wind energy, Russia.

Введение. В условиях ограниченности традиционных источников энергии, нестабильности их цен на мировом рынке, а также обеспокоенности экологическими последствиями использования ископаемых источников энергии, получают развитие новые энергетические направления, основанные на инновационных подходах к выбору первичного энергоисточника и его экологичности. Эти энергетические направления включают

использование нестандартных возобновляемых источников энергии (ВИЭ) — энергии Солнца, ветра, тепла Земли и др. Большая площадь, неравномерность в обеспечении энергоресурсами, колебания мировых цен на нефть, общемировые тенденции по переходу к «зеленому» производству [1] способствуют активному развитию ВИЭ и в России.

Солнечная энергетика. Развитие солнечной энергетики в России идёт по трём направлениям. Первое связано с созданием солнечных электростанций промышленного масштаба, подключенных к централизованным энергосетям. Привычка к централизованным поставкам топлива, электроэнергии, пока еще относительно высокая цена на индивидуальные солнечные установки, недостаточно высокий уровень экологической культуры населения, особенности национального менталитета — все это предопределило развитие солнечной энергетики в стране главным образом за счет промышленной составляющей. Кроме того, промышленный сектор солнечной энергетики является наиболее привлекательным для инвесторов благодаря внедрению договора о поставке мощностей (ДПМ), заключаемого между государством и частной компанией. В соответствии с ДПМ гарантируется возврат средств в размере, позволяющем инвестору окупить вложения максимум за 15 лет [2]. В отличие от других европейских тендерных схем, данная схема предполагает осуществление поддержки развития ВИЭ на основе механизма продажи мощности квалифицированных генерирующих объектов (в МВт), а не на основе объёма выработки электроэнергии (в МВт*ч), что является уникальной концепцией в мире.

На сентябрь 2019 года суммарная установленная мощность российских солнечных электростанций (без учета крымских) составляет чуть больше 750 МВт [3]. С учетом крымских СЭС показатель объёма суммарных мощностей увеличивается до 1048 МВт, что позволяет относить Россию к странам с достаточно развитым солнечноэнергетическим направлением. На самом деле реальный объём суммарных установленных мощностей в России несколько больше, нежели указано в официальных статистических массивах. Это связано с тем, что не все автономные и индивидуальные крышные солнечные установки зарегистрированы и включены в общую базу.

Таблица 1

Региональная структура солнечной энергетики в России, 2019 г.,
МВт

Регион	Мощность, МВт	Регион	Мощность, МВт
Астраханская область	165	Республика Крым	297,05
Белгородская область	0,1	Республика Саха (Якутия)	1
Волгоградская область	50	Республика Хакасия	5,198
Забайкальский край	0,12	Самарская область	75
Оренбургская область	280	Саратовская область	45
Республика Алтай	55	Хабаровский край	1,25
Республика Башкортостан	49	Челябинская область	15
Республика Бурятия	10		

Составлено по данным: авторская база данных с географической привязкой объектов солнечной энергетики.

В целом активно развивают солнечную энергетику в России около 15 регионов, все они расположены в пределах районов с высоким уровнем солнечной радиации на юге России. Лидерами в развитии солнечной энергетики (без учета крымских СЭС) являются Оренбургская (27% суммарных установленных солнечноэнергетических мощностей) и Астраханская (16%) области. Оренбургскую область по праву можно считать флагманом развития солнечной энергетики в России, на ее территории функционируют 11 СЭС, причем Сорочинская (60 МВт) и Новосергеевская (45 МВт) являются одними из крупнейших на территории страны.

Вторым направлением развития солнечной энергетики в России является обеспечение энергоснабжением отдаленных регионов. В России более 2/3 территорий не имеют централизованного энергоснабжения. Тем не менее, на этих территориях проживает до 10 млн человек. К таким территориям относятся: регионы Европейского Севера (так, в пределах Кольского полуострова, несмотря на энергоизбыточность региона, до 5 % потребителей не охвачены централизованным электроснабжением); регионы Дальнего Востока (например, Республика Саха–Якутия); регионы Сибири (например, Иркутская область и т.д.), а также многочисленные островные поселения. Существуют проблемы энергообеспеченности и в Центральной России, а также в пределах

южных регионов (Республика Калмыкия, Ставропольский край, Ростовская область, Волгоградская область, Астраханская область и т.д.). Кроме того, многие жители имеют дачные хозяйства, которые не электрифицированы. Такие хозяйства есть практически во всех регионах России, включая и Московскую область.

Третье направление развития солнечной энергетики в России представляет собой внедрение индивидуальных малых установок мощностью до 15 кВт как подключенных к энергосети, так и работающих в автономном режиме²¹. Ежегодный объем инсталляций таких солнечных систем в России на сегодняшний день в индивидуальном секторе составляет до 1 МВт модулей в год, причем более половины из них приходится на частные станции мощностью менее 5 кВт.

Ветровая энергетика. До 2017 года установка ветроэнергетических систем в России носила спорадический характер, вводились небольшие индивидуальные ветроустановки (далее — ВЭС) малой мощности для энергообеспечения частных домов, индивидуальных потребителей (фермеров, садоводов, дачников, охотников), а также удаленных навигационных, метеорологических станций.

Развитие промышленной ветроэнергетики началось с 2017 года, когда был запущен первый в России ветропарк мощностью 35 МВт в Ульяновской области. Суммарная установленная мощность введенных в эксплуатацию ветроустановок в России на 1 января 2019 года составила 183,9 МВт, или 0,08 % от установленной мощности электростанций ЕЭС [3].

Объекты ветровой энергетики представлены в 11 российских регионах, все они расположены в пределах экономически целесообразных ветровых зон. В пределах Камчатского края, Чукотского АО, Республики Саха-Якутия, Сахалинской области и Ямало-Ненецкого АО функционируют ВЭС в рамках изолированных

²¹ 11 декабря 2019 года Госдума приняла закон о производстве электроэнергии микрогенерацией. При подключении к централизованным сетям по аналогии с зарубежным опытом частным собственникам предлагается разрешить вырабатывать электроэнергию для собственных нужд, а излишки продавать в сети по специально установленному тарифу. Принятие данного закона существенно упростит процедуру размещения объектов микрогенерации и предоставит их владельцам экономические стимулы к развитию этого энергетического направления.

энергосистем, в то время как в остальных регионах ВЭС подключены к централизованной энергосети.

Таблица 2

Региональная структура ветровой энергетики в России, 2019 г.,
МВт

Регион	Мощность, МВт	Регион	Мощность, МВт
Белгородская область	0,1	Сахалинская область	0,45
Калининградская область	5,1	Ульяновская область	85,4
Камчатский край	5,025	Чукотский автономный округ	2,5
Республика Крым	89,01	Республика Саха-Якутия	0,9
Оренбургская область	3,125	Ямало-Ненецкий АО	0,25
Республика Башкортостан	1,65		

Составлено по данным: авторская база данных с географической привязкой объектов ветровой энергетики.

Лидером в развитии ветровой энергетики (без учета крымских ВЭС) является Ульяновская область (44% суммарных установленных ветроэнергетических мощностей). На Республику Крым приходится 46% от суммарного объема установленных мощностей ветровой энергетики.

Биогаз. Биоэнергетическое направление в России, обладающей мощным АПК, тем не менее особого развития не получило. Крупнейшая биогазовая станция «Лучки» находится в Белгородской области. Небольшие биогазовые установки функционируют в Республике Татарстан и Оренбургской области. Их размещение лимитируется технологическими особенностями. Во-первых, привязка к сельскохозяйственным регионам. Во-вторых, для протекания процесса в реакторе необходимо постоянно поддерживать достаточно высокую температуру, на что и уходит значительная доля тепла, вырабатываемого станцией, что заведомо исключает вариант размещения в условиях северных территорий [4].

Развитие автономной биогазовой энергетики осложняется тем, что в пределах удаленных районов нет основополагающего компонента — сырья и отходов, так как все крупные сельскохозяйственные предприятия расположены в местах, где есть централизованное электро- и газоснабжение.

Заключение. Несмотря на то что до недавнего времени возобновляемая энергетика не играла большой роли в

энергоснабжении Российской Федерации, суммарные установленные мощности в стране постоянно растут, как и объем произведенной электроэнергии на энергоустановках данного типа (около 1%). Среди факторов, благоприятствующих развитию возобновляемых источников энергии: высокий научно-технологический потенциал, которым обладает Россия; достаточный уровень солнечного излучения на значительной части территории России, благоприятный ветровой режим в отдельных регионах для развития ветровой энергетики; наличие мощного АПК как основного производителя сырья для развития биогазового направления и др. Основными проблемами, сдерживающими развитие ВИЭ, являются: отсутствие четкой нормативной и законодательной базы на федеральном уровне; избыточность энергогенерирующих мощностей в России; обеспеченность запасами органического топлива и, как следствие, высокая роль фактора инерционности развития; жесткие требования по локализации оборудования (на данный момент более 70% для солнечной энергетики, 55% для ветровой) и др.

Литература.

1. Akimova V. Solar energy production: specifics of its territorial structure and modern geographical trends // GEOGRAPHY, ENVIRONMENT, SUSTAINABILITY, 2018, Vol. 11, no. 3, pp. 100–110.

2. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 N 449 (ред. от 10.11.2015) «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146916/ (дата обращения: 19.01.2021)

3. Системный Оператор Единой Энергетической Системы «Отчет о функционировании ЕЭС в 2018 году», 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://so-ups.ru/index.php?id=tech_disc2019ups (дата обращения 26.01.2021)

4. Акимова В. В. Институциональный фактор развития возобновляемой энергетики в Белгородской области // Вестник Московского университета. Серия 5: География, 2017. № 6. С. 18–24.

Сведения об авторе:

Акимова Варвара Владимировна, кандидат географических наук, н. с. кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ

имени М.В. Ломоносова; Центр стратегий регионального развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; varvaraakimova1576@gmail.com; +79037707423

Varvara V. Akimova, PhD (Geography), Research Fellow, Department of socio-economic geography of foreign countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Center for Strategies of Regional Development, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; varvaraakimova1576@gmail.com; +79037707423

E-mail: (varvaraakimova1576@gmail.com)

УДК 911.3 (26)

В.Н. Бочарников

V.N. Vocharnikov

«ЗЕЛЕНЫЙ ФАКТОР» В ПРИМОРСКОМ КРАЕ, ТИГР, ИНВЕСТИЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

"GREEN FACTOR" IN PRIMORSKY KRAI, TIGER, INVESTMENT ECONOMY

Приморский край является административной единицей Российской Федерации; территория края составляет 165,9 тыс. кв. км. (около 1%) площади нашей страны. Инвестиции в экономику Приморского края составили 179.4 млрд. рублей, увеличились к уровню 2018 года на 15.4%. Хозяйствующих субъектов на 1 января 2019 года по краю учтено 62.3 тыс. предприятий и организаций всех форм собственности. Обсуждаются проблемы защиты окружающей среды, предлагается новое видение промысловой экономики – «тигрономика».

Primorsky Krai is an administrative unit of the Russian Federation; the territory of the region is 165.9 thousand square kilometers (about 1%) of the area of our country. Investments in the economy of the Primorsky Territory amounted to 179.4 billion rubles, which increased by 15.4% compared to the level of 2018. As of January 1, 2019, 62.3 thousand enterprises and organizations of all forms of ownership were registered in the region, problems of environmental protection are discussed, and a new vision of the commercial economy – "tigronomics" - is proposed.

Ключевые слова: Приморский край, инвестиции, зеленая экономика, сохранение живой природы, амурский тигр, антропогенная нарушенность, тигрономика

Key words: Primorsky Krai, investment, green economy, wildlife conservation, Amur tiger, anthropogenic disturbance, tigronomics.

Инвестиционная стратегия Приморского края до 2030 года (далее – Инвестиционная стратегия) является документом, определяющим долгосрочные цели и ожидаемые результаты деятельности органов исполнительной власти Приморского края по созданию благоприятного инвестиционного климата в Приморском крае. В контексте стратегических интересов на текущем (первом этапе) реализации Стратегии осуществляются меры по реализации проектов, направленных на снятие ряда административных и инфраструктурных барьеров, совершенствование механизмов госрегулирования, повышение эффективности режимов работы территорий, со специальными режимами хозяйственной деятельности.

Экономика с приоритетом инвестиционной составляющей, или инвестиционная экономика, характеризуется несколькими признаками, в определяющем числе которых следует назвать условие сокращения необоснованного потребления, опережающий рост инвестиций (как прямых, так и портфельных), снижение долговой нагрузки, переход на долгосрочный тип финансовых отношений, предполагающий постоянное приращение инвестиций, которые являются основой экономического роста. В крае, в целом официально подтверждают приоритет того, что экономический рост предстает одной из основных макроэкономических целей на пути к сбалансированности национальной экономики в любой стране мира.

Одним из стратегических направлений развития Приморского края в части транспортно-логистической инфраструктуры является модернизация дорожной сети. Подсчитано, что на более 60% всей перевалки Дальневосточного бассейна или более 15% всей перевалки грузов морских портов России осуществляется на территории края, высший приоритет также отводится развитию промышленности, которая обслуживает морскую деятельность – это судостроение и судоремонт, оснащение рыбного промысла и обслуживание Тихоокеанского флота, морская робототехника, высокий уровень приоритетности также имеет для края развитие рыбохозяйственного комплекса в целом, как и

разработка и переработка имеющихся минерально-сырьевых ресурсов, в т.ч. нефте- и газохимии. Главная задача развития транспортно-логистического сектора – обеспечить синхронизацию ввода промышленных объектов на территории края, строительство портов с развитием железнодорожной, а также энергетической инфраструктуры. Декларируется, что должно быть активизировано формирование кластеров, способствующих локализации технологических цепочек и внедрению инноваций.

В пятилетнем расчете валового регионального продукта (ВРП) к началу 2019 г. Приморский край размещен между Волгоградской областью и Ставропольским краем, и во внутреннем экономическом рейтинге страны с достигнутым объемом 834 млрд. руб. край занимал 27 место из 85 российских субъектов. Не так уж плохо, но что же можно отметить, сравнивая Приморский край с зарубежными странами? Далее, рассмотрим все вышесказанное с позиции эколога, географа, и человека, заботящегося о сохранении живой природы Приморья. Отметим, что приоритетное развитие нефтехимии и газохимии в Приморском крае напрямую зависит от реализации мега-проектов: комплекса нефтеперерабатывающих и нефтехимических производств ЗАО «Восточная нефтехимическая компания» и Находкинского завода минеральных удобрений.

Общая динамика инвестиций в основной капитал Приморского края с 2015 по 2019 гг. составили: 139.2; 130.5; 130.9; 144.5; 179.4 (млрд. рублей), или в % к предыдущему году 94.4; 87.4; 98.6; 103.6; 115.4. В 2019 году, инвестиции в экономику Приморского края, по официальной оценке, составили 179.4 млрд. рублей или увеличились к уровню 2018 года на 15.4%. Вспомним, что масштабная программа изменения территории Приморского края, существенная рисунка размещения промышленности и инвестиционные намерения означают, что главными «полюсами развития» должны стать подлежащие модернизации, реконструкции и расширению порты Приморья: Владивосток, Находка, Восточный, Посьет, Зарубино, а также вновь создаваемые новые портовые комплексы, прежде всего, на незамерзающих акваториях края (в заливах Владимира и Ольги), и подходы к ним магистралей сухопутного транспорта.

В Приморском крае созданы структуры, способствующие улучшению инвестиционного климата края. Так общественные и экспертные советы обеспечивают взаимодействие с органами исполнительной власти в целях решения проблем в области

формирования благоприятной инвестиционной среды, но следует отметить, что не уделяется должное внимание экологически-безопасному развитию. В то же время инвестиции в транспорт, образование, строительство, здравоохранение значительно снизились. С развитием промышленно-практической и социальной деятельности человека происходит экспансия, укрупнение масштабов и последствий осуществления человеческой хозяйственной деятельности, расширяется вмешательство человека в естественно сложившиеся составляющие природы, проявленные ныне широким спектром глобальных экологических угроз. В широком понимании инвестиции – это вложения капитала с целью последующего его увеличения.

В экономико-географической науке, регионализация определяет природно-ресурсный потенциал и использование ресурсов в тесной связи с комплексным природным фактором, что учитывает, например, уникальный характер сочетания в крае протяженного морского побережья и наличия разнообразных ландшафтов. Отметим, что такого рода деятельность изменит природоохранную ситуацию на больших расстояниях от самих центров экономического развития, ведь предполагается также создание здесь мощной логистической инфраструктуры для обеспечения транзитных перевозок. Острая проблема в защите среды жизнедеятельности в достаточной степени имеется для пока еще населенных и хорошо освоенных ранее территориях, где следует рассматривать любые возможности улучшения условий и форматов проживания людей, как и поддержания качественной и здоровой окружающей среды.

Концепция инвестиционного климата формируется в результате оценки имеющегося в крае потенциала и рисков привлечения капиталов в экономику, за период последнее десятилетие распределение инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в крае сильно изменилось. Значительно выросли доли и абсолютное значение инвестиций в рыболовство, обрабатывающие производства, сельское хозяйство. Такие участки значительны, поэтому в Приморье, по предварительным расчетам площадь дикой природы составляет чуть более сорока процентов. Это - горные малоосвоенные и пока еще труднодоступные территории, но везде в остальном, мы можем найти много «диких мест», но небольших размеров таких, тех, которые не позволяют реализовать полный диапазон природных

процессов и функций и, следовательно, не может восприниматься целостные участки дикой природы. Следует не только гнаться за плановыми показателями, но и обращать внимание на то, где и как живут люди в Приморском крае. Планируется, что общая сумма инвестиций, привлекаемых в край, должна составить более 1 трлн руб. в текущий период в исчислении до 2030 г.

Основной прирост инвестиций могут дать только крупные инвесторы, и для достижения целей краевой инвестиционной стратегии рекомендуется реализовать проекты по строительству нефтеперерабатывающего завода (НПЗ), завода по производству газомоторного топлива (ГМТ), полимерных покрытий и другие. К завершению реализации Стратегии в Приморском крае обещают, что будут созданы высокотехнологичный нефтехимический и газохимический кластеры, выпускающие конкурентоспособную продукцию на внутренний и внешний рынки. Приморский край позиционируется как «морские ворота страны на востоке России», а доказательством может быть факт того, что на территории уже сейчас действует специальный режим хозяйствования – свободный порт Владивосток (СПВ).

Невооружённым глазом можно заметить высокие экологические риски для окружающей среды Приморского края, именно поэтому не только академическая наука, но и общественные экологические организации очень заинтересованы в прояснении существующей ситуации, как и в разработке и принятии необходимых мер защиты окружающей среды. С одной стороны, можно отметить один интересный момент, а именно существование действующей в Российской Федерации национальной программы экологизации (см. В.В. Путин о зеленой экономике, <https://tass.ru/obschestvo/3977766>), которая требует эффективного научного обоснования и целевой разработки показателей экономического «зеленого роста», особенно необходимых для «восточных» обширных территорий, сохраняющих высокий уровень природной ценности.

Зеленая экономика – хозяйственная деятельность, которая повышает благосостояние людей и обеспечивают социальную справедливость, существенно сокращая при этом риски для окружающей среды и обеднения природы. В этой связи рассматривается необходимость интеграции действующих стандартов, как и разработка новых механизмов для привлечения «зеленых инвестиций» для уже существующих и новых

природоохранных проектов, и программ защиты окружающей среды. На официальном уровне пока же хорошо известно, что в природоохранной деятельности нашей страны ориентация зафиксирована, прежде всего, на государственные инструменты (федеральные и региональные) финансовые поступления, где используются две основные группы инструментов управления природоохранной деятельностью (бюджетное финансирование государственных и федеральных целевых программ в области охраны окружающей среды. Есть ли серьезные надежды лишь на государственное сохранение природы?

Зеленой» принято называть устойчивую и гибкую экономику, которая создает более благоприятные условия для жизни людей, не нанося при этом значительного ущерба окружающей среде, и теоретически нет противоречия здесь в том, что необходимо привлекать инвестиции, весь вопрос каким образом следует организовать интерес инвестора к вложениям в природоохранную область. Однако, опыт зарубежных стран показал, что рыночные механизмы, в отличие от мер государственной поддержки, не могут переориентировать традиционную экономику в «зеленую» и привлечь финансирование в «зеленые» проекты. Ранее для природоохранных задач мы на региональном уровне выделили уже ключевые экологические регионы Дальнего Востока, что позволило вести долготлетнюю успешную работу по обеспечению оптимального функционирования и организации новых ООПТ в Амурском экорегионе.

Ныне мы констатируем, что процесс перехода «на рельсы» зеленой экономики будет весьма дорогостоящий, и как правило, в реальности, ограниченный инновационными решениями, представляющими собой синтез традиционных технологий (например, более эффективные фильтры очистки, устройства абсорбции, коагулянты и т.п.) и привлечение новых разработок, скажем ветро- и/или солнечной энергетики. География человеческой деятельности в эпоху Антропоцена рассматривается как ключевой драйвер изменения окружающей среды. Региональную специфику в современной природоохранной биологии можно рассматривать не только посредством сопоставления ареалов животных и растений, но также в моделях развития, отражаемых в зеркале региональной экономике, где понятие «регион» – обозначено как территория, обладающая четко выраженной специализацией производства и определенной хозяйственной целостностью; имеющей и временной

(исторический) аспект, и пространственные аспекты, где фиксируется антропогенное воздействие или «экологический след» тех выше обозначенных стратегических мероприятий в крае, интенсивно воздействующих даже в проекте на окружающую среду Приморья.

«Охрана живой природы определяется необходимостью ее защиты от чрезмерных нарушений и утраты естественного экологического равновесия в условиях непрерывного антропогенного воздействия и соответствующих нарушений биосферы. Природные компоненты географической среды (климат, почвы, растительность и др.) тесно взаимосвязаны и, изменяясь в пространстве, образуют закономерные сочетания — природные территориальные комплексы разных порядков, ландшафты, геосистемы и т.п. Здесь следует понимать, что принципы осуществления зеленой экономики прежде всего относятся к освоенным и эксплуатируемым человеком территориям, в то время как проекты сохранения биоразнообразия, расчетов потери лесов и человеческого следа, международные представления о сохранении дикой природы показывают, что изменение, трансформация и разрушение природных систем успешно не решаются международным сообществом

По итогам, вполне очевидных краевых планов следует констатировать, что для обеспечения условий устойчивого развития в регионе требуется специальная разработка, адаптация и исполнение «зеленых принципов» развития или введения нового вектора осуществления зеленой экономики (ЗЭК) для природы, которая в своей основе включает поддержание как минимум 50% сохранившейся в естественном состоянии территории края. Теории и методы региональной экономики наглядно поясняют существующие процессы расселения, размещения предприятий, их взаимодействия в пространстве, а также различия в социально-экономическом развитии территорий. Полагаю, что в этих вопросах, дальневосточная академическая наука является хорошим партнером и участником, более того, становится актуальной необходимостью разработки специальной методологии для того, чтобы показать, понять и остановить неумолимые процессы деградации природной среды, что очень актуально для территории и акватории Приморского края, профессиональными географами и экологами как геосистема глобальной значимости.

Здесь необходима практическая повседневная работа создания необходимых условий развития зеленой экономики (ЗЭК) в пределах освоенных территорий, что касается «природных интересов», то для природы нужна иная позиция, причем таковая может быть осуществлена с параллельным отбором, обоснованием, адаптацией существующих и разработкой новых показателей зеленого роста (ЗЭП) более экономически-эффективного исполнения природоохранных программ и информирования лиц, принимающих решения (ЛПР), инвесторам, крупному бизнесу и населению в форматах научных рекомендаций и обоснованных предложений Амурского филиала фонда природы. Природный капитал – один из наименее изученных и весьма генерализованных в смысловом наполнении показателей, рассматриваемый в контексте рассмотрения устойчивого развития.

«Зеленый рост», «зеленые технологии», «зеленое производство», «зеленое развитие», «зеленые инвестиции» ... и далее можно привести уже весьма внушительный список экономических понятий, структурированных в контексте различных элементов обеспечения благоприятных условий общественной жизнедеятельности, в разработках инновационных, технологических, управленческих и инвестиционных предложений. При таком видении зеленая экономика подразумевает рост производства при снижении энергозатрат, повышение качества жизни при уменьшении используемых ресурсов и нагрузки на экосистемы, на тех территориях, которые в значительной степени освоены человеком. Бесспорно, актуально сейчас как-никогда экологическая доминанта, уравнивающая и обычных горожан и крупных инвесторов в том, что есть острая необходимость заботиться о сохранении среды безопасной жизнедеятельности в непоправимо изменённых ландшафтах.

Ситуацию в этом особенно усугубляет программа «дальневосточного гектара», происходит массовое расслоение целостности биотопов, что не имеет пока даже первичного прогноза, чем закончится антропогенное воздействие. Мы полагаем чрезвычайно необходимой «вещью» должна стать интенсификация природоохранных усилий и организация реальной работы «на местах». Но ведь в отличие от многих стран и регионов мира, мы сохраняем более, чем половине территории Приморского края экосистемы с естественным уровнем природного функционирования, именно там следует задуматься о поддержке

сельчан, о материальной и финансовой помощи в поддержке экосистемных услуг и сохранении биоразнообразия. Ненадуманным является лозунг: там, где хорошо живет сельский житель Приморья, благополучным видит свое существование и коренной обитатель уссурийской тайги – амурский тигр!

Здесь можно было бы продолжить дальнейшим составлением списка экологических угроз, но принципиально важно отметить, что наиболее масштабные изменения на территории Приморского края инициированы прежде всего интересами крупного бизнеса, и не только отечественного, следовательно, воля тех людей кто живет за пределами края определяет, что и как у нас происходит с природой. У нас есть надежда, на то, что амурский тигр поможет нам в зеленом развитии, тогда в Приморье возможно мы сможем перейти на новый мировой экономический стандарт – экономику тигра, или «ТИГРОНОМИКУ».

Сведения об авторе:

Бочарников Владимир Николаевич, д.б.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

E-mail: vbocharnikov@mail.ru

УДК 911.3: 292.471

Д.А. Вольхин
D.A. Volkhin

МОРЕХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА

MARINE ECONOMIC ACTIVITY OF THE CRIMEA IN THE BLACK SEA REGION: GEOPOLITICAL CONDITIONS, SCALE AND DYNAMICS

Выявлено положение морского хозяйства Крыма в Причерноморье. Исследованы эффекты влияния на морскую экономику Крыма геополитических и геоэкономических процессов в Причерноморье. Обоснован вывод о том, что Крым, имея потенциал и благоприятные природно-географические факторы развития морской экономики,

занимает периферийное положение в структуре морехозяйственной деятельности стран Причерноморья.

The position of the marine economy of the Crimea in the Black Sea region is revealed. The effects of integration and disintegration, geopolitical and geo-economic processes in the Black Sea region on the maritime economy of the Crimea are studied. Conclusions are drawn that the Crimea, having the potential and favorable natural and geographical factors for the development of the maritime economy, occupies a peripheral position in the structure of maritime economic activity of the Black Sea countries.

Ключевые слова: морское хозяйство, морские порты, Крым, Причерноморье.

Key words: marine industry, seaports, Crimea, Black Sea region.

Изучение морского хозяйства отдельных регионов России обретает особую актуальность в контексте их взаимодействия с сопредельными государствами. Приморские регионы старого и нового освоения выступают территориальными компонентами усиливающейся «маринизации» экономики России, её укрепления в Арктическом, Балтийском, Причерноморском, Каспийском, Тихоокеанском морских бассейнах, а также встраивания в формирующийся мегапроект «Большой Евразии». Одним из ключевых приморских регионов Юга России является Крым. Крымский приморский приграничный регион в перспективе может усилить геоэкономическое позиционирование России в Причерноморье. Проблемы инкорпорирования Крыма в систему внешнеэкономических связей стран Причерноморья детерминированы геополитическими и геоэкономическими процессами в данном макрорегионе.

Доминантным фактором развития Причерноморья выступает его ключевая геополитическая роль в установлении стабильности в Евразии. От других замкнутых морских бассейнов (например, Средиземноморья или Балтики) Причерноморье отличает интеграционно-дизинтеграционный характер межгосударственных отношений в регионе. С точки зрения межгосударственного взаимодействия Причерноморский регион имеет двоякую сущность, что отражено в многочисленных научных трудах [1– 6]:

1) геоэкономически значимое коммуникационное пространство, где возникают экономические и военно-политические интеграционные группировки;

2) арена геополитического соперничества и размежевания с последующим появлением барьерных границ.

В Причерноморье сложилась уникальная для подобных замкнутых трансграничных трансакваториальных морских бассейнов интеграционно-деинтеграционная система международных экономических отношений, когда государства в большей степени взаимодействуют в двухстороннем формате, а не на многосторонней основе в рамках единого экономического пространства. В Причерноморском регионе выделяются две крупные экономики – Россия и Турция. Они концентрируют свыше 80% всей морехозяйственной деятельности в Азово-Черноморском регионе. В регионе не удалось создать циркумпонтийскую систему транспортных магистралей, сегодня работают лишь отдельные её звенья. Деинтеграционные процессы лимитировали формирование крупных трансграничных трансакваториальных кластеров и регионов по модели еврорегионов.

Таким образом, Крым оказался в центре замкнутого приморского макрорегиона, представляющего собой не единое, а фрагментированное, асимметричное геоэкономическое пространство с наличием контактных и барьерных границ, буферных территорий с неразрешённой проблемой их правового статуса [2; 7].

Общероссийский тренд «маринизации» социально-экономического пространства страны проявляется и в Крыму, но имеет свою региональную проекцию. В масштабах «каркаса» морехозяйственной деятельности Юга России и всей страны, а также в структуре Евразии, роль крымского компонента специфична незначительными объемами результатов деятельности большинства отраслей «морской экономики» и ключевым значением в обеспечении геостратегической стабильности и военной безопасности России.

Из-за санкций крымские порты фактически отрезаны от глобальных и региональных потоков морских транспортных перевозок (за исключением морской торговли с Турцией, Сирией, странами Африки и некоторыми другими странами в отдельные годы), в результате их хинтерланды и форланды существенно сократились. Данная ситуация диссонирует с общероссийской тенденцией роста морских грузоперевозок во всех морских бассейнах страны. После строительства Крымского моста и нового крупного терминала Симферопольского аэропорта транспортная комплементарность Крыма с другими территориями страны в большей степени реализуется в направлении сухопутных и

воздушных перевозок и остаётся слабо реализованной в сфере морских перевозок.

Крымский полуостров занимает центральное топологическое положение в Северном Причерноморье, но его транспортно-географическое положение в структуре Причерноморья однозначно периферийное. В 2018 г. портовые организации Евпатории, Керчи, Севастополя, Феодосии и Ялты суммарно перевезли 8,7 млн. т грузов, что составило 1,5% от общего объёма морских грузоперевозок в Азово-Черноморском бассейне или 3,2% от суммарного показателя причерноморских портов России. К 2019 г. показатель стал ещё меньше – 4,3 млн. т [8]. Крымские порты, кроме находятся в арьергарде рейтинга портов Причерноморья. Из сорока восьми анализируемых портов стран Причерноморья по объёму грузоперевозок крымские порты занимают следующие позиции: Керчь – на 16-м месте, Севастополь – 35-й, Феодосия – на 40-й позиции, Ялта – 45-я, Евпатория – 46-я. Только 4% грузовой работы крымских портов ориентировано на экспортные перевозки. Пять портов Республики Крым за последний шестилетний период обрабатывали 0,19–0,28 млн. тонн международных грузов (не более 0,2% совокупного показателя российского Причерноморья), портовые предприятия Севастополя – 0,24–0,5 млн. т (не более 0,3%). Для Крыма характерно доминирование вдольберегового межпортового сообщения в пределах территориальных вод Республики Крым и г. Севастополя, а также коммуникация с портами Краснодарского края и Ростовской области (каботажные перевозки). Крупные морские грузовые потоки в Чёрном море буквально огибают территориальные воды полуострова, не заходя в его порты и не вовлекая крымские грузы в циркумпонтийскую систему морских перевозок.

Вес Крыма в отрасли рыболовства Причерноморья заметней, чем в сфере морского транспорта. На регион приходится 38,7% российских уловов рыбы и добычи других водных биоресурсов в Азовском и Чёрном морях и 5,8% суммарного показателя отрасли стран Причерноморья в бассейне двух морей. При этом внешняя торговля Республики Крым рыбой и прочими морскими организмами сократилась с 400,9 тыс. долл. США в 2016 г. до 20,3 тыс. долл. США в 2019 г. [9].

Другие морехозяйственные отрасли Крыма аналогичным образом отличались низкой внешнеторговой активностью. Внешняя торговля Республикой Крым продукцией судостроения имела

существенные объёмы лишь в 2018 г. (около 9 млн. долл. США), в остальные годы с 2014 по 2019 характеризовалась низкими показателями [9].

Таким образом, несмотря на существующий потенциал и благоприятные природно-географические факторы развития морехозяйственной деятельности в Крыму, морская экономика региона занимает периферийное положение в Причерноморье. Санкционная политика третьих стран в отношении Крыма фактически выносит его за рамки причерноморской экономической интеграции. С другой стороны, развитие военного флота и береговой обороны на территории Севастополя и Республики Крым увеличивают силовое поле России в Большом Причерноморье и на Ближнем Востоке. При этом Крым сохраняет потенциал стать «регионом-мостом» Причерноморского макрорегиона, но этот потенциал может стать реальным фактором развития только после снятия санкций, транспортной блокады и появления конкурентных преимуществ транспортно-логистической системы региона. Последнее находится в прямой зависимости от модернизации портового комплекса Крыма.

В условиях растущей геополитической напряжённости в Большом Причерноморье позиционирование Крыма в этом макрорегионе будет связано с его военно-стратегической функцией в контексте обеспечения безопасности России, которая будет доминировать над внешнеэкономическими и морехозяйственными функциями полуострова в Азово-Черноморском регионе. Однако, происходящие в настоящее время и запланированные на длительную перспективу модернизация портового и судостроительного комплексов, инвестирование в рыболовство и марикультуру, нефтегазодобывающую отрасль Крыма усиливает его позиции в российском сегменте Причерноморья и формирует его экспортный потенциал.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Багров Н.В. Региональная политика устойчивого развития: монография. К., 2002. 254 с.

2. Дружинин А.Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3 (103). С. 5–15.
3. Институт геополитики профессора Дергачева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dergachev.ru> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Киселёв С.Н. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» // Крымское эхо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kr-eho.livejournal.com/369794.html> (дата обращения: 02.07.2020).
5. Язькова А.А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития / Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–19.
6. Швец А.Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 2. С. 19–29.
7. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М., 2018. 562 с.
8. Динамика количественных показателей грузооборот и мощность морских портов России (2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения: 02.12.2020).
9. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

Сведения об авторе:

Вольхин Денис Антонович, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет»

E-mail: lomden@mail.ru

УДК 910.3

Н.В. Гонтарь
N.V. Gontar

«ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ

«GLOBAL SOUTH» AS A DIRECTION OF FOREIGN TRADE OF RUSSIA: EVOLUTION OF POSITIONS

Исследуется долгосрочная трансформация места стран

«глобального Юга» во внешней торговле России в контексте динамики глобальных полюсов (Север и Юг).

The long-term transformation of the place of the countries of the «global South» in Russia's foreign trade is investigated in the context of the dynamics of global poles (North and South).

Ключевые слова: «глобальный Юг», внешняя торговля, Россия, глобализация

Key words: «Global South», foreign trade, Russia, globalization

Введение. Глобальная трансформация позиций стран и регионов мира взаимоувязана с их ролью в мировых торговых обменах [1], в особенности при высокой степени открытости экономики. Последнее справедливо для России, где открытость экономики («внешнеторговая квота» - отношение экспорта и импорта к ВВП) вдвое выше (в 2018 г. - 51%, а к 2020 г. - 49%), чем, например, в США (26,1% к 2020 г.) [2]. В этой связи предпринята попытка исследовать географию внешней торговли РФ в контексте динамичного развития стран глобального Юга. В качестве информационной базы использованы данные ЮНКТАД, и классификация, согласно которой страны Юга (подразумеваемая под определением экономической статус) идентифицированы как развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Трансформация позиций глобального Юга в мировой экономике. В кон. XX в. торговые позиции глобального Юга значимо упрочились, а прежняя дихотомия Восток-Запад в значительной мере уступила место различиям между странами Севера («золотой миллиард») и Юга. Последние десятилетия стали периодом взрывного роста демографического и трудового потенциала Юга, наращивания объема производства, экспорта, инвестиций в странах Юга. К 2020 г. доля глобального Юга в мировом ВВП достигла 43,7% (в 1990 г. - 26,5%); при этом рост экономик Юга в Азиикратно превзошел с 1990 г. рост стран Юга на других континентах – табл.1.

Таблица 1.

Динамика ВВП стран глобального Юга (млрд. долл., постоянные цены, 2015), согласно [2]

Регион	1990	2000	2005	2010	2015	2019	Рост, 2019/1990
Развивающиеся страны, всего, в т. ч. в:	7757,0	12666,5	16610	22834,1	29298,4	34530,6	4,5
Африке	936,4	1188,2	1545,9	2022,4	2306,3	2580,3	2,8

Америке	2593,7	3527,2	4004,7	4825,8	5391,2	5383,4	2,1
Азии	4205,7	7922,3	11027	15947,3	21554,8	26518,3	6,3
Страны с переходной экономикой	1782,4	1074,1	1477,9	1807,4	2002	2173,3	1,2
<i>Мир в целом (справочно)</i>	35901,0	48133,7	56369,5	64699,2	74882,6	83959,4	2,3
<i>Развитые страны (справочно)</i>	26361,6	34393,1	38281,6	40057,7	43582,3	47255,4	1,8

Кроме того, в силу значимого роста экономик Юга, душевой ВВП в развивающихся странах достиг 50% среднемирового (в 1990 г. – 28%) - табл.2.

Рост позиций глобального Юга с 1990 г. произошел благодаря взрывному росту отдельных развивающихся экономик (прежде всего, - Китая). Это обусловило углубление пространственной дифференциации в рамках самого Юга. Так, доля ВВП Китая в мировом выросла в 1990-2019 г. с 2,9 до 16,9%, а его душевой ВВП – с 12,9% до 90% от среднемирового.

Таблица 2.

Динамика душевого ВВП стран глобального Юга (постоянные цены, 2015), согласно [2]

Регион	1990	2000	2005	2010	2015	2019	Рост, 2019/1990
Развивающиеся страны, всего, в т. ч. в:	1889,8	2600,4	3167,2	4057,1	4864,9	5449,3	2,9
Африке	1487,6	1467,3	1690	1948,8	1953,1	1975,2	1,3
Америке	5915,9	6821,8	7245,6	8227	8704,8	8360	1,4
Азии	1388	2240,5	2926,5	3993	5118,3	6061,9	4,4
Страны с переходной экономикой	5668,9	3589,5	4972,9	6025,9	6534,5	6982,8	1,2
<i>Мир в целом (справочно)</i>	6740,1	7836,2	8618,2	9301,7	10148,8	10886,7	1,6
<i>Развитые страны (справочно)</i>	29050,9	35375,9	38316,1	38985,8	41520	44405,7	1,5

При этом прежде равнозначная Китаю Бразилия уступила позиции не только Китаю, но и Индии – табл.3.

Таблица 3.

Динамика ВВП ведущих стран глобального Юга, млн. долл.
(постоянные цены 2015 г.), составлено по [2]

	1990	2000	2010	2019	К, раз
ВВП в целом, млрд. долл.					
Китай	1027,9	2771,4	7541,0	14192,0	13,8
Индия	474,8	817,0	1567,4	2799,0	5,9
Бразилия	933,2	1193,3	1703,2	1798,7	1,9
Душевой ВВП, тыс. долл./чел.					
Китай	873,4	2147,5	5509,2	9898,3	11,3
Индия	543,7	773,2	1269,9	2048,4	3,8
Бразилия	6263,1	6827,0	8702,3	8522,5	1,4

«Глобальный Юг» во внешней торговле России. Повышение значимости экономик глобального Юга стало фактором современной пространственной организации внешнеторговых связей России, наряду с формированием устойчивого профиля специализации страны в мировых обменах. В целом оборот внешней торговли России в постсоветский период существенно возрос, преимущественно за счет значимого роста экспорта углеводородов и широкого спектра сырьевых товаров.

Согласно Госкомстату РФ [3], в 2018-2019 гг. внешнеторговый оборот РФ колебался на уровне ок. 660-690 млрд. долл., тогда как в 2000 г. он составлял лишь 137 млрд. долл., а в 2005 г. – 340 млрд. долл. В структурном отношении к 2020 г. ок. 2/3 экспорта России составляли минеральные продукты (а еще 20% - продукция сельского хозяйства и переработки продовольственного сырья, лесной промышленности, металлургическая продукция), а до половины импорта – машины и оборудование (еще 20% импорта - продукция химической промышленности). В 2000-2019 гг. доля минеральных продуктов в экспорте РФ выросла с 53,8 до 63,3%, продовольствия и сельскохозяйственных товаров – с 1,6 до 5,9%, тогда как доля машин, оборудования и средств транспорта сократилась с 8,8 до 6,6%, а металлов, драгоценных камней и изделий из них – с 21,7 до 12,5% [4].

Таблица 4.

Динамика экспорта России в страны Глобального Юга и развитые страны (согласно ЮНКТАД [2])

	2000	2005	2010	2015	2019	К, 2019/ 2000,
Глобальный Юг						
Экспорт в <i>развивающиеся</i> страны, в том числе в:	19183,3	45172,8	75995,6	85759,6	143951,0	7,5
Страны Азии	13784,3	37683,1	67014,0	73468,0	123545,4	9,0
Страны Америки	4307,1	4915,1	4088,8	4904,2	6454,5	1,5
Страны Африки	1090,2	2559,6	4890,4	7353,8	13935,0	12,9
Страны с переходной экономикой	14140,3	33291,8	49666,8	39004,6	57438,5	4,1
Развитые страны						
Экспорт в <i>развитые</i> страны, в том числе в:	69768,9	162958,0	221258,1	166045,2	223414,1	3,2
Страны Азии	3809,3	5277,9	14176,6	15964,0	12771,3	3,4
Страны Америки	4850,3	6567,0	12753,9	8845,2	14006,7	2,9
Страны Европы	61102,7	151065,3	194195,7	140729,4	196316,1	3,2
Отношение объема экспорта России в развитые и развивающиеся страны						
Экспорт в страны Юга	33323,6	78464,6	125662,4	124764,2	201389,5	6,0
Отношение экспорта в развитые страны и страны Юга	2,09	2,08	1,76	1,33	1,11	-

Обращаясь к анализу динамики места стран «глобального Юга», в частности, - в экспорте РФ, отметим, что рост его объема в развивающиеся страны (в 7,5 раз) и в страны переходной экономики (в 4,1 раза) в разы превзошел рост экспорта в развитые страны (3,2 раза) – табл. Как следствие, если в 2000 г. экспорт в развитые страны вдвое превосходил экспорт в страны Юга, то сегодня экспорт в страны Севера лишь на 11% превосходит российский экспорт в страны Юга.

Крайне значимый (с 2000 г.) рост российского импорта отражал формирование потребительской модели экономики, основанной на исключительном притоке выручки от экспорта сырья. Страны Юга при этом, параллельно стремительному наращиванию их производственного потенциала, стали ключевыми поставщиками товаров в РФ. Наибольшие темпы роста импорта пришлось на развивающиеся страны Азии (что отражает рост импорта из «мировой фабрики» - Китая) – рост в 16,2 раза (это обусловило и рост импорта из стран Юга в целом - в 13,5 раза). Рост объема импорта в РФ с 2000 г. из развитых стран был почти втрое ниже. Как следствие, если в 2000 г. объем импорта из развитых стран на 23%

превосходил импорт из развивающихся стран, то к 2020 г. страны Юга занимали равную со странами Севера долю в российском импорте. – табл. 5.

Партнером «№1» для России во внешней торговле России сегодня является Китай. В 2019 г. на него пришлось 57,3 млрд. долл. экспорта (15,5% суммарного экспорта РФ), и 54,1 млрд. долл. импорта (24,9%). В 2000 г. доля КНР в экспорте и импорте РФ составляла 5,9% и 4,2% соответственно. Характерно также, что сегодня суммарный экспорт России в такие значимые страны Юга как Бразилия и Индия почти вдвое уступает экспорту, например, в Ю. Корею, а импорт из Ю. Кореи превосходит суммарный импорт из Бразилии и Индии на треть.

Заключение. Глобальный Юг к 2020 г. стал ключевым участником мировой торговли. Как следствие, экспорт России, еще 20 лет назад ориентированный на 2/3 на страны «Севера», сегодня распределяется между

Таблица 5.

Динамика импорта России из стран Глобального Юга и развитых стран (согласно ЮНКТАД [2])

	2000	2005	2010	2015	2019	К 2019/ 2000, раз
Глобальный Юг						
Импорт из <i>развивающихся</i> стран, в том числе из:	6947,0	28045,9	64818,5	62869,3	93485,3	13,5
Стран Азии	5238,8	22508,8	55663,1	54569,6	84644,3	16,2
Стран Америки	1352,4	4680,5	7645,8	6654,7	6768,8	5,0
Стран Африки	355,5	852,4	1501,2	1639,2	2065,0	5,8
Стран с переходной экономикой	13169,0	20012,6	32483,1	23573,3	29715,4	2,3
Развитые страны						
Импорт из <i>развитых</i> стран, в том числе из:	24745,9	77375,6	131610,1	96339,3	123960,7	5,0
Стран Азии	793,4	5761,6	9823,1	6478,3	8976,9	11,3
Стран Америки	2873,1	5008,6	8749,9	9433,4	9763,5	3,4
Стран Европы	20873,4	66253,5	112067,4	79861,8	104391,3	5,0
Отношение объема импорта России из развитых и развивающихся стран						
Импорт из стран Юга	20116,1	48058,4	97301,6	86442,6	123200,7	6,1
Отношение импорта из развитых стран и стран Юга	1,23	1,61	1,35	1,11	1,01	-

странами Юга и Севера почти поровну. Импорт РФ, где 20 лет назад также преобладали развитые страны, сегодня также распределен между Севером и Югом в равной мере. Максимальным ростом отметились экспорт и импорт из развивающихся стран Азии (что отражает рост роли в торговле с РФ Китая). При этом для динамики объема торговли важным оказался фактор географической близости стран, в силу чего торговля с такими крупными экономиками как Индия или Бразилия существенно уступала торговле с азиатскими приграничными с РФ странами.

Литература

1. Гонтарь Н.В. Глобальный "Юг": особенности формирования геоэкономического потенциала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2018. №3
2. UNCTADstat // <https://unctadstat.unctad.org/>
3. Регионы России // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
4. Торговля в России. 2019: Стат. сб./ Росстат. - М., 2019. – 228 с

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Сведения об авторе:

Гонтарь Николай Владимирович, к.г.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет
E-mail: passat01@mail.ru

УДК 332.1

В.В. Горочная
V.V. Gorochnaya

**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ
ПРОЦЕССОВ КОМПЛЕКСООБРАЗОВАНИЯ И
КЛАСТЕРИЗАЦИИ ПРИМОРСКОЙ ЭКОНОМИКИ В
УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ**

**METHODOLOGICAL APPROACH TO FORECASTING
PROCESSES OF COMPLEX FORMATION AND CLUSTERING**

OF COASTAL ECONOMY IN THE CONDITIONS OF GEO-ECONOMIC TURBULENCE

В статье предложен подход к прогнозированию процессов формирования региональных морехозяйственных комплексов и кластеров с учётом их взаимопереходящего характера и возможностей трансграничного и трансакваториального взаимодействия. На основе комплекса количественных экономико-статистических и качественных методов выстроен многоуровневый алгоритм прогнозирования.

The article proposes an approach to forecasting the processes of regional maritime economic complex-forming and clustering, taking into account their mutual transitive nature and the possibilities of cross-border and cross-aquatic interaction. The multi-level forecasting algorithm is built upon a complex of quantitative economic-statistical methods and qualitative methods.

Ключевые слова: морехозяйственный комплекс, морехозяйственный кластер, прогнозирование, приморские регионы России

Key words: maritime economic complex, maritime economic cluster, forecasting, coastal regions of Russia

Задачи формирования комплексного методического подхода к прогнозированию процессов кластерогенеза и формирования территориально-производственных комплексов (ТПК) в сфере морехозяйственной деятельности стоят на сегодняшний день перед российской исследовательской и административной практикой в связи с целым рядом причин. Будучи естественным конкурентным преимуществом, приморское положение региона способствует развитию кластеров и ТПК, которые при этом носят взаимно переходящий характер при нестабильной динамике численности предприятий, составляющих «критическую массу» для формирования кластеров с наличием конкуренции, дополняющей кооперацию [4], [6]. Дополнительную организационную массу дают и возможности трансграничной и трансакваториальной кооперации [7], [9], [10], и межотраслевая интеграция с включением морехозяйственных отраслей [2], [8].

Как приморское положение в целом, в большинстве случаев способствующее повышенным темпам экономического и инновационного роста [6], так и синергия интеграции производства в кластерные структуры и комплексы способствуют возникновению и региональной экономической системы повышенных резистентных свойств по отношению к нестабильной внешней динамике [3], [4],

[5], что повышает значимость данных процессов в противостоянии геоэкономической турбулентности. В то же время, сами образующиеся межорганизационные структуры оказываются чувствительными по отношению к турбулентной динамике. Так, сформированные в процессе трансграничного регионогенеза и глубоко интегрированные в европейское хозяйство трансграничные кластеры российской Балтики частично претерпели распад [9], а в черноморском ареале их формирование оказалось затруднено и отложено по срокам [10] в результате турбулентности в системе «Россия – Запад». То же частично происходит и на Дальнем Востоке. Кроме того, не только трансграничные кластеры, утрачивающие свою «критическую массу» с распадом международных связей, но и внутрирегиональные структуры утрачивают свою прочность и жизнеспособность в результате проекции турбулентной динамики на сложившуюся систему внутренних проблем региона, в том числе – на институциональную и организационную среду, систему отношений бизнеса, власти, общественных структур, образования и науки, их взаимных ожиданий и ритмику взаимосогласованных действий. Соответственно, задачи прогнозирования данных процессов, с одной стороны – жизненно важны для приморских регионов с точки зрения предикативного принятия управленческих решений и укрепления резистентных свойств, с другой стороны – осложнены нелинейной зависимостью процессов комплексообразования, кластерогенеза и турбулентной динамики. Вслед за затухающими «вихрями» геоэкономической турбулентности, вызванной санкционными ограничениями в международном пространстве, в свете текущей ситуации пандемии прогнозируются новые импульсы, способные породить аналогичные явления. Соответственно, прогностическая модель должна учитывать уже имеющийся опыт. В настоящем исследовании решим задачу разработки комплексного подхода к прогнозированию на основе уже сформированного нами подхода к обсервации кластерогенных тенденций в приморских регионах [1], сформировав целостный алгоритм составления прогноза (Табл. 1).

Предложенный алгоритм может быть модифицирован в зависимости от исследовательских задач, однако в любом случае включает три основных составляющих:

Таблица 1

Алгоритм прогнозирования комплексообразования и кластерогенеза в условиях геоэкономической турбулентности

1	Качественная фиксация и анализ организационно оформленных морехозяйственных кластеров и кластерных инициатив в текущем состоянии и основных тенденциях развития
2	Выявление межотраслевых, межрегиональных, трансграничных и трансакваториальных кластеров
3	Анализ жизненного цикла всех выявленных кластеров: выявление инициальной фазы, циклических особенностей и текущей фазы, их средней продолжительности (фазы: роста организационной массы; роста интенсивности взаимодействия предприятий; роста конкурентного давления, сокращающего организационную массу)
4	Выявление сопутствующих институциональных и организационных условий региональной среды и влияния федеральных регулятивов в морехозяйственной сфере, способствующих и препятствующих кластерогенезу и комплексообразованию
5	Количественный статистический анализ динамических рядов численности предприятий морехозяйственных отраслей и параметров их производства с позиции концентрации (с использованием индекса концентрации), а также с позиции опережающей динамики по отношению общерегиональной [1] в целях обнаружения комплексов и кластеров де факто
6	Выявление средней периодичности осцилляции (длины волны и амплитудности), частоты и величины стохастических отклонений, фиксация изменения данных параметров в период после начала геоэкономической турбулентности
7	Анализ текущих тенденций геоэкономической турбулентности с позиций: длины волны, фазовых и лаговых особенностей
8	Экстраполяция тренда с учётом всех параметров из п. 6, модулируемая выявленной частотой турбулентных колебаний
9	Качественное соотнесение текущей и последующих фаз развёртывания турбулентной динамики с текущими и ближайшими фазами развития каждого кластера: выявление фазы и противофазы, способных соответственно спланировать деловую среду для решения текущих проблем региона, либо способствовать её дезинтеграции
10	Сценарное имитационное моделирование с учётом возможных отклонений в длине волны, амплитудности и лаговой инерции

- моделирование собственной воспроизводственной динамики (с присущими ей: трендом, циклической осцилляцией и стохастическими отклонениями);

- опыт реакции на прошлый геотурбулентный импульс, фиксируемый на основе анализа динамических рядов после 2014 г.;

- новая турбулентная динамика, выступающая в качестве «модулирующей частоты» по отношению к текущей собственной динамике развития морехозяйства, ещё несущей на себе отпечаток прошлой волны турбулентности.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Горочная В.В. Аквально-производственное комплексно- и кластерообразование в приморских регионах России в контексте геоэкономической трансформации: принципы обсервации и прогнозирования // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения - 2020). Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Чебоксары, 2020. С. 252-261.
2. Горочная В.В. Комплексообразование и кластерогенез в современной морехозяйственной экономике западных приморских регионов России // Мат. V Всерос. симпозиума по региональной экономике. Отв. ред. Лаврикова Ю.Г., 2019. С. 153-158.
3. Горочная В.В. Методический подход к оценке резистентности морехозяйственных комплексов и кластеров в условиях геоэкономических изменений // Проблемы регионального развития в начале XXI века. Мат. междунар. науч. конф. Под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. 2019. С. 129-140.
4. Горочная В.В. Резистентность морехозяйственного комплекса западных регионов России в условиях геоэкономической турбулентности: факторы, механизмы, региональный опыт // Экономические науки. 2019. № 180. С. 29-38.
5. Горочная В.В. Резистентность морехозяйственного комплекса России в условиях геоэкономической турбулентности: региональные и отраслевые проекции // Общественно-географическая структура и динамика современного евразийского пространства: вызовы и возможности для России и её регионов. Мат. междунар. науч. конф. в рамках XI науч. Ассамблеи АРГО. 2020. С. 567.
6. Дружинин А.Г., Горочная В.В. Производственное комплексообразование и экономический кластерогенез: институциональная специфика приморских зон // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4 (88). С. 5-15.
7. Дружинин А.Г., Горочная В.В., Дец И.А., Лачининский С.С., Михайлов А.С. Трансграничные кластеры в приморских зонах: факторы и особенности развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2015. № 3 (13). С. 68-79.
8. Михайлов А.С., Горочная В.В., Михайлова А.А., Плотникова А.П., Вольхин Д.А. Кластеры приморских регионов европейской части России // Географический вестник. 2020. № 4 (55). С. 81-96.
9. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации. М., 2018.
10. Druzhinin A.G., Gorochnaya V.V., Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A. Clustering within the Black Sea region for economic security of the border regions in southern Russia // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. pp. 3-10.

Сведения об авторе:

Василиса Валерьевна Горочная – кандидат экономических наук, специалист по учебно-методической работе Академии психологии и психологии Южного федерального университета.

Vasilisa V. Gorochnaya – PhD in economics, specialist on education and methodic work at Academy of Psychology and Educational Sciences of Southern Federal University.

E-mail: tunduk@hotmail.com

УДК 911.9 (470.26)

И.С. Гуменюк, Л.Г. Гуменюк
I.S. Gumenyuk, L.G. Gumenyuk

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

PROBLEMS OF TRANSPORT ACCESSIBILITY OF RURAL AREAS OF THE KALININGRAD REGION

Современная социально-экономическая модель предопределила интенсификацию взаимодействия между сельскими территориями и расположенными рядом городами. В первую очередь это проявилось в росте потоков населения, ежедневно перемещающихся между селом и городом. В результате сельское население заинтересовано в качественной транспортной инфраструктуре и эффективно функционирующей сети общественного транспорта. Сельские периферийные территории региона существенно отстают в уровне обеспеченности транспортной сетью и характером ее пространственной конфигурации, что лимитирует возможности сельского населения в получении услуг и обеспечения качественной среды для жизни.

The modern socio-economic model has predetermined the intensification of interaction between rural areas and nearby cities. First of all, this was manifested in the growth of population flows, moving daily between the village and the city. As a result, the rural population is interested in quality transport infrastructure and an efficiently functioning public transport network. The rural peripheral territories of the region lag significantly behind in the level of provision of the transport network and the nature of its spatial configuration, which limits the possibilities of the rural population in obtaining services and providing a quality environment for life.

Ключевые слова: транспортная доступность, сельские населённые пункты, муниципальные образования, Калининградская область.

Key words: transport accessibility, rural areas, municipalities, Kaliningrad region.

Современное развитие Калининградской области предопределило функциональную трансформацию сельских территорий, выраженную в отказе от ориентации на сельскохозяйственную деятельность и связанный с этим образ жизни. Сельские населенные пункты региона все чаще становятся местом проживания населения, повседневная жизнь которых напрямую не связана с сельским хозяйством. Это объясняется экономическим кризисом сельскохозяйственной отрасли, произошедшим в регионе с началом рыночных преобразований и последующим приходом в отрасль крупных агропромышленных холдингов, обладающих иным качественным и количественным запросом на трудовые ресурсы [1]. Вместе с этим разрушение традиционного уклада сельских поселений совпало с ростом транспортной мобильности населения, обеспечив тем самым ориентацию высвободившихся трудовых ресурсов в рядом расположенные города, в том числе административный центр - город Калининград [6].

Конкурентоспособность и возможность обеспечения роста населения и формирование привлекательной жизненной среды для сельских поселений во многом определяются возможностью качественного обеспечения транспортной доступности между населенным пунктом, в котором проживает человек, и городом, в котором он работает и получает большую часть необходимых услуг. Транспортная доступность, в том числе сельских территорий [2,7], все чаще изучается с позиции возможности повышения уровня социально-экономического развития.

Общественный запрос сельского населения в качественной транспортной связанности между селом и городом, по сути, имеет два взаимосвязанных направления: наличие достаточной и качественной транспортной инфраструктуры и организация качественной и эффективной сети сообщения общественным транспортом [8]. И, если в качественной транспортной инфраструктуре заинтересованы жители, имеющие личный автотранспорт, то в сети сообщения общественным транспортом –

жители, не имеющие автомобиля. Последний аспект был подробно отражен в серии публикаций [4,5], которые были подготовлены в рамках проекта «Транспортные сети как фактор формирования комфортной среды и развития человеческого капитала в сельской местности».

С точки зрения потребности в достаточной и качественной транспортной инфраструктуре, разницу в уровне развития между периферийными сельскими районами и центральными отражает показатель плотности автодорожной сети по муниципальным образованиям региона (рис.1). Как видно из рисунка аутсайдером являются наиболее типичные сельские муниципальные образования региона, являющимися одновременно приграничными и периферийными по отношению к административному центру. Население именно этих районов наименее удовлетворено существующей сетью автомобильных дорог.

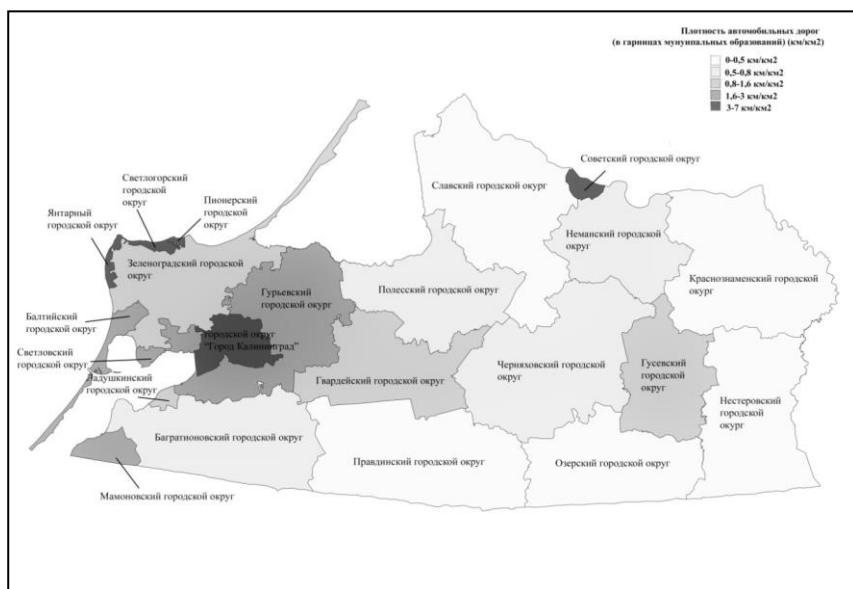

Рис. 1. Плотность автомобильных дорог по муниципалитетам Калининградской области (Источник: составлено авторами)

Также степень социальной удовлетворённости существующей транспортной сетью можно оценить через интегральный показатель (коэффициент Гольца), отражающий связь

между протяженностью дорог и числом населенных пунктов. Коэффициент Гольца не работает для классических городских муниципалитетов, в которых имеется один или несколько крупных населённых пунктов²². Для остальных муниципальных образований показатель отражает характер развития дорожной сети с точки зрения системы расселения. Расчеты коэффициента Гольца для районов Калининградской области представлены в таблице 1. Аутсайдерами все также являются периферийные сельские муниципалитеты, характеризующиеся большой площадью и большим числом сельских поселений.

Таблица 1

Расчет коэффициента Гольца для муниципалитетов
Калининградской области

№	Муниципальное образование (городской округ – ГО) Калининградской области	Площадь (км2)	Протяжённость дорог с твёрдым покрытием (км)	Число населённых пунктов	Коэф. Гольца
1	Балтийский ГО	104,15	218,61	12	6,18
2	Светлогорский ГО	32,47	165,86	7	11,00
3	Гусевский ГО	643,10	677,53	41	4,17
4	Янтарный ГО	18,39	54,39	3	7,32
5	Пионерский ГО	8,64	58,87	1	20,03
6	Мамоновский ГО	105,99	151,00	5	6,56
7	Светловский ГО	83,49	246,02	11	8,12
8	Гурьевский ГО	889,63	1245,36	147	3,44
9	Ладушкинский ГО	28,60	39,76	3	4,29
10	Гвардейский ГО	783,91	648,32	62	2,94
11	Славский ГО	1356,23	693,60	58	2,47
12	Краснознаменский ГО	1281,03	463,83	55	1,75
13	Зеленоградский ГО	811,46	948,41	112	3,15
14	Советский ГО	45,36	149,75	1	22,23
15	Неманский ГО	697,61	465,87	50	2,49
16	Нестеровский ГО	1053,90	531,17	54	2,23
17	Озёрский ГО	871,77	437,78	101	1,48
18	ГО «Город Калининград»	224,33	1489,51	1	99,45
19	Полесский ГО	833,99	561,07	67	2,37
20	Багратионовский ГО	1013,56	762,03	88	2,55
21	Черняховский ГО	1297,45	711,44	102	1,96
22	Правдинский ГО	1283,67	647,67	117	1,67

²²

Для Калининградской области к числу таких муниципалитетов относится город Калининград, Советский и Пионерский городские округа

Проблематика развития транспортной доступности сельских поселений для Калининградской области входит в число приоритетов регионального правительства [1]. Вместе с тем, очевидно, что наименее удовлетворёнными существующей транспортной инфраструктурой и маршрутной автобусной сетью являются жители периферийных сельских территорий. Низкая транспортная доступность является в том числе и причиной миграционного оттока населения из этих районов, что, в свою очередь, создает угрозу для стабильного функционирования этих территорий, в том числе и в части обеспечения национальных интересов вдоль государственной границы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта №19-45-393005 р_мол_а «Транспортные сети как фактор формирования комфортной среды и развития человеческого капитала в сельской местности».

Литература

1. Антон Алиханов поручил проработать возможность государственного обеспечения убыточных автобусных маршрутов в регионе. Правительство Калининградской области URL: <https://gov39.ru/press/237499/> (дата обращения 17.02.2021)
2. Большаков Н.М., Жиделева В.В., Рабкин С.В. Транспортная доступность периферийных сельских территорий: теория, методология, практика (на примере Республики Коми) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 2 (22). С. 95-103.
3. Волошенко К.Ю. Специфика и перспективы социального развития сельских территорий в Калининградской области//Регион сотрудничества. 2004. № 10. С. 15-34.
4. Гуменюк И.С. Географическая специфика локальной мобильности сельского населения Калининградской // Балтийский регион - регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Калининград, 2020. С. 134-143.
5. Гуменюк И.С. Оценка некоторых аспектов транспортной доступности сельских территорий Калининградской области с использованием инструмента социологического исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2020. № 2. С. 38-48.
6. Лялина А.В. Межрегиональные и межстрановые "перетоки" трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в

современном евразийском контексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2018. № 4. С. 47-64.

7. Рахманов А.М. Вопросы транспортной доступности в развитии сельских территорий: зарубежный опыт // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2019. № 5 (50). С. 22-29.

8. Юстратова В.О., Гуменюк И.С. Проблема транспортной доступности сельских территорий (на примере Калининградской области) // Балтийский регион - регион сотрудничества - 2019 Материалы III международной научно-практической конференции. Калининград, 2019. С. 211-223.

Сведения об авторах:

Иван Сергеевич Гуменюк, к.г.н., ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Лидия Геннадьевна Гуменюк, к.г.н., доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Leading Researcher Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Dr. Lidia G. Gumenyuk, Associate Professor, Department of Social and Cultural Service and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

УДК 910.3; 332.365

А.И. Даньшин

A. I. Danshin

ОЦЕНКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ASSESSMENT OF THE PRODUCTIVITY OF THE TERRITORY FOR AGRICULTURE

Ключевые слова: *общая производительность, сельское хозяйство, динамика развития, показатели общей производительности, урожайность*

Keywords: *total productivity, agriculture, development dynamics, indicators of total productivity, productivity*

Проблема производительности труда всегда находилась в центре внимания экономистов, что чаще всего сводится либо к расчету объемов выпуска на одного занятого или на душу населения, либо в лучшем случае к расчету производственной функции. Однако в реальной действительности на производительность влияет огромное количество факторов, многие из которых носят ярко выраженный региональный (географический) характер. В тени остается и вопрос о цене достигнутой производительности, то есть об издержках производственной деятельности.

Производительность территории и ее влияние на отдельные отрасли есть производная функции различных природных факторов. Для сельского хозяйства это особенно важно, так как природная компонента до сих пор остается важнейшим элементом производства в целом и эффективного производства в частности. Вследствие этого производительность территории может быть абсолютной, то есть отражающей набор физико-географических (природных) характеристик в каждом конкретном ареале, может быть эффективной, связанной с эффективным производством сельскохозяйственной продукции, тесно связанной с условиями производства, может быть относительной, сравниваемой с другими менее удачными условиями производства, что чаще всего выражается в дифференциальной ренте.

Различия в уровне производительности между регионами России можно считать с помощью остаточных мер из функции Кобба – Дугласа. Кроме показателя общей производительности в региональных исследованиях часто используют частные меры производительности: индексы производительности труда и фондоотдачи. Для общего анализа возможно использование статистики по издержкам производства отражающих оценку эффективности экономической деятельности. Производственные издержки обычно включают в себя оценку затрат труда и капитала. Даже в начале XX в. производительность уже понимали как

продуктивность труда²³, соотношение между количеством затраченного труда и получаемым результатом.

Производительность можно высчитывать не только для отдельных предприятий, но отдельных отраслей или отдельных территорий. В сельском хозяйстве возникает определённое усложнение подсчета производительности, потому что в этой отрасли земля выступает как средство труда и предмет труда. При этом фактор естественной и достигнутой продуктивности территории, а скорее всего земельных угодий, как правило, считается равным нулю. Но в этом случае у нас исчезает дифференциальная рента, как дополнительный доход, получаемый за счет использования более выгодных ресурсов, обладающих большей отдачей. Это особенно чувствительно для сельского хозяйства.

Работа посвящена поиску подходов для оценки общей производительности через показатели сельского хозяйства, то есть выявление с помощью последовательных итераций тех показателей, которые могли бы стать частью комплексного индекса общей производительности. В сельском хозяйстве как в никакой другой отрасли роль «земельного фактора», а по сути производительности земли в виде дифференциальной ренты, позволяет дать фоновую оценку в границах той или иной территории. Данная ситуация может быть характерна для территорий экстенсивного сельскохозяйственного производства, «размазанного» по всей площади, но в условиях развития вертикально-интегрированных структур дифференциальная рента оказывается частью внутренних корпоративных издержек, что в определенной степени препятствует выделению сельскохозяйственной составляющей в системе издержек и последовательно в общей производительности.

Сложности вызывает отсутствие некоторых данных в открытой статистической базе, что опять-таки требует поиска определенных показателей, способных отражать через сельское хозяйство общую производительность. К настоящему времени работа еще не закончена, но пока наилучшим показателем из блока «Сельское хозяйство» оказывается показатель урожайности сельскохозяйственных культур, рассчитанный в условных единицах через энергетический эквивалент.

²³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.

Учитывая накопленный опыт экономической оценки продуктивности в сельском хозяйстве, а также возникшие в ходе развития теоретической базы таких оценок пространственных лагун, в данной статье авторы предлагают использование интегральных оценок производительности направлений сельского хозяйства на основе сопряженного рассмотрения экономико-географических факторов. Данные факторы должны быть наименее зависимы от краткосрочных временных лагов, социально-экономических эффектов и природных явлений — отражать перспективный характер методики оценки и возможных прогнозных сценариев как для сельского хозяйства в целом, так и для его направлений в частности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Географические факторы общей производительности и издержек производства по регионам России».

Литература.

1. Бабурин В.Л., Бадина С.В. Оценка социально-экономического потенциала территории, подверженной неблагоприятным и опасным природным явлениям. // Вестник Московского университета. Серия 5: География, 2015, № 5. – С. 9-16
2. Бабурин В. Л., Ростислав К. В. Изменение совокупной производительности факторов российских регионов в 2008–2016 гг // Journal of New Economy. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 5–22.
3. Мясников А.А. Анализ факторов совокупной факторной производительности российских регионов // Экономика региона. – 2018, Т. 14. № 4. С. 1168–1180.
4. Ростислав К.В. Различия в общей производительности рабочей силы и основных средств между регионами России в 2008–2016 гг. // Пространственная организация общества: теория, методология, практика : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (7–11 нояб. 2018 г.). Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета. – 2018. – С. 522–529.

Сведения об авторе:

А.И. Даньшин, к.г.н., доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова Москва, Россия

Alexander I. Danshin, PhD in Geographical Sciences, Associate professor at the Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University
E-mai: lalivda@yandex.ru

УДК 332.1

Ю.В. Дубровская, Е.В. Козоногова
Yu. V. Dubrovskaya, E. V. Kozonogova

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ
ПЕРСПЕКТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ**

**MODELING THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE
NATIONAL ECONOMY ON THE BASIS OF PROSPECTIVE
SPECIALIZATION AND INTERREGIONAL COOPERATION**

В работе представлена математическая постановка задачи определения оптимального варианта пространственной организации отечественной экономики с учетом перспективной специализации регионов. При построении модели авторами учитывались не только классические принципы социально-экономического районирования, но и возможности территориальной дефрагментации экономической политики, основанной на реализации потенциала межрегиональной кооперации.

The paper presents a mathematical formulation of the problem of determining the optimal variant of the spatial organization of the national economy, taking into account the perspective specialization of the regions. In the course of constructing the model, the authors took into account not only the classical principles of socio-economic zoning, but also the possibilities of territorial defragmentation of economic policy based on the realization of the potential of interregional cooperation.

Ключевые слова: *перспективная специализация, межрегиональная кооперация, пространственное развитие, социально-экономическое районирование.*

Key words: *prospective specialization, interregional cooperation, spatial development, socio-economic zoning.*

Обеспечение рационального использования ограниченного территориального пространства является ключевой функцией

органов управления любого уровня власти. Неэффективная пространственная организация деятельности на территории страны обходится ей значительными потерями ресурсов, а последствия пространственного неравенства (неоднородного развития территорий) носят не только экономический, но и социальный, и политический характер [1].

Основным инструментом решения задачи снижения пространственной неоднородности является социально-экономическое районирование. Соглашаясь с тем, что «до сих пор не выработана единая система принципов социально-экономического районирования, а также отсутствует общепризнанная методика его проведения» [2, с. 34], отметим, что накопленный опыт в области районирования доказывает положительные результаты территориальной дефрагментации экономической политики.

К классическим принципам социально-экономического районирования, как правило, относят следующие [2-4]: социально-экономическая целостность территории; энергетический принцип, экономический принцип, принцип экологической безопасности, относительная замкнутость функционирования, открытость выделяемых районов, перспективность развития, тяготение территорий к ядрам, учет национальных и этнически особенностей. При этом рациональная организация пространства должна задаваться некоторым критерием оптимальности, в сами оптимизационные модели нацелены на поиск экстремума функции.

В нашем случае оптимальная сетка макрорегионов предполагает минимизацию неоднородности пространственного развития как между регионами, входящими в макрорегионы, так и между макрорегионами страны путем расчета индекса Тейла. При этом оптимальная структура макрорегионов определяется с помощью имитационного эксперимента. На каждой итерации все регионы объединяются в макрорегионы с учетом того, что каждый макрорегион содержит необходимые объекты социальной и инженерной инфраструктуры (согласно авторской методике [5]). Далее для каждого макрорегиона рассчитывается Индекс экономической сложности согласно методике Hausmann et al. [6]. Данный индекс отражает уровень диверсификации экономики. Визуальная оценка уровня экономической сложности может быть осуществлена путем анализа карты продуктового пространства (концепция «product space»). При этом «пространство всех товаров» может быть представлено матрицей, элементами которой являются

расстояния между товарами. «Пространство товаров» является наиболее плотным в местах, где сконцентрированы технологически наиболее сложные товары, в то время как более «простые» товары (например, сырье) располагаются на периферии. По сути, продуктивное пространство является отражением того факта, что технологически развитым странам легче перейти на производство новых товаров, чем менее развитым или сырьевым экономикам. Соответственно, индекс экономической сложности более высокий у стран (регионов), производящих продукты из ядра продуктивного пространства (высокотехнологичные товары).

Расчет индекса экономической сложности производится в два шага на основании данных о среднесписочной численности работников по полному кругу организаций в исследуемых регионах по видам экономической деятельности. На первом шаге определяются виды экономической деятельности, которые обладают сравнительным преимуществом на основании расчета коэффициентов локализации. На втором формируется матрица, строками которой являются макрорегионы, столбцами – виды экономической деятельности. Элемент матрицы равен 1, если в макрорегионе коэффициент локализации отрасли больше 1, и равен 0 в противном случае. На основании данных матрицы с помощью рекурсии измеряется разнообразие и повсеместность распространения отраслей среди макрорегионов.

После проведения ряда итераций определяется оптимальная структура макрорегионов с учетом выполнения следующих условий: 1. Значение индекса Гейла минимально (т.е. неоднородность минимальна между регионами внутри макрорегиона и между самими макрорегионами); 2. Каждый из регионов, входящих в макрорегион, имеет общую границу хотя бы с одним регионом из данного макрорегиона; 3. Значение индекса экономической сложности каждого макрорегиона больше порогового уровня; 4. На территории макрорегиона имеются определенные объекты социальной и инженерной инфраструктуры.

Руководствуясь найденной оптимальной структурой макрорегионов, далее производится выбор перспективной специализации каждого макрорегиона, служащей основой разработки экономико-математической модели пространственного развития. В основу модели положена концепция продуктивного пространства в части предположения о том, что территории, взаимодействующие в рамках макрорегиона как единой

территориальной структуры, имеют все шансы достичь ядра продуктового пространства, производя в кооперации продукты с высокой добавленной стоимостью.

Для определения перспективной специализации макрорегиона необходимо выявить насколько близки экономические отрасли входящих в макрорегион территорий между собой. Для этого мы исходили из теоретического предположения Ц. Хидальго о том, что для производства ряда товаров нужны сходные инфраструктурные, институциональные и технологические условия. Исходя из этого, определяется потенциал возникновения смежных отраслей и их дальнейшего развития в макрорегионе (перспективная специализация). Формализация перспективной специализации макрорегиона осуществляется путем расчёта индекса близости отраслей на основе условной вероятности наличия сравнительного преимущества.

На основе матрицы, элементами которой являются индексы близости отраслей, строится визуальное представление продуктового пространства макрорегиона. Оно представляется в форме графа, где вершины графа – виды экономической деятельности. Две вершины соединены ребром, если индекс близости больше порогового значения. При этом считается, что два сектора экономики могут быть охарактеризованы как связанные, если индекс близости не менее 0,25 [7]. Цвет вершины графа зависит от того, к какому классу принадлежит вид деятельности согласно ОКВЭД.

Предполагается, что продуктивная межрегиональная кооперация регионов внутри каждого отдельного макрорегиона обеспечит, во-первых, высокую диверсификацию видов производственной деятельности макрорегиона в целом; во-вторых, снижение неоднородности развития входящих в него территорий и максимальный экономический рост; в-третьих, определение перспективной специализации макрорегиона по мере его развития. В совокупности, указанные преимущества являются важными условиями управления системой социально-экономических показателей развития субъектов РФ, обеспечивая достижение целевых значений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00562

Литература

1. Iammarino, S., Rodriguez-Pose, A., Storper, M. (2019). Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications. *Journal of Economic Geography*, 19, 273–298. DOI:10.1093/jeg/lby021
2. Шарыгин М.Д., Балина Т.А., Столбов В.А. Региональная экономика и управление: учеб. пособие; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012 – 272 с.
3. Шарыгин М.Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования). - Пермь: Изд-во Пермского университета, 1992 г. - 204.
4. Анимница Е. Г., Шарыгин М. Д. Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика. - Изд-во Пермского университета, 1994 г. - 179 с.
5. Dubrovskaya, J., Kozonogova, E., Pestereva T. (2019) Evaluation of the State Strategy of Spatial Development Effectiveness of the Russian Federation: A Cluster Approach. *Eurasian Economic Perspectives : Proceedings of the 28rd Eurasia Business and Economics Society Conference*, Coventry, UK, 131-140.
6. Hausmann, R., Hidalgo, C., Bustos, S., Coscia, M., Yildirim, M. (2011). *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Pathsto Prosperity*. Cambridge: Center for International Development, Harvard University, MIT.
7. Растворцева С. Н. Инновационный путь изменения траектории предшествующего развития экономики региона // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, вып. 1. — С. 28-42

Сведения об авторах:

Дубровская Юлия Владимировна, к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики и финансов Пермского национального исследовательского политехнического университета, магистрант кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета

E-mail: uliadubrov@mail.ru

Козоногова Елена Викторовна, к.э.н., доцент кафедры экономики и финансов Пермского национального исследовательского политехнического университета,

E-mail: elena.kozonogova@gmail.com

УДК 910.3

Н.В. Еремеева
N.V. Eremeeva

**ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКИХ
ПОРТОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УЗЛОВ**

THE APPROACHES TO MODEL DEVELOPMENT OF RUSSIAN PORT-LOGISTICS HUBS

Определяются ключевые научные подходы, используемые при организации портово-логистических узлов.

Key scientific approaches used in the organization of port and logistics hubs are identified.

Ключевые слова: морской порт, портово-логистический узел.

Key words: sea port, port logistics hub.

Портовое хозяйство является очень важным аспектом развития экономики государства и одним из звеньев функционирования транспортной системы. Современные крупные морские порты представляют собой транспортные узлы, которые связывают различные виды транспорта - железнодорожный, автомобильный, трубопроводный и др., таким образом обеспечивая транспортную независимость, внешнюю торговлю, транзитный потенциал страны и т.п. Также в них реализуется национальная морская, таможенная и пограничная политика, осуществляется государственный портовый контроль. Поэтому морские порты являются стратегическими объектами государства и это определяет необходимость совершенствования методов и форм управления их развитием на основе современных подходов.

В целом, принципиальная схема морского порта известна. В мировой и отечественной практике предпринимаются попытки создания оптимальной модели портово-логистического узла для конкретных географических условий. Подходы, методы и формы управления в отношении организации и использования портов менялись по мере потребностей и совершенствования технологий. В табл. 1 выделены основные подходы к организации портово-логистических узлов, которые в наибольшей мере отражают ключевые принципы ведения портовой деятельности.

В развитии отечественного портостроения условно можно выделить порты старого (досоветские), нового (советские) и новейшего (постсоветские) времени. Первый российский порт был построен в Архангельске в 1584 г. [1], и те порты, что создавались до второй половины XIX в. (Петербург, Херсон, Николаев, Ростов, Астрахань), размещались в устьях больших рек, что позволяло морским судам, имевшим тогда малую осадку, подниматься вверх по рекам и

производить погрузку и выгрузку товаров у несложных по своей конструкции деревянных пристаней [2]. В целом, для портов того времени основными задачами было установление прямых торговых связей с зарубежными государствами, погрузка/выгрузка товаров без длительного хранения. Все это происходило с учетом низкой скорости работы и сравнительно небольшими объемами товаров.

Таблица 1

Основные подходы к организации современного портово-логистического узла

Подход	Содержание/особенности подхода
<i>Исторический</i>	Раскрывает временной аспект географического пространства, выявляет динамику геообразований, эволюционный и революционный ход развития геосистем.
<i>Эволюционно-функциональный</i>	Раскрывает изучение особенностей зарождения и развития транспортных узлов.
<i>Воспроизводственный</i>	Позволяет проследить процессы воспроизводства экономики, услуг, информации и т.д. в ТОС разных масштабов.
<i>Экологический</i>	Позволяет осуществлять деятельность с учётом сохранения экосистем и поддержания соответствующего качества окружающей среды.
<i>Логистический</i>	Состояние исследуемого объекта и их совокупность рассматриваются во взаимосвязи, преемственности и развитии, в переходе к качественно новому состоянию. Сложные объекты при этом исследуются как иерархически построенное единство открытых систем, причем любые обоснованные решения должны учитывать их влияние на смежные элементы и связи.
<i>Инновационный</i>	Позволяет решать задачи с использованием новаций в виде новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого или иного характера.
<i>Кластерный</i>	Позволяет размещать экономические субъектов, функционирующих в регионе, оптимизировать проходящие экономические потоки во времени и пространстве, удовлетворять спрос потребителей, достигать максимального синергетического эффекта для всех участников экономической системы и повышать экономический потенциал региона или территории.

Серьезные изменения в развитии российских портов происходят во второй половине XIX в. с развитием железных дорог, когда получили широкий выход зерновые грузы и другие сельскохозяйственные продукты на внешний рынок. Возникли новые требования и подходы к обустройству портовой территории. Необходимо было расширять территорию путем строительства

больших количеств складов для хранения грузов, строить дополнительные причалы, прокладывать железнодорожные пути, создавать акватории и набережные с глубинами, обеспечивающими проход и стоянку паровых судов. Большая часть российских портов была построена и введена в эксплуатацию в досоветское и советское время (Архангельск, Петербург, Владивосток, Новороссийск, Туапсе, Восточный, Находка и др.).

Следующий этап в развитии морских портов начинается в годы социалистической индустриализации. Одной из главных особенностей стало технологическое усовершенствование внутренней структуры порта, а именно создание перегрузочного оборудования, которое в дореволюционной России почти отсутствовало. В довоенное время в рамках планомерного развития произошла реконструкция старых портов, широкое развитие получили новые типы конструкций портовых сооружений и пр. В послевоенное время для портов характерно ускоренное развитие, наращивание производственных мощностей, совершенствующая инфраструктура и морской флот, расширяющаяся и усложняющаяся номенклатура грузов и пр., и в результате всего этого они превратились в мощные комплексные хозяйства. Однако к 1980-м гг. образовалась нехватка портовых мощностей, вызванная значительным ростом грузооборота.

Начало 1990-х гг. было направлено на преодоление кризисного состояния отечественного портового хозяйства, вызванное разделом морского транспорта между бывшими союзными республиками [3]. За пределами России остались оказались технически хорошо оснащённые порты и морские железнодорожные паромные переправы (Новоталлинский, Южный, Клайпеда – Мукран и др.). Специализация портов, расположенных на территории России, оказалась не вполне способной справиться с грузопотоком, а их производственная мощность была недостаточна для перевалки быстро возрастающих объёмов российских грузов, особенно экспортных. В 1990-х и 2000-х гг. проблемы развития портового хозяйства решались реализацией специальных федеральных программ, а в 2012 была принята «Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030», где целью является удовлетворение потребностей российской экономики, внешней торговли и населения в перевалке грузов и обеспечении безопасности мореплавания в морских портах и на подходах к ним

путем формирования инновационной инфраструктуры морских портов, интеграции их в транспортные узлы.

Таким образом, практически все морские порты в той или иной степени находятся (или прошли) на модернизации:

- развитие и модернизация портовой инфраструктуры;
- модернизация технических средств и оборудования, приведение технологий и организации работы в соответствие с требованиями мировых стандартов;
- повышение конкурентоспособности и качества портовых услуг;
- приведение вспомогательных портовых сооружений в соответствие с международными и национальными экологическими требованиями;
- модернизация систем безопасности морского движения;
- рост морских перевозок и привлечение транзитных грузов [4].

Последние российские порты своим появлением в большей степени обязаны либо удачному расположению (Усть-Луга, Приморск), либо целенаправленному вывозу производимой продукции вблизи портовой территории (Сабетта). Организация этих портов особенно осуществлялась с учетом инновационных задач, экологических, технологических и логистических требований.

Современный морской порт представляется как самостоятельный системный объект, который является целостным образованием, имеет структурные элементы и взаимосвязи. Среди основных структурных звеньев выделяются элементы территориальной, отраслевой и функциональной структур.

К территориальным элементам порта относят составляющие комплекса инженерных сооружений, среди которых основными элементами являются терминалы, причалы, склады, объекты комплексного обслуживания флота, зданий, сооружений, сетей инженерно-технического обеспечения, подъездных и внутренних железнодорожных и автомобильных путей [5]. Поскольку любое производственное (а в целом и хозяйственное) предприятие при своем размещении вычленяет территориальные участки, ареалы и т.п. [6], то взаимосвязь и взаимодействие всех элементов (объектов) между собой позволяют выделить портовые функциональные зоны. В общем виде выделяют пять функциональных зон (операционная зона, производственная зона, зона общепортовых объектов,

предпортовая зона, зона пассажирских операций [7]), которые имеют определенный набор своих объектов.

Отраслевая структура портов может различаться от таких факторов как особенности географического положения по отношению к экономическим центрам и транспортным коммуникациям, функциональность порта (многофункциональные, транзитные, специализированные и др.), объем и номенклатура перевозимых грузов и пр. Также все более важным фактором успеха становится качество оказываемых услуг и уровень логистического сервиса.

Литература

1. Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Архангельск: Кн. изд-во, 1959.
2. Закржевский Л.С., Лещенко В.Я. Развитие морских портов СССР. М: Б. и., 1967.
3. РОСМОПОРТ. Стратегия развития я морской портовой инфраструктуры России до 2030 года. URL: https://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf (дата обращения 22.02.2021).
4. ESFC. Модернизация и расширение морского порта. URL: <https://esfccompany.com/services/morskie-porty-i-terminaly/rasshirenje-i-modernizatsiya-morskogo-porta/> (дата обращения 27.02.2021).
5. Свод правил. Нормы технологического проектирования морских портов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550965467> (дата обращения 10.02.2021).
6. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Москва: Наука, 2007.
7. Амбарян О.А., Горюнов Б.Ф., Белинская Л.Н. Устройство морских портов. М: Транспорт, 1987.

Сведения об авторе:

Еремеева Надежда Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, каф. экономической и социальной географии.

E-mail: nveremeeva8@gmail.com

УДК 314.74

Керимов Ровшан Нариман оглы
Rovshan Nariman Karimov

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА В РОССИЮ

ECONOMIC MIGRATION FROM AZERBAIJAN TO RUSSIA

В статье анализируется экономическая миграция населения из Азербайджана в Российскую Федерацию, а также рассматривается ситуация с азербайджанскими мигрантами, переехавшими и живущими в России. В статье проводится статический анализ миграции населения. Отмечается, что за последние десятилетия и годы в количестве мигрирующих в Россию азербайджанцев и в направлении их миграции произошли значительные изменения. Показаны регионы Российской Федерации с относительно высоким количеством азербайджанского населения. Изложены экономические и социальные факторы, влияющие на интенсивность и характер миграции из Азербайджана в Россию.

The article analyzes the economic migration of the population from Azerbaijan to the Russian Federation, and also examines the situation with Azerbaijani migrants who have moved and lives in Russia. The article provides a static analysis of the migration of population. It is noted that over the past decades and years, significant changes have occurred in the number of Azerbaijanis migrating to Russia, as well as in the direction of their migration. The regions of the Russian Federation with a relatively high number of Azerbaijani population are shown. The economic and social factors influencing the intensity and nature of migration from Azerbaijan and Russia are resumed.

Ключевые слова: мигранты, азербайджанцы, гражданство, рабочая сила, рынок труда

Key words: migrants, Azerbaijanis, citizenship, labor force, labor market

Города Российской Федерации традиционно были основными пунктами назначения для большинства людских ресурсов, мигрирующих из Азербайджана со второй половины прошлого столетия. Здесь азербайджанцы были заняты в основном в торговом секторе, работая на розничных рынках [1], а также в нефтегазовой и строительной промышленности [2]. С развалом союзного государства в начале 90-х годов и в последующие годы наблюдался новый, более интенсивный миграционный поток рабочей силы из Азербайджана в Россию. Мигрантами этой группы населения были в основном работоспособное мужское население, люди среднего и молодого поколений, частично также члены их семей. Надо отметить, что в 1990-1995 гг. из-за социальных, экономических и этнополитических факторов 205,4 тыс. человек, в основном русскоязычное население, уехало из Азербайджана в

Россию. Большинство их получило там новое гражданство. В последующие годы интенсивность миграции снизилась, в 1996–2000 г. число выехавших из Азербайджана составило 45,2 тыс. человек [3].

Мигранты из Азербайджана представляют довольно большой сегмент иностранцев, работающих в Российской Федерации (число последних по некоторым данным оценивалось в 12 миллионов [4]). В период 2001–2011 гг. 217,7 тысяч бывших граждан Азербайджана получили гражданство Российской Федерации [5]. В конце 2000-х годов на Россию приходилось более 70% всех миграционных потоков из Азербайджана. По данному показателю Азербайджан шел четвертым среди стран СНГ после Узбекистана, Украины и Таджикистана [6]. По переписи населения, проведенной в Российской Федерации в 2010 году, число проживающих здесь азербайджанцев составляло 603,1 тыс. человек, хотя фактическое количество проживающих в стране азербайджанцев в разных источниках указывалось по-разному. В 2010 году Всемирный банк оценил численность азербайджанцев, проживающих в России в 866,8 тыс. человек. Большинство российских исследователей, а также Федеральная миграционная служба России указывают цифру от 600 тыс. до 1 миллиона человек [7]. Большинство мигрантов, прибывающих из Азербайджана в Россию, с точки зрения трудоустройства и уровня жизни успеха добивались благодаря присутствию и поддержке родственников или близких друзей, имеющих опыт работы и определенных профессиональных связей в этой стране [8].

Обзор официальных данных, опубликованных в Азербайджане, показывает, что в 2008 году впервые миграционный баланс между Россией и Азербайджаном стал в пользу последнего – свидетельство того, что пребывание и работа в России стало менее прибыльным для азербайджанских мигрантов по сравнению с предыдущими годами. За последние 10 лет наблюдалось значительное ослабление миграционных потоков из Азербайджана в Россию в результате произошедших социально-экономических изменений, в том числе сокращения больших различий между двумя странами по уровню заработной платы и уровня жизни [9]. Среднемесячная заработная плата в Азербайджане по отношению к тому же показателю в России составляла 64% в 1990 году, 63% в 2000 году, 47% в 2007 году, 38% в 2013 году и 81% в 2015 году [10]. Данное изменение цифр в значительной степени обусловлено социально-экономическим прогрессом и улучшением жизни в Азербайджане,

нежели с ситуацией в самой России. Большую роль при этом сыграло развитие нефтяного и за счет него ненефтяного сектора (сферы услуг) Азербайджана и ослабление зависимости страны от фактора денежных переводов. На фоне растущей экономической активности рынка в Азербайджане, часть азербайджанцев, успешно работающих в РФ, предпочитают вернуться и заниматься предпринимательской деятельностью в своей родной стране. В 2014-2019 гг. число населения, вернувшегося из России в Азербайджан, выросло на 26,1% [11].

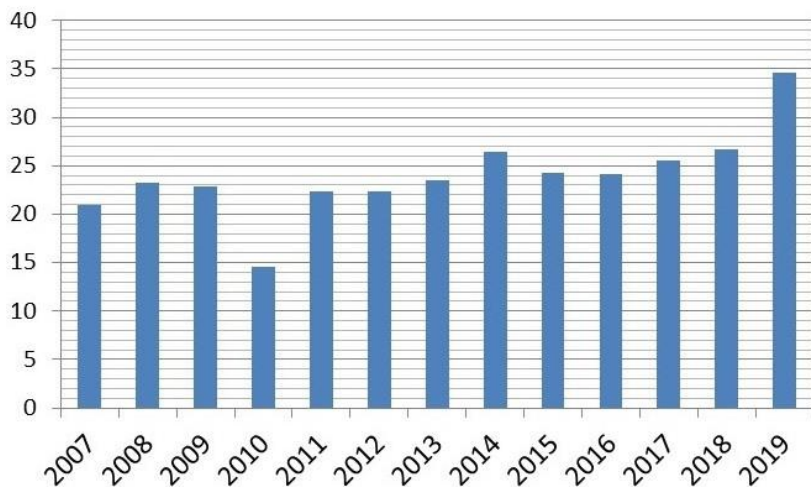

Рис. 1. Количество прибывших из Азербайджана в Россию мигрантов (тыс. чел.) Источник: Росстат. <https://rosstat.gov.ru>

Тем не менее, миграция из Азербайджана продолжается, а Россия остается основным реципиентом мигрантов из этой страны. По последним ежегодным данным Госкомстата Азербайджана, каждый год Россия принимает около половины или больше всех азербайджанцев, эмигрирующих с родины. Как видно из нижеследующей диаграммы, в 2019-м году этот показатель составил 48% [12].

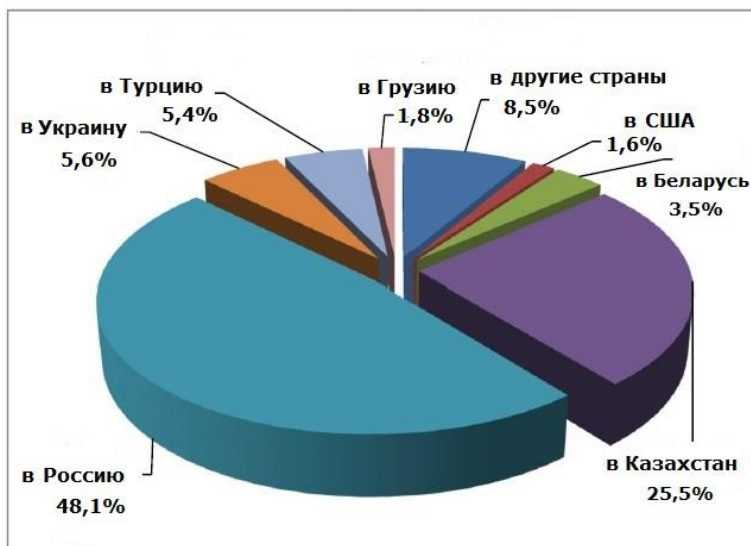

Рис. 2. Сравнение доли России с долей других стран в общем количестве эмигрантов, навсегда выехавших из Азербайджана по итогам 2019 года. Источник: [13].

По данным Федеральной миграционной службы России, в 2007-2019 годах 398,7 тыс. человек из Азербайджана мигрировали в Россию. Также стоит отметить, что 85% азербайджанских мигрантов, работающих в СНГ, находятся в России. В последние годы значительная часть работающих в РФ азербайджанцев перешла из категории временно устроенных трудовых мигрантов на людей с постоянным местом жительства в России.

Азербайджан по итогам 2015-2019 гг. занимает 8-е место среди бывших союзных республик по количеству мигрантов (135,3 тыс.), переехавших в Российскую Федерацию (Рис. 3). Не него приходится 5,0% всех миграционных потоков за этот период. Также стоит отметить, что в 2019 г. количество азербайджанцев, переехавших в Россию с целью проживания, выросло на 29,7%, составив 34,6 тыс. человек. По данным переписи населения относительно выше в следующих субъектах РФ: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Красноярский край, Республика Татарстан, Тюменская, Архангельская, Мурманская, Челябинская, Оренбургская, Астраханская, Ханты-Мансийская, Ямало-Ненецкая области (Рис. 4).

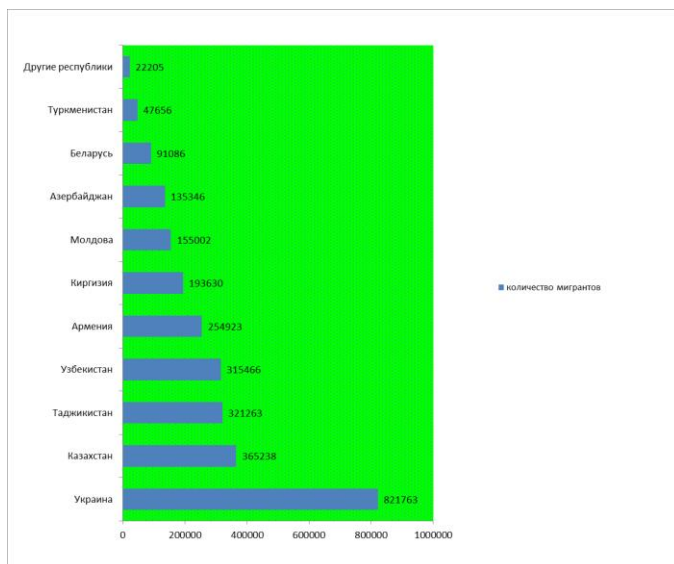

Рис. 3. Сравнение постсоветских странами по количеству их граждан-мигрантов, переехавших в Российскую Федерацию за 2015-2019 гг. Источник: [11].

Рис. 4. Карта-схема регионов Российской Федерации с относительно высоким количеством азербайджанцев (составлена на основе: [14]).

Относительно азербайджанцев, находящихся и работающих на территории России, можно отметить следующие факторы, которые благоприятствуют их дальнейшему проживанию в соседней стране, а также дальнейшему развитию миграции населения из Азербайджана в РФ в ближайшей и среднесрочной перспективах:

- * отсутствие визового режима и добрососедские политические отношения между двумя странами;

- * хорошее знание русского языка среди азербайджанцев и отсутствие языковых барьеров для них;

- * высокий спрос на рабочую силу на рынке труда, в том числе по таким отраслям, как добывающая промышленность, строительство, дорожная инфраструктура и т.д.;

- * высокая гибкость и работоспособность азербайджанцев на российском рынке агробизнеса и продажи свежих овощей и фруктов во взаимосвязи со своими соотечественниками из Азербайджана;

- * сложенные отношения и отсутствие конфликтов между мигрантами и местными органами властями;

- * взаимное доверие и согласованность между мигрантами-поставщиками услуг и товаров и потребителями (местным населением);

- * легализация долгого пребывания и улучшенная среда с точки зрения безопасности мигрантов;

- * географически относительно высокая концентрация азербайджанской диаспоры по городам России, взаимовыгодные связи и поддержка между ними;

- * продолжающиеся довольно успешное социальное интегрирование азербайджанцев в российское общество – совместная работа в офисах, совместное учение азербайджанских детей и подростков в российских средних школах, отсутствие высокой выраженности религиозности среди азербайджанских семей и т.д.

Все большее количество азербайджанцев, мигрирующих и работающих в Российской Федерации, решаются получить гражданство этой страны. Так, в 2015–2019 гг. паспорт РФ был предоставлен 49,7 тыс. азербайджанцам, проживающим в стране – седьмой показатель среди других этнических меньшинств. С вступлением в силу новых, упрощенных условий по получению гражданства Российской Федерации, т.е. упразднения порядка обязательного отказа от гражданства другой страны при получении паспорта РФ в 2020 году, ожидается повышение вышеотмеченного

показателя, соответственно и роста численности азербайджанцев в России в ближайшие годы более высокими темпами.

Литература

1. Braux A. 2012. "Azerbaijanis in Russia: An 'Imagined' Diaspora?". In Marlène Laruelle (eds). Migration and social upheaval as the face of globalization in Central Asia. Leiden: Brill.
2. Rumyansev S. Immigrants in Azerbaijan: current situation and prospects of (re)integration policy. Report of Consortium for Applied Research on International Migration (CARIM). Migration Policy Center, 2012/43.
3. Population of Azerbaijan. 2018. Statistical yearbook of State Statistical Committee of the Azerbaijan Republic.
4. Dietz B., 2009. Migration, remittances and the current economic crisis: implications for Central and Eastern Europe," Memoranda - Policy Papers 42, Institut für Ost- und Südosteuropaforschung.
5. Gurbanov S. Migration and brain drain: survey for the Azerbaijani Economy. Journal of Qafqaz University. 2014. Vol. 2, No. 1, pp. 3-13.
6. Brunarska Z., Nestorowicz J., Markowski S. Intra-vs. extra-regional migration in the post-Soviet space. Eurasian Geography and Economics. 2014. Vol. 5, Issue 2, pp. 133-155.
7. Mammadli A., Braux A., Mahmudlu J. 2017. Azerbaijani and beyond. Perspectives on the Construction of National Identity (book).
8. Rumiansev S. 2010. 'Post-Soviet Nation State as a Sponsor of Construction of the Ethno-National Diaspora: Azeri's Case', Revue Européenne des Migrations Internationales (REMI), Vol. 26, 111-131.
9. Piekutowska A., Fiedorczuk M. 2018. Immigration from the CIS countries to Russia in the context of the economic crisis in the Russian Federation. Oeconomia Copernicana, 9 (4), pp. 677-694.
10. Denisenko M. 2017. Migration to Russia and Current Economic Crises. Chapter in a book: Migration and the Ukraine Crisis. Edited by A.Pikulicka-Wilczewska & Greta Uehling. pp. 129-148.
11. Росстат, 2020. <https://rosstat.gov.ru>
12. Population of Azerbaijan. 2020. Statistical yearbook of State Statistical Committee of the Azerbaijan Republic.
13. Demographic indicators of Azerbaijan. 2020. Statistical yearbook of State Statistical Committee of the Azerbaijan Republic.
14. Материалы переписи населения Российской Федерации 2010 года.

Сведения об авторе:

Каримов Ровшан Нариман оглы, доктор философии по географии, ведущий научный сотрудник, Институт Географии им. акад. Г.А.Алиева Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: r.karimov@geo.science.az

ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ЗАДАЧА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

INNOVATIVE CLUSTERS AS THE OBJECTIVE OF MODERNIZING THE REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEM

В статье раскрыта роль развития инновационных кластеров в модернизации региональной социально-экономической системы. Показаны ключевые принципы «новой кластерной политики» России. Дана характеристика инновационных кластеров Воронежской области.

The article reveals the role of the innovative clusters development in the modernization of the regional social and economic system. The main principles of the “new cluster policy” in Russia have been shown. The innovative clusters in the Voronezh region have been characterized.

Ключевые слова: инновационные кластеры, Воронежская область, кластерная политика

Key words: innovation clusters, Voronezh region, cluster policy.

В последние годы кластерные инициативы привлекли внимание в повестке дня мирового экономического развития, поскольку они оказались очень мощным инструментом активизации местного развития. Поэтому правительства и организации, стремящиеся содействовать экономическому развитию, все чаще учитывают кластерные инициативы в своих программах. Обзор научных исследований по проблеме кластеров указывает на то, что они оказывают положительный синергетический эффект на экономическое развитие и производительность регионов [1-3].

Конкурентоспособность региона с учетом кластерного подхода зависит от наличия на его территории кластера взаимозависимых отраслей. Преимуществом кластерного подхода является то, что он усиливает значимость микроэкономической составляющей, а также социального и экономического развития. Кроме этого, он дает возможность разрабатывать эффективные инструменты для стимулирования регионального развития, что находит отражение в увеличении занятости, повышении

конкурентоспособности региональных производственных систем, росте бюджетных доходов и др. [4-6]. В силу синергетических эффектов возрастает производительность труда как в самом кластере, так и в смежных секторах экономики.

Кластеры можно считать реальными катализаторами политических реформ и экономического развития, поскольку они могут создавать рабочие места, доходы и возможности для местного сообщества, становясь движущими силами широкого местного экономического развития. Эта «новая» тенденция была поддержана недавним подходом, который растопил принципы как теории роста, так и новой экономической географии. Было проведено много исследований о том, как на темпы роста может влиять местная агломерация, показывающих, что существует компромисс между ростом и пространственным равенством. Кластерная политика, для того чтобы быть эффективной на местах развития, должна быть устойчивой и не быть слишком сосредоточенной на определенной территории.

Ключевая цель новой кластерной политики в России состоит в «повышении конкурентоспособности регионов и отраслей на международном уровне, в том числе повышение производительности труда, числа высокопроизводительных рабочих мест, объемов экспорта и пр. За счет отработки новых методов кластерной политики возможно перейти к активной стимулирующей макроэкономической политике с минимальными рисками. На основе успешных примеров реализации кластерной политики в мире, были выделены ключевые принципы, необходимые для «новой» кластерной политики в России» (рис.1) [7].

С каждым годом все больше и больше повышается уровень территориальной конкуренции, поэтому для экономики Воронежской области, усиления ее устойчивости следует выстраивать новую структуру, которая будет соответствовать реалиям третьего тысячелетия. Осуществить это становится возможным за счет кластерного подхода, который на сегодняшний день набирает популярность. Благодаря этому подходу можно решить различные задачи, связанные с модернизацией и технологическим развитием национальной экономики.

Так, благодаря кластеризации возрастает конкурентоспособность экономики. Это положение актуально как для отдельных регионов страны, так и для всей страны в целом. Несомненный плюс кластеризации состоит в том, что с помощью

нее можно решать проблемы, связанные с недостатком различных ресурсов (кадровых, сырьевых и других).

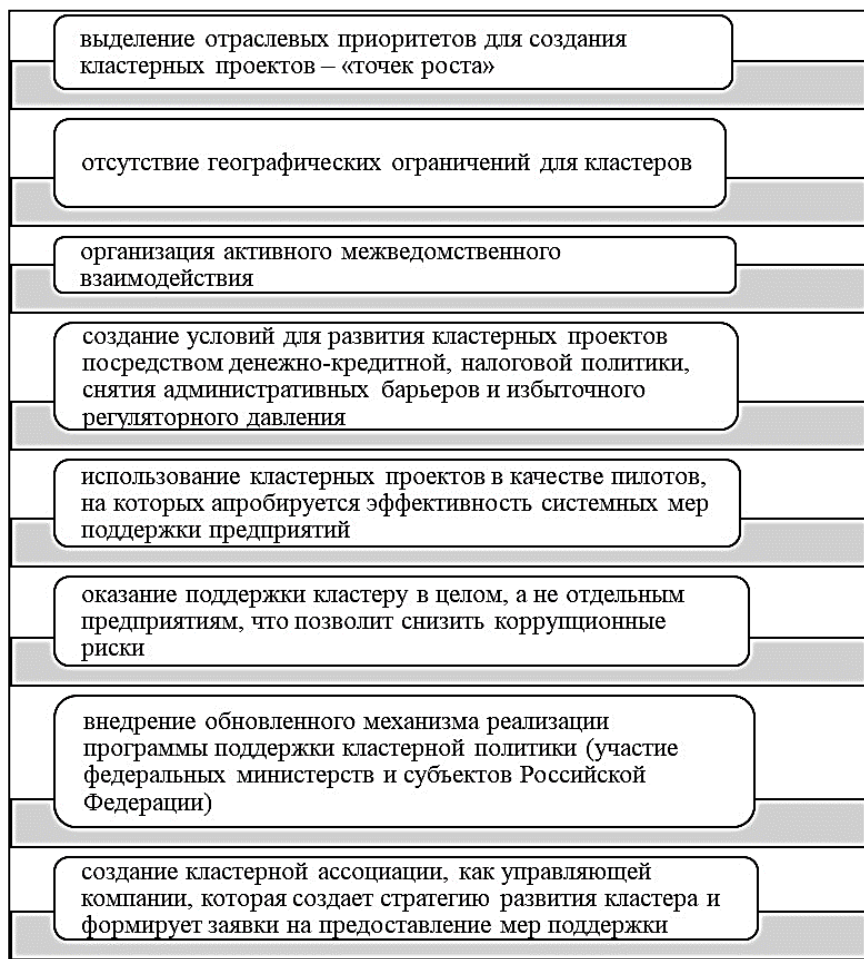

Рис. 1. Ключевые принципы «новой» кластерной политики в России

В основе кластерного подхода лежит создание системы стимулирования конкурентоспособных направлений в сфере региональной экономики. В результате можно будет максимально задействовать конкурентные преимущества региона, и в итоге увеличится в целом его конкурентоспособность. Потребность в

формировании инновационных кластеров обусловлена тем, что роль технологического фактора постоянно возрастает. Плюс ко всему благодаря формированию кластеров можно повысить конкурентоспособность предприятий, интегрировать их в социально-экономическое пространство мирового уровня [6].

Чтобы экономика определенного региона обладала повышенным уровнем конкурентоспособности, необходимо развивать инновационные отрасли промышленности. Их развитие является приоритетным с точки зрения усовершенствования экономики и социальной сферы.

Для формирования инновационных кластеров и их развития должны быть вовлечены научная, опытно-конструкторская и другие виды деятельности региона. В Воронежской области длительный период времени развиваются такие отрасли как машиностроение, электронная, оборонная промышленность и другие, благодаря этому в регионе сформировалась благоприятная среда для разработки и внедрения научно-технических проектов. Расположение научных организаций приходится не только на областной центр, но и на районы области, что способствует решению прикладных задач на местах.

Для образования кластеров необходимо: наличие у предприятий региона инновационной активности и высокий уровень концентрации инновационно-активных предприятий в тех сферах, которые используют преимущества региона в целях конкуренции. Учитывая, что любая национальная территория имеет ряд дисбалансов с точки зрения секторов, институтов и «географии», важно работать на местном уровне, чтобы стимулировать инновации и, следовательно, поддерживать региональные системы инноваций. Региональная инновационная система (РСИ) - это совокупность институтов, фирм и организаций, которые взаимодействуют в субнациональном, ограниченном географическом пространстве с целью предоставления ресурсов для деятельности, которая генерирует, передает или потребляет знания, используемые для инноваций в процессах, продуктах и управлении.

Чтобы сформировать инновационные кластеры, необходимо акцентировать внимание на развитии научного потенциала, финансовых и материальных ресурсах. Благодаря их реализации будет обеспечено развитие региона в социальном, научно-техническом и промышленном плане. Воронежская область обладает развитой транспортной инфраструктурой, в которой

сосредотачивается широкая сеть железнодорожных и водных путей, автодорог. Например, в этом плане примечателен международный аэропорт Воронеж имени Петра I, речной порт «Лискинский», а также два железнодорожных вокзала.

Если говорить относительно энергетической инфраструктуры Воронежской области, то здесь важное место отводится Нововоронежской атомной электростанции и другим объектам.

Процесс теплоснабжения происходит в основном централизованно. Городской округ снабжается газом благодаря магистральному газопроводу посредством 5 газораспределительных станций. Для подачи воды в городской округ используется 9 водозаборов, которые состоят из 245 артезианских скважин.

Воронежская область имеет свою научно-образовательную инфраструктуру, в которую входят:

- 40 вузов, на которые приходится 200 специальностей, а общая численность студентов составляет 126 тысяч;
- 41 учебное заведение среднего и профессионального образования, на которые приходится 36 тысяч учащихся;
- 819 общеобразовательных организаций, на которые приходится 202120 учащихся.

В плане кадрового потенциала на Воронежскую область приходится 10542 кандидатов и 4550 докторов наук. Все вышеперечисленное говорит о том, что Воронежская область обладает хорошей базой для вкладывания в нее инвестиций.

В России, начиная с 2016 года, во многих ее регионах разрабатываются проекты социально-экономического развития до 2030 –2035 годов. Большую роль в отношении стратегического регионального развития играют межфункциональные связи между всеми группами участников, которые занимаются разработкой и реализацией стратегии, при этом учитываются и согласовываются их интересы. В сложившейся ситуации кластерный подход выполняет первостепенное значение. В Воронежской области потребности и возможности кластерообразования были осознаны в 2010-2011 гг. Именно тогда появился ««Центр кластерного развития Воронежской области». Начиная с 2019 года в Воронежской области начали свою работу следующие кластеры (рис. 2.)

Ниже представлены данные относительно функционирования инновационных кластеров в Воронежской области.

IT – кластер

Для Воронежской области характерен низкий уровень взаимодействий IT-компаний между собой. Проблема состоит в том, что большинство из них стремится выполнить самостоятельно весь перечень работ, которые требуются заказчиком. Данное обстоятельство приводит к тому, что в большинстве случаев страдает качество создаваемой продукции и услуг, которые оказывает предприятие. Всё дело в том, что у одной отдельно взятой компании нет в наличии тех ресурсов, которые нужны для качественного выполнения всего комплекса работ.

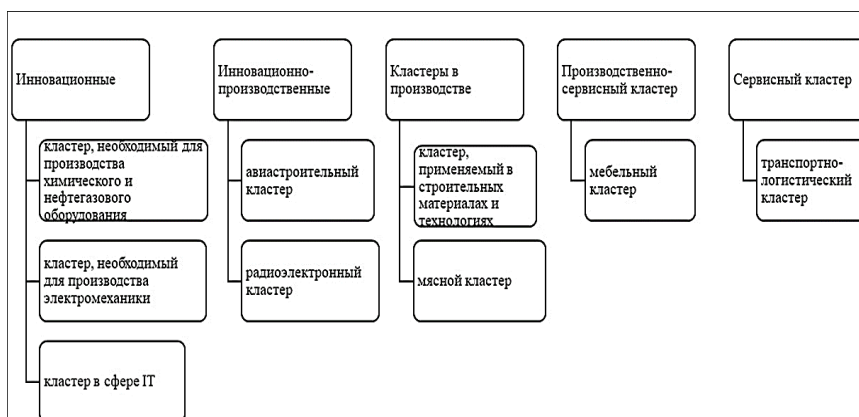

Рис. 2. Кластеры Воронежской области

Согласно стратегии социально-экономического развития Воронежской области (до 2020 года) приоритетным направлением является разработка кластера, который будет ориентирован на то, чтобы произошло развитие инновационного электронного общества в регионах.

Государственные инициативы в сфере IT активно поддерживаются различными бизнес-сообществами и научно-образовательными учреждениями, находящимися в Воронежской области. Благодаря этому был создан региональный IT-кластер.

На сегодняшний день IT-кластер Воронежской области включает более 20 организаций, среди которых местные IT-компании и общественные организации.

В продукцию кластера входят такие позиции, которые относятся к производству энергоаудита, наукоемких проектов, разработки мобильных приложений, информационной безопасности, программного обеспечения и т.д.

Благодаря наличию кластера в сфере IT повышается социально-экономический потенциал Воронежской области, усиливается конкурентоспособность, относящаяся к информационным отраслям экономики, происходит внедрение IT в реальный сектор экономики, увеличивается количество вакантных мест, возрастает поступление налогов в бюджет и т.д.

Благодаря развитию IT-сферы в областной инновационной политике произойдут следующие социально-экономические сдвиги:

- увеличение балльной оценки инновационного развития в Воронежской области примерно на 20%;
- увеличение балльной агрегированной оценки региона примерно на 30%;
- увеличение доли инновационных товаров и услуг, которые входят в реестр. В целом их доля по отношению к внутреннему валовому продукту региона увеличится в 1,8 раза;
- увеличение доли продукции инновационных предприятий на 15–30% по отраслям;
- ВРП Воронежской области вырастет на 3 млрд. рублей в год;
- появление 5 000 дополнительных рабочих мест;
- внедрение новых энергосберегающих технологий уменьшит удельное потребление электроэнергии на 7–8%.

В целом можно сказать, что у IT-сферы в Воронежской области достаточно большой потенциал, для того чтобы она стала движущей силой для модернизации экономики региона. С помощью IT-сферы в Воронежской области можно увеличить производительность труда, которая, по данным экспертов, ниже более чем в 2 раза среднероссийской.

Кластер электромеханики

Если говорить относительно общесоюзной электромеханики, то здесь Воронежская область занимала первенствующие позиции в сфере электротехнического оборудования малой и средней мощностей. Поэтому в июле 2010 года был создан кластер «Воронежская электромеханика».

Продукция кластера состоит из таких позиций, как производство специального и общепромышленного электротехнического оборудования (сюда входят различные

электродвигатели, сварочное оборудование, теплотехника и др.). Всего кластер включает в себя 22 предприятия.

Благодаря кластеру электромеханики в Воронежской области:

- увеличивается инвестиционная привлекательность региона;
- увеличивается эффективность инноваций среди предприятий малого и среднего уровня;
- развивается экспорт и международное сотрудничество;
- решаются задачи, имеющие отношение к восстановлению критических инфраструктур;
- обеспечивается социальная стабильность и экономическое развитие Воронежской области;
- повышается качество и конкурентоспособность продукции;
- развиваются механизмы, имеющие отношение к коммерциализации технологий;
- создаются условия для совершенствования различных отраслей, относящихся к промышленному производству. Сегодня же развитие данных отраслей приостановлено по причине отсутствия электромеханической продукции, которая относится к новому поколению.

Кластер авиастроения

В качестве предпосылок создания данного кластера можно считать:

- стратегию открытого акционерного общества «Объединенная авиастроительная корпорация», направленную на повышение эффективности деятельности предприятий и конкурентоспособности российской авиационной техники, что особенно актуально в условиях осложнившейся макроэкономической и геополитической ситуации;
- политику государства, направленную на то, чтобы развить малое и среднее предпринимательство;
- наличие в регионе инфраструктуры, которая направлена на то, чтобы поддерживать кластерные подходы;
- наличие в регионе большого количества предприятий, которые заинтересованы в координации усилий в рамках авиационного кластера; высокий уровень высшего и среднего образования.

Авиастроительный кластер в Воронежской области всего включает 14 предприятий, которые находятся в Воронеже и Борисоглебске.

Главная цель, которую преследуют участники кластера, состоит в том, чтобы сформировать научно-технологический, производственный и кадровый потенциал, с помощью которого можно будет построить гражданские самолеты нового поколения.

Кластер направлен на производство продукции, связанной с самолетостроением, подготовкой специалистов для авиастроения и т.д.

На сегодняшний день авиационный кластер города Воронежа развивается благодаря программе «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы», которая направлена на то, чтобы увеличить конкурентоспособность авиационной промышленности.

Благодаря наличию кластера авиастроения в Воронежской области произойдет:

- рост инвестиционной привлекательности региона;
- развитие инновационной сферы;
- развитие производственной сферы. Увеличение рыночной доли продукции и услуг;
- развитие кадрового потенциала;
- развитие международного сотрудничества.

Радиоэлектронный кластер

Предпосылки к созданию кластера:

- радиоэлектронный комплекс в Воронежской области играет важную роль для всей РФ. Благодаря ему происходит развитие систем, связанных с телекоммуникациями в военной и гражданской сфере;
- наличие кадрового потенциала и потенциала инноваций;
- появление возможных экономических выгод в связи с усилением кооперации в рамках кластера;
- поддержка правительства Воронежской области.

Всего среди участников кластера насчитывается 16 предприятий. Продукция кластера состоит из следующих позиций: радиоэлектронная продукция, разработки в сфере радиоэлектроники и др.

Радиоэлектронный кластер имеет общегосударственное значение. Усилия участников кластера направлены на то, что усовершенствовать телекоммуникационные системы, относящиеся к военному и гражданскому сектору. Благодаря наличию радиоэлектронного кластера в Воронежской области можно добиться того, что:

- произойдет рост инвестиционной привлекательности региона;
- произойдет укрепление позиций региона на рынках, специализирующихся на радиоэлектронной продукции;
- можно будет оптимизировать производственно-технологические ресурсы, разработать и производить новую высокотехнологическую продукцию в сфере радиоэлектроники;
- произойдет глубокая модернизация производства в Воронежской области.

Кластер производителей нефтегазового и химического оборудования

В качестве предпосылок для создания данного кластера в Воронежской области послужили, во-первых, развитое на территории региона машиностроение, во-вторых, наличие кадрового потенциала, а в-третьих, благодаря внедрению данного кластера можно получить экономические выгоды, если усилить соответствующую кооперацию.

Данный кластер состоит из 16 предприятий. Основными из них являются, например, «Воронежский механический завод», который является филиалом ФГУП «ГКНППЦ» им. М.В. Хруничева, ООО ФПК «Космос-Нефть-Газ» и другие.

К позициям продукции данного кластера относится производство нефтегазодобывающего оборудования, химического оборудования и др.

К основным целям кластера по производству нефтегазового и химического оборудования относится развитие методик производства химического и нефтегазового оборудования на различных промышленных предприятиях региона, а также содействие в развитии деятельности в области разработки методик, направленных на производство химического и нефтегазового оборудования.

Благодаря кластеру, направленного на производство нефтегазового и химического оборудования можно:

- увеличить инвестиционную привлекательность региона;
- сформировать развитый рынок работ и услуг в сфере, направленной на производство химического и нефтегазового оборудования;
- повысить уровень эффективности промышленной продукции и самого промышленного производства;
- развить научно-исследовательские разработки;

- организовать производство новых типов промышленной продукции;
- активизировать создание новых предприятий;
- организовать межрегиональное и международное сотрудничество для развития.

Следует помнить, что формирование кластеров, направленных на взаимодействие предприятий, является одной из первостепенных задач, направленных на развитие промышленности в Воронежской области. Благодаря внедрению кластеров реализуются такие типы интеграции, как производственная, финансовая, инвестиционная и др.

Таким образом, Воронежская область обладает всеми необходимыми условиями и факторами, необходимыми для успешного развития инновационных кластеров, отличительными чертами которых являются территориальная локализованность, тесные горизонтальные и вертикальные связи между организациями определенной сферы деятельности. Региональный кластер может выступить одним из фундаментальных инструментов социально-экономического анализа, который мог бы раскрыть инновационный потенциал региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ 19-35-90021.

Литература

1. Дудин М.Н., Лясников Н.В., Егорушкин П.А., Сафин Ф.М. Инновационный форсайт как инструмент конкурентоспособного развития предпринимательских структур. Монография / М.Н. Дудин, Н.В. Лясников, П.А. Егорушкин, Ф.М. Сафин – М.: Наука, 2013. – 214 с.
2. Дудин М.Н., Лясников Н.В. Формирование хозяйственного механизма трансформации инновационного развития социально-экономических систем: монография / М.Н. Дудин, Н.В. Лясников. М.: Элит, 2015. 400 с.
3. Иванова Н.Л., Дубиненкова Е.Н. Внедрение инноваций в сфере государственного управления: проблемы и факторы / Н.Л. Иванова, Е.Н. Дубиненкова // Вопросы управления. 2014. С.33-34.
4. Яковенко Н.В. Кластерный подход и его применение для концептуирования и стратегирования социально-экономического развития депрессивного региона // Научный поиск. 2011. № 2. С. 70-74.
5. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В., Дробышев Е.А. Концептуальные аспекты формирования и развития кластеров в социально-

экономико-географической системе региона // Проблемы региональной экологии. 2015. № 6. С. 61-66.

6. Yakovenko N.V. Cluster Approach in Assessing the Level of Socio-Economic Development of the Municipal Districts (Voronezh Region) / N.V. Yakovenko, I.V. Komov, R.V. Ten // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019, vol.79, pp. 201-203. DOI: 10.2991/iscfec-19.2019.55.

7. Переагрузка кластерной политики в России//Url.: <https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2020/01/o-perezagruzke-klasternoy-politiki-v-rossii-16.01.2020.pdf> дата обращения:11.01.2021).

Сведения об авторах:

Комов Игорь Владимирович, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет

E-mail: igrkom@bk.ru

Диденко Ольга Валериевна, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет

E-mail: olvadid@gmail.com

Тен Роман Валерьевич, преподаватель кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма, Воронежский государственный университет

E-mail: roma.ten.00@inbox.ru

УДК 332.13

Ю.С. Корчагина
Yu.S. Korchagina

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

SPATIAL PLACEMENT OF INFOCOMMUNICATION INFRASTRUCTURE IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Статья посвящена анализу состояния современной инфокоммуникационной инфраструктуры субъектов Приволжского федерального округа по базовым статистическим показателям, включая такие блоки как доступность высокоскоростного интернета для

населения, цифровая трансформация экономики и развитие сферы электронных услуг. Результаты представлены в виде карт, наглядно демонстрирующих развитые центральные и отстающие периферийные районы региона в сфере информационно-коммуникационных технологий.

The article is devoted to the analysis of the state of the modern infocommunication infrastructure of the subjects of the Volga Federal District according to basic statistical indicators, including such blocks as the availability of high-speed Internet for the population, the digital transformation of the economy and the development of electronic services. The results are presented in the form of maps that clearly demonstrate the developed central and lagging peripheral regions of the region in the field of information and communication technologies.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная инфраструктура, пространственное развитие, инфокоммуникационные технологии, цифровая трансформация экономики

Key words: information and communication infrastructure, spatial development, infocommunication technologies, digital transformation of the economy.

Статья посвящена оценке пространственных аспектов развития информационно-коммуникационной инфраструктуры в Приволжском федеральном округе (ПФО). Для анализа были использованы методы статистического анализа и картографирования. Результаты по каждому показателю отражены на картах. Выводы сделаны с опорой на теоретическую концепцию центра и периферии. Все карты актуальны по состоянию на 2018 год [1].

На Рисунке 1 продемонстрирована доля домашних хозяйств, имеющих компьютер [1].

По данному показателю карта региона разделилась на 2 части: северную (наименее развитую) и южную (наиболее развитую). Лидером является Ульяновская область. В северной части аутсайдерами являются Республики Марий Эл и Чувашия.

На Рисунке 2 отражено число пользователей сети Интернет на 100 человек населения по регионам ПФО [1].

Выявленная дифференциация подтверждается и на данной карте. К лидирующим регионам относятся: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, а также Самарская, Саратовская и Оренбургская области.

Аутсайдерами в северо-западном районе, в которых показатель не превышает отметку в 70%, являются Республика Марий Эл и Мордовия.

На Рисунке 3 указана доля домашних домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет [1].

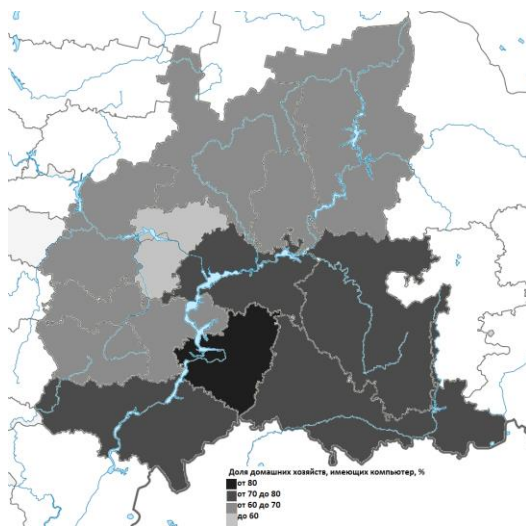

Рисунок 1. Доля домашних хозяйств, имеющих компьютер, %

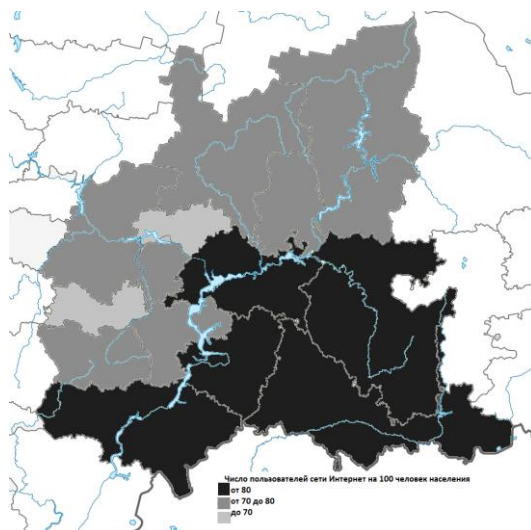

Рисунок 2. Число пользователей сети Интернет на 100 человек населения

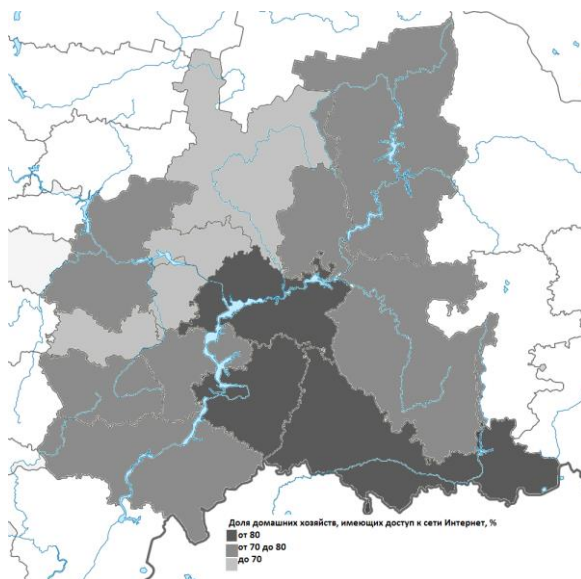

Рисунок 3. Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, %

Тенденции пространственной дифференциации ПФО на южную и северную части имеют место быть и на данной карте. Однако, отметим некоторые различия: чуть более высокий относительно всей остальной северо-западной части, уровень развития по данному показателю Нижегородской области, Республики Удмуртии и Пермского края. Из категории лидеров относительно предыдущих двух карт на данной карте выбился регион Саратовской области. Таким образом, среди ведущих по данному показателю регионов мы зафиксировали Республику Татарстан, а также Самарскую и Оренбургскую области. Учитывая лидерство данных субъектов и по другим смежным показателям, можно отметить формирование ряда лидеров по развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры в ПФО [2].

Для дальнейшего анализа обратимся к Рисунку 4, на котором показана доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету [1].

На данной карте также замечаем наличие некоторой дифференциации пространственного развития по отношению: север–юг. Однако, наибольшее развитие по данному показателю демонстрируют центральные субъекты (Республики Татарстан и

Башкортостан, Самарская область), в северной части достаточно высокий уровень вновь демонстрирует Нижегородская область, подтверждая свой высокий уровень инфокоммуникационного развития [3].

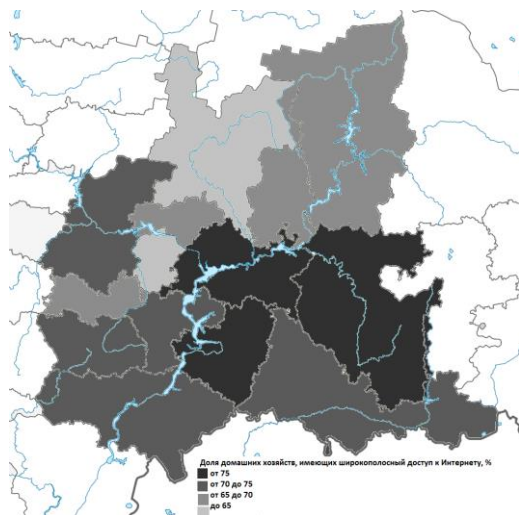

Рисунок 4. Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, %

Рисунок 5 демонстрирует число абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения [1].

Данный показатель имеет особую значимость с точки зрения построения информационного общества и становления цифровой экономики [4]. Все регионы были классифицированы нами на две группы по данному показателю: до 20 и свыше 20. Отметим, что данный показатель в большей мере закладывает перспективу для будущего развития информационно-коммуникационной сферы [4].

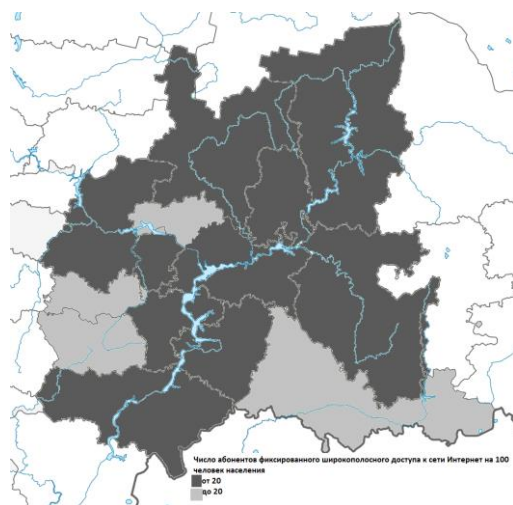

Рисунок 5. Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения

На Рисунке 6 показано пространственное размещение доли населения, являющегося активными пользователями сети Интернет [1].

Категория лидеров в целом остается неизменной. Это Башкортостан, Татарстан и Самарская область. Три этих субъекта кроме того образуют своего рода ядро информационно-коммуникационного развития ПФО. На это указывают значения других информационно-коммуникационных показателей развития в этих субъектах [5]. Таким образом, стоит рассматривать данную триаду как своего рода драйвер пространственного развития изучаемого региона ПФО, который способен оказать влияние на прилегающую субпериферию и периферийные районы.

На Рисунке 7 представлена доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде [1].

Этот показатель является особо важным для целей становления электронного правительства и доступа жителей к получению как можно большего числа государственных и муниципальных услуг в электронном виде [6]. Прежде всего отметим общий достаточно высокий уровень развития всего региона ПФО по данному показателю. Если лидеры в целом неизменны, то отстающие регионы по данному критерию сосредоточились в

северной части региона, к ним относятся: Республика Марий Эл, Кировская область и Пермский край.

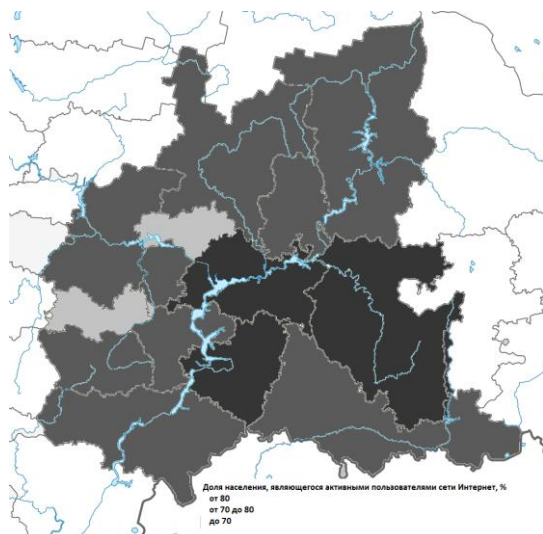

Рисунок 6. Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, %

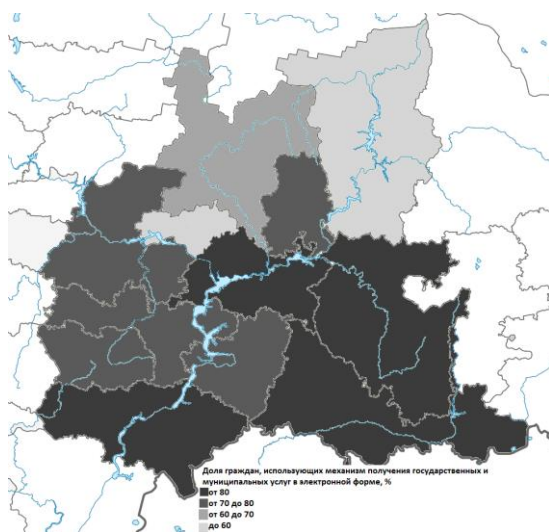

Рисунок 7. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде, %

На Рисунке 8 указана доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров/услуг [1].

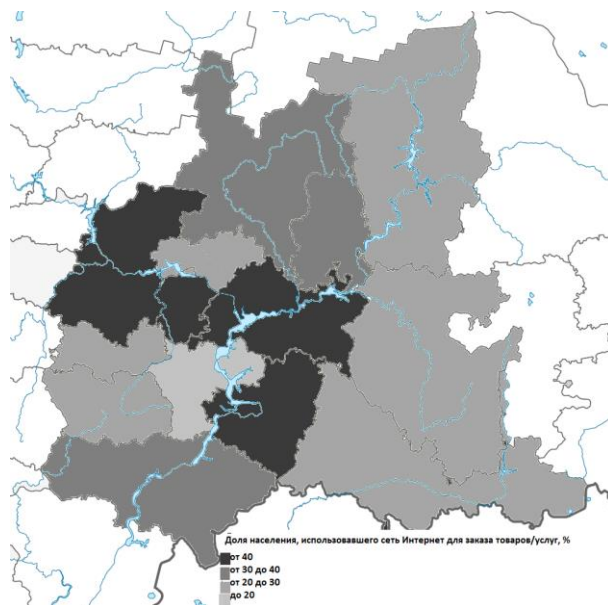

Рисунок 8. Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров/услуг, %

Всё большую значимость на пути трансформации общества в сторону информационного развития и становления цифровой экономики приобретают онлайн платформы, реализующие товары и услуги различного рода [7]. Структура лидеров пространственно выстроена вдоль Волги и представлена регионами Поволжья – Республиками Татарстан, Чувашией, Нижегородской и Самарской областями. Остальные регионы имеют достаточно незначительные различия и пространственно весь пояс вокруг вышеперечисленных субъектов можно отнести к наименее развитой периферии.

На Рисунке 9 показано пространственное размещение по показателю доли населения, не использующего информационно-коммуникационную сеть Интернет по соображениям безопасности [1].

В связи со становлением информационного общества, перехода множества сфер жизни в онлайн-формат, сеть Интернет владеет множеством персональных данных пользователей. Всё актуальнее становятся вопросы обеспечения безопасности

пользователей во Всемирной сети [8]. Образовалась группа людей, которые по соображениям безопасности приняли решение ограничить или в целом исключить пользование Интернетом для сохранения своих персональных данных. Заметим, что в целом по ПФО показатель таких жителей не высок и не превышает 1%. Наибольшая доля жителей, не использующих Интернет зафиксирована в Саратовской, Нижегородской, Пензенской областях и Республике Чувашии. Наиболее открыты современным инфокоммуникационным трансформациям жители Оренбургской, Ульяновской и Кировской областей, в данных регионах доля населения, отказавшегося от использования Интернета не превышает 0,2%.

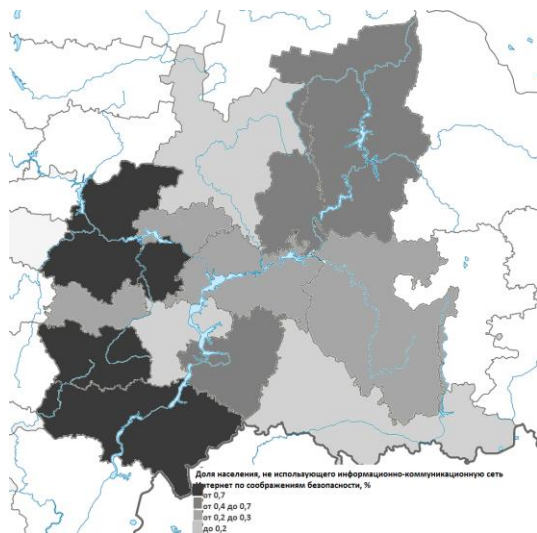

Рисунок 9. Доля населения, не использующего информационно-коммуникационную сеть Интернет по соображениям безопасности, %

В заключение отметим, что проведенный пространственный анализ состояния современной инфокоммуникационной инфраструктуры ПФО позволил выявить ядра развития, способные стать драйверами и вывести регион на качественно новый уровень, а также полупериферийные и периферийные районы, требующие особого внимания для достижения стратегических целей социально-экономического развития.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.05.2020)
2. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025%5B1%5D.pdf (дата обращения: 20.05.2020)
3. Широкополосный доступ в интернет. URL: <https://spbit.ru/tags/broadband/> (дата обращения: 20.05.2020)
4. Паспорт национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации". URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNL06gczMkPF.pdf> (дата обращения: 15.05.2020)
5. Стратегия развития отрасли информатизации и связи Республики Татарстан на 2016 – 2021 годы и на период до 2030 года. URL: https://cesi.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1052571.pdf (дата обращения: 20.05.2020)
6. Об утверждении Государственной программы "Развитие информационных и коммуникационных технологий в Республике Татарстан "Открытый Татарстан" на 2014 - 2022 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/463306467> (дата обращения: 12.05.2020)
7. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 22.05.2020)

Сведения об авторе:

Юлия Станиславовна Корчагина, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: led039yla@mail.ru

УДК 913

Н.К. Куричев
N.K. Kurichev

ДИФФЕРЕНЦИАЛ ЭФФЕКТИВНЫХ ДОХОДОВ И МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДОВ РОССИИ

REAL INCOME DIFFERENTIAL AND MIGRATION ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN CITIES

Цель исследования – оценить воздействие дифференциала эффективных доходов на миграционную привлекательность крупных российских городов. По мере увеличения численности населения города растет уровень эффективных доходов и стоимость ипотеки. Рост доходов происходит быстрее, чем рост ипотечных платежей. В результате преимущества более высокой заработной платы дополняются более высокой доступностью жилья, что стимулирует миграцию в Московскую агломерацию и в другие крупнейшие города.

The aim of the study is to assess the impact of the real income differential on the migration attractiveness of Russian major urban centers. The higher is population of the city, the higher are mortgage payment, their increase is much less steep than the increase of real income. As a result, the benefits of higher wages in largest cities are complemented by higher housing affordability. It creates strong incentives for migration to Moscow agglomeration and other major urban centers.

Ключевые слова: дифференциал эффективных доходов, миграция, доступность жилья

Key words: real income differential, migration, housing affordability

В России наблюдается масштабная межрегиональная миграция, составившая за 2010-2019 гг. величину 18,6 млн человек. Миграционные перетоки приводят к беспрецедентной в истории России концентрации населения в немногих городских центрах. Более половины населения страны (73 млн чел.) проживает всего лишь в 40 городских агломерациях²⁴. В крупнейшей в стране Московской агломерации (МА) сосредоточено 13,9% населения России.

Продолжающаяся концентрация населения сопровождается ростом политических, экономических и демографических рисков. Кроме того, продолжение существующего тренда ведет к оттоку наиболее молодых и квалифицированных кадров из большинства российских регионов. Преодоление данной тенденции требует детального изучения причин, вызывающих миграцию. Наиболее очевидный стимул для миграционного перетока – высокий дисбаланс в величине заработной платы. Среднемесячная номинальная заработная плата в Москве (95,5 тыс. руб. за первые

²⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf

десять месяцев 2020 г.) более, чем второе превышает зарплату в 15 российских регионах. Дисбаланс в величине эффективного дохода с учетом необходимых затрат домохозяйств еще выше. Главным барьером для миграции служит высокая стоимость жилья в крупнейших городах. Около 50% опрошенных указали на этот фактор в средних городах, 80% — в малых [1]. Исследованию территориальной дифференциации (по городам различного размера) эффективных доходов домохозяйств (семей) различного состава и доступности жилья, определяющих интенсивность миграции, и посвящена данная работа.

Теоретически исследование взаимосвязей между миграцией, пространственной дифференциацией доходов и стоимостью жилья опирается на модель пространственного равновесия Э. Глезера, Дж. Готтлиба [2]. Эффективный доход *W_{eff}* рассчитывался для четырех типов домохозяйств (одиноких взрослых, семейных пар без детей, семей из 2 взрослых и 1 ребенка, семей из 2 взрослых и 2 детей) по формуле:

$$W_{eff} = N1 * W - N2 * CB - RLT, \quad (1)$$

где *W* – номинальный доход (среднемесячная заработная плата), *CB* – стоимость потребительской корзины (стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг), *N1* – число работающих членов домохозяйства, *N2* – общее число членов домохозяйства, *RLT* – затраты на жилье (приняты на уровне ежемесячной стоимости обслуживания ипотечного жилищного кредита (ИЖК)).

Эмпирической основой исследования являются данные Росстата за 2017 г. по среднемесячной заработной плате, стоимости фиксированного набора товаров и услуг, стоимости покупки квартир для российских городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек и столиц субъектов РФ (всего 177 городов). Оценка затрат на обслуживание ИЖК построена на основе данных ЦБ РФ. В отдельные группы были выделены города Московской области и города с ресурсной экономикой (далее – ресурсные города, 5 из них с населением менее 100 тыс. чел.). Для мигрантов, переехавших в Подмоскovie анализировались два случая: 1) проживание в Московской области и работа в Москве; 2) проживание и работа в Московской области.

Проведенный анализ выявил выраженную дифференциацию составляющих эффективного дохода домохозяйств по группам

городов России. Разрывы Москвы с городами с населением 100-249 тыс. чел. достигали в 2017 г. в среднемесячной зарплате – 2,2 раза, в стоимости потребительской корзины – 1,5 раза, в стоимости обслуживания ИЖК – 2,4 раза. По мере уменьшения численности населения городов (за исключением ресурсных городов) стоимость обслуживания ИЖК убывает быстрее, чем величина заработной платы, а стоимость потребительской корзины – медленнее. На первый взгляд, это должно приводить к росту доступности жилья по мере уменьшения численности населения. Однако доступность товаров и услуг определяется не величиной зарплаты, а величиной эффективного дохода, учитывающего затраты.

Решение о миграции во многом определяется наличием или отсутствием собственного жилья в городе первоначального проживания. В первом случае у домохозяйств в качестве альтернативы миграции есть возможность остаться в условно бесплатном жилье в своем городе, во втором случае необходимо оплачивать жилье либо в своем городе, либо (в случае миграции) в другом городе России.

При наличии собственного жилья рост эффективного дохода после переезда в Москву семейных пар без детей из городов с населением 100-249 тыс. составлял 2,7 раза, а при переезде в Московскую область и работы в Москве – 3,0 раза. В случае наличия двух детей рост доходов становился шестикратным.

При отсутствии собственного жилья в случае обслуживания ипотеки рост в эффективных доходах после переезда в Москву семейных пар без детей из городов с населением 100-249 тыс. составлял 3,0 раза, а в случае переезда в Московскую область и работы в столице – 3,8 раза. Разница в эффективных доходах между городами разных размерных классов превышает разницу в величине зарплаты, причем эта разница кратно возрастает для семей с детьми. В городах с населением 100-249 тыс. чел. семье с двумя детьми необходимо 23 года, чтобы оплатить покупку квартиры (рис. 1). На практике это означает недоступность жилья даже при зарплате обоих родителей на уровне среднемесячной по региону. В то же время при переезде в крупнейшие города этот срок резко (в 2-4 раза) сокращается. Пространственная дифференциация эффективных доходов населения и доступности жилья создает сильные стимулы для миграции в крупнейшие города страны, в первую очередь в столичную агломерацию. В Московской области (при

трудоустройстве в Москве) можно накопить на покупку квартиры за минимальное время по стране (за исключением ресурсных городов).

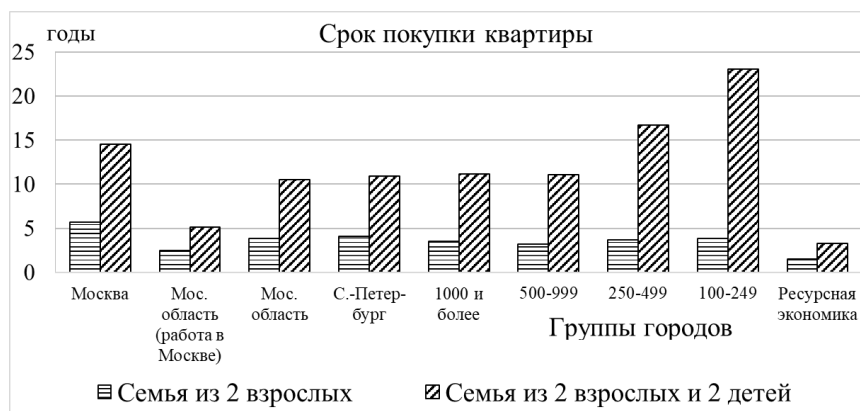

Рис. 1. Средний срок покупки квартиры в различных группах городов России, 2017 г.

Таким образом, эффективные доходы российских домохозяйств сильно дифференцированы в зависимости от численности населения города проживания (за исключением ресурсных городов). Преимущества крупнейших городов в высоком уровне зарплат дополняются более высокой доступностью жилья. Возможность решения жилищной проблемы, особенно для семей с детьми, дополнительно стимулирует миграцию.

Дальнейшая концентрация населения в МА и немногих других городских центрах является ключевым вопросом пространственного развития России в 21 веке. Однако многие принимаемые меры, не имея такой цели, стимулируют продолжение концентрации в столичной агломерации. Например, в программе поддержки ипотечного кредитования, принятой в 2020 г., повторяется ситуация с государственным субсидированием ипотеки в 2015-2016 годах. Максимальный размер кредитов, подлежащих субсидированию, для Москвы, Санкт-Петербурга Московской и Ленинградской областей установлен существенно выше (12 млн руб.), чем для остальных регионов России (6 млн руб.). Особенно сильно эта мера способствует приобретению жилья в Московской области, где цены ниже, чем в столице, а максимальная сумма ипотечного кредита такая же.

Основной точкой притяжения мигрантов является Московская агломерация. Относительно недорогое жилье в Московской области, высокая дифференциация областного и столичного рынков труда способствуют выбору образа жизни «живу в Московской области, работаю в Москве», позволяющему резко увеличить эффективные доходы домохозяйств. Это превращает Московскую область в главный регион притяжения мигрантов.

Работа выполнена в Институте географии РАН в рамках исследований по теме «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» государственного задания № 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-1).

Литература

1. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю. Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3(43). С. 78-94. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>
2. Glaeser E. L., Gottlieb J. D. (2009). The wealth of cities: Agglomeration economies and patial equilibrium in the United States. Journal of Economic Literature. Vol. 47, No. 4, pp. 983-1028. <http://dx.doi.org/10.1257/jel.47.4.983>

Сведения об авторе:

Куричев Николай Константинович, Kurichev Nikolay Konstantinovich, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформационных технологий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российская Федерация, г. Москва. Старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт географии Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: nkurichev@hse.ru

УДК 914

Н. А. Лавров
N.A. Lavrov

**ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАНОИНДУСТРИИ И
ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЕЕ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ**

PECULIARITIES OF THE NANOTECH INDUSTRY FORMATION AND FACTORS OF NANOTECH INDUSTRY ENTERPRISES ACCOMMODATION IN RUSSIA

Территориальные диспропорции распределения не только материальных, но и интеллектуальных ресурсов стран и отдельных регионов – один из актуальных предметов исследований экономической и социальной географии. Особое внимание следует обратить на пространственную организацию новейших инновационных отраслей. С целью отражения различного потенциала и разного уровня интеллектуальных ресурсов стран и регионов мира было проведено экономико-географическое исследование одной из передовых отраслей мирового хозяйства - наноиндустрии.

Territorial disparities in the distribution of not only material but also intellectual resources by countries and their regions are one of the most relevant subjects of research in economic and social geography. Special attention should be paid to the spatial organization of the latest innovative industries. To reflect the different capacities and intellectual resources of countries and regions was conducted to conduct an economic and geographical study of one of the leading sectors of the world economy - nanoindustry.

Ключевые слова: миграция знаний, диффузия инноваций, наноиндустрия, Россия.

Key words: migration of knowledge; diffusion of innovations; Russian nanoindustry.

Становление наноиндустрии как полноценной самостоятельной отрасли происходит по всему миру на наших глазах. В условиях рыночной экономики все производства стремятся к наиболее выгодному размещению с оптимальным набором фактором, определяющих эту выгодность. В этом контексте, цель исследования – выделение факторов размещения наноиндустрии на основе анализа статистических данных с начала 2000-х годов. Как и любые технологии, жизненный цикл нанотехнологий состоит из нескольких этапов: идея, её воплощение и применение. В данной работе рассмотрено три этапа развития наноиндустрии в мире: научные публикации, патенты и формирование центров производства.

На заре отрасли в самом начале 2000-х гг. неоспоримое лидерство в развитии наноиндустрии практически по всем параметрам принадлежало США. Это объясняется не только финансированием и инфраструктурной обеспеченностью, но и

спецификой самой отрасли: с самого начала осуществления разработок очень крупный сектор nanoиндустрии был взаимосвязан с усовершенствованием вычислительной техники, в производстве которых до сих пор среди лидеров находится США. Несмотря на перманентный рост абсолютного числа публикаций по нанотехнологиям, доля США в мире по количеству статей в рамках nanoиндустрии ежегодно снижалась примерно на 1 процентный пункт (с 27% от мира в 2000 до 14,5% в 2018 г.) за счёт стремительного роста прежних «ведомых». Для nanoиндустрии, как и для других обрабатывающих отраслей мира, характерно смещение вектора пространственного развития в сторону развивающихся стран. **Именно ключевые развивающиеся страны, в том числе БРИКС, демонстрируют устойчивое положение или рост по публикациям по нанотехнологиям за рассматриваемый период: США и Европа теряют позиции по 0,5-2 п.п. каждый год, что компенсируется соответствующим ростом долей Китая, Индии и других стран Азии и Африки.**

На сегодняшний день, когда речь идет об «экономике знаний», каждый патент и открытие может стать конечным товаром, что обусловило развитие профильных исследовательских центров. Например, научные центры США и других высокоразвитых стран сформированы в условиях конкурентной среды. **Россия, как наследница СССР, потеряла лидирующее положение в ряде инновационных отраслей. Это обусловлено тем, что государственное подчинение исследовательских центров (НИИ, вузы, конструкторские бюро и др.) обеспечивает хороший старт, но не способствует успешному развитию в долгосрочной перспективе, поэтому страна, некогда задававшая тренды, в настоящее время, к сожалению, находится во втором эшелоне генерации инноваций.**

В нашей стране всего зарегистрировано на начало 2020 г. 119 промышленных предприятий, производящих нанопroduкцию. Предприятия nanoиндустрии сосредоточены в субъектах РФ с наиболее высокими показателями инвестиций в НИОКР на душу населения – это столичные регионы, крупные агломерации (Нижегородская, Томская, Новосибирская и др.). Относительно доступное высшее образование на территории России в 2000–2020 гг. обусловило более равномерное распределение высококвалифицированных кадров, что несколько снижает вес

данного фактора в распределении научного потенциала по регионам страны.

Размещение наноиндустрии является свидетельством гравитационного эффекта агломераций и креативного населения, но не обязательно дипломированных специалистов. Американский экономист Р. Флорида утверждает, что при переходе мирового хозяйства от конкуренции за рынки к конкуренции за квалифицированную рабочую силу фактор места играет определяющую роль, поскольку является одним из аттракторов креативного населения. В этом контексте крупные города со значительным разнообразием локального сообщества определяют инновационный и творческий потенциал территории. Разнообразие население выражается через комбинации национальностей, концентрацию специалистов из широкого спектра отраслей, совокупность людей с разными компетенциями и морально-волевыми качествами, близость к вузам и возможность привлечения молодых высококвалифицированных кадров – Джейкобс-эффекты (эффекты урбанизации). Общая причинно-следственная связь воздействия Джейкобс-эффектов на инновационный потенциал региона сводится к следующему:

1. Диверсификация промышленности создаёт широкий спектр потребителей создаваемых технологий и создаёт спрос на новые специальности.

2. При значительном разнообразии профессиональной деятельности исследователями отмечается значительное когнитивное взаимодействие (обмен информацией между исследователями обеспечивает рост производительности труда путём обмена компетенциями).

3. В случае взаимодействия между контрагентами из смежных отраслей, а не только фирм, при близости компетенций формируется одна из наиболее эффективных форм разнообразия – связанное разнообразие.

4. **В России прогнозируется дальнейшая пространственная поляризация наноиндустрии, что связано с возрастанием роли крупнейших агломераций в экономике страны в условиях экономического кризиса.** Высокий инновационный потенциал столичных и экономически развитых регионов искусственно усиливается институционально благодаря созданию особых экономических и промышленных зон, куда приходят в том числе и передовые отрасли. Наиболее высокую значимость для развития

наноиндустрии имеют прикладные исследования – патенты (табл. 1), которые могут быть внедрены в производство материальной продукции и дать материальную отдачу от колоссальных вложений в разработку.

Рис. 1. Количество предприятий наноиндустрии по регионам России и международные связи отечественных предприятий в 2008-2018 гг.

Ист.: составлено автором по данным публичного годового отчёта АО «РОСНАНО» за 2018 г.25

Таблица 1
 Патентная активность России и других стран мира в рамках наноиндустрии в 2017 г.

Страна	Доля международных исследований в наноразработках по итогам 2017 г., %	Патенты, поданные в местное патентное бюро резидентами страны по итогам 2017 г.	Патенты, поданные в патентное бюро США резидентами страны по итогам 2017 г.
США	55,33	310	5559
Китай	23,76	159	694
Япония	44,22	235	766

²⁵ <https://www.rusnano.com>

Германия	66,75	159	433
Россия	43,25	11	13
Великобритания	76,79	36	226
Республика Корея	35,04	246	1254
Индия	27,69	8	71
Бразилия	43,27	6	14
Австралия	76,34	8	45
ЮАР	56,28	0	5
<i>*для США взяты данные Европейского патентного бюро</i>			

*Ист.: составлено автором по данным международных агентств по охране интеллектуальной собственности и патентных бюро*²⁶

Однако отечественные разработчики склонны к регистрации патентов за рубежом. Материальная отдача от затрат на НИОКР в этом случае значительно снижается, из инновационной среды изымается важная финансовая составляющая, что тормозит весь дальнейший процесс. **Россия характеризуется высоким инновационным потенциалом и публикационной активностью, основой чего служит высокий уровень урбанизации и усиленное воздействие Джейкобс-эффектов. В то же время в России крайне низкая динамика пространственной диффузии инноваций – более 40% компаний nanoиндустрии и исследовательских центров России сосредоточены в пределах трёх регионов: Москве, Санкт-Петербурге и республике Татарстан. Столичные регионы аккумулируют более 40% производимых инноваций, в том числе нанопродукции и сопутствующих открытий.**

Размещение nanoиндустрии в России является свидетельством гравитационного эффекта агломераций и креативного населения, но не обязательно дипломированных специалистов. Исходя из количества действующих организации nanoиндустрии и производимой продукции в денежном выражении можно заключить, что центрo-периферийная модель развития российской nanoиндустрии в дальнейшем должна проявиться значительно ярче. Зависимость от инвестиций, наложенная на эффект колей и инфраструктурную обеспеченность (относительно стабильные факторы в условиях развития России) станут причинами

²⁶ Международное агентство охраны интеллектуальной собственности (<https://www.wipo.int>); Бюро по патентам и товарным знакам США (<https://www.uspto.gov>); Европейское патентного бюро (<https://www.epo.org/index.html>)

дальнейшей концентрации производственных мощностей
наноиндустрии в столичных и крупных региональных центрах.

Литература

1. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России. М.: Университетская книга, 2017. 358 с.
2. Бабурин В. Л., Суравцева И. С. Экономико-географический анализ инновационных процессов в России // Вестник Московского университета. Серия 5: Географическая. 2001 № 6. С. 49–56.
3. Баринаева В. А., Земцов С. П. Инновационный цикл как базовая модель динамики и организации инновационной деятельности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 117–128.
4. Воронин Д. Н., Иванова Е. А., Фирсов А. В. Миграция знаний – основная тенденция в условиях экономической глобализации // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2013. № 2. С. 109–116.
5. География мирового развития. Выпуск 3: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 486 с.
6. Инновационный потенциал научного центра: методологические и методические проблемы анализа и оценки / отв. ред. В. И. Суслов. Новосибирск: ИЭОПП, 2007. 275 с.
7. Кулешова Г. И. Территории инноваций: технопарки – технополисы – регионы науки. М: Научный мир, 2019. 366 с.
8. Ливни Э., Полищук Л. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда // Вопросы образования. 2005. №. 1. С. 2–18.
9. Лопатников Д. Л. Мировое хозяйство в начале XXI века // География в школе. 2016. № 6. С. 3–18.
10. Экономическая география мирового развития. XX век. Общ. ред. Ю.Г. Липец, В.А. Пуляркин, С.Б. Шлихтер. СПб.: Алетей, 2003. — 396 с.
11. Brenner T., Broekel T. Methodological issues in measuring innovation performance of spatial units // Industry and Innovatio. 2011. № 18 (1). P. 7–37.
12. Crescenzi R., Jaax A. Innovation in Russia: The Territorial Dimension // Economic geography. 2016. № 4. P. 1–23.
13. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Postscript and translation by Allan Pred. Chicago and London, The University of Chicago Press. 1967. № XVI. 334 p.
14. Porter M. The economic performance of regions // Regional studies. 2003. № 37(6–7). P. 545–546.

Сведения об авторе:

Лавров Н. А., Институт географии РАН, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Российская Федерация

N. Lavrov, Institute of geography of the Russian Academy of Sciences, 29-4 Staromonetniy al., Moscow 119017, Russian Federation
E-mail: lavrov@igras.ru

УДК 332

Макар С.В.
Makar S. V.

ПОДХОДЫ К РЕОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ: КЛАСТЕРНЫЙ АКЦЕНТ

APPROACHES TO REORGANIZATION OF ECONOMIC SPACE OF RUSSIAN REGIONS: CLUSTER EMPHASIS

В контексте актуальных процессов - цифровизация, пандемия - акцентируется проблема дезинтеграции пространства, утраты связности компонент экономического (хозяйственного) пространства. Кластерный подход как составная часть методологии пространственного анализа предлагается в качестве способа «сшивания» пространства региона для, роста конкурентоспособности, экономической эффективности. Кластерный подход целесообразно сочетать с экосистемным подходом с целью сохранения устойчивости регионального кластера во внешней среды.

In the context of current processes - digitalization, pandemic, the problem of space disintegration, loss of connectivity of the components of economic space is exacerbated. The cluster approach as an integral part of spatial analysis methodology is presented as a way to "stitch" region's space for the growth of competitiveness and economic efficiency. It is advisable to combine cluster approach with ecosystem approach in order to preserve stability of regional cluster in external environment.

Ключевые слова: *регионы России, экономическое пространство, связность, кластерный подход, регионально-пространственный кластер, экосистема, устойчивость.*

Keywords: *Russian regions, economic space, connectivity, cluster approach, regional-spatial cluster, ecosystem, sustainability.*

Современные научные представления о качественных и количественных характеристиках экономического пространства, его структурных особенностях и параметрах организации складываются в условиях формирования шестого технологического уклада [1, с.5-19], в рамках создания цифровой экономики. В условиях пандемии

(COVID 2019) очевиден процесс сжатия нецифрового экономического пространства стран и регионов.

Как известно, хозяйственные комплексы регионов России являются подсистемами национальной хозяйственной системы. В условиях развития цифровой экономики в России и ее регионах [2] комплементарность и связность национального и регионального уровней концептуально может возрасти. При этом условия хозяйственной деятельности, сформировавшиеся в период пандемии ускоряют процессы цифровизации во всех сферах хозяйственной деятельности, а также и в управлении. Однако связность компонент хозяйственной жизни и на региональном уровне, и на национальном уровне остается в целом низкой и даже снизилась в отдельных видах деятельности за последнее десятилетие. Проблема дезинтеграции национального экономического пространства, возникшая в последнее десятилетие XX века, в настоящий период усугубляется на фоне высокой дифференциации социально-экономического развития регионов России, финансовой неустойчивости их значительной доли. В совокупности данные процессы являются препятствием для устойчивого пространственного развития страны [3, с.43-46].

В поисках управленческого решения, соответствующего сложившимся обстоятельствам, автор предлагает обратить пристальное внимание на кластерный подход. В настоящее время сущность и значение кластеров в экономике России рассматривается неоднозначно [4, с.211-267]. С точки зрения автора, кластерный подход целесообразно рассматривать в качестве составляющей методологии пространственного анализа [5], которая может быть применена к объекту исследования, каковым является пространство региона (субъекта РФ или группы субъектов РФ). Преимуществами кластерного (пространственно-кластерного) подхода являются, то, что он акцентирует внимание, во-первых, на связях между видами экономической деятельности и хозяйственными акторами; во-вторых, на предпосылках конкурентоспособности, т.е. на формировании системы факторов производства и конкуренции, снижении транзакционных издержек, повышении производительности и достижении дополнительных системных выгод от улучшения информационного обмена между элементами кластера, который представляет собой сетевую пространственную конструкцию, скрепляющую «тело» региона. Ключевым моментом предлагается считать построение модели регионально-пространственного кластера на основе SWOT-анализа и PEST-

анализа региона [6, с.543-545]. В данной модели конструкция ядра кластера и его «окружения» (внутреннего и внешнего) характеризуется связностью и уникальностью. Кластерный подход может быть дополнен экосистемным подходом, что позволяет учесть уже сложившиеся взаимосвязи в экосистеме конкретного региона и прогнозировать потенциальные трансформации в организации хозяйственного (экономического) пространства региона с учетом сохранения устойчивости региональной хозяйственной системы.

Литература

1. Инновационный потенциал сельского хозяйства России: монография/ под ред. А.М.Носонова. – Саранск: изд-во Морд. Ун-та, 2019. - 220 с.
2. Макар С.В., Носонов А.М. Оценка и пространственные закономерности развития инновационной деятельности в регионах России // Экономика. Налоги. Право. - 2017. - № 4. - С.96-106.
3. Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы международной научной конференции в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Том.2 /отв.ред. Н.И.Быков; Алт.гос.ун-т – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. - 409 с.
4. Кластеризация цифровой экономики: теория и практика: монография/под ред. А.В.Бабкина. - СПб. ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. -807 с.
5. Макар С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России: монография. - М.: Экономика, 2012. - 367с.
6. Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс. Сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции /под ред. В.М. Бондаренко. - Москва: МООСИПНН Н.Д.Кондратьева; Волгоград: ООО Издательство «Учитель», 2020. - 584 с.

Сведения об авторе:

Макар Светлана Владимировна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

E-mail: svetwn@mail.ru

Makar Svetlana Vladimirovna, Dr. Sc. (Econ.), leading researcher Center of regional economy and interbudgetary relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: svetwn@mail.ru

**РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА КАК
ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ В ХОДЕ ВЫБОРОВ МЭРА ГОРОДА
МОСКВЫ (1995-2018)**

**DEVELOPMENT OF THE MOSCOW METRO AND SPATIAL
DIFFERENTIATION OF ELECTORAL PREFERENCES OF THE
POPULATION OF MOSCOW DURING THE MAYORAL
ELECTIONS IN MOSCOW (1995-2018)**

В статье автор анализирует электоральные предпочтения населения отдельных районов города Москвы, проявившиеся в ходе нескольких избирательных кампаний, их взаимосвязь с развитием инфраструктуры Московского метрополитена, а также пространственную дифференциацию, обусловленную этой взаимосвязью. Также автором рассматривается открытие станций метро в густонаселённых районах Москвы, имеющих схожую демографическую и экономическую обстановку, в качестве фактора политической жизни столицы.

In this article the author analyzes the electoral preferences of the population of some districts of Moscow, manifested in the course of several election campaigns, their relationship to the development of infrastructure of the Moscow metro, as well as the spatial differentiation caused by this relationship. Also the author considers the opening of metro stations in densely populated areas of Moscow, with similar demographic and economic situation, as a factor in the political life of the Russian capital.

Ключевые слова: электоральная география; политическая география; Москва; мэр Москвы; выборы; Московский метрополитен

Key words: electoral geography; political geography; Moscow; Moscow mayor; elections; Moscow Metro

Развитие московского метрополитена являлось и является одним из постоянных приоритетов московского правительства [1,2]. В развитии городской транспортной инфраструктуры строительству новых станций метро в густонаселённых районах города уделяется особое внимание.

Так было и при Ю. М. Лужкове, так происходит и при С. С. Собянине – разница лишь в темпах. При Лужкове строилось не более 5-6 станций за один год, при нынешнем мэре города темпы ввода станций Московского метрополитена в эксплуатацию удвоились.

Одной из ярких «традиций» московского метро, ещё с советского времени, является ввод станций «к дате». Ко Дню города [3] или сразу к выборам [4]. Нас более всего интересует открытие станций метрополитена именно к выборам. Либо непосредственно в ходе избирательной кампании, в которой участвует действующий градоначальник, либо вскоре после дня голосования.

Интуитивно кажется, что ввод станций метро в эксплуатацию в густонаселённых районах города – даёт действующей городской власти преимущество в день голосования. Предпримем попытку выяснить – так ли это на самом деле, есть ли здесь какие-либо закономерности?

Территориальным полигоном нашего исследования станет город Москва, в границах до 01.07.2012, в качестве ячейки исследования мы берём отдельные районы города Москвы в границах, утверждённых Московской городской Думой и указанных в соответствующем городском законодательстве. Временная рамка – годы с 1995 по 2018, в которых проводились прямые выборы мэра города Москвы. Анализ выборов выполнен с опорой на данные Центральной избирательной комиссии РФ, Московской городской избирательной комиссии, территориальных избирательных комиссий города Москвы, а также на иные источники.

Районы Люблино, Марьино, Южное Бутово, Митино, Выхино-Жулебино и Солнцево, рассматриваемые нами в рамках данной статьи, схожи между собой как демографически (все входят в число лидеров по численности населения в Москве), так и исторически, и инфраструктурно (основная застройка происходила уже в постсоветские годы). Кроме того, метро в этих районах приходило в разные годы, что позволяет ярче проследить закономерности в пространственной дифференциации, связанные с этим.

Выборы мэра Москвы в 1996 году проходили в обстановке острой политической борьбы между Президентом Б. Н. Ельциным и левой оппозицией, возглавляемой Коммунистической партией Г. А. Зюганова. Мэр Москвы Ю. М. Лужков, активно поддержавший Ельцина, также рассчитывал переизбраться на второй срок на пост мэра Москвы. Несмотря на то, что Москва пострадала от кризисных

явлений переходного периода меньше, чем многие другие регионы России, средств городского бюджета не всегда хватало на масштабные инфраструктурные проекты. Тем не менее, бурная застройка окраинных районов Москвы жилыми кварталами требовала скорейшей прокладки коммуникаций, в том числе и транспортных. Политический имидж Ю. М. Лужкова как «крепкого хозяйственника» [4] также нуждался в ярких, мощных проектах.

Так, спустя почти пять лет после прокладки Тимирязевского радиуса Серпуховско-Тимирязевской линии Московского метрополитена, в конце 1995 года был пущен первый «постсоветский» радиус московского метро – Люблинский, открытие которого ознаменовало новый этап в развитии метрополитена [5]. Вёл Люблинский радиус в новые микрорайоны на юго-востоке Москвы, прежде всего в районы Марьино и Люблино.

Поддержка Лужкова на выборах была исключительно высокой и составила 88,5% от принявших участие в голосовании. И на карте поддержки Лужкова по районам Москвы (рис.1), несмотря на общую равномерность высокой поддержки, мы видим, что районы Люблино и Марьино демонстрируют повышенную поддержку – в обоих она превысила 90%, особенно в районе Марьино, который занял третье место в городе по числу голосов, отданных за действующего мэра. Несмотря на то, что метро там было открыто лишь в декабре 1996 года – жители и руководство района уже знали, что скоро открытие состоится, что отразилось на результатах голосования.

На выборах мэра Москвы, состоявшихся в 1999 году, поддержка Ю.М. Лужкова, баллотировавшегося на свой третий срок, значительно сократилась и составила, по итогам голосования, 69,9% голосов. На карте поддержки Лужкова (рис.2) видно, что, несмотря на общее размывание поддержки действующего мэра, вновь выделяется район Марьино, занявший, на этот раз, второе место среди всех районов Москвы по уровню поддержки Лужкова. Связано это было как с продолжавшимся развитием района в целом, заселением его семьями, ждавшими своей очереди на получение квартиры [6], так и с продолжавшимся эффектом прокладки новой линии – в то время, как в прочих «спальных» районах столицы строительство метро откладывалось, Люблинский радиус активно развивался. В декабре 1999 года, за неделю до выборов мэра, в

составе Люблинского радиуса была открыта станция метро «Дубровка».

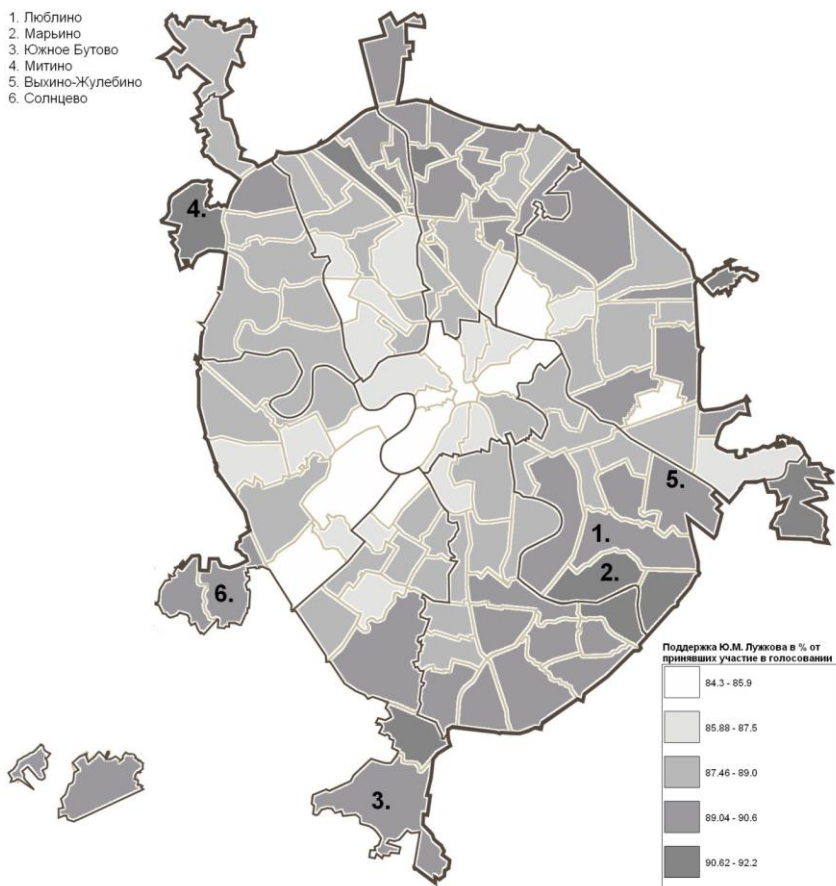

Рис. 1. Выборы мэра Москвы, 16.06.1996, карта голосования за Ю.М. Лужкова по районам г. Москвы (рассчитано по: А. Е. Любарев, «Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000», данным ЦИК РФ, МГИК)

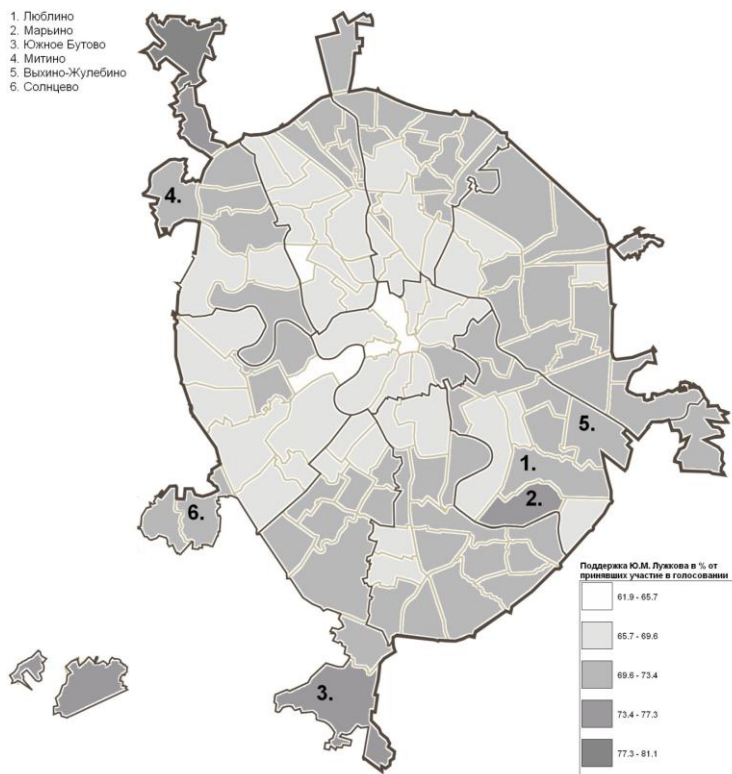

Рис. 2. Выборы мэра Москвы, 19.12.1999, карта голосования за Ю.М. Лужкова по районам г. Москвы (рассчитано по: А. Е. Любарев, «Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000», данным ЦИК РФ, МГИК)

К выборам 2003-го года пополнилась новыми станциями Серпуховско-Тимирязевская линия Московского метрополитена. Метро пришло в Южное Чертаново, а также Северное и Южное Бутово. Жители Бутова и на предыдущих выборах показывали высокий уровень поддержки действующего мэра, но на выборах 2003 года Южное Бутово, в которое не только пришло метро, но которое к новому 2004 году получило отдельную ветку лёгкого метро [7], дало Ю. М. Лужкову практически рекордные 81,6% голосов, показав третий результат по Москве и первый – среди густонаселённых районов.

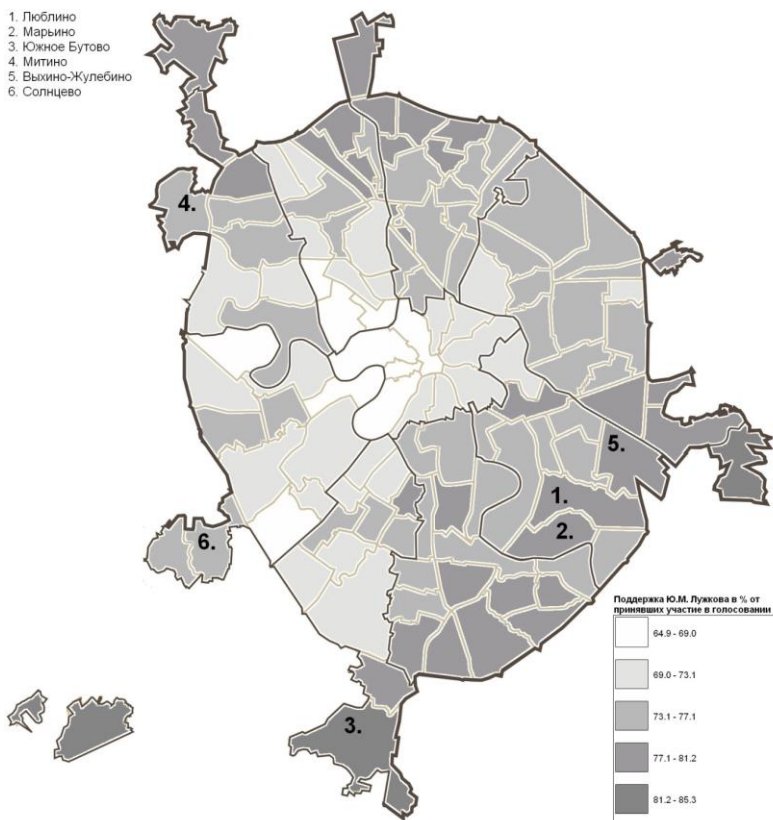

Рис. 3. Выборы мэра Москвы, 7.12.2003, карта голосования за Ю.М. Лужкова по районам г. Москвы
(рассчитано по: ЦИК РФ, МГИК)

Следующие прямые выборы мэра в Москве прошли лишь спустя 10 лет, в 2013 году. Действующим градоначальником на тот момент был С.С. Собянин, сменивший Лужкова в 2010 году по решению Президента Д.А. Медведева и утверждённый в должности Московской городской Думой. В 2013 году Собянин ушёл в отставку с целью дальнейшего участия во внеочередных выборах. Как выразился сам Собянин: *«Человек, которого поддержали избиратели, у которого есть мандат доверия, еще быстрее и эффективнее может реализовать то, что задумал, те программы, которые озвучил»* [8].

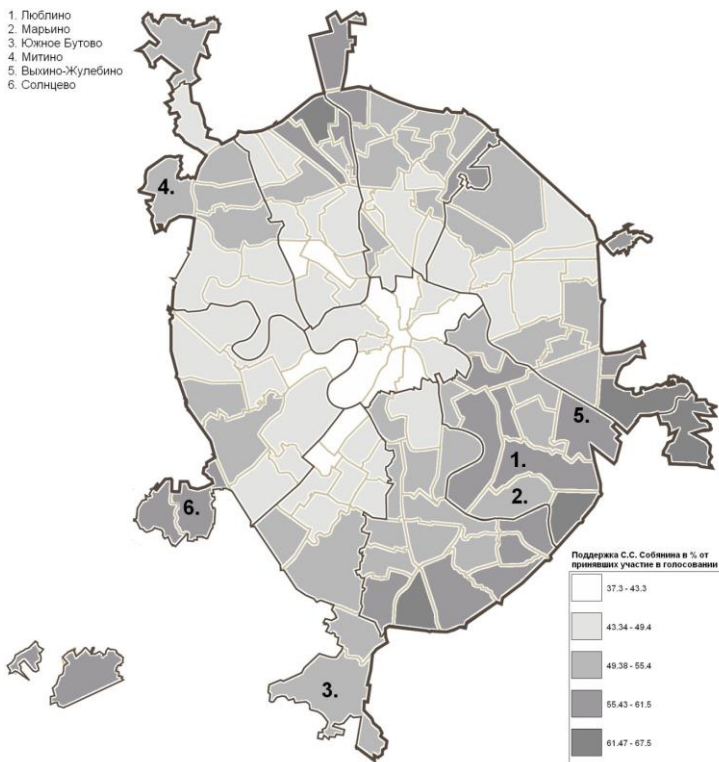

Рис. 4. Выборы мэра Москвы, 08.09.2013, карта голосования за С.С. Собянина по районам г. Москвы (рассчитано по: ЦИК РФ, МГИК)

При Собянине в Московский метрополитен пришли большие средства, появились масштабные проекты дальнейшего развития метро [9], значительно ускорились темпы возведения новых станций и целых линий. К выборам 2013 года Таганско-Краснопресненская линия получила своё развитие в районе Выхино-Жулебино. Станция Выхино, единственная на тот момент в районе, давно не справлялась с колоссальным пассажиропотоком. Мэрия до последнего дня рассчитывала ввести станции Жулебино и Лермонтовский проспект в эксплуатацию до дня выборов, но по техническим причинам сделать это не удалось [10]. Тем не менее, жители района, зная о том, что метро запустят совсем скоро, уверенно поддержали Собянина на выборах (рис. 4). По итогам голосования С. С. Собянин набрал по всему городу – 51,37%, а в районе Выхино-Жулебино – 59,51%

голосов. Повышенную поддержку действующего мэра показали и прилегающие районы – Некрасовка, Косино-Ухтомский.

Выборы мэра Москвы в 2018 году проходили в значительно более благоприятной для действующего мэра обстановке – оппозиция не смогла выдвинуть сильных кандидатов, а успехи мэра и его команды были очевидны жителям города. Тем не менее, и в таких условиях мы можем проследить закономерности, связанные со введением новых станций и линий метро в эксплуатацию. На карте (рис.5) бросается в глаза значительно повышенный уровень электоральной поддержки Собянина в районе Солнцево – незадолго до дня голосования была открыта Солнцевская линия, метро наконец-то добралось. «Впервые с 30-х годов прошлого века вводятся сразу семь станций подземки» [11]. Также повышенную, по сравнению с прошлыми выборами, поддержку действующего мэра показали районы, по которым прошла новая линия.

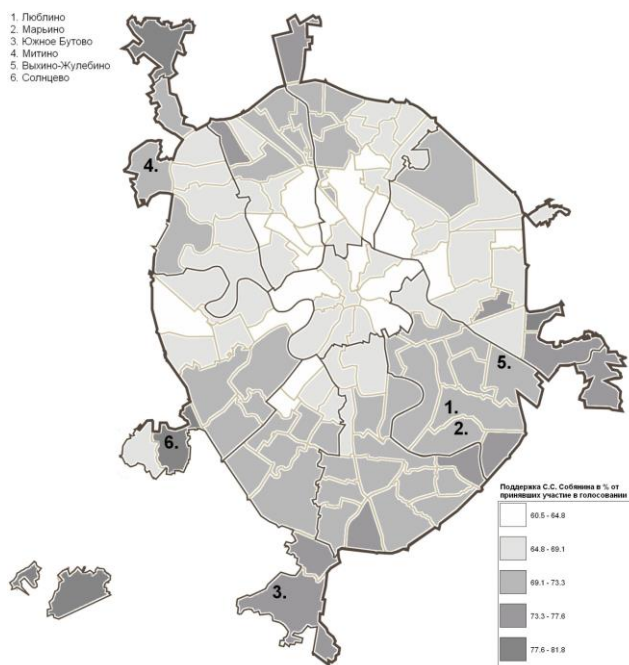

Рис. 5. Выборы мэра Москвы, 09.09.2018, карта голосования за С.С. Собянина по районам г. Москвы (рассчитано по: ЦИК РФ, МГИК)

Выводы, к которым мы приходим, опираясь на проведённый анализ, заключаются в следующем: открытие новых станций метро является, с одной стороны, масштабным и дорогим инфраструктурным проектом, который, тем не менее, окупается не только и не столько финансово, сколько политически. В Москве по-прежнему остаются районы, в которые ещё не проведены линии метрополитена – эти же районы остаются своего рода «электоральным резервом» власти, поскольку лишь власть может улучшить их транспортную доступность, в том числе таким серьёзным, кардинальным образом, как постройкой новых станций метро. Оппозиция же не может этого ни сделать, ни даже пообещать.

Литература

1. Постановление Правительства Москвы "О стратегии развития города Москвы на период до 2025 года" от 26 июня 2007 г № 513-ПП // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007 г.
2. Хуснуллин: более 50 станций метро построят в Москве до 2023 года // stroi.mos.ru URL: <https://stroi.mos.ru/news/khusnullin-bolieie-50-stantsii-mietro-postroiati-v-moskvie-do-2023-ghoda> (дата обращения: 30.01.2021).
3. Как московские власти мобилизуют избирателей на выборы мэра // vedomosti.ru URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/02/779664-kak-moskovskie-vlasti-mobilizuyut-izbiratelei-vibori-mera> (дата обращения: 30.01.2021).
4. Тюкова Д. ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ОН ИЗЛУЧАЛ, БЕЗМЕРНА... // Московский Комсомолец. 2020. 12/2020.
5. Открытие Люблинской линии метро (ТВ, 1995) // YouTube.com URL: https://youtu.be/C_ukU15V4vk (дата обращения: 30.01.2021).
6. СТЕПАНЯН К. Московские окраины входят в моду. И в цену // Коммерсантъ Деньги. 1995. №13.
7. В Москве пройдет пробный поезд по первой линии легкого метро, которое соединит Южное Бутово с центром // NEWSru.com URL: <https://www.newsru.com/russia/05Dec2003/metro.html> (дата обращения: 30.01.2021).
8. Иванов М., Бекбулатова Т., Городецкая Н. Сергей Собянин согласился избраться досрочно // Коммерсантъ. 2013. 04.06.2013.
9. В Москве к 2030г. построят 300 км. линий метрополитена // rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/society/05/06/2011/5703e81d9a79477633d33b70> (дата обращения: 30.01.2021).
10. Станция «Долгождановская» // gazeta.ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/10/02/5679421.shtml> (дата обращения: 30.01.2021).

11. Сегодня будет открыт новый участок Калининско-Солнцевской линии московского метро // echo.msk.ru URL: <https://echo.msk.ru/news/2268324-echo.html> (дата обращения: 30.01.2021).

Сведения об авторе:

Мартынов Игорь Сергеевич, аспирант, кафедра экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского, географический факультет, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ)

E-mail: chasoslov@gmail.com

УДК 911.375

А.А. Михайлова

A.A. Mikhaylova

О ФАКТОРАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

DIGITALIZATION FACTORS OF THE MUNICIPAL ECONOMIES ON THE EXAMPLE OF THE KALININGRAD REGION

Стремительное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни обусловило рост интереса к цифровой экономике, как привлекательной модели экономического развития. Специфика ее формирования получила более широкое обсуждение на страновом и региональном уровнях, в то время как муниципалитеты все еще остаются «в тени» при изучении процессов цифровизации. Данное исследование призвано внести вклад в совершенствование подходов к изучению межмуниципального цифрового неравенства. По результатам оценки влияния некоторых социально-экономических факторов на развитие цифровой экономики в 22 муниципальных образованиях Калининградской области сделан вывод о важной роли урбанизации для активизации процесса цифровизации.

The rapid penetration of information and communication technologies into all spheres of public life has led to an increased interest in the digital economy which is perceived as an attractive model of economic development. The specifics of its formation received wide discussion at the country and regional levels, while municipalities are left "behind the brackets" when studying

digitalization processes. This study is intended to contribute to improving approaches to the study of the inter-municipal digital divide. Based on the results of assessing the impact of some socioeconomic factors on the development of the digital economy in 22 municipalities of the Kaliningrad region, it was concluded that urbanization plays an important role in enhancing the digitalization process.

Ключевые слова: *цифровая экономика, социальная сеть, интернет, электронная коммерция, цифровое пространство, урбанизация*

Key words: *digital economy, social media, internet, e-commerce, digital space, urbanization.*

Введение. Глобальность тренда на более широкое внедрение информационно-коммуникационные технологии и цифровую трансформацию общественных, политических и экономических систем обусловило рост интереса к научным исследованиям территориальной и средовой специфики данного процесса, в том числе с использованием больших данных [1; 2]. Отдельным направлением исследований стало изучение возможностей использования онлайн-технологий (включая социальные сети и мессенджеры) для развития экономики [3; 4]. Данная статья направлена на выявление значимых экономических и социальных факторов, оказывающих влияние на цифровизацию деятельности хозяйствующих субъектов. В основу исследования легла гипотеза о пространственной неравномерности процесса перехода бизнеса в онлайн вследствие межмуниципальных различий в социально-экономическом контексте ведения хозяйственной деятельности.

Методика исследования. География изучения охватила 22 городских округа Калининградской области России. Поскольку муниципальной уровень учета цифровой экономики разработан слабо, в качестве индикатора цифровизации бизнеса муниципального образования нами использован нетривиальный показатель отношения числа коммерческих сообществ в социальной сети «ВКонтакте» к общему количеству предприятий, расположенных на его территории. Выбор данной соцсети обусловлен ее большим охватом жителей региона. По состоянию на сентябрь 2020 г. с городскими населенными пунктами Калининградской области было аффилировано 950,7 тыс. личных профилей в «ВКонтакте» (для сравнения – аудитория социальной сети «Одноклассники» скромнее – 684,1 тыс. зарегистрированных). Категория «коммерческие сообщества» представляет собой бизнес-профили компаний в разных сферах деятельности. Всего для Калининградской области выявлено 10514 таких профили, в т.ч.

51,6% – магазины; 25,9% – профессиональные услуги; 8,4% – туризм и отдых; 5,3% – культура; 5,2% – кафе и рестораны; 3,7% – бытовые услуги. Отметим, что территориальное распределение предприятий и коммерческих онлайн-сообществ имеет сходную структуру с сильным дисбалансом в сторону административного центра региона – Калининграда (табл. 1).

Таблица 1

География предприятий и коммерческих онлайн сообществ в Калининградской области, 2020 г.

Муниципальные образования	Предприятия		Онлайн сообщества				в том числе:			
	ед.	%	ед.	%	Рестораны	Магазины	Туризм и отдых	Проф. услуги	Бытовые услуги	Культура
Калининградская область	41815	100	10514	100	542	5423	879	2728	388	554
городские округа:										
г. Калининград	29219	69,9	9061	86,2	375	4673	726	2502	334	451
Багратионовский	668	1,6	33	0,3	2	22	2	4	0	3
Балтийский	519	1,2	171	1,6	17	90	22	22	11	9
Гвардейский	657	1,6	69	0,7	9	36	8	9	5	2
Гурьевский	3381	8,1	45	0,4	8	24	1	5	4	3
Гусевский	525	1,3	155	1,5	18	82	8	26	7	14
Зеленоградский	968	2,3	155	1,5	21	60	35	24	6	9
Краснознаменский	135	0,3	8	0,1	1	5	0	1	0	1
Ладужинский	101	0,2	8	0,1	0	5	1	1	0	1
Мамоновский	163	0,4	20	0,2	2	12	2	2	1	1
Неманский	260	0,6	33	0,3	6	22	0	4	0	1
Нестеровский	197	0,5	18	0,2	2	12	1	2	0	1
Озерский	152	0,4	18	0,2	2	10	3	1	0	2
Пионерский	314	0,8	62	0,6	9	35	6	8	1	3
Полеский	366	0,9	45	0,4	6	25	2	6	1	5
Правдинский	283	0,7	13	0,1	0	6	0	4	0	3
Светловский	859	2,1	70	0,7	8	36	2	17	1	6
Светлогорский	696	1,7	95	0,9	10	35	25	15	3	7
Славский	235	0,6	15	0,1	0	10	1	2	1	1
Советский	832	2,0	177	1,7	21	100	10	34	3	9
Черняховский	1105	2,6	225	2,1	21	118	20	37	10	19
Янтарный	180	0,4	18	0,2	4	5	4	2	0	3

Источник: составлено по данным Калининградстата [5] и социальной сети «ВКонтакте»

Для определения влияния социально-экономических факторов на цифровизацию экономики муниципалитетов Калининградской области проведен корреляционный анализ между показателем количества коммерческих сообществ на 1000

предприятий (у) и некоторыми значимыми статистическими показателями территориального развития, а именно долей городского населения (x1); плотностью-интернет покрытия (x2); удаленностью административного центра городского округа от Калининграда (x3); среднемесячной начисленной заработной платой работающих (x4). В таблице 2 представлены значения парных коэффициентов корреляции.

Таблица 2

Матрица парных коэффициентов корреляции

	у	x1	x2	x3	x4
у	1,00
x1	0,65	1,00
x2	0,26	0,62	1,00
x3	-0,10	-0,35	-0,11	1,00	...
x4	-0,17	0,05	0,00	-0,45	1,00

Источник: рассчитано автором

Результаты исследования. Графики рассеяния отражают взаимосвязь показателей цифровизации и социально-экономического развития городских округов Калининградской области – рис. 1.

Наиболее тесные связи выявлены между уровнем цифровизации бизнеса и степенью урбанизированности территории муниципалитета. Для городских округов с более высокой долей городского населения был характерен и более высокий уровень представленности местных компаний в социальной сети «Вконтакте». Плотность интернет-покрытия также является позитивным фактором для перехода компаний в онлайн. Однако сила его влияния существенно ниже, чем фактора урбанизации. В этой связи наличие тесной корреляции между долей городских жителей и величиной территории, охваченной интернет-связью, указывает на первостепенность роста городов для развития цифровой инфраструктуры и вовлеченности коммерческих структур в ее использование.

В отношении удаленности административного центра городского округа от Калининграда и размера среднемесячной начисленной заработной платы работающих, напротив, отмечена обратная зависимость с показателем соотношения количества коммерческих онлайн-сообществ на 1000 предприятий. Чем дальше от Калининграда, тем, в большинстве случаев, ниже средний уровень заработной платы населения и тем менее привлекательно для бизнеса развивать свой профиль в социальных сетях. Отчасти

это объясняется тем, что ведение коммерческой страницы требует дополнительных затрат (денежных, временных и др.), что не всегда целесообразно в районах с невысокой конкурентной средой и малой покупательной способностью населения.

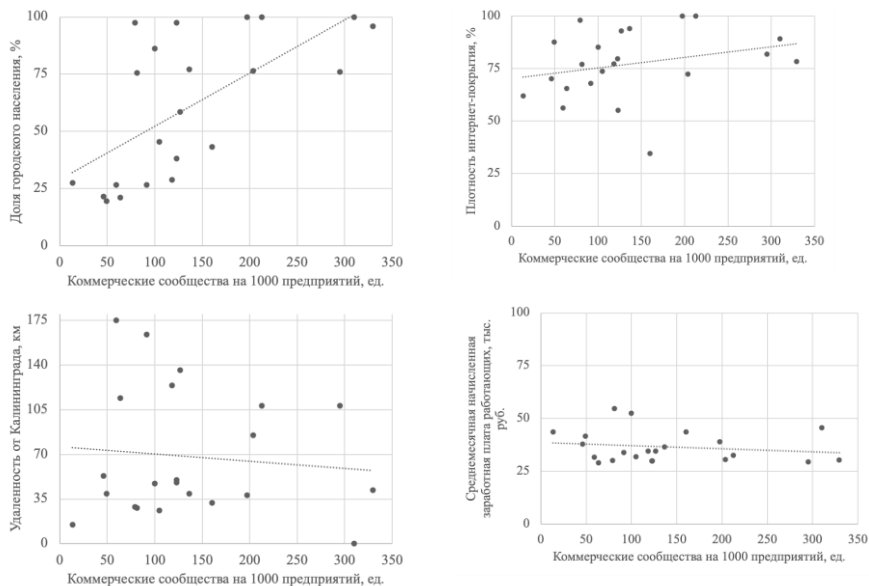

Рис. 1 – Распределение муниципалитетов Калининградской области по влиянию некоторых факторов на уровень цифровизации бизнеса

Источник: разработано автором на основе данных Калининградстата [5] и социальной сети «Вконтакте»

Заключение. Исследование влияния социально-экономических факторов неравномерности цифровизации экономики на примере муниципальных образований Калининградской области позволило обосновать первостепенную важность урбанизации территории. Рост городов и городских агломераций, сопровождающийся изменением структуры населения в пользу увеличения доли городских жителей и развитием информационно-коммуникационной инфраструктуры, оказывает сильное положительное воздействие на развитие цифровой экономики в муниципалитетах. Дополнительным стимулом к внедрению цифровых технологий и повышению видимости

компании в онлайн-пространстве выступает усиление конкуренции на внутримunicipальном рынке.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-32062 «Регионы России на пути к цифровой нации: пространственная дивергенция виртуализации социально-политических и экономических связей».

Литература

1. Housley W., Dicks B., Henwood K., Smith R. Qualitative methods and data in digital societies // Qualitative Research. 2017. № 17(6). pp. 607-609.
2. Кузавко А.С. Влияние цифровизации на социально-экономические процессы в приграничном пристоличном регионе (на примере Смоленской области) // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: материалы IV международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Михайлова. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. Т. 4, ч. 1. С. 150-157.
3. Davies A. R., Donald B., Gray M., Knox-Hayes J. (2017). Sharing economies: Moving beyond binaries in a digital age // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2017. № 10(2). pp. 209-230.
4. Горочная В.В., Михайлова А.А. Репрезентативность цифрового населения городов в реализации интерактивных схем сити-менеджмента (на примере Ростовской области) // Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции «Трансформация института сити-менеджмента в современной России: административная и общественная состоятельность» / отв. ред. А.Б. Понамарёв, Е.А. Степанова. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2020. С. 23-29.
5. Муниципальные образования Калининградской области. Социально-экономическое развитие в 2015-2019 годах. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области (Калининградстат) – Калининград, 2020. 240с.

Сведения об авторе:

Михайлова Анна Алексеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Mikhaylova Anna Alekseevna, Candidate of Sciences in Geography, Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

МОРЕХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

MARINE ECONOMIC STRUCTURES OF SPATIAL DEVELOPMENT OF PACIFIC RUSSIA

Тихоокеанская Россия – крупный регион, включающий территорию и прибрежную акваторию субъектов Дальневосточного федерального округа, которые отличаются схожими экономико-географическими факторами и условиями хозяйственного освоения, отраслевой и пространственной структурой экономики. Одним из важнейших направлений хозяйственного освоения Тихоокеанской России является формирование морехозяйственных структур. Перспективы пространственного развития экономики субъектов Тихоокеанской России во многом зависят от морехозяйственных производственных элементов, а также от возможностей инфраструктурных элементов обеспечить потребителям необходимый уровень услуг.

Pacific Russia is a large region comprising the territory and the coastal waters of the subjects of the Far Eastern Federal District, which differ in similar economic - geographical factors and the conditions of economic development, as well as in the industrial and spatial structures of economy. One of the most important directions of economic development of Pacific Russia is the formation of marine economic structures.

The prospects of the spatial development of economy of the subjects of Pacific Russia largely depend on the marine economic industrial elements, as well as on ability of infrastructure elements to provide consumers with the necessary level of services.

Ключевые слова: Тихоокеанская Россия, морехозяйственные структуры, пространственное освоение, виды экономической деятельности.

Key words: Pacific Russia, marine economic structures, spatial development, the types of economic activity.

Введение. Тихоокеанская Россия – крупнейший регион страны, включающий территорию и прибрежную акваторию (200-мильную экономическую зону) субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО), которые отличаются схожими

экономико-географическими факторами и условиями хозяйственного освоения, отраслевой и пространственной структурой экономики. [1, 8]. При этом, отмечается и высокая дифференциация «северных» и «южных» субъектов ДФО по уровню хозяйственной освоенности, видовому составу отраслевой структуры экономики, инфраструктуре. В состав Тихоокеанской России входят следующие субъекты ДФО: Приморский, Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ. Кроме этого, в зону экономического тяготения Тихоокеанской России попадают такие субъекты как Амурская область и Еврейская автономная область (связаны с морскими портами юга ДФО железнодорожным, речным и автомобильным транспортом), Республики Бурятия и Саха (Якутия) – связаны железнодорожным транспортом (Транссибирская магистраль, восточный участок БАМ, автомобильная магистраль «Чита-Хабаровск»).

Тихоокеанская Россия выполняет важную функцию формирования единого евроазиатского пространства страны [4], где морехозяйственные звенья обеспечивают транзит грузов и пассажиров как в пределах страны, так и за рубеж (в т.ч. и в трансграничные регионы).

За время социально-экономического освоения Дальнего Востока России, здесь сформировалось несколько пространственных зон хозяйственного развития, структуру которых можно проследить с помощью широтных и меридиональных профилей. (рис. 1). Представленный на рис. 1 меридиональный профиль характеризует современную пространственную структуру Тихоокеанской России. [2, 3]. Одним из важнейших направлений хозяйственного освоения Тихоокеанской России является формирование морехозяйственных структур, включающих следующие элементы экономической деятельности: улов рыбы и добыча морепродуктов, морской транспорт и портовая инфраструктура, судостроение и судоремонт и др. Из этих элементов формируются специализированные и обслуживающие виды деятельности территориально-отраслевой структуры субъектов Тихоокеанской России.

Методы и материалы. Территориально-отраслевая структура морехозяйственных элементов структуры экономики субъектов ДФО, входящих в состав Тихоокеанской России может быть представлена в виде отраслевой структуры валовой добавленной

стоимости. В составе структуры субъектов выделяются морехозяйственные виды экономической деятельности, которые, в зависимости от их места и роли в территориальном разделении труда, выполняют разную функцию – специализации или обслуживания [1, 7]. Специализированные морехозяйственные виды деятельности – рыболовство и рыбоводство; судостроение и судоремонт; морской транспорт.

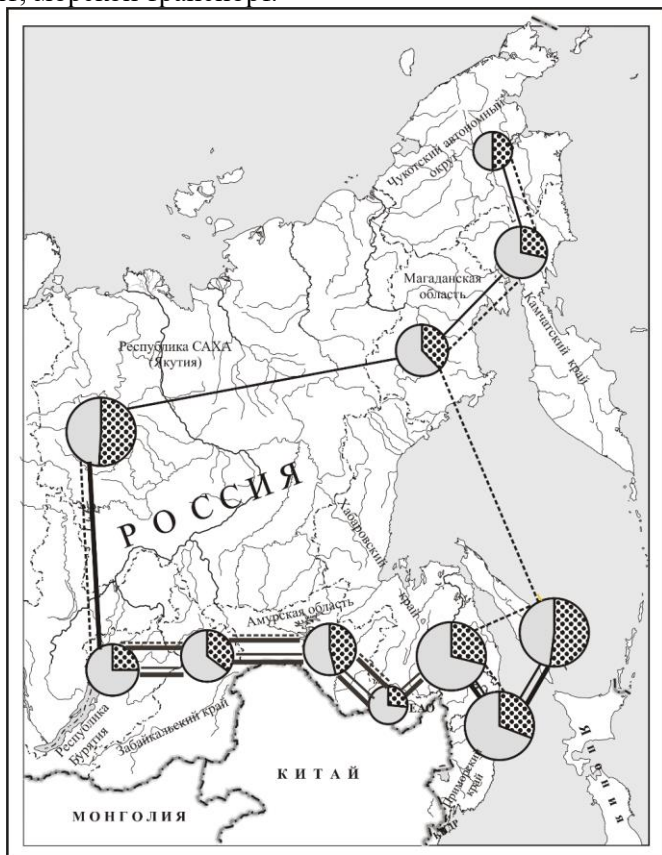

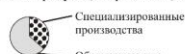
Рис. 1. Экономические профили Дальневосточного федерального округа России.

Источник: [Бакланов, Мошков, 2017].

Условные обозначения.

Валовой региональный продукт, млрд. руб., 2016 г.

Виды деятельности в структуре валового регионального продукта, в процентах, 2016 г.

Широтные профили:

Меридиональные профили:

Инфраструктурные виды деятельности (транспортировка и хранение грузов, производство и распределение электроэнергии, газа и воды; коммунальное хозяйство; социальная инфраструктура) в освоении новых территорий играют важнейшую роль. [5]. При этом, в структуре экономики современных субъектов восточной России, эти виды деятельности выполняют преимущественно обслуживающую функцию [5].

Однако, морской транспорт в субъектах Тихоокеанской России, в первую очередь, на юге ДФО, где сложилось выгодное экономико-географическое положение, выполняет важную, специализированную функцию – обеспечивает транзит грузов между регионами Российской Федерацией и странами АТР, а также - между странами Европейского Союза (ЕС) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). При этом, следует учитывать, что эффективное функционирование морехозяйственных элементов Тихоокеанской России, обеспечивает устойчивое развитие всей территориально-отраслевой структуры субъектов ДФО. [2, 3].

Результаты и их обсуждение.

В составе ДФО выделяются две группы субъектов, в которых, под воздействием совокупности экономико-географических факторов, сформировались схожие сочетания элементов структуры. Они образуют особые социально-экономические зоны: широтную и меридиональную. [3]. Субъекты Тихоокеанской России связаны между собой в первую очередь меридиональным экономическим профилем. Группа субъектов на юге ДФО – широтным профилем. Именно в субъектах, входящих в меридиональную зону Тихоокеанской России в максимальной степени представлены морехозяйственные виды деятельности. Например, субъекты Тихоокеанской России (Приморский, Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ) в 2018 г. обеспечивали 81,1 % всего улова рыбы и добычи морепродуктов Дальневосточного федерального округа (рис. 2).

На этот вид деятельности приходится значительный объем внешнеэкономических связей (экспорт рыбы и морепродуктов) субъектов Тихоокеанской России со странами ЕС и АТР.

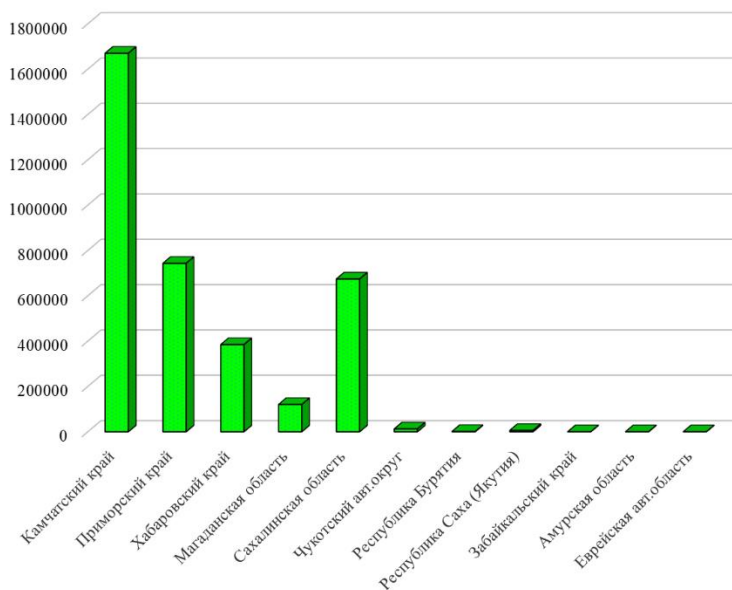

Рис. 2. Рыбохозяйственная деятельность (улов рыбы и добыча морепродуктов) в субъектах Дальневосточного федерального округа, 2018 г. в тоннах. Составлено по: [6].

В структуре экономики этих субъектов отмечаются взаимосвязанные сочетания морехозяйственных элементов, которые образуют в выделенных социально-экономических зонах специфическую территориально-отраслевую структуру экономики. Например, в «северной» части меридиональной зоны в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости отмечается высокая доля морского транспорта, обеспечивающего северный завоз, а также инфраструктурных видов деятельности (производство тепловой и электрической энергии). В «южной» части зоны - характерна высокая доля таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых (нефть и природный газ на морском шельфе Сахалина), транспорт и хранение (Приморский и Хабаровский края); обрабатывающие производства (в т.ч. судостроение и судоремонт) в Приморском и Хабаровском краях; рыболовство и рыбоводство (Приморский и Камчатский края, Сахалинская область).

Выводы. Морехозяйственные виды деятельности на территории Дальнего Востока России традиционно выполняли

важную функцию, обеспечивая продукцией рыбохозяйственного комплекса потребности населения страны. Помимо рыбохозяйственного комплекса, важный объем экспорта обеспечивает нефтегазовый комплекс Сахалинской области.

Кроме этого, морской транспорт участвует в межрегиональных и международных связях Европейской России, Урала, Сибири и субъектов Тихоокеанской России. Морские порты обеспечивают перевалку различных грузов морехозяйственного комплекса (рыбы и морепродуктов, нефти и сжиженного природного газа) зарубежным потребителям.

Наличие в каждом субъекте Тихоокеанской России благоприятных факторов (выгодное экономико-географическое положение, природно-ресурсный потенциал, квалифицированные трудовые ресурсы, относительно развитая инфраструктура) – обязательное условие для развития морехозяйственных обрабатывающих производств и транспортной инфраструктуры.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции» (проект № 19-18-00005).

Литература.

1. Бакланов П. Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. - Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
2. Бакланов, П. Я., Мошков, А. В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы, № 1, 2017. С. 5-15.
3. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник МГУ. Серия. 5. География, № 4. 2018. С. 83-92.
4. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 270 с.
5. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги. Экономико-географические проблемы. - Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. Сб. – М.: Росстат, 2019. 1204 с.
7. Саушкин Ю.Г. Экономическая географии: история, теория, методы, практика. - М.: Мысль, 1973. 559 с.

8. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авторов; отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. – Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

Сведения об авторе:

Мошков Анатолий Владимирович, доктор географических наук, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории Территориально-хозяйственных структур, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

Anatoly V. Moshkov, doctor of geographical Sciences, chief researcher, head of the laboratory of Territorial and economic structures, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 7 Radio Street, Vladivostok, 690041.

E-mail: mavr@tigdvo.ru

УДК 911.3:33

М.В. Панасюк
M.V. Panasyuk

АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНА

ANALYSIS OF REGIONAL POTENTIAL OF THE INTERMUNICIPAL ECONOMIC INTERACTIONS

Рассматриваются проблемы исследования межмуниципальных экономических взаимодействий и значение этих исследований для решения задач стратегического развития территорий. Представлены результаты разработки методической базы и решения задач анализа потенциала межмуниципальных взаимодействий муниципальных образований Республики Татарстан.

The problems of studying intermunicipal economic interactions and the importance of these studies for solving problems of strategic territorial development are considered. The results of development of the methodological base and the solution of problems of analysing potential of intermunicipal interactions of the Republic of Tatarstan municipalities are presented.

Ключевые слова: межмуниципальные взаимодействия, экономические связи, потенциал экономического взаимодействия, экономическая гравитация

Key words: intermunicipal interactions, economic relations, potential for economic interaction, economic gravity

Межмуниципальные экономические взаимодействия региона представляют особый тип экономических отношений между предприятиями и организациями муниципальных образований, связанных, в основном, с процессами внутрирегионального территориального разделения труда, развитием экономической кооперации.

В большинстве работ под межмуниципальными экономическими взаимодействиями понимают в основном систему законодательно закрепленных форм сотрудничества на базе деятельности профильных советов и объединений муниципальных образований, межмуниципальных хозяйственных обществ и некоммерческих организаций. Взаимодействия формируют эпизодические или регулярные рыночные трансакции между хозяйствующими субъектами различных муниципальных образований региона.

Понятие межмуниципального экономического взаимодействия (сотрудничества) можно определить как систему экономических взаимосвязей хозяйствующих субъектов различных муниципальных образований, которые осуществляются в рамках рыночных механизмов или государственного регулирования экономики с учетом экономических интересов субъектов с целью повышения эффективности их экономической деятельности, а также устойчивости социально-экономического развития муниципальных образований.

Межмуниципальные экономические взаимодействия являются одним из главных системообразующих факторов региональной и, в определенной мере, национальной экономики. Они формируют системы стабильно экономически взаимодействующих муниципальных образований, межмуниципальные и региональные рынки. Ослабление или распад системы межмуниципальных связей создает угрозу экономической безопасности региона.

Основными факторами, определяющими характер и параметры межмуниципального экономического взаимодействия, являются:

- особенности размещения производительных сил муниципальных и региональной экономической систем;
- динамика территориальной организации производительных сил и формирования отраслевой структуры хозяйства;
- процессы комплексного развития экономики региона;
- изменение хозяйственной специализации территорий;
- развитие инфраструктуры в соответствии с изменяющейся внешней и внутренней средой социально-экономического развития страны и региона.

В составе межмуниципальных экономических взаимодействий важную роль играет тип, основанный на производственной и торговой кооперации. Для производства он определяется взаимосвязями экономической деятельности нескольких предприятий, размещенных в различных муниципальных образованиях, в рамках стадий энергопроизводственных циклов. Тип межмуниципальных взаимодействий, основанный на коммерческих отношениях, также является достаточно устойчивым, так как обычно формируется в течение многих десятилетий развития цепочек торговых связей, обеспечивающих увеличение товарооборота.

Дополнительные стимулы для развития межмуниципальных взаимодействий создает объективный характер комплексного развития экономики региона, определяющий то обстоятельство, что экономическая база должна развиваться в направлении расширения системы внутрирегиональных межотраслевых связей на основе использования промежуточного и конечного продукта и отходов одной отрасли в производственно-экономической деятельности других отраслей.

Межмуниципальные экономические взаимодействия являются малоисследованной проблемой социально-экономического развития территорий. В настоящее время сформировалась правовая основа межмуниципальной экономической интеграции, отраженная в Конституции Российской Федерации и в Федеральном законе от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

Республика Татарстан – один из первых регионов, в котором была проведена централизованная работа по разработке системы стратегий социально-экономического развития региона. Министерство экономики Республики Татарстан своим приказом от 18 декабря 2015 г. №534 «Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению стратегического планирования социально-экономического развития на уровне муниципальных районов (городских округов) Республики Татарстан» выдвинуло требование о необходимости анализа межмуниципальных взаимодействий в стратегиях социально-экономического развития муниципальных районов [2].

Сложность учета и оценки, отсутствие государственного заказа на сбор и обработку статистических данных о межмуниципальных потоках обуславливают серьезные проблемы научного исследования внутрирегиональных социально-экономических связей. Для анализа межмуниципальных взаимодействий необходимы специальные исследования [3], а также расширение состава госзаказа территориальным органам Росстата по учету экономических потоков.

Методические и организационные проблемы сбора и оценки данных о межмуниципальных взаимодействиях обусловили необходимость изучения потенциала экономического взаимодействия муниципальных образований Республики Татарстан (РТ). Оценка потенциала основывалась на положениях теории поля тяготения экономических центров региона, которая входит в состав фундаментальных концепций региональной экономики [4].

Концепция поля экономического тяготения опирается на предположение о том, что экономические и демографические массы поселений формируют определенную силу тяготения, вызывающую направленное движение к ним людей, товаров, услуг и капитала, выражаемое в форме людских, товарных и других видов потоков.

При анализе потенциала в качестве показателей экономической массы были использованы показатели «Экономически активное население», «Валовый территориальный продукт» и др.

Учитывая роль и экономическую массу главных экономических центров РТ, расчеты потенциала экономического взаимодействия проводились как для всех 45-ти муниципальных образований (МО) региона, так и для их совокупностей без Казани,

Набережных Челнов и Альметьевска, что позволяет в большей степени оценить потенциал взаимодействия экономической периферии РТ.

Для расчетов, которые для территории РТ проводились впервые, была выбрана регулярная сетка условных координат точек на территории региона, для которых определялись потенциалы взаимодействия. Она имела размеры 27 на 41 узел. Наиболее сложной стороной формирования матриц потенциалов было определение расстояний по существующим транспортным путям от каждой узловой точки сетки до всех центров МО.

Это потребовало формирования 45-ти матриц расстояний, каждая из которых задавала расстояния от узлов регулярной сетки до одного центра МО. Они, в совокупности, включали около 50 тыс. расчетных значений. Расстояния определялись по существующим транспортным путям при выборе варианта с наименьшим расстоянием. Для этих целей использовались специальные пакеты расширения ГИС.

Структура полей потенциалов экономического взаимодействия по данным показателям представлена на рис. 1 и 2. Более светлый цвет территорий на диаграммах характеризует более высокий потенциал их взаимодействия с центрами промышленных агломераций и муниципальных образований, а также лучшие перспективы развития межмуниципальных связей в рамках роста ВТП и ресурса экономически активного населения.

Анализ потенциала межмуниципального взаимодействия с позиций роста ВТП (рис. 1) показывает, что в зону, характеризующую наибольшим потенциалом, входят территории МО Казанской агломерации, а также почти вся территория муниципальных образований востока Республики Татарстан за исключением части территорий Агрызского, Актанышского, Муслимовского, Бавлинского и Ютазинского МО.

Анализ потенциала межмуниципального взаимодействия с позиций численности экономически активного населения МО (рис. 2) показывает, что высокий потенциал взаимодействия наиболее выражен на территориях муниципальных образований в пределах пояса, соединяющего три главных экономических центра региона - Казань - Набережные Челны - Альметьевск. Наибольший потенциал межмуниципальных взаимодействий в этом плане имеют территории Казанской и Камской промышленных агломераций.

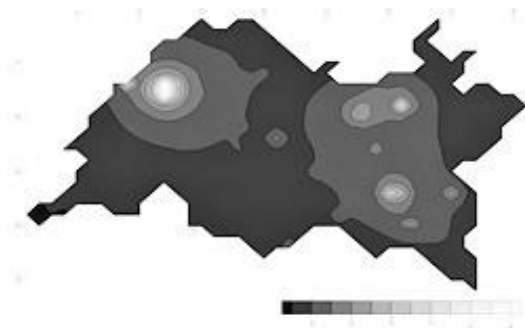

Рис. 1. Потенциал межмуниципального взаимодействия по росту ВПП

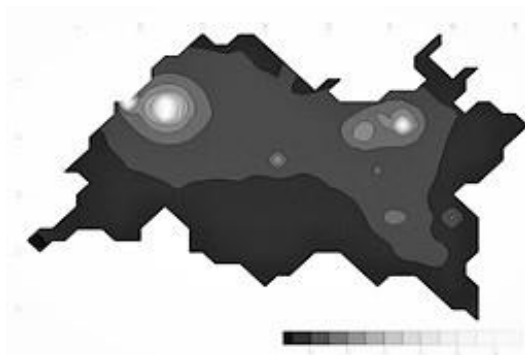

Рис. 2. Потенциал межмуниципального взаимодействия по численности экономически активного населения

Проведенный анализ показателей оценки потенциала экономического взаимодействия муниципальных образований РТ позволяет сделать выводы о перспективах их развития, выявить направления наиболее эффективной пространственной организации межмуниципальных экономических связей, а также определить степень принадлежности муниципальных образований к зоне экономического влияния главных и второстепенных экономических центров региона.

Литература.

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

2. Приказ Министерства экономики Республики Татарстан от 18.12.2015 № 534 «Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению стратегического планирования социально-экономического развития на уровне муниципальных районов (городских округов) Республики Татарстан» " [Электронный ресурс] URL: https://tatarstan.ru/regulation/expertise/list/mert.htm?page=23&corrupt_id=9186

3. Bafarasat, A. Z., & Baker, M. (2016). Strategic spatial planning under regime governance and localism: Experiences from the north west of England. *Town Planning Review*, 87(6), 681-703

4. Anderson S.J., Volker J.X., Phillips M.D. Converse's Breaking-Point Model Revised // *Journal of Management and Marketing Research*. — 2010. — Vol. 3.

Сведения об авторе:

Панасюк Михаил Валентинович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии и картографии, Казанский федеральный университет

Mikhail V. Panasyuk, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Professor of the Department of Geography and Cartography, Kazan Federal University

E-mail: mp3719@yandex.ru

УДК 332.01

А.А. Панкратов

A.A. Pankratov

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE CLUSTER CONCEPT

В статье проанализирована логика развития кластерной концепции в современной науке, определены перспективные направления ее развития. Исследование показывает, что кластер – не искусственный концепт, возникший в рамках экономической науки, кластер – определенная форма производственной деятельности, возникшая естественным образом и прослеживаемая на разных этапах общественно-экономического развития.

The article analyzes the logic of the development of the cluster concept in modern science, identifies promising directions of its development. The study

shows that a cluster is not an artificial concept that arose within the framework of economic science, a cluster is a certain form of production activity that arose naturally and is traced at different stages of socio-economic development.

Ключевые слова: кластер, кластерная концепция, факторы кластеризации

Key words: cluster, cluster concept, clustering factors

Вопрос формирования первых кластеров в экономическом ландшафте стран и регионов до настоящего времени остается открытым [1]. Несмотря на то, что в современной экономической и географической науке кластерная концепция была разработана в середине 1980-х гг. [2, 3], явление кластеризации в его широком понимании – то есть кооперационное объединение на ограниченной территории различных предпринимателей с целью повышения эффективности и конкурентоспособности, можно проследить на всех этапах развития человеческого общества.

Если не брать во внимание специальные характеристики, свойственные кластерной концепции, а рассматривать суть данного явления, можно сделать вывод, что кластерные образования в том или ином виде существовали задолго до появления в науке исследуемой концепции.

Окружающий мир сложен, многогранен и неоднороден, что проявляется в различиях территорий, климатических и погодных условий, природных ресурсов, различиях народов, религий и языков. Неравномерность с одной стороны обуславливает конкуренцию одних с другими, с другой – способствует объединению различных субъектов при наличии у них общих признаков и характеристик.

Такие категории как специализация и разделение труда, неразрывно связанные с кластерной организацией, также возникают естественным путем ввиду неоднородности и неравномерности окружающего мира. Специализация в данном случае означает естественную потребность в сосредоточении усилий на тех видах деятельности, которые в силу имеющихся ресурсов получаются лучше остальных, что в свою очередь стимулирует обмен товарами одних территорий с другими.

Уже в классической экономической науке появляется концепция сравнительных преимуществ, согласно которой экономические субъекты, будь то отдельные производители или целые страны, обладают наибольшей эффективностью, когда

специализируются на производстве товаров и услуг, в изготовлении которых они проявляют особую производительность.

Так, согласно известному примеру Д. Рикардо, Англия производит сукно, Португалия специализируется на производстве вина – в результате страны обмениваются своими товарами [4]. С точки зрения кластерной концепции Англию можно рассматривать в качестве кластера по производству сукна, а Португалию кластером по производству вина.

Используя представленную логику, кластеры можно обнаружить в любом месте и в любое время, однако первые исследования, посвященные кластеру как экономическому объекту (индустриальные районы), появились в конце 19 в. [5].

Обращение науки к отдельному изучению кластерных образований было вызвано особенностями развития рыночной экономики, усложнением ее организационной и функциональной структуры, а также углублением территориального разделения труда.

С ужесточением конкурентной борьбы участники рыночных взаимоотношений стали уделять гораздо большее внимание организационным вопросам, проблемам повышения конкурентоспособности. Помимо этого, процессы монополизации производства активно стимулировали небольшие предприятия объединять усилия в целях получения дополнительных конкурентных преимуществ в борьбе с монополиями.

Кластер как особая форма организации производственной деятельности был идентифицирован в том числе в контексте сравнения различных форм хозяйствования – крупных вертикально интегрированных компаний с одной стороны и малых предприятий с другой.

Важнейшим фактором кластеризации стали рассматривать кооперацию небольших фирм, имеющих схожую специализацию, а также их тесное сосредоточение на ограниченной территории.

Таким образом, кластеры как специализированные производственные системы существовали задолго до появления кластерной концепции, но в то же время кластеры, рассматриваемые в контексте функционирования небольших фирм в их конкурентной борьбе с более крупными компаниями, стали выявляться в период усложнения рыночной экономики, когда в возникновении кластерной концепции возникла прямая потребность.

Изучение кластерных образований на данном этапе было также сопряжено с решением задачи оптимального размещения

производительных сил [6], что также определялось потребностью повышения национальной и региональной конкурентоспособности.

По мере изучения кластеров, исследуемых с точки зрения их организационной структуры, постепенно стало складываться понимание, что кластеры, формируемые в определенных отраслях и секторах экономики, могут быть гораздо эффективнее по сравнению с крупными вертикально интегрированными компаниями [7].

Исследование кластерных образований в данном контексте смещало предмет научного поиска из сферы организационных вопросов в сторону изучения свойств и характеристик кластеров, а также факторов, способствующих их формированию [8].

События 20 в. с одной стороны несколько отвлекли внимание от развития кластерной концепции, с другой – предопределили ее будущее стремительное развитие, особенно сильно проявившееся в рамках решения задач послевоенного восстановления хозяйственных систем европейских государств [9].

В то же время, если в первой половине 20 в. наибольший исследовательский интерес соответствовал изучению экономических и географических факторов, то во второй половине 20 в. в связи с тенденцией гуманизации научного знания равноценное значение в сфере изучения процессов кластеризации приобрели неэкономические – субъективные и социокультурные факторы [10].

Исследовательские задачи, стоявшие перед наукой в начале 20 в., способствовали изучению кластера в качестве унифицированного объекта, тогда как в рамках современной науки все сильнее прослеживается тенденция изучения кластера как индивидуального объекта, имеющего уникальную историю своего формирования и развития.

Национальные различия, влияющие на логику исследования кластерных образований, предопределили формирование американской, британской и скандинавской моделей кластерного развития [11].

Преобразования затронули и сферу определения размерности кластеров: если кластеры первоначально рассматривались в качестве небольших локальных образований, то в настоящее время кластерами могут являться отдельные страны и регионы [12].

В какой-то степени, современные кластеры переродились в крупнейшие производственные районы, характеризующиеся наличием

большого числа компаний, различных форм собственности, финансовых, научных и сервисных организаций.

В настоящее время кластеры неотделимы от сферы научно-исследовательских разработок, а активное внедрение инноваций в производственные процессы является необходимым условием существования кластера [13].

Кластерная концепция прочно вошла в сферу стратегического планирования территориального развития. Сегодня ни одна стратегия социально-экономического развития не может «обойтись» без разделов, посвященных кластерному развитию [12].

Кластерная концепция, также стала основой для возникновения новых исследовательских подходов и теорий в экономической науке и управленческой сфере, наиболее яркими из которых стали модель контрактного производства, концепция умной специализации, направленные на кластерное развитие инновационных отраслей.

Круг исследовательских вопросов, имеющих отношение к кластерной концепции, далеко не исчерпан. Более того, в процессе дальнейшего развития рыночной экономики исследователями из разных стран выявляются новые факторы кластеризации, а также более глубоко исследуются классические аспекты кластерной теории.

В условиях рыночной экономики кластерная форма производства не потеряет своей актуальности. В рамках решения задач повышения конкурентоспособности кластер является одним из наиболее эффективных инструментов. Именно этим объясняется непрекращающийся научно-исследовательский интерес к рассматриваемым объектам.

Литература

1. Щедровицкий П.Г. Кластер – путь к неожиданным решениям. [Электронный ресурс] // Российская газета – URL: <https://rg.ru/2012/09/21/reg-pfo/klaster.html> (дата обращения: 25.01.2020).
2. Портер М. Конкуренция. Москва: Вильямс, 2005. 608 с.
3. Enright M. Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda // Business Networks: Prospects for Regional Development. – Berlin: Walter de Gruyter, 1996. – pp. 190-213.
4. Блауг М. Закон сравнительных преимуществ. Экономическая мысль в ретроспективе (Economic Theory in Retrospect). – Москва.: Дело, 1994. – С. 111-115.
5. Marshall A. The Economics of industry. Macmillan, 1881. – 231 p.

6. Леш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 664 с.; 1-е изд.: Географическое размещение хозяйства. Москва: Госиноиздат, 1959. – 455 с.
7. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 2 (History of Economic Analysis). – Санкт-Петербург: Экономическая школа. 2004. – 507 с.
8. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas. Foresight and STI Governance. 2016 No. 3, pp. 34-52. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.34.52.
9. Мусаев Р.А. и др. Роль кластерной политики в модернизации российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2020, № 10, с. 101-119. DOI: 10.46486/0234-4505-2020-10-101-119.
10. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Монография: РАН, Дальневосточное отделение, Тихоокеанский институт географии, 2007. – 237 с.
11. Мусаев Р.А., Панкратов А.А. Проблемы реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2020. № 2. С. 265-283. DOI: 10.24891/re.18.2.265.
12. Мусаев и др. Кластерный подход к стратегическому планированию на региональном уровне в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2020. № 11 С. 99-118. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-99-118.
13. Мусаев Р.А. и др. Кластер как объект инновационной инфраструктуры // Проблемы теории и практики управления. 2020, № 11, с. 146-165. DOI: 10.46486/0234-4505-2020-11-146-165.

Сведения об авторе:

Панкратов Алексей Алексеевич, инженер кафедры макроэкономической политики и стратегического управления, Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова;

E-mail: pankratov_aleksey_ml@mail.ru

УДК 332.1:339.732:910.3

И.В. Пилипенко

I.V. Pilipenko

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО БАНКА
РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ
ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 1990-2010 ГОДАХ**

**PROJECT ACTIVITIES OF THE EUROPEAN BANK FOR
RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT IN THE REAL
SECTOR OF THE ECONOMY OF REGIONS OF RUSSIA IN THE
1990-2010s**

В статье рассматривается динамика реализации и география проектов Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в регионах России на основе составленной автором базы данных из 438 проектов ЕБРР.

Based on a database of 438 projects composed by the author, this article considers the dynamics and geography of projects that the European Bank for Reconstruction (EBRD) realized in the regions of Russia.

Ключевые слова: *Европейский банк реконструкции и развития, Россия, проект, регион*

Key words: *European Bank for Reconstruction and Development, Russia, project, region*

Переход Российской Федерации в начале 1990-х гг. от плановой к рыночной экономике обусловил расширение объекта изучения географии сферы обслуживания [1] и постепенное изменение названия этой отрасли географической науки на «географию сектора услуг» [4; 12; 14] при сохранении термина «география третичного сектора» [2; 11]. Одним из новых направлений стало изучение финансового сектора и его отдельных отраслей, в т.ч. банковской деятельности [3; 6], как на глобальном [7; 15], так и на страновом и региональном уровне [5; 13].

Для России особый интерес представляет изучение деятельности Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) [9; 10], который был создан в 1991 г. именно с целью содействия бывшим социалистическим странам Центрально-Восточной Европы в их переходе к рынку [8]. За прошедшие десятилетия ЕБРР стал крупнейшим иностранным кредитором и инвестором в российскую экономику. Общий объем финансирования составил 24,3 млрд евро; ЕБРР содействовал становлению российского банковского сектора, организации кредитования малого и среднего предпринимательства и переводу многих крупных предприятий и компаний к рыночной системе хозяйствования.

Со своей стороны, Россия являлась крупнейшей страной операций ЕБРР, где на конец 2008 г. портфель проектов и операционные активы достигали 30,9% от портфеля и 33,7% от общеканковских активов, а максимальный годовой объем операций ЕБРР в 2,93 млрд евро был зафиксирован по итогам 2011 г. [10]. В июле 2014 г. параллельно с развертыванием санкционного давления на Российскую Федерацию большинством Совета директоров ЕБРР (представителями всех государств Европейского союза и рядом

других стран) было принято решение о «заморозке» новых операций Банка в России [17], в связи с чем российский портфель проектов стал поступательно сокращаться [10].

В данной работе мы рассматриваем проектную деятельность ЕБРР в регионах России в реальном секторе экономики, так как данные проекты имеют достаточно четкую географическую привязку. Для анализа мы выделили 438 проектов на общую сумму 13,9 млрд евро, подписанных ЕБРР в период 1992-2014 гг. по классификации банка в агропромышленном комплексе (АПК), в секторе добычи полезных ископаемых, в обрабатывающей промышленности и услугах, в отрасли информационно-коммуникационных технологий, в секторе «недвижимость и туризм», в энергетике, муниципальной и экологической инфраструктуре (сектор жилищно-коммунального хозяйства) и в транспортном секторе [16]. Кроме того, мы дополнили базу данных информацией из Интернет-сайтов компаний-клиентов ЕБРР, их спонсоров и новостных агентств.

Проведенный анализ позволил сделать следующие краткие выводы:

1. ЕБРР реализовал проекты с компаниями в 60 из 85 регионов России (70,5%), а с учетом выделения средств крупным холдингам для реализации корпоративных программ модернизации в реальности покрытие является еще более широким;

2. Наибольший региональный охват был достигнут в 2003 г. (20 регионов), в 2007-2008 гг. (19 регионов) и в 2011 г. (21 регион) (рис. 1), причем с начала 2000-х гг. ЕБРР значительно расширил свою деятельность за пределами Московской и Санкт-Петербургской агломераций [19];

3. Большая часть проектов (74 из 124) с компаниями, зарегистрированными в Москве или имеющими штаб-квартиру в столице, была нацелена на финансирование их деятельности в других регионах (табл. 1);

4. Исключительно московских проектов в реальном секторе экономики было реализовано незначительно больше, чем в Санкт-Петербурге (50 против 41), однако по объему финансирования местных проектов (1,02 млрд евро против 1,54 млрд евро) Санкт-Петербург превзошел столичный регион;

Рис. 1. Динамика проектной деятельности ЕБРР в регионах России в 1992-2014 гг.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: [16].

Таблица 1

Список ведущих регионов по числу реализованных проектов ЕБРР

№	Регион(ы)	Кол-во проектов, ед.	Объем инвестиций, млн евро	Доля в общем	
				кол-ве проектов	объеме инвестиций
1.	Москва и др. регионы	74	3372	16,9%	24,3%
2.	Москва	50	1017	11,4%	7,3%
3.	Санкт-Петербург	41	1536	9,4%	11,1%
4.	Московская область	36	987	8,2%	7,1%
5.	Калужская область	15	477	3,4%	3,4%
6.	Межрегиональные проекты	14	748	3,2%	5,4%
7.	Санкт-Петербург и др. регионы	14	546	3,2%	3,9%
8.	Нижегородская область	14	334	3,2%	2,4%
9.	Свердловская область	11	473	2,5%	3,4%
10.	Хапты-Мансийский авт. окр.-Югра	11	248	2,5%	1,8%
11.	Вологодская область	9	325	2,1%	2,3%
12.	Самарская область	9	292	2,1%	2,1%
13.	Приморский край	9	318	2,1%	2,3%
14.	Ростовская область	9	304	2,1%	2,2%
15.	Республика Татарстан	8	290	1,8%	2,1%

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: [16, 18].

5. В лидерах по числу проектов и объему привлеченного финансирования находятся регионы, где, во-первых, власти

занимают проактивную позицию во взаимоотношениях с иностранными инвесторами (Калужская область, Республика Татарстан), во-вторых, где сохранились или были созданы крупные предприятия, вошедшие в федеральные и региональные холдинги в промышленности и АПК, заинтересованные в модернизации и получении иностранного опыта для повышения своей конкурентоспособности (Нижегородская, Свердловская, Вологодская, Самарская, Ростовская области и Приморский край), и, в-третьих, где развивалась нефтегазовая промышленность (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра);

6. Положительную роль в привлечении инвесторов и сопутствующего финансирования ЕБРР в ряде регионов сыграли новые формы организации производства – промышленные зоны, промышленные (индустриальные) парки и технопарки (Калужская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан).

Литература

1. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: основные понятия и методы: Учеб. пособие. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1991. – 117 с.
2. Горкин А.П. Уровень постиндустриальности экономики стран мира (концепция и оценки) // Известия РАН. Серия географическая. – 2007. – №2. – С. 9-18.
3. Горлов В.Н., Климанов В.В., Лузанов А.Н. География банковской деятельности как новое научное направление // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2000. – №2. – С. 47-54.
4. Зубаревич Н.В. География сектора услуг: новые вызовы // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. – С. 483-491.
5. Кретьова Ю.В. Территориальная организация банковской системы Центрально-Чернозёмного района: дисс. ... к.г.н.: 25.00.24, 08.00.05. – Воронеж, 2006. – 203 с.
6. Лузанов А.Н. Экономико-географический подход к изучению банковской деятельности // Российское предпринимательство. – 2012. – №16 (114). С. 48-54.
7. Нисимов Г.П. Географическая структура рынка международных заимствований государств мира: дисс. ... к.г.н.: 25.00.24. – М., 2011. – 182 с.
8. Пилипенко И.В. Влияние Европейского банка реконструкции и развития на экономику государств-членов Евразийского экономического союза: проектный подход (Часть I) // Современная экономика: проблемы и решения. – 2020. – №8(128). – С. 21-39.
9. Пилипенко И.В. Модель банка развития для содействия активизации инвестиционной деятельности в российской экономике // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – №2. – Т.3(98). – С. 4-27.

10. Пилипенко И.В. Направления проектной деятельности Европейского банка реконструкции и развития в Российской Федерации в 1990-2010-х гг. (часть 1) // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – №5. – Т.2. – С. 146-163.
11. Савлов М.Е. Методика оценки структуры третичного сектора хозяйств стран мира // Известия РАН. Серия географическая. – 2018. – №1. – с. 21-30.
12. Социально-экономическая география в России / под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Рус. геогр. общ-во. Владивосток: Дальнаука, – 2016. – 326 с.
13. Сысоева О.В. Факторы территориальной организации банковского сектора Сибири // География и природные ресурсы. – 2015. – №2. – С. 164-170.
14. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы // Региональные исследования. – 2016. – №3(53). – С. 5-13.
15. Фомичев П.Ю. География мировой финансовой системы: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. – 146 с.
16. EBRD Investments 1991-2018 // European Bank for Reconstruction and Development, London 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395250404279&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument>.
17. EBRD statement on operational approach in Russia // European Bank for Reconstruction and Development, 23 July 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/news/2014/ebrd-statement-on-operational-approach-in-russia.html>.
18. Project Summary Documents // European Bank for Reconstruction and Development, London 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-summary-documents.html>.
19. Strategy for the Russian Federation 2009-2012. Document of the European Bank for Reconstruction and Development. London: EBRD, 2009 [Electronic resource]. URL: <https://www.ebrd.com/downloads/about/policies/russia-2009.pdf>.

Сведения об авторе:

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.г.н., МРА, директор,
Институт конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ),
E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

УДК 913 (571.17)

В.А. Рябов
V.A. Ryabov

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ

SPATIAL METAMORPHOSES OF THE ECONOMIC COMPLEX OF THE KEMEROVO REGION-KUZBASS AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

В статье описаны метаморфозы пространственной и отраслевой структуры хозяйственного комплекса промышленного региона - Кемеровской области – Кузбасса на рубеже XX – XXI веков. Особое место уделено изменениям, затронувшим базовые отрасли хозяйственного комплекса региона: угольной, металлургической и химической промышленности. Показано, что промышленность региона сохраняет и наращивает ресурсное потребление, единично появляются новые, ранее отсутствовавшие отрасли.

The article describes the metamorphoses of the spatial and sectoral structure of the economic complex of the industrial region-Kemerovo region-Kuzbass at the turn of the XX-XXI centuries. Special attention is paid to the changes affecting the basic branches of the economic complex of the region: coal, metallurgical and chemical industries. It is shown that the region's industry retains and increases resource consumption, and new, previously absent industries appear sporadically.

Ключевые слова: *промышленность, хозяйственный комплекс, отраслевая и территориальная структура, Кемеровская область – Кузбасс, модернизация, пространственные метаморфозы.*

Key words: *industry, economic complex, industrial and territorial structure, Kemerovo region - Kuzbass, modernization, spatial metamorphoses.*

В конце XX – первых десятилетиях XXI столетия пространственные метаморфозы хозяйственного развития особенно заметны в мировом масштабе [3]. Россия и ее регионы не остались в стороне от процесса пространственной трансформации экономики. В сравнении со старопромышленными регионами Европейской России, современный индустриальный комплекс Кемеровской области - Кузбасса сформировался в относительно короткий промежуток времени (главным образом в течение 1930 - 80 годов XX века). Его интенсивному развитию и сложившейся специализации способствовали колоссальные запасы каменных углей Кузнецкого бассейна при благоприятном территориальном сочетании с другими природными ресурсами: минеральными, водными, земельными и лесными [2].

Современная Кемеровская область - регион с развитой горнодобывающей и тяжелой промышленностью. В географическом разделении труда его общероссийскую специализацию определяют

следующие отрасли: топливная, металлургическая, химическая промышленность (главным образом производство минеральных удобрений) и энергетика. Кузбасс занимает первое место в Сибирском регионе и ведущее место в Российской Федерации: по добыче полезных ископаемых - 1 и 5 места, соответственно, по обрабатывающим производствам - 3 и 19 места, по производству и распределению энергии – 2 и 16 места [6]. По показателю валового регионального продукта (ВРП) в Сибирском федеральном округе регион занимает 4 место. Значение ВРП в 2019 году составило 1110415,1 млн. рублей.

Современный Кузбасс, как и 30 лет назад, обеспечивает почти 60% общероссийской добычи каменных углей, в том числе почти 71% коксующихся марок, 53% производства ферросилиция, около 11% выплавки стали и проката черных металлов, 100% трамвайных и 80% магистральных рельсов. Основная часть перечисленной продукции вывозится за пределы области: до 70% угля и 60% проката, почти 100% алюминия. Комплексообразующую роль в указанной системе производства играет угольная промышленность. Она определила развитие черной металлургии. Благодаря наличию энергетических марок углей создан мощный энергетический комплекс, энергоемкие производства цветной металлургии (алюминиевой) и производство электростали. Угольная промышленность совместно с черной металлургией определили специализацию кузбасского тяжелого машиностроения [4,5].

События начала 1990 – х годов в Кемеровской области, как и в России в целом, характеризовался резким падением объемов производства во всех отраслях хозяйственного комплекса, начался *депрессивный (кризисный)* этап (1989-1997 гг.). В Кузбассе было закрыто 35 нерентабельных угледобывающих производств. Закрытие многих шахт без соблюдения экологических норм привело к многочисленным геоэкологическим последствиям негативного характера. Давление на окружающую среду при этом осталось на прежнем уровне или даже возросло, вследствие физического износа очистного оборудования и отсутствия средств на ввод в строй нового.

С конца 1990 – х года в области, как и в России в целом, начинается этап **возрождения экономики**. Изначально он проявился, прежде всего, в промышленном производстве. Практически во всех базовых отраслях произошел рост объемов производства продукции. Этому способствовал ряд Указов Президента и Постановлений Правительства РФ.

Рост объемов продукции промышленности сопровождался развитием инфраструктурного комплекса, главным образом транспортной составляющей. Рост объема добываемого угля повлек необходимость строительства дополнительных железнодорожных веток, увеличения пропускной способности действовавших ранее станций. Строятся новые и увеличивается пропускная способность действующих автодорог и аэропортов.

В отличие от угледобычи, металлургии, отдельных производств химической промышленности и транспорта, другие отрасли промышленности области или не вышли из кризисного состояния. Были потеряны отдельные производства, например, производство шелковых тканей, химических волокон, тяжелой угледобывающей техники. Незначительным ростом характеризуются химия, легкая и пищевая отрасли промышленности (таблица 1).

Во втором десятилетии XXI столетия изменилась и структура валового регионального продукта области, она отражается в метаморфозе усиливающейся сырьевой направленности экономики. Растут объёмы добычи угля в центральной, восточной и южной части Кузнецкого каменноугольного бассейна. В структуре промышленного производства доля топливной промышленности за 20 лет (2000-2020 годы) возросла с 31% до 48%, а вклад черной металлургии снизился с 34% до 23%.

Таблица 1

**Динамика производства основных видов продукции на
рубеже XX-XXI веков в Кузбассе**

Наименование продукции	до криз иса	Кризисный период в экономике				После кризиса			
	1985	1990	1995	1998	2000	2005	2010	2015	2019
Электроэнергия, млрд. кВт/ч	26,9	28,5	25,0	25,7	27,5	25,7	26,7	25,6	22,2
Уголь, млн. т	145	150	99,3	97,6	109	175	178	215	249
Концентрат железорудный, млн. т	3,9	4,4	3,6	2,8	4	2,5	4,2	...1)	...1)
Сталь, млн. т	12,5	12,2	8,5	5,5	7,8	10,0	8,4	7,2	7,5
Прокат черных металлов, готовый, млн. т	8,4	8,5	6,5	4,4	6,3	8,2	7,1	8,1	6,5
Минеральные удобрения, тыс. т	581	537	410	185	357	574	640	...1)	...1)

Синтетические смолы и пластические массы, тыс. т (до 2014 года, далее только пластические массы).	262	250	116	39,8	85,6	133	14,3	26,2	35
Шелковые ткани, млн.м ²	61,7	81,4	17,0	7,3	9,9	9,6	0,5	0	0

Составлено автором по данным [1]

Примечание: ...1) данные не публикуются

В структуре ВРП региона на рубеже XX-XXI веков отмечается резкое увеличение доли добывающей промышленности: с 20% в 2000 году до 32% в 2020 году, сокращается доля обрабатывающих производств - с 24% до 17%, соответственно. Подобная тенденция прослеживается и в других секторах материального производства [1].

В случае отсутствия коренных преобразований, направленных на диверсификацию региональной экономики, следует ожидать сохранения современной сырьевой специализации Кузбасса в долгосрочной перспективе. Суммарная доля угольной промышленности, металлургии, электроэнергетики и химической промышленности в общем производстве промышленной продукции достигает 85%. Доминирующую роль в отраслевой структуре промышленного производства играет угольно-металлургическая система производств (72% суммарного объема товарной продукции и 52% от всей численности занятых в промышленности региона). Она определяет всероссийскую специализацию региона.

Среди новых отраслей, возникших в начале XXI века, упомянем, появление с 2006 года нефтеперерабатывающих заводов на севере области. В Яйском районе в п. Безлесном построен нефтеперегонный завод мощностью до 6 млн т. Нефтепереработка - новая отрасль для экономики Кузбасса. Нефтеперерабатывающий комплекс Кемеровской области не имеет собственного сырья, поэтому строится в непосредственной близости от Анжеро-Судженской линейной производственно-диспетчерской подстанции, которая расположена на магистральном нефтепроводе Нижневартовск - Томск - Анжеро-Судженск. Доля Кемеровской области в общем объеме первичной переработки нефти в Российской Федерации составила 1,6%.

Несмотря на сформировавшееся представление о Кузбассе как индустриальном кластере России, в регионе развивается туризм. Так, только один горнолыжный курорт Шерегеш, расположенный на

юге области привлекает более 2 млн. туристов. При этом в конце 1990-х поток туристов оценивался лишь в несколько тысяч человек в год. Подобная диверсификация хозяйственного комплекса скорее является исключением для Кемеровской области, чем закономерностью развития конце XX - начале XXI вв.

Очевидно, что кратко- и среднесрочная перспектива экономического развития Кузбасса связана именно с базовыми отраслями. Однако мировая практика доказывает, что ресурсные отрасли не являются идеальными для будущего. Говоря о ближайшей перспективе развития области надо принимать во внимание тот факт, что свернуть и заменить эти производства нельзя в короткий промежуток времени, не стоит ожидать пространственной трансформации хозяйственного комплекса региона в ближайшие десятилетия.

Литература:

1. Кузбасс в цифрах // Федеральная служба государственной статистики территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу. – 1985 - 2020. – URL: <https://kemerovostat.gks.ru> (дата обращения: 08.05.2021).
2. Рябов В.А. Историко-географические события как фактор формирования хозяйственного комплекса индустриального Кузбасса // Российские регионы: взгляд в будущее. – М.: 2018. Т. 5. № 2. С. 35-43.
3. Родионова И.А., Шувалова О.В. Глобальные тенденции развития мировой промышленности. – М.: РУДН, 2018;
4. Рябов, В. А. Промышленный комплекс Кузбасса: прошлое, настоящее, будущее (географический аспект) / В. А. Рябов. - Иркутск: Издательство Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. – С. 25-28.
5. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года – Текст : электронный // Администрация Кемеровской области: официальный сайт. – 2020. – URL: <https://кузбасс-2035.pf/> (дата обращения: 08.12.2020).
6. Экономика Сибири: где точки роста? – Текст : электронный // Континет Сибирь on-line: официальный сайт. – 2020. – URL: <https://ksonline.ru/343865/gde-tochki-rosta/> (дата обращения: 14.12.2020).

Сведения об авторе:

Рябов Валерий Анатольевич, кандидат географических наук, доцент, декан факультета физической культуры, естествознания и природопользования, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета.
E – mail: val27@ya.ru; 89059614442

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

THE STATE AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ROAD TRANSPORT IN THE BELGOROD REGION

В статье исследуются современные проблемы развития автомобильного транспорта Белгородской области. Отмечается, что регион играет важную роль в экономической и транспортном развитии Центрального федерального округа. Сделан вывод о том, что техническое перевооружение транспорта является одной из главных задач, направленных на улучшение использования транспортного потенциала, эффективного обслуживания экономики и населения области.

The article explores the modern problems of the development of road transport in the Belgorod region. It is noted that the region plays an important role in the economic and transport development of the Central Federal District. It was concluded that the technical re-equipment of transport is one of the main tasks aimed at improving the use of transport potential, effective servicing of the economy and the population of the region.

Ключевые слова: *автомобильный транспорт, протяжённость автомобильных дорог, плотность автомобильных дорог с твёрдым покрытием, дорожно-транспортные происшествия.*

Key words: *road transport, length of roads, density of paved roads, road accidents.*

На сегодняшний день Белгородская область занимает выгодное положение в Центрально-Черноземном районе и находится в центре мощных транспортных потоков. Относительно развитая и разветвлённая транспортная сеть состоит из железнодорожного, автомобильного, воздушного и трубопроводного транспорта.

Автомобильный транспорт является важным элементом экономической инфраструктуры региона и наиболее массовым видом транспорта. С его помощью обеспечивается перевозка пассажиров в городах, осуществляется доставка грузов и связь населённых пунктов области между собой и другими регионам

России. От уровня и темпов его развития, результатов и качества работы зависит успешная деятельность организаций всех видов экономической деятельности.

Не одну отрасль народного хозяйства в настоящее время невозможно представить без автомобильного транспорта. Это один из самых удобных видов, его главное преимущество заключается в возможности доставки груза от производителя (продавца) к потребителю без перегрузки по имеющейся сети дорог общего пользования.

Однако, это достаточно дорогой вид транспорта и наименее грузоподъёмный, поэтому к его услугам прибегают обычно для транспортировки на короткие и средние расстояния. Это наименее экологичный для всех видов транспорта – двигатели внутреннего сгорания, которые работают на подавляющем большинстве автомобилей, являются основными источниками загрязнения окружающей среды.

Белгородская область играет большую роль в экономическом и транспортном развитии Центрального федерального округа (через регион проходят железнодорожные и автомобильные магистрали). Крупными автотрассами с наиболее интенсивным движением на территории Белгородской области являются Белгород – Шебекино, Белгород – Томаровка, Белгород – Короча. Введены такие важные дороги, как Старый Оскол – Губкин, Северо – Восточный обход города Белгород. Это усовершенствованные шоссе с покрытием шириной 12 метров. Они проходят рядом с одноимёнными железными дорогами.

Главное, на наш взгляд, что необходимо для развития автомобильного транспорта – это дороги с твёрдым покрытием. Важнейшей составляющей транспортной инфраструктуры являются автомобильные дороги, способствующие экономическому росту, решению социальных задач и обеспечению национальной безопасности.

Если в 1999 году область по плотности и качеству дорог была на одном из последних мест в Центральном Черноземье, то по итогам 2019 года Белгородчина входит в 10 лучших регионов России по качеству дорог и безопасности движения. В 2019 на 1000 кв. км. территории Белгородской области приходилось 731 км. автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием. По России, в среднем на 1000 кв. км территории приходится 63 км. автодорог, в ЦФО – 364 км (на конец 2018 г.) [1, 2].

Общая протяжённость автомобильных дорог в Белгородской области в 2019 – 2020 гг. составила 22,5 тыс. км, в том числе общего пользования – 21,8 тыс. км., а протяжённость автомобильных дорог общего пользования с твёрдым покрытием составила 19,9 тыс. км. или 94,3 % в общей протяжённости автомобильных дорог [1, 2].

По показателю густоты всей транспортной сети в области выделяются 4 типа муниципальных районов. Наиболее высока густота транспортной сети в центральной и западной частях области (Белгородский р-н, Корочанский р-н, Новооскольский городской округ, Яковлевский городской округ, Краснояружский р-н, Ракитянский р-н и т.д.). Самые же низкие её значения прослеживаются в восточных административных районах области (Ровеньский р-н, Вейделевский р-н, Красногвардейский р-н и т.д.). Крупнейшими транспортными узлами являются города Белгород и Старый Оскол.

Плотность автомобильных дорог с твёрдым покрытием с каждым годом нарастает, о чём свидетельствуют данные рис. 1.

В сети автомобильных дорог более благоустроенными являются федеральные дороги, их протяжённость составляет 145,0 км. или 0,7 % общей протяжённости дорог. Все федеральные дороги имеют усовершенствованное покрытие [1, 2].

Рис.1. Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием (км путей на 1000 км² территории)

Удельный вес автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в общей протяженности автодорог общего пользования в 2020 году соответствовал 98,8 %, что значительно выше, чем по РФ (62,2 %) и по ЦФО (75,1 %) [3, 4].

В Белгородской области лучше всех обеспечены дорогами с твердым покрытием Красненский муниципальный район, Шебекинский район и г. Шебекино, г. Белгород, где все дороги общего пользования имеют твердое покрытие. Ниже областного показателя обеспеченность автодорогами с твёрдым покрытием в Вейделевском (75,0 %), Корочанском (86,9), Прохоровском (88,5 %), Ровеньском (78,1 %), Чернянском (88,6 %), Яковлевском (77,5 %) муниципальных районах, в Старооскольском городском округе (81,6 %).

Снижение спроса населения на услуги общественного транспорта вызвано быстрым ростом числа автомобилей у населения. Белгородская область относится к числу лидирующих регионов по количеству автомобилей в собственности граждан на душу населения. Если в 1999 году на 1000 человек населения приходилось 129 легковых машин, не считая автобусов и грузовых машин, то на конец 2014 года в области в собственности граждан на 1000 человек населения, находилось 304,3 легковых автомобилей, их количество выросло по сравнению с 2010 годом на 42,7%, а с 2013 годом – на 5,5 %. В 2019 году на 1000 человек населения приходится 321,8 легковых автомобилей (рис.2).

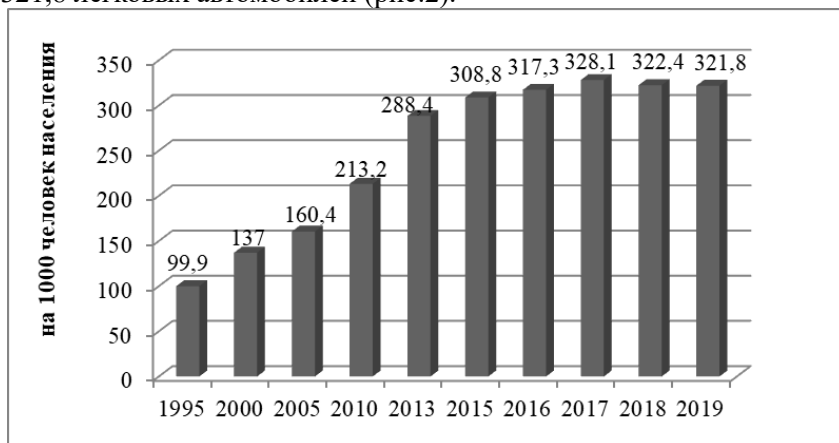

Рис. 2. Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на 1000 человек населения; на конец года; единиц)

Обеспеченность собственными легковыми автомобилями на 1000 человек населения по Белгородской области выше всего в Яковлевском (375,5), в Вейделевском (371,5) и Белгородском (370,4) муниципальных районах собственными легковыми автомобилями выше, чем в среднем по РФ (283,1) и по областям ЦФО (297,2). По обеспеченности населения легковыми автомобилями среди регионов ЦФО Белгородская область занимает 6 место.

Общее количество автомобилей увеличивается, в том числе и в собственности граждан. В 2020 году общее количество автомобилей составляло – 595,9 тыс.

Динамика роста количества автомобилей представлена на рис. 3.

Высокий уровень автомобилизации в Белгородской области способствует развитию экономики и обеспечению мобильности населения, но вместе с тем имеется и ряд негативных последствий, прежде всего, аварийность на транспорте. По сравнению с другими видами транспорта, автомобильный транспорт лидирует по числу дорожно-транспортных происшествий и численности людей, пострадавших в них (рис.4).

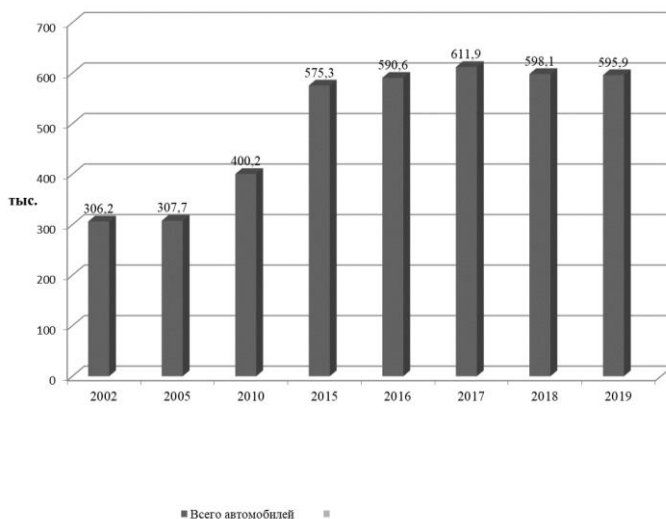

Рис. 3. Динамика роста числа автомобилей Белгородской области (тыс. единиц)

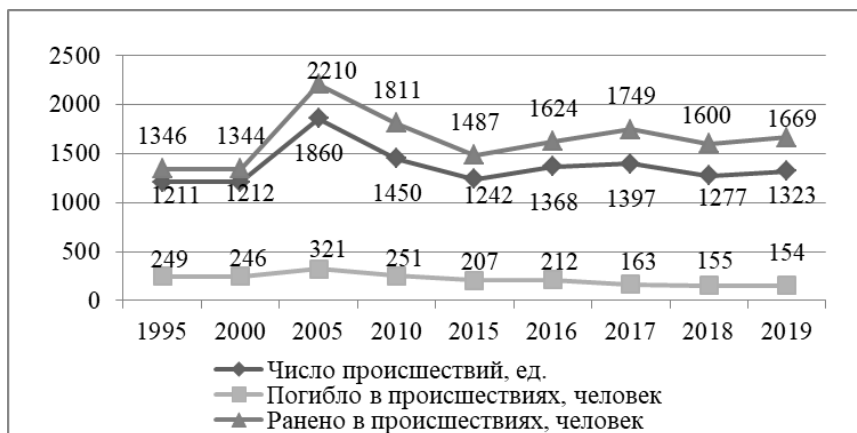

Рис. 4. Динамика дорожно-транспортных происшествий и численность пострадавших в них

В Белгородской области в 2019 году произошло 1323 дорожно-транспортных происшествия, в которых погибло 154 и ранено 1669 человека. По сравнению с 2010 годом аварийность на автомобильном транспорте снизилась на 10,2 %, количество раненых сократилось на 19,3 %, погибших – увеличилось на 7,6 % [1, 2].

В среднем в 2019 году каждые сутки на улицах и дорогах области происходило около 4-х дорожно-транспортных происшествий, в которых погибали и получали травмы различной тяжести свыше 4-х человек. Тяжесть последствий ДТП (соотношение числа погибших к числу пострадавших) в целом по области возросла и составила 15,6 % против 14,5 % в 2018 году и 12,2 % в 2015 году.

Большинство ДТП (90,6 %) связаны с нарушением Правил дорожного движения водителями транспортных средств, в том числе 6,3 % – водителями в нетрезвом состоянии. В 2019 году в Белгородской области число дорожно-транспортных происшествий на 1000 человек населения составило 0,8, что значительно ниже, чем в регионах ЦФО и в среднем по РФ [4, 5].

В целях совершенствования и развития дорожной инфраструктуры, обеспечения качественного транспортного обслуживания и повышения качества жизни населения на территории Белгородской области, постановлением Правительства Белгородской области от 28 октября 2013 г. № 440-пп принята государственная программа «Совершенствование и развитие

транспортной системы и дорожной сети Белгородской области на 2014-2020 годы». Реализация государственной программы осуществляется в 2 этапа (1 этап: 2014 – 2020 годы; 2 этап: 2021 – 2025 годы) [5].

Подчёркивается, что главной целью государственной программы является создание условий для устойчивого функционирования транспортной системы и дорожной сети Белгородской области в соответствии с социально-экономическими потребностями населения. Согласно принятой программы, планируется выполнить реконструкцию, ремонт и строительство автомобильных дорог. Выгодное географическое положение области на пересечении азиатско-европейских транспортных коридоров дает возможность использования транспортной инфраструктуры для транзита внешнеторговых трансграничных грузопотоков.

Учитывая вышеизложенное отметим, что техническое перевооружение транспорта в настоящее время является ключевой и первоочередной задачей, без чего, в свою очередь, нельзя добиться существенного улучшения использования транспортного потенциала и эффективного обслуживания экономики и населения области, а также обеспечить в полной мере безопасность перевозок и охрану окружающей среды.

Литература

1. Белгородская область в цифрах. 2020: Кратк. стат. сб. / Белгородстат. 2020. 244 с.
2. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2019: Стат. сб. / Белгородстат. – Белгород, 2019. 600 с.
3. Транспорт в России. 2020 : Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. 108 с.
4. Россия в цифрах. 2020 : Кратк. стат. сб. / Росстат - М., 2020. 550 с.
5. Сазонова Н.В. Современные проблемы развития автомобильного транспорта Белгородской области в условиях геоэкономической и политической нестабильности. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 167-172.

Сведения об авторах:

Сазонова Нина Васильевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

E-mail: NSazonova@bsu.edu.ru

Сазонова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права Белгородский университет кооперации, экономики и права

E-mail: NSazonova@bsu.edu.ru

Марциневская Лариса Владимировна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

E-mail: Martsinevskaya@bsu.edu.ru

УДК 332.1 : 914/919

С.А. Сухинин

S. A. Sukhinin

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ ПО УРОВНЮ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF REGIONS SOUTH OF RUSSIA BY THE LEVEL OF THEIR INNOVATIVE DEVELOPMENT

На основе количественных индикаторов рассматриваются пространственные особенности развития инноваций в регионах Юга России, включающего субъекты Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Подчеркивается пространственная неоднородность инновационного развития регионов Юга России, связь инноваций с инвестиционной активностью. Характеризуется локализация в регионах Юга России новых пространственных форм инновационного развития – технопарков, промышленных кластеров, инновационных отраслей и производств.

The South of Russia is considered as part of the regions of South and North Caucasian Federal Districts. On the basis of statistical indicators, the spatial features of development of innovations in regions of South of Russia are considered. The spatial heterogeneity of the innovative development of the regions of the South of Russia is investigated, the relationship between innovation and investment activity is shown. The localization in the regions of the South of Russia of new spatial forms of innovative development – technoparks, industrial clusters, innovative industries and industries is characterized.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, Юг России, регион, пространственная дифференциация, территориальные различия.

Key words: innovation, innovative development, the South of Russia, the region, the spatial differentiation of the territorial differences.

Важным направлением социально-экономического развития страны и ее отдельных регионов являются инновации. Инновации обеспечивают вхождение предприятий в новые, передовые ниши бизнеса и формируют задел для успешного развития в будущем. Для отдельных отраслей экономики региона инновации становятся главными драйверами развития, способствующими производственному прорыву, насыщению отечественного рынка новой высокотехнологичной продукцией с высокими потребительскими свойствами, востребованной и на внешних рынках [1].

Особенностями инновационного развития экономики стран и регионов в начале XXI века является ориентация предприятий на реализацию научных достижений в области биотехнологии, энергетики, информационных технологий, нанотехнологий, механотроники, медицины и фармакологии. Эти отрасли соответствуют пятому технологическому укладу, а наиболее передовые из них – к новому шестому укладу [2].

Однако не все регионы имеют предпосылки к развитию именно этих передовых отраслей. В силу особенностей пространственной локализации, численности и состава трудовых ресурсов, национально-религиозных традиций населения, имеющегося природно-ресурсного потенциала, данные регионы ограничены в возможностях самостоятельной генерации передовых инноваций. В то же время, сложившиеся в них предпосылки и факторы пространственной организации их экономики, дают возможность развивать иные инновации, затрагивающие традиционные для них отрасли – сельское хозяйство, перерабатывающую промышленность, туристскую сферу и другие. Одним из регионов России, где инновационное развитие имеет свою специфику, обусловленную комплексом факторов и условий, является южнороссийский макрорегион, являющийся территорией нашего исследования.

Юг России объединяет территорию двух федеральных округов – Северо-Кавказского и Южного – и включает в себя 15 субъектов Российской Федерации [3]. Сосредотачивая на своей

территории 18% населения страны, Южнороссийский макрорегион в то же время значительно отстает от других регионов страны в своем инновационном развитии.

Инновационное развитие Юга России характеризуется неоднородностью как в сравнении с другими федеральными округами, так и внутри макрорегиона. Исторически инновационные отрасли экономики были сконцентрированы в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Уральском макрорегионах, имеющих более индустриальный профиль экономики на основе новых достижений науки и техники. Юг России отстает по уровню инновационного развития от других макрорегионов страны. Так, в пределах Южнороссийского макрорегиона в 2018 году удельный вес организаций, осуществляющих технологические, маркетинговые и организационные инновации, в общем числе обследованных организаций составляет 7,5%, что соответствует общероссийскому уровню, а в Северо-Кавказском округе – всего лишь 2,9% [4]. При этом субъектами-лидерами в составе макрорегиона по инноватике в деятельности предприятий и организаций являются Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области, а все северо-кавказские республики – аутсайдерами в данном отношении.

Масштабы влияния инновационных технологий и производств на экономику регионов Юга России напрямую определяются долей объема инновационных товаров и услуг в общем объеме производимой продукции. При общероссийском уровне в 6,5% в 2018 г., доля инновационной продукции в общем объеме произведенных и отгруженных товаров и услуг в Южном федеральном округе составляет 5,6%, а в Северо-Кавказском – 4,4% [4]. В составе макрорегиона отчетливо выделяются четыре региона-лидера по данному показателю – Краснодарский край (доля произведенной инновационной продукции – 11,5%), и Ставропольский край (9%), Республика Адыгея (8%) и Ростовская область (5,8%) [4]. Однако, в большинстве субъектов Юга России (8 из 15) доля инновационной продукции в общем объеме производства не превышает 1%. Регионами с недостаточным развитием инновационных отраслей и производств являются все республики Северного Кавказа, а также Калмыкия и Астраханская область. В тоже время необходимо отметить, что за последнее десятилетие (2006-2018 гг.) стоимость инновационной продукции, производимой субъектами экономики Южного федерального округа увеличилась в 13,5 раз, а в Северо-Кавказском – более чем в 6 раза [4, 5].

Внедрение инноваций в производство требует инвестиций. Именно инвестиции позволяют приобрести новое оборудование и технологии, наладить выпуск инновационной продукции, стимулируют НИОКР на самих производственных предприятиях. Затраты на технологические инновации в Южном федеральном округе за период 2010-2018 гг. возросли в 4 раза – с 10 до 41,1 млрд. руб., а в Северо-Кавказском – в 1,1 раза – с 6,5 до 7,1 млрд. руб. (при росте в целом по РФ – в 3,7 раза) [4]. Субъектами-лидерами по росту объема затрат на технологические инвестиции являются Краснодарский край (рост в 2018 г. в сравнении с 2010 г. – в 7,6 раз), Ростовская область (в 5,1 раз), Волгоградская область (в 2,2 раза), Ставропольский край (1,1 раза) [4]. Именно в этих регионах сложились преимущества, которые имеют стратегическое значение для придания импульсов инновационному развитию их экономики.

Важную роль в развитии инновационной составляющей экономики играет заинтересованность региональных органов управления в привлечении инвестиций вообще и технологических в частности, для чего данной сфере оказывается постоянное внимание, в то числе посредством создания специальных институтов (агентств инновационного развития регионов, реестра приоритетных проектов развития экономики регионов) и участия в общенациональных и международных специальных мероприятиях по привлечению инвесторов и стимулирования инновационных видов деятельности [6]. В последние годы в регионе стали появляться современные формы стимулирования инновационной деятельности – проводятся тематические выставки, ярмарки, форумы, возникли бизнес-акселераторы, коворкинги.

Сравнительно новой формой развития и внедрения инноваций в производство являются технопарки. Однако, на сегодняшний день, реально действующих технопарков в регионах Юга России в сравнении с другими субъектами РФ мало. Фактически они функционируют в Ростовской и Астраханской областях, Кабардино-Балкарской и Чеченской Республиках, в Краснодарском крае, создаются еще в двух субъектах – Калмыкии и в Крыму. Остальные регионы высказали только намерения создать данную форму инновационного развития на своей территории [3].

Одним из современных форматов инновационных производств стали промышленные кластеры, которые носят специализированный характер и сосредотачивают в себе инновационные производства с высокой добавленной стоимостью,

позволяющие региону добиться технологического прорыва в масштабах всей национальной экономики и насытить рынок страны необходимыми товарами и услугами на основе эффективного использования местных ресурсов и привлеченных факторов производства [4]. В современной экономике кластеры становятся одной из наиболее эффективных форм интеграции финансового и интеллектуального капитала, обеспечивающей необходимые конкурентные преимущества для инновационных производств.

В регионах Юга России зарегистрировано 18 кластеров, специализация которых распространяется от традиционных отраслей, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции (например, «Донские молочные продукты» в Ростовской области, «Молочный кластер» в Чеченской Республике), до туристско-рекреационной деятельности (к примеру, профильный кластер в Астраханской области). Однако, ярко выраженный инновационный характер в своей деятельности имеют кластеры, связанные с машиностроением (в Ростовской области), промышленностью строительных материалов (Республика Ингушетия, Волгоградская область), фармацевтикой (Краснодарский край, Волгоградская область).

Обобщая представленную информацию, можно констатировать, что Юг России существенно уступает другим макрорегионам России по основным параметрам инновационного развития. «Основными игроками» во внедрении инноваций в производственную деятельность являются предприятия и организации Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского Ставропольского краев. В то же время макрорегион обладает достаточным потенциалом для активизации инновационного развития [1, 3, 4]. Для реализации приоритетных направлений инновационного развития необходимо эффективно использовать уже созданные и сформировать новые инструменты стимулирования инновационной активности экономических субъектов.

Литература

1. Гонтарь Н.В., Гузенко О.И., Сапожникова А.Г. Стратегии модернизации экономики регионов России на основе проактивного и интеграционного потенциала корпоративного сектора. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 226 с.
2. Белокрылова О.С. Смена технологических укладов или 4-я промышленная революция?: институционализация 4.0 индустрии на Юге России // Вестник экспертного совета, 2017. № 3. С. 3-10.

3. Гонтарь Н.В. Глобальный «Юг»: особенности формирования геоэкономического потенциала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2018. № 3. С. 5-12.

4. Морфология экономического пространства региона / Под ред. Ю.С. Колесников Ю.С. и В.Н. Овчинникова. – Р-н-Д: Содействие – XXI век, 2019. 203 с.

5. Регионы России 2019. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. Москва. Росстат, 2019. 1204 с.

6. Кетова Н.П., Колесников Ю.С., Овчинников В.Н. Экономика Юга России: особенности функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 96-104.

Сведения об авторе:

Сухинин Сергей Александрович, к.пед.н., доцент, доцент кафедры «Экономика», Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: suhmax@mail.ru

УДК 330.322.013 (470.620)

А.А. Филобок, Д.В. Сидорова

A.A. Filobok, D.V. Sidorova

РЕЙТИНГ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА КАК ИНДИКАТОР ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

RATING OF THE INVESTMENT POTENTIAL OF THE REGION AS AN INDICATOR FOR INVESTORS (ON THE EXAMPLE OF KRASNODAR REGION)

В статье рассматривается позиция Краснодарского края среди регионов России в различных инвестиционных рейтингах. Раскрыты основные инструменты региональной политики, с помощью которых создается благоприятный инвестиционный имидж.

The article considers the position of the Krasnodar region among the regions of Russia in various investment ratings. The main instruments of regional policy are disclosed, with the help of which a favorable investment image is created.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, инвестиционный рейтинг, инвестиционный проект, Краснодарский край.

Key words: investment potential, investment rating, investment project, Krasnodar region.

Инвесторы предпочитают регионы, обладающие высоким инвестиционным потенциалом и относительно низким уровнем инвестиционного риска [2], для них рейтинг служит индикатором комфортной инвестиционной среды, а для предпринимателей – это результат работы, которая не останавливалась даже в период пандемии коронавируса.

Крупнейшее российское агентство RAEX составило рейтинг регионов страны с наивысшим инвестиционным потенциалом по итогам 2020 г. Краснодарский край, несмотря на связанные с пандемией экономические трудности, стал четвертым в России, существенно усилив свои позиции. При подсчете рейтинга учитывались два базовых критерия: инвестиционный потенциал, который среди прочего учитывает насыщенность территории ресурсами и инфраструктурой, а также потребительский спрос населения; инвестиционный риск, складывающийся из оценки политической, социальной, экономической, финансовой, экологической и криминальной ситуации. По первому показателю регион, как и в 2019 г. занял четвертое место. По инвестиционному риску – девятое. По туристическому потенциалу регион уступает только Москве, а по уровню низкого экономического риска и вовсе первый в стране. По итогам 2020 г. региону присвоен высший рейтинг А1 «Максимальный потенциал – минимальный риск» наряду с Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью.

Безусловно, существенное влияние на динамику развития российских регионов оказывает пандемия коронавируса. Но по данным аналитики RAEX, Краснодарскому краю удается удерживать стабильные позиции. Например, промышленное производство в регионе за 11 месяцев 2020 г. сократилось меньше, чем в среднем по России, а по целому ряду отраслей производственные показатели оказались выше, чем в среднем по стране.

Кредитный рейтинг эксперты RAEX подняли по совокупности факторов: во-первых, за последние пять лет улучшилась демографическая обстановка в крае; во-вторых, регион имеет высокодиверсифицированную экономику, что, несомненно, приводит к ее устойчивости даже в условиях пандемии. Экономика края представлена не только агропромышленным и туристическим комплексами, как принято считать. Основными секторами также являются оптовая и розничная торговля, транспортировка и хранение, обрабатывающие производства. В-третьих, долговая нагрузка в регионе достаточно низкая и наблюдается грамотное

управление основным долгом. Все это позитивно сказывается на экономике региона и влияет на повышение рейтинга.

В 2021 году эксперты РИА Рейтинг назвали регионы России с самым высоким качеством жизни. Для этого были обработаны 70 показателей, объединенных в 11 групп, охватывающих все основные аспекты качества жизни в регионе. Краснодарский край вошел в первую десятку рейтинга, продемонстрировав развитую инфраструктуру и социальную сферу.

Важным индикатором для инвесторов является то, что такие рейтинги составляются независимыми экспертами, а Краснодарский край неизменно сохраняет в них высокие позиции и демонстрирует рост всех макроэкономических показателей и численности населения в отличие от большинства регионов.

Созданию комфортных инвестиционных условий в Краснодарском крае способствует и развитие промышленности, которая активно привлекает инвестиции и воплощает их в знаковых проектах в таких отраслях, как металлургия, высокоточное машиностроение, перерабатывающая промышленность нового уровня, информационные технологии. Отличительной чертой промышленности в Краснодарском крае является то, что, помимо традиционных отраслей производства, связанных с выпуском товаров массового потребления, укрепляется производство средств производства – машино- и станкостроение. По сути, происходит диверсификация производства, что позволяет снизить риски для инвесторов, местных органов власти и населения. Так, машиностроение занимает свыше 10 % в общей доле промышленного производства в Краснодарском крае. В этой сфере, несмотря на пандемию, сегодня открываются новые предприятия. К примеру, в краевом центре уже в этом году на базе Краснодарского трамвайно-троллейбусного управления соберут первые десять троллейбусов, отвечающих современным европейским стандартам.

По предварительным данным в 2020 г. в экономику края инвестировали практически столько же, сколько в 2019-м – 450 млрд руб. Сейчас в регионе реализуется более 400 крупных инвестпроектов на сумму 1,8 трлн рублей. В перспективе это даст 68 тыс. новых рабочих мест. (табл.1).

Высокая конкурентоспособность Краснодарского края в борьбе за инвестора обусловлена не только выгодным географическим положением, климатом, качеством природных и человеческих ресурсов. Успех во многом определила планомерная

региональная инвестиционная политика краевой администрации, которая проводится в последние годы [3].

Таблица 1

Отрасли с наибольшей инвестиционной активностью в
Краснодарском крае, 2020 г.

Сфера производства	Инвестиции, млрд руб.
Транспортно-логистическая	46,8
Обрабатывающие производства	46,2
Операции с недвижимым имуществом	13,5
Оптовая и розничная торговля	10,8
Обеспечение электроэнергией, газом и паром	9,9
Область информации и связи	9,0

Администрация Краснодарского края создает условия для благоприятного инвестиционного климата и планомерно устраняет различные инфраструктурные ограничения. Корпорация развития Краснодарского края реализует и поддерживает 140 проектов. Действует один из двух в России региональных комитетов Ассоциации европейского бизнеса, представители которого входят во все ключевые советы по экономическим вопросам администрации и ЗСК. При губернаторе работает совет по иностранным инвестициям [1].

В Краснодарском крае предоставляется порядка 50 видов преференций для инвесторов. Это субсидии, льготы, займы, гранты, гарантии, информационно-консультационное сопровождение проектов [4]. Благодаря этому в 2021 году в регионе планируется реализовать порядка 80 крупных проектов стоимостью свыше 100 млн рублей. Это позволит создать в экономике края более 2,5 тыс. новых рабочих мест.

2020 год стал рекордным для Фонда развития промышленности по числу заключенных договоров: производителям выдано более 750 млн рублей льготных займов. В конце 2020 года фонд докапитализировали до 2 млрд рублей. В результате 37 производителей получили возможность расширить производство, обновить оборудование, нарастить объемы выпуска продукции и создать новые рабочие места.

Объем льготных микрозаймов в 2020 году, выделенных малым и средним предприятиям краевым Фондом

микрофинансирования, признан самым значительным в стране среди некоммерческих микрофинансовых организаций. В помощь малому и среднему предпринимательству во время пандемии коронавируса фонд выделил 1,8 млрд рублей. Ежегодно Краснодарский край оказывает бизнесу разные финансовые меры поддержки на сумму около 25 млрд рублей.

В Краснодарском крае начали работать новые меры улучшения инвестиционной деятельности предприятий. Например, с 2021 года компаниям впервые будут возмещать затраты на создание объектов инфраструктуры при реализации инвестпроектов, в том числе на техническое присоединение к инженерным сетям. На эти цели в краевом бюджете в 2020 году предусмотрели 2,6 млрд рублей, а всего до 2024 года включительно сумма составит порядка 16 млрд рублей.

Предусмотрена еще одна мера, которой нет ни в одном субъекте России: если стоимость инвестпроекта будет составлять от 100 млн до 1 млрд рублей, регион субсидирует процентную ставку по привлеченным инвестором кредитам в размере учетной ставки ЦБ.

Информационная работа по привлечению в край новых инвесторов, заключается прежде всего в том, что регион является постоянным участником крупнейших конгрессно-выставочных мероприятий, проводимых фондом «Росконгресс». Но в 2020 году в связи с угрозой распространения COVID-19 все массовые мероприятия, в том числе Российский инвестиционный форум в Сочи и Петербургский международный экономический форум, были отменены. На этом фоне была расширена практика использования альтернативных площадок для привлечения новых инвесторов в онлайн-формате. Например, в удаленном режиме организовано сотрудничество с фондом «Росконгресс-Инвестиции». На базе федерального Инвестиционного портала регионов России размещена информация о наиболее значимых проектах Краснодарского края, требующих внешнего финансирования. Кроме того, в крае создана и постоянно актуализируется Единая система инвестиционных предложений, включающая базу данных инвестиционно-привлекательных земельных участков и реестр инвестиционных проектов, в которой почти 350 предложений.

Изменились задачи и вызовы времени, в связи с чем меняются и приоритеты развития региона. К традиционным отраслям, таким как туризм и сельское хозяйство, прибавились другие направления, например, промышленность, развитие которой способствует созданию

не только высокотехнологичных рабочих мест, но и послужит дополнительным индикатором для привлечения инвесторов.

Литература

1. Вилков И.Н. К вопросу о рейтингах инвестиционной привлекательности регионов / И.Н. Вилков // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». – 2016. – №1(28). – С. 90–97.

2. Сидорова Д.В. Региональная инвестиционная политика в туристско-рекреационном комплексе Краснодарского края в современных условиях функционирования региональной экономики / Д.В. Сидорова, А.А. Филобок // Региональные географические исследования. Сборник научн. трудов. – Краснодар, 2020. – С. 180-185.

3. Инвестиции в туристско-рекреационном комплексе Краснодарского края: оценка эффективности и территориальная дифференциация: Монография / В.В. Миненкова [и др.]. – Москва: Директ-Медиа, 2017 г. – 215 с.

4. Сидорова Д.В. Территориальная дифференциация инвестиционной деятельности в сфере туризма Краснодарского края / Д.В. Сидорова, А.А. Филобок, В.В. Миненкова // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: материалы междунар. научн. конф. в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи АРГО, 2017. – Пермский гос. ун-т. – С. 590-593.

Сведения об авторах

Филобок Анатолий Анатольевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической, социальной и политической географии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

E-mail: econgeo@mail.ru.

Сидорова Дарья Витальевна, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической, социальной и политической географии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

E-mail: sidorova-dv@yandex.ru

УДК 911.3.63

О.Г. Чаплыгина, Т.А. Чаплыгина
O. G. Chaplygina, T. A. Chaplygina

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ:
ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ**

FOOD SECURITY OF THE TERRITORY: APPROACHES AND MAIN DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION

Изучение продовольственной безопасности территории является актуальным направлением экономических и социальных географических исследований. Включает выявление сущности, ее составляющих, подходов и направлений реализации.

The study of food security of the territory is an actual direction of economic and social geographical research. It includes the identification of the essence, its components, approaches and directions of implementation.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, территория, продовольствие, агропромышленный сектор.

Key words: food security, agriculture, territory, food, agro-industrial sector.

Важной стороной экономических и социальных географических исследований является определение подходов к изучению продовольственной безопасности территории и оценка ее состояния. Одним из условий создания стабильности в пределах пространств различной иерархии является обеспеченность продовольствием населения, что создает основу экономического и социального благополучия.

Неотъемлемой частью экономической безопасности, как составляющей национальной безопасности, является продовольственная обеспеченность. Стратегическая цель данного направления определяется созданием социально-экономических условий по надёжному снабжению населения страны сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, а перерабатывающей промышленности – сырьём.

Продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни. Важным является достижение продовольственной независимости – самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [1]. Следует отметить, что продовольственная безопасность – это не только экономическая

категория. В это понятие включается условие физической доступности продуктов питания и их безопасность для здоровья, оценка качества продовольствия, структура пищевого рациона, экологическая чистота продовольствия [2].

Оценку продовольственной безопасности можно осуществить на макро-, мезо- и микроуровнях. В соответствии со сложившейся мировой практикой, продовольственная безопасность на макроуровне характеризуется размерами запасов зерна и объёмом его производства на душу населения.

Определение продовольственной безопасности на мезоуровне по странам связано с отношением объёма импорта к объёму производства собственной продукции, долей импорта в потреблении продуктов питания, а также сопоставлением изменения минимального дохода на душу населения и цен на продовольствие.

Данные об объёмах потребления продовольствия и доходах на уровне регионов, отдельных домашних хозяйств и социально-семейных групп населения позволяют судить о продовольственной безопасности на микроуровне.

Рассмотренные показатели продовольственной безопасности не отражают уровня и степени её достижения в полном объёме. Они дают общую оценку состояния производства и потребления продовольствия в стране и нуждаются в уточнении в соответствии с содержательной трактовкой этой категории [3].

Достижение продовольственной безопасности государства за счёт накопления импортных запасов продуктов питания предполагает свёртывание собственного производства, перемещение инвестиций из сферы аграрного производства в инфраструктурные объекты и, в конечном счёте, наносит ущерб отечественным товаропроизводителям.

Достаточно распространённым пороговым значением, определяющим продовольственную безопасность, является показатель доли импорта в ресурсах продовольствия. Превышение этим показателем доли в 20% означает, что страна потеряла продовольственную независимость и требуется осуществление экстраординарных мер для обеспечения её продовольствием.

Уменьшение удельного веса импорта готовых продуктов питания нередко сопровождается ростом ввоза сельскохозяйственного сырья для производства продуктов питания и доли посреднических услуг зарубежных фирм. Поэтому важно измерять долю импорта во всей продовольственной цепочке базовых

продуктовых подкомплексов. Это означает возможность определять не только прямое, но и косвенное влияние импорта на состояние агропродовольственного комплекса и экономику страны в целом [5].

Уровень продовольственной безопасности зависит также от доли импорта в поставках оборудования и других промышленных товаров для сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, торговли и удельного веса импорта в объёме переработки сельскохозяйственного сырья. Рост ввоза сельскохозяйственных машин и механизмов, кормов, оборудования для предприятий агропродовольственного комплекса не только приводит к спаду в соответствующих отраслях национальной экономики, но и оказывает отрицательное влияние на производство внутреннего валового продукта по цепочкам межотраслевых взаимодействий, уменьшает занятость сельского населения, приводит к деградации производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий.

Обеспечение продовольственной безопасности связано еще и с созданием продовольственных запасов федерального уровня, а также резервных фондов регионов, достаточных для того, чтобы не допустить существенного роста цен на продукты питания в случае возникновения непредвиденных чрезвычайных ситуациях.

Достаточная обеспеченность продовольствием означает смягчение социальной дифференциации в уровне потребления продуктов питания. Существующий и углубляющийся разрыв в уровне доходов населения сказывается, в первую очередь, на количестве и качестве продуктов питания по группам населения с различным уровнем доходов. Больше всего от этого страдают дети, пожилые люди, работники, занятые тяжёлым физическим трудом. Недостаточный объем потребляемых продуктов может быть одной из причин ухудшения здоровья населения, роста смертности и снижения рождаемости.

Проблема полноценного питания для всех категорий населения ещё более усугубляется различиями в уровне и структуре питания по регионам России. Большинство российских регионов нуждается в завозе продовольствия, сложной проблемой остаётся северный завоз. Чёткая и экономически подкреплённая федеральная программа обеспечения продовольственными ресурсами северных регионов России является неотъемлемой частью обеспечения продовольственной безопасности страны [5].

В настоящее время приоритетной задачей в деле повышения уровня жизни населения является создание условий для обеспечения полноценным питанием наиболее уязвимых, социально незащищённых слоев людей. Для этого необходимо сформировать фонды продовольствия целевого назначения, а также систему благотворительных фондов по примеру, образу и подобию экономически развитых стран. Речь идет о постоянном внимании к продовольственному обеспечению семей с низкими доходами с целью предотвращения хронического недоедания [6].

Существует и еще одна проблемная сторона, связанная с ухудшением качества продуктов питания и питьевой воды. Это относится к продовольствию, поступающему по импорту. Большое значение имеют ужесточение санитарного контроля над состоянием торговли продуктами питания и организация надёжных заслонов фальсификаторам продовольствия.

При анализе продовольственной безопасности России необходимо учитывать специфические возможности дифференциации её регионов как по обеспеченности собственным продовольствием, так и по платёжеспособному спросу на продовольствие. Сопоставление значений этих показателей позволяет полнее оценить уровень продовольственного состояния конкретных регионов, а также наметить пути дальнейшего развития отраслей сельскохозяйственного производства [7].

Продовольственная безопасность – четко функционирующая система, обеспечивающая все слои населения продуктами питания по принятым физиологическим нормам (по данным ФАО). Речь идет об обеспечении потребности населения за счет собственного производства и рационализации необходимого импорта по тем продуктам, для производства которых нет внутренних условий.

Применительно к Российской Федерации, важно отметить существенные положительные изменения в аграрной политике, стратегии развития АПК, государственной поддержке отраслей агропродовольственного сектора, что способствовало количественному и качественному росту объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, усилению позиций по достижению уровня обеспеченности собственными ресурсами, сокращению импорта, увеличению экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Имеет место формирование устойчивого внутреннего рынка и укрепление позиций страны на мировом агропродовольственном рынке [8].

Таким образом, формирование эффективного сельскохозяйственного производства, выступающего конкурентоспособным участником внутрироссийского и мирового рынков и обеспечивающего потребности населения и перерабатывающего комплекса в основных видах аграрной продукции, создаст условия для обеспечения продовольственной безопасности, а это, в свою очередь, будет способствовать стабильному социально-экономическому развитию территории [9].

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
2. Алтухов А.И. Современные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России. // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. – 2012. – №7. – с. 11-16.
3. Алтухов А.И. Зерновой рынок и обеспечение продовольственной безопасности страны. // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. – 2011. – №7. – с. 12-17.
4. Вермель Д.Ф. Региональные особенности обеспечения продовольственной безопасности России: Сборник тезисов I Международной конференции «Продовольственная безопасность России» 12-14 марта 2002 г. – М., 2002.
5. Лысенко Е.Г. О продовольственной безопасности и проблеме сельской бедности. // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. – 2010. – №5. – с. 6-7.
6. Чаплыгина О.Г. О продовольственной безопасности России. // Стратегия инновационного развития аграрных бизнес структур в условиях членства России в ВТО. – Саратов, 2014. – С. 146-149.
7. Чаплыгина О.Г. О подходах к изучению продовольственной безопасности России // Аграрная география в современном мире. – Краснодар, 2014. – С. 52-54.
8. Чаплыгина О.Г. Экспорт и импорт российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия: современные стороны развития // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14). – № 4. – С. 292-300.
9. Чаплыгина О.Г. Тенденции и территориальные различия во внешней торговле агропромышленного комплекса России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №7. – С.154-158

Сведения об авторах:

Чаплыгина Ольга Георгиевна, кандидат географических наук, доцент, г.Курск, Россия.

E-mail: ogchaplygina@mail.ru

Чаплыгина Татьяна Анатольевна, студент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» г. Курск, Россия.

E-mail: tatianachaplygina16@gmail.com

Секция 6. «Актуальные тенденции и долгосрочные перспективы в развитии туризма»

УДК 338.486

Т.А. Адашова, Т.Ф. Крейденко
T.A. Adashova, T.F. Kreydenko

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE TOURISM INDUSTRY: MODERN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Цифровые технологии в индустрии туризма – насущная потребность современного общества. Технические достижения, оказывая существенное влияние на образ жизни людей формируют сферу их интересов и делают путешествия более комфортными и безопасными. Они сопровождают пользователей на всех этапах – от планирования путешествия до обмена впечатлениями. Как ожидается активное внедрение новых цифровых разработок и информационных сервисов позволит привлечь еще более широкий контингент потенциальных туристов и, как результат, положительно скажется на процессе решения выхода из кризисной ситуации в отрасли.

Digital technologies in the tourism industry are an urgent need of modern society. Technological advances, having a significant impact on the way of life of people, form the sphere of their interests and make travel more comfortable and safe. They accompany users at all stages-from planning a trip to sharing experiences. It is expected that the active introduction of new digital developments will attract an even wider contingent of potential tourists and, as a result, will have a positive impact on the process of solving the crisis situation in the industry.

Ключевые слова: индустрия туризма, цифровые технологии, блокчейн.

Key words: tourism industry, digital technologies, blockchain.

Индустрия туризма, традиционно демонстрировавшая динамичное развитие, переживает острый кризис, вызванный пандемией коронавируса. Оценки предполагаемого ущерба разнятся, но специалисты единодушны в том, что это одна из наиболее сильно пострадавших отраслей. В таких условиях

сохранение интереса к индустрии отдыха и конкурентная борьба за потенциальных туристов имеют исключительную значимость.

Как свидетельствует мировой опыт кризисные явления (греч. *krisis* - решение, поворотный пункт) почти всегда становятся стимулом для дальнейшего роста и развития. Современное человечество стало свидетелем, наверное, самого активного за последние десятилетия внедрения технических достижений. Если еще несколько лет назад наблюдался очень избирательный подход использования их в туризме, то в настоящее время это в буквальном смысле вопрос жизнеспособности отрасли. Туристическая индустрия вынуждена максимально быстро приспосабливается к новой реальности.

Безусловно, эффективную работу индустрии отдыха и развлечений невозможно представить без широкого использования средств информационных технологий и сети Интернет. Это позволяет привлечь более широкую аудиторию, уменьшить издержки, сократить барьеры между потребителями и поставщиками услуг. Одни из первых цифровых сервисов, появившихся в начале 2000-х гг. были ориентированы на онлайн бронирование жилья и покупку билетов. Технические новинки помогали создавать удобную навигацию при передвижении по незнакомой местности и отмечать интересные локации – памятники, парковые зоны отдыха, рестораны и др. Крупные гостиничные сети демонстрировали номерной фонд. Со временем цифровые технологии изменили образ жизни, досуг и мобильность. Ныне это часть повседневной реальности путешественников и игроков туристского рынка. Давно обозначившийся тренд на отказ от классической схемы услуг компаний, продающих пакетные туры, продолжает усиливаться. Путешественники самостоятельно покупают билеты на транспорт, оформляют страховку и бронируют трансферт и номера в отелях. В приложения уходят переводчики и сервисы по поиску достопримечательностей.

В стремлении привлечь внимание к своему турпродукту многие компании на протяжении нескольких лет занимались разработкой новых интернет сервисов и были нацелены на изменение традиционных представлений о возможностях массовых и индивидуальных путешествий. Ставка делалась на молодежь - наиболее мобильную целевую аудиторию. Для активных IT пользователей создавались виртуальные туры с применением виртуальной и дополненной реальностей (VR и AR).

Это как нельзя кстати оказалось востребованным в современных условиях. В частности, смогли расширить комплекс своих услуг музеи, которые привлекли туристов интересным контентом виртуальных экскурсий. Эта практика изначально воспринимавшаяся как новинка способная удивить во многом стала основой для сохранения интереса к музейным достопримечательностям и поддержания их работоспособности.

Современные технологии позволяют туристам напрямую получать услуги. Своего рода революционным прорывом стало внедрение в сферу индустрии туризма технологии блокчейн – цифровой платформы, позволяющей хранить информацию о транзакции между пользователями. Если раньше прогнозировалось, что это явление существенно изменит рынок в ближайшие 5-10 лет, то кризисное состояние, переживаемое отраслью уже сейчас определило востребованность использования возможности нового цифрового механизма. К примеру, во многих странах это позволяет модернизировать систему учета данных гостиничных номеров. В числе очевидных преимуществ рассматриваются автоматизация и упрощение финансовых операций, сокращение времени на подготовку договоров. Привлекательный момент для туристов – снижение стоимости пакета услуг, возможность быстро спланировать свои путешествия.

Коррективы внесенные пандемией отчасти реализовали мечту многих туристов. Благодаря современным технологиям становится возможным бронирование досмотра, позволяющего сохранять социальную дистанцию и избегать очередей. Досмотр багажа, как ожидается будут проводить скрининговые системы. В целях безопасности в ближайшей перспективе рассматривается появление феномена «санированных путешествий» с дезинфекцией багажа. Подобный опыт уже имеется в аэропорту Сингапура Чанги где дезинфицируют тележки и киоски самостоятельной регистрации.

Развитие автоматизированных технологий для путешественников сводит к минимуму необходимость контактов. В частности, в южнокорейском международном аэропорту Инчхон и аэропорту Хамад в Катаре термометрию проводят с помощью робототехники. Традиционные стойки регистрации в аэропорту заменяются «бескасательными» технологиями с использованием

биометрических данных. Подобную практику с применением искусственного интеллекта активно внедряют во многих странах мира.

Глобальная диджитализация - процесса перевода всех видов информации (текстовой, аудиовизуальной) в цифровую форму, подталкивает участников рынка к борьбе за клиента и в цифровом пространстве. Личные встречи с турагентами для обсуждения вариантов отдыха перестают быть актуальными. Зачастую это сводится к общению с сотрудниками туркомпании в чате или подключению виртуального онлайн-консультанта (чат-бота), который может заменить представителя технической поддержки, администратора или менеджера. В данном случае принципиально важным является получение обратной связи и возможность отслеживания передвижения туриста.

Анализ современных процессов, происходящих в сфере индустрии туризма свидетельствует о том, что возрастает вероятность трансформации в пользу малых групп и индивидуальных путешественников. В приоритете – безопасность и социальная дистанцированность. Поэтому еще более востребованной становится цифровизация предлагаемых туристических сервисов. В ближайшей перспективе путешествия станут еще более «умными», а новые технологии по-прежнему будут сопровождать пользователя на всех этапах – от планирования путешествия до обмена впечатлениями.

Сведения об авторах:

Татьяна Алексеевна Адашова, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Экономического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва)

Tatyana A. Adasheva, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples ' Friendship University of Russia (Moscow)

E-mail: adashova-ta@rudn.ru

Татьяна Федоровна Крейденко, кандидат географических наук, доцент кафедры «Региональной экономики и географии» Экономического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва), доцент кафедры «Экономика организации» Департамента отраслевых рынков Финансового университета при Правительстве России (г. Москва)

Tatyana F. Kreidenko, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples ' Friendship University of Russia (Moscow), Associate Professor of the Department of Organization Economics, Department of Industry Markets, Financial University under the Government of Russia (Moscow)

E-mail: t.kreidenko@mail.ru

УДК 910.3

О.С. Акимов, А.К. Волкова, А.Н. Дунец
O.S. Akimov, A.K. Volkova, A.N. Dunets

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА БОЛЬШАЯ БЕЛОКУРИХА

INTERMUNICIPAL COOPERATION FOR DEVELOPMENT OF TOURIST COMPLEX GREAT BELOKURIKHA

Авторами проанализировано взаимодействия города Белокуриха и сопредельных населенных пунктов как основы межмуниципального взаимодействия. Транспортная инфраструктура и деятельность производственных и туристских организация обуславливают сотрудничества курорта и сопредельных территорий. Большая Белокуриха может стать центром в рамках раздела «пространственное развитие» Стратегии социально-экономического развития Алтайского края.

The authors analyzed the interaction of the city of Belokurikha and adjacent settlements as the basis for inter-municipal interaction. The transport infrastructure and the activities of industrial and tourist organizations determine the cooperation of the resort and adjacent territories. Bolshaya Belokurikha can become a center within the framework of the "spatial development" section of the Strategy for the socio-economic development of the Altai Territory.

Ключевые слова. Межмуниципальное взаимодействие, пространственное развитие, туристский центр, Белокуриха

Key words. Inter-municipal cooperation, spatial development, tourist center, Belokurikha

Большая Белокуриха - термин, сформировавшийся в последние годы в связи с развитием курорта и ростом взаимосвязей с прилегающими сельскими территориями. Сопредельные к городу

муниципальные образования испытывают двойственное отношение к курорту. Кроме возможностей трудоустройства и сбыта продукции, представители местной власти и жители хотят получать больше выгод от близости к курорту [1]. В связи с этим решение проблемы сотрудничества может рассматриваться в рамках межмуниципального взаимодействия.

Один из аспектов пространственного развития - решение проблем взаимодействия муниципальных образований. Наиболее важно при этом межмуниципальное сотрудничество как форма взаимодействия, приносящая в результате участникам одного синергический эффект, поскольку итог взаимодействия муниципальных образований может не принести видимых результатов или быть негативным для одной из сторон взаимодействия [2]. Задачи, решаемые в рамках межмуниципального взаимодействия, относятся практически ко всем сферам, регулируемым органами местного самоуправления, а именно: здравоохранение, образование, туризм, сельское хозяйство, промышленность, реализация инвестиционных проектов, регулирование миграционных потоков, развитие инфраструктуры и пр. [3].

В разрабатываемой Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. выделены основные центры пространственного развития, оказывающие влияние на сопредельные муниципальные образования. Среди прочих предлагается развивать «Предгорный» центр, ядром которого, несомненно, является город Белокуриха. Поскольку уже существует понятный бренд «Белокуриха», нет необходимости тратить значительные средства на объяснение нового названия, тем более не имеющего четкую пространственную локализацию.

Необходимость разработки вариантов развития экономического центра Большая Белокуриха определяется ежегодным ростом числа туристов, повышением интереса к возможным туристским активностям в сопредельных территориях.

Наибольшее влияние курорт оказывает на соседний Смоленский район Алтайского края, в частности на села: Новотырышкино, Сычевка, Даниловка, Красный Городок, Солоновка, Черновая, Старобелокуриха, Точильное. Здесь созданы как туристские объекты, так и небольшие предприятия пищевой промышленности.

Являясь городом краевого подчинения, Белокуриха выступает не только туристским центром, но и оказывает на

близлежащие поселения характерный для крупных городов агломерационный эффект, поскольку полноценное оказание туристских услуг невозможно без сотрудничества с соседними населенными пунктами. Население совершает маятниковую миграцию для осуществления трудовой деятельности, а отдых на базах Белокурихи включает в себе целый спектр туристских услуг, оказываемых за пределами города.

Межмуниципальное взаимодействие в границах Большой Белокурихи во многом осуществляется за счёт влияния последней на близлежащие территории. С учётом средней численности населения, радиус влияния Белокурихи составляет около 15 км., однако на деле имеет куда большее распространение.

Так, курортная зона города обеспечивает рабочими местами жителей деревень Алтайского и Смоленского районов (в учреждениях гостиничного и санаторно-курортного типа, на предприятиях общественного питания, в магазинах и на предприятиях сферы обслуживания). Дополнительными точками притяжения и непосредственного формирования кадров служат образовательные учреждения, Алтайская академия гостеприимства и филиал Алтайского государственного университета. Влияние на формирование межмуниципальных связей оказывает деятельность Белокурихинского автовокзала, транспортных компаний города, а также появление аэропорта для самолётов малой авиации.

Несмотря на то, что Белокуриха специализируется на оказании санаторно-курортных услуг, на его территории развита и пищевая промышленность, обеспечивающая потребности не только самого курорта, но и его окрестностей. С другой стороны, фермерская продукция (зерновые, бобовые, овощи и пр.) поставляется в санатории и из близлежащих населённых пунктов. То же можно сказать и о лекарственном сырье и готовой продукции, в том числе БАДах.

На территории города-курорта существуют строительные компании, организации по оказанию услуг, которые необходимы жителям не только Белокурихи, но и её окрестностей. В строительной сфере взаимодействие основано на поставке материалов: древесины из Алтайского, камня из Смоленского и гравия из Советского районов.

Туристско-развлекательный комплекс «Сибирское подворье» в поиске более эффективного функционирования, наряду с оказанием экскурсионных услуг, сменил приоритет на выпуск

сельхозпродукции, переработку. В 2021 г. открыт собственный магазин мясной продукции, развивает новое направление - выращивание грибов. Эта продукция идет в санатории Белокурихи, но её приобретают и жители прилегающих территорий.

Способствует укреплению межмуниципальных связей и деятельность туристических фирм. Из курортной зоны проводятся экскурсии по маршрутам, пролегающим зачастую по территории соседних районов. Пасеки, аутентичные гостевые дома представляют интерес для туристов. Посещаются музеи в с. Новотырышкино - музей «Технические символы народного хозяйства СССР», «Парк животных Ледникового периода», в Белокурихе 2 - музей шоколада, историко-архитектурный комплекс «Андреевская слобода», арт-объекты (скульптура «Мыслитель», «Поляна художника», «Пепелац»), музей под открытым небом «Вольфрамовый рудник», в с. Даниловка - Фото-Лэнд парк. Знакомство с местом производства продуктов питания также может быть очень привлекательным (производство сыра в селах Солоновка, Куяган).

Таким образом, направлениями взаимодействия населенных пунктов с курортом Белокуриха являются: трудоустройство, сбыт сельскохозяйственной продукции, размещение туристов в гостевых домах, экскурсионное посещение, предоставление различных услуг.

В целях развития Большой Белокурихи как единого туристского комплекса на основе межмуниципального взаимодействия нами предлагается сформировать инвестиционные площадки в рамках единого проекта центра пространственного развития Алтайского края. Анализ существующей территориальной структуры центра позволил выявить проблемы и предложить рекомендации по развитию.

Для успешной реализации инвестиционных проектов необходимы преобразования транспортной инфраструктуры, а именно: реконструкция автомобильных дорог к аэропорту Горно-Алтайска, межрегиональной автодороги к западной части Республики Алтай (с подходом к Денисовой пещере) в южную часть, через природный парк Предгорье Алтая с выходом к старому Чуйскому тракту.

Предлагаются основные локации (более 40) для инвестиционных проектов в Большой Белокурихе: вдоль фаса Алтая, у мест выхода рек и ручьев из горной части - довольно доступные участки, привлекательные разнообразием ландшафтов.

Этими достоинствами обладает локация города Белокурихи, а также быть долины других рек; село Солоновка в долине р. Песчаной до устья р. Быстрая, территория бывших сел Осиновка и Сосновка, признанная лечебно-оздоровительной местностью, по результатам исследования Томского НИИ курортологии и физиотерапии [4].

В Стратегию социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. «Большую Белокуриху» целесообразно включить в качестве одного из приоритетных проектов. Генеральная цель стратегии – сохранение и развитие человеческого капитала через создание комфортной среды для жизни, творчества и самореализации. Для этого в Алтайском крае необходимы проекты, дающие возможность населенным пунктам, в том числе депрессивным, определить перспективные направления развития. В разделе «Пространственное развитие» стратегической задачей является формирование опорных центров экономического роста, обеспечение качества пространственного развития. Отмечается важность агломерационных процессов для развития территорий.

Среди восьми центров выделен Предгорный [5], но размытое понятие «Предгорный центр» с невыраженными границами определит сложность развития этой территории. В этом «центре» можно выделить 3 наиболее развитые территории: Белокуриха, Алтайское, «Ая – Бирюзовая Катунь», находящиеся на расстоянии 50 км друг от друга. При их относительно малых размерах (агломерационном эффекте) их сложно соотнести с понятием одного центра. Активное развитие левобережья р Катунь может быть обоснованием для выделения девятого центра роста «Катунского». В Алтайском крае предгорная зона занимает территорию нескольких районов в южной и восточной частях. Название «Предгорный» является неудачным с точки зрения продвижения и формирования бренда. Кроме того, центры пространственного развития края будут конкурировать с подобными центрами других регионов, имеющих свои предгорные территории. Большая Белокуриха имеет значительно большие перспективы формирования имиджа с четко выраженным центром и сопредельными территориями.

Заключение. Проведенные исследования были направлены на выявление возможностей развития Большая Белокурихи как межмуниципального центра в пределах города Белокурихи и сопредельных населенных пунктов. Пространственный анализ показал необходимость улучшения транспортной доступности и связанности отдаленных территорий с главным центром -

Белокурихой. Целесообразно развитие транспортной сети по двум направлениям. Первое направление: транспортная сеть через природный парк «Предгорье Алтая» (Белокуриха 2 - Белокуриха 3 (Осиновка) со строительством моста через реку Песчаная между бывшими селами Осиновка и Сосновка и возможностью выхода в Солонешенский и Алтайский районы). Это необходимо для создания кольцевых маршрутов и будет способствовать росту интереса к туристскому освоению отдаленных сел в Солонешенском (Большая Тихая) и Алтайском районах (Булатово, Куяган), и как следствие, создаст условия для их социально-экономического развития. Второе направление: формирование транспортной инфраструктуры Белокуриха - Солонешное - Денисова пещера - Усть-Кан, что способствует увеличению турпотока и снижению нагрузки на Чуйский тракт, развитию кольцевых маршрутов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-35-90071.

Литература

1. Белокурихинская лечебно-оздоровительная местность [Текст] / В. С. Ревякин, С. Б. Поморов, Н. Ф. Вдовин [и др.]. – Барнаул : Изд-во НИИГП, 1997. – 154 с.
2. Арумова, Е.С. Межмуниципальное сотрудничество как механизм управления местным развитием [Текст] / Е.С. Арумова // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2012. – №4. – С. 332-334.
3. Кузнецова О.П. Межмуниципальное экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы развития. // О.П.Кузнецова, А.В. Негодуйко– Омск, 2009. – 156 с.
4. Биоклиматический паспорт лечебно-оздоровительной местности «Белокуриха-3» (Алтайский край, Смоленский район) / Сост. Джабарова Н.К., Сидорина Н.Г., Коханенко А.А., Фирсова И.А. – Томск, 2017. – 56 с.
5. Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. (проект). – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/ff2df63883cef734f344126c2294c79e/ak_2019.pdf. – Загл. с экрана.

Сведения об авторах:

Олег Сергеевич Акимов, аспирант кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет
E-mail: akimovo@mail.ru

Анастасия Константиновна Волкова, аспирант, ассистент кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет

E-mail: nastasiakonstantinovna@gmail.com

Александр Николаевич Дунец., д.г.н., профессор, руководитель института географии, Алтайский государственный университет

E-mail: dunets@mail.ru

УДК 796.5:556.5

И. А. Байраков

I. A. Bairakov

ТУРИСТКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРНЫХ ОЗЕР ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

TOURIST-RECREATIONAL POTENTIAL OF MOUNTAIN LAKES IN THE CHECHEN REPUBLIC

В статье охарактеризованы наиболее уникальные природные объекты горных ландшафтных комплексов Чеченской Республики. Горный рекреационный район располагает значительным природно-рекреационным потенциалом. Здесь имеется ряд природных ресурсов, которые могут быть использованы в качестве объектов рекреации и туризма. В районе имеются уникальные водные объекты – озера Кезеной-Ам, Безеной-Ам, Галанчожское озеро. Результаты исследования положены на карты рекреационных ресурсов Чеченской Республики.

The article described the most unique natural objects mountain landscape complexes of the Chechen Republic. Mountain recreation area has considerable natural recreational potential. There are a number of natural resources that can be used as objects of recreation and tourism. In the district there are unique water-Lake Kezenoj-am, Bezenoj-am, Galanchozhs Lake. The results of the study are based on the maps of the recreational resources of the Chechen Republic.

Ключевые слова: ландшафтные комплексы, рекреация, туризм, озера, памятники истории и археологии.

Key words: landscape complexes, recreation, hiking, lakes, monuments of history and archaeology.

По своим физико-географическим особенностям и с точки зрения направления хозяйственного использования, горные районы

представляют собой районы значительным климатическим и биологическим разнообразием, что делает их одним из перспективных для развития индустрии туризма, но и для возрождения традиционных форм хозяйствования чеченского народа

А для этого есть все потенциальные возможности: здесь располагаются сказочные по красоте природные ландшафтные комплексы, историко-археологические памятники характеристики некоторых из них мы приводим ниже.

Озеро Кезеной-Ам – носит название «Жемчужина Кавказа» и является самым красивым озером на Северном Кавказе. Озеро расположено на территории Веденского района Чеченской Республики в 62 км от с. Шатой, на высоте 1869 метров над уровнем моря. За свою неповторимую красоту озеро Казеной-Ам считается главной достопримечательностью природы не только Чеченской Республики, но и всего Северного Кавказа. Также в озере ведется рыба эндемик – Эйзенамская форель.

На озере ведется строительство туристско- рекреационной зоны. построен отель, ресторан коттеджи для проживания туристов.

Озеро Безеной-Ам расположено на склоне долины реки Шаро-Аргун, у подножья горы Чародо, в 8—10 километрах от селения Дай, на высоте 1500 метров над уровнем моря. Форма озера овальная, площадь — 2 гектара. Вокруг — густой лес. Озеро Безеной-Ам образовалось в верховьях узкой балки, по которой протекает небольшая речка, в результате ее запруживания оползнями.

Озеро древнее и в настоящее время находится в стадии угасания. Глубина его не превышает четырех метров, в то время как первоначальная глубина была 40—50 метров. Питается озеро дождевыми водами и впадающими в него ручьями. Рыбы в озере нет. Озеро может быть очищено, углублено и использовано для отдыха. Имеет потенциал для развития туристско-рекреационной зоны.

Галанчожское озеро находится в горной Чеченской Республики, на северных отрогах Скалистого хребтом Юкерлаш, в верховьях, в верховьях бассейна реки Гехи. Расположено на правом склоне долины реки Осу-хи, примерно в 22,5 км южнее с. Шалажи (Урус-Мартановский район) и в 20 км юго-западнее с. Харсеной (Шатойский район), на высоте 100 метров над уровнем реки и 1533 метров над уровнем моря. Озеро имеет почти правильную овальную форму с осями 450 и 380 метров. Площадь – 10 гектаров. Форма

котловины воронкообразная. Наибольшая глубина в центре озера 31 метр. Вода в озере прозрачная, при солнечной погоде ярко-голубая с зеленоватым оттенком.

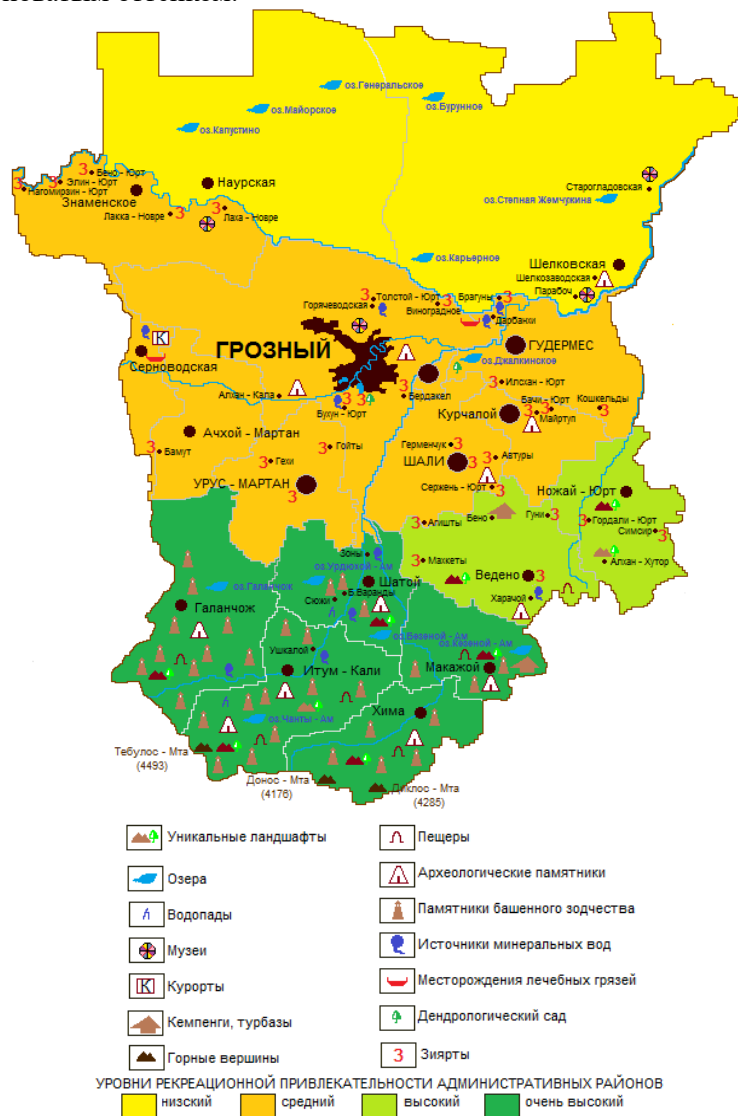

Рис. 1. Рекреационная карта Чеченской Республики

В озере водится форель. В окрестностях располагаются многочисленные средневековые башенные строения и другие исторические памятники. В советское время озеро имело рекреационное и эстетическое значение. Здесь проходили туристические тропы в верховья рек Чанты-Аргун, Шаро-Аргун и далее в Грузию, а так же в Таргимскую котловину республики Ингушетия. Учитывая перечисленные достоинства, озеро Галанчож включено в каталог потенциальных Рамсарских водно-болотных угодий международного значения и ключевых орнитологических территорий России, объявлено памятником природы республиканского значения.

Южный (горный) экономико-географический район занимает всю горную Чечню в пределах Шатойского, Чеберлойского, Галанчожского, Веденского и Ножай-Юртовского административных районов.

Основным богатством горно-лесного подрайона являются леса: буковые или чинаровые с примесью граба, дуба, клена, ясени, карагача и других широколиственных древесных пород, с зарослями дикорастущих плодовых деревьев и кустарников. Буковые леса горной Чечни представляют огромную промышленную ценность. Промышленные запасы древесины составляют более 50 млн. кубометров.

Лесоразработки велись в Ножай-Юртовском, Веденском, Шатойском районах, работало несколько леспромхозов. Учитывая слаборазвитую промышленность в горном районе, целесообразно было бы организовать там производство мебели, товаров и т.д. в районных центрах Ножай-Юрт, Ведено, Шатой и Итум-Кали.

Горный район республики богат разнообразными полезными ископаемыми. В бассейне реки Фортанги и ее притока Футуна имеются месторождения нефти, природного газа, а по реке Чанты-Аргун – огромные залежи гипсов, гипсовых ангидридов, доломитов, известняков, цементных мергелей, песчаников. Крупнейшее промышленное значение имеют мощные залежи ангидридов и гипсов в Итум-Калинском районе, а также залежи цементных мергелей у с. Малые Варанды, на реке Чанты-Аргун, на базе, которого был построен крупный Чеченский цементный завод с годовой мощностью до 1млн 200 тыс. тонн.

«Туристско-рекреационный кластер Кезеной-Ам»

Целью создания туристско-рекреационного кластера Кезеной-Ам» является повышение конкурентоспособности

туристического рынка Чеченской Республики и формирование условий для ускоренного развития туризма.

Строительство основных объектов кластера планируется и осуществляется в районе озера Кезеной-Ам. Озеро расположено на территории Веденского района Чеченской Республики в 62 км от с.Шатой, на высоте 1869 метров над уровнем моря. За свою неповторимую красоту озеро Казеной-Ам считается главной достопримечательностью природы не только Чеченской Республики, но и всего Северного Кавказа.

Рис. 2. Озеро «Кезеной-Ам» Жемчужина Чеченской Республики

Озеро располагается в юго-западной части Андийского хребта и зажато между отрогами хребтов, высота которых достигает 2657 метров (гора Азаль над долиной р. Кауха) к востоку от озера и 2791 метра к западу (гора Хачкар, хребет Кашкерлам над долиной р.Харсум). Глубина озера составляет 72 метра, площадь поверхности — 2,4 кв. км., максимальная ширина — 735 метров, длина береговой линии — 10 километров. Озеро питают впадающие в него речки и ручьи, а также выбивающие в самой котловине ключи.

Одна из особенностей озера – почти полное отсутствие волн на его зеркальной глади. Андийский хребет защищает долину от

резких ветров с севера, поэтому на его берегах в свое время была олимпийская база сборной СССР по академической гребле и каноэ, и развитая туристическая инфраструктура. Во время военных действий в Чеченской Республике база была полностью разрушена.

Путь к озеру лежит через равнинные селения, которые, несомненно, будут интересны туристам, одним из которых является старейшее чеченское селение Ведено, далее – село «Харачой» – родина национального героя, знаменитого абрека Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского).

От западного залива озера «Кезеной-Ам» всего лишь два километра до развалин древнего укрепленного города-крепости «Хой». Его боевые и сигнальные башни нависли над глубоким ущельем, уходящим в район «Макажоя». Склоны гор здесь изоборожены десятками древних искусственных террас для земледелия.

Целью создания зоны отдыха на озере «Кезеной-Ам» являлся не только коммерческий интерес, но и открытие удивительного, нетронутого уголка природы для доступного отдыха широким слоям населения.

В связи с этим разработаны инвестиционные проекты строительства баз отдыха, срок реализации, которых намечен на – 2014-2018 годы.

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-45-200002».

Литература

1. Байраков И.А. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. [Текст] / Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х., Шахтамиров И.Я. Учебное пособие.- Грозный, Изд-во ЧГУ. 2006.- 375 с.
2. Байраков И. А. Геоэкологические основы использования горно-луговых геосистем Чеченской Республики. // Материалы межвузовской научно- практической конф. посвященной 25-летию ЧГПИ. Грозный, 2005.
3. Байраков И.А. Структура и динамика буковых фитоценозов в пределах Чеченской Республики [Текст] / Байраков И.А. // Вопросы Современной науки и практики университет им. В.И. Вернадского. № 4. Том.2. Серия Технические науки. - Тамбов, 2008. - С.31 – 39.
4. Байраков И.А. Горные умеренные гумидные ландшафты Чеченской Республики и их антропогенные нарушения [Текст] /Байраков И.А., Идрисова Р.А. // Научный журнал АГУ «Естественные науки» №3.- Астрахань, 2011. - С.21-26.

Сведения об авторе:

Идрис Абдурашидович Байраков, кандидат биологических наук, доцент Чеченского государственного университета, 364014, Россия, Грозный, ул. Лермонтова д.81.кв.83.

E-mail: idris-54@mail.ru

УДК 338.486

Х. Баутиста, А.В. Джу
H. Bautista, A.V. Dju

АНАЛИЗ БЛОКЧЕЙНА И КРИПТОВАЛЮТ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ANALYSIS OF BLOCKCHAIN AND CRYPTOCURRENCIES IN THE TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

В статье рассматриваются перспективы развития цифровых технологий в сфере туризма. В данной статье мы проводим SWOT-анализ, чтобы проанализировать, как блокчейн и использование криптовалют влияют на индустрию туризма и гостеприимства, например, на доходы от путешествий и туризма в Республике Татарстан. Наши результаты показывают, что использование электронной торговли может привлечь внутренний и международный туризм, а также снизить барьер валютных курсов для иностранных туристов. Кроме того, мы получили актуальную информацию о мировой ситуации и о возможностях Татарстана и Российской Федерации. Далее нам нужно рассмотреть тенденции блокчейна и криптовалют в индустрии туризма и гостеприимства после пандемии, которые еще не были изучены.

The article discusses the prospects for the development of digital technologies in the industry of tourism. In this article, we conduct a SWOT-analysis to analyze how the blockchain and the use of cryptocurrencies affect the tourism and hospitality industry, for example, the income from travel and tourism in the Republic of Tatarstan. Our results show that the use of e-commerce can attract domestic and international tourism, as well as reduce the exchange rate barrier for foreign tourists. In addition, we received up-to-date information about the global situation and the opportunities of Tatarstan and the Russian Federation. Next, we need to consider at the trends of blockchain and

cryptocurrencies in the tourism and hospitality industry after the pandemic, which have not yet been explored.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, туризм, гостеприимство, технологии, инновации.

Key words: cryptocurrencies, blockchain, tourism, hospitality, technologies, innovations.

В настоящее время цифровые технологии меняют подход компаний к рынку для потребителей. Развитие Интернета и электронной коммерции внесли огромное развитие в сферу продаж где, компании предлагают, и взимают плату, но взамен предоставляют свои услуги и продукты. В настоящее время многие работают на цифровом рынке, где необходимо изучать и другие переменные [1, с.36].

Блокчейн – на сегодняшний день является новейшей технологией, интерес к которой вырос вместе с популярностью криптовалют. Сегодня ее широко обсуждают не только в мире финансов. Блокчейн уже пробуют использовать для хранения и обработки персональных данных и идентификации, в маркетинге и компьютерных играх.

Проникновение криптовалют на рынок меняет бизнес-модели по всему миру. По данным CoinMarketCap, NASCAD и DJI, к началу 2020 года цена биткоина выросла более чем на 294% [2].

Татарстан активно внедряет инновационные технологии, в том числе и блокчейн. Республика нарастит долю расчетов по картам до 50% в 2021.

Татарстан в рейтинге самых «безналичных» регионов, по итогам III квартала, занял 39-ю позицию – к такому выводу пришли эксперты «Платформы ОФД» и Сбербанка. Доля безналичных платежей в республике составляет 47,2% [3].

Три города Татарстана попали в топ-100 самых «безналичных» городов России в рейтинге Сбербанка 2020. Наибольшая доля безналичных платежей была зафиксирована в Альметьевске (50,84%) – 67-я позиция в рейтинге. На 74-й строке – Нижнекамск с «безналичной долей» в 50,5%, а на 93-й – Казань. Доля безналичных платежей здесь – 49,3%», — сообщает пресс-служба Сбербанка [4].

Чтобы свести к минимуму частоту финансовых кризисов, а также кризиса COVID-19, некоторые развивающиеся страны могли бы принять меры по контролю за притоком и оттоком капитала.

Контроль над притоками может предотвратить крупные притоки, а также уменьшить чрезмерное кредитование и краткосрочные спекуляции и заимствования. Контроль над оттоком капитала снизит риск внезапного оттока капитала, если иностранный капитал решит покинуть страну не только из-за финансовых кризисов, но и по другим причинам, таким как политические проблемы и риски. По словам ученых, финансовая либерализация укрепляет международный капитал и, передавая полную власть центральным банкам, правительства имеют мало политического контроля над денежно-кредитной политикой и обменным курсом [5].

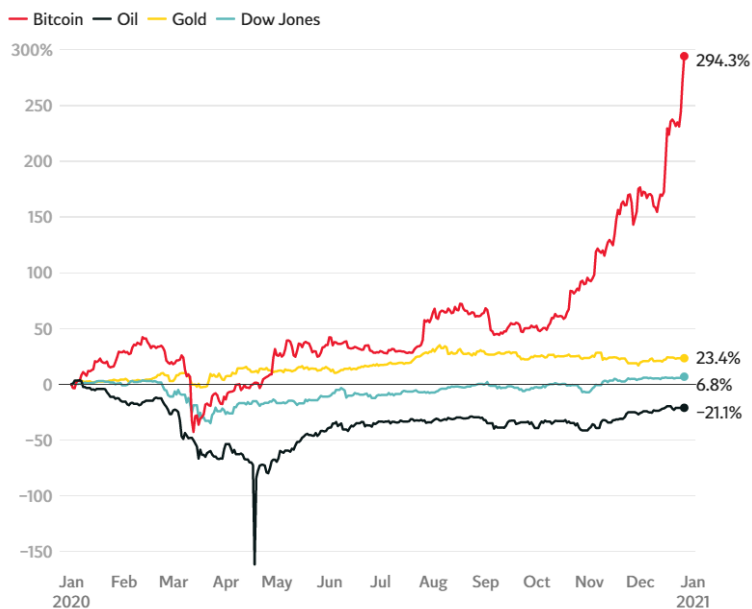

Рис.1. Динамика биткоина за 2020 год

Источник: Динамика биткоина в 2020 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного сервиса о биткоинах. — Режим доступа: <https://coinmarketcap.com/currencies/bitcoin/> (дата обращения: 15.01.2021).

Власть переходит к бюрократам и финансистам, которые контролируют международные финансовые институты. С другой стороны, следует заметить, что валютный контроль часто может привести к созданию черных рынков для обмена более слабой валюты на более сильные валюты. Это приводит к ситуации, когда

обменный курс иностранной валюты значительно превышает курс, установленный правительством, и, следовательно, создает теневой валютный рынок.

Таким образом, неясно, имеют ли правительства возможность ввести эффективный валютный контроль или нет. Валютный контроль является сложной задачей для международных компаний, поскольку он препятствует их способности торговать в местных валютах. Эти ограничения часто влекут за собой дополнительные усилия по обработке данных для компании и увеличивают затраты на валютные операции и трансграничные платежи.

Платежи и сборы, осуществляемые через Интернет, легко поддаются проверке государственными администрациями и могут снизить риск налогового мошенничества, поэтому было интересно изучить развитие этих показателей с течением времени [6, с.348].

В эпоху электронной коммерции многие развивающиеся страны имеют валютный контроль, и их жителям не разрешается покупать через Интернет международные товары и услуги. Страны, которые сегодня находятся под контролем капитала, являются важным потенциальным рынком. Потому что, как только они получают доступ к совершению покупок через Интернет, это изменит объем электронных транзакций.

Даже в этом динамичном списке странами с более высоким валютным контролем являются: Армения, Багамские Острова, Камерун, Китай, Куба, Эфиопия, Гана, Индия, Иран, Ливия, Марокко, Мьянма, Мозамбик, Намибия, Непал, Нигерия, Северная Корея, Самоа, Южная Корея, Южная Африка, Судан, Тунис, Украина, Узбекистан и Венесуэла.

Это исследование позволяет нам нарисовать общую картину влияния уровня, на котором компании используют криптовалюты для бизнеса, на потребительские транзакции и расходы, как входящих, так и исходящих посетителей. Чтобы провести последовательный анализ данных, нам нужны были данные за все годы, и это было ключевым фактором, определившим исследуемый нами период времени. Кроме того, поскольку переменные, использованные в этом исследовании, были взяты из различных источников, важно было рассмотреть только те страны, по которым данные имелись во всех докладах.

Данные по основным зависимым переменным были собраны из Отчета о конкурентоспособности путешествий и туризма (Всемирный экономический форум). Всемирный экономический форум в течение последних 11 лет привлекал лидеров в области путешествий и туризма для проведения углубленного анализа конкурентоспособности путешествий и туризма в 136 странах мира. Индекс конкурентоспособности путешествий и туризма, кратко представленный ранее, был разработан в период с сентября 2005 года по октябрь 2006 года Всемирным экономическим форумом в тесном сотрудничестве с международными организациями, такими как Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA), Всемирная туристская организация (UNWTO) и Всемирный совет по путешествиям и туризму (WTTC).

Валютный контроль - это набор ограничений, применяемых некоторыми правительствами для запрета или ограничения продажи или покупки иностранной валюты гражданами или резидентами, а также продажи или покупки местной валюты иностранцами или нерезидентами.

Теперь криптовалюта официально является имуществом, а также средством накопления и инвестирования. Но так как это имущество, которое еще и может приносить прибыль, то его нужно регистрировать (кошельки), декларировать и платить налог в 13-15% от прибыли! Но делать это нужно, если ваши сделки с криптовалютой превышают в сумме 600 000 (шестьсот тысяч) рублей в год, остальные же операции частных лиц отслеживать временно не планируется [7, с. 94].

Можно владеть криптовалютой совершенно легально, но при этом не используя ее в качестве платежного средства.

Каким образом будет отслеживаться движение криптовалют и доход с них - совершенно непонятно. Роль криптовалют в индустрии туризма нельзя недооценивать, и она является важнейшей движущей силой современного информационного общества в России. Роль «электронной коммерции» заключается в том, чтобы позиционировать пункт назначения как безопасный и предпочтительный для международных туристов.

Можно получить доступ к новым глобальным рынкам и международным партнерствам, что приведет к появлению новых бизнес-моделей, повышающих ценность для клиентов и увеличивающих прибыльность, а также к более эффективным стратегиям сегментации, таргетинга и позиционирования.

Впоследствии фаст-фуд, онлайн-бронирование путешествий и связанные с ними туристические услуги признаны одной из самых успешных реализаций блокчейна на сегодняшний день.

Таблица 1

SWOT-анализ криптовалюты

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Единая глобальная система; 2. Скорость проведения транзакций; 3. Безопасные транзакции, сеть и бухгалтерская книга; 4. Предотвращение кражи/ мошенничества личных данных; 5. Все транзакции видны (всем); 6. Расширение прав и возможностей: у каждого своя финансовая система; 7. Простота использования. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Виртуальные валюты и интернет-площадки не регулируются законодательством многих стран; 2. Все хранится на компьютерах и смартфонах, поэтому существует риск воровства; 3. Вернуть электронные деньги в случае кражи минимальны, т.к. нет хозяина, которому можно было бы пожаловаться. 4. Нестабильность криптовалюты.
Угрозы	Возможности
<ol style="list-style-type: none"> 1. Анонимность может привести к незаконному использованию данных; 2. Риск целостности из-за неизвестного контрагента; 3. Нет законодательства для защиты потребителей; 4. Баланс пользователя может исчезнуть. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая скорость проведения операций; 2. В любое время (24/7); 3. Полная анонимность, не требуется никакой личной информации; 4. Банковский счет не нужен 5. Криптовалюты могут использоваться для электронной оплаты товаров у продавцов, которые готовы принимать их.

Социальные сети играют все более важную роль в качестве источников информации для путешественников. В частности, мобильная коммерция позволяет потребителям совершать покупки в любое время и из любого места. Общий объем продаж по всему миру в 2020 году составит более 500 миллиардов долларов США. По данным Евростата (2020), в 2018 году арендованное туристами жилье было забронировано онлайн более чем на 50% поездок, совершенных жителями Европейского Союза. Кроме того, распространенность онлайн-бронирования была немного выше для поездок за границу.

Очевидно, что электронная коммерция является важной предпосылкой для успешных организаций в формирующейся глобальной сетевой бизнес-среде, наделенной возможностями Интернета, особенно для индустрии туризма [8, с. 356].

Благодаря развитию электронной коммерции ожидания за последние годы изменились. Теперь потребители могут покупать бесконечное количество товаров онлайн и могут самостоятельно организовать любую поездку по своему желанию. В настоящее время мы можем не только сравнить цены в Интернете и найти ресторан или отель, используя информацию из разных источников, но и забронировать номер, и даже произвести оплату всего за один

быстрый клик и со скидкой. Онлайн-оплата является эффективной транзакцией и должна быть интегрирована в любую маркетинговую стратегию потребителя.

С увеличением числа владельцев смартфонов на протяжении многих лет мобильные устройства вызвали сдвиг в том, как сейчас работает электронная коммерция. Покупатели проводят онлайн-исследования, прежде чем совершить покупку, используя поисковую систему, а также читая отзывы о товарах, чтобы снизить риск покупки. Рост источников безопасности для электронной оплаты, таких как PayPal, также изменил способ, которым потребители могли совершать платежи и делать покупки онлайн, предлагая при этом доверие, безопасность и конфиденциальность.

В наиболее развитых регионах мира он предназначен для облегчения покупок потребителей и позволяет экономить средства производителям и продавцам, в то время как инновации в области мобильных платежей в некоторых Азиатских и африканских странах в значительной степени обусловлены услугами. Это важное различие в поведении электронной коммерции, которое не было рассмотрено в достаточной степени.

Следовательно, гиганты электронной коммерции, а также более мелкие компании обращают внимание на растущую важность и возможности незападных рынков, и они развиваются в этом направлении, чтобы воспользоваться преимуществами. Однако компании должны адаптироваться к различным языкам, валютам, представлению бренда в Интернете, логистике, а также сезонным тенденциям.

В литературе выявлено много существенных факторов, препятствующих внедрению электронной коммерции. Вместе с внутренними барьерами организаций можно выделить совокупность препятствий, возникающих из-за инфраструктурных (технологических и экономических), политических, правовых, социальных и культурных барьеров, существующих в стране. Несмотря на то, что большинство барьеров всем известны и непосредственно связаны причинно-следственными связями, мы провели небольшой анализ о ключевом факторе, который ранее не рассматривался - о валютном контроле. Граждане стран с валютным контролем не могут покупать, бронировать или оплачивать иностранные товары через Интернет, если у них нет кредитной карты в иностранной валюте.

Коронавирус оказал огромное влияние на зарождающуюся индустрию криптовалют. С точки зрения финансового кризиса контроль над капиталом является важной макроэкономической мерой, которую страна может использовать для предотвращения и смягчения финансового кризиса. С другой стороны, социальные выгоды от притока капитала имеют неясные результаты.

Несмотря на все вышесказанное, мы считаем, что технология блокчейн и криптовалюты оказывают положительное влияние на туристическую индустрию, и с помощью анализа мы можем понять, что важность использования Интернета в 2021 году играет огромную роль в сфере туризма. Интернет стал более доступным, чем когда-либо прежде, даже в ранее недостаточно обслуживаемых уголках мира. По мере того как всемирная паутина становится действительно всемирной, крипто-рынок расширяет свой охват на новые и все более важные рынки [9].

Литература

1. Басько, О.О. Управление финансовыми активами в условиях цифровой экономики // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 20 (44). – С. 36-38.

2. Динамика биткоина в 2020 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного сервиса о биткоинах. — Режим доступа: <https://coinmarketcap.com/currencies/bitcoin/> (дата обращения: 15.01.2021).

3. Важность онлайн - платежей в сфере туризма [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного портала ResearchGate. — Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/334288240> (дата обращения: 15.01.2021).

4. Сбер подключил к своей платформе блокчейн Waves Enterprise [Электронный ресурс] // Официальный сайт новостного портала РБК. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5feb4cfd9a7947e2c4c4fbc3> (дата обращения: 15.01.2021).

5. Биткоин в 2021 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного портала INDEPENDENT. — Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/bitcoin-price-prediction-2021-b1781928.html> (дата обращения: 15.01.2021).

6. Сурнина, К.С. Цифровые финансовые активы: аксиомы использования и тематические противоречия / К. С. Сурнина, Ю. М. Дененберг // Экономика и управление народным хозяйством: генезис, современное состояние и перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Воронеж, 2018. – С. 347-352.

7. Стрельников, Е.В. Концептуальные основы рынка капитала на базе модели ценообразования на финансовые активы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2016. – №1. – С. 92-96.

8.Хелферт Э. Техника финансового анализа : Путь к созданию стоимости бизнеса: [пер. с англ.]/Э. Хелферт. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2003. – 640 с.

9. Экономика на высоких технологиях [Электронный ресурс] // Официальный сайт новостного портала РБК. — Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5fa599aa7a8aa932afcdc847> (дата обращения: 15.01.2021).

Сведения об авторах:

Хьюго Эспиноза Баутиста, кандидат биологических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Hugo Espinosa Bautista, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Service and Tourism Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

E-mail: hbautista@mail.ru

Александра Викторовна Джу, студент, Казанский (приволжский) федеральный университет, Казань

Alexandra V. Dju, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

E-mail: dju.c99@mail.ru

УДК 379.85+911.6 (571.17)

О.А. Брель, Ф.Ю. Кайзер
O.A. Brel, Ph. Yu. Kaizer

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРИСТСКОГО СЕВЕРА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАРИИНСКО- ТЯЖИНСКОГО ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО РАЙОНА)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF TOURISM NORTH OF THE KEMEROVO REGION (ON EXAMPLE OF MARIINSKO- TYAZHINSKY OF TOURIST-RECREATIONAL AREA)

В статье рассмотрен туристский север Кемеровской области. Приведены результаты перекрестного SWOT-анализа развития туризма на территории Мариинско-Тяжинского туристско-рекреационного района. Доказано, что исследуемая территория обладает богатым, но не в полной мере используемым туристско-рекреационным потенциалом.

The article considers the tourist north of the Kemerovo region. The results of a cross SWOT-analysis of tourism development in the territory of the Mariinsko-

Tyazhinsky tourist-recreational area are presented. It is proved the territory under study has a rich, but not fully used, tourist and recreational potential.

Ключевые слова: туризм, туристско-рекреационный район, Кузбасс, Мариинско-Тяжинский, SWOT-анализ, субкластер.

Key words: tourism, tourist-recreational area, Mariiinsko-Tyazhinsky, Kuzbass, SWOT-analysis, subcluster.

Анализ территориальной организации туризма в Кемеровской области, позволяет констатировать динамичное развитие туризма на юге региона и необходимость более активного использования туристского потенциала других территорий области, в том числе туристского севера Кузбасса. Для этого администрацией области был принят ряд программ и стратегий, в том числе стратегия по развитию туристско-рекреационного кластера Кузбасса до 2025 года [1]. Развитие кластера также предполагает формирование целостного комплекса взаимосвязанных предприятий туристской индустрии и вспомогательных производств, уже сформировавшихся и формирующихся в четырех туристских субкластерах, специализирующихся на разных видах туризма и их сочетании (таблица 1).

Таблица 1.

Краткая характеристика туристско-рекреационных субкластеров Кузбасса (составлено по [1] с дополнениями авторов)

Субкластер	Виды туризма
Горная Шория (располагается на юге и юго-восток области)	<i>По цели:</i> джайлоо, купально-пляжный, историко-культурный, научный, оздоровительный, охота и рыбалка, приключенческий, событийный, спелеотуризм, спортивный, темный (мистический), экологический, этнографический, экскурсионно-познавательный. <i>По способу передвижения:</i> водный, горнолыжный, горно-пешеходный, джиппинг, сафари, пешеходный, конный, лыжный, снегоходный. <i>По используемым ресурсам:</i> горный, речной, лесной. <i>По возрасту:</i> детский, юношеский, молодежный, взрослый.
Салаирский (юго-запад области)	<i>По цели:</i> геологический, паломнический познавательный, промышленный, оздоровительный, образовательный, охота и рыболовство, темный (мистический), экскурсионно-познавательный, этнографический. <i>По способу передвижения:</i> горнолыжный, пешеходный, лыжный. <i>По используемым ресурсам:</i> речной, лесной, горный, озерный. <i>По возрасту:</i> детский, юношеский, молодежный, взрослый.
Притомский (центр области)	<i>По цели:</i> деловой (бизнес-туризм), познавательный, лечебно-оздоровительный, научный, образовательный, историко-культурный, промышленный, охота и рыбалка, сельский, событийный, спортивный, темный (мистический), экскурсионно-познавательный. <i>По способу передвижения:</i> автобусный, водный, велосипедный, горнолыжный, пешеходный, лыжный, конный. <i>По используемым ресурсам:</i> речной, лесной. <i>По возрасту:</i> детский, юношеский, молодежный, взрослый.
Мариинский (северо-восток области)	<i>По цели:</i> историко-культурный, лечебно-оздоровительный, образовательный, событийный, сельский, научный, охота и рыбалка. <i>По способу передвижения:</i> водный, пешеходный, лыжный. <i>По используемым ресурсам:</i> речной, лесной, озерный. <i>По возрасту:</i> детский, юношеский, молодежный, взрослый.

В настоящее время на территории Кемеровской области выделяются двенадцать туристско-рекреационных районов, отличающихся туристской специализацией, преобладанием отдельных видов туризма, уровнем развития туристской инфраструктуры и т.д. [2]. При совокупности данных аспектов наиболее развитыми районами являются Нижне-Томский (музей-заповедник «Томская Писаница»), Притомский (г. Кемерово, музей-заповедник «Красная горка» и др.), Южно-Кузбасский (г. Новокузнецк, развлекательный комплекс «Трудармейский» и др.), а также Горно-Шорский (горнолыжный курорт «Шерегеш»). При этом лидером и главной дестинацией внутреннего и въездного туризма в регионе по праву считается ГК «Шерегеш» (юг Кузбасса), который ежегодно принимает свыше 1 миллиона туристов.

При этом, не менее перспективным районом для развития туризма, по мнению авторов, является Мариинско-Тяжинский район (часть туристского севера Кузбасса), общей площадью 121 822 км² (13,44 % площади области) с населением 3,4% Кузбасса (2019 г.). Вопросы развития туризма на территории района рассмотрены в работах А. И. Афонасовой [3], Н. Г. Евтушик, О. А. Кузьминых [4] и др. Для комплексного анализа уровня развития туризма в Мариинско-Тяжинском туристско-рекреационном районе, а также выявления конкурентных преимуществ и недостатков авторами проведен перекрестный SWOT-анализ (*из-за ограниченных требований по объему статьи, авторами приводится только перекрестная часть анализа*).

Для определения конкурентных преимуществ и недостатков развития туризма Мариинско-Тяжинского района авторами проведен перекрестный анализ сильных/слабых сторон и возможностей/угроз, отражающий основные проблемы и перспективы развития туризма на территории района.

Анализ сильных стороны и возможностей: использование в туристских целях контраста между геологическим и историко-культурным наследием района (реконструкция событий разного времени); выгодное расположение с соседними регионами (Томск, Красноярск) будет способствовать увеличению въездного туристского потока; отсутствие горнопромышленных предприятий благоприятно скажется на развитие природно-ориентированных видов туризма, в том числе, охотничьего туризма и рыбалки на экологически чистых территориях; наличие потенциально

привлекательных дестинаций с точки зрения истории (город-музей под открытым небом Мариинск, могильники Шестаковского археологического комплекса с останками пситтакозавра сибирского) позволит позиционировать район как центр историко-культурного туризма; дальнейшее развитие туризма будет способствовать улучшению состояния транспортной инфраструктуры внутри района.

Слабые стороны и возможности: негативный имидж территории из-за расположения мест лишения свободы (Тюремный замок – Мариинская тюрьма) можно использовать для развития темного и экстремального туризма; рассредоточенность действующих и потенциальных туристских объектов по району возможно нивелировать хорошим качеством дорог; более активное развитие историко-культурного туризма в городе-музее под открытым небом Мариинске приведет к улучшению состояния объектов показа города; проведение праздников, фестивалей и других туристских событий на территории Шестаковского археологического комплекса (например, фестиваль «В гостях у динозавра») привлечет большее количество любителей событийного туризма.

Сильные стороны и угрозы: отсутствие угольных шахт, разрезов приводит к оттоку населения в целом (нехватка рабочих мест), а также переезд сельского населения в крупные города области может сказаться на развитии сельского туризма; экстенсивное развитие туризма может привести к потере архитектурного облика г. Мариинска; находки окаменелых останков подобных и других представителей древнего мира на территории регионов-соседей переориентируют турпоток, что повлияет на популярность Шестаковского археологического комплекса; большое количество аттракторов на территории района без грамотного перераспределения туристского потока увеличит рекреационную нагрузку, что негативно отразится на состоянии природных комплексов.

Слабые стороны и угрозы: стагнация в туристской отрасли приведет к дальнейшему ухудшению состояния дорог внутри района между туристскими центрами; удаленность действующих и потенциальных туристских дестинаций неблагоприятно скажется на состоянии материально-технической базы и инфраструктуры туризма; имидж территории из-за расположения мест лишения свободы может стать отталкивающим фактором для туристов и воспрепятствовать формированию имиджа района как центра

историко-культурного, событийного, геологического, научно-образовательного, сельского и других видов туризма.

Таким образом, исследование показало, что Мариинско-Тяжинский туристско-рекреационный район, в частности, и туристский север Кузбасса, в целом, обладают богатым, но не в полной мере используемым туристско-рекреационным потенциалом. Грамотное позиционирование и продвижение дестинации с учетом выявленных сильных сторон и возможностей, а также снижение влияния слабых сторон и угроз на имидж территории, будут способствовать повышению ее конкурентоспособности не только в Кемеровской области, но и на межрегиональном уровне.

Литература

1. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 3 июня 2015 года N 301-р «Об утверждении стратегии развития туристско-рекреационного кластера Кузбасса на период до 2025 года».

2. Кайзер Ф.Ю. Туристско-рекреационное районирование Кемеровской области // Цифровая география: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. уч.: Цифровые и геоинформационные технологии в изучении территориальных общественных систем, рекреационной географии и туризме / науч. ред. А. И. Зырянов, Пермский гос. нац. исслед. уни-тет. – Пермь, 2020. – Т. 2. – С. 146-149.

3. Афонасова А.И. Определение рекреационной ценности Мариинско-Тяжинского рекреационного района // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – №. 7. – С.61-66.

4. Евтушик Н.Г. Особенности рекреационных районов Кемеровской области и их экологическая оценка / Н.Г. Евтушик, О.А. Кузьминых // Природа и экономика Кемеровской области и сопредельных территорий. – 2015. – С. 40-43.

Сведения об авторах:

Ольга Александровна Брель, доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой геологии и географии КемГУ, Кемерово

Olga A. Brel, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Geology and Geography of KemSU, Kemerovo

E-mail: brel_o_a@mail.ru, 89133002812

Филипп Юрьевич Кайзер, старший преподаватель кафедры геологии и географии КемГУ, Кемерово

Philipp Y. Kaizer, Senior Lecturer, Department of Geology and Geography, KemsU, Kemerovo
E-mail: *filipp.kaizer@yandex.ru*, 89130728676

УДК 338.48

Г.Ф. Валеева
G.F. Valeeva

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены тенденции развития индустрии туризма в Российской Федерации, в том числе проанализированы динамика основных количественных показателей отрасли с 2014 по 2019 гг. и влияние на них пандемии COVID-19. В целом анализ показал положительный вектор развития отрасли, чему в дальнейшем также может способствовать прорабатываемый на сегодняшний день национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства».

The article examines the trends in the development of the tourism industry in the Russian Federation, including the dynamics of the main quantitative indicators of the industry from 2014 to 2019 and the impact of the COVID-19 pandemic on them. In general, the analysis showed a positive vector for the development of the industry, which can also be promoted in the future by the national project "Tourism and the Hospitality Industry", which is currently being developed.

Ключевые слова: туризм, рекреация, туристская сфера, развитие индустрии туризма, пандемия.

Key words: tourism, recreation, tourism sector, tourism industry development, pandemic.

Несомненно, сфера туризма занимает важное место как в мировой экономической системе, так и в структуре валового продукта отдельной страны, региона или города.

Российская Федерация имеет большой туристический потенциал. По данным Всемирной туристской организации наша страна занимает одно из ведущих мест в мире в сфере международного туризма, что подтверждается статистическими

данными: например, в 2017 году на долю России приходилось 3,6% мировых поездок туристов (24 390 тыс. международных гостей), а доходы от международного туризма составили 8,945 млрд долларов (3,4 % от ВВП).

Рассмотрим основные статистические показатели туристской сферы в динамике 2015-2019 гг. для их анализа и выявления тенденций.

Таблица 1

Показатели развития сферы туризма в России 2015-2019 гг. [1]

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост
Численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, млн. чел.	49,28	54,45	61,62	73,69	76,04	1,54
Площадь номерного фонда коллективных средств размещения, тыс.м ²	13 343,8	17 844,4	19 450,5	21 632,7	22 215	1,66
Инвестиции в основной капитал средств размещения, млн. руб.	32 653,5	30 366,1	32 483,4	42 861,1	36 683	1,12
Количество койко-мест в коллективных средствах размещения, тыс ед.	1 763	1 848	2 168	2 415	2 502	1,41
Количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения, тыс чел	402,6	466,6	493,3	325,0	354,3	0,88
Количество лиц, работающих в туристских фирмах, тыс чел	48,4	40,0	47,2	66,7	61,3	1,26
Объем платных туристских услуг, млрд руб.	158,3	161,3	166,5	172,1	179,8	1,13
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд. руб	189,0	213,3	219,9	255,7	247,3	1,30
Число въездных поездок иностранных граждан (тыс.чел.)	26 852	24 571	24 390	24 551	24 419	0,90
Число выездных поездок граждан России (тыс.чел)	34 390	31 659	39 629	41 964	45 330	1,31
Число коллективных средств размещения	20135	20534	25291	28072	28302	1,40
Число ночевков в коллективных средствах размещения, тыс.	212 195	216 838	253 023	274584	283191	1,33
Число санаторно-курортных организаций, тыс.мест	1 878	1832	1802	1755	1777	0,94
Численность лечившихся в санаторно-курортных организациях, тыс.чел.	6 476	7 119	6 431	6 880	7 231	1,11
Количество объектов общественного питания (в сфере туризма)	111631	113791	115895	119217	122191	1,09
Вклад туризма в ВВП страны, %	3,30	3,40	3,90	3,90	3,90	1,18
Количество туроператоров в Едином федеральном реестре, ед.	4 110,0	4 467,0	4 553,0	4 426,0	4 613,0	1,12

Рассчитав прирост показателей с 2015-2019 гг., необходимо отметить положительную динамику практически всех рассматриваемых показателей, наибольший прирост зафиксирован у:

1) площади номерного фонда коллективных средств размещения (в 1,66 раз или на 8871 тыс.м²);

2) численности лиц, размещенных в коллективных средствах размещения (в 1,54 раза или на 26,76 млн. чел.);

3) количества койко-мест в коллективных средствах размещения (в 1,41 раза или на 739 тыс. ед.).

Лишь у трех показателей зафиксировано снижение, это:

- количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения (на 48,3 тыс. чел.);

- число санаторно-курортных организаций (на 101 тыс. мест);

- число въездных поездок иностранных граждан (на 51271 тыс. чел.).

Тем самым, можно констатировать, что за последние пять лет в целом в индустрии туризма отмечается положительная динамика. Очевидно, после появления статистики по итогам 2020 года, будет зафиксировано снижение многих рассматриваемых нами показателей, основная причина – конечно же, пандемия COVID-19.

Необходимо отметить, что последствия распространения коронавирусной инфекции еще раз подчеркнули значение туристской отрасли для мировой экономики и социальной жизни общества.

Во-первых, сложившаяся ситуация с безработицей в стране позволила еще раз убедиться, что туризм и связанные с ним смежные отрасли (транспорт, общественное питание, средства размещения, организация досуга и др.) являются важным фактором регулирования состояния региональных рынков труда.

Во-вторых, бюджеты, поступления в которые итак были сокращены в 2020 году, лишились средств иностранных туристов. В целом объем входящих платежей в индустрии туризма в мае отставал от среднегодовых значений примерно на 90%, в июне — на 80–90%, к концу июля — на 66%, к концу августа — на 54%) [2].

В - третьих, режим самоизоляции и высокая заболеваемость обусловили необходимость положительных эмоций и оздоровления населения.

Россия, которая имеет уникальные рекреационные пространства, природные и культурные достопримечательности, возможности для реализации всех видов туризма, в том числе

оздоровительного, по нашему мнению, вовремя перестроилась на активное развитие внутреннего туризма, повышая туристическую привлекательность регионов [3]. Естественно, основная причина, по которой люди стали больше путешествовать по России – это закрытие границ. Однако существуют дополнительные механизмы, предпринятые в нашей стране для стимулирования интереса граждан к внутренним туристическим направлениям.

1. Летом 2020 года Правительство выделило 15 млрд руб. на реализацию программы по возвращению (при определённых условиях) гражданам части расходов за покупку туров внутри страны. Программа была реализована в два этапа. По данным Ростуризма, в рамках первого этапа программы «туристического кэшбека» ей воспользовались 60 тыс. жителей. Так как был зафиксирован высокий интерес к программе, было объявлено о ее продлении – с 15 октября до 5 декабря. В этот период программой воспользовались уже 300 тыс. человек, а сумма возвращенных денежных средств составила 1,2 млрд руб. [4]. Можно говорить о том, что именно пандемия способствовала бурному развитию туризма в республике Алтай, Хакасия, Бурятия, на Байкал, Камчатку и на Балтийское море.

2. Обеспечение безопасного в эпидемиологическом плане отдыха, соблюдение всех предписаний Роспотребнадзора, в том числе мер профилактики в путешествиях. Лишь убедившись безопасности путешествия для собственного здоровья, россияне могли «довериться» российским курортам.

3. Быстрое перестроение работы санаторно-курортных комплексов на восстановительные после коронавирусной инфекции программы, которые пользовались повышенным спросом [5].

4. Реализация Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, которая была утверждена распоряжением Правительства от 20 сентября 2019 года №2129-р. Главными целями обозначены комплексное развитие внутреннего и въездного туризма за счет создания условий для формирования и продвижения качественного туристского продукта и усиление социальной роли туризма, увеличение доступности услуг туризма, отдыха и оздоровления [1]. Финансирование данной программы способствует реализации поставленных целей, и на сегодняшний день фиксируется достижение запланированных индикаторов.

Помимо стратегии в настоящее время прорабатывается национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства».

Согласно проекту нормативно-правового акта, он будет включать в себя три федеральных проекта, ориентированных на создание качественных и разнообразных туристических продуктов, повышение их доступности, а также снятие административных барьеров в отрасли.

Остается надеяться, что все прописанные цели, задачи и механизмы будут реализованы на практике. Это будет способствовать дальнейшему развитию как внутреннего, так и въездного туризма (особенно после окончания пандемии), позволит в кратчайшие сроки восстановить отрасль и вернуться к положительной динамике её количественных показателей.

Литература

1. Официальный сайт Федерального агентства по туризму [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/>

2. Банк России. Мониторинг отраслевых финансовых потоков // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/29129/finflows_20200806.pdf

3. Валеева Г.Ф., Кувалдина Е.А. Управление туристической привлекательностью региона // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, г. Казань, 24 января 2020 г. – Симферополь, 2020. – с.303-307

4. Динамика спроса на туристические услуги в России на фоне пандемии COVID-19: Аналитический центр при Правительстве РФ [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/BRE_68.pdf

5. Булатова Г.Н., Байбаков Э.И., Рубцов В.А., Биктимиров Н.М., Рожко М.В. Перспективы развития санаторно-курортного туризма в регионе (на материалах Республики Татарстан) // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, г. Казань, 24 января 2020 г. - Симферополь, 2020. – С.204-208.

Сведения об авторе:

Гульнара Фаридовна Валеева, ассистент кафедры сервиса и туризма Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Gulnara F. Valeeva, assistant of the Department of Service and Tourism, Kazan (Volga Region) Federal University.

E-mail: Gfvaleeva@gmail.com

**АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО
ВЬЕЗДНОГО ТУРИЗМА РОССИЯН В 2020 г.****ANALYSIS OF THE FEATURES OF THE INTERNATIONAL
OUTBOUND TOURISM OF RUSSIANS IN 2020**

Изучены особенности международного выездного туризма жителей России в период пандемии коронавируса в 2020 г. Рассмотрены ситуации на рынке выездного туризма россиян по отдельным кварталам 2020 г. Названы причины популярности отдельных туристских направлений в разные периоды.

The peculiarities of the international outbound tourism of Russian residents during the coronavirus pandemic in 2020 were studied. The situation on the outbound tourism market of Russians in individual quarters of 2020 was examined. The reasons for the popularity of certain tourist destinations in different periods were shown.

Ключевые слова: международный выездной туризм, пандемия, турпоток.

Key words: international outbound tourism, pandemic, tourist flow.

В соответствие с данными Всемирной туристской организации ООН (UNWTO), 2019 г. завершился отличными результатами развития международного туризма в мире. Число международных туристических поездок достигло 1,5 млрд., продемонстрировав рост на 4% по сравнению с 2018 годом [1]. Жители России совершили 17,95 млн. международных поездок с целью туризма, что на 10,9% больше, чем в 2018 г. [2], расширялась география стран, принимающих туристские потоки из РФ, появлялись новые зоны и виды туризма. Прогнозы на 2020 год также были вполне оптимистичны.

Пандемия коронавируса 2020 г. перечеркнула планы развития туристической отрасли в мире и в России. Такого падения показателей международного туризма не было с послевоенного периода. На момент подготовки статьи официальная статистика Пограничной службы ФСБ РФ по выезду россиян за рубеж с целью туризма опубликована только за 9 месяцев 2020 г., и, согласно

данним Пограничной службы, за этот период россиянами было совершено 3 млн. поездок, что на 78,3% меньше, чем за 9 месяцев 2019 г. (14,2 млн.) [3]. Анализ особенностей развития выездного туризма жителей России в этот непростой год представляется актуальным и интересным, тем более, что ситуация в выездном туризме резко менялась по отдельным кварталам 2020 г.

На статистические показатели в туризме за 2020 г. в положительном аспекте повлияли данные первого квартала, то есть, доковидного времени. В этот период выездной международный туризм в России развивался достаточно стандартно, соответствуя тенденциям предыдущих лет. Потоки российских туристов за границу зимой 2020 г. можно разделить на ряд составляющих:

- Туристы, отправляющиеся праздновать Новый год и проводящие новогодние праздники за пределами страны. Для этой группы была характерна в основном география выездов в европейские страны, где пользовались спросом Чехия, Венгрия, Финляндия, Швеция, Германия, Австрия, Франция, а также экзотические страны с побережьями теплых морей, где при явном лидерстве Таиланда, осуществлялись выезды в Китай на о. Хайнань, Индонезию, Доминикану.

- Туристы, посещающие горнолыжные курорты. Можно отметить выезды в горнолыжные, более демократичные по ценовой составляющей, зоны стран Восточной Европы – Польши, Болгарии, Чехии, Словакии, более дорогие стран Скандинавии – Финляндии, Швеции, Норвегии, а также на фешенебельные высокого ценового сегмента курорты Альпийской зоны – во Франции, Австрии, Италии, Германии.

- Туристы, совершающие выезды в целях пляжного рекреационного туризма. Этот вид туризма по числу участвующих в нём, лидирует. География выездов была достаточно широка: Восточная и Юго-Восточная Азия (Таиланд (преимущественно, о. Пхукет), Китай (о. Хайнань), Вьетнам, Мьянма, Малайзия, Индонезия); Южная Азия (Индия, (преимущественно, штаты Гоа и Керала), Шри-Ланка, Мальдивы); Ближний Восток (ОАЭ, Иордания, Оман, Израиль); Латинская Америка (Доминикана, Куба, Мексика, Ямайка).

- Туристы, выезжающие с экскурсионными целями. В зимний сезон экскурсионный туризм развивается в основном, как дополнение к экскурсионному пляжному, и география его повторяет страны предыдущей группы. Но есть и зимние выезды с чисто

экскурсионными целями, в основном, это туры по странам Европы, особенно выделялись Италия, Франция, Германия, Венгрия, Чехия, а также туры в Турцию.

Максимальное число туристов из России в первом квартале 2020 г. было принято странами, в которых привлекали, наряду с объектами туристского интереса россиян, ещё и поставленные прямые вылеты из регионов РФ, поскольку удобная транспортная составляющая всегда была важным залогом успеха направления. Вполне закономерно лидерами по приёму российских туристов стали Таиланд, в который россиянами было совершено 344,5 тыс. поездок, ОАЭ – 250,5 тыс. поездок, Турция – 202,6 тыс. поездок [3].

Во втором квартале с началом пандемии коронавируса, закрытия границ стран, приостановке с 27 марта Россией международного авиасообщения, снижения уровня благосостояния россиян международный выездной туризм практически перестал существовать. Пограничная служба зафиксировала в общей сложности 56 международных поездок: 42 в Молдавию, 6 в Казахстан, 5 в Армению, по одной в Испанию, на Мальту, в Швецию. В итоге, за первое полугодие 2020 г. в целом было совершено на 71% меньше турвыездов россиян, чем за первое полугодие 2019 г.

Третий квартал 2020 г. можно считать временем некоторого возрождения выездного международного туризма, когда российских туристов для пляжной рекреации начали принимать Абхазия, а с середины августа «открытая» Турция. Объёмы поездок интенсивно нарастали, и по итогам третьего квартала, фактически, 95% всех туристских выездов россиян этого периода пришлось на Турцию (757,5 тыс. турпоездок). В этот период были зафиксированы немногочисленные выезды россиян и в следующие страны (поездок): Великобритания (4,98 тыс.), США (594 тыс.), Швейцария (574 тыс.), куда приезжали исключительно с целями делового, научного туризма, для обучения; ОАЭ (1,8 тыс.), открытые в июле Мальдивы (1079), Абхазия (590), Египет (482) с целями пляжного туризма, а также Молдавия (513), Армения (507).

В целом, за 9 месяцев 2020 г. первая десятка стран по приёму российских туристов и изменение этих показателей по сравнению с рассматриваемым периодом 2019 г. представлены в таблице 1. География стран-лидеров, фактически, определялась результатами первого квартала 2020 г.

Таблица 1

Первая десятка стран по выезду россиян за рубеж с целью туризма за 9 месяцев 2019 и 2020 гг. (тыс. поездок)

№	Страна	2020 г.	2019 г.
1	Турция	960,1	4490,2
2	Таиланд	344,5	534,8
3	ОАЭ	252,3	457,7
4	Германия	136,8	555,6
5	Италия	132,3	776,2
6	Вьетнам	130,1	299,7
7	Испания	82,4	692,5
8	Чехия	78,2	288,1
9	Китай	60,0	655,3
10	Франция	58,7	323,0
	Выехало всего россиян во все страны с целью туризма (млн.)	3,0	14,2

Источник: составлено автором по данным Пограничной службы ФСБ РФ

За весь 2020 г. официальная статистика пока не опубликована, но по разрозненным источникам туроператоров и данным зарубежных министерств по туризму можно сделать ряд выводов. В 2020 г. основной страной турвыездов россиян была Турция, где туристы из России заняли первое место среди стран, формирующих турпоток в Турцию, составив 17,1% (почти 2 млн.) всех въезжающих в страну иностранных туристов [4]. Цифры могли бы быть и больше, поскольку фактор «отложенного спроса» очень активно проявился к концу 2020 г. Но прямых вылетов из многих регионов так поставлено и не было, что, наряду с боязнью заражения, значительно уменьшило возможное число выездов россиян по турецкому направлению. Тем не менее, спрос на Турцию был достаточно стабильным, вылеты осуществлялись по трём турецким направлениям: с целью рекреационного пляжного туризма в Анталию на побережье Средиземного моря, в Бодрум и Даламан на побережье Эгейского моря, с целями экскурсионного, делового и шоппинг-туризма в Стамбул. Интересно, что география поездок россиян в Турции отличается от общемировой въездной географии туристов в этой стране. Свыше 90% российского турпотока пришлось на Анталию и Эгейское побережье, где осуществлялся в основном пляжный отдых. Присутствовала боязнь выхода за пределы отеля, следовательно, россияне практически не участвовали там в бальнеологическом, приключенческом, спортивном, экскурсионном туризме. Менее 10% российских туристов отправлялись в Стамбул. Мировая география въездного туризма в Турцию иная - первое место по числу туристов занял

Стамбул (37% прибытий всех туристов), затем Анталия (27,67%), на третьем – северо-западная провинция Эдирне, граничащая с Болгарией и Грецией (13,47%), которую россияне, практически, не посещали.

Ещё одним открытым направлением стали ОАЭ. Это второе по популярности зарубежное направление для туристов из России в четвёртом квартале. Даже учитывая достаточно серьёзные требования, связанные с пандемией, к прибывающим туристам в стране, поток российских туристов в Эмираты значителен.

Достаточно неожиданным направлением стала экзотическая Танзания, а, конкретно, остров Занзибар. Россия оказалась на втором месте среди стран, отправляющих своих туристов в Танзанию, сформировав в 2020 г. 16,1% её въездного турпотока, совсем немного отстав от Франции (17% туристов). В четвертом квартале 2000 г. Танзания (Занзибар) среди других стран вышла на 3 место по посещаемости россиянами. «Успех» этого направления связан с тем, что это почти единственное разрешённое россиянам зимнее направление пляжного рекреационного туризма среднего ценового сегмента и с наличием прямых вылетов на Занзибар из некоторых аэропортов в регионах. Выезды в Танзанию осуществляются в основном в составе организованных туров через покупку турпакета с прилётом и проживанием на острове Занзибар. Участие в сафари-турах на территории материковой Танзании сведено к минимуму не только из-за пандемии коронавируса, но и из-за боязни заражения малярией.

Из направлений пляжного рекреационного туризма, доступных россиянам в 2020 г., можно выделить открытые в июле Мальдивы и в октябре Кубу. Спрос у туристов из России на поездки на Мальдивы высокий, в 2020 г. россияне сформировали на Мальдивах второй по величине турпоток - 61388 туристов или 11,1% от общей доли рынка, уступив минимально туристам из Индии, на которых пришлось 11,3% турпотока [5]. Но, поскольку это достаточно дорогое направление, вылеты только из Москвы, массовым направлением Мальдивы не стали. Куба была открыта гораздо позже, и открыт не популярный у российских туристов курорт Варадеро, а курорты Кайо Коко и Санта Клара на небольших островах. Запрет экскурсий по территории Кубы, много проблем с противопандемическими мероприятиями в стране, непонятная ситуация с тестами на коронавирус у россиян на Кубе не способствовали желанию жителей РФ в данной ситуации массово посещать остров.

Анализ ситуации на рынке международного выездного туризма россиян 2020 г. показал, что в период пандемии в большей мере турпотоки из России сдерживают не боязнь заражения коронавирусом, а закрытые границы.

Литература

1. Число международных туристических поездок в 2019 году достигло 1,5 млрд. //SWISSINFO. 20.01.2020. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/>.
2. Турпоток за рубеж в 2019 году //RATA news. 2020. № 4996. URL: https://ratanews.ru/news/news_18022020_3.stm .
3. Грустные цифры турпотока из России за девять месяцев //RATA news. 2020. № 5192. URL: https://ratanews.ru/news/news_17112020_4.stm .
4. Турпоток в Турцию рухнул: подсчитана точная статистика //Турпром. 24.11.2020. URL: <https://www.tourprom.ru/news/48567>.
5. Российские туристы уступили 1 место на Мальдивах по итогам 2020 года //Турпром. 22.01.2021. URL: <https://www.tourprom.ru/news/49085>.

Сведения об авторе:

Лилия Валерьяновна Деточенко, канд. геогр. наук., доцент, доцент кафедры географии, геоэкологии и методики преподавания географии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

E-mail: lillyad@rambler.ru

УДК 911.3

М.Ю. Евдокимов, Е.В. Евдокимова
M. Y., Evdokimov, E.V.Evdokimova

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕГИОНАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE REGIONS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития внутренних видов туризма в период ограничений, связанных с пандемией, и политики региональных властей, стремящихся изменить сложившуюся ситуацию.

The article deals with topical issues of the development of domestic types of tourism in the period of restrictions associated with the pandemic, and the policies of regional authorities seeking to change the current situation.

Ключевые слова: *внутренний туризм, региональная политика, туристские бренды*

Key words: *domestic tourism, regional policy, tourism brands*

Пандемия нанесла непоправимый ущерб международному туризму, как с точки зрения возможностей передвижения между странами, так и заполняемостью фонда средств размещения. Пострадали, в первую очередь, малые отели и хостелы, а также кафе и иные формы общественного питания, относящиеся к недорогим. С частичной отменой ограничений и крупные игроки, и туристские страны решили частично восполнить убытки. Так, например, Египет, где заполняемость отелей не превышает 50%, пришел к государственному регулированию минимальных суточных цен проживания в разных типах отелей (от 2100 руб. у сутки в четырехзвездочных, до 4 тыс. руб. - в пятизвездочных). Санаторное обслуживание в Республике Беларусь подразумевает семидневный период, проезд на общественном транспорте - наличие справок для всех членов семьи и т.п.

Повсеместно вводимые разного рода ограничения делают отдых за границей менее привлекательным, чем раньше, и более затратным, а также способствуют росту теневых отраслей экономики. В Смоленской области появились «сталкеры», переправляющие туристов через границу в Республику Беларусь, и т. д. Поэтому интерес населения к внутреннему туризму устойчиво растет, как межобластной, так и местный, включая туризм выходного дня, когда законодательно ограничили разведение костров и жаренье шашлыков, на территории приусадебных участков, на дачных участках, лоджиях и балконах. При хорошей погоде народ массово едет в лесополосы, лесопарки и прибрежные зоны водных объектов. Наверное, самое массовое развитие получил местный туризм, хотя погодные условия пока к этому не очень располагают. Но высокая степень автомобилизации населения и общественный транспорт пригородного типа снимают многие проблемы доступности.

Мы отмечаем заметный рост желающих окончить курсы экскурсоводов по регионам, чему способствует и местное законодательство (сертификация данного вида услуг). Ранее эту услугу довольно часто оказывали гиды, сопровождающие

автобусные туры. Значительно выросло и число индивидуальных туристов, самостоятельно бронирующих места размещения и заказывающих индивидуальные экскурсионные программы. В большинстве областных центров в последние годы построено огромное количество мини-гостиниц и хостелов на любой вкус и карман, а интернет дал возможность к бронированию без посредников. Сокращение активности в малом бизнесе и дальнотойных перевозках сделал места размещения в мотелях заметно дешевле и доступнее. Появились устойчивые группы из семейных пар, которые на личных автомобилях по выходным и праздничным дням совершают самостоятельные туристские поездки по соседним областям, особой привлекательностью пользуются монастыри. Совершаются ознакомительные, довольно бюджетные и не зависящие от принимающей стороны турпоездки. Понятно, что местные туристические принимающие организации стремятся при этом повысить цены, иногда до непомерных. К сожалению, на этом фоне заметно сократились поездки старшеклассников и студентов.

В связи с пандемией событийный туризм, к которому население уже привыкло как к традиции (например, масленица), не приветствуется, так как связан с массовым скоплением людей и отсутствием необходимой социальной дистанции. Поэтому местные власти стали искать другие пути, это и возведение новых объектов показа, включая псевдоисторические, интерес к которым, в связи с возрастанием роли неоязычества, заметно усилился (например, комплекс в Гнездово под Смоленском, языческое капище в Национальном парке «Смоленское Поозерье» или языческая деревня в Новгородчине) [1]. Стали пропагандировать и местные сказочные места, пытаясь создать сказочные бренды, типа уже хорошо раскрученных - резиденции Деда Мороза или Алеши Поповича в Ростове Великом [3]. Заметно выросло число спортивных и так называемых самостоятельных туров, которые предприимчивые люди проводят без создания ИП, чтобы не платить налоги. Их достаточно и в Крыму, и на Северном Кавказе (к водопадам и дольменам). Новое развитие получили охотничий и рыболовный виды туризма.

Начал интенсивно развиваться экотуризм на юге страны, следующая очередь за гастрономическим, но это и заметно затратнее, и сложнее (хотя Дудудки бабки Лукашенко многим не дают покоя). Развитие местного, а для крупных агломераций и межобластного туризма ждет только погодных изменений, ведь

официально в Москве можно купаться только в двух местах (это по прошлому году), а строительство диаметров МЦД дало москвичам огромные возможности по отдыху на водоемах области, а скоростные «ласточки» - и в приграничных регионах [5]. Из местных видов туризма менее всего пострадал экологический, хотя многие НП и ввели сбор с посетителей, а более всего - агротуризм, что связано, прежде всего, с доступностью к медицинскому обслуживанию [4]. В городских поселениях - развлекательный, и познавательные виды туризма (аквапарки, зоопарки, ботанические сады, театры, филармонии, цирки, промышленные предприятия и т. п.) [2]. И это не учитывая традиционные Новогодние представления. На нет сошли речные круизы. Остается надеяться, что благодаря массовой вакцинации, часть отраслей туриндустрии вернется на прежние позиции.

Литература

1. Евдокимов М.Ю. Мифы и реалии регионального развития турбизнеса. - В сб.: Туризм и региональное развитие. Материалы III Международной научно-практической конференции. - Смоленск, 2004. - С. 95 - 98.
2. Евдокимов М.Ю., Евдокимова Е.В. Развитие развлекательных видов туризма на особо охраняемых природных территориях. - В сб.: География и регион. Материалы международной научно-практической конференции. - Пермь, 2015. - С. 69-71.
3. Евдокимова Е.В. Проблемы охраны и эффективного использования объектов культурного и природного наследия. - В кн.: Туризм и рекреация на пути устойчивого развития (отечественные и зарубежные исследования). - М., 2008. - С. 241 - 249.
4. Щербакова С.А., Евдокимов М.Ю. Сельский туризм в Смоленской области: современный портрет потребителя услуг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. - 2019. - № 1. - С. 124 - 136.
5. Щербакова С.А., Евдокимов М.Ю. Развитие сельского туризма в российско-белорусском приграничье в условиях межстоличья // Географическая среда и живые системы. - 2020. - № 4. - С. 108 - 119.

Сведения об авторах:

Михаил Юрьевич Евдокимов, к.г.н., доцент,
Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Московский государственный областной
университет»

Mikhail Y. Evdokimov, State educational institution of higher professional education Moscow region "Moscow Region State University"

E-mail: 89107207477@mail.ru

Елена Викторовна Евдокимова, к.г.н., доцент.
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет»

Elena V. Evdokimova, State educational institution of higher professional education Moscow region "Moscow Region State University"

E-mail: ev.evdokimova@mgou.ru

УДК 379.85:332.12

Х.Ш. Забурева
Kh.Sh. Zaburaeva

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОГО РЫНКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

CONTEMPORARY CONDITION AND PROSPECTS OF TOURISM MARKET DEVELOPMENT IN CHECHEN REPUBLIC

В статье рассмотрены статистические и динамические факторы развития туризма в Чеченской Республике. Выявлены предпосылки для развития разных направлений туризма, однако в качестве приоритетных обозначены экологически ориентированные разновидности туризма (экологический туризм, фототуризм, паломничество и др.). Обозначены проблемы, решение которых позволит создать в регионе динамично развивающуюся туристическую индустрию.

The statistical and dynamic factors of tourism development in the Chechen Republic are discussed in this article. The prerequisites for the development of different directions of tourism are identified, however, ecologically oriented types of tourism are designated as priorities (ecological tourism, phototourism, pilgrimage, etc.). Problems are identified, the solution of which will create a dynamically developing tourism industry in the region.

Ключевые слова: туристско-рекреационная сфера, туристский рынок, предпосылки, потенциал, регион.

Key words: tourism and recreational sphere, tourism market, possibilities, potential, region.

Актуальность анализа развития рынка туристских услуг в современных условиях возрастает с учетом динамичности развития индустрии туризма и гостеприимства во всем мире и его роли в качестве катализатора социально-экономического роста.

В Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года в качестве приоритетной цели обозначена необходимость создания условий, обеспечивающих опережающее развитие важнейших отраслей реального сектора экономики региона, снижение уровня безработицы, повышение качества жизни населения. Первостепенная роль в реализации целей указанной Стратегии отводится туристско-рекреационной сфере.

Чеченская Республика наряду с другими горными регионами Кавказа обладает уникальными возможностями (природно-климатические условия, высокое ландшафтное разнообразие, богатое историко-культурное наследие и др.) для развития широкого спектра туристической деятельности - от экологического, лечебно-оздоровительного, водного туризма до спортивного, горно-лыжного, экстремального и многих других [1].

Характер рекреационной деятельности во многом определяется разнообразием форм рельефа, как важнейшего природного эстетического ресурса, который в сочетании с особенностями геологического строения и различными гидрологическими объектами создает предпосылки для практически круглогодичной рекреационной деятельности в этом регионе. Несмотря на незначительную площадь территории, здесь гармонично сочетаются низменности, возвышенности, предгорья и горы (местами высотой свыше 4000 м н.у.м.). Дифференцированный характер рельефа обусловил разнообразие почвенно-климатических условий, флоры и фауны.

В исследуемом регионе имеются многочисленные геологические (место первой скважины, пробуренной в Грозненском нефтеносном районе, Нефтяной источник в долине р. Большой Ярык-Су), гидрологические (озера Кезеной-Ам, Капустино) и палеогеоморфологические (останцы «Арка», «Братья») памятники природы. Важнейший компонент рекреационного потенциала республики - гидрорекреационные ресурсы (минеральные источники, реки, озера, водохранилища и др.) [2]. Особого внимания

заслуживает озеро Кезеной-Ам – самый крупный высокогорный водоем не только в республике, но и на всем Северном Кавказе. Озеро расположено на склоне Андийского хребта у самой границы с Дагестаном, на высоте 1870 м в зоне горных лугов и степей.

Чеченская Республика обладает значительным культурно-историческим наследием, которое представлено архитектурно-историческими и археологическими памятниками. В их числе одна из главных достопримечательностей – Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Это огромный замковый комплекс, построенный в XIII веке в горной части.

Туристическая отрасль региона имеет свою историю развития [3]. Она традиционно играла важную роль в хозяйственном комплексе и специализировалась на санаторно-курортном отдыхе, экскурсионном деле и спортивном туризме. Периодизация истории развития туризма и гостеприимства в регионе включает четыре этапа, каждый из которых имеет свои особенности: ранний (1848–1935 гг.); советский (1936–1990 гг.); стагнационный (1991–2011 гг.) и восстановительный (2012 г. – н. время) [4].

За последние годы сфера туристских услуг начинает играть все более заметную роль в экономике региона, поскольку оказывает влияние на особенности использования природно-ресурсного потенциала территории, уровень занятости населения, качество жизни и другие процессы. К настоящему времени в регионе проложено порядка двух десятков эколого-туристических маршрутов преимущественно по бассейнам Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна, Хулхулау, Гехи, Рошни и других рек, функционирует множество туристических фирм, организующих туристические поездки в разные регионы России и страны мира [3, 5].

Динамика развития туристского рынка в Чеченской Республике за последние годы в целом положительна. Число туристских фирм за период 2014-2018 гг. возросло втрое (табл. 1), а стоимость реализованных населению путевок увеличилась вдвое [6]. Число гостиниц и аналогичных средств размещения за этот период возросло почти в 7 раз.

Природно-ресурсный потенциал Чеченской Республики позволяет развивать различные виды туризма, однако приоритеты следует отдавать экологически ориентированным направлениям (экологический туризм, фототуризм и др.). В регионе утверждены 50 особо охраняемых природных территорий и объектов, включая 9

государственных природных заказников регионального значения и памятники природы [7]. Фототуризм сочетает активный отдых с прогулками на свежем воздухе, новые впечатления и совершенствование фотографического мастерства [8].

Таблица 1

Основные показатели деятельности туристских фирм в Чеченской Республике (на конец года)

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Число туристских фирм	8	7	8	12	26
Число реализованных населению путевок	742	764	912	1465	1613
Стоимость реализованных путевок, млн руб.	59,1	34,3	32,9	164,8	136,2

Примечание: составлено по данным Чеченстата

Достаточно актуально в условиях исследуемого региона развитие религиозного туризма, а точнее его разновидности – паломнического туризма как совокупности поездок представителей различных религий с паломническими целями. Принципиальное отличие религиозных туров или паломнических поездок от традиционных видов туризма в том, что они не предполагают развлечений и нацелены на поиск возможностей обогащения внутреннего мира паломников, переосмысление жизненных принципов и ценностей [9].

Подавляющая часть населения исследуемого региона исповедует ислам. Здесь сосредоточено множество святых мест (зияраты), мечетей, которые становятся объектами паломничества. Имеются также храмы и церкви. В последние годы Чечня стала центром притяжения для паломников не только из российских регионов (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Татарстана и др.), но и Саудовской Аравии, Турции, Иордании и др. Главная духовная достопримечательность – крупнейшая в Европе мечеть «Сердце Чечни».

Тем не менее позитивные тенденции последних лет не обеспечили использования рекреационного потенциала республики на достаточном уровне. Отчасти это обусловлено тем, что инфраструктура туризма за годы военных действий была полностью разрушена. К лимитирующим развитие данной отрасли факторам можно отнести и низкое качество сервиса, недостаточную транспортную доступность перспективных

курортных зон, недостаточно развитую систему обеспечения безопасности туристов (преимущественно в горных районах). Кроме того, из-за последствий пандемии COVID-19 руководители туристических фирм не только в Чеченской Республике, но и в стране и в мире в целом столкнулись со значительными трудностями и задались целью поиска путей сохранения позиций на туристском рынке с минимальными убытками [10].

Решение обозначенных проблем в перспективе позволит вывести Чеченскую Республику на другой уровень развития – в ранг крупнейших туристических регионов Российской Федерации и обеспечить значительный объем туристических прибытий, что также положительно отразится и на уровне занятости населения.

Литература

1. Забураева Х.Ш. Горные регионы Кавказа и их рекреационный потенциал // География в школе. 2014. № 7. С.18-24.

2. Забураева Х.Ш., Даукаев А.А. Гидрорекреационный потенциал Чеченской Республики // Грозненский естественнонаучный бюллетень. 2016. № 2 (2). С. 15-21.

3. Даукаев А.А., Абумуслимов А.А., Забураева Х.Ш., Даукаев Аслан А., Абумуслимова И.А. Туристско-рекреационная индустрия Чеченской Республики: история и современность // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 3 (50). С. 22–29.

4. Айсханова Е.С. Исторические этапы развития туристской деятельности на территории Чеченской Республики // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 4 (22). С. 9–13.

5. Ильясова К.Х., Загалаева Ж.А., Кукаева М.Х. Развитие туризма в Чеченской Республике // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 6. С. 162-166.

6. Чеченская Республика в цифрах. 2020: Краткий стат. сб. / Чеченстат. Грозный. 2020. 161 с.

7. Zaburaeva Kh.Sh., Abumuslimov A.A., Daukaev A.A., Abumuslimova I.A. Ecotourism in the Chechen Republic: resource potential // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science, vol. 579. 2020. pp. 1-6.

8. Астапова А. И. Фототуризм как перспективное направление ответственного туризма // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2018. Т. 4. № 2. С. 3-10.

9. Фейгельман Н.В. К вопросу о развитии паломнического и религиозного туризма в России // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 15. С. 105-106.

10. Черкашина И.В., Адамюк А.П., Пшеничных Ю.А. Основы антикризисного управления: влияние и пути дальнейшего развития

международного туризма в условиях пандемии // Вестник молодежной науки. 2020. № 2 (24). С. 1-8.

Сведения об авторе:

Хава Шахидовна Забураева, доктор географических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный.

Khava S. Zaburaeva, Dr of Geographical Sciences, Chief Researcher FSBI Science Comprehensive Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the RASciences, Grozny.

E-mail: eveggne@mail.ru

УДК 911.3:33

А.А. Зиновьева

A.A. Zinovyeva

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СФЕРУ ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE TOURISM SECTOR OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

В данной статье рассмотрены основные последствия влияния пандемии COVID-19 на современное состояние сферы туризма как России в целом, так и Республики Татарстан в частности. Также выявлены перспективные направления развития индустрии туризма Татарстана на ближайшее время.

This article examines the main consequences of the COVID-19 pandemic on the current state of the tourism sector in the Republic of Tatarstan. The main promising directions of the development of the tourism industry of Tatarstan in the near future are also identified.

Ключевые слова: сфера туризма Республики Татарстан, пандемии COVID-19.

Key words: tourism sector of the Republic of Tatarstan, COVID-19 pandemics.

Пандемия COVID-19 ударила глобально по всему рынку услуг. Но есть отрасли, где её влияние оказалось наиболее негативно. Сфера туризма – одна из тех отраслей мировой экономики, которая в числе первых попала под удар новой коронавирусной инфекции.

Речь идет об ударе не только вирусном, медицинском, но и ударе финансовом – из-за распространения COVID-19 по всему миру текущие туристические поездки пришлось прервать, а туры, запланированные на более поздний срок – отменить или перенести. В таких условиях туроператоры, турагенты, перевозчики и другие участники рынка туристических услуг – все претерпели убытки из-за карантина и закрытых границ. В условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки развитие туристического бизнеса оказалось под серьезной угрозой. По оценкам экспертов Всемирного совета по путешествиям и туризму, только в первые месяцы пандемии спрос по всем выездным направлениям сократился на 20-25%, а после закрытия границ многими государствами – упал практически до нуля. В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) «Восстановление туризма для будущего» отмечается, что по итогам 2020 г. экономика международного туризма сократилась примерно на 80% [1]. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO) в 2020 году более 100 млн сотрудников сферы туризма потеряли работу. Только с января по август падение экспортной выручки от международного туризма составило \$730 млрд по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., что более чем в 8 раз превышает потери, понесенные в результате глобального экономического кризиса 2008-2009 гг. [2]. Тогда из-за спада в экономике, роста цен на топливо и падения спроса на билеты и пакетные туры с рынка ушли десятки авиаперевозчиков и туроператоров по всему миру. В ситуации пандемии COVID-19 больше всего пострадали азиатские страны, доходы от туризма в которых составляют значительную часть ВВП: Гонконг, Макао, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам и Филиппины и др.

Таким образом нынешний кризис выявил давние структурные слабости в экономике сферы туризма (это фрагментированный сектор, представленный в основном малым и средним бизнесом, чрезмерно зависимый от сезонности), а также пробелы в готовности правительств и субъектов турбизнеса оперативно реагировать на новые вызовы и изменения.

Перспективы развития туристической отрасли после пандемии пока неоднозначны. У представителей российской туристической индустрии на начало 2021 год надежд на успех нового сезона пока мало – почти все туристические компании признают, что перспективы летнего сезона для них до сих пор неясны, поскольку дальние и дорогие поездки россияне планируют минимум за

полгода, ведь чтобы купить выгодные авиабилеты и отели, период бронирования, как правило, начинается месяцев за семь-восемь до старта путешествия. При этом в 2021 году туркомпаниям придется «отрабатывать долги», оказывая услуги по несостоявшимся в 2020 году турам, перенесенным на следующий год. По нашему мнению, на восстановление турбизнеса потребуется не менее полутора-двух лет.

Очевидно, что в настоящее время не стоит ждать и активного развития въездного и выездного туризма. Несмотря на постепенное восстановление некоторыми странами авиасообщения с другими государствами, почти везде введены посткоронавирусные меры в области туризма. С учетом обычной продолжительности туров россиян в зарубежные страны, не превышающей 10-14 дней, иностранные туроператоры не ожидают большого потока туристов из России в ближайшие месяцы. Так же, как и отечественные туркомпании не ждут высокого спроса на свои услуги со стороны иностранных туристов.

Однако и в организации внутреннего туризма мы предвидим некоторые сложности. Например, проблемы с логистикой. Если рассматривать такие направления, как Байкал, Алтай или Камчатка, куда мечтают попасть многие россияне, то групповых туров туда почти нет. Более того, стоимость билета на самолет настолько высока, что дешевле полететь в Европу. Из-за расположения достопримечательностей далеко от аэропортов для туристов необходимо организовывать дополнительный трансфер. С учетом всех составляющих – транспорта, проживания, услуг сопровождающих лиц – получается недешево, и поэтому организовать массовый турпоток по указанным выше направлениям просто невозможно.

Россия как направление не пользуется высоким спросом у туристов – в частности, из-за цен и рисков (ненадежный транспорт и низкий уровень сервиса, заниженные показатели по заболевшим COVID-19 и т.п.). К сожалению, условия бронирования у российских туркомпаний достаточно недружелюбные – полная оплата за два месяца до заезда либо некоторые регионы (например, Кавказ) сейчас вовсе не хотят видеть у себя туристов.

Что касается стоимости турпутевок, то в 2021 году предполагается их рост. Не исключено, что поначалу сильного скачка и не случится, цены удержат для восстановления потока, но в перспективе субъектам турбизнеса все равно придется как-то покрывать свои убытки за период простоя на протяжении 2020 г. В

частности, цены могут возрасти из-за роста курса валют по отношению к рублю, из-за усложнения правил предоставления услуг для отельеров и авиакомпаний – дополнительные расходы на обеспечение санитарно-эпидемиологических требований будут закладываться в цену туров.

Однако, вызванные пандемией COVID-19 ограничения на туристические поездки формируют колоссальный отложенный спрос. Какой туррегион окажется привлекательнее остальных, когда ситуация полностью нормализуется? На наш взгляд, туриста заинтересует тот, у кого будут выгодные предложения и лучшая инфраструктура, в том числе цифровая. За последние месяцы люди по всему миру привыкли к новому уровню цифрового комфорта. Их требования возросли. Чтобы быть конкурентными, сфере туризма необходимо адаптироваться, необходимо развивать и поддерживать технологичные, цифровые, информационно-коммуникативные проекты в туротрасли.

В Республике Татарстан турпоток по сравнению с 2019 годом показал снижение на 47% до 1,9 млн туристов, что привело к снижению трат туристами – в 2020 году услуг гостям было оказано на 17 млрд рублей, что на 40% ниже показателя 2019 года [2]. На наш взгляд, турбизнесу Татарстана сейчас выгодно делать ставки на развитие внутреннего туризма, в частности индивидуальные путешествия, путешествия в небольших группах, загородный отдых. Вероятно, туристы будут исходить от того, чтобы пользоваться общественным и личным транспортом и туристическими автобусами. Таким образом, можно ждать высокого спроса на автомобильные путешествия и путешествия на небольших автобусах (не более 15-17 человек). Также туристы будут стремиться проживать в небольших отелях, где будет обеспечена возможность дистанцироваться от большого количества людей. Но в любом случае туры должны будут отвечать требованиям государства, включая требования безопасности жизни и здоровья путешественников.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что внутреннее направление туризма в Республике Татарстан ближайшее время будет более востребовано у туристов, нежели выездное. Целевой аудиторией станут жители соседних регионов, которые стараются путешествовать недалеко, сами татарстанцы, которые хотят отдыхать в республике, жители России, которые традиционно

отдыхали за рубежом, но в 2020 году были вынуждены искать варианты отдыха внутри страны.

Для таких гостей в Татарстане были разработаны следующие проекты. Во-первых, турпрограмма «1001 удовольствие за выходные», в которую вошли 11 муниципальных районов Татарстана, ранее не воспринимались как турнаправления. Этот проект уже вызвал большой интерес среди татарстанцев.

Во-вторых, республику активно продвигают среди регионов Приволжского федерального округа (ПФО) в рамках проекта «В гости к соседям» [4]. В нем также принимают участие Удмуртия, Марий Эл, а также Ульяновская, Самарская, Оренбургская и Нижегородская области и Пермский край. С этой целью в Казани, оборудуют площадку для автокемпинга. Это станет первым шагом в развитии автотуризма в республике. Госкомитет по туризму Татарстана ищет Казани площадку для создания кемпинга, где смогут остановиться туристы, путешествующие в автодомах. В ведомстве считают, что автокемпинг в ближайшее время будет активно развиваться, и первым шагом республики в этом направлении станет создание в Казани официальной площадки для автокемпинга.

Первый Международный форум по автотуризму планируют провести в 2022 году в рамках Международного фестиваля FICC International Rally. Более того, в этом году планируется введение единой электронной визы для граждан 52 иностранных государств, которые смогут получить право на пребывание на 16 дней [5]. Этот механизм в том числе позволит увеличить поток путешествующих на автодомах туристов.

Также развивать туризм в Татарстане планируется и с помощью национального проекта по развитию внутреннего туризма, в рамках которого к 2030 г. количество размещенных в гостиницах республики гостей должно увеличиться в два раза или на 11% каждый год.

Таким образом, негативные последствия от вынужденного простоя из-за пандемии ощутили на себе все представители туристической отрасли, но тенденция к постепенному снижению в России уровня заболеваемости новой коронавирусной инфекцией дает надежду на то, что уже скоро ограничительные меры будут сняты, и туристическая отрасль сможет приступить к активному восстановлению своей деятельности. На первом этапе закономерно

ождается развитие внутреннего туризма с учетом улучшения эпидемиологической обстановки в конкретных регионах.

Литература

1. Информационный бюллетень «Глобальное регулирование: новые вызовы и лучшие практики»: Подводим итоги 2020 года. Выпуск 17 (Электронный документ). Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/nletter> (дата обращения 19.02.2021).
2. UNWTO: Statistics. Режим доступа: <https://www.unwto.org/ru/node/116> (дата обращения 17.02.2021).
3. Худшее время: переживет ли туротрасль Татарстана пандемию? (Электронный документ). Режим доступа: <https://inkazan.ru/news/society/29-05-2020/hudshee-vremya-perezhivet-li-turotrasl-tatarstana-pandemiyu> (дата обращения 19.02.2021).
4. Государственный комитет Республики Татарстан по туризму: Информация и статистика. Режим доступа: <https://tourism.tatarstan.ru/documents.htm> (дата обращения 18.02.2021).
5. Пандемийный туризм: чем Татарстан будет завлекать туристов в 2021 году. <https://sntat.ru/news/society/27-01-2021/pandemiynyy-turizm-chem-tatarstan-budet-zavlekat-gostey-v-2021-godu-5801774> (дата обращения 18.02.2021).

Сведения об авторе:

Альфия Альбертовна Зиновьева, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Института управления, экономики и финансов Казанского (приволжского) федерального университета, г. Казань

E-mail: alf_iusf@mail.ru

УДК: 796.5

О.В. Ивлиева
O.V.Ivlieva

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА НА ДОНУ

CONTEMPORARY STATE AND THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF EVENT-RELATED TOURISM NA TO DON

Донской край обладает уникальными колоритными казачьими станицами и местами, памятными для русской литературы. Особой популярностью сегодня пользуются фестивали, основанные на

исторических реконструкциях, таких как «Осада Азова 1641 года»; фестиваль "Международные Каяльские чтения", межрегиональный фестиваль донского казачьего фольклора «Нет вольнее Дона Тихого», международный литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна», посвященный дню рождения М.А.Шолохова.

Donskoy edge possesses unique picturesque Cossack villages and places, memorable for the Russian literature. Special popularity today enjoy the festivals, based on the historical reconstructions, such as "the siege of Azov 1641 year"; festival "international Kayalskie readings", the interregional festival of Don Cossack folklore "there is no Volney Don of quiet", the international literary- folklore holiday "Sholokhovian spring", dedicated to the birthday of M.A.Sholokhova.

Ключевые слова: *событийный туризм, исторические реконструкции, фольклорные фестивали, военно-исторические клубы.*

Key words: *event-related tourism, historical reconstructions, folklore festivals, military history clubs.*

В последнее время все более популярными становятся событийные мероприятия в Ростовской области: фольклорные фестивали, исторические реконструкции, театрализованные представления. Донской край богат интересными, уникальными старинными колоритными казачьими станицами. По берегам «Тихого Дона», «Дона-батюшки», как уважительно называли его казаки, расположились древние казачьи станицы: Старочеркасская, Романовская, Раздорская, Мелиховская, Вешенская и др. где можно услышать особый говор и песни, проходят казачьи праздники, отведать донской ухи, приготовленной по уникальным рецептам...

Донской край в древнее время входил в пределы местности, называвшейся у греков Скифией, у римлян нередко Танаисом, по реке Танаису, нынешнему Дону, у римских историков I века — Сарматией, у днепровских руссов — Хазарией, у арабов — Казарией. По русским летописям XIV и XV веков край этот назывался «Подем», нередко «Диким Подем».

В XV веке границы Российского государства подошли к Дикому Полю, здесь устраиваются пограничные засеки, ставятся сторожевые башни, возводятся крепости. В это время на необъятные степные просторы Дона устремились беглые крестьяне из Центральной России и Поволжья. Так появились здесь ватаги вольных людей, которых называли казаками.

Они обладали большой личной свободой, не несли повинностей, не платили податей, имели право носить одежду

старого покроя и бороду, регулярно получали царское жалование, охраняя южные рубежи России. Казаки участвовали во всех войнах России XVII-XX веков.

Одним из путешествий в историческое прошлое Донского края является реконструкция Азовского осадного сидения донских казаков 1641 года. Небольшой казачий гарнизон, отстоял крепость Азов от натиска многотысячной армии Османской империи. Реконструкция - удивительный спектакль на исторической земле, основанный на реальных событиях увлекательно повествует о великом подвиге Войска Донского, героизме и мужестве казаков. Мелькают знамена, хоругви, разноцветные одеяния казаков и янычар. Тучей летят стрелы, в ход идут сабли и топоры, изготовленные по образцам XVII столетия. Вновь и вновь повторяется историческая драма штурма многотысячной Османской армией крепости, обороняемой малочисленным гарнизоном донских казаков. Из многих городов России съезжаются участники форума, военно-исторических клубы России, число которых увеличивается с каждым годом. Зрелище впечатляющее, с десяти часов утра до восьми вечера оживает старинная крепость Азов. Здесь работает «город ремесленников» – мастеров на все руки, где проводятся всевозможные творческие занятия, и мастер-классы, можно посмотреть выступления фольклорных коллективов города и района, вас накормит походная солдатская кухня. И конечно большой интерес гостей фестиваля вызывают показательные выступления военно-исторических клубов: состязания сабельников, лучников, метателей сулицы и т.д.

Событийный туризм, сочетающий в себе отдых и участие в каких-нибудь действиях в качестве участников, является одним из динамично развивающихся видов туризма на Дону. На территории нынешнего хутора Погорелов, по одной из версий, в 1185 году произошла историческая битва новгород-северского князя Игоря с половцами. Международные Каяльские чтения, посвященные памятнику древнерусской литературы "Слово о полку Игореве", проходят ежегодно на берегу реки Калитва.

Гостям предлагаются выступления реконструкторов, изображающих битву Игоревой дружины с кочевниками, концерты фольклорной и эстрадной музыки, мастер-классы народных ремесел, конкурсы национальных костюмов, спортивные состязания "Богатыри Каялы". Десятки фольклорных коллективов из России, Украины и Белоруссии принимают участие в этих мероприятиях.

Посещают праздник каждое третье воскресенье мая многочисленные туристы, представители духовенства и казачества, политики и общественные деятели, ученые, преподаватели и журналисты, школьники и студенты.

Участвуют в празднике члены военно-исторических клубов, специализирующиеся на военной истории Средневековья. На одном из подворий хутора создается "Городище", где участники и гости праздника знакомятся с традиционными предметами быта, традициями, обычаями, играми и кухней далекого XII века. Главным действием праздника являются два ярких театрализованных представления: штурм кочевниками русской крепости и реконструкция знаменитой битвы русичей с половцами на реке Каяле (Калитве), воссозданная с исторической достоверностью членами военно-исторических клубов. Завершается праздник стрельбой из луков на быстроту и меткость, сражением на мечах и саблях, метанием копий, битвой на «топорах».

Одним из старейших, знаковых культурных событий Дона является ежегодный литературно - фольклорный праздник «Шолоховская весна». Он проводится с 1985 года и собирает людей, интересующихся жизнью, культурой и бытом донского казачества. В разные годы приезжают до 50-70 тысяч человек из разных мест России, Украины, Молдавии, Казахстана, Болгарии, Югославии, Италии, Франции, Австрии и других стран. Праздник длится три дня. Жители станицы надевают старинные казачьи костюмы, выходят на улицу и поют любимые писателем М. А. Шолоховым казачьи песни.

Начинается праздник в пятницу с детских выступлений художественных коллективов в станице Каргинской, где прошли юношеские годы писателя. Здесь можно увидеть театрализованные постановки по произведениям М.А. Шолохова, исполняют песни и зазорные танцы, проходят встречи с писателями и поэтами. Заканчивается празднование в этот день художественно-творческим вечером самодеятельных коллективов в станице Вёшенской.

Основной день праздника - суббота, начинается с театрализованной побудки: фольклорные коллективы проходят по улицам, приглашая жителей и гостей станицы присоединиться к народному гулянию, которое затем перемещается на главную площадь. А в это время здесь уже кипит пестрая ярмарка народных мастеров и художников, на нескольких сценах одновременно

выступают ансамбли из разных уголков нашей страны и ближнего зарубежья.

В импровизированных курнях казаки и казачки предлагают гостям отведать донских разносолов, спеть и сплясать вместе с ними. Каждый курень представляет отдельную территорию Дона посредством подворий, демонстрирующих национальную кухню, костюм, элементы убранства и утвари. В это время на станичном стадионе проходят спортивные соревнования, на набережной Дона - водные и воздушно-спортивные парады. На трёх сценах Вёшенской проходят выступления народных коллективов. Вечером этого дня на водной сцене Дона проходит гала-концерт с лазерным шоу и красивым фейерверком. В третий день праздника на ипподроме близ станицы Вёшенской проходят конно-спортивные соревнования. Наездники соревнуются в джигитовке, демонстрируют боевые приёмы и навыки, которые когда-то использовали в бою казаки.

Ежегодно в последнюю субботу каждого из летних месяцев в ст. Старочеркасской проводится фестиваль «Нет вольнее Дона Тихого» основанный на фольклорных традициях казачества. Выступают на празднике не только областные фольклорные коллективы Дона, его участниками становятся творческие коллективы из Краснодарского, Ставропольского края и других областей России – это народные хоры, ансамбли песни и танца, вокальные ансамбли и фольклорные коллективы.

Программа фестиваля включает в себя выставку-продажу сувенирной продукции, выставку декоративно-прикладного творчества «Город мастеров», гала-концерт на главной сцене в парке ст. Старочеркасской. Проводятся также спортивно-развлекательные состязания на интерактивной площадке «Задорный курень», где у всех желающих будет возможность ближе познакомиться с забавами и играми, посоревноваться в молодецкой удали, проверить смекалку по всем традициям донских казаков.

С каждым годом событийный туризм собирает все больше и больше туристов на свои мероприятия. В последние годы появились новые праздники: литературно-фольклорный фестиваль «Калининское лето» (х. Пухляковский, Усть-Донецкий район), литературно-этнографический праздник «Кружилинские толоки» (х. Кружилинский, Шолоховский район), фестиваль «Оборона Таганрога 1855 года» (Таганрог), реконструкция событий Великой Отечественной войны «Прорыв Миус фронта», фестиваль

реки Дон. Посещают эти праздники пока в основном жители Ростовской области, но в перспективе они могут войти в календарь туристских событий России.

Сведения об авторе:

Ольга Васильевна Ивлиева, доктор географических наук, профессор кафедры туризма Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

Olga V. Ivlieva, Dr. of Geography, Professor of the Department of Tourism, Graduate School of Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: ivlieva.o@mail.ru

УДК 338.481.31

В.Н. Каледин

V.N. Kaledin

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА МЕЖДУ РОССИЕЙ, РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И КНДР

DEVELOPMENT OF TOURISM BETWEEN RUSSIA, THE REPUBLIC OF KOREA AND THE DPRK

Рассмотрены Республика Корея и КНДР как объекты выездного туризма из России, взаимные турпотоки, а также современные взаимоотношения стран в туристской сфере.

The article deals with the Republic of Korea and North Korea as an outbound tourism destinations from Russia, mutual tourist flows, as well as the modern relationships between the countries in tourism sector.

Ключевые слова: *развитие туризма, туристские потоки, Республика Корея, КНДР.*

Key words: *tourism development, tourist flows, Republic of Korea, DPRK.*

По масштабу туристской деятельности, как объекты международного туризма, Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика совершенно не сопоставимы. Республика Корея в течение многих десятилетий успешно развивала все аспекты туристской сферы, последовательно улучшалась туристская инфраструктура, облегчались въездные формальности.

Целенаправленно повышалась туристская привлекательность страны у иностранцев, что подтверждается статистическими данными. В то же время Северная Корея лишь немного приоткрыта для въездного туризма, количество туристов крайне невелико и возможности посещения регионов страны иностранцами серьезно ограничены.

По данным Всемирной Туристской организации (UNWTO) и Корейской туристской организации, в Республике Корея в 2019 году было зафиксировано 17,5 млн международных туристских прибытий [1], причем в последние десятилетия наблюдался почти ежегодный существенный прирост числа иностранных туристов. Для сравнения, в 1990 году в Республике Корея было зафиксировано около 3 млн туристских прибытий [2], в 2000 году – 5,3 млн, а в 2010 году – 8,8 млн [3]. Доходы страны от международного туризма также значительно выросли – с 3,6 млрд долларов США в 1990 году [2] до 21,6 млрд долларов США в 2019 году [1].

На этом фоне число туристов в Республику Корея из России сравнительно невелико. По данным Национальной организации туризма Кореи, в 2019 году в стране зафиксировано около 343 тыс. туристических посещений российскими гражданами [4]. При этом, по данным российских статистических ведомств, с туристскими целями непосредственно из России в Республику Корея выехала 271 тыс. человек [5]. Остальные, очевидно, въехали через третьи страны.

В 2020 году в связи с распространением новой коронавирусной инфекции в Республике Корея как и во всех странах мира произошло резкое сокращение числа туристов – страну посетило около 2,5 млн человек, причем из них почти 2 млн посетили страну в январе-феврале, до закрытия границ. Турпоток из России также резко сократился. Количество россиян-туристов в Республику Корея составило около 73 тыс. человек, причем около 57 тыс. из них посетили страну в январе-марте до закрытия границ для посетителей [4].

Большинство туристов из России в Республику Корея – самостоятельные путешественники, пользовавшиеся возможностями безвизового въезда в страну и удобным авиасообщением. По данным Ассоциации туроператоров России в 2019 году среди туристов в Южную Корею доля клиентов туристских компаний, воспользовавшихся организованными турами, по крайней мере из европейской части России, составляла около 30% [6]. Организованных туристов привлекает не только

летний отдых и экскурсионные туры, но и некоторые особенности страны, например, весеннее цветение сакуры, медицинский туризм.

КНДР открыла свои границы для иностранных туристов в 1988 году, причем многие годы страна принимала только туристов из КНР. В 1990 году их количество составило 115 тыс. чел., а в 1998 году – 130 тыс. чел [2]. Лишь в начале 2000-х годов страна стала предпринимать усилия для привлечения иностранных туристов и развития туристской отрасли, дававшей возможность получить стране доход в иностранной валюте. Структурой, организующей прием иностранных туристов, стало Государственное главное бюро по туризму. В 2002 году страну посетили 194 тыс. иностранных туристов, причем более 60% из них составляли граждане КНР. После проведения ядерных испытаний и введенных против КНДР санкций, туристский поток резко сократился – до 24 тыс. чел. в 2009 году. Однако к 2012 году число туристов снова увеличилось – до 237 тысяч. Актуальные данные по КНДР у Всемирной туристской организации отсутствуют, однако по оценкам специалистов в 2018 году страну посетило более 200 тыс. иностранных туристов, при этом количество туристов из стран Запада составляет от 4 тыс. до 6 тыс. чел., остальные – преимущественно из КНР. Причем власти Китая разрабатывали планы по значительному увеличению числа своих туристов в КНДР – до 5 млн. чел. ежегодно [7].

По данным Пограничной службы ФСБ РФ в 2019 году из России в КНДР въехало 3134 человека, 724 из них были туристами. В 2018 году из 2995 посетителей КНДР, въехавших из России 727 имели целью визита непосредственно туризм. В 2013 году число таких посетителей было ещё меньше – 403 человека, в 2014 году – 427 чел., в 2015 году – 474 чел., в 2016 году – 423 чел., в 2017 году – 395 чел [8]. Еще некоторое, очевидно, очень небольшое количество российских граждан въезжало в КНДР из Китая, с основным туристским потоком. Таким образом количество туристов-россиян в КНДР в последние годы вряд ли превышало 500 человек в год, лишь в 2018 и 2019 годах их количество несколько увеличилось, но в любом случае не превысило 1 тыс. чел.

КНДР с 21 января 2020 году закрыла свои границы для иностранных посетителей, став первой страной в мире, ограничившей въезд в связи с эпидемиологической ситуацией. В результате в 2020 году в страну с целями туризма из России успели въехать всего 4 человека [8].

По данным туроператоров большая часть туристов в КНДР – жители Москвы и Владивостока. Основной путь туристов в Северную Корею из РФ был самолетом из Владивостока в Пхеньян, также имелись предложения туров из Приморского края на поезде или пароме.

Северную Корею туристы посещают исключительно в составе организованных групп, по стандартным маршрутам и размещение в отелях происходит без возможности даже самостоятельных прогулок. В то же время следует отметить, что поездки очень хорошо организованы и проводятся вне зависимости от количества туристов в группе. Программа самой популярной у туристов стандартной семидневной поездки по стране насыщена и включает в себя достаточно большое количество объектов, показывающих все стороны жизни страны – культурно-исторические объекты, особенно связанные с историей КНДР, предприятия, театр, цирк, линию разграничения Пханмунджом, метро Пхеньяна.

Туристская ресурсная база и виды туризма в Республике Корея и КНДР в некоторой степени схожи, но, безусловно, в Республике Корея количество туристских объектов несоизмеримо больше и возможности туристской деятельности несопоставимы с КНДР. В Республике Корея практически вся страна открыта для туризма как въездного, так и внутреннего. В Северной Корее же имеются строго контролируемые «очаги туризма», ориентированные на иностранцев, а внутренний туризм, ограничен и носит в основном организованный характер. В то же время иностранцам Северная Корея предлагает не только экскурсионные поездки, но и пляжный, оздоровительный и даже горнолыжный отдых (горнолыжный курорт Масик-рён).

С точки зрения туристских формальностей, по крайней мере в отношении граждан России, ситуация также диаметрально противоположная. Республика Корея с момента введения безвизового режима для туристов из России в 2014 году и до весны 2020 года стала одной из самых доступных для россиян стран Восточной Азии. В то же время посещение КНДР было связано с достаточно большим количеством формальностей, согласований, расписок, получением визы. Но в то же время, следует отметить, что поскольку поездки организовывались и оформлялись российскими туроператорами и их партнерами в КНДР, для туристов никаких трудностей не было – даже виза клеивалась сотрудниками

диппредставительства в паспорт в аэропорту Владивостока непосредственно перед вылетом.

Туристская сфера Республики Корея успешно и устойчиво развивается длительный период. В то же время в КНДР развитие практически не происходит. Ряд факторов ограничивают развитие туризма и мешают привлечению большего количества туристов в страну. Это – сложная внешнеполитическая ситуация, полный контроль государства над въездным туризмом, дороговизна и сложности в оформлении поездки, слабая развитость транспортной инфраструктуры, ограниченные возможности приема иностранцев туристской инфраструктурой – количество отелей, принимающих туристов из-за рубежа крайне ограничено. Свой вклад в небольшую привлекательность КНДР у туристов вносит и слабая информированность потенциальных путешественников о Северной Корее как объекте туризма и в целом боязнь посещения этой страны.

Если говорить о встречных потоках туристов, то из Республики Корея в РФ он достаточно существенный – в 2019 году число посетителей России с туристскими целями составило 414 тыс. человек, и это третье место после туристов из КНР (около 1,5 млн. чел.) и ФРГ (522 тыс. чел.). Причем этот турпоток существенно рос – количество южнокорейских туристов в Россию увеличилось более чем на 20% по сравнению с 2018 годом [4].

Туристов в России из КНДР как таковых нет, основной поток посетителей в течение многих лет – временные рабочие, число которых составляло до 40 тысяч человек, приезжающих по рабочим визам. Причем в связи очередной резолюцией Совета Безопасности ООН, направленной на ужесточение санкций в отношении страны, к концу 2019 года официально произошел отъезд всех северокорейских рабочих из России. Также есть некоторое количество студентов, обучающихся в ВУЗах России.

Несмотря на противостояние между Республикой Корея и КНДР и отсутствие мирного договора между странами, в течение последних десятилетий регулярно предпринимались шаги на сближение стран, создавались совместные экономические проекты. Организовывались встречи семей, разделенных корейской войной, есть пример крупного совместного проекта в сфере туризма — это опыт успешного функционирования северокорейского приграничного туристского региона Кымгансан («Алмазные горы»). За десять лет существования с 1998 года курорт посетили около 1,7 млн. южнокорейских туристов [9]. Также с 2007 по 2008 годы был

успешен опыт открытия приграничного северокорейского города Кэсон, который еженедельно посещали несколько сотен иностранных туристов, преимущественно из Южной Кореи.

Литература

1. World Tourism Organization (2020), International Tourism Highlights, 2020 Edition, UNWTO, Madrid, 2021. P. 19.

2. World Tourism Organization (2001), Tourism Highlights, 2001 Edition, UNWTO, Madrid, 2001. P. 19.

3. World Tourism Organization (2011), Tourism Highlights, 2011 Edition, UNWTO, Madrid, 2011. P. 7.

4. Справочная информация Корейской туристской организации о количестве въездных и выездных туристов в Республике Корея за 2003-2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics.kto> (дата обращения: 12.02.2021).

5. Справочная информация Федеральной службы государственной статистики России о числе выездных туристских поездок за 2014-2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-2.htm (дата обращения: 10.02.2021).

6. Вестник Ассоциации туроператоров России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50034.html/> (дата обращения: 15.02.2021).

7. United Press International международная служба новостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2019/09/09/North-Korea-Tourist-visits-in-2018-reached-200000/2311568039535/ (дата обращения: 15.02.2021).

8. Справочная информация Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) о числе выездных поездок граждан РФ за пределы страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 10.02.2021).

9. eTurboNews международная служба новостей в сфере туризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eturbonews.com/1065/north-korean-resort-tourists-get-fettered-view/> (дата обращения: 10.02.2021).

Сведения об авторе:

Каледин Владимир Николаевич, к.г.н., старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет

Vladimir N. Kaledin, Candidate of Sciences in Geography,
Senior Lecturer, Department of Regional Studies and International
Tourism, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University
E-mail: geoinfo@ya.ru, m.7911-2192803.

УДК 911.9

Е.В. Коньшев
E.V. Konyshev

МАРШРУТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ROUTE ORGANIZATION OF ENVIRONMENTAL TOURISM IN THE KIROV REGION

В статье раскрыты основные особенности развития экологического туризма в Кировской области. Основным принципом развития экологического туризма следует считать маршрутный, так он позволяет упорядочить туристские потоки и снизить нагрузку на охраняемые территории. В статье дается оценка реализации потенциала развития экологического туризма в различных формах. В качестве перспективного механизма развития экологического туризма на основе маршрутной организации предложен проект Всевятской туристской тропы.

The article reveals the main features of the development of ecological tourism in the Kirov region. The main principle of the development of ecological tourism should be considered a route one, as it allows to streamline tourist flows and reduce the load on protected areas. The article assesses the realization of the potential for the development of ecological tourism in various forms. As a promising mechanism for the development of ecological tourism on the basis of route organization, the project of the Vsevyatskaya tourist trail is proposed.

Ключевые слова: Экологический туризм, туристский маршрут, экологическая тропа, Всевятская туристская тропа, кировская область
Key words: Ecological tourism, tourist route, ecological trail, Vsevyatskaya tourist trail, Kirov region

Туристские маршруты являются объектом изучения в нескольких плоскостях. С юридической точки зрения туристский маршрут представляет собой путь следования туристов (экскурсантов), включающий в себя посещение и (или)

использование туристских ресурсов. Маршрутная концепция организации туристско-рекреационного пространства ориентирует исследователя взглянуть на развитие туризма как с позиции организатора, так и с позиции потребителя. В соответствии с системно-структурным пониманием туризма, инициативу в организации туристских маршрутов могут проявлять региональные туристские администрации, субъекты экономической деятельности и общественные объединения, и индивидуальные туристы. Маршрут – одно из сущностных понятий в сфере туризма, поскольку туризм по своей сути маршрутен. От других видов деятельности туризм отличается именно маршрутным характером, который выражает его отраслевую технологию и образ деятельности [1]. Сеть туристских маршрутов в свою очередь является основой пространственного каркаса туристско-рекреационной системы, сжимая расстояния и интегрируя деятельность предприятий туристско-рекреационного комплекса [2]. Маршрутный принцип организации является основным для развития различных видов туризма в природной среде, в том числе и экологического.

Маршрутная сеть Кировской области, которая интенсивно формировалась в 70-80-е годы 20 века, в настоящее время претерпела существенные изменения. Произошла концентрация туристских потоков, сжатие туристско-рекреационного пространства, что увеличило нагрузку на окружающую среду и может привести к возникновению экологических проблем, и даже к физическому уничтожению туристского объекта. Кардинально изменилась и тематика маршрутов. От познавательного и патриотического направления в сторону развлечения. Вследствие падения популярности лыжного туризма, острее стал чувствоваться фактор сезонности. В зимнее время стали преобладать краткосрочные поездки по городам Кировской области, а также на базы отдыха с целью катания на горных лыжах [3]. В этой связи актуальным являются исследования по перспективам формам развития маршрутной сети с учетом видового многообразия туризма и географическими особенностями Кировской области.

Районы Кировской области обладают различным потенциалом для развития экологического туризма (рис. 1). При оценке потенциала нами применялся балльный метод. Оценивалась экологическая ситуация, наличие особо-охраняемых туристских территорий (прежде всего заповедников и природных заказников), транспортная доступность и наличие объектов показа. Критерием, отражающим экологическую ситуацию в административных районах области, может стать величина выбросов твердых веществ в атмосферу. Для развития экологического туризма чистота окружающей среды является определяющим условием. Коэффициент транспортной доступности был рассчитан с помощью показателя потенциала спроса для случая, когда есть только один центр формирования спроса. Наличие объектов показа, включающих в основном памятники природы, оказывает положительное влияние на развитие экологического туризма на территории района. Благоприятная экологическая обстановка и наличие особо охраняемых природных территорий явились определяющими параметрами, при оценке районов по направлению экологический туризм. По итогам оценки все районы области были отнесены к трем группам [4].

К первой группе районов, отличающихся высоким потенциалом для развития экологического туризма отнесены Советский и Подосиновский административные районы Кировской области. Во вторую группу со средним потенциалом для развития экологического туризма вошли 25 административных районов области. Третья группа характеризуется неблагоприятной экологической ситуацией (Кирово-Чепецкий и Омутнинский районы), отсутствием особо охраняемых природных территорий и удаленностью от областного центра (Яранский и Вятско-Полянский районы). В третий тип вошли 12 административных районов Кировской области.

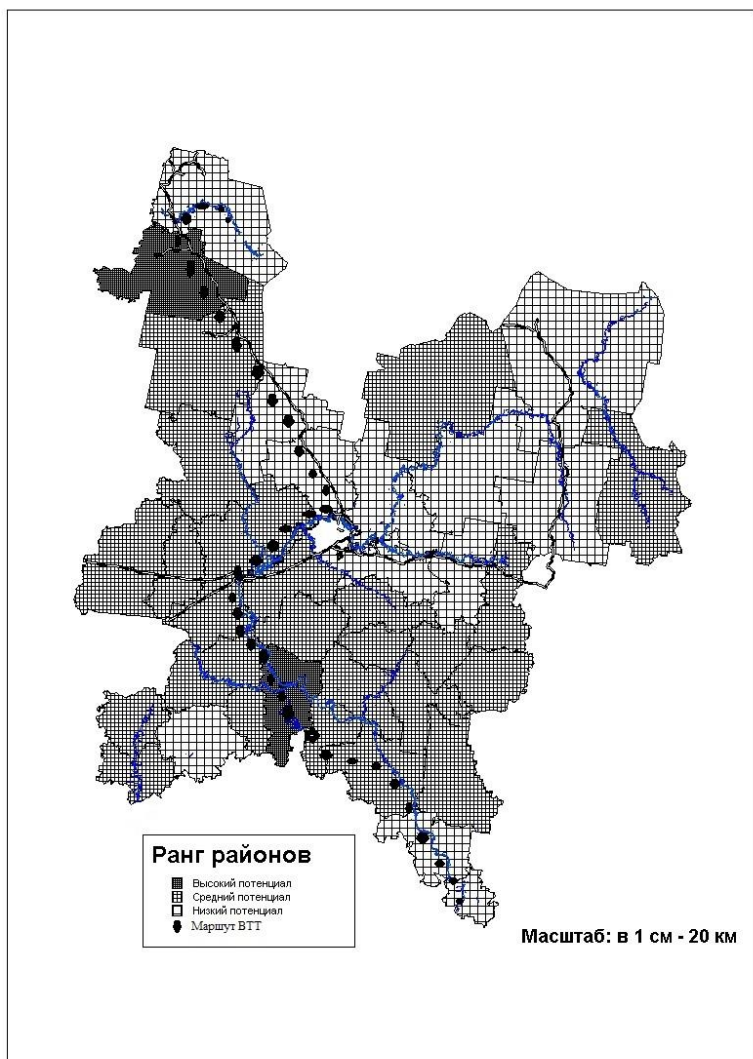

Рис. 1. Ранжирование районов по потенциалу для развития экологического туризма (составлено автором)

Природа Кировской области на первый взгляд проста и не выразительна. Отсутствие горных систем, удаленность от морей и океанов, незначительный перепад высот создают образ тянущейся на многие километры увалисто-холмистой равнины, поросшей

лесом, занятой возделываемыми и заброшенными сельхозугодьями. Однако, путешествуя по области можно увидеть разнообразные формы рельефа: скальные стенки и останцы, карстовые воронки и пещеры, моренные гряды и даже дюны и пуги (столь экзотические для европейской части России). Порой сочетания ландшафтов создают уникальные пейзажи. Как правило, наиболее уникальные ландшафты имеют особый статус и относятся к особо-охраняемым природным территориям. Формирование туристских маршрутов на их территории строго регламентировано.

Маршрутная сеть на территории ООПТ представлена в основном локальными экологическими тропами небольшой протяженности. В то же время значительным потенциалом развития экологического туризма следует считать создание протяженного туристского маршрута, который бы создал логическую основу для длительных путешествий через районы с наибольшим потенциалом для развития экологического туризма. Таким маршрутом является Всевятская туристская тропа. Основная нитка Всевятской туристской тропы пройдет по территории 15 муниципальных районов Кировской области с северо-запада на юго-восток, где сосредоточены 150 из 173 памятников природы, 19 из 35 краеведческих музеев. Так же целесообразно будет дополнить основную нитку маршрутами широтного направления и проработать варианты выхода на другие регионы и формирования межрегиональной туристской сети [5]. Мы считаем, что реализация проекта Всевятской туристской тропы будет иметь огромное значение для развития не только экологического, но и иных видов туризма в природной среде на территории Кировской области.

Литература

1. Зырянов А.И., Королев А.Ю. Логика туристского путешествия и разработка эталонных маршрутов // Географический вестник. 2009. № 2 (10). С. 78-88.
2. Коньшев Е.В. Концептуальные модели региональной туристско-рекреационной системы (функциональный и пространственный уровни) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 12 (127). С. 99-109.
3. Коньшев Е.В. Формирование сети туристских маршрутов в

Кировской области // География и туризм. 2019. № 2. С. 49-55.

4. Герасимов С.В., Колесова Ю.А., Конышев Е.В., Митягина Е.В., Ситников С.В., Пахомова О.М. // Устойчивая региональная туристско-рекреационная система Кировской области: теория и практика: монография. Под общей редакцией Е.В. Конышева. Киров, 2015.

5. Саранча М.А., Голубева О.А. Методические подходы к исследованию состояния туристской маршрутной сети (на примере Приволжского федерального округа) // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т. 9. № 2 (58). С. 194-203.

Сведения об авторе:

Евгений Валерьевич Конышев, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры туризма и управления персоналом Вятского государственного университета, г. Киров, Россия, председатель комиссии по развитию туризма Кировского областного регионального отделения РГО, 610002, г. Киров, ул.Ленина, 111, кафедра сервиса, туризма и торгового дела

Evgeny Konyshev V., candidate of geographical Sciences, associate Professor of Department of Tourism and Human Resources, Vyatka state University, Kirov, Russia, Chairman of the Committee for tourism development of the Kirov regional branch of the Russian geographical society, 89128245758, konj@bk.ru, 610002, Kirov, Lenin St., 111, Department of service, tourism and trading business

E-mail: konj@bk.ru, 89128245758

УДК: 338.46-6:94(292.471)+355.01

Е.В.Логвина

E.V. Logvina

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ - ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ТУРИЗМА В КРЫМУ

MILITARY-HISTORICAL TOURISM IS ONE OF THE MOST PROMISING AREAS OF TOURISM IN THE CRIMEA

В данной статье рассматривается такое направление в туризме Крыма как военно-исторический туризм. Выявлены основные направления развития военно-исторического туризма. Приведены статистические данные и опрос респондентов о привлекательности этого направления туризма и перспективы его развития. Военно-исторический туризм имеет

особое значение в патриотическом воспитании молодежи.

This article discusses such a direction in tourism of the Crimea as military-historical tourism. The main directions of development of military-historical tourism are revealed. Statistical data and a survey of respondents on the attractiveness of this tourism destination and its development prospects are presented. Military-historical tourism is of particular importance in the patriotic education of young people.

Ключевые слова: *военно-исторический туризм, турист, военно-историческое наследие, памятники военной истории, военно-исторический фестиваль, военно-исторический тур, Республика Крым*

Keywords: *military-historical tourism, tourist, military-historical heritage, monuments of military history, military-historical festival, military-historical tour, Republic of Crimea*

Крым как новый субъект Российской Федерации важен для российского туристского рынка, т.к. является одним из перспективных регионов для развития военно-исторического туризма. Военно-исторический туризм охватывает все аспекты путешествия, посредством которого человек узнает о жизни, культуре, обычаях другого народа, связанных с военной историей [1].

К военно-историческому туризму можно отнести путешествия людей, основная мотивация которых связана с событиями военной истории или военно-технической проблематикой [2].

Можно выделить три основных направления военно-исторического туризма: 1. военно-исторические познавательные туры; 2. военно-исторические реконструкции, фестивали, праздники; 3. военно-технические туры.

Республика Крым является одним из наиболее перспективных регионов Российской Федерации для развития военно-исторического туризма, т.к. обладает значительными историко-культурными ценностями. Военно-исторический туризм способствует глубокому изучению, сохранению и рациональному использованию военно-исторического наследия. Проведенный опрос среди пользователей социальных сетей (было опрошено 200 человек возрастной категории от 20 до 65 лет), о привлекательности Крыма по развитию направления военно-исторического туризма, большинство респондентов (68%) ответили положительно. Полученные данные представлены на рисунке 1. На вопрос привлекателен ли Крым лично для Вас в качестве такого направления как «военно-исторический туризм»: однозначно – ДА

ответили 43%; скорее – ДА – 30%; скорее НЕТ – 8%; однозначно НЕТ -11%; Затрудняюсь ответить – 8%

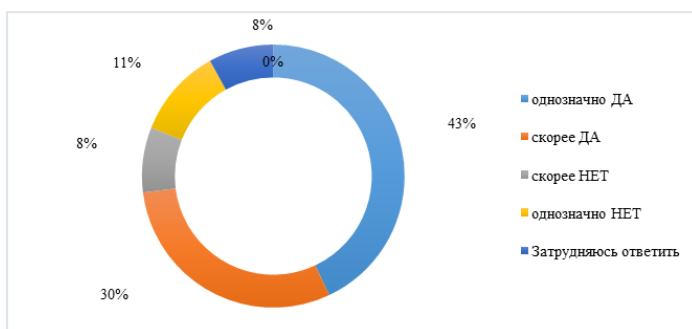

Рис. 1. Результаты опроса респондентов по развитию направления военно-исторического туризма в Крыму

В Крыму сосредоточенно большое количество памятников истории и культуры. Наибольшее количество памятников военной истории находится в городе Севастополе, однако и другие туристские рекреационные районы Крыма имеют достаточный потенциал для развития военно-исторического туризма. (см. рис.2)

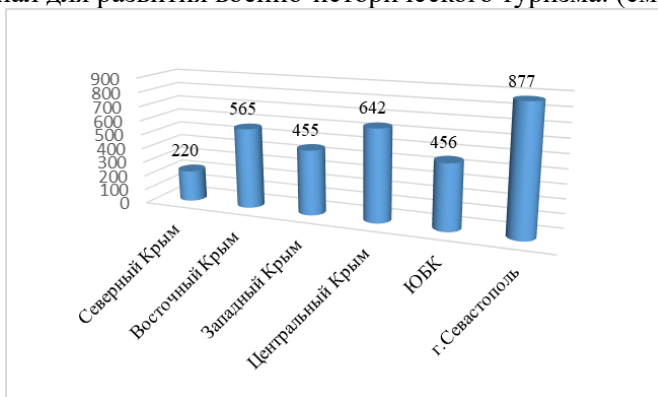

Рис. 2. Количество объектов военно – исторического туризма в Крыму

Из данного рисунка видим, что потенциал развития военно-исторического туризма в Республике Крым и г. Севастополь очень высок.

Рассмотрим некоторые памятники военной истории, наиболее привлекательные для туристов на территории Республики Крым (табл. 1).

Таблица 1

Объекты военно-исторического туризма в Крыму

1. Войны до XVIII века	
Музеи	Памятники
- Экспозиции в различных музеях Крыма	-остатки древнего Асандрова оборонительного вала; -крепостные укрепления в Керкинитиде (Евпатория) и Мирмекии (Керчь); -Судакская крепость ; -башни крепости в Феодосии; - крепость Чембало в Балаклаве; - бывшие турецкие крепости - Арабат у начала Арабатской стрелки, другая - Ени-Кале у пос. Синягино, под Керчью, и другие памятники.
2. Русско-Турецкие войны XVIII-XIX вв.	
Экспозиции, посвященные этим войнам, есть во всех краеведческих музеях Крыма, музее истории Черноморского флота	-Симферополь. Долгоруковский обелиск на месте штаба командующего 2-й русской армией генерал-аншефа В.М. Долгорукова; -Памятник полководцу А.В. Суворову, принимавшему участие в военной и политической борьбе за Крым; -Кутузовский фонтан, сооружен на месте ранения подполковника М.И. Кутузова (будущего полководца) в сражении с турецкими войсками на трассе Симферополь – Алушта; -Севастополь. Памятник капитан-лейтенанту А.И. Казарскому и экипажу брига "Меркурий".
3. Крымская война 1854-1856 гг.	
-Панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», -музей "Оборонительная башня Малахова кургана", -музей истории Черноморского флота.	-Братское кладбище защитников Севастополя; - памятник затопленным кораблям ; - памятный знак «Героическим кораблям эскадры»; -памятники Малахова кургана,; -памятники руководителям обороны адмиралам П.С. Нахимову, В.А. Корнилову, генералу Э.И. Тотлебену; -памятники героям Альминского и Балаклавского сражений, 3-го и 4-го бастионов и многие другие. -Британский мемориальный комплекс на холме Каткарта; - братская могила французских и российских воинов на Малаховом кургане. -Евпатория. Памятник российским воинам, погибшим в Крымскую войну.
4. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.	
-Севастополь. Музей героической обороны и освобождения Севастополя,; -Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» с экспозицией боевой техники,; -Дом-музей подпольщиков; -Керчь. Музей истории обороны Аджимутских камен оломен;-Музей истории Эльтигенского десанта.	-Севастополь, Обелиск в честь города-героя Севастополя на мысе Хрустальном, Обелиск Славы на Сапун-горе, памятник Победы на Херсонесском мысе, мемориал героической обороны Севастополя на площади Нахимова, и многие другие. -Керченский п-ов. Памятник на Акмонайском перешейке на месте ожесточенных боев, Обелиск Славы на горе Митридат в городе-герое Керчи. -Памятники героям-десантникам на месте высадки десантов в Евпатории, Судак, Феодосии. -Памятник партизанской славы («Партизанская шапка») на трассе Симферополь-Алушта и памятный знак в честь крымских партизан 1941-1944 гг. на трассе Алушта-Ялта.

Военно-исторический туризм базируется на уникальных ресурсах местности, активно способствует сохранению и рациональному использованию военно-исторического наследия. Наиболее перспективными направлениями развития военно-исторического туризма в Республике Крым могут стать, военно-

исторические фестивали, туры (форт-туризм, активные военно-исторические туры), музейно-экскурсионный военно-исторический туризм.

Обратим ваше внимание на проведение таких фестивалей:

- военно-исторический фестиваль по теме Средневековья «Генуэзский шлем» в Судаке;
- военно-исторический фестиваль по теме Крымской войны (военно-исторической реконструкции Альминского сражения);
- военно-исторический фестиваль по теме Великой Отечественной войны: Сапун-гора, и в Балаклава; Симферополь, Керчь, Феодосия, Евпатория.

Военно-исторические туры (форт-туризм, активные военно-исторические туры), оказывают воздействие на развитие современной туристской индустрии полуострова. В программу военно-исторических туров можно, включить военно-исторические маршруты по направлениям:

- Крым античный (Скифо-херсонесские или войны в Крыму);
- Крым средневековый (Венецианская и генуэзская колонизация побережья Крыма);
- Крымская война;
- Крым героический (Великая Отечественная война. Оборона и освобождение Крыма);
- Партизанскими тропами (Великая Отечественная война. Партизанское движение).

При рассмотрении музейно-экскурсионного военно-исторического туризма нужно отметить, что значительная часть культурного наследия, посвященного истории войн сосредоточена в музеях.

В новых геоэкономических условиях для развития внутреннего туризма и стимулирования въездного туризма основная задача сводится к привлечению туристов в Крым.

Федеральное агентство по туризму и Российское военно-историческое общество (РВИО) в 2014г. подписали соглашение о сотрудничестве в сфере военно-исторического туризма. Это событие актуализировало целый ряд важных инициатив в сфере управления и стимулирования внутреннего и въездного туризма.

Территорию Крыма можно рассматривать как новую самостоятельную дестинацию на территории Российской Федерации, позволяющую повысить конкурентоспособность российского туризма на внутреннем и въездном рынках. Использование военно-исторического потенциала региона в

туристских целях решит такую проблему - как сезонное колебание спроса, создание имиджа, а также продвижение на туристский рынок.

Создать комплексный туристский продукт можно при участии государства и крупного бизнеса, а также представителей малого и среднего бизнеса, предлагающих услуги в туристской сфере. Добиться результата в развитии военно-исторического туризма можно благодаря совместной работе государства, региональных органов власти, благотворительных фондов и сотрудничеству военно-патриотических объединений, молодежно-спортивных клубов, средств массовой информации.

Литература

1. Буйленко В. Основы профессиональной деятельности в туризме и экотуризме – М.: 2008
2. Аманжолова Д.А. Туризм в контексте социокультурной модернизации России //Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 28-37.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Логвина, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры туризма Таврической академии «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского»

Elena Logvina, associate Professor, candidate of economic sciences, PhD, Associate Professor department of Tourism of the Faculty of Geography of the Taurian Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: vivat.log.1474@mail.ru; +7(978) 733-59-70

УДК 379.83:004.031.42

Л.В. Макарцева
L. V. Makartseva

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ В ТУРИЗМЕ

INTERACTIVE FORMS IN TOURISM

В статье раскрывается подача туристской информации любителям путешествий через интерактивные технологии - виртуальные экскурсии в формате онлайн и видеороликов

The article reveals the presentation of tourist information to travel lovers through new interactive technologies-virtual excursions in the format of online and video clips

Ключевые слова: информационное пространство, виртуальные маршруты, позиционирование

Key words: information space, virtual routes, positioning

Туристический бизнес выполняет важную социальную и экономическую функции. С одной стороны, это ознакомление населения с его историко-культурным наследием территории, с другой — одна из высокодоходных и динамично развивающихся отраслей экономики. Туризм способствует диверсификации экономики любого региона, развивая связь, транспорт, торговлю, общественное питание, строительство, сельское хозяйство, сувенирное производство, а последние годы внедряет цифровую технологию, путем транслирования экскурсий на разных платформах сети интернет [1].

Интерактивность в наши дни воспринимается как повседневность, в связи с распространением смартфонов, планшетных компьютеров, с использованием сенсорных и жестовых управлений. В сфере туризма благодаря интерактивным формам, доступнее стали услуги по проведению экскурсий, путешествий и из разряда недостижимости, превратилась в базовую потребность. Изменения в подаче информации о туристских объектах произошли в период 2020-2021 годов, когда весь мир испытал затруднения с выездом в другие регионы России и зарубежные страны из-за распространения коронавируса. Именно это подтолкнуло многих экскурсантов, любителей путешествий виртуально во временном пространстве онлайн и благодаря видеороликам совершать маршруты, узнать новую информацию об интересующих объектах. Таким образом, новые современные интерактивные технологии повлияли на изменение вектора туристического пространства. Стали востребованы виртуальные (как правило видеоролик) и онлайн (в реальном времени) экскурсии по городу, по проведению фестивалей, городских праздников, экскурсий по музеям, природным объектам в форме пешеходного или авто маршрута, или наблюдение за тем или иным туристским объектом с высоты, снимаемым квадрокоптером [2].

Существуют любительские съемки от студентов до пенсионеров, но более содержательна и информационна подача

материала, например профессиональными блогерами (Илья Варламов, Антон Птушкин), журналистами (Глеб Пьяных, Анастасия Чернобровина), экскурсоводами (Михаил Жебрак, Денис Жабкин), которые преследуют цель - заинтересовать информацией об определенном объекте с профессиональной точки, выявляя индивидуальность своего творения.

Информационное пространство позволяет внедрять и совершать виртуальные экскурсии по различным городам, природным, сакральным достопримечательностям, музеям, следить за проведением фестивалей, которые со временем можно свободно посмотреть в сети интернет на платформе You Tube или на тематических сайтах. Так, сайт сервиса «Sputnik8» предлагает онлайн экскурсии по Москве, Петербургу, Туле, Самаре и другим городам. Создан список сайтов по виртуальным прогулкам, турам по экспозиции музеев: Государственному Эрмитажу, экспозиции Третьяковской галереи, музею изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Русскому музею и т.д., по музеям - заповедникам: Московскому Кремлю, Петергофу, Царское Село, Кижи, Старая Сарепта и т.д. Сайт «Виртуальные прогулки. Культура РФ» включает виртуальные прогулки и трехмерные панорамы крупнейших музеев, художественных галерей и архитектурных ансамблей, театров, а также городов нашей страны. Представлен каталог музеев: архитектурных, естественно-научных, исторических, художественных, отраслевых, литературных, театральных, музыкальных, персональных, мемориальных, краеведческих, музеев заповедников, которые отображены на карте и позволяют узнать место их расположения, а с помощью описания и трехмерного пространства совершить виртуальную экскурсию.

С помощью сервиса «Google street view» в режиме онлайн можно самостоятельно совершать увлекательные прогулки по улицам и площадям городов мира, с помощью курсора или мышки, меняя направление панорамы и масштаб. Сайт «Россия. Виртуальное путешествие», знакомит с VR фильмом от Баренцева до Японского моря и погружает зрителя в самые затаенные места нашей необъятной страны.

Более востребованными, на наш взгляд, оказываются города, музеи, затем природные и сакральные объекты. Виртуальные маршруты (онлайн и видеоролики) позволяют, не выходя из дома, особенно лицам с ограниченными физическими возможностями, лицам пенсионного возраста и другой возрастной категории, лицам,

которые из-за дефицита времени и материальных возможностей, познакомиться с особенностями различных регионов России и мира. В онлайн экскурсиях, как правило, фиксированное время, услуга платная, предлагается узкая тематика.

Положительные моменты просмотра виртуальных маршрутов (видеоролики):

- широкий выбор тем
- осмотр без больших материальных и временных затрат
- многократное использование предлагаемой информации
- возможность просмотра в любое время дня и года.

Отдельные негативные моменты:

- неполный осмотр достопримечательностей
- ограниченность впечатлений
- отсутствие обратной связи.

К сожалению, данная отрасль экономики (туризм) испытывает в настоящее время затруднения, но использование интерактивных форм (особенно онлайн), может положительно отразиться на востребованности экскурсий, путешествий. Так как позволит расширить круг аудитории, благодаря интересным видеороликам, что возможно повлияет на развитие туризма объектов местного значения. Задача современного туристического рынка — проявить гибкость, не дожидаясь окончания пандемии, адаптироваться к новым условиям, исправить сложившуюся ситуацию можно через реализацию информационного позиционирования туристского пространства, региональных туристских брендов, выставляя на рынок виртуальные маршруты. Отметим, что данный подход можно воплотить через туроператоров, блогеров, профессиональных экскурсоводов.

Литература

1. Преображенский Ю.В., Макарецва Л.В. Территориальные аспекты и принципы трансформации культурного пространства города (на примере Саратова) // Изв.Сарат.ун-та. Нов.сер.Науки о Земле.2018.Т.18, вып.1. – С.22-26.
2. Макарецва Л.В. Культурное пространство Саратова через призму эпох Сб. Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. С.324-326.

Сведения об авторе:

Людмила Валентиновна Макарецва, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной

географии географического факультета Саратовского национального
исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: milamak05@mail.ru

УДК 336.025:336.25

Д.В. МАКСИМОВ
D.V. Maksimov

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КРАСНОДАРА В ПЕТЕРБУРГ (ЧЕРЕЗ МИНСК): ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

TRAVEL FROM KRASNODAR TO ST. PETERSBURG (THROUGH MINSK): TRAVEL NOTES

В статье охарактеризованы изменения, произошедшие за 10-летний период, в автомобильном туризме в России. Проведен сравнительный анализ качества передвижения на автомобиле по России и Беларуси.

The article describes the changes that have taken place over a 10-year period in autotourism in Russia. A comparative analysis of the quality of movement by car in Russia and Belarus has been carried out.

Ключевые слова: *автотуризм, платные автодороги, кэшбэк на отдых, курортный сбор, путешествие.*

Key words: *autotourism, toll roads, cashback on holidays, resort fee, travel.*

Пусть простит меня известный либеральный деятель XVIII в., написавший о путешествии из Петербурга в Москву 230 лет назад, но захотелось взять его название для статьи по ряду причин (по каким – будет понятно ниже). Дело в том, что с 2011 г. практически каждое лето мы путешествуем на машине по безкрайним просторам нашей Великой Родины (включая страны, ранее входившие в Советский Союз). В 2011, 2014, 2017 и 2018 гг. был посещен Ярославль (с заездом в Рязань, Владимир, Задонск, Подмосковье, Кострому и Карелию), в 2011 г. – Абхазия, в 2012 г. пройдена на машине Украина (Одесса, Хмельницкий, Почаев, Киев, Харьков), в 2016 и 2020 гг. – Крым. Ежегодно с 1994 г. – Кисловодск. В 2019 г. была предпринята самая продолжительная по расстоянию поездка по маршруту «Краснодар – Ейск – Задонск – Орел – Брянск – Могилев – Минск – Полоцк – Печоры (Псков) – Гатчина – С-

Петербург – Новгород – Москва – Оптина пустынь (Калужская обл.) – Ейск - Краснодар». За 2 недели было преодолено 5 996 км.

За 10-летний период произошли серьезные изменения в качестве путешествия на автомобиле (качество покрытия, количество полос движения, придорожный сервис). По результатам поездок можно отметить следующее:

- с каждым годом путешествовать на автомобиле становится все комфортнее (улучшается качество автодорог, придорожного сервиса, навигации, средств размещения);

- в то же время комфортно путешествовать также становится дороже в силу того, что необходимо передвигаться по все большему количеству платных участков. При этом на трассе М-11 «Россия», М-4 «Дон» в Тульской, Воронежской областях имеются дороги-дублиеры, а вот на М-4 «Дон» в Ростовской обл. и Краснодарском крае их нет, хотя они должны быть. У водителей не остается альтернативы для выбора пути – им приходится оплачивать проезд, и при этом дополнительно тратить пол-цены за бензин: стоимость проезда 100 км платной автодороги – минимум 200 руб., бензин – около 400 руб.);

- стоимость бензина выше всего в Краснодарском крае, при продвижении на север она падает (в Ростове-на-Дону – на 1 руб., в Липецкой обл. – на 3-4 руб., в остальных субъектах, расположенных севернее она ниже на 4 руб., за исключением Москвы, где она в среднем ниже на 2-3 руб.);

- цены на бензин в Республике Беларусь выше, чем в России (например, чем в Краснодарском крае) на 3,5 руб., однако при этом можно заправляться на любой заправке без опасений – качество топлива гарантировано;

- проживание желательно подбирать через системы бронирования мирового уровня (Booking, TVIL, TRIVAGO), где качество сервиса отслеживается, в отличие от российских бесплатных или почти бесплатных (для сдачика мест проживания) систем бронирования («квартирка» и проч.).

Кроме того, в регионах России весьма существенно дифференцированы цены на услуги общественного транспорта. Так, в Перми стоимость проезда в городском электротранспорте в конце 2018 г. составляла 20 руб., и при этом в течение 40 мин. пассажир имеет право пересесть в любой другой трамвай или троллейбус, предъявив купленный ранее билет. В Краснодаре та же услуга стоила 26 руб., но без пересадки и (по мнению руководства городского

трамвайно-троллейбусного управления-КТТУ) была и остается убыточной. В Москве и Питере поездка на общественном транспорте стоила в 2019 г. 38 руб. и 40 руб. соответственно. Однако Вы можете приобрести несколько вариантов единого проездного билета. Например, единый на все виды транспорта на 1 сутки за 230 руб. без ограничения количества поездок (в метро же вообще пассажиры пересекаются с одной линии на другую без доплат, и можно «кататься» весь день). Если же приобрести единый проездной билет на 5 суток, то сутки обойдутся уже в 100 руб.;

Отдельного рассмотрения требуют особенности путешествия по Беларуси, и сравнении с Россией и Украиной явно не в пользу последних. Так, уже было отмечено качество топлива для автомобилей. Однако имеются и другие положительные моменты:

- правила дорожного движения соблюдаются всеми без исключения участниками движения, при этом требования к водителям жестче, чем в России (например, допустимое превышение скорости выше разрешенной – не более 10 км/ч.): если скорость ограничена знаком «40 км/ч», то все без исключения будут ехать 40 км в час., никто не пересекает сплошные линии на дорогах., не объезжает по тротуарам пробки. Проехав по стране более 700 км по разным дорогам (городским, республиканским, областным), я ни разу не увидел нарушившего правила водителя;

- поражает порядок и чистота на улицах и дорогах Беларуси: на них или около них (в оврагах, лесополосах) нет мусора;

- оплатить услугу или товар в любом месте можно банковской картой, даже в самых, казалось бы, «базарных» местах, в отличие от «цифровой» России (невозможно рассчитаться по карте за *мороженое* в столичном парке Зарядье, в ГУМе на Красной Площади);

- качество покрытия республиканских дорог (как правило, тоже платных) отменное, на областных значительно похуже, но проехать можно спокойно, если не очень торопиться;

- удивляет отсутствие пробок и суеты на дорогах, даже в столице;

- невысокие цены в предприятиях общепита с отличным качеством и широким ассортиментом блюд: завтрак в гостинице «Спутник» (3 звезды, Минск) выше всех похвал (при этом цена в среднем ниже, чем в России на 25%, хотя цены в магазинах приблизительно такие же, как в России;

- частные дома, придомовая территория выглядят гораздо ухоженнее в целом, чем в населенных пунктах России;

- молодежь значительно воспитаннее: даже рядом с ночным клубом трудно догадаться, что он там есть, только рекламная вывеска извещает об этом (тишина и спокойствие).

Хочется отметить следующее наблюдение, связанное с посещением святых мест в России, Украине и Беларуси. Паломнический и религиозный туризм набирает обороты: с каждым годом объекты паломничества становятся краше и обустроеннее, растет численность насельников монастырей и их количество. Монастыри активно занимаются хозяйственной деятельностью, возрождая забытые или закрытые ремесла, сельскохозяйственную деятельность и производства. Как правило, монастыри, расположенные в деревнях (в т.ч. близлежащих), спасают эти населенные пункты от полного вырождения, т.к. жители этих деревень, лишённые работы, зарабатывают на паломниках и религиозных туристах (если можно так выразиться), продавая им ягоды, грибы, продукты питания, сувениры, а также предоставляя место для ночлега и другие услуги. Это очень хорошо заметно, т.к. те колхозы и совхозы, которые были в советское время, развалились (или их развалили), а вновь созданным на их месте организациям уже не требуется такое количество работников, или их просто нет. Единственный минус – «на селе» даже в развивающихся поселениях низкая зарплата работников (гораздо ниже, чем в отчетах Росстата).

В ряде регионов (Крым, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края), начали с 2018 г. взимать курортный сбор (от 10 до 50 руб. в сутки с 1 туриста) на модернизацию инфраструктуры курортов [2]. Пусть пока он взимается не во всех муниципалитетах (до 2022 г. он в стадии тестирования), но пример может быть заразителен для чиновников.

О целесообразности такого сбора я писал ранее [1]. Нагрузка на отдыхающих, как и стоимость отдыха за счет дополнительных сборов возрастает. Происходит это на фоне разговоров чиновников федерального уровня о социальном туризме (агротуризме, гастротуризме и проч.), патриотическом значении туризма, молодежном туризме. Однако, пробуя снизить транспортные расходы, отказываясь от приобретения билетов у фактически государственной монополии РЖД, и отправляясь в путешествие на собственном автомобиле, туристы попадают под «пресс» концессионных компаний Росавтодора. Затем, прибывая на курорт,

они помимо и так недешевых услуг проживания, питания и проч. туристских услуг, напрямую пополняют бюджеты муниципалитетов. Однако государство само несет дополнительные издержки: концессионные соглашения в дорожном строительстве, которые были призваны оптимизировать бюджетные расходы, ведут к дополнительным тратам. Проверка Счетной палатой (СП) эффективности соглашений о строительстве двух платных трасс – «Новый выход на МКАД» и «М11 Москва – Санкт-Петербург на участке 15–58 км» – показала, что государство потратило лишние 5,6 млрд руб. на их реализацию [3].

Хотя нельзя не отметить и положительные сдвиги, вводимые государством по инициативе Ростуризма: кэшбэк за детские путевки, билеты на проезд к месту отдыха. Таким образом, с одной стороны – происходит улучшение туристской инфраструктуры, условий оплаты и отдыха, с другой стороны – эти улучшения серьезно нивелируются различными сборами.

Литература

1. Максимов Д.В., Волкова Т.А. Курортный сбор... или побор? В сборнике: Современные исследования природных и социально-экономических систем. Инновационные процессы и проблемы развития естественнонаучного образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Под редакцией О.В. Янцер, Д.Н. Липухина, Ю.Р. Ивановой. Екатеринбург, 2017. С. 252-260.
2. Справочная информация: «Курортный сбор» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296594/ (вход 27.05.2021).
3. Счетная палата раскритиковала дорожные концессии. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/17/847336-dorozhnie-kontsessii> (вход 27.05.2021).

Сведения об авторе:

Дмитрий Васильевич Максимов, канд.геогр.наук, доцент кафедры международного туризма и менеджмента Кубанского государственного университета, Ставропольская 149, г. Краснодар, член экспертно-консультативного совета Комитета Законодательного Собрания Краснодарского края по вопросам использования природных ресурсов, экологической безопасности, санаторно-курортного комплекса и туризма, Красная 3, Краснодар, Россия.

Dmitriy V. Maksimov, Candidate of Geography, Associate Professor of Department of International Tourism and Management of Kuban State University, Stavropolskaya 149, Krasnodar, member of the expert advisory board of the Committee of the Legislative Assembly of the Krasnodar Region on the use of natural resources, environmental safety, resort and tourism, Krasnaya 3, Krasnodar, Russia.

E-mail: dvmaksimov68@mail.ru

796.51(23)

V.V. Миненкова

V.V. Minenkova

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TOURIST AND RECREATION SYSTEMS IN MOUNTAIN TERRITORIES

Горные экосистемы относятся к числу наиболее уязвимых. Природные процессы и антропогенное воздействие зачастую подвергают их разрушению. Речь идет не только об экологическом воздействии, но и влиянии на экономическую, духовную жизнь местного населения. Развитие и функционирование туристско-рекреационных систем в горных регионах должно проходить на принципах устойчивого развития. В статье рассматривается опыт Курорта Красная Поляна по разработке и внедрению стратегии устойчивого развития.

Mountain ecosystems are among the most vulnerable. Natural processes and anthropogenic impacts often destroy them. It is not only about the environmental impact, but also the impact on the economic, spiritual life of the local population. The development and functioning of tourist and recreational systems in mountainous regions should be based on the principles of sustainable development. The article discusses the experience of the Krasnaya Polyana Resort in the development and implementation of a sustainable development strategy.

Ключевые слова. Горные регионы, туризм, устойчивое развитие, Красная поляна.

Key words. Mountain regions, tourism, sustainable development, Krasnaya Polyana.

Понятие «устойчивое развитие» появилось в научном обороте более 30 лет назад, когда акценту развития территорий

многих стран мира стали связываться с необходимостью минимизации воздействия человечества на окружающую среду и обеспечения его долгого и благополучного существования. Данное понятие традиционно включает ресурсное обеспечение, качество среды обитания, уровень жизни людей и в настоящее время не ограничивается исследованием вопросов взаимодействия человека и экосистем. Современное понимание устойчивости развития территорий связано с оценкой экономических, социальных и экологических последствий тех или иных видов хозяйственной деятельности человека. Туризм как комплексный вид экономической деятельности в полной мере соответствует сути данной парадигмы. Устойчивый туризм должен полностью учитывать его текущие и будущие экономические, социальные (в том числе социально-культурные) и экологические последствия, опираясь на потребности потребителей, отрасли, окружающей среды и принимающих сообществ. Кроме этого говоря об устойчивости любого вида деятельности важен учет его тенденций развития, а также прогнозирование направлений развития.

Основываясь на принципах устойчивого развития экономическое воздействие туристской деятельности на территориальные комплексы обеспечивает жизнеспособные, долгосрочные экономические операции, предоставляет социально-экономические выгоды всем заинтересованным сторонам, которые справедливо распределены, включая стабильную занятость и возможности получения дохода, социальные услуги для принимающих сообществ, а также содействие сокращению масштабов нищеты и повышение уровня благосостояния населения.

Социальное воздействие осуществляется на базе уважения социально-культурной самобытности принимающих сообществ, сохранения их культурного наследия и традиционных ценностей, вносит вклад в межкультурное понимание и терпимость.

Экологическое воздействие оптимально использует природные ресурсы, которые составляют основу развития туризма, поддерживает основные экологические процессы, способствует сохранению природного наследия и биоразнообразия.

Повестка дня на XXI век, принятая Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 год), во втором разделе своей программы действий включает главу 13 «Рациональное использование уязвимых экосистем: устойчивое развитие горных районов», где сказано:

«Горы являются важным источником водного, энергетического и биологического разнообразия. Кроме того, они служат источником ... ценнейших ресурсов. ... Являясь одной из крупнейших экосистем, представляющих сложную и взаимозависимую экологию нашей планеты, горы имеют большое значение для выживания глобальной экосистемы. ... Они восприимчивы к ускоряющейся эрозии почв, оползням, быстрому сужению среды обитания и уменьшению генетического разнообразия. В социальном плане для проживающего в горных районах населения характерна повсеместная бедность и утрата традиционных навыков. В результате в большинстве горных районов мира происходит деградация окружающей среды. Поэтому интересы надлежащего управления горными ресурсами и социально-экономического развития населения требуют принятия немедленных мер. Почти 10% населения мира находится в зависимости от горных ресурсов. Гораздо большая доля населения использует другие горные ресурсы, включая в особенности воду. Горы являются кладовыми биологического разнообразия и исчезающих видов». [3]

В 2012 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию Рио+20, где был принят документ «Будущее, которого мы хотим», в котором конкретно упоминаются горы. Цель устойчивого развития №15 (ЦУР) определяет необходимость защиты и восстановления экосистем суши и содействия их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия. В задачах ЦУР 15 горы прямо упоминаются среди экосистем, которые необходимо сохранить, восстановить и устойчиво использовать в соответствии с международными соглашениями, а также предлагается к 2030 г. обеспечить сохранение горных экосистем, в том числе их биоразнообразия, для того чтобы повысить их способность давать блага, необходимые для устойчивого развития. [4]

Горные территории крайне восприимчивы к нарушению экологического равновесия в результате антропогенного воздействия и процессов природного характера. Главные акценты при обсуждении устойчивого развития горных территорий ставятся на сохранение и охрану уязвимых горных экосистем. При этом в целом в целях устойчивого развития в отношении всех видов и

рангов территорий всегда наблюдается упомянутая триада: экология – экономика – общество.

Подавляющее большинство горных стран мира, институты ООН и крупнейшие международные организации последовательно предпринимают конкретные шаги по поддержке горных районов и их устойчивому социально-экономическому развитию [2].

Европейское сообщество давно осознало значение горных областей, выполняющих важные экономические, социокультурные и экологические функции. В европейских странах (Швейцария, Австрия, Франция, Италия) действуют специальные «горные» законы, направленные на регулирование развития горных территорий. Известны примеры согласованных действий нескольких горных стран, например, разработка Альпийской Конвенции, Хартия в защиту Пиренеев и др. Такие соглашения, как правило, направлены на совершенствование системы сохранения природных ресурсов, культурных ландшафтов, охрану окружающей среды и учет социальных потребностей населения [1].

Особенности социально-экономического развития горных районов приводят к тому, что для многих из них притягательной моделью устойчивого развития стало использование потенциала туристско-рекреационных систем как фактора развития.

Важно отметить, что благоприятная окружающая среда, природные ресурсы являются основой туристской деятельности (в горных территориях это проявляется в особенности ярко). Важным является также сохранение культурно-исторического потенциала, который исторически развивается в горных регионах по уникальному пути: полиэтничность горных территорий, с одной стороны, объясняется труднодоступностью и изоляцией отдельных районов (и народов в них), с другой – это позволило сохранить самобытную культуру горных этносов. Общины горных народов обладают огромным богатством традиционных знаний и опытом рачительного использования хрупких горных экосистем и повышения их устойчивости к внешним факторам. Поэтому субъекты туристской деятельности обязаны брать на себя ответственность заботиться о природе, беречь ресурсы и способствовать устойчивому развитию для нынешнего и будущих поколений.

Ярким примером внедрения общепризнанных принципов устойчивого развития туризма является работа Курорта Красная Поляна (ККП), который на всем протяжении своего

функционирования позиционирует себя как социально ответственную компанию. История развития курорта тесно связана с массовыми спортивными мероприятиями, в том числе мирового уровня, проведение которых оставляет свои следы на истории и состоянии дестинации [5].

Повестка дня в области устойчивого развития, принятая ООН, поддерживается командой КПП, которая интегрирует заявленные в повестке цели и задачи в свои внутренние документы и практическую деятельность. Стратегия КПП основывается на глобальных целях в области устойчивого развития, в достижение которых курорт может внести значимый вклад: 11 из 17 целей повестки XXI нашли свое отражение в практиках устойчивого развития КПП. В настоящее время определены 5 целей устойчивого развития КПП, каждая из которых включает несколько задач и индикаторов, которые планируется достичь к 2025 году:

1. Забота о каждом.
 - Устойчивый туризм
 - Активное долголетие
 - Забота о детях
2. Охрана окружающей среды.
 - Минимальное воздействие
 - Сохранение биоразнообразия
 - Экологическое просвещение
3. Ответственный бизнес.
 - «Умный курорт»
 - Энергоэффективность
 - Сбережение воды
 - Ответственные закупки
 - «Зеленые» отели
 - Управление отходами
4. Благополучие сотрудников.
 - Достойные условия труда
 - Равные возможности для развития
5. Развитие Красной поляны.
 - Социальная ответственность
 - Сохранение историко-культурного наследия
 - Партнерство для устойчивого развития.

Стратегия КПП содержит информацию о целях и планах Курорта на кратко- и среднесрочную перспективы. Изложенные в

документе намерения носят прогнозный характер. Осуществление изложенных в документе намерениях, безусловно, зависит от ряда экономических, политических и правовых факторов, находящихся вне зоны влияния компании. По этой причине фактические показатели прогресса будущих лет могут отличаться от прогнозных заявлений, представленных в настоящей Стратегии. Стратегия также содержит информацию о достигнутом КПП прогрессе в области устойчивого развития, полученную в ходе проведения внешнего экологического аудита. Опыт КПП можно брать за основу при выработке программ устойчивого развития и других российских горных курортов.

Литература

1. Макоев Х.Х. Основные проблемы устойчивого развития горных регионов // Юг России: экология, развитие. 2009. №2. С. 128-133.
2. Мудуев Ш.С. Стратегические и нормативно-правовые основы формирования горной политики в России: опыт республики Дагестан // Вопросы географии. Сб. 137: Исследование гор. Горные регионы северной Евразии. Развитие в условиях глобальных изменений / Отв. ред. В.М. Котляков, Ю.П. Баденков, К.В. Чистяков. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2014. С. 417-444.
3. Повестка дня на XXI век. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml.
4. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru>.
5. Alexandrova A. Y. The impact of 2014 Olympic games on Sochi tourism life cycle / A.Y. Alexandrova, E.V. Aigina, V.V. Minenkova // Journal of Environmental Management and Tourism. 2019. Т. 10. № 6 (38). P. 1224-1234.

Сведения об авторе:

Миненкова Вера Владимировна, Minenkova Vera Vladimirovna, кандидат географических наук, доцент, PhD in Geography, associate professor. Зав. кафедрой экономической, социальной и политической географии (Head of the Chair of Economic, Social and Political Geography), ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Kuban State University

E-mail: minenkova@inbox.ru, +79184399596

**ТУРИСТСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ:
ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ****TOURISM ATTRACTIVENESS OF TOWNS: APPROACHES TO
INVESTIGATION**

Для расчета индекса туристской привлекательности центров малых городов, разработана система, состоящая из 8 критериев и 30 показателей. В качестве критериев оценки предлагаются: транспортная доступность города, обеспеченность туристской инфраструктурой, комфортность городской среды, идентичность и разнообразие, виртуальная привлекательность, безопасность, активная позиция города, объем туристского потока. Каждый критерий представлен рядом абсолютных и относительных показателей.

To calculate the index of tourism attractiveness of the centers of towns a system, which consisting of 8 criteria and 30 indicators has been developed. The criteria are proposed for the assessment: transport accessibility of the city, provision of tourist infrastructure, comfort of the urban environment, identity and diversity, virtual attractiveness, safety, active position of the town's administrations and citizens, volume of tourist flow. Each criteria is represented by a number of absolute and relative indicators.

Ключевые слова: *малый город, туристская привлекательность, критерии оценки, методика, Российская Федерация*

Key words: *town, tourism attractiveness, criteria of assessment, methodology, Russian Federation*

Города всегда выполняли функцию центров притяжения посетителей, в большей степени это конечно касается крупнейших городов, однако роль малых городов в формировании туристско-рекреационного каркаса территории нельзя недооценивать. Осознание того, что процессом привлечения туристского внимания к городу можно успешно управлять и достигать поставленных социально-экономических результатов постепенно приходит. Анонсирование Национального проекта "Туризм и индустрия гостеприимства" в 2021 г, в котором предполагается отбор туристских привлекательных городов России, для создания в них комфортной городской среды, заставил региональные туристские администрации, в частности Пермского края, задуматься над вопросом, какие города региона являются наиболее

привлекательными, какими показателями и по каким критериям можно это оценить.

Приезжая в город, при краткосрочном пребывании, туристы знакомятся в основном с центром города, в котором в зоне пешеходной доступности отмечается наивысшая концентрация объектов туристского интереса [1]. Цель исследования разработать методику оценки туристской привлекательности центров городов. В качестве задач определили выявление факторов туристской привлекательности, разработку критериев и показателей оценки туристской привлекательности центров городов, разработку методики и в дальнейшем выполнение оценки туристской привлекательности городов, а так же дальнейшее составление рейтинга городов по степени туристской привлекательности.

Под туристской привлекательностью города понимаем качество притягивать к себе позитивное внимание посетителя (туриста, экскурсанта), благодаря существующему туристско-рекреационному потенциалу (ресурсам) и созданной туристско-рекреационной среде. Объектом оценки предстает туристско-рекреационная среда города (формируется на территории всего города, фокусом является центр города). Оценка производится с позиции посетителей, местных жителей (субъект оценки).

Под центром понимаем часть территории города, на которой сосредоточены общественные здания и сооружения общегородского и внегородского значения. Это самая активная часть города, отличающаяся наибольшим разнообразием и интенсивностью деятельности, удобная для контактов, для размещения наиболее притягательных объектов. В планировочном плане – это территория, ограниченная центральными улицами и в которой наблюдается наибольшая концентрация объектов общегородского и внегородского значения, объектов туристского интереса. Центр является "сердцем" города.

Под туристско-рекреационной средой города понимаем часть общественного пространства города, наполненного разнообразными конкретными объектами туризма и туристского сервиса: гостиницами, кафе, ресторанами, магазинами, арт-объектами, скульптурами, музеями, скверами и парками, дамбами прудов и набережными акваторий, и используемое для рекреационной (досуговой) деятельности местного населения и посетителей (туристов и экскурсантов). Результатом оценки является индекс туристской привлекательности города – цифровое значение (в баллах) состояния городской среды, полученное в результате комплексной оценки количественных (измеримых) показателей,

характеризующих туристско-рекреационную среду города, а так же рейтинг городов, построенный на основе рассчитанного индекса.

Анализ научной литературы и ряда общественных инициатив показал, что вопросы оценки туристской привлекательности в той или иной степени в научной литературе затрагиваются. Существует несколько подходов к оценке. Один из подходов заключается в изучении мнения (проведения опросов и интервью респондентов) туристов о туристской привлекательности (Damir Krešić and Darko Prebežac, 2011; Царьков П.Е., 2016, Минаев С.И., 2019 и др.). Сторонники этого подхода отмечают, что туристская привлекательность может и должна определяться через отношение посетителя к конкретной достопримечательности, локации [2,3,4].

Другой подход основан на изучении существующей туристско-рекреационной среды территории, в том числе и городской (Ширинкин П.С. 2011, 2013, Желнина З.Ю., 2014; Метелкина П.В., Щегольков Ю.Ю., 2017; Валькова Т.М., Фролова В.А., 2018 и др.). Здесь так же можно выделить два полярных подхода. В одном случае широко применяется метод экспертной оценки. Так, например, происходит отбор в Ассоциацию самых красивых деревень и городков России [5]. В другом, авторы разрабатывают систему критериев и показателей оценки туристской привлекательности, в ряде случаев используют математический аппарат для получения итогового результата [6,7,8,9,10]. Опыт, представленный в литературе, подтвердил сложившиеся представления и оказался ценным для разработки критериев и показателей для решения практической задачи оценки туристской привлекательности малых городов. Результатом работы, явилась система критериев и показателей, предлагающаяся для формирования индекса туристской привлекательности городского центра (табл. 1).

Таблица 1

Критерии и показатели оценки туристской привлекательности города

Критерий	Показатель	Значение показателя
1. Транспортная доступность города	1.1. Число пар междугородних рейсов до города (по видам транспорта) в выходные дни (в субботу и воскресенье), ед.	Показатель характеризует транспортную доступность городского центра для туристов и экскурсантов
2. Обеспеченность туристской инфраструктурой	2.1. Число музеев в городе, всего, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса Применяется с учетом значения музеев: региональные, муниципальные и негосударственные

	2.2. Число театров в городе, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса Применяется с учетом значения театров региональные, муниципальные и негосударственные
	2.3. Число объектов культурного наследия в центре города, в том числе памятников истории, градостроительства и архитектуры, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса Применяется с учетом значения объектов федеральные, региональные, местные.
	2.4. Плотность объектов культурного наследия, музеев, театров в центре города, ед./га	Показатель характеризует уровень концентрации объектов туристского интереса в центре города
	2.5. Число монументов, скульптур, арт-объектов в центре города, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса
	2.6. Число объектов спортивной инфраструктуры (бассейны, спортивные комплексы, стадионы) в городе, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса
	2.7. Число предприятий общественного питания в центре города, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского сервиса
	2.8. Плотность предприятий общественного питания в центре города, ед./га	Показатель характеризует уровень концентрации объектов туристского сервиса Рассчитывается от площади городского центра
	2.9. Число посадочных мест в предприятиях общественного питания в центре города, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского сервиса
	2.10. Обеспеченность посадочными местами в предприятиях общественного питания, (‰)	Показатель характеризует общую обеспеченность города местами в предприятиях общественного питания
	2.11. Наличие сувенирных магазинов в центре города, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского интереса
	2.12. Наличие коллективных средств размещения (далее - КСР) в городе, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского сервиса
	2.13. Число мест для размещения в КСР в городе, ед.	Показатель характеризует уровень обеспеченности объектами туристского сервиса
3. Комфортность городской среды	3.1. Наличие пешеходных пространств в центре города, км	Показатель характеризует уровень доступности объектов туристского интереса и комфорта передвижения в центре города. Рассчитывается общая протяженность пешеходных пространств в пределах городского центра Пешеходное пространство – место, предназначенное исключительно для движения пешеходов, включает пешеходные улицы, аллеи, тротуары и др.

	3.2. Доля пешеходных пространств в центре города, (%)	Показатель характеризует уровень комфортности нахождения в центре города
	3.3. Наличие озелененных территорий общего пользования (скверов, парков, лесопарков и т.д.) в центре города, га	Общая площадь озелененных территорий в пределах центра города. Показатель характеризует уровень комфорта нахождения в центре города
	3.4. Уровень озеленения центра города, (%)	Доля озелененных территорий общего пользования в общей площади центра города Показатель характеризует уровень комфорта нахождения в центре города
	3.5. Эстетическая привлекательность городского ландшафта, балл	Показатель характеризует идентичность и разнообразие городской среды. Учитывается наличие ландшафтных природных доминант (открытый водоем: пруд, озеро, река), расчлененный рельеф (наличие утесов, высоких береговых склонов, холмов и т.д.), наличие панорамных точек, мест панорамного обзора (природного и искусственного происхождения - доступные смотровые площадки, вышки, колокольни, природные балконы).
4. Идентичность и разнообразие	4.1. Число предприятий общественного питания в центре города, в основе меню которых блюда прикамской кухни, ед.	Показатель характеризует идентичность и разнообразие туристского предложения
	4.2. Наличие народных промыслов, ед.	Показатель характеризует идентичность и разнообразие туристского предложения
	4.3. Наличие местного производства товаров народного потребления и продажа продукции местных производителей в городе, ед.	Показатель характеризует идентичность и разнообразие туристского предложения
	4.4. Количество туристских событийных мероприятий в год, ед.	Показатель характеризует идентичность и разнообразие туристского предложения. Туристское событийное мероприятие - это массовое общественное мероприятие, ориентированное не только на местных жителей, но и на посетителей (туристов и экскурсантов). Применяется с учетом значения события международного, федерального, регионального, местного значения.
5. Виртуальная привлекательность	5.1. Число поисковых запросов туристской направленности, ед/мес.	Оценка виртуальной туристской привлекательности города. Методика расчета представлена в источнике [11]
6. Безопасность	6.1. Число совершенных преступлений в городе (%)	Показатель характеризует уровень безопасности городской среды
7. Активная позиция города	7.1. Участие муниципального образования в федеральных и региональных конкурсах на получение субсидий по благоустройству городской среды, ед.	Показатель характеризует активную жизненную позицию и уровень сформированности проектных компетенций в области благоустройства
8. Объем туристского потока	8.1. Число туристов в муниципальном образовании, чел./год	Показатель характеризует уровень реального спроса на туристский продукт муниципального образования

	8.2. Число туристов, приходящееся на 1 тыс. местного населения муниципального образования, (%)	Показатель характеризует уровень реального спроса на туристский продукт города Показывает число туристов, приходящееся на одну тысячу человек
	8.3. Число посетителей музеев города, чел./год	Показатель характеризует уровень реального спроса на туристский продукт города
	8.4. Посещаемость туристских событийных мероприятий, чел.	Показатель характеризует уровень туристского интереса к проводимым событиям

Таким образом, в результате проведенной работы была сформирована система, состоящая из 8 критериев и 30 показателей для расчета индекса туристской привлекательности городских центров малых городов. По нашим представлениям она охватывают все компоненты, формирующие туристскую систему города, показатели являются объективными, доступными для сбора, измеримыми. Среди показателей есть как абсолютные, показывающие наличие, так и расчетные, характеризующие долю, плотность, протяженность и т.д. Спорным остается учет критерия 8 (объем туристского потока), ответ на который не так однозначен. С одной стороны, мы понимаем, что город, туристский поток в который сформирован на определенном уровне, уже интересен туристам и следовательно величина потока является определенным индикатором существующей туристской привлекательности. Но, с другой стороны, ориентируясь на существующий поток, мы возможно упускаем из виду и недооцениваем потенциально привлекательные территории. (Недооценка может иметь разные причины, например, отсутствие информации, отсутствие предпринимательской активности, отсутствие/недостаточное развитие инфраструктуры и т.д.).

Литература

1. Кропинова Е.Г., Кропинова К.А. Архитектурные ландшафты Калининграда как объекты притяжения городского туризма / Балтийский регион. 2014, № 4 (22), с. 94-109.
2. Krešić D. and Prebeža D. Index of destination attractiveness as a tool for destination attractiveness assessment ORIGINAL SCIENTIFIC PAPER с Vol. 59 No 4/ 2011/ 497-517.
3. Царьков П.Е. Антропология туризма: теоретические и методологические аспекты организации туристского пространства в городской среде / Культура культуры, № 2. 2016 (электронное издание).
4. Минаев С.И. Пермский край глазами иностранных туристов: проблемы формирования туристского имиджа региона / География и туризм. 2019, № 2. с. 80-85.

5. Сайт Ассоциации самых красивых деревень России. Код доступа: <https://krasaderevni.ru/association/> (дата обращения 15.03.2021).

6. Ширинкин П.С. К вопросу об оптимизации методики расчета туристской привлекательности территории / Проблемы и тенденции развития рекреационно-туристского потенциала Евразийского пространства: материалы научно-практической конференции. Екатеринбург. 2011. с. 279 - 282.

7. Ширинкин П.С. Туристский регион: расчет туристской привлекательности, продвижение, сервис и гостеприимство (на примере Соликамска, Пермский край) / Сфера туризма и гостеприимства в эпоху глобализации. Сборник статей Международного научно-практического форума. 15-17 мая 2013 г. Пермь. с. 384-393.

8. Желнина З.Ю. Проблемы и подходы моделирования городского пространства в стратегии развития туристского бренда территории / Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2 (39), 2014 с. 17а-23.

9. Метелкина П.В., Щегольков Ю.Ю. Подходы к формированию системы индикаторов привлекательности малых исторических городов / Сервис в России и за рубежом. Т.11. № 5 (75). 2017. с. 144-147.

10. Валькова Т.М., Фролова В.А. Влияние городских программ благоустройства и расширения событийного календаря на туристскую привлекательность территории (на примере г. Москвы) // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2018. Т. 22. № 4. С. 44–50. DOI: 10.18698/2542-1468-2018-4-44-50.

11. Мышлявцева С.Э., Ланин В.В. Оценка пользовательского интереса к туристским достопримечательностям пермского края / География и туризм. 2019. № 1. с. 62-68.

Сведения об авторе:

Светлана Эдуардовна Мышлявцева, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, Букирева, 15, Пермь

Svetlana E. Myshliavtseva, Phd, Associate Professor of the Tourism Department, Perm State University, 15 Bukireva St., Perm, Russia

E-mail: mushl_sve@mail.ru

УДК 338.48

В.А. Рубцов, М.В. Рожко
V.A. Rubtzov, M.V. Rozhko

**ТУРИСТСКИЙ БАНК ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ
РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА**

TOURIST DATA BANK AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM

В современных условиях туристский банк данных является одной из эффективных форм централизованного хранения и просмотра пространственных туристских данных. Данная система позволяет хранить и использовать не только обширный массив информации о состоянии объектов, но и их аттрактивности. Представление информации о туристских ресурсах в банке данных позволит существенно повысить привлекательность и конкурентоспособность территориальных образований различного иерархического уровня.

In modern conditions, the tourist data bank is one of the most effective forms of centralized storage and viewing of spatial tourist data. This system allows you to store and use not only a vast array of information about the state of objects, but also their attractiveness. The presentation of information about tourist resources in the data bank will significantly increase the attractiveness and competitiveness of territorial entities of various hierarchical levels.

Ключевые слова: банк данных, туризм, географическая информационная система, конкурентоспособность, туристские ресурсы.

Key words: data bank, tourism, geographic information system, competitiveness, tourism resources.

На рынке внутреннего туризма одну из ключевых ролей играет уникальность туристского продукта, его способность найти и удержать свою аудиторию, как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Рынок туристических услуг – это рынок впечатлений, эмоций и удовольствия, а поэтому сегментов на этом рынке бесконечное множество, главное вовремя уловить тренд и предварительно изучить аудиторию (как меняются запросы, требования к организации, представленным услугам и т.д.).

В современных условиях одной из эффективных форм централизованного хранения и просмотра пространственных туристских данных (географических, историко-культурных, экономических и др.) является система, которая позволяет хранить и использовать в базе данных не только обширный массив информации о состоянии объектов, но и их аттрактивности. Представление информации о туристских ресурсах в такой форме позволит существенно повысить привлекательность и конкурентоспособность территориальных образований различного иерархического уровня [1].

Банки данных образуются совокупностью баз данных и средств управления ими. Базы данных – упорядоченные массивы данных по какой-либо теме, представленные в цифровой форме [2].

В настоящее время применение геоинформационных технологий в туризме является инструментом эффективного развития и функционирования туристской отрасли. Одной из существенных задач применения геоинформационных технологий является организация мониторинга туристских дестинаций.

Геоинформационный мониторинг туристских дестинаций служит для актуализации информации о туристских процессах, объектах и инфраструктуре, оценки туристско-рекреационного потенциала дестинаций, определения векторов и тенденций развития туризма в дестинациях, продвижения дестинаций и т.д. [3].

Геоинформационный мониторинг понимается как система сбора данных о состоянии пространственно-временных показателей территориально распределенных объектов, явлений и процессов, обработки и анализа результатов исследования с использованием ГИС-технологий, оценки, контроля, а также прогноза изменений их состояния с целью поддержки принятия управленческих решений. Основными принципами геоинформационного мониторинга являются полимасштабность, множественность форм исходных данных, математическое и пространственно-временное моделирование [4].

При разработке схем территориального развития муниципальных образований была сделана попытка систематизации расположенных на их территории туристских объектов. Но их создание как правило ограничивается перечислением объектов и отражением их принадлежности к федеральному, региональному и муниципальному уровням. В то же время почти не отражены исторические, эстетические характеристики объектов, их транспортная доступность и т.д.

В Татарстане имеется опыт по разработке геоинформационной системы в области геологии неметаллических полезных ископаемых, которая включает соответствующий банк данных [5]. Подобная система может быть экспортирована в сферу туризма.

Целевым назначением туристского банка (каталога) данных является:

- информационно-аналитическое обеспечение широкого круга пользователей (научных работников, студентов и др.), а также

органов государственной власти и представителей бизнеса Республики Татарстан информацией о состоянии и перспективах развития туристской отрасли;

- создание и ведение информационной компьютерной мониторинговой системы социальной, демографической и экономической составляющих туристского потенциала Республики Татарстан;

- анализ, оценка и прогноз состояния туристского потенциала Республики Татарстан;

- оперативное предоставление актуальной фактографической и пространственной информации по объектам туристской индустрии Республики Татарстан.

Туристский банк должен обеспечивать выполнение следующих функций:

- создание и ведение баз и банков данных, содержащих необходимую документальную, экономическую, аналитическую информацию по отдельным туристским объектам;

- организация и поддержка централизованного хранения информационных ресурсов (фактографических и картографических);

- информационно-аналитическое обеспечение научно-исследовательских и практических работ.

Банк данных туристско-рекреационных ресурсов направлен на формирование в Республике Татарстан современного конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса. Он должен содержать информацию (статистическую, картографическую, прогнозную и др.) направленную на развития туризма в целях создания гостеприимной, высокотехнологичной, территориальной, инфраструктурной, правовой, организационно-управленческой и экономической среды, благоприятной для дальнейшего развития туристской индустрии в Республике Татарстан.

При разработке туристского банка данных предполагается использование стратегий социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, предложений органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Татарстан, общественных организаций сферы туризма и гостеприимства, учебных заведений, предприятий, организаций туристской сферы.

Предварительно на этапе проектирования должна быть выполнена инвентаризация имеющихся фактографических информационных ресурсов туристских объектов Республики Татарстан. В качестве приема можно указать перечень ключевых туристских объектов, представленный в работе Рубцова В.А., Биктимирова Н.М., Рожко М.В. [1].

На основе анализа фактографической информации должна быть разработана общая модель данных, состоящая из нескольких блоков.

Общая модель данных должна содержать информацию о туристских объектах, туристской инфраструктуре, транспортной обеспеченности, обеспеченности кадрами, экономике, нормативно-справочные данные и т.д. Соответственно для каждого блока будет разработана своя структура.

Туристский банк данных или электронный каталог данных будет представлять собой многоуровневую информационную систему, которая предназначена для хранения и обеспечения пользователей необходимой географической, исторической, картографической информацией по туристским объектам Республики Татарстан.

Для создания электронного каталога данных необходимо решить следующие задачи:

1. Разработать структуру электронного каталога данных.
2. Создать фактографический каталог объектов туристской индустрии.
3. Создать картографический каталог и провести его наполнение.
4. Разработать программный модуль для ведения и наполнения электронного каталога данных.

Фактографический каталог данных будет предназначен для ввода, корректировки, поиска и печати информации по туристическим объектам.

Картографический каталог данных будет содержать цифровые модели туристских карт.

Связующим элементом к доступу и управлению фактографической и картографической информацией является блок управления данными, который позволит создать единое информационное пространство при работе с каталогом.

Таким образом, представление информации о туристских ресурсах в банке данных позволит существенно повысить

привлекательность и конкурентоспособность территориальных образований различного иерархического уровня.

Литература

1. Рубцов В.А., Биктимиров Н.М., Рожко М.В. Систематизация туристских ресурсов как фактор развития внутреннего туризма (на примере Республики Татарстан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 1. - С.163-169.
2. Берлянт А.М. Картография: учебник. – 3-е издание, дополненное. – М.: КДУ, 2011. – 464 с.
3. Антипов С.О. Геоинформационный мониторинг туристских дестинаций // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2016. Т. 22. № 2. - С.132-136.
4. Панин А.Н., Тикунов В.С., Фурщик М.А. Геоинформационное обеспечение туризма в России: Подходы, методы, технология. – М.: АНО «Диалог культур», 2014. – 80 с.
5. Булатова, Г.Н., Афанасьева Н.И., Семанов Д.А. Интегральное эколого-экономическое моделирование регионов с использованием ГИС-технологий // Георесурсы. 2017. Т. 19. № 4. Ч. 2. - С.383-392.

Сведения об авторах:

Рубцов Владимир Анатольевич, доктор географических наук, профессор, ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

E-mail: vrubtzov.57@mail.ru

Рожко Михаил Викторович, старший преподаватель, ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

E-mail: romikhail@yandex.ru

УДК 910.3

А.В. Руденко, Д.А. Хамзина
A.V. Rudenko, D. A. Khamzina

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR ECOTOURISM DEVELOPMENT IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Статья посвящена рассмотрению проблем и перспектив развития экологического туризма в ПФО. Перечислены регионы, где экотуризм наиболее развит, рассмотрены препятствия и факторы, сдерживающие развитие экотуризма в регионах. Также оценена возможность улучшения ситуации его развития в регионах ПФО.

The article is devoted to the problems and prospects of ecotourism development in the Volga Federal district. The regions where ecotourism is most developed are listed, and the obstacles and factors hindering the development of ecotourism in the regions are considered. The possibility of improving the situation of its development in the regions of the Volga Federal district was also assessed.

Ключевые слова: экологический туризм, Приволжский Федеральный Округ, проблемы туризма, перспективы туризма

Key words: ecotourism, Volga Federal District, problems of tourism, prospects of tourism

С каждым годом спрос на развитие рекреационной деятельности растет, и вместе с ним возрастает потребность в развитии экологического туризма, который значительно отличается от других видов туризма.

Одно из определений понятию дает Международный союз охраны природы (МСОП): «экотуризм – это путешествие с ответственностью перед окружающей средой по относительно ненарушенным природным территориям с целью изучения и наслаждения природой и культурными достопримечательностями, которое содействует охране природы, оказывает «мягкое» воздействие на окружающую среду, обеспечивает активное социально-экономическое участие местных жителей и получение ими преимуществ от этой деятельности» [1].

Все регионы ПФО уделяют большое внимание развитию туристской отрасли в округе. Лидирующими регионами являются республики Татарстан и Башкортостан, Пермский край, Нижегородская и Самарская области. Именно они являются наиболее перспективными для развития экологического туризма в Приволжском федеральном округе [2]. Что касается остальных регионов ПФО, каждый из них также обладает значительными ресурсами для развития экологического туризма. Но основными препятствиями к развитию являются:

- низкая степень освоенности территорий;
- отсутствие организованной формы развития;
- отсутствие перспективы рассмотрения экотуризма как средства охраны природы;

- проблема рационального рекреационного природопользования.

Для улучшения ситуации, каждому региону следует проводить грамотную политику в туристской сфере, результатом которой экологический туризм может стать не только предметом удовлетворения потребностей людей в «зеленом» туризме, но и действенным механизмом охраны природы.

Так, например, в Башкортостане разрабатываются различного рода проекты, направленные на развитие внутреннего туризма, в том числе и экологического. Например, с 2008 года происходит реализация проекта «Туристско-рекреационная зона "Урал"», основной целью которого является создание туристической зоны международного уровня. Эта зона создается путем уже существующей туристской инфраструктуры Абзелиповского (гостиничный комплекс «Банное, санатории «Яктыкуль» и «Юбилейный»), Бурзянского (Юмагузинское водохранилище, Капова пещера, долина реки Агидель) и Белорецкого районов (курорты «Абзаково», «Ассы-Инзер», заповедник «Шульган-Таш», горнолыжная база «Мраткино» и мн. др.) [3].

В октябре 2019 года на форуме «Ориентиры будущего» обсуждалось развитие экологического туризма на территории Татарстана. Из ключевых фраз выступлений экспертов можно выделить то, что экотуристы отличаются от обычных туристов тем, что бережно относятся к экологии, а также, что экотуризм – это высокодоходный бизнес, что, несомненно, является перспективной нишей, благодаря которой возрастет экономика как региона в частности, так и страны в целом [4].

Важным событием в развитии экологического туризма в ПФО стало создание в Чувашской республике этноэкологического комплекса «Ясна». Данный туристский комплекс размещен на участке более 58 га в 30 км от г. Чебоксары.

Экологический туризм – это такой вид туризма, на который ориентируются определенные группы людей. Он не подходит всем, так как существует ряд ограничений. Например, в экологические туры научного вида не стоит брать детей до 8 лет, так как основной целью таких туров в большей степени является анализ экскурсии. Также не все экологические туры подходят пожилым людям или людям, имеющим проблемы со здоровьем или выносливостью, потому что многие программы туров направлены на активную пешеходную деятельность или длительные поездки.

Молодые люди отдают предпочтение турам, которые предлагают активные виды отдыха (альпинизм, дайвинг, скалолазание, сплавы по рекам и др.), а старшее поколение (люди от 30 лет и выше) предпочитают более спокойный отдых на природе, основной целью которого является изучение природы. Люди, интересующиеся походами и различного рода экспедициями, обычно выбирают вид научного туризма.

Мониторинг, проведенный среди туристических фирм, которые предоставляют экотуры, показал, что большая часть экотуров по регионам ПФО – это туры для изучения истории природы и приключенческий вид экотуризма. Среди регионов, в которых популярен экотуризм – республики Марий Эл, Башкортостан, Татарстан, Чувашия, а также Пермский край, Нижегородская и Самарская области.

Что касается стоимости туров, чаще можно встретить высокую стоимость турпродукта. Скорее всего, это связано с тем, что экологический туризм только набирает обороты на российском рынке продаж и считается достаточно необычным и, можно даже сказать, экзотическим туризмом. Но можно найти туры и по бюджетным ценам. Чаще всего, это туры длительностью в несколько часов.

Наиболее популярными туристическими фирмами, организовывающими экотуры, являются турфирмы «Семейный чемодан», находящаяся в г. Йошкар-Ола (респ. Марий Эл) и «Тенгри» – г. Уфа (респ. Башкортостан).

Помимо экотуров, предлагаемых туристическими фирмами, имеются около десятка сообществ в различных социальных сетях, где люди ищут попутчиков в автомобильные/велосипедные и прочие туры по относительно нетронутым человеком природным территориям ПФО.

В условиях нынешней мировой тенденции роста спроса на туристические услуги, в России, в частности в ПФО, туризм также играет важную роль. Но так как экологический туризм в ПФО еще не развит на должном уровне, но при этом вызывает интерес у потенциальных туристов, следует выдвигать эту отрасль туризма на более значительное место. В ПФО экологический туризм начал развиваться не так давно, тем не менее, в последнее время направления экотуризма набирают все большую популярность, и туристический бизнес из года в год регистрирует растущий объем продаж на экотуры.

Приволжский федеральный округ обладает природным потенциалом, не затронутым антропогенным воздействием. Но в настоящее время он используется недостаточно, несмотря на относительное разнообразие объектов экологического туризма (заповедники, национальные парки, заказники и т.п.).

Природно-заповедный фонд ПФО насчитывает 2644 особо охраняемых природных объектов, в том числе 14 заповедников, 9 национальных парков и 3 заказника федерального значения. Наибольшее количество ООПТ сосредоточено в Нижегородской области (407). Лидерами по количеству также являются Пермский край (382) и Оренбургская область (367). В основном, количество ООПТ в регионах ПФО варьируется от 50 до 100 (республики Марий Эл и Удмуртия, Пензенская, Саратовская области и республика Мордовия) [5].

Приволжский федеральный округ обладает значительным туристско-рекреационным потенциалом для привлечения туристов. Развитие экотуризма может способствовать не только рациональному природопользованию, но и повышению культуры и благосостояния населения. Но для его реализации требуется принятие комплексных мер по развитию экологического туризма, инфраструктуры, а также улучшению качества предоставляемых услуг.

Для улучшения ситуации, можно привлечь специальные региональные программы, направленные на развитие экологического туризма с возможностью его финансирования, а также высококвалифицированных специалистов, способных улучшить качество оказываемых услуг. Также следует предотвращать факторы, сдерживающие его развитие. При правильном проведении мероприятий, направленных на улучшение данной ситуации, экотуры по ПФО могут выйти не только на российский, но и на мировой рынок продаж.

Основными факторами, сдерживающими развитие экотуризма в субъектах ПФО, являются слабая маркетинговая политика по продвижению экологических туров, недостаток квалифицированных специалистов в данной сфере, иногда несоответствие цены качеству, а также слабая государственная поддержка экотуризма в ПФО.

Еще одной, достаточно масштабной, проблемой является высокое антропогенное воздействие на природу, и поэтому необходимо обеспечить такое взаимодействие, при котором высокие

темпы экономического роста и повышения народного благосостояния сочетались бы не только с сохранением, но и непрерывным улучшением и развитием, как отдельных компонентов, так и всей окружающей среды. И главной целью развития экологического туризма, направленного на рационализацию землепользования, станет улучшение качества окружающей среды, поскольку туристами будет цениться именно ее первозданность.

Для субъектов ПФО экологический туризм, как вид экономической деятельности, должен послужить фактором сплочения, так как появляется естественная потребность в сотрудничестве при производстве турпродуктов. Регионам следует быть не конкурентами, а партнерами. Поэтому важно, чтобы была общая программа стратегического развития, в ходе которой сотрудничество и взаимодействие между регионами будет являться залогом успешного развития экотуризма в округе.

Литература

1. МСОП, Международный союз охраны природы: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iucn.org/>. (дата обращения 15.03.20)
2. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.04..20)
3. Постановление Министерства молодежной политики, спорта и туризма Республики Башкортостан № 2 от 4 марта 2010 года: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/17725702/>. (дата обращения 20.04.20)
4. Международный туристский Форум «Ориентиры будущего»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kazantourforum.com/>. (дата обращения 24.04.20)
5. ООПТ РФ: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zapoved.ru/catalog/list/regions/96/page/1#map>. (дата обращения 02.05.20)

Сведения об авторах:

Арина Вячеславовна Руденко, к.г.н., старший преподаватель, кафедра географии и картографии, ИУЭФ, КФУ

E-mail: aroud@list.ru

Диана Азатовна Хамзина, студент кафедры географии и картографии ИУЭФ, КФУ

E-mail: d.hamzina2016@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

FEATURES AND PROSPECTS OF TOURISM DEVELOPMENT IN SMALL CITIES OF RUSSIA

В статье рассмотрены современные черты и перспективы развития туризма в малых городах России. Выявлены факторы развития туризма в малых городах, в числе которых географический, экономический, политический, исторический. Приведен рейтинг ряда малых туристических городов России как критерий оценки их туристических возможностей. Указаны приоритетные направления развития туризма в малых городах, в т.ч. диверсификация имеющихся туристских предложений, разработка новых туристских программ, брендинг территорий, модернизация городской инфраструктуры.

The article discusses the modern features and prospects for the development of tourism in small towns of Russia. The factors of tourism development in small towns are revealed, including geographical, economic, political, historical. The rating of a number of small tourist towns in Russia is given as a criterion for assessing their tourist opportunities. The priority directions of tourism development in small towns are indicated, incl. diversification of existing tourist offers, development of new tourist programs, branding of territories, modernization of urban infrastructure.

Ключевые слова: *малый город, туризм, рекреационный потенциал, туристские ресурсы, межрегиональное сотрудничество*

Key words: *small town, tourism, recreational potential, tourist resources, interregional cooperation*

В настоящее время туризм является одним из приоритетных секторов экономики России, из года в год получает новый импульс в своем развитии и способен обеспечить весомый вклад в экономику страны. В современных реалиях в разрезе международного и внутреннего туризма спросом у отдыхающих среди российских городов традиционно пользуются уже хорошо освоенные направления в силу развитости в них инфраструктуры, близостью к международным туристским рынкам (Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Калининград, Владивосток и др.).

Наряду с ними в нынешних условиях и перспективе развитие туризма в России связано с т.н. «малыми» или «провинциальными» городами, на долю которых приходится не более 5% туристской активности. Под словосочетанием «малый город» принято понимать город, реже сельское поселение, с населением до 50 тыс. жителей, имеющий четкое положение в структуре территориальных образований. По состоянию на 2019 год в России насчитывается около 1117 городов, из них более 780 принадлежат к категории малых городов [1].

Развитие туризма в малых городах находит поддержку на самом высоком государственном уровне, о чем свидетельствуют соответствующие положения принятой на срок до 2025 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации». Развитие малых городов находится также под патронажем Ассоциации малых туристских городов, основной целью которой является продвижение конкурентоспособного туристского продукта на рынке внутреннего и въездного туризма [2]. С 2015 года организацией ежегодно проводится фестиваль малых туристских городов, тематика и география проведения которого каждый год различна (Углич, Елабуга, Тобольск), но неизменно одно - сохранение принципа размерности (величины) населенного пункта.

Развитие туризма в малых городах России предопределено их самобытностью, компактностью территории, духом времени, туристской «неизбалованностью», экономическим фактором, как например, кризис 2014-2015 гг., с вспышками банкротств туроператоров и смещением туризма в российские регионы. Ареал малых российских городов и их число, как было сказано, обширен, наиболее посещаемыми являются те из них, которые локализируются, как правило, вблизи крупных субъектов РФ. Статистика туристских прибытий говорит о наибольшем интересе к городам, расположенных в пределах территориальной досягаемости от столичных центров, – г. Москвы, Санкт-Петербурга и ряда городов - миллионеров; подобная тенденция отмечена для городов центральных областей и северо-запада страны (Ярославская, Владимирская, Новгородская, Тверская).

Развитие туризма в малых городах России имеет свои специфические черты, среди которых авторами могут быть выделены:

1. Малые города как «монообразование», каркас которого формируется, как правило, вокруг определенной специализирующей

отрасли. Практика развития моногородов, в т.ч. за рубежом показывает, что очень часто именно туристские ресурсы выступают главной доминантой функционирования территории. Как пример, монотуристические г. Кольмар, австрийский Гальштат, словенский Блед, итальянская Манарола и др.

2. Богатство малых городов рекреационными ресурсами, что определяет их туристскую аттрактивность, однако, для многих из них фактор ресурсной базы перекрывается целым рядом проблемных аспектов.

3. Рейтинг малых городов, как критерий оценки их туристических возможностей, основанный на показателях количества туристских прибытий, соотношение числа туристов на одного местного жителя (табл.1).

Таблица 1

Рейтинг малых туристических городов России по числу туристов на одного жителя [3]

Город	Среднее количество визитеров в год	Среднее количество визитеров на 1 жителя	Общая численность населения города
Суздаль	1,700 тыс.	162 /1	9,5 тыс. чел.
Сергиев Посад	2 млн.	18/1	100 тыс. чел
Выборг	1 млн.	13/1	75 тыс. чел
Городец	660 тыс.	22/1	29 тыс. чел
Болгар	520 тыс.	60/1	8,3 тыс. чел
Плес	400 тыс.	173/1	1700 чел.
Углич	400 тыс.	12/1	31 тыс. чел.
Великий Устюг	300 тыс.	9/1	31 тыс. чел.
Мышкин	200 тыс.	34/1	5,5 тыс. чел.

Рейтинг туристских предпочтений в разрезе малых городов показывает, что одна из основных причин их посещения – богатый туристско-рекреационный потенциал территорий, преимущественно культурно-исторического и социально-культурного типа (памятники истории и архитектуры, объекты религиозного назначения, музейные объекты и пр.). Например, уникальной достопримечательностью г. Сергиев-Посад является архитектурный комплекс Троице-Сергиевой лавры, г. Выборг – самый не типичный с точки зрения архитектурного облика, сохранив визуально некогда присущие ему скандинавские черты; г. Болгар в РТ более трех столетий являлся столицей средневековой Волжской

Булгарию – всё это, примеры уникальности и историчности, сохранившейся до наших дней.

4. Территориальность, как фактор, повышающий туристскую ценность малых городов. Территориальный аспект, чаще всего, является сильной стороной малых городов, обусловленный близостью к статусным образованиям, с точки зрения их размерности и социально-экономического положения. Так, например, удаленность от российской столицы таких городов как Суздаль, Сергиев Посад, Углич, Переславль-Залесский, Звенигород не превышает 200 км, или не более 2,5 часов, что катализирует туристские перемещения, способствуя экономическому росту и формированию благоприятного туристского имиджа городов.

5. Включение малых городов в межрегиональные туристские маршруты, в том числе брендовые, как фактор эффективного позиционирования их туристических возможностей на рынке. Например, включение малых городов Центрального федерального округа в классический и старейший маршрут страны «Золотое кольцо России» (Суздаль, Ростов Великий, Переславль Залесский, Сергиев Посад, Плес, Углич, Гороховец). В состав другого межрегионального туристического маршрута «Серебряное кольцо России» входят не менее туристско примечательные городские поселения (Выборг, Старая Русса, Печоры), несмотря на их малочисленность.

6. Краткосрочность туристских прибытий, как специфическая черта развития туризма в малых городах России. Особую актуальность этот аспект приобрел в нынешних реалиях развития российского туризма, обусловленного неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, вызванной вирусом Covid-19. В туроператорском сегменте сегодня можно видеть немало туристских предложений, рассчитанных на краткосрочное знакомство с небольшими российскими городами. Более того, возможным следствием для провинциальных российских регионов, учитывая трудную прогнозируемость данного вируса, во времени и пространстве, может явиться курс на туристское переосмысление в выборе отдыха потребителями – отход от массовых направлений в сторону малых и средних городов, что мы уже можем видеть на рынке туристских услуг.

7. Информационное обеспечение развития туризма в малых городах России через т.н. туристско-информационные центры. Такие центры уже функционируют в городах как Углич, Суздаль, Мышкин,

Старая Русса, Елец, Переславль-Залесский, Городец, Гороховец и др., способствуя формированию благоприятного туристского имиджа территорий.

В то же время одного туристского потенциала, несмотря на уникальность объектов, сосредоточенных в малых городах, сегодня явно недостаточно, учитывая нынешние реалии развития российского туризма. Приоритетность в их развитии должна быть направлена в сторону диверсификации имеющихся туристских предложений, разработке новых туристских программ и маршрутов, в том числе межрегиональных, брендинга территорий, модернизации городской инфраструктуры и пр.

Особое внимание хотелось бы заострить на усилении межрегионального сотрудничества между малыми городами, потенциально успешными видятся те шаги, которые предпринимаются для развития тех субъектов, население которых не превышает 20 тыс. человек. Показателен в этом отношении 5,5 тыс. город Гаврилов Посад, в Ивановской области, главной достопримечательностью которого является центральная площадь с амфитеатром и смотровой башней, благоустроенная в рамках конкурсного проекта «Малые города: 2020/2021», инициированный Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Территориальная близость к Суздалью, в дополнительной степени повышает шансы города стать туристической точкой на самом известном маршруте страны «Золотое кольцо России» [1].

Эффективным инструментом популяризации развития туризма провинциальных городов, несомненно, является диверсификация видов досуговой деятельности, необходимых как для местного населения, так и для посещающих их визитеров. Одним из таких продуктивных является событийный туризм и малые города страны способны удивить подобными мероприятиями даже самых взыскательных туристов («Праздник Каши» в г. Кашин Тверской области, «День рождения Бабы Яги» в селе Кукобой Ярославской области, «День огурца» в Суздале, реконструкторский фестиваль «Святого Олафа» в Выборге и др.).

Развитие туризма в малых городах России по такому сценарию будет способствовать повышению их привлекательности, увеличения общего числа туристов и продолжительности их пребывания, росту оборота туруслуг, как следствие, укреплению экономики городов.

В целом, богатейший рекреационный потенциал провинциальных территорий, их историчность во времени и пространстве, архитектурная аутентичность, усиление межмуниципального сотрудничества между городами способно придать новые импульсы их развитию и продемонстрировать туристские возможности малых городов России.

Литература

1. Малые города: 2020/2021. URL:2020/2021 <https://archi.ru/russia/85702/malye-goroda> (дата обращения: 12.08.2020).
2. Ассоциация Малых Туристских Городов. Информация о нас. URL: http://amtg-rus.ru/about_us/(дата обращения: 10.08.2020).
3. Лучшие Малые Туристические Города России. Туристический портал ТурСтат. URL:<http://turstat.com/toptouristtownrussia2019> (дата обращения: 11.08.2020).

Сведения об авторах:

Марина Анатольевна Рысаева, старший преподаватель,
б/с, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
E-mail: mara_rus85@mail.ru

Ирина Анатольевна Рысаева, старший преподаватель,
(Приволжский) Федеральный университет
E-mail: rysira85@mail.ru

УДК 9.91.914/919

О.Н. Толстых
O. N. Tolstykh

РЕКРЕАЦИОННАЯ СИСТЕМА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ТУРИСТСКАЯ ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ КАНАДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НУНАВУТ)

RECREATION SYSTEM AND REGIONAL TOURISM POLICY (EXAMPLE IN THE CANADIAN TERRITORY NUNAVUT)

В публикации рассматривается опыт региональной политики в сфере туристического бизнеса северной территории Канады - Нунавут. Предоставляется статистическая информация и описывается процесс успешного взаимодействия федеральных структур и региональных организаций, определяется роль коренных народов в развитии туризма в

регионе. Подробно дается характеристика ресурсной составляющей северного пространства

The publication examines the experience of regional policy in the field of tourism business in the northern territory of Canada - Nunavut. Statistical information is provided and the process of successful interaction between federal structures and regional organizations is described, the role of indigenous peoples in the development of tourism in the region is determined. The characteristics of the resource component of the region are given in detail.

Ключевые слова: рекреационная система, региональная туристская политика, Нунавут, Канада, северные территории, коренные народы

Key words: recreational system, regional tourism policy, Nunavut, Canada, northern territories, indigenous peoples

Как отрасль хозяйства или род деятельности рекреация, в рамках рекреационной системы региона, относится к той группе отраслей, которые имеют ярко выраженную ресурсную направленность. Туристские ресурсы и туристский потенциал влияют на территориальную организацию рекреационной деятельности, на формирование рекреационных районов и центров, на их специализацию и экономическую эффективность.

В рамках рекреационной системы любого региона и любой территории социально-экономический феномен туризма, как услуги, заключается в определенных аспектах, таких как использование в процессе обслуживания туриста разнообразных природных и антропогенных туристско-рекреационных ресурсов, выявление взаимосвязи развития туризма и его взаимодействия с экономическим ростом, интеграция деятельности предприятий различных отраслей народного хозяйства, обеспечение необходимой инфраструктурой для удовлетворения комплекса потребностей туриста, научно-техническим и культурным прогрессом.

Разрабатывая стратегию рекреационной системы региона, следует понимать, что она способна обеспечить поэтапное развитие и наращивание туристско-ресурсной базы территории. Создание рекреационной системы необходимо осуществлять, формируя туристско-рекреационные комплексы: объекты туристского интереса, рекреационные объекты и зоны, объекты размещения и питания, элементы транспортной инфраструктуры, сформированные вокруг опорных туристских центров с последующим объединением этих комплексов едиными туристскими маршрутами.

Канада – это одно из самых высокоразвитых государств, которое является интересным объектом для исследования не только по причине растущих экономических показателей страны, а также и из-за усиления освоения новых, как правило, северных и необжитых территорий, и их дальнейшего вовлечения в туристскую деятельность. Канада – это страна с довольно суровым климатом, это северное государство, в активе которого находятся арктические территории в количестве более 3 млн. км², а также более 9970 тыс. км² территории, которые крайне мало освоены и не заселены равномерно [5]. На сегодняшний день развитие туризма в арктических канадских пространствах является одним из основных инструментов освоения Севера.

Канада в силу своего географического расположения и огромной территории может предложить совершенно разнообразные виды туризма. Но за последние десятилетия среди канадских туристов наблюдается повышенный интерес к северным широтам. Как правило, это люди ориентированные на активный образ жизни, увлекающиеся необычными туристскими маршрутами, спортом. Такая активность туристского потока позволяет трем северным территориям Канады (Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут) разрабатывать множество круглогодичных туристских маршрутов. Привлекательность каждой из этих трех северных территорий зависит от многих факторов: наличия природной ресурсной базы, развитости инфраструктуры, транспортной доступности, особенностей национального характера населения региона, развитости социально – экономической составляющей и т.д.

Нунавут – это самая молодая северная территория Канады. Датой образования и появления на карте ее границ принято считать 1 апреля 1999 г. От общей площади страны Нунавут – это 21 % ее территории. Покрывает пространство Канадского Арктического Архипелага большинство островов Арктики. Три острова архипелага (Баффинова Земля, Виктория и Элсмир) входят в десятку самых крупных островов мира по территории. Из десяти крупнейших канадских островов девять входят в состав Арктического архипелага. Всего в нём насчитывается 36 563 острова, из которых 15 имеют площадь более 10 тыс. км² (рис. 1) [3].

Гидрографическая ситуация, как нельзя лучше иллюстрирует природно-рекреационный потенциал любой территории. Большинство рек Канады принадлежат бассейну

Атлантического и Северного Ледовитого океанов, значительно меньше рек впадают в Тихий океан. Самая значительная река – судоходная р. Св.Лаврентия с многочисленными притоками (Оттава, Сагиней, Сен-Морис, Маникуаган и др.). Канада – одна из самых богатых озерами стран мира (более 2-х млн.). На границе с США расположены Великие озера (Верхнее, Гурон, Эри, Онтарио), соединенные небольшими реками в огромный бассейн площадью более 240 тыс. кв. км.

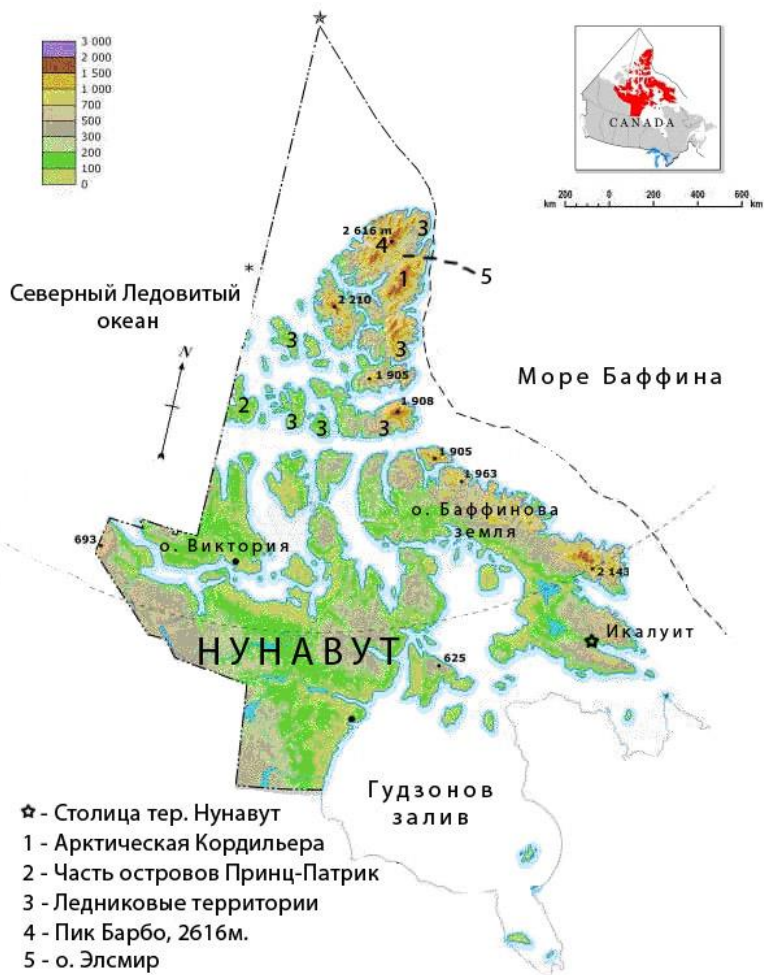

Рис. 1. Физико-географическое положение территории Нунавут
 Источник: составлено автором на основании [8]

Множество рек и озёр обусловлено недавно образованным и продолжающим формироваться водоразделом территории под воздействием эффекта постледникового восстановления. Все реки в Нунавуте, расположенные в материковой части, впадают или в Гудзонов залив или в Северный Ледовитый океан (рис.2). На острове Баффинова земля реки в основном текут на запад.

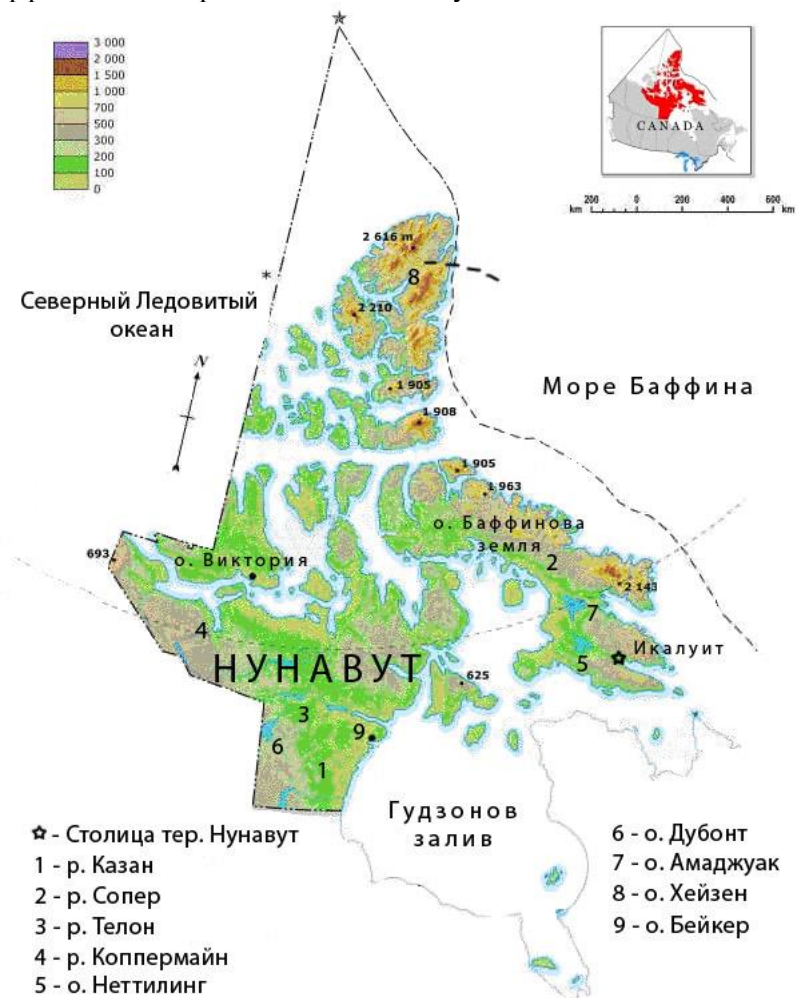

Рис. 2. Гидрографическая характеристика территории Нунавут
Источник: составлено автором на основании [1] и [2]

Крупнейшие реки Нунавута это: река Телон (904 км) (Thelon River) впадает в Гудзонов залив, охраняется государством с 1990 г.; река Казан (ок.850 км) (Kazan River), впадает в Гудзонов залив, охраняется государством с 1990 г., река Сопер (Soper River) - охраняется государством с 1992 г.; река Коппермайн (840 км) (Coppermine River) (впадает в Ледовитый океан), номинирована на статус охраняемой государством.

Чрезвычайно большое значение для развития туристской деятельности имеют особо охраняемые природные территории (ООПТ). Задачами парков Канады и территории Нунавут (табл. 1), в том числе, является сохранение экологической целостности парков и предоставление возможности для посещения и изучения природы населению страны и туристам из других стран.

Таблица 1

Список ООПТ территории Нунавут*

Название национального парка	Оригинальное название	Площадь, км ²	Год получения статуса
Ауюиттук	Auyuittuq National Park	19 707,4	2001
Куттинирпаак <i>Номинирован на получение статуса всемирного наследия в Канаде</i>	Quttinirpaaq National Park	37 775,0	1988
Сирмилик	Sirmilik National Park	22 200,0	2001
Уккусиксалик	Ukkusiksalik National Park	20 500,0	2003

*Источник: составлено автором на основании [6] и [7]

При исследовании системы факторов, воздействующих на освоение северных территорий Канады, особое место занимает анализ природных аспектов. Также следует отметить важность и социальных факторов, этнокультурные особенности населения, следует помнить о роли государственного регулирования, государственной и региональной политики северных районов и др.

Сегодня все больше и больше региональные власти территории Нунавут вовлекают местное население в программы по развитию внутреннего туризма, обеспечивая их рабочими местами, улучшая гостиничную базу, увеличивая количество авиарейсов из многих крупных канадских городов. Инуиты, это одна из трех групп коренных народов Канады, официально признанная государством, составляет преобладающую часть населения Нунавута (85%). Именно они и вовлечены в процесс обслуживания и предоставления услуг туристам. Работой в сфере туризма в регионе обеспечены 1,3

тыс. человек. На территории Нунавута зарегистрировано 27 предприятий коренных народов (рестораны и гостиницы), действуют 39 туристских фирм. Большую роль в экономике многих посёлков Нунавута играет производство изделий народного промысла, в нём занято 27% населения, объём их доходов составляет 33 млн долл. в год (данные 2018 г.).

Нужно отметить, что то, как развит сегодня туризм в Нунавуте – это результат работы и федерального правительства, а также регионального и местного управления. На федеральном уровне степень развития туризма в каждой провинции и территории контролируется Канадской комиссией по туризму (Commission canadienne du tourisme). С 1995 г. в ее состав входят Управления по туризму всех провинций и территорий. В рамках этого федерального управления Канадская комиссия по туризму производит анализ тур рынка, разработку тур продукта, проводит исследования в регионах, определяет величину дотаций для каждого региона из федерального бюджета, а также контролирует взаимодействие туристской отрасли с частным сектором. Часто бывает так, что финансирование из бюджета частного сектора превышает уровень федеральных инвестиций [4].

Если говорить о региональной политике каждой провинции Канады и Нунавута, в частности, следует отметить работу Ассоциаций по туризму, которые у каждой территории свои. Они входят в состав Канадской комиссии по туризму. У Нунавута это - Travel Nunavut Industry Association. Главная цель существования данной региональной организации – это поддержание взаимосвязи между федеральными структурами и местными органами власти, а также поддержание совместной работы с министерствами северных территорий.

Партнерами Travel Nunavut Industry Association на сегодняшний день являются:

- *местные предприятия (кооперативы, муниципальные советы, общины):* поселение Киммирут / Kimmirut и поселение Кейп – Дорсет / Cape Dorset (центры современных инуитов), парк Мелиадин / Meliadine Park (территория предков современных инуитов), поселение Бейкер – Лейк / Baker Lake (центр искусства инуитов – текстильные изделия), поселение Нанисивик / Nanisivik (празднование местных праздников инуитов), поселение Пангниртунга / Pangnirtunga (центр искусства инуитов);

- *предприятия занятые в туриндустрии (транспорт: 28 аэропортов, 7 аэродромов, ж/д сеть отсутствует, автомагистрали развиты слабо, 10 портовых городов; гостиницы: 27 организаций на 2018 г., 12 мини - отелей в столице, 15 мини отелей в регионе);*

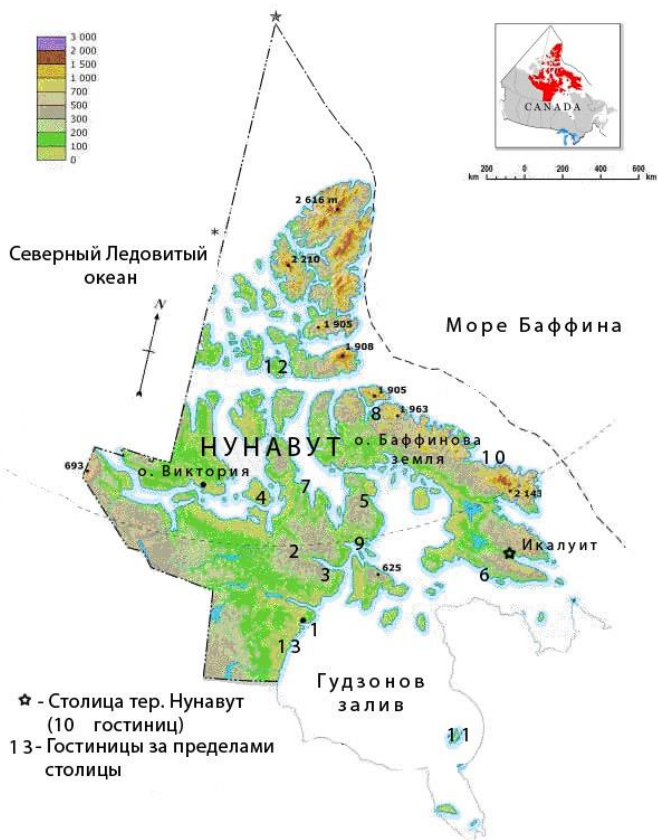
- *туроператоры и турагенты (39 организаций на 2020 г.).*

Нельзя не отметить практически повсеместного территориального размещения гостиничных предприятий на территории Нунавута, и особенно наличия отелей в самых северных островных и полуостровных районах (рис. 3). Ценовая политика начинается с 225 канадских долларов за ночь с человека до 270 долларов.

Если говорить о статистике, то она доказывает, что с момента образования и появления на карте Канады отдельной территории Нунавут, происходит стабильный рост турпотока в регион. Конечно, это результат совместной работы и федерального правительства, и региональных властей, а также местного правления. Данная статистика предоставлена официальным отчетом Nunavut Visitor Exit Survey 2019 Final Report. В этом отчете предоставляется информация, показывающая динамику показателей в течение 8 лет. В 2011 г. общий годовой доход от туризма в Нунавуте оценивается в 40 млн. канад. долл. Средние расходы среди всех посетителей составили \$ 2663 на человека / за поездку. В 2013 г. объемы туристского потока в Нунавут составили 16 тыс чел. В 2015 г. это количество достигает 16750 чел. Общий доход от туризма за 2015 г., не считая доходов от продажи авиабилетов и круизных маршрутов, составил 37,88 млн. долл. В 2018 году общее количество туристов посетивших Нунавут выросло на 34.000 человек по сравнению с 2015 годом.

Большую часть туристов составляют бизнес туристы (69 % - 11550 чел.), туристы с круизных лайнеров – 2750 чел, посетители с целью активного туризма 2285 чел. Только бизнес туристы за 2019 г. потратили на территории Нунавута 29,26 млн. долл. (отели, питание, доп.услуги и т.д.). 22% из них пребывали в Нунавуте больше месяца, остальные около 15 дней. 71% из них останавливался в отелях и В&В.

Вторую большую группу посетителей Нунавута составляют туристы с целью активного туризма. В среднем они пробыли в 2019 г. в Нунавуте 7 дней, 66% из которых размещались в отелях столицы г. Икалуит. Группу туристов с круизных лайнеров мы не рассматриваем, т.к. их размещение и ночлег происходит на борту лайнеров.

Отели за пределами столицы территории Нунавута:

1. The Padlei Hotel
2. The Iglu Hotel
3. The Tangmavik Hotel
4. The Amundsen Hotel
5. The Hall Beach Hotel
6. The Kimik Hotel
7. The Inukshuk Inn
8. The Sauniq Hotel and Conference Centre
9. The Naujat Hotel
10. The Tulgak Hotel
11. The Amaulik Hotel
12. The Qausittuq Inn
13. The Issatik Hotel

Отели в г.Икалуит:

- Capital Suites
- Frobisher Inn
- Navigator Inn
- Accommodation by the sea
- Discovery Lodge hotel
- Nova Inn
- Aurora Manor BB
- Nunattaq Suites
- Baffin Optical
- Ambulance Emergency Only

Рис. 3. Территориальное расположение отелей на территории Нунавута
Источник: составлено автором на основании [9]

Одним из успешных способов взаимодействия между федеральным и региональным правительством Нунавута является наличие соглашений, по которым поддерживается экономическое развитие Северной территории путем получения субсидий на определенное количество лет. Опыт Нунавута и других Северных территорий Канады подтверждает, что сотрудничество коренного населения, государства и бизнеса определенным образом возможно, если существует система менеджмента и происходит правильное распределение использования ресурсов. Нельзя допустить управление биологическими ресурсами без взаимодействия государственных представительств с местными аборигенными сообществами.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в Нунавуте мы наблюдаем систему партнерства бизнеса и местных сообществ при участии и поддержке Правительства Канады. Федеральные органы управления туризмом северных территорий подписывают соглашения с региональными ассоциациями туризма, которые определяют сотрудничество в сфере экономики и стимулирования тур индустрии в регионе. На сегодняшний день большая часть частных тур предприятий Нунавута управляется местным населением.

Литература

1. Соколов В.И. Природопользование в США и Канаде: экономические аспекты, М. Наука, 1990
2. Соколов В.И. Природно-ресурсный потенциал Канады. - «США и Канада – экономика, политика, культура», № 5, 2004
3. Толстых О.Н. Природно-ресурсный потенциал, как основа развития туризма (на примере территории Нунавут, Канада) / Материалы 4-го Международного круглого стола, посвященного памяти д. геогр.н., профессора Ю.В.Поросенкова – Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС, 2018 г. – С.130-133
4. Тотонова Е.Е. Современное состояние и тенденции развития туризма в Канаде // США, Канада: экономика, политика, культура, 2010. № 3. – С.115-127
5. Черкасов А.И. Экономическое развитие Канадского Севера // США, Канада: экономика, политика, культура, 2001. № 6
6. Bourassa R., Power from the North, Scarborough, Ontario, 1985
7. Canadian Natural Resources and Environmental Policy. UBS Press, Toronto-Vancouver, 2000
8. Карта территории Нунавут <http://www.canada-maps.org/nunavut-map.htm> (дата обращения 15.05.2021)

Сведения об авторе:

Оксана Николаевна Толстых, кандидат географических наук, доцент кафедры Туризма и гостиничного дела Российского государственного университета физической культуры спорта молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) (Москва)

E-mail: tolstykh.oksana@gmail.com

УДК 796.5

И.В. Цулая
I.V. Tsulaia

ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

GEOGRAPHY OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Современный мир и современный туризм устроены таким образом, что одним из побудительных мотивов к путешествиям у туристов являются те дестинации, которые обладают объектами историко-культурного наследия. Республика Абхазия не является исключением, более 17% опрошенных (Цулая И.В., Кучер М.О.) проявили заинтересованность ознакомиться с историко-культурным наследием. В статье показаны география, распределение объектов ИКН по всей территории Республики Абхазия, характеризуются как известные туристские бренды, так и те объекты наследия, которые на наш взгляд будут интересны для туристско-экскурсионной деятельности в Абхазии. Показаны перспективные направления для их вовлечения в туристско-экскурсионную деятельность.

The modern world and modern tourism are arranged in such a way that one of the incentives for tourists to travel are those destinations that have objects of historical and cultural heritage. The Republic of Abkhazia is no exception, more than 17% of the respondents (Tsulaya I.V., Kucher M.O.) showed interest in getting acquainted with the historical and cultural heritage. The article shows the geography, distribution of IKN facilities throughout the territory of the Republic of Abkhazia, characterizes both well-known tourist brands and those heritage sites that, in our opinion, will be interesting for tourist and excursion

activities in Abkhazia. Shown are promising directions for their involvement in tourist and excursion activities.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, территориальная организация, цикл экскурсионных программ.

Key words: historical and cultural heritage, territorial organization, cycle of excursion programs.

Историко-культурное наследие включает следующие объекты: уникальные и эталонные территории; комплексы и ансамбли, отдельные сооружения; предметы, формы и виды деятельности; имеющие уникальное значение и ценность в области истории, искусства, науки и техники, духовно нравственной, социальной и хозяйственной жизни» [1].

Информационную базу исследования составляют: «Государственный список историко-культурного наследия РА» [2], Закон РА об историко-культурном наследии [1], материалы отчетов Министерства по курортам и туризму [3] и Министерства культуры РА [2], интернет-источники, материалы учебных изданий. В качестве методов исследования применялись: анализ, синтез, описания и обобщения.

Государственный список историко-культурного наследия Республики Абхазия насчитывает 1535 объектов [2]. В таблице 1 представлена общая типология объектов ИКН, их количественные характеристики.

Таблица 1

Количественные показатели типов объектов историко-культурного наследия

Общая типология		Кол – во	%
1	Историко-архитектурный заповедник	93	6,1
2	Мемориальный дом музей	2	0,13
3	Памятник мемориального значения	10	0,65
4	Памятник археологии	581	37,85
5	Историко-культурный заповедник	8	0,52
6	Памятник градостроительства и архитектуры	478	31,14
7	Памятник садово-паркового искусства	26	1,69
8	Памятник монументального зодчества	48	3,12
9	Памятник истории	114	7,42
10	Памятник культовой архитектуры	65	4,23
11	Пещеры, гроты, навесы, шахты, штольни	13	0,84
12	Памятник промышленной архитектуры	29	1,88
13	Памятник архитектуры	39	2,54
14	Археологический заповедник	2	0,13
15	Археологический историко-культурный заповедник	3	0,19
16	Памятник природы и культуры	24	1,56
Итого		1535	100%

Наиболее крупными типами объектов являются памятник археологии – 581, и памятник градостроительства и архитектуры 478, в совокупности они составляют около 70% от общего количества объектов наследия.

Далее в каждом типе приведем примеры наиболее известных объектов историко-культурного наследия:

1. Историко-архитектурный заповедник: «Великий Питиунт», Сухумская крепость, Крепость «Замок Баграта», Историко-архитектурный заповедник «Мчиштинская наскальная крепость».

2. Мемориальный дом музей: «Историко-мемориальный дом музей Н. А. Лакоба», Дом Музей «Хецуриани».

3. Памятник мемориального значения: Мемориал Независимости в Гагре, Дом географа и картографа, полковника князя Чачба (Шервашидзе) М.Л. (1871-1920 гг.).

4. Памятник археологии: Могильник на г.Джантух, Римская сторожевая башня, территория культурного слоя древних поселений и городов Акуа, Диоскурия, Севастополис, Цхум, Сухум-Кале (VI в. до н.э. - XVI в.).

5. Историко-культурный заповедник: Ричинский реликтовый национальный парк, включает многие интересные места: Озера Рица, Малая Рица, Голубое озеро, Водопады «Мужские слезы», «Девичьи слезы», «Молочный», Гегский водопад, Юпшарское ущелье, дача Сталина; Гудаутский историко-культурный заповедник «Лыхнашта»; Историко-культурный заповедник «Мыку-ашта».

6. Памятник градостроительства архитектуры: Здание дома культуры г. Гудаута, Железный автомобильный мост в с. Джырхуа, дача Сталина г. Новый Афон.

7. Памятник садово-паркового искусства: Сухумский ботанический сад, Лимонарий, Аллея Кипарисов, Оливковая роща, «Царская аллея», Ново-Афонские пруды.

8. Памятник монументального зодчества: «Новоафонский монастырь», Бюст Смецкого Н.Н. (1856 – 1931 гг.), Памятник-обелиск павшим в ВОВ 1941-45 гг.,

9. Памятник истории: «Анакопийская Крепость», «Бедийский Собор».

10. Памятник культовой архитектуры: «Миоссерский Храм», «Каманский монастырь святого Иоанна Златоуста»

11. Пещеры, гроты, навесы, шахты, штольни: «пещера Абрскил», «Шахта им. Ленина», «Грот Симона Кананита».

12. Памятник промышленной архитектуры: Водонапорная Башня в г. Пицунда, трансформаторная подстанция, Табачный ферментационный завод.

13. Памятник архитектуры: Вилла Алоизи, «Дом с часами» в г. Сухум.

14. Археологический заповедник: Отхарский археологический заповедник «Отхарские дольмены», Археологический заповедник «Тамышское поселение эпохи бронзы»

15. Археологический историко-культурный заповедник: «Эшерское античное городище».

16. Памятник природы и культуры: «Голубое озеро», «Гагрская колоннада», «Приморский Парк», «Ресторан Гагрипш».

Для выявления особенностей территориальной организации объектов ИКН группируем их по административным единицам (рис. 1).

Рис. 1. Количество объектов историко-культурного наследия по административным единицам РА

Лидером по количеству объектов ИКН является Гудаутский район - 426 объектов, затем следуют г. Сухум – 294, и районы Очамчырский – 196, Гагрский районы – 197, Гулрыпшский – 177, Ткуарчалский – 179, Сухумский район – 48, Галский – 18 объектов.

В распределении объектов ИКН по административным единицам РА прослеживаются ряд особенностей:

1) Максимальная концентрация объектов ИКН приходится на центральную часть Абхазии, при этом от центра к северо-западу и юго-востоку показатели объектов снижаются, и минимум приходится на Галский район (18 объектов).

2) В четырех районах Гагрском, Гулрыпшском, Очамчырском и Ткуарчалском количество объектов наследия распределились одинаково (11-12%).

На следующем этапе анализа территориальной организации объектов ИКН в РА рассмотрим их распределение по городам, пгт и селам (табл. 2).

Таблица 2

Количество объектов историко-культурного наследия в городах,
ПГТ и селам

№	Города	Количество объектов	Количество объектов в селам по районам
1	Сухум	294	Сухумский 48
2	Гагра В т.ч.	103	Гагрский 78
	пгт. Цандрипш пгт. Бзыпта	12 11	
3	Пицунда	16	
4	Гудаута В т.ч.	97	Гудаутский 186
	пгт. Мысра	4	
5	Новый Афон	143	
6	Очамчыра	8	Очамчырский 188
7	Ткуарчал	73	Ткуарчалский 106
8	Гал	5	Гальский 13
9	пгт Гулрыпш	7	Гулрыпшский 170
Итого		746	Итого 789

Среди городов явным лидером по количеству объектов является столица РА г. Сухум – 294 объекта. Вторым следует г. Новый Афон – 143 объекта (самый малый по площади город республики). Такая высокая концентрация объектов в этих городах связана с большим разнообразием типов объектов и длительным историческим периодом развития города.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Очамчырском, Гулрыпшском, Ткуарчалском и Гальском районах, расположенных юго-восточнее г. Сухум наблюдается явное преобладание объектов ИКН в сельской местности. Так, в г. Очамчыре 8 объектов, в селам района 188, в пгт Гулрыпш 7 объектов, в селам района 170. А в двух районах Гудаутском и Гагрском, расположенных северо-западнее г. Сухум количество объектов в городах в 1,5 раза больше, чем в селам.

Здесь уместно обратить внимание на то, что в Гудаутском и Гагрском районах 7 городов и пгт, а в Очамчырском, Гулрыпшском, Ткуарчалском и Галском районах 4 города и пгт.

Распределение сел с объекты ИКН и количество объектов в десяти селах Абхазии показано на рисунке 2.

Рис. 2. Количество объектов ИКН в 10-ти крупнейших селах Республики Абхазия на 2021 г.

Количество сел с объектами ИКН распределено по районам республики довольно равномерно. Наименьшее их число в Гагрском районе – 9, наибольшее в Очамчырском – 24, в остальных районах от 10 до 18 сел.

Более 40% объектов ИКН сконцентрировано в 10 из 95 сел республики, и в 16 селах объекты ИКН отсутствуют.

На села Цабал, Амткел, Мерхеул Гулрыпшского района приходится более 1/3 объектов ИКН из десяти сел-лидеров. Наивысший показатель у сел Цабал и Акармара – 55 и 48 объектов соответственно. Села Атара, Арасадзыхь и Члоу Очамчырского района также вошли в десятку крупнейших по количеству объектов ИКН.

Для сельских поселений в Абхазии огромное значение имеет историко-культурное наследие, которое может стать важнейшим фактором привлечения туристов в села.

Подводя итог нашего исследования, следует отметить, что объекты ИКН расположены во всех административных единицах: в семи районах, в восьми городах, в четырех поселках городского типа и в 95 из 111 селах Абхазии. Количество объектов ИКН в республике распределились следующим образом: 746 (48,6%) в городах (пгт) и 789 (51,4%) в селах.

Сохранению популярности туристского направления «Абхазия» на наш взгляд может способствовать популяризация объектов историко-культурного наследия (ИКН), которые во всей республике представлены широко. В данной ситуации необходимо говорить о принципе А.И. Зырянова, который подробно представлен в проекте «Пермь Великая». Основной идеей данного принципа является универсальный подход развития туризма на всей территории региона. И данный подход можно использовать в качестве базового и на территории Республики Абхазия.

Перспективы дальнейшего исследования, посвященные проблеме вовлечения объектов ИКН Абхазии в туристско-экскурсионную деятельность, мы видим в более детальном изучении типов объектов, для создания всевозможных тематических экскурсионных программ: археологических, экологических, геологических, культурно-исторических.

Литература

1. Закон РА «Об историко-культурном наследии Республики Абхазии», 23 февраля 1998 г.
2. Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. URL: <http://mkra.org> (дата обращения: 17.02.2021).
3. Министерство по курортам и туризму Республики Абхазия. URL: <http://mintourism-ra.org> (дата обращения: 17.02.2021).
4. Цулая И.В., Кучер М.О. Маркетинговое исследование туристского рынка Гудаутского района Республики Абхазия методом анкетирования 2014 // Изв. Сочинского гос. ун-та. 2014. № 4-1 (32). С. 123-133.
5. Цулая И.В., Кучер М.О., Максимов Д.В. Анализ туристского рынка г. Пицунда Республики Абхазия в 2015 году // Вестн. нац. академии туризма. 2015. № 4 (36). С. 36-39.
6. Новостное агентство Sputnik-Абхазия. URL: <http://sputnik-abhazia.ru> (дата обращения: 17.01.2021).

Сведения об авторе:

Игорь Вахтангович Цулая, кандидат географических наук, доцент кафедры Географии Абхазского государственного университета, ул. Университетская дом 1, г. Сухум, Республика Абхазия

Igor V. Tsulaia, Associate Professor of the Department of Geography at Abkhaz State University, The Republic of Abkhazia, Sukhum, Universitetskaya St. 1

E-mail: T.I.V.2013@mail.ru

УДК 338.48

С.А. Шабалина
S.A. Shabalina

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ КОМПРОМИСНЫХ РЕШЕНИЙ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE THEORY OF ACCEPTANCE COMPROMISE SOLUTIONS

В данной статье делается попытка применения теории компромиссных решений в совершенствовании функционирования туристских систем. В современных условиях различные подходы к управлению приобретают жизненно важное значение. В современном мире необходимо пересмотреть механизмы принятия решений для управления туристскими системами. Таким эффективным инструментом представляется компромисс. Определение сущности понятия «компромисс» в туристской системе позволяет отыскать решение для устойчивого функционирования территориальной системы. Туристская система, выступая частью более сложноорганизованной территориальной системы не может функционировать изолированно. Для нее характерны «входы» и «выходы» и любая попытка проводить односложную туристскую политику для поддержания и развития туристской отрасли может привести к потере баланса экономической устойчивости. Общественные интересы являются главным побудительным мотивом социальной и экономической деятельности и выступают как выражение отношения носителей интересов к условиям их существования, их положению и роли в общественных отношениях. С другой стороны они могут быть выражены в форме потребностей – материальных или нематериальных в зависимости от условий

существования. Это позволяет прояснить роль интересов в развитии общества.

This article is an attempt to apply the theory of compromise solutions to improve the functioning of the tourism system. In modern conditions, different approaches to management are becoming vital. In today's world it is necessary to review the decision-making mechanisms for the management of tourist systems. Compromise seems to be such an effective tool. Defining the essence of the notion of "compromise" in the tourist system allows you to find a solution for the sustainable functioning of the territorial system. Travel system performs part of a complex structural territorial system can not function in isolation. It is characterized by "inputs" and "outputs" and any attempt to carry out monosyllabic tourism policy for the maintenance and development of the tourist industry can lead to the loss of balance of economic stability. Public interests are the main motive of social and economic activities and act as an expression of the interests of the holders of the conditions of their existence, of their position and role in social relations. On the other hand, they can be expressed in the form of needs - material or non-material, depending on the conditions of existence. This makes it possible to clarify the role of interest in the development of society.

Ключевые слова: туризм, управление, теория компромиссов, принятие решений, туристская система, территориальная система.

Key words: tourism, management, the theory of compromise, decision-making, the tourism system, territorial system.

Понятие управления в современном мире становится одним из фундаментальных, что в полной мере можно отнести и к туристской отрасли. Общая теория систем определяет управление как функцию системы, направленную на сохранение ее основного качества (т.е. совокупности свойств, определяющих систему как реальный объект системного характера) в условиях меняющейся среды, либо на выполнение некоторой программы, связанной с достижением заданной цели. Следует отметить, что понятие управления не формализовано настолько, чтобы можно было дать его точное и при этом достаточно четкое определение. Процесс управления сложен – можно выделить следующие основные его этапы: сбор и обработка информации; ее анализ; диагноз и прогноз; синтез и установление на этой основе цели (целей); принятие решения, направленного на достижение цели; последовательная конкретизация принятых решений в виде прогнозирования, планирования, проектирования и выработки конкретных управленческих решений; организация выполнения решений; контроль за выполнением; новый цикл этого непрерывного в идеале процесса.

Проблемы управления многообразны и они по-разному проявляются и решаются в различных сферах человеческой деятельности [1]. Еще более специфичны они в туристской отрасли. В самом общем виде следует, очевидно, понимать как процесс разработки и реализации экономико-социальной политики с учетом региональных особенностей и с привлечением методов изучения и оценки потенциала территории. Особенность туристской отрасли состоит в том, что она прямо или опосредованно связана более чем с 40 отраслями народного хозяйства [5].

Таким образом, одной из важных проблем управления в туристской отрасли является согласование отраслевых и территориальных интересов. Одной из характерных черт сложноорганизованных систем, как известно, является их несводимость к одной какой-либо иерархической структуре. Наличие наряду с территориальными структурами также и структур отраслевых порождает крайне сложную проблему отыскания такой структуры управления, которая в наибольшей мере способствовала бы сочетанию и согласованию интересов как территориальных, так и отраслевых (туристской) на всех уровнях иерархии [3]. Всякая попытка проводить особую отраслевую (туристскую) политику, основанную только на учёте местных условий несостоятельна как в научном, так и практическом плане. Таким образом, в региональном развитии одной из важных проблем управления остается согласование отраслевых (туристских) и территориальных интересов, что можно трактовать как проявление общей проблемы согласования интересов в развитии территории (региона).

В этом плане региональное управление с существующими функциями и рычагами управления в настоящее время вполне может обеспечить процесс комплексообразования туристской отрасли, в частности, если мы будем о республике Татарстан. Познание механизмов формирования территориальных систем одной из подсистем которой выступает туристская, процесса ее формирования и развития и создания на этой основе теории геосистем как концептуальной базы решения актуальной задачи пространственной организации общества признается в настоящее время одной из важнейших задач современной географической науки [7]. Ввиду этого в теоретическом и методическом плане целесообразно выяснить особенности процессов управления именно в классе туристских систем, а в связи с этим, установить

прежде всего некоторые ее особенности, существенные при рассмотрении ее как объекта управления.

Очевидно, что со всё большим возрастанием количества исследований по изучению развития и формирования туристской отрасли в различных регионах страны, и большого количества научных, научно-методологически и практикоориентированных публикаций о туризме, в научном мире формируется понимание необходимости применения всего комплекса знаний для изучения региона [5, 7].

Получается, что туристская система, является частью более общей системы – региональной. Выделение подсистемы означает введение границ, которых на самом деле не существуют, переход одной системы в другую происходит непрерывно, четкие границы между ними скорее исключение, чем правило (рис.1).

Рис. 1. Система взаимодействия (I-ландшафтной, II – материальной и III – непроеизводственной) сфер жизнедеятельности общества, определяющих местоположение туристской системы (составлено автором)

Таким образом, туристскую подсистему в региональной системе можно представить как совокупность элементов природы, населения и хозяйства, которая сформировалась как результат

взаимодействия природной и социально-экономической подсистем, подчиняющихся своим законам функционирования и развития. Но одновременно это же взаимодействие обуславливает тот факт, что явления и процессы в туристской сфере выступают как результат суммарного действия как естественных, так и общественных причин, что и определяет методическую необходимость их научного изучения.

Управление туристской сферой региона требует самого глубокого познания процессов, протекающей в ней, выявления наиболее существенных зависимостей, закономерностей и отношений, определяющих ее состояние и развитие. В полной мере это возможно при формализованном представлении окружающей среды в диалектическом единстве природной и социально-экономической составляющих. Такие взаимодействия возможно представить с помощью моделирования, подходы же и способы реализации его могут быть различными и отражать те или иные концептуальные представления об объекте исследования и внутренней логике процесса научного познания. Одним из подходов, реализующих принцип моделирования взаимодействий, является подход, основанный на представлении о существовании несовпадающих интересов в системе и об объективных возможностях их согласования.

Если представить, что туристская система, формируется на определенной территории (республики Татарстан) в результате взаимодействия качественно различных образований – природной и социально-экономической, то именно взаимодействия, проявляющиеся в обмене информацией, энергией и т.п. определяют ее дальнейшее формирование, функционирование и развитие с эмерджентными свойствами [8]. При этом очень существенно то, что процессы взаимодействия и функционирования всякого объекта – это, в первую очередь, его деятельность, направленная на выполнение им своих функций. С системных позиций функция объекта может рассматриваться как роль, отведенная с позиций региональных требований, которым данный объект должен подчиняться в силу своего положения в существующей иерархии региональной системы. В то же время наряду с функцией объекта следует различать его интересы, т.е. некоторые собственные представления о состояниях, наиболее предпочтительных для него и о способах достижения таких состояний. Важно подчеркнуть, что интересы объекта, в отличие от его функций, определяются не

местом объекта в системе, а его самыми глубокими внутренними свойствами и особенностями восприятия им сложившихся в системе условий [10].

Общественные интересы являются главным побудительным мотивом социальной и экономической деятельности и выступают как выражение отношения носителей интересов к условиям их существования, их положению и роли в общественных отношениях. Они всегда осознаны их носителями и выражены в той или иной форме, т.е. переведены на язык конкретных экономических, политических, социальных и иных требований, программ, концепций и т.п. С другой стороны они могут быть выражены в форме потребностей – материальных или нематериальных в зависимости от условий существования. Это позволяет прояснить роль интересов в развитии общества.

Подход к исследованию процессов взаимодействия в туристской системе, основанный на понятии интересов их составляющих дает возможности для содержательного анализа и объяснения моделей взаимодействия. Поскольку место и роль каждого элемента туристской системы определяются его положением в сложившейся структуре, то его функции и интересы могут и не совпадать, что чаще всего и происходит в реальности. Таким образом, в туристской системе можно выявить два типа противоречий, вызванных несовпадением интересов. Во-первых, противоречия между функциями и интересами элементов, обусловленные соотношением имманентных и эмерджентных свойств системы. Во-вторых, противоречия связанные с конкуренцией в процессе потребления вещества, информации и энергии [9]. Всякое несовпадение интересов в системах можно рассматривать как конфликт, наличие его порождает проблему управления им – проблему согласования интересов, которая по существу сводится к отысканию компромисса – наиболее разумного и приемлемого. Получается, что несовпадение интересов можно рассматривать как конфликт, а его разрешение – процесс согласования, как некоторый компромисс между носителями интересов.

Таким образом, взаимодействия в системе можно трактовать как результат стремления различных элементов и иерархических уровней обеспечить по возможности наименьшее расхождение между реальными условиями их существования и желательными, диктуемыми их интересами. С этих позиций и существующая

современная ситуация может рассматриваться как некоторый результат взаимоотношения интересов и формирования на основе этого определенной совокупности условий.

Характер несовпадения интересов определяет особенности взаимодействия. Поэтому более разумным со всех точек зрения является попытка отыскания компромисса, в той или иной степени устраивающего все конфликтующие стороны. Решение данной задачи имеет два аспекта: тактический и стратегический. Первый связан с согласованием сформировавшихся интересов, второй – с управлением формированием интересов с целью их сближения между собой. Можно, очевидно, предположить, что «подвижность» интересов должна быть тем большей, чем ниже иерархический ранг уровня, поскольку существенный пересмотр интересов высоких уровней иерархии может означать качественно новые, отличные от прежних цели и смысл существования региональной системы. Интересы разных уровней иерархии различны, но в конечном итоге они сводятся к желанию наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. В этих условиях процесс экономического и социального развития представляет собой процесс согласования эмерджентных интересов общества с имманентными интересами его отдельных элементов.

Очевидным примером столкновения интересов может служить ситуация, когда суммарная потребность в каком-либо ресурсе превосходит его наличие [2,8]. Между потребителями дефицитного ресурса (это могут быть минеральные, водные, земельные, биологические, рекреационные, трудовые, финансовые, элементы инфраструктуры и т.п.) возникает конфликт, решение которого предполагает формулировку критерия качества компромисса, что сводится к расстановке приоритетов. В этом случае, проявляется координирующий характер более высокого уровня иерархии по отношению к более низким уровням.

Еще одним примером несовпадения интересов можно считать интересы территориальной (региональной) и отраслевых (туристской) систем. Интересы отрасли (в нашем случае – туристской) проявляются в ее стремлении развиваться и размещаться по территории в соответствии со своей спецификой, следуя факторам размещения для более успешного функционирования и развития [3,6]. Социально-экономическая ситуация территории, развитие рекреации и туризма тесно связаны между собой. Так, регион выступает средой, в которой

разворачивается рекреационная деятельность, а социально-экономические условия определяют процессы формирования. Успех отрасли зависит от оснащенности материально-технической базы, её соответствия общепринятым стандартам и требованиям. Рекреационный ресурс - это лишь одно из звеньев в цепи: природный или социально-технический объект - условия отдыха - ресурсы - фонды. Переход от условий рекреационной деятельности к ресурсам связан прежде всего с осмыслением хозяйственной ценности анализируемых объектов, их пространственно-временных характеристик, экономических возможностей освоения.

Любая попытка отрасли (туристской) «внедрится» на эту территорию или расширить свое присутствие на ней неизбежным образом отразится на состоянии природной и социально-экономической составляющих территории (региона), на формах и интенсивности их взаимодействия. Эти изменения могут быть благоприятными для территории (региона) – создание новых рабочих мест, развитие туристской инфраструктуры, модернизация дорожной сети, поступления в местный бюджет денежных средств в виде налогов, улучшение условий жизни населения и т.д. Однако, этот процесс «внедрения» может иметь и негативные стороны – ухудшение экологической ситуации, обострение транспортных проблем, трудности с водо- и энергообеспечением, а возможно и других условий функционирования ранее сложившихся на данной территории. Оценка и отношении территории к такого рода процессам и их последствиям и составляет проявление интересов в данной ситуации. Территория региона (республика Татарстан), имеющая собственный орган управления, очевидно имеет четкое осознание и представление о формулировке интересов региональной системы.

Литература

1. Инфраструктурные проекты как инструмент сглаживания пространственной поляризации в регионе // Зиновьева А.А., Михеева Е.Е. Шабалина С.А. Казань: ИД «МеДДоК», 2018- 136 с.
2. Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы. / Л.Ю. Мажар.- Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.
3. Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты // под ред. Ю.Г. Липеца, С.Б. Шлихтера. – М.: ИГ РАН, 1997. – 154с.
4. Пространственная организация рекреационной системы: теоретико-методологические подходы // СА Шабалина, АМ Трофимов - Проблемы региональной экологии, 2009 № 2 с.78-82.

5. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сб. ст. / Родоман Б.Б.— Смоленск: Ойкумена, 2002.—335с.
6. Территориальные аспекты развития туризма в Республике Татарстан СА Шабалина, ВА Рубцов, ЭИ Байбаков - Казань: Отечество, 2014 – 160с.
7. Трофимов А.М. Геоситуационный подход и структура географического пространства времени/ А.М.Трофимов //Новые подходы к структурно-динамическим исследованиям геосистем.-Приазовье, 1989.- С.3-7.
8. Туризм и отраслевые системы./Под ред. И.В. Зорина, В.А. Квартальнова и др.. М.: Финансы и статистика, 2002.- 272 с.
9. Хаггетт П. Общая география: глобальный синтез / П. Хаггетт, А. Скопин.—Harlow: Pearson education ltd., 2005.—352 с.
10. Шабалина С.А. Пространственная организация рекреационной системы: теоретико-методологические подходы/ А.М. Трофимов, С.А. Шабалина//Проблемы региональной экологии, 2009, № 2. – С. 78-82.
11. Шарыгин М.Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования)/ М.Д. Шарыгин. – Пермь: изд-во Пермского университета, 1992. – 204 с.

Сведения об авторе:

Светлана Александровна Шабалина, кандидат географических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанского федерального университета, 420078 г. Казань, ул. Ильича д.19/43 кв.375

E-mail: sshabalina74@gmail.com 89674625612

УДК 338.48

Т.Ф. Щучкина, А.В.Коновалова
T.F. Shchuchkina, A.V. Konovalova

ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

TOURISM AS A PROMISING AREA OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND JAPAN

В настоящее время туризм становится важной составляющей социально-экономической и политической жизни стран. В данной статье представлены труды России и Японии, которые направлены на развитие

экономического сотрудничества между державами в сфере туризма, а также автор указывает на необходимость решения ряда основных задач, препятствующих развитию роста взаимного туристского турпотока между странами.

Currently, tourism is becoming an important component of the socio-economic and political life of countries. This article presents the works of Russia and Japan, which are aimed at the development of economic cooperation between the powers in the field of tourism, and the author points out the need to solve a number of main problems that impede the development of the growth of mutual tourist traffic between countries.

Ключевые слова: *Туристский поток, туризм между Россией и Японией, проблемы, перспективы, сотрудничество.*

Key word: *Tourist traffic, tourism between Russia and Japan, problems, perspectives, cooperation.*

Долгое время Япония оставалась закрытой территорией для туризма. На мировом туристском рынке Япония была известна, как страна со значительным преобладанием выездного туризма над въездным, а японские туристы считались одними из самых расточительных. Учитывая глобальные изменения в мировой экономике и политике, японское правительство решило направить свои усилия на развитие въездного туризма, поставив перед собой цель стать туристической сверхдержавой, вследствие чего обратила свой взор на Российскую Федерацию, как на перспективного партнера.

Отношения между Россией и Японией в целом можно охарактеризовать как неустойчивые, где большое влияние оказывает геополитическая обстановка между странами и введение санкций против России из-за признания независимости Крыма. В 2017 г. произошли важные события, которые вывели политические отношения между державами на качественно новый уровень. С 1 января 2017 г. правительством Японии было решено упростить визовые формальности для граждан РФ, где были исключены требования предъявления гаранта, а также появилась возможность получения многократной визы. Упрощение визового режима не просто вызвал интерес у российских туристов к Японии, а уже показал впечатляющий результат: за первый год российский турпоток вырос на 40,8%, показав максимальную активность турпотока в Японию за всю её историю.

В сентябре 2017 г. на крупнейшей туристической выставке JATA Japan Tourism EXPO в Японии произошло открытие

Национального туристского офиса Visit Russia, что усилило маркетинговую активность российского турпродукта на японском туристическом рынке. В ходе этого события в Токио 21 сентября 2017 г. были подписаны два документа, направленные на увеличение турпотока между Россией и Японией на 2017–2019 гг., была поставлена цель достичь в 2018 г. уровня 220 тыс. туристов в обоих направлениях (на 2019 г. прогноз составил 250 тыс. туристов в обоих направлениях), а также провести «Неделю эногастрономического туризма» в двух странах (японская гастрономическая неделя проводилась в сентябре 2018 г. в Москве и Екатеринбурге, а российская гастрономическая неделя в ноябре 2018 г. в Токио).

Подписание документов демонстрирует активность развития туризма между Россией и Японией. За 2017 г. российский турпоток в Японию вырос на 40,8%, а японский турпоток в Россию на 26,8%, что свидетельствует об успешных совместных действиях Федерального агентства по туризму РФ и Японского агентства по туризму.

В целях взаимного продвижения и расширения туристического обмена между странами 16 декабря 2016 г. была достигнута договоренность о проведении в 2018 г. «Года России в Японии» и «Года Японии в России». В рамках перекрестного года был запланирован ряд ярких событийных мероприятий, которые отражали богатую историю, культуру и самобытные традиции народов России и Японии, а также современную жизнь наших стран, их достижения в экономике, спорте, образовании, здравоохранении и науке. За перекрёстный год и в России, и в Японии было успешно проведено более 700 различных мероприятий, в которых приняли участие более 1,6 млн чел. Проведение перекрёстного года Японии и России послужило укреплению взаимопонимания между народами обеих стран, способствовало установлению прямых контактов между людьми, и в целом, укреплению добрососедских связей между двумя странами. На церемонии закрытия перекрестного года было решено о начале первого в истории японо-российского года межрегиональных обменов с 2020–2021 гг. с желанием распространения двусторонних контактов по всем уголкам обеих стран.

Для поддержания российских туроператоров, работающих в направлении Японии, японским правительством было решено с 1 октября 2018 г. ввести новые облегчения визовой процедуры для граждан РФ, где нововведения коснулись только групповых туров.

Для групп от трёх человек, организуемыми российскими туристическими компаниями, был сокращен список документов для получения японской визы.

Рис. 1. Российский турпоток в Японию (составлено автором по данным Японской национальной туристической организации JNTO)

Следующим этапом в отношениях между странами стало подписание соглашения о сотрудничестве между Российским союзом туриндустрии и Японской национальной туристической организацией JNTO 14 мая 2019 г. в Токио, где стороны договорились об организации ряда мероприятий для развития туризма и увеличения взаимного турпотока, а также углубления дружеских отношений. Меморандум о сотрудничестве будет действовать до конца марта 2021 г.

Следует отметить, что росту взаимного турпотока поспособствовало увеличение частоты рейсов из городов Дальнего Востока (Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска), расширение полетной программы из Новосибирска, открытие прямых рейсов из Иркутска, появление новых авиакомпаний («Уральские авиалинии» и «All Nippon Airways»), а также более вместительные самолеты из Москвы. Из-за возрастающей конкуренции на российско-японском направлении авиакомпаниями

были снижены цены на авиабилеты, благодаря чему перелеты между странами стали более доступными для туристов.

Рис. 2. Японский турпоток в Россию (составлено автором по данным Федерального агентства по туризму Российской Федерации)

С 1 сентября 2019 г. правительством Японии были введены меры по смягчению визового режима для граждан РФ, которые нацелены на штатных сотрудников российских компаний, научно-исследовательских и других организаций, имеющих отношения к реализации Плана сотрудничества из 8 пунктов (включая расширение гуманитарных обменов и медицинских услуг), а также на сотрудников российских компаний, которые в 2018 г. принимали участие в стажировках, организованных японским правительством в рамках Плана сотрудничества. Таким образом, лица относящиеся к этим категориям граждан, смогут получить многократные визы максимальной продолжительностью до 5 лет в зависимости от цели поездки.

Наибольшей привлекательностью у японских туристов пользуется Дальний Восток и Сибирь, а Европейская часть России до сих пор остается менее популярным направлением. Для решения этой проблемы было решено, что с 2021 г. на всей территории России для граждан Японии будет действовать режим электронных виз, содействующих упрощению поездок японским туристам (с 2018 г. гражданин Японии мог получить электронную визу только на ряд субъектов РФ).

Японская национальная туристическая организация JNTO за последние годы на российском рынке провела колоссальные работы для увеличения российского турпотока в Японию: были выполнены новые услуги, расширена маршрутная программа полетов из России в Японию,

а также были снижены цены на авиаперелеты и туристический продукт. Для усиления роли Японии на российском рынке как туристическом направлении, Японская национальная туристическая организация JNTO проводила различные семинары с российскими туроператорами и турагентами, предоставляла им всю необходимую информацию для создания востребованного японского турпродукта, а также оказывала помощь в поиске надежных партнеров, уделяла большое внимание налаживанию партнерских отношений с российскими государственными структурами и представителями туристской отрасли.

Несмотря на рост взаимного турпотока, существует целый ряд факторов, препятствующих развитию туризма между странами. Японскому правительству необходимо решить ряд основных задач, направленных на устранение проблем, которые мешают российским туристам приехать в Японию, а именно: снижение цен на туристский продукт; предоставление легкодоступной информации для туристов не только на английском языке, но и на русском языке; развеять устоявшиеся стереотипы о стране и способствовать расширению полетной программы авиакомпаний из различных регионов РФ.

Российской Федерации для удержания и увеличения японского турпотока в страну необходимо направить свои усилия на решение следующих задач: модернизация и строительство туристской инфраструктуры; улучшение нормативно-правового регулирования в сфере туризма, направленного на поддержку развития системы обеспечения безопасности туристов, повышения качества туристских услуг и их доступности для всех слоев населения; подготовка кадров и содействие повышению квалификации специалистов в сфере туризма; разработка и реализация маркетинговой стратегии, направленной на популяризацию России на японском туристском рынке и формирование представления о России как о стране, благоприятной для отдыха и путешествий.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Япония и Россия ныне демонстрируют поразительный интерес друг к другу, пытаются укрепить партнерские отношения и расширить сотрудничество в сфере туризма, что открывает благоприятные перспективы для дальнейшего роста взаимного турпотока. Туризм между двумя странами сегодня активно развивается, с каждым годом взаимные турпотоки растут, усиливается культурный обмен, политические отношения между странами устойчивы, что в совокупности дает хорошую основу для дальнейшего развития экономического сотрудничества между Россией и Японией в сфере туризма.

Литература

1. Год Японии в России [Электронный ресурс]: Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/index.html>. – Дата обращения 07.05.2020.
2. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии [Электронный ресурс]: Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.mlit.go.jp/toukeijouhou/chojou>. – Дата обращения 21.04.2020.
3. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/activity/state_programs/-/asset_publisher. – Дата обращения 28.04.2020.
4. Правительство Японии [Электронный ресурс]: Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.japan.go.jp/sustainable/infrastructure>. – Дата обращения 25.04.2020.
5. Японская национальная туристическая организация JNTO [Электронный ресурс]: Официальный сайт. – Режим доступа: <https://visitjapan.ru/wheretogo/regions>. – Дата обращения 08.05.2020.

Сведения об авторах:

Татьяна Федоровна Щучкина, магистрант кафедры экономической, социальной и политической географии Института географии, геологии, туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

E-mail: tanushka085@yandex.ru, тел. 8(918)695-11-28

Анна Витальевна Коновалова, преподаватель кафедры экономической, социальной и политической географии Института географии, геологии, туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

E-mail: konovalovann18@mail.ru, тел. 8(918)332-91-93

УДК 911.3:338.48(470.75)

И.М. Яковенко, Н.В. Страчкова
I.M. Yakovenko, N.V.Strachkova

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

FEATURES OF THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE HEALTH AND RESORT COMPLEX OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Рассмотрены современные тенденции развития санаторно-курортного комплекса Республики Крым, в т.ч. изменения в функциональной и территориальной структуре, лечебной специализации и ценовой политике. Определены актуальные проблемы и перспективы.

The article considers the current trends in the development of the health and resort complex of the Republic of Crimea, including changes in the functional and territorial structure, medical specialization and pricing policy. The current problems and prospects are identified.

Ключевые слова: санаторно-курортный комплекс, функциональная структура, территориальная структура, трансформация, Республика Крым.

Key words: health and resort complex, functional structure, territorial structure, transformation, Republic of Crimea.

Богатый ресурсный рекреационный потенциал территории и исторические традиции хозяйственного освоения на протяжении двух столетий определяли статус Крыма как общероссийской здравницы. К середине 1980-х гг. сформировалась в общих чертах функциональная структура санаторно-курортного комплекса (климато- и грязелечебная рекреация, оздоровительная купально-пляжная рекреация); территориальная структура рекреационного освоения сформировалась в виде локальных систем с высокой концентрацией рекреационных функций, имеющих тенденцию к развитию курортных агломераций (Б. Ялта, Б. Алушта). В постсоветский период под влиянием негативных социально-экономических процессов отмечалось ослабление лечебной функции крымских курортов и усиление сезонной оздоровительной специализации: согласно социологическим опросам 2016 г. отдых у моря в качестве главной цели приезда отметили 84,2% респондентов [1]. С начала 2000-х гг. многие крымские курорты переживали период устаревания туристского продукта, характерный для европейских староосвоенных курортов, что усугубилось значительным физическим и моральным износом материально-технической базы многих санаторно-курортных объектов региона.

Новые геополитические и социально-экономические реалии определяют необходимость инновационной трансформации структуры и территориальной организации санаторно-курортного комплекса Р. Крым. Данный процесс обусловлен также наметившейся тенденцией к росту мотивации к санаторно-курортному лечению россиян в Крыму (27%

опрошенных в 2018 г. [2]) и государственной поддержкой лечебного туризма как направления, способного обеспечить круглогодичный и более прибыльный региональный туристский продукт.

В 2019 г. в Р. Крым функционировало 109 санаторно-курортных объектов. Для сравнения: в 2000 г. – 266 объектов, в 2009 г. – 551. На протяжении 2000-2010 гг. число санаториев сократилось на 11 единиц, но число баз отдыха выросло за тот же период на 22 единицы, а число пансионатов – на 29. В 2010-2020 гг. отмечалось закрытие или перепрофилирование санаторно-курортных объектов и быстрый рост объектов гостиничного типа, особенно частных мини-отелей и гостевых домов. Кочный фонд санаторно-курортного комплекса Р. Крым в 2019 г. составил 43,6 тыс. мест (в 2009 г. – 84,8 тыс. мест). Подавляющая часть санаторно-курортных учреждений представлена государственными учреждениями (ГБУ, ФГБУ, ГУП, государственные акционерные общества), и лишь 30% учреждений находится в частной собственности.

Общественно-географическое изучение санаторно-курортного комплекса Р. Крым позволило выявить следующие тенденции:

1. С 2016 г. объем рынка санаторно-курортных услуг стабильно растет (рис. 1). Показатели деятельности санаторно-курортных учреждений Республики Крым демонстрируют положительную динамику: численность размещенных лиц за рассматриваемый период увеличилась практически вдвое – с 422,6 тыс. чел. до 827,5 тыс. чел., при этом 98,4% из них получили санаторно-курортную услугу по путевке. Число ночевков возросло с 5887,2 тыс. до 6850,1 тыс. Основными потребителями услуг являются жители регионов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

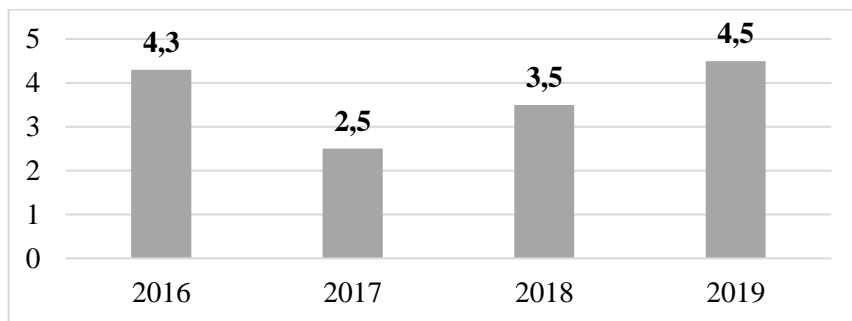

Рис. 1. Динамика объема рынка санаторно-курортных услуг Республики Крым, млрд. руб., 2016-2019 гг. [3]

2. Ключевой проблемой для многих санаторно-курортных объектов региона остается устаревшая инфраструктура и слабая диверсификация услуг. Собственный оборудованный пляж, крытый бассейн, SPA-центр, фитнес-центр, конференц-зал и анимационные площадки имеют далеко не все крымские санатории и пансионаты. Состояние материально-технической и лечебной базы в значительной мере определяет степень attractiveness учреждения и его загруженность. Среднегодовая загрузка Топ-20 крымских санаториев составляет 68%, однако в современных профильных здравницах, имеющих диверсифицированное предложение с круглогодичными SPA-программами, она превышает 80% («Сакрополь», «Полтава-Крым», Саки, «Ай-Даниль», «Сосновая роща», Ялта и др.). Программы модернизации тормозятся отсутствием у учреждений собственных финансовых ресурсов и проблемами в привлечении инвесторов.

3. Система санаторно-курортного лечения в Крыму нуждается в корректировке лечебного профиля здравниц. Сегодня доля общетерапевтических санаторно-курортных учреждений составляет 32,9%, среди других направлений выделяются лечение органов дыхания (29,3%), туберкулеза (15,7%), болезней опорно-двигательной системы (7,9 %). В то же время только треть крымских санаториев указывают кардиологию в качестве одной из специализаций, а основной она является лишь у 6% санаторно-курортных учреждений. Заметим, что в России от проблем с сердечно-сосудистой системой страдают более 25 млн россиян, а болезни системы кровообращения занимают первое место среди причин смертности (46%). Неопределенной остается ситуация с туберкулезными здравницами на ЮБК.

4. Общая картина рекреационного освоения полуострова за последние 13 лет особых изменений не претерпела (рис. 2). В Р. Крым сохраняются три главных фокуса санаторно-курортного обслуживания: Южный (Ялта, Алушта), Западный (Евпатория, Саки), Юго-Восточный (Феодосия, Судак). На Восточное побережье приходится только 6% от общего числа санаторно-курортных учреждений, несмотря на то, что став «въездными воротами» полуострова, данный район стал принимать до 16% туристского потока (рис. 3). В Северо-Западном районе (Тарханкут) и Центральном районе (Горный Крым) лечебно-рекреационная функция практически не представлена. Устранению территориальных диспропорций может способствовать актуализация ресурсов (в т.ч. бальнео- и грязевых) в Восточном и Северном Крыму. К числу нерешенных проблем территориальной организации санаторно-курортного комплекса Крыма относится отсутствие четкого

функционального зонирования в генеральных планах развития курортов, что определило хаотичность санаторно-курортной застройки. Устранению территориальных диспропорций может способствовать актуализация ресурсов (в т.ч. бальнео- и грязевых) в Восточном и Северном Крыму. К числу нерешенных проблем территориальной организации санаторно-курортного комплекса Крыма относится отсутствие четкого функционального зонирования в генеральных планах развития курортов, что определило хаотичность санаторно-курортной застройки. Устранению территориальных диспропорций может способствовать актуализация ресурсов (в т.ч. бальнео- и грязевых) в Восточном и Северном Крыму. К числу нерешенных проблем территориальной организации санаторно-курортного комплекса Крыма относится отсутствие четкого функционального зонирования в генеральных планах развития курортов, что определило хаотичность санаторно-курортной застройки.

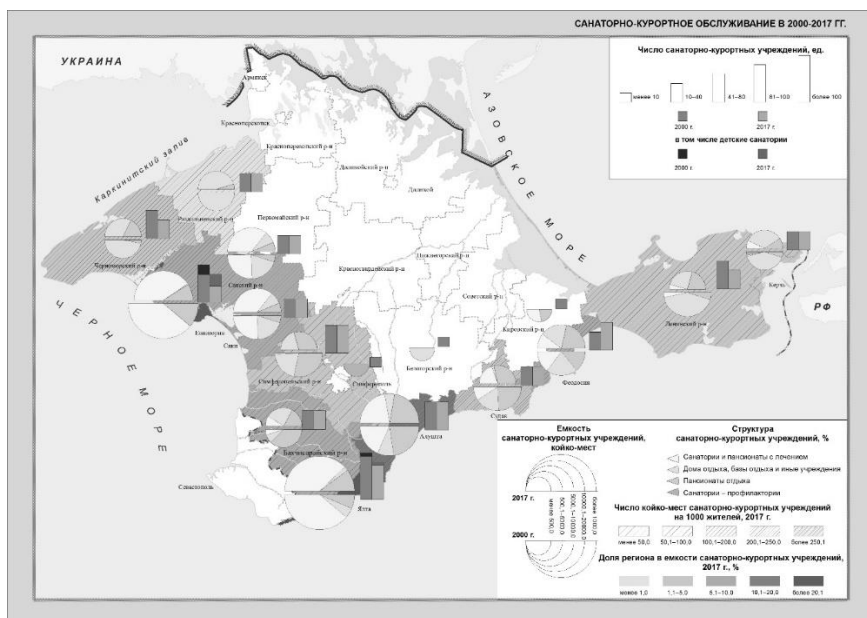

Рис. 2. Санаторно-курортное обслуживание в 2006-2017 гг. [4]

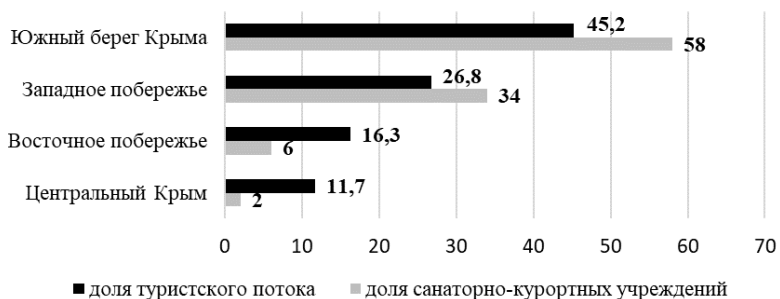

Рис. 3. Распределение туристского потока и числа санаториев по регионам Республики Крым, %, 2019 г. [5]

5. Объем платных санаторно-курортных услуг на душу населения в Крыму в 2016-2019 гг. вырос с 3,56 руб. до 4,52 руб., а рост цен на медицинские и санаторно-оздоровительные услуги (с 4 до 8%) опережал инфляцию по экономике в целом (с 2 до 3%). Цены на путевки дифференцируются по сезонам (табл. 1), но пока остаются недостаточно конкурентоспособными по критерию цена/качество в сравнении с аналогичными продуктами стран Причерноморья.

Таблица 1
Диапазоны цен на услуги Топ-30 санаториев Республики Крым в сезон 2019 г., руб.

Тип услуги	январь-апрель, ноябрь-декабрь	май	июнь-сентябрь	октябрь
Цена за сутки на стандартный двухместный номер	3000-8800	3940-11750	4510-14400	3400-10420
Цена за сутки на улучшенный двухместный номер	3400-10640	4200-13000	4400-20000	4175-11760
Цена за сутки на номер «Полудюкс»	4600-11500	4700-15500	6160-23000	4765-15120
Цена за сутки на номер «Люкс»	6000-24400	6160-30240	8600-35280	7200-30240

Источник: Booking.com

Вклад санаторно-курортного комплекса в социальное развитие региона оценивается как значительный. Он обеспечивает занятость около 40 тыс. человек (около 5% экономически активного населения Р. Крым, а с учетом эффекта мультипликатора существенно выше). Заработная плата работников санаторно-курортного комплекса Р. Крым, начиная с 2016 г., опережала рост средней заработной платы по РФ, но оставалась ниже уровня средней заработной платы по отрасли в стране

на 20% (в 2019 г. – 29, 172 тыс. руб. в государственных санаториях и 39,138 тыс. руб. в частных санаториях Р. Крым и 47,867 тыс. руб. в санаториях РФ) [7].

Стратегия процесса трансформации санаторно-курортного комплекса Крыма должна базироваться на использовании фактора уникальности климато- и грязелечебных ресурсов региона, высокой эффективности и инновационности лечебных методик здравниц по сравнению с зарубежными аналогами, постоянной модернизации и внедрения высоких стандартов обслуживания, использования гибкой ценовой политики.

Литература

1. Презентация Министерства курортов и туризма Республики Крым по итогам сезона 2016 г. // Министерство курортов и туризма Республики Крым: [сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/document/show/131>.
2. «Портрет» крымского туриста сезона 2018 года. Отчет Министерства курортов и туризма Республики Крым. Симферополь, 2019. 18 с.
3. Основные показатели деятельности санаторно-курортных организаций [Электронный ресурс] Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю / Официальная статистика. <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/Основные%20показатели%20деятельности%20санаторно-курортных%20организаций%20за%20январь-декабрь%202019%20года.pdf>
4. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://atlas-crimea.ru>, свободный. Загл. с экрана.
5. Официальный сайт Министерства здравоохранения Республики Крым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mzdrav.rk.gov.ru>

Сведения об авторах:

Ирина Михайловна Яковенко, доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

E-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Наталья Васильевна Страчкова, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

E-mail: natastrachkova@mail.ru

Научное издание

**XII научная Ассамблея
Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)**

13-18 сентября 2021 г.
г. Ижевск

Международная научная конференция
**«Настоящее и будущее России в меняющемся Мире:
общественно-географический анализ и прогноз**

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4, ауд. 207
Тел./факс.: +7(3412)500-295. E-mail: editorial@udsu.ru
Изд. центр «Удмуртский университет»

Подписано к печати
Формат Усл. п. л. Уч.-изд. л.
Тираж экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского центра «Удмуртский
университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.